Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1890 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

9.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1889.

Съ 1 Ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

ИЗДАНІЕ А. А. АБРИКОСОВА.

Программа журнала слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій Западно-Европейскихъ и Русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы на Русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ Дерпт. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. Пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены Психологическаго Общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. А. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Грингмутъ, Д. А. Дриль, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. Я. Кожевниковъ, проф. П. И. Ковальскій, М. С. Корелинъ, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. П. Шереметьевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 р., съ доставкою въ Москвѣ,—6 р. 50 к. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ—4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к.—Подписка будетъ приниматься съ 1 Сентября нын. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д, Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціи журнала „Русская Мысль" и въ магазинахъ „Новаго Времени" (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1889.

3.

Выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный Указатель въ концѣ третьей книги общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

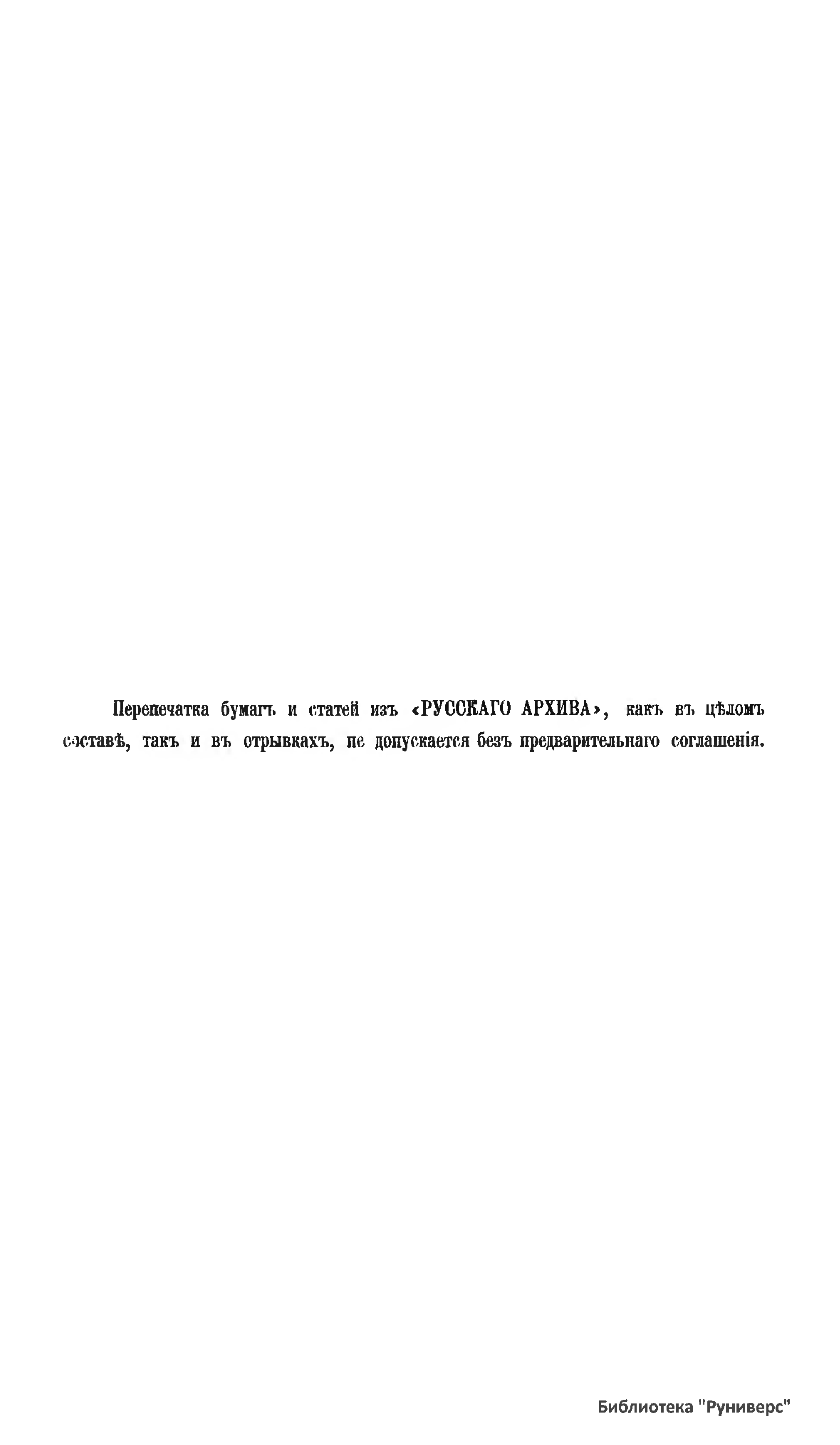
Петромъ Бартеневымъ.

Два чувства равно близки намъ;
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
Пушкинъ.

1889.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.



ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

(1759—1828).

I.

Происхожденіе императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Германскіе князья въ XVIII в.—Французское вліяніе въ Германіи и причины его распространенія. — Реакція и Фридрихъ Вильгельмъ I, король Прусскій.—Значеніе Пруссіи для Германіи.—Младшіе члены Германскихъ княжескихъ домовъ и обычная судьба ихъ.—Швабія и Виртембергъ до XVIII в.—Виртембергскій княжескій домъ въ XVIII в.: герцоги Эбергардъ-Людвигъ, Карлъ-Александръ.—Супруга Карла-Александра принцесса Турнъ-фонъ-Таксисъ и ея дѣти: Карлъ-Евгеній, Людвигъ - Евгеній и Фридрихъ-Евгеній.—Служба Фридриха-Евгенія въ Пруссіи и его бракъ съ Фридерикой-Доротеей, племянницей Фридриха II.—Роль Фридриха-Евгенія въ Семилѣтнюю войну и рожденіе его старшей дочери.

Императрица Марія Ѳеодоровна по происхожденію своему принадлежала къ міру мелкихъ Германскихъ княжескихъ домовъ. Мать ея, Фредерика-Софія, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго, была по своей матери родной племянницей Фридриха Великаго, а отецъ—Фридрихъ-Евгеній, находившійся съ молодыхъ лѣтъ на Прусской службѣ, былъ третьимъ сыномъ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго Карла-Александра. Бракъ ихъ заключенъ былъ въ Берлинѣ, въ 1753 году. Ни новобрачные, ни потомство ихъ, по условіямъ Германской жизни того времени, не могли, повидимому, разсчитывать на блестящую политическую будущность; но судьба рѣшила иначе. Фридрихъ-Евгеній, переживъ двухъ старшихъ братьевъ своихъ, умеръ въ старости владѣтельнымъ герцогомъ Виртембергскимъ; старшій сынъ его Фридрихъ (по милости Наполеона) сдѣлался первымъ королемъ Виртембергскимъ, а старшая дочь Софія - Доротея - Августа-Луиза—Русской императрицей подъ именемъ Маріи Ѳеодоровны.

Этому счастливому повороту предшествовали, однако, цѣлые десятки лѣтъ зависимаго и стѣсненнаго положенія. Жизнь Фридриха-Евгенія Виртембергскаго и его семейства сложилась первоначально подъ условіями, въ которыхъ находились въ XVIII вѣкѣ какъ Германія, такъ и ея княжескіе дома.

Раздѣленная Вестфальскими мирными договорами на триста мелкихъ владѣній (подвластныхъ, но только для виду, такъ называемому Римскому императору), Германія XVIII в., кромѣ двухъ крупныхъ державъ, Австріи и Пруссіи, пред ставляетъ любопытное зрѣлище множества князей и князьковъ различнаго чина: курфюрстовъ, герцоговъ, ландграфовъ, маркграфовъ и т. д. Весь этотъ княжескій міръ, за немногими исключеніями, справедливо вызываетъ порицаніе Нѣмецкихъ историковъ. Мало заботясь о благѣ подданныхъ, князья главное вниманіе обращали на содержаніе своего двора и на этикетъ, строгимъ соблюденіемъ всѣхъ мелочей котораго они думали оградить свое достоинство среди множества себѣ подобныхъ высшихъ и низшихъ фюрстовъ. Людовикъ XIV былъ для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Какъ выраженіе высшаго образованія, Французскіе нравы, языкъ и словесность проникли во всѣ Нѣмецкіе дворы. Каждый Нѣмецкій государь, какъ бы ничтожно ни было его владѣніе, старался устроить свой маленькій Версаль; ему казалось необходимымъ имѣть дорогую метрессу, содержать великолѣпную охоту и давать блестящіе праздники. Когда страна не могла покрывать всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ съ такимъ образомъ жизни, князья не стыдились находиться на жалованьи у иностранныхъ правительствъ или продавать имъ своихъ подданныхъ въ видѣ наемныхъ войскъ. Роскошному и напыщенному образу жизни ихъ соотвѣтствовала страшная распущенность нравовъ, также заимствованная у Французовъ; театральныя представленія, музыка, картины,—все проникнуто было ненасытимою чувственностію, все призывало къ эпикурейскому пользованію жизнію. Простота образа жизни, нравственность казались тогда синонимами грубости натуры и невѣжества. И дѣйствительно, Французское образованіе, проникавшее въ Германію и дѣйствовавшее на высшее Нѣмецкое общество, проявлялось прежде всего въ презрѣніи ко всему отечественному, въ ослабленіи семейныхъ узъ и въ крайней нравственной легкости офранцузившихся Нѣмцевъ; сама образованность такимъ образомъ отождествлялась, въ глазахъ Нѣмцевъ, съ безнравственностью. Въ Германіи XVIII в. мы видимъ завершающимся въ сущности тотъ же ходъ болѣзненнаго увлеченія иноземщиной, который немного позднѣе съ неменьшей силой развился и въ Россіи. Отпора не было ни откуда. Преобладали мелкія личныя выгоды князей и лицъ княжеской крови, которые смотрѣли на подавленный народъ какъ на платежную силу и средство для пополненія своихъ войскъ. Нѣмецкая словесность была еще въ зародышѣ, а Нѣмецкаго духа можно было бы искать развѣ въ многочисленныхъ, хотя и необильныхъ студентами университетахъ, гдѣ, по замѣчанію Шлоссера, «поддерживался педантизмъ, старинная рутина

и грубыя понятія цеха вмѣстѣ съ буйствомъ и пьянствомъ»[1]). Что касается до религіознаго воспитанія, то въ высшихъ слояхъ общества о немъ почти не думали; самые «князья церкви» подавали примѣръ крайне-легкомысленнаго отношенія къ дѣлу вѣры.

Безумная роскошь и одряхлѣвшій развратъ напыщенныхъ и своекорыстныхъ владѣтелей не могли не вызвать противодѣйствія въ грубыхъ, конечно, но здоровыхъ началахъ Нѣмецкаго народа. За Фридрихомъ Прусскимъ, страстнымъ поклонникомъ Людовика XIV, появился сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ I, истый Нѣмецъ, которому пришлись болѣе по душѣ суровая простота и практическій геній другаго его современника, Петра Великаго. Но, презирая Французскую образованность, въ которой видѣлъ источникъ нравственной заразы, онъ не менѣе презиралъ и Нѣмецкую науку, которая была въ его глазахъ мертвой, ни къ чему негодной ученостью. Онъ преклонялся предъ Петромъ, но, не имѣя его генія, впадалъ въ крайности. Однако, его дѣйствія благотворно отозвались на состояніи Германіи: мелочная муштровка солдатъ, доведенная до степени какъ бы художества, создала армію, которая потомъ била самихъ Французовъ, главныхъ враговъ Германіи; любовь къ деньгамъ и скаредность, лишавшая королевское семейство возможности даже сытно поѣсть, развила у Пруссаковъ бережливость и наполнила государственную казну милліонами, въ то время, когда у князей не было ничего кромѣ долговъ; наконецъ, уваженіе къ старой протестантской теологіи дало толчокъ къ поднятію воспитанія и сохраненію старыхъ преданій, поставившихъ Пруссію во главѣ протестантской Германіи. Допустивъ, по необходимости, воспитать своихъ дѣтей на Французскій ладъ, Фридрихъ, подобно нашему Петру, не хотѣлъ имѣть наслѣдникомъ сына, не сочувствовавшаго его политикѣ, и окружалъ себя постоянно Нѣмцами. Въ особенности не любилъ онъ, какъ дѣлали это фюрсты, употреблять для дипломатическихъ порученій Французскихъ или Итальянскихъ графовъ и маркизовъ, находя, что у него довольно Нѣмцевъ для завѣдыванія дѣлами и что щеголевато выраженный при иностранномъ дворѣ, на Французскомъ или Итальянскомъ языкѣ, комплиментъ не стóитъ тѣхъ денегъ, которыя онъ долженъ платить за него чужестранцу[2]). Когда борьба миновала свой острый періодъ, страсти улеглись, крайности сгладились, въ исходѣ оказалось проснувшееся сознаніе народнаго достоинства, разработка общечеловѣческаго

---

[1]) *Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія Французской имперіи, Спб. 1858 г., т. I, стр. 173.

[2]) *Шлоссеръ*, 1, 186.

просвѣщенія на своихъ, Нѣмецкихъ началахъ и, какъ слѣдствіе этого, пышный расцвѣтъ Нѣмецкой науки и словесности. Даже князья стали усвоивать себѣ по частямъ программу Фридриха, принимая изъ нея то, чтò болѣе нравилось и обѣщало болѣе выгодъ, напр. кропотливое изученіе мелочей военнаго дѣла. Но заботы объ умственной жизни Нѣмцевъ и нельзя было требовать отъ нихъ, когда ея не обнаруживалъ самъ Фридрихъ Великій, политическій патріотизмъ котораго не мѣшалъ ему презирать Нѣмецкую словесность и писать по-французски.

Протестантство и политическій Прусскій патріотизмъ, которые Фридрихъ Вильгельмъ I и Фридрихъ II положили въ основаніе своей политической системы, нашли себѣ въ скоромъ времени многихъ ревностныхъ сторонниковъ въ такой Германской средѣ, которая до этого времени, по своему положенію и усвоеннымъ взглядамъ, могла бы быть названа космополитическою, именно, въ средѣ мелкихъ Германскихъ владѣтельныхъ князей и особенно младшихъ членовъ ихъ семействъ. Не имѣя дòма никакого дѣла, а часто и средствъ къ приличному для своего сана существованію, они искали службы и счастья въ разныхъ государствахъ Европы. Болѣе счастливые изъ этихъ обиженныхъ судьбою принцевъ, при всей своей бѣдности и политическомъ ничтожествѣ, успѣвали заключать родственные союзы съ иноземными династіями. Это станетъ вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что, съ одной стороны, въ Германіи, при ея раздробленности, было несравненно больше династій, чѣмъ во всей остальной Европѣ, и что, съ другой, могущественныя династіи, изъ политическихъ причинъ, часто избѣгали родства между собой. Вотъ почему Германскіе принцы и принцессы съ самаго рожденія предназначались къ выгоднымъ бракамъ; родители ихъ привыкли ловить счастливую случайность и часто даже путемъ происковъ доставляли иногда дѣтямъ своимъ престолы первостепенныхъ Европейскихъ державъ. Поговорка, сложившаяся объ Австріи: «Bellum gerant alii, tu, felix Austria, nube» (пусть войну ведутъ другіе, а ты, счастливая Австрія, женись и выходи замужъ) — примѣнима ко многимъ Германскимъ династіямъ; такова, напр., судьба династій Ганноверской, Брауншвейгской и Голштинской; такова судьба и Екатерины II, которая, родившись дочерью мелкаго Ангальтъ - Цербстскаго невладѣтельнаго князя, находившагося въ Прусской службѣ, сдѣлалась самодержавной Русской императрицей. Менѣе счастливые князья иногда весь свой вѣкъ проводили на службѣ въ какихъ-либо государствахъ. Много ихъ было и въ Россіи, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно послужили усердно пріютившей ихъ странѣ. Но ближе всего имъ было искать службы въ Австріи и особенно въ Пруссіи, такъ какъ, будучи по боль-

шей части протестантами, они, естественно, имѣли съ ней болѣе точекъ соприкосновенія. Здѣсь эти служилые принцы, занимаясь исключительно военнымъ дѣломъ, вполнѣ подчинялись Прусскому вліянію, становясь, особенно въ рукахъ опытнаго въ проискахъ Фридриха II, важнымъ орудіемъ Прусской политики для достиженія ея цѣлей въ Германіи и даже за границею. Подчиненіе это доходило до того, что принцы сражались за Пруссію даже съ войсками родной своей страны, а католическіе принцы своихъ дѣтей крестили иногда по протестантскому обряду. Берлинъ при королѣ - Волтеріанцѣ сталъ Меккою протестантской Германіи, а въ этой Меккѣ можно было научиться только одному—работать pour le roi de Prusse. Слѣдуетъ прибавить, что за Нѣмецкими принцами, упрочившими свое положеніе въ чужой странѣ, тянулся туда же иногда цѣлый рядъ Нѣмецкихъ выходцевъ, преимущественно дворянскаго происхожденія, въ качествѣ друзей и дѣльцовъ. Эта иммиграція была всегда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ страна стояла ниже въ образованіи. Въ особенности много пріютила ихъ Россія, которой суждено бы въ то время видѣть Европу изъ Нѣмецкихъ рукъ.

Какъ Германскіе принцы, искавшіе счастья на чужбинѣ, такъ и сопровождавшіе ихъ Германскіе выходцы, принадлежали къ двумъ, рѣзко отличавшимся другъ отъ друга категоріямъ: одни смотрѣли на иностранную службу лишь съ точки зрѣнія наживы, будучи, такимъ образомъ, прежде всего, искателями приключеній; другіе, напротивъ, искренно привязывались къ пріютившей ихъ странѣ и старались честной и полезной дѣятельностью отблагодарить ее за гостепріимство. Впрочемъ, и тѣ, и другіе, конечно, не могли переродиться въ духовномъ смыслѣ и въ сущности оставались тѣми же Нѣмцами или космополитами, что̀ не могло не отражаться и на ихъ дѣятельности. Въ Русской исторіи мы встрѣчаемъ лишь немного исключеній изъ этого общаго правила; но за то это были блестящія, богато одаренныя натуры, душой и тѣломъ предавшіяся Россіи.

Эти общія замѣчанія о Германіи XVIII в. показались намъ нужны для уясненія главныхъ чертъ въ исторіи Виртембергскаго герцогскаго дома, изъ котораго происходила наша императрица Марія Θеодоровна.

Виртембергомъ изстари называлась небольшая земля, расположенная по верхнему теченію Дуная и Неккара и входившая въ составъ Швабіи. Эта обширная горная страна, съ рѣзкимъ и угрюмымъ ландшафтомъ, наложила печать и на своихъ обитателей, Швабовъ, издавна

отличавшихся буйнымъ, неукротимымъ характеромъ. Нигдѣ въ Германіи не развилось такого какъ здѣсь стремленія къ сословной и личной свободѣ и обособленности: каждое сословіе ревниво оберегало свои права и пріобрѣтенія. Благодаря близкому сосѣдству съ богатой Италіей, Швабія издавна пользовалась выгодами торговаго и военнаго посредничества между нею и Германіей. Постоянныя войны и широкія торговыя операціи способствовали неукротимости Швабскихъ рыцарей, жившихъ въ неприступныхъ замкахъ, и богатству большихъ Швабскихъ городовъ, укрѣпленныхъ толстыми стѣнами. Въ Швабіи же пользовались огромнымъ значеніемъ земство и церковь, сохранившая даже по принятіи Швабами лютеранства всю дисциплину и непреклонность, свойственныя католицизму. Что касается до Швабскихъ князей, то ихъ выдающаяся энергія, воспитанная вѣками борьбы между собою и съ непокорными сословіями, доказывается уже тѣмъ, что они были родоначальниками самыхъ славныхъ Германскихъ династій: Гогенштауфеновъ, Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Изъ мелкихъ владѣтелей, съ теченіемъ времени, выдѣлились и графы Виртембергскіе, которые получили затѣмъ герцогскій титулъ отъ императора Максимиліана въ 1495 г. «Они вѣчно дрались то съ императоромъ, то съ городскими и рыцарскими союзами, словомъ, со всѣмъ окружавшимъ ихъ свѣтомъ, и прозвища ихъ переносятъ насъ въ сказочный міръ синихъ бородъ и злыдней» [3]).

Но въ вѣкъ Людовика XIV и жизнь Виртембергскихъ герцоговъ совершенно измѣнилась по Французскому образцу. Это произошло въ малолѣтство герцога Эбергарда-Людвига (1677—1733), когда регентомъ былъ его дядя, принцъ Фридрихъ-Карлъ, о празднествахъ котораго во Французскомъ вкусѣ отзывались съ похвалой даже Парижскіе журналы того времени [4]). Самъ Эбергардъ-Людвигъ, достигнувъ совершеннолѣтія, предался роскошной и развратной жизни. Онъ не довольствовался метрессами и окончательно запятналъ себя связью съ г-жею фонъ-Гревеницъ; онъ вступилъ съ нею даже въ бракъ при жизни своей супруги и предоставилъ ей въ управленіе свою несчастную страну. Тогда былъ построенъ близъ Штутгарта, на подобіе Версаля, прекрасный увеселительный замокъ Людвигсбургъ, гдѣ давались пышные праздники. Въ то время, какъ доходовъ Виртемберга не доставало на удовлетвореніе мотовства герцога, Гревеницъ, при содѣйствіи министерства, со-

---

[3]) *Трачевскій*: Союзъ князей и проч. Вѣстникъ Европы, 1876 г., т. IV, стр. 742.

[4]) Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation von Dr. Eduard Vehse. 25-r Band, 4-te Abtheilung, 3-r Theil, 165—170.

ставленнаго изъ ея подручниковъ и находившагося подъ ея предсѣдательствомъ, хищнически управляла страною, продавая государственныя должности. Эбергардъ - Людвигъ умеръ, не имѣя наслѣдниковъ, и его преемникомъ сдѣлался двоюродный братъ его, сынъ бывшаго регента Фридриха Карла, Карлъ-Александръ (1733—1737), родной дѣдъ нашей Маріи Ѳеодоровны. Молодость свою онъ провелъ въ Австрійской службѣ, подъ знаменами Евгенія Савойскаго, и въ это время принялъ католичество. Поэтому при самомъ вступленіи на престолъ онъ долженъ былъ обезпечить права протестантской церкви въ Виртембергѣ, къ которой принадлежала большая часть его подданныхъ; но характеръ правленія остался тотъ же, что̀ и въ прошлое царствованіе: тоже забвеніе обязанностей правителя, тотъ же утонченный развратъ и безумная роскошь. Такъ какъ средства страны были уже истощены образомъ жизни Эбергарда-Людвига и управленіемъ Гревеницъ, то Карлъ-Александръ ввѣрилъ управленіе Виртембергомъ Еврею Іосифу Леви-Зюссу-Оппенгеймеру, который пріобрѣлъ его довѣріе еще въ Австріи и который взялся доставлять ему деньги. Можно представить себѣ весь ужасъ этого Еврейскаго управленія! Законы не имѣли никакого дѣйствія; новый любимецъ и его подручники высасывали послѣдніе соки изъ несчастной страны, глумясь надъ правосудіемъ и нравственностью, въ то время какъ герцогъ проводилъ все время въ кутежахъ и на охотѣ. «Какъ много терпѣли страна и бѣдный Виртембергскій народъ, говоритъ Шлоссеръ, можно судить по тому, что въ три года правленія герцога Карла-Александра и шайки негодяевъ, которымъ предалъ государство Еврей, продажа мѣстъ и грабежи всякаго рода, по свидѣтельству актовъ, принесли правительству болѣе милліона. Въ такую же сумму, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно оцѣнить вредъ принесенный охраненіемъ дикихъ звѣрей для охоты герцога: не смотря на то, что въ 1737 г., въ годъ смерти Карла - Александра, убито было 2500 оленей, 4000 разныхъ хищныхъ звѣрей и ланей и около 5000 кабановъ, въ слѣдующемъ 1738 году убытки жителей отъ княжескихъ охотъ оцѣнены въ 500000 гульденовъ [5]). Крайне невоздержной жизни не вынесло, наконецъ, и желѣзное здоровье Карла-Александра. Когда онъ умеръ въ 1737 году, то въ актѣ вскрытія его было сказано: «сердце, голова и прочее найдено въ совершенно здоровомъ состояніи; но грудь до того наполнена пылью, дымомъ и чадомъ карнавала и оперы, что suffocatio sanguinis было неизбѣжно» [6]).

---

[5]) *Шлоссеръ*, Исторія XVIII столѣтія, 1, 182—183.

[6]) Тамъ же, 183.

Отъ брака, заключеннаго въ 1727 году съ принцессой Маріей-Августой Турнъ - фонъ - Таксисъ, герцогъ оставилъ дочь (бывшую потомъ замужемъ за принцемъ Турнъ фонъ - Таксисъ) и трехъ малолѣтнихъ сыновей: Карла - Евгенія, Людвига - Евгенія и Фридриха-Евгенія. Всѣ три брата получили имя Евгенія въ честь принца Евгенія Савойскаго, подъ начальствомъ котораго былъ ихъ отецъ, находясь на императорской службѣ, и всѣ они послѣдовательно управляли Виртембергскимъ герцогствомъ. Младшему изъ братьевъ Фридриху-Евгенію, отцу императрицы Маріи Ѳеодоровны, суждено было сдѣлаться родоначальникомъ нынѣшняго Виртембергскаго дома. Различная судьба братьевъ въ значительной степени объясняется различіемъ въ ихъ характерѣ и воспитаніи, начало которому положено было ихъ матерью, герцогиней Маріей-Августой.

Герцогиня Марія-Августа, бабка нашей Маріи Ѳеодоровны, была одной изъ оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Вдумываясь въ противорѣчивые иногда отзывы о ней современниковъ, нельзя не видѣть, что она обладала энергической, кипучей и даровитой природой, совмѣщавшей въ себѣ противоположности, которыми такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ [1]). Мягкость, воспріимчивость женщины уживались въ ней съ твердостью и рѣшительностію мужчины; жажда свѣтскихъ удовольствій, всеобщее поклоненіе ея красотѣ, не мѣшали ей на университетскомъ диспутѣ возражать профессорамъ медицины съ приводившей всѣхъ въ изумленіе ловкостью и основательностью; поражая даже современниковъ своимъ веселымъ образомъ жизни, она у нихъ же пріобрѣла репутацію ханжи и, въ довершеніе всего, приняла званіе Мальтійскаго рыцаря. Будучи горячей поклонницей Французской литературы и раздѣляя увлеченіе современниковъ Французской образованностью, Марія - Августа и дѣтямъ своимъ дала Французское воспитаніе. Она приставила къ нимъ Французскаго гувернера, барона Монтольё, составивъ для руководства воспитаніемъ принцевъ подробное наставленіе. Изъ этого наставленія видно, что преподаваніе велось исключительно на Французскомъ языкѣ и во Французскомъ духѣ; требовалось не столько основательное знаніе изучаемыхъ предметовъ, сколько легкое, поверхностное, свѣтское образованіе. Нравственное вліяніе Французскихъ идей того времени также не могло миновать молодыхъ принцевъ, тѣмъ болѣе, что старшіе изъ нихъ должны были хорошо помнить дурныя отношенія между отцомъ

---

[1]) *Vehse*, 25-r Band, 4-te Abth., 3-r Theil, 227—232.- *Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія, II 173—174.—Mémoires de la baronne *d'Oberkirch*, t. I, 18—19.

и матерью, вынудившія Марію-Августу при жизни своего мужа даже перебраться съ дѣтьми на жительство въ Брюссель. Нельзя не сочувствовать жалобамъ Нѣмецкихъ историковъ на такое воспитаніе будущаго Виртембергскаго властителя, «отца-государя честныхъ и простодушныхъ Швабовъ» [8]); но въ то время, въ виду превосходства Французской образованности предъ Нѣмецкою, оно вовсе не казалось страннымъ, подобно тому какъ позже современнымъ Нѣмецкимъ же историкамъ не показалось страннымъ, что Александръ I, государь не менѣе «честныхъ и простодушныхъ» Русскихъ, составлявшихъ притомъ первый по численности народъ въ Европѣ, получилъ не-Русское, а космополитическое воспитаніе.

Плоды поверхностнаго Французскаго воспитанія и нравственной порчи молодыхъ принцевъ не замедлили сказаться на старшемъ изъ братьевъ, Карлѣ-Евгеніи, вступившемъ въ управленіе герцогствомъ, благодаря содѣйствію Фридриха II, въ 1744 году, когда ему было всего 16 лѣтъ. Мудрые совѣты Фридриха (у котораго Карлъ жилъ нѣкоторое время), данные ему при отправленіи въ Виртембергъ [9]), пропали даромъ для этого мальчика-государя. Онъ началъ тѣмъ, что удалилъ изъ Виртемберга свою мать Марію-Августу, и затѣмъ, въ теченіе почти 50 лѣтъ, предаваясь всякаго рода излишествамъ, терзалъ своихъ подданныхъ. По природѣ даровитый, Карлъ направилъ свои дарованія въ дурную сторону: это былъ самый гордый, расточительный и жестокій фюрстъ во всей Имперіи.

Наименѣе пострадалъ отъ Французскаго воспитанія герцогъ Фридрихъ-Евгеній, младшій изъ братьевъ, быть можетъ потому, что онъ еще въ ранней молодости предназначался къ духовному званію и получилъ даже каноникатъ въ Зальцбургѣ и Констанцѣ [10]). Но духовное поприще не привлекало къ себѣ молодаго принца, и онъ въ 1749 г. вышелъ на обычную въ то время дорогу для младшихъ членовъ княжескихъ семействъ, т. е. вступилъ, по приглашенію Фридриха II-го, въ Прусскую военную службу, тогда какъ другой братъ его Людвигъ-Евгеній уѣхалъ служить во Францію. Строгое и точное исполненіе обязанностей военной службы, требовавшееся въ Прусской арміи, сравнительная чистота нравовъ и скромный образъ

---

8) *Шлоссеръ*, 11, 174.

9) *Stark:* Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg und ihre bewährten Diener, Stuttgart, 1876,8.

10) Госпожа Оберкирхъ ошибочно относитъ полученіе принцемъ каноникатa къ болѣе позднему времени, когда Фридрихъ-Евгеній былъ уже на Прусской службѣ. Oberkirch, 1,19.

жизни Берлинскаго двора, произвели благодѣтельное нравственное вліяніе на молодаго 17-лѣтняго Виртембергскаго принца; а поклоненіе короля-философа Французской литературѣ и постоянное общеніе съ находившимися въ Берлинѣ представителями этой литературы поощряли Фридриха-Евгенія къ самообразованію, поддерживая въ немъ интересъ къ литературнымъ вопросамъ и исправляя недостатки его поверхностнаго воспитанія. Самъ Фридрихъ-Евгеній производилъ благопріятное впечатлѣніе въ Берлинѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ живалъ и ранѣе съ матерью и съ старшими своими братьями [11]). Это былъ, по отзывамъ современниковъ, умный, просвѣщенный воинъ, съ мягкимъ сердцемъ и веселымъ, но нервнымъ темпераментомъ. Близкія отношенія, завязавшіяся между нимъ и королевскимъ семействомъ, завершились, наконецъ, въ 1753 году бракомъ его съ 17-ти лѣтней племянницей Фридриха II-го Фредерикой - Доротеей - Софіей, дочерью маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго [12]). Непремѣннымъ условіемъ брака Фридрихъ II поставилъ, чтобы дѣти этой супружеской четы исповѣдывали протестантство. Фридрихъ - Евгеній, воспитанный отцомъ, подобно своимъ братьямъ, въ католичествѣ, долженъ былъ согласиться на это условіе; вотъ почему бракъ его вызвалъ самыя радостныя чувства въ жителяхъ Виртемберга, которые, будучи по большей части протестантами, не могли помириться съ католицизмомъ своихъ герцоговъ [13]).

Это супружество было однимъ изъ счастливыхъ. Оно составляло исключеніе въ лѣтописяхъ супружествъ XVIII вѣка, когда въ высшихъ слояхъ общества на брачныя узы смотрѣли съ полнѣйшимъ легкомысліемъ. Оно продолжалось 44 года, и въ теченіе этого времени супруги жили въ мирѣ и добромъ согласіи, своимъ скромнымъ, семейнымъ образомъ жизни [14]) возбуждая у испорченныхъ современниковъ даже упреки въ мѣщанствѣ [15]) Много лѣтъ спустя, принцесса Фредерика - Софія, по поводу семейныхъ дѣлъ, писала своей дочери, тогда великой княгинѣ, Маріи Ѳедоровнѣ о своемъ столь продолжительномъ супружескомъ счастіи, выражая самыя нѣжныя и преданныя

---

[11]) *Vehse*, 25 Band, 4-te Abt., 3-r. Theil s. 228; *Stark*, 40—43.

[12]) Маркграфство Бранденбургъ - Шведтское находилось въ Прусской провинціи Бранденбургѣ и въ 1788 году, по кончинѣ послѣдняго маркграфа, присоединено къ Пруссіи.

[13]) *Stark*, 7.

[14]) Это подтверждается всѣми современниками. См., напр., *Stark*, 114 и *Oberkirch*, особенно стр. 19.

[15]) *Трачевскій*: Союзъ князей. Вѣстникъ Европы, 76 г., т. IV, 748.

чувства къ мужу [16]). Эта переписка матери съ дочерью, которая, по своей интимности, безъ сомнѣнія, никогда не появится въ печати вполнѣ, рисуетъ намъ личность принцессы Фредерики самыми свѣтлыми, сочувственными красками. Получивъ, какъ и другія принцессы Прусскаго королевскаго дома, Французское образованіе, она восприняла только полезныя его стороны. Нѣжность, мягкость женственной натуры соединялись у Фредерики съ просвѣщеннымъ умомъ и необыкновеннымъ для того времени развитіемъ нравственнаго чувства. Она была матерью, душою семьи въ то время, какъ свѣтскія женщины менѣе всего думали о семьѣ. Характеръ принцессы Фредерики сложился подъ вліяніемъ тихой жизни въ ея родномъ Бранденбургскомъ городкѣ Шведтѣ, просвѣщенныхъ заботъ матери и угрюмаго нрава отца [17]). Какъ и другія Прусскія принцессы того времени, она была воспитана въ духѣ феодальныхъ преданій; только этимъ объясняется, при полномъ довольствѣ скромною семейной жизнью, ея вниманіе къ почестямъ и мелочамъ этикета, которое она проявляла не разъ впослѣдствіи и которое усиливалось стремленіемъ принцессы поддержать достоинство своего семейства среди множества другихъ княжескихъ семействъ.

Счастливая супружеская чета имѣла уже двухъ сыновей: Фридриха-Вильгельма (р. 1754 г.) и Людвига-Фридриха (р. 1756 г.), когда разразилась гроза Семилѣтней войны. Въ это время герцогъ Фридрихъ-Евгеній, будучи генераломъ Прусской службы, занималъ видное положеніе въ рядахъ Прусской арміи, а затѣмъ ему поручена должность губернатора Прусской Помераніи и города Штеттина (эту самую должность занималъ 30 лѣтъ тому назадъ отецъ Екатерины II, герцогъ Ангальтъ-Цербстскій, тоже находившійся въ Прусской службѣ). Въ Штеттинѣ и недалеко отъ него расположеннымъ мѣстечкѣ Трептовѣ проживала семья Виртембергскаго принца, тогда какъ самъ онъ, увлекаемый военными бурями, не всегда могъ быть дома. Судьба служилыхъ принцевъ, сражавшихся не за родину, а изъ военной чести и матеріальныхъ выгодъ, сказалась въ Семилѣтней войнѣ и на Фридрихѣ-Евгеніи. Такъ какъ Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій, объявилъ себя на сторонѣ Австріи и двинулъ ей на помощь Виртембергскія войска: то младшему брату его, находившемуся въ Прусской арміи,

---

[16]) *Архивъ дворца города Павловска*: Письма матери императрицы Маріи Θеодоровны. Выдержки изъ нихъ будутъ приведены ниже въ своемъ мѣстѣ.

[17]) Императрица Екатерина отмѣтила дурную черту въ характерѣ дѣда Маріи Θеодоровны, разсматривая вопросъ о ея замужествѣ съ Павломъ Петровичемъ. Сборникъ Р. Ист. Общ., XIII, 139.—*Stark*, 45.

поневолѣ приходилось поднимать руку на роднаго брата и на его полки. Дѣйствительно, герцогу Фридриху-Евгенію пришлось не разъ сражаться съ Виртембергскими войсками и одерживать верхъ надъ ними [18]). Вообще, въ Семилѣтней войнѣ онъ пріобрѣлъ славу искуснаго и храбраго вождя; такъ, напримѣръ, онъ разбилъ при Рейхенбергѣ Австрійскаго генерала Пурпурати и взялъ нѣсколько пушекъ. Онъ командовалъ частью Прусскихъ войскъ при осадѣ Праги и участвовалъ въ гибельной для Фридриха II-го битвѣ при Кунерсдорфѣ 1 Августа 1759 г., гдѣ «скоропостижный» и «захватчивый» король былъ на голову разбитъ Русскими войсками. Оффиціальный историкъ Виртембергской фамиліи въ концѣ XVIII в., Штаркъ, говоря объ участіи Фридриха-Евгенія въ Семилѣтней войнѣ, совершенно умалчиваетъ объ его положеніи въ послѣдній ея періодъ; между тѣмъ, приложенная къ его же сочиненію переписка Фридриха-Евгенія съ королемъ Прусскимъ за это время, въ связи съ другими данными, уясняетъ намъ многіе любопытные случаи, касающіеся и Русской исторіи [19]). Въ Кунерсдорфской битвѣ Фридрихъ-Евгеній былъ сильно раненъ въ ногу, и отъ раны этой, плохо залѣченной, онъ страдалъ потомъ всю жизнь. Поэтому король Фридрихъ II отправилъ молодаго принца въ Померанію, къ семьѣ, которая въ то время искала себѣ защиты и спокойствія то въ Берлинѣ и Шведтѣ, то въ Штеттинѣ. Семья Фридриха Евгенія умножилась въ 1758 году новымъ принцемъ Евгеніемъ-Фридрихомъ, а спустя два съ половиною мѣсяца послѣ Кунерсдорфской «преславной баталіи», 14 Октября 1759 года, страдавшій отъ нанесенной ему Русскими раны отецъ утѣшенъ былъ рожденіемъ въ Штеттинѣ первой своей дочери, Софіи-Доротеи-Августы-Луизы, впослѣдствіи Русской царицы Маріи Ѳеодоровны.

Первое время младенчества она несомнѣнно провела за крѣпкими Штеттинскими стѣнами: Русскіе уже дѣлали въ то время набѣги на Померанію, а зимою 1759—1760 года и совсѣмъ утвердились въ ней. Тогда еще не вполнѣ оправившійся отъ раны, Фридрихъ-Евгеній былъ вынужденъ вновь сражаться съ Русскими, принявъ команду надъ остатками разсѣянныхъ въ Помераніи Прусскихъ войскъ. Но отцу будущей Русской государыни видимо не везло при встрѣчѣ съ Русскими. Уже 22 Февраля 1760 г. онъ писалъ Фридриху II, что отрядъ казаковъ въ 600 человѣкъ, минуя расположенныя на пути Прусскія войска, такъ быстро и внезапно ворвался въ городъ Шведтъ, что находившіеся тамъ Пруссаки и онъ самъ, пораженные неожиданностію, должны были

---

[18]) Stark, 8.
[19]) Тамъ же, 46—47.

сдаться въ плѣнъ казакамъ и отвезены были ими въ Русскій лагерь [20]). Командующій Русскими войсками въ Помераніи, генералъ Тотлебенъ, Нѣмецъ, спустя годъ измѣнившій Россіи и передавшійся Пруссакамъ, отпустилъ, однако, королевскаго родственника и извѣстнаго генерала за денежный выкупъ [21]). Этой свободою принцъ воспользовался, чтобы принять участіе въ неудачной защитѣ Берлина [22]), который былъ занятъ Русскими войсками 29 Сентября того же года и пощаженъ тѣмъ же Тотлебеномъ, заключившимъ капитуляцію съ жителями Берлина безъ вѣдома своего начальника, генерала Чернышова. Можно догадываться, что не безъ участія и вѣдома принца Фридриха-Евгенія происходили и измѣнническія пересылки съ Пруссаками генерала Тотлебена, завершившіяся, во время похода Русскихъ войскъ въ Померанію, его арестомъ, произведеннымъ съ общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, 19 Іюня 1761 года. Наконецъ, мы видимъ, что въ этомъ же году Фридрихъ-Евгеній употребляетъ всѣ усилія, чтобы спасти Кольбергъ, главный оплотъ Помераніи, осажденный Румянцовымъ; но 1 Декабря, пытаясь ввезти въ крѣпость съѣстные припасы, былъ онъ разбитъ, и тогда Кольбергъ долженъ былъ сдаться Румянцову [23]). Смерть Елисаветы спасла, какъ извѣстно, Пруссію. Петръ III возвратилъ Фридриху II всѣ сдѣланныя Русскими завоеванія, и принцъ Фридрихъ-Евгеній, оставшись на своей должности въ Помераніи и живя съ семьей то въ Штеттинѣ, то въ Трептовѣ, старался по возможности залѣчить раны, нанесенныя краю губительной войною, въ теченіе которой онъ честно исполнялъ свои воинскія обязанности по отношенію къ Пруссіи и Фридриху II-му.

---

[20]) Письмо королю Фридриху изъ Шведта 22 Февраля 1760 г. *Stark*, 46—47.

[21]) Письмо королю Фридриху изъ Штеттина 24 Февраля 1760 г. На немъ Фридрихъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку: „es würde mihr lib seindt won deranschlach angenommen würde; ich glaubete ess aber schwerlich, dann die Russen froh seindt dass sie ihm nicht gegen sich hätten". Stark, 47. Въ своемъ обозрѣніи Семилѣтней войны Фридрихъ сообщаетъ, будто бы принцъ Виртембергскій былъ отпущенъ на свободу по приказанію Русской Императрицы. Въ Русскихъ намъ извѣстныхъ сочиненіяхъ о плѣнѣ герцога Фридриха-Евгенія нигдѣ ничего не сказано. Показаніе Фридриха II-го, такимъ образомъ, опровергается письмами его же племянника.

[22]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XXIV, 313.

[23]) Тамъ же, 401.

II.

Дѣтскіе годы и юность императрицы Маріи Θеодоровны. (Трептовъ и Монбельяръ).

Дѣтскія впечатлѣнія принцессы Софіи-Доротеи, связанныя съ именемъ Россіи.—Воспитаніе братьевъ принцессы и лица, имъ завѣдывавшія.—Опроверженіе извѣстія Штарка о перепискѣ герцога Фридриха съ Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи-Доротеи.—Вліяніе сочиненій Руссо на характеръ этого воспитанія въ связи съ обстановкой жизни Виртембергской семьи въ Трептовѣ.—Системы воспитанія въ XVIII в.: Французская и Нѣмецкая по вопросу о воспитаніи женщины.—Дѣтскія письма принцессы Софіи-Доротеи и характеръ ея первоначальнаго воспитанія.—Семейная обстановка принцессы въ концѣ 1768 и началѣ 1769 г.—Переѣздъ Виртембергской семьи изъ Трептова въ Монбельяръ.—Этюпъ и его сады.—Роль сентиментализма въ новомъ періодѣ жизни принцессы Софіи-Доротеи.—Генріетта Вальднеръ; идиллическія забавы и наклонности Этюпскихъ обитателей.—Развитіе характера принцессы Софіи-Доротеи.—Значеніе Монбельяра въ дѣлѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи.—Переговоры о бракѣ Софіи-Доротеи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.—Ассебургъ и его дѣйствія.—Итоги учебныхъ занятій принцессы Софіи.—Помолвка съ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ и смерть первой супруги великаго князя Павла Петровича.

Императрица Марія Θеодоровна, дочь принца Фридриха-Евгенія, нареченная по протестантскому обряду Софіей-Доротеей-Августой-Луизой, родилась въ Штеттинѣ [24]) 14 (25) Октября 1759 г., въ то время, когда еще свѣжо было впечатлѣніе одержанной Русскими Куннерсдорфской побѣды, какъ громомъ поразившей Пруссію и бывшей роковою для ея отца. Такимъ образомъ самое начало жизни новорожденной Софіи-Доротеи было тѣсно связано съ именемъ Россіи и Русскихъ. Слѣдовавшіе за тѣмъ плѣнъ ея отца страшными для Нѣмцевъ казаками, захватъ Берлина и завоеваніе Помераніи Русскими войсками, отъ которыхъ семья принца могла спастись временно только въ Штеттинѣ, вмѣстѣ съ дрожавшими отъ ужаса обывателями его, вотъ событія, среди которыхъ протекло младенчество Софіи-Доротеи. Они прославили грозное для Пруссаковъ Русское имя и, конечно, навсегда должны были остаться памятными для семьи Штеттинскаго губернатора и быть предметомъ постоянныхъ толковъ въ ея средѣ. Но вмѣстѣ съ разсказами о страшныхъ Русскихъ войскахъ, о необычайной обширности и величіи мало еще вѣдомой въ Европѣ имперіи, подроставшая прин-

---

[24]) Штеттинъ, главный городъ онѣмеченнаго Славянскаго Поморья (Помераніи)—древняя Славянская крѣпость Щетинъ; это названіе отъ одного корня со словами: *щитъ*, *защита*. Само собою разумѣется, что мы напрасно стали бы искать въ это время въ старомъ Славянскомъ Поморьи, за исключеніемъ Кашубіи, самодѣятельной Славянской національности: она быстро и успѣшно поглощаема была Нѣмцами. Оттого о вліяніи туземнаго Славянскаго элемента въ дѣтскіе годы императрицъ Екатерины II и Маріи Θеодоровны на ихъ воспитаніе не можетъ быть и рѣчи.

цесса не могла, конечно, не слышать и другихъ разсказовъ, совсѣмъ сказочнаго характера, о томъ, что этой необъятной имперіей правитъ теперь государыня, судьба которой была 30 лѣтъ тому назадъ поразительно схожа съ настоящимъ положеніемъ самой маленькой принцессы Софіи-Доротеи: она тоже родилась въ Штеттинѣ, тоже была дочерью Штеттинскаго Прусскаго губернатора и мелкаго Германскаго князя и тоже называлась Софіей. Сколько пожеланій и сколько, быть можетъ, тайныхъ надеждъ зарождалось въ то время въ семейномъ кругу Виртембергской фамиліи при этомъ дѣйствительно-замѣчательномъ совпаденіи, когда въ Штеттинѣ еще были, безъ сомнѣнія, люди, помнившіе Екатерину маленькой дѣвочкой [25]) и охотно дѣлившіеся своими о ней воспоминаніями! Суевѣрные люди, которыхъ въ XVIII вѣкѣ было немало даже среди образованныхъ людей, могли выводить самыя блестящія заключенія и о будущей участи Софіи-Доротеи. Сама Екатерина II-я не безъ теплаго чувства относилась къ существу, своею жизнью какъ бы воспроизводившему ея дѣтство. Въ письмахъ ея къ Гримму находятся прямыя на то указанія. «Не знаю, писала она, но съ 1767 г. (когда Екатерина стала искать невѣсты для Павла Петровича) я всегда чувствовала особое предпочтеніе къ этой дѣвочкѣ. Разумъ, который, какъ вы знаете, руководитъ инстинктомъ, заставилъ меня предпочесть другую; потому что крайняя молодость (Софіи-Доротеи) не позволила мнѣ привести своей мысли въ исполненіе въ то время, и вотъ, когда я считала ее потерянной навсегда, событіе самое несчастное (смерть первой супруги Павла Петровича) возвращаетъ меня къ предмету особаго моего предпочтенія. Что̀ вы скажете на это? Вы будете разсуждать по своему, вы все свалите на случай? Совсѣмъ нѣтъ! Я энтузіастка и этимъ не довольствуюсь: для меня нужно что-либо болѣе широкое» (il me faut du plus vaste à moi [26]). Въ другихъ письмахъ она шутитъ съ Гриммомъ, говоря: «Не думаете ли вы, что трава и вода въ этомъ пресловутомъ Штеттинѣ способны образовывать людей?» «Вы увидите, что со временемъ будутъ ѣздить въ Штеттинъ на ловлю принцессъ, и что въ этомъ городѣ будутъ цѣлые караваны посланниковъ, какъ за Шпицбергеномъ бываютъ китоловы» [27]).

Мать принцессы Софіи-Доротеи, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго и Прусской принцессы, не могла также не вспоминать, что ея отца Петръ Великій прочилъ въ женихи будущимъ императрицамъ:

---

[25]) О ея скромной дѣтской жизни въ Штеттинѣ см. въ статьѣ акад. Я. К. Грота „Воспитаніе Екатерины II-й“ въ „Др. и Нов. Россіи“, 1875 г., № 2.

[26]) Сборникъ Р. И. О., т. XXIII, стр. 50.

[27]) Тамъ же, стр. 55, 57.

сначала Аннѣ Іоанновнѣ, а потомъ Елисаветѣ Петровнѣ [28]), и что сама Екатерина II-я избрана была въ супруги наслѣдника Русскаго престола только послѣ того, какъ Фридрихъ II-й, по политическимъ причинамъ, отклонилъ выборъ своей родной сестры (тетки Виртембергской принцессы). Во всякомъ случаѣ, необходимо допустить, что обычное положеніе младшихъ членовъ княжескихъ Германскихъ домовъ (для которыхъ брачные вопросы и проекты были насущными жизненными вопросами) заставляло родителей принцессы Софіи-Доротеи, уже помимо личныхъ чувствъ и соображеній, приложить все стараніе къ наилучшему ея воспитанію *). Этому стремленію вполнѣ соотвѣтствовали какъ многообѣщавшіе физическіе и нравственные задатки малолѣтней принцессы, такъ и вся ея семейная обстановка.

Въ концѣ Семилѣтней войны (1763 г.) семейство Фридриха-Евгенія и его супруги состояло, кромѣ принцессы Софіи-Доротеи, еще изъ трехъ старшихъ ея братьевъ: Фридриха-Вильгельма, Людвига-Евгенія, Евгенія-Фридриха и двухъ младшихъ: Вильгельма и Фердинанда. Всѣ эти дѣти (изъ которыхъ старшему, Фридриху, было 9 лѣтъ, а младшему, Фердинанду, не было еще года) находились, главнымъ образомъ, на попеченіи матери своей принцессы Фридерики-Доротеи, такъ какъ супругъ ея занимался до этого времени почти исключительно своими служебными обязанностями въ эту тяжкую для Пруссіи и его семейства годину. Къ боязни за жизнь мужа и за безопасность семейства присоединилась еще скудость денежныхъ средствъ, становившаяся чувствительнѣе по мѣрѣ умноженія семейства. Одно радовало молодую мать, это—цвѣтущее здоровье и крѣпость ея дѣтей, полученныя ими въ наслѣдство отъ своихъ Виртембергскихъ и Прусскихъ предковъ, еще не испорченной крови. По возвращеніи принца Фридриха-Евгенія съ войны, семья переселилась въ Трептовъ, недалеко отъ Штеттина, и зажила здѣсь въ строгомъ уединеніи, которое лишь изрѣдка прерывалось поѣздками въ Берлинъ и Шведтъ для свиданія съ родными, а къ нимъ прин-

---

[28]) Это засвидѣтельствовано матерью Маріи Ѳеодоровны въ ея письмѣ къ ней отъ 27 Февраля 1780 года: „.....J'ai joint à cet envoi des papiers dont j'ai fait tirer copie qui sout deux lettres de Pierre-le-Grand à feu mon père de son mariage projetté avec la princesse Anne, puis Impératrice, avec une lettre de cette princesse et une autre du feu roi à mon père avec un autre projet de mariage avec feu l'Impératrice Élisabeth. Je suis sûre que cela vous fera plaisir“. *Архивъ Павловскаго дворца*, письма матери Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Къ сожалѣнію, присланныхъ Маріи Ѳеодоровнѣ писемъ по этимъ брачнымъ проектамъ мы не отыскали въ дворцовомъ архивѣ.

*) Въ наше время, когда въ Германіи все совершенствуется, знаемъ мы про одно Нѣмецкое княжеское семейство, при дочеряхъ котораго находилась (лѣтъ 20 тому назадъ) Русская учительница изъ Петербургскаго института; такъ, на случай... П. Б.

цесса Фридерика чувствовала особую привязанность. Все свое вниманіе молодая чета обратила на воспитаніе дѣтей, для которыхъ только что открылась въ будущемъ блестящая перспектива: старшій братъ Фридриха-Евгенія, Людвигъ-Евгеній, вслѣдствіе неравнаго брака, долженъ былъ отказаться въ 1763 г. за своихъ дѣтей отъ права наслѣдовать престолъ Виртембергскій, который, такимъ образомъ, долженъ былъ сдѣлаться рано или поздно достояніемъ дѣтей Фридриха-Евгенія, такъ какъ у самаго владѣтельнаго герцога Карла-Евгенія дѣтей не было. Надзоръ за подросшими старшими сыновьями принялъ на себя домашній секретарь Фридриха-Евгенія, землякъ и другъ Гёте, Іоганъ-Георгъ Шлоссеръ, который съ основательнымъ литературнымъ образованіемъ соединялъ, по словамъ Гёте, возвышенную и чистую натуру [29]). Шлоссеръ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для семейства Фридриха-Евгенія: онъ былъ и домашнимъ секретаремъ, и гувернеромъ, и веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ въ Трептовскомъ и Штеттинскомъ уединеніи, и живою энциклопедіей знаній. Въ тоже время это былъ Нѣмецъ съ головы до ногъ, поклонникъ реакціи противъ господствовавшаго въ Германіи Французскаго вліянія и поборникъ Германской самобытной литературы. Въ дѣлѣ воспитанія принцевъ онъ скоро получилъ себѣ тоже Нѣмецкихъ помощниковъ: Георга-Іонаѳана Голланда, извѣстнаго впослѣдствіи писателя и ученаго родомъ изъ Виртемберга, и офицера Прусской службы Фридриха Моклера, внука Французскаго эмигранта и сына лютеранскаго пастора, который обучалъ нѣкогда въ Штеттинѣ Екатерину II въ ея дѣтскіе годы. Голландъ завѣдывалъ по преимуществу научнымъ воспитаніемъ принцевъ, а Моклеръ, будучи ихъ воспитателемъ, долженъ былъ готовить ихъ къ свѣту и неизбѣжной для нихъ военной службѣ [30]). Главное руководство воспитаніемъ принцевъ принадлежало, однако, самому отцу, тогда какъ забота о воспитаніи дочери, принцессы Софіи-Доротеи, естественно, лежала на матери.

Но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсказу о дѣтскихъ годахъ принцессы Софіи, мы должны свести счетъ съ однимъ крупнымъ недоразумѣніемъ, касающимся этого періода ея жизни. Говоря о большемъ вліяніи матери чѣмъ отца на воспитаніе принцессы Софіи-Доротеи, мы тѣмъ самымъ противорѣчимъ извѣстію, сообщаемому Штаркомъ [31]), о перепискѣ въ 1763 — 1765 годахъ Фридриха - Евгенія съ

---

[29]) Stark, 13.
[30]) Stark, 14—20.
[31]) Stark. 13—14.

Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи, впослѣдствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны. Для біографа Маріи Ѳеодоровны довольно обширная и интересная переписка эта дѣйствительно не можетъ не быть искушеніемъ, связывая ея семейство и воспитаніе съ именемъ блестящаго представителя педагогическихъ идей XVIII в. и рисуя довольно подробно характеръ этого воспитанія, тѣмъ болѣе, что прочія данныя о воспитаніи императрицы настолько отрывочны, что возсоздавать картину его можно лишь по обломкамъ или неяснымъ, едва замѣтнымъ очертаніямъ. Въ интересахъ истины нельзя, однако, не сознаться, что переписка эта можетъ, съ легкой руки Штарка, попасть въ біографію императрицы только по неосмотрительности вовлеченнаго въ искушеніе біографа. Прочитывая внимательно письма Руссо, указываемыя Штаркомъ и въ томъ числѣ знаменитое письмо, начинающееся словами: «Si j'avais le malheur d'être né prince», нельзя не видѣть, что по своему содержанію они относятся (какъ показываютъ и самые заголовки ихъ) не къ Фридриху-Евгенію, герцогу Виртембергскому, а къ брату его Людвигу-Евгенію [32]). Письма Руссо начинаются съ 29 Сентября 1763 г. и продолжаются по 18 Февраля 1765 г, и всѣ служатъ отвѣтами на вопросы герцога о воспитаніи его дочери Софіи. Совѣты Руссо, имѣя иногда общій характеръ, тѣмъ не менѣе ясно показываютъ, что они имѣютъ въ виду только что увидѣвшаго свѣтъ ребенка, и первыя проявленія его психической жизни; поэтому ихъ трудно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пріурочить къ дочери принца Фридриха-Евгенія, нашей императрицѣ, которой въ Октябрѣ 1763 г. минуло уже 4 года [33]). Точно также невозможно объяснить себѣ, почему Руссо, еслибы онъ обращался дѣйствительно къ принцу Фридриху, ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ своихъ письмахъ о его старшихъ дѣтяхъ,

---

[32]) *Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau.* t. XIX. Correspondance. 1763—1766. A Paris, 1820. p. III—285. Мы пользовались также экземпляромъ сочиненій Руссо изданія и 1793 г. изъ Императорской Публичной Библіотеки. Къ сожалѣнію мы не могли достать въ Петербургѣ Франкфуртскаго изданія, на которое ссылается Штаркъ, хотя тожественность писемъ Парижскаго и Франкфуртскаго изданій не подлежитъ сомнѣнію: самое важное изъ писемъ, начинающееся словами: „si j'avais le malheur d'être né prince", отсутствуетъ только въ Парижскомъ изданіи 1793 г.

[33]) Тамъ же, стр. 136, письмо отъ 15 Декабря 1763 г. .... „Vous voyez votre enfant précoce .... des enfants distinguent de bonne heure les odeurs comme différentes, comme faibles ou fortes, mais non pas comme bonnes ou mauvaises; la sensation vient de la nature; la préférence ou l'aversion n'en vient pas. Cette observation que j'ai faite en particulier sur l'odorat, n'est pas applicable aux autres sens; ainsi le jugement que la petite porte sur cet article est déjà une chose acquise: cela doit être. D'abord ses plaintes, ne marquant que l'inquiètude du malaise, ressemblaient à des pleurs. Maintenant l'expérience, qui apprend qu'on l'écoute et qu'on la soulage. Sa plainte est donc devenue un langage; au lieu de pleurer elle parle à sa manière".

а напротивъ, пишетъ принцу, какъ лицу, которому только въ первый разъ приходится исполнять свои родительскія обязанности; а въ концѣ переписки упоминается даже о рожденіи «втораго ребенка» (second enfant) и, стало быть, принцесса Софія, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ, была первымъ плодомъ брака своихъ родителей [34]). Наконецъ, нельзя отнести къ Фридриху-Евгенію и тѣхъ мѣстъ изъ писемъ Руссо, гдѣ онъ говоритъ о своемъ высокомъ корреспондентѣ, какъ о жителѣ Швейцаріи, въ которой жилъ тогда и самъ Руссо [35]). Мало того, Руссо вспоминаетъ о своей встрѣчѣ съ принцемъ въ Пасси, во Франціи, за восемь или десять лѣтъ до начала своей переписки съ нимъ, а Фридрихъ-Евгеній за время отъ своего брака до начала Семилѣтней войны во Франціи не былъ [36]). Между тѣмъ, всѣ эти недоумѣнія легко объясняются, если мы отвергнемъ утвержденіе Штарка и не будемъ отрицать вѣрности самихъ заголовокъ писемъ, находящихся и въ старыхъ Французскихъ изданіяхъ: «A m-r le prince *Louis*-Eugène de Wirtemberg.» Принцъ Людвигъ-Евгеній вступилъ въ неравный бракъ съ дочерью Саксонскаго тайнаго совѣтника графиней Софіей-Альбертиной фонъ-Бейхлингенъ. Этотъ неравный бракъ Людвига-Евгенія имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, какъ мы уже видѣли это, семейный договоръ въ средѣ Виртембергской фамиліи, по которому дѣти Людвига-Евгенія отъ этого брака лишались правъ на престолонаслѣдіе. Страстно любя свою жену и предпочитая тихую семейную жизнь обычной шумной, но тяжелой судьбѣ Нѣмецкихъ служилыхъ принцевъ того времени, Людвигъ-Евгеній удалился въ частную жизнь и поселился въ Швейцаріи, гдѣ для своего мѣстопребыванія избралъ знаменитую въ то время Лозанну, главный городъ Ваадтскаго кантона [37]). Все счастіе и весь интересъ молодыхъ супруговъ сосредоточился на воспитаніи родившихся у нихъ въ 1763—1764 гг. двухъ дочерей, изъ которыхъ первая, носившая имя Софіи, и сдѣлалась предметомъ оживленной переписки ея отца съ Руссо. Людвигъ-Евгеній тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ заботился о возможно-лучшемъ и чуждомъ предразсудковъ образѣ воспитанія своихъ дочерей, что онѣ, по своему рожденію, должны были лишиться правъ,

---

[34]) Тамъ же, 206. J'apprends aves plus de chagrin que de surprise l'accident qui vous a forcé d'ôter à votre *second* enfant sa nourrice naturelle"...

[35]) Тамъ же, 143, 166. Тиссо, упоминаемый въ разбираемой нами перепискѣ, какъ лицо наблюдавшее за физическимъ воспитаніемъ принцессы Софіи, былъ знаменитымъ Швейцарскимъ врачемъ того времени. Письмо Руссо жительницѣ Ваадтскаго кантона, которой онъ совѣтовалъ наблюдать за воспитаніемъ принцессы Софіи и взять его за образецъ при воспитаніи собственной дочери, пропущено въ изданіи сочиненій Руссо 1820 года, но напечатано въ Парижскомъ изданіи 1793 года.

[36]) Тамъ же, стр. 144.

[37]) *Vehse*, 4-er Theil, стр. 4.

которыя присвоены были членамъ царствующихъ домовъ, и войти въ разрядъ простыхъ смертныхъ; принцесса Софія впослѣдствіи вышла замужъ за князя Эттингенъ-Валлерштейнъ [38]). Впрочемъ, Штаркъ вовлеченъ былъ въ ошибку относительно переписки Людвига-Евгенія съ Руссо подобной же ошибкою славнаго современника обоихъ принцевъ Виртембергскихъ, Гёте, на котораго Штаркъ и ссылается [39]). Между тѣмъ разгадка ошибки Гёте проста: называя герцога Фридриха неправильно герцогомъ Людвигомъ [40]), Гёте и не могъ сомнѣваться, что письма Руссо адресованы были именно къ нему.

Отвергнувъ достовѣрность переписки Руссо съ Фридрихомъ-Евгеніемъ, мы, однако, не можемъ не признать косвеннаго участія Руссо въ дѣлѣ воспитанія его дочери. Безъ сомнѣнія, родители принцессы Софіи-Доротеи, подобно другимъ своимъ современникамъ, не могли не поддаться вліянію увлекательнаго краснорѣчія, съ какимъ Руссо именно въ то время распространялъ свои воспитательныя теоріи. Въ особенности важны были въ этомъ смыслѣ два его сочиненія, вышедшія въ 1761 и 1762 годахъ: «Новая Элоиза» и «Эмиль» [41]). Обѣ эти книги были горячимъ протестомъ противъ мертвенности въ душевной жизни человѣка того времени, совсѣмъ уходившаго во внѣшній міръ и строго подчинявшагося застарѣвшимъ началамъ окружавшей его среды. Вмѣсто искусственности и дѣланности общественныхъ и частныхъ отношеній, за блестящей казовой стороной которыхъ скрывались крайняя развращенность и пустота, Руссо, въ обоихъ названныхъ своихъ сочиненіяхъ, выдвигаетъ на первый планъ близость къ природѣ, развитіе сердца въ человѣкѣ и добродѣтель, основанную на чувствѣ. Очищеніе нравовъ, по мнѣнію Руссо, могло выйти только изъ очищенія упавшей семейной жизни, а для этого слѣдовало возбудить въ людяхъ развитіе внутренней жизни и любовь къ природѣ и ея красотамъ. «И съ какой глубокой сердечностью, говоритъ Геттнеръ, умѣетъ Руссо изображать сладкія прелести тихо счастливой жизни, тѣ сладкія заботы о домѣ и дѣтяхъ, о садѣ и полѣ, которыя даже и не заботы, потому что въ нихъ самихъ заключено уже, какъ вознагражденіе, чувство сердечнаго довольства»! [42]) Нѣмцы и Нѣмки, всегда болѣе чѣмъ

---

[38]) Тамъ же, стр. 6.

[39]) *Stark*, стр. 13—14.

[40]) Тамъ же, стр. 13.

[41]) *Геттнеръ*: „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“, т. II.—Шлоссеръ относитъ появленіе „Новой Элоизы“ къ 1759 году; см. его „Исторію XVIII и начала XIX в.“, т. II, 357.

[42]) *Геттнеръ*: Исторія всеобщей литературы XVIII в., т. II.

Французы склонные къ сентиментальности, особенно восприняли ученіе Руссо и довели его впослѣдствіи даже до крайностей. Сухость, разсудочность Вольтера и энциклопедистовъ не могла удовлетворить проявлявшейся потребности въ живомъ, тепломъ словѣ, созидавшемъ религію сердца и добродѣтель чувства. Вотъ почему идиллія Руссо, предполагавшая естественныхъ людей въ ихъ естественныхъ отношеніяхъ, быстро стала вытѣснять въ Германіи и старинный, суровый семейный быть, и новѣйшую, Французскую отчужденность родителей отъ дѣтей, придавая отношеніямъ старшихъ къ младшимъ теплый, мягкій характеръ. Мало по малу стала вырабатываться и потребность жизни среди природы, красоты которой также воспитательнымъ образомъ дѣйствовали на душу человѣка, замѣняя выспренность глубиною чувства. У нѣкоторыхъ любовь къ природѣ развивалась до страсти, особенно любовь къ цвѣтамъ, которая съ того времени стала считаться несомнѣннымъ проявленіемъ только людей добрыхъ. Въ Нѣмецкой натурѣ, такимъ образомъ, развивалось то прекраснодушіе, та «Schönseligkeit», которая особенно отличала привилегированныхъ Нѣмцевъ конца прошлаго столѣтія и выразилась въ Нѣмецкихъ литературныхъ произведеніяхъ періода Sturm und Drang.

Особенно жаркой поклонницей Руссо была супруга принца Фридриха-Евгенія, принцесса Фредерика-Доротея; благородной, нѣжной натурѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ сердечный призывъ Руссо къ добродѣтели и любви. Для нея «Эмиль» дѣйствительно сдѣлался евангеліемъ природы въ дѣлѣ воспитанія (Naturevangelium der Erziehung—слова Гёте). Много лѣтъ спустя, перечитывая Руссо, она писала Маріи Ѳеодоровнѣ, что «Эмиль» составляетъ ея предпочтительное чтеніе (toute première lecture [43]); посылая ей же для малолѣтняго сына ея Александра, будущаго воспитанника Лагарпа, бюсты Вольтера и Руссо, она замѣтила: «Каждый изъ этихъ великихъ людей имѣлъ выдающіяся достоинства, но послѣдній (Руссо) въ особенности заслуживаетъ уваженіе (le dernier surtout en possédait de bien estimable» [44]). Правда, система воспитанія, предлагавшаяся въ сочиненіяхъ Руссо, не соотвѣтствовала пышной обстановкѣ княжескихъ дворовъ того времени, и Руссо, какъ авторъ этой системы, имѣлъ основаніе сказать, что «онъ счелъ бы себя несчастнымъ, еслибы онъ былъ принцемъ и въ этомъ санѣ долженъ былъ бы заботиться о воспитаніи

---

[43]) *Архивъ Павловскаго дворца.* Письмо матери Маріи Ѳеодоровны отъ 25 Ноября 1780 года.

[44]) Тамъ же. Письмо матери императрицы Маріи Ѳеодоровны 9 Января 1779 года.

своихъ дѣтей» [45]); но родители принцессы Софіи-Доротеи не были похожи на тѣхъ принцевъ, которыхъ рисовалъ себѣ Руссо и для которыхъ забота о своихъ дѣтяхъ отступала на второй планъ, сравнительно съ другими обязанностями, сопряженными съ ихъ званіемъ. Въ Трептовѣ Виртембергская семья жила на лонѣ природы, какъ живутъ семьи образованныхъ и зажиточныхъ помѣщиковъ; окружали ее не придворные, а умные, нравственные люди, навсегда сдѣлавшіеся ея друзьями; строгій порядокъ и экономія господствовали въ домашнемъ быту, вообще очень скромномъ, благосостояніе котораго поддерживалось лишь хозяйственными способностями принцессы Доротеи. Ея дядя Фридрихъ II могъ въ самомъ Берлинѣ служить ей примѣромъ крайней бережливости; притомъ вся семья жила чрезвычайно дружно, отношенія между ея членами были всегда самыя ласковыя и теплыя [46]). Все это, образуя дѣтскія впечатлѣнія малолѣтней принцессы Софіи-Доротеи, опредѣляло развитіе добрыхъ свойствъ ея характера; а жизнь на вольномъ воздухѣ, среди садовъ и цвѣтниковъ, столь любимыхъ ея матерью, внушила ей съ дѣтства любовь къ природѣ и надѣлила ее крѣпкимъ здоровьемъ.

Обстановка младенческихъ лѣтъ не могла, однако, предрѣшить окончательно системы и характера воспитанія принцессы Софіи-Доротеи. Воспитаніе сыновей, имѣвшихъ опредѣленную цѣль жизни—жизнь при дворѣ и военную службу, не могло слишкомъ удаляться отъ обычной колеи; другое дѣло было воспитаніе женщины, цѣль и характеръ котораго вызывали и въ то время, какъ и теперь, самыя противорѣчивые сужденія и взгляды. Можно, впрочемъ, сказать, что въ Германіи XVIII в. господствовали двѣ крайнія системы женскаго образованія: Французская и Нѣмецкая. Одни, воспринявъ вмѣстѣ съ Французскимъ образованіемъ и Французскій взглядъ на женщину, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, украшеніе семьи и общества; по этому эпикурейскому взгляду, воспитаніе женщины долженствовало сообщить ей качества и свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы блистать въ обществѣ. Оттого на первомъ планѣ для офранцуженной женщины стояло изученіе хорошихъ манеръ, музыки, танцевъ, изящныхъ рукодѣлій и изящнаго рисованія; къ этому присоединялись полное изученіе Французскаго разговорнаго языка, знакомство съ лучшими литературными произве-

---

[45]) Ouevres complètes de J.-J. Rousseau, t. XIX, стр. 114—115.

[46]) Принцесса Доротея, безъ сомнѣнія, была главной виновницей этого семейнаго настроенія. „Ma tendresse, писала она Маріи Ѳеодоровнѣ 18 Октября 1780 года, était égale pour mes enfans.... La sensibilité maternelle à mon coeur est une souffrance de plus que j'éprouve“. *Архивъ Павловскаго дворца.*

деніями и такія поверхностныя свѣдѣнія изъ научныхъ предметовъ, которыя могли бы позволить женщинѣ, не краснѣя, принимать участіе въ разговорахъ свѣтскаго общества. Такое воспитаніе, лишенное всякой нравственной основы, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствовало распаденію Французской семьи и легкости нравовъ Французскаго общества, гдѣ на женщину смотрѣли какъ на игрушку. Естественно, что, распространившись въ высшихъ слояхъ Германскаго общества, воспринявшихъ Французскую образованность, эта система воспитанія не могла прійтись по душѣ большинству патріархальныхъ Нѣмцевъ, которые, наоборотъ, въ женщинѣ выше всего цѣнили ея семейныя добродѣтели. Строгое благочестіе, знаніе всѣхъ хозяйственныхъ мелочей и домашнія заботы о мужѣ и дѣтяхъ,—вотъ что опредѣляло въ большинствѣ случаевъ кругъ воспитанія Нѣмецкой женщины XVIII в. Умѣнье читать, считать и писать, Законъ Божій и изученіе искусствъ и рукодѣлій съ полезной ихъ стороны считалось совершенно достаточнымъ образовательнымъ курсомъ. За то Нѣмка того времени дѣйствительно была душой семьи и въ нравственномъ отношеніи стояла несравненно выше своихъ офранцуженныхъ соотечественницъ. Этого преимущества Нѣмецкаго воспитанія не могли не видѣть и ему не сочувствовать такія высоко-нравственныя натуры, какъ принцесса Доротея; но она же, по необходимости, въ виду самой будущности своихъ дочерей-принцессъ, должна была заботиться объ усвоеніи ими и свѣтскаго Французскаго образованія. Стремленіемъ согласить эти двѣ крайнія системы женскаго воспитанія, удержавъ однѣ ихъ хорошія стороны, принцесса Доротея задалась довольно рано, еще до рожденія своей старшей дочери принцессы Софіи-Доротеи. Сохранилась до настоящаго времени ея записная тетрадь, относящаяся къ 1749—1758 г., куда молодая супруга-мать вносила и свои мысли по разнымъ предметамъ, и извлеченія изъ сочиненій лучшихъ писателей, почему либо обратившія на себя ея вниманіе [47]). Во главѣ этихъ извлеченій поставлено слѣдующее стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Philosophie des Femmes»:

---

[47]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Études de Sa Majesté Impériale, связка первая. Въ этой же тетради находятся стихотворенія Фридриха II, обращенныя имъ къ Арно и друг.; нѣкоторыя стихотворенія, довольно гладко написанныя, не принадлежатъ ли перу самой августѣйшей любительницы литературы? Большая часть стихотвореній посвящена дружбѣ и прославленію добродѣтели, чѣмъ выразилась сентиментальность принцессы. Заглавія ихъ слѣдующія: „Des avantages de l'amitié“, „Du choix de ses amis“, „Des vices qui corromprent l'amitié“, „Les blessures d'un ami sont meilleurs que le baiser flatteur d'un ennemi“, etc. Между прозаическими статьями обращаетъ на себя вниманіе небольшой отрывокъ, восхваляющій Фридриха II-го.

Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu'une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfans,
Faire aller son ménage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie [48]).

Еще яснѣе обрисовывается взглядъ принцессы Доротеи на женское воспитаніе въ слѣдующемъ «Avis d'une bonne mère à la fille», находящемся въ той же тетради: «Во всѣ времена пренебрегали воспитаніемъ дочерей; обращали на него вниманіе только ради интересовъ мужчинъ и, считая женщинъ ничтожествомъ (une espèce à part), предоставляли ихъ самимъ себѣ безъ всякой помощи, не принимая въ соображеніе, что онѣ составляютъ половину человѣческаго рода, что съ ними по необходимости вступаютъ въ союзы, что онѣ составляютъ счастіе или несчастіе мужчинъ, которые постоянно чувствуютъ необходимость имѣть разумныхъ женъ; что именно женщины возвышаютъ или губятъ семейства и что отъ женщинъ же зависитъ воспитаніе дѣтей въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія бываютъ болѣе живы и болѣе глубоки. Что̀ же женщины могутъ внушить въ это время дѣтямъ, когда онѣ сами съ дѣтства были брошены на руки гувернанткамъ, которыя, какъ обыкновенно это бываетъ, внушаютъ имъ низкія чувства, будятъ постыдныя страсти и, вмѣсто вѣры, внѣдряютъ въ нихъ суевѣріе? Скорѣе слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы сдѣлать наслѣдственными извѣстныя добродѣтели, которыя переходили бы отъ матери къ дѣтямъ, чѣмъ о томъ, чтобы сохранять въ потомствѣ родовыя имущества. Ничего, слѣдовательно, нѣтъ болѣе ошибочнаго, какъ то воспитаніе, которое даютъ молодымъ особамъ. Ихъ предназначаютъ только къ тому, чтобы онѣ нравились; уроки даютъ имъ только для забавъ, усиливаютъ тщеславіе, оставляютъ на жертву нѣгѣ, свѣту и предразсудкамъ, и вовсе не думаютъ учить ихъ твердости и добродѣтели. Несправедливо или, лучше, безразсудно думать, что подобное воспитаніе не принесетъ женщинамъ вреда».

Эти выписки вполнѣ доказываютъ справедливость словъ друга дѣтства императрицы Маріи Ѳеодоровны, баронессы Оберкирхъ, что принцесса Доротея презирала легкомысліе и пустоту Французскихъ нравовъ и

[48]) „По многимъ причинамъ для женщины нѣтъ почета въ томъ, что она будетъ изучать и знать слишкомъ многое. Дать нравственное направленіе уму своихъ дѣтей, вести свое хозяйство, имѣть надзоръ за слугами и быть бережливой въ расходахъ,—вотъ что̀ должно быть предметомъ изученія женщины и составлять ея философію“.

не допускала, чтобы вліяніе ихъ могло коснуться ея дочери [49]). Считая, такимъ образомъ, какъ истая Нѣмка того времени, развитіе сердца и семейныхъ добродѣтелей одною изъ главнѣйшихъ задачъ при воспитаніи дочери, образованная и благородная принцесса не могла, однако, не сознавать важности для нея умственнаго и свѣтскаго образованія; но образованіе это, данное ея дочери, при всей бѣдности тогдашней Нѣмецкой литературы и господствѣ Французскаго вліянія, по духу своему было скорѣе Нѣмецкимъ, чѣмъ Французскимъ: суровое протестантское благочестіе и Нѣмецкій патріотизмъ придали ему недостававшую Французамъ строгость и основательность.

Для характеристики первыхъ годовъ воспитанія императрицы Маріи Θеодоровны, столь самостоятельно направляемаго ея нѣжной матерью, мы, къ счастію, владѣемъ драгоцѣннымъ документомъ, это— дѣтскими письмами Маріи Θеодоровны къ отцу и матери въ концѣ 1768 г. и началѣ 1769 годовъ [50]). Въ это время родители ея готовились къ переселенію въ Монбельяръ, Виртембергское владѣніе во Французскихъ предѣлахъ, и должны были для этой цѣли ѣздить въ Штутгартъ и Берлинъ. Маленькая принцесса, которой едва исполнилось тогда девять лѣтъ, оставалась въ Трептовѣ на попеченіи своей гувернантки, г-жи Боркъ, которая нѣжно любила свою царственную воспитанницу и, въ свою очередь, внушила ей къ себѣ на всю жизнь искреннія чувства привязанности и благодарности [51]). Одиночество принцессы Софіи-Доротеи раздѣляли съ ней ея братья, бывшіе на два года моложе другъ-друга: Фридрихъ, 14-лѣтній юноша, Людвигъ, Евгеній, Вильгельмъ и младшій, шестилѣтній Фердинандъ; кромѣ того съ нею оставались и двѣ малолѣтнія сестры, родившіяся въ Трептовѣ послѣ Семилѣтней войны: четырехлѣтняя Фредерика и двухлѣтняя Елисавета. Лица, видѣвшія принцессу Софію-Доротею около этого времени, сообщаютъ, что девятилѣтняя принцесса уже оправдывала собою заботы матери: высокаго роста, блистая здоровьемъ и замѣчательной красотой, она по своему физическому развитію казалась значительно старше сво-

---

[49]) *Oberkirch.* Mémoires, t. I, p. 251.

[50]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Études de S. M. I-le, связка I. Сохранились они въ черновомъ своемъ видѣ, въ трехъ тетрадяхъ, на четверткахъ простой сѣрой бумаги. Всѣ они писаны собственноручно принцессой Софіей-Доротеей, дѣтскимъ, неустановившимся еще почеркомъ. Къ сожалѣнію, листы нѣкоторыхъ писемъ оторваны.

[51]) Въ своемъ завѣщаніи императрица Марія Θеодоровна (Русская Старина, 1882 г., т. XXXIV, 331) упоминаетъ про кольцо изъ маркизата, которое она получила въ подарокъ отъ г-жи Боркъ и которое носила въ память ея съ дѣтства до конца жизни, пока наконецъ, оно не сломалось. О г-жѣ Боркъ и ея мужѣ, занимавшемъ должность гофмейстера при Фридрихѣ-Евгеніѣ, см. *Oberkirch*, 1,37.

ихъ лѣтъ, а выдающимися нравственными ея чертами были кротость ея характера и чрезвычайная доброта, отпечатлѣвавшіяся на самой наружности [52]). Около этого же времени, нежданно для молоденькой принцессы и въ полной неизвѣстности для нея, въ Трептовское уединеніе проникъ первый лучъ того будущаго величія, о которомъ могли только мечтать родители при ея рожденіи. Весною 1768 года извѣстный агентъ Екатерины при Германскихъ дворахъ, Ассебургъ, которому поручено было подыскать среди Германскихъ принцессъ невѣсту для Павла Петровича, посѣтилъ, проѣздомъ черезъ Померанію, Трептовъ, и провелъ нѣсколько времени среди неподозрѣвавшаго его цѣлей семейства Фридриха-Евгенія. Достоинства принцессы Софіи-Доротеи, къ которой Ассебургъ имѣлъ полную возможность присмотрѣться, привели стараго дипломата въ такое восхищеніе, что онъ тогда же писалъ о томъ Екатеринѣ, намѣчая въ молодой принцессѣ одну изъ кандидатокъ въ супруги Павлу Петровичу [53]). Съ отъѣздомъ матери принцесса Софія какъ бы заступила мѣсто хозяйки дома, на сколько это было возможно при ея возрастѣ, и еженедѣльно писала своимъ родителямъ, давая имъ отчетъ о домѣ и освоихъ занятіяхъ. Въ этихъ письмахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются свѣтлыя и симпатичныя стороны ея дѣтской натуры и скромный семейный бытъ, ее воспитывавшій. Нужно замѣтить, что въ черновыхъ тетрадяхъ, сохранившихъ для насъ эти письма маленькой принцессы, между письмами къ ея родителямъ переписаны также, очевидно для упражненія въ эпистолярномъ изложеніи мыслей, нѣкоторыя письма знаменитой m-me Севинье къ своей дочери и зятю. Эти образцовыя по формѣ письма должны были, безъ сомнѣнія по мысли матери принцессы, пріучить дѣвочку къ правильному изложенію мыслей и выработать изящный слогъ. Письма принцессы Софіи, всѣ на Французскомъ языкѣ, довольно правильно для ребенка писанныя, хотя часто безъ знаковъ препинанія, начинаются письмомъ отъ 27 Сентября 1768 года. Мы приведемъ здѣсь самыя интересныя изъ нихъ, дышащія невинностію и свѣжестію.

27-го Сентября маленькая Софія-Доротея писала своимъ родителямъ: «Я была чрезвычайно обрадована, узнавъ отъ г. Моклера, что вы чувствуете себя такъ хорошо; но печальная новость о продолжающихся страданіяхъ дорогаго папа [54]) очень уменьшила мою радость, и я желаю отъ глубины моего сердца, чтобы эти страданія прекрати-

---

[52]) *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, Berlin, 1842, стр. 246.—*Oberkirch*, 1,20.

[53]) *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, стр. 146—147.

[54]) Отъ раны при Куннерсдорфѣ. Мы стараемся сдѣлать переводъ какъ можно ближе къ подлиннику, сохраняя особенности дѣтскаго языка.

лись и чтобы мы имѣли счастіе вскорѣ вновь увидѣть своихъ дорогихъ родителей въ полномъ здоровьѣ. Я льщу себя надеждой, что скоро всѣ мы будемъ имѣть эту невыразимую радость, потому что не проходитъ ни обѣда, ни ужина, даже часа въ теченіе дня безъ того, чтобъ мы не думали объ этомъ. Дни проходятъ въ пожеланіяхъ, и скоро наступитъ тотъ, котораго мы такъ ожидаемъ. Такъ какъ г-жа Боркъ дала мнѣ только маленькій клочекъ бумаги, то пора мнѣ сказать вамъ о своихъ занятіяхъ. Мы изучали всѣ обыкновенныя карты Германскихъ округовъ, за исключеніемъ округа Верхне-Саксонскаго, котораго мы не знаемъ еще совершенно, не изучивъ его сѣверной части. Я буду имѣть честь говорить вамъ о картѣ Нижней Саксоніи. Церковныя владѣнія Нижне-Саксонскаго округа суть два епископства: Гильдесгеймское и Любекское, изъ которыхъ послѣднее есть единственное лютеранское епископство въ Германіи, котораго епископъ всегда бываетъ изъ Голштинскаго герцогскаго дома. Свѣтскія владѣнія этого округа суть герцогства: Бременское, Саксенъ-Лауенбургское и Брауншвейгъ-Люнебургское и княжества Календергъ и Грубенлангенъ, которыя всѣ принадлежатъ курфюрсту Ганноверскому. Герцогство Магдебургъ и княжество Гальберштадтъ.... Герцогство Голштейнъ, котораго часть принадлежитъ Датскому королю, а часть Русской императрицѣ или, скорѣе, великому князю Павлу, потому что его отецъ Петръ III-й, Русскій императоръ, происходилъ изъ этого дома».... Далѣе слѣдуетъ то же утомительное перечисленіе Нѣмецкихъ княжествъ и городовъ. Письмо заканчивается слѣдующими словами: «Въ ближайшую почту я буду имѣть честь написать вамъ изъ исторіи, и останавливаюсь сегодня, прося васъ, дорогіе родители, вѣрить въ мое глубочайшее уваженіе». И въ другихъ письмахъ мы по большей части видимъ, что, на ряду съ извѣстіями о себѣ и другихъ членахъ семьи, маленькая принцесса излагаетъ уроки, полученные ею по разнымъ предметамъ. Это ясно доказываетъ, какую важность придавали ея родители научному образованію, слѣдя за нимъ по письмамъ дочери даже въ отдаленіи. Мы воспользуемся этими выдержками при изложеніи хода ученія принцессы, теперь же обратимъ вниманіе на ея семейное положеніе, разсказывая о которомъ принцесса, въ дѣтской невинности и во всей прелести развивающагося нравственнаго самосознанія, невольно характеризуетъ въ тоже время и самоё себя.

Въ письмѣ отъ 5-го Октября она такъ рисуетъ бытъ семьи и выражаетъ свои чувства: «Мы всѣ внѣ себя отъ восхищенія, что мои милые родители думаютъ еще о своихъ бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя ихъ нѣжно любятъ. Мы всѣ почтительно благодаримъ васъ за деньги, которыя вы имѣли

доброту прислать намъ. Маленькій Фердинандъ все просилъ меня повергнуть его къ ногамъ обожаемыхъ родителей и сказать имъ, что онъ имъ будетъ очень признателенъ и что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы научиться читать къ тому времени, когда мы вновь увидимъ себя у ногъ своихъ дорогихъ родителей. Я почтительно прошу у васъ прощенія за то, что мнѣ случилось въ моемъ послѣднемъ письмѣ [55]) просить васъ о присылкѣ необходимыхъ чашекъ, которыя теперь у насъ есть: я должна была сказать себѣ, что ваша доброта предвидитъ всѣ наши нужды. Г-жа Боркъ приказала мнѣ вести счетъ тѣмъ двумъ экю, которыя она по вашимъ щедротамъ передала мнѣ, такъ что мои обожаемые, дорогіе родители увидятъ, что я не дѣлаю расходовъ безъ надобности и что я стала очень экономной, не будучи, однако, скупой; потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ. Обожаемая моя мама! Могу ли я просить у васъ извѣстій о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьи, и прошли ли у моего дорогаго папа страданія отъ ноги? Я желаю этого отъ всего моего сердца, потому что я бываю очень несчастна, когда знаю, что страдаетъ кто-нибудь изъ моихъ дорогихъ родителей. Чрезъ почту, которая пойдетъ въ Воскресенье, я буду имѣть честь отдать вамъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ на этой недѣлѣ и надѣюсь своимъ прилежаніемъ доказать глубочайшее уваженіе, съ которымъ я и проч.»

Въ концѣ Октября всѣ дѣти переболѣли. Принцесса такъ извѣщала объ этомъ своихъ родителей 28 Октября: «Извините, обожаемая мама, что я не имѣла чести писать вамъ въ послѣдній разъ. У меня болѣлъ желудокъ, и это удерживало меня въ постели; но теперь, слава Богу, я совершенно поправилась. Мой дорогой дѣдушка [56]) былъ такъ добръ, что прислалъ г. Берендта, хотя теперь мы уже не имѣемъ въ немъ нужды, потому что все идетъ хорошо [57]). Братья Людвигъ и Евгеній обѣдаютъ уже съ нами, и надѣются, что братья Фердинандъ и Вильгельмъ тоже вскорѣ встанутъ. Мои братья были такъ добры, что сдѣлали мнѣ очень красивые подарки въ день моего рожденія» [58]). Въ свою очередь и принцесса дарила братьевъ, когда праздновались ихъ дни

---

[55]) Этого письма нѣтъ въ черновыхъ тетрадяхъ (Études de S. M. I-le) Павловскаго дворца.

[56]) Маркграфъ Бранденбургъ-Шведтскій.

[57]) Принцесса написала сначала: „mais Dieu merci, tout va bien“. Эти слова зачеркнуты, и рукою гувернантки написано: „quoique nous n'en ayons plus besoin, car tout va bien“. Эта поправка г-жи Боркъ—почти единственная въ цѣломъ рядѣ писемъ, хотя вліяніе ея наставленій чувствуется иногда въ письмахъ

[58]) 14 Октября по старому стилю, и 25 Октября по новому.

рожденія. Но эти дѣтскіе праздники не могли быть веселы, такъ какъ болѣзнь оказалась болѣе важною, чѣмъ думали,—страшной въ то время оспой, и помощь доктора Берендта была не только не лишней, но существенно успокоивала пришедшую въ уныніе семью. Можно представить себѣ, какъ тосковали при такихъ обстоятельствахъ дѣти въ отсутствіи горячо любимыхъ отца и матери. и выразительницей ихъ чувствъ была постоянно та же принцесса Софія-Доротея, хотя ея нездоровье также продолжалось. Родители съ своей стороны старались издалека ободрять и веселить больныхъ. 8-го Ноября Софія-Доротея писала: «Я тронута была до глубины души, обожаемая мама, когда г-жа Боркъ передала мнѣ о всѣхъ милостяхъ и добротѣ вашей къ бѣднымъ вашимъ дѣтямъ. Но, слава Богу, они совершенно оправились. Людвигъ еще въ постели, но чувствуетъ себя довольно хорошо. Вильгельмъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и сегодня въ первый разъ танцовалъ съ нами. Фридрихъ также могъ бы выйти, еслибъ не боялись, что онъ можетъ заразить Фердинанда, такъ какъ онъ постоянно вмѣстѣ съ Людвигомъ. Я не совсѣмъ здорова, но не боюсь оспы, которая была у меня прежде». Когда, наконецъ, карантинъ кончился, дѣти нѣсколько ожили. «Мы чрезвычайно рады», писала принцесса 12 Ноября: «Людвигъ теперь внѣ всякой опасности. Г-жа Боркъ была вчера у него и сказала мнѣ, что его оспины совершенно засохли, за исключеніемъ оспинъ на носу».

При этихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ и при ея собственномъ нездоровьи, учебныя занятія принцессы, а равно и хозяйственныя хлопоты продолжались своимъ чередомъ. «Я почтительно прошу у васъ, безцѣнная мама, писала Софія-Доротея 12 Ноября, немного денегъ, а также чашекъ, потому что всѣ чашки здѣсь разбиты, даже чашка маленькаго Фердинанда, и г-жа Боркъ снабжаетъ насъ своими; но и изъ нихъ двѣ уже разбиты. Извините, дорогая мама, что я постоянно сообщаю вамъ о нашихъ общихъ нуждахъ; мнѣ поручили это младшіе мои братья и позволила г-жа Боркъ. Я не стала бы надоѣдать вамъ, еслибы къ этому не принудила меня необходимость». Уже 17-го Ноября маленькая добрая хозяйка думаетъ объ удовольствіи, которое она можетъ доставить прислугѣ своими подарками въ день Рождества Христова, и проситъ мать дозволить ей подарить горничной Гретхенъ нѣкоторыя свои вещи. «Онѣ уже такъ изношены, увѣряла она, что я не могу ихъ больше употреблять»; той же участи должно было подвергнуться и ея платье изъ Страсбурга, на томъ основаніи, что оно сдѣлалось принцессѣ коротко. «Я надѣюсь, прибавляла она, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, вы, которая балуете меня болѣе, чѣмъ я этого заслуживаю; по крайней мѣрѣ, я умѣю быть благодарной, и ничто не можетъ сравниться съ моимъ

къ вамъ уваженіемъ, благодарностью и покорностью» [59]). И на праздникахъ добрая дѣвочка думала не объ одной себѣ; когда отецъ прислалъ ей въ подарокъ денегъ къ празднику, она писала матери: «я была тѣмъ болѣе тронута, что не ожидала этой доброты, доставившей мнѣ возможность помочь бѣднымъ» [60]).

Новый 1769 годъ встрѣтила Софія-Доротея невесело. Едва выздоровѣли ея братья, какъ она получила извѣстіе, что страданія ея отца отъ раны возобновились съ новой силой. Къ родителямъ своимъ она вообще питала самую сильную, нѣжную дочернюю любовь и старалась всячески заслужить ихъ одобреніе. Тѣмъ болѣе она была огорчена, когда, въ началѣ 1769 года, ея мать выразила въ письмѣ къ г-жѣ Боркъ неудовольствіе по поводу какого-то дѣтскаго проступка своей дочери. Отчаяніе Софіи-Доротеи не знало предѣловъ, и она написала матери, умоляя ее о прощеніи и говоря даже, что она недостойна носить имя своихъ обожаемыхъ родителей. Вслѣдъ затѣмъ ея сердцу, страдавшему отъ разлуки съ родителями, суждено было испытать новое огорченіе, вслѣдствіе отъѣзда всѣхъ пяти ея братьевъ въ Швейцарію, въ Лозанну, куда они отправлены были, по приказанію отца, въ сопровожденіи воспитателя ихъ Моклера, для довершенія образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не сочувствовать имъ, такъ какъ на пути своемъ они должны были увидѣться съ родителями и провести съ ними нѣкоторое время [61]). Софія-Доротея осталась только съ двумя маленькими сестрами—Фредерикой и Елисаветой и тосковала въ опустѣвшемъ для нея Трептовѣ. Ея уединеніе раздѣляла съ нею подруга ея дѣтства, дѣвица Шиллингъ фонъ Канштатъ, о которой она упоминаетъ иногда въ своихъ письмахъ. Домашніе, зная привязанность принцессы къ ея братьямъ, не предувѣдомили ея объ ихъ отъѣздѣ, а гувернантка г-жа Боркъ даже увезла ее погостить къ своей матери въ день, когда они должны были уѣхать, чтобы отвратить потоки слезъ на прощаніи съ ними своей мягкой и чувствительной ученицы. «Безцѣнные и дорогіе мои братья, писала имъ огорченная сюрпризомъ сестра, я была въ отчаяніи, когда, возвратившись изъ Колпина, я уже не нашла васъ, мои дорогіе, и сердце мое страдаетъ еще болѣе, потому что вы уѣхали, не доставивъ мнѣ печальнаго утѣшенія проститься съ вами. Богъ да поможетъ вамъ во

---

[59]) Письмо отъ 17 Ноября одно изъ послѣднихъ съ обозначеніемъ времени; слѣдующія затѣмъ письма приводятся по нумерамъ проставленнымъ въ черновыхъ тетрадяхъ.

[60]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 1-я, письмо № 21.

[61]) Stark, 16.

всѣхъ дѣлахъ вашихъ.... Могу ли я, впрочемъ, жаловаться, когда вы бросили мѣсто скуки, чтобы войти въ большой свѣтъ? Вы, быть можетъ, на дорогѣ будете имѣть счастіе видѣть нашихъ обожаемыхъ родителей, тогда какъ я протоскую еще нѣсколько мѣсяцевъ въ моемъ печальномъ убѣжищѣ. Я говорю это вамъ вовсе не изъ зависти, потому что я люблю васъ до обожанія, и нѣтъ такого счастія, котораго я не пожелала бы вамъ отъ глубины души. Я только чувствую свое несчастіе, и это естественно. Маленькая прекрасная Фредерика мысленно обнимаетъ васъ много разъ; маленькая Елисавета тоже. Прошу васъ, любите меня всегда хотя немного и не забывайте меня, прошу васъ» [62]). Оживленная, самая теплая переписка любящей сестры съ братьями продолжалась до отъѣзда ея въ Монбельяръ.

Приведенныхъ мѣстъ изъ переписки принцессы Софіи-Доротеи съ родными, кажется, довольно, чтобы ясно представить себѣ образъ этой симпатичной дѣвочки въ 1768—1769 гг. и вполнѣ повѣрить свидѣтельству лицъ, знавшихъ ее въ это время и отзывавшихся о ней восторженно. Это была любимица семьи и всѣхъ окружавшихъ, полагавшая свое счастіе въ счастьи другихъ. Идеалъ ея матери начиналъ воплощаться въ дочери: при необычайномъ развитіи чувства въ принцессѣ Софіи и въ это время уже проявилась способность къ хозяйству, любовь къ точности и порядку. Уже одна аккуратность въ веденіи переписки съ родителями, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ домашняго обихода, и чистота черновыхъ тетрадей, въ которыхъ первоначально писались, почти безъ помарокъ, эти письма, доказываютъ склонность принцессы къ обдуманному, методическому образу дѣйствій: ихъ нельзя объяснить одними внѣшними побужденіями. Замѣтно даже излишнее, и даже странное для 9-ти лѣтней дѣвочки стремленіе—анализировать и объяснять свои дѣйствія, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь дѣвочка только повторяла слова своей гувернантки [63]). Что касается до умственнаго развитія принцессы, то, читая ея письма, едва вѣришь, что они принадлежатъ 9-лѣтней дѣвочкѣ: нѣкоторыя письма, по своему содержанію и языку, свидѣтельствуютъ о раннемъ умственномъ развитіи даровитаго существа, уже давно подвергшагося дѣйствію строгой образовательной школы. Къ сожалѣнію, въ исторической литературѣ почти вовсе нѣтъ прямыхъ извѣстій о первоначальномъ обра-

---

[62]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, письмо № 40.

[63]) Таковы, напр., ея слова: „я сдѣлаюсь очень экономной, не будучи, однако, скупой, потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ“. См. приведенное выше письмо отъ 5 Октября 1768 г.

зованіи принцессы Софіи-Доротеи. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны только нѣсколько относящихся сюда строкъ въ запискахъ графини Хотекъ, подружившейся съ принцессой нашей, когда она была уже великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. «Она, говоритъ графиня Хотекъ, разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію» [64]). Подробности эти, однако, для насъ, должно быть, пропали навсегда, ибо графиня не сообщила ихъ; но за то фактъ даровитости принцессы Софіи, выразившійся въ томъ, что девяти лѣтъ она изучала уже геометрію, подтверждается дѣйствительно ея дѣтскими письмами, на основаніи которыхъ мы и постараемся по возможности возстановить картину ея первоначальнаго образованія.

Принцессу Софію-Доротею начали учить чтенію и письму довольно рано, вѣроятно, на шестомъ году: мы заключаемъ это изъ того, что, въ этомъ же возрастѣ, какъ мы видѣли изъ ея писемъ, учился грамотѣ и младшій братъ ея Фердинандъ. Все первоначальное ея образованіе, безспорно, лежало подъ наблюденіемъ матери на рукахъ гувернантки г-жи Боркъ. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что, при изученіи Французской и Нѣмецкой грамоты, бывшихъ одинаково важными предметами изученія для принцессы Софіи, обученіе Французскому письму велось исключительно подъ руководствомъ г-жи Боркъ: мать принцессы, какъ видно изъ хранящихся въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ писемъ ея, писала по-французски настолько неправильно, что придерживалась болѣе звуковой, чѣмъ этимологической орѳографіи, и въ этомъ отношеніи ея письма уступаютъ даже дѣтскимъ письмамъ принцессы, въ которыхъ вообще ошибокъ въ правописаніи сравнительно немного [65]). Въ тоже время г-жа Боркъ знакомила постоянно свою ученицу и съ курсомъ ариѳметики. Такимъ образомъ въ учебномъ дѣлѣ мать принцессы Софіи-Доротеи отступила отъ программы Руссо, который ни во что не ставилъ интеллектуальное преподаваніе (Эмиль долженъ былъ приниматься за ученіе лишь 15-ти лѣтъ отъ роду). Въ этомъ отношеніи заботливая мать, очевидно, дѣлала то, что нѣ-

---

[64]) Русскій Архивъ, 1873 г., столбцы 1969—1970.

[65]) Нужно замѣтить при этомъ, что уроки чистописанія или вообще были довольно слабы, или не давались маленькой принцессѣ: Марія Ѳеодоровна всегда имѣла неправильный и чрезвычайно сжатый почеркъ, иногда очень трудно поддающійся чтенію. Природная близорукость Маріи Ѳеодоровны еще болѣе портила ея почеркъ: иногда онъ до такой степени мелокъ, что для удобства чтенія приходится прибѣгать къ помощи увеличительнаго стекла.

сколько позже, въ 1770 г., совѣтовалъ основатель филантропизма Базедовъ въ своемъ «Методическомъ руководствѣ для отцовъ и матерей семействъ» [66]). Возможно раннее обученіе дочери, связывалось конечно съ мыслью о томъ, что въ 15 — 16 лѣтъ дѣвушка могла быть уже невѣстой, а до этого времени мать желала дать дочери такое же возможно - полное образованіе, какъ и сыновьямъ. Здѣсь принцесса Доротея расходилась и съ Базедовымъ, который, предъявляя большія требованія относительно образованія сыновей, считалъ нужнымъ давать дѣвочкамъ лишь самое элементарное образованіе и придерживался старо-нѣмецкаго, семейнаго взгляда на женщину, какъ на хозяйку. Раннее начало ученія, при способностяхъ, обнаруженныхъ принцессой Софіей-Доротеей, облегчалось также самыми пріемами преподаванія, котораго главнымъ условіемъ было не подавлять ученицы многопредметностью и большимъ количествомъ уроковъ, а дѣлать ученіе непринужденнымъ и пріятнымъ. Такъ, въ особенности, поставлено было дѣло преподаванія Закона Божія [67]), языковъ, изящныхъ искусствъ и рукодѣлія. Французскій языкъ даже сдѣлался принцессѣ столь же роднымъ, какъ и Нѣмецкій, такъ что и преподаваніе наукъ велось, по установившемуся впрочемъ, въ то время въ высшихъ слояхъ общества правилу, на Французскомъ языкѣ. На девятомъ году принцессу стали знакомить съ исторіей и географіей. Къ сожалѣнію, географія понималась въ то время исключительно въ смыслѣ политической. Представляя собою лишь сухой перечень владѣній, городовъ, рѣкъ и т. д., при тогдашней политической раздробленности Германіи, отечественная географія, безъ сомнѣнія, составляла для принцессы Софіи-Доротеи особую трудность; образчикъ тяжелаго, ложившагося исключительно на память ученицы географическаго преподаванія мы уже видѣли въ ея письмѣ отъ 27-го Сентября. Исторія, также исключительно политическая, преподавалась ей въ видѣ систематическаго курса, начиная съ древнихъ временъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одновременно съ древней исторіей, преподававшій принцессѣ исторію и географію, нѣкто

---

[66]) Въ уставѣ своемъ для сельскихъ школъ, изданномъ въ Пруссіи 2-го Октября 1763 г., Фридрихъ II обязательное обученіе для дѣтей установилъ также довольно рано: оно могло начинаться съ пяти лѣтъ. См. *Шмидта* „Исторію Педагогики", стр. 561, т. III.

[67]) Въ архивѣ Павловскаго дворца, въ Études de Sa Majesté Impériale № 1, сохранилась тетрадь, въ которой дѣтской рукой Маріи Ѳеодоровны переписано на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ стихотворное переложеніе XVIII псалма. Подъ переложеніемъ, не совсѣмъ старательно переписаннымъ, суровая гувернантка отмѣтили карандашомъ въ назиданіе своей ученицѣ: „la princesse aînée n'apprend rien et n'est pas sage". Это переложеніе преслѣдовало, очевидно, воспитательную цѣль; ибо, вслѣдъ за нимъ помѣщенъ кодексъ нравственныхъ правилъ, упомянутыхъ нами выше и носившихъ заглавіе „Sens moral".

Лаземанъ, сталъ сообщать ей отрывки и изъ новой. «Когда я кончаю изученіе какой-либо страны по картѣ, г. Лаземанъ (пишетъ принцесса родителямъ 17 Ноября 1768 г.) сообщаетъ кое-что изъ новой исторіи этой страны, и такъ какъ я прежде писала вамъ о географіи Нидерландовъ, то въ настоящее время сообщу вамъ объ ихъ исторіи и начну съ эпохи ихъ раздѣленія». Впрочемъ, этотъ пріемъ не измѣнилъ нисколько въ сущности сухаго и подробнаго изложенія историческихъ событій; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ изложеніе оживлялось попыткой дать объясненіе какого-либо историческаго явленія. На одномъ изъ такихъ уроковъ принцесса Софія-Доротея познакомилась и съ Русской исторіей въ лицѣ величайшаго изъ ея дѣятелей, Петра Великаго. Нужно сказать, что при изложеніи его жизни почему-то измѣнена была обычная сухость преподованія и сдѣлано объясненіе его исторической дѣятельности. Приводимъ это мѣсто вполнѣ: «Петръ Великій, пишетъ принцесса, по всей справедливости, заслужилъ это наименованіе и право принять императорскій титулъ, потому что во время своихъ путешествій онъ понялъ, что онъ былъ въ дѣйствительности одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ Европѣ и что нуженъ только творческій, философскій, предпріимчивый и неутомимый умъ, чтобы сравнять его государство съ самыми могущественными государствами Европы; а Петръ одаренъ былъ всѣми великими качествами. Онъ создалъ новую армію, уничтоживъ часть старой, флотъ, морскую торговлю; онъ поднялъ финансы, потому что они были слишкомъ недостаточны для успѣха его великихъ начинаній; онъ устроилъ нѣсколько новыхъ портовъ; онъ произвелъ реформы въ гражданскомъ, церковномъ и образовательномъ отношеніи, потому что его подданные были очень невѣжественны и даже не хотѣли разстаться съ своимъ невѣжествомъ; онъ основалъ Московскій Университетъ (sic!) и Академію Наукъ въ своемъ новомъ городѣ и резиденціи Петербургѣ, и если онъ не предпринялъ всѣхъ своихъ работъ въ военное время, то, однако, его безпрерывныя войны и не препятствовали имъ. Онъ побѣдилъ застарѣлые предразсудки своихъ подданныхъ, тайные ковы духовенства, явныхъ и тайныхъ своихъ враговъ, которые противодѣйствовали постоянно его начинаніямъ, и, несмотря на всѣ эти препятствія, онъ не остановился предъ начинаніями, пользу которыхъ для подданныхъ и для своей имперіи онъ понималъ. Хотѣли очернить характеръ этого государя, упрекая его въ жестокости; но нужно согласиться, что въ просвѣщенномъ государствѣ умѣренное наказаніе производитъ почти тоже дѣйствіе, какъ строгое—въ государствѣ невѣжественномъ и деспотическомъ. Можно также оправдывать жестокость Петра Великаго дѣйствіемъ яда, который данъ былъ ему въ его юношескіе годы и отъ

котораго у него бывали иногда припадки ярости» [68]). Вотъ первое упоминаніе о Россіи и Петрѣ, которое мы встрѣтили въ учебныхъ записяхъ нашей принцессы и которое соотвѣтствовало дѣтскимъ ея впечатлѣніямъ, указаннымъ нами ранѣе. Что̀ касается до извѣстія, сообщаемаго г-жою Оберкирхъ, что Россія и Петръ Великій сдѣлались извѣстны будущей Русской государынѣ главнымъ образомъ изъ разсказовъ Моклера, женатаго на баронессѣ Лефортъ, происходившей изъ семейства Лефорта, знаменитаго собесѣдника и друга Петра Великаго [69]): то, безъ сомнѣнія, оно относится къ позднѣйшему времени; потому что Моклеръ былъ въ Женевѣ въ первый разъ въ 1769 г., а женился на Лефортъ въ Іюлѣ 1782 г. [70]), когда принцесса Софія-Доротея была уже Русской великой княгиней Маріей Ѳедоровной. Въ годы дѣтства принцессы Моклеръ, значитъ, могъ быть для нея лишь такимъ же источникомъ свѣдѣній о Россіи, какъ и другія окружавшія ее лица, изъ которыхъ нѣкоторыя были живою лѣтописью Русской славы. – Лаземанъ давалъ ей уроки исторіи, а г-жа Боркъ повторяла иногда съ ней историческіе уроки. Вообще, г-жа Боркъ имѣла въ это время большое вліяніе на принцессу. «У г-жи Боркъ, писала она родителямъ, мы уже нѣсколько времени повторяемъ Римскую исторію, и чѣмъ болѣе подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе она меня балуетъ и доставляетъ мнѣ удовольствіе; мы повторили у нея также священную исторію и исторію Бранденбурга. Она была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія, въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [71]). Этими повтореніями уроковъ у г-жи Боркъ и бесѣдами принцессы съ нею, безъ сомнѣнія, смягчалась сухость историческаго и географическаго преподаванія, носившаго отпечатокъ стараго Нѣмецкаго педантства. Гораздо лучше и легче шли, вѣроятно, занятія по геометріи, которыя начаты были подъ руководствомъ Моклера и прерваны его отъѣздомъ съ братьями принцессы Софіи-Доротеи въ Женеву, въ Маѣ 1769 года. О своихъ успѣхахъ въ геометріи принцесса съ удовольствіемъ упоминаетъ въ письмахъ къ матери [72]).

---

[68]) Études de S. M. Impériale; дѣтскія письма Маріи Ѳеодоровны, тетр. 2-я, письмо № 25.

[69]) *Oberkirch*, 1, 25.

[70]) *Stark*, 17.

[71]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, № 30.

[72]) Тамъ же, письмо № 33.

Лѣтомъ 1769 г., съ переѣздомъ въ Монбельяръ, завершился первый, Трептовскій періодъ жизни принцессы Софіи-Доротеи, который мы старались представить въ возможно болѣе ясныхъ чертахъ, насколько позволяла намъ сдѣлать это скудость относящихся къ этому времени источниковъ. Но важность впечатлѣній перваго дѣтства, послужившихъ задатками нравственныхъ и умственныхъ свойствъ принцессы, конечно, могла опредѣлиться лишь дальнѣйшей жизнью въ Монбельярѣ, гдѣ умственный и нравственный обликъ будущей Русской императрицы получилъ уже ясное выраженіе и гдѣ окончательно сформировался ея характеръ.

Намъ неизвѣстны въ точности обстоятельства, вызвавшія переѣздъ Фридриха-Евгенія изъ Трептова въ Монбельяръ (по-нѣмецки Mömpelgard). Можно однако сказать съ увѣренностію, что виновникомъ оставленія Виртембергскимъ принцемъ Прусской службы былъ не Фридрихъ II, всегда отличавшій его и помогавшій ему даже въ его семейныхъ дѣлахъ [73]). Переѣздъ въ Монбельяръ объясняется вѣрнѣе всего семейными причинами. Семья принца была уже настолько велика, что родители съ тревогой начали думать о средствахъ дать дѣтямъ воспитаніе и затѣмъ приличное ихъ сану положеніе; въ особенности озабочивало ихъ воспитаніе сыновей, изъ которыхъ старшему Фридриху, въ 1768 году, исполнилось уже 14 лѣтъ. Между тѣмъ финансовыя средства принца всегда были ничтожны; служба въ Пруссіи, при скупости Фридриха, не могла обезпечить семью отъ нужды; а старшій братъ владѣтельный герцогъ Виртембергскій Карлъ - Евгеній, среди безумной роскоши и оргій двора своего, не считалъ, однако, для себя возможнымъ помогать младшему брату [74]). Это стѣсненное положеніе Фридриха-Евгенія становилось для него тѣмъ болѣе тяжкимъ, что не дававшая ему покоя Кунерсдорфская рана не дозволяла ему аккуратно и строго исполнять требованій Прусской военной службы. Нѣтъ ничего удивительнаго, значитъ, въ томъ, что Фридрихъ-Евгеній могъ воспользоваться неравнымъ бракомъ втораго брата своего Людвига, чтобы съ помощью Фридриха II заставить Карла-Евгенія дать себѣ болѣе прочно и обезпеченное положеніе, тѣмъ болѣе, что его сыновья являлись те-

---

[73]) Переписку Фридриха-Евгенія съ Фридрихомъ II, всегда носившую дружественный характеръ, см. у *Stark'a*, 43—51.

[74]) Принцесса Фредерика-Доротея, супруга Фридриха-Евгенія, получила свое приданое, сравнительно небольшое, лишь позже, послѣ смерти отца своего, маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго. См. въ Архивѣ Павловскаго дворца пачку: Affaires de Wirtemberg и находящуюся въ ней собственноручную черновую записку импер. Маріи Ѳеодоровны, безъ заглавія, о потеряхъ понесенныхъ ея отцомъ во время Французской революціи.

перь будущими наслѣдниками Виртембергскаго престола и, какъ протестанты, пользовались расположеніемъ Виртембергскихъ сословій. Карлъ-Евгеній согласился назначить брата своимъ намѣстникомъ въ Монбельяръ, гдѣ Фридрихъ-Евгеній могъ пользоваться сравнительно болѣе обезпеченнымъ и независимымъ положеніемъ, чѣмъ на Прусской службѣ. Не говоримъ уже о близости къ Франціи и о прекрасномъ климатѣ Монбельяра сравнительно съ печальнымъ и скучнымъ Трептовымъ, съ тупою накрахмаленностью тамошняго быта, надъ которою такъ смѣется геніальная Екатерина II-я (въ неизданной части своихъ Записокъ, при описаніи жизни своей до пріѣзда въ Россію). Изъ дѣтскихъ писемъ принцессы Софіи видно, что родители ея уже не возвращались въ Трептовъ, а поручили г-жѣ Боркъ привезти къ себѣ Софію-Доротею и маленькихъ сестеръ ея въ особомъ, нарочно присланномъ для этой цѣли дормезѣ. Соскучившіяся по родителямъ дѣти съ радостію встрѣтили это извѣстіе и безъ сожалѣнія оставили Трептовъ, 29 Іюня 1769 г. [75]); по дорогѣ въ Монбельяръ, не извѣстно въ точности гдѣ, съѣхались они съ родителями и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Монбельяръ 7-го Іюля [76]).

Монбельяръ, принадлежащій теперь Франціи, былъ тогда главнымъ городомъ небольшаго графства, которое перешло къ Виртембергу въ 1723 году, за прекращеніемъ герцогскаго дома, составлявшаго вѣтвь Виртембергскаго дома. Это былъ небольшой, но красивый и хорошо устроенный городъ, расположенный въ живописной мѣстности между отрогами Вогезовъ, по теченію рѣки Дуба. Жители, занимавшіеся торговлею, были зажиточны; но, будучи Французами и издавна привыкнувъ имѣть собственныхъ графовъ и герцоговъ, не могли быть довольны своею зависимостью отъ Виртемберга, въ которую они были поставлены благодаря случайности. Вотъ почему пріѣздъ къ нимъ Фридриха-Евгенія, на котораго они стали смотрѣть какъ на преемника своихъ старыхъ герцоговъ, вызвалъ у нихъ полное сочувствіе. Не менѣе радовало жителей Монбельяра и протестантское вѣроисповѣданіе семьи герцога и любовь ея къ просвѣщенію, такъ какъ они сами, будучи издавна усердными протестантами, въ тоже время заботились о поднятіи у себя уровня образованія и имѣли хорошо устроенную гимназію и прекрасную публичную библіотеку [77]). Неудивительно, поэтому, что Фридрихъ-Евгеній съ семьею въ Монбельярѣ былъ радостно привѣтствованъ жителями. «Ихъ прибытіе, пишетъ мѣстный историкъ, которое сопровождалось различными праздниками, исполнило радостію

[75]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 3-я, №№ 49—53.
[76]) „Ephémérides du comté de Montbeliard", стр. 254.
[77]) Тамъ же и Oberkirch.

все населеніе Монбельярскаго графства; магистратъ, выразитель всеобщаго ликованія, представилъ герцогинѣ на серебряномъ блюдѣ 3000 ливровъ золотомъ, которые находились въ кружевномъ кошелькѣ цвѣтовъ города. Эти высокіе посѣтители распространяли многочисленныя благодѣянія на всѣ классы населенія, а ихъ пребываніе среди него, въ теченіе 24 лѣтъ, открыло новые источники общественнаго благосостоянія. Быть можетъ, Фридрихъ-Евгеній, страстный любитель охоты, показывалъ себя слишкомъ ревностнымъ къ этой прерогативѣ, слишкомъ жестоко наказывалъ тѣхъ, кто покушался на это его удовольствіе, а въ тоже время не принималъ достаточныхъ мѣръ для огражденія имущества своихъ подданныхъ отъ истребленія его дикимъ звѣремъ; но это единственная вина, въ которой можно было бы упрекнуть этого принца, и не заставилъ ли онъ забыть ее, сдѣлавъ столько блага для страны и показавъ ей столько любви и самопожертвованія?» [16])

Впечатлѣнія природы Монбельяра и жизни въ немъ навсегда запечатлѣлись въ воспріимчивой, дѣтской душѣ принцессы Софіи-Доротеи, внезапно перенесенной изъ холоднаго, равниннаго и скучнаго Померанскаго мѣстечка въ живописный, промышленный городокъ съ его теплымъ, пріятнымъ климатомъ и чудной для сѣверянина растительностью. Здѣсь слова Руссо о необходимости для человѣка жить какъ можно ближе къ природѣ казались вполнѣ понятны, ибо природа здѣсь привлекала къ себѣ человѣка, а не отталкивала, какъ на холодномъ, туманномъ Сѣверѣ. Принцесса Софія-Доротея находилась притомъ еще въ такомъ возрастѣ, когда впечатлѣнія глубже западаютъ въ душу человѣка и опредѣляютъ надолго, если не навсегда, характеръ его внутренней жизни. Многія особенности характера и дѣятельности будущей императрицы Маріи Өеодоровны имѣютъ своимъ источникомъ жизнь ея въ Монбельярѣ, и только въ Монбельярѣ мы и можемъ искать имъ объясненія. Вотъ почему мы должны, насколько позволятъ намъ источники, подробнѣе и точнѣе обрисовать жизнь принцессы Софіи-Доротеи въ новомъ ея мѣстопребываніи и указать вліяніе его на дальнѣйшее развитіе этой еще маленькой сѣверной принцессы.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Фридрихъ-Евгеній и его супруга рѣшились выстроить себѣ дворецъ, который бы могъ удовлетворять ихъ вкусамъ и привычкамъ. Замокъ въ Монбельярѣ, хотя недавно выстроенный, вовсе не удовлетворялъ ихъ стремленію къ жизни на лонѣ природы и

---

[16]) „Ephémérides du comté de Montbeliard“, стр. 254—255. Графство Монбельяръ иногда называлось также герцогствомъ, ибо позднѣйшіе его правители, происходя изъ Виртембергскаго герцогскаго дома, носили титулъ герцоговъ.

къ простотѣ, изяществу обстановки. Это большое, довольно неуклюжее зданіе воздвигнуто было Виртембергскимъ губернаторомъ Монбельяра на мѣстѣ стараго средневѣковаго замка и находилось на высокой утесистой горѣ, командовавшей городомъ и лишенной растительности; только большой дворъ замка осѣнялся старыми тѣнистыми липами. Такія зданія уже казались мрачными, неудобными для жизни при пробудившемся повсюду стремленіи къ сельской жизни и вкусѣ къ идиллическимъ картинамъ природы; даже большіе Европейскіе дворы устраивали себѣ сельскія убѣжища для наслажденія красотами природы, хотя убѣжища эти часто изукрашены были роскошными поддѣлками подъ природу и разными пасторальными затѣями, на которыя только способенъ былъ причудливый и прихотливый XVIII в. Царское Село, Санъ-Суси и Тріанонъ были лучшими образцами богатыхъ лѣтнихъ резиденцій конца XVIII вѣка. Впрочемъ сады этого времени имѣли цѣлью не одно только наслажденіе природой: стремясь къ развитію жизни сердца и находя наслажденіе въ постоянныхъ сердечныхъ волненіяхъ, сентиментальные люди желали, чтобы украшаемая человѣкомъ природа давала пищу и для ихъ чувствительности. Въ этомъ же вкусѣ задумали въ 1770 г. выстроить себѣ лѣтній дворецъ и родители принцессы Софіи-Доротеи, стараясь, однако, сообразно своимъ средствамъ и потребностямъ, замѣнить недостававшую имъ роскошь изяществомъ. Этотъ дворецъ, расположенный близъ деревни Этюпъ, въ окрестностяхъ Монбельяра, и сдѣлался затѣмъ почти постояннымъ жилищемъ для княжеской семьи. Зданіе дворца состояло изъ красиваго двухэтажнаго дома, по обоимъ бокамъ котораго выступали крылья; домъ былъ обнесенъ изящной рѣшеткой, при главномъ входѣ въ которую находились группы и статуи. Но не домъ, самъ по себѣ очень изящный, составлялъ прелесть Этюпа: все очарованіе этого загороднаго дворца заключалось въ огромныхъ и роскошныхъ садахъ его окружавшихъ. «Эти сады, съ увлеченіемъ разсказываетъ Монбельярскій лѣтописецъ, заключали въ себѣ множество предметовъ, способныхъ увеселять глазъ и дѣйствовать успокоительно на сердце. Великолѣпный трельяжъ, представляющій собою *Храмъ Флоры*, со статуей богини въ глубинѣ, въ особенности привлекалъ взоры. Въ другомъ мѣстѣ низкая *Хижина Угольщика*, выразительной противоположности, была внутри богато убрана и украшена; *Молочная* или *Швейцарскій Домъ*, подъ покровомъ сельской простоты, также скрывала въ себѣ драгоцѣнные предметы, между которыми находились фаянсовыя вазы, рисованныя Рафаэлемъ и его учениками. Входъ въ *Хижину Пустынника*, помѣщенную на горѣ, на которую съ трудомъ можно было взойти, представлялъ собою дикое мѣсто, соотвѣтствовавшее жилищу отшельника; возлѣ былъ *гротъ*, весь испещ-

ренный минералами и сталактитами, въ которомъ можно было во всякое время наслаждаться прохладой; далѣе низвергался каскадомъ ручей съ вершины скалистой массы, едва прикрытой нѣсколькими ничтожными кустиками, и разносилъ свѣжесть и прохладу во всѣ части сада; его тихія прозрачныя воды протекали сначала по *зеленымъ коврамъ*, испещреннымъ множествомъ различныхъ цвѣтовъ, потомъ поднимались водянымъ снопомъ, чтобы затѣмъ разсыпаться бездной мелкихъ кристаловъ; *Китайскіе мостики*, разбросанные тамъ-и-сямъ, позволяли переходить этотъ ручей со спокойной увѣренностію. Многочисленныя *бесѣдки* изъ розъ, жасмина и жимолости предлагали свою гостепріимную сѣнь и располагали къ покою и сладкимъ мечтаніямъ; здѣсь *рощица* въ какомъ-либо глухомъ углу скрывала остатки древней *тріумфальной арки* Коринѳскаго ордена, образованной изъ обломковъ колоннъ и капителей, добытыхъ въ развалинахъ древняго Мондера; въ другой рощицѣ возвышалась *колонна*, посвященная *отсутствующимъ*: иниціалы ихъ были вытѣснены на прицѣпленной полоскѣ, окружавшей колонну; невдалекѣ отъ нея видѣли *могилу*, осѣненную плакучими ивами и украшенную надписью, которую герцогиня Виртембергская посвятила памяти своей подруги. Два большихъ *птичника* заключали въ себѣ нѣсколько видовъ иноземныхъ птицъ (изъ нихъ золотой фазанъ былъ особенно замѣчателенъ по своимъ перьямъ); обширная *оранжерея*, которую въ случаѣ нужды превращали въ залу для спектакля, и нѣсколько теплицъ предназначены были для храненія въ зимнее время экзотическихъ растеній, которыя въ другое время года наполняли воздухъ нѣжнымъ и разнообразнымъ запахомъ»[17]). Такой садъ, казалось, долженъ былъ удовлетворять самымъ изысканнымъ потребностямъ сентиментальной души, затрогивая всѣ нѣжныя струны ея сердца; но для матери принцессы Софіи-Доротеи и онъ оказался не вполнѣ отвѣчающимъ цѣли: по крайней мѣрѣ она выстроила себѣ близъ Этюпа еще другой сельскій домъ, назвавъ его «Rêveries» (Грезы), и его особенно любила. Самый домъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ такъ малъ, что состоялъ только изъ салона (гостинной) и двухъ покоевъ для отдыха, отдѣланныхъ изящно и просто. Изъ салона выходили въ рощицу, украшенную вазами и статуями, которую пресѣкали извилистыя тропинки, удвоивавшія удовольствіе и продолжительность прогулки; вездѣ распространялся сладкій запахъ цвѣтовъ, которыми рощица была усѣяна. Съ Сѣвера огибала ее прозрачная вода канала; съ противуположной стороны высокіе тополи бросали свою тѣнь чрезъ ограду на дорогу, которая вела

---

[17]) Ephém. du comté de Montbeliard, p. 482—483.—*Oberkirch*, въ разныхъ мѣстахъ.

къ Этюпу [80]). Эти и нѣкоторыя другія постройки въ окрестностяхъ Монбельяра, соединявшія въ себѣ, по отзыву Маріи Ѳеодоровны, пріятное съ полезнымъ, въ теченіе 20 слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ постепенно расширяясь и украшаясь, сообразно съ улучшеніемъ средствъ своихъ владѣльцевъ, поглотили наконецъ огромную сумму въ милліонъ слишкомъ флориновъ. Принцесса-мать положила на нихъ все свое наслѣдство, полученное ею отъ отца [81]).

При всемъ сочувствіи, которое не можетъ не возбуждать въ здоровомъ человѣкѣ природа и развитіе подъ ея вліяніемъ нравственной жизни въ человѣкѣ, трудно, конечно, вполнѣ понять въ настоящее время крайности сентиментальности. Но было бы несправедливо забывать, что нѣжная чувствительность того времени была естественнымъ воздѣйствіемъ противъ господства черствой, холодной разсудочности, и что это воздѣйствіе послужило источникомъ для развитія въ обществѣ трезваго, чуждаго крайностей взгляда на жизнь и природу. Если даже теперь строгое равновѣсіе между сердцемъ и разсудкомъ составляетъ идеалъ воспитанія, то можно ли было требовать его въ ту эпоху, когда между обоими умственными направленіями шла упорная борьба? Для этой эпохи сентиментальное воспитаніе было протестомъ противъ макіавелизма и іезуитизма въ политическихъ и частныхъ отношеніяхъ, развращенности нравовъ высшаго общества вообще и женщины въ частности, деистическихъ и атеистическихъ воззрѣній, подрывавшихъ религіозныя начала нравственности и вмѣсто нихъ развивавшихъ эпикурейскій, матеріалистическій взглядъ на жизнь. «Вольтеріанство» и въ Россіи, и въ Западной Европѣ могло быть ослаблено только «религіей чувства», правда принимавшей иногда уродливыя, исключительныя формы, но умѣвшей одухотворить природу, обогатить внутренній міръ человѣка и пробудить въ немъ болѣе христіанскія чувства сначала въ сферѣ семейныхъ, а затѣмъ и общественныхъ отношеній. Измѣнился тогда и характеръ лирической поэзіи, выражающей состояніе душевной жизни человѣка: вмѣсто холодной, напыщенной оды явилась глубоко-трогательная, унылая элегія.

Этихъ мыслей нельзя не имѣть при чтеніи подробностей о новомъ жилищѣ принцессы Софіи-Доротеи въ Этюпѣ. Если сентиментальное воспитаніе уже проявилось въ маленькой дѣвочкѣ еще въ

---

[80]) Тамъ же, p. 483; *Oberkirch*, 1, 113.

[81]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Affaires de Wirtemberg; см. указанную выше записку Маріи Ѳеодоровны.

Трептовѣ, то оно должно было подѣйствовать на нее еще сильнѣе въ Этюпѣ, гдѣ самая обстановка располагала къ развитію чувствительности и мечтательности. Уже въ Трептовѣ, какъ мы видѣли, принцесса могла чистосердечно писать матери слѣдующія удивительныя на первый взглядъ строки: «Г-жа Боркъ была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія, въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [82]. Въ Этюпѣ этотъ наивный ребенокъ, такъ простосердечно и чутко относившійся къ нравственнымъ сентенціямъ своей гувернантки, развивался подъ живымъ вліяніемъ прекрасной природы, въ тихой, семейной обстановкѣ, среди кружка любящихъ лицъ, жизнь которыхъ проникнута была строгой нравственностью.

Чистыя, сладкія впечатлѣнія, воспринимавшіяся принцессою въ Этюпѣ, навсегда сдѣлали ей дорогимъ это имя, и вотъ почему всегда предъ воспоминаніемъ о немъ тускнѣла въ глазахъ ея вся роскошь императорскихъ лѣтнихъ помѣщеній. Впослѣдствіи, забывая, конечно, про обманчивость дѣтскихъ впечатлѣній, она говаривала, что ни на минуту не поколебалась бы въ выборѣ между блестящимъ своимъ положеніи въ Россіи и радостью жить скромно въ Этюпѣ, въ обществѣ своихъ родныхъ, лишь бы съ ней былъ горячо любимый мужъ (Павелъ Петровичъ) [83]. «Милый Этюпъ!» восклицаетъ съ своей стороны въ воспоминаніяхъ своихъ новая подруга дѣтства Софіи-Доротеи и повѣренная ея думъ и мечтаній: «ты—лучшее изъ моихъ воспоминаній; какимъ ты мнѣ кажешься пустымъ безъ моей дорогой принцессы, и сколько было въ тебѣ очарованій! [84]).

Къ сожалѣнію, эта новая подруга принцессы Софіи-Доротеи, графиня Генріетта Вальднеръ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за барона-Оберкирха, боясь нескромности, мало раскрываетъ предъ нами внутренній міръ принцессы, ограничиваясь обычными похвалами ея красотѣ, уму и необыкновенной добротѣ. Эта благородная сдержанность, свойственная многимъ составительницамъ мемуаровъ XVIII в. и заставляющая ихъ ограничиваться только пересказомъ событій (не всегда, впрочемъ, пол-

---

[82]) См. выше, стр. 39.
[83]) *Oberkirch*, стр. 35.
[84]) Тамъ же, I, 26.

нымъ по той же причинѣ), не мѣшаетъ баронессѣ Оберкирхъ нѣсколькими интересными чертами освѣтить личность своей высокой подруги и ея семьи. О выдающемся физическомъ и умственномъ развитіи десятилѣтней Софіи-Доротеи свидѣтельствуетъ уже то, что ея задушевный подругѣ было въ это время 15 лѣтъ, а между тѣмъ не видно, чтобы эта значительная разница въ возрастѣ отражалась на взаимной искренности въ отношеніяхъ между подругами; напротивъ, дружба между ними завязалась при первой же встрѣчѣ. Отецъ Генріетты, графъ Вальднеръ, служившій прежде въ Виртембергскомъ полку, жилъ всего въ девяти миляхъ отъ Монбельяра, въ замкѣ своемъ Швейгаузенѣ. По пріѣздѣ Фридриха-Евгенія въ Монбельяръ, онъ счелъ долгомъ ему представиться, и при этомъ герцогиня пожелала видѣть у себя его дочь. Дворъ въ Монбельярѣ не придерживался этикета; напротивъ, въ немъ господствовали простота и непринужденность [85]). Поэтому пріемъ сдѣланный графинѣ Генріеттѣ при этомъ дворѣ, нисколько не походилъ на обычные пріемы Нѣмецкихъ князей, ревнивыхъ ко всякимъ мелочамъ представительности. Ободривъ нѣсколькими словами смущенную Генріетту, герцогиня призвала принцессу Софію-Доротею и, представивъ ей графиню, сказала: «Дитя мое, вотъ молодая особа, которую я даю тебѣ въ подруги; будь также умна и также прилежна, какъ она, и постарайся доказать ей, какъ мы рады ея посѣщенію, чтобы она чаще бывала у насъ». «Вмѣсто отвѣта, разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, принцесса бросилась мнѣ на шею, не соблюдая этикета, что̀ смутило моего отца. Ихъ высочества разсмѣялись: «Мы не въ Версали, баронъ, сказалъ принцъ; ваша дочь можетъ смѣло обнимать мою, а я не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго» [86]). «Принцесса Доротея, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г-жа Оберкирхъ, была такъ же высока ростомъ, какъ и я, хотя ей едва исполнилось тогда десять лѣтъ, и я была высокаго роста. Въ ней уже замѣтно было то, что́ проявилось вполнѣ впослѣдствіи: прекрасный нравъ, сердечная доброта и чудная красота. Хотя она была близорука, но глаза ея были прекрасны, и ихъ прелестное выраженіе казалось выраженіемъ ея души» [87]). Дружба, завязавшаяся при такихъ условіяхъ, не могла не быть прочною. Съ этого

---

[85]) Ephémérides du comté de Montbeliard, p. 483: „La cour était aimable, spirituelle, accesible; la vie sans étiquette et propre au bonheur“.

[86]) *Oberkirch*, I, 23.

[87]) Тамъ же, 20. Около этого же времени Екатерина такъ передавала Ассебургу впечатлѣніе, произведенное на него портретомъ принцессы Софіи: „Скажу вамъ, что находимъ ее для ея лѣтъ очень развитою, а болѣе этого ничего сказать не можемъ; ибо это дитя, о которомъ ожидаемъ отъ васъ подробнаго описанія; но мнѣ кажется, судя по ея чертамъ, что доброта будетъ единственнымъ ея достоинствомъ“. „Русская Старина“, т. XIX, стр. 342.

времени графиня Генріетта стала своею въ семьѣ Фридриха-Евгенія, а молодая принцесса осыпала ее всѣми нѣжными изъявленіями расположенія и довѣрія. Подруги разлучались лишь на время, и даже послѣ ихъ замужества между ними поддерживалась самая дружеская переписка, которая прекратилась лишь со смертію Генріетты [88]).

Обѣ дѣвушки, къ которымъ присоединялась еще Трептовская подруга Софіи-Доротеи, дѣвица Шиллингъ, очень любили идиллическую обстановку Этюпа, сдѣлавшагося ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ. «Тамъ было свободно и привольно, какъ въ домѣ богатаго частнаго лица, желающаго, чтобы у него въ домѣ всѣ чувствовали себя хорошо». Хижина Угольщика была однимъ изъ любимыхъ мѣстъ принцессы; ей разъ пришла даже фантазія переночевать въ ней. «Изъ этого милаго домика, говоритъ далѣе г-жа Оберкирхъ, мы отправлялись въ храмъ Флоры, любовались статуей, несли ей вѣнки и убирали ее гирляндами маргаритокъ. На «зеленыхъ коврахъ» мы играли въ мячъ и шары, къ отчаянію садовниковъ. Цѣлыми часами стояли мы у птичниковъ, гдѣ насъ знали всѣ птицы, которыхъ мы кормили хлѣбнымъ мякишемъ, пирожнымъ и свѣжей травой; попугаевъ учили говорить» [89]). Въ тоже время онѣ невольно изучали природу и садоводство, сдѣлавшееся скоро страстью Софіи-Доротеи. Не могли миновать ихъ и хозяйственныя занятія; ферма, на которой доили коровъ, также постоянно привлекала ихъ къ себѣ [90]). Прогулки молодыхъ, но часто въ своемъ увлеченіи неосторожныхъ любительницъ природы не всегда оканчивались счастливо: однажды, когда старшіе заняты были хлопотами въ день крестинъ новорожденнаго брата принцессы, въ Іюлѣ 1772 года, Софія-Доротея долго гуляла по саду съ своей подругой подъ проливнымъ дождемъ, и обѣ онѣ насквозь промочили себѣ обувь. Послѣдствіемъ этого была болѣзнь, которую онѣ переносили, находясь въ одной комнатѣ и занимаясь, въ заперти, разговорами о Россіи и о ея пріобрѣтеніяхъ во время перваго раздѣла Польши.

Идиллическому настроенію молодой принцессы соотвѣтствовали отчасти и учебныя ея занятія въ это время, направленныя къ изученію природы и воспроизведенію ея въ искусствѣ. Изъ учебныхъ тетрадей Софіи-

---

[88]) Мы слышали, что письма Маріи Өеодоровны къ баронессѣ Оберкирхъ сохранились въ цѣломъ составѣ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, отыскать ихъ мы не могли; по крайней мѣрѣ, ихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ архивовъ, гдѣ мы работали: ни въ Государственномъ, ни въ Павловскомъ, ни въ Маріинскомъ (бывшій IV отдѣленія). Между тѣмъ, переписка эта, поднесенная императору Николаю графомъ де-Монбризономъ (внукомъ г-жи Оберкирхъ) находится безъ сомнѣнія въ Россіи.

[89]) *Oberkirch*, I, 43—44.

[90]) Тамъ же, I, 45.

Доротеи, сохранившихся до настоящаго времени, видно, что въ этотъ періодъ ея жизни (до 1773 г.) къ прежнимъ предметамъ преподаванія Закону Божію, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, Исторіи, Географіи и Геометріи, прибавлена была Миѳологія, преподававшаяся довольно подробно въ теченіе 1771—1774 гг. [91]). Сопоставляя содержаніе учебныхъ тетрадей принцессы Софіи-Доротеи съ разсказами г-жи Оберкирхъ, можно съ увѣренностью предположить, что занятія по научнымъ предметамъ велись почти исключительно въ зимнее время и оставляли широкій просторъ для изученія изящныхъ искусствъ, особенно полюбившихся принцессѣ: музыки, рисованія и рѣзьбы на деревѣ и кости. Изученіе общеобразовательныхъ предметовъ: Исторіи и Географіи велось, впрочемъ, какъ и прежде, безъ ясно опредѣленной системы, въ сухой, схоластической формѣ. Въ видѣ примѣра мы укажемъ на изученіе принцессой исторіи графовъ и герцоговъ Виртембергскихъ, начатое ею въ Апрѣлѣ 1773 г. Оно заключается въ двухъ тетрадяхъ, собственноручно написанныхъ принцессой, и представляетъ собою почти голый хронологическій перечень событій съ 496 г. по 1748 г., сопровождаемый подробной генеалогической таблицей. Тетради эти представляютъ собою два экземпляра одного и того же очерка, изъ которыхъ одинъ написанъ на Французскомъ языкѣ, а другой, очевидно для упражненія въ языкѣ, на Нѣмецкомъ [92]). Разумѣется, такое преподаваніе не могло заинтересовать живую, впечатлительную принцессу; напротивъ, его естественнымъ послѣдствіемъ должны были явиться утомленіе и вялость ученицы при всемъ ея прилежаніи. Желаніемъ ободрить дочь въ этихъ тяжелыхъ для нея занятіяхъ и можно, пожалуй, объяснить то обстоятельство, что принцесса-мать, забывая великую разницу въ возрастѣ, ставитъ прилежаніе Генріетты Вальднеръ въ примѣръ дочери [93]). Кого винить въ такой неправильной постановкѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи за это время, рѣшить весьма трудно. Вѣроятнѣе всего, отвѣтственность должна пасть на г-жу Боркъ; ибо Моклеръ, воспитатель принцевъ, лишь въ 1772 г. окончательно покинулъ съ ними Лозанну и возвратился въ Монбельяръ, а Голландъ поселился въ семействѣ герцога въ Монбельярѣ въ 1773 г. [94]).

Дѣйствительной образовательной школой для ума Софіи-Доротеи было общество ея кроткой и нѣжной матери. Принцесса - мать обык-

---

91) Архивъ Павловскаго дворца: Études de S. M. I-le, № 2, тетрадь 9-я.
92) Тамъ же, Études de S. M. I-le, № 1.
93) Oberkirch, I, 22, 40.
94) Stark, 16, 26.

новенно любила слушать чтеніе избранныхъ литературныхъ произведеній, при которомъ присутствовали и ея домашніе. Читались авторы и Французскіе, и Нѣмецкіе, хотя, конечно, преимущественно обращалось вниманіе на Французскую литературу. Во время чтенія занимались, по обычаю, рукодѣліемъ, въ которомъ принцесса - мать обнаруживала большое искусство. По поводу прочитанныхъ книгъ шла дружеская, откровенная бесѣда между слушателями, и этими бесѣдами молодой умъ развивался постепенно, но прочно. Чтенія и бесѣды эти особенно часто бывали въ 1770—1772 гг., когда принцесса подарила своему супругу еще трехъ сыновей: Карла, Александра и Генриха. Семья герцога состояла теперь изъ восьми сыновей и трехъ дочерей. По возвращеніи старшихъ сыновей изъ Лозанны, кружокъ домашнихъ людей княжеской семьи, кромѣ супруговъ Боркъ, подругъ Софіи-Доротеи Генріеты Вальднеръ и дѣвицы Шиллингъ, состоялъ еще изъ Моклера и Голланда. Это общество, связанное между собою узами дружбы, увеличивалось постоянно пріѣздомъ многихъ замѣчательныхъ лицъ того времени; въ числѣ ихъ былъ, жившій обыкновенно въ Базелѣ, знаменитый Бернульи, домашній врачъ Монбельярской семьи, князь Ратзамгаузенъ, аббатъ изъ Мурбаха, пользовавшійся ореоломъ святости, и много лицъ изъ высшаго, свѣтскаго общества, во главѣ которыхъ былъ самъ владѣтельный герцогъ Виртембертскій, Карлъ-Евгеній. Въ это время Карлъ уже измѣнилъ отчасти расточительный и тиранническій характеръ своего правленія и поддался вліянію графини Гогенгеймъ. Онъ являлся въ Монбельяръ всегда неожиданно, причемъ разыгрывалъ иногда пасторальныя сцены во вкусѣ обитателей Этюпа. Такъ однажды онъ, пріѣхавъ тайно въ Этюпъ, незамѣтно пробрался въ Хижину Пустынника и, призвавъ къ себѣ неожидавшихъ сюрприза племянницу принцессу Софію-Доротею и Генріетту Вальднеръ, дѣлалъ имъ прорицанія о будущей судьбѣ ихъ. Въ честь пріѣзда Карла и другихъ почетныхъ гостей, а также по случаю семейныхъ торжествъ, въ Этюпѣ давались праздники и театральныя представленія. Такъ, въ честь Карла давали въ Этюпскомъ театрѣ извѣстный тогда балетъ «Медею» и для этого выписали даже актеровъ изъ Вѣны, хотя для избалованнаго Штутгартомъ Карла онъ не представлялъ ничего особеннаго. Одинъ изъ маскарадовъ послужилъ поводомъ къ тому, что принцесса Софія стала называть Генріетту Вальднеръ именемъ Ланель, подобно тому какъ другая ея подруга, дѣвица Юліана Шиллингъ, называлась въ семейномъ кругу просто Тилли [95]).

---

[95]) Oberkirch.

Добрыя, мягкія свойства княжеской семьи сказались и на отношеніяхъ къ ней Монбельярскаго населенія. Мы уже видѣли, какъ сочувственно отнеслось оно къ Фридриху-Евгенію по его пріѣздѣ туда и какія добрыя воспоминанія остались о его управленіи. Тоже свидѣтельствуетъ и г-жа Оберкирхъ. «Неисчерпаемая благотворительность герцога и его супруги, говоритъ она, ихъ заботы о своихъ подданныхъ, такъ привыкшихъ къ несчастіямъ, распространили вскорѣ среди населенія Монбельяра богатство и изобиліе... Въ Этюпѣ всѣ были счастливы и старались сдѣлать какъ можно болѣе счастливыхъ» [96]). Разумѣется, что такія теплыя отношенія принца и его супруги къ населенію Монбельяра не остались безъ вліянія и на ихъ дѣтей, въ особенности на Софію-Доротею, доброта которой была выдающимся ея свойствомъ. «Сколько разъ я видѣла, пишетъ г-жа Оберкирхъ, какъ молодыя принцессы отказывались отъ какой либо прихоти, чтобы помочь бѣдному семейству! За то благодарность къ нимъ сохранилась во всѣхъ сердцахъ, и имя ихъ благословляется, а такое счастье оставляетъ навсегда въ душѣ сладкое и трогательное воспоминаніе» [97]). Монбельярскій историкъ, упоминая объ отъѣздѣ принцессы Софіи-Доротеи изъ Монбельяра, въ свою очередь восхваляетъ ея доброту. «Она, говоритъ онъ, не переставала до своей смерти осыпать благодѣяніями нуждающійся классъ города, гдѣ ея присутствіе, во время ея ранней молодости, оставило воспоминанія еще до сихъ поръ (1830 г.) не ослабѣвшія» [98]). Есть извѣстіе, что посредницей принцессы въ сношеніяхъ съ бѣдняками была главная экономка Монбельярскаго двора, извѣстная своими странностями, но въ тоже время и добротою, г-жа Гендель, знавшая чуть ли не поголовно всѣхъ Монбельярцевъ и сообщавшая о нихъ свои свѣдѣнія и принцессѣ Доротеѣ [99]). Доброта и преданность г-жи Гендель привлекали къ ней сочувствіе принцессы, которая и на чужбинѣ, уже великой княгиней, шутя писала о ней г-жѣ Оберкирхъ: «цѣлую прахъ съ башмаковъ г-жи Гендель» [100]).

Честность и трудолюбіе жителей, въ числѣ которыхъ было много Гернгутеровъ, а также Гугенотовъ (изгнанныхъ изъ Франціи Людовикомъ XIV) создали въ небольшомъ, заброшенномъ среди горъ краѣ

---

96) Oberkirch.

97) Oberkirch.

98) Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 401.

99) *Oberkirch*, 1, 402: „Madame la comtesse du Nord (имя, которое приняла Марія Θеодоровна во время поѣздки своей за границу въ 1781 г.) fit beaucoup de bien par son entremise; car, malgré ses ridicules et sa quasi-folie, madame Hendel était une excellente femme, demandant toujours pour les pauvres et dévouée à ses maîtres jusqu'à la mort“.

100) Oberkirch, 1, 88.

множество промышленныхъ и цвѣтущихъ селеній. Главный городъ графства, Монбельяръ, пріобрѣлъ въ XVIII в. торговое значеніе и былъ образовательнымъ центромъ для всей окрестной страны. Кромѣ гимназіи и публичной библіотеки, Монбельяръ былъ извѣстенъ своимъ ботаническимъ садомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовавшимъ насажденію и расширенію Этюпскихъ садовъ. Просвѣщенный духъ жителей выразился въ стремленіи многихъ изъ нихъ къ ученымъ и литературнымъ работамъ. Существовавшій въ Монбельярѣ ботаническій садъ изощрялъ вкусы преимущественно къ изученію естественной исторіи. Вотъ почему ученые Монбельяра сдѣлались извѣстными именно въ этой области знанія и, что́ особенно замѣчательно, самые знаменитые изъ нихъ воспитывались въ Монбельярѣ одновременно съ принцессой Софіей-Доротеей: быть можетъ, и они не были чужды вліянію роскошной Этюпской природы. Въ 1767 г. родился въ Монбельярѣ знаменитый физикъ Парротъ, а два года спустя еще болѣе славный Кювье. Еще ранѣе извѣстны стали въ естествознаніи Монбельярскіе уроженцы: Дювернуа, Гено и др. Изъ лицъ, занимавшихся другими отраслями знанія, нужно указать на извѣстнаго Массона, который родился въ Бламонѣ, близъ Монбельяра, въ 1761 г., и въ Монбельярѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Онъ также любилъ заниматься естествознаніемъ: кромѣ пресловутыхъ своихъ «Mémores secrets sur la Russie», онъ написалъ во время пребыванія своего въ Россіи «Cours mémorial de Geógraphie» и «Les jardins de Samboursky». Развитіе промышленной и общественной жизни въ Монбельярѣ отразилось также основаніемъ въ немъ двухъ ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ и сиротскаго дома для 12 бѣдныхъ дѣвочекъ, открытаго въ 1770 г., на средства богатаго жителя Монбельяра, Петра Бернье [101]). Учрежденія эти пользовались покровительствомъ герцога и его супруги; въ особенности сиротскій домъ долженъ былъ привлекать ея вниманіе, какъ учрежденіе, наиболѣе близкое ея сердцу. Было бы странно предположить, что оно осталось чуждымъ и принцессѣ Софіи-Доротеѣ, которая обыкновенно повсюду слѣдовала за матерью. Все это не должно упускать изъ виду, чтобы объяснить себѣ, почему принцесса, прожившая всю свою молодость въ небольшомъ городкѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживала потомъ замѣчательныя, всестороннія познанія. Ея пытливый умъ и врожденная любознательность и въ Монбельярѣ находили себѣ достаточную и здоровую пищу, чѣмъ она къ своей выгодѣ отличалась отъ многихъ современныхъ ей принцессъ, которыя выростали въ четырехъ стѣнахъ, среди большаго двора, наполненнаго низкопоклон-

---

[101]) Ephémérides du comté de Montbéliard.

ными лицемѣрами, и воспитывали въ себѣ, въ отдаленіи отъ дѣйствительной жизни, лишь любовь къ придворнымъ торжествамъ, сопровождаемую разными предразсудками.

Пока, однако, принцесса Софія-Доротея развивалась и совершенствовалась въ Монбельярскомъ и Этюпскомъ уединеніи, — политика дѣлала свое дѣло, и личность принцессы уже служила при Европейскихъ дворахъ предметомъ тщательнаго вниманія, возбуждая къ себѣ симпатіи и антипатіи заинтересованныхъ въ ея судьбѣ государей и ихъ совѣтниковъ. Знала ли принцесса или, по крайней мѣрѣ, ея родители, что сама Екатерина, эта славная и великая повелительница могущественной Имперіи, еще съ 1768 г. лелѣяла мысль о бракѣ съ принцессой своего единственнаго сына и наслѣдника Павла Петровича? Отвѣчать прямо на этотъ вопросъ очень трудно; но мы можемъ съ увѣренностію сказать, что такой бракъ дѣйствительно былъ одно время предметомъ мечтаній Монбельярскаго семейства. Братъ принцессы Монбельярской, принцъ Фердинандъ Прусскій писалъ ей 11 Мая 1776 года: «Вы желали этого брака три года тому назадъ». (С. Р. И. О., IX, 17). Разговоры о Россіи, которые охотно вела молодая принцесса и съ подругой своей Вальднеръ, и съ воспитателемъ братьевъ, Моклеромъ, ничего не доказываютъ: съ одной стороны, послѣ совершенія какого-либо событія легко увидѣть намеки на него тамъ, гдѣ ихъ не было никогда; а съ другой, что̀ могло быть естественнѣе бесѣдъ о еще мало извѣстной, но грозной Имперіи для принцессы, дѣтскія впечатлѣнія которой связаны были съ именемъ Россіи и Русскихъ? Быть можетъ, невѣдѣніе объ ожидавшей ее судьбѣ оказалось благопріятнымъ для принцессы, не подѣйствовавъ дурно на простоту ея дѣтской обстановки и на развитіе ея нравственныхъ свойствъ среди любящей семьи, въ тихомъ и мирномъ уединеніи: можно съ увѣренностію сказать, что тогда воспитаніе принцессы получило бы нѣсколько иное направленіе. Но родители принцессы не могли разсчитывать, что ихъ дочь займетъ величайшій тронъ въ Европѣ. Герцогъ Карлъ, дѣлавшій своей прелестной племянницѣ въ Хижинѣ Пустынника прорицанія, говорилъ ей шутя, что ее выдадутъ замужъ за какого-нибудь стараго курфюрста, кривоглазаго и хромаго [102]). Въ сущности эта шутка не лишена была основанія, ибо замужество съ курфюрстомъ для мелкой Германской принцессы представлялось блестящей партіей. Сама Екатерина, обративъ вниманіе на принцессу Софію-Доротею, хотѣла предложить ея родителямъ, чтобы они

---

[102]) *Oberkirch*, 1, 46.

отдали ей свою дочь на воспитаніе [103]). Это предположеніе, если бы оно осуществилось на самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть большое вліяніе на характеръ воспитанія принцессы Софіи: въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Русской по духу Екатерины, Софія-Доротея съ дѣтства привыкла бы считать себя Русскою по чувствамъ, отрѣшившись отъ Нѣмецкихъ, съ Прусскимъ оттѣнкомъ, симпатій своихъ родителей; кругозоръ принцессы сдѣлался бы шире, а умъ ея, освобожденный отъ мелочей будничной обстановки Монбельярскаго двора и направляемый Екатериной, поставленъ бы былъ въ болѣе благопріятныя условія для своего развитія. Но за то воспитаніе въ Петербургѣ лишило бы принцессу Софію-Доротею извѣстныхъ намъ поэтическихъ, мягкихъ сторонъ ея характера, оторвавъ ее отъ семьи и поставивъ въ среду одного изъ блистательнѣйшихъ дворовъ Европы. Было, однакожъ, время, когда молоденькая принцесса близка была къ переѣзду изъ скромнаго, поэтическаго Этюпа въ шумный холодный Петербургъ.

Въ 1768 г., озабочиваясь пріисканіемъ невѣсты для Павла Петровича, Екатерина поручила извѣстному ей Датскому дипломату Ассебургу объѣздить маленькіе Германскіе дворы, гдѣ находились принцессы, возрастомъ своимъ подходившія къ возрасту Павла Петровича. Ассебургъ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ дипломатовъ XVIII в., Нѣмецкаго происхожденія, которые, служа поочередно разнымъ государствамъ, въ сущности служили своимъ выгодамъ и продавали ввѣренные имъ интересы Прусскому королю. Это былъ образованный и талантливый проходимецъ, одна изъ тѣхъ иноземныхъ змѣй, по выраженію одного изыскателя [104]), которыхъ въ XVIII и началѣ XIX вѣковъ отогрѣвала на своей груди Россія. Родившись въ подвластномъ Пруссіи Гальберштадтѣ, онъ воспитывался въ Іенѣ, служилъ сначала Касселю, затѣмъ Даніи, а потомъ Россіи, но всегда былъ больше преданъ интересамъ короля Прусскаго, чѣмъ интересамъ двора, которому служилъ. «Онъ не скрывалъ того и говорилъ публично, что интересы короля Прусскаго были для него выше всего прочаго; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать (въ Петербургѣ) сообразно съ своимъ характеромъ Датскаго уполномоченнаго, онъ запутывалъ Польскія дѣла, надѣясь доставить какую-нибудь выгоду королю Прусскому» [105]). Выгоды Фридриха II онъ имѣлъ въ виду и при выполненіи порученія Екатерины II. Проѣзжая чрезъ Трептовъ и отдавъ должное достоинствамъ принцессы Софіи-Доротеи, внучатной

---

103) С. Р. И. О., XIII, 92—93.
104) Архивъ Кн. Воронцова, XXIX, 176.
105) *Шлоссеръ*: „Исторія XVIII в. и начала XIX в.“ СПБ. 1858 г., стр. 78—79.

племянницы Фридриха II [106]), Ассебургъ вскорѣ замѣтилъ, что эта принцесса остановила на себѣ, какъ мы имѣли уже случай упоминать [107]), предпочтительное вниманіе Императрицы, не смотря на крайнюю свою молодость. «Признаюсь вамъ, писала она Ассебургу 23 Января 1771 г., я съ сожалѣніемъ отказываюсь отъ выбора принцессы Виртембергской; но разумъ побѣждаетъ страсть: она слишкомъ молода» [108]). Однако, три мѣсяца спустя, она не только опять занята мыслію о Софіи-Доротеѣ, но и рѣшилась даже пригласить ее въ Россію. «Я возвращаюсь, пишетъ она Ассебургу 14 Мая, къ своей любимицѣ, принцессѣ Виртембергской, которой минетъ двѣнадцать лѣтъ въ будущемъ Октябрѣ. Мнѣніе ея врача о ея здоровомъ и крѣпкомъ сложеніи влечетъ меня къ ней. Она тоже имѣетъ недостатокъ, именно тотъ, что у нея одиннадцать братьевъ и сестеръ; но они всѣ малолѣтны». Затѣмъ Екатерина предлагаетъ Ассебургу разузнать, согласятся ли Фридрихъ-Евгеній и его супруга поручить ей воспитаніе Софіи-Доротеи, предлагая даже взять къ себѣ еще нѣсколько человѣкъ ихъ дѣтей, лишь бы только имѣть возлѣ себя ихъ старшую дочь. «Если бы принцесса-мать захотѣла сама привезти дочерей своихъ, прибавляетъ Екатерина, то она можетъ быть увѣрена въ самомъ почетномъ пріемѣ... Прошу васъ, м. г., сообщить мнѣ вашъ взглядъ на это предложеніе, и полагаете ли вы такое дѣло возможнымъ, зная мѣстныя условія. И если вы увидите надежду на успѣхъ, то обяжете меня, не упустивъ удобной къ тому минуты» [109]).

Между тѣмъ Фридрихъ II-й указалъ уже Ассебургу, что интересамъ Пруссіи всего болѣе соотвѣтствовалъ бы бракъ Павла Петровича съ одной изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ принцессъ (сестра которыхъ была замужемъ за наслѣдникомъ Прусскаго престола, принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ) и тѣмъ пробудилъ его патріотическое усердіе [110]). Вслѣдствіе этого Ассебургъ отвѣчалъ сначала уклончиво [111]), а затѣмъ и прямо враждебно намѣренію Екатерины, стараясь обратить ея вниманіе на принцессъ Дармштадтскихъ. Переписка Екатерины съ Ассебургомъ продолжалась по этому поводу довольно долго—до Октября 1772 года, когда Софіи-Доротеѣ уже исполнилось 13 лѣтъ. Похвалы короля Прусскаго Гессенской принцессѣ

---

[106]) *Assebourg*: Denkwürdigkeiten, 243.
[107]) См. выше, начало II-й главы нашего труда.
[108]) С. Р. И. О., XIII, 66.
[109]) Тамъ же, 92—93:
[110]) *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 82, изд. 3-е.
[111]) С. Р. И. О., XIII, 109.

также не могли оказать вліяніе на Екатерину. «Я знаю, писала она, какъ онъ ихъ выбираетъ, и какія ему нужны; то, что́ ему нравится, едва ли бы насъ удовлетворило; для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше» [112]). Неудивительно поэтому, что Ассебургъ не остановился предъ средствами исполнить желаніе Фридриха II и, кажется, прибѣгнулъ, наконецъ, къ сплетнѣ. По крайней мѣрѣ, изъ обнародованныхъ и извѣстныхъ намъ рукописныхъ свѣдѣній мы не можемъ объяснить себѣ ту причину, которая помѣшала Екатеринѣ призвать Софію-Доротею въ Петербургъ. «Виртембергскую принцессу я отчаялась увидѣть, пишетъ она въ Октябрѣ 1772 г., потому что невозможно было бы показать здѣсь отца и мать въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ въ своемъ донесеніи г. Ассебургъ: это значило бы съ самаго начала поставить дѣвочку въ смѣшное положеніе, которое не позабудется; ей всего 13 лѣтъ, да и то минуло только недѣлю тому назадъ» [113]). Къ сожалѣнію, намъ рѣшительно неизвѣстно, въ чемъ именно заключалось глухое, но, какъ видно, чрезвычайно рѣзкое и серьезное обвиненіе, выставленное Ассебургомъ противъ родителей Софіи-Доротеи, среди другихъ Германскихъ князей того времени выдѣлявшихся, какъ мы уже видѣли, своимъ скромнымъ и нравственнымъ образомъ жизни. Поэтому мы склонны думать, что Ассебургъ умышленно сообщилъ Екатеринѣ какую-либо сплетню, ходившую, быть можетъ, среди «роскошныхъ» Нѣмецкихъ князей о «мѣщанскихъ привычкахъ и вкусахъ» обитателей Монбельяра [114]).

Во всякомъ случаѣ, своимъ донесеніемъ Ассебургъ достигъ цѣли: отъ Екатерины скрыли, что принцесса Дармштадтская Вильгельмина страдала искривленіемъ позвоночнаго столба, и въ Сентябрѣ 1773 г. она

---

112) Тамъ же, 311.

113) С. Р. И. О., XIII. „...Il serait impossible de produire ici le père et la mère dans l'état où ils sont d'après le rapport de monsieur d' Assebourg: ce cerait faire débuter par un ridicule qui ne s'effacerait point la petite fille qui, au bout du compte, *n'a que 13 ans, et cela depuis huit jours seulement*". Изъ словъ Екатерины, напечатанныхъ курсивомъ, видно, что это ея письмо писано въ Октябрѣ 1772 г., и, стало быть, оно напрасно помѣщено въ С. Р. И. О. между бумагами 1773 г. и безъ означенія мѣсяца написанія.

114) Самъ Ассебургъ въ своихъ „Denkwürdigkeiten" ни однимъ словомъ не проговаривается объ этомъ своемъ донесеніи Екатеринѣ II, указывая лишь на молодость принцессы, мѣшавшую осуществленію предположеннаго брака. Донесенія этого нѣтъ ни въ XIII т. Сборника Русскаго Историческаго Общества, ни въ Государственномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени удостовѣриться, нѣтъ ли его въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что это донесеніе отправлено было Ассебургомъ Екатеринѣ немедленно послѣ выраженной имъ въ Августѣ готовности дѣйствовать въ пользу Пруссіи. См. „Denkwürdigkeiten", стр. 280, письмо Ассебурга графу Финкенштейну.

сдѣлалась супругой Павла Петровича подъ именемъ Наталіи Алексѣевны. Въ этомъ содѣйствовалъ Ассебургу убѣжденный сторонникъ союза Россіи съ Пруссіей, графъ Н. П. Панинъ, совѣтами котораго Екатерина пользовалась (и который, между прочимъ, исходатайствовалъ у Екатерины помилованіе того генерала Тотлебена, который, состоя на Русской службѣ во время Семилѣтней войны, измѣннически дѣйствовалъ на пользу Пруссіи) [115].

Въ это время, вдали отъ выше описанныхъ интригъ, вращавшихся около ея личности,—вступала Софія-Доротея въ свой юношескій возрастъ и довершала свое образованіе. Главное вниманіе обращено было при этомъ на историческія и нравственныя науки, причемъ характеръ преподаванія, сухаго прежде, теперь видимо измѣняется. Надо думать, что съ этой поры оно перешло въ другія, болѣе умѣлыя и опытныя руки. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности указать точно преподавателей принцессы Софіи; можемъ только предполагать, что ими были Моклеръ и Голландъ, прибывшіе въ 1772—1773 гг. изъ Лозанны въ Монбельяръ. Принцесса изучала исторію Германіи и Франціи, писала небольшіе историческіе отрывки: «О семи чудесахъ свѣта», «Портреты знаменитыхъ мужей» и «Очеркъ жизни Датской принцессы Доротеи, супруги маркграфа Альберта Бранденбургскаго» [116]. Ей преподаны были также главныя начала Логики и Психологіи и важнѣйшія свѣдѣнія изъ естествознанія (Examen abrégé des oeuvres de création) [117]. Сохранились также писанныя собственноручно принцессой, извлеченныя ею изъ разныхъ авторовъ, «Des Pensées» и Réflexions sur différents sujets de morale». Многія изъ нихъ очень интересны, характеризуя ту нравственную пищу, которая предлагалась принцессѣ и опредѣляя ея нравственный складъ; въ особенности замѣчательны статьи: «De la destination de l'homme», «De la vérité», «De science» и «De la récompense» [118]. Къ изученію языковъ Французскаго и Нѣмецкаго у принцессы Софіи присоединилось еще изученіе Итальянскаго, начатое въ 1773 г., которое также шло практическимъ путемъ [119]. Наконецъ, образованіе принцессы было завершено изученіемъ Геральдики—предмета, знаніе котораго для лицъ изъ высшаго класса общества считалось обязательнымъ [120]. Одно

---

[115]) С. Р. И. О, X, 340—311.

[116]) Архивъ Павловскаго дворца: „Études de S. M. I-le, пачка № 2: №№ 7, 8, 17 De ce qu'on appelle les sept merveilles du monde" въ пачкѣ № 1.

[117]) Тамъже, пачка № 2, №№ 10, 11.

[118]) Тамъже, № 16 и 12.

[119]) Тамъже, пачка № 1.

[120]) Тамъже, пачка № 2

перечисленіе этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ, что принцесса получила по своему возможно-полное, всестороннее образованіе, которое рѣдко получали въ то время женщины. При всѣхъ недостаткахъ этого образованія для будущей Русской государыни, его педантизмѣ и дидактическомъ направленіи въ изложеніи нѣкоторыхъ отраслей знаній, оно однако, дало, принцессѣ тотъ образовательный остовъ, который постоянно пополнялся чтеніемъ литературныхъ произведеній и живою бесѣдою съ умными людьми. Эта живая струя знаній оживляла умственный міръ принцессы и не давала ей остановиться на сухомъ запасѣ знаній, вынесенномъ ею изъ учебныхъ своихъ занятій. Мы не должны поэтому забывать, что умственный міръ принцессы Софіи-Доротеи не ограничивался знаніями, сообщенными ей въ юности; внимательное, серьезное чтеніе было постоянною потребностью принцессы и сдѣлало ее одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Но нравственное съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ воспитаніе сказалось и на характерѣ этого образованія: знакомясь съ различными проявленіями, принцесса не могла сочувствовать ни легкимъ, фривольнымъ литературнымъ произведеніямъ, ни сухому, матеріалистическому взгляду энциклопедистовъ; ее плѣняло, напротивъ, все строго-религіозное, возвышенное или трогательное въ области духа и точное практическое знаніе въ области любимой ею природы.

Въ 1775 г. принцессѣ Софіи-Доротеѣ исполнилось 16 лѣтъ, возрастъ, когда она уже сдѣлалась предметомъ искательствъ со стороны жениховъ. Правда, за принцессой не было и не могло быть приданаго въ виду ограниченности средствъ ея родителей и многочисленности ихъ семейства; но красота принцессы была такъ поразительна, что едва успѣла она выйти изъ отроческихъ лѣтъ, какъ ей представилась вполнѣ приличная, по взгляду родителей, партія: къ ней сталъ свататься наслѣдный принцъ Гессенъ - Дармштадтскій Людвигъ, родной братъ супруги Павла Петровича. Послѣ свадьбы сестры герцогъ Людвигъ началъ служить въ Русской арміи; но его разгульное поведеніе, вмѣстѣ съ невоздержностью языка, погубило его во мнѣніи Императрицы. Въ 1775 г., во время пребыванія своего въ Москвѣ, въ свитѣ Екатерины, онъ въ особенности проявилъ эти свойства, проводя время въ дурномъ обществѣ и едва не вступивъ въ неравный бракъ [121]) «C'est une miserable pécore qui s'énivre tous les jours et qui finira par quelque mauvais esclandre», писала Екатеринѣ г-жѣ Бьелке [122]). Этотъ-то принцъ

[121]) *Кобеко:* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 100.
[122]) С. Р. И. О., XXVII, 67.

видѣлъ Софію-Доротею и сталъ добиваться ея руки. «Принцесса Доротея, пишетъ г-жа Оберкирхъ, въ то время была хороша какъ Божій день; высокаго роста, стройная, она соединяла съ тонкими, правильными чертами лица благородный и величественный видъ. Она рождена была для короны» [123]). Къ принцу Дармштадтскому, говоритъ г-жа Оберкирхъ въ другомъ мѣстѣ, она относилась равнодушно (assez d'indifférence), но она была тронута его вниманіемъ и, послѣ многихъ колебаній, изъявила, наконецъ, свое согласіе. Между обоими дворами дѣло было тогда рѣшено» [124]).

Но едва принцесса Софія - Доротея сдѣлалась, почти противъ воли, невѣстой Гессенъ-Дармшадтскаго принца, какъ на Сѣверѣ произошло событіе, давшее новый, неожиданный поворотъ ея судьбѣ 15: Апрѣля 1776 г. скончалась отъ несчастныхъ родовъ первая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна [125]). Екатерина, крайне недовольная тѣмъ, что ея любимица выходитъ замужъ за принца Людвига, въ тотъ же день рѣшила женить на ней своего овдовѣвшаго сына и, принявъ нужныя мѣры, писала 18 Апрѣля г-жѣ Бьелке: «Я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ Виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены; онъ совсѣмъ не стóитъ ея. Его высочество это—такая .... (pécore), какихъ никогда не бывало» [126])

Дѣйствительно, черезъ четыре мѣсяца принцесса Софія была уже въ Россіи.

Е. Шумигорскій.

---

[123]) *Oberkirch*, 1, 73.

[124]) Тамъже, 1, 67—68.

[125]) На смертномъ одрѣ она призналась своей свекрови, что въ дѣтствѣ ее возили тайкомъ въ Парижъ лечить искривленный позвоночный столбъ. Фридрихъ Великій и его клевретъ Ассебургъ могли знать о томъ. Характеръ Павла Петровича опредѣлился первымъ его бракомъ. П. Б.

[126]) С. Р. И. О., XXVII, 81.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1827-й годъ [1]).

Въ началѣ года я опять пріѣхалъ изъ Манглиса [2]) въ Тифлисъ, но съ твердымъ намѣреніемъ не отлагать болѣе избранія себѣ супруги. Мазаровичъ, коему я въ прошломъ году передъ походомъ говорилъ о намѣреніи моемъ жениться на Ахвердовой, тогда же писалъ къ мачихѣ ея и, какъ я послѣ узналъ, избираемая мною невѣста не изъявила мачихѣ своей совершеннаго согласія быть за мною замужемъ, о чемъ, кажется, не было говорено Мазаровичу, который не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ сего дѣла. Впрочемъ я ему не поручалъ никакого ходатайства, и никому не поручалъ онаго, желая самъ все кончить, какъ сіе и случилось безъ чьей-либо посторонней помощи. Я не колебался въ выборѣ себѣ невѣсты и не помышлялъ избрать Александрину Перфильеву или дочь князя Арсенія Бебутова, но устремилъ мысль свою на нынѣшнюю жену свою, хотя и не чувствовалъ къ ней сильной страсти и хотя мнѣ нѣсколько нравилась княжна Нина Чавчавадзе; но ея лѣта, умъ и воспитаніе далеко отстали отъ тѣхъ же качествъ Сонюшки Ахвердовой. Я совѣщался съ Мазаровичемъ, дабы узнать въ подробности тѣ обстоятельства, которыя затрудняли меня въ рѣшеніи, а именно состояніе дѣлъ ея, сношенія съ мачихою и тотъ обширный кругъ всякаго народа, который ежедневно наполнялъ домъ ихъ и который бы я весьма желалъ удалить отъ себя.

Я узналъ отъ Мазаровича, что хотя и нельзя было ожидать приданаго (потому что все имѣніе оставленное ей и брату ея покойнымъ отцомъ ея было запутано, повидимому безпечностью опекуна князя Чавчавадзе и неумѣренностію мачихи ея), но долговъ она не имѣла, и сего мнѣ было достаточно, ибо я не искалъ богатства, но искалъ жены. О состояніи мачихи

---

[1]) См. 2-ю книгу „Р. Архива", сего года, стр. 536.

[2]) Въ Манглисѣ стоялъ карабинерный полкъ, которымъ командовалъ Н. Н. Муравьевъ. Выше онъ описалъ уже обстановку, въ которой жила будущая его супруга. П. Б.

я также узналъ, что оно было въ самомъ разстроенномъ положеніи, что она была вся въ долгахъ, но что долги сіи нисколько не падали на сиротъ. На счетъ шумнаго круга посѣщавшаго домъ ея Мазаровичъ увѣрялъ меня, что съ появленіемъ моимъ онъ весь разойдется, и сей послѣдній предметъ одинъ только могъ меня затруднять. Впрочемъ, дабы имѣть лучшія свѣдѣнія, я обратился къ Грибоѣдову, коему состояніе дѣлъ ея было извѣстно. Онъ досталъ мнѣ какую-то таблицу, по коей видно было, что долги старухи простирались сверхъ 30,000 р., что имѣніе падчерицы ея хотя и полагалось на лице, но что оно было все почти издержано старухою. Оно состояло изъ дома и сада, которые были заложены и сверхъ того разыгрывались въ лотерею уже 7 лѣтъ въ 80,000 р.; деньги, за билеты вырученныя, болѣе 40,000, были издержаны; выхлопотанные Алексѣемъ Петровичемъ въ пользу вдовы сей отъ Государя 20,000 р. были имъ удержаны въ пользу сиротъ и отданы въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, но опекуномъ взяты. Онъ по нимъ обѣщался платить проценты въ пользу сиротъ, но не дѣлалъ сего, и проценты добывались старухою, продававшею вновь билеты и записывавшею ихъ на приходъ въ капиталъ, коего такимъ образомъ собралось 44,000. Но между тѣмъ опекунъ былъ ей порукой въ займѣ у другаго лица денегъ. Довольно ясно было видно, что ни дома, ни имѣнія сего болѣе не существовало, но меня сіе не безпокоило. Кромѣ того имѣлся еще домъ и пять дворовъ крестьянъ, которые давали небольшой доходъ и коимъ пользовалась старуха; но и сіе не могло остановить меня. Касательно сношеній моихъ со старухою, Грибоѣдовъ увѣрялъ меня, что онъ на моемъ мѣстѣ всячески старался бы удалить ее въ Россію послѣ свадьбы, въ чемъ онъ былъ совершенно справедливъ. Онъ самъ былъ весьма радъ намѣренію моему и всячески старался склонить меня въ дѣлѣ, коемъ не нужно мнѣ было постороннихъ совѣтовъ, почему я и не просилъ его дальнѣйшаго участія. Но тутъ же, при объясненіяхъ, сознался я ему, что Нина Чавчавадзе мнѣ болѣе нравилась, а онъ сознался, что былъ не равнодушенъ къ Ахвердовой, но не помышлялъ о женитьбѣ, потому что не имѣлъ состоянія.

Я не имѣлъ съ Грибоѣдовымъ никогда дружбы; причины сему были разныя. Поединокъ, который онъ имѣлъ съ Якубовичемъ въ 1818 г., на коемъ я былъ свидѣтелемъ со стороны послѣдняго, склонность сего человѣка къ злословію и неумѣстнымъ шуткамъ, иногда даже оскорбительнымъ, самонадѣянность и извѣстные мнѣ прежніе поступки его совершенно отклонили меня отъ него, и въ семъ случаѣ, хотя довѣренность мною ему сдѣланная сближала меня съ нимъ нѣкоторымъ образомъ, но не склонила меня къ нему съ лучшимъ душевнымъ располо-

женіемъ, и я до сихъ поръ остался объ немъ мыслей весьма невыгодныхъ на счетъ его нравственности и нрава.

Между тѣмъ слухъ не знаю на чемъ основанный (ибо я оному повода не давалъ) разнесся по городу, что я женюсь на Перфильевой. Такъ какъ я не былъ оному виною, то и не заботился о прекращеніи онаго, и оставилъ всѣхъ въ заблужденіи семъ, болѣе скрывавшемъ дѣйствія мои для достиженія предполагаемой мною цѣли.

Жена моя имѣла нѣсколько жениховъ. Давно уже, вскорѣ послѣ смерти отца ея, вѣтренная мачиха ея обручила ее почти въ ребячествѣ съ офицеромъ, родомъ Грекомъ, по имени Севиеисъ, который сталъ всѣмъ извѣстенъ славнымъ воровствомъ извѣстной въ мірѣ жемчужины, сдѣланнымъ имъ года четыре тому назадъ въ Москвѣ у купца Зосимы *). Человѣкъ сей, пришелецъ изъ неизвѣстнаго отечества, прибылъ въ Грузію, распустилъ великолѣпные слухи о происхожденіи своемъ и богатствахъ своихъ, подложными письмами обольстилъ Прасковью Николаевну Ахвердову и сдѣлался женихомъ Сонюшки Ахвердовой, но былъ черезъ нѣсколько времени изобличенъ въ плутовствѣ своемъ Грибоѣдовымъ, который выгналъ его изъ Тифлиса, прекратилъ связь его съ домомъ Ахвердовыхъ и тѣмъ пріобрѣлъ неограниченную довѣренность Прасковьи Николаевны.

Другіе женихи, являвшіеся послѣ того, были отдаляемы; но въ послѣднее время походный атаманъ здѣшнихъ Донскихъ полковъ, генералъ-лейтенантъ Василій Дмитріевичъ Иловайскій сталъ часто ѣздить въ домъ и искать расположенія Сонюшки, въ чемъ онъ не могъ успѣть ни по уму своему, ни по качествамъ. Онъ былъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, вдовецъ, человѣкъ тяжелаго нрава и весьма глупый. Онъ думалъ жениться, но затруднялся въ выборѣ невѣсты. У Прасковьи Николаевны однакоже онъ могъ надѣяться на успѣхъ; ибо она, можетъ быть, и пожертвовала бы падчерицею своею въ надеждѣ поправить разстроенныя дѣла свои, выдавъ ее за человѣка богатаго, хотя и пустаго, каковъ былъ Иловайскій; и Сонюшка, видя пользу сего, не поколебалась бы ни минуты отдать ему руку свою съ тѣмъ, чтобъ угодить женщинѣ сей, которую она обожаетъ, какъ родную мать, и къ коей она имѣетъ неограниченную довѣренность; но Иловайскій не принималъ рѣшительныхъ мѣръ и спрашивалъ у всѣхъ совѣта, на ней ли жениться, или на Нинѣ Чавчавадзе. Въ первомъ не успѣлъ, во второмъ получилъ отказъ. Онъ ежедневно посѣщалъ домъ Прасковьи Николаевны и служилъ посмѣшищемъ толпѣ молодежи, отчасти наглой, которую

*) См. подробности въ Воспоминаніяхъ Н. И. Шёвига въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881, I, 238. П. Б.

также принимали въ домѣ семъ слишкомъ хорошо и которая, пользуясь симъ ласковымъ пріемомъ, веселилась и не переставала въ неприличныхъ шуткахъ заочно превозносить красоту и качества Сонюшки, не имѣя на нее никакихъ честныхъ видовъ супружества.

Итакъ, дабы чаще видѣть ту, которую избиралъ себѣ въ супруги, я сталъ ѣздить въ собраніе, въ которое старуха находила удовольствіе ее возить и хвалиться внутренно, видя толпу обожателей окружавшихъ ее. Глупое самолюбіе сіе къ счастью не имѣло дѣйствія на Сонюшку Ахвердову, которая, будучи одарена природнымъ умомъ и отличными правилами, пребыла равнодушной къ симъ похваламъ и умѣла истинновеличественною наружностью своею и пріемами держать обожателей своихъ въ должномъ почтеніи.

Вмѣстѣ съ нею видѣлъ я и Нину Чавчавадзе, которой наружность мнѣ нравилась. Я сталъ за симъ ѣздить въ оба дома сіи, но не долго колебался и рѣшилъ выборъ свой на Сонюшкѣ, послѣ чего и началъ чаще бывать въ домѣ Прасковьи Николаевны.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, на первой или второй недѣлѣ великаго поста, посѣщенія мои сдѣлались ежедневными. Рѣшительное намѣреніе мое не могло болѣе быть скрытно ни отъ кого въ домѣ. Сонюшка при встрѣчахъ со мною отъ застѣнчивости краснѣла; я самъ былъ робокъ, и разговоры наши никогда не были продолжительны. Она мнѣ очень нравилась, и я чувствовалъ, что къ исканію руки ея меня влекло не одно желаніе быть женатымъ; наконецъ, рѣшилъ я долѣе не отлагать сего дѣла и объявилъ о намѣреніи моемъ опекуну ея, князю Чавчавадзе, Мазаровичу и Сергѣю Николаевичу Ермолову. Первому для того, чтобы онъ въ случаѣ разговора о семъ съ Прасковьей Николаевной предупредилъ ее; второму, дабы онъ въ назначенный день пріѣхалъ съ женою въ домъ и удержалъ бы Прасковью Николаевну въ кабинетѣ, пока я приглашу Сонюшку къ фортепіано, гдѣ я сдѣлаю ей свое предложеніе; а третьему для того, чтобы онъ во время разговора нашего отводилъ всѣхъ любопытныхъ и дѣтей, которыя всегда наполняли комнаты. Но никому изъ нихъ отнюдь не было поручено ходатайства, и всѣмъ имъ было объявлено о семъ въ самый день, дабы слухъ о намѣреніи моемъ не могъ распространиться по городу. Но прежде чѣмъ исполнить предположеніе свое, я отправился къ Алексѣю Петровичу, дабы просить его на сей счетъ благословенія и тѣмъ уважить человѣка, съ коимъ я давно служилъ, былъ коротко знакомъ, и коего расположеніемъ я пользовался.

Начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ уже былъ въ Тифлисѣ (о прибытіи его будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ). Алексѣй Петровичъ уже предчувствовалъ скорое паденіе свое; духъ въ немъ совсѣмъ ослабъ;

онъ мало видѣлъ людей, сохранявшихъ память его прежняго расположенія, мало видѣлъ благодарныхъ въ тѣ смутныя времена, и пріѣздъ мой его чрезвычайно тронулъ. Онъ оправдалъ выборъ мой, благословилъ; у него были слезы на глазахъ, я также не могъ своихъ держать.

Прямо отъ него поѣхалъ я къ Прасковьѣ Николаевнѣ. То было въ Субботу на второй недѣлѣ; она со всѣмъ семействомъ своимъ говѣла на той недѣлѣ, какъ я проводилъ время свое у нея въ домѣ, и должна была на другой день, въ Воскресенье, пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Страшно было приступить къ дѣлу сему, но я уже рѣшился; ничего болѣе не могло меня удержать и еслибы я не нашелъ случая иначе сдѣлать, то объявилъ бы Сонюшкѣ о намѣреніи своемъ въ присутствіи всѣхъ. Я пріѣхалъ, Мазаровичъ съ женой также пріѣхали, и жена его, сѣвъ противъ Прасковьи Николаевны, пригвоздила ее неумолкаемыми разговорами къ канапею; гости, коихъ на счастье тогда мало случилось, тутъ же остались. Я вызвалъ Сонюшку въ другую комнату къ фортепіано, дабы она выслушала новую арію, которую я сыграть хотѣлъ. Она была уже предупреждена двоюроднымъ братомъ ея, Николаемъ Александровичемъ Ахвердовымъ, коему Сергѣй Николаевичъ, увернувшись, нашелъ случай проболтаться въ тотъ день; но не знала, что приступъ будетъ столь рѣшительный и странный. Предчувствуя однакоже нѣчто, она взяла съ собой изъ предосторожности двоюродную сестру свою Анну Андреевну Ахвердову, которая у нихъ въ домѣ воспитывалась, и сѣла подлѣ фортепіано. Я хотѣлъ вскорѣ начать; но то братъ ея оставался противъ меня и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, то дѣти въ домѣ воспитывавшіяся и сестра ея, дочь Прасковьи Николаевны, приходили слушать и не давали мнѣ начать. Самое присутствіе двоюродной сестры ея мнѣ было помѣхою, но я рѣшился уже на нее не смотрѣть, лишь бы отъ другихъ освободиться. Сергѣй Николаевичъ не переставалъ уводить дѣтей, но они входили въ другія двери и всюду являлись; наконецъ, какъ-то случилось, что несносный Ахвердовъ ушелъ, дѣти на минуту всѣ скрылись въ другой комнатѣ, гдѣ слышанъ былъ только одинъ хохотъ ихъ и гдѣ они рѣзвились съ Сергѣемъ Николаевичемъ, и я воспользовался сей минутою, больше не откладывая страшнаго приступа, на который я посягнулъ. Напрягши всѣ педали у фортепіано и играя частые аккорды всѣми пятью пальцами лѣвой руки, дабы разговоръ мой не былъ слышенъ въ другой комнатѣ, я обратился въ половину на право къ Сонюшкѣ. «Mademoiselle, je vous aime», были первыя мои слова. «Je vous demande votre main. Consentez-vous à m'épouser?» Она молчала и нѣсколько улыбнулась. «Donnez-moi de grâce une réponse», продолжалъ я, «que Dieu et les saints sacrements que vous allez prendre demain vous inspirent une réponse favorable et

ce qui sera le plus convenable pour votre bonheur» *). Съ симъ я замолчалъ, продолжая однакоже повтореніе послѣдняго аккорда лѣвою рукою; но она уже не улыбалась. Анна Андреевна мнѣ одна пристально въ глаза смотрѣла, а Сонюшка отвернулась, заплакала, вскочила и убѣжала къ себѣ въ спальню съ своею сестрой. Я пождалъ около минуты; но, видя, что отвѣта нѣтъ и что разговоръ въ кабинетѣ у Прасковьи Николаевны продолжается обыкновеннымъ порядкомъ, я вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ старую дѣвицу Надежду Аѳанасьевну, жившую искони вѣка въ домѣ семъ и бывшую почти нянькою дѣтей. Она выходила изъ спальни. Я просилъ ее объ отвѣтѣ; но она сказала мнѣ, что Софья Ѳедоровна была разстроена и не можетъ мнѣ дать онаго теперь. Видя, что присутствіе мое тутъ было лишнее, я разсчиталъ лучше удалиться къ себѣ (пока тревога, постигшая одну половину дома, не дошла еще до главной, гдѣ гости сидѣли) и ожидать отвѣта у себя, почему сѣлъ въ дрожки и поѣхалъ домой. Было уже довольно поздно. Сергѣй Николаевичъ ко мнѣ немедленно явился, по участію, которое онъ бралъ во мнѣ. Онъ, кажется, сказалъ мнѣ, что отвѣтъ хотѣлъ доставить ко мнѣ князь Чавчавадзе. Долго я дожидался, но никто не пріѣзжалъ; наконецъ, я послалъ къ князю Александру записку, въ коей спрашивалъ его о состояніи здоровья Сонюшки, которую сразило мое внезапное предложеніе. Я дожидался въ трепетѣ и страхѣ. Сережа меня успокоивалъ. Малѣйшій шорохъ принималъ я за походку Чавчавадзе; наконецъ, загремѣла его сабля, и онъ поздравилъ съ окончаніемъ дѣла. Сонюшка легла и плакала; она не выходила болѣе къ гостямъ подъ предлогомъ боли въ ногѣ; когда же гости разъѣхались, Прасковья Николаевна пошла къ ней. Она (по нынѣшнимъ словамъ жены моей) не уговаривала ея нисколько дать свое согласіе, но представляла только меня ей съ выгодной стороны. Сонюшка хотѣла отложить отвѣтъ свой до другаго дня; къ ней принесли записку мою и спросили, какой отвѣтъ она дастъ на другой день, и она отвѣчала, что объявляетъ свое согласіе, почему Чавчавадзе и поторопился ко мнѣ пріѣхать съ симъ извѣстіемъ.

Я послалъ за Шампанскимъ; мы пили всѣхъ здоровье и передъ свѣтомъ вздумали проводить Чавчавадзе до его квартиры, которую онъ нанималъ подлѣ дома Ахвердовыхъ. Ночь была темная; не взирая на то, мы втроемъ поѣхали верхомъ, прискакали къ горѣ, подъ которой стоятъ дома сіи и, проводивъ Чавчавадзе, мы переѣхали еще мостикъ черезъ каналъ, отдѣляющій оба дома, а потомъ возвратились къ себѣ.

---

*) Сударыня, я люблю васъ. Я прошу вашей руки у васъ. Согласны ли вы быть моею супругой? Сдѣлайте милость, скажите мнѣ вашъ отвѣтъ. Богъ и Святыя Тайны, которыя вы завтра примете, да внушатъ вамъ отвѣтъ благопріятный и то что̀ будетъ всего лучше для вашего счастья.

Мысль о новомъ состояніи, въ которое я вступалъ, меня занимала остатокъ ночи. Съ мыслью сею заснулъ я и провелъ пріятную ночь въ мечтаніяхъ сна; на другой день сіе уже было вездѣ извѣстно, и я принялъ на разводѣ поздравленія всѣхъ знакомыхъ моихъ. Дибичъ также поздравилъ меня у себя, сказавъ, что я вступаю въ состояніе, представляющее много наслажденій при счастливомъ супружествѣ, что̀ онъ самъ испыталъ. Я не располагалъ въ сей день прежде вечера быть у Прасковьи Николаевны; поѣхалъ къ ней передъ вечеромъ. Она встрѣтила меня сказавъ: c'est un trésor que je vous confie *). Послали за Сонюшкой. Я поцѣловалъ у нея руки, она изъявила согласіе свое и заплакала; съ ней сдѣлалась дурнота отъ мысли о внезапной перемѣнѣ состоянія, въ которую она вступала. Она была несказанно мила, скоро развеселилась, и я сталъ съ нею обходиться уже короче. Вечеръ сей мы провели у Чавчавадзе, гдѣ за ужиномъ пили наше здоровье. Ни пышности, ни шуму не было при семъ обрученіи, не основанномъ на видахъ честолюбія или корысти и сдѣланномъ по обоюдному согласію и благословенію отца моего (ибо я предупреждалъ его еще за годъ о намѣреніи моемъ жениться, не назвавъ той особы, которую я избралъ, и онъ былъ столь благоразуменъ, что, давъ свое согласіе и благословеніе, изложилъ только мысли свои и правила, коими руководствоваться должно было при избраніи себѣ жены).

Обрученіе сіе было 27 Февраля. Я заказалъ два кольца обручальныхъ съ надписью числа, и дня черезъ два привезъ ихъ къ невѣстѣ своей. Не желая и въ этомъ случаѣ чьего либо участья, я вызвалъ ее въ столовую и отдалъ ей одно изъ сихъ колецъ для врученія мнѣ, а другое надѣлъ ей на палецъ, и болѣе сего не было соблюдено никакихъ обрядовъ, ни приглашено участниковъ въ семъ обрученіи. Съ тѣхъ поръ я проводилъ уже большую часть дня у своей невѣсты, съ коей болѣе и болѣе знакомился и открывалъ ежедневно новыя достоинства въ ней. Александрина Перфильева и мать ея были въ отчаяніи, когда узнали о семъ, и когда онѣ пріѣзжали съ поздравительнымъ визитомъ, то не могли удержать слезъ своихъ, катившихся отъ досады: ибо слухъ разнесся, какъ я выше сказалъ, по городу, что я на ней женюсь. Князь Арсеній Бебутовъ также сталъ на меня дуться, воображая, что я женюсь на его дочери, и до сихъ поръ еще, кажется, питаетъ ко мнѣ за сіе несправедливое неудовольствіе свое.

Изъ сихъ двухъ назначаемыхъ мнѣ невѣстъ, первая на дняхъ помолвлена за полковника Жихарева, а другая недавно умерла отъ болѣзни.

Желая быть ближе къ невѣстѣ моей, я перемѣнилъ квартиру свою и нанялъ небольшой домикъ, вблизи дома ея, близъ кладбища католиковъ,

---

*) Довѣряю вамъ сокровище.

внѣ города и отдѣльно, гдѣ и поселился, проводя большую часть дня съ невѣстою.

Княжна Нина Чавчавадзе вышла въ семъ году замужъ за Грибоѣдова. Дѣло сіе сдѣлалось внезапно, пока мы находились подъ Ахалкалаками. Кажется, что къ сему способствовала Прасковья Николаевна, коей слишкомъ короткое обхожденіе съ Грибоѣдовымъ и даже дружба съ нимъ весьма предосудительны и не могли мнѣ нравиться, когда я весьма далекъ отъ того, чтобъ имѣть хорошее мнѣніе о человѣкѣ семъ. Мнѣ даже не могло посему быть и пріятно, что онъ былъ принятъ, въ отсутствіе мое, въ домѣ, коего я хозяинъ, какъ самый ближайшій родственникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ не могъ быть супругомъ Чавчавадзевой; но, зная его добрый нравъ и честныя правила, я бы всегда предпочелъ его въ семъ случаѣ Грибоѣдову, на правила коего не могъ бы я положиться. Въ семъ случаѣ руководствовали родителями разные виды, кромѣ довѣренности, которую имѣли къ жениху. Онъ былъ назначенъ министромъ къ Персидскому двору, получилъ непомѣрно большое содержаніе, получалъ отъ Государя, по представленіямъ (Паскевича коему онъ въ добавокъ былъ по женѣ двоюродный братъ) большія денежныя награжденія. Все сіе способствовало ему, и онъ получилъ весьма скоро согласіе родителей. Князь Александръ такъ поторопился въ семъ случаѣ, что даже не увѣдомилъ меня о томъ предварительно, какъ мы о томъ уговорились, при прекращеніи ходадатайства моего о Сергѣѣ Николаевичѣ, коему слѣдовало бы сперва отказать.

Но я слишкомъ долго занялся симъ дѣломъ, прервавъ ходъ моихъ происшествій, и перешелъ черезъ сіе въ описаніе настоящихъ временъ, о коихъ вѣроятно упомяну при продолженіи сихъ Записокъ въ свое время, почему и обращаюсь къ Февралю мѣсяцу прошлаго 1827 года.

Не прежде 18 или 19 Февраля пришло внезапное извѣстіе о скоромъ прибытіи начальника Главнаго Штаба Дибича, который уже находился на Линіи.

Алексѣй Петровичъ послалъ за мною. Я никогда не видѣлъ его столь разстроеннымъ, какъ въ то время. «Любезный Муравьевъ», сказалъ онъ мнѣ, «Дибичъ ѣдетъ къ намъ не знаю съ какимъ намѣреніемъ, но я могу всего ожидать» (губы его затряслись, и онъ заплакалъ какъ ребенокъ, опасающійся наказанія своего наставника). Я на тебя одного полагаюсь и поручу тебѣ вещь, которую ты мнѣ дашь обѣщаніе никому не показывать». Я ему обѣщалъ быть ему всегда преданнымъ и исполнять всегда то что̀ могло для него быть пріятно. «Я не знаю», продолжалъ онъ, «съ какимъ намѣреніемъ сюда Дибичъ ѣдетъ; но онъ

мнѣ врагъ. Все можетъ со мною случиться. Онъ, можетъ, прямо ко мнѣ пріѣдетъ и опечатаетъ мои бумаги. Не хотѣлось бы мнѣ лишиться сихъ Записокъ похода 1812-го года, которыя я писалъ, когда былъ начальникомъ штаба при Барклаѣ-де-Толли во время той войны и въ коихъ я помѣстилъ многія вещи предосудительныя для него; я не щадилъ словъ и выраженій для описанія разныхъ безпорядковъ, производившихся подъ его начальствомъ; тутъ названы многія лица. Возьми книгу сію къ себѣ, спрячь ее, никому не показывай, никому не сказывай о семъ, и отдай ее никому болѣе какъ мнѣ лично, когда я ее у тебя самъ спрошу; между тѣмъ ты можешь читать ее, если пожелаешь».

Поступокъ сей Алексѣя Петровича показывалъ конечно большую довѣренность его ко мнѣ; но казалось бы, что онъ не долженъ былъ въ семъ случаѣ подвергать меня всѣ тѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ, коихъ бы я безъ сомнѣнія не миновалъ, если бы въ самомъ дѣлѣ Дибичъ сталъ описывать его бумаги, и дошло бы до свѣдѣнія его, что я скрылъ у себя нѣкоторыя изъ нихъ. Алексѣй Петровичъ долженъ былъ взять въ соображеніе, что вся почти фамилія моя пострадала въ недавнемъ времени и что правительство могло также имѣть меня въ наблюденіи. Я взялъ его книгу безъ запинанія и спряталъ ее, никому не показывалъ и отдалъ ее Вельяминову, по его приказанію, съ мѣсяцъ уже послѣ того. Я прочелъ половину оной. Давно уже я объ оной слышалъ. Молва превозносила Записки сіи, какъ сокровищехранительницу, содержащую самыя занимательныя свѣдѣнія о войнѣ 1812 года, никому неизвѣстныя. Но какъ я удивился, когда нашелъ въ книгѣ сей совсѣмъ другое. Ни военный бытописатель, ни человѣкъ любящій пріятное сказаніе, выраженное съ краснорѣчіемъ, не нашли бы въ книгѣ сей искомаго. Тяжелымъ слогомъ описанныя собственныя происшествія его составляли содержаніе оной, и всѣ происшествія сіи имѣли въ виду болѣе самохвальство, и самое неудачное, чѣмъ дѣло, такъ что при всемъ томъ, что меня описаніе сіе, какъ участника въ кампаніи 1812 года, должно было занять, и я приступилъ къ ней съ любопытствомъ, книга сія показалась мнѣ скучною, и я едва былъ въ состояніи прочесть ее до половины. Читалъ же я медленно, потому что былъ бо̀льшую часть времени занятъ своею невѣстою.

Наконецъ, столь страшный для него Дибичъ пріѣхалъ. Насъ всѣхъ собрали къ квартирѣ его. Разводъ былъ готовъ, и ожидали ежечасно пріѣзда его, ибо и лошади были уже къ нему высланы на послѣднюю станцію. Это было, помнится мнѣ, 19 или 20-го, въ Воскресенье, передъ второю недѣлею великаго поста, когда въ соборѣ провозглашали проклятіе на Мазепу и многихъ другихъ. Весь Тифлисъ былъ въ безпокойномъ ожиданіи. Донощики съ радостнымъ лицемъ ожидали его прибытія; лю-

ди находившіеся при Алексѣѣ Петровичѣ показывали необыкновенную робость и неувѣренность. Партія Паскевича торжествовала. Но въ обѣихъ партіяхъ были люди равнодушные, которые наблюдали измѣненія на лицахъ другихъ, скорбѣли о новыхъ междоусобіяхъ, которыхъ можно было ожидать и внутренно обращались съ прискорбіемъ къ мысли о смѣнѣ стараго начальника, единаго виновника всему, но сохранившаго расположеніе и преданность многихъ, своими многими высокими качествами.

Дибичъ проѣхалъ на дрожкахъ весьма шибко, въ полной формѣ, прямо къ Алексѣю Петровичу, коего онъ былъ моложе, и явился къ нему. Мы долго ожидали его съ Паскевичемъ на площади; наконецъ, онъ пріѣхалъ къ намъ, вышелъ къ разводу, былъ очень веселъ и любезенъ и успокоилъ многихъ. Меня онъ скоро узналъ въ толпѣ: мы съ нимъ были довольно коротко знакомы еще въ 1811 году, когда онъ былъ подполковникомъ Генеральнаго Штаба; онъ меня принялъ очень ласково и не упустилъ при семъ успокоить меня на счетъ брата моего Александра, сказавъ мнѣ, что я могъ надѣяться, что Государь скоро проститъ его.

Всѣ любопытствовали знать о свиданіи его съ Ермоловымъ. Узнали, что они обошлись очень дружески, и многія лица вытянулись внезапно. Пошли разные разговоры по городу, и многіе убѣждались уже, что Алексѣй Петровичъ не будетъ смѣненъ и что Паскевичъ уѣдетъ назадъ.

На 3-й или 4-й недѣлѣ великаго поста, я поѣхалъ въ полкъ говѣть и ожидалъ съ нетерпѣніемъ конца, дабы скорѣе возвратиться въ Тифлисъ (не упущая притомъ всей строгости, съ коею я долженъ былъ исполнить долгъ свой), какъ получилъ неожиданно, въ Пятницу ввечеру или кажется даже послѣ самаго причащенія въ Субботу, предписаніе Алексѣя Петровича немедленно прибыть въ Тифлисъ. Не зная по какой надобности меня такъ поспѣшно требовали и опасаясь, дабы пребываніемъ моимъ въ Тифлисѣ не подать начальству поводу къ возложенію на меня частыхъ порученій, которыя бы могли меня отвлечь отъ препровожденія времени съ невѣстою, я изобрѣлъ средство находиться въ Тифлисѣ и числиться въ полку и привелъ оное немедленно въ исполненіе. Я избралъ для пребыванія своего деревню Караевыхъ Цавкисы, находящуюся въ пяти верстахъ отъ Тифлиса на горахъ, по дорогѣ ведущей прямо отъ дома невѣсты моей въ Манглисъ на Сакалакское ущелье, располагая, раскланявшись съ начальствомъ, отправиться въ деревню сію и пріѣзжать всякой день на вечеръ въ домъ невѣсты моей, минуя всѣ заставы и распросы.

И такъ я выѣхалъ изъ Манглиса въ Воскресенье, заѣхалъ въ Цавкисы, гдѣ оставилъ экипажи свои и караулъ при маленькомъ домикѣ, гдѣ я располагалъ остановиться, и самъ поѣхалъ верхомъ въ Тифлисъ. Я явился на другой день къ Ермолову, который спросилъ меня, зналъ ли я, зачѣмъ меня потребовали? Отвѣтъ мой былъ отрицателенъ. «Тебя позвалъ я сюда», продолжалъ онъ, «по совѣту и желанію Дибича, дабы быть помощникомъ начальника штаба Вельяминова, коего разстроенное здоровье часто не позволяетъ ему исправленіе должности по надлежащему, и я самъ согласенъ съ симъ выборомъ и назначеніемъ, находя тебя совершенно способнымъ и будучи совершенно увѣренъ, что ты употребишь всю извѣстную мнѣ дѣятельность твою, дабы помочь мнѣ».

Назначеніе меня въ должность сію было предметомъ долгихъ разговоровъ всѣхъ служившихъ въ семъ корпусѣ; уже два года повторялись о семъ слухи, коимъ, вѣрно, поводомъ служили собственныя слова и намѣренія Алексѣя Петровича, когда онъ бывалъ недоволенъ Вельяминовымъ: ибо, при всей дружбѣ, которую онъ къ нему имѣлъ, при всей довѣренности его, онъ не могъ не видѣть, что неумѣренная лѣнь Вельяминова содѣлывала отличныя его дарованія почти безполезными.

Новое назначеніе сіе для меня было весьма лестно, но не совсѣмъ пріятно, ибо не то время было, въ которое званіе сіе могло быть сопряжено съ удовольствіемъ; да притомъ же я болѣе желалъ имѣть свободнаго времени для препровожденія онаго съ своею невѣстою. Но дѣлать было нечего, и я принужденъ былъ согласиться на принятіе званія сего.

Я явился къ Дибичу, который меня обласкалъ и увѣрилъ, что неудовольствія между начальниками не будутъ имѣть никакого вліянія на мою службу, чего я всего болѣе опасался; ибо предвидѣлъ, что Паскевичъ будетъ меня подозрѣвать въ тайныхъ сношеніяхъ и непозволенныхъ по службѣ и обязанности моей угожденіяхъ Алексѣю Петровичу.

Вотъ въ какомъ положеніи я засталъ штабъ, котораго никто никогда мнѣ не сдавалъ.

Начальникъ штаба Вельяминовъ давно уже, нѣсколько лѣтъ, какъ устранилъ себя отъ онаго и, проводя лѣтомъ время свое въ отрядахъ, въ прохладныхъ мѣстахъ, въ изобиліи, помышляя только объ удовлетвореніи чувственныхъ своихъ наслажденій, давно пересталъ думать о своей обязанности. Зимою, пріѣзжая въ Тифлисъ, также не вступалъ онъ въ должность и проводилъ время въ совершенной нѣгѣ, страдая несуществующими въ немъ болѣзнями. И такъ обязанность его непримѣтно возлегла на полковника Красовскаго, дежурнаго штабъ-офицера,

человѣка весьма честнаго, непомѣрно тихаго, необыкновеннаго трудолюбія и знающаго совершенно дѣло свое, но терявшаго здоровье на письменныхъ дѣлахъ, несносно медленнаго и столь боязливаго, что онъ до того довелъ сношенія свои съ начальствомъ, что считалъ за милость, если его не прогонятъ, когда онъ приходилъ съ бумагами къ подпискѣ, и долго не рѣшался подносить ихъ, что̀ съ нимъ всякій день случалось. Но и тутъ, такъ какъ онъ былъ весьма медленъ въ чтеніи бумагъ, то у него бралъ ихъ Талызинъ, адъютантъ Алексѣя Петровича, и докладывалъ ихъ, предоставляя Красовскому только присыпать подпись пескомъ, и когда ему сіе удавалось, то онъ выходилъ изъ кабинета съ торжествующимъ видомъ. Отъ сего произошло, что должность его раздѣлилась по многимъ рукамъ: велъ журналъ Талызинъ, велъ чиновникъ Молочковъ, и безпорядокъ годами возросталъ день ото дня въ штабѣ.—Красовскій былъ восхищенъ моимъ назначеніемъ и, отдавая мнѣ портфель, упрашивалъ позволенія подносить разныя старыя бумаги, которыя лежали не очищенными и у него на душѣ.

Никто мнѣ не сдавалъ должности начальника штаба, чего никто и не требовалъ по вышеизложеннымъ причинамъ. Бумагъ было столько, что никакія силы человѣческія, никакія способности не въ состояніи были ихъ обнять при тогдашнемъ неустройствѣ штаба. Всѣ свѣдѣнія требовались втройнѣ: для стараго начальства, для новаго и для начальника главнаго штаба. Вельяминова часто заставалъ я спящимъ или прогуливающимся. Алексѣй Петровичъ тогда болѣе прежняго занимался, но не было уже возможности помышлять о устроеніи какого-либо порядка, когда не успѣвали обработывать текущихъ дѣлъ. Бывая каждый день у трехъ начальниковъ, я видѣлъ и слышалъ весьма неприличные отзывы одного на счетъ другаго при подчиненномъ, но никогда не заикнулся ни передъ однимъ изъ нихъ о дѣлахъ такого рода, что̀ могло умножить ссору ихъ, а слушая ихъ, удивлялся слабостямъ и страстямъ каждаго. Но я долженъ въ семъ случаѣ отдать справедливость Дибичу, который себя велъ благородно и былъ справедливъ, стараясь сколь возможно своимъ поведеніемъ усмирять распри и зная обоимъ настоящую цѣну. Ермоловъ, казалось, торжествовалъ и, будучи почти увѣренъ въ побѣдѣ, говорилъ мнѣ, что онъ полагалъ, что его возмутъ въ походъ до Эривани и, по устроеніи всего нужнаго, чего не могли сдѣлать безъ его опытности въ здѣшнихъ дѣлахъ, отправятъ въ Россію. Паскевичъ завидовалъ обхожденію Дибича съ Ермоловымъ и полагалъ ихъ въ дружбѣ. Онъ думалъ, что Дибичъ склонился на его сторону и старался вредить ему. Сіе-то было причиною, что онъ занемогъ, и, собираясь отъѣхать въ Россію обратно, сказалъ мнѣ сіе однажды, какъ я выше изъяснилъ. Дибичъ пріохочивалъ меня къ

обязанности моей и показывалъ большую довѣренность. Въ одномъ изъ разговоровъ со мною просилъ онъ меня, именемъ прежняго знакомства нашего, сказать ему, справедливы ли всѣ доносы, которые были сдѣланы о злоупотребленіяхъ, производимыхъ полковыми командирами въ ихъ частяхъ. Я опровергъ мнѣніе сіе, доказавъ ему, что нижніе чины никогда не были обижаемы начальниками, которые не пользовались ихъ собственностію, исключая рѣдкихъ и извѣстныхъ случаевъ, за кои взыскивало высшее начальство; что средства къ содержанію полковъ и къ наживѣ для желающихъ наживаться были достаточны при экономіи, которую могли соблюдать при постройкахъ, при перемѣнѣ палатокъ, отъ сбереженія киверовъ, отъ содержанія подъемныхъ лошадей и прочаго. Я ему объяснилъ родъ службы въ Грузіи, и онъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ моимъ.

Я слышалъ, что Паскевичъ, взявши одного солдата, находившагося давно на работѣ въ старой своей шинели, велѣлъ его срисовать и послалъ рисунокъ сей къ Государю.

Въ то время одна изъ главныхъ заботъ Алексѣя Петровича была приготовленіе провіанта и транспортовъ. Онъ перевозилъ оные за войскомъ въ Персію; но какъ первыя, такъ и вторыя въ особенности мѣры были недостаточны и ошибочны отъ того, что не было хозяина въ корпусѣ, начальника штаба, для приведенія въ исполненіе приказаній Алексѣя Петровича, который трудился болѣе чѣмъ когда, но не могъ вездѣ успѣть, всего сдѣлать. Хлѣбъ закупался вездѣ гдѣ только можно было, свозился къ складочнымъ мѣстамъ, гдѣ не было устроено хорошихъ магазейновъ, и отъ того портился; кромѣ того не перепекался въ сухари. Главное заготовленіе онаго по Грузіи дѣлалось по направленію къ Эривани, гдѣ предполагалось начать военныя дѣйствія. Астрахань должна была снабдить хлѣбомъ весь берегъ Каспійскаго моря, и хлѣбъ сей долженъ былъ складываться въ большомъ количествѣ въ Зердабѣ, что̀ на Курѣ, дабы снабжать войска продовольствіемъ черезъ Карабагъ, когда по взятіи Эривани войска наши подвинулись бы въ Нахичеванскую область, къ крѣпости Аббасабаду. Для подвозу привознаго моремъ хлѣба должно было употребить средства Дагестана, Ширвани и Нухи; но явно было, что, послѣ вторженія Персіянъ, народъ сей, находясь еще въ нѣкоторомъ волненіи, не могъ исполнить сей повинности, которая и во всякомъ случаѣ была бы для сихъ областей неудобоисполнительна по недостатку въ арбахъ или подводахъ, ибо тамъ всѣ переѣзды большею частью дѣлаются на вьюкахъ. А потому Алексѣй Петровичъ и вздумалъ подвозы сіи сдѣлать по Курѣ на киржимахъ или обывательскихъ лодкахъ, вмѣщающихъ иныя до 60 четвертей муки. Плаваніе по Курѣ было еще изслѣдовано

при Ртищевѣ въ 1810 или 1811-мъ году флота лейтенантомъ Остолоповымъ, который доходилъ до Мингисаурской переправы, что по дорогѣ отъ Елисаветполя въ Нуху (далѣе онъ не могъ слѣдовать съ судномъ своимъ, по причинѣ быстроты рѣки и пороговъ по ней имѣющихся). Генералъ Краббе, командиръ бригады въ Дагестанѣ расположенной, имѣлъ приказаніе нынѣ возобновить сіи опыты, которые онъ дѣлалъ черезъ флота лейтенанта Гембеля; онъ представилъ планъ снятой Гембелемъ рѣки Куры при донесеніи своемъ, въ коемъ излагалъ множество затрудненій къ сему плаванію. По званію моему начальника штаба, мнѣ тогда было поручено Алексѣемъ Петровичемъ опровергнуть затрудненія сіи. Онъ самъ находилъ ихъ, но я настаивалъ на устроеніи сего плаванія, которое полагалъ возможнымъ, и я исполнилъ сіе, показавъ въ предписаніи къ нему Алексѣя Петровича средства, кои должно было употребить для сего. Отвѣтъ фонъ-Краббе былъ полученъ уже Паскевичемъ, и плаваніе сіе возъимѣло ходъ свой по его распоряженіямъ, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Провіантъ, покупаемый и собиравшійся въ Дагестанѣ, долженъ былъ доставляться въ Зердабъ сухимъ путемъ. Для того учреждались въ Дагестанѣ военные транспорты, покупались арбы и быки, и приставлялись къ нимъ въ погонщики солдаты; но средство сіе мало принесло пользы, а всего болѣе убытковъ казнѣ: ибо люди сіи, не умѣя обходиться съ быками и поступавшіе въ сію должность съ неудовольствіемъ и отвращеніемъ, при дурномъ надъ ними надзорѣ, скоро довели транспорты сіи до того, что они не были болѣе въ состояніи двигаться. На Линіи, куда, послѣ убіенія генераловъ Лисаневича и Грекова, прибылъ начальникомъ генералъ-лейтенантъ Эмануэль, производилась въ кочевьяхъ Калмыцкихъ покупка верблюдовъ, которые должны были придти въ Грузію черезъ горы; по совершеніи сего путешествія скотъ сей немного служилъ и весь почти подохъ. Такіе же вьючные транспорты формированы въ Астрахани, которые привезли сухари въ Карабагъ и, перенеся большіе труды, также всѣ почти подохли около Карабага, гдѣ войска провели лѣто и гдѣ гибель народа и скота устрашила насъ всѣхъ одно время.

Но самыя значительныя заготовленія для подвоза провіанта производились въ самой Грузіи и въ Тифлисѣ. Еще съ осени 1826 года были разосланы предписанія къ окружнымъ начальникамъ закупать у жителей арбы въ большомъ количествѣ и присылать ихъ въ Тифлисъ. Арбы сіи покупались безъ всякаго разбора и складывались въ Тифлисѣ на площади безъ всякаго присмотра, и едва ли былъ для нихъ пріемщикъ, и сіе дѣлалось на площади, близъ оконъ главнокомандующаго, который не обратилъ никакого вниманія на сіе и на непомѣрныя

издержки, которыя для сего были употреблены. Солнце и дождь къ веснѣ ихъ привели въ такое состояніе, что изъ нихъ часть только оказалась годною при сформированіи транспортовъ; прочія же еще цѣлый годъ пролежали безъ присмотра на томъ же мѣстѣ, и едва ли нѣтъ еще теперь остатковъ отъ сего необдуманнаго заготовленія, которое доставляло по весьма дорогой цѣнѣ дрова для топлива. Въ одно же время приказано было окружнымъ начальникамъ закупать большое количество быковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, вслѣдствіе злоупотребленія покупщиковъ, за коими не наблюдали и кои не терпѣли никакого препятствія, быки были закуплены по большой цѣнѣ и, оставаясь зимой безъ продовольствія, дохли; къ веснѣ же, когда надобно было впрягать ихъ, оказались они большею частью совершенно неспособными къ упряжкѣ, какъ по малому росту своему, такъ и по чрезвычайнымъ худобѣ и безсилію; въ стадахъ же пригоняемыхъ съ Горійскаго уѣзда оказалась зараза, отъ коей множество быковъ пало. Падежъ сей распространился бы и на скотъ другихъ уѣздовъ, еслибъ не были взяты вскорѣ мѣры для отдѣленія Горійскаго скота отъ прочаго. Но за то къ вящщему бѣдствію открылась тогда новая болѣзнь въ копытахъ по всей Грузіи, отъ коей быки дѣлались на двѣ и три недѣли неподвижны, и многіе изъ нихъ даже дохли. Сіе открылось уже при выступленіи въ походъ и причинило казнѣ много убытка и большую остановку въ движеніи транспортовъ, отъ коихъ зависѣло и движеніе войскъ. Болѣзнь сія копытъ показалась тогда въ Грузіи не только на домашнемъ рогатомъ скотѣ, но замѣтно было, что и дикіе въ лѣсахъ олени оною были заражены.

Дабы имѣть погонщиковъ, Алексѣй Петровичъ вытребовалъ изъ всѣхъ полковъ по сту человѣкъ солдатъ съ офицерами. Число сіе послѣ было еще добавляемо, и люди сіи, отдѣленные отъ своихъ командъ, безъ призрѣнія и надзора, безъ средствъ къ хорошему продовольствію, терпѣли крайнюю нужду, заболѣвали и поступали въ госпитали, гдѣ и умирали, или разбирались на частныя надобности новымъ провіантскимъ начальствомъ, къ коему они поступали въ вѣдѣніе, такъ что и теперь не могутъ еще полки отыскать остатки оныхъ.

Все сіе происходило отъ нераспорядительности начальства и отъ того, что не было хозяина, который бы заботился объ устройствѣ сего важнаго предмета. Алексѣй Петровичъ замѣтилъ всѣ недостатки сіи, когда уже надобно было начинать кампанію съ Персіянами. Онъ просилъ Дибича отсрочить на короткое время выступленіе войскъ; но Дибичъ не хотѣлъ слышать сего (вѣроятно для того, чтобы, начавъ движеніе, поскорѣе возвратиться къ Государю). Паскевичъ не соображалъ времени года, требовалъ начатія войны и искалъ случая вездѣ

обвинять Алексѣя Петровича. Бенкендорфъ, безтолковый и безсмысленный, не понималъ, не заботился и не входилъ въ приготовительныя распоряженія, а желалъ поскорѣе двинуться съ аванпостомъ въ Эриванское ханство. Наконецъ, Алексѣю Петровичу велѣно было, не взирая ни на что, сдѣлать распоряженія къ выступленію сего авангарда, коимъ начальство хотѣло блеснуть.

Онъ отказывался отъ сего, но распоряженіе сіе было сочинено Дибичемъ. Меня послали съ онымъ къ Ермолову съ тѣмъ, чтобы онъ поправилъ оное, по ближайшему знанію обстоятельствъ, и чтобъ онъ подписалъ оное. Я къ нему привезъ предписаніе сіе въ чернѣ. Онъ говорилъ, что не можетъ, не рѣшается сего сдѣлать, ибо находитъ дѣйствіе сіе въ столь раннее время неосновательнымъ. Я молчалъ. Наконецъ, онъ взялъ бумагу и поправилъ ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служившій при немъ чиновникъ Молочковъ переписалъ ее, и онъ подписалъ. Поправки имъ сдѣланныя были самыя пустыя и имѣли въ предметѣ самыя ничтожныя вещи. По смыслу же бумаги сей можно было заключить, что цѣль начальства въ посылкѣ авангарда сего была занять ханство и собрать сколько можно болѣе продовольствія для обезпеченія вступленія главныхъ силъ. Эривань и Сердарабадъ не должны были осаждаться. Дѣло сіе было поручено Бенкендорфу, коего способности и опытность были недостаточны для исполненія сего. Онъ мнилъ только о побѣдахъ и подвигахъ, а думалъ только о своей личной славѣ.

Къ тому времени прибылъ еще въ Тифлисъ Генеральнаго Штаба полковникъ Гурко, человѣкъ умный и со способностями, весьма близкій къ Дибичу. Его хотѣли назначить начальникомъ штаба въ корпусѣ на мѣсто Вельяминова, но не знаю почему сіе не было сдѣлано; кажется, что имѣли тогда уже меня въ виду. И такъ Гурко отправился съ Бенкендорфомъ въ должности начальника штаба при авангардѣ. Онъ мнѣ разсказывалъ многія странности Бенкендорфа, коего полагали нѣсколько помѣшаннымъ, какъ напримѣръ, подвезши легкія орудія свои къ крѣпости Эриванской и выпустивши по оной всѣ свои ядра, сталъ онъ стрѣлять по стѣнамъ картечью (дѣйствія его будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ). Предстоитъ мнѣ еще описать, до выступленія войскъ, происшествія въ Тифлисѣ свершившіяся.

Не помню котораго числа Апрѣля мѣсяца Дибичъ рѣшился объявить Алексѣю Петровичу о смѣнѣ его Паскевичемъ. Немедленно былъ отданъ о семъ приказъ по корпусу, и новый начальникъ вступилъ въ отправленіе своей должности. Казалось, что Дибичъ имѣлъ о томъ повелѣніе Государя, и онъ медлилъ объявленіемъ сего, дабы самому успѣть вникнуть въ дѣла. Можетъ быть, даже не рѣшался онъ еще и привести въ исполненіе смѣну сію, которую, можетъ быть, Государь предоста-

вилъ ему сдѣлать только въ случаѣ надобности. Но какъ бы то ни было, дѣло было ведено столь тайно, что хотя Алексѣй Петровичъ и думалъ о потерѣ своего мѣста, но никогда не былъ въ семъ увѣренъ, трудился до послѣдней минуты и былъ пораженъ сею новостію. И въ семъ случаѣ не умѣлъ онъ себя вести: имѣя всѣхъ за себя, видя участіе, которое всѣ въ немъ принимали, онъ былъ малодушенъ, то жаловался, то сердился, то смѣялся, то употреблялъ выраженія неприличныя ни сану его, ни лѣтамъ, и не умѣлъ сохранить того спокойнаго величія, коимъ бы онъ могъ сразить враговъ своихъ. Напротивъ того, они торжествовали, видя, сколько паденіе оскорбляло его и выводило изъ границъ благоразумія. Говорятъ, что Дибичъ самъ прослезился, объявивъ ему сію волю Государя. Они не переставали затѣмъ видѣть другъ друга; но, кажется, что новое правительство крѣпко наблюдало за вліяніемъ, которое перемѣна сія произвела во всѣхъ умахъ. Солдаты, узнавъ о смѣнѣ любимаго ими начальника, роптали. Гвардейскіе офицеры стали толпами ѣздить къ смѣненному начальнику и тѣмъ показывали ему преданность свою. Грузины въ семъ случаѣ всѣхъ хуже вели себя. Глупое сословіе сіе, надѣясь пріобрѣсти несчетныя милости, награжденія и выиграть по всѣмъ безтолковымъ искамъ своимъ (за исключеніемъ малаго числа благоразумнѣйшихъ) передались самымъ унизительнымъ образомъ къ новому начальству, выставивъ изъ среды своего круга ябедниковъ, доносчиковъ, льстецовъ и лгуновъ. Въ числѣ сихъ, къ стыду, находился, между прочими облагодѣтельствованными Алексѣемъ Петровичемъ, генералъ князь Эристовъ. Ему сопутствовалъ равный ему по глупости предводитель дворянства князь Багратіонъ-Мухранскій. Сперва ябеды ихъ принимались съ удовольствіемъ; доходило даже до того, что спрашивали во многихъ случаяхъ и совѣтовъ ихъ, но люди сіи себя скоро открыли и сдѣлались теперь предметомъ общаго и начальниковъ своихъ пренебреженія.

Кургановъ не прекращалъ своихъ доносовъ, и я недавно слышалъ, что Эристовъ и Мухранскій, до смѣны Алексѣя Петровича, ходили по ночамъ, переодѣтые въ буркахъ и Грузинскихъ шапкахъ, къ Паскевичу, показывая черезъ сіе опасность, въ которой находились, еслибы бы были открыты. Обстоятельство сіе истинное и даетъ понятіе какъ о предосудительномъ расположеніи другъ къ другу начальниковъ, такъ и о глупости доносчиковъ.

Не подвержено почти сомнѣнію и то, что Грибоѣдовъ въ семъ случаѣ принялъ на себя обязанности несогласныя съ тѣмъ, чего отъ него ожидали его знакомые. Казалось бы, что и самыя связи родства,

въ коихъ онъ находился съ Паскевичемъ, не должны были его склонить къ принятію постыднаго званія доносчика*).

Сословіе Грузинъ до того распространило дерзость свою, что на обѣдѣ, данномъ онымъ Дибичу, были повѣшены на стѣнахъ двѣ картины, изобрѣтенія, кажется, Курганова, грубо написанныя маляромъ Грузиномъ, изъ коихъ на первой изображалась въ аллегоріи побѣда при Елисаветполѣ, а на другой аллегорическая же картина: Правосудіе, съ означеніемъ дня прибытія въ Грузію Дибича. Собрались въ залу до прибытія Дибича, и картины сіи обратили на себя вниманіе всѣхъ; гвардейскіе офицеры толкались около нихъ и, по душевному своему расположенію къ Алексѣю Петровичу, хотѣли снять вторую, но были предупреждены генераломъ Эристовымъ, который, видя то непріятное впечатлѣніе, которое произвели сіи глупыя картины, поспѣшилъ, по совѣту нѣкоторыхъ, снять ихъ до пріѣзда Дибича къ обѣду. Не менѣе того обстоятельство сіе служило предметомъ всеобщаго разговора въ Тифлисѣ. Полагали, что оно дойдетъ до Государя и что гвардейскіе офицеры сіи, послѣ происшествій 14 Декабря, еще свѣжихъ въ памяти, пострадаютъ отъ благороднаго порыва, подвигнувшаго ихъ къ сему поступку; говорили также, что поступокъ Грузинъ, заключавшій въ себѣ самую грубую лесть, не могъ никакъ понравиться Дибичу и что онъ самъ не потерпѣлъ бы сего. Дѣло такъ кончилось и не имѣло никакихъ послѣдствій.

И такъ кончилось, рушилось величіе Алексѣя Петровича, человѣка во многихъ отношеніяхъ отличнаго. Онъ умѣлъ къ себѣ привязать сердца сослуживцевъ, и теперь еще, не взирая на явныя его ошибки и слабости, пользуется всеобщимъ расположеніемъ. Безпорядки, допущенные имъ въ послѣдніе годы его управленія, приписываютъ къ неудовольствіямъ, которыя онъ часто получалъ отъ Государя, къ неисполненію требованій его, къ неуваженію представленій его. Все это сдѣлало его столь равнодушнымъ и упустительнымъ къ своимъ обязанностямъ. Робкое его поведеніе при вторженіи Персіянъ ничѣмъ не объясняется. Но столь велика довѣренность подчиненныхъ къ его способностямъ, столь велика привязанность ихъ къ нему, что, не взирая на всѣ ошибки имъ сдѣланныя, несмотря на то малое покровительство, которое онъ оказывалъ приверженцамъ своимъ, они не перестали до сихъ поръ чтить способности его и уважать память его.

Смѣна Алексѣя Петровича сдѣлалась мнѣ извѣстна ввечеру, на другой день. Я еще былъ въ постелѣ, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Сергѣй Ермоловъ, который при мнѣ находился и, не сказавъ другъ другу ни

*) Далѣе въ подлинникѣ четыре строки зачеркнуты, и разобрать ихъ невозможно. П. Б.

слова, мы оба залились слезами. Мы не могли объясниться и пробыли нѣсколько времени въ такомъ положеніи. Я поѣхалъ прямо къ Дибичу, не собравшись съ духомъ, дабы навѣстить Алексѣя Петровича, который мнѣ такъ жалокъ былъ, что я не могъ бы удержать слезъ своихъ въ присутствіи многихъ.

«Vous avez un nouveau chef», сказалъ Дибичъ. «Vous le savez. Je suis sûr que vous remplirez sous les ordres de celui-là votre devoir, aussi bien que vous l'avez fait sous ceux de son prédécesseur [1]). Я былъ уже готовъ плакать, когда вошелъ къ нему. Недовѣрчивый видъ его, который онъ силился скрыть при сихъ словахъ, какъ будто совѣстясь сознаться въ поступкѣ, коего онъ былъ отчасти виною, возродилъ во мнѣ множество непріятныхъ мыслей; я вспомнилъ прежняго начальника своего, съ коимъ провелъ столько лѣтъ въ Грузіи спокойно и съ удовольствіемъ, воображая себѣ, что отъ новаго начальства, теперь еще во мнѣ нуждающагося, я не могъ ожидать искренности (въ чемъ и не ошибся), представилъ себѣ оскорбленнаго Алексѣя Петровича, котораго любилъ, и не могъ болѣе удержаться, вынулъ платокъ, отвернулся и зарыдалъ. Дибичъ пристально на меня смотрѣлъ, подошелъ съ другой стороны и молчалъ; но самъ не удержалъ слезъ своихъ и обнялъ меня.—«Cela vous fait honneur, mon cher Mouravieff», были его слова. «Vous voyez, que je pleure de même; je ne vous en estime que plus. Votre attachement pour Ermoloff m'est garant de votre conduite dans les nouvelles fonctions dont vous êtes chargé. Je ne vous ai jamais connu que pour un homme d'honneur. Songez à la confiance qu'on met en vous; vous devez maintenant quitter votre régiment et veiller aux nombreux devoirs, dont vous êtes chargé, qui doivent vous flatter [2]). Но мнѣ не вѣрилось, чтобъ онъ былъ искрененъ со мною. Мнѣ казалось, что меня отлучали отъ полка, дабы совсѣмъ удалить меня изъ Грузіи, и я сказалъ ему въ огорченіи своемъ, что если цѣль его въ семъ состоитъ, то онъ напрасно употребляетъ сіи околичности и что я самъ удалюсь, не ожидая повторенія. Дибичъ обидился симъ выраженіемъ. «Comment, vous ne me croyez donc pas? Vous prenez mes paroles pour une imposture? Vous ai-je jamais donné lieu de croire que j'étais malhonnête? Vous m'offensez», сказалъ онъ съ жаромъ.— Croyez - vous

---

[1]) У васъ новый начальникъ. Вы это знаете. Я увѣренъ, что при немъ вы также хорошо будете исполнять ваши обязанности, какъ и при его предшественникѣ.

[2]) Это дѣлаетъ вамъ честь, любезный Муравьевъ. Вы видите, что я также плачу, и за это васъ уважаю еще болѣе. Ваша привязанность къ Ермолову мнѣ порукою вашего образа дѣйствій въ новыхъ обязанностяхъ, которыя на васъ возложены. Я всегда васъ зналъ честнымъ человѣкомъ. Подумайте, какое вамъ оказано довѣріе. Вы должны теперь оставить вашъ полкъ и заняться многочисленными дѣлами, на васъ возложенными, что должно быть для васъ лестно.

que j'eus besoin d'user de pareils détours envers vous pour vous éloigner d'ici, quand mon ordre seul suffirait pour cet effet? Colonel, je suis homme d'honneur, et j'espère que vous voudrez bien vous expliquer sur ce que vous venez d'avancer [3])? Я сознался ему, что слова мною произнесенныя были послѣдствіемъ огорченія моего, и просилъ его извинить мою слабость. Мы съ нимъ примирилились, и онъ сталъ тогда мнѣ говорить о новомъ назначеніи моемъ, увѣщевая меня остаться въ Грузіи, гдѣ я уже принялъ нѣкоторую осѣдлость и гдѣ болѣе еще утвержусь женитьбою своею, говоря, что нынѣшнее назначеніе мое угодно Государю, что я не долженъ отказываться отъ онаго, что я буду здѣсь начальникомъ штаба въ корпусѣ. «Cest mon désir», сказалъ онъ, «je le veux, et vous le serez; je vous le dis et je vous le promets, à moins que l'Empereur n'en décide autrement, ce que je ne pense d'ailleurs pas» [4]). Но онъ замѣтилъ, что я еще не съ полною довѣренностію къ нему обращался и догадался, что причиною сего была нерѣшимость, въ которой я находился, объяснить ему, что я не могъ ожидать такой довѣренности, такого обхожденія отъ Паскевича. Онъ самъ намекнулъ мнѣ о семъ и, увидѣвъ, что не ошибся въ своей догадкѣ, сказалъ, что я никогда не услышу изъ устъ Паскевича малѣйшаго предосудительнаго выраженія насчетъ Алексѣя Петровича, что я могу быть покоенъ съ сей стороны, что Паскевичъ человѣкъ честный и добрый въ душѣ, никогда не укоритъ меня преданностію къ предмѣстнику его, и будетъ даже уважать во мнѣ оную, и что онъ самъ брался мнѣ быть порукою въ семъ случаѣ, если я ему вѣрить хочу.

Я не могъ не чувствовать довѣренности его и согласился безусловно на все что̀ онъ признаетъ нужнымъ касательно меня, поручивъ себя его волѣ. Онъ тутъ же поѣхалъ къ Паскевичу и вѣроятно ему что нибудь сказалъ; ибо при первомъ свиданіи моемъ съ Паскевичемъ онъ принялъ меня съ принужденною ласкою и далъ мнѣ пренеловко почувствовать, что̀ ему приказано было относительно меня, но не исполнилъ сего порученія Дибича. Вспыльчивый нравъ его, неограниченная мнительность и слабость къ наушничеству скоро сдѣлали его врагомъ моимъ, и онъ не щадилъ ни словъ своихъ, ни обхожденія, дабы дать мнѣ почувствовать, что я былъ любимъ предмѣстникомъ, коего

---

[3]) Какъ, вы мнѣ не вѣрите? Вы принимаете слова мои за обманъ? Развѣ я подалъ вамъ когда-либо поводъ считать меня безчестнымъ? Неужели вы думаете, что мнѣ нужно было прибѣгать къ подобнымъ околичностямъ относительно васъ, чтобы удалить васъ отсюда, когда для этого довольно бы одного моего приказа. Полковникъ, я человѣкъ честный, и надѣюсь, что вы объяснитесь на счетъ того, что̀ вами сказано.

[4]) Это мое желаніе. Я этого хочу, и это такъ будетъ. Обѣщаю вамъ; развѣ Государь, чего не думаю, рѣшитъ иначе.

онъ ненавидѣлъ, чему встрѣтится много примѣровъ въ продолженіи сихъ Записокъ.

Такимъ образомъ смѣнились первыя власти въ Тифлисѣ другими, не сдавъ никому должностей своихъ, но оставивъ ихъ въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Начальникъ штаба за симъ просилъ докладною запискою увольненія въ отпускъ, въ коемъ онъ еще до сихъ поръ находится, числясь въ томъ же званіи. Братъ же его старшій уѣхалъ, вопреки приглашеній Дибича, въ Петербургъ и получилъ недавно мѣсто корпуснаго командира Оренбургскаго Отдѣльнаго Корпуса.

Около того времени пріѣхалъ тоже внезапно для занятія должности Тифлисскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенантъ Сипягинъ. .... Онъ любилъ роскошь, давалъ частые обѣды, ими начиналъ и кончалъ предположенія свои для усовершенствованія Грузіи, для образованія ея. Всѣ соображенія его были неосновательны, имѣли въ предметѣ только прославить его газетною статьею; всѣ устроенія его поверхностны, непрочны и, такъ сказать, мишурны. Напримѣръ, обѣливъ зданіе выстроенное его предмѣстникомъ, онъ принималъ на себя все устроеніе онаго и порочилъ недѣятельность и дурныя распоряженія его. Онъ выставилъ шлагбаумы у заставъ, выкрасилъ ихъ и принялъ на себя званіе образователя города, будто украсившаго въ короткое время Тифлисъ. Онъ засыпалъ въ дождливое время грязь по улицамъ землею и прославился устроителемъ полиціи и порядка въ Тифлисѣ; онъ вымазалъ базаръ бѣлою краскою, которая два дня держалась, и сказалъ, что до него не было базара; онъ вздумалъ устроить въ Тифлисѣ ярмарку и приказалъ купцамъ снести въ извѣстные дни товары свои въ залу Армянскаго училища, названную имъ биржевою, сдѣлалъ въ оной обѣдъ, прохаживался по залѣ сей и купилъ для открытія ярмарки чубукъ и кусокъ ситцу; купцы же, пославшіе въ сіе складное мѣсто по нѣскольку штукъ ситцу и шелковой матеріи со своими сидѣльцами, дабы исполнить приказаніе его, спрашивали съ нетерпѣніемъ, скоро ли ихъ отпустятъ. Говорятъ, что ничего не могло быть смѣшнѣе устроенія сей ярмарки, которая и не состоялась и не могла состояться, но которой неуспѣхъ приверженцы Сипягина вѣрно припишутъ къ его смерти. Сипягинъ былъ очень щедръ, ласковъ въ обхожденіи и дѣятеленъ по службѣ; я даже полагаю, что еслибъ Государь далъ ему почувствовать ничтожность занятій его и то малое уваженіе, которое они заслуживаютъ, служа болѣе ко вреду чѣмъ къ пользѣ, то онъ бы обратился къ другому, и могъ бы еще быть полезенъ дѣятельностію своею. Пышные его обѣды и обхожденіе привлекли къ нему много народа, и къ нему не питали ненависти; но самые Грузины скоро оцѣнили его надлежащимъ образомъ и не имѣли никакого довѣрія ни къ словамъ

его, ни къ дѣламъ. Къ тому же кажется, что онъ въ послѣднее время тоже пустился въ донесенія Государю. Сіе обстоятельство и все поведеніе его, не заключавшее въ себѣ ничего прямаго, открытаго, поссорили его съ Паскевичемъ до чрезвычайности, и я полагаю въ семъ случаѣ Паскевича совершенно правымъ. Сипягинъ умеръ сего года (1828) 10-го Октября, и потеря сія нисколько не будетъ чувствительна для Россіи, еще менѣе для Грузіи, коей дѣла онъ оставилъ въ безпорядкѣ (помышляя, какъ я сказалъ, во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ, только о наружномъ блескѣ).

Причиною несогласія его съ Паскевичемъ было также его мѣсто, которое, такъ сказать, въ то время создали. Мнительность Паскевича представляла ему въ Сипягинѣ преемника и силу противодѣйствующую ему. Недовольные Паскевичемъ приносили свои жалобы Сипягину, но не знали, что сею неосторожностію, по нескромности Сипягина, они подвергали себя вящщимъ неудовольствіямъ; ибо онъ, ненавидя Паскевича, по склонности своей къ наговорамъ, кажется, передавалъ всѣ сіи извѣстія самому Паскевичу. По прибытіи его въ Грузію, всѣ обратили на него глаза и находили отраду при немъ отъ угнетеній терпимыхъ отъ Паскевича; но призракъ сей не долго обольстилъ ихъ. Алексѣй Петровичъ, коему онъ показывалъ душевное расположеніе свое и притворную преданность, никогда его не уважалъ и умѣлъ цѣнить его по надлежащему.

Помнится мнѣ, что, при описанномъ свиданіи моемъ съ Дибичемъ онъ предупредилъ меня, что если я прямо не назначался начальникомъ штаба въ корпусѣ, то сему единственною причиною было то, что чинъ мой не допускалъ сего назначенія, которое онъ имѣлъ въ виду и которое непремѣнно будетъ сдѣлано въ свое время, а до того къ исправленію сей должности назначался начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Красовскій, при коемъ я долженъ былъ находиться помощникомъ. Послали за Красовскимъ, который прибылъ изъ Лезгинскихъ деревень около Чаръ, гдѣ онъ продовольствовался со своею дивизіею. Красовскій, заставъ меня уже въ полномъ управленіи штаба, говорилъ, что на него возложили должность, которую онъ неполагалъ возможнымъ принять, просилъ меня быть путеводителемъ его и говорилъ мнѣ самыя лестныя вещи. Я видѣлъ, что попался въ рабочіе, а что ему достанется срывать только цвѣты сей должностии, не взирая на всѣ убѣжденія его, началъ по немногу уклоняться отъ обязанности своей, тѣмъ болѣе (какъ я черезъ нѣсколько дней увидѣлъ), что онъ сталъ самъ вмѣшиваться въ дѣла, перемѣнять мои рѣшенія и что ему непріятна была возникающая ко мнѣ довѣренность начальства. Но когда онъ порядкомъ окунулся во всю обширность своей обязан-

ности, онъ смекнулъ бездну, въ кою повергалъ себя, увидѣвъ, что силъ его не достанетъ для управленія симъ дѣломъ. Красовскій былъ очень дѣятеленъ, но не расторопенъ. Малороссіянинъ безъ образованія, съ нѣкоторою хитростію, съ необыкновенно медленными понятіями, при томъ человѣкъ недурной, но несносной болтливости: вотъ Красовскій. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ веселый, но вскорѣ штабъ нагналъ на него какой-то туманъ: глаза его именно потемнѣли, лице вытянулось, словомъ съ нимъ сдѣлался совершенно столбнякъ, и тогда стали говорить, что съ нимъ сіе не въ первый разъ случается, что онъ даже бывалъ помѣшанъ въ умѣ своемъ. Онъ уже не въ состояніи бывалъ ничего смекать, перечитывалъ по нѣскольку разъ простой рапортъ къ свѣдѣнію и не понималъ его; дѣла совсѣмъ останавливались, въ докладахъ своихъ онъ выводилъ изъ терпѣнія Паскевича медленностію и сознавался, что не въ состояніи болѣе ничего дѣлать. Устроеніе транспортовъ и заготовленіе продовольствія, коими я исключительно занимался, его совершенно съ ума сводили; онъ боялся коснуться бумаги, въ которой упоминалось о быкахъ, арбахъ и сухаряхъ,—предметы, которые служили тогда основаніемъ всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ.

Въ такомъ состояіи отъ отправился однажды къ Дибичу и объявилъ ему, что начатіе военныхъ дѣйствій невозможно, что мы испытаемъ въ Персіи участь Французовъ въ 1812 году въ Россіи. Мнѣніе сіе было подтверждено недавно прибывшимъ, для увеличенія бумагъ и безпорядка, генералъ-интендантомъ Жуковскимъ. Человѣкъ сей, старый, наметанный въ бумажныхъ дѣлахъ, но новый по обязанности своей въ семъ краю, ничего не постигалъ, что дѣлалось въ тогдашнюю суматоху и уже позже, приставши къ дѣламъ, занимался только одною очисткою дѣлъ и получаемыхъ имъ бумагъ въ непомѣрно-большомъ количествѣ. Можно себѣ представить, какимъ образомъ было принято предложеніе сіе Дибичемъ, отправлявшимъ уже авангардъ и кипѣвшимъ отъ нетерпѣнія услышать о началѣ военныхъ дѣйствій. Онъ разругалъ ихъ обоихъ, приказалъ Красовскому рапортоваться больнымъ, а мнѣ черезъ Паскевича вступить по прежнему въ полное управленіе должности начальника штаба въ корпусѣ. Я снова принялся; но Красовскій, отдохнувъ нѣсколько дней, опять втерся безъ всякаго приказанія начальника въ мою должность и надоѣдалъ Паскевичу. Онъ съ нимъ даже поссорился и, какъ говорилъ мнѣ Красовскій, Паскевичъ вызывалъ его даже на поединокъ, послѣ чего Красовскій былъ снова удаленъ отъ дѣлъ, но черезъ нѣсколько времени опять вмѣшался и сталъ отправлять обязанность свою, нося къ Дибичу только бумаги изъ Петербурга прибывающія, по коимъ дѣлались большею частью циркулярныя предпи-

ванія къ исполненію, и оставя мнѣ самую затруднительную часть— распоряженія по хозяйственной части войскъ. Но онъ не пользовался довѣренностію начальства, и главное дѣло возлежало на мнѣ исключительно.

Время сближалось къ выступленію, и ничего еще не было готово; надобно было въ самый короткій срокъ учредить подвижные госпитали, транспорты и пересушку сухарей при всѣхъ тѣхъ безпорядкахъ, которые тогда существовали и имѣя сношенія съ людьми самыми неопытными. Дибичъ изъ нихъ одинъ только былъ путенъ, но такъ спѣшилъ, что не давалъ времени управляться. Паскевичъ ничего не разумѣлъ, всѣхъ подозрѣвалъ и всѣхъ бранилъ; комендантъ только писалъ, а Красовскій—безтолковый хохолъ. Надобно было со всѣми уладить, всѣмъ угодить и обязанность свою исполнить. Къ тому же времени я сдавалъ полкъ, женился и все окончилъ, что̀ нашелъ возможнымъ. Не понимаю самъ, какъ мнѣ Богъ помогъ въ сихъ сложныхъ дѣлахъ успѣть.

При Паскевичѣ былъ тогда особенный дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ ***, человѣкъ чернильный, очень глупый, знающій плохо писать и подлыхъ правилъ. Онъ былъ очень дѣятеленъ, то-есть проводилъ день и ночь въ домѣ Паскевича безотлучно и исполнялъ всѣ приказанія, которыя Паскевичъ отдавалъ. Исполненіе было также необдуманно, какъ и самыя приказанія; ибо и тѣ и другія были дѣлаемы совершенно безъ всякаго знанія дѣла, безъ всякихъ справокъ, и только въ угожденіе мгновенной волѣ начальника. Про моемъ поступленіи въ должность, я просилъ, чтобы и *** уже было велѣно заниматься въ штабѣ, гдѣ производились настоящія дѣла. Сіе было исполнено, и онъ сталъ принимать должность отъ Красовскаго, готовясь къ выступленію въ походъ; но скоро черезъ глупость свою и безтолковую суетливость сдѣлался посмѣшищемъ всѣхъ адъютантовъ дежурства, коихъ въ семъ случаѣ не удержало и то, что они знали, сколько новый корпусный былъ расположенъ въ его пользу. Имѣя самые странные пріемы совершеннаго шута, онъ былъ ворчливъ, бранчивъ, суетливъ и кляузливъ, ибо не упускалъ также сдѣлать свой глупый и ложный доносъ Паскевичу, тамъ гдѣ онъ надѣялся черезъ сіе выслужиться. Человѣку сему, состоявшему все время подъ начальствомъ моимъ, кромѣ ласкъ и добра я никогда ничего не дѣлалъ; дѣятельность его была похвальна, и я выставилъ ее начальству, такъ что *** по моему ходатайству получилъ весьма хорошія награжденія; но не менѣе того онъ старался всегда наговаривать на меня Паскевичу всякую ложь, а мнѣ, напротивъ, показывалъ всякую покорность. Онъ не имѣлъ никакого поводу быть на меня недовольнымъ, но дѣлалъ сіе въ надеждѣ выслужиться у Паскевича, ибо зналъ слабость его къ наговорамъ. Онъ потерялъ,

наконецъ, всякое уваженіе, и Паскевичъ разстался съ нимъ безъ затрудненія, отпустилъ его въ Россію, но не перемѣнилъ, кажется, о немъ мнѣнія, какъ о человѣкѣ весьма способномъ.

Такъ какъ я обѣщалъ Дибичу принять на себя обязанность на меня возлагаемую и нести ее съ терпѣніемъ, то и силился переносить всѣ неудовольствія мною получаемыя. Я видѣлъ между тѣмъ, что, при семъ новомъ званіи моемъ, я не былъ въ состояніи вмѣстѣ править и полкомъ, что́ и объяснилъ Дибичу. Съ таковымъ мнѣніемъ моимъ онъ согласился и спросилъ, кого я предполагалъ бы назначить себѣ въ преемники? Я назвалъ Бориса Фридрикса, полагая въ немъ всѣ хорошія качества, которыя онъ показывалъ. Дибичъ въ тоже время сдѣлалъ о немъ представленіе Государю, и онъ былъ утвержденъ командиромъ моего полка; вмѣстѣ же съ тѣмъ приказано ему было принять отъ меня полкъ на законномъ основаніи...

Кончивши весьма невыгодно, но скоро сдачу своего полка, я возвратился въ Тифлисъ.

Съ представленіемъ Фридрикса въ командиры полка я просился въ переводъ по арміи; но Дибичъ уговаривалъ меня перейти въ Генеральный Штабъ, обѣщаясь непремѣнно доставить мнѣ мѣсто начальника штаба въ корпусѣ. Я молчалъ. Онъ представилъ меня къ переводу въ Генеральный Штабъ съ назначеніемъ помощникомъ начальника штаба, каковое и вышло мнѣ за два дня до выступленія въ походъ, т.-е. 9-го или 10-го числа Мая. Мысли мои были въ чрезвычайномъ волненіи отъ частыхъ и внезапныхъ перемѣнъ со мною встрѣчавшихся; а мнѣ предстояло еще жениться—самый большой подвигъ и самый сильный переворотъ, какой только можетъ въ жизни случиться.

Я поѣхалъ навѣстить Алексѣя Петровича; но въ какомъ состояніи засталъ я домъ сей, прежде того наполненный людьми ищущими его покровительства! Домъ въ коемъ умеръ хозяинъ есть лучшее уподобленіе, которое можно прибрать къ сему случаю. Въ первые же дни чинность и порядокъ замѣнились внезапно шумомъ, какъ то случается въ комнатѣ умершаго, вскорѣ послѣ отхода его, когда стрегущіе больнаго, положивши его на столъ, не имѣютъ болѣе надобности ходить наноскахъ и говорить въ полголоса, дабы не безпокоить его. Тишину сію замѣняетъ стукъ каблуковъ, стульевъ, передвиженіе столовъ. Всѣ говорятъ уже въ голосъ, двери отпираются настежъ, покои до сего сохраняемые въ теплѣ дѣлаются холодными, вездѣ сквозной вѣтръ, и вскорѣ появляются по заламъ тропинки отъ грязныхъ сапоговъ входящихъ людей, которые не вытираютъ ихъ болѣе у порога. Все сіе случилось и въ домѣ Алексѣя Петровича. Онъ отпустилъ къ тому еще часовыхъ своихъ, передавъ въ разныя мѣста бумаги, которыя у него

на большомъ столѣ во множествѣ лежали. Множество бумагъ порванныхъ на мелкіе куски, пустые конверты были разбросаны по полу; онъ самъ укладывался, готовясь отъѣхать въ Россію. Онъ бранился на всѣ власти, разсчитывалъ громко ограниченныя средства свои къ пребыванію въ Россіи и располагалъ вкусить въ деревнѣ мирную жизнь (тогда какъ честолюбіе его, сильно пораженное, несказанно терпѣло). Онъ говорилъ, что до отъѣзда своего хотѣлъ перейти на житье въ какую-нибудь квартиру въ городѣ, оставляя домъ сей преемнику своему, но не сдѣлалъ сего и остался самъ въ домѣ.

За симъ послѣдовала въ домѣ его совершенная тишина. По вечерамъ собирался онъ съ нѣкоторыми приверженцами своими внизъ къ другу своему Вельяминову, который ему такъ дурно служилъ, и комнаты его вверху оставались пустыми почти цѣлый день. Я желалъ душевно проводить съ нимъ время и дѣлалъ бы сіе ежедневно, не взирая на всѣ наговоры, которые бы сіе поведеніе могло на меня возродить, но не имѣлъ къ тому времени. Однажды собрался я къ нему; но, вошедъ въ первую комнату, а тамъ въ другую и далѣе и найдя ихъ совершенно пустыми, я не могъ далѣе идти, заплакалъ, остановился и возвратился назадъ. Личная преданность моя къ нему была ему однакоже сообщена Дибичемъ самимъ. Ему не могло не быть пріятно расположеніе мое; но онъ не сдѣлалъ для меня ничего въ пользу службы моей въ то время, и даже напослѣдокъ, какъ то будетъ описано ниже, не показалъ себя благодарнымъ ко мнѣ, что́ однакоже приписываю единственно къ огорченію его и къ тому положенію, въ коемъ онъ находился.

Постъ прошелъ, и приблизилось время назначенное для моей женитьбы. Я хотѣлъ сдѣлать свадьбу какъ можно тише и уединеннѣе, какъ во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, такъ во избѣжаніе посѣщенія толпы любопытныхъ, въ числѣ коихъ мало было людей, съ которыми я былъ знако́мъ или коихъ бы я дорожилъ знакомствомъ. И потому я никому рѣшительно не объявилъ ни времени, ни церкви, въ коей располагалъ вѣнчаться. Наканунѣ того дня однакоже я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу и просилъ его принять званіе посаженаго отца. Онъ долго отказывался отъ сего, говоря, что наведетъ черезъ то на меня неудовольствіе новаго начальства. Видя, что я никакими средствами не могъ его къ тому склонить, я объявилъ ему рѣшительно, что если онъ у меня не будетъ посаженымъ отцемъ, то званіе сіе возложу на перваго вѣстоваго, который у меня случится. Сіе было сказано такимъ голосомъ, что онъ не могъ усумниться, что я не исполнилъ бы сего, и онъ далъ согласіе свое, обнимая меня и заливаясь слезами. Я не могъ также своихъ слезъ удержать и былъ такъ тро-

нуть, видя падшее величіе нашего Алексѣя Петровича, что самъ расплакался и, взявъ руку его, хотѣлъ поцѣловать ее; но онъ бросился ко мнѣ и не далъ мнѣ руки своей, пока я ему своей не далъ поцѣловать. Я никогда не забуду сего свиданія моего съ Алексѣемъ Петровичемъ, въ которомъ одна искренность чувствъ руководствовала движеніями каждаго.

На другой день, въ день назначенный для моей свадьбы, пригласилъ я княгиню Мадатову, свою родственницу, быть у меня посаженою матерью, и отъ нея поѣхалъ къ Паскевичу и Дибичу, сказавъ имъ о приглашеніи моемъ, сдѣланномъ Алексѣю Петровичу, и что я ихъ не зову къ себѣ на ужинъ, потому что у меня никого не будетъ, кромѣ посаженаго отца и матери. Они оба хвалили поступокъ мой, особенно Дибичъ. И такъ я отпросился у нихъ на три дня отъ службы, дабы жениться.

Свадьба назначена была къ вечеру; но никому не было объявлено, въ какой церкви она будетъ. Я пригласилъ священника моего полка, отца Тимоѳея, который все приготовилъ къ сему.

Невѣста моя наряжалась, и къ вечеру я поѣхалъ съ шаферомъ своимъ, Сергѣемъ Ермоловымъ, къ Алексѣю Петровичу. Шелъ небольшой дождь. Алексѣй Петровичъ былъ внизу у Вельяминова. Наконецъ, всѣ собрались въ Греческую церковь Іерусалима. У невѣсты моей былъ посаженымъ отцомъ опекунъ ея Чавчавадзе, а посаженою матерью мачиха ея, Прасковья Николаевна; постороннихъ было только семейство Чавчавадзевыхъ и Снаксаревы.

Небольшая церковь сія, въ коей я сочетался бракомъ при пѣніи двухъ голосовъ, при сіяніи свѣчей и безъ пышности, должна была въ то время сдѣлать вліяніе на присутствующихъ. Для меня минута сія уже не страшна была; дѣло было уже рѣшенное, и я безъ трепета сталъ на предназначенное мнѣ мѣсто. Невѣста моя была одѣта въ бѣломъ платьѣ и была отмѣнно хороша; она была робка. И такъ насъ повѣнчали, и я обнялъ свою супругу.

Мы не могли однакоже отбиться отъ любопытныхъ: сосѣди и сосѣдки церкви Іерусалима, видя необыкновенное собраніе экипажей на улицѣ, воспользовались тѣми минутами, въ кои отворяли и затворяли двери и входили понемногу. Имъ и было извинительно сіе любопытство, но вмѣстѣ съ ними ворвались въ церковь и нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, изъ числа знакомыхъ въ домѣ Прасковьи Николаевны, каковой наглости можно было всегда ожидать отъ людей сихъ, коихъ она приглашала и цѣнила качества по наружному виду ихъ. Въ числѣ ихъ былъ полковникъ Хвощинскій, добрый малый, но человѣкъ пустой,

которому нравилась жена моя, выжившій уже лѣта молодости своей, но не пріобрѣтшій еще благоразуміе взрослаго возраста.

Кажется, я нигдѣ не упоминалъ въ запискахъ своихъ, что я съ женою своею крестилъ, когда она была еще въ дѣвушкахъ, лѣтъ шесть тому назадъ, одного ребенка у маіора Погорѣлова. По причинѣ сей многіе не полагали, чтобъ я могъ на ней жениться. Я вспомнилъ о семъ обстоятельствѣ, когда уже имѣлъ ее въ виду въ 1826 году, и навелъ всевозможныя справки по сему дѣлу, къ чему служилъ мнѣ мой полковой священникъ, вѣнчавшій меня. Мы отыскали, кажется, въ Требникѣ, законъ, по коему долженъ только крестить одинъ отецъ или одна мать крестные, почему и выходило другое лицо совершенно излишнее, призывающееся только по существующему обычаю. А потому и не было настоящаго кумовства между мною и невѣстою моею, хотя въ недавнемъ времени корпусный нашъ священникъ, шутя надъ нарушеніемъ закона, принесъ мнѣ другую книгу, по коей явно было сказано, что кумомъ и кумою называются тѣ, которые крестили вмѣстѣ одного ребенка, что имъ бракъ возбраняется и что въ случаѣ, если они сочетаются бракомъ, то подвергаются безконечнымъ эпитиміямъ. Помню, кажется, что когда меня звали на сіи крестины, то я вообразилъ себѣ, что сіе нарочно дѣлали изъ любопытства, чтобы узнать, не имѣю ли я видовъ женитьбы на Сонюшкѣ Ахвердовой, и въ досадѣ я нарочно пошелъ. Какъ бы то ни было, насъ обвѣнчали 22 Апрѣля 1827 года.

Мы выѣхали изъ церкви вмѣстѣ и пріѣхали въ домъ къ Прасковьѣ Николаевнѣ, гдѣ она уже ожидала насъ съ Алексѣемъ Петровичемъ, Мадатовою и Чавчавадзе. За ужиномъ присутствовали только вышеозначенныя лица и приглашенные еще Мазаровичъ съ женою. Грибоѣдовъ пріѣхалъ безъ приглашенія. Вечеръ былъ скучный. Алексѣй Петровичъ засѣлъ играть въ вистъ; жена моя была въ большомъ замѣшательствѣ отъ столь быстраго переворота въ жизни ея. Въ первомъ часу ночи разъѣхались, и я пошелъ съ женою на верхъ въ приготовленныя для меня комнаты....

Помнится мнѣ, Алексѣй Петровичъ уѣхалъ 3-го или 4-го Мая. Наканунѣ его выѣзда я ходилъ по порученію его къ Паскевичу просить для него конвоя. Нѣтъ сомнѣнія, въ семъ не было ему сдѣлано никакой остановки; позволено было всѣмъ желающимъ проводить его. Я самъ сбирался сдѣлать сіе, но мнѣ сего не удалось по занятіямъ моимъ, отъ коихъ я не могъ отлучиться ни на минуту; да кажется мнѣ, Алексѣй Петровичъ и самъ не хотѣлъ, чтобы я его проводилъ. Я послалъ съ нимъ офицера своего полка, султана Елисуйскаго, дабы служить ему дорогою на первыхъ станціяхъ, но онъ отослалъ его назадъ съ дороги. Никто почти не провожалъ Алексѣя Петровича. Въ числѣ

провожавшихъ былъ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ, который привезъ мнѣ изъ Душета слѣдующую оскорбительную для меня записку его (коею и закончилась вся моя переписка съ нимъ до сихъ поръ).

«Благодарю васъ покорнѣйше, почтенный Николай Николаевичъ, за Алхаса Елисуйскаго. Онъ по приказанію вашему явился ко мнѣ вторительно, и мнѣ надобно было принудить его, дабы возвратился, ибо боялся васъ прогнѣвать. Также равномѣрно заставилъ я есаула Хоруева возвратиться, который намѣревался преслѣдовать меня до Кашаура. Благодарю васъ за обязательное вниманіе, которое мнѣ оказали. Братъ Сергѣй представитъ вамъ совершенное мое почтеніе. Желаю вамъ счастія! Ермоловъ».

Записка сія, которую я получилъ 5-го числа, была написана съ намѣреніемъ огорчить меня, въ чемъ ему совершенно и удалось. Меня сразили холодныя выраженія оной, и я не зналъ, къ чему было приписать такую внезапную перемѣну въ ласковомъ и дружескомъ его обращеніи со мною. Другой причины не могъ я прибрать какъ ту, что я его самъ не проводилъ. Но изъ сего ли пустаго изъявленія преданности долженъ онъ былъ судить о чувствахъ моихъ къ нему, тогда какъ я, окруженный начальниками и сослуживцами, ищущими ему сдѣлать зло и преслѣдующими всѣхъ его подчиненныхъ, сохранилъ къ нему, не взирая ни на кого, истинную преданность, теряя отъ сего по службѣ и въ собственныхъ своихъ дѣлахъ? Несправедливаго поступка сего достаточно было бы, чтобы меня отвратить отъ него, еслибъ я онаго не приписывалъ къ слабостямъ его и къ тому безмѣрному огорченію, съ коимъ онъ изъ Грузіи удалился.

Губернаторъ Ховенъ, который съ нимъ остался до сихъ поръ въ перепискѣ, показывалъ мнѣ раза два письма его, въ коихъ онъ однакоже упоминалъ обо мнѣ какъ о лицѣ, къ коему онъ показывалъ особенное расположеніе и уваженіе (что̀ меня и успокоиваетъ насчетъ сношеній его со мною).

Наканунѣ выѣзда своего, Алексѣй Петровичъ, прощаясь со мною въ квартирѣ младшаго Вельяминова, отвелъ меня въ сторону и предупредилъ меня, чтобы, не взирая на довѣренность, которую ко мнѣ оказывали, я никому изъ вновь прибывшихъ не вѣрилъ и, обращаясь со всѣми по долгу службы, лично велъ бы себя осторожно: ибо они показывали мнѣ довѣренность свою только по необходимости, которую во мнѣ имѣли. Онъ предупредилъ меня, чтобы я не полагался на полученіе скоро мѣста начальника штаба, которое мнѣ обѣщали; потому что Паскевичъ для сего выписывалъ одного генерала изъ Россіи, который долженъ пріѣхать, и прибавилъ, чтобы я наблюдалъ за симъ и велъ бы себя согласно съ симъ и что я неминуемо самъ замѣчу на-

мѣренія ихъ. Я благодарилъ его за совѣтъ, но не могъ ничего замѣтить до самаго пріѣзда графа Сухтелена, о коемъ я узналъ въ Аббасабадѣ, за нѣсколько дней до пріѣзда его въ армію.

Я, помнится мнѣ, тогда же сообщилъ слова Алексѣя Петровича Грибоѣдову, спрося его, справедливо ли сіе; но онъ мнѣ отвѣчалъ такимъ голосомъ, будто Паскевичъ не имѣетъ сего въ виду, что я болѣе не могъ бы усумниться въ искренности намѣреній Паскевича относительно меня, еслибы совершенно вѣрилъ Грибоѣдову, который о семъ, кажется, давно уже зналъ.

Дибичъ уѣхалъ, кажется, за день до Алексѣя Петровича, или день послѣ него. Онъ повидимому ожидалъ только выѣзда Алексѣя Петровича и перваго извѣстія о начатіи военныхъ дѣйствій Бенкендорфомъ, дабы довершить симъ возложенный на него подвигъ, за который онъ и получилъ графское достоинство. За нѣсколько часовъ до своего выѣзда онъ призвалъ меня и просилъ употребить все свое стараніе для помощи Паскевичу въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находились тогда дѣла Грузіи.

Дабы болѣе выставить свою службу, онъ еще ѣздилъ, по собраніи авангардныхъ войскъ, въ Джелалъ-Оглу, гдѣ и смотрѣлъ ихъ, и былъ въ особенности доволенъ батальономъ моего полка.

Вельяминовы уѣхали также, и осталось только одно новое начальство; изъ прежнихъ же лицъ только я одинъ, на коего и возложены были всѣ дѣла. Мадатова смѣнили съ управленія, кажется, командиромъ 44-го егерскаго полка полковникомъ княземъ Абхазовымъ, и дали ему безъ спроса его отпускъ на воды, куда Мадатовъ и уѣхалъ, оставивъ здѣсь все свое имѣніе, пришедшее въ крайнее разстройство и не приносящее ему болѣе никакихъ доходовъ. Паскевичъ былъ очень доволенъ выѣздомъ Дибича, но не зналъ, какъ приняться за дѣло. Онъ совершенно съ ума сходилъ, трудился день и ночь, но не умѣлъ ни распорядиться, ни привлечь къ себѣ людей. Не довѣряя совершенно никому, онъ все хотѣлъ самъ дѣлать и ни въ чемъ не успѣвалъ. Напримѣръ, для собранія мясной порціи онъ сзывалъ старшинъ Татарскихъ дистанцій, коихъ лживыя и легкомысленныя свойства ему не были извѣстны, и сторговывался, послѣ долгихъ безтолковыхъ преній и безконечнаго ряда привѣтствій, коихъ они не щадили, въ цѣнѣ какихъ-нибудь 500 или 600 барановъ, которыхъ они послѣ или не выставляли или выставляли не въ свое время и не въ полномъ количествѣ, и тому подобное. Онъ посылалъ адъютантовъ своихъ смотрѣть за движеніемъ отправляемыхъ къ границамъ транспортовъ хлѣба, полагая, что медленность ихъ происходила отъ упущеній начальниковъ или отъ желанія вредить общему дѣлу, и никакъ не принимая въ разсчетъ горы, лежащія

по пути ихъ транспортовъ, и шедшіе тогда проливные дожди, болѣзнь и падежъ скота. Онъ подвигалъ войска эшелонами впередъ и сердился, что транспорты не успѣвали по маршрутамъ за оными. Онъ все перепуталъ и былъ такъ гнѣвенъ, что до него никто почти доступа не имѣлъ; но одно изъ самыхъ смѣшныхъ распоряженій его было учрежденіе вечернихъ комитетовъ, собиравшихся у него ежедневно въ 7-мъ часу пополудни.

Членами комитетовъ сихъ, на коихъ должно было непремѣнно присутствовать, были: Сипягинъ, генералъ-интендантъ, Красовскій, князь Эристовъ, князь Мухранскій и я. Коцебу также обязанъ былъ по званію своему оберъ-квартирмейстера тутъ же находиться. Комитеты сіи продолжались иногда за полночь и ничѣмъ не кончались; всякій изъ присутствовавшихъ видѣлъ ничтожность сего и, имѣя на отвѣтственности много дѣла или желая отдохнуть, старался уходить тайкомъ изъ сихъ собраній, на коихъ производились самыя смѣшныя сужденія. Каждый, подойдя украдкою къ дверямъ, увертывался и большими шагами наноскахъ пробѣгалъ столовую, дабы его не возвратили съ дороги. Паскевичъ сердился, если не приходили; на собраніяхъ же сихъ самъ предлагалъ предметы, къ сужденію не пускалъ, сердился и ничего не рѣшалъ. Разговоръ переходилъ безъ всякаго толку отъ одного предмета къ другому. Такимъ образомъ время пропадало, а день выступленія въ походъ приближался. Всѣ вышеозначенныя лица описаны, а потому можно себѣ вообразить, что̀ происходило на сихъ преніяхъ. Сужденія Сипягина, безъ сомнѣнія, могли быть лучше прочихъ, еслибы хотя одному слову, имъ сказанному, можно было вѣрить. Онъ также удалялся, какъ и прочіе. Эристовъ и Мухранскій, извѣстные глупостью своею и необразованіемъ, также подавали тогда голоса свои и играли роли умнѣйшихъ созданій, избавившихся отъ угнетеній предмѣстника, теперь же показали способности свои и низвергнуты во мнѣніи Паскевича въ глубину преисподнюю невѣжества, гдѣ и сооружено для нихъ присутствіе самой природою. Интендантъ потакалъ всѣмъ и подавалъ безконечно-длинныя записки, ничего не заключающія и коихъ послѣднее слово кончалось обыкновенно вопросительнымъ знакомъ. Начальникъ артилеріи, генералъ Унтильe, человѣкъ хитрый, много молчалъ и вслушивался, но мало мѣшался; собственно его распоряженія, до артилеріи касавшіяся, были путны и дѣльны. Коцебу часто бранили, и онъ, увернувшись, чтобы уйти и лечь въ постель, переносилъ все хладнокровно, когда ему удавалось сіе сдѣлать; я, когда могъ, также увертывался, дабы заняться дѣломъ. Красовскій вытаращивалъ глаза, напрягалъ всѣ свои силы, но мало кое-чего смекалъ, при чемъ примѣтилъ я, что зрачки его вытягивались и принимали видъ медальон-

чиковъ. Самъ Паскевичъ былъ въ лихорадкѣ; его билъ ознобъ, и въ разсѣянности онъ творилъ чудеса. Однажды, пришедши къ нему прежде другихъ, засталъ я его прохаживающимся по комнатѣ. Онъ остановился, увидя меня посреди комнаты, и забывши, что за нимъ нѣтъ креселъ, хотѣлъ сѣсть и растянулся на полу. Я едва не засмѣялся, но къ счастью удержался, и онъ сложилъ вину сего на своего слугу, который въ то время входилъ съ чаемъ; но ничего ему не сдѣлалъ за то.

Службу свою продолжалъ я самымъ непріятнымъ образомъ, получая на каждомъ шагу отъ Паскевича самыя оскорбительныя неудовольствія. Напримѣръ, однажды по докладу мнѣ Красовскаго о казенномъ домѣ корпуснаго командира, оставшемся безъ всякаго призрѣнія послѣ выѣзда Алексѣя Петровича, и о коемъ никто думать не хотѣлъ при выступленіи нашемъ въ походъ, я составилъ объ этомъ подробную записку, въ коей упоминалъ между прочими статьями и о топливѣ необходимомъ для поддержанія дома и остающихся чиновниковъ штаба, какъ-то нѣкоторыхъ корпусныхъ адъютантовъ, самой канцеляріи, сторожей, музыки и прочей прислуги по дому корпуснаго командира; но Паскевичъ, командовавшій доселѣ только корпусомъ, расположеннымъ по квартирамъ въ Россіи, не постигая связи мѣстности съ здѣшнимъ правленіемъ войскъ, не понималъ и доклада моего. Онъ думалъ, что войска до послѣдняго человѣка выступаютъ и вообразилъ, что я хлопочу о дровахъ для того, чтобы мнѣ самому пользоваться оными, и самымъ грубымъ образомъ сказалъ мнѣ, что дровяныхъ денегъ болѣе никому отпускать не будутъ, потому что всѣ войска будутъ въ походѣ и что я вѣрно для того хлопочу о семъ, чтобы жена моя въ отсутствіе мое получала готовыя дрова. Я ему отвѣчалъ, что жена моя могла обойтись безъ сей помощи. «Такъ, сударь, продолжалъ онъ въ запальчивости, ваша жена можетъ обойтись безъ сей помощи? А моя, сударь, не можетъ, даромъ что ваша полковница, а моя генеральша. Я не скрываю, сударь, что моей женѣ и сія помощь бы значительна была». Я былъ сраженъ симъ возраженіемъ и сказалъ ему, что дѣло не объ женахъ нашихъ идетъ, а о дровахъ и содержаніи казенныхъ строеній въ Тифлисѣ въ отсутствіе его. Онъ разсердился и сказалъ, что не хочетъ знать сего, а что дровяныхъ денегъ никому рѣшительно не будетъ дано. Нечего было болѣе объясняться, и я дѣло сіе оставилъ. Не менѣе того въ послѣдствіи времени обратили вниманіе на сей предметъ, на который, можетъ быть, и болѣе издерживаютъ, чѣмъ то дѣлалось при предмѣстникѣ его, потому что средства на сіе не употребляютъ хозяйственныя.

Въ другой разъ, будучи недоволенъ, что осадная артилерія медленно подвигалась, или предвидя недостатокъ въ лошадяхъ для перевоза

оной къ Эривани, онъ взглянулъ на меня разъяреннымъ видомъ и сказалъ, что онъ отберетъ у Тифлисскихъ барынь большихъ лошадей, на коихъ онѣ въ колясках по городу разъѣзжаютъ, и отдастъ ихъ подъ осадную артилерію, давая мнѣ разумѣть довольно ясно, что сіе относилось къ моей четвернѣ бурыхъ лошадей, на коихъ жена ѣздила въ коляскѣ. Я не могъ не принимать къ сердцу всѣхъ сихъ грубостей и оскорбленій, кои я получалъ ежедневно, но коихъ по многочисленности ихъ упомнить не могу.

Не менѣе того обидно для меня было слышать оскорбительныя сужденія насчетъ Алексѣя Петровича, и что во мнѣ видѣли какъ будто старшину покоренной земли, коему всѣ средства оной извѣстны и отъ коего все требовалось, который долженъ былъ за все отвѣчать передъ толпою начальниковъ, наводнившихъ завоеванный край, и прихотямъ коихъ должно было угождать каждому порознь. Учрежденіе транспортовъ, магазейновъ, госпиталей, штаба, все на мнѣ лежало, и я не понимаю, откуда взялись у меня силы и средства, чтобы въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ управиться со всѣми предметами сими. Вся моя дѣятельность, нынѣ усыпающая, была тогда въ движеніи. Меня льстила довѣренность Дибича и то, что въ чинѣ полковника я управлялъ почти всѣмъ; я помнилъ увѣщеванія его быть терпѣливымъ для службы, мнѣ предстоявшей и для услугъ, коихъ отъ меня ожидало отечество.

Бенкендорфъ, выступя съ авангардомъ, перешелъ съ большими трудностями горы Безобдалъ, по дурному состоянію дорогъ въ раннюю весну и дождливое время. О продовольствіи его мало заботились сначала, и не разсчитали движеніе его съ медленнымъ движеніемъ транспортовъ. Онъ же помышлялъ только о побѣдахъ и лаврахъ, не заботился о исполненіи даннаго ему повелѣнія заняться собираніемъ хлѣба въ Эриванской области и все хотѣлъ брать крѣпости съ легкими орудьями: сіе было причиною, что вездѣ онъ остался безъ хлѣба. Предполагалось скоро за нимъ двинуть всѣ силы въ Персидскія границы и двинуть для сего всѣ войска; но транспорты шли медленно, войска не могли скоро за ними слѣдовать и принуждены были изводить хлѣбъ въ подвижныхъ магазейнахъ, устроенныхъ для заграничнаго продовольствія, тогда какъ они могли и должны были продовольствовать внѣ операціонной линіи нашей, до первой возможности къ выступленію за границу. Для прокормленія войскъ Бенкендорфа, посылали къ нему черезъ горы транспорты съ хлѣбомъ; но онъ, равно безпечный о будущемъ и всемъ до него касающемся, съѣдалъ и хлѣбъ, и быковъ, доставлявшихъ ему оной и не переставалъ требовать новыхъ средствъ, истребляя совершенно безъ остатка отправленные къ нему транспорты.

Извѣстіе о первой встрѣчѣ Бенкендорфа съ непріятелемъ было получено еще въ Тифлисѣ. Онъ атаковалъ отъ 200 до 300 непріятельскихъ всадниковъ, наблюдавшихъ границы подъ предводительствомъ тѣхъ же начальниковъ передовыхъ войскъ ихъ, съ коими мы имѣли дѣло въ 1826 году. Персіяне, привыкши видѣть насъ безъ кавалеріи, въ семъ случаѣ не остереглись отъ нашихъ казаковъ, коихъ у Бенкендорфа было достаточное количество и кои ударили на нихъ съ быстротою. Персіяне были опрокинуты и преслѣдуемы, причемъ они потеряли до 50-ти человѣкъ убитыми и плѣнными. Наша потеря была незначительна; въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ находился и Исмаилъ-ханъ Карапакахской, молодой и бойкой человѣкъ, начальствовавшій всегда у Гассанъ-хана передовымъ войскомъ, который получилъ въ сей сшибкѣ двѣ или три легкія раны. Его привели въ Джелалъ-Оглу, гдѣ и содержали довольно долгое время: мы его еще застали тамъ, когда шли въ Персію. Я навѣщалъ его. Послѣ того онъ былъ перевезенъ въ Тифлисъ и отправленъ съ Гассанъ-ханомъ, взятымъ въ плѣнъ вмѣстѣ со взятіемъ Эривани, къ Государю въ Петербургъ, но возвращенъ опять по высочайшему повелѣнію съ дороги. По заключенію мира съ Персіею Исмаилъ-ханъ, какъ начальникъ деревень лежащихъ во вновь пріобрѣтенныхъ нами земляхъ, близъ Абарани, былъ освобожденъ изъ плѣна и сдѣлался нашимъ подданнымъ. Въ семъ году пріѣзжалъ онъ подъ Ахалцыхъ къ корпусному командиру и недавно, возвратившись домой, бѣжалъ оттуда къ Туркамъ, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ.

Бенкендорфъ, выставляя подвигъ свой, донесъ, что гренадеры не щадили непріятеля и многихъ поразили штыками. Ложное показаніе сіе не имѣло желаемаго для него успѣха: Государь велѣлъ написать къ нему, что столь жестокое обхожденіе съ непріятелемъ не согласовалось съ мѣрами кротости, кои онъ желалъ видѣть въ начальникахъ, которымъ довѣрялись различныя части. Бумага сія начальника главнаго штаба къ Паскевичу была получена на походѣ въ Шулаверахъ или Джелалъ-Оглу.

Первое дѣло сіе Бенкендорфа имѣло большое дѣйствіе и вліяніе на умы всѣхъ и вѣроятно служило къ ослабленію духа Персіянъ, которые вскорѣ послѣ того 9-го Мая понесли сильное пораженіе отъ нашей конницы.

Выступленіе главныхъ силъ откладывалось со дня на день или, лучше сказать, выѣздъ корпуснаго командира со штабомъ, потому что войска уже двигались къ сборному мѣсту, Шулаверамъ. Штабъ, приросшій многими годами къ Тифлису, не могъ трогаться. Покупали лошадей по большимъ цѣнамъ, невыѣзжанныхъ, фуры для письменныхъ

дѣлъ были строены изъ сыраго лѣса и безъ всякаго вниманія, упряжи не было и никакого хозяйства для сего обширнаго и безалабернаго обоза. Наконецъ, кое-какъ штабъ сей тронулся въ походъ 12-го Мая и на первомъ переходѣ встрѣтилъ остановку отъ безпрерывной ломки. Викинскій съ ума сходилъ, но показалъ въ семъ случаѣ похвальную дѣятельность, и, можно сказать даже, что движеніемъ штаба, хотя весьма неисправнымъ, были ему обязаны.

12-го Мая отправился изъ Тифлиса и корпусный командиръ и пріѣхалъ ночевать въ селеніе Сарванъ, Борчалинской дистанціи.

Я выѣхалъ нѣсколько часовъ послѣ сего 12-го же числа Мая. Прасковья Николаевна съ семействомъ своимъ и жена моя проводили меня верстъ 6 за Тифлисъ. Разставаніе не обошлось безъ обоюдныхъ слезъ, и я пріѣхалъ въ тотъ вечеръ на ночлегъ въ селеніе Коби, откуда писалъ первое письмо свое къ женѣ. Я былъ грустенъ, скученъ, оставя жену свою. Со мною были корпусный адъютантъ Снаксаревъ, двоюродный братъ жены моей 41-го егерскаго полка штабъ-капитанъ Ахвердовъ и карабинернаго полка прапорщикъ Исуповъ. Дорога сія представляла видъ отступающаго послѣ пораженія войска: брошенныя поломанныя арбы, отбившіяся отъ транспортовъ подводы...

Записки сіи доведены теперь до начала Персидской кампаніи 1827-го года. Я уже прежде сказалъ, что не располагаю дѣлать описаніе войны сей, но веду собственныя свои Записки, при коихъ помѣщаю всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣлъ о разныхъ дѣйстіяхъ во время оной. Описаніе же всей войны не берусь дѣлать по недостатку письменныхъ свѣдѣній для сего. Полагаю однако, что извлеченія изъ Записокъ сихъ въ послѣдствіи времени могутъ служить къ составленію подробнаго описанія Персидской войны, если когда время и обстоятельства позволятъ мнѣ заняться симъ.

Съ прибытіемъ сюда новаго начальства, возродились и мысли о новыхъ устроеніяхъ и большихъ перемѣнахъ, кои сбирались сдѣлать въ семъ краю. Всякій пріѣзжій, встрѣчая предметы совершенно новые, видѣлъ, сколько представляла Грузія занятій для наблюдателя и устроителя.

Между прочими предположеніями такого рода, водворена была здѣсь Дибичемъ мысль о заведеніи Армянскихъ войскъ—предположеніе весьма важное, ибо оно должно было замѣнить со временемъ большую часть Русскихъ войскъ, погибающихъ отъ чуждаго имъ климата въ жаркихъ мѣстахъ; средствомъ симъ усилились бы и самыя войска наши, и кромѣ того цѣль сія имѣла связь съ дальнѣйшею, именно собрать въ едино разсѣянный по лицу земли народъ Армянской, коимъ завоеванный нами Эчміадзинской монастырь, по расположенію ихъ и привязанно-

сти къ вѣрѣ, долженъ былъ служить какъ бы сборнымъ мѣстомъ или вѣчемъ. Въ семъ предположеніи и названы завоеванныя у Персіянъ ханства Армянскою областію; но ничего изъ вышеписаннаго не принялось, не состоялось.

Во всѣхъ войнахъ, которыя мы здѣсь имѣли съ сосѣдями, Грузины, Татары и Армяне давали намъ нѣсколько земскаго войска, большею частью коннаго, которое и употреблялось въ разъѣздахъ и передовыхъ перестрѣлкахъ; но войско сіе, не имѣя начальниковъ, болѣе затрудняло насъ чѣмъ служило намъ, и мы всегда выходили данники сей толпы людей корыстолюбивыхъ, привлеченныхъ надеждою къ добычѣ, всегда выпрашивающихъ у насъ хлѣба и требующихъ, послѣ докучливой и безполезной службы ихъ, непомѣрныхъ награжденій. Новое начальство не имѣло еще понятія о семъ родѣ войскъ, а потому и пригласило жителей къ содѣйствію намъ въ сей войнѣ, полагаясь на усердіе ихъ; но ни въ чемъ не успѣло, ибо явилось только нѣсколько князей Грузинскихъ, которые во весь походъ докучали начальству, и назначенный начальникомъ всѣхъ сихъ ополченій, съ положеніями и довольствіями на правахъ бригаднаго командира, генералъ-маіоръ князь Багратіонъ очутился при 9-ти конныхъ князьяхъ и 20-ти арбахъ, на коихъ они возили за собою вино.

Независимо отъ сего занялись въ тоже время, то-есть передъ выступленіемъ въ походъ, формированіемъ Армянской дружины, которую надѣялись усилить въ короткое время до 1,000 человѣкъ, и формировать послѣ того батальоны Армянскіе.

Кургановъ, какъ человѣкъ способный и расторопный, Армянинъ и преданный Армянскому дѣлу, занялся собираніемъ людей сихъ, и въ теченіе двухъ или трехъ дней набралъ до 20 человѣкъ болѣе Хойскихъ Армянъ, которые приходили сюда изъ Персіи для работъ; къ нимъ присоединилъ онъ человѣкъ 5 или 6 Тифлисскихъ Армянъ, молодыхъ людей праздношатающихся, кои занимались по городу сводничествомъ, и формированіе дружины сей было возложено на особое попеченіе мое.

Къ дому моему собиралась толпа жителей, которая слѣдовала за сими новыми воинами, въ числѣ коей приходили и родители молодыхъ людей опредѣляющихся на службу, съ просьбою, дабы ихъ оставили. Завербовавшіеся показывали довольно твердое намѣреніе остаться вѣрными своему обѣщанію; число ихъ усиливалось и, по выступленіи нашемъ, первая дружина Армянская, которая была поручена начальству одного офицера Херсонскаго полка, прапорщика Сумбатова, приняла присягу на вѣрность и присоединилась къ намъ въ Джелалъ-Оглу, въ числѣ 150 человѣкъ, въ коей офицеры были назначены за урядъ, изъ опредѣлившихся въ оную охотно на первыхъ порахъ. Казалось,

что новый духъ поселялся между всѣми Армянами, которые надѣялись видѣть возстановленіе своего царства. Умами ихъ управлялъ архіепископъ Нерсесъ, человѣкъ весьма умный и пріятный. Онъ находился въ Эчміадзинѣ, куда онъ послѣдовалъ съ авангардомъ Бенкендорфа и гдѣ занялъ временно мѣсто первосвятителя ихъ Ефрема, находившагося въ Тифлисѣ. Но сіи самыя намѣренія его, которыя само правительство старалось поддержать, были причиною паденія Нерсеса; ибо виды сіи, не согласуясь съ самовластіемъ здѣшняго начальства, были приняты за домогательство къ незаконной власти, и онъ былъ удаленъ отсюда въ Россію, гдѣ теперь находится въ Кишиневѣ, правя епархіею состоящею изъ 150 домовъ.

Священникъ и лекарь изъ обывателей были немедленно назначены къ сей первой дружинѣ, которая возросла въ отсутствіе наше и соединилась съ нами въ Джелалъ-Оглу, въ числѣ 150 человѣкъ. Имъ дано было знамя, написанное въ Тифлисѣ, и они выступили съ доброю волею и необыкновеннымъ рвеніемъ, имѣя уже и духъ молодыхъ солдатъ. Странно, что духъ сей не замѣтенъ былъ въ собираемыхъ ополченіяхъ, вооруженныхъ Азіатскими ружьями. Ополченія сіи, хотя составлялись и изъ богатыхъ людей, конныя, но всегда были осмѣяны и презрѣны Русскими, а потому и не могли имѣть того бодраго и смѣлаго духа, который оживлялъ возрастающую Армянскую дружину, которая, будучи вооружена хотя неисправными, но со штыками ружьями, имѣла видъ устроеннаго войска, повиновалась начальству, становилась во фронтъ и состояла по спискамъ. Люди сіи, стоя на часахъ, отгоняли прикладами любопытныхъ, чего никогда бы не смѣли сдѣлать обыкновенные ополченцы. Въ бою они показались какъ слѣдовало солдатамъ, и въ Урдобадскомъ отступленіи дрались вмѣстѣ съ баталіономъ Грузинскаго полка противъ Персіянъ, какъ только можно было желать.

Новое сіе войско подавало самыя лучшія надежды къ устроенію со временемъ значительнаго корпуса мѣстныхъ войскъ, которыя могли бы замѣнить здѣсь Русскихъ, погибающихъ отъ климата въ Грузіи; но безпечность начальства была причиною, что начало сіе кончилось весьма дурно. Первая сія дружина, присоединившись къ намъ, была прикомандирована къ л.-г. сводному полку, гдѣ полковникъ Шиповъ имѣлъ надъ онымъ особенный надзоръ; оно усиливалось понемногу выбѣгавшими изъ Персидскихъ баталіоновъ сарбазами изъ Армянъ и жителями Эриванскаго ханства; всѣ принимали присягу на вѣрность службы и совершали съ нами всѣ походы. Ополченіемъ симъ не командовалъ болѣе Сумбатовъ, коего я отрѣшилъ отъ сего званія, назначивъ вмѣсто его капитана Шигубатова того же полка. Шагубатовъ, какъ ревностный Армянинъ, принялся весьма хорошо за свое дѣло, но былъ

смѣненъ 41-го егерскаго полка капитаномъ Лазаревымъ, по желанію Паскевича, знавшаго лично того офицера. По взятіи Эривани, ополченіе сіе было оставлено въ гарнизонѣ Сердарабада; къ нему была присоединена еще 2-я Армянская дружина, присланная Сипягинымъ къ Красовскому, и обѣ вмѣстѣ составляли 250 человѣкъ. Но люди сіи были оставлены безъ всякаго надзора и вниманія со стороны новаго начальства, оставшагося въ Эривани и не входившаго въ нужды ихъ: имъ не выдавали амуниціи, жалованья; но, главное, не смотрѣли ихъ, не говорили съ ними, не воспитывали ихъ къ предполагаемому дѣлу; ибо они, по извѣстнымъ мнѣ качествамъ ихъ, при ласковыхъ словахъ и вниманіи начальника, готовы были все терпѣть и переносить и были послушны какъ дѣти.

Оказались побѣги, которые стали усиливаться, но ядро или кадры сего ополченія еще оставались; наконецъ, по заключеніи мира съ Персіянами, когда люди сіи увидѣли, что, вопреки сдѣланнаго съ ними условія при вступленіи въ службу, ихъ и не думали отпускать въ домà, они изложили правильную свою жалобу начальству, въ Эривани оставшемуся, но, не получая никакого отвѣта и терпя во всемъ крайнюю нужду, рѣшились оставить свое мѣсто и отправились въ Тифлисъ одни. Мнѣ говорили, что они остановились передъ заставою и послали предупредить начальство о своемъ прибытіи. Сіе было уже въ прошломъ 1828 году. Поступокъ ихъ нельзя было принять иначе, какъ за возмущеніе, а потому и приказано ихъ было всѣхъ взять подъ караулъ въ гвардейскій полкъ, гдѣ я ихъ и видѣлъ въ казармахъ. Люди сіи обрадовались, увидя меня; но я не могъ вступить съ ними въ разговоръ, опасаясь нечаяннымъ образомъ поселить въ нихъ какую-либо мысль, могущую быть противною видамъ начальства. Надъ Армянами сими производилось слѣдствіе; но чѣмъ оно кончилось, мнѣ неизвѣстно, а также куда они дѣвались. Возмущеніе ихъ было однако приписано Нерсесу, коего хотѣли находить во всемъ виновнымъ.

И такъ рушилось почти при самомъ началѣ своемъ одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій, которыя могли завести въ Грузіи. Старались послѣ заключенія мира съ Персіею поддержать сарбазскіе баталіоны Эривани и Нахичевани; но и въ семъ не удалось, по тѣмъ же причинамъ, по коимъ не удержались Армянскія дружины, и въ сихъ баталіонахъ имѣется теперь, какъ я слышалъ, человѣкъ до 200.

Сипягинъ также сформировалъ въ Тифлисѣ одну дружину изъ Грузинъ, въ коей было до ста человѣкъ; она состояла частію изъ бѣдныхъ дворянъ, участвовала въ несчастномъ дѣлѣ Красовскаго подъ Ушаганомъ и, когда была въ Эривани, вся почти разбѣжалась.

ПО ПОВОДУ ПОЛУВѢКА СО ВРЕМЕНИ ВОЗОБНОВЛЕНІЯ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

Нынѣ исполнилось 50 лѣтъ съ того времени, какъ Императорскій Зимній Дворецъ въ Петербургѣ возобновленъ послѣ пожара, истребившаго его въ ночь 17 Декабря 1837 года. «Роковая ночь (писалъ объ этомъ пожарѣ князь П. А. Вяземскій) перейдетъ въ исторію для нашихъ внуковъ. И разскажутъ они о твердости духа, рѣшимости и человѣколюбіи императора Николая, о преданности народной, о взаимной довѣренности и любви между царемъ и подданными, о чудесахъ усердія, храбрости, самоотверженія, о дивномъ порядкѣ среди смуты общей. И внуки поймутъ нашу скорбь, и если не будутъ грустить подобно намъ, то почтутъ благороднымъ воспоминаніемъ вѣчнопамятную ночь на 17-ое Декабря 1837 года» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, у всякаго истинно-Русскаго человѣка возникалъ тогда цѣлый рядъ безпокойныхъ мыслей о томъ, что̀ сталось при этомъ съ царемъ и его семьею, въ какомъ положеніи засталъ ихъ пожаръ, какъ отнеслись и относятся они къ постигшему ихъ несчастію, что̀ сталось съ тѣми историческими сокровищами, которыя собирались вѣками и хранились въ великолѣпнѣйшемъ зданіи, нерушимо стоявшемъ въ теченіи цѣлаго почти столѣтія [2]), что̀ станется съ этимъ самымъ зданіемъ, и т. п.?

Пожаръ начался въ 8 часовъ вечера 17 Декабря во внутреннихъ покояхъ дворца въ то время, какъ самъ Государь Императоръ съ Государынею, Наслѣдникомъ Престола и нѣкоторыми другими членами царской фамиліи былъ въ Большомъ театрѣ. Государю доложили объ этомъ вскорѣ послѣ начала пожара (около 9 часовъ), и онъ тотчасъ

---

[1]) См. поэтически-художественную статью кн. П. А. Вяземскаго: „Пожаръ Зимняго Дворца“ въ № 32 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1838 годъ (стр. 251—253). Статья эта написана была на Французскомъ языкѣ и появилась сначала въ *Gazette de France*.—Для настоящей статьи мы пользуемся современными газетными статьями, преимущественно Московскими Вѣдомостями 1837—1839 годовъ. Подробности и разсказы очевидцевъ (графовъ Бенкендорфа, Адлерберга и др.) напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 года.

[2]) Зимній дворецъ построенъ императрицею Елисаветою. Въ него перешелъ жить нашъ дворъ при Петрѣ III-мъ, на Пасху 1762 года.

же уѣхалъ изъ театра, не объяснивъ Государынѣ настоящей причины своего внезапнаго удаленія, дабы не тревожить ея. По прибытіи на мѣсто пожара, узнавъ, что младшіе члены его семьи уже почиваютъ, Государь велѣлъ осторожно разбудить ихъ и отвезти въ Аничковъ дворецъ; а за тѣмъ послалъ къ Императрицѣ гонца съ извѣщеніемъ о происшедшемъ и съ сообщеніемъ о томъ, что дѣти находятся въ безопасности, и чтобы сама она ѣхала также въ Аничковъ дворецъ. Но Государыня, по полученіи извѣстія о пожарѣ, прежде всего захотѣла посѣтить мѣсто пожара, гдѣ для нея было такъ много дорогаго, и сама пожелала удостовѣриться въ безопасности дѣтей. Она знала, что въ объятомъ пламенемъ дворцѣ лежитъ въ тяжкой болѣзни фрейлина графиня С. П. Голенищева-Кутузова и, опасаясь, какъ бы ея не забыли въ суматохѣ, отправилась во дворецъ, распорядилась, чтобы ее, съ помощію докторовъ, перевезли въ безопасное мѣсто, и только по исполненіи этого дѣла милосердія, поѣхала въ Аничковъ дворецъ къ ждавшему ее съ нетерпѣніемъ семейству.

Между тѣмъ Государь Императоръ, сдѣлавъ нужныя распоряженія внѣ дворца, отправился, въ сопровожденіи министра двора князя П. М. Волконскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ горѣвшее зданіе и сталъ проходить чрезъ охваченныя пламенемъ залы: Концертную, Большую аванъ-залу, Фельдмаршальскую и Бѣлую гербовую, осматривая, какимъ покоямъ грозитъ наибольшая опасность и что̀ нужнѣе всего спасти отъ всепожиравшаго пламени. Потолки и карнизы ежеминутно грозили паденіемъ; но Царь, не смущаясь зловѣщимъ трескомъ ихъ, проходилъ далѣе. Въ одной залѣ, видя, съ какимъ усиліемъ гренадеры стараются бережно вынуть вдѣланное въ стѣну колосальное зеркало, онъ велѣлъ имъ оставить напрасный трудъ; но гренадеры, подзадоренные неудачею, еще съ большею горячностію продолжали свои усилія. Тогда Государь, вынувъ изъ кармана бинокль, съ которымъ былъ въ театрѣ, бросилъ его въ зеркало, раскололь его въ дребезги и тѣмъ самымъ остановилъ безполезную работу гренадеровъ. На пути дальнѣйшаго шествія Государя графъ Орловъ спрашивалъ у него, не нужно ли вынести какихъ бумагъ изъ его кабинета. «У меня нѣтъ тамъ никакихъ бумагъ», сказалъ Государь: «я оканчиваю работу изо дня въ день и всѣ мои рѣшенія тотчасъ передаю министрамъ. А есть тамъ три портфеля съ вещами, которыя до̀роги мнѣ по воспоминаніямъ: ихъ пора вынести». Пожаръ все усиливался, огонь занималъ все бо̀льшую и бо̀льшую площадь, пока не охватилъ всего громаднаго зданія. «Дворцовые часы пробили десять и вскорѣ рухнули», говоритъ одинъ изъ очевидцевъ событія [1]). Пищи для огня

[1]) И. К. Зайцевъ въ „Русской Старинѣ" за 1887 годъ.

было немало, хоть зданіе было каменное. «Украшенія, обои стѣнъ вдругъ занимались огнемъ; золотыя и мраморныя колонны трескались и лопались отъ пламени; огромныя люстры, привѣшенныя къ потолкамъ, качались, какъ зловѣщіе метеоры, и пылали уже не тѣмъ огнемъ, какой блисталъ на нихъ во время торжественныхъ бальныхъ ночей» [4]), а затѣмъ падали на полы, также горѣвшіе. Вообще картина пожара была страшно-величественная, поразительная. При всемъ томъ вещи, за исключеніемъ весьма немногихъ, спасены всѣ до мелочей [5]). Изъ обѣихъ церквей дворцовыхъ также успѣли вынести св. мощи, ризницу, всю утварь и иконы. Гвардейскій корпусъ, подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, болѣе всего потрудился. На дворцовой площади гвардейцы образовали изъ себя живую цѣпь около этихъ вещей и не допускали прикосновенія кого бы то ни было изъ постороннихъ. Порядокъ во всемъ былъ удивительный. Народъ всякаго званія, пола и возраста, также во множествѣ, окружалъ дворецъ. Усердія, ревности всѣхъ лицъ въ тушеніи огня и въ стремленіи чѣмъ-либо помочь войскамъ нельзя выразить: ихъ приходилось не столько поощрять къ исполненію долга, сколько удерживать отъ излишней и подчасъ безполезной отваги. Несмѣтная толпа народа, съ одной стороны вела ожесточенную борьбу съ разъяренною стихіею, а съ другой, покрывая всѣ приступы ко дворцу, «присутствовала въ оцѣпенѣніи мрачномъ, въ молчаніи набожномъ, прерываемомъ изрѣдка молитвами и рыданіями. Не праздное любопытство созвало сюда толпу, жадную къ зрѣлищамъ всякаго рода; нѣтъ, то было глубокое сочувствіе народа, преданнаго царю» [6]). Самъ Государь Императоръ во все продолженіе страшной ночи съ 17 на 18 Декабря пробылъ на мѣстѣ пожара, распоряжаясь дѣйствіями пожарной команды и войскъ или передавая распоряженія брату своему. Видя невозможность спасти дворецъ, онъ приказалъ всѣ усилія обратить къ спасенію примыкавшаго ко дворцу Эрмитажа, и высочайшая воля была исполнена въ точности и съ желаннымъ успѣхомъ. Пожарные и солдаты бросились закладывать кирпичемъ окна и двери, смежныя съ Эрмитажемъ и, употребивъ также другія соотвѣтствующія усилія, спасли это драгоцѣнное хранилище искусствъ. Спасеніемъ Эрмитажа Россія обязана особенной энергіи распоряжавшагося гвардейскимъ корпусомъ великаго князя Михаила

---

[4]) Слова кн. П. А. Вяземскаго. См. *Моск. Вѣдом.* 1838 г. № 32, стр. 253.

[5]) Между вещами, спасенными отъ пожара, Государь цѣлую ночь искалъ маленькую картинку Доминикино, говоря, что это любимая картинка Государыни, и потому ее спасти необходимо. См. *Сѣверъ* 1888, № 3, стр. 14.

[6]) Слова князя Вяземскаго въ упомянутой его статьѣ.

Павловича, о чемъ свидѣтельствуютъ высочайшій рескриптъ на его имя и изданный по поводу этого рескрипта его собственный приказъ по войскамъ гвардіи, оба напечатанные въ № 10 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1838 годъ.

Одновременно съ пожаромъ въ Зимнемъ Дворцѣ вспыхнулъ пожаръ въ Галерной на Васильевскомъ островѣ, среди бѣдныхъ жилищъ. Государь, безпокоясь о томъ, какъ бы пожарная команда и войска, спасая дворецъ и имущество царя, не забыли бѣдныхъ людей, у которыхъ пожаръ уничтожалъ, быть можетъ, послѣднее ихъ достояніе, послалъ туда Великаго Князя Александра Николаевича. Дорогою у него сломался экипажъ. Тогда онъ сѣлъ на лошадь перваго попавшагося жандарма и верхомъ помчался далѣе. По распоряженію его и при содѣйствіи прибывшаго туда лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, пожаръ въ Галерной былъ вскорѣ потушенъ, и Государь Наслѣдникъ вернулся на дворцовую площадь, гдѣ пробылъ при родителѣ своемъ весь остатокъ роковой ночи.

Пожаръ дворца продолжался почти съ одинаковою силою и весь слѣдующій день и затѣмъ еще почти двое сутокъ, а остатки тлѣли даже цѣлую недѣлю. Разумѣется, что при такомъ страшномъ пожарѣ дѣло не могло обойтись безъ человѣческихъ жертвъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что тринадцать человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и пожарной команды погибли, вслѣдствіе усерднаго исполненія своего долга, и сверхъ того нѣсколько человѣкъ пожарной команды ранено, большею частію легко.

Для изслѣдованія причины пожара наряжена была слѣдственная коммиссія, составленная изъ генералъ-адъютантовъ: графа Бенкендорфа, Клейнмихеля и Мартынова, генералъ-лейтенанта Захаржевскаго, чиновника 4 класса Тауберта и статскаго совѣтника Стасова. А для разбора вещей, вынесенныхъ изъ Зимняго дворца во время пожара, учреждена другая коммиссія изъ гофмаршала князя Н. В. Долгорукова и камергера Сенявина, подъ предсѣдательствомъ оберъ-шталмейстера князя В. В. Долгорукова.

Причина пожара, начавшагося въ восточной части дворца, прилегавшей къ Эрмитажу, первоначально выражена была въ такой формѣ: «Кажется, что огонь возникъ изъ лабораторіи придворной аптеки» [1]. Но за тѣмъ, по болѣе достовѣрнымъ и точнымъ разслѣдованіямъ упомянутой коммиссіи, открылось, что виною былъ отдушникъ, который оставленъ незадѣланнымъ при послѣдней перестройкѣ фельдмаршальской залы изъ двухэтажной въ одноэтажную. Отдушникъ нахо-

[1]) *Москов. Вѣдом.* 1837, № 103, стр. 773.

дился въ печной трубѣ, проведенной между хорами и деревяннымъ сводомъ залы Петра Великаго, смежной съ фельдмаршальскою. Благодаря этому обстоятельству, 17 Декабря, при топкѣ печей, выкинуло изъ трубы, а потомъ пламя сообщилось, чрезъ отдушникъ, доскамъ хоровъ и своду въ залѣ Петра Великаго [8]).

За уничтоженіемъ обѣихъ церквей богослуженіе въ день праздника Рождества Христова, 25 Декабря 1837 года, совершено было въ зданіи Эрмитажа, въ походной церкви, временно для того устроенной. Въ той же церкви совершалось богослуженіе и на Св. Пасху, 3 Апрѣля слѣдующаго 1838 года, какъ и на Рождество, въ присутствіи Императорской фамиліи. А на второй день Пасхи, 4 Апрѣля, здѣсь же Ихъ Величества, по выслушаніи божественной литургіи, принимали поздравленія отъ членовъ Св. Синода и разныхъ сановниковъ. Тоже было и 23 Апрѣля, въ день именинъ Государыни Императрицы, причемъ въ томъ же Эрмитажѣ былъ данъ вечеромъ и балъ. Такъ за тѣмъ прошелъ и весь 1838 годъ, въ концѣ котораго между прочимъ состоялось обрученіе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ. По церемоніалу обрученія и въ этомъ случаѣ сборъ всѣмъ высшимъ чинамъ назначенъ былъ въ Эрмитажѣ. Государь Императоръ съ Императрицею значительную часть лѣта 1838 года, а Государь Наслѣдникъ даже и все лѣто и осень 1838 и зиму съ 1838 на 1839 годъ, провели за границею.

Но уже въ началѣ 1839 года Зимній дворецъ возникъ изъ пепла въ прежнемъ и даже въ большемъ по сравненію съ прежнимъ величіи. Знавшіе его объемъ, внутреннее устройство и величественныя формы до пожара полагали, что на возобновленіе его потребуется, по крайней мѣрѣ, четверть столѣтія; но императоръ Николай сказалъ, что «чрезъ годъ онъ будетъ встрѣчать праздникъ Свѣтлаго Воскресенія въ стѣнахъ возобновленнаго дворца, и дворецъ возродился изъ развалинъ къ назначенному дню» [9]). Едва потухли, такъ сказать, послѣднія искры догоравшаго зданія, какъ учреждена при кабинетѣ Его Величества коммиссія по возстановленію дворца въ прежнемъ видѣ. Эта комиссія, учрежденная 29 Дек. 1837 г., состояла изъ слѣдующихъ лицъ: оберъ-шталмейстера князя Долгорукова, генералъ-адъютанта Клейнмихеля, инженера генералъ-лейтенанта Готмана, кабинета Его Величества вице-президента гофмейстера князя Гагарина, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андреева, камергера Сенявина и коллежскаго совѣтника князя Грузинскаго. Архитекторами назначены: 4-го класса Тауберть, статскій со-

[8]) *Москов. Вѣдом.* 1838, № 4, стр. 25.
[9]) *Москов. Вѣдом.* 1839, № 29, стр. 188.

вѣтникъ Стасовъ и надворный совѣтчикъ Брюловъ. Послѣдними составлены проекты и смѣты. Казна назначила суммы для возобновленія дворца.

А между тѣмъ въ тоже время обнаружилась съ новою силою и безпредѣльная любовь подданныхъ къ Государю. Многіе изъ нихъ съ простодушіемъ и полною искренностію предлагали денежныя и другія средства. Такъ одинъ изъ богатѣйшихъ вельможъ того времени, графъ Браницкій на другой же день послѣ пожара предложилъ милліонъ рублей на возстановленіе погибшаго въ пламени зданія. Одинъ мѣщанинъ принесъ скопленные бережливостію и трудами 1500 р. для той же цѣли. Государь проѣзжалъ по городу на дрожкахъ вскорѣ послѣ пожара, и какой-то мужичекъ въ сибиркѣ бросилъ къ нему на колѣни пакетъ и скрылся, прежде нежели успѣли его задержать: въ пакетѣ оказалось 25 тысячъ рублей на отстройку сгорѣвшаго зданія. Дворянство и купечество ждали только согласія правительства, чтобы принести на тоже дѣло суммы, уже назначенныя ими въ порывѣ усердія. Каждый считалъ потерю Государеву какъ бы своею собственною потерею и обязанность возмѣщенія ея—своею обязанностію. Государь Императоръ, видя такое усердіе, такіе знаки любви подданныхъ къ себѣ, но въ тоже время не желая отягощать ихъ вещественными приношеніями, обнародовалъ слѣдующій по истинѣ достопамятный государственный актъ, напечатанный въ видѣ рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 25 Января 1838 г. «Пожаръ, истребившій часть Зимняго дворца нашего, былъ случаемъ къ новымъ изъявленіямъ усердія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По доходящимъ до насъ отвсюду свѣдѣніямъ, люди всѣхъ состояній ревнуютъ, каждый по мѣрѣ средствъ своихъ, содѣйствовать добровольными приношеніями возстановленію сего зданія. Сіи приношенія не будутъ нужны; мы не принимаемъ ихъ; но чувства, къ нимъ побуждающія, чувства вѣрноподданнической привязанности къ намъ и престолу, всегда при всякомъ болѣе или менѣе важномъ событіи обнаруживающіяся съ новою силою, глубоко трогаютъ наше сердце. Мы желаемъ, чтобы сіе было также повсюду извѣстно, и для того повелѣваемъ чрезъ начальниковъ губерній и губернскихъ предводителей дворянства (которое и въ настоящемъ случаѣ доказало, сколь оно вѣрно своему назначенію и правилу быть первымъ въ дѣйствіяхъ и примѣрахъ усердія), объявить любезнымъ подданнымъ нашимъ всѣхъ сословій монаршую признательность нашу за сіи знаки ихъ приверженности. Они намъ драгоцѣннѣе вещественныхъ сокровищъ и изящнѣйшихъ произведеній искусства. Мысль о нелицемѣрной, ни въ какихъ обстоятельствахъ не премѣняющейся любви нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, облегчаетъ для насъ бремя заботъ и трудностей правленія; ибо

въ сей любви мы видимъ залогъ и будущаго благоденствія, и славы любезнаго Отечества нашего» [10]).

Съ другой стороны, хотя и правда, что возстановленіе такого громаднаго зданія, какъ Зимній дворецъ, стоило громадныхъ затратъ и цѣлыхъ милліоновъ; но за то, оно дало работы многимъ тысячамъ бѣдныхъ. «Трата богатаго (писалъ по поводу пожара этого дворца князь Вяземскій) доходъ бѣдному. Эти милліоны не пропадутъ; они разсыпятся по Россіи: не одна хижина, не одна деревня выстроится на деньги, которыхъ будетъ стоить дворецъ. Пепелъ его, какъ пепелъ Везувія, утучнитъ поля нашихъ земледѣльцевъ, новое довольство прольется на тысячи работниковъ изъ бѣднаго класса, а довольство есть одинъ изъ вспомогателей народнаго образованія» [11]).

И подлинно, закипѣла работа по возстановленію дворца, напитались десятки тысячъ рабочихъ, а чрезъ нихъ и сотни тысячъ членовъ ихъ семействъ и сродниковъ отъ крохъ, падавшихъ со стола царскаго.

Но не одни сердца ближайшихъ исполнителей воли царя пылали безграничною къ нему любовію, не одни представители свѣтскихъ сословій исполнены были глубокимъ сочувствіемъ къ царю въ его горѣ и радости. Въ средѣ духовнаго сословія, которое также глубоко ему сочувствовало, былъ человѣкъ, котораго, благодаря нѣкоторому формализму въ его дѣятельности, благодаря глубокой серьезности и строгой логичности его мышленія, многіе считали (какъ и доселѣ нерѣдко считаютъ) человѣкомъ холоднаго разсудка, сухимъ, безсердечнымъ, и который однако, одаренный необыкновеннымъ умомъ и строгою огляддивостью въ дѣлахъ, въ тоже время обладалъ и не менѣе глубоко любящимъ сердцемъ, и въ особенности къ царской семьѣ питалъ нелицемѣрную любовь и безграничную преданность, опыты которой представлялъ во множествѣ въ теченіи всей своей свыше полувѣковой общественной дѣятельности. Говоримъ о святителѣ Московскомъ Филаретѣ. Опытъ такой любви и преданности представилъ онъ и въ отношеніи къ разсматриваемымъ событіямъ. Событія пожара и возобновленія Зимняго дворца совершились въ то время, когда Филаретъ еще почти ежегодно ѣздилъ въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Какъ человѣкъ отъ природы не обладавшій крѣпкимъ здоровьемъ и часто подвергавшійся болѣзнямъ, онъ не могъ не тяготиться подобными поѣздками, особенно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, и не разъ

---

[10]) *Москов. Вѣдом.* 1838 № 11, стр. 85. Рескриптъ сочиненъ, сколько намъ извѣстно (графомъ) Д. Н. Блудовымъ. П. Б.

[11]) Тамъ же, № 32, стр. 258.

высказывалъ мысль, что только послушаніе волѣ самодержцевъ побуждаетъ его продолжать нести это бремя [12]). Обыкновенно онъ выѣзжалъ изъ Москвы осенью и проживалъ въ Петербургѣ всю зиму и весну, а на лѣто возвращался въ свою епархію. Въ 1837 году, по случаю довольно продолжительнаго пребыванія Императорской фамиліи въ Москвѣ въ концѣ осени и началѣ зимы, поѣздка Филарета въ Петербургъ состоялась позже обыкновеннаго, именно 12 Декабря. 17-го Декабря въ Пятницу вечеромъ онъ и прибылъ въ Петербургъ, еще въ началѣ дороги довольно сильно простудившись и конечно надѣялся по прибытіи на свое Троицкое подворье успокоиться отъ тревогъ и безпокойствъ дороги, равно какъ и принять врачебныя пособія. Но его ожидало совсѣмъ иное. Къ тѣлесной болѣзненности присоединилось страданіе нравственное. «Пора извѣстить васъ, писалъ Филаретъ намѣстнику Сергіевой Лавры, архим. Антонію (духовнику своему, которому онъ открывалъ свою душу) отъ 24 Декабря того же 1837 года, что я, чрезъ сильный холодъ, достигъ до Петербурга безостановочно. Большую помощь вы сдѣлали мнѣ, назначивъ мнѣ обувь, о которой я бы не вздумалъ и которая много облегчила мнѣ перенесеніе холода. Болѣзненность началъ я собирать въ дорогѣ еще подъ Москвою, когда оказалось, что зимній ходъ [13]) не могъ идти, и, въ ожиданіи прибавочныхъ коней, надлежало часъ или болѣе стоять въ полѣ. Голову мою продувало, и простудная боль въ ней начиналась. Но какая милость Божія! Боль сія сильно отрыгнулась уже въ Петербургѣ. Потому, пріѣхавъ сюда 17-го дня вечеромъ, до сихъ поръ, кромѣ одного дня [14]), сижу дóма. Вмѣсто того, чтобы въ первую ночь отдыхать, надлежало видѣть зарево пожара Зимняго дворца и проводить время въ печальныхъ и заботливыхъ размышленіяхъ. Чудная судьба! Эрмитажъ былъ подъ вѣтромъ и, по распоряженію Государя, спасенъ; три стороны дворца были надъ вѣтромъ, и весь четвероугольникъ сгорѣлъ. Но—добавляетъ Филаретъ—не совсѣмъ еще здоровая голова не хочетъ много разгла-

---

[12]) См. напр. писанное незадолго до отбытія въ Петербургъ въ 1837 году письмо его къ намѣстнику Сергіевой Лавры, архим. Антонію въ собраніи писемъ его къ сему послѣднему ч. I, стр. 259. Москва, 1877. Срав. также стр. 103—104, ч. II, стр. 14. Москва, 1878; *Письма Филарета къ роднымъ*, стр. 282, 354 и др. Москва, 1882.

[13]) Т. е. устройство экипажа въ приспособленіи къ зимнему пути. Такъ какъ зима 1837—1838 гг. была безснѣжная, то оказались нужными колеса, о чемъ пишетъ самъ же Филаретъ въ письмѣ къ викарію Виталію (Щепетеву). См. *Правосл. Обозр.* 1887: I, 220. Срав. газеты того и послѣдующаго времени.

[14]) Именно только 20 Декабря онъ чрезъ силу съѣздилъ въ Св. Синодъ, заѣхавъ предварительно къ первенствующему члену Синода, митрополиту Новгородскому Серафиму, какъ о томъ самъ писалъ къ викарію своему Виталію. См. *Прав. Обозр.* 1887, I, 221.

гольствовать» [15]). И въ памятной книжкѣ Филарета (о существованіи которой до самой кончины его никому не было извѣстно и которой одной только повѣрялъ святитель многія свои задушевныя мысли и чувства) подъ 17-мъ Декабря того же 1837 года значится: «Мы въ Петербургѣ вечеромъ. Болѣзненному отъ сильной стужи въ дорогѣ, всю ночь не далъ мнѣ успокоиться не утухающій пожаръ Зимняго дворца» [16]). Такъ, несмотря на большую усталость отъ дороги и физическую болѣзненность, Филаретъ цѣлую ночь съ 17 на 18 Декабря проводитъ безъ сна, «въ печальныхъ и заботливыхъ размышленіяхъ». О чемъ или о комъ? Конечно, о чемъ и о комъ безпокоились въ тоже время и всѣ истинно и беззавѣтно преданные Царю и Отечеству люди: о царѣ и царской семьѣ, объ ихъ семейной скорби и т. д [17]). Тѣ вопросы, которые поднимались въ умахъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи въ ту страшную, роковую ночь, поднимались и въ умѣ святителя Московскаго; тѣ чувства, которыя волновали ихъ сердца, волновали сердце и этого, по видимому холодно-равнодушнаго человѣка, но только съ большею силою и глубиною, соотвѣтственно преимуществамъ духа, обитавшаго въ слабомъ тѣлѣ Филарета. И разумѣется, какъ лицо духовное, даже болѣе того, какъ одинъ изъ высшихъ, лучшихъ, образцовыхъ представителей духовнаго чина, какъ человѣкъ поистинѣ духовный въ самомъ существѣ своемъ, Филаретъ духовнымъ же окомъ смотрѣлъ и на это печальное событіе. Только что недавно, во время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ, онъ имѣлъ новый, возвышенно-пріятный случай видѣть многіе опыты высокаго, искренняго благочестія царя и царской семьи и торжественно, равно какъ и частно, свидѣтельствовать о нихъ [18]). Недавно изъ своей епархіи напутствовалъ онъ царя и царскую семью молитвеннымъ благожеланіемъ: *Господи, спаси Царя и услыши ны, въ оньже аще день призовемъ Тя* [19]). А тутъ вдругъ, по-

---

[15]) *Письма Ф. къ Антонію* I, 265. Срав. его же *Письма къ роднымъ*, стр. 342 и указан. мѣста писемъ къ Виталію.

[16]) Въ тотъ же день, 17 Декабря 1837 года, въѣзжалъ въ Петербургъ Жуковскій, возвращавшійся послѣ долгаго путешествія съ Наслѣдникомъ по Россіи. Его помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ находилось рядомъ съ Эрмитажемъ, въ третьемъ этажѣ такъ называемаго Шепелевскаго дома. Покойный П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что первое восклицаніе Жуковскаго при видѣ грознаго зарева было не о своихъ рукописяхъ, библіотекѣ и художественныхъ собраніяхъ, а о здоровьи царскаго семейства. П. Б.

[17]) См. *Письма Филарета къ Антонію* I, 265—266, въ примѣчаніи.

[18]) Разумѣемъ, съ одной стороны, проповѣдь Филарета въ день восшествія Государя на престолъ, произнесенную 20 Ноября 1837 г. и записку его же о пребываніи царской фамиліи въ Москвѣ, напечатанную въ *Москов. Вѣдомостяхъ* (см. въ *Правос. Обозр.* 1887, I, 220—221), а съ другой—письма Филарета (см. особенно *Письма его къ роднымъ* стр. 341—342).

[19]) См. *Прав. Обозр.* 1887, I, 221.

жаръ Зимняго дворца!.... Филаретъ усмотрѣлъ въ этомъ событіи наказующую и вмѣстѣ милующую десницу Всевышняго: наказующую за грѣхи людей истребленіемъ на землѣ того, что такъ дорого для нихъ, но вмѣстѣ и милующую самихъ людей и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые и для Бога, какъ для народа, были по преимуществу дороги и нужны на землѣ и которые при томъ завѣдомо отличались благочестіемъ и добродѣтелями на всю Россію. Конечно, не людямъ судить о нравственныхъ причинахъ такого страшнаго событія, какъ пожаръ Зимняго дворца, и никто не *вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11); но нельзя не имѣть въ виду того, что Зимній дворецъ, съ одной стороны, въ обыкновенное время, вмѣщалъ въ себѣ кромѣ царской фамиліи до пяти тысячъ человѣкъ постоянныхъ обитателей изъ придворныхъ чиновъ разныхъ степеней и дворцовой прислуги, а съ другой и главнымъ образомъ,—есть не простое жилище какого-либо частнаго семейства, а именно дворецъ царей и царицъ земли Русской съ ихъ поколѣніями, есть вмѣстилище представителей всего народа Русскаго. И слѣдовательно, на сколько съ одной стороны далеко не всѣ, конечно, изъ постоянныхъ обитателей дворца и не всегда отражали въ своей жизни сіяніе добродѣтелей царя и членовъ царской фамиліи, не всѣ и не всегда слѣдовали благочестивымъ обычаямъ родной, православной старины, сдѣлавшимъ Русь крѣпкою, не всѣ и не всегда, быть можетъ, подавали истинно-благіе совѣты царямъ и царицамъ и т. д.: настолько же съ другой стороны здѣсь также, т. е. въ томъ же царскомъ дворцѣ, естественно должны были ощущаться, если можно такъ сказать, послѣдствія грознаго прещенія Божія на землю Русскую за грѣхи народа Русскаго. Ибо «царь—говорилъ въ одной изъ проповѣдей своихъ святитель Московскій Филаретъ, по истинному о немъ понятію, есть глава и душа царства». И «какъ душа и тѣло суть едино, такъ царь не отдѣляетъ себя отъ царства своего».

Когда государь императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Москву въ Октябрѣ 1837 года послѣ продолжительнаго путешествія въ южную Россію и Закавказскій край, Филаретъ, встрѣчая его (27 Октября) въ Успенскомъ соборѣ рѣчью, говорилъ ему: «Благочестивѣйшій Государь! Подвиги не утомляютъ тебя. Но если, по слову Премудраго, *время всякой вещи*, а слѣдственно должно быть нѣкоторое время и покою: то пріиди, много ради насъ подвизающемуся духу твоему дай опочить— на нашихъ сердцахъ». И къ тому добавилъ слѣдующее, весьма знаменательное благожеланіе: «Благословеніе же Господне, которое одно даетъ и утверждаетъ истинный миръ и покой, да почиваетъ выну на тебѣ и на твоемъ августѣйшемъ семействѣ, и на твоей Рос-

сіи» [20]). Но вотъ кончилось довольно продолжительное время пребыванія Государя и царской фамиліи въ Москвѣ, оставившее въ умахъ и сердцахъ Москвичей, «какъ пріятную зарю послѣ прекраснаго дня», по выраженію Филарета, воспоминанія объ этомъ пребываніи, въ особенности же воспоминанія о дѣйствіяхъ царскаго благочестія. «Частыя молитвы и славословія царственнаго семейства—какъ описываетъ тоже время Филаретъ — въ храмѣ дворца слышали и изочли небеса. Сосѣдственная съ дворцемъ обитель святителя Алексія также нерѣдко была свидѣтельницею царскаго благочестія. Кромѣ того, что благочестивѣйшій Государь Императоръ, благочестивѣйшая Государыня Императрица и прочіе члены августѣйшаго дома, въ первыя минуты по прибытіи въ Москву и въ послѣднія предъ отбытіемъ изъ оной, обыкновенно посѣщаютъ храмъ, гдѣ почиваютъ мощи святителя Алексія, для уединенной молитвы и цѣлованія святыхъ мощей его, подобныя посѣщенія неоднократно возобновлены были, частію во время богослуженія, частію кромѣ онаго» [21]).

Отбытіе царской фамиліи въ Петербургъ Филаретъ сопроводилъ молитвеннымъ благожеланіемъ: *Господи спаси царя и услыши ны, въ онъ же аще день призовемъ Тя.* И молитва святителя была услышана. Господь спасъ царя.

25 Января слѣдующаго 1838 года Филаретъ писалъ намѣстнику Лавры Антонію: «Не воздремала ли любовь наша? И не для пробужденія ли ея посылаетъ Господь знаменія грозныя? Вчера въ Св. Синодѣ читали изъ Кіева письмо о бывшемъ тамъ землетрясеніи. Подъ землею былъ шумъ и гулъ; люди теряли память; стѣны трещали; кресты на церквахъ колебались. Говорятъ, и въ Москвѣ было. Напишите, не было ли и у васъ. Замѣтили-ль вы, что три страшные и многоубыточные пожара у трехъ народовъ разрушили то, что̀ которому больше любезно: въ Петербургѣ дворецъ, въ Лондонѣ биржу, во Франціи театръ? [22]). Сказать ли вамъ, что̀ еще кажется мнѣ очень худымъ предзнаменованіемъ? Петербургъ сходитъ съ ума въ идолопоклонствѣ предъ Французскою плясавицею [23]). Говорятъ,

---

[20]) Тамъ же, стр. 74.

[21]) *Правосл. Обозр.* 1887, I, 220—221.

[22]) Филаретъ при этомъ имѣлъ въ виду, кромѣ пожара Зимняго дворца въ Петербургѣ, бывшіе почти одновременно два пожара, истребившіе въ Лондонѣ — громадное зданіе биржи, называвшееся Royal Exchange, постройка коего обошлась отъ $1^1/_2$ до 2 милліоновъ рублей на наши деньги, и въ Парижѣ также огромное зданіе Итальянскаго театра (Salle Favart), о чемъ см. *Москов. Вѣдом.* 1838 г., № 8, отъ 26 Января, стр. 60 и 61.

[23]) Разумѣется знаменитая танцовщица того времени Тальони, на зиму 1837—1838 годовъ пріѣзжавшая въ Петербургъ.

въ то самое время, какъ она въ театрѣ бросалась въ огонь, отъ котораго долженъ былъ избавить ее безстудный языческій божокъ,—сдѣлался пожаръ, истребившій дворецъ. Господу помолимся, да проститъ людскія невѣдѣнія и да очиститъ наши грѣхи».

Между тѣмъ возобновленіе Зимняго дворца шло быстро и въ строгомъ порядкѣ. Согласно волѣ Государя, возобновляемое зданіе должно было явиться въ лучшемъ, по сравненію съ прежнимъ, видѣ. «Дворецъ, какъ будто волшебствомъ, возродится изъ пепла прекраснѣе чѣмъ былъ», писалъ еще въ концѣ 1837 года князь Вяземскій [24]). И дѣйствительно, чрезъ годъ съ небольшимъ, онъ явился въ томъ, большемъ по сравненію съ прежнимъ, великолѣпіи, въ какомъ его можно видѣть теперь. «Государь Императоръ исполнилъ царское слово», писалъ изъ Петербурга отъ 29 Марта 1839 года Филаретъ викарію своему Виталію, «изреченное вскорѣ послѣ бѣдственнаго приключенія съ дворцемъ. Онъ возобновленъ лучше прежняго, и Пасха празднована въ большомъ придворномъ соборѣ, подлежавшемъ общей съ дворцемъ участи» [25]). Еще 2 Февраля 1839 года освящена была малая церковь возобновленнаго дворца; а 25 Марта, въ Великую Субботу (въ праздникъ Благовѣщенія) освящена была и большая церковь, или, какъ выражался святитель Московскій, большой придворный соборъ. Обрядъ освященія той и другой церкви совершалъ митрополитъ Кіевскій Филаретъ съ придворнымъ духовенствомъ, въ присутствіи императорской фамиліи. 26 Марта, въ первый день праздника Пасхи, состоялся парадъ перенесенія знаменъ и штандартовъ войскъ гвардейскаго корпуса въ возобновленный Зимній дворецъ, бывшихъ въ немъ и до пожара. Къ пасхальной заутрени собрались туда тысячи приглашенныхъ лицъ, по большей части трудившихся надъ возстановленіемъ дворца: высшихъ государственныхъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ и даже старшинъ надъ работниками (подрядчиковъ, десятниковъ). Всѣ они тамъ и разговѣлись и завтракали, угощаемые радушнымъ Хозяиномъ. Всѣ трудившіеся были украшены медалями, нарочито въ честь сего событія выбитыми [26]). Въ положенное время праздника Пасхи (во 2-й день, 27 Марта) митрополитъ Московскій, вмѣстѣ съ другими членами Св. Синода, былъ во дворцѣ на представленіи у Государя по случаю праздника. А 2 Апрѣля ему удалось осмотрѣть возобновленную большую церковь дворца. «Сего дня», писалъ онъ этого числа намѣстнику Антонію, «въ первый разъ былъ я въ возобновленной послѣ пожара при-

[24]) См. указ. статью его въ *Московск. Вѣдом.* 1838 г., № 32, стр. 257.
[25]) *Правосл. Обозр.* 1887, I, 428—429.
[26]) *Моск. Вѣдом.* 1839 г. № 27.

дворной церкви. Какъ видѣніе, видишь туже точно церковь, которая сгорѣла. Иконы и утвари сохранены; иконостасъ и украшенія возобновлены въ прежнемъ видѣ. Часть свода въ настоящей церкви неизвѣстно на что̀ была отрѣзана потолкомъ; пожаръ взялъ потолокъ, и сводъ съ четырьмя круглыми окнами открылся, и это лучше прежняго. Входъ въ церковь съ Запада, вмѣсто одной, тремя дверями, устроенъ лучше прежняго, также и комнаты предъ церковію. Такъ, говорятъ, и другая меньшая церковь возстановлена, по прежнему, и лучше прежняго. Я въ ней еще не былъ». Малая церковь» (добавимъ мы поэтому изъ другаго источника) «украшена подъ цвѣтной мраморъ, съ позолотою. Здѣсь замѣчателенъ плафонъ, изображающій Сошествіе Св. Духа, трудовъ художника-любителя, г-на Майкова, и образа̀ по стѣнамъ, работы г-на Нефа. Въ украшеніи (обѣихъ) церквей самое богатство имѣетъ какую-то величественную простоту, отличительную черту православныхъ храмовъ. Здѣсь искусство не обременяетъ зданія излишними, свѣтскими украшеніями, но вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Обѣ церкви возобновлены по прежнимъ рисункамъ, съ величайшею точностію» [27]).

Радость царская по случаю возобновленія Зимняго дворца должна была стать радостію и для всей Россіи. Государь былъ особенно милостивъ въ наградахъ разнымъ лицамъ духовнаго и свѣтскаго вѣдомства, и изъ лицъ послѣдняго преимущественно такъ или иначе потрудившимся въ дѣлѣ возобновленія Зимняго дворца [28]). Въ частности о наградахъ по духовному вѣдомству Филаретъ пишетъ слѣдующее къ своему викарію отъ 29 Марта 1839 года: «Государь необыкновенно благоволительно возрѣлъ на Св. Синодъ. Всѣ члены и присутствующіе (кромѣ преосвященнаго Казанскаго, который награжденъ въ прошедшемъ году) и оберъ-прокуроръ получили знаки высокомонаршей милости [29]). Таковы здѣшнія новости. Благо да будетъ вамъ и всей во Христѣ братіи нашей и православнымъ людемъ древней столицы» [30]). Самъ первосвятитель Московскій награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 1-й степени, при лестномъ рескриптѣ, въ которомъ исчислялись его труды по участію въ высшемъ церковномъ управленіи.

Такъ кончилось дѣло возобновленія сгорѣвшаго Зимняго дворца. До лѣта 1839 года продлились только небольшія работы по оконча-

---

[27]) *Моск. Вѣдом.* 1839 г. № 29, стр. 189.

[28]) Объ этихъ наградахъ можно читать въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ того времени. См. напр. *Моск. Вѣдом.* 1839 г. №№ 27, 28 и 34.

[29]) О наградахъ по духовному вѣдомству, кромѣ сейчасъ указанныхъ сообщеній, можно читать также въ Отчетѣ Об.-пр. Св. Син. за 1839 годъ. Казанскій архіепископъ, здѣсь упоминаемый, есть Владиміръ (Ужинскій), уволенный на покой въ 1848 г. Оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

[30]) *Правосл. Обозр.* 1887, I, 429.

тельной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ внутреннихъ и наружныхъ частей. А главное все было сдѣлано къ Пасхѣ. Описывая это возобновленіе и самый возобновленный дворецъ, современники разсмотрѣнныхъ событій въ заключеніе говорили: «Всѣ мы помнимъ горестное время. Всѣ сословія готовы были жертвовать своимъ достояніемъ на возобновленіе дворца, но Царь нашъ принялъ только жертву чувствъ нашихъ. Теперь всѣ вѣрные сыны Россіи радуются душею о возрожденіи царскаго жилища и возсылаютъ усердныя мольбы ко Всевышнему, да ниспошлетъ всѣ блага доброму нашему Государю и его августѣйшему семейству въ его возобновленномъ родительскомъ домѣ»[31]).

Когда 4 Сентября того же 1839 года Государь Императоръ, послѣ открытія Бородинскаго памятника, вступилъ въ Большой Успенскій соборъ, Филаретъ въ привѣтственной рѣчи своей къ нему высказалъ: «Видитъ тебя твой древлепрестольный градъ и радостными взорами особенно ищетъ теперь увидѣть во взорахъ твоихъ отсвѣтъ радости, озарившей недавно твой благословенный домъ»[32]); причемъ въ числѣ иныхъ, далѣе упоминаемыхъ въ рѣчи, семейныхъ радостей, не задолго до того озарившихъ царскіе чертоги, разумѣется, конечно, и радость о состоявшемся на Пасху возобновленіи и освященіи этихъ самыхъ чертоговъ. Поэтому онъ и заключилъ эту свою рѣчь такими словами: «вниди въ сіе царственное святилище *(т.-е. Успенскій соборъ)* соединить твою благодарную молитву съ нашею, и новыя благодѣянія Неба да орошаютъ выну твое благодарное предъ Богомъ сердце».

*

Адская попытка враговъ вѣры и отечества—взорвать охраняемый Богомъ дворецъ царскій, произведенная 5 Февраля 1880 года, какъ извѣстно, не удалась. Господь спасъ Царя и домъ его и Россіи. Попытка эта лишь еще болѣе воспламенила любовь вѣрныхъ подданныхъ къ Царю и царскому дому; она лишь усилила и усиливаетъ постоянно возносимую ими къ Царю Царствующихъ молитву: *Господи, спаси царя и услыши ны, въ оньже аще день призовемъ Тя* (Пс. 19, 10). Всѣмъ сердцемъ вѣруемъ и уповаемъ, что таже молитва, возносимая не только ежедневно, но и, можно сказать, почти ежечасно, по всей Россіи, и отнынѣ и до вѣка сохранитъ благочестивѣйшаго, православнаго Царя нашего съ Его домомъ.

И. Корсунскій.

[31]) Изъ *Сѣверн. Пчелы*. См. въ *Моск. Вѣдом.* 1839, № 29 отъ 12 Апрѣля, стр. 190.
[32]) Свадьба старшей дочери.

ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ ПУШКИНУ.

Жуковскій и Пушкинъ — люди не только разнаго, но почти противоположнаго характера. Въ стихахъ и жизни Пушкина ощущается пылъ и зной Африки; по свидѣтельству лицъ, близко наблюдавшихъ его, онъ иногда чувствовалъ такую горячность и приливы крови, что долженъ былъ освѣжать себѣ голову водою, для чего вдругъ посреди оживленной бесѣды убѣгалъ въ другую комнату. Вертлявый и непосѣстный, Пушкинъ былъ весь жизнь и движеніе. Мать Жуковскаго — Турчанка изъ нынѣшней Бессарабіи, и въ сынѣ ея сказалась тихая, задумчивая созерцательность Турецкаго племени. По природѣ своей Жуковскій былъ лѣнивъ и неподвиженъ, охотно привязывался къ мѣсту и обстановкѣ, могъ проводить цѣлые часы на диванѣ, потягивая трубку, и самый голосъ у него былъ протяжно-медлительный, а движенія всегда спокойныя. Въ бесѣдѣ — добродушная и нерѣдко затѣйливая шутка у Жуковскаго; краткое, мѣткое и заощренное слово у Пушкина. Къ несходству нрава присоединялась и разница возраста: одинъ другаго старше былъ на тринадцать лѣтъ. И, несмотря на это, они связаны были тѣсною дружбою. Ихъ уравнивало и соединяло единство призванія, и оба они оставили намъ собою высокій примѣръ вѣрности этому призванію.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ.
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкину, при всѣхъ его увлеченіяхъ и шероховатости въ сношеніяхъ съ людьми, Жуковскій оставался голосомъ совѣсти и непререкаемой святыни. Чертовски-небесная душа, говаривалъ онъ про него. Жуковскій, уже покрытый славою въ то время когда возникалъ Пушкинъ, исполнился безграничной любви къ его генію и въ теченіе всей его жизни охранялъ и лелѣялъ его своею заботою.

Къ сожалѣнію, переписка ихъ дошла до насъ не вполнѣ. Немногія письма Пушкина къ Жуковскому теперь собраны въ изданіяхъ его сочиненій. Письма Жуковскаго печатаются въ первый разъ. Мы увѣрены, что со временемъ отыщутся они въ бо́льшемъ количествѣ.

Повторяемъ сказанное нами въ другомъ мѣстѣ: списокъ добрыхъ дѣлъ Жуковскаго разнообразнѣе и обильнѣе списка его сочиненій. П. Б.

1.

1 Іюня (1823, С.-Петербургъ).

Ты увѣряешь меня, сверчокъ моего сердца [1]), что ты ко мнѣ писалъ, писалъ и писалъ; но я не получалъ, не получалъ и не получалъ твоихъ писемъ. И такъ Богъ судья тому, кто наслаждался ими [2]). На послѣднее и единственное твое письмо буду отвѣчать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафіаносъ прекрасное и для меня столь же священное, какъ и для Греціи, но не знаю, удастся ли мнѣ почтить его такъ, какъ я бы желалъ. Поговорю съ тѣми кто это дѣло знаетъ и кто что-нибудь по этому дѣлу можетъ. Естьли не получишь никакого отъ меня отзыва, то знай, что не удалось. Естьли же удастся, то лѣнь исчезнетъ, и напишу подробно [3]).

Обнимаю тебя за своего *Демона*. Къ черту черта! Вотъ пока твой девизъ. Ты созданъ попасть въ боги – впередъ! Крылья у души есть, вышины она не побоится; тамъ настоящій ея элементъ. Дай свободу этимъ крыльямъ, и небо твое—вотъ моя вѣра. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрѣетъ надеждою за тебя.

---

[1]) Сверчокъ—шуточное прозвище Пушкина въ Арзамазскомъ обществѣ, избравшемъ его своимъ сочленомъ, когда онъ еще былъ въ Лицеѣ. Вигель говоритъ, что члены Арзамаса смотрѣли на выпускъ Пушкина изъ Лицея „какъ на торжество, особенно Жуковскій, воспріемникъ его въ Арзамасѣ, казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо“. Сверчокъ поминается въ балладахъ Жуковскаго, откуда Арзамасцы брали себѣ прозвища. „Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ“ (Вигель, Воспоминанія, V, 52).

[2]) Въ ту пору благочестиваго государственнаго фарисейства особенно дѣятельно занимались вскрытіемъ чужихъ писемъ. Въ 1824 г. Пушкинъ потерпѣлъ исключеніе изъ службы и вторичную ссылку на основаніи перехваченнаго письма его изъ Одессы въ Москву къ князю Вяземскому.

[3]) Пушкинъ просилъ Жуковскаго пристроить въ Петербургѣ малолѣтнюю сироту Родосю Сафіаносъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѣ за освобожденіе Греціи (1821): она воспитывалась у Бессарабской вице-губернаторши Крупенской. Намъ неизвѣстно, успѣлъ ли Жуковскій что-либо сдѣлать въ ея пользу.

Прости, чертикъ, будь ангеломъ. Завтра же твой Ангелъ [4]). Твои [5]) звали меня къ себѣ, но я быть у нихъ не могу; пошлю только имъ полномочіе выпить за меня заздравный кубокъ и за меня провозгласить: Быть сверчку орломъ и долетѣть ему до солнца! Жуковскій.

2.

(С.-Петербургъ, осень 1824 г.).

Милый другъ, твое письмо привело бы въ великое меня замѣшательство, естьли бы твой братъ не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ и не прибавилъ къ нему своихъ словесныхъ объясненій. Получивъ его, я точно не зналъ на что рѣшиться. Вотъ первая мысль, которая мнѣ представилась: ѣхать къ Паулуччи [6]) который здѣсь и съ которымъ NB я очень мало знакомъ, предупредить его на счетъ твоего письма къ Адеркасу [7]) и объяснить ему твое положеніе. И я это бы сдѣлалъ (ибо ничего другаго не могъ придумать), естьли бы не явился твой Левъ и не сказалъ мнѣ, что все будетъ само собою устроено. Безъ него, желая тебѣ сдѣлать пользу, я только бы тебѣ вѣроятно повредилъ, то-есть обратилъ бы вниманіе на то, что̀ лучше оставить въ неизвѣстности, и не могу поручиться, уважилъ ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который съ нимъ хорошо знакомъ, нѣтъ въ Петербургѣ: онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидаетъ его смерть матери.

На письмо твое, въ которомъ описываешь то, что̀ случилось между тобою и отцомъ, не хочу отвѣчать; ибо не знаю, кого изъ васъ обвинять и кого оправдывать. И твое письмо, и разсказы Льва увѣряютъ меня, что ты столько же неправъ, сколько и отецъ твой. На все, что̀ съ тобою случилось и что̀ ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ: поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты богачъ, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженнаго несчастія *и обратить въ добро* заслуженное; ты болѣе нежели кто-нибудь можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ: будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ вся твоя мораль, все твое возможное счастіе и всѣ вознагражденія. Обстоя-

---

[4]) Родившійся 26 Мая, Пушкинъ, по общему и до сихъ поръ не совсѣмъ оставленному обычаю, считался имянинникомъ въ ближайшій ко дню его рожденія день того святаго, именемъ котораго онъ названъ: 2 Іюня память Александра, архіепископа Константинопольскаго.

[5]) Т.-е. родители Пушкина.

[6]) Рижскому генералъ-губернатору.

[7]) Псковскому губернатору. Пушкинъ, поссорившись съ отцомъ своимъ, просилъ, чтобы его перемѣстили изъ деревни въ какую-нибудь крѣпость.

тельства жизни, счастливой или несчастливой—шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую со спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ, я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача и знаю, что онъ не утонетъ, естьли употребитъ свою силу, и только показываю ему лучшій берегъ, къ которому онъ непремѣнно доплыветъ, естьли захочетъ самъ. Плыви, силачъ! А я обнимаю тебя. Увѣдомь непремѣнно что̀ сдѣлалось съ твоимъ письмомъ.

Читалъ Онегина [8]) и разговоръ, служащій ему предисловіемъ: несравненно! По данному мнѣ полномочію предлагаю тебѣ *первое* мѣсто на Русскомъ Парнассѣ (и какое мѣсто!), естьли *съ высокостью генія* соединишь и *высокость цѣли*. Милый братъ по Аполлону, это тебѣ возможно! А съ этимъ будешь недоступенъ и для всего, что̀ будетъ мутить вокругъ тебя въ жизни.

3.

(С.-Петербургъ. 1825).

Мой милый другъ, прошу тебя отвѣчать какъ можно скорѣе на это письмо, но отвѣчай человѣчески, а не сумасбродно. Я услышалъ отъ твоего брата и отъ твоей матери, что ты боленъ. Правда ли это? Правда ли, что у тебя въ ногѣ есть что-то похожее на аневризмъ, и что ты уже около десяти лѣтъ угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви къ аневризму я не понимаю и никакъ не могу ее раздѣлять съ тобою. Теперь это уже не тайна, и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступиться въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно. У васъ въ Опочкѣ некому хлопотать о твоемъ аневризмѣ. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надѣюсь, сдѣлать то, чтобы ты переѣхалъ на житье и лѣченье въ Ригу. Согласись, милый другъ, обратить на здоровье свое то вниманіе, котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты долженъ, долженъ, долженъ взять (теперешняя никуда не годится—не годится не потому единственно, что другіе признаютъ ее такою; нѣтъ, болѣе потому, что она не согласна съ твоимъ достоинствомъ). Ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность. Теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедини къ нему и то что̀ лучше еще таланта—достоинство! Боже мой, какъ бы я желалъ пожить вмѣстѣ съ

---

[8]) Здѣсь и ниже (письмо 9-е) Жуковскій написалъ: *Онегина*. Не такъ ли первоначально хотѣлъ и Пушкинъ, отъ *Онеги*? Позднѣе у Лермонтова Печоринъ отъ *Печоры*.

тобою, чтобы сказать искренно чтó о тебѣ думаю и чего отъ тебя требую. Я имѣю на это болѣе многихъ права, и мнѣ ты долженъ вѣрить. Дорогà, которая предъ тобою открыта, ведетъ прямо къ великому; ты богатъ силами, знаешь свои силы, и все еще будущее твое. Неужели изъ этого будутъ одни жалкія развалины?. Но прежде всего надобно жить!

Напиши ко мнѣ немедленно о своемъ аневризмѣ, и я тотчасъ буду писать къ Паулуччи. Съ нимъ я уже имѣлъ разговоръ о тебѣ, и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно.

Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое *)?..

Скорѣе, скорѣе отвѣть. Жуковскій.

4.

9 Августа 1825 (С.-Петербургъ).

Прошу тебя, мой милый другъ, отвѣчать немедленно на это письмо. Рѣшился ли ты дать сдѣлать себѣ операцію и согласишься ли поѣхать для этого въ Псковъ? Операторъ готовъ. Это Мойеръ, Дерптскій профессоръ, мой родня и другъ. Прошу въ немъ видѣть Жуковскаго. Онъ тотчасъ къ тебѣ отправится, какъ скоро узнаетъ, что ты его ожидаешь. И такъ увѣдоми меня съ точнѣйшею точностію, когда будешь во Псковѣ. Сдѣлай такъ, чтобы на той квартирѣ, которую займешь для себя, была горница и для моего Мойера; а я обо всемъ, чтò къ тебѣ пишу, нынче же извѣщу его. Прошу не упрямиться, не играть безразсудно жизнію и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорогà. До сихъ поръ ты тратилъ ее съ недостойною тебя и съ оскорбительною для насъ расточительностію, тратилъ и физически, и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по пустому ораторствовать; лучшій для тебя ораторъ есть твоя судьба: ты самъ ее создалъ, и самъ же можешь и долженъ ее перемѣнить. Она должна быть достойна твоего генія и тѣхъ, которые, какъ я, знаютъ ему цѣну, его любятъ и потому тебя не оправдываютъ. Но это еще впереди; теперь намъ надобна твоя жизнь. Нельзя ли взять на себя трудъ объ ней позаботиться хотя изъ нѣкотораго вниманія къ друзьямъ своимъ? Отвѣчай мнѣ немедленно. А я обнимаю тебя сердечно. Твой Жуковскій.

Мой адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ отдать для доставленія швейцару.

---

*) За этими тремя точками въ подлинникѣ четыре слова неразборчиво написаны.

5.

23 Сентября 1825 (С.-Петербургъ).

Ты, какъ вижу, предалъ въ руцѣ мои только духъ свой, любезнѣйшій сынъ [10]). А мнѣ право до духу твоего нѣтъ дѣла; онъ живъ и будетъ живъ, ибо весьма живущъ. Подавай-ка мнѣ свое грѣшное тѣло, то есть свой аневризмъ. Съ этимъ прекраснымъ аневризмомъ не уцѣлѣетъ и духъ твой. Духъ же твой нуженъ мнѣ для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ поэмъ, для твоей славы и для исправленія свѣтлымъ будущимъ всего темнаго прошедшаго. Слышишь ли, Бейронъ Сергѣевичъ? Но смотри-же: Бейронъ на лирѣ, а не Бейронъ на дѣлѣ; комментаріи на эту фразу найдешь въ письмѣ Вяземскаго, въ которомъ для тебя много разительной правды. Этотъ Вяземскій очень умный человѣкъ и часто говоритъ дѣло. Мнѣ лучше его ничего нельзя сказать тебѣ. Да и не нужно. Я было крѣпко разсердился на тебя за твое письмо къ сестрѣ и къ Мойеру; но твоя библейская фраза меня съ тобою помирила. Прошу покорнѣйше уважать свою жизнь и помнить, что можешь сдѣлать съ ней много прекраснаго, несмотря ни на какія обстоятельства. Слѣдовательно вотъ чего отъ тебя требую: вспомнивъ, что *настала глубокая осень* (ты обѣщалъ ею воспользоваться), собраться въ дорогу, отправиться въ Псковъ и, нанявъ для себя такую квартиру, въ которой могъ бы помѣститься и Мойеръ, немедленно написать къ нему, что ты въ Псковѣ и что ты дождешься его въ Псковѣ. Онъ мигомъ уничтожитъ твой аневризмъ. Ты возвратишься въ свою Опочку, примешься съ новымъ духомъ за своего Годунова и напишешь такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать. Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ. Твое дѣло теперь одно: не думать нѣсколько времени ни о чемъ кромѣ поэзіи и рѣшиться пожить исключительно только для одной высокой поэзіи. Создай что-нибудь безсмертное, и тогда бѣды твои (которыя самъ же состряпалъ) разлетятся въ прахъ. Дай способъ друзьямъ твоимъ указать на что-нибудь твое превосходное, великое: тогда имъ будетъ легко поправить судьбу твою; тогда они будутъ имѣть на это неотъемлемое право. Ты самъ себя не понимаешь; ты только бунтуешь какъ ребенокъ противъ несчастія, которое само не иное что какъ плодъ твоего ребячества; а у тебя такіе есть способы сладить съ своею судьбою, какихъ нѣтъ у простыхъ сыновъ сего свѣта, способы благородные, высокіе. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

И я вашъ покорный слуга Жуковскій.

Увѣдомь немедленно, на что рѣшишься касательно Пскова, Мойера и аневризма.

---

[10]) Отвѣтъ на то письмо Пушкина (отъ 17 Авг. 1825), которое начинается словами: „Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой“.

6.

12 Апрѣля 1826 г. (С.-Петербургъ).

Не сердись на меня, что я къ тебѣ такъ долго не писалъ, что такъ долго не отвѣчалъ на два послѣднія письма твои. Я боленъ и лѣнивъ писать. А дѣльнаго отвѣчать тебѣ нечего. Чтó могу тебѣ сказать на счетъ твоего желанія покинуть деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться спокойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никакъ не умѣю изъяснить, для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Естьли *оно только ко мнѣ*, то оно странно; естьли же для того, чтобы его *показать*, то безразсудно. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда; но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ. Ты знаешь, какъ я люблю твою Музу и какъ дорожу твоею *благопріобрѣтенною* славою; ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честію и драгоцѣнностію Россіи. Но я ненавижу все чтò ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то-есть все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, которое не даетъ имъ никакой подпоры для жизни, познакомились съ твоими буйными, одѣтыми прелестію поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый—это должно заставить тебя трепетать. Талантъ ничто, главное: величіе нравственное. Извини эти строки изъ Катихизиса. Я люблю и тебя, и твою Музу, и желаю, чтобы Россія васъ любила. Кончу началомъ: не просись въ Петербургъ, еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворятъ дверь свободы.

Я боленъ. Ѣду въ Карлсбадъ, возвращусь не прежде какъ въ половинѣ Сентября [11]). Пришли къ этому времени то, чтò сдѣлано будетъ твоимъ добрымъ геніемъ. То чтò напроказитъ твой злой геній, оставь у себя: я ему не поклонникъ. Прости, обнимаю тебя. Жуковскій.

Слѣдующія письма относятся уже къ тому времени, когда оба поэта жили въ Петербургѣ. Передъ тѣмъ они не видались въ теченіи семи слишкомъ лѣтъ, и свиданіе ихъ могло быть только въ исходѣ 1827, когда Жуковскій возвратился изъ чужихъ краевъ, а Пушкинъ былъ уже свободенъ.

---

[11]) Вмѣсто того, Жуковскій возвратился въ Петербургъ только осенью слѣдующаго 1827 года.

7.

У меня будутъ нынче въ вечеру, часовъ въ десять, Глинка, Одоевскій и Розенъ, для нѣкотораго совѣщанія. Ты тутъ необходимъ. Приходи, прошу тебя. Приходи непремѣнно. А завтра (въ Субботу) жду тебя также непремѣнно часу во второмъ поутру. У меня будетъ живописецъ, и ты долженъ съ полчаса посидѣть подъ пыткою его животворной кисти. На оба запроса прошу отвѣтить: да. Жуковскій.

8.

Не забудь, что ты у меня нынче въ часъ будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаянія, дома, то найдешь у меня живописца. Прошу пожаловать. Жуковскій.

9.

Не забудь, что завтра Четвергъ, и что ты у меня проводишь вечеръ. Прошу принести Онегина, чѣмъ очень порадуешь Жуковскаго.

Незабудь позвать Плетнева и отослать картину Шаховскому, котораго у меня не будетъ.

10

Сейчасъ Государь присылалъ у меня просить твоихъ стиховъ; у меня ихъ не случилось. Но онъ велѣлъ просить у твоей жены экземпляръ. Нехудо, когда и для Государя, и для Императрицы пришлешь по экземпляру, и скорѣе мнѣ доставишь экземпляры. Ж.

11.

(29 Янв. 1834).

Посылаю тебѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Сергѣевичъ, Исторію господина Пугачева, тобою написанную съ особеннымъ искусствомъ; очень сожалительно для меня, что я не успѣлъ прочитать сего бытописательнаго отрывка, дѣлающаго честь твоему таланту. Продолжай, достойный Русскій писатель, работать умомъ и перомъ къ чести Россіи и къ полнотѣ твоего кармана. А завтра я именникъ, и будутъ у меня ввечеру семейства Карамзиныхъ, Мещерскихъ и Вяземскихъ; и будутъ у меня два изрядныхъ человѣка графы Вьельгорскіе, и попрошу Смирнову съ собственнымъ ея мужемъ; да можетъ быть привлеку и привлекательную Дубенскую [12]); въ слѣдствіе

[12]) Вышедшую позднѣе за члена Французскаго посольства Лагрене. Кажется, она одна осталась въ живыхъ изо всего этого достопамятнаго круга людей.

сего прошу и тебя съ твоею, граціозною, стройно-созданною, богинеобразною, мадонистою супругою, пожаловать ко мнѣ завтра (во Вторникъ) въ 8 часовъ откушать чаю съ бріошами и прочими вкусными причудами; да скажи объ этомъ и домашнему твоему Льву. Увѣдомь, будешь ли, а я твой богомолецъ Василій.

12.

Раевскій будетъ у меня нынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или прозу, если боишься Раевскаго. Порастреплемъ Пугачева. Ж.

Четвергъ.

Собраніе открывается въ 9 часовъ.

*

Четыре слѣдующія письма относятся къ Іюлю 1834 года, когда Пушкинъ, измученный Петербургскою жизнью, задумалъ было бросить столицу и переселиться въ деревню, для чего и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Женѣ своей, находившейся у родныхъ подъ Калугою, онъ писалъ передъ тѣмъ: „Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унизительства. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно поступать какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога“.

13.

Вотъ что вчера ввечеру Государь сказалъ мнѣ въ разговорѣ о тебѣ и въ отвѣтъ на вопросъ мой: *Нельзя ли какъ этого поправить?—Почему жъ нельзя! Пускай онъ возьметъ назадъ свое письмо. Я никого не держу и его держать не стану. Но если онъ возьметъ отставку, то между мною и имъ все кончено.* Мнѣ нечего прибавить къ этимъ словамъ, чрезвычайно для меня трогательнымъ и въ которыхъ выражается что-то отеческое къ тебѣ, при всемъ неудовольствіи, которое письмо твое должно было произвести въ душѣ Государя. Ты самъ будешь знать какъ поступить; мое дѣло сообщить тебѣ эти слова безъ всякаго объясненія, совершенно излишняго. Сожалѣю только, что ты ничего не сказалъ мнѣ предварительно о своемъ намѣреніи, ни мнѣ, ни Вяземскому и даже весьма тебѣ за это пеняю. Жуковскій.

Вторникъ поутру.

14.

Вчера я писалъ къ тебѣ съ Блудовымъ наскоро и, кажется, не ясно сказалъ то, чего мнѣ отъ тебя хочется. А ты вѣдь человѣкъ глупый, теперь я въ этомъ совершенно увѣренъ. Не только глупый, но

и поведенія непристойнаго. Какъ могъ ты, приступая къ тому, что̀ ты такъ искусно состряпалъ, не сказать мнѣ о томъ ни слова, ни мнѣ, ни Вяземскому—не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость. Вотъ что̀ я бы теперь на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ (ибо слова Государя крѣпко бы расшевелили и повернули къ нему мое сердце): я написалъ бы къ нему прямо, со всѣмъ прямодушіемъ, какое у меня только есть, письмо въ которомъ бы *обвинилъ* себя за сдѣланную глупость, потомъ такъ же бы прямо объяснилъ то, что̀ могло заставить меня сдѣлать эту глупость; и все это сказалъ бы съ тѣмъ чувствомъ благодарности, которую Государь въ тебѣ заслуживаетъ. Повторяю (ибо случиться можетъ, что ты еще не успѣлъ получить вчерашняго письма моего), вотъ что онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: *Нельзя ли этого поправить?—Почему же нельзя! Онъ можетъ взять назадъ письмо свое. Я никого не держу; но разъ въ отставкѣ, все между имъ и мною кончено.* Эти слова для меня чрезвычайно трогательны. Напиши непремѣнно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никакъ не воображалъ, чтобы была еще возможность поправить то что̀ ты такъ безразсудно соблаговолилъ напакостить. Если не воспользуешься этою возможностію, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своимъ хрюканьемъ оскорбляетъ слухъ всякаго благовоспитаннаго человѣка; безъ галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себѣ на цѣлую жизнь и заслужишь свое и друзей своихъ неодобреніе, по крайней мѣрѣ мое. Ж.

Вторникъ.

Можетъ быть, захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вотъ экземпляръ, безъ галиматьи.

15.

Я право не понимаю, что̀ съ тобою сдѣлалось; ты точно поглупѣлъ; надобно тебѣ или пожить въ жолтомъ домѣ или велѣть себя хорошенько высѣчь, чтобы привести кровь въ движеніе. Бенкендорфъ прислалъ мнѣ твои письма, и первое, и послѣднее. Въ первомъ есть кое-что живое, но его нельзя употреблять въ дѣло, ибо въ немъ не пишешь ничего о томъ, хочешь ли остаться въ службѣ или нѣтъ; послѣднее, въ коемъ просишь, чтобы все осталось по старому, такъ сухо, что оно можетъ показаться Государю новою неприличностію. Развѣ ты разучился писать, развѣ считаешь ниже себя выразить какое нибудь чувство къ Государю? Зачѣмъ ты мудришь? Дѣйствуй просто. Государь огорченъ твоимъ поступкомъ; онъ считаетъ его съ твоей стороны неблагодарностью. Онъ тебя до сихъ поръ любилъ и

искренно хотѣлъ тебѣ добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть отъ себя. Чтó же тутъ думать? Напиши то, чтó скажетъ сердце. А тутъ, право, есть о чемъ ему поразговориться. И, не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но болѣе всего долженъ столкнуть съ себя упрекъ въ неблагодарности и выразить, что нибудь такое, чтó непремѣнно должно быть у тебя въ сердцѣ къ Государю. Однимъ словомъ, я все еще стою на томъ, что ты долженъ написать прямо къ Государю и послать письмо свое черезъ гр. Бенкендорфа. Это одно можетъ поправить испорченное. Оба послѣднія письма твои теперь у меня; несу ихъ чрезъ нѣсколько минутъ къ Б., но буду просить его погодить ихъ показывать. Скорѣе! [13]) Ж.

Пришли мнѣ копію съ того чтò напишешь, хотя вѣроятно мнѣ покажутъ. Посылаю это письмо съ нарочнымъ. Ты же пришли съ нимъ и письмо. Можетъ случиться однако, что Бенкендорфъ въ промежуткѣ этого времени уѣдетъ въ Петербургъ, то всего вѣрнѣе отослать письмо немедленно къ нему на домъ. Объяснимся (вѣдь ты глупъ): ты пришлешь мнѣ свое письмо съ моимъ посланнымъ, и тотчасъ пошлешь узнать, пріѣхалъ ли Бенкендорфъ. Если онъ уже пріѣхалъ, то напишешь ему другой экземпляръ письма и тотчасъ пошлешь къ нему на домъ; я же, получивъ твое письмо, тогда оставлю оное у себя. Всего важнѣе не упустить времени.

16.

Государь опять говорилъ со мною о тебѣ. Еслибы я зналъ напередъ, чтó побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснилъ все; но такъ какъ я и самъ не понимаю, чтò могло тебя заставить сдѣлать глупость, то мнѣ и ему нечего было отвѣчать. Я только спросилъ: *Нельзя ли какъ этого поправить? Почему же нельзя!* отвѣчалъ онъ. *Я никогда не удерживаю никого и дамъ ему отставку. Но въ такомъ случаѣ все между нами кончено. Онъ можетъ однако еще возвратить письмо свое.* Это меня истинно трогаетъ. А ты дѣлай, какъ разумѣешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ ни минуты не усумнился какъ поступить. Спѣшу только увѣдомить о случившемся. Жуковскій.

---

[13]) Въ отвѣтныхъ письмахъ Пушкина читаемъ: „Подалъ я въ отставку въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія мои обстоятельства затруднительны, положеніе мое невеселое, перемѣна жизни почти необходима".—„Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ Государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе".

17.

Посылаю тебѣ билетъ Эрмитажный; онъ на всю вѣчность. Его при входѣ отдавать не должно. Намъ бы надобно, то есть мнѣ, тебѣ и Вяземскому, собраться у меня и побесѣдовать о планѣ журнала, который непремѣнно надобно написать на этой недѣлѣ, и Смирдинъ послѣ Святой долженъ рѣшиться съ Гречемъ и Булгаринымъ. Будь у меня завтра въ половинѣ 8-го послѣ обѣда; скажи объ этомъ и Вяземскому. Ж.

18.

Посылаю тебѣ манускриптъ Блудова [14]). Мой писарь ничего разобрать не можетъ; ты разберешь. Я отмѣтилъ крестиками то, что̀ можно напечатать. Манускриптъ не потеряй и послѣ мнѣ возврати. Да возврати также и мою книгу: Уроки Россійской исторіи. Манускриптъ Карамзина достань у Сербиновича; онъ для тебя сдѣлаетъ или уже сдѣлалъ выписку. Въ Субботу будетъ елка. Ж.

Какъ скоро перепишешь, покажи Блудову.

19.

Неужели въ самомъ дѣлѣ ты не хочешь ходить ко мнѣ, Александръ Сергѣевичъ? Это производитъ въ душѣ моей непріятное колыханіе. Уповаю, что нынче наслаждусь твоимъ лицезрѣніемъ. Ж.

20.

Съ Вортсвортомъ постараюсь перевѣдаться. А ты мою піесу унесъ и уже въ цензуру хватилъ! Нѣтъ, голубчикъ, въ первую книжку ея никакъ не помѣщай. Она годится быть можетъ послѣ, но для дебюту нельзя. Прошу тебя не помѣщать въ 1-мъ нумерѣ. Завтра пошлю Карамзина статью къ Е. А. [15]). У нея возмешь. Ж.

[14]) Графъ Д. Н. Блудовъ имѣлъ связный почеркъ.

[15]) Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной. Говорится вѣроятно про отрывокъ изъ Записки Карамзина о древней и новой Россіи, появившійся въ Пушкинскомъ Современникѣ.

Къ Н. Н. Пушкиной.

(1836).

Развѣ Пушкинъ не читалъ письма моего? Я, кажется, ясно написалъ ему о нынѣшнемъ балѣ, почему онъ не званъ, и почему вамъ *непремѣнно* надобно поѣхать. Императрица сама сказала мнѣ, что не звала мужа вашего отъ того, что онъ самъ ей объявилъ, *что носитъ трауръ и отпускаетъ всюду жену одну;* она прибавила, что начнетъ приглашать его, коль скоро онъ сниметъ трауръ [16]). Вамъ надобно быть непремѣнно. Почему вамъ Пушкинъ не сказалъ объ этомъ, не знаю; можетъ быть, онъ не удостоилъ прочитать письмо мое.

(*Сообщено П. В. Жуковскимъ*).

---

[16]) По матери своей, скончавшейся въ день Свѣтлаго Воскресенья 1836 года.—На придворныхъ балахъ Пушкину бывало, просто, скучно. Покойная Л. Д. Шевичъ передавала намъ, какъ, стоя возлѣ нея, позѣвая и потягиваясь, онъ сказалъ два стиха изъ старинной пѣсни:

„Неволя, неволя, боярской дворъ.
„Стоя наѣшься, сидя наспишься".

ЧѢМЪ БЫЛА ДЛЯ ПУШКИНА ЕГО ЖЕНИТЬБА?

Въ Декабрьской книгѣ „Наблюдателя“ за 1888 г. помѣщена статья г. Засодимскаго, подъ заглавіемъ „Чѣмъ была для Пушкина женитьба?“ Статью эту онъ начинаетъ такими словами: „Я ставлю вопросъ, благопріятны ли были для поэта условія его семейной жизни; если „да“, то насколько благопріятны, или же, напротивъ, семейная жизнь повліяла на него деморализующимъ образомъ?“ [1]).

Авторъ рѣшился, во что́ бы ни стало, доказать второе, т. е. что женитьба Пушкина была гибельна для его таланта.

Мы оговоримся напередъ, что пишемъ это возраженіе не потому, чтобы находили доказательства г. Засодимскаго вѣскими и важно было бы опровергнуть ихъ для возстановленія истины. Всякій сколько-нибудь изучавшій Пушкина тотчасъ увидитъ ихъ несостоятельность и натянутость. Но дѣло въ томъ, что, будучи помѣщены въ изданіи легкомъ, они могутъ подѣйствовать на читателя, недостаточно знакомаго съ біографіей и произведеніями поэта своимъ мнимо-безпристрастнымъ тономъ.

„Въ творческой дѣятельности поэта, говоритъ г. Засодимскій, именно съ 1831 г. [2]) начинается явный регрессъ: эта дѣятельность становится и менѣе плодовитою (почти на половину), и менѣе содержательною, причемъ нельзя умолчать и о томъ, что, одновременно съ этимъ упадкомъ, со стороны читающей публики было замѣчено нѣкоторое охлажденіе къ ея любимцу“. Далѣе г. Засодимскій высчитываетъ, по его собственному выраженію, „на аршины“, что Пушкинъ за послѣднія шесть лѣтъ написалъ гораздо менѣе, чѣмъ за прежніе годы.

Странно и дико мѣрить произведенія Пушкина на аршины; но разъ вступивъ съ подобнымъ авторомъ въ прѣніе, приходится бороться съ нимъ

---

[1]) Самъ Пушкинъ отлично отвѣчаетъ на этотъ нелѣпый вопросъ въ письмѣ къ супругѣ своей, отъ 8 Іюня 1834: „Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ“.

[2]) Т. е. со времени его женитьбы.

на той почвѣ, на которую онъ сталъ, тѣмъ болѣе, что, хотя, повторяемъ, количество произведеній не есть критерій для геніальнаго поэта, но въ данномъ случаѣ, если даже мы и согласимся съ г. Засодимскимъ мѣрять ихъ на аршинъ, то и тогда увидимъ, какъ голословно и неосновательно онъ пишетъ.

Возьмемъ другія шесть лѣтъ съ 1824—1829 г., т. е. когда Пушкинъ не только не былъ женатъ, но не былъ еще и женихомъ, и начнемъ считать страницы его произведній. Мы пользуемся изданіемъ подъ редакціей П. А. Ефремова 1881 г. Въ томѣ I, за этотъ промежутокъ времени, мы находимъ 59 стр., въ томѣ II—287, въ томѣ III—107, въ IV—34 и въ V—68. Итого 555. Обращаемся къ послѣднимъ годамъ: не считая 8-й главы Онѣгина, которую Пушкинъ окончилъ въ 1831 г., мы имѣемъ въ III томѣ—224 стр., въ IV—324, въ V—325 и въ VI—504. Итого 1377, т. е. дѣятельность Пушкина возрасла за послѣднее время гораздо болѣе, чѣмъ вдвое; да еще примемъ въ соображеніе, что тутъ входитъ масса исторической работы, которая, понятно, исполняется гораздо медленнѣе, чѣмъ поэтическая. Впрочемъ, вѣдь, г. Засодимскій совсѣмъ иначе смотритъ на всѣ вещи, чѣмъ другіе люди, и тутъ онъ не только не придаетъ особеннаго значенія исторической работѣ, а даже совсѣмъ ея не считаетъ. Но мы заранѣе готовы на всякія уступки, сдѣлаемъ даже и эту, исключимъ отсюда весь VI-й томъ историческихъ сочиненій, исключимъ даже и V-й томъ, какъ произведенія нехудожественныя. И тогда получимъ 548 страницъ, т. е. число превышающее предшествовавшіе года, въ которыхъ, по исключеніи V-го тома, останется только 487 стр.; а между тѣмъ мы еще не считали окончанія Онѣгина.

Но что́ всего оригинальнѣе, г. Засодимскій говоритъ, что Пушкинъ сталъ писать не только меньше, но и по качеству гораздо хуже и прямо называетъ послѣднія шесть лѣтъ періодомъ „упадка поэтической дѣятельности Пушкина“. Съ 1831 г., говоритъ онъ, Пушкинъ „напоминаетъ собою птицу съ перебитымъ крыломъ, которая лишь ненадолго поднимается въ высь и снова опускается долу, тащится по землѣ, безсильно взмахивая крыльями“.

Какъ ни нелѣпа сама по себѣ подобная фраза, но мы рѣшились, въ противоположность г. Засодимскому, ничего не говорить голословно, и не угодно ли ему будетъ вмѣстѣ съ нами обратиться къ любому изъ нашихъ извѣстныхъ критиковъ? Посмотримъ ихъ отзывы обо всѣхъ главнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина того періода.

Объ его „Дубровскомъ“, писанномъ 1832—1833 г., Бѣлинскій отзывается, въ 1841 г., при появленіи его изъ печати, какъ объ „одномъ изъ величайшихъ созданій генія Пушкина“, которое „вѣрностью красокъ и художественною отдѣлкой не уступаетъ „Капитанской Дочкѣ“, а богатствомъ

содержанія, разнообразіемъ и быстротою дѣйствія далеко превосходитъ ее. Она значительна и объемомъ своимъ". П. В. Анненковъ, Ап. Григорьевъ, В. О. Ключевскій, всѣ отзываются о немъ съ неменьшею похвалою.

А „Капитанскую Дочку" Бѣлинскій назвалъ „Онѣгинымъ въ прозѣ". „Поэтъ изображаетъ въ ней, говоритъ онъ, нравы Русскіе въ царствованіе Екатерины. Многія картины, по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія, чудо совершенства. Таковы портреты дядьки Савельича, этого Русскаго Калеба, Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ самого Пугачева, съ его „господами енералами"; таковы многія сцены, которыхъ за ихъ множествомъ не находимъ нужнымъ пересчитывать".

Плетневъ въ 1838 г. выразился, что Пушкинъ „достигъ въ „Капитанской Дочкѣ" высочайшаго совершенства—простоты самой природы".

Не менѣе восторженны отзывы и П. В. Анненкова и Ап. Григорьева.

О „Пиковой Дамѣ" Л. И. Поливановъ отозвался такъ: „Она производитъ впечатлѣніе не только вѣрностью въ изображеніи бытовыхъ деталей, но и превышаетъ всѣ другія прозаическія повѣсти Пушкина своимъ психологическимъ анализомъ. Германъ въ этомъ отношеніи представляетъ портретъ совсѣмъ новаго рода. При всей простотѣ и обыкновенности внѣшней жизни этого разсчетливаго инженера, читатель видитъ, какъ кипитъ въ немъ пожирающая его страсть, которую онъ подавляетъ всѣми силами своего духа. Уже съ перваго появленія его въ разсказѣ читатель чувствуетъ, что это лицо съ надорванною душою, при общемъ взглядѣ—достойное состраданія. Это лицо обѣщаетъ будущіе психологическіе этюды новѣйшаго романа, которые составляютъ силу Достоевскаго. Не даромъ онъ такъ любилъ и высоко цѣнилъ эту повѣсть".

Про „Мѣднаго Всадника" Бѣлинскій писалъ такъ: „Да, эта поэма—апоѳеоза Петра В., самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи. Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ; въ глазахъ насъ, Русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи.... Намъ хотѣлось бы сказать что-нибудь о стихахъ „Мѣднаго Всадника", о ихъ упругости, силѣ, энергіи, величавости; но это выше силъ нашихъ: только такими же стихами, а не нашею бѣдною прозою можно хвалить ихъ.... Нѣкоторыя мѣста, какъ напримѣръ упоминовеніе о гр. Хвостовѣ, показываютъ, что по этой поэмѣ еще не былъ проведенъ окончательно рѣзецъ художника, да и напечатана она, какъ извѣстно, послѣ его смерти; но и въ этомъ видѣ она—колоссальное произведеніе".

Мы никогда не кончили бы, еслибы стали приводить всѣ восторженные отзывы нашихъ лучшихъ критиковъ. Укажемъ еще на прекрасную статью Н. Н. Страхова, подъ заглавіемъ „Замѣтки о. Пушкинѣ", гдѣ онъ разсматриваетъ произведенія Пушкина, въ которыхъ тотъ является подражателемъ, но подражателемъ поражающимъ своею геніальностью. Желающіе ближе познакомиться съ дѣломъ сами могутъ прочесть ее. Остановимся только еще на одѣ „Клеветникамъ Россіи", на которую г. Засодимскій набрасываетъ какую-то совсѣмъ недостойную тѣнь и о которой отзывается самымъ пренебрежительнымъ образомъ.

Вотъ что говоритъ о ней Л. И. Поливановъ: „Едва ли можно указать во всей Европейской литературѣ, утверждаетъ онъ, болѣе возвышенное произведеніе въ области политической лирики. Для написанія ея нуженъ былъ не только патріотъ, нуженъ былъ и великій художникъ, проникнутый тѣмъ чувствомъ мѣры, какимъ обладалъ только Пушкинъ". „Во второй строфѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, поставленъ впервыя съ полною ясностію и прямотою коренной вопросъ Русской исторіи. Съ рѣдкою прозорливостью Русскій поэтъ указалъ въ этой враждѣ Европы къ намъ такую сторону, которая озарила и для будущихъ поколѣній истинный смыслъ нашихъ правъ въ Славянскомъ вопросѣ. Съ неменьшимъ достоинствомъ въ строфѣ четвертой подкрѣплено право самостоятельнаго пути Русской политики напоминаніемъ о той безкорыстной услугѣ, которая на памяти всѣхъ такъ недавно была оказана Россіей этой Европѣ".

Намъ кажется, что мы уже съ избыткомъ показали всю дикость и нелѣпость приговоровъ г. Засодимскаго. Что́ же касается его ссылки на оцѣнку современнаго Пушкину общества, то пусть припомнитъ г. Засодимскій, что уже „Борисъ Годуновъ", вышедшій въ свѣтъ до женитьбы Пушкина, былъ принятъ публикою холодно, и подобный пріемъ, намъ кажется, болѣе характеризуетъ общество, чѣмъ произведеніе.

Г. Засодимскій приводитъ далѣе много отрывковъ изъ переписки Пушкина со старикомъ Гончаровымъ и съ женою, чисто дѣловаго характера, стараясь доказать, что Пушкинъ былъ совершенно заваленъ и задавленъ этими мелкими денежными хлопотами. Но если бы онъ повнимательнѣе изучилъ переписку Пушкина, онъ увидалъ бы, что и раньше Пушкинъ имѣлъ не меньше дѣловыхъ отношеній; а его отецъ, братъ, зять, сестра причиняли ему хлопотъ не меньше, чѣмъ семья жены. Въ этомъ можемъ сослаться на показанія Л. Н. Павлищева. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти хлопоты вовсе не мѣшали Пушкину работать. Самъ же г. Засодимскій, по неосторожности, приводитъ противъ себя доказательство. 31 Августа 1830 г. Пушкинъ пишетъ изъ Москвы: „Осень подходитъ, это любимое мое время, здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, о свадьбѣ. Богъ вѣсть, когда все это кончится. Все это не очень пріятно.

ѣду въ деревню; Богъ вѣсть буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго". А въ Октябрѣ, между тѣмъ, онъ извѣщаетъ Плетнева: „Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ".

То обстоятельство, что Пушкинъ принялся за историческія работы, равно какъ и за изданіе журнала, г. Засодимскій объясняетъ стремленіемъ къ добыванію денегъ, необходимыхъ на дорогіе выѣзды Натальи Николаевны, тогда какъ въ своей просьбѣ объ отпускѣ Пушкинъ самъ писалъ: „Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто-литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую книгу хочу я дописать въ деревнѣ, это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани".

Отсюда мы видимъ, что не только историческія работы Пушкина вызывались не матеріальными потребностями, и онъ не ради денегъ отвлекался отъ поэтическихъ работъ, но, наоборотъ, ради денегъ онъ оставлялъ историческія изслѣдованія и принимался за романъ.

Точно также не матеріальныя средства были поводомъ и къ изданію журнала. Эти причины, какъ справедливо указываетъ П. В. Анненковъ, „должно прежде всего искать въ противодѣйствіи тому насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который высказался въ послѣднихъ годахъ и имѣлъ сильное вліяніе особенно на людей полуобразованныхъ". Это ясно видно и изъ писемъ поэта.

Да и можно ли вообще доказывать неудачу женитьбы тѣмъ, что человѣкъ нуждается въ деньгахъ? Кто изъ нашихъ поэтовъ не нуждался въ нихъ, развѣ только былъ обладателемъ крупнаго состоянія?! Возьмемъ хоть Н. М. Карамзина. Никто, кажется, не можетъ сказать, что Екатерина Андреевна была не парой нашему исторіографу; а что же? — мы постоянно видимъ его среди хлопотъ о деньгахъ, не смотря на то, что онъ получалъ большой доходъ съ своихъ сочиненій и деревень. Такова уже, видно, общая судьба непрактическихъ людей. Чтó же касается лично Натальи Николаевны, то она нисколько не мѣшала Александру Сергѣевичъ работать. Мы имѣемъ прекрасный разсказъ А. О. Смирновой, которая рисуетъ намъ обыкновенный день нашего поэта, какъ онъ проводилъ его, когда жилъ съ нею рядомъ, въ Царскомъ Селѣ, въ д. Китаева. „Днемъ, пишетъ она, Пушкинъ писалъ, именно свои сказки, съ увлеченіемъ. Такъ какъ я ничего не дѣлала, то и заходила въ домъ Китаева. Наталья Ни-

колаевна сидѣла обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинетъ былъ на верху, и онъ тотчасъ насъ зазывалъ къ себѣ. Кабинетъ поэта былъ въ порядкѣ. На большомъ кругломъ столѣ, передъ диваномъ находились бумаги и тетради, часто не сшитыя, простая чернильница и перья; на столикѣ графинъ съ водой, ледъ и банка съ крыжевниковымъ вареньемъ, его любимымъ. Волоса его обыкновенно еще были мокры послѣ утренней ванны [1]) и вились на вискахъ; книги лежали на полу и на всѣхъ полкахъ. Въ этой простой комнатѣ, безъ гардинъ, была невыносимая жара, но онъ это любилъ; сидѣлъ въ сюртукѣ, безъ галстуха. Тутъ онъ писалъ, ходилъ по комнатѣ, пилъ воду, болталъ съ нами, выходилъ на балконъ и прибиралъ всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки гр. Ламбертъ [2]). Иногда читалъ намъ отрывки своихъ сказокъ и очень серьезно спрашивалъ нашего мнѣнія. Онъ говорилъ часто: „Ваша критика, мои милыя, лучше всѣхъ; вы просто говорите, этотъ стихъ нехорошъ, мнѣ не нравится“ и т. д.

Можно ли, читая этотъ прелестный своею простотою разсказъ очевидицы, не вынести мнѣнія о женитьбѣ Пущкина совершенно обратнаго съ г. Засодимскимъ? Такая идиллическая жизнь не уступитъ жизни Карамзиныхъ.

Этимъ закончимъ наши возраженія, такъ какъ считаемъ совершенно незначительнымъ указывать такія вещи, что у г. Засодимскаго, напримѣръ, глаголъ „молить“ имѣетъ форму „умаливать“, что Пушкинъ, родившійся 26 Мая 1799 г., въ 1830 г. имѣлъ 32 года, а въ 1812 г. 14 лѣтъ. Все это уже мелочи.

Можно еще быть малограмотнымъ, но слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, умно и добросовѣстно обработывать тѣ вопросы, за которые берешься.

А. Новицкій.

---

[1]) Да и кромѣ ванны, онъ часто освѣжалъ себѣ водою голову. П. Б.

[2]) Графиня Ламбертъ (ур. Дѣева) была очень толста. Пушкинъ прозвалъ ее *толпѣгою* и любилъ произносить это слово по-французски: madame Tolpedje (Слышано отъ А. О. Смирновой). П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО

о преподавателѣ Польскаго языка покойному Государю Александру Николаевичу.

Милостивый государь Иванъ Михайловичъ [1]).

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ Государя Императора изъ Петербурга я представилъ Его Величеству записку о томъ, что для Великаго Князя настало время имѣть при себѣ человѣка, знающаго хорошо Польскій языкъ, Польскую литературу и вообще Польшу. Я просилъ Государя обратить свое вниманіе на этотъ важный выборъ во время своего пребыванія въ Варшавѣ. Между прочимъ я сказалъ: «При Цесаревичѣ [2]) находится человѣкъ, имѣющій основательныя знанія, знакомый хорошо съ Польшею и достойный уваженія по характеру: Фовицкій [3]). Естьли бы мы могли *его имѣть*, то онъ былъ бы весьма намъ полезенъ; не знаю однако, можетъ ли онъ покинуть занимаемое имъ мѣсто [4]); во всякомъ случаѣ онъ поможетъ намъ въ пріисканіи нужнаго намъ человѣка.

Вы, почтенный Иванъ Михайловичъ, хорошо знаете Фовицкаго: поговорите съ нимъ, не согласится ли онъ перемѣнить Варшаву на Петербургъ; а естьли не согласится, то не возмется ли отыскать намъ такого же надежнаго человѣка, каковъ онъ самъ. Дѣло важное. Будущаго царя Польши надобно познакомить съ Польшею и заставить полюбить ее; надобно, чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобы онъ узналъ, что̀ она теперь, чего ей недостаетъ, что̀ ей имѣть можно; чтобы онъ,

---

[1]) Лицо намъ неизвѣстное. Можетъ быть это И. М. Викинскій, близкое лицо къ князю И. Ѳ. Паскевичу. П. Б.

[2]) Т.-е. при Константинѣ Павловичѣ. П. Б.

[3]) Объ этомъ Фовицкомъ не имѣемъ мы свѣдѣній. Покойный Н. А. Милютинъ передавалъ намъ, что въ сороковыхъ годахъ онъ встрѣчалъ его въ Крыму (гдѣ тотъ поселился) и зналъ за человѣка замѣчательнаго по уму и познаніямъ.

[4]) Т.-е. мѣсто учителя при воспитанникѣ великаго князя Константина Павловича, Александровѣ. П. Б.

познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить ее будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза.

Прошу васъ, любезный Иванъ Михайловичъ, все это передать отъ меня Фовицкому, и увѣдомить меня, что̀ скажетъ этотъ почтенный человѣкъ, которому, также какъ и вамъ, отъ всего сердца пожимаю руку.

Простите. Естьли будете отвѣчать мнѣ, адресуйте въ Шепелевской дворецъ.

Преданный вамъ Жуковскій.

Апрѣля 5. (1829 г. С.-Петербургъ).

*

Письмо это, въ спискѣ, передано въ „Русскій Архивъ“ покойною А. П. Елагиной. Года на немъ не означено. Оно писано несомнѣнно въ 1829 году, передъ отъѣздомъ Государя Николая Павловича на коронацію въ Варшаву, куда сопровождалъ его и̂ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ (а съ нимъ и Жуковскій). Тогда еще можно было помышлять о „свѣтлой радугѣ союза“. Вскорѣ за тѣмъ легкомысліе Поляковъ поддалось внушеніямъ Франціи; ихъ соблазнили успѣхъ революціи Іюльской и освобожденіе Бельгіи отъ Голландскаго господства. Кровавый мятежъ 1830 и 1831 годовъ доказалъ, чтосвободный и мирныйсоюзъ съ ними невозможенъ.

Тѣмъ не менѣе благородныя заботы Жуковскаго не были напрасны: покойный Государь Александръ Николаевичъ зналъ попольски. Для него отпечатанъ былъ прекрасный Польско-Русскій словарь Миллера. Уроки Польскаго языка преподавалъ ему, сколько намъ извѣстно, г. Пржецлавскій (писавшій впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Ципринуса). П. Б.

ГРАФУ АЛЕКСѢЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ ТОЛСТОМУ.

Прочитавъ твою балладу
Про врача и про янтарь,
Вспомнилъ я, какъ до упаду
Мы дурачилися встарь.

*
* *

Смѣхъ и клики! Вѣчно—святки!
Кто жъ теперь васъ воскреситъ:
„Незабудки и запятки",
„Замо́къ Па̀мба", „Юнкеръ Шмитъ?"

*
* *

Холмъ насыпанъ. Вкругъ гуляетъ
Стая утокъ и коровъ,
И подъ нимъ давно вкушаетъ
Вѣчный миръ Кузьма Прутковъ.

*
* *

Но его безсмертенъ геній!
Умереть онъ весь не могъ
И избралъ для вдохновеній
Онъ жилищемъ—Красный Рогъ *).

Орелъ. 24 Ноября 1868 г.

„Замо̀къ Па̀мба", „Юнкеръ Шмитъ" памятны многочисленнымъ читателямъ твореній Кузьмы Пруткова. Шуточные стихи графа А. К. Толстаго,

*) Орловское, Брянскаго уѣзда, помѣстье, гдѣ жилъ и скончался графъ А. К. Толстой. П. Б.

по поводу которыхъ написано къ нему неизвѣстнымъ намъ лицомъ это посланіе, сохранились также въ рукописномъ сборникѣ нашемъ. Кажется, что они не были напечатаны. Приводимъ ихъ. П. Б.

Вѣрь мнѣ, докторъ, кромѣ шутокъ,
Говорилъ разъ пономарь:
Отъ крутыхъ яицъ въ желудкѣ
Образуется янтарь.

***

Врачъ скептическаго складу
Не любилъ духовныхъ лицъ
И, причетнику въ досаду,
Проглотилъ пятьсотъ яицъ.

***

Стонъ и вопли! Всѣ рыдаютъ,
Пономарь звонитъ съ плеча:
Это значитъ—погребаютъ
Вольнодумнаго врача.

***

Не прошли еще и сутки,
Молвитъ грустно пономарь:
А ужъ въ докторскомъ желудкѣ,
Видно, сдѣлался янтарь!

ИЗЪ АРХИВА ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ А. И. БАРЯТИНСКАГО *).

1.

Письмо адмирала Бутакова къ князю А. И. Барятинскому (1864).

Помня вашъ здравый, ясный взглядъ на дѣла *нашего* Востока, ваши убѣжденія, *какъ* намъ должно дѣйствовать и къ *чему* стремиться въ Средней Азіи, основанныя на незыблемомъ основаніи, что дважды два четыре; наконецъ, помня полныя довѣрія бесѣды, которыми вы меня удостоивали, рѣшаюсь обратиться къ вамъ по поводу послѣднихъ событій, совершившихся въ Туркестанѣ, въ надеждѣ, что вы не сочтете этого нескромностью.

Вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно о занятіи нашими войсками Туркестана и Чемкента. Мнѣ сдается, что вы должны были воскликнуть: «Къ чему это? Для какихъ результатовъ?» И навѣрно вы бы не допустили до этого несчастнаго пріобрѣтенія, если бъ были здѣсь!

Я разстался съ Сыръ-Дарьею въ Январѣ нынѣшняго года (выжили оттуда, попросту сказать), но я имѣю вѣрныя извѣстія о неприкрашенной сути дѣла и позволяю себѣ думать, что она будетъ не безъинтересна для васъ. Начну съ краткаго обзора прошлогоднихъ происшествій.

Лѣтомъ 1863 года были снаряжены двѣ рекогносцировочныя экспедиціи отъ Оренбургскаго Отдѣльнаго Корпуса: рѣчная, подъ моимъ начальствомъ, для изслѣдованія Сыръ-Дарьи на пароходахъ, насколько

---

*) Архивъ этотъ принадлежитъ князю Виктору Ивановичу Барятинскому, и съ дозволенія его печатаются у насъ нѣкоторыя изъ него бумаги, не имѣющія прямаго отношенія къ біографіи фельдмаршала. Продолженіе и окончаніе сей послѣдней готовятся къ печати и появятся въ „Русскомъ Архивѣ“. П. Б.

возможно вверхъ отъ нашихъ фортовъ, и сухопутная, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Черняева, для подкрѣпленія меня въ случаѣ нужды (что́, par parenthèse, я считалъ совершенно лишнимъ) и для рекогносцировки сосѣдства Туркестана и Каратаускихъ горъ. Обоимъ намъ было предписано полнѣйшее миролюбіе и употребленіе оружія только въ крайней необходимости.

Я отправился съ двумя пароходами, 40-ка и 20-ти-сильными, и желѣзною 2-хъ пушечною баржей, и поднялся на 800 верстъ выше Форта Перовскаго; послѣднюю часть на 20-ти-сильномъ пароходѣ, оставя главную силу свою на 115 верстъ назади. Былъ на развалинахъ Отрара, гдѣ умеръ Тамерланъ, и Тунката, раззореннаго Тамерланомъ. Нашелъ, что рѣка великолѣпная, шириною отъ 150 до 400 сажень, съ глубинами отъ 3-хъ до 5 сажень и теченіемъ отъ 3-хъ до 4-хъ узловъ. Берега низменные, затопляемые въ разливы; по закраинамъ ихъ и на островахъ тотъ же кустарникъ и тѣ же деревца, что̀ около Форта Перовскаго и Джулека. На всемъ пройденномъ мною разстояніи нѣтъ никакой осѣдлости. Города въ Туркестанскихъ и Ташкентскихъ владѣніяхъ построены на вытекающихъ изъ горъ притокахъ Сыръ-Дарьи; но за то слѣды обширныхъ системъ оросительныхъ канавъ, попадавшіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, кромѣ окрестностей Отрара и Тунката, доказываютъ, что въ XIII-мъ столѣтіи и позже тутъ было многолюдное, трудолюбивое и осѣдлое населеніе.

До самаго города Ташкента я не дошелъ, потому что сжегъ все топливо, какое только было, а на берегахъ не нашелъ чѣмъ дополнить. По моимъ астрономическимъ наблюденіямъ, Ташкентъ, поставленный на картахъ по обсерваціямъ іезуитовъ, находится въ сущности около полутора градусовъ широты южнѣе чѣмъ считается.

Сухопутный отрядъ (полковникъ Черняевъ) осмотрѣлъ окрестности города Туркестана, перевалилъ черезъ Каратаускія горы на сѣверный скатъ ихъ и подошелъ на видъ крѣпости Сузака. Бывшіе при авангардѣ Киргизы, подъ начальствомъ зауряд-сотника изъ Киргизовъ же, подскакали довольно близко къ стѣнамъ Сузака, и по нимъ сдѣлали оттуда пушечный выстрѣлъ, не задѣвшій никого. Зауряд-сотникъ поскакалъ къ авангарду, а начальникъ его, капитанъ генеральнаго штаба, не задумываясь нисколько, принялся пускать въ Сузакъ боевыя ракеты. Когда ихъ тамъ лопнуло штукъ 15-ть, жители принудили Коканскій гарнизонъ сдаться, и Черняевъ вошелъ въ Сузакъ побѣдителемъ, принялъ депутацію старшинъ и обнадежилъ ихъ въ покровительствѣ Рос-

сіи. Послѣ этого онъ пошелъ къ городу Чулакъ - Кургану и сдѣлалъ тамъ тоже самое (безъ бомбардировки).

По возвращеніи, Черняевъ описалъ яркими красками богатство почвы и обработанность полей и садовъ Сузака и Чулака (въ послѣднемъ жители отапливаются мѣстнымъ каменнымъ углемъ); вывелъ, что вся Сыръ-Дарьинская линія можетъ продовольствоваться провіантомъ оттуда, а Аральская флотилія получать минеральное топливо; что 60,000 кибитокъ Киргизовъ-Кунгратцевъ поступятъ въ подданство Россіи и проч. и проч. На основаніи всѣхъ этихъ, весьма преувеличенныхъ данныхъ, военный министръ рѣшился въ нынѣшнемъ году занять Сузакъ и Чулакъ для соединенія границъ степей вѣдомствъ Оренбургскаго и Западной Сибири.

А. П. Безакъ, чтобъ метнуть дальше своего бывшаго подчиненнаго, предложилъ соединить границу отъ Джулека (восточнаго укрѣпленнаго пункта Сыръ-Дарьинской линіи), черезъ Туркестанъ и Чемкентъ, на Аулье-Та, западный пунктъ Сибирской линіи.

Въ началѣ весны военный министръ говорилъ со мною объ этомъ въ пріемной Государя, когда я былъ дежурнымъ. Я высказалъ ему прямо, что по моему мнѣнію «соединеніе границъ» только фраза, не имѣющая практическаго значенія; но если ей суждено перейти въ фактъ, то выгоднѣе граница черезъ Сузакъ и Чулакъ, при чемъ Каратаускія горы останутся къ Югу, сохранится прямое сообщеніе съ Россіей, потребуется меньше издержекъ, и меньшее число Русскаго войска будетъ обречено на каторжную жизнь. Пограничная же линія по южную сторону Каратаускихъ горъ, черезъ Туркестанъ и Чемкентъ, занимая мѣста населенныя, потребуетъ несравненно больше войска для удержанія ихъ въ повиновеніи; горы отдѣлятъ линію отъ свободнаго сообщенія съ Россіей, предѣлы Россіи расширятся безъ всякой пользы еще больше; издержки будутъ огромныя, а выгоды никакой. Въ заключеніе я сказалъ ему тоже, что̀ говорилъ вамъ о покойномъ Катенинѣ, когда имѣлъ честь обѣдать у васъ en tête-à-tête [1]) въ началѣ 1860 года, а именно, что «графство Муравьева - Амурскаго бросилось въ носъ всѣмъ генералъ-губернаторамъ дальныхъ странъ и что они не могутъ успокоиться пока не пріобрѣтутъ себѣ дешевыми лаврами этой почести»; вовторыхъ, что занять эти мѣста не трудно, но не легко будетъ удержать ихъ, и наконецъ, чего ждутъ отъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній? Я прибавилъ, что понимаю важность занятія дельты Аму-Дарьи

[1]) Вдвоемъ.

и готовъ хоть сейчасъ отправиться для этого снова въ степь, но что распространеніе наше въ сторону Ташкента лишено всякой portée politique [2]). Онъ разсмѣялся и сказалъ, что также думаетъ не разрѣшать Безаку проведеніе границы по его проекту.

Лѣтомъ нынѣшняго года я былъ въ плаваніи съ Великими Князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Константиновичемъ. По возвращеніи въ половинѣ Августа, я узналъ, что дѣло уже сдѣлано, что Туркестанъ занятъ, Чемкентъ также, и «граница соединена» (!!?..)

Не угодно ли оцѣнить достоинство новыхъ пріобрѣтеній по слѣдующимъ выпискамъ изъ частныхъ писемъ, полученныхъ мною съ Сыръ-Дарьи?

«Мѣстоположеніе Туркестана не находка: 40 верстъ отъ берега Сыръ-Дарьи, и верстъ на 5 отъ нея разливы, такъ что лошади по грудь. Есть сады у жителей, которые продаются по 200 и 300 рублей съ виноградниками. Сѣнокошеніе верстъ за 20 и 40, и люди постоянно по колѣно въ водѣ, отчего народъ послѣ трехъ-дневной работы возвращается съ распухшими ногами; они должны быть постоянно при оружіи и съ конвоемъ. Жители топятъ кизякомъ, который покупаютъ по 7 и 8 коп. за пудъ. Саксаула [3]) нѣтъ. Вотъ вамъ новопріобрѣтенная благодать! Мало горя было на счетъ топлива, теперь еще больше».

Не забудьте, что въ Туркестанѣ одна изъ главныхъ магометанскихъ святынь, мечеть Хазретъ-Султана, которой постройку приписываютъ Чингисъ-Хану и къ которой куча народа изо всей Средней Азіи ходитъ на поклоненіе. Слѣдовательно, мы подняли противъ себя весь магометанскій фанатизмъ.

Овладѣніе Туркестаномъ было не легко: нашъ отрядъ изъ 1400 человѣкъ былъ трое сутокъ противъ города съ 1500 тысячнымъ гарнизономъ и 10.000 жителей; ему чуть не пришлось возвратиться ни съ чѣмъ.

А вотъ эпизодъ, доказывающій каково тамъ будетъ держаться (это еще только начало, и въ самое лучшее время года, когда пароходы сильно могутъ помогать; а чтò-то скажетъ зима?)

---

[2]) Политическаго значенія.

[3]) Толстый приземистый кустарникъ, дающій большой жаръ; имъ отапливаются пароходы Аральской флотиліи во внутреннихъ плаваніяхъ.

«Я вамъ писалъ, что Черняевъ (начальникъ Сибирскаго отряда, занявшій Чемкентъ) требовалъ къ себѣ навстрѣчу отрядъ. Изъ Туркестана пошелъ Мейеръ (капитанъ генеральнаго штаба) съ ротою стрѣлковъ и сотней казаковъ. Они наткнулись на сильное скопище, которое разбили, но съ порядочной потерей. Трое офицеровъ ранено, 17 человѣкъ нижнихъ чиновъ убито, а всего убитыхъ и раненыхъ 70 человѣкъ изъ 300».

Судите, каково будетъ транспортамъ и почтарямъ!

«Не знаю, каковъ Чемкентъ для житья Русскому гарнизону; не могу также сказать, какъ силенъ былъ Сибирскій отрядъ. Но при тяжкихъ трудахъ Туркестанскаго гарнизона, хотя тамъ назначенъ комендантомъ человѣкъ толковый (артилер. полковн. Качаловъ), надобно опасаться сильной смертности, и врядъ ли мѣстная порція будетъ обезпечена людямъ, которымъ придется зимовать въ сакляхъ и кибиткахъ. Сколько безплодныхъ страданій предстоитъ этимъ бѣднякамъ! И главное, за что, для чего? Все это крайне грустно; а чего ждать, если мы потерпимъ неудачу!»...

Я сильно опасаюсь, что черезъ годъ туда придется послать не два или три батальона, а шесть или восемь, съ огромными издержками. Мы удерживались на Сыръ-Дарьѣ съ ничтожными силами единственно потому, что Коканъ былъ терзаемъ постоянными междоусобными рѣзнями, а Бухарскій эмиръ ходилъ туда чуть не каждый годъ военными походами, болѣе или менѣе неудачными; да и занимали мы мѣста безъ осѣдлаго населенія. Теперь дѣло другое: обладаніе «невѣрными» святою мечетью Хазретъ-Султана можетъ соединить магометанъ фанатизмомъ и вдохнуть имъ на время единодушіе. Повторяю, я особенно боюсь зимы, когда пойдутъ болѣзни и смертность въ изнуренномъ и скверно-помѣщенномъ гарнизонѣ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся!...

Я не досказалъ повѣсти о Сузакѣ. Жители его ждали до Октября (1863 г.) прихода Русскихъ, которымъ не было физической возможности явиться для ихъ защиты. Наконецъ, боясь за свои головы они послали депутацію съ повинною въ Ташкентъ и, приплатившись значительно за свои вины, приняли къ себѣ снова Коканскій гарнизонъ. Мнѣ писали, что они бросили Сузакъ, когда нашъ отрядъ тронулся изъ Форта Перовскаго, вырубили свои сады и были главными защитниками Туркестана.

Зимою съ 1862 на 1863 годъ разнесся у насъ въ степи отъ Бухарскихъ купцовъ слухъ, будто бы Англичане устраиваютъ паро-

ходы въ верховьяхъ Аму-Дарьи, около Балха. Чтобъ противудѣйствовать имъ, еслибъ эти извѣстія подтвердились, рѣшено было занять дельту Аму-Дарьи. Я знаю это потому, что Безакъ спрашивалъ моего мнѣнія какіе бы пункты я полагалъ занять и съ какимъ числомъ войска? Но тутъ вспыхнули Польскія дѣла, слухи оказались вздоромъ, и дѣло это оставлено. Когда Государь принималъ меня въ своемъ кабинетѣ послѣ пріѣзда моего изъ степи въ концѣ Февраля, разсматривалъ карту моихъ изслѣдованій и разспрашивалъ меня съ большимъ интересомъ, я говорилъ ему о важности занятія дельты Аму-Дарьи. Онъ отвѣчалъ, что это дѣло отложено, но идея не покинута. Теперь мы нажили себѣ въ Средней Азіи столько хлопотъ, что, кажется, можно считать эту отличную идею окончательно покинутою!

Въ Оренбургскомъ краѣ готовятся огромныя преобразованія. «Ce cher pays d'Orenbourg, toujours si riche d'avenir et toujour si pauvre de présent! [4])... говорилъ о немъ одинъ бывшій адъютантъ Перовскаго. Самарская губернія отдѣляется отъ генералъ-губернаторства; Оренбургская раздѣляется на двѣ, Оренбургскую и Уфимскую; изъ новой Оренбургской губерніи, всей степи Оренбургской и части Сибирской, съ присоединеніемъ Семипалатинской области, составляется новое генералъ-губернаторство. На мѣсто Безака назначается Тимашевъ, который вступитъ въ управленіе будущей весною или лѣтомъ; онъ очень хорошо понимаетъ, какую кашу ему предстоитъ расхлебывать!...

Какъ видите, всѣ усилія устремлены въ діаметрально-противуположную сторону отъ той, куда бы онѣ должны были направляться, еслибы вѣровалось, что дважды два четыре...

Простите, если наскучилъ вамъ своимъ длиннымъ письмомъ и своими сѣтованіями. Я не могъ не подумать о васъ, когда узналъ о нашихъ печальныхъ «пріобрѣтеніяхъ»; не могъ не желать обратиться къ вамъ и высказаться съ полною откровенностью; не могъ не скорбѣть, что болѣзнь удерживаетъ васъ за границей, потому что если бы вы были здѣсь, то не совершиться бы этимъ несчастнымъ фактамъ!...

Петербургъ
Сентябрь 1864 года.

---

[4]) Этотъ любезный Оренбургскій край, всегда столь богатый въ будущемъ и всегда столь скудный въ настоящемъ.

2.

Письмо М. П. Погодина къ князю А. И. Барятинскому.

(1864).

Позвольте, прежде всего, принести вамъ искреннюю благодарность за вашъ радушный, любезный, Русской прiемъ въ Лондонѣ.

Пишу къ вамъ, не какъ къ фельдмаршалу и высокому гранду, а какъ къ соотечественнику, который преданъ отечеству и желаетъ ему отъ души добра, воспитаннику Эванса, ко мнѣ очень близкаго, и ученику Кубарева, еще ближайшаго (онъ васъ любитъ и вамъ кланяется, спрашивая, получили ль вы его письмо съ благодарностiю за портретъ).

Вы ободрили меня къ письму такого рода разсказомъ объ унтеръ-офицерѣ Ильченкѣ и графѣ Евдокимовѣ. Знаете ли, что этотъ разсказъ подѣйствовалъ на меня сильнѣе Гуниба, хоть и тому я былъ очень радъ?

Одинъ человѣкъ, будь онъ семи пядей во лбу, въ наше время не можетъ сдѣлать никакого дѣла. Найти сотрудниковъ, помощниковъ, умѣть присмотрѣть за ними, умѣть спрашивать и выслушивать—вотъ главное. Это доказали у насъ Петръ и Екатерина. Петръ выслушивалъ и принялъ совѣтъ отъ пьянаго кузнеца, откуда взять мѣди для пушекъ; а Екатерина сколько слугъ нашла себѣ, вступая въ разговоры со всякимъ встрѣченнымъ! Напомню и басню Дмитрiева или Лафонтена о двухъ пастухахъ. Одинъ изъ кожи лѣзъ, метаясь изъ угла въ уголъ, безъ всякой пользы для своего стада; другой лежалъ спокойно подъ деревомъ, играя на свирѣли, ничего, кажется не дѣлалъ, а стадо было у него цѣло. Отъ чего это, спросилъ его несчастный труженикъ, ты лежишь; а дѣла у тебя лучше, чѣмъ у меня, работающаго изо всѣхъ силъ?—Я выбралъ добрыхъ псовъ, отвѣчалъ ему товарищъ.

Это вступленiе, а вотъ въ чемъ дѣло.

1. Я помѣшанъ на мысли, что Государь нашъ можетъ теперь выстроить тысячъ пять верстъ желѣзныхъ дорогъ, не истрачиваясь на постройку, а обогащаясь ею,—и тѣмъ присоединить къ великому дѣлу освобожденiя крѣпостныхъ крестьянъ другое великое дѣло, для Россiи въ настоящихъ обстоятельствахъ необходимое, устройство дорогъ. Наши финансисты не смѣютъ высунуть носа изъ-подъ западныхъ теорiй, и

никакъ не могутъ понять, что у насъ другая жизнь, другой характеръ и другія обстоятельства. Они мѣшаютъ больше всѣхъ успѣшному ходу этого дѣла. Такимъ образомъ простой мысли о построеніи желѣзныхъ дорогъ посредствомъ особыхъ временныхъ ассигнацій (раздѣляемой многими Русскими людьми) никакъ не осуществиться, сколько бы мы ни звонили объ ней. Я составилъ себѣ вотъ какой планъ: разослать ее къ иностраннымъ ученымъ и дѣльцамъ и спросить ихъ мнѣнія, къ Кобдену, Прудону, Мишелю-Шевалье, Рошеру. Получа ихъ одобреніе, подтвержденіе, согласіе, я напечатаю ее въ нашихъ журналахъ, или даже представлю Государю, и она, подъ эгидою иностранныхъ спеціалистовъ, при нашей недовѣрчивости къ самимъ себѣ, получитъ себѣ несравненно больше силы.

Кобденъ, къ которому я писалъ изъ Лондона, не понялъ моей мысли, можетъ быть потому, что она была дурно по-французски выражена, или потому, что не хотѣлъ понять ее какъ Англичанинъ: Англичанамъ устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи будетъ непріятнѣе прорытія Суезскаго перешейка (*Обороти Богъ, если оно имъ предоставится* [5]). Я повторяю Кобдену свой вопросъ, а теперь препровождаю къ вамъ копію съ перваго письма, изъ котораго вкратцѣ вы увидите сущность вопроса. За симъ буду доставлять и продолженіе переписки, если вамъ то будетъ угодно.

2. Отправляясь за границу, я написалъ краткую записку о необходимомъ для Министерства Народнаго Просвѣщенія по учебной части, которая мнѣ знакома, какъ свои пять пальцевъ, получше желѣзныхъ дорогъ; но, обозрѣвъ Петербургскій персоналъ, я не рѣшился даже прочитать ее никому, не предвидя никакой отъ того пользы. Посылаю вамъ также копію.

Дѣлайте изъ моихъ записокъ употребленіе какое вамъ угодно, по усмотрѣнію, по обстоятельствамъ, по случаямъ. Я ничего не желаю кромѣ общей пользы, чрезъ кого бы она ни была принесена. Мнѣ скоро минетъ 65 годъ, и я, собственно для себя, думаю только объ окончаніи нѣкоторыхъ начатыхъ работъ историческихъ, да о собраніи написанныхъ и разсѣянныхъ по журналамъ сочиненій и изданіи полнаго ихъ собранія.

Москва.
21 Октября 1864 г.

---

[5]) Употребите все ваше вліяніе, чтобъ не была уступлена Англичанамъ Севастопольская дорога. Это было бы страшнымъ несчастіемъ для Россіи.

3.

Письмо князя Павла Петровича Вяземскаго къ князю А. И. Барятинскому.

19 Сентября 1875 г. (Спб).

Честь имѣю представить вашему сіятельству замѣчанія мои на Слово о полку Игоревѣ. Ваша эпопея находится въ прямой связи съ нашею древнею пѣснею. Вы довершили то, къ чему стремились ваши предки. Я не имѣю права сказать *наши*, потому что пѣвецъ Игоревъ упрекаетъ энергично князей Смоленскихъ [6]) за бездѣйствіе въ борьбѣ съ Половцами.

Можетъ быть, вы не найдете времени прочесть мою книгу о «трудныхъ повѣстяхъ»; тѣмъ не менѣе я льщу себя надеждой, что вы дадите ей мѣсто въ вашей драгоцѣнной библіотекѣ [7]).

---

[6]) Князья Вяземскіе по мѣсту владѣнія были Смольняне. П. Б.

[7]) Библіотека эта, великолѣпный даръ князя Виктора Ивановича Барятинскаго, поступила нынѣ въ Московскій Историческій Музей. Фельдмаршалъ собиралъ ее въ молодости своей и пополнялъ потомъ постоянно. П. Б.

ЭПИГРАФЪ «ОПАСНАГО СОСѢДА».

Знаменитое твореніе Василья Львовича Пушкина, про которое Александръ Сергѣевичъ утверждалъ, что далекое потомство непремѣнно отниметъ его у его дяди и припишетъ ему, ходило по всей Россіи во множествѣ списковъ. Въ одномъ изъ нихъ случилось намъ встрѣтить слѣдующій къ нему эпиграфъ.

Loripedem rectus derideat, Aethiopem albus.

Juvenali Sat. l. I, s. II, v. 23.

То есть „смѣйся правый надъ колодникомъ, бѣлоликій надъ Эфіопомъ" *). Въ этой сатирѣ Ювеналъ бичуетъ лицемѣровъ и притворщиковъ, которые на словахъ чужды порока, между тѣмъ какъ въ тайнѣ предаются ему. Надо замѣтить, что Василій Львовичъ былъ знакомъ съ классическою словесностью, что видно изъ другихъ его сочиненій. „Опасный Сосѣдъ" написанъ до 1812 года, какъ сказывалъ намъ покойный князь П. А. Вяземскій, прибавлявшій, что стихъ 36-й принадлежитъ Жуковскому. П. Б.

ОПЕЧАТКИ.

Во второй книгѣ „Р. Архива" сего года на стр. 533, 10-я строка снизу, напечатано названіе Кавказскаго укрѣпленія *Карату*, нужно читать *Кази-Юртъ*.

На той же страницѣ, 4-я строка снизу, между притоками Сунжи значится рѣчка *Леса*, нужно читать *Ассою*.

На стр. 534, строка 9-я сверху, читается фортъ *Ачкаевскій*, нужно читать *Ачхоевскій*.

*

Въ третьей книгѣ, стр. 96, строка 2-я снизу, вмѣсто *Шигубатова* надо *Шагубатова*.

*) Въ переводѣ А. А. Фета: „Кривоногому смѣйся прямой, Эѳіопу самъ бѣлый"; но это, кажется намъ, невѣрно. Loripedes значитъ человѣкъ, у котораго ноги связаны ремнями (родъ наказанія). П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Конецъ 1857-го и 1858-й годъ.

8-го Ноября. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, уже пять недѣль, не пришла охота приняться за перо, чтобы дать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ здѣшнею жизнію. Дни кажутся короткими, а недѣли тянутся безконечно. Два раза ѣздилъ въ Царское Село. Не могу ни похвалиться, ни пожаловаться на пріемъ; въ первый разъ остановился по приглашенію съ к. Меншиковымъ, который по возвращеніи въ Петербургъ довезъ меня до дому, второй съ гр. Панинымъ. Любопытно, что разговоръ съ послѣднимъ былъ болѣе о предметахъ военныхъ, съ первымъ о многомъ; кромѣ войны коснулись однако разъ нашей кавалеріи, о которой онъ выразилъ мнѣніе самое невыгодное. Занимательныя, хотя мимолетныя, въ своемъ кабинетѣ бесѣды имѣлъ съ к. Меншиковымъ, г-мъ Милютинымъ, нач. штаба на Кавказѣ, съ А. Н. Поповымъ, съ г-мъ Богдановичемъ, который готовитъ исторію войны 12-го года. Онъ довелъ ее до вступленія въ Дрисской лагерь и оставилъ мнѣ на разсмотрѣніе.

18-го Декабря. На дворѣ дождь, пасмурно, лужи, грязь; въ началѣ третьяго пополудни уже трудно было читать. Что дѣлать? Поѣхалъ въ конно-гвардейскій манежъ, горячо поѣздилъ мою молодую, вновь купленную лошадь и воротился уже бодрѣе духомъ домой. Генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ, на дняхъ, соскочивъ съ дрожекъ, переломилъ въ трехъ мѣстахъ ногу и, говорятъ, опасно. Чрезвычайно жаль, если онъ не оправится. Я съ Кавказа, какъ молодаго еще офицера, замѣтилъ и отличалъ его; потомъ, слѣдя по временамъ за нимъ, увѣрился, что не ошибся и что изъ него долженъ былъ выдти замѣчательный человѣкъ. Ген.-

маіоръ Богдановичъ довольно давно уже не приноситъ ко мнѣ тетрадей новой исторіи войны 1812-го года, которою онъ занятъ. Правда, что мы остановились надъ Бородинскимъ сраженіемъ и смѣной главнокомандующихъ. При множествѣ новыхъ матеріаловъ, къ этому періоду относящихся, есть надъ чѣмъ задуматься, а уже изъ всѣхъ качествъ нужныхъ для историка нельзя ему отказать въ добросовѣстности. Прочелъ Записки Самарина и дочитываю проэктъ Кошелева, оба весьма замѣчательные; мнѣ кажется, что какъ въ главныхъ основаніяхъ, такъ даже и въ подробностяхъ важнѣйшихъ, трудный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго ига приведенъ въ достаточную ясность и удобоисполнимость. Безпорядки и недоразумѣнія будутъ; но мѣра такого рода, при всемъ благоразуміи въ узаконеніяхъ, при всей осторожности въ исполненіи, неминуемо должна повлечь ихъ за собою. Какъ бы дорого ни достался успѣхъ этого важнѣйшаго изъ всѣхъ для Россіи преобразованій, нечего жалѣть о томъ. Въ настоящемъ положеніи, затронувъ столько разъ неосторожно этотъ раздражительный вопросъ и возбудивъ надежды въ народѣ, нельзя было остановиться или медлить. И такъ съ Богомъ впередъ! Мнѣ, по моимъ лѣтамъ, достанется на долю видѣть, быть можетъ, испытать, только худшее начало. Дѣти, давно къ тому мною приготовленныя, увидятъ и хорошія послѣдствія. На дняхъ простился съ г. л. Врангелемъ, ген. губернаторомъ въ Кутаисѣ, на мѣсто убитаго Сванетскимъ княземъ к. Гагарина. Третьяго дни навѣстилъ меня Ник. Ник. Муравьевъ, генер.-губ. Восточной Сибири, еще полный жизни и самоувѣренности среди препятствій и огромныхъ трудностей приведенія въ исполненіе разныхъ предпріятій на Амурѣ и въ Сибири. Желаніе Муравьева имѣть при себѣ кого нибудь изъ моихъ сыновей одному изъ нихъ сообщено. Едва ли изъ того что нибудь будетъ. Милютинъ уѣхалъ не простясь. Навѣстилъ меня также г. м. Вревской, начальникъ, если не ошибаюсь, Лезгинской линіи. Все это Кавказцы, бывшіе подъ моимъ начальствомъ, и всѣ оправдали мои ожиданія отъ нихъ.

20-го Декабря. Графу Ламберту очень дурно, и сомнѣваются въ его спасеніи. Онъ сильно страдаетъ. Вчера былъ на послѣднемъ въ нынѣшнемъ году засѣданіи Георгіевской Думы. Радуюсь спасенію героическаго Гевелока, въ Лукновѣ, хотя во-

все не желаю Англичанамъ полнаго успѣха, по крайней мѣрѣ скораго: они должны искупить новыми испытаніями всѣ дерзкія, предательскія, часто преступныя дѣйствія политики Палмерстона противъ почти цѣлаго свѣта. Если, какъ пишутъ, Кампбель начальствуетъ уже сосредоточенною 20-ою т. арміею, онъ пойдетъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Наконецъ, лордъ Редклифъ, мой антагонистъ въ посольствѣ моемъ въ 1849-мъ г. въ Константинополь, тогда побѣжденный, оставилъ свой постъ и возвращается въ Англію. Балта-Лиманской трактатъ, тогда заключенный, былъ послѣдній актъ преобладанія вліянія нашего на Порту. А теперь!

26-го. Въ мысленномъ отчетѣ самому себѣ за истекающій годъ, забытый и устраненный земною властію, преждевременно, отъ всякаго служебнаго значенія и дѣятельности, нахожу полное успокоеніе въ томъ, что я Самимъ Создателемъ произведенъ въ старики мнѣ безъ малаго 70-ть лѣтъ, безъ замѣтнаго ослабленія даже физическихъ силъ, безъ увѣчья послѣ стольких военныхъ кампаній и всякаго рода случайностей неразлучныхъ со всякою жизнію, съ семействомъ, приносящимъ мнѣ болѣе отрады, нежели заботы. Все это вмѣстѣ стóитъ и получше фельдмаршальства, особливо въ родѣ Воронцовскаго или Волконскаго—только для положенія въ могилу, изъ которой встанемъ ли или въ ней навсегда останемся, все же всѣ равны. Эти размышленія пришли мнѣ послѣ вчерашняго съѣзда во дворцѣ, по случаю установленнаго въ этотъ день молебна за изгнаніе въ 1812-мъ году Наполеона изъ Россіи. Немного собралось насъ ветерановъ этого года, немногимъ болѣе десяти, кажется 14-ть генераловъ, и не нашлось однако ни одного слова обращеннаго къ намъ, ни одного привѣтливаго взгляда, нималѣйшаго признака приличнаго на этотъ день вниманія. Это неловко. Одна формальность, командныя слова, все холодно, безсмысленно и безжизненно; все это при насъ, живыхъ памятникахъ, послѣднихъ остаткахъ величайшей и славнѣйшей эпопеи нашей исторіи.

27-го Дек. Статья Аксакова въ *Молвѣ:* Публика и народъ. Это зажженой пальникъ, брошенный въ пороховой погребъ; это болѣе чѣмъ ошибка въ наше взволнованное время.—Не привыкну къ кринолинамъ. Въ полномъ туалетѣ отворачиваюсь, даже отъ своихъ дочерей. Чтò за нелѣпость и заблужденіе вкуса! Всѣ жен-

щины будто въ послѣднемъ періодѣ беременности или въ водяной болѣзни. Когда очнутся?

29-го Декабря. Безнамѣренный урокъ старика старику: третьяго дня обѣдалъ я по приглашенію у г-ла Ар...... по случаю 76-й годовщины его рожденія. Я поздравилъ его съ сохраненіемъ, въ такіе годы, молодецкой его наружности и здоровья. Въ отвѣтъ мнѣ онъ расплодился о мнимомъ нашемъ превосходствѣ надъ настоящимъ поколѣніемъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, и нельзя было безъ грусти замѣтить, сколько онъ въ этомъ припадкѣ самонадѣянности давалъ мнѣ доказательствъ ослабленія умственныхъ качествъ, дѣтской болтливости о давно-прошедшихъ, вниманія нестоющихъ, происшествіяхъ изъ своей жизни. Насилу вырвался отъ него и возвращаясь подумалъ, что нѣтъ ли, хотя надѣюсь не въ такой степени, чего либо подобнаго и во мнѣ, между прочимъ въ томъ, что̀ излилось на предшествующей страницѣ изъ души моей. Г-лъ Ар......, коротко съ первыхъ лѣтъ нашей службы мнѣ знакомый, отличался красивою наружностію, пылкимъ характеромъ, блистательною храбростію, бойкимъ и находчивымъ языкомъ, мѣткимъ и дерзкимъ перомъ. Все это много обѣщало; но для этого слѣдовало, какъ всякому серіозно понимающему жизнь, продолжать свое воспитаніе не только исключительнымъ занятіемъ въ тѣсной сферѣ служебной, но различными предметами, ведущими къ образованію болѣе полному ума, характера и души. Этими средствами только возможно, я полагаю, сохранить долѣе чѣмъ многіе и въ преклонныхъ лѣтахъ, кромѣ здоровья тѣлеснаго, и умственныя способности.

Фельдмаршалъ Радецкій умеръ. Войскамъ Государь повелѣлъ носить три дня трауръ. Я познакомился съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1849-мъ году. Благородной, героическій характеръ. Онъ прожилъ безъ малаго столѣтіе и недавно отказался отъ дѣятельной жизни.

31-го. Вечеромъ навѣстилъ старикъ Павловъ, Тамбовской помѣщикъ, почти безвыѣздно 47-мь лѣтъ прожившій въ своихъ деревняхъ. Хорошій типъ Русскаго умнаго помѣщика. Языкъ мѣткой, съ поговорками и съ частымъ приговариваніемъ: Знаете ли? Подобныя привычки встрѣчаются и не въ деревнѣ. Послѣ ужина разговоръ о Тульскихъ дворянахъ въ сосѣдствѣ Мосаловыхъ. Какой обильной матеріалъ для causes célèbres! Разбой на

большихъ дорогахъ не столько преступенъ, особливо не столько отвратителенъ, какъ эти злодѣйства подъ прикрытіемъ формъ закона и клички по шерсти нѣкоторымъ главнымъ: Скоробогачъ, Рѣдькинъ и пр. Такіе сосѣди отравляютъ жизнь въ деревнѣ. Кажется, будто въ Великороссіи такіе помѣщики попадаются чаще, нежели въ Малороссіи. Но извѣстны мнѣ хороши и тамъ! И также безнаказанно передъ закономъ и почти передъ общимъ мнѣніемъ. А жалуются на преувеличеніе въ нравоописательныхъ сочиненіяхъ нашихъ писателей. Они отстали скорѣе, чѣмъ перешли черту истины. Они болѣе выставляютъ смѣшное, чѣмъ преступное, нестерпимое. Впрочемъ, это и цѣль и настоящая сфера писателя. Преступленіе преслѣдуется судомъ, а у насъ суды!!

1858-й годъ.

2-го Генваря. 1858-й годъ. Вчера былъ большой выходъ. Придворные пѣвчіе восхитительно спѣли Херувимскую Бартнянскаго. Ей обязанъ, что могъ достоять до конца обѣдни, чего обыкновенно не могу выдержать: у меня дѣлается круженіе въ головѣ, кажется отъ куренія ладономъ. Замѣчательный разговоръ съ кн. А. Ѳ. Голицынымъ по поводу полученныхъ отъ разныхъ губерній адресовъ, въ отвѣтъ на циркуляръ объ освобожденіи отъ крѣпостнаго положенія крестьянъ. Возобновилъ знакомство съ Мингрельской владѣлицей Дадіановой, кажется урожденной Чавчавадзевой. Прекрасный 10-ти лѣтній сынъ ея Николай, флигель-адъютантъ, шелъ со мною рука въ руку въ церковь. Ожиданіе разныхъ перемѣнъ и наградъ на этотъ день не оправдалось.

6-го. Письмо изъ Чиръ-Юрта отъ сына Александра очень пріятное. Онъ всѣми принятъ отлично. На скачкѣ обогналъ всѣхъ верхомъ и между прочими извѣстнаго тамъ скакуна. По случаю обѣда, даннаго полкомъ г-ну Волкову, служившему при мнѣ на Лабѣ, вспомнили обо мнѣ тостомъ при пушечной и ружейной пальбѣ, по нечаянности произведшей тревогу. Ротмистръ л.-г. драгунскаго полка Свѣтловской, часто бывавшій у меня въ Ревелѣ, добрый и хорошій офицеръ и человѣкъ, потонулъ въ Волховѣ, переѣзжая по льду.—Московскіе банкеты вопреки волѣ г. Закревскаго.—Въ Парижѣ покушеніе на жизнь Наполеона Италіанцемъ Піерри, посланнымъ изъ Англіи. Въ Остъ-Индіи двухъ-

тысячный отрядъ Англичанъ разбитъ на голову съ потерей лагеря. За тѣмъ опять рядъ дѣлъ успѣшныхъ, но полное укрощеніе мятежа потребуетъ болѣе времени и жертвъ, нежели въ Англіи полагали.—Адресъ Нижегородскаго дворянства по поводу освобожденія крестьянъ съ признательностію принятъ Государемъ. Это подѣйствуетъ и на другія губерніи. Такой вопросъ, разъ поднятой, должно двигать до его разумнаго рѣшенія, не смотря на многія неудобства, недоразумѣнія и даже риски. Потомство соберетъ его обильные плоды, а намъ, доживающимъ, будетъ неловко и трудно. Я располагалъ отдохнуть въ моей Полтавской деревнѣ; вмѣсто того придется хлопотать, вразумлять, не владѣя Малороссійскимъ языкомъ.

7-го Января. Вѣсти изъ губерній о покушеніяхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Изъ послѣднихъ есть уже бросившіе свои имѣнія и ушедшіе укрыться въ столицы.

9-го Января. Крѣпостное состояніе можно уподобить болоту, міазмы котораго заражаютъ все снизу до верху. Приступивъ къ его осушенію и сооруженію на немъ новаго зданія, должно приготовиться къ большимъ жертвамъ; особливо если приняться неловко за это трудное дѣло. Созданіе Петербурга на болотѣ стоило многихъ тысячъ народа, на эту работу употребленнаго. Вѣсти изъ губерній начинаютъ оправдывать это уподобленіе.

10-го. Пятница. Странное противорѣчіе: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости начинается строгими тѣлесными наказаніями, кто изъ нихъ произнесетъ слово вольность. Г. Закревскій особенно отличается этимъ въ Москвѣ. Самой осязательной способъ объяснять значеніе словъ.

13-го Января. Понедѣльникъ. Подробности неудавшагося покушенія на жизнь Наполеона. Г.-а. князь Паскевичъ посланъ въ Парижъ съ поздравленіемъ о счастливомъ спасеніи.

16-го. Замѣчательная рѣчь Наполеона Законодательному Собранію на другой день послѣ покушенія на его жизнь. Это происшествіе еще возвысило его и утвердило за нимъ общее мнѣніе. Издатели *Кавказцевъ* для составленія моей біографіи обратились ко мнѣ съ просьбою доставить имъ разныя свѣдѣнія о себѣ; попрошу ихъ подождать моей смерти, и вѣроятно подождать не долго. Чтò за біографія заживо или самимъ написанная? Развѣ предъ глазами потомства или для семейства? Послѣднее отчасти

и отрывочно уже сдѣлано. На досугѣ и въ тишинѣ деревни (если то и другое еще возможно въ настоящемъ положенiи дѣлъ въ Россiи) можно будетъ связать и дополнить. Я не отвѣчалъ и прежде на два отзыва издателей бiографiй значительныхъ людей, въ Парижѣ. За то какую дичь они обо мнѣ въ разныхъ журналахъ писали! Все это спекуляцiи для собственныхъ выгодъ издателей, въ надеждѣ на тщеславiе тѣхъ, къ кому они обращаются.

20-го Января. Дѣльная статья въ фельетонѣ Инвалида, гвардейскаго кавалериста, объ употребленiи и доведенiи кавалерiи, въ отвѣтъ армейскому, также дѣльному. Такая полемика очень полезна. Странно, что этого прежде не позволили бы напечатать. И за это спасибо Александру! Отъ Кривцова при встрѣчѣ на Невскомъ узналъ о недавней кончинѣ одного изъ лучшихъ людей, моего друга лучшихъ лѣтъ, Якушкина, въ Москвѣ, по возвращенiи изъ Сибири.

27-го Января. Вечеромъ прiѣхалъ извѣстный смѣлыми и умными, еще при покойномъ Государѣ, Записками Самаринъ. Послѣдняя, объ уничтоженiи крѣпостнаго состоянiя, особенно замѣчательна. Это первая съ нимъ встрѣча, возбуждающая желанiе сближенiя съ нимъ.

Il est de fait que, dans un empire comme la Russie, une certaine centralisation du pouvoir est nécessaire et inévitable; mais il faut qu'elle se borne à surveiller et à diriger le mouvement général, à donner l'impulsion et à établir les principes, mais sans descendre à des détails tellement minutieux, qu'elle en devient odieuse et mesquine.

30-го Января. Народъ кишитъ вездѣ по улицамъ, вокругъ балагановъ, на бѣгу на Невѣ. Мнѣ показалось, что пьяныхъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прежнiе годы. Если не ошибаюсь, то это прiятное явленiе. Пьянство часто бываетъ слѣдствiемъ отчаянiя и безнадежности. Морозы стоятъ легкiе. Солнце начинаетъ грѣть. Снѣгу мало. Рязанской губерн. предводитель Селивановъ прiѣзжалъ передъ отъѣздомъ проститься. Принятъ Государемъ благосклонно, не смотря на свое замѣчанiе о предстоящихъ трудностяхъ обезпечить повиновенiе освобожденныхъ крестьянъ и уплату повинностей правительству и за землю помѣщикамъ. Государь предоставилъ эти обстоятельства ближайшему обсужденiю комитетовъ, прибавивъ: «Вы знаете, что крестьяне гораздо болѣе отъ меня ожидали». Въ подробностяхъ исполненiя этой важной и необходимой мѣры ко-

нечно должны встрѣтиться разныя затрудненія, но гдѣ ихъ нѣтъ? И быть иначе не могло.

Разбои среди дня въ Пермской губерніи.

3-го Февраля. Вчера заключилъ масляницу баломъ у Великой Княгини Маріи Николаевны съ Ольгой. Балъ великолѣпной. Возобновилъ знакомство съ прекрасной Васильчиковой, урожд. Сенявиной. Успѣлъ уѣхать до суматохи общаго разъѣзда, пятью минутами до полуночи. Засталъ еще свое общество дома. Познакомился съ красавицей г-ей Дубельтъ, урожд. Пушкиной. Государь танцовалъ. Все это прекрасно, но меня уже не занимаетъ. Мысли мои направлены не туда, выше, глубже, въ темной міръ вѣковыхъ стремленій человѣка угадать, утвердить чтò за тѣмъ! И ничто не удовлетворяетъ, не доходитъ до убѣжденія; одна преданность волѣ Всемірнаго Создателя непоколебима. Остальное человѣческое. Если ошибаюсь, Онъ проститъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, а въ чувствахъ и въ дѣйствіяхъ жизни. За нихъ отвѣтъ и въ настоящемъ, и въ гадательномъ будущемъ.

Si l'empereur eût alors pu lire dans tous les esprits, il eût reconnu sans doute une de ses plus grandes fautes, une de celles que la nature de son génie lui fit faire. Il avait bâilloné la presse et ôté au peuple toute intervention dans les affaires. Il en était résulté l'engourdissement profond des sentiments, qui nous sont les plus naturels. Sa fortune nous tint longtemps lieu de patriotisme; mais comme il avait absorbé toute la nation en lui, avec lui la nation tomba tout entière.

L'état est chargé d'agir pour nous, de vouloir pour nous, d'être libre pour nous. Il peut tout à notre place, dans la vie publique. Qu'il ne s'avise pas seulement de vouloir toucher à la vie privée: c'est là l'écueil des gouvernements et des révolutions. Tant qu'elles n'ont bouleversé que l'état, elles ont pu réussir. Le jour où l'on a soupçonné qu'elles pouvaient toucher à la vie privée, c'est à dire à la propriété, elles ont été perdues.

L'état est à la fois notre bouc émissaire pour tout supporter et notre providence pour tout faire. Notre idée fixe est de charger et d'affairer le moins que nous pouvons notre vie publique.

Il y a à ce propos une scène de comédie que voici. On venait apprendre à un bon bourgeois, un de ces bourgeois qui habitait des père en fils une des rues de Paris, que le peuple était entré dans le

palais et avait brisé le trône. C'est bien malheureux, disait tranquillement le bourgeois. Le drapeau royal est abattu, et le drapeau populaire le remplace. J'en suis bien fâché, continuait notre homme. «Monsieur, monsieur, venait dire tout effaré le portier de la maison, le locataire du troisième ne veut pas payer son terme». Le bourgeois, frappant avec indignation sur son bureau: «Mais c'est donc une révolution!»

6-го Февр. Четвергъ. Рѣчь Кокорева полная въ Le Nord, въ Русскихъ журналахъ сокращенная. Что же? Хорошо, благородно. Ее хорошіе люди почему-то осуждаютъ.

10-го Февр. Придворные слухи: кн. А. Ѳ. Орловъ готовится уѣхать въ Парижъ по случаю женитьбы сына съ к-ой Трубецкой. Характеръ de la grande demoiselle. Интриги и надежды ея отца. Козни противъ кн. Горчакова, министра иностранныхъ дѣлъ. Москва выбрала свѣтлѣйшаго к-я Меншикова-отца депутатомъ въ комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. На Кавказѣ у г. л. Козловскаго на правомъ флангѣ Линіи, во время рубки лѣса, большая потеря людьми, кромѣ убитыхъ и раненыхъ въ стычкахъ, отъ морозу и вьюгъ, застигшихъ отрядъ. Говорятъ о смѣнѣ Козловскаго, дѣйствительно далеко выше своихъ способностей выведеннаго; но кто виноватъ? Не худо иногда спроситься у опытныхъ, имѣвшихъ случаи оцѣнить лица.

На дняхъ провелъ у меня утро г.-м. Богдановичъ. Онъ остановился въ своей исторіи войны 12-го года на смѣнѣ главнокомандующихъ и обѣщалъ мнѣ прислать свою тетрадь. Онъ посылалъ ее къ А. П. Ермолову, возвратившему ее съ замѣтками. Также г. м. Норденстамъ, губернаторъ Финляндской. Характеристика разныхъ лицъ, дѣйствующихъ на Кавказѣ. Невыгодные и странные слухи о ген. губернаторѣ Финляндіи Бергѣ, правдоподобные.

12-го Февраля. Среда. Въ Малороссіи спокойно, но помѣщики въ страхѣ. Въ 8 ч. вечера въ Артилерійскую школу, гдѣ производились любопытные опыты надъ галванизмомъ. Плавленіе металловъ изумительно. Зрители въ огромномъ числѣ наполняли залу. Великій Князь Михаилъ и Ольденбургскіе принцы присутствовали. Эта общая любознательность—также новое и пріятное явленіе въ нашей публикѣ.

13-го. Вчера въ два ч. верхомъ съ Михаиломъ. Вечеромъ по приглашенію съ Николаемъ на вечеръ къ принцу Ольденбург-

скому. Привѣтливой пріемъ его. Я былъ у него въ первой разъ, а онъ же извинялся въ чемъ-то. Въ 11-ть часовъ воротился домой. Графъ Олсуфьевъ старикъ умеръ за границей.

Новый кабинетъ въ Англіи. Посмотримъ. Княгиня Барятинская третьяго дня скончалась. Достойная, благородная, благотворительная женщина, мнѣ и семейству дружески пріязненная.

Шредеръ, посланникъ нашъ въ Дрезденѣ, также умеръ, старый пріятель молодости. Послѣдніе отсталые современники изчезаютъ.

21-го. Вчера пѣшкомъ одинъ, потомъ съ г. м. Шульцомъ, моимъ Кавказскимъ сподвижникомъ. Разсказъ его о собственномъ дѣлѣ по наслѣдству, безвыходномъ по вопіющимъ злоупотребленіямъ въ судопроизводствѣ. Г.-м. Беклемишевъ оставилъ записки объ устьяхъ Волги, рыболовствѣ на нихъ и проэктъ новаго устройства Астраханскихъ козаковъ.

22-го Февр. Вечеръ у Павловыхъ. Знакомство съ г. Зарудымъ; онъ былъ письмоводителемъ въ слѣдственной коммиссіи по злоупотребленіямъ въ минувшую войну. Любопытныя подробности. Балакиревъ—замѣчательный піанистъ. Шиловская пѣла прекрасно. Опочининъ и Харитоновъ. Даргомыжской акомпанировалъ.

23-го. Посѣтилъ Зарудный. Антагонизмъ характеровъ Васильчикова и Лихачева, сближенныхъ по дѣламъ Воен. Министерства. Главнокоманд. въ Крыму к. М. Д. Горчаковъ собственною подписью исключаетъ изъ списковъ издохшаго вола. Хорошо распредѣленіе власти и работы! Продолженіе въ Москвѣ слѣдственнаго дѣла о злоупотребленіяхъ въ минувшую войну въ южныхъ арміяхъ. Ничего до ясности не откроютъ, но можетъ принести пользу въ будущемъ.

24-го. Съ развода вчера пріѣхалъ ко мнѣ свѣтл. князь Суворовъ и разсказалъ о непріятной на разводѣ размолвкѣ съ к. М. Д. Горчаковымъ. Думаю, что онъ уѣхалъ нѣсколько успокоенной. Вечеромъ пріѣхали Павелъ и Алексѣй Петр. Мельниковы и г. м. Беклемишевъ и время провели въ занимательномъ разговорѣ. Положеніе гарнизона въ Мангишлакѣ. Сцены въ Киргизской степи. Самоваръ употребленный вмѣсто пушки, при нападеніи хищниковъ въ степи на небольшой караванъ Русскаго купца. Сынъ Михаилъ подалъ прошеніе на переводъ въ Кабардинской полкъ. Хорошо ли, Богъ знаетъ!

26-го Февраля. Умилительное воспоминаніе о Станиславѣ Романовичѣ Лепарскомъ, одномъ изъ лучшихъ людей встрѣченныхъ мною въ близкой съ нимъ жизни, готовностію къ добру и самоотверженію. Онъ умеръ въ далекомъ углу Сибири, комендантомъ надъ осужденными за 14-е Декабря и другими.

Знаменія времени: перо беретъ верхъ надъ оружіемъ, стремленіе къ гражданскому устройству надъ гордостію внѣшняго могущества, чувство необходимости права и законности надъ произволомъ, гласности надъ мертвящей нѣмотою.

27-го. Colosse aux pieds d'argile, сказалъ Жанъ-Жакъ Руссо о Россіи. Уничтожьте крѣпостное состояніе, онъ станетъ несокрушимъ на бронзѣ. Пока установится твердо, онъ будетъ колебаться, но утвердившись, не одолѣютъ богатыря никакія силы человѣческія.

28-го Февр. Вчера вечеромъ вошелъ ко мнѣ молодой артиллеристъ Висковатовъ. Ввезапная худоба и блѣдность его поразили меня. Отецъ его, г.-м., почтенный характеромъ, замѣчательной по огромной памяти, по добросовѣстному труду по предмету военныхъ учрежденій, утромъ скончался послѣ продолжительныхъ страданій. Я близко зналъ и уважалъ этого добраго и занимательнаго человѣка. Вчера же утромъ навѣстилъ меня новой флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, прежде мнѣ незнакомой. До войны онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ въ Тульской губерніи, кажется Крапивинскимъ. Неутѣшительная характеристика дворянства губерніи.

1-го Марта. Приглашеніе на похороны графа Никитина. Продажа съ аукціону казенныхъ зданій въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Огромная утрата капиталовъ употребленныхъ на это странное и притѣснительное учрежденіе, нынѣ уничтожаемое.

5-го Марта. О каждомъ государѣ судятъ по людямъ его окружающимъ.

Еще умеръ вчера директоръ Новгородскаго Аракчеевскаго корпуса, г.-м. баронъ Корфъ, раненой въ числѣ охотниковъ при моей переправѣ чрезъ Дунай и взятіи Рахова.

Вчера же умеръ и Сенковской, замѣчательный оріенталистъ и писатель, нѣкогда стоявшій на первомъ планѣ между нашими журналистами.

8-го. Суббота. Записка—рукопись П. В. Д........ Она многихъ потѣшитъ. Кого хвалитъ, вспомнишь стихъ: не поздоровится отъ этакихъ похвалъ. Кого бранитъ, держись. З....... причисленъ къ опаснѣйшимъ язвамъ, грызущимъ Россію. Думаю, что онъ не заслуживаетъ ни cet excès d'honneur, ni cette indignité. Вечеромъ г.-м. Беклемишевъ; онъ уѣзжаетъ къ своему мѣсту въ Астрахань, начальникомъ Астраханскаго войска.

9-го Марта. Вчера обѣдалъ у насъ Силиверстовъ. Положеніе Тотлебена за границей. Предубѣжденія противъ г. л. Хрулева, какъ отголосокъ сверху.

Начало недоразумѣній между крестьянами въ разныхъ мѣстахъ о будущихъ правахъ на землю и о барщинѣ. Отреченіе статсъ-секретаря Корфа отъ комитета по дѣламъ крестьянъ. Оно могло бы служить примѣромъ для нѣкоторыхъ лицъ въ составѣ Комитета.

10-го. Кн. Оболенскаго записка изъ Парижа объ устройствѣ и гласности судопроизводства. Заруднаго возраженіе на нее. Достать обѣ. Безъ предварительнаго или одновременнаго измѣненія настоящаго судоустройства и судопроизводства, не понимаю возможности успѣшнаго измѣненія быта крестьянъ. Государственныя и удѣльныя имѣнія должны бы представить первый тому примѣръ и образцы.

Въ сношеніяхъ съ массами не всегда благоразумно опереживать ихъ, хотя слѣдуетъ вести по пути совершенствованія.

12-го Марта. Недоразумѣнія и безпорядки по поводу приступа къ измѣненію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Одно село к. В. В. Долгорукова отказалось отъ платежа оброка. Въ нѣкоторыхъ боязнь поступить въ управленіе міромъ. Покуда уладится, много будетъ неожиданныхъ явленій и смутъ. Опять письмо изъ Парижа отъ Африканскаго общества освобожденія Негровъ, съ приглашеніемъ принять званіе почетнаго президента, разумѣется со взносомъ, впрочемъ незначительной суммы. Не отвѣчу: у насъ есть кого освобождать дòма.

Полемика въ Морскомъ Сборникѣ по важнымъ вопросамъ о значеніи нашего флота, настоящемъ его положеніи и желаемыхъ въ немъ улучшеніяхъ, очень занимательная и умная. Нравственная сторона полемики примѣнима и къ сухопутной арміи.

La liberté est, sans contredit, un des trésors les plus précieux; mais il y a quelque chose de plus précieux encore, c'est la garantie de la liberté, car cette garantie seule nous en assure la jouissance. L'homme possédant la liberté sans garantie ressemblerait à celui qui aurait le droit de marcher les pieds liés, qui posséderait un trésor et n'en pourrait jouir.

Первымъ приступомъ къ измѣненію быта крестьянъ должно быть предварительное и по крайней мѣрѣ одновременное устройство судовъ, съ властію и съ цѣлію разбирать и рѣшать недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами. Самъ помѣщикъ послѣ отчужденія отъ него крестьянъ плохой судья надъ ними. Судья въ своемъ дѣлѣ: юридически и практически противно смыслу. Теперь онъ судитъ его и взыскиваетъ, но вмѣстѣ и кормитъ и ограждаетъ его отъ притѣсненій извнѣ. Онъ его покровитель, иногда крутой и несправедливой. Повиновеніе теперь безусловно и привычно, и общественный порядокъ и тишина сохраняются съ малымъ участіемъ правительства. Но крестьянинъ отрѣшенный отъ помѣщика иное дѣло. Просьбамъ сначала не будетъ конца, и подстрекателей-писарей, ябедническихъ жалобъ явится множество. Преступленія могутъ быть судимы въ судахъ уѣздныхъ. Уѣзды должны быть раздѣлены на округи или волости верстъ десять или пятнадцать въ окружности. Въ каждомъ избирается дворянами и мирной судья. Отсутствіе, обычное у насъ, богатыхъ помѣщиковъ изъ имѣній весьма ограничиваетъ число дворянъ образованныхъ и надежныхъ изъ числа небогатыхъ помѣщиковъ. Пока это временемъ измѣнится, дворяне должны взять на себя содержаніе избраннаго судьи съ его канцелярій. Судья можетъ оставаться въ своемъ помѣстьѣ и требовать къ себѣ тяжущихся. Апелляція на его рѣшеніе поступаетъ въ Губернскій Комитетъ, составленный по выборамъ; эти комитеты для наблюденія за ходомъ важнаго дѣла освобожденія крестьянъ должны оставаться постоянными на неопредѣленное время, пока новыя отношенія придутъ въ ясность и обратятся въ обычай; но члены его избираются на опредѣленный срокъ, какъ и мирные судьи.

Настоящее судоустройство и судопроизводство у насъ на всѣхъ степеняхъ никуда не годится и есть главнѣйшая государственная язва.

14-го. Боль отъ удара вскользь лѣваго бедра, ядромъ 1-го

Мая 1831-го г. подъ Калушинымъ, изъ временной дѣлается, кажется, постоянною. Глаза болятъ болѣе и болѣе. Все напоминаетъ уже, что я старикъ. Еще такъ недавно, я могъ часто забывать мои лѣта. Въ деревню, въ деревню, хотя новыя хлопоты, слѣдствіе новыхъ отношеній къ крестьянамъ, не обѣщаютъ отдыха и покоя.

Отъ Алексѣя Петровича Мельникова, на вопросъ мой, что̀ подѣлываетъ въ Варшавѣ Старынкевичъ, узналъ, что онъ съ мѣсяцъ тому умеръ, давно уже переживъ себя, умственно и физически. Ник. Александ. Старынкевичъ былъ вѣроятно однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, хотя вовсе немногимъ былъ извѣстенъ. Его осторожной, скажу робкой характеръ былъ тому причиной. Я познакомился съ нимъ въ 1812-мъ году, когда онъ отъ к. Багратіона поступилъ директоромъ канцеляріи къ г. Милорадовичу, и мы тотчасъ сблизились дружбою и на всю жизнь. Кн. П. М. Волконской, послѣ отечественной войны, въ 1813-мъ взялъ его къ себѣ директоромъ канцеляріи. Онъ съ трудомъ уживался съ начальниками, которыхъ не могъ уважать. Не помню, когда оставилъ онъ Волконскаго и опять присталъ къ Милорадовичу. Во Франкфуртѣ на Майнѣ мы опять встрѣтились, и по обыкновенію жили вмѣстѣ. Всесторонній его умъ и дружеская уживчивость были моимъ наслажденіемъ и безъ сомнѣнія были для меня полезны. Въ послѣдствіи мы сходились не часто и не на долго, но всегда одинаково, съ живѣйшей симпатіей, по временамъ переписывались, болѣе по дѣламъ. Откровенность въ письмахъ была бы тогда не у мѣста: слишкомъ много было любопытныхъ. Онъ прошелъ чрезъ разнообразныя и не рѣдко тяжкія положенія, но практическій умъ его скоро выводилъ изъ нихъ. Онъ всегда умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Онъ въ разныя времена былъ при Сперанскомъ, Новосильцовѣ, гонимъ и посаженъ въ тюрьму цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, въ которой его и захватилъ Варшавскій мятежъ. До взятія Варшавы онъ оставался въ плѣну. Князь Паскевичъ, котораго онъ по какому-то случаю училъ Русской грамотѣ (и нельзя сказать, чтобы удачно), назначенной намѣстникомъ Польши, взялъ его къ себѣ и вывелъ въ сенаторы Варшавскаго департамента, гдѣ онъ игралъ значительную роль, какъ замѣчательной юриспрудентъ. Предъ Венгерской войной мы опять сошлись въ Варшавѣ, почти неразлучно прожили нѣсколько

незабвенныхъ для меня дней. При этихъ случаяхъ онъ всегда бралъ на себя роль моего дядьки, покупалъ мнѣ все нужное, снарядилъ для кампаніи и въ продолженіе ея высылалъ ко мнѣ всѣ потребности. Потомъ я разъ только, и то короткое время, видѣлъ его въ Варшавѣ. Мы болѣе уже не видались. Онъ перешелъ далеко за восемдесять лѣтъ. Помню, что, удивляясь постоянному разладу его необыкновеннаго ума съ характеромъ, мнѣ случилось сказать ему: кабы твою голову на другія плечи, какой бы вышелъ человѣкъ!

15-го Марта. Вчера на Невскомъ подошелъ ко мнѣ Петерсонъ, сынъ покойной Нелли Тютчевой, урожд. графини Бодмеръ, въ первомъ замужествѣ за Петерсономъ. Бѣдная, она умерла отъ послѣдствій извѣстной гибели парохода «Николай», сгорѣвшаго. въ переѣздъ изъ Петербурга, кажется, вблизи Травемюнде, въ Маѣ 1838-го года. Замѣтивъ Петерсону его нездоровый видъ, я получилъ въ отвѣтъ, что онъ недавно вышелъ изъ дома сумасшедшихъ въ Прагѣ, и часто еще борется съ припадками ипохондріи. Онъ сообщилъ мнѣ вѣсти о семействѣ гр. Бодмеръ, въ которомъ я нѣкогда принималъ живое участіе. Одинъ изъ нихъ, Феликсъ, въ первое мое путешествіе въ Германіи, въ 1810-мъ году, сынъ Виртембергскаго посланника въ Дрезденѣ, тогда лѣтъ десяти, горячо привязался ко мнѣ, и объявилъ, что когда выростетъ, то хочетъ непремѣнно быть при мнѣ. Какъ дѣтская выходка, это было забыто; лѣтъ восемь послѣ, когда я командовалъ уже Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, я получилъ отъ его родителей изъ Мюнхена (куда переведенъ былъ графъ Бодмеръ посланникомъ), письмо, коимъ увѣдомляли меня, что юноша не отсталъ отъ своего намѣренія и проситъ, чтобы я его перевелъ въ Россію и принялъ юнкеромъ къ себѣ въ полкъ. Это было сдѣлано. Онъ скоро произведенъ былъ въ корнеты и, помнится, въ поручики. Но когда я былъ отставленъ и сосланъ въ Ярославль, онъ, женившись, кажется не совсѣмъ удачно, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Германію и скоро по смерти родителей получилъ маіоратъ отъ графа Ранцау, въ Мекленбургѣ, близъ Любека, городокъ Клютцъ, приносящій 100 т. талеровъ, изъ которыхъ онъ получаетъ покуда неболѣе 7 т. по случаю опеки и разныхъ тяжебныхъ дѣлъ по маіорату. Одинъ изъ его братьевъ, Ипполитъ, счастливо одаренный наружностію и способностями, вышелъ пройдохой, авантю-

ристомъ, прошелъ чрезъ разныя, очень видныя положенія, все съумѣлъ испортить и теперь отправляется въ Остъ-Индію искать новыхъ похожденій. Карлъ умеръ. Максъ, порядочной изъ нихъ, съ ограниченнымъ состояніемъ, живетъ въ Мюнхенѣ, кажется, адъютантъ короля. Для писателя романовъ въ этомъ семействѣ можно найти довольно матеріаловъ занимательныхъ.

16-го Марта. Воскресенье. Гёте, на вопросъ о его религіозныхъ понятіяхъ, отвѣчалъ, что о Богѣ онъ бесѣдуетъ только съ Богомъ.

Развѣ глубина можетъ быть мелкою, или сосредоточенность разсѣянностью?

Примириться съ тяжелою памятью прошлаго во имя довѣренности къ будущему.

При жизни быть живымъ примѣромъ прекраснаго, по смерти остаться неумирающимъ преданіемъ о прекрасномъ.

Какъ хороши воспоминанія Галахова о Петрѣ Николаевичѣ Кудрявцевѣ!

18-го Марта. Проходя вчера по Милліонной, увидѣлъ катафалкъ, батальонъ Преображенскаго полка, большое стеченіе народа и, спросивъ унт.-офицера, узналъ, что похороны г. л. Константина Марковича Полторацкаго. Еще человѣкъ моего времени, съ которымъ не рѣдко, правда уже давно, сходился и всегда пріязненно. Веселой хлѣбосолъ, доброй гуляка!

20-го. Нелѣпые толки о крестьянскомъ вопросѣ въ провинвинціяхъ, между помѣщиками и крестьянами. Мѣстами неповиновеніе и безпорядки. Въ отчетѣ мин. внутр. дѣлъ упоминаніе о значительной разбойничьей шайкѣ въ Харьковской губ., уничтоженной. Остроумная критика на Кокорева въ Современникѣ

Un apôtre avait déclaré que, bien qu'il n'eut lui-même aucun scrupule sur l'usage de la nourriture animale et du vin, il préférerait manger des herbages et boire de l'eau plutôt que de scandaliser le plus faible parmi son troupeau.

Celui qui est réellement appelé à gouverner doit être perpétuellement guidé par des considérations auxquelles on ne trouve aucune allusion dans les écrits d'Adam Smith ou de Jérémie Bentham. Le parfait législateur est un juste tempérament entre l'homme de pure théorie qui ne voit que les principes généraux et l'homme de pure pratique qui ne voit que les circonstances particulières.

23-го Марта. Свѣтлое Воскресенье. Кажется, что это послѣднее, которое проведу въ Петербургѣ. Этотъ городъ мнѣ уже не по лѣтамъ, не по здоровью и не по сердцу; вѣроятно кончена служебная моя дѣятельность. Во дворецъ и никуда не выѣзжалъ. Нужно озаботиться, какъ и гдѣ провести остатокъ дней, мнѣ предназначенный, въ тишинѣ и въ приготовленіи себѣ спокойнаго конца, семейству, сколь возможно, безбѣдной жизни.

26-го Марта. Министръ просвѣщенія Норовъ смѣненъ Ковалевскимъ. Оба хорошіе, благонамѣренные люди, послѣдній свѣжѣе. Министръ финансовъ Брокъ уступилъ свое мѣсто Княжевичу, человѣку спеціальному и опытному. Ожидаютъ новыхъ важныхъ перемѣнъ къ 17-му Апрѣлю.

Признаки времени не ясны. Очевидна самая похвальная благонамѣренность, но и колебаніе какъ въ средствахъ, такъ и въ выборѣ орудій исполненія, впрочемъ весьма естественное въ трудной и, быть можетъ, опасной борьбѣ съ закоренѣлыми злоупотребленіями и самыми дикими понятіями въ массахъ, не приготовленныхъ къ тому, что̀ можно назвать не преобразованіемъ, а переворотомъ.

27-го Марта. Вчера въ полдень приглашеніемъ на похороны я узналъ о смерти графини Ржевуцкой, урожденной Дашковой. Она умерла въ родахъ, послѣ жестокихъ страданій; разрѣшилась дочерью, которая спасена. Съ горестью узналъ я о ея кончинѣ, бывъ до ея несчастнаго замужества въ тѣсной дружбѣ съ этой прекрасной женщиной. Сегодня на обѣдѣ у Мих. Ник. Муравьева, министра госуд. имущ. и удѣловъ, дѣвица Тютчева, моя сосѣдка за обѣдомъ, разсказала подробно объ обстоятельствахъ этого происшествія, также о странной болѣзни графини Б., жены командира Кавалергардскаго полка, у которой отъ Антонова огня провалилось поднебье и носъ былъ въ опасности. Она лишилась голоса. Прекрасное семейство Шереметевыхъ, особливо до̀чь лѣтъ 16-ти, замѣчательной красоты, возвышенной, милой скромности.

28-го Марта. Нѣтъ сомнѣнія, что М. Н. М. могучая голова, съ памятью свѣжею и многосторонне-украшенною. Всему этому помогаетъ ловкая, не чуждая всякихъ средствъ, неутомимая искательность. Онъ одинъ изъ министровъ сдѣлается необходимымъ, независимо отъ роду расположенія къ его лицу. Его

здоровье, на пути къ цѣли его честолюбія, часто страдало. Достигши ея, не смотря на неусыпныя, тяжелыя занятія, оно совершенно укрѣпилось. Вмѣсто всякаго движенія, онъ ежедневно прибѣгаетъ къ домашней гимнастикѣ съ очевидною пользою. Правительствамъ, самымъ благонамѣреннымъ, нужны и неизбѣжны такіе люди, независимо отъ ихъ характера.

31-го. Гр. Борисъ Алексѣевичъ Перовской произведенъ въ ген. маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ штаба деп. путей сообщенія и въ свиту. Въ 1854-мъ году я взялъ его къ себѣ въ Кронштадтъ нач. штаба въ чинѣ ротмистра; онъ былъ произведенъ въ полк. въ 1855-мъ; переведенный въ Ревель, я взялъ его опять нач. штаба. Хорошій человѣкъ.

1-го Апрѣля. Пѣшкомъ съ Катей по Невскому и большой набережной. Встрѣча съ Государемъ подъ руку съ Императрицей. Холодной поклонъ одного и привѣтливый другой. Утромъ навѣстилъ г. м. Ильинской. Переведенный мною изъ Казанскаго драгунскаго полка на Кавказъ, онъ обстроилъ станціями Военно-Грузинскую дорогу и начальствовалъ двумя Малороссійскими казачьими полками. Тамъ онъ былъ полезенъ. Потомъ, назначенный Херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ, онъ скоро переведенъ былъ въ Бессарабію военнымъ губернаторомъ. Теперь онъ призванъ сюда безъ назначенія.

2-го. Среда. Наконецъ письмо отъ моего Александра отъ 13-го Марта изъ Чиръ-Юрта. Онъ былъ въ первомъ своемъ дѣлѣ, въ стычкѣ при Шкартахъ съ партіею горцевъ, перешедшихъ Сулакъ на Мятлинской переправѣ.

7-го Апрѣля. Военному министру.

„Въ послѣднее время здоровье мое внезапно разстроилось отъ открывшихся страданій въ слѣдствіе ранъ, полученныхъ въ Турціи и Польшѣ; способствовали также заботы и трудности жизни при моихъ средствахъ въ Петербургѣ съ большимъ моимъ семействомъ. Все это вмѣстѣ побуждаетъ меня просить в. в. исходатайствовать мнѣ выс. дозволеніе отъѣхать въ Южную Россію и проживать тамъ до полученія облегченія, съ получаемымъ мною содержаніемъ. Тѣмъ не менѣе я буду всегда готовъ по первому призванію посвятить остатокъ силъ и слишкомъ полувѣковую опытность на службу моему Государю и Россіи“.

8-го Апрѣля. Ожидаю послѣдствій письма къ в. м. Приготовленія къ отъѣзду. Портретъ Султана съ брилліантами долженъ покрыть издержки, но покуда оцѣнка ихъ идетъ невыгодно.

9-го. Середа. Портретъ проданъ за 2 т. Брейтфусу, съ условіемъ замѣнить настоящіе брилліанты поддѣльными.

18-го. Вчера съ Ольгой, въ день рожденія Государя, были на выходѣ во дворцѣ. Г-лъ Сухозанетъ, братъ военнаго министра, стороною, вѣроятно по порученію, открылъ, мнѣ что хотятъ меня назначить въ Военный Совѣтъ. Я отказался, полагая, что послѣ болѣе полувѣковаго, труднаго моего служенія, званій и мѣстъ, чрезъ которыя я прошелъ, я имѣю право или на полный почетный отдыхъ, или если уже въ старческій Совѣтъ, то въ высшій, Государственный. Къ сожалѣнію, я выразилъ это нѣсколько круто, вовсе не ожидавъ такого предложенія и давно помирившись съ мыслію совершеннаго устраненія въ новомъ порядкѣ вещей. Жалѣю объ этой встрѣчѣ, обманувшей мою надежду и намѣреніе оставить мирно свѣтъ и службу.

Вечеромъ съ Катей на балъ во дворецъ. Привѣтливой поклонъ Государя при близкой встрѣчѣ. Утренній намекъ подѣйствовалъ на Сух. враждебно, что̀ замѣтилъ проходя мимо его.

20-го Апрѣля. Вечеромъ къ А. Н. Попову, гдѣ возобновилъ знакомство съ кн. Черкасскимъ, возвратившимся изъ за границы по вызову для присутствія депутатомъ въ Тульскомъ комитетѣ по вопросу о крестьянахъ. Занимательная личность. Поздно воротился домой. Сижу, наконецъ, передъ открытымъ окномъ. На противоположномъ берегу Мойки пробивается молодая трава. $14^1/_2{}^\circ$ тепла въ тѣни. Рѣчь Государя въ Комитетѣ Министровъ по поводу годовыхъ отчетовъ.

28-го. Эти дни прошли въ окончательныхъ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Много разнообразныхъ впечатлѣній пролетѣли чрезъ голову и сердце при предстоящей разлукѣ со свѣтомъ и людьми, по различнымъ съ ними отношеніямъ; отъ нѣкоторыхъ отрываешься болѣзненно. Вчера ѣздилъ въ Царское Село, откланивался Государю и Императрицѣ. Пріязненное и откровенное объясненіе съ военнымъ министромъ о причинахъ какъ моего отъѣзда, такъ и отказа принять предложенное мнѣ мѣсто члена Военнаго Совѣта. Въ обѣднѣ небесный концертъ Бартнянскаго: Ангелъ вопіяше. Набожная поза г-ла Берга, хотя Царское се-

мейство сверху не могло его видѣть, на всякой случай. Наставники Великихъ Князей, Титовъ и Кавелинъ, удалены, послѣднiй за статью въ Современникѣ. Общее впечатлѣнiе грустное.

Былъ у вдовствующей Императрицы; тотчасъ приняла и была трогательно привѣтлива; разспросила о семействѣ, всѣхъ припоминая, даже о деревнѣ, гдѣ случилась катастрофа семейная; докладъ о прiѣздѣ Екатерины Михайловны прекратилъ разговоръ и аудiенцiю.

29-го Апрѣля. Вчера къ чаю Пав. Петр. Мельниковъ; грустно разстаться, вѣроятно навсегда, съ этимъ отличнымъ человѣкомъ, съ которымъ свыкся умомъ и душою.

3-го Мая. 1-го Мая, въ сопровожденiи нѣсколькихъ хорошихъ, въ числѣ ихъ отличныхъ людей, каковы П. П. Мельниковъ, адмиралъ Литке, А. Н. Поповъ, Ѳ. Гер. Устряловъ, братья Фитингофы и др., простясь съ ними, отправился по желѣзной дорогѣ, въ семейной каретѣ, въ Москву. Не смотря на всѣ удобства на станцiяхъ и все предупредительное, благодаря заботѣ г-ла Мельникова, ѣзда показалась утомительною, тряскою, болѣе прошлогодней. Но мнѣ ли, не забывшему первобытную до войны 1812-го года дорогу между столицами, говорить объ этомъ? Не смотря на непрерывную съ той поры борьбу съ климатомъ и болотами на этомъ пространствѣ, печальна и не призывна здѣшняя природа.

Въ 8-мь часовъ утра въ Пятницу поѣздъ остановился въ Москвѣ, и дружественное лицо моего добраго и благороднаго Ник. Ѳед. Якимовскаго, первое показалось при выходѣ изъ кареты. Три экипажа подняли семейство и привезли въ гостинницу Венецiя. Въ осьмомъ поѣхалъ къ А. П. Ермолову. Засталъ его людей въ заботѣ. Этотъ сильный знаменитый старикъ разболѣлся съ недѣлю тому такъ тревожно, что нашли нужнымъ извѣстить о томъ сыновей его въ Петербургѣ, и ожидали ихъ каждый часъ. Онъ тотчасъ вышелъ ко мнѣ, то-есть вывели его подъ руки двое слугъ и посадили его въ кабинетѣ въ кресло. Я пораженъ былъ перемѣною въ немъ, вовсе неожиданною; вѣсти почти ежедневныя объ немъ описывали его бодрымъ и здоровье прежняго. Нѣсколько времени смотрѣли мы въ молчанiи другъ на друга, наконецъ заговорили, и мало-по-малу мощная голова его поднялась отъ груди, и мысль, и память, и слово, все пробу-

дилось по прежнему. Ничто, даже изъ настоящаго, не чуждо ему, ни лица, ни происшествія. Всѣ язвы, всѣ славы, всѣ надежды, всѣ опасенія Россіи ему близки. Я забылъ, что только-что ввели больнаго, какъ казалось, для всего отжившаго, страждущаго, отбывшаго свое земное поприще старца. До меня онъ никого это время не принималъ. Живо прошли въ бесѣдѣ съ нимъ часы. Ему слуга однако мочилъ и натиралъ чѣмъ-то голову. Поздно оставилъ я его растроганный.

Бѣглыя впечатлѣнія: пыльна Москва; при мощеніи улицъ, много употребляютъ песку. Проѣзжая мимо водоемовъ, замѣтилъ множество телѣгъ съ бочками, ожидающихъ иногда, какъ я узналъ, по цѣлымъ часамъ, очереди наливаться. При этомъ вспомнилъ Римскіе и даже султанскіе водопроводы въ Константинополѣ и подумалъ, что на такое дѣло, кажется, нашлись бы капиталы для всѣми любимой и чтимой Москвы. На этотъ недостатокъ мало и немногіе, кажется, жалуются, особливо тѣ, для кого онъ особенно чувствителенъ. Это свойство человѣка, благодѣтельная привычка; но правителямъ должно о немъ заботиться. Помню, когда я въ Ставрополѣ на Кавказѣ, провелъ, благодаря усердію купца Тамамшева, изъ превосходнаго родника въ трехъ верстахъ отъ города, въ середину его, на площадь, отличную и обильную воду: то, въ продолженіи работъ, подсмѣивались и даже роптали, когда рыли и клали трубы на дворахъ; но когда свѣтлый лучъ воды брызнулъ водометомъ изъ каменнаго бассейна въ воздухъ, то общая радость и даже слезы обратили этотъ день въ праздникъ внезапной. Тогда только почувствовали, какой они до того терпѣли недостатокъ въ важнѣйшей потребности человѣка. Честь Тамамшеву! Также было съ садомъ и бульваромъ, разведеннымъ на площади среди города, куда прежде свозили навозъ и нечистоты. Насадивъ зубочистокъ, слышалъ я даже у себя въ домѣ, шепотомъ, замѣчанія посѣтителей; скоро все роскошно распустилось, и еще при мнѣ жители всѣхъ сословій каждый день собирались и гуляли, быть можетъ, съ благодарностію, подъ тѣнію густыхъ кустарниковъ, акацій и молодыхъ деревьевъ. Эта потребность еще слабо чувствуется въ Россіи, особливо въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ населенія, но она благотворно дѣйствуетъ на нравы и привычки. Мнѣ доносили на моего садовника-иностранца, что онъ продавалъ жителямъ цвѣты

изъ вновь построенной мною оранжереи. Я не сказалъ ему ни слова, а радовался распространенію этого вкуса между ними.

Здѣсь безпрестанно встрѣчаются крытыя линейки, съ народомъ, ѣдущимъ по разнымъ направленіямъ. Это гораздо сподручнѣе и удобнѣе тяжелыхъ, высокихъ и медленно ползущихъ омнибусовъ, употребляемыхъ въ Петербургѣ.

4-го Мая. Воскресенье. Утро, прекрасной весенній день. Сижу у открытаго окна въ садъ гостинницы Венеція. Все тихо вокругъ меня; семейство еще спитъ. И такъ по волѣ Создателя встрѣчаю новую весну, съ живымъ еще ощущеніемъ жизни, не зная старческихъ немощей и угрюмости, окруженный семействомъ милымъ, балуемый дружбою и доказательствами преданности хорошихъ и въ числѣ ихъ отличныхъ и замѣчательныхъ людей. Хвала и благодареніе Тебѣ, отъ Кого все и вся! Подкрѣпи и благослови на остальной, короткой уже путь.

Болдыревъ прислалъ красавицу двухлѣтка рыжую кобылку, нельзя налюбоваться, и двухъ псовыхъ борзыхъ собакъ для деревни.

Сокращу мое пребываніе здѣсь. Слишкомъ все дорого въ этой гостинницѣ, да къ тому и тянетъ въ благодатную Малороссію, въ мой скромной, но прекрасной пріютъ, на берега лѣсогора и къ холоднымъ, незнающимъ засухи ключамъ моей долины, къ небольшой семьѣ моихъ крестьянъ, отчуждаемыхъ отъ помѣщика по новому порядку вещей, коего цѣль благословляю, но мѣры къ исполненію, по моимъ, быть можетъ, ошибочнымъ понятіямъ, считаю не довольно обдуманными и даже грозящими опасностію общественному порядку.

5-го. Понедѣльникъ. Впечатлѣнія, вчерашнимъ днемъ оставленныя, не такъ чисты и возвышенны. Дочь Катя занемогла и если ея нездоровье продолжится, то поставитъ меня въ непріятное положеніе остаться здѣсь долѣе, нежели я расчитывалъ. Это отзывъ Петербургской жизни.— Въ первомъ часу вчера ѣздилъ къ г-фу А. А. Закревскому. Любопытный съ нимъ разговоръ о настоящемъ положеніи дѣлъ. И онъ, съ своей точки зрѣнія, не истощается въ похвалахъ. Знаетъ, что его бранятъ, хвалится этимъ и находитъ, какъ онъ выразился, розги необходимыми. Положеніе свое считаетъ труднѣе, чѣмъ когда либо, и отъ того, какъ самъ говоритъ, поправился противъ прежняго

здоровьемъ, что и я замѣтилъ. Не хотѣлъ со мною проститься, намѣреваясь посѣтить меня и познакомиться съ семействомъ. Мнѣ показалось оригинально прямо отъ него поѣхать къ Алексѣю Степановичу Хомякову, отъ одного полюса къ другому. Засталъ и его дома. Разговоръ о тѣхъ же предметахъ, но какая противоположность! Тамъ все тѣсно, недовѣрчиво, одна строгость и та грубая, все лично и самонадѣянно. Здѣсь широко, довѣрчиво, мягко, самоотверженно, умно и благородно.—Послѣ обѣда, съ Ольгой и Михаиломъ, въ Сокольники. Много народу всякаго, иногда пьянаго, между деревьями. Это все красиво и будто смягчено. Въ Петербургѣ видишь толпу въ улицахъ, на площадяхъ, будто согнанную; а въ бору, разсѣянная, она будто свободнѣе. Мало, да почти не было лица пріятнаго между женщинами. Гуляя, набрели на двухъ медвѣдей, подошли къ нимъ и приказали показать что знаютъ. Пляска, поклоны съ прибаутками, какъ всегда, но борьба большаго медвѣдя съ его вожакомъ-мальчикомъ была любопытна. — Поутру былъ у меня старикъ Ребровъ, замѣчательное лицо Кавказа, бывшій по моему желанію предводителемъ дворянства въ мое время управленія областью. Онъ въ Россіи извѣстенъ, едва ли не лучшій шелководъ и винодѣлъ. Очень уменъ, хоть самодѣльщина, fils de ses oeuvres. Ему за восемьдесятъ и далеко, сгорбленъ и сморщенъ, но память и умъ не тронуты. Грустенъ его разсказъ о Кавказѣ, по гражданскому устройству.

На дворѣ, при выводкѣ присланной мнѣ лошади, видѣлся съ семействомъ Мингрельской владѣтельницы Дадіанъ. Отрокъ, флигель-адъютантъ, рѣдкой красоты, на выходахъ при дворѣ обыкновенно со мною ходившій, обрадовался мнѣ.

10-го. Не могъ отказаться отъ обѣда у Екимовскихъ. Общество было для меня новое, люди дѣловые, коммерческіе, безъ полировки, умные и опытные. Замѣчательнѣе всѣхъ былъ Незадворовъ Сибирякъ, разбогатѣвшій отъ золотыхъ пріисковъ, колоссальная натура; онъ навлекъ на себя преслѣдованія г-лъ-губ. Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, публичнымъ объявленіемъ о взяткѣ съ него 20 т. рубл. директоромъ канцеляріи Молчановымъ, смѣлостью отвѣтовъ самому Муравьеву, который посадилъ его въ острогъ, даже въ клѣтку, какъ звѣря. По суду онъ былъ однако оправданъ, оставилъ Сибирь съ большимъ богатствомъ, а Муравьеву не поздоровится отъ его отзыва объ немъ.

Полиція знаетъ о существованіи здѣсь шайки разбойниковъ, человѣкъ въ 30-ть, и третьяго дня, въ Марьиной рощѣ, во время большаго народнаго гулянья, узнала въ одномъ нарядно-одѣтомъ господинѣ, гулявшемъ съ дамой, одного изъ главныхъ и схватила его послѣ отчаяннаго сопротивленія. Разбойникъ—пришлецъ изъ Ейска, въ Черноморіи.

*

27-го Мая. Вотъ уже двѣнадцатой день прошелъ, что̀ я съ двумя дочерьми и сыномъ Михаиломъ въ деревнѣ. Не налюбуюсь на свѣжую, роскошную зелень, на скошенные ковры дерна около дома. Хрущи пообъѣли нѣсколько листьевъ на дубѣ, но скоро долженъ имъ придти конецъ, и дубы оправятся. Почти весь день провожу на воздухѣ. Даже мало читаю; прочелъ брошюрку князя Сергія Голицина *Печатная Правда.* Сколько я слышалъ пустыхъ толковъ объ ней! Какой превратной смыслъ находятъ въ ней многіе. Это голосъ благонамѣреннаго человѣка, на мужичій ладъ.

28-го Мая. Сорвалъ обертки журнала Економическій Указатель и не оторвался отъ чтенія, пока не кончилъ трехъ высланныхъ съ послѣднею почтою номеровъ. Спасибо издателю и сотрудникамъ. Сегодня caprifolio и бѣлая акація покрылись своими душистыми цвѣтами, Итальянская роза также начинаетъ распускаться, воздухъ по утру былъ раздушенъ ими и другими растеніями цвѣтника. Сегодня множество хрущей, напавшихъ на прекрасное дерево, волошской орѣшникъ, истреблены въ два пріема съ сыномъ Михаиломъ. Не замѣтно еще уменьшеніе числа этихъ вредныхъ жуковъ, хотя тысячи ихъ въ эти дни уничтожены.

Каждой день благодарю вытѣснившихъ меня съ поля общественной дѣятельности въ тихое уединеніе, подъ небо Малороссіи, въ скромную и прекрасную мою усадьбу. Дни текутъ безмятежно, наиболѣе на открытомъ воздухѣ, въ прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ или сидя подъ плакучей березой, на коврѣ дерна передъ домомъ, послѣ купанья. Даже не былъ ни у кого изъ сосѣдей, меня посѣтившихъ, дорожа каждымъ днемъ, которыхъ по законамъ природы немного уже впереди у меня. Здоровье видимо укрѣпилось отъ образа жизни и тихихъ и примирительныхъ ощущеній, не похожихъ на недавнія, среди столичной су-

матохи. Благодарю васъ, господа, неизвѣстные мнѣ, вѣроятно пріятели, которыхъ никогда не старался угадывать, тѣмъ менѣе противодѣйствовать. Благодарю!

M. Humboldt disait à un Français qui prenait congé de lui, après le mois de février 1848, pour retourner à Paris: Faites en sorte que votre patrie se porte bien, parce que, quand la France a le rhume de cerveau, tout l'Europe est obligée d'éternuer.

8-го. Іюня. Облачной сѣрой день, всего 11° гр. тепла. Кончилъ 1-й томъ Записокъ Гизо, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ слѣдующихъ. Умно, честно, безпристрастно, краснорѣчиво съ простотою, глубоко, тонко. Можно порадоваться, что устраненіе отъ дѣятельности общественной доставило ему невольные досуги, побудившіе его къ описанію политической своей жизни, правилъ, коимъ онъ слѣдовалъ, лицъ встрѣченныхъ имъ на политической сценѣ, общества въ различные моменты важныхъ переворотовъ, въ которыхъ онъ самъ дѣйствовалъ или былъ наблюдательнымъ зрителемъ. Въ совокупности это высокій, благородной курсъ политики общей, примѣненной къ обстоятельствамъ.

14-го Іюня. Какое же лучшее средство освободиться отъ своихъ національныхъ немощей, какъ не сознать ихъ и мужественно высказать?

Опредѣленъ ли весь вредъ, который происходитъ отъ рабства или крѣпостнаго права для всего общества, и въ особенности для самихъ душевладѣльцевъ, надъ которыми прежде всего осуществляется страшный историческій законъ нравственнаго возмездія?

Прямымъ послѣдствіемъ невольничества для южныхъ штатовъ Американскаго союза явилось тамъ всеобщее страшное огрубѣніе нравовъ, сравнительно съ сѣверными штатами.

Именно въ обществѣ, гдѣ существуетъ порабощеніе лица, отъ смертоноснаго дѣйствія рабства страдаютъ столько же сами рабы, сколько и владѣльцы ихъ. Послѣдніе сами являются рабами въ болѣе обширномъ смыслѣ.

Съ 18-го столѣтія является уже и въ Англіи, и на материкѣ, какъ бы на смѣну, новая аристократія. Эта новая аристократія также законна въ своемъ происхожденіи и правахъ, которыя вездѣ даетъ владѣніе поземельное и городское, какъ и древнее дворянство, съ тою только разницею, что послѣднее обязано своимъ началомъ силѣ оружія и иногда, хотя не такъ часто,

дѣйствительнымъ заслугамъ странѣ; денежная же аристократія возникла вслѣдствіе полезнаго труда и промышленности. Въ Англіи очень хорошо знаютъ, что къ концу 19-го столѣтія въ Европѣ будетъ, въ сущности, только одна сильная аристократія, аристократія денежная. Но въ Англіи знаютъ также, что каждая аристократія въ своемъ началѣ бываетъ въ высшей степени своекорыстна и матеріальна. Противодѣйствія этому новому общественному классу оказываютъ въ Англіи древняя аристократія и джентри; но противодѣйствуютъ не иначе, какъ принимая въ себя новаго денежнаго аристократа и дѣлая изъ него джентльмена, прежде чѣмъ онъ получитъ участіе въ управленіи государствомъ.

16-го Іюня. Вчера прошелъ мѣсяцъ нашего пребыванія въ деревнѣ, мѣсяцъ тихаго наслажденія весенней природой, умиренія мысли и чувствъ послѣ тревогъ и заботъ столичной жизни, безвыѣздно, кромѣ ежедневныхъ прогулокъ съ семействомъ, въ нетороплнвомъ устройствѣ сельскаго и домашняго хозяйства, вообще все съ умѣренностію и почти счастливо.—Отъ сына Александра, письмо запоздавшее, чрезъ Петербургъ, за то пріятное. Г.-л. Врангель пригласилъ его къ себѣ въ адъютанты. Лучшаго для Александра выбора нельзя сдѣлать. Онъ имѣетъ теперь передъ собой образецъ рыцарскаго благородства, блистательной храбрости, формъ обращенія, высокаго приличія и достоинства. Благородной Александръ въ своемъ элементѣ при этомъ генералѣ.

Изъ умственныхъ занятій въ это время обязанъ наиболѣе Запискамъ Гизо. Онъ удовлетворяетъ главнымъ моимъ собственнымъ понятіямъ о достоинствѣ и обязанности человѣка въ жизни семейной, гражданской и политической.

21-го Іюня. Богъ такъ соединилъ интересы частныхъ лицъ, что каждый, исполняя выпавшій ему на долю подвигъ, вмѣстѣ приноситъ пользу и себѣ, и другимъ. Тотъ же Божественный Промыслъ, управляющій государствами какъ отдѣльными лицами, связалъ интересы государствъ такимъ образомъ, что каждое, исполняя добросовѣстно свои обязанности, содѣйствуетъ благосостоянію всѣхъ.

23-го. Нѣсколько страницъ въ книгѣ Гримма подѣйствовали пріятно, такъ что могъ приняться за перо. Гриммъ (August Theodor) находился въ свитѣ Константина Николаевича въ путешествіи

его въ Турцію въ 1845-мъ году. Тогда нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ Титовъ, гдѣ я и засталъ его въ 1849-мъ. Потомъ во время послѣдней войны Титовъ назначенъ былъ наставникомъ къ Наслѣднику и недавно, около двухъ мѣсяцевъ тому, уволенъ отъ этого званія и замѣщенъ этимъ самымъ Гриммомъ.

Если бы монархи судили сами, говоритъ Монтескье, рушилось бы государственное устройство, уничтожились бы посредствующія власти, прекратились бы судебныя формы; страхъ овладѣлъ бы всѣми умами, исчезли бы довѣріе, честь, любовь, безопасность, монархія. Умы легче поражаются недостатками существующихъ учрежденій, чѣмъ находятъ средства замѣнить ихъ лучшимъ устройствомъ. Судьи должны быть какъ можно ближе къ подсудимымъ, правосудіе — безвозмездно, должности—непродажны, процедура словесна и гласна, обвиненіе и арестъ имѣютъ мѣсто лишь въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и формахъ. Оцѣнку уголовнаго факта произносятъ присяжные; законъ назначаетъ лишь совершенно необходимое наказаніе; наказаніе прилагается лишь въ силу существующаго закона; до приговора всякъ считается невиннымъ; всѣ равны предъ судомъ, чрезвычайныхъ судовъ не существуетъ. Кто издаетъ законъ, тотъ не долженъ прилагать его; кто прилагаетъ, не долженъ вліять на его составленіе.

26-го Іюня. Конституція 1807 года дала Польскимъ крестьянамъ такую свободу, какою пользуются дикія птицы, которыхъ каждой въ правѣ сгонять съ дерева на дерево, съ крыши на крышу. Извѣстный Мартинъ Бадени, бывшій въ послѣдствіи министромъ юстиціи Царства Польскаго, выражая туже мысль, говоритъ, что конституція сняла съ Польскихъ крестьянъ оковы, но вмѣстѣ съ оковами сняла съ нихъ и сапоги.

Частный интересъ и основанный на нихъ свободный договоръ между двумя сторонами тогда только можетъ удовлетворительно рѣшить экономическій вопросъ, когда обѣ договаривающіяся стороны находятся на одинаковой степени, или по крайней мѣрѣ не на слишкомъ розныхъ одна отъ другой степеняхъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Для того, чтобы договоръ имѣлъ характеръ дѣйствительно-добровольной обоюдной сдѣлки, необходимо, чтобъ обѣ договаривающіяся стороны были въ самостоятельномъ и независимомъ одна отъ другой положеніи, чтобъ одна сторона не имѣла надъ другою чрезмѣрнаго нравственнаго

и матеріальнаго перевѣса. Такого равновѣсія и такой самостоятельности между помѣщиками и крестьянами въ настоящее время нѣтъ и быть не можетъ.

Очиншеваніе получало свою иниціативу всегда сверху, отъ правительства или отъ помѣщиковъ, и крестьяне принимали тѣ болѣе или менѣе выгодныя для нихъ условія, какія были для нихъ опредѣлены по усмотрѣнію правительства или землевладѣльцевъ, часто даже не понимая истиннаго значенія этой мѣры. Въ настоящемъ случаѣ крестьянинъ долженъ сознавать, что за право пользованія чужою землею, чужою собственностію, онъ обязуется платить столько-то, исполнять такія-то и такія-то повинности. Между тѣмъ вездѣ, гдѣ крестьяне въ теченіи вѣковъ не имѣли права собственности на землю, ихъ понятіе о правѣ поземельной собственности бываетъ весьма слабо и неопредѣленно. Они не могутъ стать на ту точку зрѣнія, чтобы видѣть въ самихъ себѣ лица самостоятельныя, а въ земляхъ имъ отводимыхъ чужую собственность.

27-го Іюня. Только то охранительно, что̀ движется впередъ, и только то прогрессивно, что̀ не отрывается отъ прошедшаго.

28-го. Нельзя не замѣтить весьма знаменательнаго сближенія въ продолжительности двухъ отдѣльныхъ періодовъ нашей исторіи Татарскаго ига и реакціи противъ него. Въ первый періодъ, Россія теряетъ свои области, во второй—она исподоволь возвращаетъ то, что̀ у нея было отнято Татарами. Татарское иго продолжалось 237 лѣтъ, съ 1243 по 1480 годъ. Періодъ реакціи начался 1552 годомъ—покореніемъ Казани, и окончился 1791 годомъ—Ясскимъ миромъ, возвратившимъ Россіи всѣ древнія ея области по Кавказъ и Днѣстръ; продолжался онъ 239 лѣтъ.

8-го Іюля. Въ 11 часу ночи, вовсе неожиданно, вошелъ въ мой кабинетъ сынъ Александръ съ Кавказа, провожаемый всѣми дѣтьми, которыхъ я считалъ уже спящими въ постеляхъ. Александръ прискакалъ седьмой день изъ Петровской пристани на Каспійскомъ морѣ, гдѣ онъ купался. Врангель уволилъ его на два мѣсяца. Его пріѣздъ радостно оживилъ однообразіе нашей уединенной жизни.

14-го. Понедѣльникъ. Тяжелы цѣлые дни даже иногда пріятной бесѣды. Къ вечеру однако мы входили въ нашъ обычной порядокъ. Верховыя лошади и экипажи подавались, и мы приглашали своихъ гостей прогуляться съ нами, провожали ихъ по ихъ дорогѣ домой, нѣсколько верстъ, и прощались съ ними. Ка-

валькады наши усилились. Оба сына, зять Мосоловъ и одна изъ дочерей верхомъ со мною, двѣ дочери съ гостями въ коляскѣ и тильбюри. Экипажи гостей слѣдовали сзади, а два рейткнехта одинъ за нами, а другой за тильбюри, управляемой дочерью.

Практическія трудности приведенія въ исполненіе указа объ измѣненіи отношеній помѣщиковъ съ крестьянами въ Малороссіи.

Трудно мнѣ выразить настоящее мое расположеніе умственное и душевное. Преобладаетъ мысль о недалекомъ концѣ, иногда съ такою радостію и чувствомъ признательности къ Провидѣнію за сохраненіе здоровья и силы въ мои лѣта, иногда съ заботою о положеніи семейства, особливо дочерей, послѣ меня. Часто и много гуляю пѣшкомъ, одинъ, въ моемъ довольно обширномъ и пріятномъ паркѣ. Послѣ обѣда верхомъ всегда въ обществѣ. Мысли объ общественной дѣятельности, которая меня не требуетъ, довольно легко устранены, память прошедшаго мало тревожитъ и рѣдко пробуждается. Въ этомъ отношеніи и я могъ бы написать, если бы имѣлъ къ кому: я умеръ, это тайна, не выдай ея. Если бы имѣлъ къ кому! Не есть ли это несправедливость, неблагодарность, послѣ столькихъ, недавнихъ доказательствъ пріязни, преданности, испытанныхъ мною отъ многихъ, и между ими и лучшихъ людей, съ которыми свели меня минувшія важныя служебныя обстоятельства и встрѣчи? Богатый прежде источникъ довѣренности и потребность дѣлиться ею изсохъ и пропалъ. Не туда уже мысли и чувства, жизнію не удовлетворенныя, направлены.

22-го Іюля. L'incertitude est vraiment le pire de tous les maux, parce qu'il est le seul qui suspende nécessairement les ressorts de l'âme et qui ajourne le courage.

Le travail est certainement une loi sacrée, puisqu'il suffit d'en faire la plus légère application pour éprouver je ne sais quel contentement et quelle sérénité. L'homme cependant n'aime point le travail: il n'en peut méconnaître les infaillibles bienfaits, il les goûte chaque jour, s'en applaudit, et chaque lendemain il se remet au travail avec la même répugnance. Il me semble qu'il y a là une contradiction singulière et mystérieuse, comme si nous sentions à la fois dans le travail le châtiment et le caractère divin et paternel du juge.

26-го Іюля. Разборъ донесеній и сочиненій о сраженіи Инкерманскомъ. Окончательный выводъ, совершенно согласный съ

моимъ заключеніемъ, тотчасъ по полученіи извѣстій изъ Крыма въ Петербургъ. Главной виновникъ неудачи кн. П. Г., допустившій ничтожностію своей демонстраціи г-ла Боске выручить разбитыхъ Англичанъ. Примѣръ г-ла Тимофѣева лучшій указатель ошибки перваго. Бѣгство Бородинскаго и Тарутинскаго полковъ. Г. Данненбергъ велъ себя неустрашимо и съ искусствомъ. Вся неудача, какъ водится, пала на него. Мало еще у насъ судей военнаго дѣла.—Изъ Секиринецъ, при письмѣ Екат. Вас. Галаганъ, письма ко мнѣ найденныя въ оврагѣ, послѣ отнятія почты разбойниками распечатанныя; одинъ конвертъ пустой. Они расчитывали найти деньги! Преступники еще не пойманы и вѣроятно не будутъ нашею полиціею отысканы.

Ужасныя злодѣйства Турокъ надъ христіанами въ Герцеговинѣ и Босніи. Рѣзня въ Джеддахѣ. Скоро ли очнутся и поймутъ, что Турокъ слѣдуетъ общими силами главныхъ Европейскихъ державъ выкинуть изъ Европы, даже изъ Малой Азіи?

19-го Августа. Вчера въ 6-ть ч. утра уѣхали сыновья, Михаилъ и Александръ на Кавказъ, каждой по назначенію, старшій въ Кабардинской полкъ, штабсъ-капитановъ въ Хасавъ-Юртъ въ Чечнѣ, Александръ адъютантомъ у ген. адъютанта Врангеля, въ Темиръ - Ханъ - Шуру, шамхальства Тарковскаго. Первой пріѣхалъ со мною изъ Петербурга и оставался безотлучно, второй неожиданно обрадовалъ своимъ пріѣздомъ 6-го прошлаго мѣсяца. Невыразимо грустно безъ нихъ, оживлявшихъ своею смѣлою и благородною молодостію тихую обыкновенно жизнь въ деревнѣ. Домъ безъ нихъ опустѣлъ. Пустыя комнаты ихъ, въ одномъ со мною флигелѣ, когда вхожу туда, стѣсняютъ мнѣ грудь до тошноты. За перо взялся, чтобы облегчить мою тоску; молю Бога, чтобы это, въ подобной степени еще неиспытанное чувство не было предчувствіе! Они оба безстрашны, рѣшительны, ловки, горятъ отличиться. Прекрасныя и опасныя свойства! Радуюсь на нихъ и страшусь.

Nous vivons dans un temps où les questions morales et les questions politiques marchent, elles aussi, avec la promptitude de la vapeur et de l'électricité. Il serait dangereux, au milieu des mouvements d'opinions qui se dessinent, de ne point consulter les signes du temps ou d'en méconnaître la portée.

28-го Августа. Сегодня послѣ завтрака пріѣзжалъ Курин-

скаго полка прапор. Хелмской и пробылъ до 4-хъ часовъ не безъ утомленія для меня. Онъ былъ въ плѣну у Шамиля въ Веденѣ, оставленъ на честное слово все время до выкупа, почти на свободѣ. Онъ сегодня же отправляется въ Тифлисъ, просрочивъ по домашнимъ обстоятельствамъ четыре мѣсяца противъ даннаго ему отпуска. Цѣль пріѣзда этого молодаго человѣка, мнѣ не совсѣмъ чужаго, по покойнымъ его родителямъ, была просить моего предстательства у его начальства за просрочку. Я далъ ему письмо къ начальнику штаба на Кавказѣ и въ Грузіи г-лу Милютину. Поможетъ ли это?

29-го. Вечеръ этого дня, проведеннаго почти въ непрерывномъ движеніи пѣшкомъ и въ быстрой ѣздѣ верхомъ, окончилъ въ пріятномъ и наставительномъ чтеніи въ Revue Britannique біографіи Жоржа Стефенсона, творца системы желѣзныхъ дорогъ. Какимъ труднымъ путемъ этотъ знаменитой человѣкъ, изъ простаго работника на угольныхъ копяхъ, безъ всякаго воспитанія, безъ теоріи, одною наблюдательною практикою, терпѣніемъ, никакимъ препятствіемъ неодолимымъ, вышелъ на степень перваго инженера своего времени! Этотъ высокой примѣръ примѣнимъ ко всѣмъ путямъ и стремленіямъ человѣческой дѣятельности.

7-го Сентября. Воскресенье. 6-го пр. Августа телеграфическій канатъ соединилъ Европу съ Америкой. Растояніе 14,000 вер. Привѣтствіе королевы Викторіи президенту Буканану дошло *въ 50-тъ минутъ*. Курьеръ отправленный гр. Путятинымъ съ извѣстіемъ о мирномъ договорѣ съ Китаемъ пріѣхалъ *въ 50-тъ дней* изъ Тіенъ-Дзина чрезъ сѣверную часть Китая, Монголію и всю Сибирь, въ С.-Петербургъ, изумивъ скоростію ѣзды. Разстояніе, кажется, тоже около 14 т. верстъ. Сколько минутъ въ первомъ, столько дней въ послѣднемъ! Какое указаніе для насъ и во сколько легче устроить телеграфическое сообщеніе по твердой землѣ, чѣмъ по безднамъ океана, съ нашимъ главнымъ учрежденіемъ на Амурѣ; нужно непремѣнно, и оно короче; оно, кажется, около 13 т. верстъ всего разстоянія.

24-го Сентября. Вчера вечеромъ въ 8-мь часовъ комета была особенно красива. Она подошла очень близко и стала рядомъ съ полярною звѣздою, такъ что совершенно уподоблялась ракетѣ, выкинувшей изъ себя прекрасную звѣзду.

Непродолжителенъ былъ восторгъ возбужденный въ цѣломъ

свѣтѣ успѣхомъ соединенія Америки съ Европой посредствомъ телеграфическаго каната. Дѣйствіе его прекратилось, и еще не извѣстно, гдѣ поврежденіе. Но возможность соединенія доказана, и извѣстная настойчивость этихъ двухъ націй отвѣчаетъ за преодолѣніе всѣхъ препятствій.

Нельзя безъ глубокой признательности къ Государю читать въ разныхъ дѣльныхъ журналахъ Русскихъ доказательства допущенной гласности и свободы мысли, небывалой въ Россіи и съ перваго шага превзошедшей нѣкоторыя изъ правительствъ старой Европы. Рядомъ съ этимъ множество правительственныхъ дѣйствій, внушенныхъ благонамѣренными и великодушными побужденіями. Вопросъ о крестьянахъ лучшими умами освѣщается со всѣхъ сторонъ и тѣмъ облегчаетъ его осуществленіе. Въ тишинѣ моего уединенія радуюсь пробужденію Россіи и душой благодарю Государя, неустрашимо ступившаго на новый, трудный путь, на которомъ не столько опасны смѣлые и гласные противники, сколько пресмыкающіеся.

Отдаленіе отъ центра управленія имѣетъ благотворное вліяніе: оно ставитъ васъ отъ него почти на перспективу исторіи. Вамъ не видны дѣйствующія лица съ своими недостатками неминуемо въ каждомъ. Вы обсуживаете безпристрастно одни законы и учрежденія оттуда исходящія, безъ омраченія разсудка вашими отношеніями къ дѣйствующимъ лицамъ. Оно же даетъ вамъ и время, и спокойствіе для разсмотрѣнія и обсужденія занимающихъ васъ вопросъ. И того и другаго въ пылу столичной жизни и разныхъ впечатлѣній и страстей, ею возбуждаемыхъ, недостаетъ вамъ, и мысли не углубляясь скользятъ по вашему разсудку.

Какъ великолѣпно утро! Деревья окружающія мой домъ, одѣтыя разнообразными красками осени, стоятъ не шевеля ни однимъ листкомъ, какъ бы подъ кистью живописца. Послѣ легкаго утренника, солнце на чистомъ голубомъ небѣ рисуетъ длинныя тѣни деревьевъ на зеленомъ кругу передъ домомъ. Пойду въ палатку на ставу купаться въ подогрѣтой водѣ, какъ дѣлаю по сіе время каждой день. Это мое лѣкарство и съ верховой ѣздой мое наслажденіе здѣсь. Всѣ припадки свойственные старости уступаютъ этимъ привычкамъ жизни, по крайней мѣрѣ покуда.

30-го Сентября. Вторникъ. Lamartine disait l'an 1850: Plus je vois de représentants du peuple, plus j'aime mes chiens.

1-го Октября. Сегодня ровно пять мѣсяцевъ прошло отъ выѣзда изъ Петербурга, и какъ однообразно-хорошо протекли эти дни, почти постоянно подъ открытымъ небомъ, съ рѣдкими облачками на душѣ, съ спокойнымъ, умирительнымъ взглядомъ на прошедшее, съ признательностію къ Промыслу за настоящее, съ смиреніемъ и надеждою на будущее. То ли могло быть вслѣдствіе разныхъ происшествій въ моей жизни? Слишкомъ часто увлеченіе устраняло всякую осторожность; сколько разъ я ходилъ по краямъ неминуемыхъ, казалось, пропастей, и Провидѣніе спасало меня! Даже здѣсь, въ деревнѣ, семь лѣтъ тому, въ какомъ неисходномъ, какъ казалось, положеніи я былъ съ семействомъ! И все миновалось, изгладилось, оставя успокоительное сознаніе исполненнаго труднаго долга.

Комета приняла быстро рѣшительное направленіе на Западъ. Съ любопытствомъ жду послѣдствій наблюденій Струве и другихъ астрономовъ. Мнѣ кажется, эта комета виднѣе знаменитой кометы 1811-го и 1812-го годовъ.

15-го Октября. Толки о рѣчи Государя Московскому дворянству по поводу медленности и противодѣйствій по дѣлу объ улучшеніи быта крестьянъ. Причины большей готовности къ приведенію сего дѣла къ окончанію, согласно съ изложенными манифестомъ условіями, въ Западныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе введенныхъ уже инвентарей, развитія фабричной промышленности трудомъ наемнымъ и успѣховъ въ агрономіи, далеко опередившихъ въ этомъ отношеніи Русское хозяйство.—Пироговъ въ Кіевѣ, его замѣчательная рѣчь къ студентамъ по поводу неблагородной шалости. Прощальная рѣчь къ нимъ же прежняго попечителя Университета Ребиндера.

16-го Четвергъ. Народъ, по выраженію Гальяни, плохой изслѣдователь причинъ, но великій знатокъ результатовъ.

Когда палка искривлена въ одну сторону, ее можно выпрямить только искрививши въ противную сторону: таковъ законъ общественной жизни.

Право жить и быть счастливымъ—пустой призракъ для человѣка, не имѣющаго средствъ къ тому; свобода бѣдняка—только особенный видъ рабства; всѣ притязанія отдѣльной личности должны имѣть мѣриломъ и ограниченіемъ общее благо, а судьею—государство.

Отдѣльной человѣкъ говоритъ: я хочу дѣлать то, что̀ мнѣ угодно; общество отвѣчаетъ: я не хочу, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что̀ мнѣ вредно.

Было время, когда человѣкъ рвался изъ средневѣковыхъ узъ, какъ птица изъ клѣтки. Но теперь птица довольно уже летала куда хотѣла, и чувствуетъ, что если хорошъ безпредѣльный просторъ поднебесья, то много въ немъ грозныхъ опасностей, часто бываютъ непогоды, и что если клѣтка плохое гнѣздо, и дѣйствительно было нужно вырваться изъ него, то все же плохо быть вовсе безъ гнѣзда, нельзя не позаботиться объ устройствѣ его, и нужно подумать о томъ, какъ бы получше устроить его.

20-го Октября. Снѣгъ усилился и какъ будто соединяетъ землю съ одноцвѣтными облаками. Онъ напоминаетъ мнѣ оригинальное и по моему прекрасное уподобленіе, въ Иліадѣ, краснорѣчія Улисса съ падающимъ густымъ снѣгомъ, покрывающимъ и убѣляющимъ всѣ краски природы и работы человѣка. Всѣ софизмы, всѣ доводы противниковъ покрыты и уничтожены обиліемъ и силою словъ Улисса.

21-го Октября. Принялъ къ сердцу смерть ген.-лейт. Вревскаго, умершаго отъ ранъ двумя пулями въ горахъ Кавказа. Онъ принадлежалъ моему штабу въ мое командованіе на Кавказѣ; благородной, просвѣщенной, храброй и всѣми, кто его зналъ, любимой и уважаемой.—Въ газетахъ поразительна гибель Гамбургскаго парохода Австрія, сгорѣвшаго въ морѣ на пути въ Америку съ 600-ми пассажирами, изъ которыхъ до 500-тъ сгорѣло и утонуло.

8-го Ноября. Сегодня день имянинъ сына Михаила; онъ проводитъ его въ глуши Кавказа, въ Хасавъ-Юртѣ; быть можетъ однако въ какой нибудь экспедиціи или командировкѣ. Послѣднее его письмо отъ 10-го Октября. А мы въ другой глуши, въ Малороссіи, засыпанные снѣгомъ, почти безъ возможности выѣзда, еслибы и пожелали. Много ли разницы?

11-го Ноября. Вторникъ. Сторы подняты, и передъ мною великолѣпная въ своемъ родѣ картина! Деревья съ утра разрядились въ пухъ; ни одинъ маркизъ во время о̀но не являлся ко двору напудреннымъ такъ совершенно на-бѣло какъ они. Особливо красивы плакучія березы на моемъ кругу передъ домомъ; отяжелѣвшіе отъ инея и безъ того висячіе ихъ сучья касаются земли.

Однообразно - сѣрое небо сливается съ воздухомъ и снѣгомъ, 10-ть гр. морозу. Настоящій праздникъ зимы, окончательно одолѣвшей и изгладившей всѣ признаки и разнообразныя краски недавней осени! Пріятенъ въ такіе дни огонь, и трескъ, и шопотъ камина; сколько воспоминаній пробуждаетъ онъ въ одинокой глуши деревни, въ дали отъ шума двора и столицъ, въ которыхъ отцвѣло столько лѣтъ моей жизни! Вчера вечеромъ, послѣ поздней ванны, долго не удавалось мнѣ заснуть, и передъ закрытыми глазами носилась величавая фигура покойнаго Государя Николая, сначала безъ особаго выраженія, потомъ будто съ упрекомъ въ благородныхъ чертахъ его Бельведерской профили: Какъ и ты, при этомъ общемъ возстаніи противъ меня и всего созданнаго мною, и ты противъ меня! Тогда воскресли въ моей памяти дни его благоволенія ко мнѣ, часы бесѣдъ въ кругу его прекраснаго семейства или въ тайнѣ кабинета, гдѣ разговоръ живой, свободной, откровенной, не смотря на частое несходство мнѣній, почти уничтожалъ, къ чести Государя, огромное разстояніе между имъ и подданнымъ: говорилъ человѣкъ съ человѣкомъ. Я до того часто спорилъ, почти всегда съ его уступкой, что разъ при выходѣ изъ его кабинета, позванный къ Императрицѣ, первыя ея слова ко мнѣ были: Eh bien, général, avez-vous bien disputé avec l'Empereur? Можетъ быть, слѣдовало принять эти слова какъ предостереженіе; но я любилъ Государя, и смѣю сказать столько же любилъ правду, какъ разумѣлъ ее, и продолжалъ до конца. Да, до конца; ибо послѣдній и самой замѣчательной разговоръ съ нимъ былъ 30-го Генваря, осмьнадцать дней до его смерти. До этого, отношенія мои совершенно измѣнились; постоянная вражда ко мнѣ Паскевича, Чернышова и другихъ, нелѣпое дѣло Политковскаго въ Комитетѣ Инвалидовъ, такъ странно Государемъ направленное также противъ меня, повергли меня въ немилость, но не поколебали меня высказать ему всю правду въ письмѣ, поданномъ ему княземъ Суворовымъ, въ письмѣ, которое останется. Не смотря на все это, когда разразился надъ нимъ и надъ Россіей роковой годъ 1853-й, все было забыто, съ моей стороны по крайней мѣрѣ, и, призвавъ меня, послѣ короткаго объясненія о прошедшемъ и упрека за слишкомъ крутое принятіе къ сердцу, какъ онъ выразился, непріятности, désagrément (странно, что, противъ своего обычая, Государь началъ объясненіе пофран-

цузски), онъ по русски уже поручилъ мнѣ оборону Кронштадта, потомъ Ревеля, на мѣсто Берга, переведеннаго въ Финляндію.

12-го Ноября. Мнѣ въ одно время будто жаль, что нить вчерашнихъ впечатлѣній порвана, а вмѣстѣ и того что̀ уже написано. Нѣтъ расположенія усиліемъ вызвать воспоминанія той эпохи. Къ чему они? Настоящее положеніе мое до того отлично отъ тогдашняго, что послѣднее похоже для меня теперь на сонъ, между тѣмъ какъ справедливѣе было бы назвать скорѣе настоящее сномъ или вѣрнѣе дремотой: такъ бѣздѣйственно оно и такъ полно происшествій то время. Начать по порядку, какъ я нѣкогда располагалъ (и даже началъ) писать что-то въ родѣ записокъ, какъ-то не чувствую уже къ тому прежнихъ побужденій. Къ чему онѣ? Для сыновей? Моя жизнь далеко не достигла того значенія, которое дало бы право выставить имъ ее какъ примѣръ для подражанія.

14-го Ноября. Прочелъ въ Русскомъ Вѣстникѣ умную критику противъ непостижимой выходки князя Черкаскаго. Онъ находитъ нужнымъ, даже послѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, оставить помѣщикамъ право наказывать крестьянъ за проступки розгами по 18-ти ударовъ, не исключая и женщинъ, только послѣднихъ дѣтскими розгами! Не узнаю князя Черкаскаго, съ которымъ познакомился въ Москвѣ у Хомякова.

Для оправданія крестьянъ противъ почти общаго понятія, будто тѣлесное наказаніе, по невѣжеству и порочности ихъ, необходимо, я вынужденъ выставить мой собственной опытъ, многимъ извѣстной. Мои люди въ домѣ служащіе, и крестьяне въ селѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ не знаютъ не только тѣлеснаго, но никакого наказанія; разумѣется и управителю это запрещено, и соблюдается. Я сдѣлалъ это просто по отвращенію наказывать людей, доводимыхъ до проступковъ, особливо до пьянства, именно крѣпостнымъ ихъ бытомъ, безнадежностію ихъ будущности даже при добромъ помѣщикѣ, и мыслію быть судьею въ собственномъ интересѣ и по своему произволу. Плачу за нихъ подушные, изъ опасенія несправедливой раскладки отъ управляющихъ въ мое отсутствіе. При такомъ порядкѣ, разумѣется, нечего было и думать о доходѣ. Опасался я одного только, что они, въ старину бо̀льшею частію пьяницы, сопьются еще болѣе; случилось противное. Пьяницы около меня перестали пить и

служать вѣрно и отлично. Крестьяне разжились, пьянство стало рѣдкостію. Слышу, что хвалятся своимъ положеніемъ сравнительно съ другими, и все идетъ тихо и покорно. Спасибо имъ! Они легко и къ моему собственному удовольствію перейдутъ въ новое положеніе, и не думаю чтобы наши взаимныя будущія отношенія непріятно измѣнились. Конечно настоящій порядокъ у меня вовсе не нормальной. Я могъ обойтись безъ дохода отъ нихъ. Теперь, поселившись, можетъ быть, навсегда именно въ этой деревнѣ, забочусь и о доходѣ, но наиболѣе наемнымъ трудомъ и осторожно. Прибавлю, что кромѣ того обстоятельства, что я не получалъ дохода, онъ и не могъ быть значителенъ. Въ этомъ имѣніи у меня всего сто душъ (какъ говорили понынѣ). Все написанное клонится къ тому, чтобы показать, что кротостію, даже безнаказанностію, вмѣсто вреда, можно дойти до замѣтнаго исправленія ихъ нравственности, въ чемъ я, по крайней мѣрѣ, не могу имѣть сомнѣнія. Я здѣсь живу какъ въ своей семьѣ. Если же заблуждаюсь, то заблуждаюсь пріятно. Слова о благодарности у меня не вырвалось, никогда на нее и не расчитывалъ.

16-го. Всю ночь вѣтеръ шумѣлъ въ рощѣ какъ прибой моря. Долго вслушивался я въ знакомой и величавой голосъ Божіей природы. Утромъ, раскрывъ первую книгу, попадается мнѣ нѣсколько страницъ стиховъ подъ заглавіемъ *Елкованъ* (Elkovan). Съ недовѣрчивостію пробѣгалъ первыя строки и до конца уже не могъ отъ нихъ оторваться. Какая прелесть! Новой поэтъ, настоящій поэтъ! Edouard Grenier. Въ первой разъ встрѣчаю это имя. Эта поэма великолѣпной концертъ, выдержанной восхитительно отъ прелюдіи до эпилога, которой живописно напомнилъ мнѣ мои три недѣли въ Босфорѣ:

O Bosphore! Il est doux sur tes rives fleuries,
A l'ombre d'un platane aux longs rameaux mouvants,
Devant ton horizon tout peuplé de féeries,
De suivre du regard le vol des elkovans,
En se laissant bercer de vagues rêveries.
Le flot passe entraînant la pensée, et les yeux,
Et les flots, et les jours glissent silencieux.
Il ne faut plus rêver! Il faut penser et vivre,
En laissant sur la terre un sillon mieux rempli.
Il faut aimer la gloire et les coeurs qu' elle énivre,
Arracher un lambeau de ses jours à l'oubli,

Faire vibrer son coeur comme un clairon de cuivre,
Et, lévite fervent du culte épars du beau,
Se faire encore aimer par-delà le tombeau!

Поэтъ! Поэтъ! И я былъ въ этой Аркадіи! Въ твоей простой и великолѣпной пѣснѣ, въ которой нѣтъ ни одной сомнительной ноты, ты воскресилъ въ душѣ почти семидесяти-лѣтняго старика все что̀ онъ перечувствовалъ на балконѣ Русскаго дворца, въ каикѣ на голубыхъ водахъ Босфора, на пароходѣ Мраморнаго моря, на Принцовыхъ островахъ, верхомъ на обоихъ берегахъ Европы и Азіи, на прѣсныхъ водахъ Золотаго рога и Скутари, перечувствовалъ, не смотря на тяжелыя заботы труднаго дипломатическаго дѣла. Теперь въ глуши Малороссіи, засыпанному кругомъ кучами снѣга, подъ глухой гулъ мятели, шумящей на дворѣ, передъ огнемъ камина, ты, любезной поэтъ, озлатилъ мое одинокое утро, пробудилъ высокія и волшебныя воспоминанія и ощущенія, похожія на яву на сказки Шехеразады. Откликнешься ли ты еще? И чѣмъ?

12-го Декабря. Двое сутокъ страшной мятели. Все это время однако прошло для меня пріятно, благодаря двумъ послѣднимъ сочиненіямъ Бернгарди и Смитта. Первое, продолженіе Denkwïrdigkeiten aus dem Leben des Grafen Toll; второе жизнь Суворова. Бернгарди, для котораго Толь служитъ только предлогомъ, описываетъ кампанію 1814-го года, по моему лучше Тьера, какъ по уваженію къ правдѣ, мѣткому изображенію характера дѣйствовавшихъ лицъ, такъ даже и по самой увлекательности изложенія; разъ начавши читать, я не могъ отъ его книги оторваться и съ сожалѣніемъ дошелъ до послѣдней страницы. Слѣдуя за Толемъ, ему остается описать кампанію 1815-го г. для насъ окончившуюся однимъ походомъ до Парижа, его роль при восшествіи на престолъ имп. Николая, день 14-го Декабря, двѣ Турецкія кампаніи 28-го и 29-го до Адріанополя, въ которыя Толль былъ начальникомъ штаба арміи; затѣмъ послѣднюю Польскую 31-го, гдѣ онъ тоже былъ начальникомъ штаба при Дибичѣ и Паскевичѣ.

Смиттъ, котораго первыя военныя сочиненія возбудили общее любопытство, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи (Суворовъ) тѣмъ же дарованіемъ, глубокимъ изученіемъ современныхъ документовъ, безпристрастными сужденіями о лицахъ и обстоятельствахъ,

особливо о своемъ героѣ, чрезвычайно занимателенъ; но вѣроятно ободренной успѣхомъ первыхъ своихъ сочиненій, онъ не предоставляетъ уже, какъ прежде, извлекать самому читателю изъ описываемыхъ событій выводы и наставленія; онъ самъ учитъ, слишкомъ много учитъ и военному искусству, и политикѣ, и законодательству, рѣзко, сентенціями, часто общими мѣстами уже избитыми, и этимъ перерываетъ нить своего вообще прекраснаго разсказа. Екатерина, Потемкинъ, Понятовскій, Іосифъ, Кобургъ, Брауншвейгъ, какъ главнокомандующій, Россія, Польша, Турція, Австрія—какіе потреты, какія картины!

18-го. Статья объ Ивановѣ и Гоголѣ и переписка ихъ, Кулиша, драматическая и чрезвычайно занимательная. Имъ также тѣсно было жить, какъ и всѣмъ, одареннымъ съ Неба тревожнымъ талантомъ, при тогдашнемъ духѣ и обстановкѣ Русскаго общества. Всѣ почти погибали различно и проявлялись какъ-то болѣзненно. Эта сторона біографіи замѣчательныхъ людей того времени ожидаетъ еще своихъ историковъ. Покуда прорываются только намеки.

24-го Декабря. Вчера письмо отъ Александра отъ 22-го Ноября изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Готовятся въ экспедицію по плану, составленному въ Тифлисѣ, одновременно съ отрядомъ г.-л. Евдокимова. Вѣроятно и Кабардинской полкъ будетъ участвовать въ экспедиціи—и мой Михаилъ. Да сохранитъ ихъ Создатель, а искать отличиться будутъ оба.

Le corollaire indispensable de l'émancipation, c'est une nouvelle organisation des agents de l'autorité. Là se trouve peut-être la pierre d'achoppement la plus périlleuse. On sait à combien d'abus donne lieu le régime des чиновники: il faudra en multiplier le nombre; et si l'on ne trouve pas pour remplir des postes de confiance des honnêtes et éclairés, si l'on ne relève pas leur position matérielle par un traitement convenable et leur position morale par des choix que l'opinion publique puisse approuver, le bénéfice de la réforme sera singulièrement compromis.

25-го Декабря. Quand les seigneurs cesseront d'user d'un droit absolu sur le peuple, une belle misson leur est réservée: ils devront le protéger et le guider dans la voie de l'émancipation intellectuelle, dont l'émancipation matérielle est le prélude. Pour éviter les abus d'une bureaucratie subalterne, la noblesse doit participer à la forma-

tion d'une administration locale, ferme, éclairée et bienveillante, appellée à fonctionner non plus sous la forme oppressive du servage, mais sous la force équitable de l'intérêt commun.

Sans l'abolition des abus administratifs et judiciaires, l'abolition du servage serait une lettre morte. Les vexations et les injustices d'une administration corrompue étaient amorties jusqu'ici par l'influence seigneuriale: le paysan affranchi y sera plus exposé, et il y deviendra plus sensible. Aujourd' hui les propriétaires administrent la Russie, et tout marche sans qu'il en coûte rien à l'état.

28-го Mémoires et correspondance de Joseph de Maistre, чрезвычайно интересные, были моимъ лучшимъ обществомъ въ праздники, нарушенные однимъ только сосѣдомъ въ продолженіе нѣсколькихъ тяжелыхъ часовъ.

Только широкую служебную дѣятельность предпочелъ бы я моей вообще пріятной и тихой, но безполезной, здѣсь жизни, чувствуя въ себѣ еще живыя и не ослабленныя душевныя и физическія силы; но если прошедшее не говоритъ за меня, развѣ самому мнѣ напомнить или отчаеваться?

29-го Декабря. Понедѣльникъ. L' Empereur est extrêmement humain et bon; il n'aime chagriner ni attrister personne, il est capable de pardonner des injures personnelles dont il a la preuve en main; il n'aime pas le faste, peut-être même ne l'aime-t-il pas assez; il est cependant grand ami des dépenses utiles, magnifique même dans l'occasion, singulièrement ami de la probité qui marche sur la ligne droite sans intriguer, et plein d'ailleurs de grandes maximes de justice universelle. Mais lorsqu'on en vient à l'application de ces maximes et qu' il s'agit d'opérer, il n'est pas heureux, car il y a une malédiction générale sur toutes ses affaires. On l'accuse d'être défiant, et il l'est à l'excès; mais il est entouré d'hommes qui ne méritent pas sa confiance. (Maistre sur Alexandre 1-er).

Quand voudra-t-on comprendre qu'en acquérant de nouveaux sujets, il n'y a rien à changer qu'un nom à la tête des édits?

Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1890 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

Съ 1 Ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота.

Программа журнала слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій Западно-Европейскихъ и Русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи: **Владимира Соловьева** (Красота въ природѣ), проф. **А. А. Козлова** (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ естествовѣдѣнія), кн. **С. Н. Трубецкого** (О природѣ сознанія), **Н. Н. Ланге** (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), **Н. Я. Грота** (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія.

Новый журналъ ставитъ своей главнѣйшею цѣлью: послужить, по мѣрѣ силъ, развитію высшихъ человѣческихъ идеаловъ и оказать посильную помощь духовному росту Русскаго общества.

Журналъ предполагаетъ быть органомъ Русскихъ мыслителей различныхъ направленій, такъ какъ имѣетъ въ виду дать возможно-широкое основаніе выработкѣ положительныхъ началъ жизни. Въ убѣжденіи, что всѣ болѣе или менѣе одностороннія освѣщенія дѣйствительности одинаково стремятся къ истинѣ, что всѣ искреннія и серьезныя направленія мысли сольются въ этомъ общемъ идеалѣ, новый журналъ будетъ стараться проявить ту степень терпимости, какая совмѣстима съ его главною задачею—служенія человѣческому благу и развитію самосознанія Русскаго народа.

Независимая творческая работа въ области отвлеченнаго мышленія для Русскаго общества настоятельно необходима. Мы имѣемъ свое національное искусство, свою подлинную науку, но не имѣемъ еще **своей самостоятельной** философіи, а появленіе таковой опредѣляетъ вступленіе народа въ періодъ дѣйствительной умственной и нравственной зрѣлости. Подготовить Русское общество къ основательному пересмотру глубочайшихъ вопросовъ жизни и знанія, составляющихъ предметъ философскихъ изслѣдованій, и есть задача новаго журнала.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 р., съ доставкою въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города Россіи 7 р.; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ—4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к.—Подписка принимается въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціи журнала „Русская Мысль“ и въ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

III *).

Прибытіе Маріи Ѳеодоровны въ Россію.

Брачные союзы Русскихъ государей.– Фридрихъ II и его политика по отношенію къ Россіи.—Избраніе принцессы Софіи-Доротеи въ супруги великому князю Павлу Петровичу.—Переговоры по этому поводу между Петербургомъ, Берлиномъ и Монбельяромъ.—Заботливость Фридриха объ участи Софіи-Доротеи и пріѣздъ ея въ Берлинъ.—Свиданіе съ Павломъ Петровичемъ и его отношеніе къ невѣстѣ и ея семьѣ.—Симпатіи Павла къ Пруссіи и причины ихъ.—Политическое значеніе его поѣздки въ Пруссію.—Отъѣздъ Павла и Софіи-Доротеи въ Петербургъ.—Впечатлѣніе, произведенное невѣстою въ Петербургѣ, и ея бракосочетаніе съ великимъ княземъ.—Первоначальная обстановка.

Избраніе принцессы Виртембергской Софіи-Доротеи въ супруги наслѣднику Русскаго престола великому князю Павлу Петровичу совершилось при условіяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія: ими во многомъ объясняется не только дальнѣйшая судьба новобрачной, но и нѣкоторыя историческія событія, тѣсно связанныя съ государственною жизнію Россіи того времени.

Извѣстно, что до начала XVIII вѣка Россія, вообще уклоняясь въ своей жизни отъ Европейскаго вліянія, держалась въ сторонѣ отъ него и при заключеніи браковъ своихъ государей: супруги для нихъ избирались не изъ иностранныхъ принцессъ, а изъ среды Русскихъ подданныхъ. Но эти браки Русскихъ самодержцевъ имѣли свою неудобную для государства сторону: съ новой царицей обыкновенно поднимался и весь ея родъ, члены котораго постепенно занимали первыя мѣста въ государствѣ и при дворѣ царя-родственника. Отсюда—цѣлый рядъ дворцовыхъ каверзъ, постоянно сопровождавшихъ выборъ царской невѣсты, и народныя жалобы на злоупотребленія и безнаказанность новыхъ царскихъ родственниковъ, которые въ родствѣ съ царемъ видѣли безопасный и богатый источникъ для наживы. Нестроенія эти разрастались иногда до размѣровъ государственныхъ смутъ; такъ, все дѣтство Петра Великаго протекло среди кровавой и безпрерывной борьбы Нарышкиныхъ съ Милославскими, завершившейся ужасными стрѣлецкими казнями. Безъ сомнѣнія, желаніе избѣжать

---

*) См. выше, стр. 5.

внутреннихъ смутъ руководило отчасти Петромъ, когда онъ, заботясь о сближеніи Россіи съ Европой, женилъ наслѣдника своего Алексѣя Петровича на Брауншвейгской принцессѣ Софіи-Шарлотѣ, сестрѣ Германской императрицы. Дальнѣйшія событія Русской исторіи въ малолѣтство Петра II, когда вопросъ о бракѣ молодаго царя связанъ былъ съ преобладающимъ значеніемъ Меньшикова и Долгорукихъ, только подтверждали вѣрность мысли о необходимости выбирать супругу для будущаго Русскаго государя изъ среды иностранныхъ принцессъ. И дѣйствительно, даже такая чисто-русская по своимъ чувствамъ государыня, какъ императрица Елисавета Петровна, послѣдовала примѣру своего отца и выбрала въ супруги великому князю Петру Өеодоровичу значительную Германскую принцессу—Ангальтъ-Сербскую.

Но въ чужихъ земляхъ подыскать невѣсту для наслѣдника Русскаго престола было нелегко. Православныхъ династій кромѣ Русской въ Европѣ не существовало, а между тѣмъ будущая Русская государыня должна была исповѣдовать православную вѣру; поэтому замужество иновѣрной принцессы съ Русскимъ великимъ княземъ по необходимости соединялось съ принятіемъ ею православія. Между тѣмъ, протестантскія принцессы считали не совсѣмъ удобнымъ и приличнымъ перемѣнять свое вѣроисповѣданіе послѣ совершенія конфирмаціи, которая обыкновенно происходила на 16-мъ или 17-мъ году ихъ возраста; католическія принцессы вообще не пользовались симпатіями Русскаго двора и исключались изъ списка кандидатокъ въ супруги Русскому великому князю: ибо католичество, по Русскому взгляду, сложившемуся историческимъ путемъ, казалось болѣе враждебнымъ православію, чѣмъ протестантство, и въ католической принцессѣ, даже принявшей православіе, масса народа легко могла видѣть скрытую папистку [1]). Притомъ, протестантскихъ невѣстъ, соглашавшихся на перемѣну вѣроисповѣданія, можно было искать только среди княжескихъ дворовъ Германіи; но и здѣсь, въ половинѣ XVIII вѣка, выборъ не могъ быть вполнѣ свободенъ: этимъ выборомъ, изъ политическихъ разсчетовъ, старался руководить король Прусскій Фридрихъ II, который прикидывался

[1]) Вотъ условія, которыми, между прочимъ, руководилась Екатерина II при выборѣ невѣсты Павлу Петровичу: „Во 1-хъ, правило, чтобы принцесса, вступающая въ замужество съ великимъ княземъ, была дочерью протестантскихъ родителей должно быть признано непреложнымъ и, слѣдовательно, католическія принцессы ipso facto совершенно устраняются. Во 2-хъ, графини самыхъ знаменитыхъ домовъ могутъ быть предложены только въ случаѣ совершеннаго недостатка принцессъ царствующихъ домовъ; но дома Линанжъ, Штольбергъ и Изембургъ, извѣстные наслѣдственными недостатками въ семействахъ своихъ, не могутъ входить въ это число. Въ 3-хъ, требуемый для принцессъ возрастъ не долженъ превышать лѣтъ великаго князя“. Письмо графа Н. И. Панина барону Ассебургу 10 Мая 1771 г. С. Р. И. О. XIII, 85.

другомъ Россіи и котораго трудно было обойти въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ считался какъ бы главою протестантской Германіи. Такимъ образомъ выяснялась невыгодная сторона браковъ съ иностранными принцессами, открывавшая возможность вліянія на Русскую политику взглядовъ, чуждыхъ выгодамъ Россіи. При соперничествѣ Фридриха съ католической Австріей въ Германіи, протестантскія принцессы, выдаваемыя съ его помощію замужъ въ Россію, должны были, по его мнѣнію, упрочивать за нимъ союзъ этой могущественной державы. Извѣстно, что вся жизнь Фридриха посвящена была усиленію Пруссіи и что для достиженія этой цѣли онъ не брезгалъ никакими средствами, подчиняя ей всѣ свои нравственныя чувства. Ложь, обманъ, безцеремонное нарушеніе договоровъ (un assemblage de mots sans âme, какъ называлъ онъ ихъ) все считалъ онъ дозволительнымъ для себя, если только того требовали Прусскія выгоды. «Ce n'est pas tromper cela, говорилъ онъ, c'est se tirer d'affaire». Рыцарство въ политикѣ онъ презиралъ, предпочитая ему свое правило, сдѣлавшееся потомъ девизомъ Пруссіи: erst nehmen und dann unterhandeln [2]). Дважды спасенный Россіей отъ совершеннаго пораженія, боясь ея, по выраженію одного иностраннаго дипломата, болѣе нежели Бога [3]), Фридрихъ въ тоже время глубоко презиралъ ее за ея сентиментальность въ политикѣ, тупую иногда покорность и точность въ исполненіи, даже въ ущербъ себѣ, своихъ международныхъ обязательствъ. Неразборчивому на средства королю Россія представлялась грубой, стихійной силой, которою онъ долженъ пользоваться для выгодъ Пруссіи. Ради этого король-философъ не скупился на подкупы, запугиванія ложными страхами, предавалъ на погибель собственныхъ родственниковъ («родственники только тѣ, кто друзья мнѣ», говорилъ онъ) и рекомендовалъ своему посланнику, въ крайнемъ случаѣ, подумать, какъ бы произвести въ Россіи переворотъ «въ пользу того, для кого онъ можетъ быть устроенъ» [4]). Мало того, не переносившаго цѣпей, медвѣдя, Фридрихъ задумалъ перевязать розовыми лентами и, дѣйствительно, добился того, что въ теченіе всей своей жизни онъ былъ, такъ-сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго двора и успѣлъ дать

---

[2]) Сначала захватить, а уже потомъ переговариваться. См. статью: „Сношенія Россіи съ Германіей“ г. Бильбасова. Ист. Вѣстн. 1889 года, т. I.

[3]) Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, статья проф. Иконникова, стр. 132. Здѣсь же приведенъ отзывъ другаго иностранца, маркиза Валори, который выражался, что „руссофобія наслѣдственна въ Берлинѣ, и Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ лѣшаго“. Такихъ ударовъ нанесли Пруссакамъ Русскія войска при Елисаветѣ Петровнѣ.

[4]) Тамъ же.

послѣдовательно трехъ супругъ для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерину II, Наталію Алексѣевну и Марію Ѳеодоровну. Въ выборѣ ихъ сказался практическій геній коварнаго Прусака, устраивая бракъ могущественной имперіи, король-философъ думалъ не о томъ, чтобы будущаго государя пристроить ближайшихъ къ себѣ членовъ своей семьи, а о томъ, чтобы какъ можно крѣпче привязать къ себѣ Россію, съ своей стороны не поступаясь ей ничѣмъ. Фридриху хотѣлось, чтобы будущая Русская государыня была по возможности всѣмъ обязана Пруссіи, платила бы ей свой долгъ благодарности, но отнюдь не связывала бы ей рукъ ни въ какомъ отношеніи. Быть можетъ, отчасти этимъ соображеніемъ можно объяснить себѣ то, что Фридрихъ въ 1743 году отказалъ великому князю Петру Ѳеодоровичу въ рукѣ своей сестры принцессы Амаліи, тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію барона Бюлера, онъ не считалъ въ это время положенія императрицы Елисаветы упроченнымъ [5]). Но Ангальтъ-Сербская принцесса, рекомендованная имъ взамѣнъ своей сестры, обманула ожиданія своего покровителя: сдѣлавшись великой княгиней, она послѣ перваго кровопусканія, сдѣланнаго ей во время болѣзни, воспользовалась случаемъ, чтобы шутя выразить по этому поводу свою радость, говоря, что ей выпустили послѣднюю Нѣмецкую кровь, остававшуюся въ ея жилахъ. Сдѣлавшись самодержавной государыней, Екатерина хотя и заключила союзъ съ Пруссіей, но держалась его лишь поскольку онъ соотвѣтствовалъ Русскимъ выгодамъ: замѣтивъ двуличіе Фридриха и нуждаясь для достиженія своихъ цѣлей относительно Турціи въ содѣйствіи Австріи, Екатерина не задумалась прервать дружественныя связи съ этимъ «Иродомъ», какъ она стала называть Фридриха [6]), и вступила въ союзъ съ его врагомъ, Австріей. Но такая перемѣна въ Русской политикѣ произошла значительно позже, въ 1781 году. До того же времени, Фридрихъ, успѣвъ, въ 1772 г., съ помощью Россіи округлить свои владѣнія по первому раздѣлу Польши, съ неменьшимъ усердіемъ чѣмъ прежде хлопоталъ, чтобы и бракъ сына Екатерины, Павла, устроился сообразно его желаніямъ. На этотъ разъ онъ предложилъ въ невѣсты принцессу Гессенъ-Дармштадтскую Вильгельмину, сестра которой была замужемъ за его наслѣдникомъ,

---

[5]) Баронъ Бюлеръ вполнѣ правъ, не довѣряя Фридриху, который причину отказа объяснялъ своимъ нежеланіемъ дозволить сестрѣ перемѣну вѣроисповѣданія. „Такой отвѣтъ короля-философа, говоритъ онъ, хвалившагося вѣротерпимостію и любившаго повторять, что въ его государствѣ каждый по своему долженъ заботиться о спасеніи души былъ только пустымъ предлогомъ". „Два эпизода" и проч. Русскій Вѣстникъ 1870 г., IX, 94.

[6]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму. С. Р. И. О., XXIII.

принцемъ Прусскимъ. Весь ходъ этого сватовства онъ самъ подробно изложилъ въ своихъ Запискахъ. Послѣ перваго раздѣла Польши Фридрихъ очень обезпокоенъ былъ враждою князя Г. Г. Орлова, любимца Екатерины, къ графу Н. И. Панину (который, по воспитанію своему и привычкѣ къ Нѣмцамъ, поддерживалъ при Русскомъ дворѣ союзъ съ Пруссіей). «Чтобы имѣть вліяніе въ Россіи, пишетъ Фридрихъ, нужно было помѣстить тамъ лицъ, которыя тянули бы къ Пруссіи... Было бы все выиграно, еслибы одна изъ этихъ принцессъ (Дармштадтскихъ) сдѣлалась великой княгиней, ибо узы родства въ связи съ узами союза повели бы къ тому, что единеніе Пруссіи съ Россіей было бы прочнѣе, чѣмъ когда либо... Такого рода мѣры, конечно, не достигаютъ своей цѣли; но ими не слѣдуетъ пренебрегать... И только путемъ происковъ и каверзъ король (Фридрихъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) достигъ того, что Императрица остановила свой выборъ на принцессѣ Дармштадтской, родной сестрѣ принцессы Прусской» [7]).

Какъ мы уже видѣли, орудіемъ этихъ происковъ Прусскаго короля былъ Ассебургъ, а жертвой ихъ — внучатная племянница самого Фридриха, принцесса Виртембергская Софія - Доротея. И дѣйствительно, уклониться отъ вліянія Фридриха на выборъ невѣсты не могла даже Екатерина, отзывъ которой намъ уже извѣстенъ: «я знаю, какъ онъ выбираетъ и какія ему нужны... для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше». Но принцесса Вильгельмина Дармштадтская, сдѣлавшись великой княгиней Наталіей Алексѣевной, пожила недолго и умерла отъ несчастныхъ родовъ. Кончина великой княгини была неизбѣжной при ея физическомъ недостаткѣ, который былъ тщательно скрываемъ ея честолюбивой матерью (извѣстнымъ другомъ короля-философа) ландграфиней Каролиной. Кончина эта поразила неожиданностію какъ Екатерину, такъ и молодаго супруга. Исторія врядъ ли можетъ съ достовѣрностію рѣшить вопросъ, были ли эти несчастные роды такою же неожиданностію и для Фридриха, или, быть можетъ, подобно самой ландграфинѣ Каролинѣ, онъ только не предполагалъ всей важности физическаго недостатка принцессы, на которую имъ возлагалось такъ много надеждъ [8]). Смерть Наталіи Алексѣевны, 15-го Апрѣля 1776 г.,

---

[7]) Frédéric, Oeuvres, t. VI, 57, 119.

[8]) Эти надежды, впрочемъ, на этотъ разъ могли оказаться обманчивыми: Наталія Алексѣевна, подъ вліяніемъ друга своего графа Андрея Разумовскаго (который сошелся съ нею еще на кораблѣ, когда ее везли въ Россію) наклонна была въ пользу Франціи и Испаніи, во вредъ союзу Россіи съ Пруссіей. Кратковременность жизни великой княгини въ Россіи не позволяетъ, однако, дѣлать опредѣленныхъ заключеній о ея политическихъ симпатіяхъ.

не дала, однако, Фридриху возможности на этотъ разъ руководить выборомъ супруги Павлу Петровичу: выборъ Екатерины тотчасъ палъ на ея давнюю любимицу, принцессу Виртембергскую Софію-Доротею. Но обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Пруссія, были таковы, что печальное событіе въ Русской императорской семьѣ было какъ нельзя болѣе на руку Фридриху, и ему оставалось только радоваться, что вновь избранная принцесса и все ея семейство были издавна привязаны къ нему чувствами родства, уваженія, благодарности, и хлопотать, чтобы предположенный брачный союзъ совершился безпрепятственно и на пользу Пруссіи. Дѣло въ томъ, что «захватчивый» король былъ въ это время озабоченъ неудовольствіемъ Екатерины на его образъ дѣйствій, такъ какъ онъ, во-первыхъ, отрѣзалъ себѣ отъ Польши больше земли, чѣмъ это ему слѣдовало по первому раздѣлу, и, во-вторыхъ, сталъ заниматься фабрикаціей фальшивой монеты, которую приказывалъ распространять въ Польшѣ [9]). Между тѣмъ Россія, возвратившая себѣ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ свободу дѣйствій, являлась въ сущности единственной державой, которая могла рѣшать споръ Австріи и Пруссіи за преобладаніе въ Германіи. Неудовольствіе Екатерины могло имѣть для Фридриха тѣмъ болѣе опасныя послѣдствія, что въ 1777 г. истекалъ срокъ союзнаго договора между Россіей и Пруссіей, а Австрія въ свою очередь заискивала въ Петербургѣ, надѣясь перетянуть Россію на свою сторону. Подобно Пруссіи, и Австрія захватила у Польши участки земли, не вошедшіе въ трактатъ раздѣла; но, при первомъ извѣстіи о неудовольствіи Екатерины, Австрійскій дворъ поспѣшилъ возвратить ихъ Польшѣ, въ увѣренности, что этимъ своимъ шагомъ онъ поссоритъ Екатерину съ Фридрихомъ. Фридриху, дѣйствительно, ничего не осталось дѣлать, какъ послать въ Петербургъ, въ Мартѣ 1776 г., брата своего, принца Генриха, въ надеждѣ, что этотъ ловкій дипломатъ (уже ѣздившій къ Петербургскому двору въ 1770 г. и заслужившій уваженіе Екатерины) поможетъ ему разсѣять неудовольствіе ея и отклонить ее отъ союза съ Австріей. Тѣмъ пріятнѣе было для короля извѣстіе, что представляется случай не только устранить недоразумѣнія, возникшія между союзниками къ выгодѣ Австріи, но и сдѣлать узы дружбы между Россіей и Пруссіей еще болѣе тѣсными [10]).

---

[9]) Этотъ поступокъ Фридриха, хорошо характеризующій его нравственность въ политикѣ, вызвалъ нѣкоторыя противодѣйствующія мѣры со стороны Екатерины. Русская Старина, XXIII, 491 и слѣд. Наполеонъ, явившійся въ Россію въ 1812 г. съ большимъ запасомъ Русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, въ сущности слѣдовалъ, значитъ, примѣру Фридриха (Тьеръ старается извинить его этимъ примѣромъ!).

[10]) Fréderic, Oeuvres, VI, 122.

Съ иными чувствами и надеждами ожидала этого брака Екатерина. Въ первой своей невѣсткѣ она скоро разочаровалась; честолюбивый и энергическій нравъ Наталіи Алексѣевны давалъ даже поводъ современникамъ думать, что, проживи она долѣе, между нею и ея державной свекровью началась бы борьба за власть: подчинивъ своему вліянію молодаго супруга, Наталія Алексѣевна мечтала о возведеніи его на престолъ. Не отъ нея также, какъ оказалось, могла Императрица ожидать себѣ внука, съ рожденіемъ котораго былъ бы упроченъ въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія. Поэтому издавна замѣченныя Екатериной въ принцессѣ Виртембергской здоровье и сердечная доброта должны были въ особенности привлекать ее къ ней: эти качества молодой принцессы могли, по мнѣнію Екатерины, обезпечить и домашній миръ Русской императорской семьи, и будущность Россіи. Помолвка принцессы Софіи-Доротеи съ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ заставила Екатерину не терять времени для достиженія своей цѣли. Наталія Алексѣевна скончалась 15 Апрѣля 1776 г. въ 5 часовъ пополудни, и уже въ этотъ день Екатерина письменно начертала себѣ планъ дѣйствій для новаго брачнаго союза своего сына [11]). Содѣйствіе Фридриха этому плану облегчено было присутствіемъ принца Генриха, который двѣ недѣли какъ жилъ въ Петербургѣ, выполняя порученіе брата [12]). Какой успѣхъ имѣло бы посольство принца Генриха въ другое время, сказать трудно; но теперь принцу оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами. На слѣдующій же день по кончинѣ Наталіи Алексѣевны, 16 Апрѣля, Екатерина обратилась къ принцу съ просьбой устроить бракъ Павла Петровича съ принцессой Виртембергской. Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ принцъ принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Чтобы ускорить сватовство, Императрица рѣшилась даже на важный шагъ — отправить сына вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ въ Берлинъ, куда съ своей сто-

---

[11]) С. Р. И. О., XXVII, 78, 79. Замѣчательно, что она имѣла силу тотчасъ же заняться этимъ дѣломъ, не смотря на страшное потрясеніе, которое испытывала, будучи свидѣтельницей предсмертныхъ страданій великой княгини. „Были минуты, писала Екатерина Гримму 18 Апрѣля, когда при видѣ мученій мнѣ казалось будто и мои внутренности разрывались... Въ Пятницу (день смерти Наталіи Алексѣевны) я стала точно каменная и до сихъ поръ еще не опомнилась. Иногда я чувствую себя крѣпкою, иногда нападаетъ слабость; происходитъ это отъ перемежающейся лихорадки, но ее скорѣе можно назвать нравственною, нежели физическою“. С. Р. И. О., XIII, 46. И впослѣдствіи Екатерина присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки. Одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ родился, когда ея уже не было на свѣтѣ.

[12]) Совпаденіе пріѣзда принца Генриха со временемъ приближенія родовъ великой княгини могло быть не случайнымъ. Къ сожалѣнію, провѣрить справедливость этой догадки врядъ ли возможно.

роны, по плану Екатерины, должна была пріѣхать принцесса Виртембергская-мать со старшею дочерью для свиданія съ августѣйшимъ женихомъ; тамъ же принцъ Генрихъ долженъ былъ передать родителямъ принцессы заранѣе приготовленныя письма Екатерины съ формальнымъ предложеніемъ о бракѣ, а затѣмъ прямо изъ Берлина принцесса должна была ѣхать въ Россію. Затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны уже объявленнаго жениха принцессы Софіи, принца Людвига Дармштадтскаго, поручено было устранить Фридриху II. Быстрота дѣйствій и тайна, съ которой велось все это дѣло, вызывались, безъ сомнѣнія, самою щекотливостью обстоятельствъ, при которыхъ должно было совершиться предполагаемое сватовство. Со стороны Павла Петровича, сначала очень грустившаго о потерѣ своей супруги, не было противодѣйствія такъ быстро возникшей мысли о новомъ брачномъ союзѣ; потому что, по словамъ гр. Н. И. Панина, открывшійся смертью Натальи Алексѣевны ея внутренній образъ жизни перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ [13]). Великій князь, которому еще не исполнилось и 22-хъ лѣтъ, тѣмъ менѣе могъ уклоняться отъ вступленія въ новый бракъ, что ясно сознавалъ его государственную необходимость. Уже 5-го Мая, озабочиваясь доставленіемъ чина исповѣданія православной вѣры новой своей невѣстѣ, Павелъ писалъ митрополиту Платону: «При семъ случаѣ за долгъ свой почитаю вамъ сказать (прося оставить сіе подъ глубокимъ секретомъ), что въ сіи горестныя минуты не забылъ помыслить о долгѣ въ разсужденіи отечества своего [14]), полагаясь и въ семъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ прочемъ, на волю Божію [15]).

Сама Екатерина такъ передавала Гримму эти событія. «Увидѣвъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, и потомъ сказала: «Мертвыхъ не воскресить, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи, утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаяваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго».—«Да въ комъ же?»—«О, у меня есть наготовѣ».—«Какъ, уже?»—«Да, да, и

---

[13]) Рѣчь идетъ о привязанности Наталіи Алексѣевны къ графу Андрею Разумовскому, въ которой Павелъ долженъ былъ убѣдиться изъ бумагъ своей супруги, и ему предъявленныхъ.

[14]) Т.-е. о вступленіи въ бракъ и сохраненіи династіи, коей онъ былъ единственнымъ представителемъ.

[15]) Русскій Архивъ, 1887 г., II, 10.

какая игрушечка!» Такимъ образомъ затронуто любопытство. «Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?»—«Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка». Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ (принцъ Генрихъ), недавно пріѣхавшій нарочно, чтобъ утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры. Посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханной быстротой. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. «Такъ дайте намъ покамѣстъ портретъ, отъ этого еще ничего не станется».—«Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія». Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. «На что онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика». И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что тамъ такое?»—«Вкусы разные, а на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ, и напослѣдокъ на него не насмотрятся и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе предпринято» [16]).

Въ сущности дѣло было окончательно рѣшено только чрезъ шесть недѣль послѣ смерти Наталіи Алексѣевны: ранѣе этого срока, вслѣдствіе разстоянія, отдѣляющаго Берлинъ отъ Петербурга, не могъ придти отвѣтъ Фридриха на письмо принца Генриха. Король, обрадованный новымъ сватовствомъ, подоспѣвшимъ для него какъ нельзя болѣе кстати, писалъ, что онъ уже получилъ отъ принца Гессенъ-Дармштадтскаго (случайно находившагося въ ту пору въ Потсдамѣ) согласіе уступить свою невѣсту; что же касается до позволенія родителей принцессы Виртембергской и другихъ различныхъ распоряженій, которыя возникали по поводу брака, то все это Фридрихъ бралъ на себя [17]). Въ тоже время шла дѣятельная переписка между Монбельярской принцессой-матерью и ея Прусскими родственниками, свидѣтельствующая о томъ волненіи, которое возбудили Петербургскія вѣсти въ вѣчно-интриговавшемъ Берлинѣ и мирно-дремавшемъ Монбельярѣ, гдѣ исподоволь гото-

---

[16]) С. Р. И. О., XXIII, 49—50. Для передачи этого образнаго, живаго письма Екатерины съ Французскаго подлинника мы воспользовались переводомъ его, помѣщеннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1878 г., III, 30—31.

[17]) Древняя и Новая Россія, 1880 г., № 11, 527.

вились къ браку принцессы Софія-Доротеи съ принцемъ Дармштадтскимъ. Переписка эта носитъ на себѣ отпечатокъ той же поспѣшности, съ какой велось все дѣло сватовства, и, быть можетъ поэтому, отличается искренностію чувствъ и непосредственностію въ ихъ выраженіи.

Одновре́менно съ письмомъ своимъ королю Фридриху, принцъ Генрихъ сообщилъ о желаніяхъ Екатерины какъ принцессѣ Монбельярской, такъ и брату своему Фердинанду, женатому на ея родной сестрѣ, уговаривая его съ своей стороны дѣйствовать на Монбельярскій дворъ въ смыслѣ принятія имъ предложеній Русскаго двора. Убѣжденные въ необходимости устроить для пользы Пруссіи бракъ Софіи-Доротеи съ Русскимъ великимъ княземъ, оба брата не сомнѣвались, что при обычныхъ обстоятельствахъ и родители принцессы не отказали бы въ своемъ соглассіи на этотъ лестный для нихъ брачный союзъ; но оба они, очевидно, не знали, какъ отнесутся Монбельярскіе супруги-идеалисты къ необходимости разрыва съ первымъ женихомъ и къ перемѣнѣ ихъ дочерью вѣроисповѣданія. Сначала принцъ Генрихъ писалъ Фердинанду, чтобы сами родители невѣсты убѣдили принца Дармштадтскаго отступиться отъ нея. «Если остается у него, говорилъ Генрихъ, хотя малѣйшая доля чести, то онъ не захочетъ возмущать благосостояніе двухъ государствъ, союзъ которыхъ можетъ быть столь полезенъ для спокойствія всей Европы[18]), и не пожелаетъ, если у него остается чувство, препятствовать счастію семейства, которое, по великодушію императрицы и великаго князя, будетъ находиться въ цвѣтущемъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ оно теперь находится». Но затѣмъ, боясь вѣроятно какихъ-либо осложненій и не считая нужнымъ спрашивать согласія Монбельярской четы, онъ самъ написалъ принцу Дармштадтскому, отъ имени императрицы и великаго князя, объявляя ему, что если онъ не откажется отъ своей невѣсты, то Русскій дворъ, уже и прежде имъ недовольный, совершенно его оставитъ. Объ этомъ своемъ письмѣ онъ извѣстилъ и принцессу Монбельярскую, сообщивъ ей же черезъ принца Фердинанда, что, лишаясь принца Дармштадтскаго, принцесса Софія-Доротея теряетъ только негодяя по признанію покойной великой княгини, великаго князя и императрицы[19]). Что касается до перемѣны вѣры, то принцъ Генрихъ убѣждалъ свою племянницу не страшиться этого: «въ этомъ, писалъ онъ, такъ мало затрудненій, что все почти дѣло здѣсь въ названіи»[20]). Въ тоже время онъ совѣтовалъ принцессѣ-матери «избрать просвѣщеннаго лютеранскаго

---

[18]) С. Р. И. О., IX, 5—6. Нѣмцы были напуганы тогдашнимъ торжествомъ Россіи.
[19]) Тамъ же, 20, 13.
[20]) Тамъ же, стр. 6.

священника, чтобъ онъ объяснилъ, если нужно, молодой принцессѣ, что, будучи въ состояніи устроить счастіе своего семейства и союзъ Пруссіи съ Россіей, однимъ словомъ, благоденствіе столь многихъ народовъ и содѣйствовать благосостоянію столькихъ частныхъ лицъ, она можетъ быть увѣрена, что подчиняться для сего обрядамъ значитъ служить Богу; внутреннія же убѣжденія и чувства принадлежатъ ей». «Здѣсь вовсе не строги, прибавлялъ онъ; епископъ Платонъ, бывшій духовникомъ покойной великой княгини, человѣкъ умный и умѣренный, такъ что она не должна питать никакого предразсудка къ перемѣнѣ, требуемой отъ нея, и я увѣряю васъ, что въ этомъ состоитъ вся форма отступленія въ томъ видѣ, какъ я ее вамъ посылаю и какъ нашелъ ее между бумагами великой княгини, которыя у меня для просмотра» [21]).

Съ своей стороны и принцъ Фердинандъ дѣлалъ не менѣе усердныя увѣщанія принцессѣ-матери, впадая даже въ патетическій тонъ. «Въ вашихъ рукахъ, писалъ онъ ей, осчастливить свое многочисленное семейство, давъ согласіе на этотъ союзъ. Отъ васъ зависитъ укрѣпить болѣе чѣмъ когда-либо тѣсный союзъ, существующій между двумя дворами. За вами преимущество оказать существеннѣйшую услугу странѣ, давшей вамъ бытіе. Вы можете предупредить кровопролитія. Ну, въ состояніи ли вы отказаться дать свое согласіе на этотъ бракъ? Нѣтъ, любезная сестра, я считаю васъ на это совершенно неспособной; сердце говоритъ мнѣ, что вы примете сдѣланныя предложенія и будете такимъ образомъ содѣйствовать счастію своего отечества, семейства и дочери, вами обожаемой. Вамъ тѣмъ пріятнѣе дать свое согласіе, что по тѣсному союзу, въ который это поставитъ васъ съ Русскимъ дворомъ, вы никогда ни въ чемъ не будете терпѣть ни малѣйшаго недостатка». Къ этимъ убѣжденіямъ принцъ Фердинандъ счелъ, однако, нелишнимъ присоединить и угрозы, на случай, если бы увѣщанія не подѣйствовали. «Съ принцемъ Дармштадтскимъ, продолжалъ онъ, вы можете разстаться вѣжливо, давая ему понять, что такова была воля короля. Если у него есть разумъ, то онъ уступитъ, чтобы не нажить себѣ врага въ лицѣ столь могущественнаго государя, который могъ бы заставить его раскаяться въ дѣлаемыхъ имъ затрудненіяхъ... Я былъ бы неутѣшенъ, если бы послѣдовалъ отказъ съ вашей стороны. Посудите сами, какова была бы судьба двухъ сыновей вашихъ, находящихся на службѣ короля [22]): имъ нанесли бы всякихъ оскорбленій, тогда какъ,

---

[21]) „Переводъ съ Чина Исповѣданія нашелся между бумагами жены моей и съ переводомъ Нѣмецкимъ, писалъ Павелъ Платону 5 Мая 1776 г. (Р. Арх., 1887 г., II, 9). Это исповѣданіе вѣры и напечатано было потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ безъ означенія мѣста и года подъ заглавіемъ: „Glaubens - Bekentniss I. K. H. der Grossfürstin Maria Feodorowna“.

[22]) Принцевъ Фридриха и Людвига, поступившихъ въ Прусскую военную службу по окончаніи образованія въ Лозаннѣ.

опираясь на титулъ тещи великаго князя, вы можете просить для нихъ высшихъ мѣстъ. Вы обратитесь къ содѣйствію зятя, и нѣтъ сомнѣнія, что доставите имъ чины, должности и титулы, которыхъ они достигли бы развѣ черезъ 12 лѣтъ службы» [23]).

Эти убѣжденія и угрозы въ сущности были напрасны: родители принцессы Софіи-Доротеи и сами прекрасно понимали всѣ выгоды блестящей будущности, открывавшейся предъ ихъ дочерью, и никогда бы ихъ не отвергли. «Участь младшихъ дѣтей младшихъ принцевъ (писала принцесса Доротея дочери уже послѣ выхода ея замужъ, 11 Января 1779 г.) очень несчастна. Я говорю это по собственному опыту, потому что если бы Богъ не сдѣлалъ чудесъ въ нашу пользу, что̀ стали бы мы дѣлать съ одиннадцатью дѣтьми?» Притомъ она никогда бы не посмѣла противиться волѣ своего родственника и покровителя, Фридриха II, который смотрѣлъ на это дѣло, какъ на свое собственное. Мы уже видѣли, какъ онъ отвѣчалъ принцу Генриху, принимая устройство брака на себя и лично потребовавъ отъ принца Дармштадтскаго отказа отъ невѣсты. Несчастный принцъ, въ одно время лишившійся и сестры, и невѣсты, долженъ былъ закрѣпить свой отказъ отъ принцессы Софіи-Доротеи письмами на имя короля и принцессы Монбельярской. Тогда только Фридрихъ написалъ своей племянницѣ о совершившемся отказѣ принца отъ руки ея дочери и потребовалъ отвѣта на Русскія предложенія. Любопытно, что король тутъ же сообщалъ принцессѣ, что принцъ Дармштадтскій, взамѣнъ руки старшей ея дочери, проситъ руки третьей, самой младшей, Елисаветы, которой было тогда всего 9 лѣтъ [24]). Надобно думать, что это новое предложеніе принцъ сдѣлалъ по требованію Фридриха же, желавшаго, быть можетъ, сгладить предъ принцессой-матерью свои самовольныя распоряженія. Но и этотъ брачный замыселъ не удался принцу Дармштадтскому. «Вашъ большой и глупый верзила (flandrin), писала Екатерина отъ 29 Іюня 1776 года его бывшему наставнику Гримму, отправился пасти гусей съ пенсіей въ 10,000 р., но съ условіемъ, чтобы я больше никогда его не видѣла и о немъ не слышала» [25]). Родители принцессы Софіи-Доротеи, впрочемъ, могли только радоваться, что король взялъ на себя щекотливое дѣло объясненія съ принцемъ Дармштадтскимъ. Необычайная обстановка Русскаго сватовства до того стѣсняла принцессу-мать, что она не знала даже, какъ приличнѣе возвратить бывшему

---

[23]) С. Р. И. О., IX, 16—18.

[24]) Тамъ же, 8.

[25]) С. Р. И. О., XXIII, 50. Онъ женился на двоюродной сестрѣ своей Луизѣ Гессенъ-Дармштатской, наслѣдовалъ въ 1790 г. ландграфство свое, а отъ Наполеона получилъ титулъ великаго герцога Гессенскаго.

жениху своей дочери присланное имъ невѣстѣ послѣ помолвки кольцо, и спрашивала по этому поводу совѣта у Фридриха; но король, презиравшій всякую сентиментальность въ дѣлахъ, сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ чувствъ принцессы, и отвѣчалъ ей довольно грубо: «что же касается до кольца, то его нужно отослать принцу, такъ какъ у вашей дочери и безъ того будетъ довольно драгоцѣнныхъ украшеній» [26]).

Вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія не возбудилъ затрудненій. «Я счастлива, писала принцесса-мать принцу Генриху, что предугадала ваши намѣренія, обратившись къ лицу весьма достойному, лютеранскому богослову, чтобы разсѣять сомнѣнія моей дочери и успокоить мою тревогу. Его разсужденія и совѣты, данные имъ моей дочери, доказываютъ, что если бы религія не была такъ часто искажаема или ложнымъ энтузіазмомъ, или нетерпимостію, то встрѣчалось бы болѣе истинныхъ христіанъ и личностей, менѣе предубѣжденныхъ противъ основнаго характера религіи. Дочь моя занимается выучиваніемъ наизусть символа вѣры, что́, мнѣ кажется, необходимо на всякій случай» [27]). Принцесса была тѣмъ болѣе спокойна въ этомъ отношеніи, что дочь ея, къ счастію, еще не была конфирмована и не произносила торжественнаго обѣта [28]). Что касается надеждъ Монбельярской четы получить денежныя выгоды для своего семейства, то Фридрихъ и въ этомъ отношеніи совершенно ее успокоилъ. «По вопросу о пенсіи и тому подобныхъ вещахъ, извѣщалъ онъ принцессу въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ, я черезъ брата Генриха постараюсь выговорить, все, что́ можетъ быть выгоднѣйшаго для васъ и вашего супруга. Я чувствую положеніе вашей семьи не хуже васъ самихъ, а потому приложу всѣ старанія смягчить его, на сколько это будетъ возможно». Нѣсколько позже онъ писалъ племянницѣ: «Всѣ дочери ваши получатъ себѣ приданое отъ Императрицы, а вы и герцогъ выиграете во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего, приданое, которое обязано вамъ дать герцогство Виртембергское, вы положите въ карманъ; наконецъ, имѣйте въ виду множество прекрасныхъ вещей, которыя будутъ вамъ кстати болѣе чѣмъ когда-нибудь» [29]).

Заботливость Фридриха не ограничилась этимъ. На издержки по путешествію въ Берлинъ Екатерина назначила Монбельярской четѣ

---

[26]) С. Р. И. О., IX, 31.

[27]) Тамъ же, 21.

[28]) Тамъ же, 5. По услужливому толкованію нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ богослововъ, крещеніе еще ни къ чему не обязываетъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія, и только послѣ конфирмаціи лицо становится принадлежащимъ къ такъ называемому Евангелическому исповѣданію; до того же времени воленъ ему выборъ вѣры.

[29]) Тамъ же, 24, 32.

40,000 р.; но такъ какъ эти деньги не могли быть доставлены тотчасъ же, то Фридрихъ, при всей своей скупости, прислалъ и отъ себя племянницѣ на гардеробъ невѣстѣ 10,000 талеровъ [30]), чтобы ускорить отъѣздъ ея въ Берлинъ. «Вамъ лучше, писалъ онъ ей, пріѣхать двумя недѣлями раньше великаго князя, чтобы я могъ передать вамъ множество вещей, которыя вамъ необходимо знать главнымъ образомъ относительно вашей дочери» [31]). Желая такимъ образомъ хотя нѣсколько подготовить молодую невѣсту къ той политической роли, которая выпадала ей на долю, король-философъ не упускалъ изъ виду даже мелочныхъ, повидимому, обстоятельствъ, касавшихся будущей Русской великой княгини. «Постарайтесь, совѣтовалъ онъ принцессѣ-матери, пріискать какую-нибудь горничную (femme de chambre) поумнѣе, которая могла бы сопровождать вашу дочь и нѣкоторымъ образомъ служить ей совѣтомъ своимъ; ибо за Мемелемъ дадутъ ей только Русскихъ, казаковъ, Грузинъ и Богъ знаетъ какое племя. Вы поймете, я думаю, важность этого совѣта и сколько онъ можетъ въ будущемъ содѣйствовать счастію вашей дочери. Вотъ, любезная племянница, вещи самыя важныя, остальное въ сравненіи съ ними пустяки» [32]). Кромѣ отысканія хорошей горничной, которая, какъ ни странно звучитъ это, должна была, по взгляду короля-философа, быть нѣкоторымъ образомъ даже совѣтницей Русской великой княгини, важною вещью считалъ онъ также строгое соблюденіе тайны о предполагаемомъ бракѣ, пока о немъ не объявили въ Петербургѣ. «У насъ много завистниковъ, объяснялъ онъ, которые пожалуй испортятъ намъ наши прекрасные замыслы, если бы они открылись» [33]). Очевидно, боясь нескромности со стороны племянницы, король напоминалъ ей о томъ чуть ли не въ каждомъ письмѣ.

Такая прямо-родственная, повидимому, заботливость Фридриха о благосостояніи Монбельярской семьи, проявлявшаяся даже въ мелочахъ, приводила въ восторгъ обожавшую своего великаго дядю принцессу-мать. «Съ полнѣйшимъ упованіемъ, писала она ему, мы основываемъ на столь великодушномъ покровительствѣ вашего величества самую

---

[30]) Тамъ же, 8. Разсчетливость Фридриха не покинула его и здѣсь. „Любезная племянница, писалъ онъ, посылаю вамъ вексель въ 10,000 талеровъ на гардеробъ вашей дочери; этого будетъ достаточно, ибо она много получитъ по пріѣздѣ въ Россію. Въ скоромъ времени я пришлю вамъ и вексель въ 40,000 на ваше путешествіе, но вамъ не слѣдуетъ много изъ нихъ тратить“. Въ другомъ письмѣ онъ совѣтовалъ сдѣлать невѣстѣ всего два или три платья. Тамъ же, 30, 7.

[31]) Тамъ же, 24.

[32]) Тамъ же, 25.

[33]) Тамъ же, 5.

пріятную надежду будущаго нашего благосостоянія. Ваше величество благоволите принимать въ немъ участіе; вы такъ добры, что обращаете вниманіе на всѣ мелочи, которыя, даруя несомнѣнно счастіе моей дочери, будутъ источникомъ и нашего. Всѣмъ послѣ Бога обязана я вашему величеству. Вы доставляете намъ второе существованіе родительскимъ покровительствомъ, которое оказываете нашимъ дѣтямъ. Благодѣтельная рука ваша распространяетъ пріятнѣйшую отраду на остатокъ дней моихъ, которые до сей минуты были не безъ тревогъ»... «Осмѣливаюсь, прибавляла она, всепокорнѣйше просить быть увѣренными въ самомъ строгомъ молчаніи объ этомъ важномъ дѣлѣ: собственныя сердца наши влекутъ насъ совершать невозможное, если дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать нашу нижайшую покорность вашему величеству» [34]). Чтó сказала бы Монбельярская принцесса, если бы узнала, что этотъ благодѣтельный дядя, всего три года тому назадъ, противодѣйствовалъ браку своей внучатной племянницы съ Русскимъ великимъ княземъ! Самъ обманывая другихъ, Фридрихъ и съ своей стороны ни къ кому не питалъ довѣрія. Принцесса, отправивъ королю приведенное выше благодарственное письмо, съ тѣмъ же курьеромъ послала письмà и двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, находившимся въ то время въ рядахъ Прусской арміи, въ новопріобрѣтенныхъ Польскихъ областяхъ. Чтò же дѣлаетъ Фридрихъ? «Узнавъ, къ счастію, писалъ онъ принцессѣ, отъ фельдъегеря, съ которымъ я самъ говорилъ, что ему поручены два письма къ сыновьямъ вашимъ, и подозрѣвая, что ваше высочество легко могли говорить въ нихъ о бракосочетаніи вашей дочери (которое между тѣмъ слѣдуетъ держать въ тайнѣ, пока о немъ не заговорятъ въ Петербургѣ), прошу извинить меня за то, что я велѣлъ передать ихъ себѣ, съ тѣмъ чтобы вручить ихъ запечатанными, когда ваши сыновья будутъ у меня въ Пруссіи и когда дѣло навѣрно не будетъ уже тайною въ Петербургѣ» [35]). Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ приняла принцесса этотъ новый знакъ вниманія со стороны своего благодѣтельнаго родственника. «Ваше величество, отвѣчала она ему, окажете мнѣ особую милость, если убѣдитесь, что письма, написанныя мною къ сыновьямъ, не содержатъ ничего о важномъ дѣлѣ, которое ваше величество мнѣ повѣрили. Руководимая чувствомъ глубочайшаго уваженія, я никогда не отступлю ни отъ обязанностей, имъ на меня возложенныхъ, ни отъ неизмѣнной и покорнѣйшей привязанности» [36]). Завѣреніямъ принцессы тѣмъ легче

---

[34]) Тамъ же, 26—27.
[35]) Тамъ же, 29.
[36]) Тамъ же, 30.

можно повѣрить, что, говоря такъ, она знала, конечно, что эти письма конечно будутъ въ Берлинѣ, по обычаю того времени, «перлюстрированы».

Какъ ни утомительны сами по себѣ эти подробности сношеній, происходившихъ между Берлиномъ и Монбельяромъ, но онѣ ясно доказываютъ всю силу вліянія, пріобрѣтеннаго Фридрихомъ въ семействѣ будущей супруги наслѣдника Русскаго престола. Интересно также и то, что о чувствахъ самой невѣсты, принцессы Софіи-Доротеи не могло быть и рѣчи: браки принцессъ, въ великомъ большинствѣ случаевъ, вызывались исключительно политическими соображеніями, такъ что самыя жертвы этихъ политическихъ браковъ смотрѣли на нихъ какъ на естественныя послѣдствія своего общественнаго положенія. Было большимъ счастіемъ для высокихъ супруговъ, если холодный политическій разсчетъ, соединявшій ихъ судьбу, случайно совпадалъ съ ихъ чувствами и наклонностями. Изъ разсказа баронессы Оберкирхъ, подруги принцессы Софіи - Доротеи, видно, однако, что разрывъ съ принцемъ Дармштадтскимъ и сватовство Русскаго великаго князя не только не огорчили молодой принцессы, равнодушно относившейся къ своему первому жениху, но и чрезвычайно польстили ея самолюбію. «Когда я пріѣхала въ Этюпъ, говоритъ г-жа Оберкирхъ, принцесса готовилась къ отъѣзду вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ. Она была очень счастлива. Какъ только она меня увидѣла, то бросилась мнѣ на шею и обняла меня нѣсколько разъ.—«Ланель, повторяла она, мнѣ очень грустно разставаться со всѣми вами, но тѣмъ не менѣе я—счастливѣйшая изъ принцессъ во всей вселенной! Вы, вѣдь, пріѣдете ко мнѣ?» Я плакала, и принцесса - мать плакала со мною. Блескъ ожидавшагося брака не скрывалъ отъ нея разстоянія, которое должно было лечь между нею и дочерью. «И кромѣ того», говорила принцесса-мать, «съ Русскими государями часто случаются несчастія, и кто знаетъ, какая участь готовится моей дочери!..» [37]). Дни и вечера проводили мы, составляя различные планы и предположенія. Мы совсѣмъ не спали, и принцесса Доротея упражнялась въ придворныхъ пріемахъ, что̀ заставляло насъ невольно смѣяться. Она раскланивалась передъ пустыми креслами, стараясь быть граціознѣе, но и не терять приличнаго ея сану достоинства. Иногда она прерывала эту игру и говорила мнѣ:

---

[37]) Трагическія событія въ Русскомъ царствующемъ домѣ завершились за 12 лѣтъ до того времени ужасною смертію Іоанна Антоновича, который, происходя изъ Брауншвейгской фамиліи, связанъ былъ родствомъ и съ Прусскимъ королевскимъ домомъ. Уроженецъ Монбельяра Фалло напечаталъ, въ 1765 г., стихотвореніе, посвященное памяти убитаго, подъ заглавіемъ: „Innocence opprimée, ou la mort d'Iwan, empereur de Russie". Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 403.

«Я очень боюсь Екатерины, я буду смущаться при ней и навѣрно покажусь ей глупенькой. Лишь бы только мнѣ понравиться ей и великому князю!» *)... Вообще, продолжаетъ г-жа Оберкирхъ, она обнаруживала дѣтскую радость по поводу предстоявшаго ей брака. Но въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ глубокая горесть овладѣла принцессой, когда она увидѣла, что ей надо разстаться съ своею матерью, со страною гдѣ она выросла, съ этимъ замкомъ, въ которомъ она была такъ счастлива, съ братьями, со мною, съ другими окружавшими ее лицами; она жалѣла всѣхъ и все. Она была безъ чувствъ, когда ее вырвали изъ нашихъ объятій и отнесли въ карету» [38]). Отъѣздомъ въ Берлинъ, по требованію Фридриха, очень спѣшили, и такъ какъ принцесса - мать не могла выѣхать въ одно время съ дочерью, то Софію-Доротею сопровождалъ отецъ ея, Фридрихъ - Евгеній, и двѣ дамы. Путь ихъ лежалъ чрезъ Кассель, гдѣ молодую принцессу встрѣтила и обласкала младшая сестра ея матери, Филиппина, бывшая замужемъ за герцогомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Остановка здѣсь была, впрочемъ, непродолжительна и, согласно желанію Прусскаго короля, герцогъ Фридрихъ-Евгеній съ дочерью прибылъ къ нему въ Потсдамъ 1-го Іюля, за десять дней до пріѣзда великаго князя.

Въ Потсдамѣ принцессу Софію-Доротею ожидалъ самый ласковый пріемъ со стороны членовъ Прусскаго королевскаго дома; здѣсь же увидѣлась она съ братьями своими: Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, изъ которыхъ два первые уже были офицерами Прусской службы, а послѣдній, довершавшій свое образованіе, только что получилъ отъ короля патентъ на чинъ поручика. Но для принцессы миновала пора дѣтскихъ, исключительно - семейныхъ радостей: на нее смотрѣли уже какъ на политическую силу, и самъ прославленный король, кумиръ ея семейства и всей протестантской Германіи, спѣшилъ преподать ей первые уроки политической мудрости. Еще изъ Этюпа, наставляемая, конечно, своими родителями, Софія-Доротея выражала Фридриху, въ письмѣ отъ 15-го Мая, полную свою готовность направлять всѣ свои дѣйствія согласно его совѣтамъ [39]). Безъ сомнѣнія Фридрихъ

*) Екатерина въ собственной эпитафіи писала, что по пріѣздѣ въ Москву (1744) ей прежде всего хотѣлось понравиться государынѣ, будущему супругу *и Россіи*. П. Б.

[38]) Oberkirch, I, 72—73.

[39]) Stark, 51. Sire, comme je viens d'être instruite des gracieuses intentions de votre majesté, il est de mon devoir de lui en témoigner ma plus respectueuse reconnoissance avec le vif sentiment de la plus entière déférence à ses volontés, persuadée que je ne puis mieux faire et me rendre plus digne de la tendresse de mes chers parents, qu'en remettant entièrement à votre majesté le destin de mes jours. Ils ne seront heureux qu'autant que je pourrai les employer à vous marquer, sire, mon éternel attachement et ma respectueuse reconnoissance et en dirigeant toutes mes démarches d'après les gracieux conseils de votre majesté.

старался познакомить принцессу, на сколько позволяли ея возрастъ и развитіе, съ Россіей и Русскимъ дворомъ и указывалъ ей образъ дѣйствій и правила поведенія, которыхъ она должна была держаться на ожидавшемъ ее высокомъ поприщѣ. Совѣты великаго короля были тѣмъ драгоцѣннѣе для дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтства, что, подчиняясь требованію Русской государыни, она не могла никого взять съ собой въ Россію и такимъ образомъ должна была очутиться на чужбинѣ совершенно одна, среди незнакомыхъ ей лицъ и совершенно чуждыхъ отношеній; даже горничную, о которой такъ хлопоталъ Фридрихъ, Софія-Доротея могла взять съ собою въ Петербургъ только на три мѣсяца, и это оказалось возможнымъ лишь благодаря любезности Павла Петровича, испросившаго на то особое разрѣшеніе матери [40]). Требованіе Екатерины вызывалось опасеніемъ Прусскихъ происковъ и надеждой, что, при этомъ условіи, будущая Русская великая княгиня легче перенесетъ ту операцію кровопусканія для удаленія изъ своихъ жилъ Нѣмецкой крови, которую съ удовольствіемъ вынесла когда-то сама Екатерина. Притомъ Императрица ставила недостаткомъ Софіи-Доротеи большое количество у нея братьевъ и сестеръ; а ея родители, не говоря уже о ходившихъ о нихъ сплетняхъ, не внушали, кажется, Екатеринѣ особаго къ себѣ уваженія по своему образу мыслей. Узнавъ, чти Гриммъ пользуется ихъ расположеніемъ, она писала ему: «Клянусь вамъ, что за эту благосклонность я не дала бы и гривенника.... Все это такой сентиментальный народъ, у котораго разсудокъ разведенъ въ цѣлой лужѣ гиперболъ, и въ нихъ трудно понять что-нибудь» [41]) Екатерина дорожила лишь Софіей-Доротеей, ее одну желала видѣть въ Россіи, и тѣмъ тяжелѣе представлялось будущее положеніе молодой принцессы въ Россіи такому опытному дѣльцу, какъ Фридрихъ II; тѣмъ труднѣе была взятая имъ на себя роль наставника. «Она молода и воспитана въ величайшей простотѣ», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ; «ей незнакомы ни интриги большаго свѣта, ни ложныя увертки, которыя употребляются придворными, чтобы обманывать молодыхъ, неопытныхъ особъ. Отдавая ее совершенно подъ покровительство вашего императорскаго величества, мы полагаемъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ избѣжать ошибокъ, происходящихъ отъ молодости и недостатка опытности, въ которыя могла бы впасть эта особа, было бы то,

---

[40]) С. Р. И. О., XXVII, 106—107.

[41]) С. Р. И. О. XXIII, 429. Правда, что этотъ отзывъ Екатерины сдѣланъ былъ ею спустя 11 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1787 г.; но онъ ясно показываетъ, какъ мало вообще сочувствовала Екатерина міровоззрѣнію Монбельярской четы. О недовольствѣ Императрицы семейнымъ положеніемъ Софіи-Доротеи см. С. Р. И. О., т. XIII.

чтобы ваше императорское величество были такъ добры приставить къ ней довѣренную особу, которая бдительно слѣдила бы за ея дѣйствіями до того времени, когда зрѣлый разсудокъ позволитъ предоставить ей дѣйствовать самой»... «Эта молодая особа, писалъ потомъ Фридрихъ, обѣщала мнѣ приложить всѣ старанія, чтобы угождать вашему императорскому величеству и своему будущему августѣйшему супругу» [42]).

Съ своей стороны и Софія-Доротея на всю жизнь сохранила чувства благодарности къ своему покровителю и всегда помнила его совѣты. Спустя 42 года, прибывъ въ Берлинъ во время путешествія своего по Европѣ уже вдовствующей императрицей, она, по свидѣтельству очевидицы, простерлась предъ гробницей Фридриха, какъ простираются только предъ мощами (comme on le fait devant les reliques); а въ комнатѣ, гдѣ Фридрихъ показалъ ей въ первый разъ портретъ Павла Петровича и гдѣ велъ съ нею бесѣду по поводу предстоявшаго брачнаго союза, императрица вспоминала самыя мелочныя подробности (jusqu'aux plus petis détails) этого свиданія и разговора [43]).

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ приближался къ Прусской столицѣ, по-царски встрѣчаемый на всемъ пути своемъ отъ Мемеля. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Румянцовъ, Н. И. Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ, секретарь Николаи и хирургъ Бекъ. Вечеромъ 10 Іюля достигъ Павелъ Берлина, гдѣ, неизбалованный особымъ вниманіемъ на родинѣ, онъ, по собственнымъ словамъ, «принятъ былъ съ такими почестями, съ какими, какъ сказываютъ, ни одинъ изъ коронованныхъ главъ не былъ принятъ» [44]). Для сына Екатерины, для будущаго Русскаго государя, Прусскій король забылъ свою скупость и окружилъ его такимъ великолѣпіемъ и такими почестями, которыя должны были навсегда оставить въ великомъ князѣ самыя пріятныя воспоминанія о Берлинѣ. Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на описаніи торжествъ и праздниковъ, которыми Фридрихъ чествовалъ своего высокаго гостя [45]). Звуки музыки, громъ пушекъ, льстивыя придворныя рѣчи, которыми обмѣнивались Русскіе и Прусаки,—все это было лишь ничтожными подробностями въ картинѣ отношеній завязавшихся между Павломъ Петровичемъ и

---

[42]) С. Р. И. О., XX, 354, 358.

[43]) Journal tenu par la princesse Barbe Tourkestanow, p. 106. „Cette démonstration говоритъ умная княжна, не понимая чувствъ императрицы, produisit, dit-on, une très grande sensation. Pour moi je vois la chose tout différement, et je crois qu'il ne faut jamais révérer un homme comme on révère un saint, et, particulièrement Frédéric II, qui n'a été rien moins que digne de révérence".

[44]) С. Р. И. О., XXVII, 98.

[45]) О нихъ см. *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 140—144, гдѣ указаны и спеціальныя о томъ сочиненія.

принцессой Софіей-Доротеей, этимъ прекраснымъ и любящимъ отпрыскомъ Прусскаго королевскаго и Виртембергскаго герцогскаго домовъ.

Первая встрѣча между молодыми людьми произошла въ день пріѣзда Цесаревича за ужиномъ у королевы Прусской Елисаветы-Христины. Не смотря на болѣзненное сложеніе (которое Екатерина приписывала слишкомъ заботливому уходу за нимъ еще при Елисаветѣ) на здоровье, не вполнѣ окрѣпшее, благодаря тяжелымъ недугамъ, вынесеннымъ до вступленія въ зрѣлые годы, нашъ великій князь своею внѣшностію производилъ тогда, по отзывамъ современниковъ, самое благопріятное впечатлѣніе [46]). Хотя онъ былъ невысокаго роста, но строенъ и весьма правильно сложенъ; умное, серьезное выраженіе лица его смягчалось добрыми, прекрасными глазами; не портила Павла Петровича и форма его носа, слегка приподнятаго, которымъ онъ напоминалъ дѣда своего по матери, принца Ангальтъ-Сербскаго Христіана-Августа. «Въ великаго князя (писалъ не задолго до этого времени графъ Сольмсъ барону Ассебургу) легко влюбиться любой дѣвицѣ..... Онъ очень красивъ лицомъ, разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Подъ этой прекрасной оболочкой скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы вооружиться рѣшимостію избѣгать его самому и не одобрять его въ другихъ. Словомъ, невозможно сказать довольно въ похвалу великому князю» [47]). Слабыя стороны въ характерѣ Павла Петровича, его нервная впечатлительность, рѣзкость и раздражительность, развиваясь съ годами, тогда были еще почти незамѣтны для посторонних и проявлялись лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Немудрено, что высокій женихъ, даже независимо отъ своего сана, могъ съ самаго начала понравиться Софіи-Доротеѣ и, въ свою очередь, отдалъ дань ея достоинствамъ. «Я нашелъ свою невѣсту, писалъ Павелъ Екатеринѣ на другой день, 11 Іюля, такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: недурна собою, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что если она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, что не безъ чувства и она съ своей стороны осталась» [48]). Дальнѣйшее знакомство только укрѣпило эти чувства Цесаревича. 12 Іюля принцъ Генрихъ, по его просьбѣ, передалъ королю Фридриху и родителямъ принцессы привезенныя имъ письма Ека-

---

[46]) *Бюлеръ*, „Два Эпизода“. Р. В. 1871 г., № 3, 279, 284, № 9, 193—194,

[47]) Тамъ же.

(„С. Р.И. О., XXVII, 98.

терины, заключавшія въ себѣ формальное предложеніе о бракѣ, и въ этотъ же день былъ сговоръ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ писалъ Екатеринѣ: «Мой выборъ сдѣланъ... Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выборомъ своимъ не остыжу васъ; мнѣ о семъ дурно теперь говорить, ибо, можетъ быть, я пристрастенъ, но сіе гласъ общій. Что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, что́ я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между роднею и ею. Умъ солидный ея примѣтилъ и король самъ въ ней, ибо имѣлъ съ ней о должностяхъ ея разговоръ, послѣ котораго мнѣ о семъ отзывался; не пропускаетъ она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ея къ вашему величеству. Знанія наполненна, и что́ меня вчера весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобы пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любитъ быть дома и упражняться чтеніемъ или музыкою, жадничаетъ учиться по-русски, зная сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея» [49]). Въ слѣдующемъ письмѣ, 20 Іюля, онъ извѣщалъ: «Невѣста моя ежечасно спрашиваетъ у меня, чѣмъ заслужить можетъ милость вашу къ себѣ, навѣдывается о всемъ касательно до будущаго своего состоянія и показываетъ отмѣнную жадность къ Русскому языку даже до того, что знаетъ уже азбуку наизусть. Примѣръ покойницы и доброе ея сердце весьма сильно дѣйствуютъ въ ней при семъ случаѣ». «Не могу, говорилъ онъ наконецъ, описать ни нѣвѣсты своей, ни удовольствія своего» [50]).—Не менѣе счастлива была и Софія-Доротея. «Дорогой мой другъ», писала отъ 15 Іюля г-жѣ Оберкирхъ, «я довольна, даже болѣе чѣмъ довольна; я никогда не могла бы быть довольнѣе; великій князь чрезвычайно милъ и обладаетъ всѣми качествами. Льщу себя надеждой, что очень любима своимъ женихомъ; это дѣлаетъ меня очень и очень счастливой» [51]).

Замѣтивъ нѣжную привязанность Софіи-Доротеи къ ея семьѣ и будучи очарованъ невѣстой, Павелъ показывалъ много вниманія ея отцу, братьямъ и матери, прибывшей со второй своей дочерью къ пріѣзду великаго князя въ Берлинъ. «Отецъ и мать не таковы снаружи, увѣдомлялъ онъ Екатерину, каковыми ихъ описывали: первый не хромаетъ, а другая сохраняетъ еще остатки пріятства и пригожства» [52]).

---

[49]) Великая княгиня Наталія Алексѣевна очень лѣниво училась Русскому языку, вызывая этимъ неудовольствіе Екатерины.

[50]) Тамъ же, 105—106, 109.

[51]) Oberkirch, 1, 74.

[52]) Тамъ же, 98.

Рыцарскій, впечатлительный Цесаревичъ не могъ оставаться холоднымъ при видѣ относительной бѣдности новыхъ своихъ родственниковъ и нѣжныхъ сценъ между ними и его невѣстой, вызываемыхъ мыслію о скорой и долгой разлукѣ: онъ плакалъ съ ея отцомъ, просилъ Екатерину о лучшихъ по возможности подаркахъ для матери и скорбѣлъ о незавидныхъ матеріальныхъ средствахъ будущихъ своихъ шурьевъ. Извѣщая мать свою о всей своей радости и удовольствіи, сопряженныхъ съ его поѣздкой, Павелъ Петровичъ, самъ иногда нуждавшійся въ деньгахъ, прибавляетъ: «Одно у меня на сердцѣ; позвольте мнѣ отдѣлить, съ тѣмъ что я опять самъ внесу въ вашу казну, что-нибудь шурьямъ двумъ своимъ, которые въ крайней бѣдности»[53]). Разумѣется, Екатерина не отказала сыну въ этой его просьбѣ.

Счастливому настроенію духа Павла Петровича много содѣйствовалъ, кромѣ личныхъ привязанностей, и его политическій образъ мыслей. Цесаревичъ горячо любилъ Россію, гордился честью быть правнукомъ Петра Великаго; но, къ сожалѣнію, при его воспитаніи, по удаленіи С. А. Порошина, не обращалось болѣе надлежащаго вниманія на разумное знакомство его съ народомъ Русскимъ и его исторіей. Возобладали Остервальдъ, Эпинусъ и почти-ежедневный блюдолизъ Сальдернъ. Уже давно было замѣчено, что лица, окружавшія царственнаго мальчика, и во главѣ ихъ графъ Н. И. Панинъ, смотрѣли на Россію, какъ на страну варварскую, старались втоптать въ грязь величайшихъ людей Россіи и односторонне выставляли предъ своимъ питомцемъ лишь грубость Русскаго народа и недостатки нашего общества, не менѣе односторонне прославляя иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ[54]). Самобытныя, чисто-русскія черты геніальной дѣятельности Петра Великаго неправильно истолковывались лишь въ смыслѣ желанія его водворить въ Россіи нѣметчину, а надъ личностью его смѣялись. Ломоносовъ, врагъ Нѣмцевъ, считался дуракомъ; добродушіе и страдательное терпѣніе Русскаго народа выставляли глупостью, увѣряя, что notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit. Это качество ставилось, впрочемъ, въ заслугу Русскому народу, и десятилѣтній Павелъ въ сущности выражалъ лишь мнѣніе большинства Русскаго образованнаго общества, говоря: «А что-жъ? Развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ онъ былъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худа бы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ»[55]).

---

[53]) Тамъ же, 106.
[54]) *Лебедевъ*, графы Никита и Петръ Панины, 74—85.
[55]) Записки Порошина.

Это наивное отрицаніе девятисотлѣтней исторической жизни Русскаго народа, эта слѣпая вѣра во всемогущество палки, которою можно передѣлывать народную жизнь по своему произволу, долгое время составляли одно изъ завѣтнѣйшихъ убѣжденій многихъ и Русскихъ, и иностранцевъ въ XVIII в. и даже XIX в., въ теченіе всего крѣпостническаго періода Русской исторіи. Русскую партію при мальчикѣ-Павлѣ составлялъ, если не считать осторожнаго Платона, одинъ только Порошинъ, борьба котораго съ Нѣмцами завершилась, наконецъ, его удаленіемъ отъ двора. Остальные «объевропеенные» Русскіе люди, въ сущности, во взглядахъ на Русскую народность мало чѣмъ отличались отъ Остервальда, Эпинуса, Левека, Лафермьера, Сальдерна и другихъ иностранцевъ, окружавшихъ Цесаревича во время его воспитанія; всѣ они, признавая фактъ существованія Русской имперіи и считая Русскую народность безличною, понимали лишь политическій Русскій патріотизмъ: осязали тѣло Россіи и не признавали въ немъ души. «Недовѣріе къ способностямъ и достоинствамъ его будущихъ подданныхъ, говоритъ г. Лебедевъ, росло съ лѣтами и изъ первыхъ впечатлѣній дѣтства перешло потомъ въ убѣжденіе о превосходствѣ иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, надъ Русскими. Обстоятельства и окружающая среда еще болѣе усиливали это настроеніе. Въ послѣдствіи въ дѣлѣ ума приняло участіе сердце. Павлу разсказывали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго и неоцѣненнаго, и въ юношѣ, на первыхъ порахъ его самостоятельной дѣятельности, явилось желаніе подражать во всемъ отцу и быть продолжателемъ начатыхъ имъ и прерванныхъ въ самомъ началѣ преобразованій» [56]). Пристрастіе Цесаревича къ Пруссіи, бывшее слѣдствіемъ этого настроенія, усиливалось еще любовью его къ мелкостямъ военной службы и убѣжденіемъ въ пользѣ для Россіи Прусскаго союза, поддерживаемое въ Павлѣ его воспитателемъ, творцомъ «сѣвернаго акорда», графомъ Панинымъ. Что касается до «мелкостей» военнаго дѣла, то онѣ вообще привлекательны для мальчиковъ извѣстнаго возраста: игра въ солдаты чуть ли не самая распространенная изъ дѣтскихъ игръ. Но иное значеніе возымѣли эти мелкости для царственнаго мальчика, когда ему внушали, напр., что его «славный прадѣдъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже Сената» и что какую бы помощь, напримѣръ, получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, воль-

---

[56]) Лебедевъ, 85.

ныхъ и другихъ наукъ и художествъ, еслибы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для смягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя трофеевъ»[57]). Такія и подобныя имъ рѣчи въ сущности понятны для того времени и для государства, которое развивало въ себѣ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ внѣшними врагами, по преимуществу военную дѣятельность и котораго первенствующее сословіе благородной службою государству считало только службу съ мечемъ въ рукѣ, а военнаго—годнымъ для занятія всякой должности въ государствѣ, какихъ бы спеціальныхъ знаній она ни требовала. Еще болѣе станетъ понятнымъ увлеченіе Павла Петровича военнымъ дѣломъ, если вспомнимъ его убѣжденіе, что внутренняя жизнь Россіи и ея внѣшнее достоинство зависятъ не отъ нравственныхъ силъ Русскаго народа, а отъ качества внѣшней силы, управляющей его судьбами. Отсюда только объясняется то удивительное обстоятельство, что, подобно Петру III, Павелъ, по возвращеніи изъ Берлина въ 1776 г., уже проектировалъ имѣть на Русской службѣ наемныя Нѣмецкія войска, для облегченія Русскаго народа отъ тягостей военной службы[58]), а нравственныя силы народныхъ армій ставилъ ни во что въ сравненіи съ мелочными требованіями военнаго устава и строгимъ соблюденіемъ военной дисциплины. Такимъ софизмомъ оправдывались для Павла Петровича страсть къ экзерцирмейстерству и стремленіе къ изученію «мелкостей» военныхъ. Для удовлетворенія этого стремленія Павлу Петровичу опять приходилось обращаться къ Пруссіи, военнымъ уставамъ которой рабски подражали во всей Европѣ, и къ ея прославившемуся побѣдами королю-полководцу; возлѣ него не было Суворова, говорившаго: «Русскіе Прусскихъ всегда били; что-жъ тутъ перенять?» Румянцовъ же, Панинъ, Репнинъ и Салтыковъ были горячими поклонниками Фридриха и его учрежденій[59]).

Сочувствіе Цесаревича къ Пруссіи подогрѣвалось постоянно событіями, имѣвшими большое значеніе въ его личной жизни: пріѣздами въ Петербургъ принца Генриха, бракомъ съ Наталіей Алексѣевной и, наконецъ, поѣздкой въ Берлинъ для свиданія съ Софіей-Доротеей. Теперь Павелъ Петровичъ могъ собственными глазами видѣть и страну, казавшуюся ему идеаломъ возможнаго тогда для Россіи совершенства, и ея великаго короля-полководца и философа. Сначала, однако, Прус-

---

[57]) „Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, стр. 119.
[58]) Лебедевъ, 222—223.
[59]) Иконниковъ, 118; Лебедевъ, 118, 119.

скія войска не поддержали въ глазахъ Павла своей Европейской славы. «Въ Кенигсбергѣ, писалъ онъ матери, видѣлъ я полки Прусскіе и нашелъ, что дѣйствительно славны бубны за горами»; но за то чѣмъ далѣе онъ ѣхалъ по Пруссіи, тѣмъ приходилъ все въ большій восторгъ. «Видно, писалъ онъ, что имѣютъ во всемъ предъ нами вѣка два преимущества» [60]). Нѣмецкая мелочность, аккуратность и необыкновенная выдержанность во всѣхъ частяхъ правительственной машины въ особенности пріятно поражали Павла. «Въ Пруссіи, говоритъ Лебедевъ, все шло какъ бы волшебствомъ, съ математическою точностью: король изъ своего Санъ-Суси командовалъ государствомъ и арміею, и всѣ второстепенные исполнители были не болѣе, какъ лица придаточныя. Стройность, порядокъ, единообразіе, строгая подчиненность, производили какое-то обаятельное дѣйствіе на всѣхъ, кто не взглядывался пристальнѣе въ дѣло, и если вся Европа считала себя счастливою, подражая до послѣднихъ мелочей всѣмъ Прусскимъ учрежденіямъ, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что онъ сдѣлался самымъ восторженнымъ поклонникомъ Фридриха II и приписывалъ только ненормальному положенію Россіи (гдѣ на тронѣ была женщина), что мы вели дѣла путемъ своеобразнымъ, не только не слѣдуя за общимъ потокомъ подражательности Пруссакамъ, но даже съ презрѣніемъ смотрѣли на обезьянство всей Европы?» [61]) Личныя отношенія короля, не скупившагося на лесть Павлу и окружавшимъ его Русскимъ, въ свою очередь ласкали самолюбіе Цесаревича и вызывали въ немъ чувство благодарности. «Король (увѣдомлялъ онъ 13 Іюля свою вѣнценосную мать, видимо тронутый словами Фридриха) столь чувствуетъ дружбу вашу къ нему, что говорилъ, что онъ бы кровію и жизнію хотѣлъ вамъ заплатить, и со слезами о семъ говоритъ» [62]). 20 Іюля онъ писалъ: «Здѣсь приняты всѣ тѣ, которые имя Русскаго носятъ, съ таковою отличностію, зачиная съ меня, каковой изъяснить невозможно. Король со мной говоритъ восьмой день о разномъ и щупалъ меня со всѣхъ сторонъ и при всякомъ случаѣ изъяснялся, со слезами почти говоря о вашемъ величествѣ и о привязанности его къ вамъ. Подарилъ онъ мнѣ перстень отмѣнной величины съ портретомъ своимъ и восемь лошадей... Имя ваше здѣсь въ такомъ почтеніи, и радость въ сію минуту по причинѣ того, что изволили меня сюда отправить, неописанна, и вы не изволите повѣрить всему тому, что̀ я вамъ о семъ изустно донесу» [63]).

---

[60]) С. Р. И. О., XXVII, 99.
[61]) *Лебедевъ*, 216—217.
[62]) С. Р. И. О., XXVII, 106.
[63]) Тамъ же, 108.

Дѣйствительно, Фридриху было чему радоваться: онъ не только успѣлъ, благодаря пріѣзду Павла въ Берлинъ, укрѣпить союзъ свой съ Россіей и отдалить отъ нея Австрію, но и пріобрѣталъ себѣ навсегда могущественнаго союзника въ самой Россіи въ лицѣ наслѣдника Екатерины. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ надѣялся въ Павлѣ видѣть по отношенію къ Пруссіи Петра III. Страхъ передъ Россіею усилился въ немъ недавними нашими побѣдами. Молодой Цесаревичъ не могъ прозрѣть въ прославленномъ королѣ, этомъ идолѣ своего вѣка, коварнаго интригана, для котораго всѣ средства были хороши, лишь бы вели къ цѣли. Павелъ Петровичъ обладалъ рыцарскимъ, прямымъ, благороднымъ характеромъ; какъ было ему не вѣрить словамъ и слезамъ стараго, опытнаго сердцевѣдца? Безъ сомнѣнія, въ принцессѣ Софіи-Доротеѣ Павелъ Петровичъ съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ и Фридрихъ II, видѣлъ живую связь, долженствующую съ этого времени соединять Россію и Пруссію. Правда, въ качествѣ наслѣдника престола, не всегда допускаемый матерью къ дѣламъ управленія, Павелъ не могъ вполнѣ отвѣчать ожиданіямъ новаго своего родственника; но мы увидимъ впослѣдствіи, что даже одна увѣренность въ дружескихъ чувствахъ будущаго Русскаго государя къ Пруссіи производила сильное вліяніе на политику Европейскихъ державъ и мѣшала отчасти дѣйствіямъ самой Екатерины, когда она разорвала союзъ свой съ «Иродомъ» [61]).

Создавъ для себя въ Берлинѣ политическій символъ вѣры, освященный родственными узами, Цесаревичъ въ Берлинѣ же и въ Прусскомъ духѣ закрѣпилъ въ себѣ любовь и къ «мелкостямъ» военной службы. Когда онъ сдѣлался императоромъ, любовь эта удивляла современниковъ. «Какъ ни пагубно, пишетъ одинъ изъ нихъ, подѣйствовали вліянія высоко-аристократическихъ идей и вкусовъ на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла Петровича, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ Прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т. д., словомъ все, чтó напоминало о Фридрихѣ Великомъ. Павелъ Петровичъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его какъ кош-

---

[61]) Во время пребыванія Павла въ Берлинѣ, враги Пруссіи могли выражать свое неудовольствіе на новый, неожиданный для нихъ успѣхъ Фридриха только сплетнями, о которыхъ самъ же Павелъ наивно извѣщалъ Екатерину: „Министры Французскій и Австрійскій дуются и распустили про насъ слухъ, не будучи въ состояніи про меня иного сказать, какъ что я горбатъ; но думаю, что теперь перестали о семъ говорить. Таковой же поклепъ о меньшой принцессѣ Виртембергской весьма ложенъ, ибо, нося еще дѣтское платье, виднѣе бы было, но такъ пряма, какъ только можетъ быть". С. Р. И. О., XXVII, 109.

маръ. Къ счастью Павла Петровича и его родины, онъ не заразился бездушной философіей и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ Петровичъ не могъ терпѣть, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, но доброе сѣмя удержалось» [65]).

Весьма замѣчательно, что Екатерина, хорошо знавшая и сына, и Фридриха, какъ бы не предвидѣла и не понимала всего значенія, которое могла имѣть для Россіи поѣздка Павла въ Берлинъ. Въ письмахъ ея за это время къ Павлу Петровичу нигдѣ не проскальзываетъ ни малѣйшей тревоги по поводу той опасной для довѣрчиваго Цесаревича близости его къ Прусскому королю, которая видна была изъ его же писемъ. Напротивъ, Екатерина была очень тронута вниманіемъ, которымъ окружали великаго князя въ Берлинѣ. «Съ крайнемъ удовольствіемъ, отвѣчала она ему, усмотрѣла я, что вы благополучно пріѣхали въ Берлинъ и что пріемъ вамъ былъ учиненъ столь отличный, сколь и дружественный, о чемъ, какъ вамъ извѣстно, я сомнѣнія не имѣла, знавъ долговременно расположеніе короля, всего его дома и подданныхъ его; вполнѣ радуюсь, что вамъ доставила случай тѣмъ пользоваться въ полной мѣрѣ... Богъ да благословитъ къ вѣчному нашему спокойствію сей новый вашъ союзъ, съ которымъ васъ поздравляю; признаюсь, что радостныхъ движеній до такой степени при первомъ вашемъ бракѣ не чувствовала, нынѣшнія же почитаю не токмо какъ благопредсказаніе сердца моего, но еще какъ произведенныя отъ исполненія давнишняго моего желанія, имѣвъ отъ 1767 года сію принцессу всегда въ умѣ и предметѣ. Таковое мое вамъ извѣстное къ невѣстѣ вашей расположеніе не можетъ инаго какъ умножено быть ея драгими качествами, кои вы столь живо мнѣ описываете, и отовсюду слуху моему подтверждаются. Наидружественнѣйшіе сентименты короля и всей фамиліи соотвѣтствуютъ совершенно моему желанію и ожиданію взаимности. Признаюсь чистосердечно, самолюбію моему льститъ безмѣрно честь неупадающаго въ свѣтѣ Русскаго имени» [66]). Мало того, Екатерина не считала даже нужнымъ и своевременнымъ оспаривать восторженныхъ мнѣній его о Пруссіи. «Разсужденіе ваше о полкахъ, людяхъ и земляхъ, писала она Павлу, кои вы въ проѣздъ вашъ видѣли, нахожу основательнымъ» [67]). Это спокойствіе Екатерины и ея удовольствіе поѣздкой Павла можно объяснить развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что поражающая быстрота событій, происшедшихъ послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, не давала Императрицѣ времени

---

[65]) Изъ Записокъ Н. А. Саблукова. Р. Арх., 1869, столб. 1878.
[66]) С. Р. И. О., XXVII, 97—99, 105—106, 108.
[67]) Тамъ же, 99.

опомниться. Желая какъ можно скорѣе женить сына на принцессѣ Софіи-Доротеѣ, Екатерина думала только о лучшемъ средствѣ достигнуть своей цѣли, и кто знаетъ, не самъ ли принцъ Генрихъ подсказалъ Екатеринѣ поѣздку въ Берлинъ великаго князя? Ею ускорялось задуманное сватовство, а все остальное, при тревожномъ состояніи духа Императрицы въ то время, казалось ей неважнымъ.

Но, не придавая особаго значенія поѣздкѣ Цесаревича въ Берлинъ, Екатерина не ошибалась въ истинныхъ намѣреніяхъ Фридриха и брала свои мѣры. Мы уже видѣли, что она не желала дозволить Софіи-Доротеѣ привезти съ собою въ Россію кого-либо изъ близкихъ ей лицъ, въ той, конечно, надеждѣ, что молодая великая княгиня, при этомъ условіи, скорѣе и легче обрусѣетъ. Эту свою надежду она выражала въ письмахъ своихъ къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ и ея матери, жалуя имъ обѣимъ, послѣ сговора, знаки ордена Св. Екатерины и примѣняя къ нимъ девизъ этого ордена: «за любовь и отечество». «Получивъ знаки ордена Св. Екатерины, писала Екатерина Софіи-Доротеѣ, вы будете носить знаки *любви и отечества.* Вотъ что говоритъ вамъ чрезъ меня Россія, простирающая къ вамъ свои руки. Отъ вашей душевной красоты и отъ доброты вашего сердца она ожидаетъ, что вы, мѣняя отечество, будете относиться съ чувствами самой живой и глубокой привязанности къ новому отечеству, которое васъ принимаетъ, давъ вамъ выборомъ предпочтеніе» [68]). «Ваши услуги, писала она принцессѣ-матери, вполнѣ соотвѣтствуютъ девизу этого ордена: ваша дочь есть подарокъ, который вы дѣлаете отечеству» [69]).

На встрѣчу Софіи-Доротеи Екатерина отправила въ Мемель статсъ-даму графиню Румянцову, супругу фельдмаршала, фрейлинъ Алымову и Молчанову, бывшихъ воспитанницъ Смольнаго института, и состоявшаго въ кабинетѣ Императрицы у принятія челобитень, ст. сов. Пастухова. Пастуховъ отправленъ былъ исключительно затѣмъ, чтобы дорòгою до Петербурга обучать принцессу Русскому языку» [70]).

---

[68]) Тамъ же, 84.

[69]) Архивъ Кн. Воронцова, XXXIV, 383. Издатель дѣлаетъ вопросъ, о какомъ отечествѣ тутъ говорится? Безъ сомнѣнія Екатерина подразумѣвала подъ нимъ Россію, хотя сама принцесса-мать и Фридрихъ II считали замужество Софіи-Доротеи подаркомъ и для своего отечества—Пруссіи.—Тогда же и отецъ Софіи-Доротеи, принцъ Фридрихъ-Евгеній, пожалованъ былъ Андреевскимъ орденомъ. Рескриптъ ему Екатерины см. тамъ же, 382.

[70]) С. Р. И. О., XXIII, 54. „Я не знаю, писала Екатерина Гримму, сколько времени понадобится принцессѣ, чтобы толково и правильно прочесть по-русски свое исповѣданіе вѣры, но чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, хотя на скорую руку, тѣмъ будетъ лучше. Съ цѣлью ускорить все, это г. Пастуховъ отправленъ въ Мемель, чтобы дорóгою учить принцессу азбукѣ и исповѣданію вѣры. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы видите отсюда, что мы осторожны и предусмотрительны и что обращеніе и исповѣданіе вѣры слѣдуютъ по почтѣ“.

25-го Іюля 1776 года цесаревичъ оставилъ, наконецъ, Берлинъ. Наканунѣ, сопровождаемая своими родителями, выѣхала изъ Берлина въ Мемель и невѣста, чтобы вновь встрѣтить своего жениха въ замкѣ Рейнсбергѣ, въ которомъ привѣтствовалъ высокихъ путешественниковъ хозяинъ его, принцъ Генрихъ. Только въ Рейнсбергѣ Павелъ окончательно простился съ Софіей-Доротеей и 28 Іюля отправился обратно въ Россію чрезъ родной его невѣстѣ Шведтъ, гдѣ познакомился съ дядей ея матери, Фридрихомъ Генрихомъ, послѣднимъ маркграфомъ Брандербургъ-Шведтскимъ. 14 Августа Павелъ Петровичъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ. Въ это время принцесса Софія-Доротея, прогостивъ въ Рейнсбергѣ и Шведтѣ, подвигалась къ Мемелю, гдѣ она должна была проститься съ сопровождавшими ее родителями и покинуть свою родину.

Смутно было на душѣ молодой принцессы. Если послѣ сговора она восторгалась тѣмъ, что ее предпочли всѣмъ Германскимъ принцессамъ [71]), то самая мысль объ ожидавшемъ ее величіи не могла не пугать ея, ибо она соединилась съ мыслію о трудностяхъ ея будущаго положенія среди Русскаго двора, въ полной отчужденности отъ всего, что̀ до сихъ поръ ей было дорого. Честолюбіе не подавило въ душѣ Софіи-Доротеи другихъ ея чувствъ, и на пути къ Мемелю она плакала, вспоминая объ Этюпѣ и его невинныхъ развлеченіяхъ [72]). Въ городѣ Мемелѣ, куда принцесса пріѣхала 13 Августа, горесть ея достигла высшихъ своихъ предѣловъ. Здѣсь, быть можетъ вслѣдствіе слезъ, возбуждаемыхъ мыслію о разлукѣ, принцесса захворала простудой, что̀ вынудило ея статсъ-даму, графиню Е. М. Румянцову, продолжить пребываніе въ Мемелѣ до 19 Августа, т. е. 3 днями позже срока, назначеннаго Екатериной, желавшей видѣть Софію-Доротею въ Петербургѣ не позже 29 Августа [73]). Чтобы избѣжать тяжелой сцены прощанія съ нѣжно-любимой дочерью, родители принцессы выѣхали изъ Мемеля въ обратный путь чрезъ нѣсколько дней, рано утромъ, когда дочь ихъ почивала крѣпкимъ сномъ. При Софіи-Доротеѣ оставлена была лишь ея горничная, нѣкто Преторіусъ.

Русская свита, которая окружила въ Мемелѣ принцессу Софію-Доротею, была уже отчасти знакома ей по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей Павломъ Петровичемъ. «Въ Мемелѣ, говоритъ одна изъ встрѣтив-

---

[71]) J'ai eu le pas sur toutes les princesses et altesses impériales, писала она 15 Іюля изъ Берлина баронессѣ Оберкирхъ. Oberkirch, Mémoires, 1, 74.

[72]) Oberkirch Mémoires, 1, 81.

[73]) Донесеніе гр. Румянцовой императрицѣ Екатеринѣ изъ Руцау, 19 Августа 1776 года, Государственный Архивъ, № 106. Ср. „Письма гр. Е. М. Румянцовой къ ея мужу гр. Румянцову“, Спб., 1888, 207.

шихъ ее фрейлинъ, любимица первой супруги Павла Петровича, г-жа Алымова, насъ представили будущей великой княгинѣ. Меня поразили ея красота, молодость и простота въ обращеніи. Когда дошла до меня очередь, она, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ, сказала, что великій князь особенно бранилъ меня. Во всю дорогу она оказывала мнѣ предпочтеніе; какъ казалось, она была предубѣждена противъ супруги фельдмаршала Румянцова и почти не обращала на нее вниманія» [74]). Это извѣстіе, впрочемъ, не можетъ быть принятъ безъ оговорокъ. Графиня Екатерина Михайловна Румянцова, выбранная въ статсъ-дамы къ новой великой княгинѣ, была одной изъ симпатичнѣйшихъ Русскихъ женщинъ XVIII в. и могла возбуждать къ себѣ со стороны всѣхъ честныхъ людей того времени лишь глубокое уваженіе. Фельдмаршалъ Румянцовъ не отличался семейными добродѣтелями, былъ плохимъ отцомъ и невѣрнымъ мужемъ; на женѣ его лежали всѣ заботы о воспитаніи трехъ сыновей и по управленію имѣніями, и она, живя врозь съ мужемъ, не смотря на то, глубоко его уважала и свято исполняла обязанности матери и хозяйки [75]). Быть можетъ, этотъ семейный разладъ, о которомъ Софія-Доротея должна была, къ невыгодѣ Румянцовой, услышать отъ Павла (бывшаго горячимъ поклонникомъ фельдмаршала) и поселилъ въ принцессѣ недовѣріе къ ея статсъ-дамѣ. Впрочемъ, самой графинѣ Румянцовой принцесса не дала ничего замѣтить. «Будущая наша великая княгиня, писала гр. Румянцова мужу, обошлась очень ласково со мной и повидимому любезна очень» [76]). Предубѣжденіе противъ графини Румянцовой, если только довѣрять разсказу Алымовой, вообще склонной къ самовосхваленію, должно было, однако, скоро разсѣяться при ближайшемъ знакомствѣ принцессы съ графиней. По крайней мѣрѣ, мать принцессы Софіи-Доротеи, видѣвшая графиню Румянцову въ теченіе кратковременнаго пребыванія своего въ Мемелѣ, впослѣдствіи, при удаленіи графини Румянцовой отъ двора, отзывалась о ней чрезвычайно лестно. «Удаленіе супруги фельдмаршала, писала принцесса великой княгинѣ, очень огорчило меня (m'a fait une peine sensible). Я увѣрена, что она была искренно привязана къ вамъ, хотя,

---

[74]) Памятныя Записки Глафиры Ивановны Ржевской. Р. Архивъ 1871, 36.

[75]) Вѣчнымъ памятникомъ этой добродѣтельной женщины останется книга, изданная гр. Д. А. Толстымъ: „Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу, П. А. Румянцову-Задунайскому 1762—1779“ Спб. 1888. Къ сожалѣнію въ книгѣ этой большой пробѣлъ: нѣтъ писемъ за промежутокъ времени отъ 16 Сентября 1776 г. по Январь 1779 г., именно за то время, когда гр. Румянцова была статсъ-дамой при великой княгинѣ.

[76]) „Письма графини Е. М. Румянцовой“, 207.

говоря вамъ правду, она не имѣла друзей. Да и Богъ знаетъ, могла ли она имѣть ихъ въ той средѣ, въ которой она вращалась. Конечно, пріобрѣсти ихъ можно не при дворѣ, гдѣ все подвержено почти ежедневнымъ измѣненіямъ. Я знаю и цѣню ея доброе сердце, а тонъ съ которымъ она говорила о покойной великой княгинѣ (Наталіи Алексѣевнѣ), дурно относившейся къ ней, привелъ меня къ благопріятному заключенію о ея характерѣ» [77]. Графинѣ Румянцовой было въ это время уже 62 года, и, разумѣется, общество и совѣты этой опытной и добродѣтельной женщины могли быть только полезны новой Русской великой княгинѣ. Можно думать, что основаніемъ разсказа Алымовой послужила со стороны принцессы Софіи-Доротеи (не привыкшей еще разсчитывать словъ своихъ на вѣсъ и мѣру) ея естественная склонность бесѣдовать болѣе съ молодой дѣвушкой, своей ровесницей, чѣмъ со старой и, быть можетъ, несловоохотливой матроной.

Для сопровожденія принцессы по Россіи до Риги присланъ былъ въ Мемель Павломъ Петровичемъ изъ Митавы Русскій посланникъ въ Курляндіи Симолинъ, а затѣмъ присоединился къ поѣзду назначенный для той же цѣли Екатериной генералъ Кашкинъ [78]. Самъ Павелъ Петровичъ, возвращаясь изъ Берлина въ Петербургъ и заботясь объ удобствахъ путешествія своей невѣсты, назначилъ мѣста для ночлеговъ, начиная отъ Русской границы, въ виду дурныхъ ночлеговъ и плохой дороги въ Курляндіи [79]. Поэтому, выѣхавъ изъ Мемеля 19 Августа, Софія-Доротея, послѣ отдыха въ Митавѣ, гдѣ она была встрѣчена вдовой Бирона, прибыла въ Ригу лишь 24 Августа. Молодая принцесса, вѣроятно не безъ удивленія, видѣла почти до самаго Петербурга какъ бы продолженіе своей Германской родины. Ее встрѣчали Остзейскіе бароны, кругомъ нея слышалась Нѣмецкая рѣчь. Переходъ молодой принцессы въ варварскую, «казацкую» Россію, о которой такъ толковалъ прежде Фридрихъ, оказался не такъ рѣзокъ, какъ могла думать она. Приближеніе къ Петербургу, гдѣ принцессу ожидала знаменитая сѣверная царица, заставляло, однако, тревожно биться ея юное сердце; но въ Ямбургѣ къ ней выѣхалъ на встрѣчу ея женихъ и, нѣсколько успокоенная его присутствіемъ, Софія-Доротея 31 Августа въ Царскомъ Селѣ увидѣла, наконецъ, Екатерину.

---

[77]) Письмо матери императрицы Маріи Ѳеодоровны 21 Іюля 1778. Архивъ Павловскаго дворца.

[78]) Переписка его съ Екатериной по этому поводу въ Р. Ст. 1882, XLVII, 27.

[79]) Донесеніе гр. Румянц. Екатеринѣ отъ 19 Августа 1776 г. Государственный Архивъ, № 106.

Императрица съ нетерпѣніемъ ожидала свою давнюю любимицу и сама вникала во всѣ подробности по приготовленію ей помѣщенія въ Зимнемъ дворцѣ [80]). Вообще во все время поѣздки Павла въ Берлинъ Екатерина показывала себя нѣжной матерью, и новою своею невѣсткою гордилась какъ собственнымъ своимъ выборомъ [81]). Принцесса Софія-Доротея, послѣ первой же встрѣчи съ Екатериной, не могла, конечно не чувствовать себя польщенною тѣми знаками любви, которыми встрѣтила ее Сѣверная Семирамида. «Сознаюсь вамъ, писала Екатерина 5 Сентября г-жѣ Бьельке, я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, пристрастилась въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Она именно такова, какую хотѣли: стройна какъ нимфа, цвѣтъ лица бѣлый, какъ лилія, съ румянцемъ на подобіе розы; прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ съ соразмѣрною полнотою и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у ней на лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, и тотъ, кто не полюбитъ ея, будетъ не правъ, такъ какъ она создана для этого и дѣлаетъ все, чтобъ быть любимой. Словомъ, моя принцесса представляетъ собою все чего я желала, и вотъ я довольна» [82]).

Такое же впечатлѣніе произвела Софія-Доротея и на весь дворъ. «Придворные, доносилъ своему правительству Англійскій повѣренный Оаксъ, говорятъ съ большими похвалами о принцессѣ Виртембергской; они хвалятъ ея красоту и манеры». «Великій князь, прибавляетъ онъ, чувствуетъ къ ней, какъ кажется, такую нѣжность, что принцесса, вѣроятно, будетъ имѣть власть надъ сердцемъ мужа, подобно своей предшественницѣ; но, благодаря превосходству своего ума, принцесса Виртембергская сдѣлаетъ изъ этого безспорно лучшее употребленіе» [83]). И принцесса спѣшила оправдать лестное о себѣ мнѣніе. Чрезъ день по пріѣздѣ, 2 Сентября, не успѣвъ еще отдохнуть съ дороги, она занималась уже изученіемъ православной вѣры подъ руководствомъ архіепископа Московскаго Платона, объяснявшагося съ своей царственной ученицей по-французски; а 14-го совершился переходъ

---

[80]) С. Р. И. О., XXVII, 115—116.

[81]) Г. Иконниковъ справедливо указываетъ, что письма, которыми обмѣнивались между собою Павелъ и Екатерина въ это время, заключаютъ въ себѣ нѣчто болѣе, чѣмъ простой обмѣнъ любезностей. Отчетъ о XXVII присужд. наградъ графа Уварова, 139.

[82]) С. Р. И. О., XXVII, 117—118.

[83]) La Cour de Russie il y a cent ans, Berlin, 1858. Должно замѣтить, что самый распространенный въ нашей печати портретъ Маріи Ѳеодоровны въ молодые ея годы вовсе не говоритъ намъ о прославленной въ свое время красавицѣ и вызываетъ одно лишь недоумѣніе. Таковъ именно гравированный портретъ Маріи Ѳеодоровны 1782 г., приложенный къ труду Кобеко („Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", 160) и Брикнера („Исторія Екатерины Великой". V, 763). И дѣйствительно, онъ не имѣетъ ничего общаго съ прекрасными портретами Маріи Ѳеодоровны, работы кавалера Росселена и знаменитаго Лампи, находящимися въ Павловскомъ дворѣ Великаго Князя Константина Николаевича.

Софіи-Доротеи въ православіе, при чемъ она наречена была Маріей Өеодоровной [84]). На слѣдующій день торжественно было отпраздновано обрученіе новой великой княгини съ Павломъ Петровичемъ, а 26 Сентября совершено ихъ бракосочетаніе. Оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ и народныхъ увеселеній.

Жизнь великой княгини Маріи Өеодоровны въ новомъ ея отечествѣ начиналась повидимому подъ самыми благопріятными предзнаменованіями. Любимая свекровью, мужемъ и всѣми окружающими, будучи надеждой Россіи, ожидавшей отъ нея продолженія династіи, великая княгиня съ своей стороны старалась сдѣлать все возможное, чтобы упрочить за собою это счастливое положеніе. Достоинства ея, казалось, служили ручательствомъ того, что она достигнетъ своей цѣли. Марія Өеодоровна страстно полюбила своего мужа [85]), а по отношенію къ Екатеринѣ была нѣжной, послушной невѣсткой. «Великая княгиня, писалъ Оаксъ 15 Октября, продолжаетъ побѣждать всѣхъ вѣжливостію и пріятностію. Въ императорской семьѣ теперь, кажется, царствуетъ большее согласіе, чѣмъ когда либо» [86]). Сохранились относящіяся къ осени 1776 года записочки Екатерины къ Павлу, въ которыхъ она проявляла самыя нѣжныя чувства къ молодой четѣ по случаю нездоровья своей невѣстки. Перемѣна климата не прошла безслѣдно для здоровья Маріи Өеодоровны, послѣ теплаго Этюпскаго лѣта сразу испытавшей вліяніе холодной и сырой Петербургской осени: она страдала лихорадкою. «Здѣсь безъ васъ пусто», писала Екатерина Павлу по пріѣздѣ въ Царское Село: «лучшаго удовольствія мнѣ, а Царскому Селу украшенія недостаетъ, когда васъ въ ономъ нѣтъ. Письмо ваше, сего утра писанное, я сейчасъ получила и сожалѣю, что великая княгиня паки одержима была лихорадкой. Я мню, что сіе приключилось отъ того, что транспирація, которая послѣ пароксизма бываетъ, какъ ни на есть прервана, и для того желательно, чтобы тепло держалось. Удовольствительное ваше состояніе да продлитъ Всевышній, чего отъ сердца желаю». «Сегодняшнее ваше письмо, писала она спустя нѣсколько дней, принесло мнѣ двойное удовольствіе: первое, что великая княги-

---

[84]) Общія чувства любви къ Маріи Өеодоровнѣ Державинъ, неизвѣстный еще въ то время піитъ, выразилъ въ оставшейся тогда неизданной одѣ на ея обрученіе, которая начиналась словами: „Марія, образъ твой подобенъ небесамъ!“... См. Грота: Сочиненія Державина, 1, 64.

[85]) Le grand - duc, qui est le plus adorable des maris, vous fait des compliments, писала Марія Өеодоровна г-жѣ Oberkirch 16 Декабря. Je suis très aise, que vous ne le connaissiez point, car vous ne pourriez vous empêcher de l'adorer et de l'aimer, et moi j'en deviendrais jalouse. Ce cher mari est un ange. Je l'aime à la folie“. Oberkirch. 1, 21.

[86]) „La Cour de Russie il y a cent ans“, 307.

ня освободилась отъ лихорадки, а вы здоровы; второе, что завтра обѣщаетесь быть ко мнѣ, во ожиданіи чего сдержите слово. Обнимаю васъ мысленно и посылаю вамъ обоимъ двухъ тетеревей сегодняшней моей охоты» [87]).

Одно лишь воспоминаніе объ Этюпѣ и родной семьѣ заставляло задумываться и скорбѣть Марію Ѳеодоровну, тѣмъ болѣе, что она не надѣялась на скорое свиданіе съ нею. «Я не жду этого счастья, писала она своей подругѣ, и всякій разъ, когда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову, я дѣлаюсь печальна и задумчива на весь остатокъ дня» [88]).

Однако, при всѣхъ этихъ видимо-благопріятныхъ обстоятельствахъ, скромной Этюпской принцессѣ, перенесенной неожиданно къ пышному Петербургскому двору, вмѣсто тихихъ удовольствій семейной жизни, пришлось скоро испытывать горькое чувство разочарованія и, въ тоже время, увидѣть поруганными лучшія свои привязанности и убѣжденія: августѣйшая свекровь, столь любившая сначала Марію Ѳеодоровну, стала казаться своей невѣсткѣ существомъ почти враждебнымъ и сама начала относиться къ ней холодно и подозрительно. Могучее вліяніе обаятельной личности Екатерины на Марію Ѳеодоровну, къ сожалѣнію, не могло сгладить обнаруживавшейся постепенно разницы въ характерѣ и міровоззрѣніи ихъ. Отчужденіе, возникшее между ними, постоянно обострялось обстоятельствами, коренившимися и въ семейныхъ отношеніяхъ Русской императорской семьи, и въ политической жизни Россіи того времени.

---

[87]) С. Р. И. О., XXVII, 116—117.
[88]) Oberkirch, 1, 80.

IV.

Великая княгиня Марія Θеодоровна.

(1776—1777).

Свойства Маріи Θеодоровны какъ великой княгини. — Отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу.—Личность Павла.—Вліяніе на него Маріи Θеодоровны.—Вліяніе на молодой дворъ принцессы Доротеи и графа Н. И. Панина.—Домашній кружокъ великокняжеской четы.—Характеристика положенія Маріи Θеодоровны какъ великой княгини.—Отношеніе ея къ землякамъ и роднымъ.—Зима и лѣто 1777-го года.—Павловскъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ Густава III.—Рожденіе великаго князя Александра Павловича.

Еще при вступленіи Павла Петровича въ первый бракъ Екатерина сочла необходимымъ выразить свой взглядъ на обязанности своей невѣстки, преподавъ ей правила ея поведенія въ особомъ «Наставленіи великимъ княгинямъ Россійскимъ» [1]. Устраняя супругу наслѣдника престола отъ всякаго, даже косвеннаго, вліянія на дѣла политическія, Императрица ограничивала кругъ дѣятельности великой княгини ея семьею и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, которыя сопряжены съ ея высокимъ званіемъ. Быть можетъ, не было личности болѣе способной и болѣе готовой выполнить эти требованія Екатерины, какъ Марія Θеодоровна: она обладала всѣми семейными добродѣтелями, привыкла къ скромному, тихому образу жизни, и, разумѣется, не въ Монбельярѣ могла пріобрѣсти себѣ склонность къ занятіямъ политикою; напротивъ, молодой великой княгинѣ не доставало именно политическаго образованія, знанія свѣта и людей. Опытные государственные люди того времени справедливо замѣчали, что Марія Θеодоровна всегда была и останется женщиной, и ничѣмъ болѣе [2]. Въ этомъ заключалась ея сильная и въ тоже время слабая сторона. Честолюбивая, рѣшительная невѣстка Императрицы, подобно первой супругѣ Цесаревича, не могла бы удержаться отъ стремленія играть политическую роль, а это повело бы ее къ столкновеніямъ съ Екатериной, къ явной борьбѣ Павла съ матерью. Семейныя добродѣтели Маріи Θеодоровны, напротивъ, смягчали отношенія, обострявшіяся между матерью и сыномъ, и давали надежду, что Павелъ Петровичъ найдетъ себѣ въ се-

---

[1]) С. Р. И. О., XIII, 332—336.

[2]) La Cour de Russie, 324, донесеніе Корберона 1778 г.: „Son esprit et son caractère, говоритъ онъ, ne sont pas de nature à se développer dans la place qu'elle occupe. Un cercle étroit d'idées et de connaissances la retiendra toujours dans la médiocrité, et rien ne décèle de sa part ce que des observateurs plus fins auraient voulu prendre pour l'adresse de la politique. Princesse de Wurtemberg, grande-duchesse, impératrice, elle sera toujours femme, et jamais plus".

мейномъ кругу отраду и утѣшеніе среди невзгодъ своего политическаго положенія.

Но, съ другой стороны, блестящая личность Екатерины, ея роскошный дворъ, отражавшій на себѣ всѣ достоинства и недостатки современной образованности, сложные вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи—все это не могло найти въ новой великой княгинѣ безпристрастной и просвѣщенной оцѣнки. Умъ ея, изощренный наблюденіями мелкихъ домашнихъ подробностей маленькаго Этюпскаго двора, не могъ обнять всей открывшейся предъ нимъ величественной политической панорамы, и Марія Өеодоровна оказалась вынужденною смотрѣть на отдѣльныя явленія ея съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній и ходячей, обыкновенной морали. Легко понять, къ какимъ недоразумѣніямъ эта особенность міросозерцанія Маріи Өеодоровны привела ее съ самаго начала среди блестящаго двора, окружавшаго вѣнценосную поклонницу Вольтера и энциклопедистовъ. Къ сожалѣнію, дневникъ, веденный молодой великой княгинею со времени пріѣзда ея въ Россію, былъ сожженъ, такъ что мы лишены возможности отъ нея самой слышать о ея новыхъ впечатлѣніяхъ [3]). Но въ письмахъ Екатерины къ Гримму есть, однако, указаніе, что великая княгиня, даже годъ спустя по пріѣздѣ своемъ въ Россію, не вполнѣ понимала общество, окружавшее Екатерину, а потому и образъ ея дѣйствій не всегда былъ достаточно зрѣло обдуманъ [4]). Не имѣя еще возможности оцѣнить свою августѣйшую свекровь, какъ государыню, Марія Өеодоровна

---

³) „Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе". СПБ. 1877 года, 236. „Положительно извѣстно, что покойная государыня, съ первыхъ лѣтъ супружества, вела дневникъ о событіяхъ собственной жизни и двора. Предъ кончиною она выразила желаніе, чтобы дневникъ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тетрадей, былъ уничтоженъ. Желаніе свое Марія Өеодоровна объяснила тѣмъ, что чтеніе этого дневника, въ которомъ она съ совершенною откровенностію отзывалась о нѣкоторыхъ лицахъ, занимавшихъ важныя правительственныя или придворныя должности, могло повліять на мнѣніе о нихъ императора Николая Павловича. Государь исполнилъ завѣтъ своей родительницы, и Записки Маріи Өеодоровны были сожжены. Великій князь Михаилъ Павловичъ, бывшій вмѣстѣ съ Императоромъ исполнителемъ ея воли, говорилъ: „когда я сожигалъ эти бумаги, мнѣ казалось, что я вторично хоронилъ безцѣнную мою матушку".

⁴) Гриммъ, извѣстный агентъ Екатерины, пріѣзжалъ въ Петербургъ на бракосочетаніе Маріи Өеодоровны съ Павломъ Петровичемъ и тамъ нѣкоторое время послѣ того прожилъ. Въ первомъ же письмѣ къ нему послѣ его отъѣзда, Екатерина спокойно, какъ бы говоря о случаѣ никого не удивившемъ, пишетъ ему 24 Августа 1777 года: „Euler nous prédit la fin du monde pour le mois de juillet de l'année qui vient; il fait venir tout exprès pour cela deux comètes, qui feront je ne sais quoi à Saturne, qui à son tour viendra nous détruire; or, la grande-duchesse m'a dit de n'en rien croire, parce que les prophéties de l'Évangile et de l'Apocalypse ne sont point encore remplies, et nommément l' Antichrist n'est pas venu, ni toutes les croyances réunies. Moi, à tout cela je réponds comme le Barbier de Seville. Je dis à l'un: Dieu vous bénisse, et à l'autre: va te coucher, et je vais mon train. Qu'en pensez-vous?" С. Р. И. О., XXIII, 62.

уже осудила ее какъ женщину и мать. Съ этихъ сторонъ Екатерина была доступнѣе для наблюденія, и эти именно ея стороны болѣе всего отзывались на положеніи и самой великой княгини. Ничего не зная въ скромномъ домѣ своихъ родителей о крайней развращенности, господствовавшей въ то время при Европейскихъ дворахъ, не исключая и Берлинскаго, и тщательно оберегаемая своею матерью отъ вліянія энциклопедистовъ, которые проповѣдовали чувственное наслажденіе жизнію, Марія Ѳеодоровна испытывала ужасъ, видя фаворитизмъ въ Россіи какъ постоянное, всѣмъ извѣстное учрежденіе. Она, какъ и многіе другіе ея современники, не могла понять, что при самыхъ слабостяхъ своихъ Екатерина оставалась великой женщиной [5]), что ея фавориты были въ тоже время ближайшими, довѣренными слугами ея по управленію огромной имперіей и что только тѣ изъ нихъ пользовались прочнымъ вліяніемъ, кто, подобно Г. Г. Орлову и Потемкину, неустанною государственною дѣятельностію оправдывали довѣріе къ себѣ Государыни (прочіе или были удалены отъ двора, какъ Васильчиковъ и Зоричъ, или сами бѣжали отъ него, какъ Мамоновъ). Маріи Ѳеодоровнѣ фаворитизмъ былъ тѣмъ болѣе ненавистенъ, что, на ряду съ нимъ, отношенія Екатерины къ сыну своему, какъ извѣстно, не отличались, въ большинствѣ случаевъ, искренностію и теплотою. Для великой княгини, обожавшей мужа и видѣвшей въ родной семьѣ лишь проявленія теплыхъ чувствъ родителей къ дѣтямъ, эта холодность матери къ сыну также не могла не казаться чудовищной. Мы увидимъ далѣе, что великій князь, эта кажущаяся жертва заблужденій своей матери, терпѣливо и благородно переносившій свое несчастіе, пріобрѣталъ въ глазахъ своей доброй и мягкой супруги ореолъ мученика.

Разумѣется, эта исключительно - семейная, такъ сказать, сердечная оцѣнка положенія Павла Петровича по отношенію къ Екатеринѣ также не могла не быть односторонней: въ семейную жизнь Русскихъ государей всегда вторгались вліянія политическаго свойства. Безспорно, Екатерина никогда не была нѣжной матерью [6]). Голова всегда брала у нея перевѣсъ надъ сердцемъ; даже въ ея личныхъ привязанностяхъ чувство всегда сдерживалось разсудкомъ. Императрицѣ казались жалки и смѣшны всякія чувства, носившія характеръ сентиментальности; въ этомъ отношеніи она также была въ противорѣчіи со своей невѣсткой. Однажды, уже въ старости, она серьезно

---

[5]) Еще Пушкинъ, въ 1822 году, замѣтилъ, что „самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество". Соч. Пушкина, изд. лит. фонда, V, 11—12.

[6]) Находясь въ положеніи исключительномъ, Екатерина и въ этомъ отношеніи руководилась соображеніями государственными. Брата своего (котораго пережила всего тремя годами) она ни разу не допустила въ Россію. П. Б.

просила Марію Ѳеодоровну «не разстраивать своихъ нервъ избыткомъ чувствительности»[7]). Какъ мать, Екатерина всегда питала къ Павлу спокойное и доброжелательное чувство съ полнымъ сознаніемъ своихъ родительскихъ правъ и обязанностей. Холодность сердца у Екатерины, ея разсудочность, не допускаютъ, кажется, справедливости мнѣнія, будто нелюбовь къ Петру III перешла у Екатерины и на ея сына[8]); у нея незамѣтно преемственности чувствъ[9]). Вѣрнѣе было бы предположеніе, что она боялась по отношенію къ сыну преемственности умопомѣшательства въ Голштинско-Ольденбургскомъ домѣ: Петра III-го она положительно считала душевно-больнымъ[10]). «Замѣтьте, пожалуйста, писала Екатерина г-жѣ Бьельке 20 Января 1776 г., по поводу слабоумія принца Петра Голштинскаго: въ продолженіе 15-ти лѣтъ вотъ уже третій случай умопомѣшательства въ августѣйшемъ Ольденбургскомъ домѣ. Молю Бога предохранить его отъ этого на будущее время»[11]). Дурныя къ себѣ чувства Павелъ возбуждалъ въ Екатеринѣ исключительно какъ враждебная ей политическая сила: въ сынѣ Императрица видѣла соперника себѣ во власти. Во время переворота 1762 года была цѣлая партія, во главѣ которой стоялъ Н. И. Панинъ, желавшая возведенія на престолъ восьмилѣтняго Павла съ тѣмъ, чтобы Екатерина правила государствомъ до его совершеннолѣтія. Вступивъ, однако, на престолъ самодержавной императрицей и объявивъ Павла, манифестомъ 6 Іюля 1762 г., «природнымъ наслѣдникомъ престола Россійскаго», Екатерина, изъ опасенія возбудить противъ себя неудовольствіе, не только не рѣшалась отставить Панина отъ должности воспитателя при великомъ князѣ, а, напротивъ, совсѣмъ отдавала ему на руки сына. «Мнѣ не было воли съ начала, говорила въ послѣдствіи Императрица, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина; всѣ думали, что ежели не у Панина, онъ пропалъ»[12]). Но, не смотря на это, права̀ Павла на престолъ выставлялись врагами Ека-

---

[7]) Р. Стар., 1837, VIII, 884. Ср. въ главѣ III нашего труда отзывъ Екатерины о матери Маріи Ѳеодоровны.

[8]) Это мнѣніе высказано у Д. Ѳ. Кобеко 64, и у Иконникова 127.

[9]) Холодность къ Павлу не мѣшала ей по своему горячо любить сына его Александра, какъ и другихъ дѣтей его; любовь къ Г. Г. Орлову не отозвалась на ея вообще довольно-равнодушномъ отношеніи къ Бобринскому.

[10]) Замѣтки Екатерины на сочиненіе Денины, Дневникъ Храповицкаго, 481.

[11]) С. Р. И. О., XXVII, 67. Масонъ, въ послѣдствіи ненавистникъ Павла, даже прямо высказывалъ надежду, что „le beau sang qu'elle (Марія Ѳеодоровна) a transmis dans la branche de Holstein, adoucira peut-être la barbarie que lui avoient donnée les restes de celle de Romanow“. Mémoires secrets I 260. Нечего и говорить, на сколько пристрастно это мнѣніе Монбельярскаго уроженца.

[12]) Записки Храповицкаго, 434.

терины при каждомъ удобномъ случаѣ [13]). Ходили темные слухи, неизвѣстно кѣмъ распущенные, что Екатерина откажется отъ престола ко времени совершеннолѣтія Павла Петровича [14]); а когда они не оправдались, то начались попытки склонить великаго князя къ явной борьбѣ съ матерью. Первая супруга Павла также дѣйствовала въ этомъ направленіи, въ чемъ, безъ сомнѣнія, помогалъ ей Н. И. Панинъ, пользовавшійся сильнымъ вліяніемъ на своего воспитанника и надѣявшійся, вѣроятно, править его именемъ. Естественно было Императрицѣ, послѣ всего этого, холодно относиться ко всякому дѣйствію, которое могло бы приблизить ея сына ко власти, и пó возможности отстранять его отъ участія въ управленіи, на что Цесаревичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣлъ полное основаніе и право надѣяться. Конечно, только сознавая свои обязанности, какъ мать и государыня, Екатерина еженедѣльно призывала Павла для слушанія государственныхъ дѣлъ, чтобы онъ ознакомился и съ ея правительственными началами и съ ходомъ управленія; но изъ этихъ еженедѣльныхъ занятій она могла только вынести убѣжденіе, что ея политическіе взгляды совершенно противоположны взглядамъ ея сына, образовавшимся подъ вліяніемъ полуиноземнаго воспитанія и внушеній Панина. Мы уже знаемъ, что Павелъ былъ убѣжденъ въ безличіи Русскаго народа и въ необходимости для него Нѣмецкой указки, поддерживаемой строго и мелочно дисциплинированной военной силой, хотя бы то иноземнаго происхожденія; по его мнѣнію народная дѣятельность должна была быть подвергнута строгой централизаціи, а сохраненіе мира и бережливость въ расходахъ—цѣлью правительства. Почти всѣ эти мысли Павелъ выразилъ въ своемъ «Разсужденіи о государствѣ вообще» и представилъ ихъ Екатеринѣ въ 1774 году. Послѣдствія, которыя могли бы имѣть для страны мѣры, указанныя Павломъ, не могли укрыться отъ прозорливаго государственнаго ума Екатерины, горячо любившей Россію, вѣрившей въ здравый смыслъ своего народа и дававшей широкій просторъ самодѣятельности своихъ подданныхъ. «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики, говоритъ по этому поводу Лебедевъ, довольствованіе наружностію, не проникая во внутрь вещей и дѣлъ, а главное тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка,—вотъ что было бы послѣдствіемъ централизаціи, при столь

[13]) Иконниковъ, 125 - 126. Вспомнимъ „Правду воли монаршей", предоставлявшей царствующему государю назначать себѣ наслѣдникомъ кого онъ захочетъ. П. Б.

[14]) Этимъ слухамъ вполнѣ довѣряли иностранные дипломаты, жившіе при Петербургскомъ дворѣ. С. Р. И. О., XII, 431—432. Иконниковъ, 125. Покойный князь П. А. Вяземскій передавалъ намъ, что графомъ Н. И. Панинымъ составлена была и подана Екатеринѣ особая о томъ записка. П. Б.

обширной территоріи какъ Русская. Мысль должна была бы остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными: ихъ замѣняла закаменѣлая буква устава или инструкціи а всякая попытка замѣнить недостаточность устава или инструкціи, называлась «умничаньемъ»,—словомъ, получившимъ право гражданства въ концѣ прошлаго столѣтія и, къ сожалѣнію, долго тяготѣвшимъ надъ Русскою землею и Русской арміею. Всякая способность утрачивала цѣну, если о человѣкѣ прибавляли, что онъ «умничаетъ»[15]). Неизвѣстно, пыталась ли Екатерина выяснить сыну его заблужденіе; но Павелъ Петровичъ остался до конца своей жизни вѣренъ этимъ своимъ началамъ, надѣясь проведеніемъ ихъ въ жизнь устранить всѣ мнимые или дѣйствительные недостатки, обнаруживавшіеся въ Екатерининское царствованіе. Тѣмъ болѣе страдалъ онъ, видя несочувствіе матери къ его идеямъ и чувствуя свое безсиліе. Даже въ частныхъ случаяхъ обнаруживалось несогласіе взглядовъ Павла и Екатерины. Великій князь, строгій ревнитель законностей и порядка, всегда предлагалъ своей матери, снисходительно относившейся къ людскимъ порокамъ и слабостямъ, суровыя мѣры взысканія съ виновныхъ въ нарушеніи закона. «Велѣла я ему со Стрекаловымъ, писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, прочесть всю сію пакотилью (свертокъ бумагъ), и онъ сказалъ Степану Ѳедоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано, и всѣ его мысли клонились къ строгости»[16]). Точно также строгаго наказанія виновныхъ ждалъ онъ отъ Екатерины по случаю замѣченныхъ имъ во время путешествія въ Берлинъ безпорядковъ по военному вѣдомству въ Ригѣ[17]). Единственная область, гдѣ сходились до извѣстной степени взгляды Екатерины и ея наслѣдника, была въ описываемое время область внѣшней политики: союзъ Россіи съ Пруссіей былъ снова подтвержденъ въ 1777 г., послѣ брака Павла съ Маріей Ѳеодоровной. Но Прусскія симпатіи Павла не могли нравиться Екатеринѣ, которая связь свою съ Пруссіей считала временной и готова была измѣнить свою политику, какъ только представился бы другой, лучшій способъ для обезпеченія выгодъ и положенія своей имперіи. Послѣ одной бесѣды съ Павломъ Петровичемъ по этому поводу Екатерина съ горестью замѣтила: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи». «Мнѣ больно было бы, говорила она, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы Русской политики»[18]). Неудивительно, поэтому, что при полномъ несходствѣ своихъ мыслей

---

[15]) Лебедевъ, 199. [16]) Тамъ же, 175. [17]) Сборн. Р. И. О. XX, 412. [18]) Иконниковъ, 142—143.

съ мыслями Павла, Екатерина, давъ ему почетный санъ генералъ-адмирала, въ теченіе всего своего царствованія старалась держать его вдали отъ дѣлъ [19]). Она заслуживаетъ тѣмъ благодарность потомства.

При такихъ обстоятельствахъ холодность Екатерины къ сыну естественно высказалась всюду, гдѣ онъ являлся какъ лицо политическое, и наоборотъ чувство матери замѣтно было въ Императрицѣ, когда дѣло шло о событіяхъ чисто-семейнаго характера. Какъ частный человѣкъ, Цесаревичъ возбуждалъ къ себѣ полное участіе и уваженіе. Это была натура горячая, нервная и воспріимчивая. Его веселость, остроуміе, утонченная вѣжливость, невольно привлекали къ себѣ каждаго; а рыцарскій, благородный образъ мыслей, чистѣйшая нравственность, постоянное стремленіе къ правдѣ выгодно выдѣляютъ его изъ среды пресыщеннаго чувственностію и руководимаго эгоизмомъ общества второй половины XVIII в. Къ сожалѣнію, дурныя черты его характера не были сглажены воспитаніемъ. Рѣзкость, раздражительность и упорство, замѣченныя въ немъ еще съ дѣтства, съ лѣтами еще болѣе развивались. «Съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы все-таки заставите себя ненавидѣть», говорилъ Павлу его другъ и наставникъ Порошинъ, указывая ему на эти его недостатки. Его впечатлительность соединялась съ крайнею неустойчивостію впечатлѣній; фантазія развивалась въ ущербъ разсудку. Быстро схватывая мелочныя подробности предмета, великій князь упускалъ изъ виду его сущность, что̀, въ связи съ напряженностію воображенія и мнительностію, созидало въ немъ совершенно превратное мнѣніе о предметѣ. Оттого въ характерѣ Павла былъ цѣлый рядъ противорѣчій. Добрый отъ природы Павелъ проявлялъ иногда жестокость, которой самъ потомъ стыдился; мягкость, податливость на чужія внушенія уживались въ немъ съ недовѣрчивостію и подозрительностію; будучи слабъ характеромъ, онъ проявлялъ иногда непоколебимую твердость тамъ, гдѣ менѣе всего ея ожидали. Но

---

[19]) Павелъ въ послѣдствіи просилъ Екатерину о допущеніи его въ Совѣтъ, но получилъ отказъ. С. Р. И. О., XLII, 355. По поводу письма великаго князя къ президенту Адмиралтействъ-Коллегіи, гр. И. Г. Чернышову отъ 15 Декабря 1775 г., справедливо замѣчено: „Обыкновенно утверждаютъ, будто Екатерина не допускала Петра Петровича до прямаго участія въ дѣлахъ даже и его вѣдомства. Вышеприведенное письмо служитъ доказательствомъ, что въ началѣ этого не было. Лишь въ послѣдствіи, когда Павелъ Петровичъ не только обнаружилъ неспособность къ веденію дѣлъ, но даже, подъ вліяніемъ изъ Берлина, очутился въ настроеніи враждебномъ, пришлось поневолѣ устранять его отъ правительственной дѣятельности“ Р. Архивъ, 1886, I, 305.—Въ меньшихъ размѣрахъ и въ совершенно-иномъ видѣ, положеніе Екатерины, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ собою положеніе Петра Великаго. Только тамъ приходилось бороться съ избыткомъ своеземства; здѣсь же Екатерина, какъ государыня, какъ основательница династіи, не могла допустить столь явнаго избытка въ несвоеземствѣ. П. Б.

нравственный міръ Цесаревича самъ по себѣ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Искреннее стремленіе къ законности соединялось у Павла Петровича съ возвышеннымъ религіознымъ чувствомъ; строгое соблюденіе установленнаго порядка считалъ онъ условіемъ существованія каждаго благоустроеннаго государства, а въ области вѣры искалъ опоры въ невзгодахъ политической своей жизни. Это спасало его отъ искушенія соперничать съ матерью во власти [20]), и онъ терпѣливо выносилъ свободные нравы Екатерининскаго двора. Свято почитая родственныя узы и оказывая Екатеринѣ всѣ знаки сыновняго уваженія, Павелъ Петровичъ считалъ своею обязанностію, въ качествѣ наслѣдника престола, подавать собою примѣръ для подданныхъ своимъ безусловнымъ повиновеніемъ и государынѣ. Постороннія вліянія, Наталіи Алексѣевны, Панина, дѣйствуя на умъ и самолюбіе Павла, возстановляли его противъ Императрицы и собирали вокругъ него враждебную ей политическую партію; но самъ Цесаревичъ былъ всегда чуждъ этимъ проискамъ, полагая свою награду въ покорности волѣ Провидѣнія и сознаніи исполненнаго долга. Личные интересы стояли для него на второмъ планѣ, и многіе изъ его современниковъ сильно ошибались, приписывая повиновеніе Павла Екатеринѣ—боязливости, а его неудовольствіе по поводу замѣчаемыхъ имъ непорядковъ—сварливости его характера и оскорбленному самолюбію. Цесаревичъ былъ глубоко искрененъ, когда писалъ Сакену: «Если бы мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но будучи тѣмъ, что́ я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ государства; а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, какъ дѣла идутъ вкривь и вкось, и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое» [21]).

Эти высоконравственныя черты Цесаревича дѣлали его особенно дорогимъ для его молодой, добродѣтельной супруги. Сама нуждаясь въ опорѣ среди столь тяжкихъ и новыхъ для себя обстоятельствъ, Марія Өеодоровна находила, однако, въ себѣ силы поддерживать бодрость духа въ великомъ князѣ. «Нѣжность и любовь между великимъ княземъ и его супругой были совершенны», говоритъ князь Ө. Н. Голицынъ, находившійся при ихъ дворѣ съ 1777 г. «Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не

[20]) „Я знаю, писалъ Гаррисъ 1 Мая 1778 г., что нѣтъ недостатка въ дурныхъ совѣтникахъ, готовыхъ склонить его къ этому“. „Лордъ Мальмсбюри о Россіи“, Русскій Архивъ 1874, I, 1491.

[21]) С. Р. И. О., XX, 412.

могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ Петербургской публикой и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ ихъ будущему государю» [22]). Иностранные дипломаты, также свидѣтельствуя о полномъ согласіи между супругами, отмѣчали, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодную перемѣну, происшедшую въ Павлѣ Петровичѣ послѣ брака съ Маріей Θеодоровной. «Первая супруга великаго князя, писалъ Гаррисъ, съумѣла отыскать искусство управлять имъ до такой степени, что онъ распустилъ немногихъ товарищей, повидимому выбранныхъ имъ самимъ; и съ тѣхъ поръ его общество, его развлеченія, даже самыя чувства все вполнѣ подчинилось его женѣ. Она едва позволяла ему развивать умственныя способности, вслѣдствіе чего нравъ его изъ живаго и быстраго сдѣлался тяжелымъ, грустнымъ и апатичнымъ.... Такъ какъ характеръ настоящей великой княгини совершенно противоположенъ нраву прежней, то и самъ великій князь является теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Она кротка, привѣтлива и глубоко проникнута понятіемъ о супружескихъ обязанностяхъ; онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ и чаще проявляетъ свою личную волю. Она постоянной услужливостью и вниманіемъ вполнѣ заслуживаетъ его привязанность, и онъ очень ее любитъ. Въ настоящую минуту они совершенно счастливы другъ другомъ; но я опасаюсь, что счастье ихъ не можетъ быть продолжительно посреди двора, столь безнравственнаго и такъ странно составленнаго. Онъ всегда выказываетъ благосклонность, которая иногда кажется лестной той дамѣ, къ которой бываетъ отнесена [23]); а великая княгиня должна обладать необыкновеннымъ запасомъ твердости и добродѣтели, чтобы обойти многочисленныя искушенія, которыя встрѣтятся ей на пути и которымъ поддались всѣ, безъ исключенія Императрицы этой страны» [24]). Въ трудномъ положеніи Марія Θедоровна имѣла при себѣ сначала одно лицо, которое могло хотя отчасти сочувствовать и помогать ей своими совѣтами, это—свою статсъ-даму графиню Е. М. Румянцову. Эта добродѣтельная женщина полюбила свою юную, неопытную повелительницу и, безъ сомнѣнія, отчасти руководила ею; даже удаленіе ея отъ должности, скоро послѣдовавшее, мать Маріи Θеодоровны, принцесса Доротея, объясняла тѣмъ, что преданность Румянцовой къ великой княгинѣ не нравилась Императрицѣ [25]). Но мало-по-малу Марія

---

[22]) Записки князя Θ. Н. Голицына въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874.

[23]) Это замѣчаніе Гарриса оправдывается извѣстіемъ, которое сообщаетъ уже знакомая намъ г-жа Алымова о томъ, будто великая княгиня ревновала къ ней мужа вскорѣ послѣ свадьбы. (Памятныя Записки Г. И. Ржевской, Р. Архивъ, 1871, 7—3

[24]) „Лордъ Мальмсбюри о Россіи“. Р. А. 1874, I, 1503—1504.

[25]) „Je suis sûre, писала принцесса Доротея дочери, que son grand défaut aux

Ѳеодоровна осмотрѣлась, привыкла къ новой своей жизни и успѣла даже въ началѣ 1778 г. завязать секретную переписку съ своей матерью, пользуясь случаями поѣздки въ Монбельяръ и обратно довѣренныхъ себѣ лицъ (до этого времени мать и дочь не имѣли вѣроятно возможности свободно писать другъ другу, ибо письма, довѣряемыя почтѣ или курьерамъ, могли быть перлюстрированы). Само собою разумѣется, откровенная переписка съ нѣжно-любимою матерью была для Маріи Ѳеодоровны нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ семьей и въ тоже время помогала ей легче переносить тягости своего положенія. Къ сожалѣнію, изъ переписки этой сохранились лишь письма принцессы Доротеи, за небольшой сравнительно періодъ (1778—1784), и только нѣсколько черновыхъ набросковъ самой Маріи Ѳеодоровны; но и въ нихъ есть указанія, которыя позволяютъ намъ отчасти судить о внутреннемъ мірѣ великой княгини по пріѣздѣ ея въ Россію [26]). Нѣкоторыя выдержки изъ писемъ принцессы-матери дадутъ намъ возможность легче достигнуть этой цѣли, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ отношеній между матерью и дочерью. Вотъ начало перваго письма принцессы Софіи-Доротеи, отъ 21 Іюля 1778 года, изъ Этюпа:

«Ma bien tendre, chère, bonne, excellente et bien chérissime enfant, que je chéris avec toute la tendresse dont jamais coeur de mère est possible d'éprouver [27]). Вы не можете, дорогое дитя, и представить себѣ того удовлетворенія и счастія, которое испытывало мое сердце при чтеніи вашихъ дорогихъ писемъ. Нѣжное участіе, которое я принимаю въ васъ, основаніе быть такъ увѣренною въ вашемъ счастіи, которое доставляетъ вамъ несравненный великій князь,—вотъ предметы, почти всегда меня занимающіе; увѣренность же въ вашемъ счастьи не можетъ для меня возобновляться достаточно часто. Я ясно вижу руку Промысла, дѣйствующаго на васъ, и благословляю Его за милость, которую оказалъ Онъ, сохранивъ сердце ва-

---

yeux de certaines personnes a été celui de vous être trop attachée". Письмо отъ 21 Іюля 1778 года.

[26]) При письмахъ этихъ, хранящихся въ Павловскомъ дворцѣ, находится опись ихъ, составленная самой Маріей Ѳедоровной подъ заглавіемъ: „Lettres de ma mère" и съ собственноручною ея надписью: „Brûler avant tout en cas d'accident". Очевидно, надпись эта сдѣлана была ею еще при жизни Екатерины, изъ боязни, чтобы письма не попали въ ея руки. По той же причинѣ, конечно, нѣкоторыя изъ писемъ писаны были молокомъ и лимономъ, что̀, не оставляя видимыхъ слѣдовъ на бумагѣ, давало, однако, возможность, при нагрѣваніи ея, прочесть написанное. Письма принцессы Доротеи писались въ нѣсколько пріемовъ, иногда въ теченіе ряда мѣсяцевъ, ибо принцесса всегда ожидала вѣрнаго случая для отсылки ихъ. Поэтому нѣкоторыя письма представляютъ собою родъ дневниковъ.

[27]) Принцесса Доротея всегда давала дочери самыя нѣжныя названія, иногда трудно поддающіяся переводу.

ше непорочнымъ среди свѣтскихъ соблазновъ и дурныхъ примѣровъ, которыми вы окружены. Къ несчастью, въ наши дни религія уважается такъ мало, что даже люди благочестивые часто бываютъ вынуждены молчать о ней, и это не вслѣдствіе угожденія людскимъ слабостямъ, а вслѣдствіе той мудрой осторожности, которая предписываетъ намъ говорить только въ случаѣ необходимости или въ увѣренности, что можно сдѣлать добро. Вы вполнѣ правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность (égarement) Императрицы. Въ природѣ нѣтъ ничего болѣе жесткаго, какъ сердце, которое предалось своимъ страстямъ и въ этомъ самозабвеніи не видитъ ничего кругомъ себя. Я понимаю страданія, которыя вы должны испытывать, присутствуя при всѣхъ возмутительныхъ сценахъ [28]). Ради Бога, дорогое дитя мое, продолжайте такъ, какъ вы начали и никогда не позволяйте себѣ ничего такого, что́ имѣло бы даже видъ порицанія; пусть священный санъ матери нашего великаго князя побудитъ васъ терпѣливо переносить то стѣсненіе, которое вы испытываете. Я узнала объ огорченіяхъ, вынесенныхъ вами въ началѣ вашего замужества. Объ этомъ увѣдомилъ меня король (Фридрихъ II). Богъ свидѣтель, какъ я была опечалена ими и какъ я благословляла Его, когда за ними послѣдовало ваше полное счастіе [29]). Мнѣ говорили даже въ это время, что вы вздумали имѣть при себѣ фаворита (un amant) и что выборъ палъ на молодаго графа Румянцова, младшаго [30]); но это не безпокоило меня, потому что я увѣрена была въ вашемъ образѣ мыслей и въ вашихъ нравственныхъ правилахъ. Пренебреженіе къ нашимъ обязанностямъ есть единственное дѣйствительное несчастіе, которое можетъ постигнуть насъ, и примѣръ, который вы видите предъ своими глазами, можетъ только увѣрить васъ въ этой истинѣ: нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и ужаснаго, какъ общественное презрѣніе... Какъ мнѣ это ни прискорбно, но болѣе чѣмъ кто - либо я убѣждена въ томъ, что при жизни Императрицы я лишена буду счастія увидѣться съ вами. Этотъ срокъ ужасаетъ меня; я такъ нѣжно люблю васъ, что, несмотря на очевидную невозможность, надежда на противное не покидаетъ меня... Я знаю, что Императрица вынуждена будетъ стѣсняться ради иностранки и что не любятъ выказывать своихъ слабостей предъ людьми... Я думаю, какъ и вы, что въ основѣ своей характеръ Императрицы не такъ дуренъ: ея благосклонность (galanterie) находится въ связи съ потребностію пользоваться людьми.

---

[28]) А вѣдь принцесса не могла же не знать, что въ дорогомъ ей Берлинѣ происходили сцены много возмутительнѣе Петербургскихъ. П. Б.

[29]) Эти неизвѣстныя намъ огорченія въ супружеской жизни Маріи Ѳеодоровны, быть можетъ, объясняются упомянутымъ выше разсказомъ Г. И. Алымовой.

[30]) Графъ Сергѣй Петровичъ. См. „Письма гр. Е. М. Румянцовой“, стр. V.

Я глубоко сожалѣю, что она не вкусила того счастія, которое заставляетъ испытывать материнское чувство, и не воспользовалась тѣмъ вашимъ довѣріемъ и тою дружбою, которую вы сохранили для меня»[31]).

Эти строки горячо любимой матери, безъ сомнѣнія, могли только укрѣпить въ Маріи Өеодоровнѣ ея нравственную стойкость и внести духъ примиренія во взглядѣ на Екатерину. Но еще бо́льшее значеніе должны были имѣть для нея похвалы принцессы Павлу Петровичу. «Вы не повѣрите, писала принцесса, какъ я почитаю, люблю и восхищаюсь нашимъ великимъ княземъ за его превосходный образъ дѣйствій. Добродѣтель часто имѣетъ свои шипы, и вотъ чѣмъ цѣнно выполненіе обязанностей. Таково положеніе и этого достойнаго принца, который до сихъ поръ находитъ вознагражденіе лишь въ самомъ себѣ и въ удовольствіи дѣлать добро изъ любви къ добру. Онъ по справедливости заслуживаетъ всей вашей нѣжности и всего вашего вниманія, чтобы усладить тѣ скорби, которымъ онъ подверженъ»[32]). «Участь великихъ князей и великихъ княгинь, говорила принцесса въ другомъ письмѣ, никогда не была счастлива; это горькая правда. Но должно для Бога дѣлать то, чего невозможно дѣлать иначе: только исполняя свои обязанности, можно пользоваться тѣмъ внутреннимъ миромъ, котораго не въ состояніи нарушить всѣ даже взятыя вмѣстѣ людскія несправедливости. Ради Бога, ободряйте вашего дорогаго и достойнаго великаго князя собственнымъ примѣромъ, чтобы онъ не впалъ въ уныніе. Его положеніе трудное и щекотливое. Пусть Богъ подастъ ему навсегда то благоразуміе въ поведеніи и ту спокойную мудрость, которая является плодомъ размышленія и которая дѣлаетъ его образцомъ добраго сына и самаго добродѣтельнаго и уважаемаго человѣка»[33]).

Впрочемъ, стремясь поддержать миръ и согласіе въ императорской семьѣ, принцесса Доротея отчасти сама содѣйствовала отчужденію Павла отъ Екатерины, укрѣпляя въ великокняжеской четѣ чувства преданности Пруссіи и Фридриху. «Я убѣждена, писала она дочери, что король истинно васъ любитъ и уважаетъ. Онъ нѣжно привязанъ къ великому князю, близко къ сердцу принимаетъ ваше благосостояніе и при каждомъ случаѣ даетъ замѣтить, что онъ много думаетъ о васъ и чрезвычайно доволенъ вашими дѣйствіями. Излишне было бы мнѣ говорить вамъ, мой ангелъ, о томъ удовольствіи, которое вы доставляете мнѣ своими чувствами по отношенію къ этому великому чело-

---

[31]) Въ тоже время принцесса подавала надежду на улучшеніе положенія дѣлъ. Je crois, mon cher enfant, писала она 30 Декабря 1778 г., que le sort se remettra quand une certaine période sera passée: l'âge de l'Impératrice amène ordinairement cette espèce de révolution dans le tempérament.

[32]) Письмо отъ 21 Іюля 1778 г.

[33]) Письмо отъ 16 Іюня 1779 г.

вѣку. Свою любовь ко мнѣ вы доказываете нѣжною привязанностію къ нашему семейству и къ странѣ, которая такъ сильно меня интересуетъ; впрочемъ, любовь къ отечеству есть чувство до того естественное, что его нельзя разсматривать какъ заслугу»[34]). «Какъ можно чаще, дорогое дитя мое, говорите великому князю, что я люблю его и что близко къ сердцу принимаю я ту привязанность, которую онъ сохранилъ къ королю, къ семейству и моему отечеству. Мнѣ такъ утѣшительно говорить себѣ съ увѣренностію, что онъ постоянно будетъ ихъ другомъ и покровителемъ, и что онъ будетъ полагать истинную свою славу въ счастіи народовъ его обширной имперіи»[35]).

Эти внушенія принцессы поддерживались бывшимъ воспитателемъ Павла Петровича, графомъ Н. И. Панинымъ, имѣвшимъ на Цесаревича сильное вліяніе. Еще въ 1769 г. говорили, и не безъ основанія, что «отецъ и сынъ не могутъ питать другъ къ другу болѣе сильной и нѣжной привязанности, чѣмъ та, которая существуетъ между главнымъ наставникомъ и его воспитанникомъ»[36]); чувства эти съ годами дѣлались болѣе сознательными, основываясь на общности мнѣній и интересовъ. Къ сожалѣнію, личность графа Н. И. Панина до сихъ поръ не получила должнаго освѣщенія, и этотъ двуликій вельможа Екатерининскаго царствованія какъ при жизни своей, такъ и теперь возбуждаетъ о себѣ противорѣчивые отзывы[37]). Несомнѣнно, однако, что Панинъ не былъ другомъ Екатерины и медленно, но успѣшно поселялъ въ Цесаревичѣ недовѣріе къ матери. Политическое міросозерцаніе Павла созидалось, безъ сомнѣнія, исключительно подъ его вліяніемъ. Для честолюбиваго вельможи, потерявшаго довѣріе Императрицы послѣ переворота 1762 г. и по должности вице-канцлера постоянно вынужденнаго считаться съ вліяніемъ любимцевъ, конечно, было выгодно имѣть опору въ великомъ князѣ и поддерживать разладъ его съ Императрицей. Разумѣется, внушенія графа Панина о важности для Россіи союза съ Пруссіей, о вредѣ фаворитизма для Россіи, могли быть искренни; но трудно допустить въ опытномъ государственномъ дѣльцѣ ту односторонность взглядовъ, которую онъ проявлялъ въ бесѣдахъ своихъ съ великимъ княземъ и которая можетъ быть объяснена лишь задними мыслями. Очевидецъ царствованія Петра III и даже участникъ въ его сверженіи съ престола, онъ не разъяснялъ своему питомцу истиннаго смысла

---

[34]) Письмо отъ 29 Іюля 1779 г.

[35]) Письмо отъ 25 Іюля. Дружба къ Пруссіи и счастіе народовъ (sic) Русской имперіи, какъ видно, казались и принцессѣ нераздѣльными; это было неудивительно при ея горячемъ Нѣмецкомъ патріотизмѣ.

[36]) С. Р. И. О., XXII, 432.—Иконниковъ, 123.

[37]) См. указанные выше труды Лебедева и Иконникова.

событій того времени, приведшихъ къ восшествію на престолъ Екатерины, и Павелъ съ полнымъ убѣжденіемъ писалъ въ 1778 г. брату его, графу П. И. Панину: «Вступилъ покойный мой отецъ на престолъ и принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ нея дѣлалъ многія вещи, наводящія *дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его*, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?» [38]) Умалчивая о томъ, что̀ на его обязанности лежало выяснить своему воспитаннику [39]), Панинъ, самъ не отличавшійся добродѣтелью, распространялся предъ Павломъ и Маріей Ѳеодоровной на тему о вредномъ вліяніи безнравственности двора на общество, своими разсужденіями съ одной стороны удовлетворяя самолюбію молодыхъ супруговъ, а съ другой—прозрачно намекая на дурныя стороны царствованія Екатерины [40]). Мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни одного указанія, чтобы этотъ выдающійся сотрудникъ Императрицы по управленію обширной имперіей, лучше чѣмъ кто-либо знакомый съ многосторонней дѣятельностію Екатерины, хотя однимъ словомъ обмолвился предъ царственнымъ своимъ воспитанникомъ въ пользу его матери. Эта система умолчанія съ одной стороны и подчеркиванія съ другой, во всякомъ случаѣ, заставляетъ видѣть въ графѣ Н. И. Панинѣ ловкаго и хитраго честолюбца, стремившагося держать Павла Петровича подъ исключительнымъ своимъ вліяніемъ. Самая искренность желанія Панина во что бы то ни стало поддерживать союзъ съ Пруссіей можетъ быть заподозрѣна. Признавая въ Панинѣ высокій политическій умъ и великую политическую опытность, мы отказываемся примирить съ этими несомнѣнными его качествами видимое непониманіе истинныхъ цѣлей Фридриха II, часто шедшихъ въ разрѣзъ съ Русскими выгодами: Панинъ, завѣдывавшій въ первую половину царствованія Екатерины нашими внѣшними сношеніями, не могъ не знать, что Фридрихъ, обязанный по союзному договору съ Россіей поддерживать ее во время первой Турецкой войны денежными

---

[38]) Лебедевъ, 235—236.

[39]) Извѣстно, что до самаго вступленія своего на престолъ Павелъ виновницей гибели своего отца считалъ Екатерину. Арх. Князя Воронцова, XXI, 94.

[40]) „Tout ce que vous me dites, писала принцесса Доротея Маріи Ѳеодоровнѣ, de l'excellent comte de Panin m'enchante véritablement. Il a raison en vous assurant que l'exemple des grands, leurs vertus, leur probité, leur équité amène un changement totale dans l'esprit“. Письмо отъ 30 Декабря 1778 г.

субсидіями, а въ случаѣ надобности и оружіемъ, въ сущности добивался только раздѣла Польши съ цѣлію округленія своихъ владѣній; а когда въ 1777 году Австрія безъ войны отрѣзала себѣ отъ Турціи Буковину, то, въ отвѣтъ на требованіе Россіи произвести совмѣстное давленіе на Австрію, чтобы побудить ее отказаться отъ этого захвата, Фридрихъ далъ замѣтить Петербургскому кабинету, что Пруссія не можетъ считать важнымъ для себя дѣла, столь далекаго отъ ея границъ. Даже оффиціальный историкъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, проф. Мартенсъ, и онъ не нашелъ данныхъ для объясненія странныхъ симпатій графа Панина къ союзу съ Пруссіей. «Доктринерство графа Панина, желавшаго привести этотъ союзъ въ какіе-то шаблоны, говоритъ онъ, было для Императрицы совершенно недоступно» [41]). Между тѣмъ, само собою понятно, что, заботясь о поддержаніи своего вліянія на Павла Петровича, Панинъ въ супругѣ его, тѣсно связанной съ Пруссіей, желалъ видѣть не врага, а благосклоннаго союзника. И дѣйствительно, онъ скоро успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Маріи Ѳеодоровны; даже ея родители, какъ мы увидимъ далѣе, въ затруднительныхъ случаяхъ дѣйствовали сообразно его указаніямъ. Полнаго нравственнаго подчиненія себѣ великокняжеской четы Панину было тѣмъ легче достигнуть, что замѣнившій его въ завѣдываніи дворомъ великаго князя (еще до перваго брака Павла) Н. И. Салтыковъ не сумѣлъ по нравственнымъ своимъ качествамъ пріобрѣсти довѣрія ни Павла, ни Маріи Ѳеодоровны. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, искусно пробиравшійся между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами, умѣвшій выйти въ люди именно благодаря своему безличію и искусству казаться, а не быть. Вѣроятно благодаря этимъ качествамъ, онъ долгое время находился даже на дурномъ счету у великокняжеской четы: раздѣляя общее мнѣніе, она считала его шпіономъ Екатерины, обязаннымъ доносить ей о дѣйствіяхъ великаго князя и его супруги [42]). Прочія лица, находившіяся при маломъ дворѣ, въ политическомъ смыслѣ были совершенно незначительны: то были или товарищи дѣтства Павла, изъ которыхъ особенно близокъ къ нему былъ родственникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, или только-что начинавшіе свое служебное

---

[41]) Вѣстникъ Европы, 1882, III, 238. — Иконниковъ, 134.

[42]) „...Vous voyez, mon très cher enfant“, писала 25 Іюля 1778 г. принцесса Доротея Маріи Ѳеодоровнѣ, que je n'ai que trop bien jugé de m-r de Salticoff. La voix du peuple est la voix de Dieu. Les ladreries à Berlin et puis la bassesse d'être l'espion de vos actions et de celles de cher grand-duc sont les actions bien méprisables“. Судя по тому, что мнѣніе о Салтыковѣ, какъ о соглядатаѣ, держалось довольно долго, можно предположить, что оно находило, вѣроятно, нѣкоторое оправданіе въ его дѣйствіяхъ.

поприще молодые люди (графы Михаилъ, Николай и Сергѣй Румянцовы, сыновья фельдмаршала и статсъ-дамы Маріи Ѳеодоровны), или наконецъ, лица составлявшія придворный штатъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдавались иностранцы, бывшіе ранѣе преподавателями Цесаревича: библіотекарь Генрихъ - Людвигъ Николаи, родомъ изъ Страсбурга, и родственникъ его, чистокровный Французъ по происхожденію и характеру, Францъ-Германъ Лафермьеръ. Иностранцы эти, благодаря своимъ трудамъ, пользовались нѣкоторою извѣстностію, Николаи въ Нѣмецкой, а Лафермьеръ во Французской литературѣ, и составляли литературное общество Павла Петровича и его супруги [43]). Изъ фрейлинъ, вновь назначенныхъ къ великой княгинѣ въ 1777-мъ году, умомъ своимъ обращала на себя вниманіе Е. И. Нелидова, подобно Алымовой опредѣленная ко двору тотчасъ по выпускѣ своемъ изъ Смольнаго монастыря. Почти въ одно время съ Нелидовой появились при маломъ дворѣ лейтенантъ С. И. Плещеевъ, назначенный состоять при Цесаревичѣ по его званію генералъ-адмирала, и камеръ-юнкеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Вліяніе этихъ трехъ лицъ на молодую чету сказалось уже гораздо позднѣе.

При такихъ условіяхъ начался новый періодъ жизни Маріи Ѳеодоровны, который мы назвали бы семейно-политическимъ: ибо, во все время пребыванія своего въ санѣ великой княгини, Марія Ѳеодоровна въ семейной сферѣ своей дѣятельности постоянно должна была сообразоваться съ условіями и общаго политическаго положенія. Въ это именно время молодая великая княгиня прошла тяжелую политическую школу и сама, такимъ образомъ, довершила свое воспитаніе. Къ сожалѣнію, обстоятельства ей не благопріятствовали. Не подготовленная къ политической дѣятельности ни домашнимъ воспитаніемъ, ни ролью посторонняго наблюдателя, Марія Ѳеодоровна сразу очутилась въ положеніи подсудимаго, который изъ чувства самосохраненія долженъ довѣрить свою защиту людямъ опытнымъ и ловкимъ. За неимѣніемъ выбора, Марія Ѳеодоровна волей-неволей должна была идти по колеѣ, указываемой ей обстоятельствами и семейными симпатіями, и прикрывать наружнымъ спокойствіемъ и повиновеніемъ своей державной свекрови внутреннія страданія, которыя она должна была постоянно испытывать, видя и слыша то, чего она не хотѣла бы видѣть и слышать. Безъ сомнѣнія, въ этомъ тяжеломъ подвигѣ самовоспитанія закалился характеръ Маріи Ѳеодоровны и окончательно сложился тотъ ея нравственный обликъ, съ которымъ она впослѣдствіи, уже какъ

---

[43]) Генриху Николаи принадлежитъ нѣсколько томовъ басенъ, разсказовъ, посланій и т. п. Лафермьеръ также издалъ сборникъ басенъ.

императрица, выступила на поприще самостоятельной общественной дѣятельности. Разумѣется, что дѣло не обошлось при этомъ и безъ ошибокъ съ ея стороны, говоря правду, довольно крупныхъ; но онѣ, объясняясь вполнѣ обстановкой, среди которой находилась Марія Θеодоровна и какъ Германская принцесса, и какъ Русская великая княгиня, служать въ тоже время выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ ея личности: внутренній разладъ съ Екатериной возникъ на почвѣ нравственной и религіозной, а любовь къ Германіи и въ частности къ Пруссіи, основываясь на жизнерадостныхъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ и семейныхъ привязанностяхъ, глубоко укоренившихся въ мягкомъ сердцѣ Маріи Θеодоровны, поддерживалась ложной, конечно, увѣренностью, раздѣляемой и главнымъ изъ Русскихъ дипломатовъ того времени, что страна эта можетъ быть только другомъ ея новаго отечества, Россіи. Въ области исторіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, понять заблужденіе значитъ простить его.

Было еще одно обстоятельство, которое, будучи плодомъ недоразумѣнія, тѣмъ не менѣе, непріятно ложилось на сердце великой княгини; мы говоримъ о чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ, которыя за границей многія частныя лица связывали, въ личныхъ своихъ интересахъ, съ пріѣздомъ Маріи Θеодоровны въ Россію. Преувеличивали богатство нашего отечества, не имѣли точныхъ свѣдѣній о правительственномъ значеніи великаго князя, о его денежныхъ средствахъ и добивались, считая все возможнымъ и надѣясь на доброту великой княгини, различныхъ матеріальныхъ выгодъ. Такъ, Монбельярскіе фабриканты обращались къ Маріи Θеодоровнѣ, чрезъ отца ея, съ просьбою о дарованіи имъ монополіи на право торговли въ Россіи ситцемъ; уже одна возможность подобнаго ходатайства ясно показываетъ, какими глазами смотрѣли на Россію въ Западной Европѣ. Нечего и говорить, что ходатайство это было отвергнуто [4]). Но за то къ Маріи Θеодоровнѣ стали обращаться многіе за денежными пособіями, не думая, конечно, что Русская великая княгиня часто сама нуждается въ деньгахъ. Екатерина мало обращала вниманія на финансовое положеніе своего сына, и молодые супруги не всегда могли удѣлять часть своихъ доходовъ на

[4]) Павелъ Петровичъ увѣдомилъ объ этомъ принца Фридриха-Евгенія письмомъ изъ Царскаго Села отъ 16 Апрѣля 1777 г. „...La commission dont votre altesse avait chargé ma femme par rapport à l'importation des indiennes n'a pas réussi au gré de vos désirs; des principes de commerce y ont mis un empêchement. On ne donne point de privelège exclusif chez nous afin de ne point occasionner les monopoles et gêner le commerce, ce qui le détruit entièrement. D'ailleurs, nous avons chez nous déjà des fabriques pareilles en quantité, de manière que nous n'avons presque plus besoin d'indiennes étrangères. Voilà, votre altesse, le résultat de cet affaire. Je suis au désespoir qu'elle n'ait pas pu réussir". Госуд. Арх., IV, 205.

дѣла благотворенія, столь приличествующія ихъ высокому сану. Между тѣмъ, къ Маріи Ѳеодоровнѣ обращались за помощью лица, надѣявшіяся на полное обезпеченіе своей судьбы и отчасти имѣвшія на то право, какъ, напримѣръ, воспитатель ея братьевъ Моклеръ [45]). Его примѣру слѣдовали и другіе жители Монбельяра; есть извѣстіе, что бракъ Павла съ Маріей Ѳеодоровной привлекъ въ Россію многихъ Монбельярцевъ [46]). Не имѣя возможности удовлетворять просьбамъ своихъ соотечественниковъ, часто совершенно безосновательнымъ, Марія Ѳеодоровна, естественно, должна была возбуждать противъ себя упреки въ скупости. Между тѣмъ, сами родители ея, надѣявшіеся облегчить свое стѣсненное финансовое положеніе послѣ брака своей дочери [47]), получили отъ Екатерины ежегодную пенсію спустя лишь полтора года, уже по рожденіи старшаго сына Маріи Ѳеодоровны, Александра Павловича [48]). Зная, по собственному опыту, недостатокъ средствъ своихъ родителей, Марія Ѳеодоровна просила Фридриха II позаботиться о ея братьяхъ, находившихся на Прусской службѣ [49]).

Зиму 1776—1777 года молодые супруги прожили въ Зимнемъ дворцѣ, принимая участіе во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и разнаго рода торжествахъ; они присутствовали также и на торжествѣ 50-лѣтняго юбилея Академіи Наукъ, праздновавшемся 29 Декабря 1776 года [50]). Но шумная жизнь среди пышнаго двора Екатерины, необходимость быть постоянно на людяхъ, подвергаясь наблюденіямъ тысячи нескромныхъ глазъ, не могла не стѣснять Маріи Ѳеодоровны, привыкшей совсѣмъ къ другому образу быта. Великая княгиня чувствовала себя дома только въ небольшомъ избранномъ кружкѣ близкихъ лицъ, собиравшихся у великокняжеской четы по вечерамъ для литературныхъ чтеній, легкой непринужденной бесѣды и веселыхъ игръ. Душой этихъ собраній былъ живой, словоохотливый Французъ Лафермьеръ, котораго заразительная веселость, чистота души, при открытомъ характерѣ и мягкихъ мане-

---

[45]) Маріинскій Архивъ: Бумаги императрицы Маріи Ѳеодоровны, св. 275, 62.

[46]) Р. Архивъ, 1869 г., 1797, 2090.

[47]) „Les cadets des cadets sont des bien malheureux princes. J'en parle par ma propre expérience; car si Dieu n'avait fait de miracles en notre faveur, que serions-nous devenu avec onze enfans?“ Письмо матери императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 11 Янв. 1779 г. Ср. главу III нашего труда.

[48]) 25 Декабря 1777 г. Марія Ѳеодоровна писала Фридриху II: „La naissance de mon fils est une époque doublement heureuse pour moi, puisqu'elle a servi d'occasion à la bonté que l'Impératrice vient d'avoir d'assigner une pension annuelle à mes chers parents; voici donc un des voeux principaux de mon coeur accompli“. Stark, 52.

[49]) Stark, 51. Письмо Маріи Ѳеодоровны королю Фридриху отъ 6 (14) Марта 1777 г.

[50]) Объ этомъ въ прекрасныхъ словахъ напомнилъ, въ присутствіи Маріи Ѳеодоровны, академикъ Шторхъ при празднованіи 100-лѣтняго юбилея Академіи. Сочиненія Плетнева, изд. Грота, III, 183—184.

рахъ, невольно привлекали къ себѣ каждаго; для Маріи же Θеодоровны Лафермьеръ былъ притомъ еще землякъ: подобно задушевному ея другу, г-жѣ Оберкирхъ, онъ, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Николаи, былъ родомъ изъ Эльзаса, къ Югу котораго прилегаетъ Монбельяръ, а на чужбинѣ, при нравственномъ одиночествѣ Маріи Θеодоровны, это значило уже много. Болѣе свободной, независимой жизнію Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна могли жить лишь лѣтомъ, сначала на Каменномъ острову, а потомъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, куда они слѣдовали за Екатериной, вѣроятно по ея приглашенію. Каменный островъ составлялъ собственность Цесаревича [51]); здѣсь у него былъ небольшой дворецъ, при которомъ онъ основалъ Инвалидный домъ для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства. При освященіи этого дома молодая чета и присутствовала 24 Іюня, веселая и счастливая.

Еще 3 Іюня Павелъ писалъ Платону: «Сообщу вамъ хорошую вѣсть. Услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святого и отъ Сіона заступилъ; я имѣю большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною о семъ порадовались» [52]). Надежда эта должна была чрезвычайно обрадовать и Екатерину, страстно желавшую имѣть внука. Быть можетъ, именно тотчасъ по полученіи этого извѣстія Императрица, въ знакъ искренняго своего удовольствія, подарила молодой четѣ въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села 362 десятины земли съ деревеньками: Линна и Кузнецы [53]). Здѣсь Марія Θеодоровна задумала основать лѣтнее свое пребываніе, которое могло бы устройствомъ своимъ напоминать ей Этюпъ, столь далекій теперь отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ столь близкій ея сердцу; на первое же время, лѣтомъ 1777 года, выстроены были для Павла охотничьи домики: «Крикъ» и «Кракъ», получившіе эти названія въ подражаніе

---

[51]) Екатерина подарила его Павлу въ 1763 году.

[52]) Р. Арх. 1887, II, стр. 11.

[53]) Шторхъ въ своемъ „Beschreibung des Gartens zu Pawlowsk“ (S. Petersburg, 1802, стр. 59—60) указываетъ, что подарокъ свой Екатерина сдѣлала по случаю рожденія Александра Павловича. Г. Каратыгинъ („Супружество императора Александра I“ Русскій Вѣстникъ, 1886 г. № 11, 227—228) сомнѣвается въ вѣрности этого указанія, справедливо доказывая, что если бы мѣсто, на которомъ выстроенъ Павловскъ, было подарено родителямъ Александра Павловича даже въ самый день его рожденія, т. е. 12 Декабря 1777 г., то построеніе Павловска ни въ какомъ случаѣ не могло начаться тотчасъ же, а между тѣмъ на обелискѣ въ память его основанія показанъ именно 1777 г. Поэтому онъ относитъ подарокъ Екатерины ко дню ангела Цесаревича, 29 Іюня того же года. Однако Каратыгинъ упускаетъ изъ виду, что Шторхъ, находясь въ числѣ лицъ, окружавшихъ Марію Θеодоровну, зналъ о времени основанія Павловска быть можетъ даже отъ нея самой и во всякомъ случаѣ пользовался самыми точными свѣдѣніями. Наше предположеніе, кажется, примиряетъ оба мнѣнія, повидимому противорѣчивыя.

Нѣмецкимъ стариннымъ садовымъ зданіямъ и охотничьимъ павильонамъ. Вѣроятно, Павелъ отказался отъ подарка въ пользу своей супруги; ибо позднѣе, распредѣляя свое имущество въ духовномъ завѣщаніи 1788 г., онъ вовсе не упоминалъ объ этомъ дарѣ Екатерины, названномъ въ честь его селомъ Павловскимъ или просто Павловскомъ [54]).

Но это сравнительно-спокойное и счастливое для Маріи Ѳеодоровны время отравлено было для нея политическими заботами, вызванными пріѣздомъ 5 Іюня въ Петербургъ Шведскаго короля Густава III (чрезъ два дня послѣ извѣстнаго намъ письма Павла Платону). Утвердивъ въ Швеціи монархическую власть низверженіемъ олигархіи, Густавъ мечталъ объ усиленіи и политическаго значенія своей страны: ему хотѣлось пріобрѣсти отъ Даніи Норвегію и обезпечить Шведскую Померанію, охваченную Прусскими владѣніями, отъ возможныхъ покушеній на нее Фридриха II. Того и другаго надѣялся онъ достигнуть съ содѣйствіемъ Россіи; при свиданіи съ Екатериной и ея наслѣдникомъ онъ надѣялся также сгладить недоразумѣнія, существовавшія между Россіей и Швеціей [55]). Будучи роднымъ племянникомъ Фридриха II по матери, Густавъ, однако, не обманывался на счетъ истинныхъ намѣреній своего захватчиваго дяди и надѣялся передать свои чувства къ нему и Павлу Петровичу. Тѣмъ сильнѣе было удивленіе Густава, когда онъ изъ устъ Павла услышалъ рѣчи, приличныя лишь страстному Пруссаку. И когда король попробовалъ выяснить себѣ основанія столь неожиданной для себя привязанности Цесаревича къ Пруссіи, то Цесаревичъ сослался на родственныя чувства къ Фридриху. Естественно, что ни Густавъ, ни Павелъ не могли понять другъ друга: одинъ изъ царственныхъ собесѣдниковъ преслѣдовалъ цѣли, предписываемыя ему здравой національной политикой, считая, подобно Фридриху II, родственниками только тѣхъ, кто могъ бы быть ему полезенъ при достиженіи этихъ цѣлей, тогда какъ другой придерживался мечтательнаго, сентиментальнаго взгляда на международныя отношенія, воображая, будто народные интересы могутъ быть обезпечиваемы родственными связями государей. Павелъ не хотѣлъ понять, что въ этомъ случаѣ у государей имѣются обязанности повыше родственныхъ. Разговоромъ своимъ со Шведскимъ королемъ Павелъ Петровичъ остался видимо недоволенъ; но увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ звучитъ въ каждомъ словѣ письма его къ Н. И. Панину, которому онъ поспѣшилъ сообщить разговоръ свой съ королемъ. «Король, пишетъ онъ, сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря,

---

[54]) „Павловскъ" и проч., 11—13.

[55]) См. Я. К. *Грота*: „Екатерина II и Густавъ III" Спб. 1877.

что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобы онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король Прусскій и что онъ завѣрно знаетъ, что иного не ищетъ, какъ чтобъ отхватить Шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, его окружающихъ. Онъ, замолчавъ, мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что еслибы до войны дошло, то онъ конечно оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ и что если бы онъ, король, съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, еслибы удалось, а мы у него остатокъ оной. Сказалъ я ему, что можетъ быть не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему, ибо, какъ-де вы и сами отозвались, вы были въ конекціи съ Франціей.—Нѣтъ-де, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, а онъ свои замыслы имѣетъ. На сіе я ему отвѣтствовалъ, что, не отнимая отъ него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умысла не сдѣлаетъ и что можетъ быть я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому, какъ натуральному нашему союзнику, а къ персонѣ по одолженіямъ, которыя я ему имѣю. Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: «Какой можетъ быть натуральный сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu'au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg?» — Je lui répondis à cela: «Et vous, sire, n'êtes-vous pas issu d'une famille particulière de Vasa» [56])?—Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: Mais quelles sont ces obligations personnelles que j'avais, sinon l'accueil qu'il m'a fait?—Sire, lui répondis-je, l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnaissance qui les lient entre eux. Au bout de compte c'est mon parent, lui dis-je.—Et mon oncle, me dit-il, et je ne l'ai pas oublié» [57]). Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я разсуждаю

---

[56]) „Его сила покоится на искусственномъ основаніи, и въ сущности онъ произошелъ только отъ маркграфа Бранденбургскаго".—Я отвѣчалъ ему на это: „Не произошли ли вы и сами, государь, изъ частнаго семейства Ваза?"

[57]) Но что это за личныя одолженія, сдѣланныя имъ вамъ, за исключеніемъ встрѣчи въ Берлинѣ? - Государь, отвѣчалъ, я, они заключаются въ томъ особенномъ участіи, которое принялъ онъ при заключеніи обоихъ моихъ супружествъ. Государи и принцы суть тѣ же люди. Горе тѣмъ изъ нихъ, кто забываетъ узы крови и благодарности, существующія между ними. Въ концѣ концовъ это мой родственникъ", говорю я ему.—„А мой дядя, сказалъ онъ, и я этого не забылъ". Если бы Фридрихъ узналъ объ этомъ разговорѣ, какъ онъ долженъ былъ про себя смѣяться!

о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ завелъ его далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что̀ показываетъ великую étourderie. А можетъ быть не хотѣлъ ли и понаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить? Но какъ бы оно ни было, все сіе чести гостю не дѣлаетъ, даже и авантюрируясь въ такомъ разговорѣ; ибо онъ все зачиналъ и заставлялъ меня непріятные вынужденные отвѣты себѣ давать» [58]).

Разумѣется, что отпоръ, данный Павломъ Петровичемъ Шведскому королю, встрѣтилъ полное сочувствіе и со стороны его супруги, тѣмъ болѣе, что она предполагала въ Густавѣ намѣренія, враждебныя интересамъ ея семьи. Именно въ это время Марія Ѳеодоровна занята была мыслію женить молодого принца Петра Голштинскаго, находившагося подъ опекой Екатерины, на сестрѣ своей Фредерикѣ: молодой принцъ Петръ, считавшійся наслѣдникомъ дяди своего, герцога Ольденбургскаго, казался для Маріи Ѳеодоровны желаннымъ женихомъ для ея сестры и по нравственнымъ своимъ качествамъ, такъ какъ онъ воспитанъ былъ въ строгихъ Нѣмецкихъ правилахъ, въ духѣ Монбельярскаго семейства. Для успѣха задуманнаго сватовства нужно было, однако, заручиться согласіемъ Императрицы, что̀, при вниманіи, которое оказывала невѣсткѣ Екатерина, и при содѣйствіи Панина, казалось нетруднымъ. Пріѣздъ Густава грозилъ разрушить эти планы, въ виду слуховъ, что король желалъ пристроить за принца Голштинскаго свою сестру. «Ради всего на свѣтѣ умоляю васъ, дорогой графъ, писала Марія Ѳеодоровна послѣ пріѣзда Густава Н. И. Панину, устройте дѣла такъ, чтобы надежда моя могла возродиться. Этимъ вы безконечно и навсегда меня обяжете» [59]). Кажется, однако, что эти опасенія великой княгини не имѣли основанія, и по отъѣздѣ Шведскаго короля ей оставалось только радоваться, что его намѣреніе возстановить Павла Петровича противъ Пруссіи не увѣнчалось успѣхомъ. «Думаете ли вы, писала она Панину, что король Шведскій имѣлъ только въ виду поссорить нашъ дворъ съ дворомъ Прусскимъ? Нужно признаться, что это намѣреніе короля не доставило мнѣ большаго удовольствія; но я надѣюсь, что его совѣты не будутъ имѣть большаго вліянія» [60]).

Эта переписка великаго князя и его супруги съ графомъ Н. И. Панинымъ ясно показываетъ, какое полное единомысліе и довѣріе царствовало среди этого политическаго тріумвирата, и здѣсь Марія Ѳеодоровна впервыя явилась оберегательницей при дворѣ Екатерины интересовъ родной своей семьи и Пруссіи.

Въ началѣ Сентября молодой дворъ долженъ былъ переѣхать изъ Царскаго Села обратно въ Петербургъ. Переѣздъ этотъ возбуждалъ,

---

[58]) Р. Арх. 1882 г., I, стр. 384—385. [59]) Тамъ же, 398. [60]) Тамъ же, 388—389.

однако, тревогу въ молодыхъ супругахъ и какое-то смутное опасеніе за будущее. «Признаюсь вамъ», писала Марія Θеодоровна въ день своего отъѣзда, 9-го Сентября, графу Панину: «я покидаю Царское Село съ живѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія. Воздухъ свободы, которымъ дышатъ тамъ, принесъ мнѣ благо, котораго я не сумѣю выразить; онъ былъ также полезенъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи и для великаго князя. И мы бросаемъ все это, чтобы на восемь мѣсяцевъ заключиться въ городѣ! Вы знаете, любезный графъ, какъ мы тамъ стѣснены: предоставляемъ вамъ самимъ судить, безпокоитъ ли насъ перспектива стѣсненія въ теченіе восьми мѣсяцевъ, послѣ того какъ мы наслаждались достаточной долей свободы цѣлыхъ четыре мѣсяца. Конечно, я чрезвычайно люблю нашъ добрый, хорошій Петербургъ, и я такъ же охотно жила бы въ немъ, какъ и здѣсь, еслибы можно было тамъ дѣлать немного болѣе того, что̀ мы желаемъ; но, увы, вы знаете лучше меня, что̀ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Въ особенности, любезный графъ, пожалѣйте обо мнѣ: вы знаете что̀ ожидаетъ меня въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю отчего, но я крайне боюсь этого времени, хотя затрудняюсь объяснить это. Вы меня спросите, боюсь ли я умереть? Нѣтъ, потому что я хорошо сложена, крѣпка и совершенно здорова; эти три условія внушаютъ мнѣ надежду на самые счастливые роды. Стало-быть это не боязнь, но что-жъ это? Шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, вся обстановка (ensemble), наконецъ, заставляютъ меня трепетать. Побраните меня, любезный графъ, я этого заслуживаю; я чувствую, что я смѣшна; но я всегда предъ вами такова, какова на самомъ дѣлѣ. Увы, съ полнымъ довѣріемъ я могу относиться только къ великому князю и къ вамъ; такимъ образомъ, я вполнѣ отдаюсь на вашъ судъ. Ахъ, пусть вы будете бранить меня, но я умираю отъ страха за будущее. Великій князь боится зимы такъ же, какъ и я. Это еще болѣе усиливаетъ мою скорбь, и когда онъ высказываетъ мнѣ свои опасенія, я пытаюсь рисовать ему все въ розовыхъ краскахъ [61]). Отсюда видно, что главной причиною тревожнаго настроенія молодыхъ супруговъ было состояніе здоровья великой княгини, нуждавшейся въ это время въ особомъ вниманіи и попеченіи со стороны близкихъ ей лицъ; живо представлялись также воображенію молодой четы всѣ неудобства, соединенныя съ безпокойнымъ для нихъ жительствомъ въ Зимнемъ дворцѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина на этотъ разъ готова была сдѣлать все возможное, чтобы успокоить и ободрить свою невѣстку. Притомъ осень 1777 года была даже для Петербурга бурна и ненастна; въ ночь съ 9 на 10 Сентября,

---

[61]) Тамъ же, 939—400.

чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ столицу молодой четы изъ Царскаго Села, Петербургъ постигло страшное наводненіе, стоившее жизни многимъ жителямъ столицы.

Почти не принимая, благодаря своему положенію, обычнаго участія въ жизни двора, Марія Ѳеодоровна раздѣляла заботы своего супруга о воспитаніи будущаго ихъ ребенка; въ разговорахъ о томъ проходило, вѣроятно, все свободное время супруговъ: ибо во всѣхъ письмахъ своихъ за это время къ Платону Павелъ только и говорилъ о «новыхъ, возложенныхъ на него отъ Бога должностяхъ» [62]). «Стараться буду», писалъ онъ ему, «вяще заслужить ваше доброе о себѣ мнѣніе, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ ономъ долженъ, а особливо каждой въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ» [63]). «Признаюсь», писалъ онъ въ тоже время своему тестю, «я часто бываю въ тревогѣ, какъ только подумаю о первомъ времени дѣтства своего будущаго ребенка, будучи совершенно лишенъ опытности въ этомъ отношеніи. Вопросъ, хотя и отдаленный, о его воспитаніи затрудняетъ меня не менѣе, при моей молодости и ничтожной подготовкѣ. Впрочемъ и въ этомъ я всецѣло полагаюсь на волю Провидѣнія. Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ изъ людей, еслибы не сдѣлалъ этого, въ особенности послѣ того, какъ съ самаго младенчества и до сихъ поръ я былъ очевидно руководимъ Имъ» [64]). Такъ серьезно смотрѣлъ Павелъ на будущія свои родительскія обязанности. Будучи отстраняемъ отъ управленія государствомъ, являясь при дворѣ только на парадныя торжества, изнывая въ тоскѣ и бездѣйствіи, Цесаревичъ разсчитывалъ весь жаръ своего сердца, всѣ скованныя бездѣйствіемъ способности ума своего отдать семьѣ и въ дѣтяхъ найти себѣ утѣшеніе; о томъ же мечтала и Марія Ѳеодоровна, счастливая тѣмъ, что въ мысляхъ мужа видѣла отголосокъ своихъ собственныхъ думъ и чувствъ.

Но судьба и здѣсь готовила супругамъ жестокій ударъ: по мысли Екатерины, дѣти ихъ (какъ и справедливо) принадлежали не имъ, а государству. Имѣя свои основанія считать сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго *Русскаго* государя, она считала своимъ правомъ и обязанностью взять его воспитаніе на себя, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на родителей это лишеніе ихъ естественныхъ правъ. Изъ писемъ Павла Петровича видно, однако, что ни онъ, ни

---

[62]) Русс. Арх. 1887, II, 12. [64]) Письмо Павла Петровича принцу Фридриху Евгенію отъ 10 (21) Октября 1777 г. Госуд. Архивъ, IV, 205.

его супруга даже и не предполагали возможности подобной мѣры со стороны Императрицы, которая, въ свою очередь, до поры до времени не считала удобнымъ высказаться.

Приближеніе родовъ Марія Θеодоровна почувствовала въ Понедѣльникъ, 11 Декабря, въ семь часовъ утра; а на другой день, 12 Декабря, въ одиннадцать часовъ утра, послѣ получасовыхъ страданій, у нея родился сынъ, будущій императоръ Александръ Павловичъ. Имя дано ему въ честь Александра Невскаго, святаго, народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности. Обрадованная рожденіемъ внука, Императрица тогда же исполнила давнее желаніе родильницы, назначеніемъ ея отцу ежегодной пенсіи. «Вы, писалъ ему 13 Декабря Павелъ Петровичъ, виновникъ радости всей Россіи въ виду того участія, которое весь народъ принимаетъ въ совершившемся событіи, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ и его благосостояніе» [65]).

О рожденіи великаго князя дано было знать Петербургу 201 пушечнымъ выстрѣломъ, а вечеромъ 12-го же Декабря всѣ «знатныя и придворныя особы» приносили державной бабушкѣ поздравленія. На другой день Екатерина, вмѣстѣ съ сыномъ, присутствовала при литургіи въ большой церкви Зимняго дворца и послѣ богослуженія принимала въ церкви же поздравленія членовъ Синода и прочаго духовенства, при чемъ Гавріилъ, архіепископъ Петербургскій, произнесъ краткую рѣчь; за обѣденнымъ столомъ, на тридцать четыре куверта, находился и Павелъ Петровичъ. Великому князю приносили поздравленія всѣ знатныя особы и духовенство особо, въ его покояхъ, для чего они съѣхались туда въ тотъ же день, 13 Декабря, къ пятому часу. На этомъ пріемѣ архіепископъ Гавріилъ опять произнесъ поздравительную рѣчь, а директоръ Академіи Наукъ Домашневъ поднесъ великому князю заранѣе приготовленный экземпляръ новаго календаря на 1778 годъ, уже украшенный вензелевымъ именемъ новорожденнаго. Крещеніе Александра Павловича совершено было съ обычною пышностію 20 Декабря; воспріемниками царственнаго младенца были заочно императоръ Римскій

---

[64]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму Екатерина, любившая занятія по Русской Исторіи, старалась выяснить этому иностранцу высокую личность и заслуги для Россіи этого древняго Русскаго князя. С. Р. И. О., XXIII, 83, 91, 609, 639.

[65])Письмо отъ 13 (24) Декабря. Госуд. Арх., IV, 205. Замѣчательно, что Павелъ Петровичъ счелъ нужнымъ, увѣдомляя принца объ обѣщаніи Екатерины относительно пенсіи, прибавить со своей стороны: „C'était le moins que nous vous désirons. Je prie votre altesse de ne pas en faire mention ici jusqu'à cela ne soit publié en aucune façon, parce que cela pourrait me compromettre“.

Іосифъ II и король Прусскій Фридрихъ II. Вечеромъ Петербургъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

Рожденіемъ Александра Павловича обезпечивалось въ Россіи престолонаслѣдіе.

Для характеристики этого вычурнаго времени любопытна иллюминація, устроенная Академіей Наукъ предъ главнымъ ея корпусомъ, на берегу Невы, противъ дворца. «Прозрачная картина представляла Россію, возносящую къ небу өиміамъ, надъ коею, въ облакахъ, являлось вензелевое имя Екатерины. Лучи отъ сего имени озаряли Россію. Подъ онымъ геній переплеталъ гирляндами имена *Павла* и *Маріи*. Гименей привязывалъ къ онымъ гирляндами же вензелевое имя новорожденнаго великаго князя. Время къ сему имени привязывало цѣпь родословныхъ круговъ; на оныхъ были видны лишь только края, ибо время закрывало еще круги крыломъ своимъ, держа въ другой рукѣ песочные часы, перевитые пальмовою вѣтвію, въ изображеніе процвѣтающихъ временъ. Сіе объяснялось слѣдующею прозрачною надписью:

Щедроты къ намъ судебъ во вѣкъ не измѣнятся,
Сквозь крылья Времени ихъ сбытія всѣмъ зрятся!

Вся картина опоясывалась гирляндами изъ цвѣтныхъ огней. По сторонамъ видны были пальмовыя деревья, и два обелиска, прозрачно-написанные, изображающіе славный вѣкъ Россіи» [66]).

Пока шли эти придворныя и народныя торжества, Марія Өеодоровна испытывала крайнюю слабость и въ теченіе двухъ недѣль не могла оставить постели [67]).

Евгеній Шумигорскій.

---

[66]) С.-Петербургскія Вѣдомости, № 102, 22 Декабря 1777 года.

[67]) Письмо Маріи Өеодоровны Вольцогену 30 Сентября 1805 г. Маріинскій Архивъ, бумаги импер. Маріи Өеодоровны св. № 294.

АДМИРАЛЪ И. С. УНКОВСКОЙ.

Разсказы изъ его жизни *).

Лѣтомъ 1856 года Иванъ Семеновичъ Унковскій былъ назначенъ командиромъ вновь отстроеннаго винтоваго фрегата *Аскольдъ*.

Какъ извѣстно, одною изъ главныхъ причинъ успѣшной высадки союзниковъ на Крымскій полуостровъ было отсутствіе съ нашей стороны винтоваго флота. Не было его въ Черномъ морѣ, не было и въ Балтійскомъ. Правда, съ начала сороковыхъ годовъ началась и у насъ, или вѣрнѣе для насъ, постройка пароходовъ въ Англіи и Америкѣ подъ наблюденіемъ В. А. Корнилова, моего отца, И. И. Шанца и др.; но что̀ значили эти пароходы сравнительно съ линейнымъ паровымъ флотомъ Англичанъ и Французовъ! Передъ самой войной, въ Петербургѣ и Николаевѣ приступили къ постройкѣ винтовыхъ кораблей и фрегатовъ, достройку ихъ продолжали, кажется, даже во время военныхъ дѣйствій, и вотъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ, весною 1856 года, былъ спущенъ на воду фрегатъ *Аскольдъ*.

Съ Чернымъ моремъ было покончено, вся дѣятельность сосредоточилась въ Балтійскомъ. Это было тяжелое, но вмѣстѣ и поучительное время. Парижскій миръ завершилъ великую драму. Англія достигла своей цѣли. Черноморскій флотъ былъ уничтоженъ, и Россія повидимому надолго истощена. Въ обществѣ, обыкновенно склонномъ къ порицанію при всякой неудачѣ, развивалась неумѣренная, часто весьма несправедливая критика прошлаго и болѣзненная потребность новаго, во чтобы то ни стало. Появились новые люди, новыя потребности. Духъ критики виталъ вездѣ и всюду, какъ разрушительное начало. Этотъ духъ критики коснулся и морскаго сословія, но исключительнымъ образомъ. Горсть уцѣлѣвшихъ Черноморцевъ считала необходимостью скорѣйшее примѣненіе у насъ усовершенствованій кораблестроительнаго искусства,

---

*) См. „Русскій Архивъ" 1887, I, 129 и 280; II, 117.

ревниво охраняя преданія *прошлаго*, того прошлаго, надъ которымъ все глумилось. И дѣйствительно моряки хорошо знали, они всѣмъ существомъ своимъ чувствовали, что никакія измѣнившіяся условія жизни, хотя бы самыя наиновѣйшія, не могли способствовать возвышенію духа ихъ сословія. Они воспитаны были своимъ учителемъ Лазаревымъ въ сознаніи, что главная суть дѣла не въ правахъ, а въ сопряженныхъ съ ними обязанностяхъ, и что главное право всякаго человѣка заключается въ неуклонномъ служеніи своему долгу.

Я ребенкомъ помню это время, именно въ морской средѣ. Я живо представляю себѣ Ивана Семеновича только что назначеннаго командиромъ фрегата *Аскольдъ*. Великое горе утраты лучшихъ наставниковъ и товарищей, сложившихъ свои головы на Севастопольскихъ бастіонахъ, не могло заглушить въ немъ душевной бодрости и страстнаго желанія показать на дѣлѣ, чего можно достигнуть, положивши въ дѣло всѣ помыслы.

Лѣто 1856 года прошло до поздней осени въ установкѣ механизма на *Аскольдъ*; только 18 Октября фрегатъ вышелъ изъ гавани на малый рейдъ и послѣ нѣсколькихъ испытаній машины вновь втянулся въ гавань на зимовку 29 числа того же мѣсяца. Въ 1857 году *Аскольдъ* былъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе. Ясно представляется мнѣ наша зала въ Кронштадскомъ домѣ, двѣ свѣчи на ломберномъ столѣ, отецъ сидящій на стулѣ и каждый вечеръ входящій въ залу Иванъ Семеновичъ. «А, милѣйшій капитанъ Кукъ», встрѣчалъ его обыкновенно отецъ однимъ и тѣмъ же привѣтомъ. И Иванъ Семеновичъ приступалъ къ своимъ порывистымъ, нервнымъ разсказамъ. Какъ теперь вижу: нѣсколько ниже средняго роста, худощавый, совершенно лысый, и потому старообразный, не смотря на свои тридцать пять лѣтъ, Иванъ Семеновичъ, волнуясь, сообщалъ отцу событія дня, подробности по сооруженію фрегата и разныя служебныя тревоги. День ото дня разсказы становились горячѣе, наконецъ зашла уже рѣчь о желаніи Ивана Семеновича отказаться отъ командованія *Аскольдомъ*. Въ то время для меня подобное рѣшеніе казалось необъяснимымъ. Только потомъ я узналъ, въ чемъ было дѣло.

Ивану Семеновичу по началу обѣщано было самостоятельное плаваніе. Напуганный отношеніями къ Путятину, онъ мечталъ идти никому неподчиненнымъ, самостоятельнымъ командиромъ, какъ вдругъ обстоятельства измѣнились. Въ томъ же году посылалась вокругъ свѣта первая эскадра изъ винтовыхъ корветовъ и клиперовъ, *Аскольдъ* былъ включенъ въ составъ эскадры, и пребываніе ея начальника было назначено на фрегатѣ.

Съ этимъ никакъ не могъ помириться Иванъ Семеновичъ. Ничего не имѣя противъ личности избраннаго начальника, онъ тѣмъ не менѣе видѣлъ много причинъ не желать совмѣстнаго плаванія. Во первыхъ, ему хотѣлось самостоятельно примѣнить на практикѣ выработанныя морскія познанія; вовторыхъ, совершивъ уже одно кругосвѣтное плаваніе безъ всякихъ удобствъ сопряженныхъ съ капитанскимъ званіемъ (даже безъ капитанской каюты, уступленной адмиралу), онъ не хотѣлъ еще на цѣлыхъ три года подвергать себя такому же стѣсненію; словомъ, ему не хотѣлось идти вторично капитаномъ, оставаясь въ сущности старшимъ офицеромъ. Ко всему этому онъ имѣлъ несомнѣнное право ссылаться на полученное обѣщаніе. Послѣ многихъ недоразумѣній, переговоровъ, волненій и порчи крови, Иванъ Семеновичъ отправился одинъ.

Утромъ 26 Сентября 1857 года, свободное населеніе Кронштадта стремилось на стѣнку Купеческой гавани, чтобы видѣть оттуда уходъ фрегата. Красавецъ фрегатъ уже стоялъ подъ парами; отъ борта его отвалили послѣднія шлюпки съ родственниками и прощающимися, подняли якорь, раздались салюты, и вскорѣ *Аскольдъ* скрылся изъ глазъ зрителей, чтобы черезъ два съ половиною года вновь бросить якорь на томъ же рейдѣ, но уже со славой необыкновеннаго плаванія.

Уже на первомъ переходѣ отъ Кронштадта обнаружилась неисправность машины, и пришлось остановиться дней на десять въ Килѣ, чтобы исправить поврежденія. Благополучно добравшись до Бреста и снова произведя необходимыя починки, *Аскольдъ* 28 Ноября снялся съ якоря, дабы, согласно предписанію генералъ-адмирала, слѣдовать на мысъ Доброй Надежды. Находя необходимымъ запастись водою, въ виду постоянной порчи пароваго опрѣснительнаго аппарата, Иванъ Семеновичъ спустился къ острову Тенерифу и неожиданно очутился въ крайне-опасномъ положеніи. Вотъ что читаемъ въ копіи съ его рапорта управляющему Морскимъ Министерствомъ: «Въ полночь лопнула тяга передняго золотника, и машина остановилась. Находясь въ то время въ разстояніи трехъ миль отъ Тенерифскаго берега, при большомъ штилевомъ волненіи, фрегатъ могъ бы быть въ критическомъ положеніи, еслибы легкій береговой порывъ не помогъ намъ удалиться. Несовершенство машины, оказавшееся съ выхода фрегата изъ Кронштадта, позволяетъ думать, что она была сдѣлана не на продолжительную службу, и утомленная ничтожною пробою въ Кронштадтѣ въ настоящее время не выдерживаетъ слѣдуемой ей работы».

Грустное сознаніе неисправности машины не имѣло въ себѣ однако ничего угрожающаго. Оно требовало только тщательнаго и скучнаго ухода за машиной и въ крайнемъ случаѣ грозило превратить фрегатъ

до ближайшей починки въ парусное судно; но на дальнѣйшемъ переходѣ отъ Тенерифа обнаружилось совершенно неожиданно уже другое и крайне тревожное обстоятельство. Къ общему удивленію, въ совершенно новомъ, только что отстроенномъ фрегатѣ открылась течь въ кормовой части. Течь эта сразу приняла такіе размѣры, что возбуждала серьозныя опасенія за долгій переходъ въ открытомъ океанѣ, а потому и вынудила Ивана Семеновича искать ея причины и средства къ ея прекращенію. Съ этой цѣлью рѣшено было зайти на островъ С. Винцентъ, который по описанію Англійскаго капитана Бартоломея имѣетъ совершенно закрытую бухту, изобилующую строевымъ лѣсомъ.

Къ сожалѣнію, описаніе Англичанина оказалось не совершенно точнымъ. Porto-Grande, закрытый съ трехъ сторонъ, представлялся открытымъ сѣверному волненію, нарушавшему спокойствіе мирной стоянки и, вмѣсто обѣщаннаго строеваго лѣса, наши мореплаватели, нашли только мелкій кустарникъ, такъ какъ островъ лишенъ всякаго плодородія. Съ трудомъ удалось пріобрѣсти за большія деньги кряжъ отъ разломаннаго судна, пригодившійся въ послѣдствіи.

Большое волненіе лишило возможности произвести починку въ Porto-Grande, и тогда-то Иванъ Семеновичъ рѣшился продолжать путь съ тѣмъ, чтобы исправить поврежденіе на гладкихъ водахъ экватора. Это смѣлое рѣшеніе стоило ему немалой внутренней борьбы. Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что, обдумывая вѣроятности успѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаясь на неизбѣжныхъ опасеніяхъ, онъ главнымъ образомъ полагалъ свои надежды на испытанную находчивость старшаго офицера лейтенанта Розенберга, энергію и мужество офицеровъ и несравненныя качества Русскаго матроса. Рѣшимость Ивана Семеновича, какъ увидимъ ниже, увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Оставя С. Винцентъ и направляясь къ экватору, *Аскольдъ* имѣлъ довольно бурное плаваніе. Волны, ударяясь въ кормовую часть фрегата, все болѣе и болѣе усиливали течь въ такъ называемомъ колодцѣ *). Наконецъ, течь увеличилась до того, что приходилось отливать воду ведрами. Нетерпѣливо ожидалъ Иванъ Семеновичъ прихода въ штилевую полосу. На восьмой день по выводѣ изъ С. Винцента, а именно 4-го Января 1858 года, фрегатъ *Аскольдъ* пересѣкъ экваторъ, и вечеромъ того же дня были сдѣланы необходимыя распоряженія къ исправленію поврежденій, не терпѣвшихъ болѣе отлагательства.

Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что въ эту ночь онъ не прилегъ ни на минуту. Мысли за мыслями, соображенія за соображеніями

---

*) Рапортъ 7-го Февраля 1858 года, № 5.

тѣснились въ головѣ. Страшная отвѣтственность передъ Богомъ за сотни ввѣренныхъ ему жизней гнела его душу. Бездѣятельность въ такія минуты нравственныхъ испытаній есть величайшая мука. Наконецъ, съ восходомъ солнца закипѣла работа. Постепенно начали перетаскивать орудія съ кормы на носъ. Подъ вліяніемъ возраставшей тяжести носовая часть фрегата постепенно погружалась, подымая изъ воды часть кормовую. Мѣсто течи все еще не обнаруживалось. Послѣ часовой работы, когда орудіе за орудіемъ, вся артилерія перевезена была въ носовую часть и тамъ же расположилась вся команда, фрегатъ принялъ настолько наклонное положеніе, что мѣсто течи, наконецъ, сравнялось съ водною поверхностью.

Оказалось, что, благодаря нерадѣнію при постройкѣ, подводная часть колодца была скрѣплена *не капитально*, а сколочена какъ простой досчатый ящикъ желѣзными гвоздями. «По тщательномъ осмотрѣ «найдено, что желѣзные гвозди, которыми прибиты были доски къ стой«камъ, проржавѣли и образовали сквозныя щели, сгноившія основаніе «одной изъ капитальныхъ стоекъ, сдѣланной изъ весьма дурнаго листвен«наго дерева съ роззыбью, причинявшею главный вредъ и течь». Приступили къ задѣлкѣ обнаруженнаго, воспользовавшись кряжомъ, купленнымъ въ Porto-Grando и фрегатскими средствами. «Не столько разсчетъ «на экваторіальную погоду - писалъ Иванъ Семеновичъ—позволилъ мнѣ «рѣшиться на капитальное, серьезное исправленіе въ открытомъ океанѣ, «сколько надежда на искусство и отмѣнное усердіе шести плотниковъ, «назначенныхъ на фрегатъ изъ Кронштадтскаго адмиралтейства. Люди «эти въ продолженіе четырнадцати часовъ работали безъ усталости съ «видимымъ благороднымъ усердіемъ; *на подвѣшенныхъ люкахъ, по поясъ «въ водѣ, они исполнили дѣло молодецки»* *).

Какъ жаль, что не извѣстны имена этихъ благородныхъ работниковъ! Подвигъ ихъ конечно подвигъ, выходящій изъ ряду. Недавно Датчане толпами сбирались смотрѣть на Русскихъ плотниковъ, строившихъ Русскій отдѣлъ для всемірной выставки въ Копенгагенѣ; но во сколько кратъ удивительнѣе по своей беззавѣтной смѣлости эта работа шести неизвѣстныхъ плотниковъ, имѣвшихъ надъ головами безконечное небо, а подъ ногами бездонную пропасть океана!

Къ восьми часамъ вечера вся работа была окончена, артилерія поставлена на мѣсто, и *Аскольдъ*, какъ будто не пережившій ничего особеннаго, плавно тронулся впередъ по назначенію. Къ счастью, геройскіе труды вознаграждены были прекрасными результатами. Исправленія оказались на столько прочными, что кормовая часть не давала течи вплоть до страшной ночи знаменитаго урагана.

---

*) Рапортъ 7 Февраля 1858 года № 5.

Благополучно добравшись до мыса Доброй Надежды, *Аскольдъ* около мѣсяца простоялъ на Саймонсъ - Бейскомъ рейдѣ, для необходимыхъ исправленій въ частяхъ обнаружившихъ гніеніе. Трудно было бы понять, какимъ образомъ фрегатъ, столь недавно построенный изъ превосходнаго Курляндскаго дуба, могъ такъ скоро оказаться неисправнымъ, еслибы не небрежность строителей, которая сказывалась безпрестанно. Такъ, между прочимъ, по вскрытіи гнилыхъ мелкихъ частей обшивки, изъ за нихъ посыпалась гнилая щепа, соръ и даже гнилыя тряпки рабочихъ, строившихъ фрегатъ.

Стоя на Саймонсъ-Бейскомъ рейдѣ, Иванъ Семеновичъ постоянно практиковалъ офицеровъ и матросовъ въ катаніи на шлюпкахъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ восхищались спеціалисты-Англичане превосходной кройкою и шитьемъ нашихъ парусовъ. Катанье на шлюпкахъ, составляющее принадлежность каждаго морскаго воспитанія, у Ивана Семеновича (еще со временъ завѣдыванія въ Николаевѣ мастерской) было развито до страсти. На *Аскольдѣ* была гичка, построенная по плану Ивана Семеновича еще до выхода фрегата въ море и снискавшая себѣ знаменитость въ Кронштадтѣ. Про нее распространялись легенды; утверждали, будто она подъ веслами ходила въ Ораніенбаумъ (семь верстъ) менѣе получаса, т.-е. скорѣе парохода, содержавшаго сообщеніе на этомъ пространствѣ. Кронштадтскія дамы считали за особое удовольствіе прокатиться на *Аскольдовской* гичкѣ. Впослѣдствіи, во время стоянки въ Японіи, Иванъ Семеновичъ съ кѣмъ-то, не помню, побился объ закладъ, что его гичка подъ веслами можетъ идти восемь морскихъ миль, т.-е. четырнадцать верстъ въ часъ. Пари было довольно крупное, но за то и единственное въ жизни Ивана Семеновича. Гребцы, и безъ того въ совершенствѣ исполнявшіе свое дѣло, цѣлый мѣсяцъ практиковались ежедневно. Наконецъ, состоялась гонка, и хотя Иванъ Семеновичъ пари не выигралъ, но гичка его запоздала всего на двѣ или на три минуты. Понятно, что въ офицерахъ *Аскольда* усиленнѣе развивалась страсть столь общая всему морскому сословію, а потому ихъ катаніе на шлюпкахъ возбуждало всегда особенное вниманіе иностранцевъ, въ особенности Англичанъ.

Покончивъ дѣла на мысѣ Доброй Надежды, *Аскольдъ* предполагалъ направиться въ Шанхай, какъ вдругъ, передъ самымъ выходомъ въ море, получено было предписаніе отъ генералъ-адъютанта графа Путятина слѣдовать въ Гонъ-Конгъ и оттуда въ заливъ Печели. Надобно сказать, что въ это время графъ Путятинъ находился въ Пекинѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, отправленнаго для заключенія договора съ Китайскимъ правительствомъ. Какъ посланнику, да къ тому же адмиралу, ему, понятно, были подчинены военныя суда, направлявшіяся

въ Тихій океанъ, и такимъ образомъ Унковскій совершенно неожиданно вновь очутился подъ начальствомъ графа Евфима Васильевича.

Подчиняясь предписанію, Иванъ Семеновичъ измѣнилъ первоначальному намѣренію и направился въ Гонъ-Конгъ, снявшись съ якоря 15-го Марта. Плаваніе это было весьма бурное, и на переходѣ до Зондскаго Архипелага пришлось выдержать два жестокихъ шторма.

До 1-го Апрѣля фрегатъ шелъ благополучно, но въ этотъ день порывистый вѣтеръ снова перешелъ въ штормъ, хотя и не въ столь сильный, какъ штормъ 26-го Марта, но за то причинившій гораздо болѣе поврежденій уже отчасти расшатанному корпусу фрегата. Кое-гдѣ снова появилась течь, явилась необходимость запастись прочнымъ лѣсомъ для исправленія поврежденій, съ каковою цѣлью Иванъ Семеновичъ рѣшилъ зайти на одинъ изъ острововъ Зондскаго Архипелага, а именно островъ Мью, противолежащій острову Явѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что во время двухъ только что выдержанныхъ *Аскольдомъ* штормовъ, въ колодцѣ, исправленномъ на экваторѣ, никакой течи не оказалось: такъ прочно произведена была работа шестью молодцами-плотниками.

Съ цѣлью достать вполнѣ пригодныя кницы (пни съ толстымъ корнемъ), *Аскольдъ* направился къ острову Мью, гдѣ и бросилъ якорь 20-го Марта и въ теченіе пяти дней достигъ желаемаго. «Вырубка кницъ «въ непроходимыхъ тропическихъ лѣсахъ, пишетъ Иванъ Семеновичъ, «стоила большихъ трудовъ; онѣ добывались изъ корней красныхъ, ко«ричневыхъ и тиковыхъ деревьевъ, длиною до 85-ти футовъ и до 04 «дюймовъ въ діаметрѣ. Свозимые ежедневно сто человѣкъ съ фрегата, «при 30-ти градусахъ жара, подрывали колоссальныя деревья, дѣлали «просѣки для доставки корней на берегъ, и въ продолженіе трехъ дней «оглашали дикія окрестности острова трескомъ падающихъ деревьевъ, «хохотомъ, криками ура, пѣснями и, казалось, при томительномъ знoѣ, «не замѣчали тягости труда, доступнаго только Русскому человѣку» *).

Такимъ образомъ починившись еще разъ, *Аскольдъ* снова двинулся впередъ и безъ особыхъ приключеній прибылъ въ Гонгъ-Конгъ 16-го Мая. На этомъ переходѣ команда фрегата была свидѣтельницею рѣдкаго метеорологическаго явленія: въ южной части Китайскаго моря, при проливномъ дождѣ и почти непрерывающихся грозахъ, на вершинахъ мачтъ и оконечностяхъ рей однажды замѣчены были Сантъ-Эльмскіе огни, горѣвшіе около двадцати минутъ.

Въ Гонгъ-Конгѣ Ивана Семеновича ожидало предписаніе графа Путятина слѣдовать въ заливъ Печели, къ устьямъ рѣки Пей-хо. Прибывъ туда 17-го Іюня, Иванъ Семеновичъ только на третій день могъ явиться къ своему старому знакомому начальнику, такъ какъ

*) Рапортъ отъ 16 (28) Мая 1858 г. № 25.

графъ Путятинъ находился въ то время въ Тянь-Дзинѣ, недалеко отъ Пекина и въ разстояніи 70 миль отъ устьевъ рѣки.

Иванъ Семеновичъ неоднократно разсказывалъ, что встрѣча съ Путятинымъ была ему не по сердцу. Оцѣнивъ вполнѣ благородныя свойства этого человѣка, онъ тѣмъ не менѣе вспоминалъ прошлое и по какому-то непостижимому суевѣрію ожидалъ отъ этой встрѣчи большихъ непріятностей. Путятинъ встрѣтилъ Унковскаго какъ роднаго; въ свою очередь и Иванъ Семеновичъ, тронутый рыцарскимъ поведеніемъ Путятина, послѣ плаванія на *Палладѣ*, далъ себѣ слово ни въ чемъ не прекословить адмиралу, исполнять малѣйшія его желанія, словомъ ублажать по мѣрѣ силъ. Это казалось тѣмъ болѣе достижимымъ, что непосредственная подчиненность Путятину предполагалась весьма кратковременною, такъ какъ Путятинъ находился тутъ не въ качествѣ адмирала, а посланника, *Аскольду* же предстояли разнообразныя и далекія плаванія. Тѣмъ не менѣе 27-го Іюня графъ Евфимъ Васильевичъ прибылъ на фрегатъ и поднялъ свой флагъ чрезвычайнаго посланника, а черезъ три дня отправился на *Аскольдѣ* въ Японію. Во время стоянки въ Печели, по распоряженію Путятина, старшій офицеръ *Аскольда* лейтенантъ Розенбергъ былъ назначенъ командиромъ парохода *Америка*, а лейтенантъ Зеленый на его мѣсто. Въ началѣ Іюля *Аскольдъ* прибылъ въ Нагасаки, затѣмъ перешелъ въ Симоду и, наконецъ, 19-го Іюля бросилъ якорь на Канагавскомъ рейдѣ, все время подъ флагомъ Путятина. Иванъ Семеновичъ ладилъ съ адмираломъ какъ нельзя лучше; послѣдній держалъ себя скорѣе гостемъ, чѣмъ начальникомъ. Чтобы не тревожить Путятина, Иванъ Семеновичъ отмѣнилъ даже утреннее мытье палубъ и говорилъ, что *Аскольдъ* вполнѣ утратилъ свойственный ему щеголеватый видъ. Со всѣмъ этимъ хотя и плохо, но все-таки мирился Иванъ Семеновичъ въ надеждѣ, что Путятинъ скоро вернется въ Китай, и тогда все пойдетъ по старому. И дѣйствительно, 11-го Августа передъ вечеромъ адмиралъ на паровомъ клиперѣ *Стрѣлокъ* отправился въ Шанхай, ласково простившись съ Иваномъ Семеновичемъ, офицерами и бравой командой. Утромъ слѣдующаго дня на *Аскольдѣ* поднялась генеральная чистка, мытье палубъ и проч. Къ обѣду все приведено было въ прежній видъ, и жизнь потекла по старому, какъ вдругъ передъ закатомъ солнца съ моря показалось военное судно подъ парусами. Опытный взглядъ моряковъ тотчасъ же призналъ возвращающагося *Стрѣлка*. Что бы это могло значить? Оказалось, что *Стрѣлокъ* возвратился въ Канагаву по случаю поврежденія машины, и графъ Путятинъ, снова поднявъ флагъ на *Аскольдѣ*, объявилъ, что на слѣдующій день отправляется на фрегатѣ въ Шанхай.

13-го Августа съ двухдневнымъ запасомъ угля, по причинѣ краткости перехода, *Аскольдъ* снялся съ якоря и покинулъ Канагавскій рейдъ. Идя перемѣнно подъ парами и парусами, въ первые четыре дня фрегатъ пробѣжалъ половину пути и, полагая надежду на скрѣпчавшій 17-го числа вѣтеръ, думалъ быстро достигнуть цѣли своего плаванія. Дѣйствительно, скорость хода временами превышала 12 узловъ, т.-е. двадцать одну версту въ часъ, и къ вечеру 18-го числа *Аскольдъ* находился всего въ 60 миляхъ отъ Шанхая. Сила вѣтра къ этому времени достигла весьма значительной степени, почему Путятинъ приказалъ взять у нѣкоторыхъ парусовъ четвертые рифы (т. е. еще болѣе ихъ укоротить, дабы оказывать вѣтру меньшее сопротивленіе) и стать подъ угломъ по вѣтру (лечь въ бейдевиндъ, какъ говорятъ моряки). Сдѣлавъ эти распоряженія и разсчитывая на другой день утромъ войти въ устья Янцекіанга, и Путятинъ, и Иванъ Семеновичъ спустились къ обѣду въ адмиральскую каюту. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Обѣдъ шелъ обычнымъ порядкомъ, а на верху все сильнѣе возростала тревога. Вѣтеръ крѣпчалъ съ минуты на минуту. Стемнѣло. Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что, сидя въ каютѣ съ адмираломъ, онъ не ощущалъ ничего особеннаго; даже качка вовсе не тревожила. Ложась по волнѣ, фрегатъ плавно спускался и подымался. Вдругъ вошелъ въ каюту старшій офицеръ Зеленый и доложилъ шепотомъ Ивану Семеновичу, что вѣтеръ достигаетъ силы шторма, и фрегатъ несется съ небывалою скоростью 14-ти узловъ. Иванъ Семеновичъ тотчасъ поднялся съ мѣста и пошелъ на палубу. Много разъ разсказывалъ Иванъ Семеновичъ при мнѣ исторію этой ночи, и многія подробности хорошо сохранились въ моей памяти. Выйдя на палубу, Иванъ Семеновичъ ужаснулся. Рѣзкій переходъ отъ свѣтлой каюты къ тому, чтó его застигло, производилъ еще болѣе сильное впечатлѣніе. Было совершенно темно, такъ темно, что въ двухъ шагахъ едва было можно различать предметы. Вѣтеръ съ неистовою силою рвался и свисталъ среди снастей рангоута. Разъяренное море болѣе чувствовалось, чѣмъ видѣлось. Брызги воды обдавали ежеминутно. Держаться на ногахъ было едва возможно. Люди вызванные на верхъ, чтобы брать четвертые рифы у послѣднихъ парусовъ, были остановлены изъ опасенія неизбѣжныхъ несчастій. Принимались всевозможныя морскія мѣры, съ цѣлію противодѣйствовать разсвирѣпѣвшей стихіи; но я не затрудню читателя ихъ перечисленіемъ. Все однако было напрасно. Вѣтеръ крѣпчалъ болѣе и болѣе, мѣняя направленіе, и грозилъ сокрушить несчастный фрегатъ, стонавшій подъ его напоромъ. Въ 10 часовъ вечера начались поломки: сначала бушприхтъ (вооруженіе выдающееся впередъ изъ носовой части) зарылся въ воду и потерпѣлъ поврež-

деніе, затѣмъ лопнули штаги (веревки), придерживающія верхнюю часть передней мачты, называемую форъ-стеньгой, и громадное дерево, т. е. форъ-стеньга, сломленное напоромъ вѣтра, слетѣло внизъ, продолжая держаться за основную часть мачты обрывками веревочныхъ скрѣпленій. При паденіи форъ-стеньга переломила марсъ и рею *). Положеніе становилось критическимъ, а вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ, напрягая свои неисчерпаемыя силы. Въ 11-ть часовъ ночи жестокимъ порывомъ изорвало самый большой парусъ, *гротъ-марсель*, и сломало на средней, самой высокой мачтѣ, такую же форъ-стеньгу, какъ и на передней. При паденіи новой форъ-стеньги сломалась громадная грота рея. Оборвало цѣпи, сдерживающія колесо, которымъ управляется руль, причемъ двоихъ рулевыхъ матросовъ съ необычайною силою перебросило черезъ штурвалъ; фрегатъ, силой вѣтра, опрокидываемый со стороны на сторону, черпалъ обоими бортами, а повисшія стеньги грозили окончательнымъ его разрушеніемъ. Держась, какъ сказано, въ повисшемъ положеніи на обрывкахъ веревокъ, эти два колоссальныхъ дерева въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ, при склоненіи фрегата на ту сторону, на которой они висѣли, понятно, ложились на воду; но когда фрегатъ обратнымъ напоромъ быстро клало на противоположную сторону, они всей своею страшною тяжестью били въ бортъ фрегата, нанося ему жестокіе удары. Надо было, во что бы то ни стало, прекратить это разрушительное дѣйствіе. И вотъ въ эти страшныя минуты, трудно поддающіяся описанію, вызвались два охотника такъ или иначе прикрѣпить къ мачтамъ оборвавшіяся форъ-стеньги. Эти охотники, какъ до самой своей кончины съ восторженной любовью вспоминалъ Иванъ Семеновичъ, были старшій офицеръ П. А. Зеленый и адъютантъ Великаго Князя Константина Николаевича лейтенантъ князь Э. Н. Ухомтскій, одинъ изъ героевъ Севастополя. Пусть воображеніе каждаго нарисуетъ условія ихъ необыкновенной работы. Подобная ночь стоила ночи на Севастопольскихъ бастіонахъ! Захвативъ съ собою смѣльчаковъ изъ матросовъ, они исчезли въ непроглядной тьмѣ; какъ и что работали они, никому не было видно, но въ концѣ концовъ они выполнили свое дѣло. Громившія фрегатъ стеньги были обхвачены кабельтовами (тонкими канатами) и подвязаны къ борту. Эта опасность миновала; но вѣтеръ не унимался, грозя новыми. На разсвѣтѣ, съ кормовыхъ шлюпбалокъ снесло волненіемъ семивесельную гичку, ту самую, которая нѣкогда такъ славилась въ Кронштадтѣ.

Весь день 19-го Августа вѣтеръ продолжался съ тою же страшною силою, при паденіи барометра до 29,1. Новыя поврежденія задѣ-

---

*) Поперечное дерево у мачты для крѣпленія парусовъ.

лывались на скорую руку тутъ же, въ особенности поврежденіе руля, грозившее лишить возможности управляться фрегатомъ. И борьба человѣка со стихіею восторжествовала! Съ полуночи вѣтеръ началъ замѣтно смягчаться, опасность миновала, и *Аскольдъ* истерзанный и истрепанный все-таки остался на поверхности боровшагося съ нимъ болѣе сутокъ Великаго Океана.

«Нельзя сомнѣваться—пишетъ Иванъ Семеновичъ—что въ эту «адскую ночь мы были застигнуты однимъ изъ тѣхъ жесточайшихъ урагановъ, которые въ настоящее время года, свирѣпствуя у береговъ Китая, дѣлаютъ плаваніе для судовъ весьма опаснымъ и не рѣдко гибельнымъ» *). Очевидно, *Аскольдъ* попалъ между центромъ и окружностью урагана и спасенъ былъ милостію Божіею, такъ какъ при дальнѣйшемъ приближеніи къ центру никакія человѣческія усилія не могли бы содѣйствовать его спасенію.

На другой день по окончаніи урагана стали очищать фрегатъ отъ обломковъ и порванныхъ снастей, а также приводить въ извѣстность всѣ нанесенныя поврежденія. Не стану утомлять ихъ перечисленіемъ; скажу только, что они были весьма и весьма серьезны. Помимо остальнаго замѣчу, что въ двухъ мѣстахъ снова обнаружилась течь. Иванъ Семеновичъ говаривалъ впослѣдствіи: «Жаль, что нельзя было фотографировать *Аскольда* въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ урагана; одна его внѣшность сказала бы больше всякихъ словъ». Слегка прибравшись и оглядѣвшись, стали разводить пары, въ надеждѣ добраться до Шанхая съ ничтожнымъ запасомъ оставшагося угля. Разстояніе до Шанхая опредѣляли въ сто миль, считая себя отнесенными ураганомъ къ Востоку миль на сорокъ. Но ожиданію этому не суждено было такъ скоро оправдаться. Попорченная ураганомъ машина, работая противъ вѣтра, едва развивала три узла хода, т.-е. подвигала фрегатъ на 5 верстъ въ часъ, а наблюденіе по Полярной звѣздѣ, сдѣланное ночью съ 20-го на 21-е Августа, показало, что фрегатъ находился на восемьдесять миль южнѣе, чѣмъ предполагали, и стало быть въ 180-ти миляхъ отъ Шанхая. Утромъ 21-го графъ Путятинъ приказалъ прекратить пары, дабы сберечь уголь, коего по разсчету оставалось всего на четырнадцать часовъ ходу. Фрегатъ цѣлые сутки оставался при фальшивомъ вооруженіи подъ малыми парусами, и его еще отнесло на 40 миль южнѣе; тогда бросили якорь на глубинѣ 29 саженъ, съ тѣмъ чтобы дождаться попутнаго вѣтра. Къ счастью, на другой же день подулъ благопріятный вѣтеръ, и измученный фрегатъ медленно, но благополучно

*) Рапортъ 30-го Августа 1858 г. № 81.

достигъ 28-го Августа устьевъ Янцекіанга, а 29-го числа бросилъ якорь у Шанхая.

Осмотрѣвшись на мѣстѣ и убѣдившись въ страшной дороговизнѣ всѣхъ матеріаловъ у жадныхъ до наживы Китайцевъ, Иванъ Семеновичъ, съ разрѣшенія графа Путятина, рѣшился запастись въ Шанхаѣ достаточнымъ количествомъ угля и провизіи и слѣдовать подъ парами въ менѣе испорченную общеніемъ съ Европейцами Японію. Мѣстомъ для исправленія фрегата избралъ Иванъ Семеновичъ Нагасаки, исключительно полагаясь на искусство и усердіе доморощенныхъ мастеровыхъ, такъ какъ въ то дореформенное время въ Японіи еще не было ни одного адмиралтейства столь необходимаго для судна, находившагося въ положеніи *Аскольда*.

Согласно этому рѣшенію, утромъ 7-го Сентября, съ четырехъдневнымъ запасомъ угля, Иванъ Семеновичъ снялся съ якоря и направился въ Японію. Слѣдующій день благопріятствовалъ плаванію, и можно было разсчитывать подъ парами достигнуть Нагасаки въ трое сутокъ. Но 9-го числа подулъ свѣжій восточный, т. е. противный вѣтеръ и, не смотря на всѣ усилія машины, *Аскольдъ* едва, едва подвигался впередъ со скоростью одного узла или, иными словами, менѣе двухъ верстъ въ часъ. Не имѣя возможности съ фальшивымъ вооруженіемъ лавировать противъ вѣтра и утративъ надежду добраться по назначенію съ незначительнымъ запасомъ угля, Иванъ Семеновичъ призналъ необходимымъ вернуться назадъ, дабы исправить поврежденія на столько, чтобы и безъ содѣйствія машины совершить столь затруднительный въ его положеніи переходъ. Однако, постоянно озабоченный интересомъ казны, онъ и въ данномъ случаѣ поступилъ рѣшительно и оригинально. Онъ не дошелъ до Шанхая, гдѣ все было къ его услугамъ, а остановился близъ устьевъ Янцекіанга, у безлѣснаго острова Рафля, дабы тутъ привести фрегатъ въ сколько-нибудь возможный порядокъ.

Что побудило его принять такое рѣшеніе, прекрасно изложено въ его рапортѣ, а потому приводимъ это мѣсто дословно.

«Неудачная попытка съ помощью паровъ достигнуть Нагасаки, «при господствующихъ въ это время года крѣпкихъ, восточныхъ вѣт-«рахъ, показала необходимость немедленно приступить къ исправленію «сломаннаго рангоута и къ настоящему вооруженію. Все это могло бы «быть удобнѣе исполнено въ Шанхаѣ, чѣмъ у необитаемаго и безлѣснаго «острова Рафля въ открытомъ морѣ; но, имѣя въ виду недобросовѣст-«ность Шанхайскихъ купцовъ (переселенцевъ изъ Европы), трату «угля по разстоянію лишнихъ ста миль, лоцманскія издержки для «проводки фрегата и непредвидѣнные расходы, которые обыкновенно «порождаются въ мѣстахъ обильныхъ средствами, такъ что вторичная «остановка въ Шанхаѣ обошлась бы намъ не менѣе пяти тысячъ та-«леровъ, я рѣшился для сего избрать мѣсто, не обладающее никакими

«средствами. Для исправленія всего сломаннаго во время урагана ран-«гоута и для настоящаго вооруженія фрегата, мы, за 360 талеровъ, «пріобрѣли въ Шанхаѣ одно только дерево на форъ-стеньгу, которое «по обдѣлкѣ оказалось во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ; затѣмъ «матеріалы на исправленіе сломанныхъ нижнихъ рей, форъ-марса и «многихъ желѣзныхъ вещей, въ вооруженіе входящихъ, предстояло вы-«краивать изъ оставшихся у насъ обломковъ, фрегатскими средствами. «Пострадавшія отъ жестокой качки гребныя суда въ рострахъ оказа-«лись неблагонадежными для перевоза людей на островъ и для от-«буксированія большихъ рангоутныхъ деревъ къ исправленію, да и «спускъ оныхъ на воду безъ нижнихъ рей былъ бы весьма затрудни-«теленъ. Необходимость заставила все это исполнять на фрегатѣ.

«При такихъ данныхъ возможность привести фрегатъ въ состо-«яніе для плаванія благонадежное казалась весьма сомнительною; но «благородная ревность къ службѣ и единодушное усердіе офицеровъ, «подающихъ самыя блестящія надежды на пользу нашего флота, съ «безусловнымъ повиновеніемъ и кроткою готовностью нижнихъ чиновъ, «отстранили всѣ воображаемыя неудобства» *).

И дѣйствительно, въ теченіе восемнадцати дней намѣченныя работы были закончены. Только моряки, къ тому же вполнѣ ознакомленные съ малѣйшими подробностями работъ, могутъ вполнѣ оцѣнить преодоленныя трудности; скажемъ въ общихъ чертахъ, что работы заключались въ исправленіи громадныхъ деревянныхъ частей, въ оковкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ желѣзомъ, въ починкѣ парусовъ и проч. При производствѣ этихъ работъ Иванъ Семеновичъ убѣдился въ ненадежности основныхъ частей рангоута, т. е. двухъ наибольшихъ мачтъ: гротъ и фокъ-мачты. Это не только сильно его огорчило, но и заставило призадуматься, какъ поступить въ будущемъ въ виду этого новаго обстоятельства. Чинить мачты при отсутствіи всякихъ портовыхъ приспособленій на первый разъ казалось невозможнымъ.

Такъ или иначе, но приведя фрегатъ по части вооруженія въ возможно-исправный видъ, Иванъ Семеновичъ 27-го Сентября покинулъ островъ Рафль и 4-го Октября имѣлъ удовольствіе бросить якорь на Нагасакскомъ рейдѣ. Теперь по крайней мѣрѣ онъ могъ привести въ ясность всѣ поврежденія фрегата, подвести итогъ годоваго плаванія и приступить къ капитальному ремонту. Надежда на ловкость собственныхъ мастеровыхъ значительно окрѣпла во время работъ у острова Рафля. Иванъ Семеновичъ изумился неожиданно выяснившемуся количеству плотниковъ, которые по началу еле владѣли топоромъ, а черезъ нѣсколько дней работали пилой и разными инструментами какъ бы спеціально-обучавшіеся плотничному мастерству. Неоцѣнимыя качества

*) Рапортъ 27 Сентября 1858 г., № 82.

Русскаго матроса ярче и ярче выступали по мѣрѣ набѣгавшихъ испытаній, какъ будто самыя способности его росли одновременно съ опасностью и необходимостью.

Японія 1858 года уже нѣсколько разнилась отъ Японіи 1853 г., когда ее на *Палладѣ* впервыя посѣтилъ Иванъ Семеновичъ. Въ силу заключенныхъ трактатовъ она уже раскрыла свои порты иностранцамъ и, придя въ Нагасаки, Иванъ Семеновичъ нашелъ на рейдѣ двѣ эскадры: одну Французскую, а другую Сѣверо-Американскую подъ флагомъ старика-коммодора, который простоялъ въ Нагасаки почти все время работъ на *Аскольдѣ* и сдѣлался великимъ пріятелемъ Ивана Семеновича. Но о немъ рѣчь ниже. Еще на переходѣ отъ острова Рафля, болѣе убѣдившись въ ненадежности гротъ-мачты, Иванъ Семеновичъ рѣшилъ починить ее фундаментально, для чего и придумывалъ всевозможные способы, какъ вынуть, а затѣмъ поставить на мѣсто эту страшную, объемистую тяжесть безъ необходимыхъ машинъ и приспособленій. Одна изъ трудностей починокъ въ Нагасаки заключалась въ недостаткѣ лѣса, каковой приходилось при согласіи Японцевъ доставать издалека. Не теряя времени, на слѣдующій же день по приходѣ въ Нагасаки, Иванъ Семеновичъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ мѣстнаго губернатора, дабы ознакомить его съ состояніемъ фрегата и склонить на содѣйствіе. Губернаторъ оказался прелюбезный, обязательный старичокъ, осмотрѣлъ фрегатъ во всѣхъ подробностяхъ и совершенно не могъ себѣ уяснить причины тревоги Русскаго капитана. Непривычный взглядъ его открылъ только одно послѣдствіе разрушительнаго урагана, а именно треснутую деревянную переборку въ капитанской каютѣ. Такъ хорошо произведены были работы у острова Рафля. Благодушно опредѣливъ на глазъ возможность требованій, которыя могли быть ему предъявлены, онъ взялся въ нѣсколько дней доставить необходимое количество лѣса и на другой же день прислалъ въ распоряженіе Ивана Семеновича своего чиновника, возложивъ на посланнаго окончательные переговоры. Чиновникъ этотъ крайне удивился, когда на первый разъ ему предъявлено было требованіе: 55 деревянныхъ кницъ, 10 колодезныхъ стоекъ, 270 палубныхъ досокъ, 10 дубовыхъ брусьевъ, 5 бревенъ для исправленія мачтъ и грота-реи и болтоваго желѣза на 470 болтовъ разной величины, не считая множества мелочей, не затруднявшихъ Японцевъ. Какъ ни старался Иванъ Семеновичъ о заключеніи въ тотъ же день контракта, но Японецъ выпросилъ себѣ трехдневную отсрочку, въ надеждѣ какого-либо барыша. Въ свою очередь Иванъ Семеновичъ, увѣренный, что при выдержкѣ характера и терпѣніи въ концѣ концовъ Японцы уступятъ, писалъ управляющему Морскимъ Министерствомъ слѣдующее: «Убѣдясь, что дальнѣйшія плаванія при полуразрушенномъ

состояніи фрегата довели бы насъ до самыхъ дурныхъ послѣдствій, я, въ ожиданіи благопріятныхъ отвѣтовъ отъ Японцевъ, *рѣшился исправить фрегатъ такъ, чтобы въ прочности онъ не уступалъ Американскимъ и Англійскимъ военнымъ судамъ, беззаботно выдерживающимъ штормы и ураганы*». Японцы, какъ и разсчитывалъ Иванъ Семеновичъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, обязались удовлетворить всѣ требованія и подписали контрактъ. Вообще отношеніями Японцевъ Иванъ Семеновичъ не могъ нахвалиться. Получивъ довѣріе къ Русскимъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оцѣнивъ благородный образъ дѣйствій экипажа *Паллады*, а затѣмъ *Діаны*, они во всемъ оказывали содѣйствіе юному, но хилому *Аскольду*. Губернаторъ Нагасаки былъ предупредительно-любезенъ; въ виду необходимости совершенно разгрузить фрегатъ и перевести офицеровъ и команду на берегъ, онъ предоставилъ въ распоряженіе офицеровъ великолѣпный храмъ съ обширными дворами на лучшемъ мѣстѣ береговъ Нагасакской бухты. Во дворѣ храма выстроили за безцѣнокъ казарму для нижнихъ чиновъ и кухню, а въ сторонѣ складочный магазинъ для провизіи и навѣсы для мастерскихъ. Прибавлю, какъ небезинтересную подробность, что за помѣщеніе въ храмѣ офицеры платили въ мѣсяцъ всего двадцать талеровъ. Духъ офицеровъ и команды былъ превосходный. Всѣ преисполнены были мыслію, во что бы то ни стало, достигнуть цѣли: собственными силами капитально ремонтировать фрегатъ при наивозможно-меньшихъ затратахъ.

Какъ образцы высокаго подъема духа, приведу со словъ Ивана Семеновича два примѣра: одинъ—любви офицеровъ къ родному фрегату; другой, какими воспитательными средствами дѣйствовалъ самъ капитанъ. На *Аскольдѣ*, между прочимъ, находился одинъ мичманъ, ближайшій родственникъ весьма высокопоставленнаго лица въ Петербургѣ. Съ самаго выхода изъ Кронштадта Иванъ Семеновичъ относился къ нему въ душѣ недружелюбно. Ему казалось, что этотъ офицеръ пошелъ въ кругосвѣтное плаваніе не ради страсти къ морю, а съ цѣлью скорѣйшимъ путемъ сдѣлать карьеру. Предубѣжденія этого не могли поколебать самые сочувственные отзывы старшихъ офицеровъ, Розенберга и Зеленаго. Иванъ Семеновичъ продолжалъ считать мичмана бѣлоручкой и хотя скрывалъ нерасположеніе, но вопреки своей воли не могъ время отъ времени не обнаруживать дѣйствительнаго чувства. Но вотъ по приходѣ въ Шанхай, послѣ урагана, Иванъ Семеновичъ получаетъ приказаніе списать съ фрегата помянутаго офицера, въ виду состоявшагося его назначенія на строившійся въ Нью-Іоркѣ фрегатъ *Генералъ-Адмиралъ*. Назначеніе это, помимо различныхъ выгодъ, было связано съ продолжительною жизнью въ одномъ изъ луч-

шихъ городовъ образованнаго міра, при всѣхъ удобствахъ и развлеченіяхъ столь завлекательныхъ въ молодые годы. Что же дѣлаетъ офицеръ? Не задумавшись, отказывается отъ назначенія, находя совершенно невозможнымъ оставить родное судно въ его печальномъ и опасномъ положеніи. Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что когда онъ узналъ объ этомъ отказѣ, то пришелъ въ совершенный восторгъ. «Я васъ увѣряю, говорилъ Иванъ Семеновичъ, что съ этой минуты, мичманъ N. сталъ мнѣ дорогъ, какъ родной сынъ, и я всѣми мѣрами старался загладить свою прежнюю несправедливость».

Какъ понималъ свой долгъ самъ Иванъ Семеновичъ, лучше всего видно изъ слѣдующаго. По приходѣ въ Нагасаки, расположившись надолго въ благодатномъ климатѣ, команда предалась нѣкоторымъ, къ тому же весьма доступнымъ въ Японіи, соблазнамъ береговой жизни. Неосторожность приводила къ дурнымъ послѣдствіямъ, появились заболѣванія. Иванъ Семеновичъ, человѣкъ холостой, въ полномъ цвѣтѣ силъ, рѣшился сдерживать команду не строгими мѣрами взысканій, а личнымъ примѣромъ воздержанія. Вскорѣ по приходѣ въ Нагасаки, любезный губернаторъ, въ знакъ своей дружбы, прислалъ Ивану Семеновичу четырехъ женъ на все время пребыванія его въ Японіи. Къ удивленію губернатора, Иванъ Семеновичъ отправилъ женъ самымъ любезнымъ образомъ обратно и девять мѣсяцевъ стоянки въ Нагасаки велъ на глазахъ у всѣхъ жизнь анахорета. «Это было очень трудно, говорилъ съ улыбкою Иванъ Семеновичъ; но за то, когда я вернулся и разсказывалъ своему отцу подробности плаванія, то старикъ сказалъ мнѣ съ особенною ласкою: «Изо всѣхъ твоихъ подвиговъ самый лучшій это нравственное поведеніе въ Нагасаки; начальникъ, который не стремится быть образцомъ всего высокаго, никуда не годится». И на старости лѣтъ драгоцѣнную отцовскую похвалу Иванъ Семеновичъ считалъ высшею наградою въ своей жизни.

Между тѣмъ исправленія шли своимъ чередомъ. Въ рапортѣ отъ 21-го Ноября Иванъ Семеновичъ доноситъ, «что работы по всѣмъ частямъ наладились и идутъ такъ стройно, какъ только можно желать въ благоустроенномъ адмиралтействѣ». Доморощеные плотники, столяры и кузнецы дѣйствовали на славу. На берегу выстроили кузницу, прекрасно выковывали объемистыя и сложныя желѣзныя части, словомъ работали точно въ Кронштадтѣ, имѣя подъ руками и готовыя средства, и готовыхъ знатоковъ по всѣмъ отраслямъ корабельныхъ построекъ. Выстроенная недалеко отъ храма паровая баня много содѣйствовала здоровью, а стало быть и бодрому духу людей. Мѣста обнаружившейся течи были тщательно задѣланы; колодезь, за годъ до того исправленный на экваторѣ, былъ заново перестроенъ, гнилыя части на всемъ

протяженіи фрегата замѣнялись новыми, и 2-го Января приступлено къ подготовкѣ самой трудной работы, а именно выемкѣ гроть-мачты. Вотъ какъ описываетъ Иванъ Семеновичъ эту сложную работу, въ рапортѣ отъ 3-го Февраля 1859 г. «Мы приступили къ изготовленію стрѣлъ изъ двухъ стенегъ *), посредствомъ коихъ я рѣшился вынуть мачту въ первую тихую погоду. 16-го числа, по изготовленіи всего необходимаго для этой важной и намъ еще незнакомой работы, мы въ продолженіе 4½ часовъ съ крайней осмотрительностью вынули мачту. При этомъ я считаю себя счастливымъ свидѣтельствовать объ отличной распорядительности лейтенанта князя Ухтомскаго, исправлявшаго по болѣзни старшаго офицера его обязанности въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, равно о ревности къ службѣ и безукоризненной дѣятельности прочихъ гг. офицеровъ, которые, благороднымъ примѣромъ рвенія къ службѣ, усугубляютъ похвальное усердіе и готовность нижнихъ чиновъ, оказываемыя ими въ настоящихъ работахъ, производимыхъ съ отличнымъ успѣхомъ. При этихъ данныхъ гроть-мачта была вынута такъ легко, какъ на исправномъ военномъ суднѣ спускается съ ростра гребное судно. Въ продолженіе всей работы не было ни минуты замѣшательства, и за исключеніемъ голоса командовавшаго офицера, на фрегатѣ царствовала мертвая тишина».

Какъ гора свалилась съ плечъ у Ивана Семеновича: мачта лежала на берегу. Съ постепеннымъ ходомъ работъ, съ видимымъ исполненіемъ его намѣреній и предположеній онъ становился все бодрѣе. Нервная энергія росла, а съ ней и то счастливое настроеніе духа, которое служило отраднымъ воспоминаніемъ всей послѣдующей его жизни. Какъ бы ни былъ человѣкъ исполненъ сознанія долга, но похвала посторонняго наблюдателя, къ тому же знатока, всегда дѣйствуетъ ободрительно. Въ данномъ случаѣ большое удовольствіе доставляло Ивану Семеновичу присутствіе на Нагасакскомъ рейдѣ стараго коммодора - Американца. Коммодоръ восторженно слѣдилъ за ходомъ интересовавшихъ его работъ, постоянно выражалъ Ивану Семеновичу свое одобреніе, а когда, наконецъ, вынутая мачта по исправленіи была вновь поставлена на мѣсто, пригласилъ Русскаго командира и офицеровъ къ себѣ на завтракъ. «Знаете-что, сказалъ онъ многозначительно Ивану Семеновичу, за эту мачту, вамъ Государь вашъ навѣрное дастъ крестъ». Въ концѣ завтрака старый коммодоръ обратился къ присутствующимъ гостямъ приблизительно съ такою рѣчью; онъ разсказалъ, что давно, давно, въ бытность свою молодымъ офицеромъ, онъ посѣтилъ островъ Мадеру и вывезъ оттуда двѣ бутылки необыкновеннаго вина. Эти бутылки онъ рѣшилъ выпить въ знаменательнѣйшіе дни своей жизни. «Одну сказалъ онъ, я выпилъ съ друзьями въ день пятидесятилѣтія со дня

*) Отдѣльное дерево, составляющее второй ярусъ мачты.

избранія Вашингтона президентомъ. Другая бутылка много десятковъ лѣтъ ожидала своего случая. Она и теперь со мною. И вотъ я нахожу сегодняшній день днемъ достойнымъ для того, чтобы распить эту завѣтную бутылку за здоровье капитана Унковскаго. Тѣ работы, которыя произведены подъ его руководствомъ, глубоко меня поразили: ничего лучшаго въ морскомъ отношеніи я не видѣлъ и конечно не увижу». Рѣдкая бутылка вина была распита въ такой торжественной и умилительной обстановкѣ.

Приближалось время окончательнаго изготовленія фрегата. Мартъ мѣсяцъ былъ на исходѣ. Въ Апрѣлѣ Иванъ Семеновичъ, согласно полученному предписанію, сбирался двинуться обратно въ Россію, думая обогнуть мысъ Горнъ, дабы избѣжать неблагопріятныхъ климатическихъ условій свойственныхъ въ лѣтнее время Индѣйскому океану. Но запасъ неожиданностей еще не былъ исчерпанъ. Послѣднія работы по внутренней конопаткѣ фрегата открыли новыя поврежденія, едва-ли не самыя важныя изо всѣхъ до того подвергнутыхъ исправленію. Это неожиданное обстоятельство крайне опечалило семью *Аскольда*. Невозможная постройка фрегата положительно превращала ее изъ мореплавателей въ кораблестроителей. Вновь остановились нагрузка фрегата и его вооруженіе, и всѣ помышленія направлены были къ изысканію средствъ исправить фрегатъ на водѣ. Это было чрезвычайно трудно, такъ какъ обнаруженныя поврежденія заключались въ гнилости подводныхъ частей; въ передней части фрегата на глубинѣ 19-ти и въ задней на глубинѣ 16-ти футъ. Только благодаря усиленнымъ мѣрамъ Японцевъ, поспѣшно доставившимъ необходимое количество лѣса, *Аскольдъ* черезъ два мѣсяца былъ совершенно исправленъ и изготовленъ къ дальнему плаванію. Теперь на фрегатѣ не только изгладились всѣ воспоминанія страшнаго урагана, но онъ несомнѣнно находился въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ при выходѣ изъ Кронштадта. Даже знаменитая гичка, погибшая въ Китайскомъ морѣ, замѣнена была новою, выстроенною въ Нагасаки по точнымъ чертежамъ предшественницы. Эта гичка построенная фрегатскимъ мастеровымъ, съ помощью двухъ матросовъ, подъ наблюденіемъ мичмана Сутковаго, по признанію Ивана Семеновича, отдѣлкою и щегольскою работою привлекала вниманіе иностранныхъ командировъ и офицеровъ.

Подведя итоги всѣмъ произведеннымъ расходамъ за восьмимѣсячное капитальное исправленіе фрегата, Иванъ Семеновичъ извинялся передъ министерствомъ, что расходы эти нѣсколько превысили его первоначальныя предположенія и достигли цифры *шести тысячъ пятисотъ пятидесяти восьми* талеровъ! Высокій, поучительный примѣръ сознанія важности казеннаго интереса. Одной этой

цифры достаточно, чтобы съ почтеніемъ склониться предъ памятью честнаго человѣка, умѣвшаго дорожить народнымъ достояніемъ.

25-е Іюня 1859 года фрегатъ *Аскольдъ* покинулъ, наконецъ, Нагасаки, сопровождаемый самыми искренними, непритворными выраженіями дружеской пріязни Японцевъ. Накануне, 24-го Іюня, Иваномъ Семеновичемъ былъ отправленъ послѣдній рапортъ въ министерство съ изложеніемъ всего сдѣланнаго. Рапортъ этотъ длинный и подробный интересенъ отъ начала до конца. Интересенъ онъ не столько изложеніемъ фактовъ, сколько отсутствіемъ всякаго краснорѣчія и необыкновенною простотою. Подобно своему учителю, адмиралу Лазареву, чистосердечно удивлявшемуся, за что ему пожалованъ орденъ Св. Андрея одновременно съ графомъ Закревскимъ, Иванъ Семеновичъ какъ бы опасается за свои дѣйствія и при всякомъ случаѣ выдвигаетъ своихъ сотрудниковъ. Эта черта осталась въ немъ до послѣдней минуты жизни. Приведу двѣ выписки изъ рапорта, свидѣтельствующія о настроеніи дружной семьи *Аскольда* и славнаго ея начальника.

«Наши познанія въ корабельной архитектурѣ оказывались на дѣлѣ слишкомъ слабыми и недостаточными для исправленія фрегата, и только особенное одушевленіе гг. офицеровъ, сосредоточившихъ всѣ свои способности на преодолѣніе ежеминутно встрѣчавшихся затрудненій, могло замѣнить обильныя средства хорошо устроенной верфи, которая безъ этого условія конечно была бы необходима. Каждый изъ офицеровъ считаетъ исправленіе фрегата дѣломъ какъ бы касающимся его чести. Этими словами я нисколько не преувеличиваю ихъ заслугъ. Не разъ случалось, что, разстроенный тяжелыми мыслями, которыя были естественнымъ слѣдствіемъ моей вторичной неудачи въ кругосвѣтномъ плаваніи, я готовъ былъ потерять бодрость; но она мгновенно возстановлялась при взглядѣ на моихъ сослуживцевъ».... и далѣе: «Поведеніе нижнихъ чиновъ на берегу было столь удовлетворительно, что въ продолженіе восьмимѣсячной жизни, среди густой массы народонаселенія, у насъ не было ни одного непріятнаго происшествія; напротивъ того, нижніе чины ввѣренной мнѣ команды, честнымъ поведеніемъ и благодушною обходительностью, пріобрѣли въ простомъ народѣ полное уваженіе и привязанность».

Не здѣсь ли кроются первыя сѣмена благодатной жатвы епископа Николая *)?

Слѣдуя на мысъ Горнъ, черезъ Сандвичевы острова, Иванъ Семеновичъ зашелъ по пути въ Хакодате, гдѣ нашелъ предписаніе быв-

*) Покойный Измаилъ Максимовичъ Зацаренный (одинъ изъ Черноморскихъ героевъ послѣдней войны) передавалъ намъ, что въ Японіи встрѣтилъ онъ у одного изъ тамошнихъ знатныхъ лицъ портретъ И. С. Унковскаго въ числѣ священныхъ изображеній, передъ которыми совершались ежедневныя моленія съ обычнымъ возліяніемъ воды на горсточки риса. П. Б.

шаго генералъ-губернатора и главнокомандующаго войсками Восточной Сибири, графа Муравьева-Амурскаго, ожидать его въ этомъ портѣ. Муравьевъ прибылъ въ Хакодате 22-го Іюля, 25-го того же мѣсяца поднялъ на *Аскольдѣ* флагъ главнокомандующаго, назначилъ Ивана Семеновича начальникомъ штаба соединенной эскадры и въ тотъ же день отправился въ Канагаву, гдѣ находились остальныя Русскія военныя суда. На этомъ переходѣ *Аскольду* вновь пришлось выдержать 23-хъ часовой ураганъ, но уже безо всякихъ поврежденій, благодаря прекрасному исправленію фрегата. Въ Канагавѣ *Аскольдъ* оставался около двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ на Ивана Семеновича возложено было порученіе истребовать удовлетвореніе отъ Японскаго правительства по случаю убійства Русскаго мичмана Мофета и матроса съ корвета *Гриденъ*. По исполненіи порученія, 17-го Сентября *Аскольдъ* снялся съ якоря и отправился въ Россію, но уже не вокругъ мыса Горна, а старымъ путемъ мимо мыса Доброй Надежды. Измѣненіе первоначальнаго рѣшенія зависѣло отъ неожиданной трехмѣсячной задержки у береговъ Японіи. Съ измѣнившимся временемъ года послѣднее направленіе представляло болѣе выгодъ.

Въ этотъ разъ *Аскольдъ* шелъ на Маниллу и Батавію и 18-го Декабря бросилъ якорь на знакомомъ Саймонсъ-Бейскомъ рейдѣ. Шестинедѣльный переходъ отъ Батавіи до Саймонсъ-Бея былъ довольно бурный, но исправленный фрегатъ хорошо сопротивлялся стихіямъ. Однакожъ тревогамъ и сомнѣніямъ не суждено было прекратиться. Иванъ Семеновичъ разсказывалъ, что имъ было замѣчено слѣдующее обстоятельство. Облокачиваясь во время килевой качки на веревки протянутыя по борту въ тѣхъ отверстіяхъ, гдѣ находится выходъ къ трапу (наружной лѣстницѣ), онъ ясно ощущалъ, что при подъемѣ фрегата на волну веревки сильно натягивались, а при спускѣ съ волны значительно ослабѣвали. Это открытіе было весьма грознаго характера: оно свидѣтельствовало, что полугнилой фрегатъ сталъ уже непроченъ въ своихъ основныхъ крѣпленіяхъ и при продолжительныхъ непогодахъ просто на просто могъ развалиться. Подѣлившись наблюденіями со старшимъ офицеромъ и рѣшивъ тщательно скрывать это новое обстоятельство отъ офицеровъ и команды, дабы не возбудить тревоги и унынія, Иванъ Семеновичъ однако счелъ необходимымъ посовѣтоваться со знакомымъ ему Англійскимъ адмираломъ командовавшимъ въ Саймонсъ-Беѣ. Англійскій адмиралъ крайне серіозно посмотрѣлъ на это дѣло и совѣтовалъ бросить *Аскольдъ* на мысѣ Доброй Надежды, а команду перевести въ Россію на наемномъ пароходѣ; но Иванъ Семеновичъ не внялъ совѣту Англійскаго адмирала, а положившись на Бога и прочность сдѣланныхъ исправленій, 14-го Января 1860 года оставилъ

Саймонсъ-Бей и тронулся далѣе. По пути *Аскольдъ* заходилъ на острова Св. Елены и Вознесенія съ исключительной цѣлью ознакомить съ ними офицеровъ и 14-го Марта благополучно прибылъ въ Плимутъ. Переходъ этотъ былъ совершенъ вполнѣ благополучно. Странствованіямъ *Аскольда* приближался конецъ; изъ Плимута онъ пришелъ въ Гельсиноръ и 30-го Апрѣля направился въ Кронштадтъ.

Но на этомъ послѣднемъ переходѣ, въ радостныя минуты ожиданія возвращенія на родину, Ивану Семеновичу предстояло новое и совершенно-неожиданное огорченіе. Живя, какъ говорится, душа въ душу съ командой, заботясь ежеминутно о благосостояніи людей, встрѣчая и въ нихъ въ свою очередь полное сочувствіе, Иванъ Семеновичъ былъ однажды, передъ самымъ приходомъ въ Кронштадтъ, пораженъ неохотнымъ отвѣтомъ людей на утреннее его привѣтствіе «здорово ребята». Вялость отвѣта была очевидно преднамѣренною, а потому, сдѣлавъ видъ, что онъ ничего не замѣтилъ, Иванъ Семеновичъ спустился въ каюту и вызвалъ старшаго офицера, дабы узнать въ чемъ дѣло. Выходка команды для всѣхъ была неожиданностью; стали допытываться и узнали слѣдующее. Прежде однако необходимо разъяснить нѣкоторыя подробности. На военныхъ судахъ матросамъ полагается водка или ромъ; есть матросы, которые не пьютъ ни того, ни другаго; тогда ведется особенный счетъ: всякій разъ какъ команда пьетъ вино, противъ не пьющихъ отмѣчается невыпитая ими чарка; въ концѣ концовъ, невыпитымъ чаркамъ подводится итогъ, и по стоимости вина непьющимъ выдаются деньги на руки. Всегда озабоченный соблюденіемъ казеннаго интереса, Иванъ Семеновичъ, еще идя въ Тихій океанъ, запасся Англійскими денежными квитанціями, за которыя и пріобрѣталъ вино изъ Англійскихъ складовъ по относительно-дешевой цѣнѣ. На другихъ судахъ Русской эскадры, плававшей одновременно съ *Аскольдомъ*, этого сдѣлано не было: вино пріобрѣтали за наличныя деньги, дороже чѣмъ на *Аскольдѣ*, и стало быть чарочныя деньги доставались непьющимъ въ большемъ размѣрѣ. Ничего не зная о причинахъ разности, команда *Аскольда*, какъ оказалось, таила въ себѣ неудовольствіе; нашлись подстрекатели, которые подбили недовольныхъ выразить претензію, и вотъ съ цѣлью обратить вниманіе претензія сказалась въ неохотномъ откликѣ на здорованье капитана. Когда Иванъ Семеновичъ узналъ въ чемъ дѣло, онъ страшно взволновался: для него было жестокимъ ударомъ сознаніе, что команда могла его заподозрить въ какой-нибудь недобросовѣстности. Нервный, горячій, болѣзненно-самолюбивый въ вопросахъ чести, онъ потерялъ способность владѣть собою. «Я приказалъ вызвать всю команду на верхъ, разсказывалъ Иванъ Семеновичъ, а самъ ходя по каютѣ обдумывалъ, что̀ буду ей говорить. Оскорбленіе было слиш-

комъ жестоко, судороги сдавливали горло; наконецъ, я не выдержалъ и кинулся на палубу. Увидавъ собранныхъ людей и сразу забывъ все приготовленное, я заговорилъ горячо, страстно, не зная положительно самъ, что̀ говорю. Это была не рѣчь, а крикъ глубоко оскорбленной души». Впечатлѣніе было громадное. Среди команды начались нервныя движенія, глубокое молчаніе перешло сначала въ сдержанный шопотъ, а затѣмъ въ громкое поименованіе главнаго зачинщика, наконецъ люди не выдержали. Поняли ли они въ чемъ дѣло, или зрѣлище любимаго и незаслуженно оскорбленнаго ими человѣка слишкомъ на нихъ дѣйствовало, только вдругъ, среди общаго крика «за бортъ», они схватили подстрекателя и кинулись въ общемъ возбужденіи выбрасывать его въ море. Ивану Семеновичу съ офицерами еле-еле удалось отбить несчастнаго, но уже въ такомъ видѣ, что, по приходѣ въ Кронштадтъ, сданный въ госпиталь, онъ, не смотря на всѣ принятыя мѣры, скончался. Команда не знала, какъ и чѣмъ выразить свое раскаяніе въ глупомъ довѣріи злому подстрекателю, и Иванъ Семеновичъ никому не доносилъ официально объ этомъ происшествіи, чтобы не повредить горячо любимой имъ командѣ и только на словахъ изложилъ всѣ подробности дѣла высшему морскому начальству. Такъ толпа остается всегда толпою, и отдѣльно взятые прекрасные люди подъ вліяніемъ стаднаго чувства могутъ совершать не только глупости, но даже преступленія.

Наконецъ, 10-го Мая многострадальный *Аскольдъ* бросилъ якорь на Кронштадскомъ рейдѣ. Въ Кронштадтѣ возвращенія славнаго фрегата уже давно ожидали съ нетерпѣніемъ. Встрѣча ему была устроена самая радостная. *Аскольдъ* былъ предметомъ всеобщаго вниманія, всеобщихъ толковъ. Иванъ Семеновичъ былъ героемъ дня. Это было лучшее время его жизни. Морская репутація его стояла въ зенитѣ. Исторія исключительныхъ его плаваній на *Оріандѣ*, *Энеѣ*, *Палладѣ* и *Аскольдѣ* окружала имя его ореоломъ лучшаго капитана нашего флота. Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней изъ Петербурга показалась яхта генерала-адмирала *Стрѣльна*: Великій Князь Константинъ Николаевичъ шелъ привѣтствовать вернувшихся изъ кругосвѣтнаго плаванія моряковъ. Встрѣча была радостна и высокомилостива. Подвиги *Аскольда* оцѣнены были въ Бозѣ почившимъ Императоромъ по достоинству. Милостямъ не было конца. Въ числѣ свиты Великаго Князя находились два адъютанта, изъ коихъ Платонъ Юрьевичъ Лисянскій везъ съ собою футляръ съ контръ-адмиральскими эполетами, а Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ—скрытый подъ плащомъ контръ-адмиральскій флагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, въ виду всѣхъ стоявшихъ на палубѣ офицеровъ и команды, Великій Князь предложилъ Ивану Семеновичу спуститься въ каюту; тамъ П. Ю. Лисянскій передалъ ему привезенныя эполеты, не-

медленно прикрѣпилъ ихъ къ мундиру вмѣсто штабъ-офицерскихъ, и Иванъ Семеновичъ поднялся на палубу уже въ контръ-адмиральской формѣ. Въ эту минуту, по приказанію Великаго Князя, на мачтѣ *Аскольда* взвился контръ-адмиральскій флагъ. Раздалось громовое «ура» команды, радостныя возгласы офицеровъ, салютъ крѣпости и стоящихъ на рейдѣ судовъ. Минута была торжественная!

Кромѣ производства въ чинъ контръ-адмирала Иванъ Семеновичъ былъ назначенъ въ свиту Государя, получилъ годовой окладъ жалованья и орденъ Владимира 3-ей степени. Такимъ образомъ сбылось предположеніе Американскаго коммодора. Всѣ служившіе на *Аскольдѣ* офицеры и нижніе чины получили щедрыя награжденія согласно представленіямъ Ивана Семеновича. *Аскольдъ* былъ буквально засыпанъ царскими милостями. И до сихъ поръ въ Балтійскомъ флотѣ существуетъ военное судно носящее имя *Аскольда.*

Собственно на этомъ заканчивается наша задача. Мы имѣли цѣлью сохранить слышанные нами разсказы, соединивъ ихъ въ послѣдовательное изложеніе. Разсказы Ивана Семеновича почти исключительно относились до его морской службы, составлявшей его призваніе и смыслъ его жизни. Морская служба его закончилась со входомъ *Аскольда* въ Кронштадтскую гавань. По странному стеченію обстоятельствъ Ивану Семеновичу никогда не суждено было командовать эскадрой. Тридцати восьми лѣтъ отъ роду онъ навсегда разстался съ моремъ и совершенно неожиданно былъ призванъ къ гражданской дѣятельности. Но, глубоко преданный памяти этого симпатичнаго человѣка, я въ короткихъ словахъ считаю должнымъ ознакомить читателя и съ этой второю половиною его службы.

Разоруживъ *Аскольдъ* и получивъ, какъ совершившій кругосвѣтное плаваніе, шестимѣсячный отпускъ, Иванъ Семеновичъ воспользовался имъ, чтобы уѣхать въ свое милое Колышово. Тамъ отдохнулъ онъ отъ всѣхъ треволненій и вернулся въ Петербургъ наканунѣ великой реформы освобожденія крестьянъ. Крайне озабоченный проведеніемъ реформы, желая избѣжать какихъ-либо затрудненій и недоразумѣній на мѣстѣ, покойный Государь оказалъ высшее довѣріе своей свитѣ, командировавъ состоявшихъ при немъ генераловъ и флигель-адъютантовъ по разнымъ губерніямъ для приведенія въ дѣйствіе новаго положенія. На долю Ивана Семеновича выпала Черниговская губернія. Встрѣтивъ въ мѣстномъ губернаторѣ князѣ Сергіи Павловичѣ Голицинѣ дѣятельнаго и вполнѣ просвѣщеннаго товарища и вовсе неподготовленный къ рѣшенію столь трудной задачи, Иванъ Семеновичъ справился съ нею однако вполнѣ благополучно. Помню изъ его разсказовъ, что въ Черниговск. губ. въ двухъ мѣстахъ были безпорядки.

изъ нихъ въ одномъ весьма серіозные. Отправившись на мѣсто съ княземъ Голицынымъ и разсчитывая успокоить волнующихся мѣрами убѣжденія, Иванъ Семеновичъ тѣмъ не менѣе изъ предосторожности вызвалъ казачью команду. По пріѣздѣ въ деревню, видя массу собравшагося народа и убѣдившись по его упорству, что тутъ не обошлось безъ злоумышленныхъ подстрекательствъ, онъ хотѣлъ терпѣливо дождаться прибытія войска, дабы воздѣйствовать на умы присутствіемъ силы. Но толпа дѣйствовала вызывающе, надо было такъ или иначе произвести впечатлѣніе. Смѣло вошелъ Иванъ Семеновичъ въ среду шумѣвшихъ и началъ говорить со свойственнымъ ему оживленіемъ, всегда обаятельно дѣйствующимъ. Окружающіе уже поддались голосу разсудка, раздались сочувственные отклики; но изъ дальныхъ плотныхъ рядовъ послышались обычные: «чего его слушать, нешто онъ отъ Царя присланъ» и проч. Толпа снова заволновалась, стиснула Ивана Семеновича въ плотномъ кругу и, ободряемая собственными громкими криками, безсмысленно кинулась на беззащитнаго человѣка. Къ счастью, въ ту самую минуту, когда у Ивана Семеновича уже былъ сорванъ аксельбантъ и эполета, когда жизнь его, въ полномъ смыслѣ слова, висѣла на волоскѣ, вдали показались казаки. Толпа замялась и пріутихла. Воспользовавшись впечатлѣніемъ, Иванъ Семеновичъ выбрался изъ среды бушевавшихъ и благополучно избѣгъ величайшей опасности. Командовавшій казаками войсковой старшина, по разсказу Ивана Семеновича, прекрасно исполнилъ свое дѣло: не было ни атакъ, ни свиста нагаекъ; казаки гуськомъ, длинною лентою врѣзались въ толпу и, извиваясь въ разныхъ направленіяхъ, подѣлили ее на нѣсколько кружковъ въ отдѣльности безсильныхъ. Началось *дѣло*, но не канцелярскимъ, а сокращеннымъ порядкомъ. Виновники не изъ крестьянъ были отобраны; по словамъ Ивана Семеновича, вся смута устроена была переодѣтыми Поляками, бродившими въ разныхъ видахъ по Черниговской губерніи; изъ крестьянъ шумѣвшіе наиболѣе были наказаны тѣлесно. Не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, ни сосланныхъ въ Сибирь; сколько помню, ни одинъ даже не попалъ въ тюрьму.

Государь остался очень доволенъ дѣйствіями Ивана Семеновича и, принимая его въ половинѣ Іюня мѣсяца въ Москвѣ, въ Петровскомъ дворцѣ, благодарилъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Поскольку остался доволенъ Государь, лучше всего видно изъ слѣдующаго. Вскорѣ послѣ высочайшаго пріема, Иванъ Семеновичъ уѣхалъ въ Колышово, откуда черезъ десять дней былъ внезапно вызванъ къ Государю, поразившему его словами». «Я тебя назначаю Ярославскимъ губернаторомъ». «Ваше Величество—воскликнулъ удивленный Унков-

ской—какъ могу я быть губернаторомъ, когда не знаю даже разницы между Магистратомъ и Губернскимъ Правленіемъ?»—«Ничего, ничего, улыбнулся Государь, я тебя знаю хорошо и ручаюсь, что черезъ полгода ты будешь такимъ же лихимъ губернаторомъ, какъ былъ командиромъ фрегата». Слѣдуетъ замѣтить, что отъѣздъ Ивана Семеновича изъ Чернигова послѣдовалъ 6-го Іюня, а высочайшій приказъ о назначеніи губернаторомъ состоялся 28-го числа того же мѣсяца.

Покойный Государь не ошибся. Шестнадцать лѣтъ губернаторствовалъ Иванъ Семеновичъ въ Ярославлѣ и за этотъ долгій промежутокъ времени снискалъ себѣ всеобщее уваженіе. Я не коснусь его административной дѣятельности; пусть это сдѣлаетъ лучше меня кто-либо изъ его сослуживцевъ близко знакомыхъ съ дѣломъ. Скажу только объ одной сторонѣ этой дѣятельности, о которой часто слышалъ отъ покойнаго. Съ перваго дня пріѣзда въ губернію, Иванъ Семеновичъ задался мыслью образовать идеально-честную полицію, какъ залогъ всеобщаго спокойствія и благоденствія. Въ преслѣдованіи этой цѣли онъ былъ даже иногда безжалостенъ. Никакія обстоятельства, ниже семейныя, не могли служить смягченіемъ участи виновнаго. Смѣщенія служащихъ шли въ размѣрахъ небывалыхъ. Въ первые три года составъ чиновниковъ мѣнялся безпрерывно. Въ Петербургъ шли жалобы, доносы, ничто не останавливало энергіи начальника. Иванъ Семеновичъ говорилъ, что бывшій въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, встревоженный слухами изъ Ярославля, написалъ ему конфиденціально очень любезное письмо, въ которомъ обращалъ его вниманіе на слишкомъ горячій образъ дѣйствій. Иванъ Семеновичъ тотчасъ отвѣчалъ, что затрудненія въ его распоряженіяхъ немедленно должны повлечь за собою его отставку. (Къ сожалѣнію, въ бумагахъ покойнаго не сохранилось ни письма министра, ни черноваго отвѣта). И послѣдствія такой рѣшимости были по истинѣ блистательны. Еще недавно приходилось намъ читать въ газетахъ самые лестные отзывы о Ярославской полиціи. Другою характерною чертой управленія Ивана Семеновича губерніею представлялось умѣнье его ладить съ новыми людьми и учрежденіями. Введеніе судебной, земской и другихъ реформъ не ослабило въ Ярославской губерніи значенія административной власти. Достигнуть этого можно было уже не опираясь на твердую почву законнаго права, а только личными достоинствами и снисканнымъ уваженіемъ. Честность и безпристрастіе оказались незыблемыми устоями. Шестнадцать лѣтъ, какъ сказано, управлялъ Иванъ Семеновичъ Ярославскою губерніею и уѣхалъ оттуда сопровождаемый всеобщимъ сожалѣніемъ, въ 1877 году, назначенный почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта.

Слѣдуетъ упомянуть, что еще въ 1873 году, въ бытность губернаторомъ, въ видѣ совершеннаго исключенія, Иванъ Семеновичъ былъ назначенъ сенаторомъ, съ оставленіемъ въ должности. Въ нашихъ рукахъ случайно находится письмо написанное къ Ивану Семеновичу, вскорѣ по оставленіи имъ Ярославля, однимъ изъ близкихъ ему въ Ярославлѣ людей. Съ обязательнаго разрѣшенія писавшаго (Е. И. Якушкина) приводимъ выдержку изъ этого письма, свидѣтельствующую, какія чувства оставилъ за собою уѣхавшій губернаторъ. «Мнѣ дороги были въ васъ, писалъ Якушкинъ, не личныя отношенія, но ваше сердечное отношеніе къ дѣлу, продолжавшееся до конца и устранявшее личное самолюбіе тамъ, гдѣ оно могло быть только вредно. Мнѣ дорога́ была ваша доступность для простаго народа, облегчавшая его тяжелую жизнь. Только эта сердечная теплота помогла вамъ, вступившему прямо съ палубы корабля на губернаторское мѣсто, поставить себя такъ, какъ не умѣли поставить себя люди, больше васъ приготовленные къ гражданской службѣ»...

Вскорѣ по назначеніи почетнымъ опекуномъ Иванъ Семеновичъ былъ назначенъ предсѣдательствующимъ Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта. «Помните, сказала ему покойная императрица Марія Александровна, когда онъ представлялся ей по случаю новаго назначенія, что мы отвѣчаемъ съ вами передъ Богомъ за всѣ Московскія учрежденія». И Иванъ Семеновичъ помнилъ это до конца своей жизни. Въ 1883 году, когда Иванъ Семеновичъ управлялъ Московскими сиротскими заведеніями вѣдомства Императрицы Маріи, я былъ назначенъ директоромъ этихъ заведеній и такимъ образомъ имѣлъ великое счастье быть непосредственнымъ его подчиненнымъ. Тутъ-то, находясь съ нимъ въ постоянномъ общеніи, я многократно слышалъ все записанное въ этихъ разсказахъ. Увы, я засталъ Ивана Семеновича уже не тѣмъ энергичнымъ, дѣятельнымъ, полнымъ жизни начальникомъ, какимъ знали его прежніе сослуживцы. Тяжелый недугъ надломилъ его силы. Ударъ, постигшій его въ предшествовавшемъ году, произвелъ свое разрушительное дѣйствіе. Каждое усиліе сопровождалось для него умноженіемъ страданій и страхомъ неизбѣжной опасности. Это была трехлѣтняя агонія, но агонія высокопоучительная.

Не время говорить теперь подробно о предсмертной дѣятельности Ивана Семеновича; скажу только, что въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи предполагались реформы. Вѣрный другъ покойной Марьи Сергѣевны Мухановой (фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны), Иванъ Семеновичъ считалъ своимъ долгомъ стоять на стражѣ вложенныхъ въ вѣдомство ею завѣтовъ. Малѣйшее посягательство на организацію вѣдомства онъ считалъ преступленіемъ, и вотъ почему,

нуждаясь въ безусловномъ покоѣ, Иванъ Семеновичъ боролся вопреки настояніямъ семьи и самихъ близкихъ ему людей. Его терзало и мучило сознаніе собственнаго безсилія; малѣйшее напряженіе голоса вызывало въ немъ удушье, а ему надо было говорить. Временами ему казалось, что самая ясность мысли его покидаетъ, и тогда онъ страдалъ невыносимо. Но передъ смертью онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ отрадное сознаніе, что начàла имъ защищаемыя восторжествовали.

Иванъ Семеновичъ умеръ въ Москвѣ, на Смоленскомъ бульварѣ, въ собственномъ домѣ, 11-го Августа 1886 года, на высотѣ почестей. Онъ былъ полнымъ адмираломъ и кавалеромъ Владиміра 1-ой степени. Но большей простоты и меньшаго тщеславія представить себѣ было невозможно. Достойный ученикъ Лазарева, онъ какъ бы совѣстился, находя, что награжденъ не по заслугамъ.

Да, это была въ полномъ смыслѣ слова высокая, прекрасная личность, показавшая, чего можно достигнуть, не обладая исключительными государственными способностями, не имѣя даже разносторонняго образованія, но при трезвомъ Русскомъ умѣ и съ беззавѣтною преданностью своему долгу и родинѣ. Это былъ благородный фарфоръ окрѣпшій въ формахъ, приданныхъ ему рукою великаго мастера. Подобная фигура могла разбиться, но никогда не измѣнить своихъ очертаній.

Кажется, на людей подобнаго закала снова появился спросъ. Много ли ихъ уцѣлѣло среди растлѣвавшихъ и разслаблявшихъ вѣяній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ?

В. Истоминъ.

Село Вороново (Подольскаго уѣзда), 26 Іюня 1889 г.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XII.

Обзоръ реформъ по организаціи Кавказской арміи.—По администраціи горцами. — По строевой части.—По частямъ: инженерной, казачьихъ войскъ, военно-медицинской, коммиссаріатской, провіантской, военно-дорожной, военно-судебной, морской и проч.—Увеличеніе расходовъ на потребности арміи.

Въ предыдущей главѣ законченъ обзоръ собственно военныхъ событій за время главнаго командованія князя Барятинскаго; но обзоръ не былъ бы полонъ безъ очерка тѣхъ реформъ, которымъ подверглась самая организація Кавказской арміи, ея разнороднаго управленія и, особенно, администраціи покорными горцами.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1856—1859 годы князь Барятинскій подробно изложилъ всѣ произведенныя имъ реформы; пользуюсь этимъ матеріаломъ, чтобы передать самую сущность дѣла, выполненнаго скоро и успѣшно, благодаря энергической помощи Д. А. Милютина.

Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для покоренія горцевъ, надобно было окончательно опредѣлить цѣль, къ которой должно стремиться управленіе покорными. Мы разъ уже владѣли Чечней и Аваріей; непосредственно, или чрезъ подчиненныхъ Россіи хановъ, наше вліяніе простиралось на всю восточную половину горъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ обществъ въ глубинѣ Лезгистана, гдѣ укрывался мюридизмъ. Все это мы утратили чрезъ неустройство нашего управленія и злоупотребленія, истекавшія изъ этого неустройства. Бунтъ Чечни въ 1840 году, вызванный цѣлымъ рядомъ необду-

манныхъ и притѣснительныхъ мѣръ, сдѣлался сигналомъ общаго возстанія на Восточномъ Кавказѣ и началомъ двадцатилѣтней борьбы, стоившей неисчислимыхъ жертвъ деньгами, людьми, временемъ, имѣвшей вредное вліяніе даже на политическое могущество государства. Въ настоящее время, говорилось въ отчетѣ, Кавказъ покорился. Но, чтобы покореніе на этотъ разъ было окончательнымъ, необходимо основать народное управленіе на новыхъ началахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, чрезъ нѣсколько времени, пользуясь мирною жизнію, горцы утратятъ свою воинственность, скинутъ оружіе и обратятся въ поселянъ. Это не предположеніе, но убѣжденіе опыта. Чеченцы не только воинственное племя, они люди, поголовно взросшіе на войнѣ, и однакожъ разница между выходившими къ намъ Чеченцами, поселенными въ различномъ разстояніи отъ бывшаго непріятельскаго края, бросается въ глаза. До нынѣшняго лѣта (1860 г.) люди, жившіе на передовой линіи, были вполнѣ еще абреками; а жители Сунженскихъ ауловъ ревностно обрабатывали свои поля и во время самаго разгара войны неохотно шли въ дѣло; старые же поселенцы на Терекѣ продали большую часть оружія козакамъ за половинную цѣну, и съ нихъ приходилось брать штрафъ за то, что они ѣздили въ опасную сторону безъ оружія. Кабардинцы, славившіеся первыми наѣздниками на Кавказѣ, презираются теперь другими племенами за ихъ изнѣженность. Воинственность покорнаго населенія слабѣетъ такъ быстро, что, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ замиренія, оно уже не въ состояніи мѣряться съ враждебными горцами, недавними своими односельцами. Замѣняя оружіе плугомъ, горцы съ жадностью бросаются на все что̀ можетъ имъ принести выгоду и въ непродолжительное время изъ нищихъ становятся зажиточными людьми. Безопасность и обезпеченный трудъ передѣлываютъ ихъ. Чтобы замирить Кавказское населеніе на вѣки, нуженъ, послѣ покоренія его, двадцатилѣтній періодъ совершенно мирной жизни, въ продолженіе котораго горскія общества не имѣли бы ни средствъ, ни побудительной причины къ возстанію *). Для этого есть

*) Къ сожалѣнію, до истеченія этого срока, правду говоря, слишкомъ короткаго для перерожденія дико-воинственныхъ племенъ Кавказа, война съ Турціей 1877 года была

одно средство: смотрѣть на управленіе горцами, какъ на продолженіе ихъ покоренія, и считать еще нѣсколько лѣтъ необходимые для того расходы издержками Кавказской войны. Устройство управленія покорными горцами составляетъ главную задачу текущаго періода. Дѣло это почти вездѣ приходилось начать съизнова, потому что все прежнее управленіе, кромѣ учрежденнаго въ 1852 году для Чеченскаго народа, было основано на уничтоженіи властей, созданныхъ народною жизнью, и на владычествѣ шаріата, необходимо соединеннаго съ преобладаніемъ мусульманскаго духовенства. По странному сочетанію обстоятельствъ, это начало было общимъ и Русской власти, и враждебному намъ мюридизму. Шамиль и его предшественники не щадили ничего, чтобы вездѣ стереть родовыя отличія, уничтожить народное законодательство и поставить на его мѣсто чистый шаріатъ; для мюридовъ это было необходимо, потому что такимъ средствомъ они могли подчинить народъ своей духовной опекѣ. Но Кавказское начальство, съ самаго начала нашего владычества здѣсь, очевидно увлекалось ложною системою: оно стремилось пріобрѣсти скорое сочувствіе большинства населенія и, пренебрегая родовыми интересами, старалось возстановить мусульманское духовенство, въ предположеніи, что духовенство есть лучшее орудіе къ сближенію съ массами, такъ какъ народъ всегда проявлялъ болѣе сочувствія къ шаріату, уравнивающему всѣхъ, нежели къ адату, устанавливающему исключительное вліяніе и могущество отдѣльныхъ родовыхъ личностей. Въ настоящее время главная цѣль горскаго управленія должна будетъ состоять въ томъ, чтобы обезсилить самое это начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, т.-е. возстановлять высшія сословія тамъ, гдѣ сохраняются еще слѣды его, и создать таковыя вновь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не существуютъ. Между тѣмъ, предоставивъ суду шаріата только вопросы исключительно-духовные, ввести въ

поводомъ возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Эмиссары и подстрекатели находили еще удобную почву для своихъ дѣйствій. Но съ тѣхъ поръ, въ теченіи 12 лѣтъ, спокойствіе уже не нарушалось и если управленіе будетъ стоять на высотѣ своей задачи, можно надѣяться, что въ наступающемъ XX столѣтіи Кавказскіе горцы дѣйствительно обратятся въ мирныхъ гражданъ. А. З.

народѣ словесное судопроизводство, основанное на ихъ обычаяхъ, адатѣ, который, по мѣрѣ установленія дворянства, самъ собою будетъ укрѣпляться въ ущербъ шаріату и тѣмъ дастъ средства ввести въ судилища сколько можно болѣе началъ гражданскихъ и сблизить ихъ исподволь съ порядкомъ нашего судопроизводства: ибо адатъ, не имѣя начала духовнаго, безпрепятственно можетъ покоряться измѣненіямъ, тогда какъ измѣненіе въ шаріатѣ, по самому смыслу его, составляетъ уже вопросъ совѣсти и вѣрованія мусульманина. Первымъ шагомъ къ дѣлу должно быть письменное изложеніе адата для каждаго народа, съ настоящими понятіями о собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ потребностями Русской власти.

Одновременно съ этими мѣрами необходимо позаботиться о развитіи торговли, промышленности и народнаго образованія, въ особенности воспитанія женщинъ, въ высшихъ мусульманскихъ сословіяхъ, закоренѣлые предразсудки которыхъ составляютъ главное препятствіе къ взаимному сближенію. Очевидно, предстоитъ трудъ огромный и по сложности матеріала, подлежащаго обработкѣ, и по трудности найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главѣ отдѣльныхъ управленій и самостоятельно развить сводъ народныхъ учрежденій. Безъ сомнѣнія, при этомъ должны быть значительно возвышены мѣста управляющихъ туземнымъ населеніемъ; но даже съ этимъ условіемъ чрезвычайно трудно находить людей для подобнаго дѣла. Причина— несуществованіе въ Россіи какихъ бы то ни было заведеній для юношей, какихъ бы то ни было пособій для взрослыхъ, для того, чтобы приготовлять офицеровъ, спеціально знакомыхъ съ Кавказскимъ населеніемъ и вообще съ оріентальною частью, несмотря на чрезвычайную важность для Россіи всего восточнаго вопроса.

При такомъ состояніи дѣла устраивать Кавказскія племена можно только постепенно. Положеніе о Кавказской арміи удовлетворило первому основному условію. Оно не установило еще народнаго управленія; но, разграничивъ районы по дѣйствительнымъ племеннымъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, будетъ служить вѣрною рамкою, въ которую удобно уложатся особенности мѣстныхъ учрежденій.

Примѣняясь къ этой идеѣ, были учреждаемы и управленія туземцами; районы округовъ опредѣлялись по возможности на основаніи однороднаго племеннаго состава населенія, или по географическому положенію мѣстности; окружнымъ начальникамъ даны были достаточныя права и средства для привлеченія лучшихъ туземцевъ къ службѣ, сравнивалось ихъ содержаніе съ получаемымъ офицерами регулярныхъ войскъ, а командующимъ войсками предоставлено назначать при себѣ, или въ округахъ, вліятельныхъ людей, съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Въ Прикаспійскомъ краѣ управленіе требовало нѣсколько особаго устройства, сообразованнаго съ господствующею тамъ ханскою властію. Выше уже было упомянуто о назначеніи Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго Аварскимъ ханомъ: Кюринскимъ ханомъ назначенъ ген.-маіоръ Юсуфъ-бекъ *); въ Казикумыхскомъ ханствѣ, за смертію тамошняго управителя, былъ назначенъ Русскій начальникъ; послѣ завоеванія въ 1859 году Восточныхъ горъ, общества ихъ, не составившія особыхъ округовъ, были распредѣлены подъ власть хановъ: такъ, Аварскому подчинены Карата, Цунта-Ахвахъ, верхніе Койсубулинскіе аулы, Казикумыкскому Дусраратскій и Мукурлинскій магалы и т. п. Округи раздѣлились на наибства.

Такимъ образомъ, бывшій независимый Дагестанъ, немедленно послѣ покоренія, раздѣленъ между тремя главными отдѣлами: къ Лѣвому крылу присоединена полоса между Сѣвернымъ хребтомъ и Андійскимъ Койсу; къ Лезгинской линіи общества, населяющія страну на Югъ отъ Богоскаго хребта, и Ункрантль; все остальное къ Прикаспійскому краю. Впослѣдствіи Лезгинская линія была упразднена, и въ 1860 году сдѣланы сообразныя измѣненія въ раздѣленіи управленія. На Западномъ же Кавказѣ владѣтель Абхазіи устроилъ на опредѣленныхъ основаніяхъ управленіе и судъ; въ Цебельдѣ и Сванетіи, послѣ прекращенія владѣльческихъ правъ кн. Да-

*) Эти два хана далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, какъ видно изъ письма ген. Карцова къ фельдмаршалу отъ 8 Марта 1862 г. Вообще, система управленія посредствомъ туземцевъ оказалась несостоятельною; самый плохой начальникъ изъ Русскихъ офицеровъ былъ народной массѣ предпочтительнѣе мусульманскихъ аристократовъ. А. З.

дешкеліяновъ, учреждены приставства, тоже съ народными судами. Образцами для всѣхъ этихъ управленій, видоизмѣняя конечно образецъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣя всегда въ виду дѣйствительное соглашеніе потребностей населенія и Русской власти, князь Барятинскій принялъ Чеченское управленіе, основанное имъ въ 1852 году и уже оправданное опытомъ. Тамошнее мэхкемэ (судъ и расправа) внушило такое довѣріе населенію, что даже женщины приходили изъ отдаленныхъ мѣстъ жаловаться по своимъ домашнимъ дѣламъ. Безъ всякаго принужденія, адатъ взялъ уже перевѣсъ надъ шаріатомъ въ этомъ судѣ.

Чеченцевъ поселяли большими аулами въ нѣсколько сотъ до тысячи домовъ, подъ управленіемъ старшинъ; необходимость такого сосредоточеннаго горскаго населенія истекала изъ его обычаевъ. Кавказскіе горцы дѣлятся на роды, иногда весьма многочисленные; всѣ члены рода связаны взаимною отвѣтственностью и порукою. Пока они жили мелкими хуторами, надзоръ былъ невозможенъ; родичи водворялись вмѣстѣ, старшины были семейными начальниками; все происходившее въ родѣ и въ цѣломъ племени оставалось тайною для Русской власти. Когда же роды разбились по селеніямъ, старшина сталъ общественнымъ начальникомъ; собственный родъ, поддерживая его, тѣмъ самымъ поддерживалъ оффиціальную власть, а между тѣмъ соперничество между родами раскрывало ихъ тайны, и земское управленіе, по возможности, достигало цѣли. Разительный примѣръ подобнаго скораго результата представляло сравненіе безопасности въ разныхъ частяхъ края: между тѣмъ какъ въ мѣстахъ, болѣе полувѣка уже занятыхъ нами, нельзя было проѣзжать безъ военнаго конвоя, а мѣстное начальство не могло настигнуть ни одного виновнаго среди населенія, преданнаго всевозможнымъ безпорядкамъ,—въ Чечнѣ, еще до 1859 года устилаемой Русскими костями, господствовала при основаніи княземъ Барятинскимъ управленій относительная безопасность, абреки преслѣдовались жителями, и народъ, едва остывшій отъ 20-лѣтней борьбы, обратился къ мирному труду, возстановляя свое благосостояніе.

Изъ мѣръ къ внутреннему благоустройству туземцевъ важнѣйшею было опредѣленіе поземельной собственности, какъ первое условіе довольствія и спокойствія народнаго. Привязанность къ родной почвѣ составляетъ главную черту въ характерѣ горцевъ; но кровавая борьба 40-хъ и 50-хъ годовъ превратила многія страны въ пустыни, выводя въ другія новое пришлое населеніе, и постоянная вражда горскихъ обществъ между собою перепутала всѣ поземельныя разграниченія. Для разъясненія этого важнаго вопроса, князь Барятинскій приказалъ учредить въ округахъ особые комитеты, имѣвшіе разсмотрѣть поземельныя права и опредѣлить личныя права сословій и преимущества, которыми должны пользоваться высшія сословія. До опредѣленія этихъ правъ, были допущены къ поступленію на военную службу, на правахъ вольноопредѣляющихся перваго разряда, ли́ца принадлежащія къ сословію князей или сословію соотвѣтствующему дворянству. Кромѣ того, было приступлено къ составленію уголовнаго положенія для горцевъ, чтобы устранить отсутствіе въ этомъ отношеніи единства, причемъ преступленія въ разныхъ отдѣлахъ наказывались различно. Правила о пенсіяхъ Азіятцамъ были приведены въ систематическій порядокъ. Составлены правила для наградъ Азіятцевъ за военныя отличія, причемъ обращено главное вниманіе на происхожденіе награждаемыхъ лицъ.

До 1860-го года постоянная война, опустошавшая наши предѣлы, препятствовала мирному населенію достигнуть той степени зажиточности, какъ это было бы возможно по естественнымъ богатствамъ края; тѣмъ не менѣе, разница въ благосостояніи покорныхъ и враждебныхъ горцевъ поразительна, давно была имъ извѣстна, составляла и составляетъ одну изъ причинъ, привлекающихъ непріязненныя племена къ покорности. Между тѣмъ какъ подчиненное намъ населеніе безъ труда удовлетворяло своимъ немногочисленнымъ потребностямъ, немирные горцы питались чѣмъ Богъ послалъ и, кромѣ немногихъ семействъ, находились постоянно на рубежѣ голодной смерти. Несмотря на дикость своихъ нравовъ, загрубѣвшихъ до послѣдней степени въ продолженіе почти полувѣковой отчаянной борьбы, Кавказскіе горцы, по край-

ней мѣрѣ большая часть ихъ, богато одарены природою, далеко не лѣнивы, если видятъ вознагражденіе своему труду, и требуютъ только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы устроить свое благосостояніе. Покуда на Восточномъ Кавказѣ гремѣли пушки, матеріальный трудъ мирнаго населенія можно было развивать только однимъ способомъ—ограждая его безопасность. Теперь, съ успокоеніемъ страны, какъ только она получаетъ правильное административное устройство, можно развивать полную систему экономическихъ мѣръ, для устройства народнаго благосостоянія *). Огромное число переселенцевъ изъ горъ, выходившее въ продолженіе трехъ лѣтъ, требовало значительныхъ пособій отъ казны. Недавняя осѣдлость, хищничества немирныхъ, безпокойное положеніе края на всемъ протяженіи Праваго и большей части Лѣваго крыла, иногда естественныя бѣдствія, какъ засуха и саранча,—были причиною нужды, которую по временамъ терпѣло туземное населеніе. Покуда нѣкоторое пособіе отъ правительства составляло для него необходимость. Съ разрѣшенія князя Барятинскаго, ежегодно отдѣлялся запасъ хлѣба, для раздачи нуждающимся, и допускалась, взамѣнъ провіанта, выдача денежныхъ ссудъ.

Въ число повинностей, наложенныхъ на покорныхъ туземцевъ, входилъ нарядъ милиціи, исполняемый ими охотно. Иррегулярная военная служба сродна всѣмъ жителямъ Кавказа. Милиціонеры вездѣ служили вѣрно и дрались храбро. Для привлеченія туземнаго населенія къ постоянной боевой службѣ, были сформированы, въ видѣ опыта, Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и Анапско-горскій полуэскадронъ. Всегда отличная боевая служба, какъ полка, такъ и полуэскадрона, доказала пользу формированія постоянныхъ частей изъ покорныхъ горцевъ; а потому князь ходатайствовалъ объ утвержденіи ихъ на постоянной службѣ въ увеличенномъ составѣ, а на Лѣвомъ крылѣ просилъ учредить тоже конно-иррегулярный полкъ.

Съ совершившимся покореніемъ Восточнаго Кавказа и приближавшимся покореніемъ Западнаго, вопросъ о сформи-

*) Излагая эти мысли, князь Барятинскій не думалъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣсто развитія экономической системы, придется усмирять возстаніе. А. З.

рованіи постоянныхъ войскъ изъ горцевъ, о количествѣ и назначеніи этихъ войскъ, пріобрѣлъ первостепенную важность. Послѣ вѣковъ боевой жизни, послѣ многолѣтней безпощадной борьбы горскихъ племенъ противъ Россіи, при огромномъ количествѣ людей, привыкшихъ съ малолѣтства кормиться однимъ оружіемъ, не знавшихъ никогда другаго орудія промышленности, кромѣ ружья, закрыть разомъ всякій исходъ воинственному духу этихъ племенъ, заставить голодать тысячи отважныхъ разбойниковъ, пользующихся по своей храбрости рѣшительнымъ вліяніемъ въ народѣ, было бы дѣломъ весьма опаснымъ. Такое насильственное внезапное затишье непремѣнно приготовило бы новый взрывъ. Всѣ разбойники, всѣ пылкіе люди, вся молодежь,—обреченные на вѣчное бездѣйствіе, а многіе и на голодъ, стали бы въ тиши точить оружіе противъ насъ, между тѣмъ какъ оно съ такою пользою можетъ быть обращено противъ враговъ отечества. Слышны были жалобы многихъ горскихъ обществъ, что они не могутъ существовать безъ грабежа подгорнаго края; это значило только то, что между ними развился многочисленный классъ людей, который умѣетъ жить однимъ оружіемъ и долженъ или продавать намъ свое мужество, или обратить его противъ насъ. Со временемъ такое анормальное положеніе общества придетъ въ порядокъ. Но въ продолженіе еще многихъ лѣтъ мы должны держать открытымъ, если можно такъ сказать, клапанъ этого котла, всегда готоваго взлетѣть на воздухъ *).

Съ другой стороны, для удержанія въ повиновеніи горскаго населенія, нѣтъ ничего могущественнѣе постоянныхъ дружинъ, составленныхъ изъ самыхъ горцевъ. Получая достаточное содержаніе, при хорошемъ обхожденіи, пользуясь правомъ всякій день разсчитаться и выйти изъ дружины, горцы служатъ вѣрно и не щадятъ своихъ земляковъ. Населеніе же видитъ въ нихъ своихъ отборныхъ людей и боится имъ противиться, потому что убійство одного изъ своихъ влечетъ, по горскимъ обычаямъ, месть за кровь, даже со стороны семейства, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ за одно

*) Это писано княземъ Барятинскимъ 29 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратило своего значенія. А. З.

съ убійцей. Противъ населенія горъ сотня конно-Дагестанскаго полка гораздо надежнѣе баталіона *). Съ небольшимъ числомъ мѣстныхъ дружинъ можно удерживать горы въ повиновеніи вѣрнѣе, чѣмъ съ многочисленными Русскими полками.

Какъ войска для внѣшней войны подъ предводительствомъ хорошихъ офицеровъ, горскія дружины, безъ малѣйшаго сомнѣнія, будутъ превосходны и чрезвычайно полезны. Въ этихъ видахъ князь Барятинскій сталъ замѣнять постепенно горцами Донскіе казачьи полки, стоявшіе въ предѣлахъ Кавказскаго края. Сформированіе постоянныхъ частей войскъ изъ горцевъ, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, составляло необходимую и неотлагательную мѣру, непремѣнное послѣдствіе совершившагося покоренія горъ.

Князь Барятинскій не упускалъ изъ виду и религіозный вопросъ, имѣвшій тѣсную связь съ положеніемъ горцевъ. Объ его проектѣ общества возстановленія Православія я буду говорить подробно, когда перейду къ очерку его гражданской дѣятельности. До осуществленія этаго, онъ однако, самъ принималъ нѣкоторыя мѣры, а именно: на иждивеніе казны построилъ въ горахъ нѣсколько церквей и священно-служителямъ опредѣлилъ добавочное содержаніе. если они заведутъ при своихъ церквахъ школы. Для противодѣйствія разливу мусульманства въ Осетіи. сочтено необходимымъ отдѣлить христіанское населеніе отъ магометанскаго, въ числѣ котораго находится весь высшій классъ; но привести въ исполненіе эту мѣру нельзя было прежде разбора поземельныхъ правъ всѣхъ сословій Осетинскаго и Тагаурскаго племенъ, къ чему уже и было приступлено. Въ ожиданіи того, князь воспретилъ слишкомъ тѣсныя отношенія между людьми двухъ вѣръ; такимъ образомъ возбранялось Осетинамъ христіанскаго исповѣданія не только выдавать своихъ дочерей или родственницъ въ замужество мусульманамъ, но даже отдавать ихъ въ услуженіе къ нимъ.

Князь надѣялся, что ненависть, выказанная къ мюридизму горскими обществами, бывшими первыми его поборниками и потомъ съ такою радостію вырывавшимися изъ-подъ его

*) Конечно, только въ смыслѣ полицейскомъ. А. З.

гнета, послужитъ благодѣтельнымъ урокомъ для мирныхъ племенъ. Эти послѣднія, зная мюридизмъ только по наслышкѣ, до сихъ поръ видѣли еще въ немъ идеалъ мусульманской святости. Недавнее завоеваніе горъ раскрыло завѣсу, за которою скрывался этотъ чудовищный и неслыханный до сихъ поръ деспотизмъ; близкое знакомство съ нимъ, казалось, образумило многихъ и, конечно, должно было нанести чувствительный ударъ мусульманскому изувѣрству на Кавказѣ. Но вылѣчить окончательно магометанское населеніе горъ отъ кровожаднаго фанатизма можетъ только благоденствіе мирной жизни, которымъ подарятъ его христіанскіе завоеватели.

До войны 1853—1856 годовъ отдѣльный Кавказскій корпусъ состоялъ изъ трехъ дивизій, гренадерской бригады, баталіона стрѣлковъ и полка драгунъ; кромѣ того 47 бат. линейныхъ, Кавказское и Черноморское казачьи войска, 20 Донскихъ полковъ, Грузинская пѣшая дружина, полуэскадронъ горцевъ въ Анапѣ и сотня Гурійцевъ. По случаю войны съ Турціею, эти войска были усилены 13 и 18 пѣх. дивизіями, съ ихъ артилеріей и двумя полками драгунъ. Въ концѣ 1856 г. корпусъ, примѣняясь къ новому дѣленію края на четыре главные отдѣла, приведенъ въ слѣдующій составъ:

1) Изъ гренадерской бригады сформирована дивизія, для чего взяты два полка 21-й дивизіи—Тифлисскій и Мингрельскій и прежній Кавказскій стрѣлковый баталіонъ.

2) 19-я пѣхотная дивизія составлена изъ 2-й бригады этой дивизіи—Ставропольскаго и Кубанскаго и двухъ новыхъ полковъ, Крымскаго и Севастопольскаго, сформированныхъ изъ десяти упраздненныхъ Черноморскихъ линейныхъ батальоновъ.

3-е) 20-я дивизія составлена изъ 1-й бригады 19-й дивизіи, Тенгинскаго и Навагинскаго, и 2-й бригады прежней 20-й дивизіи, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ.

4) 21-я дивизія изъ прежней 1-й бригады 20-й дивизіи Апшеронскаго и Дагестаннаго и 1-й же бригады 21-й Самурскаго и Ширванскаго.

Въ 1857 г. для каждой дивизіи былъ сформированъ стрѣлковый батальонъ, преимущественно изъ полковыхъ штуцер-

никовъ, и къ каждой причисленъ драгунскій полкъ 6-ти эскадроннаго состава.

Такимъ образомъ, начальникъ каждаго изъ четырехъ главныхъ военныхъ отдѣловъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дивизію пѣхоты съ стрѣлковымъ бат. (21 бат.), полкъ драгунъ (6 эскад.), съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи· Начальники Лѣваго и Праваго крыльевъ имѣли кромѣ того массу казаковъ Терскаго и Кубанскаго войска, а въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи Донскіе полки, постоянные и временные иррегулярные полки. Такое распредѣленіе ставило каждаго командующаго войсками въ независимое положеніе на счетъ средствъ.

13 и 18 дивизіи были оставлены до осени 1859 года на Кавказѣ; батальоны ихъ были распредѣлены для усиленія войскъ по главнымъ отдѣламъ. 13-я дивизія возращена въ 1859 году въ Россію, а 18 оставлена еще до 1861 года и укомплектована до 4-хъ батальоннаго состава. Резервная дивизія Кавказскаго корпуса была послѣ войны передана въ вѣдѣніе начальника резервовъ, но въ Январѣ 1859 г. опять подчинена главнокомандующему и усилила Кавказскія войска на Сѣверномъ Кавказѣ.

Линейныхъ баталіоновъ было оставлено 37. Артилерія раздѣлена согласно новому устройству края на четыре бригады, съ неодинаковымъ числомъ батарей, и распредѣлена по соотвѣтствующимъ частямъ пѣхоты.

Особенное вниманіе князя Барятинскаго было обращено на скорѣйшее вооруженіе Кавказскихъ войскъ ударными и нарѣзными ружьями, вмѣсто старыхъ гладкоствольныхъ, никуда негодныхъ. Кромѣ офиціальныхъ бумагъ, онъ велъ по этому поводу настойчивую переписку съ Военнымъ Министромъ, съ Его Высочествомъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ (бывшимъ инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ) и съ самимъ Государемъ. Князь настаивалъ на учрежденіи особаго инспектора стрѣлковой части, который могъ бы посвятить себя исключительно этому важному дѣлу, тогда какъ подчиненіе начальнику артилеріи на Кавказѣ, и безъ того заваленному массою занятій, мало знакомому съ нововведеніями ружейной стрѣльбы,

было бы безполезнымъ, даже вреднымъ. Въ Петербургѣ должны были согласиться съ такимъ взглядомъ.

Въ ожиданіи доставки ружей, Эриванскій гренадерскій полкъ былъ вооруженъ ружьями Французскаго образца, взятыми въ 1855 г. въ Карсѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ было всего доставлено около 120 тысячъ ружей ударныхъ, т. е. капсюльныхъ, и 40 тысячъ нарѣзныхъ. Князь приказалъ вооружить ими, вмѣсто предположенныхъ къ сформированію вторыхъ стрѣлковыхъ ротъ, весь Дагестанскій пѣхотный полкъ; а остальныя ружья распредѣлены поровну во всѣ полки и во всѣ роты, для вооруженія ими унтеръ-офицеровъ и нѣсколькихъ рядовыхъ, обученныхъ стрѣлковому дѣлу. Такимъ образомъ нарѣзное оружіе попадало въ хорошія руки, боевое достоинство всѣхъ ротъ становилось одинаковымъ, а нѣсколько стрѣлковъ въ каждой ротѣ, для усовершенствованія въ своемъ дѣлѣ, могли легко, безъ обремененія своихъ частей, быть избавлены отъ работъ и другихъ обыкновенныхъ занятій войскъ; между тѣмъ какъ указанное изъ Петербурга сформированіе вторыхъ стрѣлковыхъ ротъ значительно бы ослабило и безъ того слабыя, некомплектныя остальныя роты въ батальонахъ. Не оставилъ князь безъ вниманія и вооруженія казаковъ. Бельгійскому фабриканту Таннеру были заказаны 12 тысячъ винтовокъ (по 16 р. 25 к. за штуку). Въ девяти разныхъ пунктахъ были учреждены мастерскія и собраны команды для приготовленія Бельгійской пули и обученія какъ употреблять ее; затѣмъ была введена пуля Минье и устроена обширная постоянная мастерская для выдѣлки желѣзныхъ чашечекъ къ этимъ пулямъ.

По части инженерной. По мѣрѣ расширенія нашихъ предѣловъ со стороны покоренныхъ горцевъ, само собою, увеличивались и возведенія новыхъ оборонительныхъ штабъ-квартиръ, укрѣпленій и другихъ военныхъ сооруженій. Всѣ эти сооруженія производились почти исключительно войсками изъ матеріаловъ, которые можно было найти подъ руками, съ покупкою только тѣхъ строительныхъ предметовъ, которыхъ войска заготовить не могли. Не вычисляя массы произведенныхъ на Кавказѣ инженерныхъ работъ, скорое исполненіе которыхъ облегчалось реформою управленія, введенною

кн. Барятинскимъ (когда каждый военный отдѣлъ имѣлъ свое инженерное управленіе и не было надобности въ безконечной перепискѣ съ центральными вѣдомствами), нужно упомянуть о главномъ предметѣ по инженерной части, на который князь обратилъ вниманіе, именно—на состояніе крѣпостей по границамъ Закавказскаго края и оборону Тифлиса, какъ важнѣйшаго центральнаго пункта. Александрополь, Ахалцыхъ и Эривань, въ тогдашнемъ видѣ, далеко не соотвѣтствовали значенію самостоятельныхъ крѣпостей, могущихъ выдержать осаду хорошо снабженныхъ Европейскихъ войскъ. Князь Барятинскій поручилъ начальнику инженеровъ арміи осмотрѣть какъ крѣпости, такъ и другіе пограничные пункты, важные въ оборонительномъ положеніи. Изъ представленныхъ соображеній по этому предмету оказалось, что Александрополь, какъ крѣпость не оконченная, требовала усиленія обороны отдѣльными фортами съ восточной и сѣверозападной сторонъ, и также возведенія различныхъ помѣщеній и складовъ. Ахалцыхъ, по невыгодному положенію между высотами, командующими всею крѣпостью, тоже требовалъ усиленія тремя отдѣльными укрѣпленіями; а Эривань, по невыгодности самой постройки и по причинѣ командующихъ ею высотъ, на разстояніи менѣе пушечнаго выстрѣла, и—главное—по причинѣ вреднаго климата, предполагалась къ упраздненію, съ тѣмъ чтобы возвести новую крѣпость въ меньшихъ размѣрахъ, на возвышенной открытой мѣстности, въ 3-хъ верстахъ отъ центра города. Затѣмъ, въ Делижанѣ, гдѣ сходятся дороги изъ Эривани и Александрополя, найдено полезнымъ возвести укрѣпленіе, въ видѣ военной станціи, для склада военныхъ запасовъ; а чтобы преградить движеніе непріятеля во внутрь страны чрезъ Гурію и Мингрелію и обезпечить военные склады для войскъ, обороняющихъ съ этой стороны край, сочтено необходимымъ построить крѣпость.

Въ случаѣ войны съ Европейскими державами въ союзѣ съ Турціею, Тифлисъ естественно будетъ служить цѣлью непріятеля, стремящагося овладѣть Закавказскимъ краемъ. По положенію своему, городъ представляетъ выгоднѣйшій пунктъ для сосредоточенія въ военное время нашихъ резервовъ. Для предохраненія Тифлиса отъ занятія его открытою силою,

князь Барятинскій рѣшилъ перенести всѣ артилерійскія зданія на лѣвый возвышенный берегъ Куры и расположить ихъ въ оборонительномъ видѣ, а высоты, окружающія городъ, предполагалъ занять отдѣльными фортами, образуя такимъ образомъ въ долинѣ Куры обширный укрѣпленный лагерь, сохраняющій постоянное сообщеніе съ внутренностью края и представляющій большія выгоды обороняющемуся. Впослѣдствіи князь предполагалъ всѣ вообще воинскія зданія, разбросанныя въ разныхъ частяхъ города, перенести на лѣвый берегъ Куры, въ черту предположенныхъ укрѣпленій.

Степень необходимости и обширности означенныхъ работъ стояла въ непосредственной связи съ предположенною Закавказскою желѣзною дорогою, относясь къ ней въ обратной пропорціи: при разбросанности и безсвязности пунктовъ, которые Закавказскія войска должны охранять, въ случаѣ внѣшней войны, инженерныя работы должны были быть обширны и многостоющи, съ проведеніемъ же рельсоваго пути ихъ можно было ограничить лишь необходимѣйшимъ.

Желѣзная дорога, прорѣзывающая нынѣ Закавказье отъ Поти въ Баку, осуществила идею князя Барятинскаго и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны, окажетъ громадную пользу войскамъ, не говоря о той пользѣ, которую она приноситъ развитію благосостоянія края. *). Что же касается остальныхъ вышеприведенныхъ его инженерныхъ предположеній, то результатъ ихъ мнѣ неизвѣстенъ.

По строевой части были составлены особыя правила объ утвержденіи списковъ неспособныхъ нижнихъ чиновъ, также о назначеніи офицеровъ въ Казказскіе полки.

Въ отношеніи обученія войскъ, при безпрерывныхъ походахъ, не дозволявшихъ ввести постоянное систематическое обученіе во всѣхъ частяхъ, князь Барятинскій, чтобы положить основаніе новому образованію, счелъ за лучшее начать съ учебнаго батальона, который прежде былъ лишь школою выправки, маршировки и построеній; онъ приказалъ

*) Проведенная въ послѣднее время желѣзнодорожная вѣтвь къ Черному морю (Новороссійскъ) пополнила въ значительной степени мысль князя Барятинскаго; но еще болѣе необходимо довершить связь Каспія съ Чернымъ моремъ на Сѣверномъ Кавказѣ проведеніемъ вѣтви до Петровска и даже далѣе до Баку. А. З.

вооружить его нарѣзными ружьями и все вниманіе обратить на цѣльную стрѣльбу, гимнастику, фехтованіе, примѣнительно къ дѣйствіямъ въ разсыпномъ строѣ. Учебный батальонъ въ короткое время достигъ полнаго развитія и давалъ хорошихъ инструкторовъ во всѣ части какъ изъ офицеровъ, такъ и изъ нижнихъ чиновъ. Неимовѣрно-быстрые успѣхи людей въ новомъ для нихъ родѣ требованій блестящимъ образомъ высказали врожденныя способности Русскаго солдата; прежняя принужденность, натяжка, механизмъ въ движеніяхъ уступили мѣсто смѣтливости, развязности, умѣнью примѣняться къ обстоятельствамъ. Впослѣдствіи батальонъ былъ обращенъ въ учебную стрѣлковую роту, съ офицерскою стрѣлковою школою.

Въ отношеніи казачьихъ войскъ уже было упомянуто, что главная реформа заключалась въ упраздненіи Черноморскихъ, слитію ихъ съ 6-ю бригадами Кавказскихъ, подъ наименованіемъ Кубанскаго войска и образованію изъ остальныхъ особаго Терскаго войска. Князь Барятинскій обратилъ особое вниманіе на положеніе казаковъ, несшихъ обременительную службу на кордонахъ по громадному протяженію Кавказской линіи. Льготные казаки призывались нерѣдко на службу съ нарушеніемъ основныхъ правилъ, хозяйства ихъ разстраивались, служба офицеровъ изъ казачьяго сословія стала крайне неблагодарною, ихъ часто зачисляли противъ желанія на льготу, командованія полками и бригадами распредѣлялись исключительно между офицерами регулярныхъ войскъ, хорошіе офицеры изъ казаковъ не имѣли предъ собою никакой будущности. По ходатайству князя Барятинскаго, послѣдовало въ Мартѣ 1857 года высочайшее повелѣніе: 1) наблюдать, чтобы безъ крайней надобности не вызывали на службу льготныхъ казаковъ и, послѣ строгой повѣрки потребностей кордонной линіи, уменьшить по возможности число постовъ и людей; 2) для увеличенія казачьяго населенія, особенно на передовыхъ линіяхъ, возобновить прерванное во время войны водвореніе женатыхъ нижнихъ чиновъ; 3) при увеличеніи населенія въ войскѣ раздѣлить людей относительно службы на двѣ или три очереди; 4) прекратить переводъ офицеровъ регулярныхъ войскъ въ казачьи

конные полки; 5) на должности бригадныхъ и полковыхъ командировъ назначать штабъ-офицеровъ казачьяго сословія.

Кромѣ того, князь ходатайствовалъ о сравненіи окладовъ офицерскаго жалованья въ казачьемъ войскѣ съ окладами въ регулярной кавалеріи, о назначеніи коннымъ офицерамъ, хотя бы и не раненнымъ, пенсій.

Донскіе казачьи полки, находившіеся на Кавказѣ, смѣнялись, по истеченіи трехъ лѣтъ службы, въ полномъ составѣ. Такой порядокъ оказывался весьма неудобнымъ. Полки, приходившіе съ Дона, въ началѣ пребыванія на Кавказѣ, приносили мало пользы и сами подвергались большимъ лишеніямъ; только въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія въ краѣ они пріобрѣтали необходимую опытность и могли прочно устроить свое хозяйство. Поэтому были изданы новыя правила, смѣна производилась ежегодно только третьею частью полка, т.-е. двумя сотнями. Каждый годъ приходили на смѣну двѣ сотни, обязанныя пробыть на Кавказѣ три года; онѣ распредѣлялись по всѣмъ 6-ти сотнямъ полка, такъ что въ каждой части находилась треть прослужившихъ два, треть прослужившая годъ и треть вновь прибывшая. Такая соразмѣрность по третямъ соблюдалась и при всѣхъ служебныхъ нарядахъ. Командировъ и офицеровъ также смѣняли чрезъ три года, а знамя, суммы и все хозяйство полка оставались постоянными, переходя отъ одной смѣны къ другой. Эта система имѣла отличные результаты и для службы, и для хозяйства полковъ, пока они находились на Кавказѣ.

Военно-судная часть тоже не была оставлена безъ вниманія, какъ въ отношеніи ея штатовъ и организаціи, такъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ измѣненій военно-уголовнаго устава примѣнительно къ Кавказскому краю. Лицъ женскаго пола и малолѣтнихъ казачьяго сословія положено было судить гражданскимъ судомъ. Дезертировъ, совершающихъ побѣги съ занимаемыхъ постовъ, карауловъ или секретовъ, служащихъ горцамъ проводниками на наши посты, равно всѣхъ лицъ безъ различія званія, которыя послѣ побѣга къ горцамъ участвуютъ во враждебныхъ противу насъ дѣйствіяхъ, повелѣно было судить по полевымъ уголовнымъ законамъ. Нѣкоторыя лица гражданскаго вѣдомства за убій-

ства и т. п. предавались военному суду; князь Барятинскій призналъ полезнымъ подобныя преступленія, обычныя на Кавказѣ, передавать судамъ гражданскимъ. По существовавшимъ законамъ, унтеръ-офицеры и нижніе чины, имѣвшіе нашивки за безпорочную службу, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ какъ по суду, такъ и по приказу полковыхъ командировъ, и въ такомъ случаѣ лишались званія или нашивокъ. Князь находилъ несправедливымъ подвергать людей двойному наказанію, единственно по произволу полковыхъ командировъ, и потому положилъ сравнять этихъ людей съ имѣющими знаки военнаго ордена Св. Анны и медали за усердіе и спасеніе погибавшихъ, не подвергающихся за первый проступокъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а только лишаемыхъ знаковъ отличія.

По военно-медицинской части, на которую князь Барятинскій обращалъ особое вниманіе, тоже были приняты многія полезныя мѣры. Нѣсколько лишнихъ госпиталей было упразднено, нѣсколько, по ходу военныхъ дѣйствій, вновь учреждено; при войскахъ усилены лазареты и отпускъ добавочныхъ денегъ на улучшеніе довольствія больныхъ; къ минеральнымъ водамъ отправлялись нижніе чины и офицеры. Всѣ мѣры имѣли результатомъ уменьшеніе смертности въ войскахъ. Такъ, въ 1857 году, не смотря на продолжительные походы и большіе труды, больныхъ и умершихъ было меньше, чѣмъ въ 1856 году, когда не было ни военныхъ дѣйствій, ни особыхъ работъ; а въ 1858 году, при еще болѣе продолжительныхъ походахъ, число больныхъ и умершихъ оказалось еще менѣе.

По коммиссаріатской части главное улучшеніе заключалось въ пополненіи и благоустройствѣ склада въ Петровскѣ, изъ котораго снабжались вещами войска Лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и части Закавказья. Были измѣнены сроки поставки вещей, во избѣжаніе постоянно случавшейся до того медленности въ обмундированіи войска; способъ доставки, вмѣсто сухопутнаго, былъ принятъ водяной — въ Петровскъ, Баку и Ростовъ или Ейскъ. Оборотные запасы въ коммиссіяхъ Ставропольской и Тифлисской были удвоены. Перевозка вещей войсками отъ коммиссій до мѣстъ ихъ расположенія принята на счетъ казны.

По провіантской части князь Барятинскій исходатайствовалъ раздѣленіе довольствія войскъ, вмѣсто пяти категогорій, на три, съ увеличеніемъ отпускаемой суммы на 540 т. рубл. въ годъ. Расходъ былъ неизбѣженъ не только для улучшенія продовольствія людей, при усиленныхъ походахъ и трудахъ, но и въ слѣдствіе возросшихъ въ послѣднее годы цѣнъ на всѣ продукты. Довольствіе войскъ винными порціями со временъ князя Воронцова было на Кавказѣ подрядное; эта система причиняла и казнѣ, и войскамъ значительные убытки: ибо первая теряла доходъ отъ акцизной пошлины на ввозимый для Кавказа спиртъ, а войска были обязаны брать положенное количество порцій вина, хотя бы въ немъ вовсе не имѣли надобности. Князь Барятинскій отмѣнилъ этотъ порядокъ, предоставивъ самимъ войскамъ пріобрѣтать вино чрезъ маркитантовъ.—Заготовленіе хлѣба и зерноваго фуража для войскъ Закавказья, около 600 тысячъ четв., производилось посредствомъ мѣстныхъ жителей, но съ постоянными отступленіями отъ установленныхъ законами правилъ, съ льготами, изъятіями, пособіями, отсрочками и т. п., само собою, въ ущербъ казнѣ. Съ 1857 года законтрактованіе поставочныхъ подрядовъ стало совершаться уже не иначе какъ съ торговъ, безъ отступленія отъ законныхъ постановленій и, если представлялась крайняя необходимость отсрочки, то не иначе она допускалась какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго. Тоже было сдѣлано и въ отношеніи развозки хлѣба по магазинамъ. Все шло подрядными способами по утвержденнымъ кондиціямъ, исключая, конечно, нѣкоторыхъ перевозокъ на передовыхъ горныхъ, операціонныхъ линіяхъ, гдѣ вовсе наемныхъ перевозчиковъ не было, и дѣлалось это, по распоряженіямъ мѣстныхъ начальниковъ, способами, какіе они находили возможнымъ найти.

Провіантскіе запасы, по распоряженію князя Барятинскаго, были значительно увеличены; а въ Тифлисѣ, принимая во вниманіе частое колебаніе цѣнъ на хлѣбъ и значеніе этого центральнаго рынка, приказано было имѣть запасъ въ 20 т. четвертей, и при вздорожаніи хлѣба выпускать въ продажу часть его съ разрѣшенія главнокомандующаго.

Правила объ установленіи цѣнъ на торгахъ, пересмотръ сроковъ и дача фуражнаго довольствія, пересмотръ табели

раціонныхъ денегъ, упраздненіе постоянныхъ казенныхъ транспортовъ, все это тоже вошло въ общія реформы по провіантской части, во время главнаго командованія князя Александра Ивановича.

По военно-дорожной части. Необходимость устройства прочныхъ и безопасныхъ путей составляла одну изъ самыхъ неотлагательныхъ потребностей всего Кавказа, въ которомъ, по чрезвычайно-пересѣченной мѣстности, естественныхъ колесныхъ путей почти вовсе не существуетъ; а между тѣмъ для движенія войскъ, снабженія арміи и развитія края нужда въ нихъ чувствовалась съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе.

Вступивъ въ управленіе краемъ, князь Барятинскій обратилъ особенное вниманіе на внутреннія и внѣшнія сообщенія, предположивъ устройство капитальнымъ образомъ важнѣйшихъ путей. Для приведенія мысли этой въ исполненіе необходимо было измѣнить прежде существовавшій порядокъ устройства дорогъ, состоявшій преимущественно въ ремонтированіи путей, проложенныхъ по жительскимъ тропамъ или старорѣчьямъ. Работы эти поглощали ежегодно ассигновавшійся рабочій капиталъ и труды солдатъ безъ всякаго видимаго улучшенія.

Въ раіонѣ VIII (Кавказскаго) округа путей сообщенія, кромѣ нѣсколькихъ сооруженій, не было ни одного прочнаго; а попытки устроить части новыхъ дорогъ, для улучшенія старыхъ, оказались неудачными отъ недостатка полныхъ предварительныхъ изысканій. Торговый путь по топямъ Мингрельскихъ болотъ дѣлалъ сообщеніе приморскихъ пунктовъ съ Кутаисомъ чрезвычайно-труднымъ и возвышалъ цѣны на Европейскіе товары. Сообщеніе съ Россіею по Военно-Грузинской дорогѣ, особенно зимою, было непостоянно и часто опасно. Военныхъ сообщеній на Правомъ и Лѣвомъ крыльяхъ Кавказской линіи, бывшей Лезгинской кордонной линіи и въ Прикаспійскомъ краѣ существовало весьма мало, и тѣ были едва разработаны.

Убѣдившись, что ежегодный рабочій капиталъ, опредѣленный для VIII округа путей сообщенія въ 100 тысячахъ рублей, не соотвѣтствовалъ потребности, князь Барятинскій испросилъ увеличить его до 300 тысячъ рублей. Кромѣ этой

суммы, назначенной на постоянныя годовыя работы, былъ ассигнованъ особый капиталъ на устройство государственныхъ дорогъ. При такихъ средствахъ необходимыя для Кавказа дорожныя работы быстро двинулись впередъ.

Прежде всего было предпринято прочное устройство трехъ главныхъ путей: Военно-Грузинскаго, Военно-Осетинскаго и Военно-Имеретинскаго.

О Военно-Грузинской дорогѣ уже упомянуто было выше; она до сихъ поръ остается однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ управленія князя Барятинскаго.

Военно-Осетинская и Военно-Имеретинская дороги, имѣвшія тогда важное значеніе, были доведены до отличнаго сосостоянія въ сравненіи съ тѣмъ, какими ихъ засталъ князь Барятинскій. Въ военныхъ отдѣлахъ производилась цѣлая масса дорожныхъ работъ по разнымъ направленіямъ, а съ покореніемъ Восточнаго Кавказа приступлено было къ разработкѣ въ горахъ обширной системы стратегическихъ дорогъ.

Князь обратилъ не меньшее вниманіе на водяные пути.

Для опредѣленія возможности пароходства по четыремъ главнымъ рѣкамъ Кавказа: Тереку, Кубани, Курѣ и Ріону было командировано нѣсколько офицеровъ морскаго вѣдомства, съ тѣмъ чтобы сдѣлать надлежащіе промѣры и описать фарватеры рѣкъ.

Буксирное пароходство по Курѣ отъ устья до Мингечаура существовало съ 1852 до 1857 года, но не оправдало разсчетовъ своихъ учредителей, почему и прекратилось. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ для пароходовъ, сидящихъ не болѣе 3 футовъ въ водѣ, плаваніе оказывалось возможно до Самуха (деревня при впаденіи Алазани въ Куру), но по случаю проектированія желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку этотъ водяной путь терялъ все свое значеніе, и къ его возобновленію князь мѣръ не принималъ.

Общество Русскаго пароходства и торговли взяло на себя содержаніе пароходовъ по Ріону. Для приведенія этой рѣки вполнѣ въ судоходное состояніе, найдено было необходимымъ углубить ложе ея на хрящеватыхъ перекатахъ и фарватеръ при впаденіи въ море.

Фарватеръ Терека былъ изслѣдованъ въ 1857 году. Рѣка эта развѣтлялась въ концѣ своего теченія и въ такомъ видѣ не представляла удобствъ для плаванія пароходовъ.

Къ числу важныхъ предпріятій, совершившихся въ то время на Кавказѣ, должно быть причислено открытіе пароходства на Кубани, которое обѣщало самыя благопріятныя послѣдствія въ военномъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Лѣвый берегъ Кубани, ниже впаденія Лабы, населенъ горцами, отчасти непокорными; а потому ни одна частная компанія не хотѣла взять на себя развитіе пароходства по рѣкѣ, подверженной нападенію непріятеля. Предпріятіе это было исполнено изъ суммъ Кавказскаго края. Заказанный въ Англіи и привезенный по частямъ пароходъ былъ собранъ въ Темрюкѣ и въ Апрѣлѣ 1859 года въ первый разъ поднялся по Кубани до станицы Тифлисской, а съ нѣкоторыми улучшеніями фарватера полагали, что можетъ подняться еще выше. Пароходство по Кубани должно было продолжаться около 9-ти мѣсяцевъ въ году, и для его развитія приступлено было къ расчисткѣ фарватера и устройству пристаней въ главныхъ складочныхъ пунктахъ. Но, къ сожалѣнію, изъ всего этого благаго предпріятія ничего не вышло: рѣка съ извилистымъ, быстрымъ теченіемъ, засоренная карчами, требовала предварительной очистки и урегулированія; за тѣмъ купленный въ Англіи пароходъ оказался для Кубани слишкомъ большимъ и вообще малогоднымъ; поднялся онъ до ст. Тифлисской съ большимъ трудомъ, при помощи прибрежныхъ козаковъ, сталкивавшихъ его съ мелей. Вскорѣ пароходство было прекращено; казенный пароходъ долго стоялъ въ Темрюкѣ безъ всякаго употребленія и, наконецъ, проданъ за безцѣнокъ. А чрезъ нѣсколько лѣтъ появились на Кубани пароходы, но уже частныхъ лицъ и не ходившіе выше г. Екатеринодара.

Составленъ былъ проектъ канала, который предполагалось прорыть для снабженія Тифлиса водою и для орошенія до 50 т. десятинъ въ Караязской степи, совершенно безплодныхъ по безводности.

По морской части. Охраненіе длинной прибрежной полосы отъ устья Кубани до Абхазіи, занятой враждебными гор-

скими племенами и недоступной съ суши, требовало присутствія постоянныхъ морскихъ силъ.

Существовавшая до войны Черноморская береговая линія не могла быть возобновлена, какъ потому, что ея чрезвычайно дорогое содержаніе никогда не достигало вполнѣ своей цѣли, такъ и потому, что самое существованіе ея зависѣло отъ одного непремѣннаго условія—полнаго нашего владычества на Черномъ морѣ. Послѣ Парижскаго трактата нечего было и думать строить на морскомъ берегу слабыя укрѣпленія, которымъ со стороны суши нельзя подать никакой помощи. Тѣмъ не менѣе, надобно было принять мѣры противъ незаконной торговли, развившейся въ большихъ размѣрахъ въ продолженіе истекшей войны на Кавказскомъ прибрежьѣ, такъ какъ единственными статьями ея были: вывозъ—невольники, ввозъ—военная контрабанда.

Изъ бывшей Черноморской береговой линіи предположено было занять только тѣ части, которыя доступны съ сухаго пути, а именно сѣверную часть и южную; наблюденіе же за незанятою частью морскаго прибрежья, между Awграми и Константиновскимъ укрѣпленіемъ, предоставлено морскимъ силамъ.

Берегъ Чернаго моря былъ раздѣленъ на двѣ части, подчиненныя командующимъ войсками Праваго крыла и Кутаисскому генералъ-губернатору и, согласно съ этимъ, учреждены двѣ морскія станціи въ Константиновскомъ укрѣпленіи (Новороссійскъ) и въ Сухумѣ. Для службы на Кавказскомъ берегу командировалось нѣсколько паровыхъ судовъ Черноморскаго флота, а для облегченія десантныхъ экспедицій и содѣйствія при выгрузкѣ и нагрузкѣ учреждена гребная флотилія Азовскихъ баркасовъ, числомъ до 20.

Имѣя въ виду, что по Кавказскому прибрежью Чернаго моря тянется страна малодоступная, главную промышленность которой тогда составляла торговля людьми, князь Барятинскій, для развитія комерческаго флота, обратилъ главное вниманіе на Каспійское море. Весь западный берегъ сего послѣдняго занятъ Русскими поселеніями или туземцами, понявшими уже выгоды гражданскаго устройства; важность сообщенія Закавказья по Каспію съ плодороднѣйшими губер-

ніями Россіи выказалась вполнѣ во время войны 1853—56, годовъ, когда мы вынуждены были пользоваться единственными, ненадежными сухопутными сообщеніями чрезъ горы. Чтобы прочно утвердить владычество наше въ загорномъ краѣ, не подвергая его никакимъ случайностямъ, нужно было основаться на Каспійскомъ морѣ и считать его главнымъ военнымъ базисомъ недоступнаго непріятелю Каспійскаго бассейна и Волги; Закавказскій край долженъ сдѣлаться неразрывнымъ продолженіемъ собственной Россіи. Но эта мысль могла осуществиться только при большемъ развитіи Каспійскаго пароходства. Для осуществленія этой цѣли князь считалъ полезнѣе всего обратиться къ частной предпріимчивости, и 15 Апрѣля 1858 года состоялось учрежденіе общества „Кавказъ и Меркурій". Плодотворность этихъ соображеній князя Барятинскаго уже достаточно обнаружилась, чтобы нужно было распространяться объ этомъ. Баку, Петровскъ обязаны ему своимъ теперешнимъ положеніемъ. По его же распоряженію на прибрежьяхъ Баку и Ленкорани, гдѣ волненіе чрезвычайно бурно, были устроены на оборонительныхъ башняхъ маячные приборы.

На Кавказѣ совсѣмъ не было военно-учебныхъ заведеній; между тѣмъ туземцы уже поняли превосходство Русскаго образованія и охотно отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе намъ; съ другой стороны и служившіе на Кавказѣ Русскіе не имѣли средствъ дать образованіе дѣтямъ. Существовавшія при различныхъ частяхъ войскъ школы военныхъ воспитанниковъ не удовлетворяли цѣли. Командиры объ нихъ не заботились и считали ихъ тягостью; офицеры и унтеръ-офицеры назначались въ школы такіе, которые сами не имѣли даже элементарнаго образованія, да и не получая вознагражденія, исполняли свои обязанности неохотно. А эти школы на 580 мальчиковъ были единственными образовательными заведеніями для мирныхъ горцевъ и бѣдныхъ Русскихъ офицеровъ. Была еще гражданская школа межевщиковъ, но въ весьма маломъ комплектѣ воспитанниковъ. Князь Барятинскій увеличилъ ее до 50, передавъ въ вѣдѣніе главнаго штаба арміи, который не жалѣлъ усилій и средствъ для ея улучшенія, и результатъ оказался прекрасный. Образованіе и воспитаніе

было значительно поднято, и школа дала немало полезныхъ людей для важнаго дѣла межеванія.

Для удовлетворенія потребностямъ въ образованіи горцевъ и дѣтей бѣдныхъ Русскихъ князь представилъ особый проектъ. Предполагалось открыть шесть училищъ, съ пансіонами на 420 чел., въ главныхъ военныхъ центрахъ, подъ надзоромъ военнымъ, но въ вѣдѣніи учебнаго округа; кромѣ того, въ Тифлисѣ учреждено особое военное училище для приготовленія топографовъ, кондукторовъ, писарей и учителей гимнастики для войскъ.

Межевыя работы, особенно въ казачьихъ войскахъ, были усилены; тоже должно сказать и о топографическихъ, сѣтью которыхъ былъ покрытъ весь Кавказъ. Съ 1860 года предпринята тріангуляція покоренныхъ горъ, которая связывала съемки Закавказскаго края съ работами по Россіи. Кромѣ того, при всѣхъ военныхъ движеніяхъ дѣлались съемки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сняты подробные планы цѣлыхъ округовъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ составлялись и описанія разныхъ частей края. Производились также метеорологическія наблюденія и не только на мѣстахъ гдѣ устроены станціи, но иногда даже при движеніи отрядовъ въ глубь горъ.

Однако расходы на Кавказскую армію были весьма значительны и возрастали въ значительной прогрессіи. Такъ въ 1847 году на 224.003 человѣка отпущено деньгами и продуктами въ натурѣ 5.681.492 р. 19 к., а въ 1857 на 294.337 человѣкъ 13.730.352, т. е. въ 1847 году содержаніе человѣка обходилось 25 р. 36 $^{2}/_{7}$ к., а въ 1857 году—46 р. 64 $^{6}/_{7}$ к. Въ этотъ расходъ не входило еще обмундированіе и вооруженіе.

Князь Барятинскій вполнѣ сознавалъ обременительность этихъ расходовъ для государства, но сокращеніе или даже предѣлъ увеличенія предвидѣлъ отъ одного только средства: отъ прекращенія войны; а чтобы достигнуть этого результата, онъ считалъ необходимымъ употребить и продолжать тѣ усилія, какія имъ были приведены въ дѣйствіе въ первые три года его командованія. Усиленіе средствъ къ завоеванію, само собою, не могло обойтись безъ увеличенія расходовъ, не говоря о возрастаніи цѣнъ во всемъ государствѣ; но временные эти расходы должны были вознаградиться отъ резуль-

татовъ самыхъ усилій. Несомнѣнность такого предположенія обнаружилась съ перваго шага умиротворенія въ 1859 году Восточнаго Кавказа: не смотря на то, что число войскъ осталось безъ убавки и было направлено для усиленія дѣйствій противъ Западнаго Кавказа, по смѣтѣ на 1860 годъ уже было достигнуто, противъ прежняго, экономіи въ 570 тысячъ рублей.

При всемъ сознаніи справедливости этихъ доводовъ, нельзя однако скрыть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь Барятинскій, по врожденной ему добротѣ и щедрости, допускалъ отчасти излишніе расходы, особенно для пособій разнымъ лицамъ или на предметы, невызывавшіеся крайнею надобностью. Отпуски на подъемы нѣкоторыхъ генераловъ, при переводахъ съ однаго мѣста на другое, на устройство ихъ помѣщеній, на поѣздки на воды, при выступленіи въ походъ *) и т. п., если по суммѣ не могли, конечно, имѣть особаго значенія относительно милліоновъ, расходуемыхъ государствомъ на Кавказскій край, все же служили, такъ сказать, принципомъ нарушенія правила о строгой экономіи, при плачевномъ состояніи тогда государственныхъ финансовъ, о чемъ такъ постоянно напоминали изъ Петербурга.

Еще нѣкоторые расходы дѣлались княземъ въ убѣжденіи необходимости импонировать богатствомъ и щедростью восточному Азіатскому населенію; напримѣръ, въ походѣ 1859 года, при проѣздѣ чрезъ только что покоренные горскіе аулы, бросались въ народъ походнымъ казначеемъ и адъютантами казенные серебряные рубли изъ особаго мѣшка. Такихъ рублей и раздаренныхъ разнымъ туземцамъ полуимперіаловъ, очень можетъ быть, ушло и немного, нѣсколько тысячъ; но должно сказать, что это была совершенно лишняя трата денегъ и даже вовсе не соотвѣтствовала духу гор-

*) Не могу не вспомнить здѣсь, что выдачи „на подъемы" дали поводъ извѣстному въ тѣ времена Кавказскому остряку Іедлинскому явиться къ кн. Барятинскому въ 1859 году на Андійскихъ высотахъ, съ слѣдующей просьбою: „Ваше сіятельство, я получилъ приказаніе спуститься съ моими козачьими сотнями на плоскость".—Да; здѣсь намъ уже не нужно столько конницы„.—„Имѣю покорную просьбу къ вашему сіятельству: всѣ получили деньги на подъемъ; позвольте мнѣ получить на спускъ".—Князь очень много смѣялся этой остротѣ и, какъ Іедлинскій пользовался его особымъ расположеніемъ, то, кажется, просьба не осталась безъ удовлетворенія. А. З.

цевъ, ничего общаго съ восточнымъ міромъ (въ родѣ Персіи или Индіи) не имѣющихъ; напротивъ, горцы могли думать, что мы ихъ стараемся задобрить, ихъ боимся. Вспоминая теперь этотъ проѣздъ князя, не могу забыть впѣчатлѣнія произведеннаго на меня жителями аула Ашильта: они не только не спѣшили поднимать бросаемые новые рублевики, но, плюнувъ, отворачивались и скрывались въ сакли... Я указалъ это тогда же ѣхавшему рядомъ со мною, походному казначею Ѳ. Е. Булатову.

Но не будемъ забывать, что нѣтъ и не было великихъ людей безъ недостатковъ или ошибочныхъ взглядовъ. При величіи совершеннаго дѣла, при значеніи оказанныхъ государству услугъ, подобныя частности не должны имѣть вѣса въ оцѣнкѣ дѣятельности людей, подобныхъ князю А. И. Барятинскому. Если я упомянулъ объ этомъ, то только ради безпристрастія. Съ полнымъ, искреннимъ убѣжденіемъ поклоняюсь заслугамъ его и многимъ прекраснымъ качествамъ, какъ главнокомандующаго и человѣка; но не желаю скрывать и недостатковъ, которые были у него, какъ и у всякаго смертнаго.

Въ числѣ усвоенныхъ княземъ Барятинскимъ взглядовъ на порядки военной службы, нельзя не обратить вниманія на то, какъ онъ относился къ назначеніямъ или переводамъ офицеровъ; онъ считалъ неизмѣннымъ, чтобы каждый начальникъ пользовался полной свободою избирать себѣ помощниковъ и найти подчиненныхъ. Привожу здѣсь характерное въ этомъ отношеніи письмо его къ барону Врангелю, командовавшему войсками въ Дагестанѣ.

Въ письмѣ отъ 16-го Декабря ваше превосходительство объясняете, что, имѣя въ виду многихъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, желающихъ перейти во ввѣренныя вамъ войска, вы встрѣчаете затрудненіе воспользоваться ихъ службою потому собственно, что считаете для себя щекотливымъ входить въ предварительныя сношенія съ полковыми командирами о томъ, согласны ли они на зачисленіе тѣхъ штабъ-офицеровъ въ ихъ полки, и вслѣдствіе этого просите разрѣшенія моего переводить, не испрашивая согласія полковыхъ командировъ.

Вашему превосходительству вполнѣ извѣстно изъ личныхъ нашихъ разговоровъ, по какимъ соображеніямъ я считаю необходимымъ строго держаться означеннаго порядка, не допуская въономъ ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшаго исключенія.

Будучи убѣжденъ, что каждый начальникъ тогда только можетъ отвѣчать за исправное состояніе ввѣренной части, когда ему предоставлена полная свобода избирать себѣ помощниковъ и всѣхъ подчиненныхъ лицъ, я самъ первый твердо держусь этого правила, предоставляя себѣ выборъ только тѣхъ лицъ, кои непосредственно мнѣ подчинены; на всѣ же остальныя должности не иначе назначаю, какъ по предварительному сношенію съ командующими войсками или другими главными начальниками, и не только не нахожу этотъ порядокъ для себя щекотливымъ, но даже бываю радъ, когда предложеніе мое встрѣчаетъ не одно безусловное согласіе: ибо вижу въ томъ лучшее доказательство самостоятельности и заботливости начальника объ управленіи ему подчиненномъ.

Этому же порядку строго держится и относительно ко мнѣ Военное Министерство, и даже Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья.

Поэтому упомянутое ваше письмо, къ крайнему сожалѣнію, ставитъ меня въ необходимость подтвердить вашему превосходительству, что я никакъ не соглашаюсь, чтобы ослабленъ былъ въ чемъ-бы то ни было выборъ, предоставляемый полковымъ командирамъ, офицеровъ во ввѣренныя имъ части, и надѣюсь что вы сами, вникнувъ ближе въ принятую мною систему, убѣдитесь на опытѣ въ ея выгодахъ, оставляя за каждымъ частнымъ начальникомъ лежащую на немъ отвѣтственность въ выборѣ подчиненныхъ, отъ чего зависитъ и благосостояніе его части. Вы однакоже чрезъ это никогда не можете встрѣтить препятствія въ пріобрѣтеніи для службы офицеровъ истинно-хорошихъ и полезныхъ.

9-го Января 1859 г. Тифлисъ.

*

Заканчивая обзоръ военной дѣятельности князя Барятинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ второй томъ его біографіи, я долженъ повторить, что болѣе полная обрисовка характера этого государственнаго человѣка будетъ возможна только впослѣдствіи, когда, по выраженію Грановскаго, событія удалятся отъ насъ на историческій выстрѣлъ.

Въ слѣдующемъ томѣ будетъ изложена его дѣятельность гражданская, какъ намѣстника Кавказскаго, съ заключительными главами о послѣднихъ годахъ жизни фельдмаршала.

РУССКАЯ МОГИЛА ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

(Изъ „Русскаго Инвалида“ отъ 10 Ноября 1855 г.).

Могила Русскаго полковника Бедряги, убитаго въ 1813 г. въ сраженіи при Беттенгаузенѣ, близъ города Касселя, почти совершенно изчезнувшая съ нашего кладбища, спасена отъ забвенія прекраснымъ памятникомъ, который воздвигъ надъ ней нѣкто Эдуардъ Рюппель, отставной офицеръ гусарскаго Вестфальскаго полка, живущій въ настоящее время во Франкфуртѣ на Майнѣ и служащій по управленію Германскихъ почтъ князя Турнъ-и-Таксисъ. Императоръ Всероссійскій Александръ II-й изволилъ выразить благодарность свою г. Рюппелю за это доказательство рыцарскаго уваженія къ памяти отличнаго воина.

*

Полковникъ Егоръ Ивановичъ Бедряга, убитый въ 1813 г.—мой родной дядя, происходилъ изъ дворянъ Слободо-Украинской, нынѣ Харьковской губерніи, воспитывался во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Павловское Военное Училище), откуда выпущенъ въ 1787 году и гдѣ имя его записано на мраморной доскѣ въ корпусной церкви, вмѣстѣ съ именами другихъ убитыхъ воспитанниковъ.

(Любопытно, что сынъ пишущаго эти строки, внучатый племянникъ полковника Бедряги, воспитывался также въ Павловскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1882 году, почти черезъ сто лѣтъ).

Въ книгѣ, изданной въ память Столѣтняго юбилея Военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія (1769—1869) въ числѣ кавалеровъ 4-й степени, пожалованыхъ 21 Сентября 1812 года, числится подъ № 2439 маіоръ Егоръ Ивановичъ Бедряга. Орденъ Владимира 3-й ст., уже въ чинѣ полковника, онъ получилъ за сраженіе при Люнебургѣ 21 Марта 1813 г., подъ начальствомъ Чернышова (впослѣдствіи князя и военнаго министра). За этоже дѣло произведенъ въ чинъ шт.-ротмистра родной его братъ Алексѣй Ивановичъ. Въ общемъ алфавитномъ спискѣ Георгіевскихъ кавалеровъ записаны еще слѣдующія лица изъ рода Бедрягъ:

Бедряга Акимъ Ѳомичъ, кавалеръ 4-й ст., 1773, за сраженіе при Татищевѣ, въ Пугачевскій бунтъ.

Бедряга—Иванъ Ивановичъ. 1823 г.

Бедряга Григорій Васильевичъ. 1812 г.

Бедряга Николай Григорьевичъ 1813 года. Николай Григорьевичъ въ отечественную войну участвовалъ въ партизанскомъ отрядѣ Давыдова и вышелъ по собственному желанію, не одобряя дѣйствій своего начальника съ плѣнными.

Инженеръ-дѣйст. ст. совѣтникъ Алексѣй Бедряга.

Письмо Эдуарда Рюппеля къ А. И. Бедрягѣ.
(1855).

(Переведено съ Нѣмецкаго).

М. г. Никогда не ожидалъ я, въ моихъ престарѣлыхъ лѣтахъ, имѣть радость написать нѣсколько строкъ родственнику доблестнаго полковника Бедряги, бывъ всегда увѣренъ, что этотъ прекрасный человѣкъ былъ послѣдній въ своемъ родѣ.

Изъ одного письма господина Вибера къ брату своему сюда узналъ я, м. г., что вы были такъ добры и справлялись обо мнѣ. Я полагаю, что памятникъ, который я воздвигъ въ Мельзюнгенѣ павшему съ честью герою полковнику Бедрягѣ причиною тому, что вамъ извѣстно мое имя.

Къ сожалѣнію, я не знавалъ лично этого благороднаго человѣка; но имя его уважалъ я наравнѣ съ именами Кульнева и другихъ офицеровъ Русской арміи. Въ битвѣ подъ Смоленскомъ былъ я тяжело раненъ и попалъ въ плѣнъ. Меня перевезли въ далекую Оренбургскую губернію, гдѣ я въ первый разъ услышалъ разсказы про дѣла храбраго полковника Изюмскихъ гусаровъ. Почти каждая вѣсть изъ арміи приносила намъ извѣстіе о новыхъ лаврахъ, которыя пожиналъ себѣ славный Бедряга, отличаясь впереди своего несравненнаго полка. Вдругъ однажды Московскія газеты принесли намъ печальную вѣсть, что Изюмскій полкъ въ одномъ дѣлѣ лишился своего незабвеннаго начальника. Хотя я самъ страдалъ и грустилъ, но это извѣстіе очень огорчило меня, и мнѣ пришло въ голову воздвигнуть памятникъ славному полковнику, по возвращеніи моемъ въ отечество. Я вернулся и нашелъ еще свѣжую могилу съ деревяннымъ крестомъ, на которомъ была неразборчивая Русская надпись. Мнѣ разсказали тогда горожане Мельзюнгена, что тѣло покойнаго лежало въ ратушѣ на парадномъ одрѣ. Какой-то молодой офицеръ очень горько плакалъ объ умершемъ, и только насильно могли оторвать его отъ тѣла, которое и отвезли тогда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ красныхъ гусаровъ, на кладбище. И такъ все, что̀ въ военное время возможно сдѣлать для отданія чести достойному воину, было сдѣлано. Когда я достигъ моего отечества Касселя, Вестфальскаго королевства уже не было. Молодъ и пылокъ былъ я, вступилъ въ Австрійскую службу и сдѣлалъ съ Шварценбергскимъ уланскимъ полкомъ походъ во Францію. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ, захотѣлъ я отдохнуть отъ военной службы и пріискалъ себѣ покойное мѣсто на почтѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ 1848 году, когда въ Германіи распространился демократическій духъ, съ его происками и личностями, и когда повсюду господствовала революція съ ея пагубными слѣдствіями,

многое было разорено, въ томъ числѣ не пощажена была и могила храбраго Бедряги: крестъ съ нея былъ сброшенъ. Въ эту грустную эпоху нельзя было идти противъ общихъ безпорядковъ; въ особенности правительство наше растерялось. Я выждалъ болѣе покойное время, чтобы прочнымъ памятникомъ сохранить потомству имя героя Русской арміи. Еслибы я послушался влеченія моего сердца, то памятникъ былъ бы великолѣпный, мраморный; но желаніе это не соотвѣтствовало моему состоянію. Лучшая мнѣ доля въ этомъ—удовлетворить мою совѣсть, доказать мое уваженіе къ умершему и искреннюю любовь къ его соотечественникамъ. Мнѣ очень пріятно, что вѣсть о моемъ поступкѣ дошла до его полка и до его родственниковъ. Господинъ министръ Глинка уже передалъ мнѣ особенную благодарность Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Константина Николаевича.

Несмотря на мои 64 года и нѣсколько сабельныхъ ударовъ, которые я получилъ съ Изюмскими и Ахтырскими гусарами и слѣды которыхъ еще видны, я еще свѣжъ и съ удовольствіемъ бы предложилъ свои услуги Россіи. Но, къ сожалѣнію, наступилъ миръ, и въ такое время, когда союзники въ послѣдній разъ торжествовали, а Русскія войска, ихъ колоссальная кавалерія, ихъ храбрыя дружины были еще невредимы. Пусть благодать мира изгладитъ это грустное впечатлѣніе! Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи и пр.

Эдуардъ Рюппель.

Свидѣтельство (№ 2946)

Изюмскаго гусарскаго полка господинъ полковникъ и кавалеръ Бедряга, командуя подъ начальствомъ моимъ во время всей прошедшей 1812 года и нынѣшней кампаніи сначала сводньімъ гусарскимъ полкомъ, а потомъ особымъ отрядомъ подъ командою его составленнымъ, былъ употребляемъ во многихъ сраженіяхъ, въ которыхъ оказывалъ всегда не только отличную храбрость и мужество, но сверхъ того благоразумными своими распоряженіями, быстрыми и искусными дѣйствіями наносилъ вездѣ сильный вредъ непріятелю, не взирая на превосходство онаго, въ чемъ особенно успѣлъ дѣйствуя съ отрядомъ противъ корпуса Макдональда. Былъ неоднократно раненъ и по излѣченіи отъ ранъ спѣшилъ всегда на поле чести и опять покрывалъ себя новою славою. Притомъ содержалъ всегда ввѣренный ему полкъ и отрядъ въ совершенной исправности и порядкѣ. Я пріятнымъ долгомъ поставляю свидѣтельствовать симъ таковые подвиги господина полковника Бедряги, какъ отлично-храбраго и искуснаго штабъ-офицера, въ чемъ и дано ему сіе за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати въ главной квартирѣ въ Шлезіи, въ мѣстечкѣ Вальденбургѣ, Іюля 25 дня 1813 года.

Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго государя моего, генералъ отъ кавалеріи, главнокомандующій арміею (и пр.)

Графъ Витгенштейнъ.

ИЗЪ БУМАГЪ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, сынъ священника, родился въ Коломнѣ 23 Мая 1824 года и первоначальное образованіе получилъ въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Московской Духовной Семинаріи. Въ 1844 г. онъ поступилъ въ Московскую Духовную Академію, въ которой, по окончаніи курса въ числѣ перворазрядныхъ воспитанниковъ, въ 1848 г. опредѣленъ баккалавромъ на каѳедру ученія о вѣроисповѣданіяхъ. Въ 1855 г. онъ уволенъ былъ по прошенію изъ духовнаго званія въ свѣтское, а два года спустя получилъ командировку за границу съ цѣлію собрать свѣдѣнія объ образованіи заграничныхъ Евреевъ. Ранѣе того онъ назначенъ былъ цензоромъ въ Москвѣ, а въ 1862 г., съ увольненіемъ отъ должности цензора, чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія съ порученіемъ составить исторію этого министерства. Въ это же время онъ участвовалъ въ коммиссіи по пересмотру устава о книгопечатаніи. Послѣдняя его служба состояла въ управленіи Московскою Синодальною Типографіей, откуда онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и затѣмъ посвятилъ себя основанной имъ въ Декабрѣ 1867 года газетѣ *Современныя Извѣстія*, которыя и издавалъ до конца жизни. Въ теченіе всей своей служебной дѣятельности онъ не переставалъ заниматься литературой и былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ во всѣхъ журналахъ, издававшихся И. С. Аксаковымъ, кромѣ того въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Русской Бесѣдѣ*, *Журналѣ Землевладѣльцевъ* и другихъ. Скончался Никита Петровичъ внезапно въ Петербургѣ 13 Октября 1887 года После него осталось много любопытныхъ неизданныхъ трудовъ его, которые и по сейчасъ остаются въ рукописяхъ.

*

Рукописи эти, какъ и вообще оставшіяся послѣ Н. П. Гилярова бумаги, принадлежатъ въ настоящее время Аннѣ Михайловнѣ Гальперсонъ, которая начала издавать въ свѣтъ нѣкоторыя изъ нихъ (особою книгою вышли „Основныя начала экономіи, съ предисловіемъ профессора И. Т. Тарасова“ М. 1889). Ею же сообщено намъ нижеслѣдующее. П. Б.

I.

Письмо князя П. А. Вяземскаго

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, послѣ назначенія его цензоромъ, чему способствовалъ много тогдашній товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь П. А. Вяземскій, написалъ ему благодарственное письмо, въ которомъ откровенно изложилъ свои взгляды на цензурный уставъ. Въ отвѣтъ отъ князя Вяземскаго получилъ онъ слѣдующія строки:

Милостивый государь Никита Петровичъ!

Приношу вамъ мою живѣйшую благодарность за письмо ваше отъ 9-го Іюня, и за довѣренность и откровенность, которыя вы мнѣ оказали. Отвѣчаю на него поздно, потому что меня не было въ Петербургѣ, а письмо ваше пришло безъ меня. Образъ понятій вашихъ о цензурѣ и чувства, и правила, коими хотите руководствоваться, служатъ лучшимъ ручательствомъ и залогомъ въ правильномъ исполненіи вашихъ обязанностей. Впрочемъ, непредвидимыхъ случаевъ предвидѣть нельзя. Тутъ, какъ и вездѣ и во всемъ, надобно на Бога надѣяться, а самому не плошать. Если бы дѣло отъ меня зависѣло, то весь цензурный уставъ и всѣ инструкціи цензорамъ заключались бы въ трехъ словахъ: благоразуміе, добросовѣстность, сметливость. Всѣ цензурные уставы хороши, или всѣ плохи. Всего не придумаешь, ото всего не убережешься: самый подробный уставъ все-таки имѣетъ лазейки, чрезъ которыя неблагонамѣренность можетъ прокрасться. Все зависитъ отъ людей, какъ отъ цензоровъ, такъ и отъ тѣхъ, которые имѣютъ право съ нихъ взыскивать. Въ дѣлахъ цензурныхъ нѣтъ ничего положительнаго. Цензоры не судіи, а присяжные, съ тою только разницею, что они вмѣстѣ съ тѣмъ и лица отвѣтственныя.

Богъ вамъ въ помощь! Надѣюсь, что все пойдетъ хорошо. Но будьте осторожны. Литературный народъ въ Москвѣ очень добросовѣстенъ и въ глубинѣ души своей благонамѣренъ: я этому вѣрю вполнѣ. Но онъ вовсе не практическій, пишетъ часто безъ оглядки и безъ догадки. Въ Москвѣ цензоръ долженъ быть сметливъ и догадливъ за себя и за писателя.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

К. Вяземскій.

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1856 г.

II.

Письмо къ графинѣ NN *).

(1861).

...Перехожу къ отвѣту на вопросъ вами мнѣ сдѣланный: рѣшился ли бы я принять каѳедру въ Петербургѣ, если бъ дошелъ до того случай?

Глядя на все происходящее, можно ли вообразить хоть на минуту, что наша многочисленная университетская молодежь думаетъ хоть капельку о наукѣ, объ ученьѣ? Слишкомъ смѣшно было бы сказать *да*,

*) Многія письма Н. П. Гилярова къ разнымъ лицамъ сохранились между его бумагами въ черновыхъ подлинникахъ.

хотя и слишкомъ, слишкомъ грустно признаваться, что нѣтъ, что не наука бродитъ въ головѣ молодыхъ людей.

Вопросъ другой: есть ли хоть крошечка нравственной связи между студентами и составомъ профессоровъ? Способны ли студенты смотрѣть на профессора, какъ на профессора, а не какъ на актёра, который обязанъ угождать вкусу публики? Опять грустный опытъ отвѣчаетъ: нѣтъ; студенты всего болѣе далеки видѣть въ комъ-либо себѣ руководителя, будетъ ли то въ профессорѣ, въ ректорѣ, въ попечителѣ, или въ министрѣ.

Наконецъ, свѣтится ли хоть откуда нибудь надежда, что обуявшая блажь пройдетъ, что хоть что нибудь похожее на учебный порядокъ водворится въ университетѣ, что въ молодыхъ людяхъ проснется жажда *чистой* любознательности, что ученикъ сознаетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то-есть ученикомъ, несовершеннолѣтнимъ, нуждающимся въ опекѣ и умственно-нравственномъ руководительствѣ? Не знаю какъ другіе, но я рѣшительно не вижу, на чемъ бы опереть такую надежду. Напротивъ, слишкомъ многое, къ сожалѣнію, увѣряетъ, что не только сами студенты другъ друга, но и все постороннее, что̀ могло бы и должно бы имѣть надъ ними власть, все, какъ будто сговорясь, поощряетъ ихъ къ дальнѣйшему поведенію въ томъ же духѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ теперь происходитъ? Издаютъ правила для студентовъ, молодые люди вступаютъ въ университетъ, зная эти правила (а въ Москвѣ обязавшись даже подпискою исполнять ихъ). Вдругъ они начинаютъ бушевать; университетъ закрывается. Вы ждете, что закроется на цѣлый годъ, какъ требуютъ того правила, отъ самого же правительства поставленныя. Правда, объявлено было, что университетъ откроется не тогда, когда хотятъ студенты, не 2-го Октября, а послѣ. Когда же? Да 6-го того же Октября!!!

Въ Москвѣ студентъ-агитаторъ говоритъ и дѣйствуетъ; на сходкахъ раздаются рѣчи, которыхъ мысль одна есть преступленіе; вооруженная палками молодежь взламываетъ рѣшетку, врывается куда не слѣдуетъ, производитъ безчинство. Что̀ же, зачинщики взяты? Назначена слѣдственная коммиссія? Вы ждете этого съ тѣмъ бо̀льшимъ, повидимому, основаніемъ, что самые благоразумнѣйшіе изъ студентовъ, человѣкъ сто, а можетъ быть и триста, письменно протестовали противъ безпорядковъ. Нѣтъ, ничего этого нѣтъ; а есть то, что губернаторъ, слышно, ободряетъ студентовъ, поправляетъ имъ адресъ...

Вы чувствуете, гдѣ сила и гдѣ безсиліе.

Нѣтъ, въ этомъ положеніи, честному человѣку съ честными убѣжденіями безчестно принимать каѳедру. Положеніе вещей требуетъ, чтобы профессоръ былъ агитаторомъ, и тогда онъ будетъ имѣть вліяніе на

студентовъ; но это гадко. Или онъ долженъ быть кимваломъ бряцающимъ, подобно всѣмъ другимъ, и брать жалованье единственно за упражненіе своихъ легкихъ; но это глупо и также гадко. Если же бы человѣкъ съ честными убѣжденіями не захотѣлъ оставаться кимваломъ бряцающимъ, а сказалъ энергическое слово; захотѣлъ бы провести свое убѣжденіе: исходъ понятенъ—онъ, все равно, чрезъ нѣсколько дней, долженъ будетъ выйти; его предадутъ, также какъ предадутъ, навѣрное, этихъ благородныхъ молодыхъ людей, которые заявили, что они не хотятъ участвовать въ безпорядкахъ и которые выразили этимъ чистую любовь свою къ наукѣ и довѣріе къ власти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно будетъ оставаться въ университетѣ этимъ молодымъ людямъ? Развѣ будетъ имъ житье отъ товарищей, когда и теперь не иначе ихъ зовутъ, какъ *рабами*?

Нѣтъ, наше народное просвѣщеніе прогнило все до костей, и никакая сила не сможетъ поновить его, и всѣ эти полупередѣлки, замазыванья, полууступки ведутъ только къ худшему.

Исходъ одинъ былъ бы возможенъ: *дѣйствительно* закрыть университеты и возстановить совсѣмъ въ новомъ видѣ, совсѣмъ на новыхъ началахъ, можетъ быть даже въ другихъ мѣстахъ и подъ другими названіями. Но для этого нужно, чтобы уже былъ готовъ такой проектъ новаго образованія, чтобы онъ былъ придуманъ послѣдовательно, чтобы онъ вполнѣ соображенъ былъ съ истинными потребностями народа, съ задачами государства... Но не правда ли, что когда даже говоришь это, такъ становится смѣшно? При настоящемъ положеніи дѣлъ, при современныхъ людяхъ, ждать всесторонняго проекта системы образованія на новыхъ началахъ, логически придуманнаго и соображеннаго съ потребностями народа и съ дѣйствительными задачами государства!...

Знаете ли, въ послѣднія двѣ недѣли я былъ просто боленъ. Мнѣ мучительна была мысль, что я служу, и послѣ всего сказаннаго, вы понимаете почему. Просто мнѣ хотѣлось бѣжать, бѣжать куда нибудь, зарыться, чтобы не слышать болѣе объ этихъ происшествіяхъ, достойныхъ слезъ, чтобы не чувствовать себя частью такого цѣлаго... Но что̀ распространяться! Былъ разъ только въ жизни, когда приходилось испытывать подобное же, всецѣлое, нервное раздраженіе: это во время Севастопольской осады, послѣ сраженія подъ Инкерманомъ, Черною рѣчкою и т. п. Грустно, грустно...

6-го Оятябрк 1861 г.

III.

Къ князю Ш.

Москва, 2 Февраля 1886 г.

...... Пріѣхавши изъ Троицы съ послѣднихъ проводовъ Аксакова, я нашелъ вашу посылку и въ ней письмо; пробѣжалъ его и сейчасъ же отвѣчаю на то, что̀ прямо ко мнѣ относится. «Поднимите упавшее знамя» — вотъ что́ вы пишете. Въ близкомъ къ тому же смыслѣ читаю я еще въ письмѣ изъ Кіева; слышалъ въ родѣ того же отъ одного пріятеля въ Москвѣ.

Въ этихъ благожеланіяхъ, ко мнѣ обращенныхъ, я нахожу недоразумѣніе. Что̀ значитъ поднять знамя? Развѣ я несъ какое-нибудь другое? Или я долженъ измѣнить своему направленію, или оно было какое другое?

Русь не должна погибнуть, говорите вы. *Русь* считаетъ себѣ пять лѣтъ, а съ 1868 по 1881 годъ Аксаковъ не издавалъ ничего. Съ прекращеніемъ *Москвы* знамя исчезло, валялось подъ лавкой? Нѣтъ, потому что Аксаковъ былъ живъ, и вы совершенно вѣрно замѣтили, что съ потерею Аксакова Москва потеряла часть значенія, то есть именно какъ Аксакова, а не какъ редактора *Руси*; то-есть онъ оставался тою-же Сухаревой башнею, тѣмъ же Иваномъ Великимъ (употребляю ваше сравненіе), какъ и безъ газеты.

Итакъ Аксаковъ невозвратимъ. И вникните: что̀ ему давало значеніе? Статьи ли его? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ; статьямъ его придавалось значеніе потому, что онѣ исходятъ отъ Аксакова. Россія и Европа признали его представителемъ и вождемъ извѣстнаго направленія (а Европа даже партіи). Признавъ бытіе такого направленія, такой партіи, предположили въ ней извѣстную силу и стали къ ней прислушиваться, отчасти даже бояться. Въ своей поминальной, первой о почившемъ статьѣ я сказалъ, что слово его «звучало для иныхъ укоромъ совѣсти, для другихъ было нравственною уздою». Другими словами, въ немъ олицетворили славянофильство (онъ и былъ его прямымъ выразителемъ и продолжателемъ), за которымъ признали честность, а нѣкоторые и правду (т.-е. за направленіемъ). Вотъ и значеніе Аксакова.

Итакъ, сила Аксакова не въ немъ была, а въ тѣхъ, кто его признавалъ. Вы понимаете, что я не отрицаю его дарованій и его общественныхъ подвиговъ; но если позволите уже продолжить ваше сравненіе, то въ Москвѣ сверхъ Ивана Великаго и Сухаревой Башни есть еще терема, и вы ихъ не назвали. Обращусь къ другимъ образамъ въ томъ же сравненіи. Когда я въ прошломъ году уговаривалъ покойнаго издавать Русскій *Times* вдвоемъ со мною; когда я уговаривалъ капиталистовъ, что органъ будетъ имѣть чрезвычайное значеніе,

если во главѣ его будетъ стоять имя Аксакова, я прибавилъ: Аксаковъ есть имя Европейское; пріѣзжій иностранецъ смотритъ въ Москвѣ царь-пушку и царь-колоколъ и ищетъ случая видѣть Каткова и Аксакова. Но въ томъ же Кремлѣ есть пушка-единорогъ; объ ней не говорятъ и ея не упоминаютъ. Я объ себѣ не великаго мнѣнія, но однако и не маленькаго. Но я не признанъ; вотъ что́, родной! Я въ положеніи какого-то Донъ-Карлоса. Аксаковъ меня цѣнилъ, ставилъ меня очень высоко; во многихъ случаяхъ я былъ для него авторитетомъ. Мало того: покойный Ю. Ѳ. Самаринъ склонялся предо мной (по моему мнѣнію даже сверхъ заслуженнаго); для Хомякова я былъ даже *единственнымъ* человѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе. И однако NN. смотритъ не то косо, не то сухо. Когда Аксаковъ началъ издавать *Москву* и предложилъ мнѣ писать руководящія статьи съ неограниченною властью (я и писалъ ихъ) онъ.... и не заикнулся ни разу мнѣ предложеніемъ соредакторства. Немногіе знали даже, что нѣкоторыя изъ самыхъ серьезнѣйшихъ передовыхъ принадлежатъ мнѣ. Итакъ единорогъ оставленъ былъ въ тѣни. Не помню, чуть ли даже я не жаловался вамъ, что духъ мой падаетъ иногда при сознаніи, что у меня нѣтъ учениковъ, что меня игнорируютъ и что потому я безполезенъ. Кончина Аксакова и восклицаніе, которое слышу «поднимите знамя» воскрешаютъ эту мысль снова. Я игнорированъ, я замолчанъ; нео-славянофилы, народившіеся, когда я былъ уже во цвѣтѣ силъ (въ родѣ Ламанскаго и Миллера) имѣютъ обо мнѣ только внѣшнее понятіе, благоволятъ знать только по наслышкѣ. Покойный Гильфердингъ, въ глазахъ моихъ, Хомякова и К. Аксакова — мальчикъ нѣкогда и ученикъ, умеръ превознесеннымъ и препрославленнымъ; онъ былъ авторитетъ и предсѣдатель Славянскаго Общества. Я не авторитетъ ни для кого; ни разу никто меня не назвалъ кандидатомъ на выдающееся общественное положеніе...

«И вы погибли бы, какъ погибли тысячи другихъ, которыхъ я не знаю; но у васъ есть друзья...» и проч. Вотъ что̀ нѣкогда сказалъ Николай Павловичъ Самарину, привезенному изъ Петропавловской крѣпости къ нему въ кабинетъ. Да, у Самарина были друзья, и онъ былъ двоюродный братъ такихъ-то, племянникъ такихъ-то, и ему не дали сгнить въ крѣпости. И Аксакова положеніе соціальное таково было, что его нельзя было потерять, какъ иголку. Онъ былъ извѣстенъ двору, Анна Ѳедоровна тамъ и жила; товарищи и знакомые на высшихъ степеняхъ государственной службы, словомъ, большія связи, и при томъ даже не въ Россіи только: вотъ что̀ давало ему значеніе вождя и вліяніе до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ отрицательное. Въ

этомъ отношенiи положенiе Аксакова не повторится, и не отъ меня уже, милѣйшiй мой, это зависитъ.

Прибавлю къ этому: Аксаковъ *долженъ былъ умереть, не могъ не умереть.* Я намекнулъ объ этомъ, сказавъ, что къ причинамъ смерти его должно отнесть страданiе, причиненное восточной политикой (моя первая о немъ статья). Это несомнѣнно. Помимо негодованiя, въ немъ еще не могло не произойти разочарованiя. Онъ не признавался въ этомъ, онъ отбивался, но въ глубинѣ души не могъ же не чувствовать, что идеалъ Славянскаго братства, начертанный его учителями (Хомяковымъ и К. Аксаковымъ) разлетается; на распростертыя объятiя «братья» отвѣчаютъ пренебреженiемъ, завистью, коварствомъ, зложелательствомъ. Пусть виноватъ Берлинскiй трактатъ; пусть вѣрно (до извѣстной степени однако только), что нельзя отождествлять народовъ съ правительствами; но... Вотъ этого-то «но» онъ не могъ не чувствовать, и онъ умеръ, какъ умеръ Хомяковъ и К. Аксаковъ наканунѣ освобожденiя крестьянъ, какъ Самаринъ унесенъ смертiю наканунѣ второй Восточной войны. Теперь тоже канунъ, и если не 27 Января, то въ Мартѣ, въ Апрѣлѣ, нынѣшнимъ годомъ во всякомъ случаѣ Аксаковъ пересталъ бы жить. Тотъ постъ, который занималъ онъ въ Славянскомъ вопросѣ, во всякомъ случаѣ бы пустовалъ. Русское великодушiе къ Славянамъ упраздняется самыми обстоятельствами, самою исторiей. Я это предсказывалъ еще въ 1878 году, я настаивалъ; но кому же нужно было меня слушать?

ДВА ПИСЬМА КЪ СВѢТЛѢЙШЕМУ КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

I.

Протоіерея Московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣева ¹).

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь!

Минувшаго Августа 27 числа у насъ въ соборѣ отправлялъ царскую панихиду его преосвященство Платонъ, архіепископъ Московскій. По отправленіи оной, при выходѣ его преосвященства изъ алтаря, подошелъ я наклоняся къ принятію благословенія отъ своего архипастыря; но онъ, держа въ шуйцѣ трость, десницею же ухватя за лѣвой рукавъ моей рясы, и обратя меня лицемъ къ сѣвернымъ алтарнымъ дверямъ, толкнулъ и сказавъ: «вотъ твоя должность, идти предо мною», чему удивлялися не только находящіеся тогда въ алтарѣ знатнѣйшіе духовные, но и стоящіе противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей мірскіе люди. И такъ я, едва оправяся отъ невоображаемаго того посрамленія, пошелъ передъ его преосвященствомъ до кареты вмѣстѣ съ иподіаконами. Однако его преосвященство, тѣмъ будучи недоволенъ, еще на паперти остановился, при вослѣдующемъ народѣ, кричалъ на меня и выговаривалъ такимъ образомъ: «меня-де консистористы вездѣ встрѣчаютъ, а ты для чего не встрѣтилъ меня давича?» На чтó я съ подобающимъ благоговѣніемъ отвѣчалъ: «Не было доселѣ таковаго обычая, чтобъ встрѣчать или провожать неслужащаго архіерея. А ежели угодно вашему преосвященству и то учредить, я буду повиноваться». Тѣмъ кончилось сіе странное приключеніе.

Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, паки прибѣгаю подъ покровительство вашей свѣтлости. Седмь лѣтъ тому минуло, какъ въ крестномъ ходу обругалъ меня братъ его преосвященства ²); однако тотъ на Ивановской площади, а сей во святилищѣ. Сжалься, милостивый государь, на человѣка беззащитнаго и оборони отъ толь сильнаго лица. Я боюся, чтобъ меня впредь не изувѣчилъ побоями.

Впрочемъ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ есмь и пребуду вашей свѣтлости, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Петръ протоіерей Архангельскій.

Москва, 11 Сентября 1785 года.

---

¹) Вверху письма надпись: „Сентября 18 дня 1785 года. Къ духовнымъ“. Это письмо служитъ образчикомъ, какъ протоіерей Алексѣевъ старался повредить знаменитому іерарху по поводу своей вражды къ его родному брату, протоіерею Успенскаго собора.

²) Протоіерей Московскаго Успенскаго собора.

II.

Московскаго митрополита Платона [3]).

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ! Милостивый государь, благодѣтель мой!

Радостная вѣсть о взятіи Очакова сюда достигла еще Декабря 18 дня. Весь царствующій градъ казался подвигнувшимся отъ радости. Притекли мы въ первенствующій храмъ и, преклонивъ колѣна, приносили Верховному Господу Силъ благодаренія искренняго жертву. Потомъ достойно воспрославляли мужественнаго побѣдителя и благоразумно имъ управляемое воинство. Я, по особенной духа моего къ вашей свѣтлости привязанности, почиталъ за долгъ, не медля, принести вашей свѣтлости поздравленіе; но по отдаленности не былъ извѣстенъ въ точности мѣста вашего пребыванія. Вчера, о счастіе для меня восхитительное! удостоился я получить отъ самыя торжествуемыя десницы дражайшее начертаніе съ обстоятельнымъ славныя побѣды извѣщеніемъ. Всеусерднѣйше за сіе благодаря, поздравляю вашу свѣтлость съ сею славною побѣдою. Подлинно, Богъ васъ не оставлялъ никогда. И сей знаменитыя побѣды, столь скоро и съ столь малою тратою полученныя, случай яснымъ тому есть доказательствомъ. Прошедшій годъ толикою имя ваше вознесъ славою; желаю я, молю и молить не престану Всевышняго, да и настоящій годъ главу вашу совершенно увѣнчаетъ. Я тому вѣрую: ибо вѣдаю и благоразуміе, и мужество, и вѣру вашу къ Богу. Ему препоручаю дражайшую жизнь вашу и всѣ ваши дѣла, съ моимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію пребывая.

Вашея свѣтлости, милостиваго государя, благодѣтеля моего, усерднѣйшій богомолецъ и покорнѣйшій слуга

Платонъ митрополитъ Московскій.

Генваря 11 дня. 1789 года: Москва.

(Сообщилъ любитель старины).

Князь Потемкинъ заводилъ и поддерживалъ сношенія съ людьми самыхъ разнообразныхъ положеній, чѣмъ отчасти объясняются успѣхи его государственной дѣятельности. Лѣнь и небрежность были у него нерѣдко лишь показныя; умъ же его работалъ непрестанно. Отлично понимая силу и значеніе духовенства, онъ видался и велъ переписку со многими духовными лицами, и дружба съ Платономъ не мѣшала ему пользоваться обширными свѣдѣніями его противника, ученаго протоіерея Алексѣева, который сообщалъ ему о властолюбивыхъ замашкахъ Московскаго митрополита. Разумѣется, Потемкинъ передавалъ о томъ Екатеринѣ. „Хорошъ, хорошъ Платонъ, говорила Государыня, а иной разъ рѣдькой рыгнетъ“. (Сообщено по преданію М. П. Погодинымъ). П. Б.

---

[3]) Наверху письма помѣта свѣтл. князя Г. А. Потемкина, означающая, какъ и въ предъидущемъ письмѣ, вѣроятно, когда писанъ отвѣтъ: „Февраля 5-го дня 1789 года. Къ духовнымъ“ (т.-е. письмамъ).

О ПИСЬМѢ АДМИРАЛА БУТАКОВА КЪ КНЯЗЮ БАРЯТИНСКОМУ

про наше распространеніе въ Закаспійскомъ краѣ *).

Мнѣніе, высказанное покойнымъ А. И. Бутаковымъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя обыкновенно высказываются при возникновеніи какого-либо важнаго государственнаго или общественнаго вопроса лицами, не изучившими его, но по своей обстановкѣ почитающими себя въ правѣ и возможности судить о немъ.

Казалось бы, въ 16 лѣтъ, которыя А. И. Бутаковъ прожилъ на Сыръ-Дарьѣ, можно было узнать по крайней мѣрѣ ту рѣку, по которой судамъ его надлежало плавать; но онъ и этого не успѣлъ сдѣлать, и всѣ четыре парохода, разновременно имъ заказанные заграницею, оказались совершенно непригодными ни для Сыра, ни для Аму, по которой онъ такъ стремился плавать. По этой великолѣпной (даже въ нижней ея части) рѣкѣ пароходы, въ теченіи долголѣтняго командованія Бутакова Аральскою флотиліей, едва могли двигаться при помощи людей. Они сидѣли въ водѣ $4\frac{1}{2}$ фута, а перекаты имѣли отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 футовъ. Я неоднократно испытывалъ это водное путешествіе. Многочисленное населеніе Сыръ-Дарьинской линіи возмущалось дармоѣднымъ существованіемъ этой флотиліи. Бутаковъ находилъ себѣ опору въ Морскомъ Министерствѣ и, не смотря на представленія генералъ-губернаторовъ, флотилія просуществовала съ 1848 года до моего назначенія. Я ее упразднилъ.

Я былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ, но никогда не стѣснялся высказывать ему мое откровенное мнѣніе о качествѣ судовъ Аральской флотиліи, а равно и о безполезности ея въ Средней Азіи.

Политическія Бутакова возрѣнія были на столь же глубоки, какъ и познанія въ морскомъ дѣлѣ.

Теперь, по прошествіи 24 лѣтъ, я могу сказать, съ надеждой встрѣтить уже немного противорѣчія, что Туркестанъ, равно какъ и Закавказье, въ составѣ нашихъ обширныхъ владѣній (производящихъ въ большинствѣ только рожь и овесъ) составляютъ двѣ крупныя жемчужины, значеніе которыхъ годъ году будетъ увеличиваться и цѣниться.

Въ этотъ промежутокъ времени, не смотря на тормозящія жизнь бюрократическія начала, положенныя нами въ основаніе управленія краемъ, торговля наша съ этими отдаленными мѣстами удесятерилась, а воздѣлываніе хлопка достигло теперь такихъ размѣровъ, что обѣщаетъ черезъ 10—15 лѣтъ полную независимость нашу, въ этомъ отношеніи, отъ иностранныхъ рынковъ. Это составитъ нѣсколько десятковъ милліоновъ экономіи въ народномъ хозяйствѣ. Спросите Московскихъ купцовъ, пожелаютъ ли они разстаться съ Ташкентскимъ, Кокандскимъ и Самаркандскимъ рынками и бросятъ ли они въ меня камнемъ за то, что, имѣя запретъ въ карманѣ, я овладѣлъ большею частью этой окраины.

Письмо Бутакова мнѣ кажется достопамятно, какъ образчикъ препятствій и противорѣчій, которыя приходится преодолѣвать каждому кому выпадаетъ на долю начинать за свой страхъ и рискъ крупное дѣло.

М. Черняевъ.

---

*) См. выше, стр. 135.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1859-й годъ.

1-го Января. Четвергъ. Новый годъ мы встрѣтили пріятно втроемъ съ дочерьми, тостами нашимъ дорогимъ отсутствующимъ, я сыновьямъ и дочери, онѣ братьямъ и сестрѣ. Между тѣмъ шумъ ужасной мятели и вой вѣтра служили намъ вмѣсто музыки. Мятель продолжается цѣлый день и занесла всѣ доступы къ намъ. Не смотря на то, одной сосѣдкѣ за тринадцать верстъ вздумалось прислать человѣка поздравить насъ съ новымъ годомъ! Бѣдной, едва добрался до насъ и останется ночевать. Это напоминаетъ обычай Петербургской не обращать вниманія на морозъ и вьюги, разъѣзжать по визитамъ и въ театры, оставляя кучеровъ по нѣскольку часовъ на морозѣ, безъ всякой возможности обогрѣться. Я не могъ никогда привыкнуть къ этому.

3-го. Итакъ мнѣ суждено Провидѣніемъ, не говорю прожить, еще неизвѣстно, но ступить на порогъ еще новаго года, моего семидесятаго.

4-го Января. Воскресенье. Сосѣди разъѣхались, дороги стали непроѣздимы, почты запаздывать, установилась совершенная глушь. Что же, и съ нею скука? Вовсе нѣтъ. Полная, ничѣмъ невозмутимая, какъ не бываетъ въ городахъ, свобода располагать временемъ, продолженіе прогулокъ почти во всякую погоду по расчищеннымъ отъ снѣга дорожкамъ парка, библіотека освѣжаемая новыми книгами и журналами, кроткія и пріязненныя отношенія ко всему окружающему, благотворно подѣйствовавшія на прислугу и крестьянъ, выгодно и отрадно отразились на насъ самихъ, здоровьемъ физическимъ и нравствен-

нымъ, согласіемъ, расположеніемъ духа ровнымъ и тихимъ. Говорю не о себѣ одномъ, но къ счастью и о дочеряхъ, для которыхъ по ихъ лѣтамъ и полу подобная жизнь менѣе свойственна. Что до меня, то я привожу на дѣлѣ въ исполненіе слово такъ громко раздавшееся въ Европѣ, слово одной изъ главныхъ и лучшихъ дипломатическихъ нашихъ декларацій: „la Russie se recueille". Et moi aussi, je me recueille. Но Россія пробуждается этимъ къ новымъ для нея подвигамъ по слишкомъ забытымъ доселѣ путямъ гражданской жизни; а я, вырвавшись также изъ вихря и смутъ внѣшней жизни, собираюсь дойти сознательно и примирительно до вѣроятно недалекаго конца моей.

7-го. Прочелъ Гамлета. Какой волшебникъ Шекспиръ! Какіе глубокіе взгляды въ сердце человѣка, въ судьбы его! Изящно! Изрѣдка дань своему времени, грубо, цинически, но все покрыто геніальностью. Между тѣмъ замѣтилъ, что и въ его время существовало дѣтское подражаніе нѣкоторымъ важнымъ историческимъ лицамъ, нечетко писавшимъ, нарочно, чтобы портить свой почеркъ. Немногіе могли разбирать почеркъ Наполеона, Дибича еще менѣе; даже случалось, что онъ самъ не могъ его разобрать. Это подражаніе должно было означать быстроту мысли, за которою будто бы не поспѣвало перо, вѣсъ и глубину ея, не допускавшихъ заботу о почеркѣ. А Суворовъ писалъ прекрасно и четко! Въ своемъ родѣ Шекспиръ и его Гамлетъ. Онъ также прикидывался юродивымъ. Пушка выпалила, Суворовъ выступилъ. Придетъ время, и онъ будетъ героемъ драмы, когда Россія сознательно, правдиво и смѣло оглянется на свое прошедшее, на своихъ истинно-великихъ людей, а не выставленныхъ одною властію на ея удивленіе. Пигмеи, на свои мѣста!

10-го Января. Вчера письмо отъ Михаила 1 Дек. съ переправы чрезъ Сулакъ въ Мятлахъ. Какъ промелькнуло время! Александръ родился въ 1838-мъ г., когда я прибылъ на Кавказъ. Въ 1839-мъ моя экспедиція въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мой двадцати-лѣтній юноша успѣлъ уже отличиться. Я самъ, не смотря на мои лѣта, могъ бы еще дѣйствовать на сценѣ, даже военной.

Вечеромъ прочелъ Шекспирова Тита Андроника. Что за дичь, что за ужасы! Это бойня! Какъ еще уцѣлѣлъ суфлёръ! На какой сценѣ можно было представить такую пьесу? Въ ней истощено все, что человѣчество вмѣщаетъ въ себѣ во всѣ времена

пороковъ, злодѣйствъ, въ самомъ безобразномъ ихъ видѣ. Это cauchemar. Это не Шекспиръ, а какой нибудь подражатель.

12-го. Mémoires du prince Eugène. Это новыя страницы къ полному изображенію Наполеона.

До начала войны ни одно государство не можетъ быть совершенно къ ней готово. Содержать государство всегда на полной военной ногѣ раззорило бы его еще до войны, для веденія которой не достало бы потомъ средствъ. Это ясно выразилось въ минувшей войнѣ 1854-го г. и много оправдываетъ начальствовавшихъ на Югѣ, особливо въ Севастополѣ. Но странно и поучительно, что въ общихъ мѣрахъ покойнаго Государя, обращенныхъ наиболѣе на военную часть, были упущены двѣ такой важности, каковы введеніе принятыхъ уже во всѣхъ западныхъ арміяхъ усовершенствованій въ артилеріи и въ ружьѣ; въ особенности огромной недостатокъ пороха, что̀ я узналъ изъ устъ самого Государя и что̀ впрочемъ вездѣ и оказалось. Этому пособить было трудно.

13-го Января. Сегодня узналъ я изъ газетъ о смерти князя Василья Васильевича Долгорукова въ Петербургѣ 21-го Дек. Постоянная въ продолженіи многихъ лѣтъ тѣсная и искренняя пріязнь, связывавшая меня съ этимъ добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, дѣлаетъ для меня эту утрату чувствительною. Его дружба была для меня часто утѣшеніемъ въ Петербургѣ, и воспоминаніе объ немъ здѣсь, въ деревнѣ, однимъ изъ самыхъ чистыхъ и пріятныхъ между всѣми, кого я оставилъ въ свѣтѣ.

16-го. Я былъ рано занятъ въ кабинетѣ. Внезапно комната ярко освѣтилась; взглянувъ въ окно, я увидѣлъ вершины деревъ, охваченныя пожарнымъ коралловымъ огнемъ. Пожаръ безъ дыма. Картина великолѣпная! Мало по малу тоны смягчались, переходили въ желтые, палевые, наконецъ солнце взошло выше и покрыло все обыкновеннымъ своимъ свѣтомъ.

17-го. Біографія Радищева въ Русскомъ Вѣстникѣ, не смотря на свою неполноту, возбуждаетъ драматической интересъ. Вмѣстѣ съ изданной недавно Новикова, она описываетъ въ настоящемъ видѣ періодъ тогдашней Русской жизни, такъ часто выставляемой золотымъ вѣкомъ тѣми, для кого онъ былъ выгоденъ, во вредъ прочимъ. Любопытно видѣть также, какія стремленія тогда уже отличали передовыхъ людей въ образованіи общества. Ихъ

было слишкомъ мало; они должны были погибнуть. Когда придетъ пора вызова на судъ Исторіи для тѣхъ, которые дѣйствовали въ послѣдніе годы царствованія Александра и также погибли въ смутахъ вступленія на престолъ его преемника, то характеръ и судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ должны возбудить глубокое участіе въ потомствѣ. И тамъ была толпа съ преступными замыслами, вѣчная примѣсь всего человѣческаго! Все вмѣстѣ стоитъ описанія. Въ числѣ первыхъ были мученики за чистыя и благородныя стремленія, истинные передовые люди, такъ великодушно и смѣло возбужденные самимъ правительствомъ. Кто не пожелалъ-бы ему успѣха? Но вспомните и тѣхъ!

Souvenez-vous que ce qui distingue surtout un homme, c'est de savoir se gouverner, et que celui qui ne peut être constant dans ses résolutions, qui ne peut suivre avec persévérance, soit les études qu'il se propose de faire, soit un plan d'action, n'aura jamais dans ce monde qu'une position inférieure et, ce qui est encore pis, qu'il perdra dans sa propre estime.

Channing répétait sans cesse que le bonheur et la dignité d'un peuple dépendent de la valeur morale des individus qui le composent.

Я обязанъ Чаннингу, этому чистому, ангельскаго характера человѣку и писателю, пріятными и высокими ощущеніями протекшаго дня.

23-го. Письмо отъ сына Михаила, по возвращеніи изъ экспедиціи въ Акташъ-Аухъ и передъ выступленіемъ къ новой въ содѣйствіе къ главному отряду генерала Евдокимова, письмо очень пріятное для меня по благородству чувствъ, чистотѣ намѣреній и успѣхамъ въ изложеніи; почеркъ отличный.

На Западѣ начало суматохи. Австрія даже съ поспѣшностію собираетъ армію въ Ломбардіи, гдѣ сильное волненіе умовъ угрожаетъ общимъ возстаніемъ, въ надеждѣ на Піемонтъ, гдѣ также все готовится къ войнѣ. Италія надѣется на Францію, и по моему мнѣнію, не напрасно, не смотря на успокоительныя увѣренія Наполеона. Послѣднія, совершенно въ духѣ и въ подражаніе его дядѣ, который передъ всякой войной до конца старался увѣрить, что онъ ничего не затѣваетъ. Такъ и должно, пока возможно. Я всегда увѣренъ былъ и въ свое время написалъ, что Австріи отзовется слишкомъ наглая безнравственность ея политики. Мой пріятель генералъ Гессъ, кажется, на-

значенъ будетъ главнокомандующимъ. Это театръ его подвиговъ съ Радецкимъ. Война, если будетъ она, будетъ упорная. Полагаю, что Россія останется неутральна, но въ готовности и угрозительна для Австріи.

30-го. Великолѣпный день съ утра! При пяти гр. морозу блестящее солнце на голубомъ небѣ; снѣжная скатерть мелькающая милліонами бриліантовъ, хрустящій подъ ногами снѣгъ; воздухъ живительной, съ какимъ-то запахомъ будто отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга; нѣжная, золотистая желтизна соломы послѣ прошлогодней жатвы, на бѣломъ полѣ, не разъ останавливала меня въ прогулкѣ любоваться этимъ неподражаемымъ ковромъ натуры. О такихъ зимнихъ дняхъ можно вспомнить и лѣтомъ.

Война въ нынѣшнемъ году, не смотря на всѣ усилія дипломаціи, возможна; думаю, что Россія въ ней участія не приметъ, но хорошо что армію приводятъ въ готовность. Нельзя отвѣчать, какой оборотъ примутъ дѣла. Съ ружьемъ у ноги на границахъ Австріи въ отвѣтъ на ея неутралитетъ въ минувшую войну, продолжать заниматься внутреннимъ устройствомъ. Часть безсрочныхъ уже потребована для пополненія рядовъ арміи.

L'histoire est la manifestation du gouvernement temporel de la Providence. Nous sommes tous attachés au trône de l'Éternel par une chaîne souple, qui nous retient sans nous asservir. Ce qu'il y a de plus admirable dans l'ordre universel des choses, c'est l'action des êtres libres sous l'action divine. Librement esclaves, ils opérent tout à la fois volontairement et nécessairement; ils font réellement ce qu'ils veulent, mais sans pouvoir déranger les plans généraux.

Прекрасная критика Louis Binaut на сочиненіе Іосифа Де-Местра, возбуждающая мысли о предметахъ собственнаго моего размышленія, во многомъ дошедшаго до тѣхъ же выводовъ.

Въ заключеніи статьи о главномъ эпизодѣ еще неоконченной войны Англіи въ Индіи, двухъ-мѣсячной драматической осады Дели, любопытны мысли, двадцать семь лѣтъ передъ тѣмъ выраженныя въ письмахъ Виктора Жакмонъ (Jacquemont): La force materielle des Anglais, dit-il quelque part, n'a d'autre base qu'une force morale aujourd'hui très puissante, mais qu'un caprice peut ébranler. Alors tout croûle à la fois! Quel événement produira ce choc? *Le réveil de l'esprit religieux sans doute.* Le principe de notre puissance

est dans le respect que notre caractère inspire à ces peuples. *Un Européen qui a des moeurs basses devrait être immédiatement empoigné et embarqué pour l'Europe.* Все это относится прямо и до нашей роли на Кавказѣ и въ Азіи вообще.

4-го Февраля. Разстроенъ; другой день оканчиваю безвыходно дома. Читалъ мало, но съ интересомъ Lettres inédites de Joseph de Maistre. Это нѣсколько писемъ къ адмиралу Чичагову и къ его женѣ, во время пребыванія ихъ въ Парижѣ въ 1810-мъ году, съ короткой диссертаціей о значеніи *la Patrie,* очень занимательны. Они еще болѣе обрисовываютъ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей.

Oh, prenez garde aux dettes, Lionello mio, et n'appelez pas basse cette économie qui est la sauvegarde de l'homme contre la dégradation et la bassesse. La jeunesse est en danger tant qu'elle n'a pas appris à voir dans les dettes de véritables furies avec lesquelles on ne transige pas.

20-го. Какими словами возблагодарю Промыселъ Создателя, недопустившій меня, подобно многимъ изъ друзей моей юности, упасть и погибнуть въ пропастахъ, на краю которыхъ я такъ смѣло ходилъ въ роковые дни моего отечества; выведшій меня изъ стольких битвъ почти невредима, и приведшій въ преклонной, но еще бодрой и здоровой старости, въ тихой и прекрасной пріютъ, украшенный семью взрослыми дѣтьми, изъ коихъ двѣ дочери при мнѣ, трое сыновей въ полной дѣятельности военной жизни, четвертый младшій въ семействѣ не отстанетъ отъ нихъ, а вторая дочь обѣщаетъ подарить потомствомъ, и всѣ недавно еще, хотя не вмѣстѣ, оживляли домъ своимъ посѣщеніемъ! Преклоняюсь и благодарю Творца!

24. Вторникъ. Кто не изъ тѣхъ, о комъ другіе пишутъ, напрасно будетъ писать самъ о себѣ.

A une soirée chez le p. N. D. un autre p. D., connu par sa méchante langue et par beaucoup d'esprit, s'approcha de moi et me dit à l'oreille, en regardant ma poitrine „Permettez moi, général, de vous communiquer une observation, très rare à faire: Que de décorations, et toutes méritées!“—Cela serait leur défaut, lui répondis-je: on aime mieux les accorder par grâce que de se les voir arrachées par les services. Et les premières imposent plus à la foule, qui se presse à la cour, parce qu'elles désignent les favoris du jour.

Мнѣ почему-то пришло на память, что самыя героическія позы, замѣченныя мною въ портретахъ, принадлежатъ г. Адлербергу, сенатору А. М. Безобразову, фельдмаршалу Паскевичу, ген. Анрепу, Сумарокову. Суворова портретъ я помню въ рубашкѣ, съ нагайкой, на казачьей лошадкѣ. Передо мной виситъ его портретъ въ полномъ мундирѣ. Онъ скромно смотритъ въ даль на надежное для него потомство. Кутузовъ, Барклай-де-Толли также не драпируются. Они также справедливо увѣрены. Передо мной тоже портретъ Наполеона, скрестившаго руки на широкой груди. По его выраженію онъ какъ будто стоитъ на кладбищѣ, гдѣ похоронены арміи, жертвы его бѣшенаго честолюбія, или въ утро послѣ ночнаго убійства послѣдняго Конде.

26-го. Вчера пріятная прогулка пѣшкомъ; въ густой липовой рощѣ присѣлъ на просохшую скамейку. Роща гудѣла подъ сильными порывами вѣтра, въ низу нечувствуемаго, облака какъ дымъ быстро и низко неслись надъ вершинами деревьевъ, а въ прорѣзы ихъ виднѣлось темноголубое небо и легкія золотистыя тучки высоко и спокойно шли медленно въ безмятежномъ пространствѣ. Такъ, умиренной и очищенной опытомъ жизни и вѣрою отшельникъ спокойно смотритъ на людской муравейникъ, возмущенной бурными порывами страстей разнообразныхъ и неутолимыхъ.

28. Суббота. Если Провидѣніе отказало мнѣ въ наслажденіяхъ дѣтства, съ четырехъ до юношескихъ лѣтъ проведеннаго въ безотрадныхъ стѣнахъ Сухопутнаго Корпуса, то изъ глубины души благодарю Его за всѣ отрады, которыми оно услаждаетъ мою старость. Какая тишина вокругъ меня! Какъ прекрасна природа въ моемъ убѣжищѣ! Какъ безмятежны мои дни, свободные отъ наружныхъ вліяній! Какія добрыя дѣти, и отсутствующія, и со мною живущія! Какая добрая и тихая прислуга, какъ младшая семья около насъ! Какая счастливая перемѣна въ нравственномъ поведеніи крестьянъ въ короткое время! Не только наказаній, но выговора, возвышеннаго голоса не нужно; а все идетъ, улучшается въ кроткомъ, нетребовательномъ хозяйствѣ. Какой удобный домъ, готовой вмѣстить все семейство, когда бы случилось ему собраться около своего старика, особливо когда нѣкоторыя поправки будутъ окончены весной, къ чему теперь же дѣлаются распоряженія! Какъ все это вмѣстѣ отражается благотворно на мнѣ самомъ, здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ! Спасительна

была рѣшимость оставить сцену двора и свѣта, отказаться отъ служебной дѣятельности уже неудовлетворительной, послѣ долгой и неробкой борьбы съ виновникомъ ига, почти тридцать лѣтъ тяготѣвшаго надъ терпѣливою Россіею, и съ его жалкими избранниками, чтобы удалиться въ мой скромной, но прекрасной пріютъ, подъ небо Малороссіи! Сохрани мнѣ, Создатель, все это какъ есть, на короткой уже по Твоимъ законамъ срокъ, и ни о чемъ не останется молить, а только благодарить святой Промыселъ Твой за всѣ драгоцѣнные дары, украсившіе мою старость.

1-го Марта. Въ послѣдней повѣсти въ Современникѣ И. Тургенева, не лучшей изъ нихъ, попалось мнѣ выраженіе очень мѣткое, о родѣ ощущеній почти всѣхъ даровитыхъ людей въ прошлое тридцатилѣтіе отъ 1825-года: *Мы жили, чтобы уцѣлѣть.* И сколько ихъ не уцѣлѣло! Одни и многіе погибли совсѣмъ, другіе скрыли, какъ преступленіе, лучшіе дары свои и помыслы!

Il est pour un état un malheur plus grand que de persévérer dans un mauvais système: c'est de n'en avoir aucun.

Не было уже возможности сегодня ни выдти, ни выѣхать: вездѣ вода или грязь. Ставъ почернѣлъ и надулся, мутная вода шумно реветъ изъ подъ моста. Небо сѣрое, по временамъ дождь, 4° тепла, сыро и гадко. Это переходъ и борьба зимы съ весною. Дай Богъ, чтобы нашъ гражданской переходъ отъ ненавистнаго стараго къ неясному новому былъ не такъ мраченъ, шуменъ и грязенъ.

2-го Марта. Avant 1789, сочиненіе Фельида (Feuillide). Въ немъ въ рѣзкихъ чертахъ раскрыты всѣ язвы грызущія соціальной бытъ Франціи, до революціи и послѣ нея до настоящаго времени, безъ указанія на пути и средства исцѣленія. Страшная книга!

3-го. Il ne me reste enfin que les souvenirs de mes *souvenirs*, ce que Shakespeare appelerait l'ombre d' une ombre.

C'était, a dit quelqu' un *) de l'e. N, une façade de grand homme.

8-го Марта. Villemain disait qu'on devenait impartial à force d'étude; il ajoutait: c'est le prix que tient en réserve la science pour ceux qui l'ont sincèrement cherché: elle élève autant qu'elle éclaire.

---

*) Ѳ. И. Тютчевъ. *П. Б.*

Nous avons aujourd'hui des hommes d'état qui ont la bonhommie de dire qu'ils ne savent où ils vont, qu'un mouvement irrésistible les emporte, qu'il leur faut marcher et toujours marcher. Ce n'est pas ainsi qu'on sauve les peuples.

Un des caractères de l'époque actuelle, c'est de croire peu au désintéressement. Tant de gens en politique, depuis le haut jusqu'au bas de l'échelle, ont fait fortune en parlant de leur dévouement, que maintenant le monde est toujours disposé à mettre en doute la sincérité d'une immolation! Les esprits sont presque déroutés quand on veut leur montrer le spectacle d'une vie étrangère à l'intérêt grossier; cela leur paraît quelque chose de miraculeux, de fantastique, vague réminiscence d'un temps évanoni.

10-го Вторникъ. Нуженъ ли 12-ти лѣтній срокъ для предположеннаго окончательнаго измѣненія быта помѣщиковъ и крестьянъ? Въ черезполосныхъ губерніяхъ надѣлъ землею крестьянъ невозможенъ до общаго размежеванія. Ограниченное число землемѣровъ препятствуетъ скорому произведенію этой мѣры. Чтобы новыя многосложныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, въ новомъ порядкѣ вещей, получили свою силу и значеніе, нужно судоустройство и судопроизводство иное, чѣмъ доселѣ существующее. Они всякому извѣстны; о томъ нечего и говорить. Правительство безъ сомнѣнія помышляетъ создать и то и другое на новыхъ началахъ, что̀ требуетъ времени и много времени. Тутъ не однѣ формы, тутъ нужны люди просвѣщенные наукою, которыхъ предстоитъ еще приготовить. Когда размышляешь объ указанныхъ потребностяхъ съ чистѣйшимъ желаніемъ успѣха предположенной реформѣ, скорѣе возникаетъ вопросъ, довольно ли 12-ти лѣтняго срока для созданія этой новой необходимой среды, безъ чего все будетъ обманъ, безпорядокъ и разочарованіе.

Но между тѣмъ броженіе въ умахъ во всѣхъ сословіяхъ произведено. Не всѣ стремятся къ искреннему достиженію благородной цѣли. Слышны крики корыстолюбиваго властолюбія съ одной стороны, злорадостныя надежды неустройства и безначалія, еще опаснѣйшія, съ другой; всего болѣе тайная пропаганда доселѣ лишенныхъ правъ и утѣсняемыхъ милліоновъ людей съ особыми вѣропонятіями. Это состояіе требуетъ болѣе чѣмъ когда нибудь неусыпной бдительности, правосудія, умѣренности и гдѣ непремѣнно нужно, то и строгости правительства.

Сегодня было 8° тепла въ тѣни. Солнце быстро сгоняетъ оставшійся снѣгъ. Зеленой кругъ передъ домомъ очистился совершенно. Большая прогулка пѣшкомъ въ первой разъ безъ шинели. Посадки въ парникахъ. Осмотръ лошадей въ заводѣ. Вечеромъ Stabat Mater Россини въ четыре руки. Небольшое утомленіе послѣ долгой ходьбы и дѣйствія весенняго воздуха, такъ что чтеніе привычное въ поздній вечеръ не далось. Хорошо для отдыха воспаленнымъ глазамъ.

15-го Марта. Попался седьмой томъ Тіера Consulat et l'Empire. 1806—1807-й годы. Іена, Прейсишъ-Эйлау и Фридландъ, и опять прочелъ его. Много можно было бы написать противъ этого съ Русскаго, безпристрастнаго однако взгляда. Данилевскаго исторія этихъ кампаній оставила еще этотъ трудъ впереди. Тіеръ называетъ всѣ лица по именамъ, всѣ части Французскихъ войскъ по номерамъ полковъ. Русскихъ онъ не называетъ, а это памятники славы, послужные списки полковъ.

16-го. Князь Петръ Горчаковъ публиковалъ въ Инвалидѣ свое письмо къ Герцену, въ которомъ неловко оправдываетъ свои дѣйствія въ Инкерманскомъ дѣлѣ, какъ доводами такъ и самымъ слогомъ; еще болѣе неловко то, что онъ прямо обвиняетъ г-ла Данненберга, что̀ вовсе не нужно было для его оправданія. Неудаченъ также его переводъ слова *демонстрація притворствомъ*, слово два раза употребленное и вовсе неупотребительное.

Il était moralement certain que l'excès du respect conduirait un jour à l'excès du dénigrement, et cette réaction, éclatant tout-à-coup sous le meilleur et le plus faible des rois, fut à elle seule la révolution tout entière.

La régénération d'un grand peuple par l'initiative éclairée du pouvoir n'était pas possible dans de telles conditions: car, pour la conduire à bonne fin, il aurait à peine suffi de l'accord de l'héroïsme avec le génie, et de la plus sagace prévoyance unie à la résolution la plus inflexible.

29-го Марта Воскресенье. Въ 11-мъ часу утра пріѣхалъ сосѣдъ Е. И. Мазараки, когда я только что хотѣлъ прогуляться, а въ три часа С. А. Риттеръ изъ Березовки. Опять непріятность по страсти здѣсь къ тяжбамъ, безъ малѣйшаго къ тому повода. Съ первымъ послѣ завтрака осмотръ коннаго завода; нѣсколько толковыхъ замѣчаній его по предмету ему близко и

хорошо знакомому. Усталость послѣ отъѣзда ихъ, отъ долгаго сидѣнія и безпрерывнаго разговора, противъ моихъ привычекъ.

31-го Вторникъ. Voici des vers, trouvés dans un monastère de Laval, au-dessous d'une tête de mort peinte pas un des Trappistes:

Squelette, qu'as-tu fait de l'âme?
Lampe, qu'as-tu fait de la flamme?
Cage déserte, qu'as tu fait
De ton bel oiseau, qui chantait?
Volcan, qu'as-tu fait de la lave?
Qu'as-tu fait de ton maître, esclave?

1-го Апрѣля. Теплой лѣтній день съ утра до ночи. Закатъ солнца великолѣпной. Все будто ожило. Стаи журавлей съ гармоническимъ крикомъ пролетали, кружась въ вышинѣ. Появились разноцвѣтныя бабочки, прожужжалъ первой шмель. Провелъ почти весь день подъ небомъ. Орютъ, сѣютъ, рубятъ, пилятъ, копаютъ рвы, чистятъ ихъ; все движется.

7-го Апрѣля. Вторникъ. Еще письмо отъ Александра изъ Зандака въ Ауховской землѣ, отъ 7-го Марта. Они идутъ въ Ичкерію. Эта экспедиція опаснѣе Евдокимовской, гдѣ собраны большія средства. У Врангеля только 8-мь баталіоновъ. Тревожусь за Александра, которой вездѣ хочетъ быть первымъ. Онъ уже успѣлъ быть въ положеніи, изъ котораго съ трудомъ былъ вырученъ, и долженъ былъ употребить револьверъ. Въ отрядъ Евдокимова также поспѣлъ, видѣлся съ Михаиломъ, и оба, при осмотрѣ сблизи укрѣпленнаго Веденя, лопнувшею въ пяти шагахъ гранатою брошенною оттуда, засыпаны были снѣгомъ и грязью. Оттуда Евдокимовъ отправилъ его съ важнымъ порученіемъ къ Врангелю, именно съ просьбою выступить въ Ичкерію и Андію, чтобы оттянуть отъ него Ичкеринцевъ и Андійцевъ; Александръ съ такою быстротою проскакалъ 125 верстъ до Врангеля на козачьихъ лошадяхъ, что двѣ подъ нимъ пали. Молодецъ, но за него страшно. И Михаилъ такой же! Съ нетерпѣніемъ и не безъ тревоги ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій.

12-го Воскресенье. Terrible nécessité d'une époque qui dure encore, où, sous la double pression de l'ignorance et de la liberté, conservateurs et démolisseurs, progressistes et réactionnaires, tous doivent fatalement contribuer à détruire ce qui est, afin de rendre pos-

sible ce qui doit être, et ce qui ne pourra être que lorsque ce qui est ne sera plus!

28-го. Вчера въ прогулкѣ съ Ольгой по тополевой аллеѣ, она по близорукости едва не наступила на змѣю изъ роду ядовитыхъ; я только что успѣлъ оттолкнуть дочь и потомъ убить змѣю.

30-го Четвергъ. Непонятные промахи иностранцевъ пишущихъ о Россіи, которыхъ такъ легко можно бы избѣжать, какъ напримѣръ слѣдующіе: A peine le traité de Paris était-il signé, que le g. Mouraviev, qui avait pris Kars, était nommé gouverneur de la Sibérie Orientale и пр.., и вмѣсто убитаго Сванетскимъ княземъ Кутаисскаго начальника князя Гагарина, названъ к. Багратіонъ! Такія ошибки въ современныхъ событіяхъ, помѣщенныхъ въ главныхъ издаваемыхъ въ Европѣ журналахъ, внушаютъ недовѣрчивость къ добросовѣстности другихъ излѣдованій по историческимъ источникамъ.

2-го Мая. Велико должно быть искушеніе въ Петербургѣ выместить Австріи за тогдашнюю предательскую ея политику! И тогда опасность ея положенія была бы доведена до крайности. Думаю, что болѣе возвышенная политика удержитъ отъ того нашъ кабинетъ; но какъ смѣла Австрія положиться на подобное великодушіе, такъ мало ей самой знакомое?

Г.-л. Евдокимовъ за взятіе Ведена сдѣланъ графомъ и получилъ 3-го Георгія.

5-го. Еще одного изъ близкихъ мнѣ по сердцу не стало! Демьянъ Васильевичъ Кочубей въ прошедшемъ Апрѣлѣ умеръ въ С.-Петербургѣ. Еще въ прошломъ году я гостилъ у него съ дочерьми въ Ярославцѣ, помѣстьѣ его въ Черниговской губерніи, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ столичной жизни на время вакацій Государственнаго Совѣта.

6-го Мая. Середа. Ils se trouvaient tout-à-coup en face d'une situation qu'ils avaient passé leur vie à appeler, mais qui leur causait une sorte de joie craintive, parce qu'elle se présentait tout entière et à l'imptoviste.—Il avait toujours aspiré à la vie des camps, qui s'allie mieux qu'on ne croit à des habitudes méditatives.

Les sacrifices sont toujours plus pénibles à faire jour par jour, un à un, que lorsqu'on les accepte en masse dès le principe. Je ne prétends point n'avoir pas ressenti les colères que savent exciter chez

les plus forts d'expérience les injures et les calomnies de leurs ennemis, et surtout le silence, le délaissement, la trahison de leurs amis.

La conclusion de pensieri de Balbo contient cette phrase: „La civilisation allemande ne fut jamais aussi avancée qu'au milieu du 18-me siècle, époque où la ferveur de la réforme était remplacée par l'indifférence religieuse qui est beaucoup moins contraire au progrès.

C'est avec le présent que l'on fait l'avenir.

8-го. Пятница. On prétend que lorsque notre mémoire s'affaiblit, c'est surtout à l'endroit des événements de la veille et que, devenue incapable de retenir le moindre fait nouveau, elle continue à planer à distance; la même chose doit pouvoir se dire de notre coeur, où, passe un certain âge, rien ne vit plus que ce qui survit.

Un roi peut pardonner à son meilleur ami bien des lâchetés et des trahisons, mais il ne lui pardonnera jamais de se mieux porter que lui.

9-го Мая. Александръ успокоиваетъ на счетъ здоровья своего и Михаила. Описываетъ занятіе Ведена согласно съ моимъ заключеніемъ объ этомъ происшествіи, нагло преувеличенномъ и въ Петербургѣ, по обыкновенію, непонятомъ.

14-го. По положенію дѣлъ на Западѣ, газеты сдѣлались очень занимательны. Между Австрійцами и союзною Франко-Сардинскою арміей въ эти дни могла уже быть встрѣча. Первые пропустили воспользоваться выгодами сосредоточенія, когда вторые еще спѣшили разными путями соединиться. По крайней мѣрѣ они начали бы успѣхами, а теперь, если не ошибаюсь, Австрійцамъ предстоитъ рядъ пораженій. Въ Вѣнѣ я познакомился съ Гіулаемъ въ 1849 году. Онъ не произвелъ на меня выгоднаго впечатлѣнія. Какъ можно было назначить его главнокомандующимъ? У нихъ есть Гессъ, сотрудникъ Радецкаго, и другіе. У Французовъ гораздо болѣе генераловъ, которые поддержатъ честь именъ уже извѣстныхъ Европѣ. Да и самый составъ армій въ пользу послѣднихъ.

17-го. Гумбольдтъ умеръ на 90-мъ году. Онъ оставитъ въ исторіи человѣчества высокой идеалъ благородной, неутомимой дѣятельности, на пользу и просвѣщеніе его.

20-го Мая. Слухи безъ всякаго основанія о предстоящемъ будто бы мнѣ важномъ назначеніи. Моя исповѣдь на этотъ счетъ.

Стоитъ ли въ мои лѣта, оставивъ разъ придворную и столичную жизнь, отъ которой такъ наболѣла душа во всемъ, что̀ въ ней можетъ быть лучшаго, воротиться опять къ этимъ скрытымъ страданіямъ? Спѣшу однако прибавить, что̀ жизнь во многомъ теперь легче; но я отжилъ уже публичною жизнію, остается одна семейная приготовительная для будущности моихъ дѣтей, въ скромныхъ размѣрахъ, но достаточныхъ для ихъ независимости отъ нуждъ матеріальныхъ. Проведенный здѣсь годъ былъ полезенъ для нихъ; а для меня прошелъ дѣятельно и пріятно. Я жилъ, много передумалъ, перечувствовалъ, никогда такъ постоянно, такъ близко не жилъ съ природой и столько не наслаждался ею. Рѣдко, и то легкія тучки набѣгали на мое небо. Этотъ годъ и едва ли не одинъ этотъ годъ, могу назвать почти счастливымъ. Благодареніе Провидѣнію!

22-го Мая. Вчера сдѣлано новое знакомство, довольно пріятное: братъ доброй нашей сосѣдки г-жи Ѳедоровичевой, г. Почека. Они обѣдали у насъ. Воспитанникъ Московскаго Университета, онъ испыталъ, со многими изъ бывшихъ его товарищей, подозрительность прошедшаго управленія, допросъ, и оставался подъ надзоромъ полиціи. Тихой, разсудительной человѣкъ.

Любопытно, что въ то время когда у насъ вездѣ въ военномъ дѣлѣ проповѣдуютъ уничтоженіе значенія штыка передъ дальнею пулею, Наполеонъ III-й, въ приказѣ своей арміи, напоминаетъ ей превосходство его передъ нею, почти такъ же какъ и Суворовъ: пуля дура, штыкъ молодецъ.

23-го Мая. Что̀ за прекрасная, ненаглядная весна! Пятой сряду день съ утра пышетъ жаромъ, паритъ. Потомъ набѣгаетъ въ странныхъ, темныхъ тучахъ гроза, съ раздирающими слухъ ударами, съ шумнымъ ливнемъ, такъ что скромной въ долинѣ ручей свирѣпѣетъ и рветъ плотины, которыхъ уже не пробуютъ починять, пока успокоится возмущенная природа; за то какой воздухъ въ промежуткѣ грозъ! Какая пышная зелень разнообразныхъ деревьевъ парка! Сколько разныхъ цвѣтковъ распускаются, одинъ за другимъ почти внезапно, въ этотъ шумный праздникъ весны. При сильныхъ раскатахъ грома умолкаютъ всѣ птицы, кромѣ соловья; изо всѣхъ кустовъ раздается тогда концертъ невидимыхъ пѣвцовъ, какъ бы въ запуски съ грозою.

24-го. Законодательную дѣятельность не слѣдуетъ измѣ-

рять только численно. Въ настоящее время достаточно уже утвердилось убѣжденіе, что счастіе не въ многозаконіи. Чѣмъ больше законовъ, тѣмъ смутнѣе становится юридическое сознаніе, пока наконецъ народъ, которому всѣ законодательства запрещаютъ отговариваться невѣдѣніемъ права, подпадаетъ подъ самую ужасную изъ всѣхъ опекъ: подъ опеку стряпчихъ и дѣльцовъ.

Faites-lui comprendre qu'il ne sait pas que personne ne sait ce qu'il fera demain. (Napoléon à Joseph).

La Quarterly Review reconnaît que les officiers anglais sont rarement remarquables par le talent de la conciliation.

26-го Мая. Индѣйка высидѣла пять павлиновъ.—Хлѣбъ-соль Москвы своему новому военному генералъ-губернатору графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову. Послѣ полицейскаго управленія предмѣстника его, Москва свободно вздохнула и заговорила отъ души. Этотъ доблестный человѣкъ въ трудное время поступаетъ въ свое новое званіе.

29-го Мая. На нашихъ дубахъ и березахъ
Старинныя чары лежатъ,
И часто, въ полуночныхъ грезахъ,
Вдругъ пѣть начинаетъ весь садъ.

3-го Іюня. Въ журналахъ прочелъ о кончинѣ двухъ знакомыхъ лицъ: князя Сергѣя Трубецкаго, котораго дочь замужемъ за Морни (онъ присланъ былъ ко мнѣ на Кавказъ; съ умомъ, образованіемъ, наружностію, связями по родству, онъ прокутилъ почти всю жизнь, какъ наиболѣе случается у насъ съ людьми счастливѣе другихъ одаренными); Кроатскаго бана Іеллашича, съ которымъ симпатически я сошелся въ Вѣнѣ въ 1849 году.

7-го Іюня. Приглашеніе генералъ-адъютантамъ, свиты и флигель-адъютантамъ получившимъ эти званія при покойномъ Государѣ, присутствовать при открытіи памятника ему 25-го этого мѣсяца. Не поѣду.

8-го. Нѣтъ, поѣду. Нѣкоторыя причины и приличія требуютъ этой жертвы. Поѣду послѣ завтра, чтобы пробыть нѣсколько дней въ Москвѣ у Мосоловыхъ; также пріѣхать двумя-тремя днями раньше 25-го, чтобы осмотрѣться, въ Петербургѣ. Но какую ясную и тихую жизнь я опять долженъ промѣнять на суматошную, раззорительную въ Петербургѣ, и еще удастся ли

вырваться оттуда? Внѣ расчеты опять путаются, только что утвержденные и начинавшіе успокоивать на счетъ будущности послѣ меня семейства.

25-го Іюля. Третья недѣля проходитъ какъ я возвратился въ деревню послѣ поѣздки въ Москву и Петербургъ, а все еще не совсѣмъ улеглась душевная зыбь послѣ сильныхъ разнородныхъ и перелетныхъ ощущеній, произведенныхъ въ это короткое, неполной мѣсяцъ продолжавшееся отсутствіе изъ деревни. Едва начинаетъ возстановляться прежній порядокъ моего дня.

Вѣсти изъ Саратова и Воронежа. Безпорядки и даже убійства помѣщиковъ въ Саратовской губерніи. Самоуправство, иногда съ хорошею цѣлію, Воронежскаго губернатора Синельникова. Множество анекдотовъ о его поступкахъ иногда забавныхъ. Онъ что-то въ родѣ паши. Теперь вытребованъ въ Петербургъ.

29-го. Пріѣхалъ сынъ Михаилъ, котораго такъ скоро не ожидали. Онъ похудѣлъ, почти безъ голоса. Надѣюсь, что здѣсь оправится. Сегодня выспавшись, выкупавшись въ теплой ваннѣ, послѣ быстрой и пыльной ѣзды, ему уже лучше. Вечеромъ мы вмѣстѣ сдѣлали прогулку верхомъ. Александръ былъ посаженъ подъ арестъ и по приказу за неосторожную храбрость. Такой арестъ непредосудителенъ.

13-го Августа. Четвергъ. Замѣчательная записка о крестьянскомъ вопросѣ, присланная, какъ говорятъ, кѣмъ-то изъ Парижа на имя Государя. L'Angleterre et la guerre: нынѣшнее положеніе Англіи относительно цѣлаго свѣта, въ особенности Франціи. Любопытно въ этой замѣчательной, на статистическихъ документахъ основанной брошюрѣ, легкой, почти пренебрежительной тонъ въ немногихъ строкахъ о Россіи. Она отдалена на третій планъ послѣ Франціи и Англіи. Давно ли была на первомъ по внѣшнему могуществу? Это отъ нея не уйдетъ, лишь бы управилась по внутреннему устройству, за которое, быть можетъ, не совсѣмъ обдуманно и осторожно взялась. Путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, съ необходимою помощію времени, безъ неосторожныхъ возгласовъ, обѣщаній и возбужденныхъ несбыточныхъ надеждъ въ невѣжественной массѣ, вѣрнѣе было идти къ предположенной благонамѣренной цѣли.

15-го Августа. Дочери, племянница и сынъ уѣхали въ Секиринцы на балъ. Я остался одинъ. Чувство одиночества въ

необыкновенной степени! Какъ сильно должно оно дѣйствовать на безсемейнаго человѣка, оставившаго подобно мнѣ общество и поселившагося въ деревнѣ! Ни занятія хозяйствомъ и въ кабинетѣ, ни посѣщенія сосѣдямъ, ничто далеко не замѣнитъ роднаго лица, любимаго и любящаго, сросшагося съ вами многолѣтними привычками.

22-го Августа. Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,
Свѣтлыхъ умовъ и вполнѣ благородныхъ;
Но они въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнутъ душею въ гостинныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ!
Русская мысль въ одиночку созрѣла
Да и гуляетъ безъ дѣла.

13-го Сентября. Александръ былъ съ охотниками при взятіи штурмомъ Гуниба, послѣдняго убѣжища Шамиля, 25-го Августа, при чемъ Шамиль взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Петербургъ.

Александра главнокомандующій кн. Барятинской лично поздравилъ, не сказавъ съ чѣмъ. Михаилъ только дома, плохо поправляется отъ полученныхъ на Кавказѣ въ зимнюю экспедицію ревматизмовъ и потери голоса.

14-го Сентября. Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ Кавказа ознаменованы важными результатами, благодаря умному употребленію огромныхъ средствъ, по численности войскъ и власти предоставленной нынѣшнему главнокомандующему, какихъ доселѣ никто изъ прежнихъ не имѣлъ. Начальникъ штаба Милютинъ, отрядовъ: Евдокимовъ и Врангель, отличные сотрудники своего начальника. Оружіе свое сдѣлало; теперь предстоитъ труднѣйшее, по мѣстности и полудикому характеру племенъ, устройство управленія ими. Милютинъ и въ этомъ принесетъ большую пользу. Затѣмъ останется покорить правой флангъ, отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги. Полагаю, что одной экспедиціи при совокупномъ, концентрическомъ направленіи отрядовъ будетъ для того достаточно, если начальствующіе будутъ тѣже самые или подобные имъ.

25-го. Въ прошедшіе десять дней послѣ предшествующихъ строкъ Богъ послалъ мнѣ много радостей: 16-го пріѣхалъ съ

Кавказа, прямо изъ Гуниба, по взятіи Шамиля, мой сынъ Александръ, уже извѣстный своимъ мужествомъ и отчаянною рѣшительностью, съ орденомъ Анны, представленный къ другому и къ чину, и всѣми признаваемый достойнымъ Георгія. Ему 20-ть лѣтъ. Прекрасной и неутомимой. 18-го вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ я на своихъ лошадяхъ въ Тепловку, сто верстъ. 19-го часа въ три по полудни, подъѣхавъ къ дому помѣщика кн. Долгорукова, нашелъ хозяина и всю опередившую Государя свиту его и начальниковъ корпуса и дивизій на крыльцѣ, ожидавшихъ его ежеминутно, и съ ними старшаго сына моего Николая въ числѣ ихъ. Какая радость! Домъ былъ полонъ, но генералы и другіе наперерывъ вызывались уступить или раздѣлить со мною свои квартиры. Я принялъ предложеніе к. Багратіона; хозяинъ отвелъ мнѣ возлѣ нихъ отдѣльную комнату; Александръ остался съ ними. Переодѣвшись послѣ отдыха въ полную форму, я присоединился къ прочимъ для встрѣчи Государя. Въ 11-ть ч. ночи онъ подъѣхалъ. Принявъ отъ г.-л. Врангеля рапортъ, увидѣлъ меня и, протянувъ ко мнѣ руку, поздоровался; потомъ вмѣстѣ съ Врангелемъ и Ржевуцкимъ позванъ въ его комнаты. Привѣтливо распросивъ и похваливъ мнѣ своего новаго флигель-адъютанта Николая, отпустилъ съ вопросомъ, буду-ли на конѣ на смотрахъ. 20-го въ часъ былъ парадъ всей дивизіи. Для меня приготовили карету, чтобъ доѣхать, и двѣ верховыя лошади; одну изъ нихъ я отдалъ Александру. Государь, сѣвъ на лошадь, увидѣлъ его и привѣтливо поздоровался съ нимъ, спросивъ, какъ онъ сюда попалъ. Съ этой минуты онъ ѣздилъ въ свитѣ. Парадъ былъ весьма удачной. Доведеніе дивизіи прочное, истинно-военное. Государь былъ чрезвычайно доволенъ. Въ пять часовъ обѣдъ у Государя. Гр. Адлербергъ-отецъ отдѣлялъ меня отъ него. Обѣдъ превосходной. Государь былъ необыкновенно веселъ и смѣялся почти до слезъ отъ разсказовъ Ржевуцкаго, сидѣвшаго насупротивъ. Между прочимъ онъ презабавно увѣрялъ, parole d'honneur, что, въ то время какъ онъ равнялъ дивизію, какой-то изъ пріѣхавшихъ помощниковъ подошелъ къ нему съ вопросомъ, какъ выѣдетъ Государь на смотръ, вѣроятно въ коронѣ и мантіи, parole d'honneur!

21-го. Въ 9-ть утра линейные маневры. Быстро, хорошо; атаки отлично; нѣсколько ошибокъ частныхъ начальниковъ. Ло-

шадь моя оказалась спотыкливою; я не отставалъ отъ Государя, не безъ опасности полетѣть вмѣстѣ съ лошадью подъ ноги атакующихъ; сошло счастливо. Всѣ замѣтили прекраснаго Александра, котораго я долженъ былъ представлять то тому, то другому. Поговоривъ съ нимъ, онъ еще болѣе нравился всѣмъ. Государь, позавтракавъ и выходя садиться въ коляску, простился со мною и поблагодарилъ за пріѣздъ. Часа два позже выѣхалъ и я, взявъ съ собой Николая, втроемъ. Въ Прилукахъ ночевали. 22-го къ обѣду пріѣхали домой; восторгъ дѣтей при свиданіи.

12-го Ноября. Сила терпитъ сосѣдство свободы; слабость держится только стѣсненіемъ другихъ.

1860-й годъ.

5-го Генваря. Вторникъ. Notre siècle est atteint d'une maladie qui lui est particulière: la richesse y laisse voir une cupidité qui ne serait explicable que chez la misère, et la misère y étale un orgueil qui ne se comprendrait que chez la richesse.

6-го Среда. Точно ли наступило для Россіи время повторить слово Ульриха Гюттена въ 16-мъ столѣтіи: les études fleurissent, les esprits se réveillent, c'est un plaisir de vivre!?

30-го Января. Une belle étude sur Adam Smith par Léonce de Lavergne. Une pareille lecture repose, éclaire et nourrit la pensée. Je lui dois une bonne fin de la journée. Какъ мы еще далеки отъ истинныхъ началъ политической экономіи въ государственномъ хозяйствѣ! Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія крестьянъ безъ сравненія важнѣйшій къ тому шагъ. Безъ этого все безплодно.

19-го Февраля. Пятница. Prescription et novation sont les deux éléments nécessaires de toute société bien conduite, et quand la nécessité force à exclure absolument l'un des deux du gouvernement, à le sacrifier du moins à l'autre, tout devient difficile, périlleux, longtemps instable, et la société court les avantures.

13-го Воскресенье. Qu'on me permette une comparaison vulgaire, la philosophie est l'assaisonnement sans lequel tous les mets sont insipides, mais qui à lui seul ne constitue pas un aliment.

La philosophie c'est l'homme même; chacun naît avec sa philosophie, comme avec son style. Cela est si vrai que l'originalité personnelle est

en philosophie la qualité la plus requise, tandis que dans les sciences positives la vérité des résultats est la seule chose à considérer.

13-го Воскресенье. Превосходная статья Эрнеста Ренана о метафизикѣ. Глубокой и ясной взглядъ на выводы и значеніе философіи въ твореніяхъ философовъ Германіи, Шотландіи и Франціи.

26-го Марта. Наконецъ весна! Первая прогулка въ липовую рощу. Семейство павлиновъ опять явилось передъ домомъ, пробывъ всю зиму на другомъ дворѣ; старшій павлинъ въ полной красѣ, какъ не помню видалъ ли съ такимъ огромнымъ и богатымъ хвостомъ; при лучахъ солнца онъ великолѣпенъ.

Съ Кавказа письмо отъ Александра, бывшее мѣсяцъ въ дорогѣ. Петербургская почта не пришла, опоздавъ уже двумя сутками, вѣроятно отъ распутицы. Г-лъ Филипсонъ, начальникъ праваго фланга, беретъ Михаила къ себѣ. Александру даютъ лейбъ-эскадронъ Сѣверскихъ драгунъ; Абадзехи еще сомнительны, не смотря на изъявленную покорность; съ Шапсухами были уже небольшія дѣла, стоившія намъ однако отъ восьмидесяти до ста человѣкъ изъ строя. Ни они, ни Убыхи не думаютъ покоряться.

Нѣсколько прошедшихъ дней провелъ въ пересмотрѣ записокъ, замѣтокъ и выписокъ; еще не окончилъ, но перервалъ это занятіе, послѣ многихъ пріятныхъ воспоминаній и ощущеній (будто меня однако утомившихъ) чтеніемъ Гёте, всегда мнѣ пріятнымъ; на этотъ разъ Wahrheit und Dichtung.

20-го Мая. Долго не открывалась эта книга. Что̀ было тому причиною? Непріятности новой никакой не припомню. Здоровье не измѣняло. Въ семьѣ и въ домѣ все было мирно и тихо. Весенніе дни слѣдовали одни за другими прекрасные, и каждой день дарилъ новыми цвѣтами, новыми листьями, травами, новыми картинами свѣта и тѣни на землѣ и на небѣ, часто великолѣпными. Прогулки пѣшія и верхомъ, одинокія и съ дѣтьми правильно продолжались ежедневно. Чтеніе не перерывалось, и между нимъ нѣкоторыя книги замѣчательныя, въ числѣ ихъ 17-й томъ Тьера—Consulat et l'Empire, 1814-й годъ, до перваго паденія Наполеоновской имперіи и ссылки его на островъ Эльбу. Нѣсколько разъ возвращался къ Гёте. Его записки несчастной кампаніи Прусаковъ въ 1792 въ Шампаніи. Русскіе журналы Современникъ, Русской Вѣстникъ, Военной Сборникъ, Библіо-

тека для Чтенія, разныя газеты, все это оживленное новыми вопросами времени, и кипящая нетерпѣніемъ потребность высказаться, при допущенной, сравнительно большей, свободѣ печатанія, послѣ уничижительной узды, столько десятилѣтій управлявшей перомъ, словомъ и мыслію Россіи.

Итакъ мучило одно: успѣю ли уплатить значительной и по свойству своему священной денежной долгъ къ сроку? Текущихъ, собственныхъ на это средствъ далеко не доставало. Между тѣмъ срокъ сближался, обычныя пособія дѣтямъ и родственницамъ были уменьшены или даже прекращены вовсе. Это меня тревожило. Благородный сосѣдъ, узнавъ отъ добраго сына Михаила причину моей заботы, поспѣшилъ предложить всю недостававшую значительную сумму денегъ въ займы, не соглашаясь даже принять росписки. Все къ сроку отправлено. Всѣ разсчеты начинаютъ приходить въ равновѣсіе. Порядокъ необходимыхъ пособій возобновленъ. Чтò ни говори, а матеріальная забота лежитъ огромною тяжестью на умственной и нравственной жизни.

Теперь передо мною лежитъ первой томъ многотомной книги, давно ожидавшей на полкахъ своей очереди: Histoire des souverains-pontifes par Artaud. Достанетъ-ли терпѣнія продолжать? По началу видно, что авторъ проникнутъ исключительнымъ духомъ папства и католицизма. Но предметъ важный, многосторонній и всегда живой. Послѣ возьму твореніе Ранке, чтобы выслушать обѣ стороны.

10-го Іюня. Пятница. Браво, Гарибальди! Вотъ человѣкъ! Отважиться на подобное предпріятіе въ настоящемъ положеніи Европы! Но онъ вѣрно оцѣнилъ щекотливыя взаимныя отношенія Англіи и Франціи, на этотъ разъ парализирующія одна другую. Объ Австріи говорить нечего. У нея нѣсколько своихъ Сицилій. А у насъ *свое дѣло по внѣшней политикѣ впереди*, кромѣ внутренней задачи. И безъ того трактатъ 1856-го года не долго устоитъ.

15-го Іюня. Вчера получилъ отъ ген.-адъют. Милютина письмо изъ Тифлиса. Напомнивъ обязательно о времени, когда онъ былъ подъ моимъ начальствомъ на Кавказѣ, онъ прибавляетъ: „тѣмъ съ бòльшимъ удовольствіемъ любуюсь нынѣ вашими тремя юными сыновьями, которые успѣли уже заслужить здѣсь общую любовь и уваженіе—и товарищей, и начальниковъ.

На дняхъ я видѣлъ ихъ всѣхъ при объѣздѣ Кубанской области (бывшаго праваго крыла) и могу доставить вамъ самыя утѣшительныя о нихъ извѣстія".

Прочелъ 7-й и 8-й томы Mémoires et correspondances politiques et militaires du Prince Eugène. Во многомъ нелѣпо-лживы. Даже дѣло 8-го Октября 1812-го г., тогда же самими Французами названное la déroute du matin, онъ выставляетъ почти побѣдой. А Малоярославецъ! Будто вице-король съ своимъ корпусомъ имѣлъ дѣло съ цѣлою нашею арміею и нанесъ намъ въ десятеро большій противъ своего уронъ. Итакъ далѣе. Кого они обманываютъ? Переписка Евгенія съ своей женой не имѣетъ ни малѣйшаго интереса. Съ Наполеономъ дышетъ дѣтскимъ страхомъ. Благородная посредственность и безусловная покорность, какихъ любилъ и отъ которыхъ погибъ Наполеонъ.

Вчера получены письма отъ Михаила и Александра. Первой былъ уже въ разныхъ дѣлахъ и скромничаетъ. Второй принялъ на законномъ основаніи эскадронъ; въ чинѣ поручика это рѣдко. Натухайцы вовсе не хотятъ признавать себя покоренными, и дѣло оказывается труднѣе и важнѣе, нежели предполагали. Жалѣю что г.-л. Милютинъ не остался начальствовать экспедиціей.

14-го Іюля. Четвергъ. 6-го текущаго мѣсяца, во время нашего обѣда въ паркѣ, въ тѣни бѣлыхъ акацій, къ дому подскакала шестеркой коляска, покрытая густою пылью, и предъ нами, какъ съ неба упавшій, стоялъ Александръ Фитингофъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ своихъ родителей, въ которомъ они просятъ для сына руки моей дочери Кати. Въ этомъ замужествѣ много условій, позволяющихъ надѣяться обоюднаго счастья. Женихъ останется съ нами до конца мѣсяца, а потомъ отправится впередъ приготовить все для нашего пріѣзда въ Петербургъ и для свадьбы.

2-го Августа. Наше общество представляетъ любопытное явленіе, обусловливаемое характеромъ нашего образованія, которое, значительно возбуждая и внѣшнимъ образомъ расширяя умъ, мало укрѣпляетъ его, мало развиваетъ свободу и силу мысли, и даетъ мало положительныхъ, приложимыхъ знаній. Наше мыслящее меньшинство представляетъ собою кругъ людей съ запасомъ современныхъ мыслей; они живутъ, можно сказать, въ

той же атмосферѣ, какъ образованные представители какого-бы то ни было Европейскаго общества, и не чужды всему, что̀ волнуетъ умъ современной эпохи; а между тѣмъ у насъ мало производительности, мало самостоятельности въ трудѣ и мысли, наша способность къ критикѣ безплодна, наша легкость пониманія не замѣняетъ намъ недостатка творчества. У насъ наука является въ праздничномъ видѣ; мы празднуемъ науку, *но не работаемъ* (Любимовъ).

Никогда не должно дѣлать ученія забавой; полезное въ смыслѣ науки должно быть пріятно само по себѣ, по своему внутреннему смыслу и значенію, а не по такимъ внѣшнимъ и постороннимъ приманкамъ, какъ собираніе растеній, жуковъ и бабочекъ, или разсматриваніе книжекъ съ картинками.

У Римлянъ воспитаніе, вслѣдствіе богатства и роскоши, перешло въ руки рабовъ-педагоговъ, и это обстоятельство, конечно, немало содѣйствовало измѣненію нравовъ. Іезуитскія школы, въ которыхъ воспитывалось почти все молодое поколѣніе Франціи въ концѣ 17-го и началѣ 18-го столѣтія, произвели всѣхъ атеистовъ того времени.

6-го Декабря. Еще не улеглись всѣ впечатлѣнія послѣ почти четырехъ-мѣсячнаго отсутствія изъ деревни, куда я возвратился 1-го этого мѣсяца. 16-го Августа я выѣхалъ съ дочерью Катей въ Петербургъ. Подъѣзжая къ Подольску, встрѣтилъ выѣзжавшаго оттуда Государя. Едва тронулась наша карета со станціи, какъ во весь опоръ подъѣхала коляска, и выскочилъ изъ нея женихъ ея Александръ Фитингофъ. Ѣзда въ этотъ день была такъ быстра, что рано утромъ, напившись чаю въ Тулѣ, мы пріѣхали въ 9-ть вечера на чай ко второй моей дочери Софіи Мосоловой въ Москву, всего въ три дня съ мѣста. Четыре пріятныхъ дня провели у нея. Въ Петербургѣ остановились въ домѣ Фитингофа-отца. 28-го по желѣзной дорогѣ до Пскова; оттуда по почтѣ и на подставныхъ, лентами убранныхъ, лошадяхъ, а ямщики со цвѣтами вокругъ шляпъ, пріѣхали въ Маріенбургъ, главное родовое имѣніе бароновъ Фитингофовъ, гдѣ на крыльцѣ встрѣтило насъ все многочисленное ихъ семейство, съѣхавшееся по этому случаю. 30-го были имянины отца и жениха, и вообще во все время пребыванія съѣзжались изъ окрестности гости; оркестръ музыки выписанной изъ Риги игралъ за завтракомъ,

обѣдомъ и по вечерамъ. Народу былъ данъ праздникъ. Я ѣздилъ каждой день верхомъ на отличной лошади хозяина. Съ Катей навѣстили брата жениха, Павла, въ Анненгофѣ, и познакомились съ милой его женой.

7-го Декабря. Среда. Я пропустилъ замѣтить, что до поѣздки въ Маріенбургъ я ѣздилъ въ Царское Село представиться къ Государю. Пріемъ былъ привѣтливъ. Онъ благодарилъ за службу моихъ трехъ сыновей на Кавказѣ, за пріѣздъ въ Петербургъ. Не заслуживая послѣдняго при намѣреніи возвратиться въ деревню тотчасъ послѣ замужества дочери, я отъ Государя зашелъ къ военному министру и объяснилъ ему настоящую цѣль моего пріѣзда для доклада Государю. При этомъ случаѣ в. м. увѣрялъ меня, что при всѣхъ открывавшихся вакансіяхъ на важные посты вспоминали обо мнѣ, но полагали, что я не соглашусь ихъ принять. На это я отвѣтилъ ему, что я дѣйствительно не ищу никакого мѣста, такъ долго уже оставленный на покоѣ; но если, въ важные и опасные для государства дни, Государь сочтетъ, что я могу быть нуженъ, то я готовъ, пока здоровье мнѣ не измѣнитъ, какъ доселѣ.

Скоро потомъ Государь отправился въ Варшаву на свиданіе съ императоромъ Австрійскимъ и принцемъ-регентомъ Прусскимъ. Это свиданіе, ни въ комъ въ Россіи не возбуждавшее участія, было прервано извѣстіемъ объ опасномъ положеніи здоровья Императрицы-Матери. Государь оставилъ все и возвратился къ ней въ Царское. Чрезъ нѣсколько дней она скончалась, и для Петербурга наступили дни траура, печальныхъ церемоній. Нездоровой я отказался отъ всякаго участія въ церемоніяхъ по званію генералъ-адъютанта.

Между тѣмъ и семейство Фитингофовъ переѣхало изъ Маріенбурга въ Петербургъ. Занялись окончаніемъ дѣлъ въ Финляндіи, отъ котораго зависѣлъ день свадьбы моей дочери. Все казалось было готово, и 11-го Ноября назначенъ день церемоніи. 15-го наступалъ Рождественской постъ. Сыновья Михаилъ и Александръ нарочно для этого пріѣхали съ Кавказа. Оба брата Фитингофы, женихъ и Павелъ, дѣлали послѣднія приготовленія въ Финляндской деревнѣ, гдѣ положено было вѣнчать молодыхъ. 10-го вечеромъ они возвращаются съ извѣстіемъ, что Русской священникъ отказывается вѣнчать по неимѣнію документовъ о

подданствѣ жениха въ Финляндіи. Положеніе мое съ дочерью сдѣлалось крайне непріятно, если бы свадьба отложена была еще вдаль. Я настоялъ и убѣдилъ, чтобы церемонія была импровизирована на слѣдующій же день, 11-го. Въ этомъ дѣлѣ затронуты были религіозныя понятія, всегда раздражительныя, особливо у женщинъ; оттого произошли разныя непріятныя впечатлѣнія, нѣсколько набросившія тѣнь на радостное событіе для обоихъ семействъ. Церемонія вѣнца была въ Придворной Конюшенной церкви. Пригласить не успѣли никого, благословеніе Лютеранское было въ домѣ Фитингофа.

9-го Декабря. Окончивъ такимъ образомъ это важное семейное дѣло, я обратился запиской къ военному министру испросить соизволеніе Государя на мой отъѣздъ въ Малороссію. Въ отвѣтъ на другой же день получилъ согласіе съ прибавленіемъ, что Государь приметъ меня, когда пожелаю. Я отправился въ Царское въ слѣдующее же утро. Государь принялъ меня сейчасъ послѣ доклада военнаго министра, особенно привѣтливо. Самъ началъ разговоръ о предстоящей реформѣ въ отношеніяхъ крестьянъ и требуемой отъ помѣщиковъ жертвѣ землею, признавая послѣднее въ особенности естественнымъ поводомъ къ неудовольствію и огорченію помѣщиковъ и прибавивъ, что пользу этой важной мѣры оцѣнитъ только потомство. Государь имѣлъ видъ озабоченной, блѣдной. Отпуская меня, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: нужно будетъ, надѣюсь, прощаюсь до свиданія. Отъ Государя я пошелъ къ Наслѣднику, куда вошелъ кстати и сынъ Александръ. Наслѣдникъ скоро вышелъ къ намъ. До этого мнѣ случалось нерѣдко видѣть его въ разныхъ парадахъ, выходахъ, а теперь въ первой разъ одного, какъ хозяина у себя. Какъ онъ прекрасенъ, какой симпатической голосъ, какая умная и скромная привѣтливость! Любуясь имъ, пролетѣла во мнѣ мысль, какія судьбы готовитъ Провидѣніе созданію, украшенному лучшими Его дарами, и къ пріятнымъ вообще впечатлѣніямъ примѣшалось какъ будто что-то похожее на состраданіе! Съ Александромъ Наслѣдникъ, какъ шефъ Сѣверскаго полка, былъ умно разговорчивъ и при прощаніи расцѣловалъ его. 22-го Ноября я выѣхалъ изъ Петербурга съ сыновьями въ отдѣльномъ вагонѣ, и остановились у Мосоловыхъ. Два раза провелъ по нѣскольку часовъ у А. П. Ермолова. Прощанье съ нимъ было трогательно.

Мы оба чувствовали, что по лѣтамъ нашимъ мы едва-ли не прощаемся въ послѣднiй разъ. Намъ вмѣстѣ было болѣе полтора вѣка.—26-го мы выѣхали въ дормезѣ на колесахъ и одной перекладной, не смотря на конецъ Ноября, и очень удачно. Наступившая оттепель вездѣ согнала снѣгъ, но земля не отошла, и мы безостановочно и быстро день и ночь катились до Батурина. За Сеймомъ земля уже размягчилась, мы все тише и тише подвигались; наконецъ ночью, въ десяти верстахъ отъ дому, дормезъ врѣзался такъ, что лошадьми нельзя было его тронуть съ мѣста, и должно было послать ѣздоваго верхомъ за волами для кареты и за легкимъ экипажемъ для насъ. Все это продолжалось часа три; но за то съ какимъ удовольствiемъ мы добрались до освѣщеннаго дома, встрѣченные Ольгою и Марiей за кипящимъ самоваромъ! Такъ кончилась эта семейная экспедицiя.

10-го Декабря. Общее впечатлѣнiе оставленное пребыванiемъ въ Петербургѣ смутно и нерадостно. Между тѣмъ какъ готовятся и близки уже преобразованiя, могущiя не только измѣнить, чтó и необходимо, но потрясти весь настоящiй бытъ Россiи, въ обществѣ слышны пустая болтовня объ оперѣ, восторги за ту или другую пѣвицу. А среди этого шуму прошелъ едва замѣченной, непостижимой манифестъ объ учрежденiи, подъ покровительствомъ Императрицы, общества обращенiя мусульманъ въ Православiе! Важенъ также новой замѣчательной шагъ Наполеона въ духѣ его правленiя: нѣмымъ доселѣ Сенату и Законодательному Собранiю онъ даетъ голосъ и свободу пренiя о дѣйствiяхъ правительства. Остаются въ Европѣ съ намордниками Россiя и Турцiя. Но первой, полной жизни, это предстоитъ быть можетъ въ близкой будущности; вторая принуждена будетъ оставить не только свой лагерь въ Европѣ, но и потѣснена будетъ въ своей родовой Азiи.—Италiя мужественно готовится довершить соединенiе въ одно тѣло отчужденныхъ отъ нея членовъ и отстаивать свое мученическое возрожденiе. Гарибальди изумительно внесъ романической элементъ средневѣковой исторiи въ строгую классическую обстановку Европейской политики.—Англiя, во многихъ важнѣйшихъ для достоинства народовъ отношенiяхъ образцовая, во внѣшней политикѣ оскорбительна. Польша загадочна и вызываетъ неослабное и величайшее на нее вниманiе. Есть-ли оно?—Австрiя представляетъ

довольно рѣдкой примѣръ, что и надъ политическою нравственностію, нагло преступающею за широкіе и безъ того ея предѣлы, блюдетъ мщеніе Немезиды.

18-го Декабря. Le vrai savoir est toujours modeste, parce qu'il se connaît et parce qu'il s'estime petit, en se comparant à la grandeur des questions humaines et divines.

Съ утра опять страшная мятель, затемняющая день: ни выдти, ни выѣхать, пока опять не расчистятъ. Работа Данаидъ! Скука въ сопровожденіи грусти по отъѣздѣ моихъ сыновей просится въ кабинетъ;не пущу, отражу оружіемъ умственныхъ занятій.

25-го Декабря. Грустно встрѣчаемъ мы праздникъ Рождества, послѣ отъѣзда сыновей, столько времени оживлявшихъ обыкновенную тишину нашего дома. Вчерашняя мятель опять засыпала только что расчищенныя передъ тѣмъ дорожки парка. Утро однако прекрасно. Солнце взошло великолѣпно по безоблачному небу, что̀ рѣдко случалось въ нынѣшнюю зиму. 10-ть гр. Реомюра морозу. Проѣзду въ сельскую церковь отъ насъ нѣтъ. Все занесено снѣгомъ.

Есть похвальныя, мелкія свойства (удѣлъ обыкновенной посредственности), какъ любовь къ ежедневному мелочному порядку и отчетность въ дѣлахъ, нѣкоторой тактъ въ обращеніи, необходимое терпѣніе и уступчивость въ маловажныхъ случаяхъ, воздержность и осторожность въ выраженіяхъ, и другія, отсутствіе или пренебреженіе которыхъ чрезвычайно можетъ повредить или даже остановить дѣятельность и полное вліяніе великихъ дарованій на важнѣйшія государственныя дѣла. Ихъ можно уподобить балласту великолѣпнаго корабля, дающаго ему необходимую осадку и равновѣсіе. Эти мысли пришли мнѣ глядя на портретъ, висящій передо мною, Алексѣя Петровича Ермолова.

27-го Декабря. Вчера началъ и кончилъ Mémoires de la reine Marguerite. Въ противуположномъ смыслѣ не знаю книги наставительнѣе и нравственнѣе. Не вымыслы воображенія, не сухія нравоученія, но историческія картины, лица и происшествія истинныя, красноречиво доказываютъ, какъ безплодны для счастія и достоинства человѣка всѣ усилія ума, всѣ средства могущества, путемъ порока искать и добиваться этой общей на всѣхъ степеняхъ жизни цѣли. Но что за времена! Всѣ эти Генрихи, кромѣ 4-го! Этотъ несчастной Карлъ IX! Эта Катерина Медицисъ, мать его! А по-

стыдные ихъ помощники и орудія! Къ счастію человѣчества, этотъ же вѣкъ произвелъ людей, каковы Монтань, и другихъ искупителей природы человѣческой.

Le duc de Wellington pensait que les plus mauvais sujets sont les meilleurs soldats. Je ne le pense pas. Ils peuvent le devenir, à l'égal de bons sujets, à la suite d'une bonne discipline.

On compte en Angleterre 1 soldat pour 128 habitants, en France 1 pour 95, en Russie 1 pour 72, en Autriche 1 pour 68, en Prusse 1 pour 80.

Mieux vaut un petit nombre d'hommes bien tenus et contents de leur sort qu'un grand nombre de souffrants et de mécontents.

Gardons-nous de maudire à priori tout despotisme. Il y a telle société où le bien ne peut venir que de là, et celui dont elle a le plus besoin: l'affranchissement des masses. C'est le cas de la Russie.— N'allons pas, non plus, dès qu'il est bruit d'une nouveauté, la revendiquer tout d'abord pour les individus, et prendre à tâche d'en écarter l'oeil et la main de l'état. Il n'y a peut-être que l' état pour la mettre au monde, ou pour la mettre à la raison, pour la susciter ou pour la modérer, et cela même parmi les nations les plus avancées. C'est le cas des chemins de fer.

Il est aussi naturel à l'homme d'être gouverné que d'être libre parce que l'égoïsme fait partie de sa nature, non moins que le sens moral.

L'égoïsme ne peut disparaître: il est entré dans le plan du monde, comme moyen de conservation des êtres.

1861-й годъ.

8-го Генваря. Воскресенье. Прочелъ въ Revue des Deux Mondes статью: Jefferson, sa vie et sa correspondance par Cornelis de Witt, пріятно меня занявшую. Чтò бы сказалъ этотъ знаменитой федералистъ-республиканецъ о томъ чтó теперь происходитъ въ его отечествѣ, что нѣсколько Южныхъ Штатовъ, признающіе необходимость невольничества, не только склоняются, но уже требуютъ отдѣлиться совершенно отъ союза съ Сѣверными Штатами? Онъ этого наиболѣе страшился.

Любопытныя донесенія Англійскаго и Французскаго главнокомандующихъ изъ Пекина, особливо послѣдняго. Восторженное описаніе его (Montauban) лѣтняго дворца императора, богатствъ въ немъ найденныхъ, дѣлежъ съ Англичанами, сожженіе дворца

послѣдними въ отмщеніе за убійство ихъ плѣнныхъ; оправданіе этого поступка даже въ Англійскихъ журналахъ. Въ войнѣ случается многое, но о многомъ можно пожалѣть, вовсе не оправдывая. Французы взяли дворецъ, у нихъ также замучено нѣсколько плѣнныхъ Китайцами и, кажется, болѣе чѣмъ у Англичанъ. Почему-же Англичане сожгли дворецъ? Просто отъ буйства, которымъ давно отличаются ихъ арміи, на что̀ Веллингтонъ столько разъ указывалъ въ своихъ депешахъ. Вообще Англичане осуждаютъ нерѣдко въ другихъ то, что̀ себѣ позволяютъ, и это нагло, съ дерзкимъ негодованіемъ.

Можно задуматься! 25-ть тысячъ Англо-Французовъ берутъ Пекинъ, выигравъ нѣсколько сраженій надъ арміями, гораздо сильнѣйшими численно. У насъ триста тысячъ на Кавказѣ; изъ нихъ сто пять въ одномъ небольшомъ углу его, и мы дѣйствуемъ набѣгами, малыми отрядами! Кто и кого обманываетъ?

Періодъ покровительства посредственности продолжается. Выборъ гораздо легче. Она подъ рукой.

Молодой ген.-адъютантъ И. идетъ въ гору. Въ 1855-мъ году онъ былъ у меня проѣздомъ въ Ревелѣ и произвелъ на меня несовсѣмъ выгодное впечатлѣніе, но умъ его я призналъ и вообще его замѣтилъ. Молодое, но уже измятое лицо, ни одной черты могущества какъ у отца, внимательной взглядъ, вкрадчивой голосъ, осторожной разговоръ не по лѣтамъ. Онъ воспользовался очень умно обстоятельствами. Настоящее его поприще, кажется, дипломатическое, и какъ удачно все для него въ Китаѣ сложилось! Но хорошо: однимъ умнымъ дѣятелемъ болѣе.—Какъ Муравьевъ Амурской допустилъ себя затереть на своемъ театрѣ дѣятельности?

На дворѣ морозъ, вѣтеръ воетъ въ трубы и окна. Полной мѣсяцъ освѣщаетъ однообразную картину зимы, безъ малѣйшаго признака близости весны, не смотря на 10-е, по календарю Запада 22-е, число Февраля. Что̀ дѣлать? Чѣмъ заняться? Читать— я прочелъ въ эти дни нѣсколько книгъ, различнаго содержанія, и обязанъ имъ недопущеніемъ скуки вползти въ мой кабинетъ; но утомленіе и боль въ глазахъ напомнили мнѣ, какъ далеко остались за мной свѣжесть и неутомимость зрѣнія. Писать? Но что̀ писать? Воображаю несчастное положеніе фельетониста, осужденнаго, безъ всякаго иного побужденія кромѣ необходимости, написать

каждой день что нибудь сколько нибудь непохожаго на пошлость. Въ разные періоды моей жизни я начиналъ писать для своихъ сыновей замѣтки о происшествіяхъ моей жизни, довольно разнообразной, лучшіе годы которой принадлежатъ героической эпохѣ борьбы съ Наполеономъ. Какъ это уже далеко отъ настоящаго поколѣнія! Какъ кажется баснословно! Какъ забыто! Одни ученые изучаютъ по книгамъ то, что̀ наполняло всю нашу душу, занимало весь умъ и въ преклонные теперь годы служитъ страннымъ сравненіемъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ понятій о могуществѣ Россіи! Какъ легко недавно признали мы себя побѣжденными, и на какія уничижительныя согласились условія и не передъ Наполеономъ первымъ въ головѣ почти цѣлой Европы! Не обижайтесь, теперешніе мои современники, за эти замѣтки ветерана: по собственнымъ моимъ сыновьямъ я знаю и вижу, что священной огонь не погасъ въ душахъ юнаго поколѣнія; что не знаю кѣмъ и скоро ли, но непремѣнно трактатъ, уничижившій временно Россію, отнявшій у нея ея море, Русское море, будетъ разрубленъ, истоптанъ, и снова военной пароходъ (теперь запрещенной!) понесетъ чрезъ Босфоръ посла съ повелѣніями владыкѣ Востока, какъ меня въ 1849-мъ году (давно-ли?), или съ миромъ и покровительствомъ, если наконецъ очнувшаяся Европа, вмѣстѣ съ Россіей, выброситъ трупъ издыхающей тамъ Азіатской имперіи въ степи Азіи, и создастъ тамъ новое уже Европейское государство.

Невольно вспомнился мнѣ разговоръ съ живымъ еще, однимъ изъ высшихъ сановниковъ прошедшаго царствованія, моимъ пріятелемъ съ молодости и теперь занимающимъ очень важную должность посла въ Парижѣ, въ то время преобладанія Россіи въ политикѣ Европейской. Я осуждалъ нѣкоторыя мѣры и назначенія на важнѣйшія мѣста людей неспособныхъ и вредныхъ. Онъ, соглашаясь со мною, прибавилъ однако, что для Россіи въ восходящемъ положеніи это неопасно, а важны болѣе учрежденія чѣмъ люди, на что̀ я, къ сожалѣнію пророчески, возразилъ ему: А кто замѣтитъ во-время, когда это восходящее положеніе перейдетъ черту и сдѣлается нисходящимъ, благодаря этимъ ошибкамъ?

11-го Февраля. Суббота. Я отказался отъ предложеннаго мнѣ важнаго званія и мѣста, потому что въ лампѣ моей не довольно уже масла, для занятій постоянныхъ и обыкновенныхъ теку-

щими дѣлами, которыхъ нить я потерялъ въ многолѣтнемъ бездѣйствіи; но думаю, что его нашлось бы въ чрезвычайномъ и временномъ дѣлѣ довольно, чтобы выкинуть еще жаркое и свѣтлое пламя передъ тѣмъ какъ погаснуть, а еще лучше—тихо и спокойно догорѣть.

23-го Февраля. Четвергъ. Вотъ я опять одинъ! Дочь и племянница уѣхали съ утра за тридцать верстъ къ доброй сосѣдкѣ; даже управляющій отправился съ ними на ярмарку въ Ромны. Онъ приходитъ по вечерамъ ко мнѣ за приказаніемъ и очень словоохотливъ. Красавица левретка Фанни одна со мною, и хотя любитъ меня, но тревожно безпрестанно вскакиваетъ на окна и смотритъ. Она особенно привыкла къ племянницѣ. Они уѣхали дня на три. Что̀ если бы мнѣ досталось долго или всегда оставаться такъ одному? Выдержалъ-ли бы я или перемѣнилъ образъ безвыѣздной моей жизни, или вовсе уѣхалъ бы куда нибудь? Все читать, да читать! Глаза устали бы, и пропала бы охота. Одинокіе завтракъ, обѣдъ, даже изрѣдка грустны, и ѣсть не хочется. Задать себѣ работу—писать? Мнѣ за семьдесятъ! Въ эти годы можно продолжать писать, а начать что нибудь поздно. Увѣряютъ даже, что будто въ эти лѣта ничего путнаго ни сдѣлать, ни написать нельзя; какой-то Нѣмецъ-философъ это даже напечаталъ. Такъ ли это? Соглашусь однако съ оговоркой, что бываютъ исключенія; нужно много самолюбія, чтобы причислить себя къ этимъ немногимъ. Да развѣ, въ огромномъ числѣ молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей такіе не составляютъ тоже исключенія? Но въ преклонные годы и у этихъ ослабѣваетъ память, притупляется чувствительность, погасаетъ воображеніе, пропадаетъ бодрость. Такъ! Не у всѣхъ однако въ равной степени. Нѣтъ ли за то какого-нибудь вознагражденія? Опытность конечно, но только у тѣхъ, которые умѣли вырваться изъ колеи рутины, оглянуться на жизнь и на досугѣ непраздномъ сдѣлать изъ нея окончательные выводы, предоставивъ вопросы непостижимые рѣшенію Промысла. Къ этимъ послѣднимъ у стариковъ особенная наклонность, не развлекаемая слабымъ уже сравнительно участіемъ въ ихъ жизни физическихъ ощущеній. Это доводитъ ихъ до ханженства, то до невѣрія: жалкое состояніе души, какъ то, такъ и другое. Большая часть продолжаетъ безъ оглядки уступать постепенному ослабленію тѣла, и они безсмы-

сленно доходятъ до конца, оставляя по себѣ вопросъ, было ли въ нихъ то что̀ называютъ душою еще при жизни.

Я отобѣдалъ одинъ, то есть, почти просидѣлъ надъ обѣдомъ; чтобы прислуга этого не замѣтила, въ ихъ отсутствіе кормилъ изъ тарелки трехъ собачекъ и кошку, мирно живущихъ вмѣстѣ. Послѣ кофе пошелъ ходить по большой, къ счастію, залѣ. Тишина, одиночество, бой стѣнныхъ часовъ, при другихъ обыкновенно неслышный, мысль, что при семействѣ каково мое (четыре сына, три дочери и племянница дорогая какъ дочь) можно остаться такъ совершенно одному, такъ сильно подѣйствовала на меня, что мнѣ сдѣлалось тошно и, странно, пришла въ голову народная пѣсня:

Ахъ, тошно мнѣ на чужой сторонѣ!

И выраженіе *тошно* стало мнѣ вдругъ понятно не какъ поэтическое, но физическое ощущеніе. И затѣмъ рядъ воспоминаній изъ моей полной переворотами жизни. Между прочимъ, почему я не испытывалъ прежде ничего подобнаго, когда еще при Александрѣ I-мъ былъ въ заточеніи, при Николаѣ съ первыхъ дней его вступленія на престолъ, привезенный въ Петербургъ, сначала на гаубтвахтѣ, потомъ въ подвалѣ Зимняго дворца, оттуда въ заперти въ Инспекторскомъ Департаментѣ и наконецъ въ Динамюндской крѣпости? Позже, уже генералъ-адъютантомъ, подъ судомъ и съ часовымъ при квартирѣ, я, повторяю, не испытывалъ ничего подобнаго. То была борьба!

Этого не нужно знать ни дочери, ни племянницѣ. Это стѣснило бы ихъ свободу; а имъ, въ ихъ лѣта, свойственно искать развлеченія и, слава Богу, что по сосѣдству нашлись такія семейства, которыя могли ихъ привязать къ себѣ.

1-го Марта. Мокрая вьюга на дворѣ; то дождь, то снѣгъ съ дождемъ; дорога портится, а мои еще не пріѣхали. Вотъ уже восемь дней. Во все это время я не выговорилъ десяти словъ; помню однако разговоръ съ управляющимъ, вечеромъ въ Понедѣльникъ.

Въ девятомъ часу вечера, по обыкновенію, управляющій вошелъ въ мой кабинетъ и сталъ за моимъ кресломъ.

Я. (тихо) А, здорово!

У. (еще тише) Здравія желаю.

Я. Ну что̀ у насъ?

У. Ничего-съ.

Я. Масляница.

У. Масляница.—Писаря жена прибѣжала ко мнѣ, жалуется, что мужъ напился и грозитъ ружьемъ.

Я. А ты?

У. Велѣлъ его связать и уложить. А подумаешь, ему ли не житье? Получаетъ жалованье, а дѣла-то всего—вечеромъ записать расходъ! А пятая корова отелилась.

Я. Гмъ.

У. Бычокъ, а то все были телушки. Да поваръ Григорій заперъ жену на замокъ.

Я. За что̀?

У. Да напилась и лѣзетъ въ драку.

Аркадія!

4-го Суббота. Въ газетахъ объявленіе С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, что 19 Февраля не будетъ ничего обнародовано о крестьянскомъ дѣлѣ.

14-го и 16-го Февраля были безпорядки въ Варшавѣ, военною силою прекращенные; были убитые и раненые въ толпѣ народной. Угроза, если это возобновится, то Варшава объявится въ осадномъ положеніи. Предсказать, что будетъ въ Польшѣ возстаніе, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ и духа въ Европѣ, было нетрудно. Но полагаю, что Поляки на этотъ разъ поторопились, вѣроятно противъ воли главныхъ вождей ихъ. Вспышка, осѣчка!

10-го Марта. Графъ Муравьевъ Амурской отказался отъ званія ген.-губ. Восточной Сибири, по разстроенному здоровью, и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Это кандидатъ въ намѣстники Царства Польскаго.

Обнародовавъ разъ о смутахъ въ Варшавѣ, можно было ожидать продолженія извѣстій о тамошнемъ положеніи дѣлъ, особливо когда, какъ я полагаю, все успокоено.

20-го. Наконецъ, полученъ сегодня утромъ манифестъ 19-го Февраля объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Великой для Россіи день! Онъ останется въ благодарной памяти народа на столѣтія и будетъ вѣроятно праздноваться 19-го Февр. ежегодно, во всякомъ случаѣ, если бы даже при испол-

неніи случились нѣкоторыя смуты. Онѣ впослѣдствіи забудутся, а все полезное, благотворное останется.

Въ утренней прогулкѣ встрѣтился съ бѣшеной собакой, которая пробѣжала шагахъ въ пяти, но не бросилась на меня, хотя оборотилась, когда, не зная что она бѣшеная, я пошелъ съ поднятой палкой на нее спасать мою левретку Фанни, погнавшуюся за нею.

19-го Апрѣля. Грустна вчерашняя почта! А. П. Ермоловъ нѣсколько недѣль уже умираетъ, безъ языка, безъ пищи. Душа съ трудомъ отрѣшается отъ могучаго тѣла. И я не при немъ! Но не надолго.

26-го Апрѣля. 11-го этого мѣсяца скончался А. П. Ермоловъ.

Дѣла на Кавказѣ запутываются. Абадзехи возстали, Чечня мятется. Фельдмаршалъ больной уѣхалъ за-границу. Въ Польшѣ мятежъ. Въ Россіи суматоха отъ приступа къ отчужденію крестьянъ отъ помѣщиковъ. И тѣ и другіе недовольны. Здѣсь въ окружности вразумляютъ оружіемъ и розгами. Хозяйственныя дѣйствія стѣснены и разстроены. Въ будущемъ, особливо при надѣлѣ землею, ожиданія еще болѣе тревожныя. Нѣтъ, недовольно добрыхъ намѣреній и похвальной цѣли! Измѣненіе вѣками сложившагося порядка вещей не терпитъ крутаго переворота и нарушенія не только глубоко укоренившихся въ плоть и кровь обычаевъ, но и правъ собственности, основаніе всякаго общества. Постепенность была необходима. Шуму передъ Европой не нужно было. Слѣдовало вести къ цѣли путемъ закона. Она достижена была-бы не только спокойно и твердо, но даже раньше, чѣмъ будетъ теперь. Сколько уже теперь несчастныхъ жертвъ неразумія и обманутыхъ надеждъ, вслѣдствіе неясныхъ обѣщаній! А что̀ будетъ далѣе?

И это внутреннее разстройство, въ такой тревожной періодъ общаго положенія дѣлъ политическихъ въ свѣтѣ! Россія не можетъ безъ новаго униженія вовсе устраниться отъ участія въ нихъ, а готова ли она?

10-го Мая. Среда. Постыдная политика Англіи по дѣламъ Сиріи и вообще по Восточному вопросу. Ничтожная, уничижительная, Россіи, тамъ, гдѣ она такъ недавно, или первенствовала или боролась.

Война двухъ Америкъ Соединенныхъ Штатовъ, Сѣверной и Южной началась.

Австрія вступаетъ въ число государствъ облагороженныхъ представительнымъ управленіемъ, не искренно, по принужденію, и вѣроятно съ задними мыслями.

Въ краѣ у насъ идетъ суматоха по поводу новыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ числѣ достойныхъ есть забавные, если бы не грустные, выборы въ мировые посредники.

30-го Іюня. Пятница. Довольно уже давно я провожу пріятные дни. Двое изъ моихъ сыновей со мной, предстоящая свадьба племянницы и пріѣздъ жениха привлекаютъ посѣтителей, изъ коихъ нѣкоторые доставляютъ развлеченіе при общемъ и разнообразномъ возбужденіи, вслѣдствіе происшествій доходящихъ сюда изъ разныхъ мѣстъ Россіи отъ приступа къ исполненію крестьянской реформы. Многаго жаль. Безопасность общественная поколебалась и здѣсь. Три дня тому сожженъ поджогомъ домъ моего сосѣда Риттера, и многое при потушеніи разграблено. Онъ вчера пріѣзжалъ ко мнѣ. Неповиновеніе крестьянъ дѣло обыкновенное. Полиція и міровые посредники недостаточны и не могутъ замѣнить прежней, привычной власти помѣщиковъ, разумѣя ее въ законныхъ размѣрахъ, изъ которыхъ конечно она нерѣдко выходила. Правительство, безъ сомнѣнія благонамѣренное, приступило къ разрѣшенію вопроса, на Западѣ вѣками устроеннаго, само вовсе не приготовленное ни измѣненіемъ порочнаго судоустройства, продажной полиціи, искаженнаго избирательнаго начала, финансовой системы, ниже благоразумнымъ расположеніемъ военной силы, въ слѣпой надеждѣ на народной смыслъ. Несчастныхъ происшествій уже много, но, кажется, должно опасаться еще важнѣйшихъ. Строгой судъ общественнаго мнѣнія постигнетъ расточительность средствъ всякаго рода, военныхъ, финансовыхъ, незаслуженной власти и произвола, допущенныхъ нынѣшнему, никакими заслугами, ни свѣдѣніями, ни опытностію неприготовленному правителю Кавказа.

1862-й годъ.

13-го Марта. J'ai appris de bonne heure à distinguer le libéralisme des idées de la subversion de toute règle de droit et de morale, la liberté civile, qui peut être obtenue sous différentes formes de gouvernement et plus sûrement peut-être dans une bonne monarchie, de la licence qui est trop souvent le cortège des fauteurs de systèmes républicains, l'instruction du peuple des prétentions anarchiques et violentes, la superstition de la religion, l'honnête homme enfin et le citoyen éclairé du démagogue.

Этими словами Росси начинаю новую книгу и берусь за перо, болѣе девяти мѣсяцевъ праздно стоявшее въ стаканѣ на моемъ письменномъ столѣ, кромѣ самыхъ необходимыхъ и то рѣдкихъ писемъ. Чтò за причина этому перерыву обычныхъ прежде, ежедневныхъ моихъ занятій? Прежде всего очень пріятная. Во все это время пріѣзжали ко мнѣ сыновья и проживали со мною, то порознь, то двое и трое вмѣстѣ, и тогда неразлучно. Какіе молодцы мои трое Кавказцевъ!

Младшій гвардеецъ пробылъ со мною послѣдній, и дней десять тому уѣхалъ въ Петербургъ. Но мой бѣдной Михаилъ! Онъ раненъ, страшно подумать, изъ боку въ бокъ на вылетъ, такъ что когда шпринцуютъ одну рану, то вода вытекаетъ изъ другой. Другіе пишутъ, и онъ самъ успокоиваетъ меня собственноручными письмами, что опасность миновалась; но лѣченіе будетъ продолжительное. Пишетъ однако карандашемъ лежа, но твердымъ и прекраснымъ своимъ почеркомъ. Весной располагаю ѣхать къ нему въ Пятигорскъ, куда его къ тому времени, можетъ быть, перевезутъ изъ форта Каладжи, гдѣ онъ теперь лежитъ у добрыхъ людей, пріютившихъ его какъ роднаго. Это начальникъ порта полковникъ Нолькенъ съ своей доброй семьей. Теперь и братъ Михаила, Александръ, при немъ. Горе и радость, спутники жизни человѣка; первое однако гораздо привязчивѣе!

18-го Сентября. Ah! qui que vous soyez, vous, qui avez autorité sur les hommes, vous, qui, par le caractère ou le talent, pouvez être un jour appelés en témoignage, vous enfin qui avez charge d'âmes, pour quelque raison et à quelque degré que ce puisse être, philosophes ou pontifes, artistes ou magistrats, veillez sur vous, veillez sur vos

paroles et sur les exemples que vous laissez au monde! N'oubliez pas ce fatal enchaînement d'idées qui a fait reparaître si douleureusement le nom béni de St. Augustin au lendemain de la Saint Barthélemy et de la révocation de l'édit de Nantes!

Le grand Frédéric disait un jour qu'il y avait pour une armée quelque chose de pire qu'un mauvais général: c'étaient deux bons généraux.

Военному министру Милютину. 19-го Сентября 1862. Тимчиха. Сегодня съ фельдъегеремъ я получилъ увѣдомленіе о назначеніи моемъ наказнымъ атаманомъ Донскаго казачьяго войска и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо ваше съ пріязненнымъ изъявленіемъ благопріятныхъ ожиданій отъ этого назначенія, которое я постараюсь оправдать.

Вы желаете, чтобы я откровенно написалъ вамъ о нынѣшнемъ начальникѣ штаба. Желаніе мое было бы, чтобы онъ остался, не только какъ человѣкъ уважаемой, но и для того чтобы, прибывъ на мѣсто, найти всѣ нужныя для меня свѣдѣнія по дѣламъ, которыми онъ непосредственно былъ занятъ, и о лицахъ, съ которыми буду имѣть дѣло. Затѣмъ, если полагается полезнымъ, чтобы одинъ изъ двухъ начальниковъ былъ изъ природныхъ Донцовъ, то и въ этомъ случаѣ я просилъ бы сдѣлать это чрезъ нѣкоторое время и чтобы кн. Дондуковъ-Корсаковъ могъ быть не отчисленъ въ ожиданіи мѣста, а прямо назначенъ начальникомъ дивизіи: иначе показалось бы, что я причиной его удаленія. Кого-же изъ двухъ предлагаемыхъ избрать тогда въ званіе начальникомъ штаба, позвольте мнѣ отвѣчать по прибытіи моемъ на мѣсто.

*

Новочеркасскъ. 1-го Декабря. Суббота. Je ne connais rien de pis que les remèdes qui viennent trop tôt! Ils ne guérissent pas le malade et ils perdent le médecin.

La politique sera toujours l'art de transiger à propos avec les passions humaines.

L' Angleterre a consacré plus d'un siècle à relever par l'émancipation catholique de l'ilotisme politique. Elle a pris cinquante ans pour transférer à Birmingham et à Manchester la franchise électorale, dont avaient joui jusqu' alors quelques masures ignorées. Une génération s'est épuisée dans la lutte provoquée par le rappel des lois sur les céréales, qui touchait au pain quotidien de tout un peuple.

Les idées n'ont en politique qu'une valeur relative, les événements pouvant aussi bien surfaire celle-ci que la réduire.

Savoir ce qu'on veut, ne vouloir que ce qu'on peut, pressentir où l'on va, ne pas prendre des mots pour des idées et la fièvre pour la force, tel est le premier devoir d'une insurrection qui aspire à se transformer en gouvernement. Être doué de ces instincts merveilleux qui laissent deviner quels fruits porteront les semences jetées dans la tempête et quels effets produiront à leur heure les réactions: telle est la première qualité pour dominer les perturbations sociales, lors même qu'on est assez puissant pour les exciter et qu'on s'entend acclamer par les multitudes.

Il appartient au pouvoir de s'inquiéter de tout, et plus encore de l'inattendu que du vraisemblable. Les hommes qui ont vaincu les grandes difficultés sont trop portés à croire qu'ils n'ont plus à compter avec les petites, et rien n'obscurcit chez un prince la lucidité habituelle du coup-d'oeil autant que l'excès de confiance provoqué par une longue suite de prospérités.

1863-й годъ.

9-го Января. Среда. Les arbres forestiers dont le vieux monde n'a su que faire ont été convertis à notre profit en une autre espèce de combustible. La masse de ce combustible est considérable sans doute, mais elle n'est pas inépuisable. Nos forêts modernes, convenablement amenagées, se renouvellent dans l'espace d'un siècle; la houille, elle ne se renouvelle pas.

25-го Февраля. Pour suprême bonheur, il s'était crée au dedans de lui-même la plus noble occupation qui puisse remplir et animer la vie: il cherchait sincèrement à se rendre meilleur, il s'examinait sans cesse, se jugeait avec une sévérité excessive et faisait sa tâche la plus importante de ce qu' il appelait son renouvellement intérieur.

21-го Марта. Le despotisme a sur l'esprit des nations l'influence de la captivité sur l'homme: il le rend bas et pervers. Combien de fois sera renouvellée l'épreuve? Les leçons en politique ne peuvent-elles donc profiter qu' à la génération qui les reçoit sans jamais rien apprendre aux générations à venir?

---

28 Октября 1866 года П. Х. Граббе возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство съ назначеніемъ членомъ государственнаго Совѣта (изъ формулярнаго списка о его службѣ). *П. Б.*

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

О составѣ „Русскаго Архива“ въ 1890 году подписчики могутъ судить по нижеслѣдующему перечню главныхъ статей 1889 года. Характеръ изданія остается тотъ же, какимъ онъ былъ въ теченіи двадцати семи лѣтъ. Музѣ Исторіи, хотя бы обращала она взоры и на вчерашній день, подобаетъ безпристрастіе и оглядливость, чего и старается, по мѣрѣ возможности, достигнуть издатель „Русскаго Архива“.

Главныя статьи 1889 года:

Бояринъ и воевода князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. **Г. А. Воробьева**

Автобіографія стольника **В. А. Даудова,** XVII вѣка.

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Изъ Записокъ **фельдмаршала князя Паскевича**

Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе.**

Записки сенатора **К. Н. Лебедева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.**

Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. Воспоминаніе **графа С. Д. Шереметева.**

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**

По поводу полувѣка со времени возобновленія Зимняго Дворца **И. Н. Корсунскаго.**

Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія, написанная **Е. С. Шумигорскимъ.**

Письма **В. А. Жуковскаго** къ А. С. Пушкину.

Магистерскій диспутъ Грановскаго. Изъ воспоминаній **Θ. П. Еленева.**

Воспоминанія о Лермонтовѣ **Э. А. Шанъ-Гирей.**

Изъ воспоминаній **княжны В. Н. Репниной.**

(см. на оборотъ).

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ. Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра **А. Н. Сиротинина.**

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія **А. В. Щепкиной.**

Къ исторіи Московскаго Англійскаго клуба (1802—1844).

Письма **князя А. Ѳ. Орлова** къ графу А. Х. Бенкендорфу.

Инструкція **графа Бенкендорфа** чиновнику «Третьяго Отдѣленія»

Письма **Филарета** къ Александру Первому.

Двѣ записки **Филарета** о раскольническомъ и единовѣрческомъ духовенствѣ.

Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ.

Разговоры съ митрополитомъ Филаретомъ.

Изъ бумагъ **митр. Иннокентія** о дарованіи епископовъ старообрядцамъ.

Письма **митрополита Евгенія Болховитинова** къ В. Г. Анастасевичу. и пр.

Приложены: 1) Гравированный портретъ князя Паскевича. 2) Портретъ князя А. И. Барятинскаго въ среднихъ лѣтахъ. 3) Въѣздъ его въ Тифлисъ Намѣстникомъ, 4) Представленіе ему плѣннаго Шамиля.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1890 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

Съ Высочайшаго соизволенія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ КАПИТАЛА НА УЧРЕЖДЕНІЕ ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

РУССКОМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПРЕМІИ И МЕДАЛИ

ИМЕНИ

НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Пожертвованія принимаются въ конторѣ „Русскаго Архива“ или адресуются непосредственно:

С.-Петербургъ. Императорское Русское Географическое Общество.

Имена жертвователей будутъ опубликованы.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1827-й годъ *).

Персидская война.

Продолжаю описаніе дѣйствій нашихъ и моихъ лично.

Изъ Кобъ писалъ я первое письмо къ женѣ моей и былъ очень разстроенъ, какъ внезапною разлукою, такъ и неудовольствіями, которыя я безпрестанно получалъ и ожидалъ и, кромѣ того, отъ дурнаго состоянія дѣлъ внутренняго управленія дѣйствующихъ войскъ, при коихъ вся хозяйственная часть, гошпитали, продовольствіе, были въ самомъ неисправномъ состояніи, какъ и самый штабъ нашъ, коего я былъ начальникъ: ибо Красовскій уже ни во что̀ почти не входилъ, едва двигался, и въ семъ случаѣ надобно было имѣть постоянную и ворчливую дѣятельность Викинскаго, чтобы управиться съ онымъ.

13-го Мая я выѣхалъ изъ Кобъ и, прибывъ къ переправѣ, что̀ на рѣкѣ Храмѣ около Калагира, засталъ, что мостъ, который на оной строили съ самаго еще начала войны, снесенъ стремленіемъ увеличившихся водъ, что̀ было неизбѣжно на сей рѣкѣ, извѣстной быстротою своею и разлитіемъ въ началѣ лѣта. Надобно было однако сему случиться за нѣсколько часовъ до прибытія къ берегу Паскевича, сердитаго съ самаго выѣзда изъ Тифлиса. Полковникъ Гозіушъ, который управлялъ сими работами, выдержалъ все что̀ только могло придти на умъ Паскевичу, не щадившему своихъ выраженій. Казалось въ самомъ дѣлѣ, что направленіе мостовъ сихъ, соединявшихся на отмеляхъ, не было хорошо, судя по теченію разныхъ рукавовъ; но Гозіушъ увѣрялъ меня, что сіе происходило отъ того, что быстрые рукава сіи перемѣняли безпрестанно свои направленія. Мостъ былъ вскорѣ конченъ, Паскевичъ переѣхалъ, и вскорѣ послѣ сего и я переѣхалъ оный и настигъ Красовскаго, который, кажется, опасаясь попасть Паскевичу на глаза во время той сильной бури, удалился нѣсколько въ сторону и занимался завтракомъ. Я присоединилъ еще свой; и такъ, поѣвши съ удовольствіемъ, мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ селеніе Шулаверы, от-

*) См. выше, стр. 60. Писано въ началѣ 1829 года, какъ видно по отмѣткамъ на подлинной рукописи. П. Б.

стоящія на 8 верстъ отъ рѣки, гдѣ находился Паскевичъ и гдѣ собирались главная квартира и войска.

Въ Шулаверахъ получили мы извѣстіе отъ Бенкендорфа о пораженіи претерпѣнномъ Гассанъ-Ханомъ отъ Черноморскихъ казаковъ 9-го Мая. Дѣло сіе было весьма удачное. Неожиданное нападеніе изумило Курдовъ, которые бѣжали. Ихъ преслѣдовали до самаго Сердарабада, при чемъ они лишились, какъ говорятъ, до 500 человѣкъ. Дѣло сіе показало, что наши казаки въ массѣ должны имѣть преимущество надъ Персидскою конницею.

Вскорѣ послѣ того въ Джелалъ-Оглу было получено извѣстіе о таковомъ же пораженіи Черноморцевъ за Араксомъ, чему повидимому были причиною неосторожность или безпечность Бенкендорфа, или командира полка Черноморскаго, задавшагося слишкомъ далеко. Командиръ полка былъ убитъ, казаки окружены, опрокинуты и преслѣдуемы, причемъ они потеряли болѣе ста человѣкъ.

По росписанію, начальники отрядовъ отправились къ своимъ мѣстамъ, и всѣхъ болѣе поспѣшилъ Эристовъ, который, узнавъ въ Шулаверахъ о скоромъ прибытіи Паскевича, боялся встрѣтить его, уѣхалъ въ Джелалъ-Оглу, не дождавшись даже, чтобы всѣ войска отряда его прошли чрезъ Шулаверы при немъ. Сіе разсердило Паскевича. Онъ началъ съ меня и наговорилъ мнѣ за сіе множество непріятностей и еще болѣе разсердился, когда узналъ, что Эристову поручалась большая часть войскъ въ Джелалъ-Оглу. Я принесъ ему печатанный приказъ его и напомнилъ, что сіе было сдѣлано по его волѣ и что онъ самъ подобный подписалъ. Но сіе служило только поводомъ къ новымъ неудовольствіямъ, ибо онъ сталъ винить меня въ томъ, что, зная, сколь были ограничены способности Эристова, коему нельзя было и пяти человѣкъ въ команду поручить, не должно было назначать ему такое большое количество войскъ въ отрядѣ, что̀ и вынудило меня сказать ему, что я не принималъ на себя права цѣнить тѣхъ, кто меня старше. Не менѣе того гнѣвъ его только увеличивался.

Въ Шулаверахъ видѣлъ я вновь прибывшую нашу кавалерію изъ Россіи, 2-ю бригаду 2-й уланской дивизіи, при коей находились дивизіонный начальникъ генералъ Розенъ и бригадный Сакенъ. Старыя строевыя лошади и молодые люди казались изнуренными уже тогда, и хотя Паскевичъ всегда намъ ставилъ въ примѣръ всѣ войска изъ Россіи пришедшія, но мы, давнишніе служивые Грузіи, не признавали внутренно мнимыхъ достоинствъ, которыя въ нихъ находили, и непрочность сего молодаго, неопытнаго и изнуреннаго на ученьяхъ войска намъ не нравилась и не подавала надежды, чтобы оно могло когда-либо стать въ походѣ въ соперничество съ нашими старыми и обдержанными

полками, чтó и оказалось вскорѣ на опытѣ: ибо уланы растаяли на первыхъ порахъ и совершенно почти изчезли. Ихъ постигла непомѣрная смертность, и они большею частью погибли, а лошади ихъ подохли. Должно было однако думать, что войска сіи могли бы служить намъ примѣромъ устройства и повиновенія; вышло совсѣмъ противное: всѣ безпорядки, грабежи отъ нихъ происходили. Они утратили и доброе свое имя и до сихъ поръ служатъ посмѣялищемъ старымъ войскамъ здѣшнимъ, называющимъ ихъ Зардобцами, по имени селенія Зардоба, чтó на Курѣ, гдѣ извѣстный убійственный климатъ совершенно въ самое короткое время полки сіи перевелъ.

Не могу умолчать о первомъ привѣтствіи сдѣланномъ мнѣ со времени выступленія въ походъ въ Шулаверахъ генералами Розеномъ и Сакеномъ. Люди сіи семейные и истинно достойные по правиламъ своимъ, будучи со мною весьма мало знакомы и зная вѣроятно сколько я былъ огорченъ недавнею разлукою съ женою и непріятностями, которыя я ежечасно получалъ, съ сердечнымъ участіемъ распросили меня о состояніи моихъ домашнихъ. Слабый знакъ дружескаго расположенія сего отъ постороннихъ людей въ то время, когда я былъ совершенно одинъ среди людей новыхъ, преданныхъ единственно личнымъ своимъ выгодамъ и подозрѣвавшихъ меня въ поступкахъ въ пользу прежняго начальства, столько меня тронулъ въ то время, что я до сихъ поръ не могу забыть его и полюбилъ ихъ душевно.

Часто повторявшееся состояніе изступленія, въ которое приходилъ Паскевичъ безъ всякой причины, возродило въ немъ, наконецъ, желчную болѣзнь, съ коею онъ черезъ нѣсколько дней своего пребыванія въ Шулаверахъ и выѣхалъ въ Джелалъ-Оглу.

По прибытіи въ лагерь за Бабьимъ Мостомъ болѣзнь его усилилась до такой степени, что къ ночи, казалось, уже было мало надежды къ его выздоровленію. Видя, сколько потеря его могла произвести безпорядка и помня обѣщаніе данное мною Дибичу не оставлять его и быть терпѣливымъ, притомъ же руководимый человѣколюбіемъ, я принялъ личное участіе въ его болѣзни и, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, который ему былъ родственникомъ, не оставлялъ его и служилъ какъ ближнему, стараясь сколь возможно его успокоить и помочь ему, о чемъ онъ и отозвался однажды благодарностію.

Не менѣе того я счелъ нужнымъ приступить къ нѣкоторымъ предварительнымъ распоряженіямъ, въ случаѣ внезапной смерти корпуснаго командира, и отправился ночью же подъ гору, гдѣ стояла палатка Красовскаго, въ коей онъ покойно спалъ. По темнотѣ ночи я задѣлъ за веревки шатра его, пàдалъ, и вся палатка сотряслась чтò его и пробудило въ то самое время какъ я отыскивалъ входъ.—Кто идетъ?

Чтò это такое? Чтò кому надобно? были повторенные вопросы его страшнымъ, дикимъ голосомъ. Я вошелъ и, не зная, въ которомъ углу стояла его кровать, прямо наткнулся на нее и едва не обнялъ Красовскаго, вскочившаго со сна. Тутъ онъ меня узналъ. Я изложилъ ему обстоятельства, въ которыя могла ввергнуть насъ смерть главнокомандующаго при самомъ началѣ войны, и предложилъ ему облечь себя въ званіе старшаго начальника и повелѣвать въ самую минуту смерти Паскевича безъ всякаго отлагательства, чего требовала общая польза. Мысль сія показалась ему сперва слишкомъ обширною, но я не встрѣтилъ большихъ препятствій въ согласіи его. Главная цѣль моя была приготовить его къ дѣлу сему, дабы избѣжать безпорядка и суматохи.

Отъ Красовскаго я возвратился къ Паскевичу, который былъ еще труденъ и говорилъ разныя странности; но на другой день ему стало легче. Онъ лѣчился и не переставалъ отдавать приказанія свои, хотя и не выходилъ. Болѣзнь его продолжалась очень долго, онъ былъ какъ въ изступленіи, на переходахъ закрывался въ коляскѣ, на ночлегахъ и дневкахъ не выходилъ изъ комнаты, много спалъ и пробуждался только чтобы сердиться. Состояніе изступленія сего долго продолжалось и хотя оно становилось передъ концомъ войны слабѣе, но прекратилось только съ окончаніемъ Персидской войны, и теперь еще припадки сіи иногда возобновляются на короткое время, хотя нравъ его перемѣнился совершенно.

Съ Акзебеука я былъ посланъ впередъ въ Джелалъ-Оглу, дабы распорядиться прибывающими транспортами и отправленіемъ оныхъ по сдѣланному распоряженію. Я принялся за дѣло и встрѣтилъ самыя большія затрудненія. Переходъ черезъ Акзебеукъ такъ разстроилъ транспорты, что въ иныхъ не доставало до третьей части подводъ; надобно было все вновь формировать, въ тоже время править бумагами штаба и отправлять тяжести черезъ Безобдалъ.

Пріѣздъ Паскевича въ Джелалъ-Оглу мнѣ много препятствовалъ. Онъ воображалъ, что остановка происходитъ отъ дурной воли и отдавалъ приказанія совершенно противныя дѣлу. Генералъ-интендантъ начиналъ также вмѣшиваться, но не касался настоящимъ образомъ своей части, въ управленіе коей онъ не вступалъ, а доѣзжалъ меня докладными записками къ Паскевичу, безъ толку и смысла писанными, по коимъ тотъ иногда требовалъ исполненія. Въ такихъ обстоятельствахъ я не нашелъ другаго средства, какъ представлять Паскевичу краткія докладныя записки о томъ, чтò предполагалось сдѣлать, и тогда онъ утверждалъ ихъ своею подписью, чтò мнѣ стоило нѣсколько дней: ибо онъ, по нерѣшительности своей, часто перемѣнялъ приказанія, отъ чего и дѣло замедлялось; затѣмъ я отправлялся къ себѣ и дѣлалъ уже рас-

поряженія свои въ подробности. На томъ же правилѣ была основана и отдача вечернихъ приказаній, которыя я учредилъ безъ его вѣдома, ибо онъ только перемѣнялъ и ничего не рѣшалъ. И такъ управленіе всего войска перешло совсѣмъ почти ко мнѣ. Учреждалась хозяйственная часть онаго, подвозилось продовольствіе, и я открылъ въ себѣ болѣе дѣятельности, чѣмъ самъ ожидалъ.

Во время пребыванія нашего въ Джелалъ-Оглу, продолжавшагося довольно долго (за тѣмъ, что транспорты опаздывали) прибыло къ намъ Турецкое посольство изъ Карса, съ изъявленіемъ дружбы со стороны паши. Посланецъ сей провелъ съ нами нѣсколько дней; ему показывали ученье гвардейскаго полка, и онъ вскорѣ уѣхалъ, имѣя, какъ говорили тогда, въ предметѣ дознать о силахъ нашихъ и намѣреніяхъ. Ничего не было страннѣе, какъ обхожденіе съ нимъ Паскевича, который не умѣлъ наружной важности его противуставить никакого величія: началъ и кончилъ тѣмъ, что спросилъ его нѣсколько разъ о снѣгѣ на горахъ лежащемъ.

Между прочими неудовольствіями, мною получаемыми, упомяну о слѣдующемъ. Я имѣлъ въ предметѣ перевести за Безобдалъ какъ можно болѣе хлѣба, дабы полки, выступивъ въ походъ, не принуждены были расходовать 10-ти-дневнаго. Не видя на сіе никакихъ средствъ, я изобрѣлъ перевезти часть онаго на лошадяхъ одного полка казаковъ, который отправлялся въ Амамлы, съ уплатою казакамъ прогонныхъ денегъ. Атаману Иловайскому не понравилось сіе распоряженіе, ибо человѣкъ сей никогда не могъ постигать общей пользы, и онъ пожаловался о семъ Красовскому, говоря, что казакамъ нечѣмъ будетъ вьюковъ сихъ увязывать; а Красовскій, подружившись съ Иловайскимъ, доложилъ о семъ Паскевичу, который наговорилъ мнѣ за сіе распоряженіе много непріятностей. Но я представилъ необходимость и пользу мѣры сей и объяснилъ, что эта была только пустая отговорка: ибо кромѣ того, что сухари въ мѣшкахъ могли перевозиться безъ помощи перевязки, всякій казакъ имѣлъ еще чумбуръ и все что̀ нужно для подвязыванія вьюка. Паскевичъ внялъ симъ причинамъ и обратился тогда на Красовскаго, за что̀ сей послѣдній на меня нѣсколько и посердился; но онъ уже былъ назначенъ командовать отрядомъ, имѣвшимъ остаться для осады Эривани, и мало занимался дѣлами, а потому неудовольствіе его на меня не могло имѣть никакихъ послѣдствій. Я ему послѣ сказалъ, чтобы онъ ко мнѣ прислалъ того, кому распоряженіе сіе казалось тягостнымъ, дабы его самого навьючить и показать тѣмъ возможность къ исполненію воли начальства. Не менѣе того дурной примѣръ, поданный старшими, а можетъ быть и ропотъ ихъ и нескромныя слова были причиною, что въ полку, на который возложена

была обязанность перевозить провіантъ, нѣсколько казаковъ противились, и надобно было ихъ наказаніями къ тому понудить.

Въ семъ случаѣ по крайней мѣрѣ я остался правымъ; но другой разъ, не помню по какому поводу, Паскевичъ наговорилъ мнѣ много непріятнаго, я не могъ вынести сего и собрался совсѣмъ уже проситься (помнится, даже просилъ его настоятельно), дабы онъ отпустилъ меня въ Тифлисъ; но онъ просилъ у меня прощенія, и хотя я не могъ забыть поступковъ его, но остался съ нимъ, такъ какъ всѣ приличія въ подобныхъ обстоятельствахъ были соблюдены для примиренія.

Въ главной квартирѣ находился тогда родной племянникъ Паскевича, поступившій передъ выступленіемъ въ походъ на службу юнкеромъ въ уланскій полкъ, Миницкій, молодой человѣкъ, получившій порядочное воспитаніе и образованіе. Онъ жилъ у Викинскаго, занимаясь иногда дѣлами, къ коимъ онъ имѣлъ хорошія способности. Паскевичъ желалъ доставить ему случай заняться съ успѣхомъ, просилъ меня наблюдать за нимъ и давать ему порученности. Я взялъ Миницкаго къ себѣ въ палатку; онъ жилъ со мною вмѣстѣ весь походъ и былъ мнѣ полезенъ по расторопности и усердію своему. Онъ ко мнѣ очень привязался, и я его полюбилъ. Выѣхавъ изъ Тавриза, я оставилъ его въ главной квартирѣ, и онъ теперь считается при Паскевичѣ. Н. А. Ахвердовъ, который со мною также жилъ въ одной палаткѣ, никогда не имѣлъ случая быть недовольнымъ Миницкимъ.

Начальники полковъ и генералы, видя начатое уже движеніе, по неопытности своей полагали, можетъ быть, за горою встрѣтить непріятеля, боялись опоздать къ бою и просились у Паскевича все впередъ. Нѣсколько разъ онъ давалъ имъ позволеніе, вопреки общаго распоряженія, перейти горы; но я, узнавая о семъ, отговаривалъ его: ибо чрезъ сіе, кромѣ того, что заняли бы единственную дорогу, по коей двигались транспорты черезъ гору, главное неудобство было бы то, что войска за транспортами должны бы были стоять на южной сторонѣ горы, тогда какъ, пребывая въ Гергерахъ и Джелалъ-Оглу, они продовольствовались изъ мѣстныхъ магазейновъ. Но никто не входилъ въ сіе и не могъ понимать трудовъ, которые прилагались для учрежденія продовольствія.

Не менѣе того полки трогались понемногу, и я былъ уже тѣмъ доволенъ, что могъ ихъ удержать нѣсколько дней и тѣмъ спасти продовольствіе, которое намъ было такъ нужно при началѣ военныхъ дѣйствій. Всѣхъ болѣе препятствовалъ мнѣ въ семъ отношеніи генералъ Розенъ.

Письма Бенкендорфа къ Паскевичу были причиною, что весь отрядъ раздѣлили на двѣ дивизіи. Бенкендорфъ увѣрялъ его, что если

къ нему пришлютъ нѣсколько батарейныхъ орудій и піонеровъ, то онъ въ короткое время возметъ Эривань, и Паскевичъ, льстя себя надеждою положить симъ завоеваніемъ блистательное начало для предстоявшей кампаніи, рѣшился къ нему послать требуемое. Движеніе сіе артиллеріи черезъ Безобдалъ затруднило движеніе транспортовъ, но отговорить его отъ сего намѣренія не было болѣе никакихъ средствъ.

Паскевичъ не вытерпѣлъ остаться назади и рѣшился присоединиться съ главною квартирою, подъ прикрытіемъ л.-г. своднаго полка, къ Бенкендорфу подъ Эривань и вступить лично въ командованіе осадныхъ войскъ. По сей причинѣ захотѣлъ онъ, чтобы войска и тяжести главнаго отряда были раздѣлены на двѣ дивизіи, коихъ начальниками сдѣланы были г.-м. князь Вадбольскій первой, а второй г.-л. князь Эристовъ.

Мысль имѣть запасное сѣно на арбахъ принадлежитъ Паскевичу; она была основана на томъ, что за Судегяномъ къ Эчміадзину не было нисколько подножнаго корма, и средство сіе конечно служило къ сбереженію быковъ. Паскевичъ начиналъ видѣть, что въ войнѣ въ здѣшнемъ краю главное вниманіе начальства должно было обращаться на продовольствіе войскъ, и потому много заботился о семъ. Предметъ сей исключительно былъ возложенъ на меня; ибо ни интендантство, ни комисаріатство ни пускались въ пучину сію при тогдашнемъ безпорядкѣ. Арбяныя мельницы были изобрѣтены въ Тифлисѣ однимъ Нѣмцемъ и представлены Паскевичу комисіонеромъ Ухатскимъ, человѣкомъ, который, будучи отданъ подъ судъ прежнимъ начальствомъ за различныя злоупотребленія, выслужился и занималъ званіе доносчика при Паскевичѣ. Механика сихъ мельницъ заключалась въ томъ, что движеніе самихъ колесъ на походѣ приводило въ движеніе третье висячее колесо, которое уже поворачивало жерновъ. Устроеніе сіе однако оказалось неудобнымъ при дурныхъ дорогахъ, по коимъ мы слѣдовали, и мельницы сіи оставались безъ употребленія и безъ нужды. Также неудобными оказались и ручныя мельницы съ чугунными жерновами, которыя были присланы изъ Петербурга; онѣ похожи были на кофейныя мельницы и не принесли никакой пользы по малости своей и бережливости, съ которою должно было съ ними обращаться, и скоро поломались.

Г.-м. Панкратьевъ прибылъ въ Грузію съ новыми войсками. Онъ былъ въ 20-й дивизіи бригаднымъ командиромъ Козловскаго и Нотебургскаго полковъ; онъ нынѣ дивизіонный командиръ. Человѣкъ сей былъ въ маломъ числѣ порядочныхъ, прибывшихъ изъ Россіи. Правота нрава его, хорошія способности и познанія, были въ то время столь рѣдкими между людьми нѣкотораго званія. Ему поручено было управ-

леніе Карабага на мѣсто Мадатова или, лучше сказать, командованіе войсками, ибо управленіе Мадатова было поручено командиру 44-го егерскаго полка полковнику князю Абхазову, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ исправлять при Панкратьевѣ должность начальника штаба.

По общему плану кампаніи мы должны были соединиться съ отрядомъ симъ подъ Нахичеванью. Планъ совершенно ошибочный, ибо къ чему служило намъ пройти низменными и смертоносными равнинами Шарура вдоль границы нашей, тогда какъ мы могли показаться въ Нахичевани или даже около самаго Тавриза, двигаясь въ своихъ границахъ и избѣжавъ губительный климатъ, въ коемъ войска наши заразились смертью въ лѣтніе мѣсяцы? Не лучше ли было начать вторженіе наше изъ Карабага, гдѣ мы не лишились бы и конницы нашей, и къ чему служило намъ пройти мимо Эривани?

Планъ вторженія черезъ Карабагъ былъ въ виду у начальства, и Дибичъ говорилъ мнѣ объ ономъ; но такъ какъ уже всѣ мѣры были взяты для главнаго движенія черезъ Эривань, то и не отмѣнили онаго. Продовольствіе же все было направлено на правый флангъ, и сіе было сдѣлано по распоряженію Алексѣя Петровича, который располагалъ въ первую кампанію ограничиться взятіемъ Эривани.

По плану кампаніи нынѣ сдѣланному мы должны были запастись достаточнымъ продовольствіемъ, дабы не нуждаться хлѣбомъ до соединенія нашего съ Панкратьевымъ, а тамъ продовольствоваться хлѣбомъ привозимымъ изъ Астрахани, который доставлялся по Курѣ на киржимахъ въ Зердобъ, а оттуда съ большимъ трудомъ сухимъ путемъ черезъ селеніе Аджибетъ къ Ахъ-Оглану, что́ въ Карабагѣ.

Сія сухопутная перевозка погубила у насъ много войскъ. Извѣстно было, сколько низменная часть Карабага, въ коей находятся Аджибетъ и берега Куры, были смертоносны по климату своему лѣтомъ; но на сіе не обращали вниманіе, и мы потеряли черезъ то множество людей.

Генералъ-маіоръ фонъ-Краббе, командовавшій въ Дагестанѣ, потерялъ также множество людей при перевозкахъ провіанта по Курѣ въ Зердобъ. Перевозки сіи кромѣ того истощали и средства жителей; но никто не умѣлъ сдѣлать въ то время порядочнаго соображенія, и если кто бы знающій и принялся за сіе, то не могъ бы успѣть, ибо всѣхъ подозрѣвали въ потворствѣ прежнему правительству, даже въ предметахъ, гдѣ по роду занятій не могло бы родиться никакого подозрѣнія.

Кажется 3-го числа Іюня корпусный командиръ пустился въ путь къ Эчміадзину. Корпусная квартира съ трудомъ пробилась на Безобдалѣ сквозь идущіе транспорты, но прибыла, какъ равно и сопровож-

давшія оную войска, къ селенію Кишлакъ, при коемъ происходило столько частныхъ дѣлъ въ прошломъ 1826 году съ Персіянами. На другой день походъ продолжался далѣе, и мы остановились на небольшой равнинѣ, лежащей противъ селенія Амамловъ, гдѣ встрѣтили въ первый разъ непріятеля въ 1826 году, когда ходили въ экспедицію съ Давыдовымъ. Вся дорога была покрыта повозками и обозами, которые перейдя Безобдалъ не могли сохранить предположеннаго порядка; они собирались къ Амамламъ, гдѣ уже приводились снова въ порядокъ и отправлялись въ дальнѣйшій путь по назначенію.

Но въ Амамлинскомъ лагерѣ нашемъ не обошлось безъ неудовольствій. Лагерь корпусной квартиры разбивался по чертежу сдѣланному въ Тифлисѣ. Прибывшія прежде другихъ палатки заняли назначенныя имъ мѣста и оставили большія разстоянія для тѣхъ, которыя постепенно прибывали и разбивались. Паскевичу показалось, что мѣсто велико и, не сообразивъ числа чиновниковъ, находившихся въ главной квартирѣ, онъ сталъ сердиться и гнѣвъ свой прежде всего излилъ на меня, говоря, что главная квартира его наполнена людьми излишними и ненужными, чтó было и справедливо, но чему онъ былъ единственная вина: ибо никого не было въ оной безъ его назначенія. Другой поводъ къ неудовольствію его былъ тотъ, что палатка его не была довольно отдѣлена впередъ отъ прочихъ; онъ заключилъ изъ сего, что ему не отдавалось должное уваженіе и приказалъ впередъ разбивать палатки по чинамъ, уступя съ уменьшеніемъ чина по нѣскольку шаговъ назадъ, чтó и соблюдалось. Наконецъ, третья причина къ негодованію его была слѣдующая. Два баталіона гвардейскаго полка, составлявшіе наше прикрытіе, были постановлены по флангамъ лагеря корпусной квартиры въ колоннахъ, казачій полкъ сзади, орудія впереди. Онъ нашелъ, что черезъ сіе лагерь корпусной квартиры былъ слишкомъ открытъ и подвергался внезапному нападенію Персіянъ, и захотѣлъ, чтобы два баталіона сіи были расположены кареею около лагеря. Странная мысль, какъ будто лагерь черезъ сіе могъ быть болѣе прикрытъ! Ибо, при построеніи сей кареи, полубаталіоны, находившіеся на фасахъ, едва прикрывали половину оныхъ, и углы оставались совершенно открытыми. При томъ же въ такомъ положеніи войска были растянуты и не могли дѣйствовать совокупно; но онъ въ семъ случаѣ былъ руководимъ неопытностію своею. Можно ли было и ожидать внезапнаго нападенія, когда въ Эчміадзинѣ былъ нашъ авангардъ, когда всѣ дороги были заняты нашими войсками и когда непріятель былъ еще за Араксомъ? Но онъ воображалъ себѣ, что мы съ часу на часъ встрѣтимся съ непріятелемъ и не былъ совершенно покоенъ. Я отразилъ гнѣвъ его хладнокровнымъ молчаніемъ, и онъ

обратился на оберъ-квартирмейстера Коцебу, гдѣ нашелъ подобный же отпоръ. Не было средствъ подступаться къ нему, онъ за все сердился и выходилъ изъ себя: болѣзнь его усиливалась.

При подъемѣ на гору Башъ-Абарань новыя неудовольствія отъ Паскевича: дорога была заставлена арбами, и онъ требовалъ скорой очистки оной. На горѣ онъ легъ и долго дожидался, пока войска пройдутъ; наконецъ спустился, и мы заняли лагерь недалеко отъ южной подошвы горы.

Слѣдующій переходъ былъ къ разоренному селенію Мулла-Касиму, что̀ за Судегяномъ, гдѣ находился уже генералъ-маіоръ Бергманъ съ первыми обозами перваго эшелона.

Въ семъ новомъ лагерѣ не обошлось также безъ неудовольствій, но они болѣе обратились на Коцебу, котораго разбранили жестоко и который отразилъ брань сію обыкновеннымъ своимъ хладнокровнымъ молчаніемъ. Паскевичъ сердился за то, что онъ не встрѣтилъ его въ лагерѣ и не показалъ ему мѣста его палатки, приказавъ ему впередъ всегда такъ дѣлать. Несовмѣстное требованіе имѣло другую причину: гнѣвъ Паскевича происходилъ, кажется, отъ того, что ему хотѣлось скорѣе отдохнуть и что, пріѣхавши въ лагерь, онъ не нашелъ палатку свою разбитую; ее только что привезли и начинали ставить. Коцебу былъ нѣсколько виноватъ въ томъ, что онъ самъ не озаботился избраніемъ лагеря, и что офицеръ имъ посланный также не на своемъ мѣстѣ былъ; но онъ не заслуживалъ тѣхъ упрековъ и выговоровъ, которые онъ часто получалъ и которые содѣлали его равнодушнымъ и къ обязанности его, и къ замѣчаніямъ начальства. Паскевичъ меня винилъ въ недѣятельности Коцебу и незнаніи его. Я оправдывалъ его всегда въ послѣднемъ, но въ первомъ онъ точно былъ виновенъ. Неудовольствія Паскевича на Коцебу увеличивались день ото дня и, наконецъ, были причиною удаленія его изъ подъ Абасъ-Абада.

Прошедши нѣсколько верстъ еще гористымъ мѣстоположеніемъ, въ коемъ были корма̀, мы спустились въ знойную Эриванскую равнину. Сухая земля съ трещинами отъ жаровъ, камни и никакого признака прозябанія знаменовали равнины, среди коихъ вдали замѣтно было много селеній по садамъ ихъ окружающимъ и составляющимъ на семъ пространствѣ видъ темнозеленыхъ пятенъ по сѣрожелтому полю. Раскаленная знойнымъ солнцемъ земля сія очень плодородна, когда она орошена водами, и Персіяне имѣютъ особенное искусство выводить изъ самыхъ дальныхъ мѣстъ водопроводы, при коихъ они селятся и разводятъ великолѣпные своею зеленью посреди пустынь сады. Поля также много производятъ хлѣба при орошеніи оныхъ водою, и жизнь природы въ селеніяхъ совершенно противурѣчитъ го-

лизнѣ и смерти, поражающей необработанныя земли; посему и не имѣется въ сей странѣ природныхъ луговъ, а для сѣнокосовъ засѣваютъ поля кашкою, доставляющею обильныя травы, которыя добротою своею не уступаютъ ячменю въ прокормленіи скота.

По дорогѣ, по коей мы шли, равно и въ лагерѣ нашемъ, было множество фалангъ очень большихъ; ихъ ловили въ палаткахъ, но такъ счастливо обошлось, что они никого не уязвили. Въ селеніи Ушаганѣ оставалось человѣкъ до 15-ти Армянъ. Мы просили ихъ доставить намъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ въ продажу; нѣкоторые изъ нихъ обѣщались; но, кажется, никто ничего не исполнилъ. Можно было уразумѣть изъ словъ ихъ, что они боялись мщенія Персіянъ, если бы въ чемъ-нибудь стали намъ служить. Селенія всѣ были оставлены жителями, и люди сіи, пришедшіе только для поливанія полей своихъ, съ собою ничего не имѣли. Казалось, что они не вѣрили возможности взять Эриванскую крѣпость и основывали мнѣніе сіе на неудачахъ нашихъ прошлыхъ годовъ подъ стѣнами Эривани. И въ самомъ дѣлѣ, тогдашнія неудачи наши прославили несчастную сію крѣпость и поселили на всемъ Востокѣ сказаніе, что она неприступна.

Однако одинъ изъ жителей сихъ сказалъ мнѣ, что въ селеніяхъ верстахъ въ 10 лежащихъ, находятся передовые пикеты Персіянъ, которые имѣютъ отрядъ конницы въ Алагёзскихъ горахъ, предлагая себя въ провожатые, чтобы схватить сихъ всадниковъ въ расплохъ. Но войска наши устали, дороги трудныя, и такъ какъ на другой день располагали пройти до Эчміадзина, то и оставили Персіянъ въ покоѣ. Они однакоже не упустили выѣхать на большую дорогу, по которой мы шли, и отрубили голову одному усталому солдату, коего нашли одно туловище на другой день. Боялись по сему случаю за поломанныя арбы и повозки, оставшіяся назади безъ прикрытія; но болѣе ничего не случилось. Обозы пришли очень поздно, и ломка оныхъ, при совершенной безкормицѣ по сему пространству, дала намъ поводъ къ заключенію, сколько на сихъ мѣстахъ постраждутъ наши транспорты съ быками.

Въ день прибытія нашего къ сему лагерю къ вечеру былъ посланъ въ Эчміадзинъ къ Нерсесу переводчикъ Оленинъ съ извѣстіемъ о нашемъ приближеніи, чтò Оленинъ исполнилъ съ похвальною смѣлостью и расторопностью. Селеніе Ушаганъ было занято ночью однимъ взводомъ пѣхоты. Не успѣли однако охранить селеніе отъ грабежа: деньщики, казаки главной квартиры и, кажется, сами гвардейскіе солдаты выгребли изъ оставленныхъ жителями домовъ брошенные ими пожитки.

При послѣднемъ спускѣ съ горъ на равнины Эриванскія идутъ двѣ дороги: изъ нихъ одна налѣво прямо къ Эривани черезъ селеніе Ягвертъ (по сей дорогѣ возвращалось въ 1817-мъ году посольство изъ Персіи); она короче той, по которой мы нынѣ шли черезъ Эчміадзинъ, но имѣетъ ту невыгоду, что идетъ мимо крѣпости подъ пушечными выстрѣлами оной; наша же дорога, идучи черезъ Эчміадзинъ, минуетъ выстрѣловъ крѣпостныхъ, и потому ее избрали; притомъ же присутствіе начальника было нужно также въ Эчміадзинѣ, гдѣ должно было назначить сборное мѣсто для идущихъ войскъ, изъ коихъ часть должна была смѣнить тѣ, которыя блокировали крѣпость. Но дурное состояніе сей дороги, безводіе и безкормица обратили снова вниманіе Паскевича на лѣвую дорогу, тѣмъ болѣе, что слышно было, что въ Ягвертѣ имѣется большой прудъ, въ которой напускается вода. Посылали С. П. Ермолова осмотрѣть воду; онъ ее нашелъ; другой посланный для повѣрки офицеръ нашелъ воды недостаточно, и потому рѣшились, по прибытіи въ Эчміадзинъ, просить Нерсеса, дабы онъ оставшимися Армянами наводнилъ снова прудъ сей. Онъ, кажется, и обѣщался сдѣлать сіе, но ничего не было исполнено при недостаткѣ въ жителяхъ и при страхѣ отъ Персіянъ, въ коемъ тогда находились Армяне, не смѣвшіе и въ полѣ показаться.

Въ слѣдующій переходъ мы дошли до монастыря Эчміадзина. Величественное зданіе сіе, болѣе достопамятное по древности своей, служащее столицею для разбросаннаго по всему земному шару Армянскаго народа, за нѣсколько верстъ представилось взору нашему. Старые монастыри, окружающіе оный, оживляли нѣсколько пустыню, по которой мы шли.

Адъютантъ Бенкендорфа, ротмистръ Шевичъ, встрѣтилъ насъ неподалеку отъ монастыря, Бенкендорфъ же былъ боленъ и находился въ блокадномъ лагерѣ своемъ подъ Эриванью. День былъ знойный, и мы всѣ устали отъ сего перехода. При входѣ въ ограду, мы были встрѣчены Нерсесомъ со всѣмъ оставшимся въ монастырѣ причетомъ духовенства, и угощаемы имъ въ покояхъ его. Квартиры были заняты по кельямъ. Я остановился на дворѣ въ палаткѣ, такъ какъ и штабъ расположенъ былъ въ палаткахъ. Вообще при всякомъ случаѣ, гдѣ можно было имѣть квартиру, мнѣ весьма трудно было заниматься: ибо Паскевича никакъ нельзя было уговорить останавливаться въ лагерѣ, и онъ никогда не принималъ въ счетъ, что по примѣру его всѣ прочіе также разсыпались по квартирамъ, черезъ чтò происходилъ безпорядокъ, грабежъ, и возможности не было вести дѣлà съ должнымъ успѣхомъ по отдаленію, въ коемъ мы другъ отъ друга находились.

Монастырь былъ наполненъ больными нижними чинами авангарда Бенкендорфа; ихъ было до 700, и ежеминутно привозили новыхъ, иныхъ уже мертвыхъ. Госпиталь былъ въ самомъ дурномъ и жалкомъ состояніи; ибо Бенкендорфъ помышлялъ только о своихъ личныхъ выгодахъ и славѣ, пренебрегалъ заботами клонящимися къ устройству, коего онъ и не разумѣлъ; но въ семъ случаѣ показалъ онъ даже весьма мало человѣколюбія. Старшимъ лекаремъ при немъ считался Французъ недавно прибывшій изъ Россіи, по имени Рокъ, истинный шарлатанъ, который имѣлъ счастіе понравиться Бенкендорфу, ухаживая за нимъ лично. Онъ получалъ большія награжденія безъ заслугъ, но теперь впалъ въ немилость у Паскевича и потерялъ у него все довѣріе. Рокъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своею обязанностію, былъ при Бенкендорфѣ совѣтникомъ и хвалился тѣмъ, что онъ въ какой-то встрѣчѣ съ Персіянами обнажилъ однажды саблю; и то малое устройство, которое было найдено въ Эчміадзинскомъ госпиталѣ, было слѣдствіемъ трудовъ лекаря карабинерскаго полка Соколова, человѣка искуснаго, скромнаго и старательнаго.

По прибытіи моемъ въ Эчміадзинъ, я счелъ первою обязанностію навѣстить всѣ палаты больныхъ, и съ сожалѣніемъ увидѣлъ самый большой безпорядокъ и во всемъ недостатки: окна и двери не были заклеены бумагою и подвергали больныхъ пыли всепроникающей; они не были укрыты по возможности отъ зноя; заразительный запахъ распространялся по всѣмъ комнатамъ. Не было прислуги, ни котловъ для варки; многіе лежали на землѣ, а подъ другими постилались самыя скудныя постилки, изъ старыхъ рогожъ или изношенныхъ вещей. Больные офицеры терпѣли такую же нужду. Жилище нечистоты, гнилости и смерти! Я взялъ мѣры по возможности для исправленія всѣхъ сихъ недостатковъ въ самомъ скоромъ времени. Паскевичъ, проходя по двору монастырскому, увидѣлъ привозимыхъ больныхъ, которыхъ и некуда было складывать и которые лежали безъ всякой помощи. Онъ началъ сперва изливать на меня гнѣвъ свой, но послѣ обратился къ корпусному доктору Зубову, который съ нами только что прибылъ, обвиняя его во всѣхъ безпорядкахъ, которые онъ только-что узнавать начиналъ и въ чемъ онъ никакъ не могъ быть виноватъ. Зубовъ, человѣкъ старый, безъ большихъ способностей, смирный, переносилъ сіи жестокіе и несправедливые выговоры съ терпѣніемъ; но мнѣ досадно было, что подлый иностранецъ оставался неприкосновеннымъ и еще толкался цѣлый день около начальника; ибо Рокъ и Бенкендорфъ, пріѣхавши въ Эчміадзинъ, были безотлучны отъ Паскевича. Вышедъ изъ комнаты корпуснаго командира, я встрѣтилъ въ залѣ Рока, показывавшаго обыкновенно довольный видъ свой.

«Корпусный командиръ очень недоволенъ», сказалъ я ему, «здѣшнимъ госпиталемъ, найдя въ немъ большой безпорядокъ. Кто здѣсь управлялъ имъ? Не вы ли?» Я хотѣлъ симъ вопросомъ хотя нѣсколько сложить упреки, которые Зубовъ напрасно понесъ за настоящаго виновника. Рокъ не зналъ что̀ отвѣчать, и я оставилъ его; но я узналъ недавно, нечаянно въ разговорѣ, отъ самого Паскевича, что Рокъ послѣ сего замѣчанія бросился на канапе и сталъ стонать и жаловаться на сильную боль въ животѣ, такъ что онъ съ Бенкендорфомъ прибѣжали къ нему на стонъ и, заставъ его въ семъ положеніи, узнали отъ него, что причиною сей внезапной болѣзни были мои слова. Паскевичъ говорилъ мнѣ, что сіе заставило его тогда съ Бенкендорфомъ принять участіе въ Рокѣ и заботиться объ его облегченіи, которое немедленно и послѣдовало. Паскевичъ мнѣ тогда не сказывалъ сего и, по тогдашней дружбѣ своей съ Бенкендорфомъ, онъ вѣрно винилъ меня въ семъ случаѣ, и я полагаю, что сія была одна изъ причинъ неудовольствій Бенкендорфа на меня.

Во время пребыванія нашего въ Эчміадзинѣ, Паскевичъ ѣздилъ два раза къ Эривани. Первый разъ онъ поѣхалъ очень поздно подъ прикрытіемъ казаковъ и одного легкаго Донскаго орудія; я ѣхалъ за нимъ въ повозкѣ своей. Замѣтивъ, что орудье скакало не вплоть за его коляскою, онъ въ сердцахъ велѣлъ остановиться всѣмъ, и мнѣ дать мѣсто орудью, которое должно было ѣхать вплоть за нимъ; ибо, какъ онъ говорилъ, прикрытіе сіе было собственно его. Послѣ я узналъ, что причиною сему было то, что я не верхомъ ѣхалъ, и въ слѣдующій разъ я уже скакалъ подлѣ него верхомъ. Онъ подъѣхалъ къ Иракліевой горѣ, на которой былъ расположенъ баталіонъ карабинернаго полка при батареѣ, съ коей орудья дѣйствовали по дому сердаря и другимъ строеніямъ внутри крѣпости, но безъ всякой пользы. Вплоть къ горѣ сей примыкала сзади пустая деревня. Онъ вообразилъ себѣ, что деревня сія можетъ быть занята непріятельскими стрѣлками и послалъ нѣсколько казаковъ впередъ, проскакалъ по улицѣ сей деревни, сердясь на всѣхъ, которые только ближе къ нему находились. Къ лагерю пріѣхали мы въ сумерки, и онъ спустился съ горы въ садъ Эриванскаго сердаря, коимъ прошелъ до траншейнаго вала, воздвигнутаго близъ берега рѣки Занги, текущей подъ самымъ скалистымъ берегомъ, на коемъ построена крѣпость. И такъ траншейныя работы были уже по приказанію его начаты, но безъ всякой цѣли и предположенія: ибо онъ еще совершенно не рѣшился ни на осаду, ни на мѣсто, съ котораго должно было оную начать. Тутъ онъ провелъ около часа и, не отдавъ никакого приказанія, возвратился на гору, гдѣ ему подали чаю. Онъ былъ въ недоумѣніи. Непріятель, коего клики голосовъ по

стѣнамъ были очень явственно слышны, часто дѣлалъ въ сіе мѣсто вылазки по ночамъ, чего однакоже не случилось въ сію ночь. Съ Ираклієвой горы (такъ называемой по лагерю, который на оной однажды имѣлъ царь Грузинскій Ираклій) Паскевичъ поѣхалъ въ лагерь къ Бенкендорфу и въ туже ночь возвратился въ Эчміадзинъ. Тутъ пошли пренія, должно ли было начинать осаду или оставить оную до прибытія осадной артилеріи; но черезъ день онъ поѣхалъ къ Бенкендорфу, чтобы осмотрѣть крѣпость съ сѣверной стороны. Отобѣдавъ въ лагерѣ, онъ прослѣдовалъ въ занятые нами форштаты, не приказавъ никому за нимъ ѣхать, дабы не примѣтили его изъ крѣпости; но я не отсталъ отъ него. Онъ сперва остановился и слѣзъ съ лошади съ сѣверозападной стороны и подошелъ довольно близко къ углу крѣпости со стороны бугра Мухаметъ-Тёке, находя, что мѣсто сіе было всѣхъ выгоднѣе для осады, въ чемъ, я полагаю, онъ былъ и правъ (Осада въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и началась отсюда и имѣла полный успѣхъ).

Непріятель, замѣтя насъ, пустилъ нѣсколько выстрѣловъ. Первыя ядра пролетали мимо меня послѣ Французскаго похода. Паскевичъ, коего я наблюдалъ, казался и былъ равнодушнымъ, но не дѣлалъ никакихъ предположеній. Генералъ Трузсонъ ползалъ за каменьями, будучи того мнѣнія, что инженерный офицеръ при осадѣ долженъ былъ имѣть правиломъ безъ надобности не открываться; впрочемъ извѣстно, что человѣкъ сей не былъ робокъ въ огнѣ.

Отсюда въѣхали мы въ самыя предмѣстья, которыя по распоряженіямъ Бенкендорфа были всѣ заняты пѣхотою и за коими еще поставлены были кругомъ крѣпости казачьи пикеты лицемъ въ поле отъ нападеній Гассанъ-Хана, такъ что мы, по примѣру древнихъ, занимали обѣ линіи, циркумволаціонную и контрволаціонную.

Вся крѣпость была окружена растянутыми нашими постами, которые нигдѣ не представляли достаточныхъ силъ, дабы отразить сильную вылазку, на какомъ бы то ни было мѣстѣ, и слишкомъ еще были растянуты, чтобы прекратить всякое сообщеніе осажденнымъ съ Гассанъ-Ханомъ. Эриванскій сердарь и былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ, чрезъ прокрадывавшихся сквозь посты наши лазутчиковъ; люди же наши между тѣмъ, содержа безпрерывно караулы, въ знойное время заболѣвали.

Бенкендорфъ между тѣмъ утѣшался надеждою, что Эривань сдастся. Севарземидзевъ, который у него находился, имѣлъ даръ вкрасться въ довѣренность къ нему и находился въ частой перепискѣ съ Суанъ-Кули-Ханомъ, который и въ семъ году былъ комендантомъ крѣпости и обманывалъ насъ, увѣряя, что онъ ходатайствуетъ у сердаря о сдачѣ крѣпости. Севарземидзевъ былъ весьма доволенъ играть въ семъ слу-

чаѣ ролью указщика, какъ здѣшній старожилъ, коему все происходящее у непріятеля было будто извѣстно; онъ склонилъ даже однажды Бенкендорфа сдѣлать предложеніе о сдачѣ самому сердарю, который отвѣчалъ ему, что онъ имѣлъ противъ насъ и здоровья нашихъ солдатъ— зной, плоды садовъ на предмѣстьяхъ и примѣры прежнихъ неудачъ нашихъ, въ коихъ два раза бѣлились равнины Эриванскія отъ костей солдатъ нашихъ, и что онъ потому совѣтовалъ намъ заблаговременно отступить. Одинъ отвѣтъ сей могъ только увѣрить Бенкендорфа, что Эривань не сдастся безъ кровопролитія, въ чемъ онъ до сихъ поръ и письмами и словами не переставалъ увѣрять Паскевича; но горделивый отвѣтъ сей перемѣнилъ совершенно мысль его, и тогда увидѣли, что не оставалось другаго средства болѣе какъ употребить силу. Но осаду, какъ я выше сказалъ, не начинали, хотя и строили батареи и траншеи и стрѣляли всякой день безъ всякой цѣли по крѣпости.

Но я уклонился отъ описанія путешествія около Эривани Паскевича, къ коему снова приступаю.

Въ первыхъ садахъ онъ слѣзъ съ лошади и прошелъ къ крайнимъ стѣнамъ оныхъ, за коими стояли наши застрѣльщики; они иногда перестрѣливались съ непріятельскими, выходившими изъ крѣпости. Далѣе, слѣдуя по узкимъ улицамъ, мы проѣхали черезъ небольшой мостикъ, по которому Персіяне стрѣляли изъ крѣпостныхъ ружей своихъ и, наконецъ, прибыли на высоты, примыкающія къ лѣвому берегу рѣки Занги, съ коихъ нѣкогда князь Циціановъ предпринималъ осаду крѣпости сей. Осмотрѣвъ такимъ образомъ мѣста, Паскевичъ возвратился тою же дорогою въ лагерь Бенкендорфа. Персіяне, замѣтивъ его, навели орудья свои на мѣста, по коимъ онъ долженъ былъ возвращаться и которыя были открыты, и провожали его пустыми выстрѣлами, не причинившими никакого вреда. Изъ лагеря Бенкендорфа, помнится мнѣ, навѣстили мы въ другой разъ Ираклієву гору, куда Персіяне пустили нѣсколько бомбъ, но также не причинивъ никакого вреда. Казалось, что и выстрѣлы нашихъ батарейныхъ орудій были недѣйствительны, попадая въ строенія или перелетая черезъ оныя; они мало повидимому тревожили Персіянъ, которые нигдѣ не показывались днемъ, а ночью освѣщали стѣны своей крѣпости факелами, плошками и не переставали перекликаться и посылать къ намъ со стѣнъ ругательныя слова по-русски, чему ихъ вѣроятно выучили наши бѣглые солдаты.

Полковникъ Гурко, который исправлялъ при Бенкендорфѣ должность начальника штаба, молчалъ, видя всѣ глупости, которыя дѣлалъ Бенкендорфъ. Онъ мнѣ разсказывалъ объ оныхъ, но не бралъ на себя труда поправить ихъ, вѣроятно потому, что не имѣлъ надежды успѣть.

По возвращеніи въ Эчміадзинъ былъ собранъ военный совѣтъ, на

коемъ присутствовали генералы и я. Насъ всѣхъ посадили и начали совѣщаться на счетъ осады крѣпости, съ которой стороны ее предпринять. Кажется, рѣшено уже было главнымъ силамъ идти къ Нахичевани, а Красовскаго оставить съ полками 20 дивизіи подъ Эриванью; хотѣли только указать ему сторону, съ которой начать осаду, и потому инженеръ-генералъ Трузсонъ, который долженъ былъ оставаться, подалъ свое мнѣніе и избралъ для сего самое неприступное мѣсто со стороны рѣки. Его за то Паскевичъ и разбранилъ, но между тѣмъ ничего самъ не рѣшилъ, и совѣтъ сей почти ничѣмъ не кончился.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію дальнѣйшаго похода, я упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ подробностяхъ пребыванія нашего въ Эчміадзинѣ; такъ какъ я въ то время не велъ дневника, то и не могу помѣстить происшествій сихъ по порядку дней, но помѣщу ихъ здѣсь по тому, какъ оныя мнѣ на память придутъ.

Пока мы ѣздили на рекогносцировки къ Эривани, войска обѣихъ колоннъ прибывали къ Эчміадзину со своими транспортами въ жалкомъ состояніи: арбы ломались отъ дурной дороги, быки дохли отъ безкормицы, и люди, заболѣвая, наполняли госпиталь, лишенный почти всѣхъ средствъ къ содержанію больныхъ. Всѣ были утомлены отъ зноя; но нельзя еще было впередъ тронуться, потому что войскà не собрались. Болѣзни распространились и между офицерами до такой степени, что во всей главной квартирѣ я оставался почти одинъ здоровый и исправлялъ въ одно время должности начальника штаба, дежурнаго штабъ-офицера и старшаго адъютанта. Я самъ не понимаю, какъ я успѣвалъ все сіе обдѣлывать; но за то я уже не имѣлъ покоя и нѣсколько ночей провелъ безъ сна. Однажды, потребовавъ меня къ себѣ, Паскевичъ вспомнилъ о давнишнемъ намѣреніи правительства нашего завоевать Астрабадъ и приказалъ въ туже минуту написать о семъ предположеніе, которое онъ хотѣлъ послать къ Дибичу. Я отвѣчалъ ему, что сіе должно было основать на подробныхъ свѣдѣніяхъ о морскихъ и провіантскихъ средствахъ нашихъ въ Астрахани и Баку, чтò мнѣ было неизвѣстно, и потому я не могъ взять на себя положенія сего, особливо въ столь короткое время, какъ онъ сего требовалъ. Онъ отнесъ отвѣтъ сей къ недоброй волѣ моей и приказалъ непремѣнно сдѣлать, говоря, что я тамъ былъ и долженъ все знать. Видя, что нечего дѣлать, я занялся симъ дѣломъ и чрезъ нѣсколько часовъ представилъ ему записку, въ которой были самыя неосновательныя предположенія по сему предмету, чтò оговорено было и въ самомъ рапортѣ, изготовленномъ мною отъ Паскевича къ Дибичу. Записка сія, которая ровно не могла ни къ чему служить, сначала ему понравилась, и онъ принялъ меня ласково; но, по прочтеніи рапорта, ему показалось что-то

въ ней несогласнаго съ его образомъ мыслей, а потому онъ началъ перемарывать оную и поправлять. Паскевичъ читалъ и перечитывалъ рапортъ сей, но самъ не постигалъ его; наконецъ, по обыкновенію своему, разсердился и, сказавъ, что онъ невѣрно списанъ, приказалъ къ себѣ принести черновой, нашелъ его во всемъ сходнымъ съ подлинникомъ, наставилъ еще точекъ и запятыхъ, такъ что смыслъ онаго совершенно уже затмилъ, и отдавая мнѣ оный для отправленія: Voilà, monsieur, сказалъ онъ, comme il faut strictement observer la ponctuation; tout dépend de là. Я не могъ смѣяться; но, вышедъ изъ комнаты, встрѣтилъ Грибоѣдова, которому и объяснилъ, сколько я затруднялся послать сію бумагу къ Дибичу, прося его совѣта, какъ поступить въ семъ случаѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что дѣлать было нечего и что рапортъ надобно уже было такъ отправить, что́ я и сдѣлалъ; но, кажется, на оный и отвѣта не было, по крайней мѣрѣ отвѣтъ сей мнѣ въ руки не попадался. Я старался достать списокъ въ послѣдствіи времени съ сего донесенія, дабы помѣстить оный, какъ рѣдкость, въ сіи записки, которыя я предполагалъ всегда продолжать; но не нашелъ къ тому средствъ и оставилъ дѣло сіе, которое могло подвергнуть меня большимъ неудовольствіямъ.

Однажды Паскевичъ, занимаясь со мною въ кабинетѣ, упрекнулъ мнѣ съ весьма строгимъ видомъ, что я не донесъ ему, что Коцебу волнуетъ всю главную квартиру своими разговорами, пороча его распоряженія и говоря, что должно было непремѣнно предпринять теперь же осаду Эривани и отнюдь не идти далѣе, не взявъ сей крѣпости. Онъ говорилъ мнѣ, что обязанность моя по званію моему требовала, чтобы я обнаруживалъ подобные поступки, клонящіеся къ низверженію всякаго порядка и повиновенія, и что онъ уже замѣтилъ пагубное вліяніе произведенное на умы окружающихъ его возмутительными разговорами Коцебу. Я отвѣчалъ ему, что я ничего подобнаго не замѣтилъ и не слыхалъ; что если Коцебу и излагалъ не съ достаточною скромностію свой образъ мыслей, то сіе происходило вѣрно въ кругу короткихъ знакомыхъ его и не могло имѣть никакихъ, по мнѣнію моему, дурныхъ послѣдствій; что не одинъ онъ, а всякій судилъ, но что воля начальства всегда исполнялась съ точностью и безпрекословно. Обстоятельство сіе не заслуживало никакого вниманія, и потому я былъ въ правѣ полагать, что упрекъ сей болѣе ко мнѣ лично относился: ибо мнѣ самому случалось излагать свои мнѣнія такимъ образомъ, и мнѣнія сіи также могли быть противны его образу мыслей на счетъ военныхъ дѣйствій, но не имѣли ни малѣйшаго вліянія на ходъ дѣлъ и исполненіе воли его. Отвѣтъ сей нѣсколько успокоилъ его; онъ сказалъ мнѣ, что не думалъ никогда относить упрека сего на мой счетъ; но не менѣе того неудовольствія его на Коцебу увеличивались.

Ошибкою не былъ отданъ приказъ въ войска́, дабы они по переходѣ черезъ Безобдалъ начали употребленіе мясной пищи въ замѣну третьей части хлѣба, хотя сіе было всѣмъ извѣстно. Приказъ о семъ, можетъ быть, поздно дошелъ до иныхъ. Отъ того случилось, что большая часть войскъ хотя и поступила на сіе продовольствіе, но часть оныхъ, а именно Херсонскій гренадерскій полкъ, во все время движенія отъ Безобдала до Эчміадзина, ѣлъ полную дачу хлѣба, а барановъ пригналъ въ цѣлости. Сіе было причиною, что полковникъ Поповъ просилъ меня, чтобы имѣющихся у него барановъ зачислить на будущее продовольствіе, а нижнимъ чинамъ выдать за прошлое время, что́ они употребляли провіантъ экономической, деньгами: распоряженіе весьма хорошее, сберегающее наше продовольствіе и уравнивающее оное во всѣхъ войскахъ, исправляя небольшой недостатокъ сей, случившійся отъ замедленія.

Я доложилъ о сей просьбѣ Попова Паскевичу, который вообразилъ себѣ, что Поповъ сего хотѣлъ, дабы воспользоваться деньгами сими. Я отвѣчалъ съ жаромъ, что если онъ и нашелъ злоупотребленія въ полкахъ здѣшняго корпуса, то вѣрно не встрѣтилъ, чтобы полковые командиры пользовались собственностью нижнихъ чиновъ, ибо сего и обычая здѣсь не бывало и быть не къ чему; потому что тѣ которые и были бы склонны къ сему не имѣютъ надобности подвергать себя такой отвѣтственности, ибо достаточно имѣютъ выгодъ отъ другихъ предметовъ. Знаете ли вы, сказалъ онъ мнѣ, что васъ всѣхъ надобно было отдать подъ судъ за злоупотребленія, которыя я открылъ послѣ Елисаветпольскаго сраженія въ войскахъ, и что одно представленіе мое, коимъ я просилъ у Государя пощады, во уваженіе заслугъ оказанныхъ начальниками подъ Елисаветполемъ, спасло васъ отъ сей бѣды? Я отвѣчалъ ему, что еслибъ я былъ отданъ подъ судъ, то безъ сомнѣнія остался бы правымъ, потому что не чувствовалъ подобной вины за собою, что́ онъ могъ видѣть изъ донесенія мною тогда сдѣланнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, по возвращеніи Паскевича изъ Карабагскаго похода, были сдѣланы допросы всѣмъ полковымъ командирамъ на счетъ безпорядковъ у нихъ бывшихъ. Предписанія сіи, основанныя на личной злобѣ къ Алексѣю Петровичу, во многомъ заключали такіе вопросы, на которые отвѣчать было весьма легко, что̀ я и сдѣлалъ. Напримѣръ, хотѣли обвинить насъ, что люди не имѣли зимнихъ панталонъ, а что мы пользовались ихъ сукномъ, тогда какъ все слѣдуемое нижнимъ чинамъ строилось, а панталоны по случаю лѣтняго времени были оставлены въ ротныхъ цейхгаузахъ. Обвиняли насъ, что люди за два года не покупали амуниціи, тогда какъ, вопреки всѣхъ стараній и переписокъ нашихъ, коммисаріатъ удерживалъ отпуски. Обвиняли въ томъ,

что обозъ былъ неформенной, тогда какъ, по неимѣнію образцовъ, запрещено намъ было предписаніями строить оный, и обозъ отправленный нами въ походъ, покрайней мѣрѣ въ моемъ полку, былъ совершенно исправенъ и стоилъ мнѣ болѣе форменнаго. Въ иныхъ полкахъ, особливо въ Херсонскомъ, были точно большія неисправности, почему Поповъ и получалъ въ то время самые жестокіе выговоры и нестерпимыя угрозы; но собственностію нижнихъ чиновъ никто не пользовался. Поданный тогда мною рапортъ былъ представленъ Дибичу, и кажется, что средство испрашиванія намъ пощады у Государя было изобрѣтено послѣ полученія нашихъ рапортовъ, дабы поправить торопливое и невѣрное донесеніе, преждевременно и безъ знанія дѣла посланное къ Государю.

На возраженіе мною сдѣланное Паскевичъ нѣсколько затихъ и сказалъ, что сіе мнѣніе его никогда не относилось до моего полка, который онъ всегда находилъ исправнѣе прочихъ; не менѣе того, вопреки всѣхъ оправданій, которыя я въ пользу Попова ему представлялъ, онъ приказалъ мнѣ подослать двухъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ въ артели ротъ Херсонскаго полка, дабы узнать, ѣдятъ ли гренадеры мясо, ибо все подозрѣвалъ Попова въ лихоимствѣ; и я во исполненіе воли начальника принужденъ былъ сдѣлать сіе. Безъ сомнѣнія унтеръ-офицеры сіи нашли въ котлахъ говядину и донесли мнѣ о томъ, о чемъ я немедленно доложилъ Паскевичу, и онъ, успокоившись, приказалъ въ Херсонской полкъ отпустить вмѣсто продовольствія за прошлое время деньги; а мнѣ сказалъ, что и впредь я долженъ былъ всегда такими средствами дознавать, не обижаютъ ли начальники людей ввѣренныхъ имъ частей. Но наставленія сего я не могъ взять за правило. Обстоятельство сіе долго оставалось въ тайнѣ и, не взирая на мое короткое знакомство съ Поповымъ, я ему долго не объявлялъ сего и сказалъ уже недавно, когда могъ сдѣлать сіе, не измѣнивъ мѣсту и званію, которое я тогда имѣлъ при корпусномъ командирѣ.

Съ самаго начала вступленія Бенкендорфа въ Эриванское ханство, нѣкоторыя племена Карапапахцевъ, поселившихся около озера Гёкчая, показывали расположеніе передаться намъ. Надежда пріобрѣсти воинственный народъ сей подала поводъ начальству ко вступленію съ людьми сими въ переговоры, которые и продолжались до нашего прибытія. Къ Паскевичу явился въ Эчміадзинъ Шадлинской султанъ, за нимъ послѣдовали и нѣкоторые другіе. Мы надѣялись получить отъ нихъ ту выгоду, что, слѣдуя къ Нахчевани и имѣя ихъ на лѣвомъ флангѣ нашемъ, они бы не стали безпокоить нашихъ транспортовъ во время движенія и что они продадутъ намъ скота для порцій. Люди сіи были приняты очень ласково; нѣкоторымъ изъ нихъ дано было еже-

мѣсячное содержаніе, и они провожали насъ одинъ переходъ отъ Эчміадзина, потомъ возвратились въ свои горы съ Кургановымъ, которому поручено было закупить у нихъ скотъ. Смѣлое предпріятіе Курганова было увѣнчано нѣкоторымъ успѣхомъ, и онъ, пройдя большія опасности, возвратился къ намъ на половинѣ дороги къ Нахичевани и доставилъ свою покупку; но Карапапахцы, всегда извѣстные вѣроломствомъ своимъ, не остались намъ вѣрными и въ послѣдствіи времени перешли на правый берегъ Аракса, теперь же поселились въ Турціи и въ прошлую войну дѣйствовали противъ насъ.

По прибытіи нашемъ въ Эчміадзинъ, войска обѣихъ дивизій прибыли къ намъ постепенно. Вдругъ пришло извѣстіе, что Гассанъ-Ханъ, пройдя покатостями Алагёза, съ конницею подходитъ къ Башъ-Абарани, гдѣ намѣренъ напасть на наши транспорты. Транспорты были достаточно защищены въ слѣдованіи своемъ прикрывавшею ихъ пѣхотою, и не должно бы тревожиться для сего, а только подтвердить начальникамъ бдительность и строгое исполненіе прежнихъ распоряженій; но Паскевичъ, по неопытности своей, вообразилъ себѣ, что непріятельской корпусъ атакуетъ его съ тыла, не зная, что въ здѣшнихъ войнахъ операціонная линія бываетъ въ лагерѣ и что никогда нѣтъ вѣрныхъ сообщеній съ основаніемъ дѣйствій, по причинѣ конныхъ партій, всегда обскакивающихъ тылъ и фланги. Онъ встревожился по полученіи извѣстія сего, которое еще было ложное: ибо то была небольшая партія наблюдавшая наше движеніе и готовая напасть на отсталыхъ людей или повозки, но отнюдь не въ состояніи предпринять что-либо важное. Онъ хотѣлъ и тылъ защитить, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать блистательное дѣло. Во весь походъ онъ не переставалъ бредить о засадахъ и приманкахъ, въ которыя онъ надѣялся всегда завлечь Персидскую конницу и смять ее въ преслѣдованіи, черезъ что по пустякамъ и мучилъ часто войска. На сей разъ досталось шедшимъ къ Эчміадзину карабинерному баталіону и уланамъ, совершившимъ уже трудные переходы ведущіе къ Эчміадзину, гдѣ, послѣ изнуренія, коему подвержены были люди и лошади по безводнымъ пустынямъ, всякій ожидалъ отдыха необходимаго для войскъ; но конница наша еще не прибыла, какъ ее воротили и велѣли слѣдовать усиленными переходами къ Башъ-Абарани обратно, дабы ловить въ Алагёзскихъ горахъ Гассанъ-Хана. Генералъ Розенъ назначенъ былъ начальникомъ сей экспедиціи, и предписаніе, которое ему было дано, было образцомъ нескладности: то онъ долженъ былъ останавливаться въ преслѣдованіи, то посылать баталіонъ пѣхоты въ погоню за конницею. Ровно никакого толку не было во всемъ дѣлѣ семъ. Экспедиція сія и кончилась такимъ же образомъ. Уланы возвратились, не видавъ никого и изну-

ривши до крайности больныхъ и старыхъ своихъ строевыхъ лошадей и молодыхъ слабыхъ людей. Случай сей былъ первый ударъ сей регулярной конницѣ, которая съ того времени, зараженная уже болѣзнію, стала день ото дня приходить въ упадокъ и, наконецъ, совершенно почти вся погибла въ теченіе лѣта.

По возвращеніи сей экспедиціи къ Эчміадзину, тревоги не прекращались. Носились слухи, что непріятель занимаетъ окрестъ лежащія селенія. Въ иныхъ, въ самомъ дѣлѣ, находилось нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ, которые и гнались за казаками, ѣздившими на фуражировку, и изрубили двухъ человѣкъ; можетъ также быть, что и по ночамъ случавшіяся тревоги около монастыря были справедливы. Однажды Армянская дружина подняла ночью перестрѣлку; по тревогѣ сей все встало и вскочило, но ничего не открылось. Двѣ ночи сряду провелъ я безъ сна, отыскивая причину тревоги и возвращаясь со свѣтомъ, дабы опять приняться за бумаги. Говорили, что непріятельскіе разъѣзды были подъ самымъ монастыремъ; наконецъ, говорили, что по дорогѣ къ Сердарабаду показываются сильныя партіи Персіянъ, что подъ самой крѣпостью Сердабадомъ можно бы отрѣзать отступающее войско Гассанъ-Хана отъ Алагёзской горы за Араксъ. Мысль сія поймать Персидскую конницу, любимая Паскевича, вовлекла его въ отправленіе другой экспедиціи подъ командою полковника Шипова. Экспедиція сія состояла изъ л.-г. своднаго полка, Армянской конницы дружины, нѣсколько артилеріи и одного полка казачьяго. Отправленіе сіе было гораздо путнѣе перваго, и если мы не могли изловить конницу пѣхотою, то по крайней мѣрѣ получили бы настоящія свѣдѣнія о всѣхъ сихъ слухахъ, коими насъ тревожили. Шиповъ отправился ночью, дабы внезапно придти къ Сардарабаду и пресѣчь дорогу отступавшимъ; ночь была темная, и потому уже стало разсвѣтать, какъ онъ еще недалеко отошелъ отъ монастыря. Шиповъ слѣдовалъ далѣе, и близъ Сердарабада, по словамъ его, видѣлъ онъ толпу конницы, проходившую отъ Алагёза къ Араксу, но которую онъ по отдаленности остановить не могъ. Итакъ, экспедиція сія также возвратилась безъ предположеннаго успѣха.

Около того времени явился въ Эчміадзинъ посланецъ отъ Аббасъ-Мирзы; помнится мнѣ, что онъ ночью наткнулся на отрядъ полковника Шипова, и еще, что Грузинскіе всадники, съ нимъ бывшіе, воспользовались темнотою ночи, дабы нѣсколько пограбить его. Онъ нѣсколько разъ жаловался, что у него пропали чуха и чубукъ; сдѣлали слѣдствіе и между казаками и между Грузинами открыли нѣкоторыхъ виновныхъ и нѣкоторыя изъ вещей: первыхъ наказали, другія ему возвратили, но всего не могли отыскать. Меня тѣмъ менѣе занимало сіе

дѣло, что нашъ посланецъ болѣе былъ похожъ на самозванца, и такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ бумагъ, то могло весьма легко случиться, что онъ званіемъ посланца отдѣлывался отъ плѣна, въ который былъ захваченъ. Наружность сего султана, коего имя я забылъ, не имѣла ничего отличнаго; онъ былъ болѣе похожъ на Жида. Нѣкоторые, и между прочими Шиповъ, признавали его за высѣченнаго въ прошломъ году розгами на Курѣ Алексѣемъ Петровичемъ и отправленнаго назадъ въ Персію, въ числѣ нѣкоторыхъ соотечественниковъ его, пойманныхъ на воровствѣ въ нашихъ границахъ. Посланца спрашивали, гдѣ онъ былъ въ то время и припоминали не розги (о которыхъ гостю неприлично было упоминать, ибо онъ былъ уже принятъ какъ посланецъ), но спрашивали, не имѣлъ ли онъ свиданія въ прошломъ году съ сардаремъ нашимъ на Курѣ. При сихъ вопросахъ онъ путался и мѣшался, но не сознавался въ таковой встрѣчѣ. Онъ вообще имѣлъ видъ смущенный и похожъ былъ на хищную птицу, залетѣвшую нечаянно въ домъ. Дабы лучше прикрыть свое замѣшательство, онъ съ первой поры началъ дѣлать требованія на счетъ квартиры и содержанія, которыя находилъ неудобною и недостаточнымъ, хотя и прилагали все нужное стараніе ему угодить, даже болѣе, чѣмъ онъ того заслуживалъ.

Начались переговоры; о чемъ же, кажется, ни онъ, ни мы не знали. Посланецъ былъ приводимъ въ комнату къ Паскевичу. Я былъ переводчикомъ; никому другому не позволялось входить, ибо Паскевичъ представлялъ себѣ, что на семъ тайномъ свиданіи или конгресѣ рѣшатся судьбы Персіи, не полагая, что онъ имѣлъ дѣло съ плутомъ, который если не попался въ плѣнъ, то пріѣхалъ единственно, чтобы развѣдать о насъ. Лжепосланникъ началъ съ Абарани, которую онъ сперва назадъ требовалъ, послѣ того уступилъ намъ; но вообще сбивался въ рѣчахъ своихъ и, ничего не кончивъ о семъ дѣлѣ, обратился къ Сердарабаду, который онъ намъ обѣщался сдать посредствомъ друзей своихъ, находящихся въ крѣпости, если мы только покажемся подъ стѣнами оной. Въ другой разъ онъ отказался отъ своихъ словъ и говорилъ совсѣмъ противное. Наконецъ, Паскевичъ, выведенный изъ терпѣнія, сталъ его уличать во лжи и ругать, и преніе ихъ ровно ничѣмъ не кончилось. Паскевичъ сердился, и посланецъ сначала лгалъ, послѣ же струсилъ и сталъ гораздо скромнѣе. Сіе было за два дня до выступленія нашего изъ Эчміадзина; его задерживали и хотѣли выпустить передъ самымъ выступленіемъ войскъ, дабы онъ не могъ довести до свѣдѣнія Персіянъ о замѣченныхъ имъ приготовленіяхъ нашихъ къ движенію; но у него въ туже ночь бѣжалъ человѣкъ, которому онъ вѣроятно приказалъ сіе сдѣлать, дабы дать извѣстія въ свой лагерь,

и въ день выступленія нашего изъ Эчміадзина, когда посланецъ уже былъ выпущенъ, Персидскіе всадники напали на нашихъ маркитантовъ, возвращавшихся неосторожно, безъ прикрытія, въ Грузію, и разбили ихъ, нѣкоторыхъ побили и захватили у всѣхъ скотъ. Полагаютъ, что сіе было сдѣлано нашимъ лжепосланникомъ, который наканунѣ узналъ о семъ готовившемся отправленіи и много разспрашивалъ подробностей по сему случаю. Надобно однако отдать справедливость человѣку сему, что во всякомъ случаѣ, кто бы онъ ни былъ, плѣнный, посланецъ или лазутчикъ, онъ умѣлъ весьма хорошо отдѣлаться отъ насъ и показалъ довольно смѣлости. Между прочимъ онъ нашелъ средство видѣться съ Хойскими Армянами вновь сформированнаго ополченія, и даже дерзалъ грозить имъ разореніемъ домовъ ихъ въ Хоѣ, если они не оставятъ нашу службу. Хойскіе Армяне сіи были завербованы въ Тифлисѣ, гдѣ они находились на вольной работѣ. Угрозы его произвели было нѣсколько безпокойства въ новой дружинѣ, но оно было скоро прекращено. Однако намъ не удалось завербовать въ Эчміадзинѣ много ратниковъ, и едва ли мы набрали ихъ 5 или 6 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько сарбазовъ изъ Армянъ, бѣжавшихъ изъ Сердарабада. Дружина сія показывала большое рвеніе, которое, какъ я выше сказалъ, не умѣли поддержать. Въ одну изъ тревогъ, случившихся ночью, они занимали цѣпь и подняли перестрѣлку по показавшимся имъ всадникамъ и тѣмъ подняли весь лагерь. Но усердіе ихъ и стараніе, равно и воинственный духъ, который они показали въ дѣлѣ подъ Урдабадомъ, остались безъ всякой пользы для насъ, по безпечности и невниманію нашего начальства.

Конница наша, по прибытіи въ Эчміадзинъ, была расположена на поливныхъ лугахъ, верстахъ въ 15-ти отъ монастыря, гдѣ она, продовольствуясь хорошимъ подножнымъ кормомъ, могла нѣсколько поправиться, исключая улановъ, которые уже были, какъ выше сказано, заражены смертью и гибелью.

Когда совершенно было рѣшено намъ идти къ Нахичевани, то приказано было генералу Красовскому смѣнить Бенкендорфа при блокадѣ крѣпости. Въ это время Красовскій совершенно перемѣнился, и нельзя было болѣе признать въ немъ помѣшаннаго; казалось однако, что и много нельзя было ожидать отъ его распоряженій. Съ оставленіемъ штаба, дѣятельность его приняла совершенно другой видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и болтливость его, которая уже не имѣла границъ и которою онъ всѣмъ докучалъ, не говоря ничего путнаго. Человѣкъ сей казался мнѣ если не пустымъ, то по крайней мѣрѣ не на своемъ мѣстѣ и превзошедшимъ уже ту степень, на которую его служба поставила.

Говоря о сумашествіи, я вспомнилъ насмѣшку сдѣланную Алексѣемъ Петровичемъ передъ выступленіемъ нашимъ изъ Тифлиса. Онъ совѣтовалъ устроить въ Эчміадзинѣ Обуховскую больницу и для того заблаговременно отвести въ монастырѣ кельи для Паскевича, Красовскаго и Бенкендорфа.

Итакъ, начальники наши по способностямъ своимъ не подавали намъ надежды къ большимъ успѣхамъ; но случилось иначе, между тѣмъ какъ въ правленіе Алексѣя Петровича, человѣка неоспоримо-умнаго и съ необыкновенными дарованіями, дѣла были неудачныя и даже срамныя, и многія важныя распоряженія несли отпечатокъ нерѣшимости, молодушія, неблагоразумія!

Передъ выступленіемъ нашимъ изъ Эчміадзина прибылъ къ корпусному командиру одинъ изъ бековъ, сопровождавшихъ Мехти-Кули-Хана Карабагскаго въ бѣгствѣ его за границу, во время князя Мадатова. Онъ доставилъ намъ извѣстіе, что Мехти-Кули-Ханъ по старанію полковника князя Абхазова (замѣнившаго Мадатова въ управленіи ханствами) перешелъ опять къ намъ. Извѣстіе сіе много порадовало Паскевича, тѣмъ болѣе, что онъ въ семъ видѣлъ дѣйствіе совершенно противное распоряженіямъ предмѣстника его. Бекъ сей былъ щедро награжденъ и отпущенъ обратно въ Карабагъ.

Наконецъ мы тронулись изъ Эчміадзина, изъ пагубнаго сего мѣста, гдѣ оставили множество больныхъ. Но мѣста, черезъ кои намъ надобно было проходить по первому плану кампаніи, предначертанному Дибичемъ, были не менѣе пагубны для здоровья людей.

Красовскій смѣнилъ Бенкендорфа въ осадѣ Эривани.

Корпусный командиръ выѣхалъ изъ Эчміадзина на другой день послѣ выступленія войскъ и засталъ часть изъ оныхъ на ночлегѣ, а часть только трогующуюся еще для дальнѣйшаго слѣдованія. Сія медленность его крайне и правильно разсердила, ибо впереди войскъ была еще переправа черезъ рѣку Зангу, которая должна была замедлить движеніе. Прибывъ къ переправѣ, Паскевичъ засталъ новые безпорядки: нѣкоторыя войска и тяжести, прибывшія съ оной, начинали переправляться, но безъ должнаго старанія къ ускоренію сего перехода. Никому въ голову не пришло изыскать другіе броды, дабы идти черезъ воду въ нѣсколько линій. Мысль сія пришла Паскевичу, и онъ немедленно приказалъ исправить спуски и подъемы, черезъ что и пришли въ движеніе обозы, скопившіеся въ теченіе утра на берегу и закрывшіе даже совершенно дорогу. Разбранивъ всѣхъ, Паскевичъ отправился въ лагерь къ Красовскому, занявшему подъ Эриванью бывшій лагерь Бенкендорфа и велѣлъ мнѣ остаться нѣсколько времени на переправѣ, дабы ускорить движеніе войскъ. Когда же большая часть оныхъ перешла, я

поѣхалъ къ Паскевичу и получилъ отъ него самые несправедливые упреки. Онъ меня винилъ по жалобѣ Красовскаго, что ему не было оставлено все то количество продовольствія, которое значилось въ предписаніи, тогда какъ я заботился самъ по сему предмету.

День былъ необыкновенно жаркій; люди уставали отъ ноши своей, и пыль, набившись въ глаза, ротъ, носъ и уши, измѣнила совершенно лице каждаго. Огни, покрывшіе обширное пространство, представляли величественный видъ. Наконецъ, на другой день, назначенный для отдыха, всѣ войска и начальники собрались на Гарничаѣ въ лагерѣ.

На другой день собранія нашего при Гарничаѣ прибыли къ намъ три новыя лица, а именно старый другъ мой и товарищъ Бурцовъ, подполковникъ Бородинъ и Болговской, адъютантъ Паскевича.

Бурцова послѣ разлуки нашей въ 1816-мъ году я еще не видалъ. Онъ командовалъ во второй арміи полкомъ, женился и, по участію его въ тайныхъ обществахъ, былъ посаженъ въ крѣпость, послѣ того выпущенъ и отправленъ на службу въ Грузію съ переводомъ въ Тифлисскій полкъ. Положеніе его было очень непріятное: всѣхъ участвовавшихъ въ несчастныхъ происшествіяхъ 1825-го года принимали вездѣ дурно, всѣ боялись имѣть съ ними какую-либо связь. Никакія обстоятельства не могли бы меня склонить къ тому, чтобы забыть Бурцова по старой дружбѣ нашей, и я, вопреки дурныхъ отзывовъ о немъ Паскевича, не переставалъ выхвалять его, черезъ что и вошелъ онъ въ довѣренность у начальства, коего расположеніе къ нему стало мало по малу усиливаться и, наконецъ, доставило ему видныя должности, а теперь уже онъ командиромъ Херсонскаго гренадерскаго полка, вопреки всѣхъ препятствій, встрѣченныхъ къ возвышенію его въ должностяхъ отъ Государя. Награжденія онъ получилъ примѣрныя; да надобно отдать ему справедливость, что онъ служилъ отлично и показалъ во всѣхъ случаяхъ отличныя способности. Не менѣе того я могу радоваться тому, что старому другу своему далъ ходъ и случай исправить дурныя обстоятельства, въ коихъ онъ находился.

Аѳанасій Ивановичъ Бородинъ былъ нѣкогда адъютантомъ у Паскевича и, оставивши его давно, находился смотрителемъ карантина въ Керчи. Онъ женился на Домнѣ Савичнѣ, особѣ совершенно соотвѣтствующей названію сему. Бородинъ имѣлъ славу храбраго человѣка и, кажется, былъ въ большой дружбѣ съ Паскевичемъ, коего довѣренностію онъ пользовался вполнѣ; короткое ихъ обхожденіе всѣхъ удивляло въ такое время, когда до главнокомандующаго никому почти никакого доступа не было. Про Бородина говорили, что онъ наушничалъ Паскевичу, но я никакъ не имѣлъ лично причинъ на него жаловаться. Онъ былъ вообще ненавидимъ всѣми, былъ впослѣдствіи времени

нѣсколько мѣсяцевъ комендантомъ въ Эривани, гдѣ разсорился съ г. Красовскимъ, потомъ назначенъ командиромъ Ширванскаго полка и, наконецъ, убитъ 14-го Августа прошлаго года на приступѣ Ахалцыха.— Бологовской человѣкъ не безъ способностей, но всегда всѣмъ, особливо службою, недовольный и вѣчно на все жалующійся, чѣмъ онъ и былъ несносенъ для начальника. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ до окончанія еще Персидской войны, послѣ чего не возвращался болѣе къ намъ.

На Гарничаѣ пробыли мы двое сутокъ. Въ ночь наканунѣ нашего выступленія были получены извѣстія отъ Курганова, находившагося въ Карапапахскихъ горахъ для закупки порціоннаго скота, что Гассанъ-Ханъ, освѣдомившись о его туда прибытіи, обошелъ Эривань и приблизился къ Карапапахскимъ селеніямъ, кои онъ хотѣлъ наказать за отклоненіе ихъ и что, вслѣдствіе сего, нѣкоторые изъ начальниковъ Карапапахскихъ измѣнили намъ и хотятъ его выдать Персіянамъ. Извѣстіе сіе немедленно возродило въ Паскевичѣ любимую его мысль—схватить непріятеля изъ засады. Онъ разсчиталъ, что Гассанъ-Ханъ, разбривши Карапапахцевъ, долженъ обойти нашъ лѣвый флангъ и возвратиться на правый берегъ Аракса, перейдя черезъ большую дорогу впереди насъ, и далъ повелѣніе г. Розену съ уланами немедленно выступить впередъ и, пройдя нѣсколько по большой дорогѣ, поворотить влѣво въ горы и встрѣтить Гассанъ-Хана, притомъ же освободить Курганова. Въ отрядъ была назначена артилерія и казаки. Мнѣ велѣлъ онъ также отправляться съ Розеномъ, для того ли чтобы дать мнѣ случай къ отличію, или для того, чтобы помогать въ распоряженіяхъ г. Розену, того не знаю; только повидимому я былъ совершенно лишнее лице въ отрядѣ семъ. Мы выступили ночью и къ свѣту сбились съ дороги, наконецъ отыскали ее и, какъ мы въ дорогѣ получили извѣстіе черезъ встрѣтившагося Татарина, что самъ Кургановъ возвращается и что повидимому никакого непріятеля нельзя было ожидать, то мы остановились на привалѣ, при послѣдней водѣ, встрѣчающейся на семъ переходѣ, текущей въ небольшомъ каналѣ, проведенномъ изъ Гарничая для орошенія полей. Кажется, мы тутъ же вскорѣ получили и приказаніе не идти далѣе и дождаться корпуснаго командира. Итакъ, экспедиція сія была также неуспѣшна, и причиною сей тревоги, было кажется, ложное донесеніе Курганова, хотѣвшаго придать болѣе цѣны услугѣ, имъ оказанной; ибо онъ въ самомъ дѣлѣ жилъ съ большою опасностью для жизни своей среди Карапапахцевъ и купилъ у нихъ до тысячи головъ скота для порцій войскамъ.

На другой день мы продолжали шествіе свое, претерпѣвая весьма много отъ жара и безводія во время слѣдованія. Я на всѣхъ сихъ переходахъ не имѣлъ ни минуты отдыха и едва находилъ часа два или

три въ сутки, чтобъ уснуть. Къ тому же, неудовольствія, получаемыя мною отъ Паскевича, не переставали, и на семъ переходѣ получилъ я одно совершенно напрасное. Корпусный командиръ не переставалъ заботиться о томъ, чтобы отобрать отъ разныхъ чиновниковъ казаковъ, у нихъ живущихъ; цѣль весьма хорошая, но для исполненія которой онъ совершенно не такъ принимался, какъ должно было: ибо, уменьшая у однихъ, онъ оставлялъ у другихъ по разнымъ личнымъ уваженіямъ, но нисколько не по надобностямъ службы, а потому число казаковъ сихъ въ главной квартирѣ совсѣмъ почти не уменьшалось.

На переходѣ семъ къ селенію Садаракъ пронеслись слухи, что непріятель показался впереди, почему Паскевичъ, обогнавши войска, остановился въ селеніи Деванў, дабы пропустить оныя. Онъ слѣзъ съ лошади и остановился на бугрѣ, находившемся среди селенія; конвойная команда, состоявшая изъ 30 или 40 линейныхъ казаковъ, также остановившись, слѣзла съ лошадей. Въ это время нагналъ насъ корнетъ Суворовъ, служившій при немъ за адъютанта, который также слѣзъ съ лошади и, по неимѣнію за нимъ казака, отдалъ свою лошадь держать одному изъ конвойныхъ Паскевича казаковъ. Паскевичу сіе не понравилось, потому ли что онъ находилъ, что прикрытіе его, при ожиданіи непріятеля, симъ ослабляли, или потому, что онъ находилъ въ семъ поступкѣ невѣжливость къ его особѣ, только подозвавъ меня, онъ сталъ мнѣ съ жаромъ выговаривать сей поступокъ Суворова, виня меня въ томъ, какъ начальника штаба, долженствующаго отвѣчать за порядокъ по всѣмъ частямъ, присовокупивъ, что онъ лишитъ меня сей почетной команды (конвоя его), дабы указать мнѣ обязанности мои; ибо Суворовъ долженъ былъ не оставлять своего казака въ обозѣ, а взять его съ собою. Оправданія мои не помогли мнѣ, и Паскевичъ все считалъ меня виновнымъ, хотя я не имѣлъ права на чиновника, лично при немъ находящагося, что́ онъ доказалъ мнѣ въ тотъ же день, сдѣлавъ мнѣ выговоръ за то, что я попросилъ одного изъ адъютантовъ его отвести приказаніе имъ же отданное черезъ меня, по неимѣнію при себѣ болѣе офицеровъ.

Не доходя нѣсколько верстъ селенія Садаракъ, Бенкендорфъ, командовавшій авангардомъ, прислалъ намъ сказать, что его передовые посты, подъѣзжая къ селенію, замѣтили въ ономъ движеніе и шумъ, что толпа народа изъ онаго вышла и прошла въ горы. Извѣстіе сіе, которое нисколько не должно было безпокоить насъ, произвело совершенно другое дѣйствіе. Л.-гв. сводный полкъ былъ впереди; его остановили, свели въ сторону отъ дороги и поставили съ артилеріею въ каре, составленное изъ всѣхъ обозовъ, которые схватить могли. Тутъ Паскевичъ также легъ и заснулъ въ ожида́нiи извѣстій о непріятелѣ,

пославъ между тѣмъ во всѣ войска объявить о приближеніи Персіянъ, и потребовалъ къ себѣ всю конницу, которая позади оставалась. Онъ все надѣялся изловить Персіянъ. Но проснувшись и изнуривъ на зноѣ безъ воды людей и лошадей, онъ получилъ извѣстіе, что непріятеля въ Садаракѣ нѣтъ, что то были жители и что Бенкендорфъ благополучно вступилъ съ авангардомъ въ селеніе.

Пришедши въ Садаракъ, мы уже застали Бенкендорфа, расположившагося лагеремъ въ садахъ селенія, войска главнаго отряда также около деревни, безъ всякаго соблюденія какихъ-либо правилъ и порядка. Сіе происходило отъ безпечности оберъ-квартирмейстера полковника Коцебу, который вообще весьма мало заботился о своей должности, а въ сей день, утомленный еще жаромъ, не подумалъ и занять лагеря. Сіе навлекло ему неудовольствія отъ Паскевича, которыя онъ въ сей разъ истинно заслужилъ.

Изъ Садарака намъ пришлось идти плодороднымъ Шарурскимъ уѣздомъ. Страна сія, населенная множествомъ деревень, извѣстна во всей Персіи по большому количеству хлѣба, которое она производитъ. Во время слѣдованія черезъ мѣста сіи въ 1817 году посольства въ Персію, мы нашли гораздо менѣе населенія, и потому заключаю, что послѣ того большее количество жителей было привлечено туда выгодами, представляющимися отъ земли; но селенія сіи были пусты: жители, узнавъ о приближеніи нашемъ, удалились частью за Араксъ и частью въ горы, оставя богатыя покрытыя хлѣбомъ поля и въ иныхъ мѣстахъ хлѣбъ, къ молоченію коего только что приступили. Вся равнина Шарурская оживотворяется только проведенными изъ Аракса каналами для орошенія полей; въ мѣстахъ же гдѣ нѣтъ воды, земля безплодная и сухая не производитъ ничего, кромѣ полыни. Трещины служатъ жилищемъ для всякихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ.

Изъ Садарака были двѣ дороги, которыя соединялись на 12-й верстѣ: лѣвая прямѣйшая была гористая, правая же шла плоскостью; а потому и пущенъ былъ на лѣво легкій отрядъ, дабы открыть оную, а главный отрядъ пошелъ на право. Переходъ былъ утомительный отъ зноя и безводія, и мы наконецъ пришли къ селенію Башъ-Нурашинъ, чтó на рѣкѣ Арпачаѣ. Тутъ, помнится мнѣ, дѣлали дневку, потому что хвостъ колонны еще далеко отсталъ и прибылъ только на другой день къ свѣту въ лагерь.

Бенкендорфъ съ авангардомъ занялъ за рѣкою находящееся селеніе. Въ нѣкорыхъ селеніяхъ показывались жители, возвращавшіеся изъ горъ; ихъ всячески старались добрымъ обхожденіемъ приласкать и уговаривали не уходить въ горы; но безпорядки, чиненные нижними чинами, малая довѣренность жителей къ намъ, а всего болѣе

страхъ отъ Персіянъ, которые бы стали жестоко мстить имъ за всякія сношенія съ нами, были причиною, что хотя нѣкоторые прельщенные золотомъ нашимъ (коего не щадили) и доставляли съѣстные прапасы въ продажу, однако большая часть оныхъ снова удалялась въ горы, ожидая или совершеннаго очищенія Шарура отъ войскъ нашихъ, двигавшихся къ Нахичевани, или перемѣны обстоятельствъ, дабы безопасно убрать съ полей хлѣба свои.

Отъ Башъ-Нурашина прошли мы до селенія Хойкъ 26 верстъ. Переходъ сей крайне изнурилъ насъ и заразилъ уже болѣзнью и смертью, пожинавшею людей.

Переходъ до города Нахичевани 28 верстъ былъ крайне утомителенъ. Совершенное безводіе на всемъ пространствѣ, при сильномъ зноѣ, ни былинки зелени, пыль, все способствовало къ изнуренію оставшихся силъ нашихъ солдатъ. Сзади идущія войска были болѣе сутокъ въ семъ пути, прикрывая транспорты, которые едва двигались; число больныхъ нашихъ очень увеличилось.

Въ сей день я замѣтилъ, что между Паскевичемъ и Бенкендорфомъ существовали уже неудовольствія, причины коихъ однако я не узналъ. Бенкендорфъ не ходилъ болѣе къ Паскевичу. Полагаю однако, что причиною сего были заочныя обвиненія, которыя они другъ на друга дѣлали въ кругу своихъ приближенныхъ на счетъ начатой и брошенной осады Эривани. Паскевичъ находилъ, что̀ весьма было справедливо, что Бекендорфъ дѣйствовалъ неосновательно и не долженъ былъ обложить Эривань. Бенкендорфъ не хотѣлъ, чтобы осада была снята. Осада же была снята на другой день выступленія нашего оттуда, по рапорту Красовскаго, полученному на Гарпачаѣ, коимъ онъ доносилъ, что сильныя болѣзни показались въ войскахъ при блокадѣ. Неудачи всегда причиняютъ ссору между начальниками, и мы не могли избѣжать оной. Не помню, что̀ подало мнѣ поводъ вступить въ Хойкѣ въ разговоръ о Бенкендорфѣ съ Паскевичемъ, что̀ и дало мнѣ поводъ замѣтить неудовольствіе его. Онъ поручилъ мнѣ даже ѣхать впередъ въ авангардъ, съ коимъ онъ подвигался къ Нахичевани, и наблюдать за расположеніемъ духа его; но съ какою цѣлью? зачѣмъ? того не знаю, и я ничего не могъ исполнить по сему, не знавши, въ чемъ состояло приказаніе, да и не хотѣлъ быть исполнителемъ столь неприличнаго порученія. Онъ мнѣ также приказывалъ давать ему извѣстія о томъ, что откроется въ авангардѣ.

Передовые казаки замѣтили было нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ вдали, которые вскорѣ и скрылись. Мы узнали послѣ, что то былъ Керимъ-Ханъ Нахичеванскій, который, оставивъ столицу свою, дѣлалъ разъѣзды.

Наконецъ, мы подвинулись къ Нахичевани. Паскевичъ самъ хотѣлъ въѣхать въ городъ, полагая вѣроятно, что найдетъ у въѣзда гражданъ и старшинъ съ ключами онаго по обычаямъ Европейскимъ, и что шествіе его будетъ знаменовано торжествомъ цѣлаго народа. Онъ остановился у въѣзда нѣсколько времени съ Бенкендорфомъ (съ коимъ его на время примирила радостная мысль, занимавшая по неопытности обоихъ, видѣть скоро торжественную сдачу города). Они ожидали гражданъ и ключей и хотѣли раздѣлить славу знаменитаго завоеванія; но, видя, что никто не идетъ, они пустились вмѣстѣ впередъ, не занявъ даже садовъ и узкихъ улицъ Нахичевани пѣхотою. Хотя городъ и былъ оставленъ жителями, но могло случиться, что изъ бродящихъ по оному еще нѣсколькихъ Персіянъ, нѣкоторые выстрѣлили бы по начальникамъ. (Въ тотъ же вечеръ былъ такимъ образомъ убитъ одинъ рядовой при самомъ въѣздѣ).

Нахичевань состоитъ почти весь изъ садовъ, строенія въ ономъ закрыты въ сихъ садахъ; полуразвалившіяся ограды, изъ глины слѣпленныя, составляютъ улицы. Ханской дворецъ, выстроенный на кручѣ въ южной сторонѣ города, былъ еще въ хорошемъ состояніи, и къ нему Паскевичъ направилъ съ Бенкендорфомъ путь свой. За ними слѣдовали чиновники главной квартиры и множество деньщиковъ и казаковъ, которые въ мигъ разсыпались по садамъ и домамъ и начали грабить. Дурная полиція и безпорядокъ, происходившій отъ недостатка нужныхъ распоряженій, коихъ совершенно нельзя было дѣлать, были причиною, что отъ пѣхоты, при ослабѣвшемъ надзорѣ начальниковъ, отдѣлилось много людей, которые разсыпались по городу и грабили. Въ Нахичевани оставалось еще до 300 душъ. Говорятъ, что при семъ случаѣ было и насиліе женщинъ. Паскевичъ не упускалъ однакоже случая порицать за подобные безпорядки прежнее начальство и хвалиться заведеннымъ будто имъ устройствомъ въ войскахъ, въ коихъ, напротивъ того, исчезалъ и тотъ малый порядокъ, который прежде существовалъ.

Вскорѣ оставшіеся жители въ городѣ стали сбѣгаться къ нему съ жалобами. Онъ сердился, посылалъ своихъ адъютантовъ ловить грабителей, которые уходили черезъ стѣны и продолжали грабить въ другихъ домахъ, почему грабежъ и продолжался до самой ночи, пока полки стали въ лагерь. Въ слѣдующіе дни грабежъ возобновился отъ несмотрѣнія начальниковъ, и Нахичевань въ короткое время обрушился; ибо и самый ханской дворецъ, который былъ красиво убранъ снутри, былъ совершенно истребленъ на дрова. Я предлагалъ Паскевичу учредить немедленно комендантство или полицію въ городѣ, назначивъ для сего чиновника; но онъ не понималъ мѣръ, клонящихся къ порядку и

былъ такъ обрадованъ завоеваніемъ сихъ развалинъ и хорошему для него помѣщенію, что совершенно оставилъ войска на произволъ и дня два или три не выходилъ изъ ханскаго дворца, гдѣ онъ проводилъ время съ Бенкендорфомъ, сидя на коврѣ и въ самыхъ короткихъ, противъ обыкновенія своего, сношеніяхъ со всѣми къ нему приходящими, смѣялся, шутилъ, потчивалъ Донскимъ виномъ.

Въ сіе время мы не имѣли ни разъѣздовъ настоящихъ, ни карауловъ, и онъ едва взглянулъ на Аббасъ-Абадскую крѣпость, которая изъ оконъ его была видна и находилась отъ него въ 8-ми верстахъ. Никакихъ мѣръ не было взято для осмотра оной, никто къ ней не подъѣзжалъ, и Бенкендорфъ, который, оставивъ свой авангардъ, поселился также во дворцѣ ханскомъ, удостоилъ только взглянуть изъ оконъ въ зрительную трубу на крѣпость, сказавъ: «Ah voilà donc Abbas-Abad, c'est cela Abbas-Abad? N'est-ce pas?»

Паскевичъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы войска были всѣ расположены у него подъ окнами. Корпусъ и сталъ на равнинѣ безъ соблюденія боеваго порядка, хотя мы и были въ виду непріятеля. Я не имѣлъ средства помочь, ибо Паскевичъ послѣ нѣсколькихъ дней сдѣлался опять неприступенъ. Главная квартира была расположена въ саду у подошвы горы, на коей жилъ Паскевичъ и хотя онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что его одного оставляли въ городѣ, но сему помочь не было средствъ; потому что, съ размѣщеніемъ чиновниковъ по квартирамъ, не было бы никакого средства отыскать ихъ по закоулкамъ и переулкамъ Нахичеванскихъ развалинъ, и безпорядокъ въ городѣ усилился бы. Онъ вздумалъ однакоже сдѣлать однажды опытъ штурма и приказалъ встащить къ себѣ лѣстницы, которыя для сего возились нарядомъ со всѣхъ полковъ команды, и велѣлъ штурмовать стѣны. При семъ были собраны всѣ генералы и полковники, которыхъ онъ хотѣлъ обучить сему. Севарземидзевъ былъ безтолковъ и невѣжа, но онъ прежніе годы бывалъ на штурмахъ и былъ израненъ на оныхъ; онъ не умѣлъ воздержаться въ семъ случаѣ, чтобы не улыбнуться. Сіе было замѣчено Паскевичемъ, который его тутъ же, кажется, разбранилъ. Севарземидзевъ позволялъ себя самыя нескромныя выраженія на счетъ начальника своего въ присутствіи всего полка своего. Мнѣ по многимъ занятіямъ моимъ не удалось видѣть сего штурма, ибо я къ Паскевичу ходилъ только съ дѣломъ и выходилъ съ самыми оскорбительными выговорами и упреками.

28-го Іюня, наканунѣ Петрова дня, который праздновали въ карабинерномъ полку, я случился ввечеру у Паскевича съ бумагами и воспользовался этимъ, чтобы напомнить ему, что крѣпость Аббасъ-Абадъ еще не обозрѣна. Онъ согласился съ мнѣніемъ моимъ и возло-

жилъ обозрѣніе сіе на меня, приказавъ между прочимъ, чтобы я осмотрѣлъ и глубину рва. Я просилъ его, чтобы онъ назначилъ мнѣ одинъ баталіонъ на сію рекогносцировку, которая должна была сдѣлаться посреди дня. Какой вамъ баталіонъ, сударь? закричалъ онъ разсердясь. Вамъ не баталіоны нужны, извольте взять сотню казаковъ и чтобы болѣе сотни ничего не было; да извольте мнѣ осмотрѣть непремѣнно глубину рва. На такое приказаніе мнѣ было нечего отвѣчать; видно было, что отрядъ Персидской конницы, близъ крѣпости находящійся, не допустилъ бы меня исполнить сіе приказаніе; но дѣлать было нечего, и я долженъ былъ отправиться на другой день. Полковникъ Ренненкампфъ, который находился при бывшемъ авангардѣ, получилъ приказаніе также слѣдовать за мною; но онъ назначилъ себѣ въ прикрытіе, независимо отъ моей сотни, изъ авангарда еще одну сотню казаковъ и кромѣ того приказалъ одной сотнѣ быть въ готовности въ лагерѣ прискакать по первому требованію къ намъ на помощь.

29-го числа на разсвѣтѣ я отправился къ Аббасъ-Абаду съ Ренненкампфомъ и сотнею казаковъ. Я держался влѣво, дабы скрыть движеніе свое за продолговатыми возвышеніями, идущими на разстояніе одной или полуторы версты отъ крѣпости, и, скрывшись за бугоръ, спѣшилъ казаковъ, оставилъ за бугромъ лошадей и выслалъ пѣшихъ людей за бугоръ, дабы оставить непріятеля въ недоумѣніи о числѣ людей оставшихся за бугромъ. Хитрость сія, какъ я послѣ узналъ отъ самихъ Персіянъ, имѣла полный успѣхъ; ибо они, предполагая, что у насъ за горою засада и скрываются силы, не смѣли съ большими силами напасть на насъ и не истребили мой слабый отрядъ.

По вершинѣ сего продолговатаго бугра я прошелъ съ пѣшими казаками до оконечности, подходящей подъ самую крѣпость, откуда спустилъ нѣсколько человѣкъ влѣво, а самъ поѣхалъ съ нѣсколькими казаками въ право для обозрѣнія крѣпости. Мы подъѣхали съ Ренненкампфомъ къ развалинамъ стѣнокъ, оставшихся съ сѣверной стороны Аббасъ-Абада, какъ увидѣли Персидскую конницу въ числѣ 600 человѣкъ, переправлявшуюся черезъ Араксъ и подвигавшуюся ко мнѣ. Я хотѣлъ отступить на бугоръ и защищаться на ономъ до прибытія новыхъ силъ изъ лагеря; но Ренненкампфъ совѣтовалъ лучше потребовать къ себѣ казаковъ, отступать равниною по немногу отстрѣливаясь, а между тѣмъ послать въ лагерь съ приказаніемъ 3-й сотнѣ поспѣшить прибытіемъ къ намъ на помощь. На семъ и рѣшили. Мы дождались на мѣстѣ казаковъ оставленныхъ на бугрѣ и, построивъ ихъ въ двѣ линіи, отступали съ одною шагомъ, пока другая стояла лицемъ къ непріятелю. Персіяне также выстроились фронтомъ и пустились было на насъ рысью; но, увидя порядокъ, въ коемъ мы отступали, остано-

вились и выслали фланкёровъ, что̀ и я сдѣлалъ, чтобы занять ихъ до прибытія подкрѣпленія. Между тѣмъ я посадилъ засаду изъ 20 казаковъ въ деревнѣ, которая у меня была на правомъ флангѣ, дабы отрѣзать фланкёровъ ихъ, задающихся слишкомъ впередъ; но 3-я сотня казаковъ уже скакала ко мнѣ на помощь, и непріятель, собравъ фланкёровъ своихъ, началъ отступать подъ самую крѣпость. Причиною сего отступленія Персіянъ, кажется, болѣе всего было то, что они замѣтили толпы конницы, подвигавшіяся къ намъ изъ лагеря, въ коемъ дѣлалось слѣдующее.

Паскевичъ, увидя изъ оконъ своихъ перестрѣлку, засуетился и разсердился. Грибоѣдовъ, который въ то время былъ при немъ, и другіе его окружающіе совѣтовали ему послать ко мнѣ подкрѣпленіе, говоря, что я могу погибнуть съ горстью людей противъ такого сильнаго непріятеля. «Пускай онъ погибаетъ!» отвѣчалъ Паскевичъ. «Если онъ расторопный офицеръ, то самъ отдѣлается; если же онъ плохъ, то мнѣ не нуженъ, и пускай погибаетъ!». Надѣясь однако захватить Персіянъ, которые бы слишкомъ далеко заѣхали въ ожидаемомъ имъ преслѣдованіи меня, онъ вскорѣ поднялся со всею кавалеріею и выѣхалъ на высоты, которыя были за моимъ правымъ флангомъ; но, видя, что непріятель сталъ отступать, остановился и послалъ за мною Бородина, который засталъ меня уже совершенно внѣ опасности и свободнаго отъ непріятеля, на лугу за завтракомъ, и сказалъ, что Паскевичъ сердитъ, бранится и требуетъ меня къ себѣ.

Я пріѣхалъ къ нему. Онъ напустился на меня съ крикомъ, спрашивая, какъ я смѣлъ завязывать дѣло, тогда какъ онъ меня посылалъ единственно для того, чтобы заманить непріятеля и скакать въ лагерь, дабы дать ему случай отхватить гнавшихся за мною. Я отвѣчалъ ему, что если въ томъ была цѣль его, то онъ бы съ бо̀льшимъ успѣхомъ употребилъ казачьяго офицера съ нѣсколькими казаками, но что я такого приказанія никогда не получалъ, и напротивъ того, имѣлъ приказаніе осмотрѣть крѣпость. Неправда, сударь, сказалъ онъ въ сердцахъ. Тогда я ему напомнилъ, какъ онъ приказывалъ мнѣ осмотрѣть ровъ крѣпостной, и сказалъ, что я опасался еще отвѣтственности за то, что не исполнилъ въ точности сего приказанія. Послѣ сихъ словъ Паскевичъ перестал̀ъ браниться; онъ постоялъ нѣсколько времени на возвышеніи съ конницею и возвратился въ лагерь.

Паскевичъ все таки не оставлялъ надежды своей заманить непріятеля въ засаду и въ тотъ же день съ вечера нарядилъ сильную экспедицію въ тоже селеніе, лежащее подъ крѣпостью, которую и поручилъ въ командованіе генерала Розена. Въ войскѣ семъ была одна бригада уланъ, 12 полныхъ орудій и баталіонъ карабинеровъ. Меня онъ тутъ

же назначилъ, съ какою цѣлью я того не знаю, ибо ничего нельзя было ожидать; но, какъ онъ мнѣ послѣ сказалъ, я былъ съ тѣмъ назначенъ, чтобы дать мнѣ случай отличиться. Всѣ сіи войска отправились въ ночь съ большимъ шумомъ, хотя и желали тихо идти, и расположились въ селеніи почти въ пушечномъ выстрѣлѣ отъ крѣпости, полагая, что они совершенно скрыты, тогда какъ они были видны изъ Аббасъ-Абада.

Розенъ и Сакенъ, въ надеждѣ исполнить порученіе имъ данное, суетились всю ночь; я же заснулъ, и на разсвѣтѣ никто не показался. Тогда послали казаковъ заманивать Персидскую конницу, показавшуюся близъ Аракса, ту самую, которая на меня нападала. Казаки размѣнялись нѣсколькими выстрѣлами съ Персіянами, и тѣмъ все кончилось. Вскорѣ пріѣхалъ и самъ Паскевичъ. Онъ расположился на бугрѣ и велѣлъ обложить всю крѣпость кавалеріею. Непріятель открылъ огонь изъ орудій и перебилъ у насъ нѣсколько людей безъ всякой надобности. Мы подвезли также свою артилерію и начали стрѣлять безъ всякой цѣли въ крѣпость, что̀ и продолжалось около часа. Паскевичъ сѣлъ верхомъ и, подъѣхавъ къ фронту, остановился передъ однимъ бастіономъ, изъ коего пустили нѣсколько ядеръ по немъ. Онъ молчалъ, ничего не приказывалъ и назвалъ сіе рекогносцировкою; между тѣмъ онъ подвинулся вправо къ рѣкѣ и предположилъ начало осады, приказавъ полковнику Коцебу измѣрять разстояніе до крѣпости. Коцебу сдѣлалъ сіе не совсѣмъ какъ должно было; онъ вымѣрилъ разстояніе невѣрно, такъ что когда начали осаду и построили первую батарею, то она оказалась гораздо далѣе отъ крѣпости, чѣмъ полагали. Сія была одна изъ причинъ, по коимъ его отпустили отъ войска въ Тифлисъ и, послѣ того, совершенно удалили изъ Грузіи, переведя на службу въ Россію.

Изъ крѣпости пріѣзжалъ къ намъ парламентёръ; съ нимъ вмѣстѣ отправили капитана Вальховскаго переодѣтаго въ Татарское платье, дабы проводить его до крѣпости и осмотрѣть ровъ; но его не допустили близко подъѣхать и сказали, что будутъ по немъ стрѣлять. Персіяне на сдѣланныя имъ предложенія о сдачѣ отказались, намѣреваясь защищаться.

Между тѣмъ, съ приближеніемъ нашимъ къ Араксу, Персидская конница, коей было до 600 человѣкъ, удалилась отъ праваго берега рѣки и стала уходить въ горы. За нею послали въ погоню уланъ, кажется и драгунъ. Розенъ и Сакенъ, надѣясь съ тяжелою своею кавалеріею настичь Персіянъ, гнались за ними 18 верстъ и симъ напраснымъ переходомъ истощили послѣднія силы строевыхъ большихъ лошадей своихъ, уже носившихъ на себѣ печать истребленія послѣ та-

коваго же пустаго и неудачнаго опыта, сдѣланнаго на Башъ-Абарани и послѣ труднаго перехода войскъ изъ подъ Эривани. Они возвратились безъ всякаго успѣха, и къ вечеру всѣ войска снова были подъ Нахичеванью. Паскевичъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ рекогносцировку, и сталъ принимать мѣры для осады крѣпости.

Однако болѣзни въ войскѣ нашемъ усиливались непомѣрнымъ образомъ. Госпитали не въ состояніи уже болѣе были вмѣщать больныхъ, и смертность начинала показываться. Къ тому способствовало еще распоряженіе, впрочемъ неизбѣжное, заготовлять войскамъ себѣ продовольствіе жатвою. Солдать посылали жать съ полей хлѣбъ и молотить оный, съ уплатою за каждую четверть по одному рублю серебромъ. Жары становились несносные, скотъ въ транспортахъ сталъ также болѣть, и мы лишались ежедневно до 80-ти быковъ, такъ что войска наши проходили день ото дня въ большее разстройство.

Къ Паскевичу пріѣхалъ парламентёромъ изъ Аббасъ-Абада одинъ маіоръ Нахичеванскаго сарбазскаго баталіона, составлявшаго гарнизонъ крѣпости; но человѣкъ сей имѣлъ, кажется, болѣе въ виду высмотрѣть наши силы и состояніе нашихъ войскъ. Онъ былъ принятъ въ ханскомъ дворцѣ, въ коемъ жилъ Паскевичъ; ни о чемъ съ нимъ толкомъ не переговорили, разбранили и отпустили назадъ.

Мои сношенія съ Паскевичемъ день ото дня становились хуже; терпѣнія моего болѣе не ставало выслушивать всѣ напрасные и оскорбительные упреки, кои онъ мнѣ часто дѣлалъ. Онъ упрекалъ мнѣ какія-то тайныя сношенія съ Ермоловымъ, упрекалъ всѣми неисправностями, которыя онъ находилъ въ солдатахъ Кавказскаго корпуса, упрекалъ мнѣ въ дурномъ обхожденіи съ Викинскимъ, который кромѣ вѣжливости отъ меня ничего не видалъ, въ ошибкахъ писарскихъ, когда я приносилъ ему бумаги къ подписи, находя вездѣ умыслъ, видя вездѣ заговоры. Однажды онъ до того довелъ стараго Эристова, что сей послѣдній, не зная болѣе, что̀ дѣлать, метался и громогласно призывалъ при немъ на себя всѣ проклятія, называя себя мошенникомъ, хотѣлъ быть зарѣзаннымъ, дабы оправдаться, прятался за арбы; словомъ, старикъ сей, безъ того слабый умомъ, совсѣмъ было спятилъ съ онаго.

Рѣшено было начать осаду Аббасъ-Абада, и наканунѣ того дня, какъ всѣмъ войскамъ надлежало тронуться, дабы обложить крѣпость, были отданы Паскевичемъ нѣкоторыя приказанія для приготовленія фашинъ и прочаго. Возвратившись въ свою палатку, я изложилъ ихъ письменно и подробно въ словесномъ приказаніи, какъ было мною заведено въ Джелалъ-Оглу и, утомленный бдѣніемъ и трудами, легъ и заснулъ передъ свѣтомъ. Недолго продолжился отдыхъ мой, и инженерный полковникъ Литовъ разбудилъ меня вскорѣ, говоря, что въ ра-

споряженіяхъ къ осадѣ упущено было назначеніе траншей-маіора, чиновника необходимаго для успѣшнаго производства работъ. Онъ тутъ же предложилъ мнѣ назначить въ сіе званіе маіора Шпитникова, котораго онъ находилъ способнымъ къ сей должности. Литовъ меня схватилъ въ просонкахъ, и я тутъ же согласился на сіе назначеніе безъ доклада о семъ Паскевичу, что̀ продлилось бы нѣсколько часовъ. Я, можетъ быть, и былъ виноватъ въ томъ, что назначеніе сіе сдѣлалъ безъ его воли, но дѣло требовало поспѣшности. Не знаю черезъ кого, Паскевичъ узналъ о семъ распоряженіи и, едва я къ нему пришелъ поутру, какъ онъ на меня напустился за сіе своевольное назначеніе, приписывая оное къ моему желанію властвовать. Онъ тутъ только развѣдалъ, что существуетъ словесное вечернее приказаніе и сталъ упрекать мнѣ въ семъ учрежденіи, которое еще нѣсколько поддерживало порядокъ, потому что онъ не касался онаго. Выговоривъ мнѣ все что̀ только можно было, онъ запретилъ мнѣ отдавать сіи приказанія безъ его вѣдома, отдавалъ ихъ уже самъ, продерживалъ почти всегда до разсвѣта и дѣлалъ большую запутаницу, такъ что не было почти возможности исполнить его приказаній. Сего мало было: онъ запретилъ мнѣ распечатывать какія бы то ни было бумаги, на его имя получаемыя, черезъ что совершенно затруднилъ ходъ дѣла; ибо я долженъ былъ ему докладывать, распечатывая при немъ ежедневно множество пустыхъ бумагъ, не заключавшихъ ничего занимательнаго. Я полагаю, что онъ давно уже сбирался со мною такъ поступать, страшась обязанности моей, которая ему казалась оскорбительною для его сана, и что онъ тутъ только что выбралъ случай, дабы придраться и меня сколь можно болѣе устранить отъ дѣла.

Въ первыхъ числахъ Іюля лагерь нашъ былъ переведенъ къ Аббасъ-Абаду, отъ коего мы стали верстахъ въ трехъ правымъ флангомъ къ Араксу. Осада немедленно началась, но безъ всякаго порядка. Заложили первую параллель по ошибкѣ, сдѣланной Коцебу, слишкомъ далеко, и начали стрѣлять по крѣпости батарейными орудьями, сбили тоненькую стѣнку толщиною не болѣе какъ въ полъ-аршина, которою обведенъ былъ верхъ бруствера, и назвали сіе брешею.

Въ сію первую ночь работъ Паскевичъ самъ поѣхалъ смотрѣть оныя и, видя, что люди работали очень лѣниво, онъ разсердился и схватилъ за воротъ маіора графа Бельфорта, который тутъ начальствовалъ. Онъ перетащилъ его черезъ ровъ и наговорилъ ему множество непріятностей; но послѣ того однакоже, узнавъ, что онъ былъ маіоръ, извинился передъ нимъ. Тутъ онъ, пробѣгая мимо рабочихъ, наткнулся ночью на штыкъ и крѣпко укололся, но не жаловался и не показывалъ никогда вида, что у него нога болитъ.

Удивительно было, что непріятель не стрѣлялъ по насъ во время работъ; ибо нельзя было ихъ производить съ большею оплошностію и небрежностію; но я узналъ послѣ отъ Гассанъ-Хана, который намъ сдалъ крѣпость, что онъ, располагая допредъ сего перейти къ намъ, съ намѣреніемъ не безпокоилъ насъ.

На другой день оказалось, что траншеи едва закрывали человѣка, ровъ былъ шириною аршина въ полтора; ибо не было настоящаго присмотра за работами, и инженерные офицеры, которые управляли работами, всѣ скрылись ночью. На слѣдующую ночь предположили расширить рвы, возвысить брустверы первой параллели и, подвинувшись еще впередъ, заложить новую батарею гораздо ближе къ крѣпости.

Траншеи зигзагами повели изъ средины параллели, которая много была подана назадъ, такъ что къ свѣту выстроенная вновь батарея очутилась наравнѣ съ фланговыми, наканунѣ построенными, что̀, говорили мнѣ, было разсчитано полковникомъ Литовымъ, не подвигавшимся съ удовольствіемъ ближе къ крѣпости. Кромѣ сего, все еще оказалось, что передъ самою батареею сею былъ бугорокъ, который совершенно препятствовалъ стрѣлять орудьями; сіе произошло отъ того, что Литовъ ночью не рѣшился пройти самъ до того мѣста, гдѣ батарею строили. Онъ однако получилъ Георгіевскій крестъ за Персидскую войну.

На правомъ берегу Аракса, противъ южнаго фаса крѣпости, заложили также редутъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ тылъ орудіямъ по насъ стрѣлявшимъ; но ни тутъ, ни тамъ работы не шли порядкомъ. Видя состояніе дѣлъ и безпечную нераспорядительность вмѣстѣ съ безтолковщиною и суетою, я предложилъ Паскевичу мысль мою: назначить людей порядочныхъ и опытныхъ начальниками осады и траншей на обоихъ берегахъ рѣки и назвалъ ему для лѣваго берега Бурцова, а для праваго Бородина. Паскевичъ сперва ничего не сказалъ, но послѣ согласился и сдѣлалъ сіи два назначенія. Я представилъ имъ ослабленное состояніе дѣлъ нашихъ и нашелъ ихъ совершенно готовыми приложить все стараніе для исправленія оныхъ. Сіе обстоятельство первое подняло Бурцова на ту степень, на которой онъ теперь находится, и я, безъ сомнѣнія, сему причиною: ибо, будучи сосланъ сюда послѣ происшествій 14 Декабря, онъ былъ на весьма дурномъ замѣчаніи у Паскевича, который не зналъ его образа мыслей, дѣятельности и способностей. Дѣло въ мигъ приняло другой видъ послѣ сего распоряженія. Въ работахъ появилась дѣятельность, оказался успѣхъ. Въ ночь сію Персіяне полагали, что мы пойдемъ на штурмъ и подняли, со всѣхъ батарей и куртинъ къ намъ обращенныхъ, силь-

ный пушечный и ружейный огонь, отъ котораго однако мы имѣли только двухъ или трехъ раненыхъ.

4-го Іюля ввечеру было получено извѣстіе, что Аббасъ-Мирза съ большими силами собирался атаковать насъ, дабы освободить Аббасъ-Абадъ отъ осады. 5-го извѣстія сіи подтвердились, и мы внезапно выступили изъ своего лагеря и переправились на правый берегъ Аракса. Князь Вадбольскій оставался въ траншеяхъ съ Бурцовымъ и частью войскъ, занимавшихъ оныя. Мы выступили въ такомъ безпорядкѣ, что почти половины людей не было при своихъ полкахъ, и все сіе происходило отъ суетливости Паскевича и малаго знанія обычаевъ и учрежденій въ войскахъ.

Вышедши на правый берегъ рѣки, мы остановились и построились въ три колонны. Всего на всего едва ли насъ было до 8,000 человѣкъ съ кавалеріею подъ ружьемъ. Потомъ мы подвинулись еще верстъ на 15-ть и, открывъ непріятеля, занимавшаго противулежавшія высоты съ 10-ю или 12-ю тысячами конницы, остановились. День былъ чрезвычайно жаркій, воды съ нами не было, и люди крайне утомились. Не знаю, съ какою цѣлью Паскевичъ выдержалъ насъ въ семъ положеніи нѣсколько часовъ; онъ всегда дѣлаетъ это передъ непріятелемъ. Иные объясняютъ сіе, какъ обдуманный поступокъ, имѣющій какія-то непонятныя для меня цѣли; я же приписываю сіе просто къ нерѣшимости его, которую онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ показывалъ.

Наконецъ, правый флангъ, совершенно отдѣльно стоявшій подъ командою полковника князя Долгорукаго, только изъ 500 или 600 Черноморскихъ казаковъ, былъ атакованъ превосходныхи силами, но выдержалъ натискъ и устоялъ. Съ сею атакою Персіяне вывезли 4 орудія впередъ и открыли по насъ изъ оныхъ огонь. Имъ отвѣчали изъ нашей артилеріи. Орудія сіи могли быть взяты во флангъ уланскою бригадою, которою командовали генералы Бенкендорфъ, Розенъ и Сакенъ и которые стояли для сего въ самомъ удобномъ мѣстѣ, между Долгорукимъ и пѣхотою; тутъ же вблизи былъ и генералъ Иловайскій съ Донскими казаками. Орудія были бы непремѣнно взяты; но они сего не сдѣлали, и Персіяне, перебивъ у насъ нѣсколько человѣкъ, увезли пушки свои въ то время, какъ мы начали атаку на лѣвомъ флангѣ. Атака сія лѣваго фланга рѣшила все сраженіе.

Не знаю, по приказанію ли Паскевича, или по собственному движенію, полковникъ Раевскій съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ атаковалъ Персіянъ, которые спѣшившись стали отстрѣливаться на покатостяхъ горъ; драгуны также спѣшились и завели перестрѣлку. Тогда Паскевичъ послалъ, для поддержанія Раевскаго, князя Эристова съ колонною въ лѣво. Эристовъ пошелъ съ барабаннымъ боемъ;

ему было идти версты три, люди сіи растянулись и разсыпались; атаку сію назвали на штыки, хотя непріятеля и въ глаза не видали. Во время движенія сего однако было ранено и убито человѣкъ пять ядрами, которыя Персіяне пускали во флангъ сей колонны.

Видя безпорядокъ, въ коемъ шла колонна Эристова, Паскевичъ послалъ меня къ нему, дабы устроить оную и вести. Я прискакалъ къ колоннѣ, когда люди оной толпились и давились около родника, который на дорогѣ случился. Не было никакихъ средствъ оторвать ихъ отъ сего мѣста; но по мѣрѣ какъ первые уходили, я собиралъ ихъ и строилъ снова въ колонны на походѣ. Тутъ я услышалъ ропотъ солдатъ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, и я унялъ оный только угрозами предать въ мигъ смерти виновнаго. Другихъ я упрашивалъ подвигаться; но силъ у нихъ не доставало: столь люди утомились безъ воды на знойной безводной степи съ самаго утра. Кое-какъ однакоже я устроилъ войска и подвигался впередъ сколь можно поспѣшнѣе, дабы атаковать правый флангъ непріятеля; но Персіяне еще при началѣ движенія Эристова, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, бѣжали, и вся занимаемая ими позиція въ мигъ очистилась. Наша конница преслѣдовала ихъ верстъ за 10 отъ того мѣста и привела человѣкъ 40 или 50 въ плѣнъ. Въ томъ числѣ взяты были Марагскій ханъ, одинъ прислужникъ Аббасъ-Мирзы, лично предводительствовавшаго въ семъ сраженіи, и чиновникъ Персидскій, пріѣзжавшій въ Эчміадзинъ въ званіи посланника, о которомъ выше упомянуто и который былъ ничто иное, какъ лазутчикъ. Пока я велъ колонну Эристова, я получилъ множество приказаній: остановиться, спѣшить, дождаться, идти. Богъ знаетъ, какихъ мнѣ приказаній не посылали! Наконецъ я остановился у лужи, которую я встрѣтилъ, дабы дать людямъ отдохнуть, и пріѣхалъ самъ къ Паскевичу. Онъ избралъ себѣ небольшой утесъ тутъ случившійся, на коемъ сидѣлъ, облокотившись на камнѣ; его осѣняли два знамя, взятыхъ подъ непріятелемъ, а онъ принималъ приводимыхъ къ нему плѣнныхъ.

Полагаютъ, что еслибъ въ тотъ день преслѣдовали Персіянъ далѣе, то война и кончилась бы тѣмъ; ибо извѣстно, что шахъ, стоявшій съ многочисленнымъ войскомъ близъ Чорса (что̀ верстахъ въ 20, позади Аббасъ-Мирзы), видя бѣгство своего сына, поднялся съ лагеря въ ужасномъ безпорядкѣ и бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ; но узнавъ, что за нимъ не гонятся, возвратился опять къ Чорсу. Аббасъ-Мирза же признавался въ Тавризѣ при заключеніи мира, что онъ въ сей день нисколько не думалъ съ нами драться и подошелъ только, чтобы посмотрѣть осаду Аббасъ-Абада. Онъ могъ еще сдѣлать весьма славное для него дѣло, еслибъ вмѣсто того, чтобы дожидаться и послѣ того бѣжать безъ всякой причины, онъ потянулся бы на свой лѣвый флангъ,

и напалъ бы на наши транспорты, обозы и скотъ, остававшіеся почти безъ всякаго порядка противъ Аббасъ-Абада; онъ бы долженъ былъ для сего переправиться черезъ Араксъ повыше, и конница его, которую бы никогда не настигли, могла произвести движеніе сіе съ большимъ и вѣрнымъ почти успѣхомъ. Нападеніе сіе было бы поддержано вылазкою изъ крѣпости, которую Персіяне и сдѣлали во время отсутствія нашего, но были встрѣчены пушечнымъ огнемъ изъ батарей, при траншеяхъ устроенныхъ и возвратились въ крѣпость. Я выше сказалъ, что траншеи были заняты полковниками Бурцовымъ и Бородинымъ подъ начальствомъ Вадбольскаго. Паскевичъ при выступленіи своемъ изъ лагеря былъ такъ уже смущенъ, что не зналъ, что̀ ему и предпринять съ осадою: то онъ хотѣлъ ее бросить, то хотѣлъ удержать, и все смущеніе сіе произошло отъ нѣсколькихъ тысячъ Персидскихъ всадниковъ, показавшихся за Араксомъ верстахъ въ 10-ти. Наконецъ, онъ уѣхалъ, ничего не приказавъ. Кто вздумалъ, тотъ присоединился изъ траншеи къ полку; кто остаться хотѣлъ, тотъ остался. Сраженіе 5 Іюля подъ Джаванъ-Булакомъ выигралось, и траншеи удержались.

Къ вечеру войска получили приказаніе возвратиться. Правда, что они были слишкомъ изнурены. Побѣгъ шаха не былъ извѣстенъ. Не знали также, что̀ дѣлалось или что̀ могло случиться при осадномъ лагерѣ, и потому нельзя винить Паскевича въ томъ, что онъ далѣе не гнался за Персіянами. Мы шли обратно ночью, прошли около 20-ти верстъ безъ воды и безъ дороги и пришли, наконецъ, къ вагенбургу, гдѣ остававшійся комендантъ главной квартиры, маіоръ Медоксъ, сбилъ все въ одну непроходимую кучу. Палатки, повозки, арбы, лошади, все было смѣшано, и точно никакая конница не проскочила бы сквозь сей хаосъ, который едва распутали на другой день, дабы стать лагеремъ порядочно.

Въ сраженіи подъ Джаванъ-Булакомъ мы потеряли до 30-ти человѣкъ убитыми и ранеными; непріятель могъ имѣть всей потери, полагая въ томъ числѣ и плѣнныхъ, до 150-ти человѣкъ.

По совѣту моему, взятыя у непріятеля знамена были выставлены на нашихъ батареяхъ, и сіе такъ подѣйствовало на Персіянъ, что въ гарнизонѣ сдѣлалось смятеніе. Яхсенъ-Ханъ, командиръ Нахичеванскаго сарбазскаго баталіона, который до сего былъ уже въ сношеніяхъ съ княземъ Абхазовымъ, показалъ расположеніе къ сдачѣ крѣпости. Махмедъ-Аминь-Ханъ, сардарь, зять шаха, коему поручена была крѣпость, былъ человѣкъ слабый, и хотя онъ противился сдачѣ крѣпости, но не имѣлъ довольно власти, чтобы удержать Яхсенъ-хана. При семъ безпорядкѣ бѣжалъ изъ крѣпости одинъ султанъ или ротный командиръ Эйкали, единственный порядочный человѣкъ, который въ ней находился

и который не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ему послѣ Елисаветпольскаго сраженія въ 1826 году Аббасъ-Мирзою, выбрившимъ ему половину бороды. Эйкали-султанъ предался къ намъ и увѣдомилъ о безпорядкѣ, существующемъ въ крѣпости. Въ тоже время явился къ намъ Керимъ-Ханъ Нахичеванскій, дядя Яхсенъ-Хана. Онъ находился въ войскѣ Аббасъ-Мирзы; но, видя неудачу, просилъ, чтобы ему отдали ханство, обѣщаясь служить намъ вѣрно. Такъ какъ его не знали, то не дали ему рѣшительнаго отвѣта; онъ уѣхалъ и сдѣлался непримиримымъ врагомъ нашимъ, какъ равно и племянника своего Яхсенъ-Хана, котораго назвали намѣстникомъ Нахичевани и который до сихъ поръ тамъ служитъ.

Вскорѣ за Эйкали-султаномъ явился одинъ маіоръ для переговоровъ о сдачѣ крѣпости. Въ крѣпость послали Курганова. Наконецъ, крѣпость сдалась, Богъ знаетъ какъ и зачѣмъ; ибо она могла еще долго держаться, и мы истощили бы передъ нею послѣднія силы войскъ нашихъ. Удачу сію никоимъ образомъ нельзя приписать искусству вождя нашего.

Мехти-Кули-Хана Карабагскаго ожидали къ намъ съ Абхазовымъ всякій день. Паскевичъ хотѣлъ сдѣлать ему пышный и ласковый пріемъ, для того чтобы загладить оскорбленія, нанесенныя ему въ правленіе предмѣстника и для того, что онъ надѣялся выманить изъ него разныя ябеды на счетъ Ермолова и Мадатова.

Квартиргеръ для занятія лагеря Мехти-Кули-Хану явился ко мнѣ, и я приказалъ отвести ему хорошее мѣсто для палатокъ ханскихъ. Назначено ему разбить оныя близъ палатки Паскевича, на мѣстѣ занимаемомъ маркитантомъ, котораго я велѣлъ согнать. Мѣсто было точно хорошее и лучшее въ лагерѣ нашемъ. Полагаю, что нѣкоторыя особы, въ числѣ коихъ можетъ быть находился Иванъ Кургановъ, сказали Паскевичу, что я поставилъ хана въ отходныя мѣста, съ намѣреніемъ возродить въ немъ негодованіе. Ввечеру, когда я принесъ къ Паскевичу бумаги, онъ былъ уже въ сердцахъ и сталъ упрекать мнѣ, что я помѣстилъ его при отходныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы поддержать Алексѣя Петровича, съ коимъ я будто находился въ связяхъ и съ коимъ я устроивалъ различныя козни такого рода, имѣя въ виду склонить хана снова къ побѣгу и тѣмъ уничтожить то вліяніе, котораго онъ самъ достигъ посредствомъ большихъ трудовъ и стараній, исправляя все то зло, которое было произведено несправедливымъ правленіемъ Алексѣя Петровича. Ни оправданія мои, ни видъ оскорбленія, который отозвался, наконецъ, въ отвѣтахъ моихъ, не могли остановить обвиненія его, и разговоръ нашъ, довольно жаркій, кончился ничѣмъ. Я вышелъ отъ Паскевича, будучи весьма огорченъ и тронутъ его несправедливостью.

Не менѣе того, я продолжалъ заниматься еще своею обязанностью, и въ туже ночь пришелъ еще къ нему съ докладомъ. Онъ тогда былъ занятъ реляціею о побѣдѣ надъ Аббасъ-Мирзою, которая никакъ не клеилась по его желанію. Писалъ ее Вальховскій, писалъ Грибоѣдовъ, и все не выходило того, чтò ему хотѣлось. Просмотрѣвъ со мною принесенныя бумаги, онъ обратился ко мнѣ съ дружескимъ видомъ: «Mon cher général», сказалъ онъ, «faites moi l'amitié d'écrire de ma part un mot au général Sipiaguine, pour le prévenir de la victoire, en lui disant que les détails ultérieurs viendront à la suite». Возвратясь въ свою палатку часу во второмъ послѣ полночи, я продиктовалъ Ахвéрдову, при мнѣ находившемуся въ должности адъютанта, письмо отъ Паскевича къ Сипягину, въ коемъ пояснено было вкратцѣ все дѣло, не упустивъ ничего того, чтò могло служить къ представленію дѣла сего въ настоящемъ видѣ, то-есть побѣды, означивъ число плѣнныхъ, знаменъ и проч. Но какъ я удивился, когда по прочтеніи письма сего Паскевичу, я увидѣлъ, что онъ выходилъ изъ себя. «Кто это писалъ?» закричалъ онъ. – «Я писалъ».—«Кто писалъ?» возразилъ онъ снова.— «Писалъ Ахвердовъ по моей диктовкѣ».—«Arrêtez moi cet homme, закричалъ онъ, c'est un petit coquin». Я, разумѣется, не арестовалъ его, а спросилъ Паскевича, чѣмъ Ахвердовъ провинился? «Вы, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ въ пылу, не помѣстили всего въ реляціи».—«Это не реляція, сказалъ я, а краткое письмо въ предупрежденіе генерала Сипягина, до отправленія настоящей реляціи, которую вы мнѣ не приказывали написать».—«Вы, сударь, скрыли число плѣнныхъ хановъ: ихъ взято семь, а не три, какъ вы записали».—«Ихъ взято только три».— »Неправда, сударь, семь взято; сочтите ихъ въ палаткѣ». Въ палаткѣ точно сидѣло семь человѣкъ плѣнныхъ съ ханами, но въ томъ числѣ были и прислужники ихъ, чтó я ему и объяснилъ; но онъ не хотѣлъ принять сего. «Вы написали мало плѣнныхъ, продолжалъ онъ. Алексѣю Петровичу Ермолову написали бы вы 30 хановъ и 30,000 непріятельскаго урона, а мнѣ вы не хотите написать семи хановъ. Когда Суворовъ имѣлъ дѣло съ войскомъ сильнѣе 30,000, то у него менѣе 80,000 непріятеля въ реляціяхъ не значилось. Вы знаете, какъ онъ всегда увеличивалъ уронъ непріятеля, а мнѣ вы сего сдѣлать не хотите; но я знаю, что это все послѣдствія интригъ вашихъ съ Ермоловымъ: вы хотите затмить мои подвиги и не щадите для достиженія цѣли вашей славы Россійскаго оружія, которую вы также затемнить хотите, дабы мнѣ вредить». Слова сіи были столь обидны, что я не могъ выдержать оныхъ. «Ваше высокопревосходительство обвиняете меня, стало быть, въ измѣнѣ, отвѣчалъ я. Обвиненіе сіе касается уже до чести моей, и послѣ онаго я не могу въ войскѣ болѣе оставаться.

Прошу васъ отпустить меня теперь въ Тифлисъ».—«Какъ вы смѣете проситься?» сказалъ онъ.—«Я доведенъ до крайности».—«Но вы знаете, что теперь ни отпусковъ, ни отставокъ нѣтъ».—«Знаю, а потому и увѣряю васъ, что моя главная цѣль состоитъ единственно въ томъ, чтобъ не служить подъ начальствомъ вашимъ; какимъ же образомъ достигну до оной, до того мнѣ дѣла нѣтъ. Вы меня до того довели, что я буду счастливъ удалиться отсюда, подъ какимъ вамъ угодно будетъ предлогомъ. Угодно вамъ, отпустите меня; угодно, командируйте по службѣ; угодно, ушлите, удалите со взысканіемъ, какъ человѣка неспособнаго, провинившагося, съ пятномъ на всю мою службу. Я увѣряю васъ, что всѣмъ останусь довольнымъ, лишь бы не при васъ служить».—«Хорошо, сказалъ онъ съ видомъ гораздо спокойнѣе, я ваше дѣло рѣшу ужô, а теперь прошу васъ до того времени продолжать занятія ваши по прежнему». Я пошелъ къ Грибоѣдову, разсказалъ ему все происшествіе и объяснилъ, что болѣе въ войскѣ не остаюсь. Сколь ни было прискорбно Грибоѣдову, по родству его съ Паскевичемъ, видѣть ссору сію, но онъ не могъ не оправдать поведенія моего въ семъ случаѣ.

На другой день я пошелъ обѣдать къ Паскевичу и не показывалъ болѣе виду неудовольствія, будучи въ полномъ увѣреніи, что меня отпустятъ. Ввечеру пришелъ я къ нему съ бумагами. Разсмотрѣвъ оныя, онъ вдругъ обратился ко мнѣ. «Неужели, сказалъ онъ, вы еще сердитесь на меня за вчерашнее? Оставьте это, я прошу васъ о томъ. Я васъ обидѣлъ совсѣмъ безъ намѣренія огорчить васъ и отъ одной вспыльчивости своей. Будьте увѣрены, что я къ вамъ имѣю совершенное уваженіе. Прошу васъ продолжать занятія ваши и оставаться на службѣ со мною». Меня тронуло его сознаніе. Мы обнялись, и я изъявилъ ему готовность продолжать при немъ службу. Такія сцены между нами и послѣ того еще нѣсколько разъ случались.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Глава I.

Обзоръ гражданской дѣятельности князя Барятинскаго.—Реформа главнаго управленія.—Измѣненія въ администраціи мѣстной. — Учрежденіе Кутаисскаго генералъ-губернаторства.—Упраздненіе автономіи въ Мингреліи. — Реформа финансоваго управленія.—Дѣла Армяно-Григоріанской церкви.

Перехожу къ дѣятельности князя Барятинскаго, какъ намѣстника Кавказскаго. На гражданскомъ поприщѣ, къ которому предшествовавшею службою онъ вовсе не былъ подготовленъ, еще болѣе должно было выясниться, на сколько онъ оправдаетъ данное ему высокое назначеніе.

Само собою, передъ задачей окончательнаго покоренія Кавказа силою оружія, все, даже и наиважнѣйшія гражданскія дѣла, отступало на задній планъ, и потому въ оцѣнкѣ успѣховъ дѣятельности намѣстника не могло существовать столько живаго интереса, столько внимательнаго, анализирующаго начала, какъ при оцѣнкѣ успѣховъ главнокомандующаго. Послѣдніе же были такъ блестящи, такъ, можно сказать, изумительно-неожиданны, что своимъ блескомъ затемняли всѣ прочія стороны управленія, и если въ гражданской части даже были слабыя стороны или замѣтныя ошибки, то, при этомъ условіи, онѣ не вызывали особыхъ нареканій. Но и здѣсь, въ обширной, чрезвычайно-разнообразной администраціи Кавказа, князь Барятинскій проявилъ немало взглядовъ истинно-государственнаго человѣка, далъ толчекъ развитію благосостоянія края, посредствомъ желѣзнодорож-

ныхъ *) и пароходныхъ сообщеній и другихъ мѣръ, какъ увидитъ читатель изъ послѣдующаго изложенія. Однако, какъ вездѣ и во всемъ, были и здѣсь слабыя стороны, увлеченія. лишнее довѣріе къ людямъ, не вполнѣ того заслуживавшимъ, нѣкоторая легкость отношенія къ государственному казначейству и т. д.

Князю Барятинскому было высочайше предоставлено исключительное право самому создавать новыя учрежденія, утверждать и приводить въ исполненіе разныя реформы, требующія, по закону, разсмотрѣнія въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и санкціи Императора. Такимъ правомъ, знакомъ полнѣйшаго довѣрія Монарха, ни одинъ изъ предшественниковъ князя Барятинскаго не пользовался, да и вообще едва ли въ теченіе царствованій Николая и Александра II-го кто-либо былъ облеченъ столь обширными правами.

На основаніи этого, князю Барятинскому было предоставлено дать существовавшему до него главному управленію на Кавказѣ образованіе по ближайшему его усмотрѣнію и вводить это образованіе въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, безъ предварительнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, составляемые по его указаніямъ проекты и положенія, послѣ надписи: „по высочайше предоставленной мнѣ власти, въ видѣ опыта, на три года, утверждаю“, тотчасъ приводились въ исполненіе и только для свѣдѣнія препровождались въ Кавказскій Комитетъ, который докладывалъ ихъ Государю.

Съ учрежденіемъ въ 1845 году на Кавказѣ намѣстничества, въ главномъ управленіи сосредоточились дѣла по всѣмъ безъ изъятія частямъ гражданскаго устройства обширнаго, разнообразнаго края. Сообразно съ этимъ явилась необходимость измѣнить и самую организацію управленія. Князь Воронцовъ, соображаясь съ средствами, ограничился лишь нѣкоторыми частными преобразованіями, устранившими временныя неудобства и затрудненія, такъ что устройство главнаго управленія въ томъ видѣ, какъ его засталъ князь Ба-

*) Хотя постройка желѣзной дороги за Кавказомъ совершена уже послѣ князя Барятинскаго, но иниціатива принадлежала ему, какъ видно изъ его писемъ къ Государю и изъ другихъ бумагъ. Самый проектъ дороги разработанъ, по его порученію, еще въ 1858 году Англійскимъ инженеромъ Бэлли. А. З.

рятинскій въ 1856 году, представляло съ одной стороны смѣсь различныхъ началъ, не истекавшихъ изъ одной правильной системы, а съ другой—крайнюю недостаточность средствъ, сравнительно съ размѣромъ дѣлъ и обязанностей, лежавшихъ на главномъ управленіи.

Князь Барятинскій учредилъ особый комитетъ изъ лицъ, наиболѣе знакомыхъ съ духомъ общихъ нашихъ учрежденій для развитія въ подробности началъ, на которыхъ должна была создаться новая организація управленія. По указанію князя, слѣдовало установить такую систему, которая предоставила бы возможность: 1) Сосредоточить въ одномъ учрежденіи всѣ тѣ дѣла, разрѣшеніе коихъ предоставлено намѣстнику или высшей власти. 2) Снять съ намѣстника, не нарушая его правъ, часть труда, дабы онъ могъ заниматься лишь болѣе важными дѣлами. 3) Уравнительно разложить занятія и отвѣтственность на тѣхъ, кто будетъ дѣйствовать подъ его начальствомъ.

Сообразно сему. комитетъ предположилъ: 1) Въ замѣнъ должности начальника гражданскаго управленія, учредить должность начальника главнаго управленія, который, будучи ближайшимъ въ дѣлахъ гражданскихъ помощникомъ намѣстника, долженъ, подъ главнымъ его руководствомъ, завѣдывать всѣми частями главнаго управленія и вести переписку, не требующую распоряженій въ высшемъ отношеніи и, такимъ образомъ, имѣть по гражданскимъ дѣламъ тоже значеніе, которое по дѣламъ военнымъ принадлежитъ начальнинику главнаго штаба арміи.

2) Главное управленіе дѣлами Кавказскаго и Закавказскаго края, назвавъ его главнымъ управленіемъ намѣстника Кавказскаго. образовать изъ отдѣльныхъ частей, которыя, завѣдывая спеціальными отраслями администраціи, по своему составу и кругу дѣйствій, замѣняли бы посредствующія между министрами и подчиненными имъ мѣстами учрежденія, существующія во всѣхъ министерствахъ.

Поэтому подъ ближайшимъ завѣдываніемъ начальника главнаго управленія, рѣшено учредить слѣдующіе департаменты:

а) Общихъ дѣлъ, для сосредоточенія всѣхъ распоряженій по частямъ: инспекторской, учебной, почтовой, медицинской, карантинной, строительной и по всѣмъ предметамъ, не входящимъ въ кругъ дѣйствій другихъ департаментовъ.

б) Судебныхъ дѣлъ, для разсмотрѣнія принадлежащихъ вѣдѣнію намѣстника дѣлъ судебныхъ и судебно-полицейскихъ и для сосредоточенія высшаго надзора и распоряженій по судебной части вообще.

в) Финансовый, для сосредоточенія въ немъ высшаго счетоводства по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ и по денежнымъ земскимъ повинностямъ въ Закавказскомъ краѣ, а также для завѣдыванія дѣлами по питейнымъ сборамъ, горной и соляной частямъ, таможенному управленію и по мѣрамъ, относящимся къ оживленію торговли внутренней и внѣшней, поощренію заводской и мануфактурной промышленности.

г) Государственныхъ имуществъ, для дѣлъ по завѣдыванію казенными землями и вообще государственными крестьянами всѣхъ наименованій.

д) Въ нераздѣльный съ департаментами составъ главнаго управленія ввести особое управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ на Кавказѣ и за Кавказомъ.

3) Оставивъ при главномъ управленіи, въ видѣ особаго установленія, существующее особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, для дѣлъ, къ земскимъ повинностямъ по Закавказскому краю относящихся, измѣнить его личный составъ и принятый въ ономъ порядокъ производства дѣлъ, сообразно новому устройству главнаго управленія. По прочимъ же дѣламъ, въ случаяхъ особенной важности, въ кругу административномъ возникающихъ, когда предстоитъ принять какое-либо общее распоряженіе по разнымъ частямъ управленія, предоставить начальнику главнаго управленія для единства дѣйствій составлять изъ директоровъ совѣщательныя собранія.

4) При такомъ устройствѣ главнаго управленія, когда всѣ части его будутъ подчинены особымъ спеціальнымъ лицамъ, обязаннымъ ближайшею отвѣтственностію за ихъ бла-

гоустройство, измѣнить организацію бывшаго совѣта главнаго управленія Закавказскаго края и наименовать его совѣтомъ намѣстника, съ направленіемъ дѣятельности его не столько на текущія дѣла администраціи (которыя будутъ разрѣшаемы совѣщаніями административныхъ лицъ, т. е. начальниковъ частей съ начальникомъ главнаго управленія), сколько на важнѣйшіе вопросы, которые будутъ передаваемы на его обсужденіе намѣстникомъ.

5) Затѣмъ, подъ ближайшимъ и непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ намѣстника, учреждалось временное отдѣленіе по дѣламъ гражданскаго устройства края, для производства дѣлъ и переписки по особымъ предначертаніямъ и приказаніямъ намѣстника, а также для приготовленія и обработки проектовъ положеній, новыхъ правилъ и инструкцій по вопросамъ общимъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ устройству разныхъ частей управленія и къ развитію народнаго благосостоянія въ краѣ. При этомъ признано удобнымъ въ лицѣ управляющаго симъ отдѣленіемъ соединить званіе и обязанности директора походной канцеляріи намѣстника.

Князь съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за занятіями комитета и направлялъ его работу именно къ вышеозначенному устройству, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ личная воля намѣстника, какъ источникъ всѣхъ распоряженій и рѣшеній для Кавказскаго края; источникъ этотъ долженъ былъ изливать струи посредствомъ многихъ каналовъ—департаментовъ... Что князь Барятинскій былъ убѣжденъ въ раціональности и пользѣ такой системы, я не сомнѣваюсь; но были люди весьма почтенные и умные, не скрывавшіе своего мнѣнія, что тутъ играло немалую роль личное честолюбіе или самолюбіе, съ примѣсью тщеславія. Я даже думаю, что еслибы главные дѣятели комитета по реформѣ главнаго управленія имѣли немного больше гражданскаго мужества, не страдая излишнимъ сервилизмомъ и склонностью создавать штатныя должности, то князь не отказался бы отчасти измѣнить свои взгляды и избѣгнуть лишнихъ расходовъ и лишнихъ упрековъ.

Составленный на показанныхъ основаніяхъ проектъ

положенія о главномъ управленіи и совѣтѣ намѣстника, съ новымъ штатомъ, князь утвердилъ и предписалъ ввести въ дѣйствіе съ 1 Января 1859 года.

Такое увеличеніе состава главнаго управленія и учрежденіе департаментовъ (къ которымъ впослѣдствіи добавили еще одинъ—контрольный) не могло не казаться усиленіемъ бюрократизма, размноженіемъ лишняго контигента чиновниковъ и увеличеніемъ расходовъ, особенно въ то время, когда въ Россіи гласность, критическія отношенія къ правительственнымъ мѣропріятіямъ и стремленіе къ болѣе широкой, свободной общественной самодѣятельности находились, такъ сказать, въ самомъ разцвѣтѣ. И нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи критика не была лишена основанія, хотя, какъ водится, она преувеличивала размѣры зла, якобы истекавшаго изъ такого развитія канцеляризма. Реформа была необходима; потребность въ увеличеніи средствъ главнаго управленія, спеціализированіе его занятій и освобожденіе намѣстника отъ лишней обузы не подлежали сомнѣнію; но неоспоримо слѣдовало ограничить размѣры личнаго состава, расчетливѣе отнестись къ суммамъ, потребовавшимся на содержаніе всѣхъ этихъ канцелярій, вообще не такъ широко открывать поле для переписки, не „плодить бумагъ„.

Впрочемъ, самая мысль о раздѣленіи главнаго управленія на особые спеціальные отдѣлы, вмѣсто одной канцеляріи намѣстника, которая по своему составу не въ силахъ была совладѣть съ массой разнородныхъ дѣлъ, была ненова. Еще при князѣ Воронцовѣ собирался комитетъ изъ компетентныхъ лицъ для обсужденія этого вопроса и тоже пришелъ къ заключенію о необходимости создать особые спеціальные отдѣлы, послѣдствіемъ чего и было учрежденіе въ Тифлисѣ экспедиціи государственныхъ имуществъ; остальное же осталось безъ исполненія, вслѣдствіе возникшей Восточной войны и оставленія, вскорѣ затѣмъ, княземъ Воронцовымъ Кавказа.

Начальникомъ новосозданнаго главнаго управленія князь Барятинскій избралъ директора своей канцеляріи А. Ѳ. Крузенштерна. Нѣкогда офицеръ Семеновскаго полка, выпуж-

денный вслѣдствіе перелома ноги оставить военную службу, Крузенштернъ уѣхалъ на Кавказъ на должность совѣтника Палаты Государственныхъ Имуществъ; затѣмъ состоялъ долго чиновникомъ особыхъ порученій при генералѣ Нейдгартѣ и князѣ Воронцовѣ, наконецъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи намѣстника. Очень милый и симпатичный человѣкъ, свѣтски образованный, знакомый съ ходомъ гражданскихъ дѣлъ на Кавказѣ, онъ пользовался дружескимъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ князя Барятинскаго, хотя, истины ради, нельзя не сказать, что чрезвычайно важная должность начальника главнаго управленія Кавказскимъ краемъ едва ли соотвѣтствовала степени административнаго таланта Крузенштерна и слишкомъ мягкому, недостаточно самостоятельному характеру его. Князь Александръ Ивановичъ отчасти самъ сознавалъ это и къ тому же не упустилъ изъ вида, что Крузенштернъ былъ и моложе въ чинѣ нѣкоторыхъ высшихъ въ краѣ гражданскихъ дѣятелей. Тѣмъ не менѣе, руководствуясь въ этомъ случаѣ взглядомъ, по которому начальникъ главнаго управленія, какъ и начальникъ штаба, должны быть непремѣнно лица, ему близкія, вполнѣ проникшіяся его воззрѣніями и принципами, однимъ словомъ, не столько чиновники, какъ довѣренные *друзья*, онъ рѣшилъ назначить Крузенштерна; но, со свойственною ему деликатностью, очень заботился, чтобы не возбудить чьей-нибудь щепетильности, не оскорбить чьего-нибудь самолюбія, не вызвать ропота и не создавать Крузенштерну враговъ. Князь давалъ ему наставленія и чрезвычайно заботился исходомъ отношеній, возникавшихъ между новымъ начальникомъ главнаго управленія и ставшими въ подчиненное къ нему положеніе недавними товарищами-сослуживцами *). Крузенштернъ,

*) До какой степени простиралось расположеніе князя къ Крузенштерну, можно видѣть изъ приводимаго здѣсь письма, отъ 19 Октября 1856 году изъ Дербента, когда князь только въѣзжалъ въ край послѣ назначенія намѣстникомъ (съ Французскаго). „Жду съ нетерпѣніемъ, дорогой Алексѣй Ѳедоровичъ, увидѣть васъ и сказать вамъ, какъ я доволенъ перспективою видѣть васъ ежедневно. Я пишу князю Бебутову, чтобы пригласилъ васъ выѣхать мнѣ на встрѣчу въ Нуху. Будьте добры, захватите съ собою наиболѣе важныя дѣла; разсчитываю на ваше содѣйствіе и помощь, чтобы до прибытія въ Тифлисъ ознакомиться немного съ дѣлами. Пользуюсь случаемъ сказать вамъ, на сколько я счастливъ, что судьба сблизила меня на служебномъ поприщѣ съ столь достойною личностью, къ которой я питаю полное довѣріе и которая въ свою очередь можетъ разсчитывать на мою честную, искреннюю дружбу“.

ѣздившій въ Петербургъ для представленія всѣхъ проектовъ и реформъ, тамъ же былъ назначенъ на постъ начальника главнаго управленія съ званіемъ статсъ-секретаря и, по возвращеніи въ Тифлисъ, 14 Іюня 1858 года, подробно писалъ князю Барятинскому въ Боржомъ, между прочимъ, о встрѣчѣ его нѣкоторыми изъ тѣхъ именно лицъ, неудовольствія коихъ опасался князь. Черта весьма характерная со стороны князя, не думавшаго злоупотреблять своимъ столь высокимъ, всесильнымъ положеніемъ и игнорировать чувства подчиненныхъ.

Установивъ новыя основанія для главнаго управленія краемъ, князь призналъ необходимымъ войти въ подробное изслѣдованіе мѣстнаго въ губерніяхъ управленія, дабы опредѣлить, въ какой степени оно достигаетъ своей цѣли и соотвѣтствуетъ нуждамъ и интересамъ народа. Въ этихъ видахъ, намѣстникъ, очевидно примѣняясь къ сенаторскимъ ревизіямъ, предназначилъ произвести черезъ членовъ своего совѣта послѣдовательную ревизію Закавказья. Начало было сдѣлано съ Эривани и Дербента. Затѣмъ составлялись проекты преобразованій полицейскихъ управленій въ уѣздахъ, съ бóльшимъ сосредоточеніемъ власти въ однѣхъ рукахъ, обсуждались измѣненія въ дѣятельности губернскихъ правленій и т. п. Но, до отъѣзда князя Барятинскаго изъ края въ 1861 году, реформы мѣстныхъ управленій не вполнѣ были приведены въ исполненіе.

Въ Кутаисѣ, вмѣсто военнаго губернатора, управляющаго гражданскою частью, утвержденъ генералъ-губернаторъ и оставленъ гражданскій губернаторъ. Вскорѣ и въ Тифлисѣ князь Александръ Ивановичъ нашелъ нужнымъ учредить генералъ-губернаторство, преимущественно съ цѣлью имѣть, на случай своего отсутствія, замѣстителя въ лицѣ генералъ-губернатора. Нужно однако сказать, что если въ Кутаисѣ, къ которому причислялись Мингрелія, Сванетія и Абхазія, съ сосѣдними полупокорными горцами, и при предстоявшихъ дѣйствіяхъ къ окончательному покоренію Западнаго Кавказа, еще можно было считать необходимымъ учрежденіе особаго генералъ-губернаторства, и то въ видѣ временной мѣры: то въ Тифлисѣ, гдѣ находился

самъ намѣстникъ, начальникъ главнаго управленія, совѣтъ и проч., едва ли предстояла какая-либо надобность въ генералъ-губернаторствѣ; а въ случаѣ продолжительнаго отсутствія намѣстника, мѣсто его могъ заступать тотъ же генералъ-адъютантъ князь Гр. Дм. Орбеліани, бывшій предсѣдатель совѣта, котораго послѣ переименовали въ Тифлисскіе генералъ-губернаторы. Въ Петербургѣ, при всемъ желаніи удовлетворить ходатайство князя, это учрежденіе встрѣчало нѣкоторое затрудненіе, какъ можно видѣть изъ писемъ статсъ-секретаря Буткова (см. приложенія), но въ концѣ концовъ всетаки было утверждено. Добавочнаго расхода казенныхъ денегъ оно вызвало немного, всего около 13 тыс. рубл. въ годъ; но штату генералъ-губернаторской канцеляріи рѣшительно нечего было дѣлать, какъ ни старались чиновники придумать себѣ дѣло.

Предполагалось еще учредить особую Алазанскую область изъ мѣстностей лежащихъ за Алазанью вдоль подножія главнаго хребта, съ включеніемъ въ нее Нухинскаго уѣзда; но мысль эта впослѣдствіи была оставлена, хотя въ главномъ управленіи уже разработали все положеніе о новой области.

Кромѣ того состоялось нѣсколько измѣненій въ мѣстномъ управленіи Эриванской губерніи, въ управленіи горцами-Грузинами и въ гражданской части Джаробѣлоканскаго округа. 6-й округъ корпуса жандармовъ былъ подчиненъ намѣстнику, также какъ 3-й округъ подчинялся намѣстнику въ Варшавѣ. Съ открытіемъ порта въ Поти, учреждено тамъ особое управленіе. Штатъ Тифлисской полиціи усиленъ и т. п.

Наиболѣе важный шагъ въ перемѣнахъ мѣстной администраціи былъ сдѣланъ въ Мингреліи.

Съ 1857 года, по иниціативѣ князя, въ управленіи Мингреліею введенъ совершенно новый порядокъ, не касаясь однакожъ правъ владѣтельнаго дома. Мѣра эта была вынуждена общимъ неудовольствіемъ всѣхъ сословій Мингреліи, доходившихъ до бунта противъ неурядицы, господствовавшей въ этой странѣ. Въ ней не существовало до тѣхъ поръ никакого различія между владѣтельнымъ и помѣщичьимъ правомъ; не было ни одного учрежденія, содержимаго на общественный счетъ. Мингрельцы, окруженные землями,

въ которыхъ уже давно было введено Русское управленіе, не могли выносить подобнаго положенія. Новый порядокъ заключался въ томъ, что правителемъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Колюбакинъ, и при немъ совѣтъ, членами коего были и Русскіе чиновники, и туземцы, по выбору отъ всѣхъ сословій и отъ владѣтельницы, княгини Дадіанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начато было дѣло объ устройствѣ высшаго сословія и положены основанія, на которыхъ долженъ возникнуть классъ вольныхъ людей, до тѣхъ поръ въ Мингреліи не существовавшій: низшее сословіе тамъ переходило только изъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ въ крѣпостную же зависимость владѣтеля. Впослѣдствіи, князь Барятинскій нашелъ удобнѣйшимъ двѣ смежныхъ съ Мингреліей области—Самурзаканъ и Сванетію, связанныя съ нею разными племенными отношеніями, подчинить непосредственно завѣдыванію управляющаго Мингреліею. Наконецъ, главнымъ образомъ въ видахъ государственныхъ, рѣшено совершенно упразднить владѣтельную автономію князей Дадіанъ, оставивъ ихъ только частными владѣльцами принадлежавшихъ имъ имѣній. Предположенія и распоряженія князя Барятинскаго не только были одобрены и утверждены, но Государь въ письмѣ отъ 28 Сентября 1857 года изъ Варшавы выражалъ свое удовольствіе по этому поводу: „Je suis bien aise que l'affaire de Mingrélie ait été heuresement termineé, et le ministre de la guerre, ainsi que le Comité Caucasien, auront déjà porté à votre connaissance que j'ai approuvé en tout toutes les mesures proposées par vous pour l'administration future de cette province. J'espère que la p-sse Dadian se rendra à mon invitation pour soigner à Pétersbourg l'éducation de ses enfants“ *).

*) „Я очень доволенъ, что Мингрельское дѣло счастливо закончено; военный министръ и Кавказскій комитетъ уже довели до вашего свѣдѣнія, что я вполнѣ утвердилъ всѣ предложенныя вами мѣры для будущаго управленія этою провинціею. Надѣюсь, что княгиня Дадіанъ, по моему приглашенію, отправится въ Петербургъ для воспитанія своихъ дѣтей“. Я привелъ это извлеченіе изъ письма Государя, какъ доказательство неосновательности молвы, распространенной тогда не только по Кавказу и Россіи, но и въ Европѣ, будто личныя непріязненныя отношенія князя Барятинскаго къ княгинѣ Дадіанъ были поводомъ къ принятымъ въ управленіи Мингреліею мѣрамъ.

Само собою, подобный переворотъ въ управленіи не пользовался сочувствіемъ владѣтельницы и возбуждалъ ея неудовольствіе лично противъ князя Барятинскаго, неудовольствіе, выражавшееся громко и не безъ рѣзкости. Княгинѣ Дадіанъ пришлось оставить свою лѣтнюю резиденцію Горды и ѣхать въ Петербургъ. Заботы о частныхъ своихъ интересахъ она передала члену совѣта намѣстника, дѣйствительному статскому совѣтнику Кипіани, который, быть можетъ, изъ лишняго усердія или отвлеченныхъ идей о независимости, сталъ въ оппозицію къ распоряженіямъ намѣстника и вошелъ въ столкновенія съ мѣстнымъ начальствомъ. Впослѣдствіи, продолжительнымъ отсутствіемъ фельдмаршала за границей и его усилившеюся болѣзнію, дававшею поводъ сомнѣваться въ его возвращеніи на Кавказъ, думали воспользоваться, чтобы перерѣшить дѣла Мингрельскія. Въ Петербургѣ г. Кипіани успѣлъ склонить на свою сторону главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Кавказскомъ комитетѣ и самаго Владимира Петровича Буткова. Состоялось опредѣленіе доложенное Государю и имъ утвержденное, измѣнявшее предположеніе намѣстника... Но князь Барятинскій, находившійся тогда въ Дрезденѣ, узналъ объ этомъ во время и принялъ свои мѣры*), послѣдствіемъ которыхъ была немедленная поѣздка статсъ-секретаря Буткова въ Дрезденъ, для личныхъ объясненій, извиненій и измѣненій въ утвержденномъ уже постановленіи... Интрига не удалась. Все это ясно видно изъ интересной переписки князя съ Д. А. Милютинымъ, А. Ѳ. Крузенштерномъ, В. П. Бутковымъ и другими лицами и особенно изъ прилагаемой ниже записки князя на высочайшее имя. Впрочемъ, княгиня Дадіанъ, сохранивъ всѣ свои значительныя частныя владѣнія и получивъ изъ казны милліонъ рублей, едвали имѣла основаніе продолжать свое неудоволь-

---

*) Въ письмѣ отъ 14 (26) Іюня 1862 года изъ Дрездена, князь, между прочимъ, писалъ В. П. Буткову: „Скажите мнѣ откровенно, могу ли я, отложивъ до того времени (т. е. до свиданія и личныхъ объясненій) исполненіе высочайшей резолюціи по Мингрельскому дѣлу, ожидать новыхъ разъясненій съ вами и доклада по оному Государю Императору? Въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду прислать отсюда записку, вновь мною составленную, для доклада Его Величеству, въ которой ясно будутъ объяснены причины, по коимъ, безъ вреда государственнымъ интерссамъ, нѣтъ никакой возможности исполнить утвержденное постановленіе Кавказскаго Комитета.

ствіе на князя. Изъ нѣсколькихъ писемъ княгини уже послѣ лишенія ея владѣтельскихъ правъ ясно видно, что временныя неудовольствія скоро были забыты, и отношенія ея къ князю стали самыя дружественныя.

Финансовому управленію на Кавказѣ тоже признано необходимымъ дать полную самостоятельность, безъ всякой зависимости этой части отъ общаго финансоваго управленія Имперіи. Мотивомъ къ этому послужило то, что, въ противномъ случаѣ, всѣ административныя и экономическія начинанія не имѣли бы положительной точки опоры и, во всякомъ случаѣ, встрѣчали бы существенное затрудненіе въ своемъ развитіи. По докладу князя Александра Ивановича, послѣдовало высочайшее повелѣніе составить для Кавказа подробное финансовое предположеніе. Все это дѣло было возложено имъ на директора финансоваго департамента, А. А. Харитонова, который самъ же представилъ въ Петербургъ свой трудъ на утвержденіе. Послѣ преодолѣнія немалыхъ затрудненій и возраженій, особенно со стороны министра финансовъ Брока, 22 Ноября 1858 года, высочайшимъ указомъ финансы Закавказскаго края ввѣрены исключительно управленію намѣстника. Отъ этой мѣры ожидались благотворные результаты, ибо она открывала мѣстной власти полную возможность развивать свои предначертанія на пользу края.

Суммы, оказавшіяся такимъ образомъ въ распоряженіи намѣстника, могутъ быть приблизительно опредѣлены въ слѣдующихъ цифрахъ: 2.950.000 р., изъ которыхъ на штатное содержаніе и разныя особыя потребности по гражданскому управленію въ расходѣ 2.738.000 р.; слѣдовательно въ остаткѣ 212.000 р. Кромѣ того, ежегодно изъ Государственнаго Казначейства ассигновывались еще 314.000 р. на экстраординарные расходы и полезныя предпріятія въ Закавказскомъ краѣ. Таковъ былъ собственно гражданскій бюджетъ Кавказа, безъ Ставропольской губерніи, въ которой управленіе мѣстными доходами не было измѣнено, и избытокъ доходовъ (около 1.200.000 р. въ годъ) поступалъ на общіе расходы по Имперіи.

За поглощеніемъ почти всѣхъ суммъ штатнымъ содержаніемъ гражданскаго управленія, въ распоряженіи намѣстни-

ка оставались уже слишкомъ незначительныя средства для какихъ-нибудь крупныхъ затратъ на благоустройство и развитіе края. Многія начинанія поневолѣ тормозились или вынуждали прибѣгать къ изысканію другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, много полезнаго было сдѣлано, многимъ предположеніямъ данъ былъ ходъ. Но не слѣдуетъ забывать, что ощутительные успѣхи въ гражданской дѣятельности, особенно на отдаленныхъ окраинахъ государства, далеко не такъ быстро могутъ достигаться, какъ военные. Въ послѣднихъ бываетъ достаточно одного, двухъ рѣшительныхъ ударовъ; въ первыхъ же требуются десятки лѣтъ систематически-настойчиваго труда, много знаній, борьбы съ невѣжествомъ и злоупотребленіями людей, борьбы съ природою и всякими непредвидѣнными случайностями. Къ тому же, въ Россіи, вообще, въ этомъ отношеніи гораздо труднѣе достигать замѣтныхъ успѣховъ: бѣдность въ капиталахъ и еще болѣе въ предпріимчивыхъ людяхъ и техникахъ, сравнительно съ Англіей, Германіей, Франціей и другими, даже маленькими государствами, ставятъ у насъ въ отношеніи развитія промышленности, торговли и вообще благоустройства и благосостоянія окраины на каждомъ шагу чрезвычайныя препятствія.

Въ дѣйствительности, пребываніе князя Барятинскаго намѣстникомъ можно считать всего четыре года съ небольшимъ (Ноябрь 1856—Апрѣль 1861), и все это время главныя заботы были обращены на военныя дѣла. Для плодотворной гражданской дѣятельности оставался срокъ слишкомъ ничтожный, и было бы несправедливо дѣлать ему въ этомъ отношеніи строгій упрекъ. Даже, напротивъ, можетъ быть нѣкоторая ошибочность съ его стороны была въ томъ, что онъ слишкомъ много разнородныхъ вопросовъ поднялъ, слишкомъ многимъ проектамъ далъ ходъ и, такъ сказать, развлекъ и матеріальныя средства, и нравственныя силы своихъ сотрудниковъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить ихъ на меньшемъ числѣ болѣе необходимыхъ и важныхъ для края предпріятій. Статсъ-секретарь Крузенштернъ 1 Февраля 1858 года изъ Петербурга писалъ князю Александру Ивановичу, что, при представленіи его въ Зимнемъ дворцѣ, Госу-

дарь высказалъ свое удовольствіе военными реформами на Кавказѣ и пожелалъ, чтобы и по гражданской части было тоже. Когда же Крузенштернъ доложилъ что княземъ изучается большое число вопросовъ, то Государь замѣтилъ: „не слишкомъ бы много разомъ“.

Въ самомъ началѣ намѣстничества князю предстояло разрѣшить одно весьма важное дѣло, именно: устранить нѣкоторые безпорядки, возникшіе въ высшемъ управленіи Армяно-Грегоріанской церкви, возбудившіе неудовольствія и высшаго правительства, и самихъ Армянъ. Тогдашній патріархъ Нерсесъ, человѣкъ высокаго ума и многихъ прекрасныхъ качествъ, былъ уже очень старъ; но съ одной стороны онъ вѣроятно ослабилъ нити въ управленіи столь обширною паствою, съ другой—не хотѣлъ отрѣшиться отъ самовластія, вопреки законоположеніямъ.

Князь Александръ Ивановичъ установилъ наилучшія отношенія съ патріархомъ и, не упуская изъ виду важности возложеннаго на него порученія, имѣлъ всѣ данныя достигнуть успѣшнаго результата. Нужно было замѣстить вакантныя мѣста членовъ Армяно-Грегоріанскаго синода и мѣстныхъ епископовъ людьми достойными, не затрогивая однако самолюбія патріарха, не умаляя его значенія, хотя въ этомъ случаѣ съ его стороны было несомнѣнное упущеніе: ибо въ теченіе десяти лѣтъ онъ не озаботился подготовленіемъ соотвѣтствующихъ лицъ для столь важныхъ должностей. Кромѣ того, тутъ примѣшивались недружелюбныя отношенія къ патріарху нѣкоторыхъ Петербургскихъ вліятельныхъ Армянскихъ фамилій, недостаточное повиновеніе ему болѣе отдаленныхъ епископовъ и проч. Однимъ словомъ, было сцѣпленіе личныхъ отношеній и интригъ съ дѣломъ управленія эпархіей.

Во время самыхъ переговоровъ князя съ Нерсесомъ, клонившихся очевидно къ улаженію всѣхъ возникшихъ недоразумѣній и неудовольствій, престарѣлый прелатъ внезапно скончался, 14 Февраля 1857 года. Слуга, отправившійся по обыкновенію будить патріарха, нашелъ его мертвымъ. Ложась спать наканунѣ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ и намѣревался на слѣдующій день быть у князя съ отвѣтомъ на

счетъ трехъ пунктовъ, остававшихся еще нерѣшенными: о пересмотрѣ устава 1836 года, объ епархіальныхъ архіереяхъ и о поступкѣ Нерсеса съ Кишиневскимъ епископомъ. Патріарха нашли мертвымъ, съ перомъ въ рукѣ; онъ доканчивалъ объясненіе по послѣднему изъ означенныхъ трехъ пунктовъ... Къ сожалѣнію, кончина постигла его въ минуту, когда онъ очевидно готовился отречься отъ долголѣтняго самовластія надъ Армяно-Грегоріанскою церковью. Ему не привелось дожить до пріятной минуты осуществленія честолюбиваго желанія получить Андреевскую звѣзду, которая, съ рескриптомъ Государя, была уже въ рукахъ князя Барятинскаго, для возложенія по окончаніи дѣла...

Послѣ такого печальнаго событія, возникъ еще болѣе важный вопросъ объ избраніи преемника усопшему Нерсесу. По церковнымъ уставамъ, чтобы дать время всѣмъ епархіямъ прислать своихъ уполномоченныхъ, конклавъ долженъ быть собранъ въ Эчміадзинѣ въ теченіе одного года; два кандидата на патріаршество должны быть представлены на выборъ Государя. Само собою, при высокомъ значеніи главы всей Армяно-Грегоріанской церкви и вліяніи его на весь Армянскій народъ, выборы едва ли могутъ обходиться безъ партійныхъ и, что̀ еще важнѣе, безъ иностранныхъ интригъ, съ цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ церковью и духовными благами народа, но направленными единственно къ подрыву вліянія Россіи на Востокѣ. Понятно, такимъ образомъ, что требовалось сосредоточить на этомъ вопросѣ самое усиленное вниманіе. И нужно сказать, князь Барятинскій довелъ дѣло до вполнѣ удовлетворительнаго конца: былъ избранъ патріархомъ-католикосомъ архіепископъ Матеосъ (привѣтствовать и сопровождать его изъ Константинополя на Кавказъ былъ командированъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, тогда генералъ-маіоръ). Все обошлось болѣе или менѣе къ общему удовольствію.

Подробное изложеніе этого событія не входитъ въ рамку моего труда; это уже предметъ исторіи Армяно-Грегоріанской церкви и ея значенія въ политикѣ Россіи на Востокѣ. Безъ сомнѣнія, оно найдетъ свое мѣсто на страницахъ исторіи въ свое время, нѣсколько болѣе отдаленное отъ насъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Письма князя Барятинскаго къ канцлеру князю Горчакову.

(Съ Французскаго).

1.

Тифлисъ, 29 Марта 1857 г.

Я имѣлъ честь получить вашу конфиденціальную депешу отъ 1 Марта за № 222, вмѣстѣ съ прибавленіями, касающимися основанія въ Одессѣ Армянской коллегіи подъ управленіемъ священниковъ Мехитаристовъ, нынѣ Армяно-Грегоріанскихъ. Сообщаю вамъ свое мнѣніе по этому предмету.

Что касается чрезвычайной важности для насъ Турецкихъ Армянъ въ смыслѣ поддержанія нашего вліянія на Востокѣ, я совершенно раздѣляю мнѣніе графа Киселева. Полагаю также, какъ и онъ, что мы должны противупоставить проискамъ западныхъ державъ воинственно-духовную дѣятельность; религія и національность покровительствуемыхъ нами Армянъ даютъ намъ возможность пользоваться ихъ симпатіею.

Въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, долженъ рѣшиться вопросъ о вліяніи: или Армяне (Турецкіе) бросятся въ наши объятія, или обратятъ свои желанія и симпатіи къ какой-нибудь другой державѣ.

Настоящее время является особенно-важнымъ вслѣдствіе того, что мѣсто Эчміадзинскаго патріарха вакантно. Уже потому только, что Эчміадзинскій монастырь находится въ Россіи и что патріархъ признается всѣми безъ исключенія Армянами какъ духовный глава всей націи, мы имѣемъ въ своихъ рукахъ великое средство для привлеченія Армянъ.

Безъ сомнѣнія, тѣ, которымъ есть разсчетъ ослаблять наше вліяніе на Востокѣ, испробуютъ все, чтобы достигнуть этого, стараясь сдѣлать новоизбраннаго патріарха нелюбимымъ въ народѣ, или будутъ искать возможности посадить на это мѣсто личность, способную причинить намъ всякія непріятности. И такъ мы должны рѣшить заранѣе, какимъ образомъ намъ слѣдуетъ вести выборы новаго патріарха. Въ настоящее время я занятъ этимъ дѣломъ и вскорѣ представлю Его Величеству подробный докладъ.

Выборъ Эчміадзинскаго патріарха-католикоса, вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ Одессѣ коллегіи для обученія Армянской молодежи, должны привлечь къ намъ всѣ умы Армянъ, если только мы успѣемъ эти дѣла довести до благополучнаго конца.

При учрежденіи коллегіи необходимо предоставить преподаванію почти полную свободу. Наши законы, вѣдающіе дѣло обученія, составлены въ духѣ недовѣрія къ иностраннымъ наставникамъ и недопущенія ихъ къ преподаванію; новую же коллегію слѣдуетъ освободить не только отъ всякаго надзора со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, но я даже не вижу возможности подвергать ее различнымъ, болѣе или менѣе стѣсни-

тельнымъ, формальностямъ. Это сдѣлало бы ея существованіе въ Россіи настолько же невозможнымъ, какъ и во Франціи, гдѣ, по словамъ священника Айвазовскаго, на сколько онъ помнитъ, управляемое имъ заведеніе постоянно было въ разладѣ съ министерствомъ.

Но ранѣе чѣмъ предоставить будущей коллегіи исключительныя права, необходимо быть увѣреннымъ въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что священники Саркисъ, Калфа и Айвазовскій, которые управляютъ Гренельскимъ учрежденіемъ, достойны требуемаго ими довѣрія, и затѣмъ, что они дѣйствительно пользуются вліяніемъ на умы Армянъ, живущихъ въ Турціи, въ такой степени, что тѣ не задумаются довѣрить имъ своихъ дѣтей повсюду, гдѣ эти духовные отцы учредятъ коллегію.

Въ отношеніи перваго пункта, я знаю, что возвращеніе священниковъ Саркиса, Калфы и Гавріила Айвазовскаго къ вѣрѣ своихъ отцевъ было встрѣчено Армянами этой страны и даже патріархомъ Нерсесомъ съ величайшимъ недовѣріемъ. Примѣры единенія католическихъ Армянъ съ Армянами Грегоріанскими чрезвычайно рѣдки во всѣхъ классахъ общества, потому что какъ тѣ, такъ и другіе фанатически придерживаются своихъ вѣрованій. Фактъ, что три Армянскихъ священника-католика приняли Грегоріанскую вѣру породилъ много предположеній: перебирали всевозможныя причины, склонившія ихъ къ подобному поступку; но никто не хотѣлъ видѣть здѣсь добровольное убѣжденіе. До сего времени преобладаетъ мнѣніе, что они—католическіе агенты и тѣмъ болѣе опасные, что по внѣшности они стоятъ за ненависть къ прозелитизму и къ Римскому игу.

Не раздѣляя этого убѣжденія, я полагаю, что нельзя требовать слишкомъ серьезныхъ обезпеченій, имѣя въ виду оказать широкія уступки.

Если духъ недовѣрія царствуетъ между Грегоріанскими Армянами Турціи по отношенію къ этимъ священникамъ, то очевидно, что учрежденіе ими коллегіи въ Одессѣ не окажетъ ни малѣйшей пользы нашему вліянію на Турецкихъ Армянъ.

Соображая эти различныя данныя, я заключаю:

1) Что, если вышеупомянутые священники достойны довѣрія, то необходимо немедленно предоставить имъ прямо и искренно все, чего они требуютъ, то-есть полную свободу преподаванія и облегченія имъ на сколько возможно привоза изъ-за границы книгъ и всего необходимаго для коллегіи, а также и перевода молодыхъ Армянскихъ учениковъ, которые хотѣли бы тамъ заниматься.

2) При существованіи малѣйшаго сомнѣнія на счетъ этихъ священниковъ, какъ по отношенію къ католицизму, такъ и къ ихъ вліянію въ Турціи, необходимо отклонить ихъ предложеніе подъ предлогомъ, что, до утвержденія новаго патріарха въ Эчміадзинѣ, правительство не считаетъ себя въ правѣ давать какое бы то ни было разрѣшеніе архимандритамъ, находящимся подъ верховной властью патріарха.

Я полагаю, что наше посольство въ Константинополѣ въ состояніи опредѣлить намъ удовлетворительно силу того уваженія, какимъ тамъ пользуются священники Мехитаристы.

2.

Каджоры, 18 Августа 1857 г.

Мингрелія, управляемая, какъ вамъ извѣстно, князьями Дадіанъ, подданными Россійскаго Императора, пользуясь извѣстными правами, данными ей нашими государями, была за послѣднее время театромъ довольно важныхъ смутъ, происшедшихъ отъ неудовлетворительнаго управленія. По представленію князя Воронцова, правленіе страною во время несовершеннолѣтія нынѣшняго князя было довѣрено его матери, присутствовавшей въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ дядей князя и Мингрельскаго епископа.

Княгиня Екатерина Дадіанъ, потому ли, что поддалась чьему-нибудь вредному вліянію, или была увлечена своимъ самовластнымъ характеромъ, устранила отъ дѣлъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ совѣта управленія, посѣявъ между ними несогласія, и создала личное управленіе, стѣснительное для жителей и крайне-непопулярное въ странѣ.

Обстоятельства вынудили меня измѣнить составъ совѣта управленія, которому отнынѣ, безъ участія княгини Дадіанъ, поручено править страною до совершеннолѣтія молодаго князя.

Эти мѣры, какъ бы законны и необходимы ни были, все же могутъ возбудить въ иностранной печати, враждебной нашему правительству, предлогъ къ болѣе или менѣе злобнымъ, правдоподобнымъ статьямъ, направленнымъ противъ честолюбія и завоевательной политики Россіи.

Мнѣ кажется излишнимъ предупреждать иностранную печать, но въ случаѣ надобности можно будетъ опубликовать съ нашей стороны опроверженіе ошибокъ и ложныхъ толкованій. Я счелъ долгомъ обратить вниманіе вашего сіятельства на этотъ предметъ, предоставляя вамъ судить о времени удобномъ для употребленія этой мѣры.

Необходимыя справки для составленія статьи о Мингреліи можно имѣть въ канцеляріи Кавказскаго Комитета.

Б. Письмо князя А. И. Барятинскаго къ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Дадіанъ.

Грустно мнѣ, что политическія обстоятельства и семейная скорбь *), въ одно и тоже время, легли всею тяжестью на сокрушенное сердце ваше. При стеченіи такихъ обстоятельствъ, мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо трудно высказать вамъ мое рѣшеніе на счетъ дѣлъ Мингрельскихъ. Но долгъ званія моего не дозволяетъ мнѣ медлить въ дѣлѣ, отъ котораго зависятъ и успокоеніе Мингреліи, и будущность сына вашего.

Быть можетъ, происки нѣкоторыхъ лицъ, непріязненныхъ владѣтельному дому, способствовали къ скорѣйшему распространенію волненія; но корень онаго скрывается глубже. Я нахожу его въ томъ несогласіи, которое разъединяло членовъ совѣта, управлявшаго Мингреліею за малолѣт-

*) Смерть мужа, незадолго предъ тѣмъ скончавшагося, князя Давыда Левановича.

ствомъ владѣтеля. Никакое правительственное устройство не можетъ процвѣтать при такихъ началахъ. Согласіе лицъ, призванныхъ къ столь важному дѣлу, и единодушное стремленіе къ пользамъ народа и улучшенію положенія края: вотъ необходимыя условія всякаго благоустройства. Непріязнь, существующая между князьями Григоріемъ и Константиномъ Дадіанъ, слишкомъ извѣстна. Отъ нихъ самихъ неоднократно имѣлъ я случай въ томъ удостовѣриться. Не разъ выражалось и ваше неудовольствіе на князя Григорія, какъ лица нерасположеннаго къ владѣтельному дому. Епископъ открыто осуждаетъ существующій порядокъ вещей въ Мингреліи. По его словамъ, онъ совершенно удаленъ вами отъ вмѣшательства въ дѣла управленія. Князь Григорій передалъ мнѣ, что онъ къ участію въ управленіи также вами не допускается. Такимъ образомъ, изъ четырехъ членовъ, составляющихъ совѣтъ, двое наиболѣе знакомыхъ съ краемъ вовсе въ немъ не имѣютъ голоса.

Покойный фельдмаршалъ князь Воронцовъ, желая назначить васъ правительницею Мингреліи и опекуншею малолѣтняго владѣтеля и дать въ помощь вамъ князей Григорія и Константина и епископа Мингрельскаго, имѣлъ цѣлью упростить управленіе соединеніемъ въ одномъ совѣтѣ частныхъ интересовъ владѣтельнаго дома и администраціи края. Настоящее положеніе дѣлъ, къ несчастью, показало, что такой составъ совѣта несоотвѣтственъ обезпеченію ни будущаго благосостоянія Мингреліи, ни правъ малолѣтняго владѣтеля. Въ одной лишь непріязни между лицами этого совѣта вижу я зародышъ того неустройства и смутъ, которыя волнуютъ теперь Мингрелію, и вслѣдствіе которыхъ всѣ сословія оной воспользовались, чтобы единодушно обратиться къ Русскому правительству съ просьбою вникнуть въ ихъ крайнее положеніе и принять участіе въ дѣлахъ Мингреліи.

Поэтому, первое условіе для возстановленія утраченнаго спокойствія и прочности управленія Мингреліею состоитъ въ неотлагательномъ измѣненіи личнаго состава управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ непремѣнномъ отдѣленіи интересовъ собственно владѣтельнаго дома отъ управленія страною. Имѣнія владѣтеля подлежатъ опекунскому управленію по случаю малолѣтства дѣтей вашихъ; въ этомъ управленіи вамъ принадлежитъ главное участіе. Судьбы же страны, устройство ея, введеніе настоятельныхъ преобразованій, я признаю необходимымъ поручить временному совѣту, подъ предсѣдательствомъ довѣреннаго, по выбору моему, сановника. Временное правленіе должно блюсти за благоустройствомъ края, чѣмъ облегчится владѣтелю управленіе онымъ, по достиженіи совершеннолѣтія, и тогда не будетъ причины опасаться повторенія крамольныхъ волненій, подобныхъ настоящему.

Собственное сужденіе вашей свѣтлости слишкомъ просвѣщенно, чтобы не согласиться, что порядокъ, до сихъ поръ въ Мингреліи существовавшій, не могъ продолжаться; ибо онъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ настоящаго времени, не обезпечиваетъ правъ личныхъ и по имуществу

ни князей, ни дворянъ, ни духовенства, ни крестьянъ. При насильственномъ же поддержаніи нынѣшняго порядка вещей неизбѣжны кровавыя столкновенія, послѣдствія коихъ могутъ быть весьма пагубны для владѣтельнаго дома.

Медлить дѣломъ этимъ я не въ правѣ. Отвѣтствуя предъ Государемъ Императоромъ за благоденствіе ввѣреннаго мнѣ края, я по чувству долга обязанъ принять безотлагательно мѣры, способныя отвратить вредныя послѣдствія настоящаго положенія дѣлъ Мингреліи и, по окончаніи устройства оной, вывести оттуда войска къ своимъ мѣстамъ. Но я бы желалъ, чтобы предложеніе этихъ мѣръ исходило отъ лица вашей свѣтлости.

Подобное дѣйствіе съ вашей стороны дастъ мнѣ возможность во всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Императорскому Величеству ходатайствовать о будущности вашего сына и объ оказаніи дальнѣйшихъ милостей владѣтельному дому.

Флигель-адъютанту Черткову, который передастъ это письмо вашей свѣтлости, я вручилъ также и предписанія на имя генералъ-лейтенанта князя Гагарина и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дюкруаси, но съ тѣмъ, чтобъ онъ передалъ ихъ по личномъ съ вами свиданіи.

Увѣренъ, что ваша свѣтлость сдѣлаете все, чтобы упрочить счастливую будущность вашего сына и не усумнитесь въ искренности моихъ чувствъ всегдашняго глубокаго почтенія и преданности.

1-го Августа 1857 г. Тифлисъ.

В. Письма князя Барятинскаго къ Кутаискому г. губернатору князю Александру Ивановичу Гагарину.

1.

Изъ писемъ вашихъ отъ 21 и 24 сего Августа я усмотрѣлъ, что положеніе крестьянъ въ Мингреліи далеко не удовлетворительно. Ваше сіятельство объясняете, что наружное спокойствіе ихъ скрываетъ упорное неповиновеніе къ помѣщикамъ въ отношеніи полевыхъ работъ и прислуги и что подобное состояніе, продолжающееся уже нѣсколько мѣсяцевъ, обращаетъ на себя вниманіе окрестныхъ нашихъ провинцій и должно быть прекращено, какъ можно скорѣе, мѣрами болѣе твердыми, нежели употребленныя доселѣ.

Приведеніе крестьянъ въ должное повиновеніе я постоянно считалъ первою необходимостью и неоднократно предписывалъ мѣру эту къ исполненію, какъ вашему сіятельству, при самомъ началѣ безпорядковъ (16-го Іюня № 2487), такъ и въ послѣдствіи дѣйствительному статскому совѣтнику Дюкруаси. Между тѣмъ, въ письмѣ отъ 15-го Іюня, вы увѣдомили меня, что волненіе успокоивается и не вспыхнетъ вновь въ присутствіи нашихъ войскъ. Слѣдовательно, я долженъ былъ считать возстаніе подавленнымъ, и ежели теперь вы находите, что въ этомъ отношеніи еще не все нужное

сдѣлано, то вамъ предоставлены и власть, и средства для принятія тѣхъ мѣръ по сему предмету, какія вы заблагоразсудите и которыя должны быть проникнуты духомъ строгой справедливости и благоразумія.

Но если, съ одной стороны, крестьяне должны твердо знать, что первая ихъ обязанность состоитъ въ безусловномъ повиновеніи къ властямъ и къ своимъ помѣщикамъ, то съ другой — не нужно терять изъ виду и указать крестьянамъ, что наше правительство защититъ ихъ отъ произвола и будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы отношенія ихъ къ помѣщикамъ были установлены на тѣхъ же самыхъ законныхъ началахъ, какія существуютъ въ прилегающихъ къ Мингреліи областяхъ, въ Имеретіи, Гуріи и въ самой Грузіи.

Изъ оффиціальной бумаги, вмѣстѣ съ симъ посылаемой, вы увидите, что я назначилъ генералъ-маіора Колюбакина управляющимъ Мингреліею и предсѣдателемъ совѣта для управленія сею страною, а полковника Иванова исправляющимъ должность Кутаискаго военнаго губернатора. Я вслѣдъ за симъ войду въ сношеніе съ предсѣдателемъ Кавказскаго Комитета объ упраздненіи должности военнаго губернатора въ Кутаисѣ и объ утвержденіи Иванова исправляющимъ должность гражданскаго губернатора. Управляющій Мингреліею и тамошній совѣтъ необходимо снабдить, въ скорѣйшее по возможности время, руководствомъ для ихъ дѣйствій. Поэтому я прошу васъ поспѣшить разсмотрѣніемъ составляемаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Дюкруаси проекта для управленія Мингреліею и представленіемъ таковаго ко мнѣ, съ вашимъ заключеніемъ. Вмѣстѣ съ генераломъ Колюбакинымъ я отправлю въ Мингрелію въ самомъ непродолжительномъ времени прилагаемое у сего въ копіи объявленіе народу, касающееся нѣкоторыхъ основныхъ началъ новаго управленія.

Обращаясь къ составу совѣта въ Мингреліи, я предоставляю совершенно усмотрѣнію вашему выборъ членовъ онаго изъ Мингрельскихъ князей, но повторяю лично уже выраженное вамъ желаніе мое, чтобы одинъ изъ этихъ членовъ былъ человѣкъ преданный владѣтельному дому, причемъ обратите вниманіе на строгую нравственность сего лица. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагаю нужнымъ назначить еще третьяго члена изъ сословія дворянъ или азнауровъ, дабы и они имѣли въ совѣтѣ представителя своихъ интересовъ. Къ избранію этихъ членовъ должно приступить безотлагательно. Въ послѣдствіи отъ управляющаго Мингреліею будетъ зависѣть, по своему соображенію и оцѣнкѣ личностей, представлять о смѣнѣ и замѣщеніи лицъ, составляющихъ совѣтъ.

Чтó относится до членовъ сего совѣта изъ Русскихъ чиновниковъ, то, слѣдуя моему правилу предоставлять ближайшему начальнику выборъ сотрудниковъ своихъ, такъ какъ онъ есть отвѣтственное лицо за дѣйствія своихъ подчиненныхъ, я обязываю вмѣстѣ съ симъ генерала Колюбакина избрать означенныхъ членовъ совѣта и вообще всѣхъ чиновъ, имѣющихъ составить будущее управленіе Мингреліею. Прошу ваше сіятельство не оставить съ своей стороны содѣйствовать ему въ скорѣйшемъ опредѣленіи

тѣхъ лицъ, о коихъ онъ войдетъ къ вамъ съ представленіями. Выборъ оныхъ для новаго управленія Мингреліею такъ важенъ, что я рѣшаюсь временно лишать хорошихъ и полезныхъ чиновниковъ существующія уже давно учрежденія наши, съ тѣмъ только, чтобы новыя должности въ Мингреліи были замѣщены лицами, вполнѣ достойными довѣрія. Въ сихъ видахъ я прошу всѣхъ главныхъ начальниковъ за Кавказомъ не препятствовать переводу въ Мингрелію чиновъ, избираемыхъ управляющимъ этою страною.

2 Сентября 1857 г. Тифлисъ.

2.

(Переводъ съ Французскаго).

Тифлисъ, 23 Сентября 1857 г.

Посылаю вамъ, любезный князь, письмо Государя, предназначенное для княгини Дадіанъ, а также и копію съ него и съ написаннаго мною письма княгинѣ. Вы потрудитесь сами явиться къ ней, если найдете это нужнымъ. Такъ какъ мнѣ извѣстно то вліяніе, которое вы имѣете на нее, я не предписываю вамъ никакого образа дѣйствій, но прошу васъ только привести въ исполненіе приказанія Государя въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль, самое позднее. Она, по своему усмотрѣнію, можетъ выбрать сухопутный или морской путь, а вы потрудитесь сдѣлать все возможное и зависящее отъ васъ, дабы облегчить ей это путешествіе и придать ему наиболѣе удобствъ. Вполнѣ довѣряюсь вашему рыцарству и добротѣ, хорошо мнѣ знакомой, и чувствую себя съ этой стороны совершенно спокойнымъ. Если ей понадобятся деньги, вы выдадите ей авансомъ за счетъ суммы утвержденнаго Государемъ на ежегодное содержаніе, причемъ я съ своей стороны буду ходатайствовать о новой милости—отнесеніи этихъ денегъ къ единовременному пособію. Во всякомъ случаѣ цифра не должна превышать 30.000 рублей.

Если княгиня вамъ будетъ говорить о невозможности, по нездоровью своихъ дѣтей, провести зиму въ Петербургѣ, я уполномочиваю васъ предложить ей прожить до весны въ Одессѣ или Тифлисѣ. Если она будетъ искать предлога въ устройствѣ своихъ дѣлъ, вы предложите ей выбрать довѣренную личность, снабженную ея полномочіемъ.

Съ рескриптомъ на имя княгини Дадіанъ отправляется тотъ же фельдъегерь, который привезъ его изъ Дармштата. Я посылаю его съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ распоряженіи княгини Екатерины Александровны, ежели она того пожелаетъ. Ваше сіятельство, быть можетъ, найдете болѣе приличнымъ лично вручить рескриптъ ея свѣтлости. Впрочемъ, не стѣсняя васъ въ этомъ отношеніи, предоставляю вамъ поступить по ближайшему вашему соображенію.

Г. Письмо Кутаискаго г.-губернатора князя А. И. Гагарина къ князю Барятинскому.

(Съ Французскаго).

Кутаисъ, 8 Октября 1857 г.

Изъ моего оффиціальнаго донесенія вы узнáете, что возникшіе въ Диварѣ безпорядки прекращены. Когда я прибылъ туда, порядокъ былъ уже возстановленъ генераломъ Колюбакинымъ, принявшимъ самыя дѣйствительныя мѣры; надѣюсь, что разъ возстановленный порядокъ отнынѣ уже не будетъ нарушенъ.

Генералъ Колюбакинъ, между прочимъ, донесъ мнѣ, что онъ изслѣдовалъ причины безпорядковъ и, можно полагать, они были вызваны съ цѣлью воспрепятствовать отъѣзду княгини Дадіанъ изъ Мингреліи.

Прежде возвращенія въ Кутаисъ, я счелъ нужнымъ повидаться съ княгиней и поѣхалъ къ ней въ Горды. Она совершенно покорилась судьбѣ, ниспославшей ей столько горя, и отдала себя всецѣло во власть Государя. Молва о причинѣ безпорядковъ дошла и до ея слуха; она громко выражала неодобреніе этой попыткѣ воспрепятствовать ея отъѣзду и желаетъ поскорѣе уѣхать. Я представлялъ ей, насколько пагубна была бы для устроителей противудѣйствія высочайшей волѣ вся затѣя, и безъ труда уяснилъ ей, что подобная безразсудная выходка только скомпрометировала бы положеніе ея и дѣтей, чего она и не оспаривала.

Во избѣжаніе возможности однако еще какой-либо демонстраціи, я поручилъ генералу Колюбакину избрать на это время вѣрнаго человѣка изъ числа пользующихся уваженіемъ и вліяніемъ туземнаго общества, а считающимся зачинщиками: Александру Дадіану и Датѣ Чиковани приказалъ слѣдовать за мною въ Кутаисъ; второй будетъ сопровождать княгиню въ Петербургъ. Самъ я рѣшился присутствовать при ея отъѣздѣ и даже проводить ее до Сухума, гдѣ меня уже давно ожидаютъ другія служебныя дѣла. Маршрутъ опредѣлилъ я слѣдующій: изъ Горды въ монастырь Мартвили, гдѣ погребенъ мужъ княгини (покидая страну, быть можетъ, навсегда, она изъявила благочестивое желаніе поклониться дорогому праху мужа и отца ея дѣтей); изъ монастыря мы поѣдемъ въ Марань, къ устью Цхенисъ-Цхали, сядемъ на пароходъ и по Ріону прибудемъ въ Поти. Такимъ образомъ, мы проѣдемъ только незначительную часть Мингреліи, и никакія демонстраціи, по моему убѣжденію, будутъ невозможны, не только благодаря принятымъ мѣрамъ, но и различнымъ естественнымъ затрудненіямъ: ибо, вступивъ въ Имеретію, мы будемъ отдѣлены отъ Мингреліи рѣкою Цхенисъ-Цхали. Могу ручаться, что никакого мятежнаго движенія больше не будетъ.

Позволяю себѣ обратить вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. При посѣщеніи моемъ княгини Дадіанъ, я былъ пораженъ размѣромъ денежныхъ затратъ, вызванныхъ перемѣною ея положенія. Она должна

взять съ собою необходимую, многочисленную свиту, и при ея большомъ семействѣ, при желаніи соблюсти княжеское достоинство, путешествіе до Петербурга и пребываніе тамъ, безъ сомнѣнія, поглотитъ все годовое содержаніе, ей назначенное. Къ тому же, вынужденная покинуть свою резиденцію и не имѣя возможности увезти съ собою множество вещей, свезенныхъ покойнымъ мужемъ ея въ Горды, княгиня или должна бросить ихъ здѣсь на произволъ, или сбыть за безцѣнокъ. Мнѣ больно было видѣть, какъ Жиды уже сбѣгались въ Горды, чтобы воспользоваться положеніемъ княгини, вынужденной сбывать свои рѣдкія, прекрасныя вещи. Полагаю, было бы весьма полезно, если бы назначенные опекуны гг. Кипіани и Чиляевъ прибыли сюда; ихъ вмѣшательство поправило бы нѣсколько это положеніе княгини, которая, вполнѣ покорившись своей участи, какъ результату минувшихъ событій, сознаётъ, что ей слѣдуетъ терпѣливо подчиняться мѣрамъ, признаннымъ правительствомъ необходимыми. Однако все же, полагаю, было бы справедливо и великодушно избавить ее отъ расходовъ на путешествіе и приличное проживаніе въ Петербургѣ; а во вниманіе къ ея многочисленному семейству, требующему соотвѣтственнаго воспитанія, не найдете ли ваше сіятельство возможнымъ испросить милости Государя, чтобы ей отвели помѣщеніе въ какомъ-нибудь казенномъ зданіи? Печальное положеніе княгини Дадіанъ не могло не возбудить моего искренняго участія, и я представляю все вышеизложенное вашему великодушному вниманію.

Д. Письмо князя Барятинскаго къ Д. А. Милютину.

Дрезденъ, 24 Мая (5 Іюня) 1861 г.

Я былъ весьма обрадованъ извѣстіемъ, что Его Величество назначилъ васъ управляющимъ Военнымъ Министерствомъ. Не буду объ этомъ распространяться, ибо вамъ извѣстно мое высокое мнѣніе о васъ. Я знаю вашу честность и преданность Государю; вы обладаете тѣми качествами, въ которыхъ онъ больше всего нуждается, не говоря ужъ о другихъ. Вѣдь такъ мало честныхъ людей въ Петербургѣ!

Я только что сдѣлалъ грустный опытъ относительно г-на Буткова. Вы знаете, что я предъ всѣми и противъ всѣхъ былъ его главнымъ защитникомъ, не замѣчая въ немъ двуличности; теперь же онъ, на мой взглядъ, ее обнаружилъ. Вѣроятно онъ меня считалъ умершимъ, осмѣливаясь представить на высочайшее утвержденіе Мингрельское дѣло, что̀ могло скомпрометировать достоинство намѣстника Императора. Благодаря Буткову, самолюбіе княгини Дадіанъ, или вѣрнѣе г-на Кипіяни, одержало верхъ, въ ущербъ тому довѣрію, которымъ Его Величество меня всегда удостоиваетъ. Предоставляю вамъ судить о томъ, какое нравственное вліяніе должно было имѣть подобное рѣшеніе на народъ и на моихъ подчиненныхъ.

Посылаю вамъ копію бумаги, присланной мнѣ Бутковымъ, и удивляюсь тому, что Комитетъ, не раздѣляя моего мнѣнія, не обратился предварительно ко мнѣ, чтобы уяснить себѣ мой взглядъ, и принялся судить о дѣлѣ, которое я обязанъ знать лучше ихъ и тѣхъ, которымъ нужно имѣть сношенія съ мѣстною администраціею. Комитетъ находитъ, что крестьяне, находясь въ зависимости отъ другихъ помѣщиковъ, должны тѣмъ не менѣе продолжать плату оброка въ пользу Дадіанъ; но онъ не говоритъ, должны ли быть уплачены и недоимки этого оброка и не думаетъ о томъ, что несчастнымъ крестьянамъ предстоитъ разореніе, если княгиня Дадіанъ будетъ основываться на принципахъ, утвержденныхъ Комитетомъ. Комитетъ создаетъ изъ опекунства или изъ опекуна имѣній Дадіанъ государство въ государствѣ, даетъ ему оффиціальное положеніе, подчиняетъ его непосредственно царскому намѣстнику и уменьшаетъ роль мѣстной власти, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду поддержку опеки только въ томъ случаѣ, если бы она встрѣтила затрудненія въ собираніи податей и налоговъ. Комитетъ забываетъ, что онъ ставитъ г-на Кипіяни гораздо выше Абхазскаго владѣтеля, не освобожденнаго, какъ вы знаете, отъ подчиненности генералъ-губернатору. Затѣмъ, Комитетъ не говоритъ, какую роль должна играть мѣстная власть въ случаѣ злоупотребленій со стороны опеки. Наконецъ, сейчасъ видно, что Комитетъ и, въ особенности г. Бутковъ, хотѣли мнѣ противорѣчить, не подумавъ нисколько о послѣдствіяхъ, не минуемыхъ при подобномъ рѣшеніи дѣла. Вы знаете сами, любезный Дмитрій Алексѣевичъ, какъ меня занимаетъ весь этотъ Мингрельскій вопросъ съ самаго его начала и до сего дня, на сколько послѣдовательны всѣ мои касательно сего дѣйствія, и какое значеніе все это будетъ имѣть въ будущемъ для края. Вообразите себѣ мое отчаяніе при видѣ, что все мною созданное, надъ чѣмъ я съ такимъ вниманіемъ и заботою трудился, теперь такъ разрушается. Въ настоящее время Комитетъ измѣняетъ мои рѣшенія, вовсе не вникая въ ихъ смыслъ и обвиняетъ меня въ противурѣчіяхъ, и все это лишь по наущенію г-на Кипіани и Буткова, желая этимъ угодить княгинѣ Дадіанъ. Я только что написалъ Крузенштерну, чтобы онъ мнѣ прислалъ всѣ подробности этого дѣла, которое я самъ представлю Государю. Если бы вамъ удалось поговорить о немъ съ Его Величествомъ, вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе.

Разсмотрѣнію Комитета подлежитъ еще одно дѣло. Говорю объ этомъ, такъ какъ и вы по всей вѣроятности будете тамъ присутствовать. Мнѣ, помнится, уже приходилось съ вами говорить о моемъ предположеніи капитализировать всѣ пенсіи Грузинской царской фамиліи, чтобы разъ на всегда покончить съ ихъ безконечными претензіями и заставить ихъ замѣнить роль претендентовъ и принцевъ крови на роль простыхъ граждан. Кажется, г. Бутковъ, въ виду крупныхъ издержекъ и хлопотъ, причиняемыхъ намъ этой фамиліей, былъ всегда одинаковаго со мною взгляда, теперь же вдругъ сталъ противурѣчить. Не могу вамъ выразить, какъ мнѣ противна одна мысль о необходимости столкновенія, хотя бы даже нельзя было пожертвовать интересами государства.

Ожидаю обѣщанной вами записки о казакахъ; по полученіи, возвращу вамъ ее съ моими замѣчаніями. Это дѣло не терпящее отлагательства, вслѣдствіе чрезвычайной важности для окончательнаго покоренія Кавказа.

Е. Записка князя А. И. Барятинскаго по дѣламъ Мингреліи.

Вашему Императорскому Величеству, при назначеніи меня намѣстникомъ Кавказскимъ, благоугодно было указать главною цѣлью моихъ дѣйствій умиротвореніе Кавказа и сліяніе его съ прочими частями Богомъ врученной Вамъ Имперіи.

Въ постоянномъ стремленіи къ этой цѣли, я не могъ не обратить особаго вниманія, что въ ряду различныхъ странъ, образующихъ Кавказъ, Абхазія и Мингрелія представляютъ единственныя владѣнія, которыя остаются на совершенно-исключительныхъ правахъ. Въ нихъ царствуетъ самовластіе владѣтелей, ограничиваемое однимъ лишь чувствомъ самосохраненія. Такого рода положеніе этихъ владѣній не соотвѣтствуетъ ни съ какими понятіями человѣчества, и тѣмъ менѣе можетъ быть допускаемо въ государствѣ, дѣлающемъ всѣ усилія, чтобы упрочить права личныя.

Въ 1857 году произошло въ Мингреліи большое волненіе. Народъ не могъ болѣе переносить отягощеній, происходившихъ отъ произвола, и я вынужденъ былъ, по просьбѣ матери владѣтеля, княгини Дадіанъ, принять въ положеніи этой страны вмѣшательство. Въ возникшей тогда между мною и княгинею перепискѣ, она выражала права владѣтеля самыми неограниченными изреченіями, основывая ихъ на какихъ-то мѣстныхъ обычаяхъ и утверждала, что въ Мингреліи никто, кромѣ владѣтеля, собственности не имѣетъ и что отъ одной лишь благости его зависитъ давать и отнимать ее по произволу. Оставлять такія основы для управленія страною значило бы оставлять источники всегдашнихъ волненій. Поэтому, и на основаніи тѣхъ соображеній, которыя изложены выше, княгиня и малолѣтній владѣтель удалены изъ Мингреліи, съ назначеніемъ на его содержаніе, до совершеннолѣтія, по 30 т. рублей ежегодно, а управленіе страною образовано на новыхъ началахъ, съ ассигнованіемъ на его содержаніе до 45 т. рублей въ годъ изъ государственной казны.

При установленіи этого новаго порядка управленія, я имѣлъ въ виду, во время малолѣтства владѣтеля, опредѣлить какъ можно яснѣе права и доходы его и раздѣлить ихъ на права и доходы владѣтельные, и права и доходы, собственно личные или помѣщичьи; первые отдать новому управленію, а послѣдніе предоставить попеченію матери владѣтеля, въ качествѣ опекунши, на общемъ законномъ основаніи. Этимъ путемъ я могъ пріуготовить легкую развязку Мингрельскаго вопроса въ будущемъ и доставить Мингрельскому народу то благотворное попечительство, которое принадлежитъ всѣмъ подданнымъ Вашего Величества. При достиженіи владѣтелемъ совершеннолѣтія правительство не дозволило бы уже ему измѣнить утвердившійся порядокъ управленія страною, и потому онъ, безъ сомнѣнія,

почелъ бы для себя выгоднѣе избавиться отъ расхода 45 т. рублей необходимыхъ на это управленіе, и сохранить еще, вмѣстѣ съ доходами отъ имѣній лично ему принадлежащими въ Мингреліи, всемилостивѣйше пожалованную ему пенсію въ 30 т. рубл., которая очень щедро вознаградила бы владѣльческіе доходы. Такимъ образомъ страна эта, безъ всякихъ новыхъ затрудненій, получила бы окончательное сліяніе съ прочими частями Имперіи.

По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ утвержденія Вашимъ Величествомъ моихъ представленій по этому дѣлу, на мѣстѣ возникали между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кипіани (однимъ изъ опекуновъ надъ имѣніемъ князя Николая Дадіана) и генералъ-маіоромъ Колюбакинымъ, управлявшимъ Мингреліею, нѣкоторыя незначительныя недоразумѣнія, не имѣвшія никакого отношенія къ вышеломянутымъ основнымъ началамъ; но когда эти недоразумѣнія представлены были мною на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета, то княгиня Дадіанъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ пріобщить къ нимъ протестъ и противъ всѣхъ предъидущихъ дѣйствій. Комитетъ, не имѣя въ виду политическихъ соображеній, одобренныхъ Вашимъ Величествомъ, постановилъ 27 Марта 1861 г. опредѣленіе, которое совершенно противуположно главной цѣли всѣхъ предъидущихъ дѣйствій. Онъ предложилъ, во-первыхъ, предоставить въ вѣдѣніе опеки всѣ доходы съ имѣній Мингреліи (за исключеніемъ только, саури, саудіеро и проч.), на что согласилась сама княгиня Дадіанъ, и вовторыхъ, опеку надъ имѣніемъ владѣтеля считать учрежденіемъ оффиціальнымъ, подчинивъ его непосредственно вѣдѣнію намѣстника и предоставивъ княгинѣ назначать въ составъ совѣта управленія Мингреліею одного члена на одинаковомъ основаніи съ прочими членами совѣта.

Позвольте, Государь, войти въ нѣкоторыя подробности.

I. По вопросу о доходахъ.

При томъ сліяніи правъ помѣщика съ властію правительства въ лицѣ правителя страны, какое существовало въ Мингреліи, хотя конечно и трудно было положить съ самаго начала точное разграниченіе между имѣніями, принадлежащими владѣтелю на томъ или другомъ правѣ; но это разграниченіе составляло именно главную основу всѣхъ дѣйствій. Нѣкоторые имѣнія и доходы при первомъ взглядѣ имѣли уже столь явственно характеръ правительственный, что не оставляли мѣста никакому сомнѣнію. Сюда принадлежатъ: подать земельными произведеніями и личная служба, которыя отбывались въ пользу владѣтеля, не его крестьянами, а помѣщичьими и которыя, съ преходомъ владѣльческихъ правъ новому управленію, несомнѣнно подлежатъ уже распоряженію сего послѣдняго. Исключивъ такого рода статьи изъ вѣдомства опеки, я признавалъ несправедливымъ, чтобы князь Николай Дадіанъ продолжалъ пользоваться доходами правительственными, не неся ни бремени, ни матеріальныхъ пожертвованій, съ управленіемъ сопряженныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ получаетъ уже по 30 т. рублей ежегодно изъ государственной казны.

Такого рода статей, переложенныхъ на деньги, по примѣрной и весьма преувеличенной оцѣнкѣ, сдѣланной при принятіи Мингреліи въ наше управленіе, исключено изъ вѣдомства опеки на сумму до 40 т. рублей; но изъ этой суммы только до 7 т. рубл. оставлены въ своей силѣ; остальные до 34 т. рубл. совершенно отмѣнены мною, и съ 1857 года вовсе не взыскиваются уже болѣе съ народа. Это было необходимо для справедливаго удовлетворенія нуждъ жителей, страдавшихъ отъ прежняго порядка. Статьи доходовъ, отчисленныя изъ вѣдомства опеки, а нынѣ положеніемъ Комитета снова обращаемыя въ ея пользу, касаются именно самыхъ существенныхъ интересовъ народа и были въ числѣ тѣхъ главныхъ тяжестей, которыя подвинули его къ возмущенію. Освобожденный отъ нихъ съ того времени, онъ, естественно, не можетъ спокойно видѣть и переносить, чтобы правительство вспомоществовало ихъ возстановленію.

Я не могу допустить, чтобы правительство согласилось поддерживать постоянно силою тѣ отношенія Мингрельскаго народа къ владѣтельному дому, справедливости которыхъ оно уже разъ не признало, въ особенности теперь, въ виду тѣхъ общихъ мѣръ, которыми облегчена участь всего подвластнаго помѣщикамъ сельскаго населенія цѣлой Имперіи и которыя на дняхъ должны быть введены и здѣсь, и уже объявлены мною въ Мингреліи.

II. По вопросу объ опекѣ.

По представленію моему, опека надъ имѣніемъ малолѣтняго князя Николая Дадіана образована на общихъ основаніяхъ, для помѣщичьихъ имѣній установленныхъ. Особыми, высочайше утвержденными 7 Іюня 1859 года, правилами сдѣланы изъ общаго порядка слѣдующія изъятія:

а) Главное завѣдываніе всѣми дѣлами по управленію имѣніемъ князя Николая Дадіана предоставлено матери его, съ званіемъ попечительницы.

и б) Въ помощь ей назначены опекуны, которые дѣйствуютъ по ея указаніямъ и ей одной отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

При установленіи этой опеки имѣлось въ виду, чтобы княгинѣ Дадіанъ, какъ матери и попечительницѣ малолѣтняго князя Дадіана, предоставить въ полное, безконтрольное управленіе и распоряженіе всѣ частныя имущества и таковые же доходы князя, а въ тоже время устранить всякое вліяніе ея на общее управленіе страною. Только такое устройство опеки могло уничтожить всѣ недоразумѣнія и затрудненія, неизбѣжныя при всякомъ иномъ порядкѣ. Между тѣмъ, положеніемъ Комитета опредѣлено считать опеку учрежденіемъ оффиціальнымъ и подчинить ее прямо вѣдѣнію намѣстника. Такимъ образомъ, на мѣсто яснаго положенія дѣлъ, возникаютъ слѣдующія недоразумѣнія:

1. Къ разряду какихъ учрежденій должно быть отнесено это опекунское учрежденіе?

2. Какой долженъ быть порядокъ сношеній его съ мѣстными и съ прочими, внѣ Мингреліи, установленіями, въ особенности съ Кутаискимъ генералъ-губернаторомъ, которому подчинено самое владѣніе Мингрельское?

3. Какимъ образомъ должны быть сосредоточены въ одномъ и томъ же установленіи различнаго рода обязанности, т.-е. по званію опекуновъ, дѣйствующихъ, по закону, какъ частныя лица, и по положенію особаго учрежденія, долженствующаго имѣть характеръ оффиціальный?

4. Кому должно принадлежать разбирательство жалобъ на неправильныя дѣйствія опекуновъ; ибо, не говоря уже о томъ, что власть намѣстника Императорскаго не можетъ быть поставлена на степень низшихъ полицейскихъ установленій, онъ слишкомъ занятъ и физически удаленъ отъ Мингреліи, чтобы непосредственно входить въ разсмотрѣніе этихъ дѣйствій?

и 5. Въ чемъ должна заключаться подчиненность опеки вѣдѣнію намѣстника, тогда какъ по правиламъ, утвержденнымъ Вашимъ Величествомъ 7-го Іюня 1859 года и остающимся въ своей силѣ, опекуны подчиняются самой попечительницѣ?

Очевидно, что при существованіи этихъ недоразумѣній, неразрѣшаемыхъ общими законами, отношенія опеки ни къ мѣстному управленію, ни къ намѣстнику, не могутъ получить стройнаго и яснаго направленія. Въ тоже время изъятіе этой опеки изъ вѣдомства мѣстной власти, не говоря о запутанности, которая должна отсюда произойти, имѣла бы еще и самое вредное вліяніе на положеніе владѣтеля Абхазскаго, который, основываясь на этомъ примѣрѣ, будетъ имѣть законныя притязанія также выйти изъ подчиненія мѣстной власти, такъ что самое Кутаисское генералъ-губернаторство, учрежденное Вашимъ Величествомъ преимущественно для высшаго завѣдыванія именно этими отдѣльными владѣніями, утратило бы свое достоинство.

Чтó касается до назначенія со стороны княгини Дадіанъ особаго лица въ составъ совѣта управленія Мингреліи, то я и прежде, въ происходившихъ съ нею по этому предмету сношеніяхъ, не встрѣчалъ препятствія къ его назначенію, но не съ званіемъ члена совѣта, а депутата, который принималъ бы участіе въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся собственно до опеки, на общихъ правахъ, опредѣленныхъ для депутатовъ всѣхъ вѣдомствъ. Такъ точно и теперь признаю совершенно необходимымъ, чтобы это лицо названо было депутатомъ и чтобъ обязанности его были строго ограничены одними предметами, до опеки относящимися. Всякое расширеніе его обязанностей не только не будетъ соотвѣтствовать прямому его назначенію, но породитъ самыя непріятныя и частныя столкновенія между управленіемъ и опекою, которая будетъ непремѣнно выказывать, чрезъ посредство уполномоченнаго ею лица, постоянное стремленіе пріобрѣсти не принадлежащій ей контроль надъ управленіемъ Мингреліею.

Всѣ эти обстоятельства, по важности ихъ, я признаю долгомъ моимъ повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, ибо постановленіе Комитета разрушаетъ всѣ виды, на истинныхъ интересахъ государства и благосостояніи Мингреліи основанные.

Въ то время, какъ владѣтель, пользуясь уже всѣми средствами или имѣніями, лично ему въ Мингреліи принадлежащими, будетъ обремененъ еще и щедротами Вашими, сберегая деньги на управленіе страною, которыя правительство наше приняло на себя, получая кромѣ того 30 т. рубл. пособія, 10 т. рубл. аренды и по постановленію Комитета сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ правительственные доходы, которые были исключены изъ вѣдомства опеки, государство будетъ нести совершенно напрасную жертву въ 85 т. рубл.; тѣмъ болѣе, что при такихъ условіяхъ владѣтель, конечно, уже не будетъ имѣть никогда никакихъ побужденій отказаться отъ Мингреліи, а народъ Мингрельскій не воспользуется сдѣланными ему именемъ Вашимъ четыре года тому назадъ облегченіями и останется въ прежнемъ тягостномъ положеніи, которое и принудило его къ возмущенію.

Не ясно ли, что это постановленіе Комитета, вмѣсто справедливаго въ соразмѣрности съ потерями вознагражденія князя Дадіана, улучшаетъ благосостояніе его въ размѣрахъ, никогда дотолѣ не существовавшихъ; сверхъ того создаетъ единственно для нашего правительства однѣ невыгоды, никогда до того не существовавшія; и, наконецъ, вмѣсто облегченія, усугубляетъ для народа Мингрельскаго всѣ отягощенія, возвращая его къ старымъ порядкамъ при введеніи нами кромѣ того еще и нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ съ новымъ управленіемъ повинностей.

Спрашивается: такой ли цѣли мы желали достигнуть?

Смѣю думать, что съ одной стороны самое достоинство правительства, а съ другой—устраненіе въ будущемъ новыхъ волненій, требуетъ подтвержденія того, что́ уже сдѣлано или обѣщано, и что поэтому, если нельзя измѣнить постановленіе Комитета, то необходимо согласить его съ предъидущими дѣйствіями, Вашимъ Величествомъ уже разъ освященными.

Въ этомъ убѣжденіи я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вамъ, всемилостивѣйшій Государь, слѣдующее мнѣніе:

1. Если тѣ доходы, которые исключены были мною изъ вѣдомства опеки, какъ доходы правительственные, нельзя признать окончательно исключенными, то, не возстановляя ихъ, назначить князю Николаю Дадіану особое за нихъ вознагражденіе изъ государственнаго казначейства, по новой, точной ихъ оцѣнкѣ, составленной мѣстнымъ управленіемъ, при участіи депутата отъ опеки.

и 2. Для устраненія затрудненій относительно образованія и дѣйствій опеки, изъ постановленія Комитета возникающихъ, и для ближайшаго соглашенія его съ началами 7-го Іюня 1859 г., Вами утвержденными, предоставить управленію намѣстника составить и представить на высочайшее Вашего Величества утвержденіе подробныя въ этомъ отношеніи правила, въ которыхъ принять непремѣннымъ условіемъ, во-первыхъ, ближайшее подчиненіе опеки мѣстному генералъ-губернатору и, во-вторыхъ, ограниченіе вліянія депутата, который будетъ назначенъ княгинею Дадіанъ въ совѣтъ управленія Мингреліею, единственно на дѣла опеки.

Дрезденъ, 10 Іюля 1861 г.

Ж. Письма князя А. И. Барятинскаго къ А. Ѳ. Крузенштерну.

(Съ Французскаго).

1.

Боржомъ, 28 Августа 1857 г.

Прилагаю при семъ конспектъ бумаги, которую нужно отправить Гагарину. Постарайтесь, на сколько возможно, сообразоваться съ щекотливымъ характеромъ Гагарина, представивъ ему въ вашемъ письмѣ главнымъ образомъ, на сколько я стою за то, чтобы чиновники управленія были постоянно выбираемы своими прямыми начальниками.

Я былъ очень доволенъ Колюбакинымъ, и полагаю, что онъ понялъ мои намѣренія; но я хотѣлъ бы, чтобы вы поговорили съ нимъ и выяснили предстоящую намъ опасность, какъ со стороны его отношеній къ Гагарину, такъ и со стороны его филантропическихъ видовъ на крестьянъ. Вы отлично понимаете мои опасенія дать крестьянамъ Мингреліи, въ чемъ бы то ни было, лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся крестьяне Имеретіи, Гуріи и Грузіи; да, по правдѣ сказать, я сочту ихъ состояніе уже улучшеннымъ, если мы дадимъ имъ тоже самое положеніе, которое занимаютъ въ настоящее время вышеозначенные сосѣди ихъ.

Колюбакинъ, какъ я и хотѣлъ, преслѣдуетъ экономическіе виды, и съ предварительною вспомогательною суммою единовременнаго пособія мы избѣгнемъ издержекъ на постройки, водвореніе и т. д., чѣмъ насъ стращалъ Чертковъ. Я полагаю выдать ему 5000 р.; что̀ вы думаете на счетъ этого?

Онъ (Колюбакинъ) смотритъ на дѣло также, какъ и мы, т.-е. жалуется на отсутствіе проявленія всякой идеи устройства и улучшенія быта Мингрельцевъ. Тамъ входили въ разборъ частныхъ дѣлъ, освободили крестьянъ, зачинщиковъ безпорядковъ, посадили троихъ за воровство въ тюрьму и тѣмъ дали и недовольнымъ, и партіи княгини, сильное орудіе противъ нововведеній, такъ какъ самые факты, находящіеся всецѣло въ веденіи второстепенной полиціи, перетолкованы въ сторону нашихъ симпатій къ крестьянамъ и нашей суровости къ князьямъ и владѣтелямъ.

1-го Сентября въ дополненіе къ этому князь писалъ Крузенштерну:

Теперь вамъ остается прочесть это объявленіе *) Мухранскому, перевести его (съ Русскаго на Грузинскій) и напечатать. Ранѣе я хотѣлъ видѣть Мухранскаго у себя; но это было бы потерею времени, такъ какъ у меня обѣдаютъ, и я положительно не знаю, когда мнѣ позволятъ остаться одному. Съ этимъ дѣломъ необходимо поторопиться; я хочу, чтобы объявленіе было напечатано къ завтрашнему вечеру, дабы Колюбакинъ послѣ завтра утромъ могъ бы выѣхать. Пришлите мнѣ письмо къ Гагарину вмѣстѣ съ копіею моего объявленія; необходимо, чтобъ она была отправлена еще сегодня же съ бумагами касающимися Дюкруаси и Иванова.

---

*) Объявленіе было къ населенію Мингреліи о предстоящихъ реформахъ въ управленіи, о заботливости правительства удовлетворить справедливымъ требованіямъ и проч.

2.

Боржомъ, 21 Іюня 1858 г.

Прилагаю при семъ бумаги, представленныя мнѣ барономъ Торнау [1]. Я совершенно одобряю всѣ эти ходатайства, но, воздерживаясь признать за этимъ обществомъ монополію, полагаю необходимымъ въ самомъ скоромъ времени оказать ему возможную поддержку противъ конкуренціи на 4 или на 5 лѣтъ. Только такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи употребить въ нашу пользу, или вѣрнѣе въ пользу общественную, громадныя денежныя средства, предлагаемыя намъ этими господами для изслѣдованія сокровищъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ Кавказа. Займитесь хорошенько этимъ дѣломъ, принявъ въ соображеніе указанныя мною основанія. Экстраординарная сумма почти не существуетъ болѣе; каково ваше мнѣніе о томъ? Я послѣдовалъ вашему совѣту на счетъ дѣла патріарха и написалъ объ этомъ князю Орлову. Булатовъ передастъ вамъ копію съ моего письма. Спасибо вамъ за сообщаемыя мнѣ Тифлисскія новости; продолжайте: это меня крайне интересуетъ.

3.

26 Августа 1858 г.

Потрудитесь мнѣ прислать выписки изъ отданныхъ мною въ Кутаисѣ приказовъ какъ губернатору, генералъ-губернатору, такъ и Дюкруаси, о скорѣйшемъ требованіи отъ крестьянъ выполненія повинностей по отношенію къ ихъ землевладѣльцамъ. Въ каждомъ изъ донесеній этихъ господъ я встрѣчаю разсужденія о срочной необходимости подобныхъ мѣръ, жалобы и какіе-то упреки, что ничего въ теченіе этого времени еще не сдѣлано, между тѣмъ какъ всѣ мои инструкціи и приказы съ самаго начала дѣла были направлены всецѣло на этотъ пунктъ. Они же выпускали изъ тюрьмы главныхъ зачинщиковъ, которые побуждали крестьянъ къ первымъ шагамъ неповиновенія своимъ владѣльцамъ. Я ничего не понимаю и весьма недоволенъ всѣмъ, что̀ творится въ Мингреліи; я предвижу гибельныя послѣдствія, если только дѣла не примутъ сейчасъ же иной оборотъ, то-есть, если не заставятъ крестьянъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ ихъ землевладѣльцамъ. Всѣ эти господа отнеслись къ дѣлу съ непростительнымъ легкомысліемъ, обративъ свое вниманіе лишь на детали и опустивъ изъ виду главныя основы дѣла.

4.

12 Ноября 1858 г.

Капгеръ [2] только что ушелъ отъ меня. Я объяснился съ нимъ относительно Арагвскаго канала [3]. Мнѣ кажется, что я далъ ему письмен-

---

[1] Это была обширная записка объ учрежденіи на Кавказѣ компаніи для разработки мѣстныхъ богатствъ края.

[2] Тифлисскій губернаторъ.

[3] Было предположеніе провести каналъ изъ Арагвы. Было еще другое—провести воду изъ Іоры къ Марткоби и образовать озеро.

ную инструкцію, которая совершенно ускользнула изъ моей памяти. Вслѣдствіе этого, я привелъ вопросъ въ порядокъ, отказавъ дать ему Ильяшевича, но разрѣшивъ просить другаго геолога, который отнюдь не былъ бы здѣсь заинтересованъ. Онъ воспользовался своимъ визитомъ, чтобы поговорить со мною о бумагахъ, полученныхъ имъ по поводу безпорядковъ и разбоевъ въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ. Онъ увѣрилъ меня, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ тамъ не было ни одного случая кражи, убійства или разбоя. Потрудитесь прислать мнѣ: во 1-хъ копію съ моей инструкціи на счетъ канала, во 2-хъ причины, заставившія васъ написать Капгеру о безпорядкахъ въ Елисаветполѣ.

Затѣмъ онъ много говорилъ мнѣ о Іорскомъ каналѣ и о томъ, что̀ можно тамъ сдѣлать. Этотъ вопросъ, насколько я припоминаю, былъ всегда предметомъ личнаго компетентнаго взгляда Воронцова.

5.

20 Декабря 1858 г.

Общество акціонеровъ предполагаетъ переселить въ Россію 180.000 Пруссаковъ, предназначенныхъ ранѣе для Америки. Оно принимаетъ на себя расходы по переѣзду, водворенію и устройству, съ условіемъ возвращенія денегъ на счетъ тѣхъ колонистовъ, которые сдѣлаются Русскими подданными и проч. Наше правительство отклоняетъ этотъ проектъ до того времени, когда дѣло освобожденія крестьянъ станетъ совершившимся фактомъ. Прошу васъ условиться съ Витте [4]), если вы не думаете воспользоваться этимъ предложеніемъ; по моему мнѣнію, переселеніе не можетъ представить здѣсь такихъ невыгодъ, какъ въ Россіи. Торнау въ особенности можетъ взять на себя добрую долю этихъ господъ и дамъ.

6.

Понедѣльникъ вечеромъ 1859 г. (безъ числа).

Вы мнѣ говорили недавно, что мы вынуждены отказаться отъ предложенія колонизаціи Прусаковъ, такъ какъ не знаемъ, какія мы могли бы уступить имъ земли и что для этого необходимо дождаться генеральнаго размежеванья. Я полагаю, что генералъ Ратъ далъ имъ соотвѣтствующій этому отвѣтъ. Сообщите мнѣ, находится ли Муганская степь въ этихъ условіяхъ и нельзя ли будетъ сдѣлать имъ предложеніе, сообщенное намъ барономъ Торнау [5]).

7.

Петербургъ, 16 Іюня 1859 года.

Наконецъ-то съ большимъ трудомъ я окончилъ свои дѣла и уѣзжаю отсюда 19 числа сего мѣсяца. Пишу вамъ, чтобы поставить васъ въ извѣстность относительно всего, что̀ я сдѣлалъ здѣсь по отношенію къ граж-

---

[4]) Директоръ Департамента Государственныхъ Имуществъ.

[5]) Мнѣніе о пользѣ привлеченія Нѣмецкихъ колонистовъ въ Россію держалось съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи... А. З.

данскимъ дѣламъ. Я вполнѣ успѣлъ во всѣхъ важныхъ пунктахъ моихъ представленій. Прежде всего Государь разрѣшилъ мнѣ, согласно моему желанію, осуществленіе моего религіознаго проекта; затѣмъ желѣзно-дорожное дѣло, смѣло могу сказать, было встрѣчено съ энтузіазмомъ. Сегодня утромъ въ два часа у меня послѣдній докладъ, и я думаю, онъ будетъ имѣть тотъ же успѣхъ, какъ и три первые. Государь полонъ ко мнѣ доброты и вполнѣ доволенъ нашимъ военнымъ и гражданскимъ управленіемъ и милостиво говорилъ со мною о васъ. Онъ былъ очень опечаленъ несчастіемъ, случившимся съ городомъ Шемахой [6]) и далъ на первую помощь 15.000 р., которые я васъ прошу переслать немедленно, взявъ ихъ изъ суммъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, и раздѣлите ихъ между наиболѣе нуждающимися. Кромѣ того, Его Величество, чтобы оказать вниманіе жителямъ этого несчастнаго города, можетъ быть, согласится на значительную сумму. Я испрашиваю 100 т. рублей, и объ этой суммѣ идетъ пока совѣщаніе.

8.

Ейскъ, 27 Іюня 1859 года.

Посылаю вамъ обратно письмо къ г. Бали [7]), которое вы мнѣ прислали вмѣстѣ съ моими частными письмами, и которое я, по невниманію, распечаталъ, не обративъ вниманія на адресъ. Прошу васъ передать ему извиненіе по поводу этой ошибки. Если г. Бали захочетъ сдѣлать мнѣ удовольствіе пріѣхать ко мнѣ въ Грозную, гдѣ буду 4-го Іюля, я былъ бы ему очень благодаренъ, и въ этомъ случаѣ вы постараетесь облегчить его путешествіе во всѣхъ отношеніяхъ. Я хотѣлъ бы также, чтобы Харитоновъ къ этому времени пріѣхалъ сюда; я поручу ему дальнѣйшее веденіе этого важнаго дѣла, которое только что имѣло полный успѣхъ въ Петербургѣ. Необходимо имѣть опытнаго адвоката, и вы знаете, что мой выборъ остановился на Харитоновѣ. Прошу васъ поручить архитектору Симонсону разработку вопроса, касающагося художественнаго вкуса, въ чемъ я вполнѣ полагаюсь на него. Дѣло заключается въ томъ, чтобы опредѣлить размѣръ статуи и пьедестала князя Воронцова. Проектъ, который я нашелъ у Пименова, оказался колоссальнымъ. Не были разсчитаны ни площадь, ни высота по отношенію къ зданіямъ окружающимъ, и все было основано на усердіи и глубокомъ уваженіи, которое Золотаревъ питалъ къ памяти Воронцова. Онъ хотѣлъ сдѣлать статую, гдѣ на каждомъ колѣнѣ князя Воронцова пять человѣкъ смѣло могли бы помѣститься за завтракомъ à la fourchette. Подобная громада меня изумила. Я объяснилъ дѣло Пименову, который превосходно понялъ всю несообразность подобнаго монумента на той площади, которая для него была мною назначена. Ограниченность размѣра облегчитъ исполненіе проекта также и въ отношеніи денежныхъ средствъ, которыми мы на этотъ счетъ располагаемъ. Нужно

---

[6]) Сильное землетрясеніе.

[7]) Бали—Бельгійскій инженеръ, Харитоновъ—директоръ финансоваго департамента въ Тифлисѣ; дѣло шло о желѣзной дорогѣ изъ Поти въ Баку.

будетъ Симонсону составить точный планъ размѣра площади и высоты зданій, ее окружающихъ, и затѣмъ присоединить къ этому, какъ будетъ казаться на его взглядъ, возможную высоту памятника и пространство его подножія, такъ какъ необходимо принять въ соображеніе движеніе пѣшеходовъ и экипажей. Перешлите пожалуйста сейчасъ же эти всѣ данныя Золотареву для передачи Пименову. Поза и рисунокъ статуи были уже одобрены Государемъ, такъ что дѣло теперь стоитъ за размѣромъ, который нужно имъ придать. Попросите Иваницкаго [8]) прислать вамъ нѣсколько образцовъ мрамора и темнаго камня; черный подошелъ бы лучше всего для Пименова, и тогда онъ составилъ бы рисунокъ пьедестала, который долженъ быть сдѣланъ въ Тифлисѣ. Будьте внимательны къ цѣнамъ камня, чтобы намъ не выйти изъ предѣла нашихъ средствъ.

Государь Императоръ велѣлъ выдать 500 рублей сер. художнику Горшельду за рисунокъ Веденя; распорядитесь ихъ отпустить ему. Я прочелъ съ большимъ интересомъ все, что̀ вы мнѣ говорите относительно пріѣзда патріарха Матеоса и того прекраснаго впечатлѣнія, которое онъ производитъ, но впрочемъ, я положительно сожалѣю, что поручилъ Лорисъ-Меликову отправиться для его встрѣчи и не остановилъ своего выбора на Исаакѣ Тумановѣ (пусть это останется между нами). Не постигаю сплетень, о которыхъ вы мнѣ говорите, и если это не Лорисъ-Меликовъ, или можетъ быть экзархъ, то я положительно не могу понять, кто бы могъ знать мои намѣренія на этотъ счетъ, такъ какъ я въ моихъ предположеніяхъ совершенно исключаю васъ, Милютина и князя Григорія (Орбельяни). Къ тому же Лорисъ-Меликовъ дѣлалъ столько затрудненій нашей миссіи въ Константинополѣ и представлялъ изъ себя такого рѣшителя судебъ Армянъ при Великомъ Князѣ Константинѣ! Я вдвойнѣ убѣжденъ, что сдѣлалъ скверный выборъ, довѣривъ ему эту миссію, чисто изъ учтивости къ патріарху.

Я только что получилъ длинное письмо отъ княгини Воронцовой, которая, кажется, не очень довольна уставомъ (о женскихъ училищахъ). Посылаю его вамъ со всѣми его прибавленіями и прошу васъ самихъ заняться имъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ желаетъ сама княгиня, не упоминая объ этомъ никому. Я всегда былъ согласенъ съ княгинею Воронцовой и думаю, что вполнѣ понялъ цѣль ея учрежденій втораго разряда, которыя должны создать хорошихъ матерей семействъ и хозяекъ. Сегодня я самъ напишу ей, чтобы просить у нея письменныхъ спеціальныхъ инструкцій лично для себя относительно того, какъ она желаетъ, чтобы эти учрежденія были поставлены, и тогда я вмѣшаюсь въ это дѣло, скорѣе какъ ея другъ и довѣренный, нежели какъ намѣстникъ Кавказскій. Будьте же добры, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлать въ уставѣ всѣ поправки, согласно желаніямъ княгини, и затѣмъ отошлите мнѣ его обратно въ отрядъ съ вашими примѣчаніями.

Обращаю ваше вниманіе на двѣ статьи „Кавказа". Объясните мнѣ, пожалуйста, что̀ это значитъ: въ № 47 (18 Іюля) сказано, что 15 числа

---

[8]) Начальникъ горныхъ инженеровъ на Кавказѣ.

того же мѣсяца прочтена и передана была ему (патріарху) Высочайшая грамота и пр. пр., а вслѣдъ затѣмъ прочтена была и Высочайшая грамота о пожалованіи его алмазными знаками Св. Александра, которые тутъ же на него и возложены. Но кѣмъ возложено, и кѣмъ и по чьему приказанію прочтены ему Высочайшія грамоты, о томъ нигдѣ не говорится. Это для меня непонятно. Написана ли статья подъ вліяніемъ партіи Армянъ, или господинъ Бобылевъ [9]) позволяетъ себѣ думать, что князь Орбеліани, какъ онъ самъ его называетъ выше, „замѣняющій лицо намѣстника", не слишкомъ значительная личность, чтобы быть названнымъ въ данномъ случаѣ, и чтобы такимъ образомъ придать этой статьѣ духъ свободнаго толкованія. Князь Орбеліани не названъ и до сегодня. Въ № 46, стр. 245, говорится о сраженіи при Маджентѣ: „вслѣдъ за этой радостной вѣстью получена другая о вступленіи союзниковъ въ Миланъ". Г-нъ Бобылевъ позволяетъ себѣ, кажется, заниматься политическими выдумками и проявлять свои мнѣнія. Невозможно предположить, чтобы эта статья была заимствована изъ другаго журнала; очень похоже, что она отголосокъ личныхъ мнѣній г-на Бобылева. Сдѣлайте ему какъ можно болѣе строгое предостереженіе.

9.

Петербургъ, 20 Января 1860 года.

Пишу вамъ сегодня два слова; во-первыхъ, дабы пожелать вамъ добраго новаго года и затѣмъ сказать, что всѣ наши дѣла идутъ превосходно. Я разсчитываю уѣхать отсюда 26-го и прибыть къ вамъ въ послѣднихъ дняхъ масляной. Мое здоровье крайне плохо; оно требуетъ, болѣе чѣмъ когда-либо, заботливаго ухода, а вы знаете, что онъ невозможенъ въ Петербургѣ, среди безпорядочной жизни. Къ несчастью, наши финансы снова въ плачевномъ состояніи, что̀ представляетъ помѣху для всѣхъ полезныхъ предпріятій. Разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ затянется, и всѣ сложности его примутъ болѣе серіозный оборотъ. Я не могу жаловаться на все то, что̀ здѣсь дѣлаютъ для меня, и на почести, которыя меня заставляютъ здѣсь принимать во вредъ моему здоровью. Мои старые друзья, Трояновскій и Давыдовъ, заботятся обо мнѣ, какъ только могутъ; но всѣ трое мы находимся еще въ нерѣшимости относительно того состоянія, въ которомъ они доставятъ меня въ Тифлисъ. Княгиня Дадіанъ желаетъ видѣть Кипіани и проситъ меня устроить, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней сюда. Если онъ самъ не будетъ этому противиться и если наши дѣла на Кавказѣ не пострадаютъ отъ этого, дайте ему разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ.

[9]) Редакторъ газеты „Кавказъ".

СОТНИКЪ ГОРБАТКО И ЕГО СПОДВИЖНИКИ

1862 г.

(Статья войсковаго старшины Н. И. Вишневецкаго).

Проѣзжая 16 Мая 1888 года отъ Новороссійска по Неберджаевскому ущелью, я невольно вспомнилъ прошлое, именно, какъ, 26 лѣтъ тому назадъ, каждый шагъ этой мѣстности отнимался нами у горцевъ Натухайскаго племени. Дорого отдавали намъ горцы свою родную землю, и дорого Русскій солдатъ и казакъ платили за нее своею кровью и костьми. Я вспомнилъ о славныхъ защитникахъ «Липкинскаго поста», павшихъ геройскою смертію 4 Сентября 1862 г. Мѣсто это въ послѣдствіи горцами названо «мѣстомъ смерти». Геройскій подвигъ и славная смерть трепетно отдаются въ сердцѣ каждаго Русскаго человѣка, особливо бывшаго въ бояхъ; но я чувствовалъ нѣчто большее, нѣчто особенное, потому что всѣхъ этихъ героевъ мнѣ пришлось видѣть за полторы сутки до ихъ славнаго конца.

Служилъ я тогда въ пластунахъ. Возвращаясь съ 14 пластунами съ командировки, мы должны были войти въ составъ колонны, слѣдовавшей изъ Крымскаго укрѣпленія въ Новороссійскъ. Дойдя до Липкинскаго поста, мы остановились, чтобы часа два отдохнуть. Съ поста вышло человѣкъ 20 пластуновъ. Я спросилъ: кто начальникъ поста? Мнѣ отвѣчали: сотникъ Горбатко. Съ нимъ я былъ нѣкогда знакомъ. При входѣ въ постъ является и Горбатко. Мы встрѣтились какъ старые товарищи и вошли въ его по-истинѣ убогое обиталище. Къ величайшему моему удивленію явилась и жена его, съ которой я и познакомился. Они пригласили меня отобѣдать, и за этою предсмертною трапезою Горбатко горько жаловался на неудовлетворительное укрѣпленіе поста, не смотря на его важное значеніе; въ частности онъ горевалъ, что насыпь въ видѣ бастіона не пятиугольной формы, а круглая, въ видѣ холма или кургана, на которомъ стояло только одно орудіе. Все устройство этого мнимаго укрѣпленія настолько было непрактично, что между поражаемымъ мѣстомъ и укрѣпленіемъ

могли проходить цѣлыя колонны не только пѣшія, но и конныя. Горбатко жаловался также на слабую расчистку лѣса вокругъ поста. Дѣйствительно, расчищенная площадь была такъ мала, что горцы, пользуясь прикрытіемъ деревьевъ, кустарниковъ и частію рѣчнаго обрыва, могли свободно и безнаказанно бить пластуновъ по выбору, при первой возможности. А между тѣмъ, повторяю, этотъ постъ имѣлъ очень важное назначеніе, именно — онъ долженъ былъ препятствовать непріятелю свободно выходить изъ лѣваго ущелья, упирающагося въ ущелье Неберджаевское. Много говорилъ Горбатко и о другихъ неудобствахъ или недостаткахъ Липкинскаго поста; но теперь всего не припомнить.

Любезные хозяева нѣсколько разъ приглашали меня остаться съ командою до слѣдующаго дня и присоединиться къ другой колоннѣ, которая вслѣдъ за нами должна была проходить по этому же пути. Какъ я ни отказывался, но просьбы радушнѣйшихъ хозяевъ были такъ задушевны, что я согласился переночевать у нихъ съ своими пластунами. Однако, когда я объявилъ это моему маленькому отряду, то одинъ изъ старшихъ пластуновъ отсовѣтывалъ мнѣ оставаться на ночлегъ, указывая на то, что мы уже и безъ того опоздали на цѣлый день. Я согласился съ моимъ старшимъ и опытнымъ пластуномъ и, возвратившись къ гостепріимнымъ Горбаткамъ, объявилъ имъ объ отмѣнѣ моего обѣщанія, что̀ ихъ огорчило.

Удивительно, какъ человѣкъ иной разъ предчувствуетъ свою смерть! Хорошо помню жгучія жалобы жены сотника Горбатка Маріянны на какую-то давившую ее тоску. Вотъ уже дня два или три, говорила она, я чувствую себя какъ будто какою-то преступницей и чего-то боюсь. И сама не знаю, отъ чего такая тяжелая тоска, отъ чего мнѣ такъ страшно? Отъ того ли, что мы живемъ какъ въ тюрьмѣ и не можемъ выдти изъ нея на свѣтъ Божій? Или что-нибудь страшное грозитъ намъ? Но среди такой исповѣди, она иной разъ видимо воодушевлялась, и глаза ея загорались какою-то отвагою, мужествомъ. Я, говорила она, отъ нечего дѣлать выучилась стрѣлять и столько навыкла въ этомъ дѣлѣ, что два раза попала въ дерево, стоящее въ 150 шагахъ отъ нашего поста; и если только Черкесы нападутъ на насъ, то и я стану въ ряды пластуновъ и навѣрное кого-нибудь уложу. Между прочимъ Маріянна Горбатко разсказала про сонъ, видѣнный ею въ прошедшую ночь и объясняла его смертію какого-нибудь близкаго родственника. Несчастная, она и не подозрѣвала, что этотъ сонъ предвѣщалъ имъ самимъ смерть чрезъ какіе-нибудь 14 — 15 часовъ. Горбатко, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ въ полголоса, чтобы никто не слышалъ, ни жена, ни пластуны: Я не понимаю, что̀ дѣлается у меня на посту. Жена вдругъ на-

чала сильно грустить, и я рѣшился отправить ее домой; да и люди всѣ такъ повѣсили головы, что и не узнаешь въ нихъ беззавѣтныхъ храбрецовъ, для которыхъ жизнь полушка. Да оно и не мудрено, что нападетъ такая тоска: и день, и ночь мы сидимъ за тыномъ и не можемъ выдти за постъ. И притомъ, рѣдкій день проходитъ, чтобы не стрѣляли Черкесы по нашимъ часовымъ, хотя и безъ вреда: одному только пластуну прострѣлили бурку; но и мы не остаемся въ долгу. При этомъ Горбатко указалъ мѣсто, откуда обыкновенно стрѣляютъ въ нихъ горцы. Сколько могъ, я старался успокоить Горбатка, объясняя такое расположеніе духа жены его и пластуновъ тѣми неудобствами и трудностями жизни, какія они испытываютъ, сидя въ этой тюрьмѣ, даже не имѣвшей надлежащихъ средствъ для защиты и ея, и обитателей ея. Дѣйствительно, жизнь этихъ пластуновъ была самая невыносимая и выносилась только вслѣдствіе глубокаго сознанія долга царской службы. Пластуны Липкинскаго поста жили въ тѣсномъ помѣщеніи, построенномъ въ расщелинѣ горъ, куда рѣдко заглядывало солнышко; кругомъ лѣсъ, котораго нельзя не назвать украшеніемъ природы, но не всегда можно смотрѣть на него такими глазами. По милости этого лѣса, нельзя было выдти изъ поста ни днемъ, ни ночью: сейчасъ раздадутся изъ лѣсной чащи выстрѣлы горцевъ.

Я сказалъ о какомъ-то угнетенномъ состояніи жены Горбатка и отчасти его самого. Что-то недоброе предчувствовала и вся эта горсть пластуновъ, хотя и неустрашимыхъ и не разъ смотрѣвшихъ въ глаза смерти. Сохранились въ памяти моей нѣкоторые изъ ихъ разговоровъ, слышанные мною во время обѣда, которые я и передаю здѣсь.

Одинъ пластунъ, передѣлавши старые тогдашіе патроны съ бумажными гильзами, несъ ихъ и говорилъ: «ныхай теперь йдутъ бисови голомшивци *); буду частувать ихъ горошками». На эти слова другой замѣтилъ: «Що ты хвастаешься патронами! Я три дня штыкъ гострю каминцемъ, и такъ зробивъ якъ шило гострое; ось—подывись! Нехай голомшивцы тилько прійдутъ; буде чимъ ихъ тыкать». Слышимъ голосъ третьяго: «надивайте, хлопци, били, чисти сорочки, якъ я надивъ!» На эти слова возразилъ одинъ изъ пластуновъ, находившійся въ балаганчикѣ: «На що сегодня надивать били сорочки? Хиба сегодня свято, чи що?» На всѣ эти разсужденія сдѣлалъ замѣчаніе старый казакъ, Георгіевскій кавалеръ, атлетическаго роста, съ длинною бородою и вообще довольно суроваго вида: «Та на що ви ихъ накликаете, поганыхъ голомшивцевъ? Ще прійдутъ! Отъ, гостій захотили; якъ прійдутъ,

*) Такъ въ насмѣшку пластуны называли вообще Черкесовъ вслѣдствіе плѣшивости и нечистоплотности ихъ головъ.

не ради будете». И при этихъ словахъ онъ такъ что-то сострилъ, что мы всѣ расхохотались.

Сыгранъ былъ подъемъ; отрядъ нашъ двинулся. Прощаясь съ добрѣйшими Горбатковыми и пластунами этого поста, могъ ли я думать, что прощаюсь съ ними навѣки? Хотя сказанная старымъ пластуномъ острота немного и развеселила насъ, но я не могъ не замѣтить, что, при проводахъ, и самъ Горбатко мнѣ представился грустнымъ, съ тяжелою тоскою на сердцѣ; онъ смотрѣлъ на меня какими-то томными глазами, и мнѣ стало очень жаль, что я оставляю моихъ дорогихъ товарищей по оружію. Но дѣлать было нечего: царская служба прежде всего; казаку не къ лицу охи да вздохи, а еще пуще бабьи—хотя бы и самой жинки—слезы; когда казакъ на конѣ, онъ никто другой, какъ казакъ-служака и рубака.

По приходѣ въ Новороссійскъ, часовъ въ 10 ночи, мы расположились въ крѣпости; а часовъ около пяти утра наши часовые услыхали частые орудійные выстрѣлы, которые и разбудили насъ всѣхъ; сдѣлалась обычная суета въ крѣпости и за крѣпостью. Я услышалъ четыре орудійные выстрѣла, и мнѣ казалось, что тѣ выстрѣлы шли именно отъ Липкинскаго поста. Однако не всѣ такъ думали: одни предполагали, что пальба происходила въ отрядѣ генерала Бабича; другіе увѣряли, что то навѣрное идетъ наша колонна, и на нее напали Черкесы; третьи полагали, что то отрядъ генерала Бабича наступаетъ на непріятельскіе аулы; коротко—каждый предполагалъ свое, и никто не хотѣлъ вѣрить мнѣ и моимъ пластунамъ, что бой идетъ на Липкинскомъ посту, среди горсти храбрыхъ пластуновъ и, по всей вѣроятности, съ огромнымъ скопищемъ горцевъ. Нѣтъ разсчета, говорили возражавшіе намъ, нападать горцамъ на такой постъ, гдѣ нечѣмъ поживиться, но который даромъ имъ не достанется. Такъ возражать было основаніе; но, по пословицѣ: сердце сердцу вѣсть подаетъ, чуяло мое сердце, что бой идетъ именно тамъ, гдѣ такъ предчувствовали его. И невольно это сердце говорило: Зачѣмъ я не остался тамъ? Можетъ быть, и помогли бы мы или и свои кости положили съ Липкинскими. Когда-нибудь да придется же умирать; но смерть въ бою для казака самая красная смерть; такой смерти онъ не боится, а прямо смотритъ ей въ глаза, правда далеко не ласковые: то не привѣтливыя очи жинки или матки!

Въ тотъ же день, около двухъ часовъ, мы узнали о гибели Липкинскаго поста и неустрашимыхъ храбрецовъ, еще разъ (и сколько было этихъ разовъ!) сдѣлавшихъ честь и славу Русскому оружію. На мѣстѣ поста, грознаго не своими укрѣпленіями, а геройскимъ мужествомъ, остались пепелище, груды развалинъ и обгорѣлыхъ или изру-

бленныхъ труповъ: ни одна душа не спаслась, начиная съ истоваго казака начальника Горбатка и кончая его героинею-женою.

Объ этомъ дѣлѣ передавались различные и даже совсѣмъ невѣроятные слухи; но болѣе вѣрныя свѣдѣнія получены были отъ самихъ горцевъ. При всей своей ненависти и злобѣ къ Русскимъ и въ особенности къ пластунамъ, превосходившимъ ихъ и храбростію, и хитростію, и выносливостію, они относились къ нашимъ героямъ съ такою похвалою, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ навертывались слезы; вообще они не могли высказать того, что̀ чувствовали, вспоминая жертвы этого боя, какъ свои, такъ и враговъ своихъ; относительно же жены сотника Горбатка они не находили словъ, чтобы выразить свое удивленіе ея геройскому мужеству. О всемъ этомъ отчасти свидѣтельствуютъ оффиціальные документы, составленные штабомъ Адагумскаго отряда. Я не могъ не принимать близко къ сердцу этого поистинѣ геройскаго подвига моихъ братьевъ-пластуновъ и тѣмъ болѣе, что наканунѣ ихъ геройской смерти какъ-то особенно породнился съ ними, какъ бы читая въ ихъ глазахъ: до свиданья, товарищъ, на томъ свѣтѣ! Поэтому я искалъ случая собрать возможно-подробныя свѣдѣнія объ этомъ славномъ дѣлѣ въ нашей полувѣковой борьбѣ съ Кавказскими горцами. Случай этотъ представился.

Когда началось переселеніе горцевъ въ Турцію, я нарочно отправился въ Новороссійскъ—мѣсто посадки на суда горцевъ, отправился, чтобы собрать свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ отъ тѣхъ горцевъ, которые участвовали въ немъ. Намѣреніе или желаніе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Изъ всего слышаннаго мною отъ горцевъ нельзя было не убѣдиться, что взятіе Липкинскаго поста горцамъ обошлось недешево, и что собранныя оффиціальнымъ путемъ данныя по этому дѣлу не расходятся съ правдою. Расспрашиваемые мною горцы вообще были откровенны, хотя между ними и нашлись такіе озлобленные фанатики, которые отвергали то, что̀ служило порицаніемъ ихъ чести и славы въ многолѣтней борьбѣ съ нами.

Къ счастію моему, участвовавшихъ въ Липкинскомъ дѣлѣ горцевъ оказалось здѣсь весьма много. Изъ нихъ хотя и нашлось человѣка два, знающихъ Русскій языкъ, но не настолько, чтобы разсказать и выяснить всѣ подробности этого славнаго для насъ и постыднаго для горцевъ дѣла. Поэтому я вынужденъ былъ пригласить въ качествѣ переводчика прапорщика милиціи Магомета Машука, нѣкогда служившаго въ С.-Петербургѣ, въ конвоѣ Его Величества и теперь также уходившаго вмѣстѣ съ горцами въ Турцію. Онъ привелъ ко мнѣ троихъ такъ называемыхъ князей, также участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ числѣ этихъ троихъ былъ одинъ изъ командовавшихъ нѣсколькими

стами человѣкъ; у него оказались *хазири* одного убитаго пластуна. Хранилъ онъ ихъ, какъ завѣтную, дорогую святыню и счелъ для себя большимъ оскорбленіемъ, когда я предложилъ ему уступить мнѣ эту вещь на память о моемъ собратѣ.

Всѣхъ горцевъ, окружившихъ меня, было семь человѣкъ, исключая переводчика, и въ числѣ ихъ два старика очень почтенныхъ лѣтъ. Эти старики при началѣ разсказа замѣтно старались держать себя спокойно, какъ будто рѣчь шла о постороннемъ для нихъ дѣлѣ; но одинъ изъ нихъ не могъ совладѣть собою и горько заплакалъ. Мнѣ передали, что онъ плачетъ о сынѣ, въ его глазахъ заколотомъ въ этомъ дѣлѣ штыкомъ пластуна; сынъ былъ 18-лѣтній храбрый юноша и имѣлъ красавицу-невѣсту. У другаго старика тоже показались слезы, но не о какомъ нибудь родномъ ему лицѣ, а вообще объ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ горцахъ въ этомъ бою, навязанномъ имъ какимъ-то злымъ рокомъ, повидимому противъ желанія ихъ.

«Собрались мы въ недобрый часъ, такъ начался разсказъ; насъ было 3,000 пѣшихъ и около 400 конныхъ джигитовъ [1]); можетъ быть и больше, но разница будетъ небольшая. Мы раздѣлились на три пѣшихъ отряда; при каждомъ былъ отрядъ конныхъ; но общее число конныхъ было такъ распредѣлено: часть ихъ поѣхала впередъ для развѣдокъ, часть пошла для той же цѣли разными путями, а часть ѣхала сзади всего отряда. Отрядъ находился подъ начальствомъ князей, которые подчинялись одному самому старшему по лѣтамъ и заслугамъ князю; этотъ князь начальствовалъ надъ всѣми аулами, находившимися между Новороссійскомъ и Джубою. Цѣль нашего отряда была напасть на одну изъ казачьихъ станицъ. Выступили мы поздно; шли цѣлую ночь. Подходя къ Неберджаевскому ущелью, мы замѣтили разсвѣтъ, а съ нимъ и свою ошибку, что запоздали: мы хотѣли сдѣлать нападеніе ночью. Отрядъ остановился, и начальствующія лица занялись обсужденіемъ вопроса: что̀ дѣлать? Пошли разные толки, явилось конечно разногласіе. Одни предлагали возвратиться и скрыться въ горахъ до наступленія ночи, въ которую и сдѣлать нападеніе на ближайшую станицу. Но противъ этого отступленія возстало большинство, послышались голоса: объ отступленіи замолчать! Русскіе узна́ютъ и приготовятся къ бою; а если узнаетъ про то Бабукъ [2]), то онъ всѣхъ насъ искрошитъ. Другіе шумѣли и кричали: надо взять Липкинскій постъ.

---

[1]) Показанныя цифры схожи съ собранными оффиціальнымъ путемъ.

[2]) Такъ называли горцы начальника отряда ген.-лейт. Бабича, наводившаго на нихъ ужасъ; стоило только расплакавшемуся ребенку сказать: Бабукъ, и ребенокъ замолчитъ. Къ этому застращиванію дѣтей горцы всегда прибѣгали.

Но на это также многіе не соглашались, говоря, что у пластуновъ, кромѣ оружія, нѣтъ никакой *худры-мудры* [1]), а имѣть съ ними дѣло опасно. На это замѣчаніе раздалось множество голосовъ: долой трусовъ! Развѣ мы хуже пластуновъ? Или мы не имѣли дѣла съ ними? Изъ насъ каждый поклянется надъ своимъ священнымъ оружіемъ быть сегодня, какъ и всегда, храбрѣе каждаго гявура-пластуна. И опять повторила разбушевавшаяся толпа: долой трусовъ! Чтò было бы дальше, чѣмъ бы кончились всѣ эти горячіе споры, мы не знаемъ, если бы въ это время не раздалось со стороны Липкинскаго поста три ружейныхъ выстрѣла, которые и рѣшили наше спорное дѣло. Впослѣдствіи оказалось, что наши разъѣзды наткнулись на секретъ пластуновъ, которые своими выстрѣлами и убили двухъ лошадей въ нашемъ разъѣздѣ, чтò конечно и подлило масла тѣмъ горячимъ головамъ, которыя кричали: долой трусовъ! Послѣ этихъ выстрѣловъ, минуты чрезъ двѣ, сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ постоваго орудія. Поспѣшность орудійнаго выстрѣла не могла не поразить насъ удивленіемъ: съ какою бдительностію сторожили себя пластуны. По всей вѣроятности, они слѣдили за нами и открыли насъ. Когда у насъ былъ въ самомъ разгарѣ споръ о томъ, чтò намъ дѣлать, многіе изъ насъ слышали волчій вой: то навѣрное выли пластуны, давая этимъ знать о грозящей опасности посту [2]). Теперь всѣмъ намъ было ясно, что мы открыты. Князья и старшины наши пришли къ тому заключенію, что дѣло наше проиграно, и для насъ одинъ исходъ: возвратиться домой. Но бурливыя головы, составлявшія огромное большинство въ отрядѣ, настаивали взять постъ силою, если пластуны не сдадутся по доброй волѣ; въ особенности молодежь хотѣла подраться, предполагая, что самое взятіе ничего не будетъ стоить: пригрозить пластунамъ, и они противъ воли сдадутся. Впрочемъ, и положеніе нашего отряда было таково, что намъ слѣдовало взять Липкинскій постъ: онъ могъ дать знать о насъ своимъ; пластунъ таже змѣя, которой и не замѣтишь, какъ она пробирается по травѣ. Не скрываемъ передъ вами (т.-е. передо мной) и своей вины: вотъ мы (старикъ-разскащикъ указалъ на другаго сидѣвшаго тутъ же старика) лѣтъ тридцать бились съ Русскими, а иногда и съ своими «бжедухами», но не могли и вообразить такой стойкости, такой до безумія храбрости, какую мы видѣли въ пластунахъ Липкинскаго поста. Не трусы и мы, и нашъ братъ умѣетъ смотрѣть въ глаза смерти; но пластунъ смотритъ и не моргнетъ

---

[1]) Такъ горцы называли пожитки.

[2]) Пластуны имѣли своеобразные сигналы, въ каждомъ отрядѣ различные, но въ большинствѣ выли по-волчьи, на разные голоса, которыми обозначались: сборъ, отступленіе непріятеля, поданіе помощи и т. д. Многіе пластуны до того искусно выли, что на вой ихъ приходили волки, на которыхъ пластуны и охотились, т.-е. убивали ихъ.

ни однимъ глазомъ. Хоть много дѣлъ имѣли мы съ ними, но что̀ это были за люди (звѣрями мы не позволимъ себѣ назвать ихъ, помня ихъ геройство), того мы хорошо не знали. Къ сожалѣнію, и сами начальники наши отнеслись къ взятію Липкинскаго поста съ какимъ-то небреженіемъ: это-де плёвое дѣло! Такой взглядъ ихъ еще болѣе поддерживалъ пылкость духа нашей молодежи, которая водилась однимъ тщеславіемъ удальства или молодечества. Вы знаете нашихъ отчаянныхъ джигитовъ: ради показа своего удальства они готовы броситься въ пропасть, гдѣ конечно и сломятъ свои головы. Такъ было и здѣсь: не мало изъ нихъ легло подъ пулями или штыками Липкинскихъ пластуновъ».

«Отрядъ нашъ двинулся. Джигиты заскакали съ двухъ сторонъ и оцѣпили постъ, чтобы не выпустить изъ него ни одного пластуна *); двѣ части пѣхоты направили на постъ, а третьей велѣли занять до-рòги и на случай появленія Русской конницы встрѣтить ее залпомъ. Джигиты безъ всякаго разрѣшенія и распоряженія слѣзли съ лошадей и также бросились къ посту. Пластуны допустили насъ на самое близкое разстояніе и встрѣтили залпомъ изъ своихъ ружей; послышался страшный крикъ раненыхъ, немало пало убитыми наповалъ. Не смотря на пагубную для насъ встрѣчу, наши съ гикомъ подбѣжали къ самой огородѣ поста и открыли непрерывную пальбу, которая хотя была и продолжительна, но для осажденныхъ безвредна, между тѣмъ какъ они поражали насъ своими мѣткими выстрѣлами, и это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что наши горцы столпились и такъ давили другъ друга, что не могли стрѣлять въ осажденныхъ: стрѣляли то вверхъ, то внизъ, то въ средину огорожи, но не въ людей за нею. Видимъ, прошло не мало времени, но постъ взять не можемъ, и многіе изъ насъ готовы были на попятную, т.-е. отступить. Чтобы удержать отъ отступленія, наши начальники стали называть насъ трусами и потребовали отрядъ, охранявшій дорòги. Прибѣжало до 1000 человѣкъ; ружейная пальба усилилась, но съ нею увеличилась и давка, которая и была въ руку нашимъ врагамъ - пластунамъ: имъ не нужно было много цѣлиться. Но вотъ кто-то скомандовалъ—лѣзть на заборъ, чтобы массою задавить такое ничтожное число защищавшихся храбрецовъ. Съ гикомъ бросились на заборъ, полѣзли на самый верхъ его; но всѣхъ этихъ смѣльчаковъ пластуны опрокидывали своими острыми штыками или увѣсистыми прикладами; убитые падали въ толпу и наводили на нее невообразимый страхъ. Послышались голоса: бросимъ, взять нельзя!

---

*) Горцы боялись, какъ бы пластунъ не пробрался и не далъ знать своимъ, чего онъ по краткости времени конечно не могъ сдѣлать; ибо подмога могла придти только изъ-за 30—40 верстъ. Постовая пушка дала знать нашимъ о сборищѣ горцевъ; но и по ея сигналу скорой помощи нельзя было ожидать. Этого горцы не сообразили.

Но на нихъ рѣзко, съ бранью, отвѣчали начальствующіе: «Что? Струсили? Не вы ли храбрѣе гявуровъ-пластуновъ! Не вы ли клялись Аллахомъ и своимъ оружіемъ—не отступать, пока не возьмете?» Муллы, между тѣмъ, запѣли молитвы, посылая проклятія гявурамъ. Во второй разъ съ гикомъ и крикомъ Аллахъ! и еще съ бо̀льшимъ натискомъ и отвагою ринулись къ посту и полѣзли на заборъ; но таже горькая участь постигла и этихъ молодцовъ: пластуны, какъ и въ первый разъ, сбрасывали ихъ штыками; опрокинутые или проколотые падали на лѣзшихъ за ними, и тѣмъ увеличивали число раненыхъ и задавленныхъ. Мы не можемъ и теперь надивиться ловкости и быстротѣ движеній пластуновъ: каждый изъ нихъ работалъ мало сказать за десятерыхъ. Такимъ образомъ и второй приступъ отбитъ, и охотниковъ снова лѣзть чрезъ заборъ не отыскалось; да и безполезно было дѣлать третій приступъ. Снова открыли самую учащенную пальбу, но и она не приносила намъ видимой пользы. Хотя мы и видѣли свою безуспѣшность, но отступать не хотѣли, да и не знали, что̀ дальше дѣлать. Но вотъ кто-то закричалъ: рубить заборъ возлѣ воротъ. Масса отряда двинулась къ этому мѣсту и выставила собою самую удобную цѣль: каждая пуля пластуна пронизывала не только одного, но двоихъ, доходя иногда и до третьяго. Страхъ нашъ усилился; однако начальствующіе отобрали человѣкъ сто, которые и принялись за рубку забора въ указанномъ мѣстѣ; уставшіе въ этой работѣ отходили и передавали свои топоры другимъ. Слышно было, что въ посту кто-то командовалъ, по всей вѣроятности сотникъ Горбатко, котораго окрестные горцы называли султаномъ, самымъ почетнымъ именемъ. Приказано было знающимъ Русскій языкъ прислушиваться къ словамъ Горбатка и передавать ихъ начальствующимъ; но за стрѣльбою, крикомъ и стукомъ топоровъ трудно было разслышать, что́ говорилось въ посту. Нѣсколько словъ впрочемъ мы разслышали: «А что̀ батько царь скажетъ? Развѣ вы не потомки славныхъ Запорожцевъ: васъ проклянутъ дѣды и отцы; не робѣйте! Видимо, намъ самъ Богъ помогаетъ» *). Эти и подобныя имъ слова были передаваемы въ нашъ отрядъ и нѣсколько ободряли насъ: изъ слышаннаго нами мы выводили заключеніе, что пластуны хотѣли отступить въ казарму и оттуда защищаться; но Горбатко остановилъ ихъ. Слышны были и отдѣльныя слова команды: штыкомъ, раздѣлись, два, три, подавай, стой, Богъ, Богъ и т. д. И все это былъ

---

*) Хотя мой переводчикъ и зналъ Русскій языкъ, но горцы такъ коверкали слышанныя ими въ посту Русскія слова, что мы съ трудомъ нашли въ нихъ смыслъ; напр. они слышали слова Горбатка: „прокляти цеды и хотцы“. Едва ли они не придали этимъ словамъ именно тотъ смыслъ, что дѣды и отцы проклянутъ васъ.

голосъ одного человѣка; пластуновъ на посту какъ будто и не было; они работали молча, безъ всякихъ возраженій. Слышенъ былъ и женскій голосъ, что̀ насъ крайне удивило; но этотъ голосъ повторялъ почти одно: есть, есть».

«Но вотъ раздался сильный трескъ. Это упалъ заборъ сажени на три шириною: мы успѣли подрубить его. Наши храбрецы хлынули въ этотъ проломъ, какъ волна, и ворвались въ самый постъ. Встрѣтившіе насъ пластуны не попятились ни на шагъ, кололи насъ штыками, били прикладами, но въ нѣсколько мгновеній были изрублены нашими шашками. Горбатко врѣзался въ самую толпу, искусно отбивалъ удары шашки, самъ рубилъ и вправо и влѣво и громко кричалъ: не робѣй, братцы! Срубили и его; онъ упалъ на колѣни, съ какими-то едва слышными словами, кажется съ тѣми же: не робѣй, не робѣй! Съ нимъ вмѣстѣ упалъ и одинъ пластунъ большаго роста, отбивавшійся прикладомъ своего ружья; онъ перебилъ свое ружье на головѣ одного горца, который и упалъ замертво; послѣ этого пластунъ-великанъ втиснулся въ толпу, схватилъ одного горца за шею сильными руками и началъ душить; въ толпѣ не было возможности изрубить его шашками, и мы закололи его кинжалами. Когда былъ убитъ Горбатко, за нимъ оказалась марушка *); въ послѣдствіи мы узнали, что то была жена Горбатка. Она съ страшнымъ крикомъ бросилась на насъ, защищая трупъ своего мужа, и въ это время выстрѣломъ изъ ружья убила одного горца, а другаго тоже на смерть проколола штыкомъ: онъ умеръ, какъ только мы принесли его домой. Разъяренные горцы изрубили эту храбрую женщину въ мелкіе куски, хотя подскакавшіе князья и хотѣли защитить ее, именно за ея храбрость, которую мы цѣнимъ».

«Мгновенно постъ принялъ ужасающій видъ: валялись тѣла убитыхъ, мучились съ раздирающимъ воплемъ и проклятіями раненые, наши и пластуны, которыхъ мы въ остервененіи, о да проститъ намъ Аллахъ! и начали рубить въ куски, не только живыхъ—раненыхъ, но и убитыхъ; мы обезобразили этихъ несчастныхъ храбрецовъ, о да проститъ намъ милосердый Аллахъ! какъ только можно было обезобразить человѣческій трупъ».

«Рукопашная рѣзня прекратилась; но насъ не перестаютъ бить пулями. Оставшіеся въ живыхъ 7 или 8 человѣкъ пластуновъ, защищавшихъ восточную часть поста, вскочили въ казарму, заперлись и начали стрѣлять по насъ изъ оконъ и другихъ отверстій. Что̀ дѣлать? Приходилось брать приступомъ и эту крѣпость. Видя потерю людей и

*) Такъ горцы называютъ женщину или жену.

напрасную потерю времени, начальники наши рѣшились вступить съ этими пластунами въ переговоры; предлагали сдаться плѣнными, на обмѣнъ нашихъ плѣнныхъ. Но съ цѣлью устрашить этихъ храбрецовъ и довести наши переговоры до желаемаго конца, приказано было сносить къ казармѣ хворость, чтобы окружить ее пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Казарма была деревянная, не обмазана ни снутри, ни снаружи глиною; покрыта же была она землей».

«На предложеніе сдаться плѣнными, пластунъ, стоявшій около двери, отвѣчалъ: пластуны въ плѣнъ не сдаются; сдадимся, если самъ царь велитъ; что̀ хотите, то и дѣлайте съ нами; а лучше не трогайте насъ; идите себѣ откуда пришли; мы не будемъ стрѣлять по васъ. Слышали мы и другой голосъ: Русскій воинъ не сдается; лучше умремъ всѣ, а къ вамъ, голомшивцамъ, не пойдемъ *). Какъ мы ни старались уговорить этихъ отчаянныхъ храбрецовъ, какъ ни стращали ихъ пожаромъ, въ которомъ они сгорятъ; но ничто не дѣйствовало. Какъ ни ожесточены мы были, но и намъ какъ-то жаль было видѣть ихъ горящими, и мы рѣшились штурмовать казарму. Солнце уже показалось на вершинахъ горъ; мы каждую минуту могли ожидать страшнаго Бабука, который конечно истребилъ бы насъ всѣхъ. Началась опять стрѣльба съ обѣихъ сторонъ; смѣльчаки наши подходили къ самымъ окнамъ и стрѣляли въ нихъ; но пластуны по прежнему держались и не переставали или бить насъ на смерть, или ранить. И все-таки не хотѣлось намъ видѣть, какъ будутъ горѣть эти храбрые люди, и мы рѣшились задавить ихъ крышею; и съ этою цѣлью полѣзли наши люди на казарму; но вдругъ загорѣлся хворостъ—кто-то изъ нашихъ поджегъ его, и вся казарма очутилась въ пламени. Отъ страху ли, или отъ недостатка патроновъ пластуны перестали стрѣлять«.

Здѣсь между разскащиками начались споры, чуть не дошедшіе до ссоры: одни говорили, что крыша рухнула прежде, чѣмъ казарма загорѣлась; другіе утверждали противное, ссылаясь на то обстоятельство, что для разрушенія крыши у нихъ не было лопатъ, и крыша упала когда начали горѣть балки, поддерживавшія ее. Споры эти доходили до того, что одинъ изъ самыхъ главныхъ разскащиковъ, старикъ, хотѣлъ даже уйти, а съ нимъ уходили и еще двое молодыхъ. Насилу я

*) Голомшивцы — бранное слово; весьма сомнительно, чтобы пластунъ предъ видимою смертью позволилъ себѣ браниться такими словами. Черноморскіе казаки, и въ особенности пластуны, ни нижніе чины, ни офицеры, во время боя никогда не ругались. Это прекрасная отличительная черта ихъ существовала всегда; остается она и досслѣ. Въ самомъ разгарѣ боя обыкновенно только и слышны были слова: Богъ, царь, дѣды, отцы и т. д., и слова эти какъ будто ободряли и поднимали духъ во время самой кровавой сѣчи.

помирилъ ихъ, представляя имъ, что для меня безразлично: когда обрушилась крыша, до пожара или во время пожара.

«Недостача патроновъ, продолжали мои разскащики, и начавшійся пожаръ послужили намъ въ пользу, потому что пластунамъ легко было бить насъ, и они еще многихъ бы изъ насъ уложили на мѣстѣ. Да и то надобно сказать: послѣ полутора часовой борьбы люди наши ожесточились, вышли изъ повиновенія, и порядка между нами никакого не было; многіе только тѣмъ и занимались, что рубили въ мелкіе куски трупы храбрыхъ пластуновъ; другіе бросались по посту, чтобы чѣмъ нибудь поживиться».

«Казарму наконецъ всю обняло пламенемъ; дымъ сталъ душить храбрыхъ мучениковъ, ожидавшихъ каждую минуту лютой смерти; они стали издавать душу раздирающіе вопли, какъ только начали горѣть. Не приводилось намъ видѣть горѣвшихъ живыхъ людей; но то дѣйствительно было зрѣлище потрясающее душу; оно тронуло даже тѣхъ изъ насъ, немилосердыхъ безбожниковъ, которые во всю свою жизнь никому пощады не давали, и они даже прослезились».

Послѣ этихъ словъ разскащики на нѣсколько минутъ замолчали, призадумались и смотрѣли другъ на друга и на меня съ какою-то грустію. Смотрѣлъ и я на нихъ, и мнѣ жаль стало ихъ: они оставляли свою, такъ дорого отдаваемую намъ родину. Надо правду сказать: хотя мы и дрались другъ съ другомъ какъ лютые звѣри; но каждый изъ насъ исполнялъ свой долгъ: они дрались за родную землю, а мы за то, что горцы не хотѣли жить въ мирѣ и согласіи съ нами подъ отеческимъ кровомъ Бѣлаго Царя и служить ему со всею правдою и преданностію. Имъ не было бы хуже, и родной земли у нихъ никто бы не отнялъ, какъ не отнимаемъ мы земли отъ недавно перешедшихъ въ наше подданство инородцевъ Азіи.

Послѣ нѣкотораго молчанія мои собесѣдники продолжали. «Постой, мы и позабыли сказать тебѣ, что горѣвшіе пластуны безпрестанно кричали: Аллахъ, Аллахъ! Вѣдь и у васъ тотъ же Аллахъ, что̀ и у насъ. Боясь прихода Русскаго отряда, который, при видѣ пожара, скорѣе могъ придти, мы оставили горѣвшихъ пластуновъ и поспѣшили поскорѣе уйти домой. При отступленіи одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ муллъ, эфенди, обратилъ лицо къ небу, поднялъ руки и сказалъ нѣсколько благодарственныхъ словъ изъ молитвы; потомъ поворотился къ намъ и, указывая на горѣвшихъ, сказалъ: Горѣли, сгорѣли, а все-таки не сдались! Куда же намъ воевать съ такимъ народомъ?»

«Отступили мы верстъ за пять, или и того болѣе. Стоны раненыхъ заставили насъ остановиться; снесли въ одно мѣсто убитыхъ и раненыхъ, и что̀ мы увидѣли? Аллахъ, Аллахъ! Сколько было и тѣхъ, и

другихъ!»—Но сколько же было? спросилъ я. На этотъ вопросъ былъ одинъ отвѣтъ: «Аллахъ, Аллахъ, много, много! Да не такъ много, вмѣшался въ разговоръ одинъ горецъ, доселѣ молчавшій: срубленъ шашкою одинъ, ранено шашкою семь, прикладомъ убили троихъ, и одинъ пропалъ безъ вѣсти. Срубилъ и ранилъ шашкою сотникъ Горбатко, такъ какъ у простыхъ пластуновъ шашекъ не было; прикладомъ были убиты трое въ первый нашъ приступъ. Очевидно, что въ этихъ словахъ не было правды: какъ будто и не было убитыхъ отъ пуль? Не возражали мои разскащики на это показаніе, но и не подтверждали его, какъ явно ложное. Между прочимъ они присоединили къ своему разсказу и слѣдующее. «На посту, сколько мы можемъ припомнить, было два ящика съ орудійными снарядами; одинъ былъ взорванъ пластунами, а другой достался намъ. Можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь хранились снаряды; но въ торопяхъ мы не искали ихъ. Взрывъ ящика не причинилъ намъ вреда; только сотрясеніемъ было отброшено нѣсколько человѣкъ; но пластунъ, взорвавшій ящикъ, былъ убитъ на повалъ, и на немъ загорѣлась одежда».

«Какъ могъ пропасть у насъ одинъ безъ вѣсти, мы никакъ не могли узнать и теперь навѣрное не знаемъ: вѣроятно, онъ былъ убитъ и при переѣздѣ чрезъ рѣку упалъ въ воду; или онъ былъ убитъ взорвавшимся ящикомъ, и трупъ его настолько обезобразился, что мы въ торопяхъ не могли отличить его отъ пластуна; а можетъ быть, онъ былъ убитъ пулею, и мы, рубивши трупы пластуновъ, и его изрубили въ куски. Еще одно предположеніе: если то правда, что крыша казармы обрушилась еще до пожара, то легко могло случиться, что этотъ Черкесъ былъ въ числѣ разрушавшихъ крышу, провалился вмѣстѣ съ нею и вмѣстѣ съ пластунами сгорѣлъ».

«На привалѣ мы сосчитали всѣхъ убитыхъ и раненыхъ. Муллы записали ихъ, прочитали молитву, и мы всѣ помолились за нашихъ убитыхъ братьевъ. Эфенди же послѣ этого сказалъ очень чувствительную рѣчь, изъ которой намъ особенно памятны такія его слова: «Вѣрно намъ, правовѣрные, придется покориться Московіи, если уже марушка двоихъ у насъ убила. Неслыханный и невиданный случай между храбрыми горцами. Это позоръ и наказаніе намъ отъ Аллаха. Всемогущій Аллахъ видимо наказываетъ насъ въ бояхъ съ Русскими. Но я вѣрю, что накажетъ и ихъ. Вотъ мы всѣ поголовно пойдемъ къ правовѣрному, солнцесіяющему, лунно-свѣтящемуся великому нашему султану и вмѣстѣ съ нимъ ударимъ на Московію, и кровь наша и нашихъ предковъ не пропадетъ даромъ: ею обольются всѣ гявуры». Послѣ этихъ словъ мулла закрылъ глаза и горько заплакалъ; заплакали и мы всѣ. Когда же онъ открылъ лицо, то громко и протяжно повторилъ слова,

сказанныя на посту, повторилъ какъ бы въ укоръ намъ: горѣли, сгорѣли, а все-таки не сдались! И мы всѣ повторили эти слова. Таковъ обычай у насъ: повторять послѣднія слова старшаго между нами. На этомъ же привалѣ мы положили называть этотъ постъ «мѣстомъ смерти», и двинулись домой. Что было дома, и разсказать невозможно. Плачъ былъ всеобщій; всѣ отъ мала до велика посылали самыя страшныя проклятія своимъ врагамъ гяурамъ - пластунамъ, хотя каждый изъ насъ и сознавалъ, что эти храбрецы, погибшіе сами и побившіе немало изъ нашихъ, ни въ чемъ не виноваты; и зная напередъ ихъ упорную защиту и ихъ такую храбрость, мы, изъ одного уваженія къ такимъ людямъ, не напали бы на нихъ, и тѣмъ болѣе, что ихъ всего было только 35 человѣкъ, да храбрая марушка, а не сто, какъ мы предполагали. Да, у этихъ пластуновъ сердце было каменное, а тѣло желѣзное».

Гдѣ же шашка Горбатка? спросилъ я.—О, отвѣчали, она переходила изъ рукъ въ руки и дошла до самой высокой цѣны.—Развѣ, снова я сдѣлалъ вопросъ, желѣзо было особенно хорошо?—Желѣзо, отвѣчали горцы, правда было очень хорошее; но у насъ есть получше. Да какъ такой шашкѣ не быть дорогой? Ею насъ Горбатко рубилъ, и изъ раненыхъ имъ половина умерла; ей и цѣны не было бы, если бы мы не уходили въ Турцію.

Нельзя ли мнѣ купить ее? спросилъ я.—Нѣтъ, нельзя, отвѣчали горцы, такъ какъ мы не знаемъ, у кого она находится. Слышали мы, что хотѣлъ купить ее Бабукъ и отослать роднымъ Горбатка; но досталъ ли онъ ее, мы не знаемъ. Въ нашихъ глазахъ самую большую цѣнность имѣло ружье марушки, но въ суетахъ всѣ ружья перемѣшались, и мы не могли узнать, которымъ била насъ храбрая женщина.

А много вы ружей взяли? спросилъ я.—Немало, отвѣчали горцы, да мало было въ числѣ ихъ годныхъ; уцѣлѣли только тѣ, которыя были въ рукахъ пластуновъ, а запасныя они всѣ, предвидя нападеніе, переломали: били дуло о дуло.

Я чѣмъ могъ угостилъ горцевъ и кое-что подарилъ имъ на память, поблагодаривъ за сообщенныя свѣдѣнія о моихъ дорогихъ братьяхъ-пластунахъ. Горцы сердечно были тронуты моимъ обращеніемъ съ ними, взяли меня за руки и сказали: Мы передали тебѣ всю истинную правду, и въ томъ въ свидѣтели ставимъ Аллаха. Для насъ теперь все равно, мы идемъ въ новое государство; все здѣшнее для насъ теперь чужое; скрывать или преувеличивать что, намъ нѣтъ никакого разсчета; если бы мы хотѣли лгать, то ужъ вѣрно не называли бы храбрецами нашихъ заклятыхъ враговъ-пластуновъ.

Воспользовавшись такимъ расположеніемъ моихъ собесѣдниковъ, я спросилъ: Какъ же вы не знали, сколько на посту пластуновъ?—«Да развѣ этихъ людей, отвѣчали горцы, можно было обмануть, что нибудь вывѣдать отъ нихъ? Горбатко былъ хитрѣе самого чорта. Мы прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, и ничто не помогало; посылали напр. нашихъ мальчишекъ для продажи пластунамъ яицъ, куръ, сыра и т. п., но и ихъ не пускали въ огорожу поста. Разъ мы выпросили у мирныхъ Черкесовъ гарбу съ быками, одѣли молодаго парня въ женское платье, закутали его съ ногъ до головы чардою и посадили съ нимъ трехлѣтняго мальчишку; другой горецъ сѣлъ за кучера, какъ бы мужъ этой женщины. Мы такъ хотѣли обмануть пластуновъ: когда арба будетъ подходить къ посту, аробщикъ долженъ вынуть изъ оси колышекъ; арба опрокинется, марушка съ ребенкомъ повалятся и какъ бы ушибутся, и аробщикъ обратится къ пластунамъ за помощью. Такъ все и случилось: человѣкъ 20 пластуновъ выбѣжало; одинъ изъ нихъ побѣжалъ, чтобы принести топоръ поправить арбу. Такъ какъ шелъ сильный дождь (мы нарочно выбрали такое время), то аробщикъ просилъ дать пріютъ его женѣ и ребенку въ казармѣ поста; значитъ, чтобы все высмотрѣть. Одинъ пластунъ пошелъ доложить объ этомъ начальнику, а марушка наша продолжала орать благимъ матомъ; только мальчишка измѣнилъ, пересталъ плакать, такъ какъ онъ нисколько не ушибся, какъ и сама марушка. Вмѣсто разрѣшенія, вышелъ самъ Горбатко, принялъ живое участіе въ марушкѣ, далъ въ пузырькѣ какую-то жидкость растирать ногу, а мальчику четыре куска сахару и сухой бубликъ; но въ постъ не разрѣшилъ войти даже и ребенку; къ тому же и дождь пересталъ. Невольно подумали аробщикъ и марушка: вотъ идолъ, а не человѣкъ; никакъ не обманешь! Съ тѣмъ и уѣхали. Намъ не такъ нужно было знать, сколько человѣкъ на посту, какъ самое внутреннее устройство его и угадать, гдѣ будутъ находиться пластуны во время боя».

Когда я разсказалъ, что былъ на посту за нѣсколько часовъ до этого боя, то они удивились и начали съ лихорадочнымъ любопытствомъ распрашивать, что̀ говорилъ о горцахъ Горбатко; не было ли убитыхъ или раненыхъ пластуновъ во время стрѣльбы горцами изъ-за кустовъ. Едва я могъ увѣрить ихъ, что всего-то они урону нанесли одному пластуну, пробивши ему бурку, которой онъ и не хотѣлъ починить, а оставилъ въ такомъ видѣ на память. При этомъ собесѣдники мои вторично сѣли и разсказали еще два случая. «Мы въ правду держали ихъ, какъ въ тюрьмѣ; но и пластуны не оставались въ долгу: они выходили ночью, засѣдали въ кустахъ или въ лѣсу и нападали на нашихъ. Однажды встрѣтились съ нашими джигитами, ранили ло-

шадь; джигитъ соскочилъ съ нея и убѣжалъ съ остальными, а пластуны схватили лошадь; одинъ сѣлъ на нее, но лошадь не могла идти; пластуны сняли сѣдло и уздечку, а лошадь пристрѣлили. Другой случай. Пробрались они верстъ за 20 къ намъ въ горы и украли корову; мальчики видѣли и дали знать въ аулъ; мы поскакали на лошадяхъ догонять; но куда они дѣлись съ коровою—не нашли: какъ будто въ землю провалились. Мы отыскали бы ихъ съ собаками, но въ поспѣшности забыли взять собакъ; полагали, что пластуны убили и бросили корову, но нѣтъ: на другой день на посту на высокомъ шестѣ красовались коровья голова и кожа для показа намъ. Мы были удивлены ловкостію и быстротою пластуновъ, отъ души смѣялись, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по головѣ и кожѣ и уѣхали домой».

Поговоривши еще кое о чемъ, мы дружески распрощались съ Черкесами. Да, дружески. И странное дѣло! Оружіе, которое во время боя дѣлаетъ насъ врагами, оно же во время мира связываетъ насъ не только дружбою, но и братствомъ.

По уходѣ моихъ разскащиковъ, у меня явилось сомнѣніе: неужели взрывъ ящика такъ дешево обошелся имъ? Сомнѣніе мое еще болѣе увеличивалось тѣмъ, когда одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой Черкесъ, началъ по пальцамъ считать число жертвъ этого взрыва, и ему приказано было замолчать.

Теперь возвращаюсь къ моей поѣздкѣ. Проѣзжая мимо мѣста «поста смерти», я едва могъ замѣтить уцѣлѣвшую насыпь, гдѣ стояло орудіе, по своему положенію остававшееся едва ли мертвымъ зрителемъ страшнаго побоища. Я не могъ отыскать братской могилы павшихъ героевъ и вынужденъ былъ отправиться въ ближайшій хуторъ, гдѣ обратился съ просьбою къ одной женщинѣ указать мѣсто могилы. Съ видимымъ удовольствіемъ она согласилась исполнить мои просьбу, привела меня къ рѣчкѣ и указала мѣсто могилы, которая уже давно была смыта рѣчкою, и кости пострадавшихъ унесены водою. Горько было мнѣ слышать слова этой женщины, указывавшей пальцемъ: «тутенько воны булы, и ихни маслаки (кости) выносила річка, мабуть, бильше году, и кинжалы попадались, може ще и тепереньќо е, та ще въ зимли».

По выслушаніи печальнаго разсказа, я спросилъ ее: «Мужъ твой казакъ?»—«А якъ же, винъ такъ же бывся съ Черкесамы».—«Почему же твой мужъ, самъ казакъ, не устроилъ хотя маленькой огорожи изъ плетня? Набросалъ бы камней и этимъ предохранилъ бы отъ размыва могилу и кости, или далъ бы знать объ этомъ Неберджаевскому станичному правленію: навѣрное нашлись бы сострадательные люди и безъ начальственнаго приказанія огородили бы это мѣсто». На это она мнѣ отвѣчала: «Богъ его знае, се бачите, пане: не наше бабске діло, а мужщинске».

Распрощавшись съ этою доброю жинкою, я чувствовалъ, какъ сердце мое сжималось, и невольно пришла мнѣ мысль: кто былъ начальникомъ отряда, шедшаго подать помощь, и чѣмъ онъ руководствовался, отдавая приказаніе похоронить павшихъ близъ самой рѣчки? Неужели не было другаго болѣе удобнаго мѣста? Въ правую сторону есть прекрасная мѣстность и такой просторъ, что цѣлый городъ можно построить.

Этихъ героевъ, лѣтъ 20 тому назадъ, хотѣли почтить устройствомъ на ихъ братской могилѣ памятника. Деньги были собраны, кажется, тогда же послѣ похоронъ; но этихъ денегъ оказалось такъ недостаточно, что и одной надгробной доски съ надписью нельзя было сдѣлать. Войсковой старшина, нынѣ полковникъ, Василій Степановичъ Варениковъ, которому было поручено устройство памятника, хлопоталъ о добавленіи изъ войсковыхъ суммъ или же открыть подписку; но и въ томъ, и въ другомъ ему отказали, ссылаясь на законное основаніе. На семъ же основаніи г. Варениковъ вынужденъ былъ собранныя деньги представить обратно въ Войсковое Правленіе; тѣмъ это дѣло и кончилось. Въ началѣ же оно принято было съ живымъ сочувствіемъ намѣстникомъ Кавказа Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, который изволилъ разрѣшить постановку памятника съ такою надписью:

«Съ изволенія Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго Кавказскою арміею Великаго Князя Михаила Николаевича, «сооруженъ Кубанскимъ казачьимъ войскомъ сей памятникъ въ воспоминаніе на вѣки славнаго подвига неустрашимости, самоотверженія и «точной исполнительности воинскаго долга, оказаннаго командою изъ «35 человѣкъ 6-го пѣшаго Кубанскаго казачьяго баталіона, бывшаго «въ гарнизонѣ поста Липкинскаго при отраженіи нападенія трехтысячнаго скопища горцевъ 4 Сентября 1862 года, причемъ убиты непріятелемъ начальникъ поста сотникъ Горбатко и 34 человѣка нижнихъ «чиновъ, именно: урядникъ станицы Староминской Иванъ Молька, казаки той же станицы Сергѣй Цисарскій, Михаилъ Вовкъ, Яковъ Юдицкій, Григорій Тримиль, Семенъ Радченко, Михаилъ Линецъ, Иванъ «Пича, Иванъ Ивченко, Өедоръ Яковенко, Аөанасій Чмиль, Романъ «Романенко, Филиппъ Дудка, Ероөей Иванскій; казаки станицы Старощербиновской: Леонтій Тыцкій, Савва Колясникъ, Василій Волошинъ, «Емельянъ Ильченко, Василій Подгорній, Петръ Прозоря, Өедоръ Вивчарь, Фотій Сковорода, Өеодосій Степаненко, Василій Моршукъ. Казаки станицы Уманской: Семенъ Андрющенко, Дмитрій Рясикъ, Козьма «Родіоненко, Михаилъ Ермоленко, Трофимъ Соловьянъ, Калениκъ Козикъ, Василій Филобокъ, Григорій Пинчукъ, Купріянъ Устиненко, и «казакъ станицы Камышеватской Иванъ Туръ. Сверхъ того убита жена

«постоваго начальника Марьяна; защищая трупъ своего мужа съ «ружьемъ въ рукахъ, она поразила смертельно одного горца, а шты-«комъ другаго, и затѣмъ была изрублена непріятелемъ».

«Горсть храбрыхъ сопротивлялась болѣе часа, но, уступая громад-«ному превосходству силъ, пала геройскою смертью, нанеся огромный «уронъ непріятелю.

«Вѣчная благодарность вамъ, славные воины, отъ вашихъ соотe-«чественниковъ!»

Гдѣ же собранныя деньги, и сколько ихъ, Богъ вѣдаетъ. Вложены ли они въ банкъ для приращенія или лежатъ мертвымъ капиталомъ? Послѣднее вѣрнѣе.

Единственная цѣль настоящей моей статьи: поднять еще разъ вопросъ о постановкѣ памятника тамъ, гдѣ наша честь, слава и гордость предъ цѣлымъ міромъ, гдѣ лилась кровь нашихъ героевъ-братьевъ и товарищей. Неужели не найдется человѣкъ, который бы взялся хлопотать объ этомъ дѣлѣ и прежде всего розыскалъ бы собранныя деньги? Я лично по служебному моему положенію не могу быть полезнымъ въ этомъ дѣлѣ, а потому рѣшился прибѣгнуть къ печати. Нѣтъ сомнѣнія, что нетрудно увеличить на этотъ священный предметъ сумму: у насъ миліоны войсковой казны; изъ нея можно отдѣлить какія-нибудь крохи. Если же это неудобно, то почему не открыть подписки, пока еще много осталось въ живыхъ старыхъ Кавказскихъ героевъ? Я увѣренъ, что на это поистинѣ священное дѣло не поскупится и молодое поколѣніе нашихъ военныхъ силъ, которое всегда сочувственно отзывалось на такія дѣла. Думаю, что и женскому нашему полу дорогà память героини Марьяны Горбатки. Конечно, отъ участія въ постановкѣ памятника этимъ героямъ откажутся тѣ, которые говорятъ: почему бы имъ, т.-е. пластунамъ, не сдаться въ плѣнъ, когда нельзя было и разсчитывать устоять горсти людей противъ такого многочисленнаго отряда Черкесовъ, которыхъ, въ ихъ очередь, тоже нельзя не признать за храбрыхъ? Да! Хороша бы была Русская армія, еслибы, увидѣвши превосходство непріятельскихъ силъ, сдавалась! Давно бы не существовало Русскаго государства. Легко было сдать постъ, пушку, заряды, оружіе и самихъ себя, и конечно горцы, все это взявши, нашимъ же оружіемъ и зарядами насъ бы и били; но возможно ли было поручиться, чтобы горцы сдавшихся пластуновъ тогда же, какъ беззащитныхъ, не искрошили въ куски, что̀ они зачастую и дѣлали, и сдѣлали надъ тѣлами павшихъ въ бою на посту Липки?

Здѣсь невольно вспоминается справедливая пословица Малоросса: «На вищо родиться бідному? Его не примуть ни люди, ни земля, хиба одна свята вода». Такъ вышло и съ нашими неустрашимыми героями

и героинею. Казалось бы, они ли не оставили намъ памяти о славномъ боѣ при Липкѣ; но вышло иначе: и люди отказались сохранить память о нихъ, и земля отказалась беречь ихъ кости; но вода взяла ихъ, обмыла и, можетъ быть, гдѣ-нибудь схоронила. Тяжело и грустно!

*
* *

Рукопись почтеннаго войсковаго старшины Кубанскаго казачьяго войска Н. И. Вишневецкаго, потомка извѣстныхъ князей Вишневецкихъ *), передана въ «Русскій Архивъ» чрезъ меня, и я пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу защиты горстью Кубанскихъ казаковъ Липкинскаго поста.

Невольно возникаетъ вопросъ: много ли даже всемірная исторія представляетъ примѣровъ такого геройства, самоотверженія, вѣрнаго служенія предержащей власти, такой любви къ отечеству, какую проявили 35 пластуновъ съ женщиною-казачкою? И что̀ лежало въ основаніи этой воистину изумительной доблести? Слава? Едва ли у этихъ самоотверженныхъ храбрецовъ-героевъ была даже мысль о славѣ; скорѣе среди ихъ господствовало сознаніе, что они—незримая точка въ нашихъ военныхъ силахъ. Блескомъ славы могутъ воодушевляться начальствующіе надъ даннымъ войскомъ, полководцы, но не единицы, входящія въ составъ полковъ. Что же—отвѣтственность за сдачу поста? Едва ли предъ такимъ многочисленнымъ скопищемъ непріятеля, при явной невозможности отстоять ввѣренный постъ, могла быть отвѣтственность предъ самымъ строгимъ военнымъ судомъ. Липкинскій постъ съ его деревянною огорожею и 35 защитниками—не неприступный Мецъ съ многочисленною арміею. Еще менѣе можно допустить мысль, что эти герои думали отбиться, остаться непобѣдимыми предъ тремя съ половиною тысячами горцевъ, въ свою очередь также храбрыхъ и притомъ озлобленныхъ противъ одного имени Русскаго народа. Безстрашные, самоотверженные казаки эти не могли не предвидѣть, что самое отчаянное геройство не спасетъ ихъ, и что въ концѣ концовъ они будутъ изрублены въ куски. Что̀ же лежало въ основаніи ихъ самоотверженія? Сознаніе долга, исполненіе воли царя, присяга на вѣрную ему службу до пожертвованія не только кровію, но и самой жизнію. Основаніе, дѣйствительно, самое прочное, несокрушимое. Но у этого основанія есть первооснова, есть краеугольный камень, на немъ же и зиждется вся возвышенная, самоотверженная доблесть всего Русскаго побѣдоноснаго воинства, которое въ силу этой первоосновы

*) Одинъ изъ князей Вишневецкихъ во время оно поступилъ въ составъ Запорожской Сѣчи.

и носитъ достойное его имя — христолюбиваго: полная, всеобъемлющая, все восполняющая вѣра въ Бога, вѣра въ безсмертіе души, вѣра въ воздаяніе за гробомъ. Пусть въ опроверженіе этой мысли указываютъ на языческій міръ древнихъ временъ и настоящаго, гдѣ также нельзя не видѣть проявленій геройства или мужества, доходившихъ до самопожертвованія; пусть говорятъ Тевтоны, что они прошедшею побѣдоносною войною съ Франціей обязаны школьному учителю: православная Русь, ея побѣдоносное христолюбивое воинство, шли своею дорогою, воодушевлялись, крѣпли, мужали, переносили тягчайшіе труды и невзгоды, жертвовали самою жизнію, подъ наитіемъ той высшей силы духа, которую мы называемъ вѣрою. Да, если о комъ, то о насъ, Русскихъ, можно, ничто же сумняся, сказать: *Вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острія меча, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ* (Посл. къ Евр. XI, 33, 34). И непобѣдимымъ останется Русскій народъ, храня эту вѣру; а если и побѣдятъ его, то, по силѣ той же вѣры, возстанетъ онъ съ болѣе мощными силами къ новой жизни, какъ возсталъ послѣ двухъ 12-тыхъ годовъ.

Вотъ почему для насъ должно быть дорого всякое отображеніе нашего народнаго исторически-сложившагося духа, который такъ широко и высоко поставилъ насъ во всемірной исторіи; вотъ почему должны быть близки нашему сердцу даже и тѣ малозримые, но крѣпкіе «во бранѣхъ», мужественные до самопожертвованія Горбатки, къ которымъ вполнѣ можно примѣнить слова Ап. Павла: *Каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша; проидоша въ милотѣхъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастѣхъ земныхъ* (Евр. XI, 37, 38).

«Горѣли, сгорѣли, а не сдались». Не напоминаетъ ли этотъ подвигъ самоотверженныхъ пластуновъ про испепеленный путь отъ береговъ Вислы до Москвы и про самый первопрестольный градъ нашъ въ 1812 году, или про нашъ многострадальный, защищавшійся почти одною Русскою грудью, Севастополь? Сожгли мы ихъ, но не сдались. Море крови пролито, но мы вышли изъ него какъ изъ «бани пакибытія».

Однако, какъ ни дороги для насъ Горбатки и ихъ доблестные сподвижники,—дороги какъ духъ, кровь и плоть наши—но мы, повидимому, дѣйствительно забыли ихъ: мы не бережемъ даже костей, которыми они легли за вѣру, царя и родной имъ народъ. Не суровой ли то укоръ намъ? Правда ли, что мы не умѣемъ цѣнить нашихъ доблестныхъ

героевъ,—это выраженіе нашего народнаго духа? Желаемъ ли мы передать благодарную память о нихъ позднѣйшимъ поколѣніямъ, да воодушевятся они высокими доблестями своихъ славныхъ, самоотверженныхъ предковъ, когда придетъ пора постоять за родную землю или покорять къ подножію царскаго престола враговъ и супостатовъ Русскаго царства? Не можемъ не сознаться, что мы должны принять на себя этотъ справедливый укоръ, какъ вполнѣ нами заслуженный.

Но такихъ ли малознаемыхъ Горбатковъ, безслѣдно исчезнувшихъ какъ капля въ морѣ, мы повидимому забываемъ? Гдѣ достойный памятникъ покорителю Кавказа, доблестному князю Барятинскому? Не онъ ли остановилъ потокъ родной крови, который болѣе полувѣка лился изъ сердца Русскаго народа, обагряя и вершины снѣговыхъ горъ, и лѣсныя дебри, и пропасти земныя этой грозной окраины Русской земли? Не его ли военному генію и государственному уму Русское царство обязано присоединеніемъ къ нему одной изъ богатѣйшихъ областей въ мірѣ? И думали-было увѣковѣчить память этого истинно-Русскаго князя, и доблестнаго воина, и государственнаго мужа, сооруженіемъ ему въ Тифлисѣ памятника въ видѣ тріумфальныхъ воротъ (хотя князь имѣетъ всѣ права украсить собою одну изъ площадей въ средоточіи Русской земли въ Москвѣ); собраны были и деньги на это, въ извѣстномъ отношеніи, священное для всѣхъ насъ дѣло, но..... И неужели эта мысль должна кануть въ вѣчность забвенія?

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить это «видимое» забвеніе нами лучшихъ сынòвъ родной земли? Неужели мы страдаемъ какимъ-то слабомысліемъ или той зачерствѣлостію сердца, которая способна къ самой черной неблагодарности? Неужели въ самомъ дѣлѣ для насъ не дòроги тѣ, которые во всю свою жизнь думали о насъ свою крѣпкую думу, трудились до истощенія силъ, нерѣдко жертвовали самою жизнію и оставили по себѣ неизгладимые слѣды добра въ жизни Русскаго народа и царства? Нѣтъ, не по пристрастію къ родному племени, Русскому народу, а по искреннѣйшему убѣжденію скажу, что этотъ народъ по высокимъ качествамъ души и сердца едва ли не долженъ занимать первенствующее мѣсто среди другихъ народовъ всего свѣта. Онъ не эгоистъ; у него нѣтъ своекорыстной жажды въ каждомъ уголкѣ земнаго міра преслѣдовать личные интересы; въ пору мира онъ подаетъ самую дружескую руку своимъ бывшимъ врагамъ; онъ чуждъ мщенія и имѣетъ теплое, честное сердце, и Горбатки дòроги ему: онъ преклоняется предъ ними, высоко цѣнитъ ихъ доблесть и горячо любитъ ихъ.

И не забываетъ онъ своихъ доблестныхъ подвижниковъ, какъ и его руководительница православная церковь: онъ помнитъ ихъ по сво-

ему—вписываетъ дорогія ему имена въ свои «поминанья» для вѣчнаго поминовенія. Вотъ гдѣ, думаетъ православный Русскій народъ, истинно-вѣчный памятникъ дорогимъ сердцу братьямъ.

Есть ли то у другихъ народовъ, примѣрно у горделивыхъ Тевтонцевъ?

Но этимъ не довольствуется Русскій народъ: изстари онъ старался всѣ выдающіяся событія въ его жизни увѣковѣчивать сооруженіемъ храмовъ Божіихъ, какъ самыхъ лучшихъ и самыхъ прочныхъ памятниковъ этихъ событій и главныхъ дѣятелей въ нихъ. Мы не можемъ здѣсь не видѣть и высокаго разума, и глубокой вѣры Русскаго народа. «Не намъ, не намъ, а имени твоему». Вотъ Кому онъ относитъ все, что̀ дѣлалось и дѣлается во благо его, и Ему Одному желаетъ ставить видимые знаки своей сыновней благодарности и своей всегдашней памяти. Воистину, черта достойная того народа, который, благодаря высокимъ качествамъ души своей, освѣщаемой и укрѣпляемой силою вѣры, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на лицѣ земли, въ исторіи человѣчества. Пусть Англія, Германія и Франція украшаютъ статуями стогны городовъ своихъ; наши многочисленные памятники—храмы во имя св. Александра Невскаго или преподобнаго Сергія стоятъ неизмѣримо выше: они касаются самаго неба.

Но да не укорятъ меня въ какой-то отсталости отъ современнаго тока жизни образованныхъ народовъ. Я всегда былъ и остаюсь такого мнѣніи: «*сія подобаше творити, и онѣхъ не оставляти*», именно, воздвигая храмы въ память извѣстныхъ событій, или святыхъ подвижниковъ Русской земли, мы должны сооружать и другаго рода памятники. Если мы украшаемъ наши храмы ликами прославившихся святостію жизни, да взирая на нихъ подражаемъ ихъ вѣрѣ и житію; то пусть украшаются и наши стогны лицами доблестнѣйшихъ сыновъ родной земли, да смотря на нихъ поучаемся ихъ доблестямъ на благо дорогаго отечества.

Я не разъ говорилъ въ печати о нашемъ долгѣ и объ общей пользѣ относительно увѣковѣченія памятниками тѣхъ, которые съ честію, пользою и славою послужили родной землѣ. Въ сооруженіи памятника свѣтл. кн. М. С. Воронцову въ Одессѣ я былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Я первый подалъ мысль соорудить памятникъ такъ долго и такъ плодотворно подвизавшемуся на поприщѣ сельскаго хозяйства графу А. А. Бобринскому. И въ настоящее время всей душой отзываюсь на призывъ глубокоуважаемаго войсковаго старшины Н. И. Вишневецкаго, и увѣренъ, что на призывъ его отзовутся всѣ, въ комъ течетъ истинно-русская кровь. Не отзовутся конечно пораженные проказою космополитизма, или тѣ, которые смотрятъ на святость исполненія долга, на честный, самоотверженный трудъ или подвигъ, даже

на самую вѣру, какъ на глупый предразсудокъ, или тѣ, для которыхъ вся задача жизни—служить «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Не отзовутся, само самою разумѣется, и тѣ наши пріемыши, которые видятъ въ Русскомъ народѣ одну нравственную заскорузлость, одинъ духовный и душевный мракъ. Можетъ быть, многіе не отзовутся и изъ тѣхъ, которыхъ такъ изображаетъ въ своемъ дневникѣ покойный графъ П. Х. Граббе *): «Чѣмъ сдѣлались мы, и во что мы не наряжались умомъ, языкомъ и наружностію? То мы Голландцы, то Пруссаки въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, то Французы, то Англичане. Всего болѣе боялись и стыдились мы быть Русскими! Обязьяны Европы! И звучный, полный, благородный языкъ свой мы предоставили употребленію, какъ сами говорили, непросвѣщенной части народа и сословіямъ не имѣющимъ средствъ просвѣщенія; а сами въ своихъ гостинныхъ, говоря между собою, мы, Русскіе, стараемся, чтобы насъ приняли не за Русскихъ, а за Французовъ по языку».

Такимъ выродкамъ или ублюдкамъ Русскаго народа конечно не дόроги Горбатки, хотя они и являются отраженіемъ народнаго духа, неотразимымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ служить вѣрой и правдой Богу, царю и отечеству.

Ив. Палимсестовъ.

12-го Октября 1889 г.
Москва.

*) Русскій Архивъ 1889 года.

ГРАФЪ ДЕ-БРІОНА КЪ ГЕНЕРАЛУ РУССКОЙ СЛУЖБЫ ГРАФУ ЭММАНУИЛУ СЕНЪ-ПРИ.

С.-Петербургъ, 11 Октября 1812.

Честь имѣю обратиться къ вамъ, какъ къ начальнику главнаго штаба бывшей арміи князя Багратіона. Маркизъ де-Лезеръ, посланный съ порученіемъ въ Москву, былъ арестованъ и посланъ въ Пермь безъ суда, даже безъ допроса. Онъ желаетъ знать, въ чемъ состоитъ его преступленіе, какая власть осудила его. Чистый въ своей совѣсти, онъ писалъ ко мнѣ два раза съ дороги, умоляя меня исходатайствовать у Его Величества, чтобъ его предали суду и чтобъ строгое правосудіе наказало или оправдало его. Онъ имѣетъ на это неоспоримыя права.

Отъ его правъ перехожу къ моимъ обязанностямъ. Мнѣ вдвойнѣ слѣдуетъ поддержать его просьбу всѣми моими средствами. Онъ мнѣ племянникъ, но родство послѣднее изъ соображеній, на которое я опираюсь; есть другое, болѣе для меня священное. Я удостоенъ чести поддерживать въ Россіи интересы короля, и эта честь возлагаетъ на меня долгъ охранять въ тоже время интересы всѣхъ Французовъ, оставшихся ему вѣрными. Съ этой стороны, графъ, я не отличаю интересовъ моего племянника отъ вашихъ. Вамъ должно быть дорого, точно также какъ ему, какъ мнѣ, какъ всѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые пользуются милостями Императора, чтобы дѣло маркиза Лезера было передано самому строгому и въ особенности публичному суду. Онъ недостаточно наказанъ, если онъ измѣнникъ. Позоръ его удаленія отъ арміи, который запятналъ и насъ, не довольно искупленъ, если виновный не подавленъ полнымъ и гласнымъ доказательствомъ своего преступленія. Но если онъ подвергся своей участи, и мы раздѣлили его позоръ лишь вслѣдствіе неизслѣдованныхъ обстоятельствъ (какъ я полагаю, ибо племянникъ сообщаетъ мнѣ, что на него часто были возлагаемы тайныя и важныя порученія), или вслѣдствіе какой нибудь личной ненависти, либо клеветы: то честь должна быть возвращена ему.

Посему прошу васъ формально и офиціально, графъ, какъ начальника главнаго штаба арміи, въ которой служилъ маркизъ де-Ле-

зеръ, исходатайствовать передъ Его Величествомъ, чтобъ его дѣло было законно ведено и чтобъ онъ принялъ позорную смерть въ присутствіи этой самой арміи, если онъ достоинъ смерти, или же чтобъ честь ему была возвращена также торжественно, если онъ остался вѣренъ своему долгу.

Благоволите, графъ, повергнуть копію съ моего письма къ стопамъ Императора. Его Величество прочтетъ въ немъ выраженіе моего негодованія противъ того, кто способенъ измѣнить ему и его священному дѣлу, негодованіе, которое высказывается тѣмъ сильнѣе, что виновный связанъ со мною узами крови. Наконецъ, Его Величество увидитъ также, что, передавая ему черезъ васъ мое смиренное прошеніе во имя племянника, я тѣмъ выказываю мое уваженіе къ воинскому порядку.

Что̀ касается до васъ, графъ, отрекитесь на минуту отъ званія генерала-квартирмейстера, точно также какъ и я наброшу покрывало на священное имя, къ которому обращаюсь, и будьте никто иной, какъ мой соотечественникъ и соотечественникъ несчастнаго Лезера. Окажите въ этихъ горькихъ обстоятельствахъ дядѣ и племяннику помощь, которую мы обязаны оказывать во всякое время другъ другу. Я ожидаю отъ васъ этого участія и этой помощи во имя привязанности, увѣреніе въ которой выражалось передъ вами не разъ. Къ тому же я васъ прошу лишь о томъ, чего отъ васъ требуетъ чувство вашей справедливости.

*

Французскій подлинникъ этого письма находится въ семейномъ архивѣ барона Ѳ. А. Бюлера, который сообщилъ его барону Левенштерну*). Левенштернъ же возвратилъ его барону Бюлеру при слѣдующемъ письмѣ.

Письмо барона Левенштерна къ барону Бюлеру.

26 Февраля 1857.

Вы поймете, съ какимъ сочувствіемъ я прочелъ письмо, когда узнаете, что и я испыталъ такую же участь, какъ и несчастный маркизъ Лезеръ. Я былъ въ Москвѣ, когда онъ вручилъ графу Ростопчину депешу, заключавшую въ себѣ его приговоръ. Графъ Ростопчинъ, прочитавъ ее, остановилъ свой орлинный взоръ на несчастномъ ничего не подозрѣвавшемъ Лезерѣ, позвалъ оберъ-полицеймейстера и приказалъ ему увезти Лезера и ждать приказаній. На другой же день Лезера везли въ Пермь.

*) Автору извѣстныхъ Записокъ, женатому на Обрѣзковой.

Я пріѣхалъ за недѣлю до Лезера и привезъ также распоряженіе о моемъ задержаніи. Точно также я не подозрѣвалъ ничего. Однако, въ противоположность тому, чтó произошло съ Лезеромъ, графъ Ростопчинъ взглянулъ на меня пристально, пригласилъ сѣсть, и мы пили чай вмѣстѣ. Онъ представилъ меня своему семейству и велѣлъ мнѣ пріѣзжать обѣдать каждый день къ нему на дачу. Тамъ я познакомился съ знаменитымъ Карамзинымъ, который очень полюбилъ меня и, не подозрѣвая того, имѣлъ вліяніе на мою участь. Онъ жилъ также на дачѣ съ семействомъ графа Ростопчина.

Я оставался двѣ недѣли въ Москвѣ. По истеченіи этого срока графъ Ростопчинъ повѣрилъ мнѣ тайну Дамоклесова меча, висѣвшаго надъ моей головой. Я былъ уничтоженъ, пораженъ негодованіемъ. Однако графъ успокоилъ меня съ чистосердечіемъ, съ добродушіемъ, почти съ нѣжностью. Онъ говорилъ, что онъ физіономистъ, изучалъ Лафатера и призналъ во мнѣ столько откровенности, столько готовности порицать зло и сочувствовать добру, столько прямодушія и полнаго неумѣнія лукавить чертами моего лица, наконецъ по его словамъ, не замѣтилъ во мнѣ ни малѣйшаго признака души низкой или лживой, и въ этомъ смыслѣ онъ доложилъ обо мнѣ Императору.

Недѣлю спустя я былъ отправленъ обратно въ армію и возвращенъ къ моей должности. Я прибылъ въ ту минуту, когда Барклай заносилъ ногу въ стремя, чтобъ ѣхать въ битву подъ Бородинымъ, гдѣ онъ покрылъ себя славою.

Было бы конечно несвоевременно вступать съ нимъ въ объясненія; слѣдовало доказать на дѣлѣ мою невинность. Подъ вліяніемъ понятнаго восторга я не потерялъ времени. Судьба мнѣ благопріятствовала, и даже генералъ Ермоловъ, который домогался меня погубить, былъ принужденъ сознаться въ своей винѣ на батареѣ Раевскаго, которую мы отбили вмѣстѣ у непріятеля, и онъ представилъ меня честно къ Георгіевскому кресту. Примиреніе наше скрѣпилось кровью: онъ получилъ одну, я двѣ раны. Съ тѣхъ поръ я могъ только хвалиться генераломъ Ермоловымъ, хотя онъ не помогъ мнѣ ничѣмъ въ моей службѣ. Имя Барклая было ему ненавистно, и моя привязанность къ этой достойной личности не приходилась ему по душѣ.

(*съ французскаго*).

МИТРОПОЛИТЪ ЕВГЕНІЙ АРХИМАНДРИТУ ПАРѲЕНІЮ.

Любезный о Христѣ братъ!

Описываемыя вами развалины огромной Москвы раздираютъ сердце всякаго сына отечества. Прежнія разоренія ея не могли быть столь велики, потому что и она была меньше. Но уцѣлѣвшее и тогда отъ злодѣйства Мамаевъ, Темиръ-Аксаковъ и Литвы не пощаждено нынѣшними всесвѣтными Каннибалами. Како омрачи во гнѣвѣ своемъ Господь дщерь Сіоню, сверже съ небесе на землю славу Израилеву и не помяне подножія ногу Своею въ день гнѣва и ярости Своея? Такъ съ изумленіемъ вопрошать могутъ по примѣру Іереміи всѣ пришельцы Московскіе. Но съ другой стороны, что́ вѣчно и незыблемо на землѣ? Будетъ время, когда и небеса съ шумомъ идутъ мимо, и стихіи сжигаемы разорятся, и земля и яже на ней дѣла сгорятъ. А Москвѣ нашей есть еще надежда воскреснуть въ прежнюю лѣпоту или паче еще нежели въ бывшую. Больно наипаче, что остатки угодниковъ Божіихъ за грѣхи наши съ нами пострадали въ настоящее время. Но поруганіе сіе не ихъ, а нашъ срамъ.

Объявленіе графа Растопчина о безопасности Москвы читалъ я въ газетахъ. Подъѣзжавшіе къ сей столицѣ разсказываютъ, что запахъ тяжелъ; но это, полагаютъ, отъ пожарища, коего духъ нескоро вывѣвается. Что́ касается до повальныхъ болѣзней, то нынѣ оныя распространились и по всѣмъ нашимъ городамъ. Но да сохранитъ Господь васъ и насъ!

Жаль крайне невозвратной потери университетскихъ кабинетовъ и библіотеки. Ваша Академія хотя пострадала, но осталось лучшее сокровище—книги. А нынѣ трудно ихъ добывать изъ всеобщаго разоренія Европы.

Евгеній епископъ Вологодскій.

Генваря 13-го 1813 года
Вологда.

(Сообщено Д. Д. Рябининымъ).

СОВРЕМЕННОЕ ПИСЬМО О КОНЧИНѢ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Таганрогъ, 20 Ноября 1825.

Любезнѣйшій сынъ мой Григорій Даниловичъ!

Я не могу еще опомниться отъ несчастнѣйшаго происшествія, въ глазахъ моихъ случившагося. И теперь еще не могу вѣрить себѣ, что Императоръ нашъ, благодѣтель мой, во свѣтѣ наилучшій изъ монарховъ и наиздоровѣйшій и прекраснѣйшій изъ мущинъ—умеръ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ! Я не плачу, а рыдаю, что пережилъ Государя! Я описалъ вамъ постепенную болѣзнь его, но думаю, что письма мои, какъ и прочихъ, задерживались, а теперь вѣроятно получите ихъ вмѣстѣ съ громовою вѣстію, и воображаю, что вы оплакиваете его, какъ бы отца своего лишились.

Съ начала болѣзнь его казалась незначущею. Пріѣхавши изъ Крыма въ Таганрогъ 5 числа, былъ довольно веселъ, на другой день какъ обыкновенно одѣлся въ мундирный сюртукъ, только уже не выходилъ со двора, какъ то прежде дѣлалось. Съ Императрицею обѣдалъ, только уже чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, мало кушалъ и, не докончивъ обѣда, вышелъ въ свою комнату. 7-го сдѣлался ему обморокъ, легъ въ постель. Вилье далъ ему какое-то лѣкарство. 8-го не было лучше, пересталъ принимать лѣкарства; оказалась сильная горячка. Вилье, этотъ подлый интересанъ и малодушный медикъ, не имѣлъ искусства и духа убѣдить Императора принимать лѣкарства, тѣшилъ только разнымъ лимонадомъ. 14 числа всѣ испугались отчаяннаго положенія, въ какое онъ впалъ, позвали священника, который у меня и ночевалъ, и мы провели ночь возлѣ его комнаты. 15-го въ 6 часовъ утра ввели къ нему священника съ крестомъ. Сказали о немъ. Его Величество открылъ глаза, приподнялся на локоть (всѣ вышли), исповѣдался. Послѣ исповѣди, всѣ вошли къ нему; съ величайшимъ благоговѣніемъ причастился святыхъ таинъ, поцѣловалъ крестъ и руку служителя Божія и прерывающимся, но выразительнымъ тономъ произнесъ божественныя слова сіи: «Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь». Тутъ почтеннѣйшій старецъ, бросясь у

кровати на колѣни, наиубѣдительнѣйше умолялъ Его Величество для блага народа своего спасать и беречь свое здоровье, принимать отъ врачей пособіе. Онъ обѣщалъ и далъ имъ дѣлать надъ собою, что̀ хотятъ. Истощили слабыя познанія свои и все-таки не спасли его. Въ Четвертокъ 19 Ноября скончался, въ 47-мь минутъ 11-го часа утромъ. Я видѣлъ послѣдній вздохъ его, поразившій какъ громовою стрѣлою. Сцена ужасная! Всѣ мы на колѣняхъ у кровати рыдали и кровавыя проливали слезы.

Императрицу отвели въ ея покои. Я съ камердинеромъ обмыли драгоцѣнное тѣло его, надѣли чистое бѣлье и бѣлый шлафрокъ. Положили на дорожной его кровати въ кабинетѣ; засвѣтили 4 около кровати свѣчи; въ головахъ образъ Спасителя, а въ ногахъ налой и Евангеліе. Позвали духовенство, и пѣніе: «упокой Господи усопшаго раба Твоего благочестивѣйшаго Государя Императора Александра I всея Россіи» потрясло сердца̀ предстоявшихъ. Императрицу перевезли въ другой домъ. На 3-й день анатомировали и бальзамировали тѣло. Нашли въ головѣ съ полъ-стакана воды, что̀ и было, по словамъ лѣкарей, причиною преждевременной кончины его.

Съ растерзаннымъ сердцемъ теперь занимаемся печальнѣйшею должностію къ погребенію. Въ залѣ дѣлаютъ тронъ, обиваемъ покои трауромъ; но во всемъ чрезвычайное затрудненіе: нѣтъ сукна, бархату, глазету, галуновъ, короны. Вездѣ разослали курьеровъ собирать все это. Послѣ въ церкви тутъ же будемъ дѣлать катафалокъ. Ожидаемъ сюда новаго Императора Константина Павловича и послѣ уже повелѣнія повеземъ въ Петербургъ. Вотъ будутъ сцены въ продолженіе пути; на всякомъ шагу плачъ и рыданіе! Я давно уже вижу тебя въ слезахъ, другъ мой. Плачь! Онъ достоинъ сердечной жертвы нашей. Вѣсть эта сразитъ достойнѣйшею родительницу его, братьевъ и сестрицъ. Нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ семейства, которое такую любовь, дружбу и уваженіе между собою имѣли бы. Впрочемъ остаюсь усердный отецъ твой

Данило Бабкинъ *).

Кончина Александра Павловича описана подробно и многократно (между прочимъ въ Воспоминаніяхъ Н. И. Шёнига въ Р. Архивѣ 1880). Помѣщенное выше письмо да послужитъ опроверженіемъ распространившихся бредней о томъ, будто Александръ Павловичъ скрылся въ Сибирь и скончался лишь недавно. Таинственный старецъ, который жилъ въ Томскѣ—лицо дѣйствительно достопамятное, и надо желать, чтобы сохранились письма посыланныя имъ въ Петербургъ къ покойному Императору Александру Николаевичу. П. Б.

*) Камеръ-гофъ-курьеръ.

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Когда Петръ Великій, устроивъ въ Воронежѣ корабельную верфь, занимался постройкою кораблей, необходимыхъ ему для взятія Азова, Воронежскій святитель Митрофаній оказывалъ ему величайшее содѣйствіе. Своими простыми, но сильно дѣйствовавшими на народъ рѣчами онъ превозносилъ намѣренія Государевы, увѣщевалъ народъ къ ревностному содѣйствію отеческимъ попеченіямъ своего монарха, а когда онъ узналъ, что работы остановились отъ недостатка въ деньгахъ, то взялъ оставшіеся у него отъ благотвореній 6000 рублей серебряною монетою и отдалъ Петру съ слѣдующими словами: „Всякій сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждѣ государственной. Прими же, государь, и отъ моихъ издержекъ оставшіяся сіи деньги и употреби оныя противъ невѣрныхъ".

И впослѣдствіи Митрофаній часто дѣлалъ пожертвованія деньгами, отсылая ихъ самому государю или въ Адмиралтейское казначейство съ надписью: „на ратныхъ".

Съ этимъ-то уважаемымъ и народомъ, и царемъ епископомъ случилось однажды слѣдующее происшествіе, характеризующее Петра Великаго.

На одномъ изъ островковъ рѣки Воронежа государь построилъ маленькій дворецъ, входъ въ который, по вкусу того времени, былъ украшенъ статуями языческихъ боговъ Юпитера, Нептуна, Минервы, Венеры и др. Однажды Петръ зачѣмъ-то пригласилъ къ себѣ въ этотъ дворецъ Митрофанія. Почтенный епископъ отправился, но, войдя во дворъ и увидя статуи, въ томъ числѣ и нагую Венеру, повернулся и ушелъ назадъ. Тотчасъ объ этомъ доложили государю. Петръ, не понимая причины поступка Митрофанія, послалъ звать его къ себѣ. Тогда послѣдній сказалъ посланнымъ:

„Доколѣ государь не прикажетъ свергнуть идоловъ, соблазняющихъ народъ, не могу войти во дворецъ его".

Петръ послалъ къ нему еще разъ, при чемъ, по своему обычаю, пригрозилъ смертною казнью въ случаѣ ослушанія.

„Въ жизни моей государь властенъ", отвѣчалъ на это святитель, „но неприлично христіанскому государю ставить языческихъ идоловъ и тѣмъ соблазнять простыя сердца. Я охотнѣе приму смерть, нежели присутствіемъ своимъ одобрю сихъ языческихъ чтилищъ".

Какъ ни былъ Петръ разгнѣванъ на Митрофанія, но снесъ терпѣливо его упрямство. Дѣло происходило около вечеренъ. Вдругъ раздается благовѣстъ въ большой колоколъ.

„Развѣ завтра праздникъ?" спросилъ государь.

Такъ какъ не было никакого праздника, то Петръ послалъ узнать у самого архіерея. Какой же отвѣтъ принесъ посланный?

„Понеже мнѣ отъ его величества сказана смерть, того ради я, какъ человѣкъ грѣшный, долженъ предъ смертію своею принести Господу Богу покаяніе и испросить грѣховъ своихъ прощеніе соборнымъ моленіемъ, и для сего-то назначилъ я быть всенощному бдѣнію".

Петръ, получивъ такой отвѣтъ, разсмѣялся и послалъ сказать Митрофанію, что онъ его прощаетъ и чтобы онъ пересталъ тревожить народъ необычайнымъ звономъ. Мало того, Петръ велѣлъ снять статуи языческихъ боговъ. Архіерей, узнавъ объ этомъ распоряженіи государя, пришелъ на другой день благодарить его за это. Какой былъ у нихъ съ государемъ разговоръ, неизвѣстно; но только Петръ не лишилъ Митрофанія своей милости. Онъ даже пожаловалъ ему нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и въ каждый свой пріѣздъ въ Воронежъ заѣзжалъ къ нему. Когда же въ послѣдній свой пріѣздъ государь нашелъ Митрофанія на одрѣ смерти, то даже плакалъ. Онъ оставался у него до послѣдней минуты, самъ закрылъ ему глаза и распорядился его погребеніемъ.

Въ день погребенія государь прибылъ на выносъ тѣла съ приближенными и морскими офицерами и когда готовились поднять гробъ, тогда сказалъ:

„Стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности благородному сему пастырю отданіемъ ему послѣдней чести. Итакъ вынесемъ тѣло его сами".

Съ этими словами Петръ взялся за гробъ, а послѣ панихиды съ вельможами своими поднялъ гробъ и опустилъ его въ землю.

*

Великій преобразователь Россіи, дѣлая различныя распоряженія по устройству войска, самолично старался убѣдиться въ возможности исполнить эти приказанія. Назначивъ извѣстный паёкъ солдатамъ, онъ захотѣлъ испытать, можетъ ли солдатъ быть сытъ этимъ пайкомъ. Для этого онъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца несъ солдатскую службу, довольствуясь только опредѣленнымъ пайкомъ, ничего къ нему не прибавляя. Послѣ этого испытанія онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать:

„Слава Богу, теперь я увѣрился, что опредѣленный паёкъ солдату къ его безнужному продовольствію доволенъ. Ибо, когда я, по возврасту и силамъ моимъ, большаго количества пищи требующій къ своему насыщенію, нежели многіе изъ солдатъ моихъ, не голодалъ: то, конечно, уже каждый изъ нихъ будетъ совершенно сытъ".

„Черта, отличающая его отъ всѣхъ великихъ полководцевъ и законодателей", прибавляетъ Штелинъ, изъ сборника котораго заимствованъ этотъ разсказъ.

Отправляясь въ походъ подъ Нарву, Петръ Великій заѣхалъ по дорогѣ въ домъ къ одному Новгородскому помѣщику старику, имѣвшему двухъ взрослыхъ сыновей. Обрадованный посѣщеніемъ государя, помѣщикъ просилъ его обѣдать въ ихъ домѣ, но Петръ попросилъ только рюмку водки. Закусывая, государь спросилъ у хозяина:

„Записаны ли дѣти въ службу?"

— „Нѣтъ ваше величество; старость моя сему причиною, дабы отлученіемъ ихъ отъ себя не умереть мнѣ прежде времени отъ печали".

— „Но ты знаешь, что службу государственную должно предпочитать нуждамъ и прихотямъ своимъ, и вѣдаешь же ты и мои о томъ указы. По крайней мѣрѣ долженъ бы тебѣ хотя одного изъ нихъ отдать въ службу".

Такимъ образомъ Петръ велѣлъ старшаго изъ нихъ записать и взялъ подъ Нарву, оставивъ отцу въ утѣшеніе младшаго.

Старшій былъ убитъ подъ Нарвою, а въ слѣдующій наборъ повелѣно было всѣмъ дворянамъ поголовно быть въ службѣ. Вслѣдствіе этого у нашего старика взяли и другаго сына. Дождавшись проѣзда государя чрезъ ихъ село, старикъ подалъ ему челобитную.

„На кого просишь?" спросилъ государь, принимая бумагу.

— „На тебя самого, государь, и у тебя же прошу справедливости".

Петръ прочиталъ прошеніе и, припомнивъ обстоятельства, сказалъ:

„Просьба твоя справедлива, и слово мое должно быть сдержано; но вѣдь сынъ твой взятъ въ службу по генеральной выпискѣ всѣхъ дворянъ, а отнюдь не для того, чтобы не хотѣлъ я сдержать моего слова. Итакъ оставляю сына твоего при тебѣ по первому слову моему".

*

Въ пораженіи нашихъ войскъ подъ Нарвою всего досаднѣе было для государя то, что вся наша артилерія досталась непріятелю, а мѣди для отлитія новыхъ пушекъ не было. Петръ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Вдругъ видитъ онъ, что противъ его оконъ (въ Новгородѣ) прохаживается какой-то оборванецъ. Государь выслалъ спросить, что̀ ему нужно. Тотъ отвѣчаетъ, что пришелъ помочь горю государеву. Петръ приказываетъ привести его къ себѣ и спрашиваетъ:

„Какое имѣешь до меня дѣло?"

— „Прикажите, всемилостивѣйшій государь, прежде поднести мнѣ рюмку вина: умираю съ похмелья, а денегъ нѣтъ ни полушки".

Принесли ему по приказу государя добрую чару.

„Говори же!" приказываетъ заинтересованный Петръ.

— „Ваше величество думаете теперь о потерѣ артилеріи и гдѣ взять мѣди на вылитіе новой, не правда ли?"

Государь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ продолженія рѣчи.

„Ну говори же далѣе!"

— „Прикажите ваше величество подать другую чару вина: истинно не охмелился одною".

Дѣлать нечего, Государь приказываетъ поднести ему вторую чару.

„Теперь доволенъ, ваше величество! Мѣди у тебя, государь, много; не о чемъ такъ о ней думать: сколько излишнихъ и ненужныхъ при церквахъ колоколовъ! Чтò мѣшаетъ тебѣ взять цѣлую половину оныхъ и употребить на вылитіе столькихъ пушекъ, сколько тебѣ угодно? Нужда государственная важнѣе лишнихъ колоколовъ, и половины оныхъ довольно для того предмета, для котораго они сдѣланы; а послѣ, какъ Богъ дастъ, одолѣешь своего противника, изъ его же пушекъ надѣлать можно колоколовъ, сколько хочешь; къ тому же есть изъ нихъ много разбитыхъ и безъ употребленія".

Петръ, выслушавъ это, улыбнулся и сказалъ:

„Камень, его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла!"

Какъ наградилъ снисходительный государь этого пьяницу, который оказался пушечнымъ мастеромъ, неизвѣстно; извѣстно только, что въ ту же зиму изъ колоколовъ было вылито необходимое число пушекъ.

*

Крайне нуждаясь въ деньгахъ послѣ Нарвскаго пораженія, когда вся денежная казна досталась непріятелю, Петръ Великій написалъ въ Москву къ начальнику Оружейной Палаты и предсѣдателю Приказа Большой Казны князю Петру Ивановичу Прозоровскому, чтобъ онъ всю посуду и серебряныя вещи, хранящіяся въ Палатѣ, передѣлалъ въ деньги и прислалъ ихъ какъ можно скорѣе.

Князь отвѣчалъ, что исполнитъ повелѣніе и чрезъ нѣкоторое время дѣйствительно доставилъ Петру необходимое количество новой монеты. Государь былъ очень доволенъ распорядительностью Прозоровскаго.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ Лифляндіи, Петръ пріѣхалъ въ Москву для торжества ихъ. Посѣтивъ Грановитую Палату и разговаривая съ Прозоровскимъ объ ея украшеніи къ предстоящему торжеству, государь сказалъ:

„Жаль, да нечѣмъ пособить: нѣтъ ужъ тѣхъ вещей и посуды, чѣмъ убиралась оная прежде!"

— „Можно и теперь ее убрать такъ же", отвѣчаетъ князь.

„Да чѣмъ?"

— „Посудою же".

„Но гдѣ посуда? Вѣдь она передѣлана въ деньги".

— „Нѣтъ, не передѣлана, а спрятана".

„Какъ спрятана?" перебилъ удивленный государь.

— „Спрятана; я тебѣ сказываю".

„Да гдѣ жъ ты взялъ присланныя ко мнѣ деньги?"

— „Изъ кладовой".

„Изъ какой кладовой? Развѣ я не знаю, что нѣтъ запасныхъ денегъ?"

— „Не прогнѣвайся, государь, не знаешь. У меня на случай нужды сбережена довольно знатная сумма, о которой кромѣ меня по сіе время

никто не вѣдаетъ, и которой еще довольно осталось на таковыя же нечаянныя нужды".

При этомъ князь разсказалъ о томъ, какъ онъ сберегъ эти деньги. Бывши при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ главнымъ казначеемъ и первымъ лицомъ въ Приказѣ Большой Казны, онъ сохранялъ всѣ поступавшіе къ нему доходы и тратилъ изъ нихъ такъ бережливо, что всегда были остатки. Изъ этихъ-то остатковъ онъ ежегодно откладывалъ часть на случай какой-нибудь непредвидѣнной государственной нужды. Такимъ образомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ у него накопилась значительная сумма, которую онъ хранилъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что никто, кромѣ его, не зналъ, гдѣ она находится. Когда пришло извѣстное приказаніе передѣлать посуду и вещи въ деньги, князь велѣлъ перенести ее къ себѣ въ домъ и спряталъ, а деньги взялъ изъ своего запаса, перечеканилъ въ новую монету и послалъ государю, который, какъ мы видѣли, и не подозрѣвалъ истины.

Услышавъ объясненіе князя, Петръ разцѣловалъ его и попросилъ указать мѣсто, гдѣ хранятся остальныя деньги.

„Изволь, покажу", отвѣчалъ вѣрный слуга, „только съ уговоромъ— не брать съ собой Меншикова и не открывать ему сей тайны, а то онъ размытаритъ всѣ остатки тѣ".

Петръ обѣщалъ, и Прозоровскій повелъ его въ свой тайникъ, гдѣ при свѣтѣ фонаря указалъ на цѣлыя груды денегъ. Государь осмотрѣлъ ихъ и своими руками сталъ насыпать деньги въ мѣшки. Насыпавъ десять большихъ мѣшковъ, онъ отнесъ ихъ въ сторону.

„На что̀ это?" спросилъ князь.

— „Это тебѣ!" отвѣчалъ государь.

„Мнѣ?... Я бы могъ давно и всею казною сею овладѣть, не опасаясь быть открытымъ, еслибы хотѣлъ и не побоялся Бога нарушить крестное мое цѣлованіе; но мнѣ не надо. Ты знаешь, государь, что я, по милости Божіей, твоихъ предковъ и твоей, доволенъ тѣмъ, что̀ имѣю; притомъ же у меня одна только дочь, которая и безъ того богата будетъ".

*

Желая привлечь иностранцевъ въ Петербургъ, Петръ употреблялъ всевозможныя мѣры. Когда въ Ноябрѣ 1703 году шелъ въ Петербургъ первый Голандскій корабль и остановился у острова Котлина, государь самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ шлюпкѣ, одѣтый простымъ матросомъ. Взойдя на корабль, онъ поздравилъ по-голандски шкипера съ прибытіемъ въ новый портъ и сказалъ, что присланъ отъ губернатора проводить его до пристани. Сказавъ это, Петръ сѣлъ въ шлюпку и велѣлъ кораблю слѣдовать за собою. Проведя его между отмелей, государь привелъ его счастливо къ пристани у Васильевскаго острова, противъ дома губернатора, князя Меншикова, гдѣ шкиперу и всѣмъ матросамъ была отведена квартира. Меншиковъ встрѣтилъ прибывшихъ и пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, а чтобы они не заботились о своемъ кораблѣ, то явилась гвардейская команда, которая по приказанію государя должна была охранять

корабль. Только войдя въ домъ и сѣвъ за столъ, Голандцы узнали, кто ихъ привелъ къ пристани. Но государь простымъ обращеніемъ заставилъ ихъ забыть, что они видятъ предъ собою царя. Напоивъ ихъ допьяна, Петръ побратался со шкиперомъ и, отведя ихъ всѣхъ въ назначенное помѣщеніе, пожелалъ спокойной ночи. На другой день утромъ Петръ снова пріѣхалъ къ Меншикову и потребовалъ у Голандскаго шкипера реестръ его груза. Послѣдній состоялъ изъ разныхъ винъ и соли. Государь далъ позволеніе продавать это все безпошлинно и самъ купилъ значительную часть для себя, а остальное разобрали его вельможи. Предъ отъѣздомъ гости снова были приглашены за столъ къ Меншикову, причемъ опять былъ Петръ. Онъ подарилъ шкиперу пятьсотъ червонныхъ и каждому матросу пятьсотъ ефимковъ. Первому послѣ нихъ кораблю обѣщано было награды: шкиперу триста червонныхъ и матросамъ по двѣсти ефимковъ. Соотвѣтственная награда была назначена второму кораблю и т. д. Не смотря на позднее время года, Петръ Великій самъ проводилъ корабль до Кроншлота и любезно простился со шкиперомъ.

*

Петръ Великій, любя трудъ, презиралъ лѣнивыхъ и раздѣлялъ мнѣніе о нихъ графа Оксенштирны, который говоритъ: „Лѣнивый бытіемъ своимъ дѣлаетъ твореніе Создателя безполезнымъ и, кажется мнѣ, такой человѣкъ непочтеннѣе любезной родственницы своей свиньи, за которою только и дѣла, что̀ жретъ да спитъ; но она по крайней мѣрѣ чрезъ то жирѣетъ и становится полезною для пищи человѣку, а напротивъ празднолюбецъ ни въ жизни своей, ни по смерти ни къ чему не годенъ“. Но чѣмъ противнѣе были государю лѣнивцы, тѣмъ больше любилъ онъ людей дѣятельныхъ и неутомимыхъ. Онъ отличалъ ихъ и награждалъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ извѣстный Никита Демидовъ. Петръ, замѣтивъ его неусыпную дѣятельность, когда тотъ былъ еще простымъ кузнецомъ въ Тулѣ, полюбилъ его и далъ всѣ способы нажить громадное состояніе. Самого Никиту и весь родъ его государь возвелъ въ дворянское достоинство и до того простиралъ милость къ своему любимцу, что хотѣлъ даже поставить ему монументъ на площади въ Петербургѣ. Съ своей стороны и Демидовъ платилъ своему благодѣтелю безпредѣльною преданностью: онъ доставлялъ для войска все необходимое за половинную цѣну сравнительно съ другими поставщиками. Онъ открылъ не только мѣдныя и желѣзныя руды, но и серебряныя; однимъ словомъ, всѣ силы и помыслы его были устремлены на то, чтобъ предупредить желаніе государя, насколько доставало силъ. Отъ стариковъ, помнившихъ великаго императора, Штелинъ слышалъ слѣдующій разсказъ, характеризующій отношенія Петра Великаго къ Демидову. Однажды графъ Апраксинъ сказалъ царю:

„Хорошо бъ было, ежелибы такихъ, каковъ Демидовъ, было у тебя десятка два!“

— „Я бы счастливымъ себя почелъ“, отвѣчалъ государь, „ежелибъ было такихъ пять, шесть или меньше“.

Демидовъ считалъ какъ бы измѣною не доносить Петру обо всемъ, что̀ дѣлалось противъ воли и указовъ государевыхъ. Узнавъ, что Василій Никитичъ Татищевъ беретъ взятки, Демидовъ немедленно донесъ о томъ государю. Послѣдній призываетъ обвиненнаго къ себѣ и спрашиваетъ:

„Правду ли объявляетъ на тебя Демидовъ, что берешь взятки?"

— „Правду, государь, беру, но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ вашимъ величествомъ не погрѣшаю. Лихоимство есть грѣхъ достойный наказанія, а мзда за труды не грѣхъ. И апостолъ говоритъ: „Мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу".

Петръ остановился и велѣлъ ему объяснить это изреченіе.

Татищевъ продолжалъ:

„Судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла. Если и ничего онъ не взялъ, а сдѣлалъ противъ закона, повиненъ наказанію; если же сдѣлаетъ это за деньги, тогда къ законопреступленію присоединяется еще и лихоимство, и онъ повиненъ двойному наказанію. Когда же справедливо и добросовѣстно рѣшитъ дѣло и приметъ благодарность, то не можетъ за это быть осуждаемъ. Если прекратить плату за трудъ и судить за нее только, то отъ этого будетъ еще больше вреда государству и подданнымъ; ибо судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ Приказѣ до полудня, а этого времени на рѣшеніе всѣхъ дѣлъ недостаточно. Послѣ обѣда онъ не обязанъ трудиться. Видя какое-нибудь дѣло сомнительное и запутанное и не имѣя особенной причины прилежно вникнуть въ него, онъ будетъ откладывать его со дня на день, а челобитчикъ отъ такой проволочки терпитъ убытокъ и разоряется. Дѣла́ въ канцеляріяхъ рѣшаются по реестру въ порядкѣ. Случается, что нѣсколько дѣлъ впереди вовсе неважныхъ, а послѣднему по реестру такая неотложная нужда, что если рѣшеніе его продлится два дня, то будетъ убытокъ въ нѣсколько тысячъ, что̀ по купечеству не рѣдкость. Такъ вотъ, государь, если я вижу, что трудъ мой не напрасенъ будетъ, такъ я не только послѣ обѣда, но и ночью потружусь; для этого я и карты, и собакъ и бесѣды и всякія другія увеселенія оставлю и, не смотря на реестры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу. Этимъ я и себѣ, и просителю пользу принесу, никого не обидя, слѣдовательно въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ вашего величества осужденъ быть не могу".

Вотъ какъ свободно объяснялись въ то время подданные съ государемъ.

Петръ Великій выслушалъ все это, не перебивая, и затѣмъ сказалъ:

„Хоть сіе и правда и для судей съ совѣстью можетъ быть позволено безъ вреда, но для безсовѣстныхъ отнюдь нельзя, чтобы подъ видомъ доброхотныхъ подарковъ они не стали вымогать силою".

Въ такомъ видѣ разсказывалъ объ этомъ происшествіи самъ Татищевъ; но отъ современниковъ его, Ивана Ивановича Неплюева и Өедора Ивановича Соймонова, Штелинъ слышалъ, что государь прибавилъ къ этому еще слѣдующія слова:

„Ты позабылъ, что прямо добродѣтельный судья служеніе свое считаетъ священнымъ долгомъ, которому всегда слѣдуетъ. Ему и въ мысль не приходитъ временная корысть; что́ ты дѣлаешь изъ мзды, то дѣлаетъ онъ изъ добродѣтели, имѣя въ виду одну только вѣчную награду отъ Мздовоздателя Бога, которую предвкушаетъ и во временномъ житіи отъ совѣсти своей. И такъ, я бы желалъ видѣть и въ тебѣ такого судью, дабы дѣлалъ ты изъ утѣшенія совѣсти то, что́ дѣлаешь изъ мзды“.

*

Петръ Великій не терпѣлъ вольнодумцевъ, особенно тѣхъ, кто осмѣливался говорить что-либо противъ вѣры и безсмертія души. Однажды ему было донесено, что Василій Никитичъ Татищевъ въ обществѣ говорилъ слишкомъ вольно на счетъ преданій церковныхъ, относя ихъ къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства, причемъ касался въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія. Государь на другой же день поутру призываетъ къ себѣ вольнодумца и спрашиваетъ его, говорилъ ли онъ во вчерашней компаніи такія-то слова. Татищевъ, видя, что нельзя не сознаться, повинился.

„Какъ же ты осмѣливаешься ослаблять такую струну, которая составляетъ гармонію всего тона? Да ты же не съ должнымъ уваженіемъ касался и до нѣкіихъ мѣстъ Св. Писанія, чѣмъ уже ты, бездѣльникъ, и успѣлъ соблазнить многихъ изъ бывшихъ съ тобою въ компаніи. Я тебя научу, какъ должно почитать оное и не разрывать цѣпи, все въ устройствѣ содержащей“.

Съ этими словами государь взялъ свою палку и далъ Татищеву нѣсколько ударовъ, приговаривая:

„Не соблазняй вѣрующихъ, честныхъ душъ! Не заводи вольнодумства пагубнаго благоустройству! Не для того старался я тебя выучить, чтобъ ты былъ врагомъ общества и церкви“.

*

Во время Шведской войны въ Петербургѣ, для большей осторожности, зимою чрезъ Неву ставились рогатки съ Выборской къ Московской сторонѣ. По концамъ ихъ ставились часовые, имѣвшіе приказаніе послѣ вечерней зари не пропускать никого ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга.

Однажды Петръ Великій былъ въ театрѣ, находившемся на Литейной, недалеко отъ дома кумы его, генеральши Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной. Послѣдняя тоже была въ театрѣ и просила государя пріѣхать къ ней послѣ представленія на вечеринку. Государь согласился.

По окончаніи спектакля Петръ незамѣтно вышелъ изъ театра и съ однимъ деньщикомъ въ маленькихъ саняхъ заѣхалъ со стороны Охты къ помянутой хозяйкѣ. Сказавшись часовому (стоявшему отъ Московской стороны близъ Литейнаго двора) Петербургскимъ купцомъ, запоздавшимъ на Охтѣ, онъ просилъ пропустить его черезъ рогатку.

„Не велѣно пропускать“, отвѣчалъ часовой. „Поѣзжай назадъ!“

Государь даетъ ему рубль и, прибавляя все по рублю, дошелъ наконецъ до десяти рублей. Часовой, видя его упорство, сказалъ:

„Вижу, что ты человѣкъ добрый; такъ, пожалуй, поѣзжай назадъ; буде же еще будешь упорствовать, то я или принужденъ буду тебя застрѣлить, или, выстрѣля изъ ружья, дамъ знать гауптвахтѣ, и тебя возьмутъ подъ караулъ, какъ шпіона“.

Тогда государь поѣхалъ къ часовому, стоявшему на Выборгской сторонѣ и, сказавшись тоже купцомъ, просилъ его пропустить за рогатку. Часовой былъ сговорчивѣе и за два рубля пропустилъ. Государевы сани поѣхали по Невѣ, пробираясь къ дому Бобрищевой-Пушкиной. Въ темнотѣ они попали въ полынью, и государь едва былъ выхваченъ изъ нея деньщикомъ, а лошадь сама выпрыгнула на ледъ и спаслась. Петръ пріѣхалъ въ домъ къ Пушкиной весь мокрый. Увидя его въ такомъ видѣ и услышавъ, что́ случилось, всѣ присутствовавшіе пришли въ ужасъ.

„И зачѣмъ, батюшка“, пеняла государю хозяйка, „самому тебѣ такъ трудиться? Развѣ не могъ ты послать для осмотра карауловъ кого другаго?“

— „Когда часовые могутъ измѣнять, то кто же лучше испытать то можетъ, какъ не я самъ?“ отвѣчалъ Петръ.

На другой день состоялся приказъ по полку: часоваго пропустившаго черезъ рогатку проѣзжихъ, какъ измѣнника, повѣсить и провертя два оные рубля навязать ему на шею; а другаго часоваго произвесть въ капралы и пожаловать десятью рублями, которые предлагались ему наканунѣ.

*

Петръ Великій любилъ, чтобы приказанія его исполнялись точно и за неисправность, хотя бы она происходила отъ добраго намѣренія, строго и неуклонно наказывалъ даже близкихъ къ себѣ людей.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву государь замѣтилъ, что Преображенскій дворецъ пришелъ въ ветхость и требуетъ починки. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы онъ далъ приказаніе Ромодановскому произвести починку, перемѣнивъ нѣсколько бревенъ. Когда приступили къ починкѣ, то увидѣли, что все строеніе такъ уже ветхо, что ограничиться перемѣною лишь нѣсколькихъ бревенъ нельзя, и князь разсудилъ построить весь дворецъ новый, сломавъ старый. Вызваны были къ поставкѣ лѣса подрядчики, изъ которыхъ Московскіе купцы Гущинъ и Милюковъ обязались контрактомъ поставить лѣсу на четыре съ половиною тысячи рублей. Началась работа, и дворецъ ко вторичному пріѣзду государя былъ готовъ вчернѣ. Государь пріѣхалъ.

„Для чего не починенъ старый?“ былъ первый вопросъ его.

— „Онъ былъ такъ ветхъ“, отвѣчалъ Ромодановскій, „что нельзя было уже починить, почему и разсудилъ я построить новый“.

„Но какъ ты осмѣлился сдѣлать вопреки моему приказанію?. Ежели былъ онъ такъ ветхъ, то должно бы тебѣ о семъ отписать ко мнѣ и подождать моей резолюціи. Я покажу тебѣ, какъ бѣдственно пренебрегать приказъ мой!“

Сказавъ это, государь приказалъ подать огня и самъ своею рукою зажегъ дворецъ, который сгорѣлъ до тла.

Между тѣмъ подрядчики денегъ не получили и на просьбу свою о нихъ услышали такой отвѣтъ отъ Ромодановскаго:

„Денегъ выдать нельзя безъ разрѣшенія государева, а доложить о томъ не смѣю. И такъ должно вамъ подождать до времени, пока государь забудетъ досаду за построеніе дворца".

Чтó было дѣлать купцамъ? Боясь прогнѣвить государя личною просьбою, они прибѣгли къ содѣйствію любимой кумы его, генеральши Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной. Она обѣщала сказать о нихъ государю и велѣла имъ придти къ ней въ то время, когда онъ будетъ у нея въ гостяхъ, и стать на дворѣ у того окна, у котораго обыкновенно государь игрывалъ съ нею въ шахматы. Они такъ и сдѣлали. Петръ ихъ увидѣлъ и спросилъ:

„ Чтó за мужики?"

— „Знакомые мои лѣсники", отвѣчала Пушкина. „Они мнѣ жалки: поставили исправно по контракту своему лѣсъ, а денегъ получить не могутъ".

„Какой лѣсъ?"

— „На Преображенскій дворецъ".

„ Для чего жъ не получили?"

— „Для того, что не выдаютъ безъ доклада вамъ, а доложить не смѣютъ".

„Такъ! Старый чортъ надѣлалъ пакости, да и труситъ, какъ заяцъ!... Хорошо, они не виноваты, что поставили лѣсъ, и я велю имъ выдать деньги".

На другой же день подрядчики получили всю сумму сполна, а князь Ромодановскій, говорятъ, долженъ былъ выплатить ее изъ своего жалованья

*

Вслѣдствіе публикаціи Адмиралтейской Коллегіи о вызовѣ подрядчиковъ для торгу и поставку потребныхъ Адмиралтейству матеріаловъ явилось много желающихъ; но изъ нихъ осталось только трое купцовъ, которые, другъ передъ другомъ, наперерывъ старались удержать подрядъ за собою. Наконецъ одинъ изъ нихъ объявилъ, что возметъ, за очисткою расходовъ, по гривнѣ на рубль; другой сказалъ, что возьметъ только по пяти копѣекъ, третій же говорилъ, что изъ одного только усердія и ревности къ государю берется поставить и безъ барыша, надѣясь, что впредъ не будетъ оставленъ.

Коллегія вошла объ этомъ съ докладомъ къ государю.

Какая же послѣдовала резолюція?

„Отдать тому, который требуетъ за труды по гривнѣ на рубль. Другому отказать, понеже изъ пяти копѣекъ не изъ чего трудиться; а третьяго, яко плута, отдать на два мѣсяца на галеру, сказавъ ему, что государь его богаче".

*

Среди безчисленныхъ своихъ трудовъ Петръ Великій обращалъ вниманіе и на сбереженіе лѣсовъ. Съ этою цѣлію были построены новаго типа рѣчныя суда, на которыя шло гораздо меньше лѣсу, чѣмъ на старыя. Изъ Адмиралтейства были посланы во всѣ мѣста, гдѣ строились суда, мастера, для построенія образцовыхъ судовъ. Старымъ назначенъ былъ срокъ, послѣ котораго строжайше было запрещено употреблять ихъ. Но привычка такъ была сильна, что многіе промышленники по рѣкамъ и послѣ срока не отставали отъ старыхъ судовъ. Тогда Петръ Великій приказалъ разрубить такія суда, гдѣ они найдутся. Исполненіе приказа было возложено на гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ находился поручикъ Ѳедоръ Румянцовъ. Ему пришлось ѣхать въ Ладогу.

Пріѣхавъ туда, онъ нашелъ, что всѣ барки были старой конструкціи. Большинство изъ нихъ было уже нагружено хлѣбомъ для Петербурга. Былъ уже Сентябрь мѣсяцъ, замѣнить старыя суда новыми было невозможно; да и столица, гдѣ именно въ это время чувствовали сильный недостатокъ въ хлѣбѣ, осталась бы совсѣмъ безъ хлѣба. Списываться объ этомъ и ждать повелѣнія тоже было некогда въ виду грозящаго голода. Румянцовъ рѣшился пропустить всѣ барки, которыя были съ хлѣбомъ.

Государь, увидя первую партію хлѣбныхъ барокъ, прибывшую въ Петербургъ, крайне прогнѣвался. Когда же прибыли вторая и третья партіи такихъ же барокъ, то въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ призываетъ къ себѣ Александра Ивановича Румянцова и говоритъ ему:

„Посмотри, какъ родня-то твоя исполняетъ мое повелѣніе. Я именно приказывалъ ему разрубить всѣ таковыя барки, а онъ, напротивъ, всѣ пропустилъ“.

Тотчасъ же было послано строжайшее приказаніе въ Ладогу, чтобъ Румянцовъ явился для отвѣта въ Петербургъ. Сенату между тѣмъ повелѣно судить ослушника указовъ уголовнымъ судомъ.

Наконецъ Румянцовъ является въ Сенатъ, въ которомъ присутствовалъ и самъ государь. Подсудимаго спрашиваютъ, какъ осмѣлился онъ преступить именной монаршій указъ, и знаетъ ли онъ, что законъ повелѣваетъ таковыхъ ослушниковъ казнить смертью?

„Виноватъ“, спокойно отвѣчаетъ Румянцовъ: „я вѣдаю, что ослушаніемъ подвергаю себя казни, но готовъ умереть съ радостью, удовольствовавъ всѣхъ здѣшнихъ жителей хлѣбомъ, безъ котораго бы они, ежелибъ я по указу разрубилъ хлѣбныя барки, какъ разрубилъ нагруженныя другими товарами, могли потерпѣть великую нужду, а можетъ быть и голодъ. Сіе-то самое понудило меня преступить указъ и пропустить барки сіи, безъ чего они не могли сюда доставить хлѣба. Правда, долженъ бы я былъ о семъ представить прежде его величеству, но боялся задлить время и не былъ увѣренъ, чтобъ государь во гнѣвѣ своемъ не запамятствовалъ о слѣдствіяхъ, какія могъ бы произвести недостатокъ хлѣба“.

Петръ, выслушавъ все это, сказалъ:

„Ну, Румянцовъ, я прощаю тебѣ сіе, какъ первое еще ослушаніе твое, но берегись впредъ подобное сему что учинить! Почему ты вѣдаешь, чтобъ

я не могъ того разсудить, ежелибъ ты, по пріѣздѣ въ Ладогу, далъ мнѣ о семъ знать?"

Этимъ дѣло и кончилось. Государь же оказывалъ съ той поры еще бо́льшую милость и довѣренность Румянцову.

*

Ненавидя и преслѣдуя ябеду, Петръ Великій издалъ законъ: „Кто на праваго бьетъ челомъ, и то сыщется, то поступить съ челобитчикомъ такъ, чему бы достоинъ былъ отвѣтчикъ, ежели бы оказался виноватымъ".

Съ этимъ постановленіемъ находится въ связи разсказъ, сообщаемый Штелинымъ о происхожденіи фамиліи Капустиныхъ.

Одинъ Московскій купецъ жаловался на сосѣда, что корова послѣдняго, забравшись къ нему въ огородъ, поѣла капусту и принесла ему убытку на триста рублей. Петръ Великій находился въ это время въ Москвѣ. Провидя ябеду, онъ приказалъ суду освидѣтельствовать огородъ и узнать, сколько поѣдено капусты и причинено убытку. Оказалось, что весь убытокъ не превышаетъ трехъ рублей. Тогда государь приказалъ взыскать съ безсовѣстнаго просителя триста рублей и отдать отвѣтчику, да сверхъ того взыскать съ ябедника три тысячи на постройку мундировъ солдатамъ Преображенскаго полка; а чтобы Московское купечество не забыло этого рѣшенія, ябеднику приказано было писаться съ тѣхъ поръ Капустинымъ.

*

Одинъ Московскій купецъ подалъ въ судъ жалобу на своего должника, въ которой объяснялъ, что послѣдній долженъ ему сто рублей и неотдачею ихъ въ срокъ причинилъ ему убытки: истецъ выстроилъ себѣ новый домъ и за неполученіемъ ста рублей не могъ сдѣлать затворовъ къ окнамъ; при бывшемъ пожарѣ комнаты за неимѣніемъ затворовъ выгорѣли, и пожаръ, распространившись отъ нихъ, дошелъ до кладовыхъ и истребилъ товару на пять тысячъ; вслѣдствіе чего истецъ совершенно разорился. Ничего бы этого не было, еслибы онъ въ свое время получилъ помянутые сто рублей и сдѣлалъ бы затворы.

Петръ Великій повелѣлъ изслѣдовать дѣло.

Оказалось по изслѣдованіи, что загорѣлось у сосѣда; домъ же истца еще не былъ отдѣланъ, и были только приготовлены доски для половъ; весь убытокъ состоитъ въ этихъ доскахъ и сараѣ; кладовыя же цѣлы, и въ нихъ найдено товару и имѣнія слишкомъ на 20000 р.

Государь, чтобы чувствительно наказать ябедника, приказалъ: отвѣтчику заплатить истцу показанные его убытки 5000 р., а погорѣвшій дворъ истцовъ со всѣмъ найденнымъ въ немъ имѣніемъ и товарами отдать отвѣтчику.

Несчастный ябедникъ слезами и просьбами склонилъ на милость своего соперника, и послѣдній удовольствовался взысканіемъ съ него однихъ только убытковъ, причиненныхъ ябедою.

*

Гвардіи маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ Большой, занимавшій мѣсто оберъ-прокурора Сената, имѣлъ отъ государя приказаніе напоминать господамъ сенаторамъ, чтобъ внимательнѣе слушали дѣла и посторонними дѣлами отнюдь бы въ Сенатѣ не занимались.

Однажды Мамоновъ показалъ его величеству, ради любопытства, приговоръ прежнихъ бояръ, который весь состоялъ только въ слѣдующемъ: „Сидѣли въ палатѣ трое бояръ, слушали дѣло, и быть дѣлу такъ". Подавая этотъ приговоръ Петру, онъ съ усмѣшкою сказалъ:

„Посмотрите, государь, какъ они хорошо объясняли дѣла!"

Петръ, прочтя, отвѣчалъ:

„Здѣсь нѣтъ ничего смѣшнаго, и я еще хвалю ихъ за краткость, въ которой очень много смыслу. Они краткими сими словами утверждали крѣпко прежнее рѣшеніе, которое уже было объяснено, а потому и не почли за надобность повторять онаго. И я бы желалъ, чтобъ и вы подражали имъ и менѣе бы марали бумаги. Довольно обнаружить только дѣло и, оговоря кратко содержаніе неправой просьбы или незаконнаго рѣшенія, написать приговоръ безъ предисловія и краснорѣчія, затемняющаго только дѣло; нерѣдко же, наполняя оный двусмысліями и пустословіемъ, свойственными однимъ ябедникамъ, помрачаютъ и самую истину. Безпристрастіе не требудетъ ни прикрасъ, ни пустословія".

*

Въ одномъ изъ походовъ солдаты, поартельно сидя, ѣли кашу. Одинъ изъ нихъ громко выражалъ неудовольствіе на прогорклую крупу:

„Вотъ какую за всѣ наши службы и труды даютъ намъ крупу! Вотъ какъ кормятъ насъ!"

Петръ Великій, проходя въ это время по лагерю, услышалъ эти слова и, чтобы прекратить ропотъ въ самомъ началѣ, подошелъ къ артели.

„Хлѣбъ да соль, товарищи!"

— „Милости просимъ хлѣба кушать, ваше величество!"

Государь, не подавая вида неудовольствія, взялъ у одного солдата ложку, поѣлъ каши и сказалъ:

„Каша-то, ребята, хороша. Ѣшьте на здоровье!"

Съ этими словами государь удалился.

„Слышалъ? сказалъ одинъ изъ солдатъ своему недовольному товарищу. „И самому государю показалась непротивна каша, а ты ропщешь. Какъ быть! Хоть она и горьковата, а въ походѣ нельзя, чтобъ все было свѣжее. Придемъ въ другое мѣсто, такъ и пищу имѣть можемъ лучшую".

— „И подлинно, братъ, такъ. Мнѣ ужъ и самому стыдно стало, когда государь похвалилъ ее".

А государь, между тѣмъ, призвалъ коммиссара и наказалъ его за принятіе дурной крупы. Вслѣдъ за тѣмъ было отдано по арміи строжайшее приказаніе, чтобы все, отпускаемое въ пищу солдатамъ, было хорошее и неиспорченное.

*

Въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу для образованія, находился художникъ Никитинъ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Италіи и сдѣлавъ значительные успѣхи въ живописи, молодой человѣкъ вернулся въ Россію и прибылъ въ Петербургъ въ ночь, въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. Государь узналъ объ этомъ во время литургіи, которая отправлялась непосредственно послѣ заутрени; по выходѣ изъ Троицкаго собора онъ прямо пошелъ на квартиру Никитина, поздравилъ его съ пріѣздомъ и праздникомъ, похристосовался и благодарилъ его за прилежаніе къ ученью. Обрадованный живописецъ хотѣлъ было показать его величеству новыя свои картины, которыя лежали на полу задѣланныя въ рогожи, но Петръ остановилъ его:

„Оставь ихъ въ сихъ дѣдовскихъ нашихъ коврахъ. Тебѣ должно отъ дороги успокоиться. Я послѣ разсмотрю ихъ съ тобою“.

Во время обѣда государь посылалъ Никитину блюда и вина со своего стола.

*

У Петра Великаго были любимцы, но никому онъ не ввѣрялся слѣпо, и никто изъ нихъ не могъ управлять дѣлами и людьми по своему произволу. Однажды въ присутствіи государя говорили объ одномъ любимцѣ короля, имѣвшемъ неограниченную власть при дворѣ. Петръ сказалъ:

„Такъ государствомъ правитъ онъ, а не король. Я благодарю за такихъ любимцевъ. Моими любимцами всегда будутъ тѣ, которые всѣхъ честнѣе, искуснѣе и отечеству полезнѣе. А Катенька моя всегда будетъ моею любимицею!“

Меншиковъ, котораго Петръ особенно любилъ, не могъ похвастаться особеннымъ довѣріемъ государя сравнительно съ другими: и его часто наказывалъ Петръ, и притомъ публично, за самые легкіе проступки. Часто говаривалъ онъ ему:

„Александръ! Александръ! Не забывай, кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, что̀ ты теперь“.

Однажды Меншиковъ съ нѣкоторыми другими вельможами сняли поставку провіанта за бо̀льшую цѣну, чѣмъ прежде ставили купцы. Государь узналъ объ этомъ совершенно случайно.

Вотъ какъ было дѣло.

Проходя однажды по биржѣ, Петръ Великій увидѣлъ знакомыхъ купцовъ, стоявшихъ безъ дѣла, и сказалъ:

„Какъ поживаете? Развѣ вамъ нечего дѣлать, что вы стоите здѣсь въ праздности?“

— „Нечего, всемилостивѣйшій государь! Когда твои знатные господа захотѣли быть купцами, такъ намъ купцамъ пришлось быть безъ дѣла“.

„Какъ это?“

„Такъ точно, всемилостивѣйшій государь!“

Петръ, не пускаясь въ разспросы, приказалъ купцамъ явиться на другой день въ Адмиралтейство въ пять часовъ утра. Поговоривъ съ ними тамъ, онъ узналъ все дѣло, касавшееся послѣдней большой поставки

провіанта. Пріѣхавъ затѣмъ въ Сенатъ, онъ приказалъ арестовать Меншикова и другихъ, участвовавшихъ въ поставкѣ, назначилъ слѣдственную коммиссію и, по разслѣдованіи дѣла, опредѣлилъ взыскать съ нихъ большой денежный штрафъ. При этомъ случаѣ онъ сказалъ Меншикову:

„На сей разъ наказываю тебя денежнымъ штрафомъ, но берегись впредь меня обманывать, въ противномъ случаѣ наказанъ будешь гораздо строже“.

*

Однажды Петръ Великій сильно разгнѣвался на своего любимаго архитектора Ле-Блонда. Потомъ оказалось, что Ле-Блондъ пострадалъ невинно, и причиною тому было коварство Меншикова. Государь схватилъ послѣдняго за воротъ и сталъ бить несчастнаго вельможу объ стѣну, приговаривая.

„Ты, плутъ, въ этомъ виноватъ!“

*

Разговаривая однажды о бережливости, Петръ Великій, показалъ своимъ собесѣдникамъ штопанные чулки.

„Ваше величество могли бы и не донашивать чулокъ до дыръ“, сказалъ ему кто-то.

— „А для чего? На что мнѣ бросать такіе чулки, которые съ починкою могу я еще годъ проносить?“

„Чтобы съ чулочной фабрики больше чулокъ расходилось“.

— „О! возразилъ Государь, она и безъ того еще не доставляетъ столько чулокъ, сколько надобно для употребленія въ моемъ государствѣ, и все еще должно вывозить ихъ изъ чужихъ земель; если жъ она будетъ когда-нибудь въ состояніи доставлять больше чулокъ, нежели надобно для здѣшняго употребленія, то я сыщу для нея случай продавать излишекъ нашимъ сосѣдямъ и далѣе на корабляхъ разсылать, а за то получать деньги или другіе нужные товары. Пока этого нѣтъ и пока въ государствѣ обрабатывается столько товаровъ, сколько надобно для собственнаго употребленія, до тѣхъ поръ бываетъ оно подобно маленькому имперскому городку, гдѣ одинъ гражданинъ работаетъ для другаго, одинъ отъ другаго получаетъ хлѣбъ, но оба всегда остаются бѣдны и не могутъ споспѣшествовать обогащенію города“.

СУМЕРЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ СТАРУШКИ.

Любилъ меня — царство ему небесное!—безъ души любилъ дядя Петръ Семеновичъ Арсеньевъ. Онъ въ большомъ уваженіи былъ: хотя не богатъ и не знатенъ, да себя зналъ и два курса сряду судьею служилъ и такимъ судьею, что ни разу не покривилъ душой. Было разбойничье дѣло Деревицкихъ. Ему давали за его рѣшеніе пятьдесятъ душъ съ женами и дѣтьми. «У меня своя душа есть», сказалъ Арсеньевъ, и всѣ Деревицкіе пошли въ Сибирь. Всѣ къ нему въ домъ; кто съ почтеніемъ и по дѣлу къ судьѣ, кто по знакомству, а кто и такъ: ѣхалъ — не проѣхалъ. Тетка съ дядею, случится бывало, сами ѣдутъ изъ дому, а мнѣ приказъ отдаютъ: «Гляди, догадливая! Въѣдетъ кто, умѣй принять гостя».

Пріѣзжаю я къ нему наканунѣ Рождества Богородицы. Дядя гладитъ меня по головѣ и сказываетъ:

— Вотъ не даромъ ты у меня догадливая. Ко времени пріѣхала. Не видала ты еще, дѣвушка, на своемъ вѣку придворную особу, а теперь повидаешь.

Меня всю разомъ какъ на иглы взяло: и стало страшно, и повидать хочется высокую придворную особу.

— «Кто такая особа, дядюшка?» спрашиваю.

— Да немалая особа, коли ты хочешь знать: дочь княгини Екатерины Романовны Дашковой; Настасья Михайловна Щербинина, не далеко къ намъ въ Чернянку пожаловала и дала по сосѣдямъ повѣсткою знать, что милости проситъ всѣхъ къ себѣ поранѣе на праздникъ проводить ее къ церкви и потомъ отобѣдать и время съ нею раздѣлить. Такъ вотъ по ближнему сосѣдству мы и поѣдемъ, сказалъ дядя. И ты лицомъ покажи себя. Коли что спроситъ, не постой за словомъ. ..... Мнѣ-то ея не въ первой видать, сказывалъ, усмѣхаясь, дядя. Я ей респектъ отдавалъ, какъ она еще давно здѣсь была и по сосѣдству, домъ о домъ, у Двукратскаго жену украла и къ ея превосходи-

тельства генеральши Исаковой сыну въ своей каретѣ свезла. Оно бы, кажись, Ѳедору Марковичу Двукратскому потеря въ томъ невелика была, за тѣмъ, что онъ жену не по закону держалъ, и она у него взаперти была, а по дому иная пава золотыя перья стлала-разстилала...

Покойный дядя Петръ Алексѣевичъ сплюнулъ.

— Да вишь на сосѣдскій задоръ пошло, и лиха бѣда изъ того встала. Двукратскій завелъ дѣло о покражѣ оною Настасьею Михайловою дочерью Щербининою жены у него; а Настасья Михайловна своей знатной особою на доказательства пошла, что онъ хотѣлъ жену ядомъ отравить. О Ѳедорѣ Марковичѣ повальный обыскъ нехорошъ вышелъ. Я первый о немъ правду-матку заявилъ. Онъ потерся-помялся, да и далъ маху за границу. А тамъ онъ, что̀ называется, печки и лавочки смостилъ. Есть тамъ въ Нѣмецкой землѣ самый знатный университетъ у Прусскаго короля въ его королевствѣ. Нашъ Ѳедоръ Марковичъ при томъ королевскомъ мѣстѣ взросъ и обучился, и у него на учебномъ дипломѣ подпись Фридриха Великаго и королевская печать видны. Постранствовалъ онъ лѣтъ пять по Нѣмецкимъ и Французскимъ землямъ, и вдругъ изъ самого того Парижа получаетъ управляющій его, свой крѣпостной человѣкъ, приказъ себѣ и повелѣніе Чернянскому священнику служить обѣдни и панихиды по женѣ: яко бы онъ освѣдомился заподлинно, что жена его волею Божію помре вотъ такого-то года и мѣсяца, дня и числа, прожитіе имѣвши въ Швейцаріи. Штука, подумалъ всякій, услышавши... Но какъ эту штуку провѣдала въ Петербургѣ Настастья Михайловна? Только она шлетъ съ нарочнымъ курьеромъ Курскому архіерею письмо: что освѣдомилась она тоже заподлинно о богоотступномъ дѣлѣ, что вѣдомый Двукратскій, Ѳедоръ сынъ Марковъ, хочетъ выдать за мертвую свою живую жену и того ради прислалъ приказъ своего села священнику по женѣ своей заупокойныя обѣдни служить и панихиды пѣть; а жена, его милостію Божію, жива и во всякомъ благополучіи обрѣтается, избавившисъ его тиранскихъ рукъ, что̀ и свидѣтельствую здѣ прилагаемою цидулкою ея ко мнѣ. Засвидѣтельствовала цидулку Настасья Михайловна. Панихидъ не велѣно было пѣть. А Ѳедоръ Марковичъ далъ слуху стихнуть, еще годокъ-другой промялся за границею, на дочерей въ Нѣмецкихъ земляхъ баронство купилъ и тамъ ихъ замужъ отдалъ (двѣ у него такія дочери были) и самъ воротился князь-княземъ. По возвращеніи вдругъ свою половину Чернянки онъ вверхъ дномъ поворотилъ: и суконную фабрику, и бумажную, и скатерную завелъ; Нѣмецкіе сыры дѣлать началъ. Стали ѣздить съ бочками по селеніямъ молоко скупать ... И стали люди поумнѣе замѣчать: откуда у Ѳедора Марковича такая деньга изъ кармана течетъ? Наши баре поѣдутъ — проживутся за границею; а онъ

одинъ всплылъ на верхъ богачемъ. Отцовскіе-то капиталы не больно велики. Отецъ, Маркъ Ѳедоровичъ, въ придворномъ хорѣ уставщикомъ былъ; а матушка (имя и отечество ея не въ поминъ было), слухъ ходилъ, что въ Петербургѣ женское заведеніе держала и на Смоленскій монастырь чулочки и платочки поставляла усердно, да что-то поставка не полюбилася: заведенье закрыли. Такъ Ѳедору-то Марковичу откуда такая благодать пришла? И грѣхъ ли, два ли, а говорятъ люди, что въ Парижѣ надѣлалъ онъ нашихъ ассигнацій и привезъ сюда, да и началъ ихъ сыпать, благо, что сторона глуха и люди подъ Богомъ смирны.

Покойный дядя не всегда говорливъ былъ; за то какъ разговорится, такъ у него хлопьевъ за щеками не было.

На утро раненько собрались мы и поѣхали. Какъ долгъ велитъ при почетѣ, Петръ Алексѣевичъ, судья, свой мундиръ надѣлъ, и онъ еще по-павловски косу съ бантомъ носилъ и хотя у него коска съ мышиный хвостикъ была, но они съ Провомъ Ивановичемъ Бекарюковымъ и Аѳанасьемъ Степановичемъ Мишуровымъ трое себѣ завѣтъ положили умереть и во гробъ лечь съ косами.

Только что мы выѣхали за околицу, на встрѣчу намъ одинъ знакомецъ.

— Здравствуйте!

— «Здравствуйте».

— Къ Настасьѣ Михайловнѣ?

— «Къ Настасьѣ Михайловнѣ», отвѣчалъ дядя.

— А Ѳедоръ-то Марковичъ попривѣтствовалъ высокую особу съ пріѣздомъ, сказываетъ знакомецъ.

— «Какъ такъ?»

— Благо, что сосѣдній плетень близокъ: такъ онъ ея милости началъ раннюю зорю справлять. Чуть свѣтъ, охотники заложатъ охотничьи рога въ плетень у самаго дому и начнутъ собакамъ на сборъ трубить. Всѣ собаки собьются къ плетню; лай, визгъ, а Ѳедоръ Марковичъ стоитъ на крыльцѣ да посматриваетъ... Не поживетъ тутъ голубушка! Выживетъ онъ ее скоро изъ послѣдняго гнѣзда, сказывалъ знакомецъ.

А за тѣмъ онъ говорилъ: *изъ послѣдняго*, что слышно было, будто Екатерина Романовна изволила гнѣваться на дочь и ничего ей не давала болѣе; а все свое прежнее приданое Настасья Михайловна промотала въ пухъ и не то чтобы совсѣмъ въ разъѣздѣ, а такъ *не въ съѣздѣ* съ мужемъ жила, и это ей половина Ново-Оскольской Чернянки отъ мужа на прожитье была дана.

Пріѣхали мы. Домъ небарской, низенькій, длинный; въ передней застали, стоятъ мужики—пришли на поклонъ и держутъ на деревянныхъ крашеныхъ тарелочкахъ сливы. Звону къ обѣднѣ нѣтъ, и намъ доложили, что и самой Настасьи Михайловны въ покояхъ нѣтъ. Вчера пустили винокуренный заводъ курить: такъ она изволила передъ обѣднею поѣхать посмотрѣть его. Ждемъ мы, собравшись человѣкъ насъ двадцать, или поболѣе того. Изъ первой комнаты въ другую, какъ бы ей быть гостинною, перешли; а тамъ въ растворенную дверь спальная видна... Я съ молоду и съ деревенской нѐвидали гляжу во всѣ глаза; а признаться, глядѣть было не на что. Какъ въ домѣ никогда не жили, а онъ для рѣдкаго пріѣзду словно сарай длинный состроенъ былъ, то въ немъ и барскаго ничего не было. Точеныя черныя стульца, да по угламъ стояли софочки подъ чехлами изъ жидкой Московской выбоечки. Но кровать Настасьи Михайловны виднѣлась въ спальной на возвышеніи и была гора горою накладена пуховиками и подушками, чуть не подъ самый потолокъ. Я и теперь не знаю, какъ было на нее взлѣзать? Развѣ приставлялась лѣсенка. Кровать была одѣта зеленымъ шелковымъ одѣяломъ, и зеленый же тафтяный пологъ былъ продѣтъ сквозь кольцо и откинутъ на обѣ стороны. Въ головахъ къ пологу былъ приколотъ маленькій серебрянный образокъ на розовой ленточкѣ, и постельная собачка, катаясь и прыгая по подушкамъ, заигрывала съ нимъ лапкою.

Кромѣ собачки, видѣли мы сквозь дверь маленькую дѣвочку въ бѣломъ платьицѣ съ длиннымъ голубымъ поясомъ, которую толстая барская барыня въ чепцѣ дергала и тормошила. Дитя видно потихоньку просило кушать.

— «Что? Свой, что ли, хлѣбъ ѣшь? Безстыдница! за дверью рычала нянька. По матери нищей пошла. Не наѣшься чужаго хлѣба... За книжку садись, чтобъ пріѣхала, да тебя за книжкою увидала».

У Настасьи Михайловны не было своихъ дѣтей, и говорили, что это она братнину незаконную дочь, послѣ его смерти, къ себѣ взяла.

Нянька сунула ребенку азбуку въ руки, и дѣвочка, всхлипывая и не смѣя плакать, усѣлась, блѣдненькая и бѣдненькая, на верхней ступенькѣ того возвышенія, на которомъ стояла кровать Настасьи Михайловны и начала жалобно, захлебываясь читать.

— Азъ, буки, глаголь, добро...

— «А *веди* ты съ голоду проглотила?» шипѣла змѣею нянька.

И не приведи Богъ видѣть и слышать, какъ наругается холопка надъ барскимъ дитятью!

Зазвонили въ колокола... Не то, чтобы съ колокольнымъ звономъ встрѣчали знатную придворную особу на ея возворотъ съ винокурни;

а Настасья Михайловна, проѣзжая мимо колокольни, махнула платкомъ пономарю, чтобы звонили къ обѣднѣ и зазвонили. Мы всѣ по звону двинулись въ первую комнату, и старики въ передней прибодрились и бороды сгладили. Крѣпкая дубовая дверь на отмахъ широко растворилась, и вошла, сказать бы такъ, хоть и неучтиво, гренадеръ-баба. Всѣмъ сообща въ одинъ поклонъ поклонилась и, не говоря слова, прошествовала далѣе въ опочивальный покой. Какъ ни сробѣла я духомъ, а глазами смотрѣла зорко и какъ сей часъ вижу на ней черный шелковый на ватѣ капотъ съ тремя воротниками и шляпку, какую до того я видѣть не видала: зеленую тисненую изъ кожи и длиннымъ ульемъ напереди, что лица я ничуть не разглядѣла тогда *).

Но мы недолго ждали. Едва начали въ трезвонъ звонить, слышимъ и видимъ жалуетъ къ намъ Настасья Михайловна передѣтою. Такой же капотъ на ней съ воротниками, только не черный шелковый, а лиловой матеріи: полосочка посвѣтлѣе и полосочка потемнѣе, большая соломенная шляпа тѣмъ же ульемъ, подвязанная сверху одной синей широкой лентою и Турецкая бѣлая шаль на плечахъ; сама плотная, высокая, волосы черные, глаза черные, лицо мужское—поклонилась, остановилась передъ нами, и всѣ начали къ ней подходить рядомъ, кто какъ стоялъ, представляться ей. Мужчины уважительно руку цѣловали и расшаркивались; а дамы, кто посмѣлѣе, тѣ наклонялись цѣловать въ плечо; а другія такъ только низенько присѣдали и въ уголочекъ шли. Послѣ насъ приступили мужики изъ передней съ тарелочками. Она всѣхъ ихъ къ рукѣ допустила и не отвергла сливъ на тарелочкахъ, а за честь приняла и всѣмъ намъ въ одно слово сказала: «Пора намъ, гости дорогіе, въ церковь идти».

Покойный дядя смѣлый человѣкъ былъ, прямо подступилъ подать ей руку, чтобы въ церковь ее съ почетомъ подъ руку вести и повелъ ее тихо и важно; а мы за ними, кто съ кѣмъ, и потянулись слѣдомъ. Отъ крыльца и къ самой церкви дорожка уставлена была сосенками и усыпана пескомъ. Идемъ мы соразмѣрнымъ шагомъ, только глядь: а Ѳедоръ Марковичъ изъ своего дому другое шествіе открылъ. Въ пику Настасьѣ Михайловнѣ, онъ собралъ себѣ столько же, если не болѣе мужчинъ и выступалъ передъ ними. Мы вошли въ церковь въ

*) Отъ другихъ современниковъ случалось намъ слышать, что Н. М. Щербинина была горбата. Лишенная матерью наслѣдства, она дожила въ Москвѣ до 30-хъ годовъ и находилась иной разъ въ такой нуждѣ, что зарабатывала деньги уроками. Двумъ дочерямъ и сыну своего брата (князя Дашкова) Михаилу Павловичу Щербинину она дала отличное воспитаніе. Ея жизнь можетъ быть предметомъ очень любопытнаго историческаго разсказа. Душесильные были люди! П. Б.

сѣверныя двери, а они вошли въ южныя. Мы стали всѣ вмѣстѣ позади. и одна у насъ Настасья Михайловна выдвинулась впередъ, и Двукратскій выдвинулся. И кто его знаетъ, зачѣмъ ему непремѣнно хотѣлось заглянуть ей подъ шляпку? А шляпа-то большая, дупломъ торчитъ Онъ что подвинется, а Настасья Михайловна отодвинется. Ѳедоръ Марковичъ понемножку заходитъ и наклоняется, чтобъ подъ передъ взглянуть; а Настасья Михайловна возметъ да отворотится, и подъ конецъ обѣдни она стала ребромъ къ алтарю. Потѣха была сущая глядѣть на нихъ!

Тѣмъ же путемъ, мы изъ однихъ дверей, а они изъ другихъ, отправились изъ церкви по домамъ. Въ первой комнатѣ уже и столъ былъ накрытъ. Подождали немного священника и сѣли за обѣденный столъ. Къ столу и дѣвочку съ заплаканными глазками вывела Яга-баба нянька и поставила передъ Настасьей Михайловною. Та ей дала поцѣловать руку и взглянула на нее своими большими черными глазами; но они у Настасьи Михайловны были какіе-то растерянные глаза, какъ бы она ими смотрѣла и не смотрѣла, видѣла и не видѣла, и вообще, снявши свою дупластую шляпку и Турецкую шаль, которая волочилась по землѣ, да къ тому еще картавя на *р* и *л*, начиная говорить и не кончая, и не совсѣмъ къ толку суетясь и не посидя на мѣстѣ, Настасья Михайловна переставала мнѣ казаться ни вѣсть какою страшною придворною особою.

— Ду-а! сказала она дѣвочкѣ, что̀ выходило нѣсколько помягче нашей обыкновенной *дуры*. Те-пѣть не могу плаксы. Въ свою матушку ду-у пошла... А ты, госу-арь мой, не изволишь знать, обратилась она сейчасъ же съ вопросомъ къ дядѣ: изъ какой палаты ума Полуду-ацкой мнѣ въ церкви подъ шляпку лѣзъ?

Такъ Настасья Михайловна мстила Двукратскому и иначе не называла его, какъ *Полудурацкимъ*.

Но спросивши дядю и не дожидаясь нимало его отвѣта, она опять заговорила о дѣвочкѣ.

— Не знаю, что̀ мнѣ съ нею дѣлать? Писала я своему ду-аку мужу, чтобы усыновить ее и не знаю, не отвѣчаетъ мнѣ.

Вставши изъ-за стола и тоже не знаю, по какому случаю, Настасья Михайловна вдругъ живо взяла меня подъ руку и пошла со мною одною въ садъ, показывая и разсказывая мнѣ, что здѣсь она построитъ бесѣдку и тутъ поставитъ памятникъ, и тутъ храмикъ...

Я осмѣлилась спросить: кому же будетъ посвященъ храмикъ? Аполлону или Амуру?

Настасья Михайловна удивилась.

— А вы, милая дѣвушка, знаете объ нихъ?.. Нѣтъ, сказала она: такъ, храмикъ.

И куда ей было думать объ амурахъ, когда ей лѣтъ подъ пятьдесятъ тогда было!

Но и просто храмикъ не воздвигла Настасья Михайловна. Выжилъ ее Двукратскій изъ Чернянки, и она, пріѣхавши о Рождествѣ Богородицы какъ бы на постоянное житье, скоро послѣ Покрова уѣхала, и навсегда.

Одного я не могу сказать: въ тотъ ли это самый годъ было, или спустя время, получается въ Чернянкѣ повелѣніе: «Мать моя, княгиня Екатерина Романовна Дашкова волею Божію умре, и я, дочерній долгъ и любовь исполняя, повелѣваю: служить заупокойныя обѣдни и ежедневныя панихиды шесть недѣль и въ теченіе года поминать на всѣхъ субботнихъ и праздничныхъ службахъ». Но не прошло недѣли, вдругъ получается другой приказъ: «впредъ, до моего повелѣнія, мать мою не поминать».—Почему? Что?.. Господи, Твоя воля, или барская да будетъ! сказывалъ, недоумѣвая, Чернянской священникъ, пріѣхавшій къ дядѣ потолковать...

И никому на умъ тогда не могло прійти, что мать лишила всего наслѣдства Настасью Михайловну и исходатайствовала у покойнаго императора Александра Павловича дозволеніе всѣ имѣнія мужнины передать въ свой родъ Воронцовыхъ *).

*) Подаренное ей Екатериною большое село Круглое въ Могилевской губерніи и Московскій домъ свой на Большой Никитской (нынѣ Музыкальная Консерваторія) княгиня Дашкова завѣщала племяннику своему князю М. С. Воронцову. Въ завѣщаніи она говоритъ о дочери въ ужасныхъ выраженіяхъ и проситъ не допускать ея въ домъ къ ней даже для поклоненія ея праху. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПУШКИНѢ.

Близъ Елисаветграда проживаетъ нѣкто П. П. Ларій, глубокій старецъ, 86 лѣтъ. Не смотря на такіе почтенные годы, онъ обладаетъ отличной памятью и любитъ иногда, въ тѣсномъ семейномъ кругу, вспоминать про старое. Любимыми его темами: знакомство его съ А. С. Пушкинымъ и семействомъ Давыдовыхъ, въ имѣніи которыхъ Каменкѣ по часту гостилъ А. С. Пушкинъ.

П. П. Ларій служилъ въ Новомиргородскомъ уланскомъ полку, что нынѣ 21-й драгунскій. Онъ вышелъ въ молодыхъ чинахъ въ отставку, занялся своими обширными имѣніями въ Херсонской губерніи и былъ Елисаветградскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Служа въ полку, который стоялъ въ Новомиргородѣ, онъ, со всѣмъ обществомъ офицеровъ полка, часто ѣздилъ въ Каменку (50 вер.), гдѣ и познакомился съ А. С. Пушкинымъ. На одномъ изъ вечеровъ молодежь сѣла играть въ petit-jeu. Игра кончилась, начали разбирать фанты. Въ числѣ играющихъ былъ Пушкинъ. Вынули и его фантъ. Разумѣется всѣ закричали: „Скажите что-нибудь! Экспромтъ!“

Пушкинъ постоялъ нѣсколько секундъ, нахмурился и, обращаясь къ какой-то барышнѣ, проѣздомъ съ Юга гостившей въ Каменкѣ, сказалъ:

Откуда къ намъ явилась ты,
Нежданный призракъ упоенья?
Ты образъ радостной мечты,
Ты милый гость воображенья.
Откуда ты чужой цвѣтокъ,
Гдѣ край оставленный тобою?
Какой задумчивый потокъ
Бѣжалъ у ногъ твоихъ струею?
Нѣтъ! Ты не сонъ, ты не мечта:
Мы, дѣва, всѣ тебѣ внимали;
Твои волшебныя уста
Намъ звуки дивные шептали.
Забудь подчасъ роскошный Югъ:
Его сады, его долины,
И, иногда на часъ единый,
Припомни нашъ далекій кругъ.

Барышня эта, весьма красивая, за свой фантъ, прекрасно спѣла какой-то романсъ.

Въ другой пріѣздъ П. П. Ларія въ Каменку, засталъ онъ также А. С. Пушкина. Послѣ обѣда прошли всѣ въ гостиную. Бороздина, рожденн. Давыдова, вышла и, вернувшись вскорѣ съ альбомомъ, попросила Пушкина написать ей что-нибудь. Александръ Сергѣевичъ, не заставляя себя долго просить, тутъ же при всѣхъ написалъ:

Что̀ свѣтъ зари, что̀ солнца лучъ,
Что̀ звѣзды яркія въ лазури,
Что̀ молній блескъ средь черныхъ тучъ,
Въ часы неукротимой бури,
Что̀ свѣтъ луны, когда глядитъ
Она на зеркальныя воды?
Нѣтъ! взоръ одинъ твой помрачитъ
Красы волшебныя природы.

Разъ Пушкинъ пріѣхалъ въ Новомиргородъ въ полкъ и на обѣдѣ у Лахмана (офицера полка) читалъ извѣстные свои стихи:

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье—засѣдатель и пр.

Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ посланъ Воронцовымъ уничтожать саранчу. Видя безплодную борьбу съ этимъ бичемъ, Пушкинъ созвалъ крестьянъ и повелъ такую рѣчь:

„А знаете ли вы что̀ такое саранча?“

Мужички помялись, посмотрѣли другъ на друга, почесали, какъ водится, затылки, и наконецъ одинъ молвилъ: „Наказанье Боже, ваше высокородіе“.

„А можно бороться съ Божьимъ наказаніемъ?“ спрашиваетъ А. С.

„Вѣстимо, нельзя, ваше благородіе.

„Ну такъ ступайте домой“, и больше ихъ не требовалъ.

Не совсѣмъ такъ, какъ сообщаетъ о томъ же Липранди.

Часто также П. П. Ларій разсказываетъ про декабристовъ. Онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Шервудъ узналъ о заговорѣ. Въ день полковаго праздника Новомиргородскаго полка готовился въ полку балъ. Нѣсколькимъ офицерамъ, какъ водится, распредѣлены были обязанности устройства праздника Ларію досталось угощать дамъ. Онъ попросилъ двухъ офицеровъ, ѣхавшихъ въ Кіевъ, купить конфектъ. Офицеры эти были графъ Булгари и Поджіо. По дорогѣ въ Кіевъ они остановились на ст. Лысенки, гдѣ должны были ночевать. Войдя на станцію и узнавъ, что проѣзжихъ никого нѣтъ кромѣ унтеръ-офицера ихъ же полка Шервуда, спавшаго за перегородкой и не предполагая въ немъ знанія Итальянскаго языка, они за самоваромъ начали разговаривать по-итальянски о предпологавшемся заговорѣ. Шервудъ на другой-же день поѣхалъ къ графу Витту и разсказалъ о слышанномъ. Графъ Виттъ сообщилъ тотчасъ же князю Волконскому. „Это вѣрно, какъ Богъ святъ!“ прибавляетъ всегда П. П. Ларій.

П. Е. Эрдели.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. О. СМИРНОВОЙ

къ издателю „Русскаго Архива"

Лондонъ, 9 (21) Октября (1878). Claridges Hôtel.

Любезный Петръ Ивановичъ, все-то я бѣдная старуха таскаюсь по гостинницамъ; видно ужъ такая судьба мнѣ на роду написана. И какъ скучно и пусто за границей, и какъ бы хотѣлось опять въ спокойную, отжившую Москву, отжившую для тѣхъ, которые не понимаютъ, что это сердце Россіи. —Премного вамъ благодарна за томъ «Воронцовскаго Архива». Правнучка графа С. Р. Воронцова прочитала записки и Французскія письма и проситъ васъ убѣдительно прислать ей этотъ томъ. Ея адресъ слѣдующій: *The Lady Selina Bidwell, 91 Onslow-Square, Brompton. London.* Всѣ его внуки и правнуки очень гордятся Русской кровью такого достойнаго Русскаго человѣка.

Вотъ вамъ нѣчто изъ записокъ Duchillon. Онъ гостилъ въ Питершамѣ, помѣстьи г-на Макензи; въ числѣ гостившихъ находился и графъ Воронцовъ, Русскій посолъ при Лондонскомъ дворѣ. Онъ познакомился съ хозяиномъ въ Неаполѣ, и они возобновили знакомство съ обоюднымъ удовольствіемъ въ Питершамѣ. Графъ наслаждался умной бесѣдой г-на Макензи, его обширными познаніями и называлъ его своимъ любезнымъ наставникомъ (my Dear Master). Макензи же любилъ его какъ сына и восхищался его бесѣдой. Я поистинѣ, говоритъ Duchillon, не встрѣчалъ человѣка соединяющаго столько блистательныхъ свойствъ ума и любезныхъ качествъ, увѣнчанныхъ большой скромностью и совершеннымъ отсутствіемъ тщеславія. Благородная наружность, учтивое и ласковое обращеніе соединялись съ горячимъ сердцемъ, возвышеннымъ умомъ и рѣдкимъ благодушіемъ. Онъ былъ самый обязательный и вѣрный другъ. Разскажу примѣръ его скромности. Поступивъ на службу 17-ти лѣтъ, въ 18-ть онъ командовалъ батальономъ гвардіи Петра III-го. Въ день восшествія Екатерины, узнавъ о случившемся возмущеніи, онъ отправился въ казармы и убѣждалъ полкъ остаться вѣрнымъ данной присягѣ, и выступилъ съ нимъ изъ казармъ; но вскорѣ его оставили товарищи. Онъ храбро оборонялся противъ увлекавшихъ его людей, наконецъ его связали и арестовали. Послѣ 4-хъ дневнаго ареста его выпустили и

онъ отправился за границу. Когда же началась война съ Турціей въ 1770 году, онъ или былъ вызванъ, или добровольно, не могу утвердительно сказать, вернулся въ Россію и опять отличился. Однажды за обѣдомъ у герцога Нортумберланда зашла рѣчь объ этой столь славной для Россіи войнѣ, и въ особенности о сраженіи при Кагулѣ, въ которомъ фельдмаршалъ графъ Румянцовъ явилъ себя такимъ великимъ полководцемъ. Я спросилъ графа Воронцова, былъ ли онъ при этомъ дѣлѣ? Онъ очень просто и кротко отвѣчалъ: «да, былъ.» Когда мы расходились, генералъ Клинтонъ (Clinton), который находился при Русской арміи въ качествѣ волонтера, намъ сказалъ: «Знаете ли вы, какъ онъ тамъ былъ при Кагулѣ? Вся Русская сила состояла въ 18-ти тысячахъ, а у Турковъ было 150,000. Графъ повелъ атаку противъ сильныхъ непріятельскихъ укрѣпленій, взялъ штурмомъ редутъ, и Турецкая армія ретировалась въ безпорядкѣ. Побѣда была блистательная. Вотъ какъ Воронцовъ былъ при Кагулѣ»..

*

Этотъ же Дюшилью, въ другомъ мѣстѣ, разсказываетъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

Я узналъ самыя интересныя подробности о несчастномъ сынѣ царя Петра I-го отъ Русскаго вельможи и близкаго человѣка къ фельдмаршалу Румянцову, сыну того генерала Румянцова, который арестовалъ царевича. Этотъ вельможа разсказывалъ мнѣ, что онъ посѣтилъ замокъ Шенборнъ. Самъ владѣлецъ этого помѣстья возилъ его туда и вводилъ въ покои, гдѣ скрывался Алексѣй, послѣ бѣгства изъ Россіи. Фельдм. Румянцовъ говорилъ этому вельможѣ, что царь Петръ рѣшился во что бы ни стало воротить сына и, развѣдавъ, что онъ въ Австріи, писалъ импер. Карлу VI въ 1717 г. о позволеніи генералу Румянцову навѣстить царевича, гдѣ бы онъ ни былъ, и уговорить его возвратиться, не употребляя никакихъ насильственныхъ мѣръ. Карлъ VI-й предупредилъ царевича и совѣтывалъ ѣхать въ Неаполь, тогда подвластный имперіи и управляемый вице - королемъ. Когда генер. Румянцовъ явился съ просьбой къ Карлу VI, тотъ объявилъ ему что царевича нѣтъ въ Австріи, но далъ позволеніе объѣхать всѣ подвластныя ему земли. Однажды генералъ разговаривалъ съ своей свитой или слугами по - русски. Цирюльникъ - Неаполетанецъ, его брившій, оказалъ нѣкоторые знаки удивленія. Румянцовъ его спросилъ, что̀ его смущаетъ и удивляетъ. Цирюльникъ отвѣчалъ, что онъ ни слова не понимаетъ, но уже слышалъ незнакомый ему языкъ, потому что̀ какой-то важный вельможа, котораго онъ брилъ въ *Castel del Nuovo*, говоритъ на этомъ языкѣ. Отъ этого цирюльника Румянцовъ узналъ,

что неизвѣстный принцъ молодъ, окруженъ людьми оказывающими ему большое уваженіе и живетъ въ совершенномъ уединеніи. По описанію цирюльника, генералъ Румянцовъ сообразилъ, что это былъ искомый царевичъ. Онъ поспѣшилъ къ вице-королю съ рекомендаціей Карла VI, увѣдомилъ его, что онъ удостовѣрился о пребываніи царевича въ *Castel del Nuovo* и добился позволенія имѣть съ нимъ свиданіе, съ вышеупомянутымъ письмомъ царя Петра къ импер. Карлу VI, котораго копію онъ имѣлъ. Несчастный на первыхъ порахъ рѣшительно отказался возвратиться въ Россію, что увидя, Румянцовъ подкупилъ женщину живущую съ царевичемъ и имѣвшую сильное вліяніе на него. Ей удалось его уговорить ѣхать въ Россію, гдѣ постигла его горестная кончина.

*

Евгеній Ивановичъ, нашъ почтенный, истинно-Русскій, образованный священникъ, сообщилъ мнѣ очень интересные разсказы о Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, со словъ дочерей священника Смирнова и дьячка Квитницкаго, который здѣсь и умеръ. Между прочимъ знаете ли вы, что тѣло его лежитъ въ землѣ хотя ему симпатичной, но все-таки чуждой для его Русскаго сердца и духа. Евг. Ив. увѣдомлялъ объ этомъ князя Семена Михайловича, но ничего не воспослѣдовало. Такъ какъ онъ, оставивъ службу, поселился въ Wellbek-Street, чтобы жить поближе къ нашей посольской церкви, то его похоронили въ *Марилебонской*, т. е. въ протестантской церкви. А это стыдно и Воронцовымъ, и Россіи вообще. Евгеній Ивановичъ одинъ изъ усердія его поминаетъ и бываетъ тамъ.—Когда въ Англіи еще не было столько разныхъ пріютовъ и проч. заведеній, Воронцова поразило число нищихъ этого стариннаго и бѣднаго квартала. Онъ первый внесъ 500 ф., и за нимъ пошла подписка всей знати на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ обоего пола. Эта богадѣльня и теперь существуетъ, бюстъ его въ прихожей, и подписано, что онъ ея основатель, и даже улица туда ведущая называется Woronzow - road, Воронцовской. И добрый Евгеній Ив. вноситъ ежегодно 10 шил. и уже имѣетъ право помѣстить какую-нибудь ветхость. Это богадѣльня какія у насъ, а не work-house, которыхъ такъ не терпятъ въ черномъ народѣ здѣсь, а туда то и дѣло что просятся.

Живя постоянно за границей, имѣя мало сообщенія съ земляками, графъ остался вѣренъ всѣмъ обычаямъ своей церкви и родины. Давалъ обѣды и даже по тогдашнему обычаю банкетные столы, и соблюдалъ посты; ему подавали грибной супъ, всю нашу постную стряпню. Камердинеры и многіе другіе слуги были Русскіе. Онъ любилъ

чистоту до утонченія и въ Субботу всегда приказывалъ чистенько вымыть для него полъ-кроны (почти наши цѣлковые), набивалъ ими карманы, и по выходѣ изъ церкви раздавалъ нищимъ на право и на лѣво. Полиція предлагала ему ихъ отгонять; онъ отвѣчалъ: «у насъ такой обычай, послѣ церкви давать нищимъ». Разъ подъ свѣтлый праздникъ онъ сказалъ пѣвчимъ: «Ну вамъ будетъ большой праздникъ; вы знаете, я люблю, чтобы все было чисто, ново, фраки, чулки, башмаки, галстухи». Всѣ такъ и обомлѣли—расходъ большой. Но портной принесъ имъ все съ иголочки къ празднику, и съ той поры такъ и шло. Во то время фельдъегеря, ѣздившіе съ депешами, иногда подолгу живали, ожидая отвѣта; имъ всегда былъ пріютъ въ его посольскомъ домѣ, и они не слишкомъ скучали. Когда былъ посломъ князь Ливенъ, все это измѣнилось. Однажды Воронцовъ въ церкви замѣтилъ человѣка наряженно одѣтаго, усердно молящагося, и спросилъ, кто это. Ему отвѣчали, что это фельдъегерь, уже двѣ недѣли здѣсь живущій и ужасно скучающій, не зная, когда его отошлютъ. Онъ его подозвалъ, нашелъ, что онъ довольно образованъ, велѣлъ прійти къ нему. Разговорившись, удивился его отвѣтамъ о предметахъ вѣры и звалъ къ себѣ обѣдать. Курьеръ еще остался мѣсяцъ и имѣлъ счастье быть почти постоянно въ домѣ графа, а графъ въ свою очередь повторялъ: какъ пріятно видѣть такихъ истинно-образованныхъ Русскихъ!

Гдѣ у насъ теперь такіе послы? Но лучше не думать о томъ, чтó вездѣ творится.

Увы! Увы! Записки не пишутся, потому что много тревогъ, а на дѣло Записокъ нужно спокойствіе и души, и ума. И за тѣмъ прощайте. Если что попадется въ подломъ Парижѣ подъ руку, то сообщу. Остаюсь по-англійски

Your truly

А. Смирнова.

ШУТОЧНЫЯ ЗАПИСКИ И. П. МЯТЛЕВА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

1.

Барыня моя, золотая барыня, барыня миловидная, барыня черноокая.

Такъ какъ вы всегда принимали живое участіе во всѣхъ литературныхъ успѣхахъ и событіяхъ, то я за нужное почитаю вамъ, барынѣ моей, сообщить о литературномъ, можно сказать, феноменѣ, совершающемся у насъ по замѣчанію и опыту моему всегда во время первой и послѣдней недѣль поста, а именно: первоначальная буква К въ словѣ кухня замѣняется буквою П, и выходитъ вмѣсто кухни пухня: человѣкъ ѣстъ себѣ, ѣстъ, ѣстъ, ѣстъ, раздуваетъ его горой, и все онъ сытъ не бываетъ; и поэтому Французскій переводъ извѣстнаго Грибанова на самомъ опытѣ оправдывается, когда онъ Русскій постный обѣдъ называетъ по-французски un dîner postiche. *Заключеніе*: въ этой первой недѣлѣ, которой остается три дня, выключая сегодняшній, въ который я, нижепоименованный, обреченъ на родительскую трапезу, нельзя ли меня, золотая, изумрудная, бирюзовая, коралловая моя барыня, избавить хотя одинъ разъ отъ лукавой пухни и накормить скоромненькимъ, и за таковой грѣхъ вашъ изъ-за ради дружбы, на вашу чистую душу взятый, отслушать вмѣсто меня два-три лишнихъ ефимона?

Остаюсь съ таковымъ предложеніемъ, моя неоцѣненно-жемчужная барыня, вашъ усерднѣйшій слуга, цѣнитель и аматёръ Іоаннъ Безкотлетный.

2.

Нѣчто о пальцѣ моей Музы.

Смирновой пальчикъ—
Бѣдненькій мальчикъ,
Тебя пришибъ
Лакей Филиппъ.
Лакей проклятый,
Лакей женатый
Домой спѣшилъ
И прищемилъ
Барыни руку,
Ей же въ науку—

Такихъ не брать.
Какая стать?
Мужья брюзгливы,
Мужья ревнивы;
Въ житейскомъ быту,
Presque partout.
Гордѣй кухмистеръ
Idées sinisteres
Ему давалъ.
Онъ навѣщалъ
Марѳу лакейку,
Золотошвейку.
Мужъ это зналъ
И трепеталъ...
Хотя скандалецъ
Предупрежденъ,
Но бѣдный палецъ
Нашъ поврежденъ.
Палецъ Смирновой,
Тебя хоть жаль,
Но басни новой
Ты la morale.

3.

Моя барыня Смирнова,
Напишите мнѣ два слова
О своемъ житьѣ-бытьѣ.
Faites moi cette amitié.
Я жъ у Ростопчиной обѣдалъ
И leur coulebiak отвѣдалъ
И узналъ, что въ Фонтенбло
Il y en a des tableaux,
То-есть не tableaux, обои:
Шерстью вытканы герои,
Съ пикой, съ шлемомъ, *à* chevàl,
И ла табль орижиналь,
Гдѣ Наполеонъ великій,
Подстрекаемъ политúкой,
Экриве абдикасьонъ.
Только нуженъ пермисьонъ,
Чтобы все вамъ показали.
Вѣрно тамъ вы не бывали.
Все бы дома... нездорова...
Ахъ, вы барыня Смирнова!

4.

Нѣчто о нѣкоторой дамѣ изъ вороныхъ.

Ворониньку́ю дамочку,
Что́ Музой у меня,
Поставилъ бы я въ рамочку
И цѣлые три дня
Смотрѣлъ бы все, поглядывалъ

И къ сладостнымъ стихамъ
Все рифмы бы прикладывалъ
Я про мою мадамъ.
Она школьно манерная
Бьенъ елеве, умна
Своимъ девуарамъ вѣрная,
Емабильна, скромна.
На фортахъ вы послушайте,
Ке се ке са ле Фильдъ!
Ея дине покушайте,
Ке се ке ле Ротшильдъ!
Хозяйка презатѣйная,
Дворецкій есть Франсуа,
И челядь есть ливрейная
А сервитёръ—се муа!
Притомъ она красавица,
Я ею опьяненъ,
И какъ мертвецкій пьяница,
Все только бы смотрѣлъ.
Какъ въ небѣ звѣзды ясныя,
Глаза ея горятъ
И штучки преопасныя
Для сердца говорятъ..,
Нѣтъ, право бы я въ рамочку
Постановилъ сейчасъ
Воронинькую дамочку
И не спускалъ бы глазъ.

Je viendrai dîner Vendredi. Mais faites moi une petite réponse et un petit remercîment spirituel et joli comme vous-même à ces vers, que j'ai composés quand j'ai reçu votre aimable billet. Autrement, же будере е же не віендре па. Et pouvez-vous faire parvenir le rouleau ci-joint à m-elle Barteneff; c'est une romance avec l'épître suivante:

Ахъ, Бартеньева мамзель *),
Ты не дудка, не свирѣль,
Не волынка, а такое
Что-то чудное, святое,
Что никакъ нельзя понять...
Ты поешь какъ благодать,
Ты поешь какъ упованье,
Какъ сердечное рыданье,

*) Фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева славилась своимъ пѣніемъ. П. Б.

Ты поешь какъ самъ Амуръ,
Въ дни, когда фезе ла куръ
Душенькѣ и ей являлся
Въ сладкомъ снѣ и добивался
Къ ея милости въ мужья.
Чортъ ли въ пѣснѣ соловья,
Въ пѣснѣ Гризи! Какъ твой голосъ
Зазвучитъ, вдругъ дыбомъ волосъ,
Сердце все расшевелитъ,
Даже брюхо заболитъ.

5.

Александрѣ Осиповнѣ Смирновой передъ тѣмъ, чтобы....

Если чѣмъ я васъ фаше,
Или мебель вамъ таше,
Или на коверъ краше
Иль неловко акроше
Столикъ де папье-маше...
Пардоне муа ме пеше!

*

Ежели я васъ фаше
Тѣмъ, что въ вашъ платокъ муше,
Тѣмъ, что на мозоль марше,
Тѣмъ, что пѣньемъ экорше
Уши, киль фалле буше...
Пардоне муа ме пеше!

*

Если же я васъ фаше
Тѣмъ, что слишкомъ депеше,
Обогналъ я ле коше,
Что́ всегда васъ возитъ ше
Лезъ ами дю Ронъ Марше *)...
Пардоне муа ме пеше!

*

Если же за то фаше,
Что пленъ дюнъ амуръ каше,
Донъ ле вуаль этъ арраше,
Прековарно же шерше

*) Карамзины жили у Круглаго Рынка.

Ваше сердце де туше...
Пардоне муа ме пеше!

*

Благочестная въ душѣ,
Вы исполнить все таше,
Чтò религія преше;
Богъ вамъ дастъ бьенъ акуше...
Такъ не будьте же фаше,
Пардоне муа ме пеше!

6.

О вы, мой rêve, ибо я реву уже болѣе года весьма частыми пріемами о томъ только, что васъ, мою вороненькую мысль, не вижу. О вы, мой ревъ, parce que je rêve sans cesse de vous, моя фантастическая дама! О вы, истинная, настоящая мать Курдюковой, ибо вы ее родили: я о васъ думалъ все время, писавъ ея нашептыванія. О вы, которой одной она посвящена и принадлежитъ. О вы, наконецъ, Смирниха моя сердечная, еелибы, какъ другія Европейскія дамы, имѣли бы, чтò Французы зовутъ ле санъ коменъ, то вы бы ужаснѣйшій знакъ любви моей видѣли въ томъ, что я, страшный аматеръ ортолановъ, еще не былъ у васъ: у меня сынъ боленъ былъ скарлатиною; я боялся для всѣхъ этихъ милыхъ куплетовъ, которые вамъ сдѣлалъ практическій поэтъ Н. Смирновъ. Должно, чтобы васъ увидѣть, за полсутки быть ассюрованнымъ отъ моего сынка и приготовиться васъ утѣшить, какъ попъ приготовляется къ обѣднѣ. Проскомидія будетъ совершена съ Четверга на Пятницу или съ Пятницы на Субботу, *си ву вуле*; только дайте знать, да къ пріятелямъ прибавьте, если можете, Крылова, ибо и о немъ заговариваетъ ваша дочка, и не худо бы, чтобы и онъ слышалъ. Извѣщаю васъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей въ моей Парнасской конюшнѣ: четверни болѣе нѣтъ; вы одна въ корню съ колокольчикомъ; но со вчерашняго дня вамъ припряжена на пристяжку съ позвонкомъ, буде хочетъ загибаться и кольцомъ, милая, прелестная, идеальная моя дама полотняная; а кто она такая, узнаете отъ Карамзиныхъ и отъ Вяземскаго. Да нельзя ли и Софью Николаевну Карамзину прикомандировать къ обѣду? Руку не цѣлую; же фере селя лично, когда позволите.

Стерлядь-Жанъ.

(*Сообщено Ольгой Николаевной Смирновой*).

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОКОРЕНІИ ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

Съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ прочиталъ я, въ 8-й кн. «Русскаго Архива», замѣтку барона А. П. Николаи «Къ исторіи покоренія Восточнаго Кавказа».

При всемъ моемъ высокомъ уваженіи къ автору, я, однако, не вполнѣ раздѣляю его взглядъ на нѣкоторыя стороны Кавказскихъ военныхъ дѣйствій и не могу подчиниться обвиненію въ умаленіи заслугъ князя Воронцова и въ писаніи панегирика вмѣсто исторіи. Прежде всего, я пишу лишь біографію князя Барятинскаго въ государственномъ ея значеніи и, естественно, онъ у меня на первомъ планѣ: входить въ оцѣнку дѣйствій другихъ лицъ я могу отчасти, насколько ихъ дѣятельность связывалась съ указаніями князя, правильнѣе съ исполненіемъ его распоряженій. Неудивительно поэтому, что я не распространяюсь о заслугахъ князя Воронцова или другихъ предмѣстниковъ князя Барятинскаго: это дѣло исторіи Кавказской войны или біографовъ тѣхъ лицъ.

Совершенно понятно, что баронъ Николаи, какъ одно изъ приближеннѣйшихъ лицъ, пользовавшійся почти родственнымъ расположеніемъ князя Воронцова, дорожить его памятью и желаетъ охранить ее отъ малѣйшей тѣни, могущей ослабить значеніе его государственныхъ заслугъ; но и я принадлежу къ числу тѣхъ старыхъ Кавказскихъ служакъ, для которыхъ память о князѣ Воронцовѣ дорога̀, которые съ согрѣвающимъ старческую кровь чувствомъ вспоминаютъ о годахъ командованія князя Михаила Семеновича, о его заслугахъ Кавказскому краю. Я попрошу барона Александра Павловича прочитать мою статью о князѣ Воронцовѣ и Н. Н. Муравьевѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (Сентябрь 1874 г.), мою Исторію Кабардинскаго полка, мои «25 лѣтъ на Кавказѣ», не говоря о многихъ, въ разныхъ изданіяхъ, разбросанныхъ статьяхъ, наконецъ, 1-й томъ Біографіи князя Барятинскаго, гдѣ я, именно съ цѣлью показать, какъ князь Воронцовъ понималъ важность дѣйствій въ Чечнѣ, помѣстилъ дословно всѣ его письма (за что рецен-

зенты упрекали меня). И, прочтя все это, баронъ Александръ Павловичъ, надѣюсь, убѣдится, что я не голословно причисляю себя къ поклонникамъ князя Михаила Семеновича.

Возраженія автора замѣтокъ можно раздѣлить, главнымъ образомъ, на два пункта: 1-й, что князь Барятинскій не могъ бы покончить съ Восточнымъ Кавказомъ въ три года, еслибы не предшествовавшія дѣйствія князя Воронцова съ 1846 года, и 2-й, что осада Дагестанскихъ укрѣпленныхъ ауловъ была необходима, уподобляясь взятію отдѣльныхъ фортовъ, прикрывающихъ осажденную крѣпость.

Что̀ касается перваго пункта, то почему же подготовку считать только съ 1846 года? Почему не съ 1806 г. и даже не съ 1796 года? Неоспоримо, что не будь занятъ Терекъ, нельзя было бы занять Сунжи; не будь занята Кубань, нельзя было бы думать занимать Лабу; не будь Владикавказа, Грозной, Внезапной, Темиръ-Ханъ-Шуры и пр., мы ни въ три, ни въ двадцать три года не могли бы покончить съ Кавказомъ. Начиная съ Суворова, ставившаго по Кубани укрѣпленія въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, съ князя Циціанова, упрочившаго Русскую власть за Кавказомъ, съ Ртищева, усмирившаго Хевсуръ и другихъ горцевъ, чѣмъ онъ обезопасилъ сообщенія съ Россіею, съ Ермолова, построившаго Грозную, Внезапную, Бурную и много другихъ важныхъ постовъ, Паскевича, основавшаго Закаталы, кончая Головинымъ, устроившимъ укрѣпленія Евгеніевское, Ахты и т. д., всѣ бывшіе главнокомандующіе, кто больше, кто меньше, были подготовителями. Еслибы князь Воронцовъ, пріѣхавъ въ 1845 г. на Кавказъ, не засталъ Владикавказа, Грозной, Назрана, Казакъ-Кичу, Воздвиженской (построенной при ген. Нейдгардтѣ), Внезапной, Герзель-аула, Куринскаго и др., могъ ли бы онъ повести навязанную ему въ Петербургѣ Даргинскую экспедицію, или начать систематическія дѣйствія въ Чечнѣ, или наступленіе въ Дагестанѣ? Точно также и князь Барятинскій, пріѣхавъ въ 1856 году и не найдя всего выше сказаннаго, очевидно не могъ бы приступить къ рѣшительному, радикальному покоренію Чечни, занятію Веденя и послѣднему удару владычеству Шамиля на Гунибѣ. Еслибы ему предстояло занимать Сунжу, предгорія на Кумыкской плоскости, или Акуту, Цудахаръ, Кази-Кумухъ и теченіе Самура въ Дагестанѣ, или земли Джаро-Бѣлоканцевъ въ Грузіи, то едва-ли всей жизни его достало бы дойти до Гуниба. Но что онъ въ три года покончилъ съ Восточнымъ Кавказомъ, это фактъ неоспоримый и, говоря объ этомъ, я не сочиняю панегирика, а только заявляю о дѣйствительномъ событіи тѣмъ болѣе несомнѣнномъ и важномъ, что, судя по дѣйствіямъ его предшественниковъ, это не было бы достигнуто ни въ три, ни въ тридцать лѣтъ. Таково мое полнѣйшее убѣжденіе. И

покончилъ князь Барятинскій въ три года не только потому, что ему оставили лишнихъ двѣ дивизіи (всѣмъ главнокомандующимъ на Кавказѣ постепенно увеличивали число войскъ, и князь Воронцовъ въ 1846 г. тоже сформировалъ новую дивизію), а потому, что онъ повелъ дѣло съ того фланга, съ котораго и можно было покончить съ сопротивленіемъ Шамиля, потому что избралъ вполнѣ соотвѣтствующаго исполнителя-генерала Евдокимова и, что́ еще важнѣе, потому, что онъ ясно опредѣлилъ цѣль, къ которой слѣдовало стремиться, получилъ высшую санкцію мѣрамъ, требовавшимся для достиженія этой цѣли, убѣдилъ въ необходимости пожертвовать бо́льшими средствами въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чѣмъ расходовать хоть и меньшія, но безконечно. До князя Воронцова, собственно говоря, даже не было твердо опредѣлено: чего мы хотимъ на Кавказѣ? Полнаго покоренія, превращенія въ Русскую область, или усмиренія, обезпеченія нашихъ предѣловъ, т.-е. Терека, Кубани, Алазани? Развѣ не велись еще серьезныя рѣчи о мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ горцами, о какомъ-нибудь modus-vivendi съ ними? Развѣ еще въ 1855 году генералъ Муравьевъ не думалъ, что полезно было бы съ Шамилемъ войти въ мирные переговоры, посуливъ ему нѣчто въ родѣ учрежденія династіи подъ нашимъ покровительствомъ? Развѣ и самому князю Барятинскому еще позже не писали, чтобы онъ оставилъ блестящія экспедиціи въ горы и предался мирныхъ занятіямъ въ роли скромнаго губернатора?

Князъ Воронцовъ, очевидно, считалъ необходимою полную покорность горцевъ Восточнаго Кавказа, но все же эта цѣль какъ будто не вполнѣ, не категорически была уяснена, и самая возможность конечнаго покоренія казалась всѣмъ чѣмъ-то мечтательнымъ, едва ли осуществимымъ. Только князь Барятинскій былъ вполнѣ убѣжденъ въ этой возможности и убѣдилъ въ этомъ кого слѣдовало, и не только въ отношеніи Восточнаго, но и Западнаго Кавказа, прямо поставивъ вопросъ о выселеніи Черкесовъ и настоявъ на своемъ, не взирая на возраженія цѣлаго конклава либераловъ.

Баронъ Александръ Павловичъ, говоря о заслугахъ кн. Барятинскаго, предоставляетъ ему славу блестящаго окончанія Кавказской войны, подчеркивая слово *окончаніе*. Да; но вѣдь конецъ-то и вѣнчаетъ дѣло, finis coronat opus. Я потому и сказалъ въ біографіи: «Итакъ, въ три года съ Восточнымъ Кавказомъ было покончено». А что подготовка къ окончанію была произведена всѣми предшественниками кн. Барятинскаго и болѣе всего кн. Воронцовымъ, этого я вовсе не оспариваю, хотя самая Чечня, и Малая, и Большая, и Аухъ, не говоря о самомъ важномъ—Аргунскомъ ущельѣ, пали окончательно только благодаря дѣйствіямъ 1856—1859 годовъ, а до того они были лишь нѣ-

сколько потрясены, но держались и могли держаться еще очень крѣпко и долго Изъ подробнаго описанія дѣйствій Н. И. Евдокимова за эти годы, надѣюсь, это довольно ясно видно. Князь Барятинскій засталъ и Чечню плодомъ далеко недозрѣлымъ; паденія его пришлось бы ожидать еще много времени, но онъ рѣшилъ лучше подрубить подъ корень самое дерево, а съ нимъ упалъ и плодъ.

Высокоуважаемый авторъ замѣтки, по поводу которой я пишу эти строки, сравниваетъ Кавказъ съ Севастополемъ, съ крѣпостью, которую слѣдовало осаждать. Правильность такого сравненія можетъ быть оспариваема; но было бы слишкомъ долго входить здѣсь въ теоретическія военныя разсужденія о различіи осады одного какого-либо укрѣпленнаго пункта, защищаемаго гарнизономъ съ покореніемъ цѣлой страны (и какой страны!), защищаемой милліоннымъ населеніемъ, борющимся во имя религіи, свободы, независимости, во имя отстаиванія своихъ вѣковыхъ обрядовъ и привычекъ, народонаселенія воинственнаго, не выпускавшаго, со временъ глубокой древности, оружія изъ своихъ рукъ, наконецъ, повинующагося деспотической, жестокой, безконтрольной власти. Сами событія опровергаютъ это сравненіе, именно по второму пункту, поставленному авторомъ замѣтки. Онъ говоритъ, что занятіе Гергебиля и Салты и уничтоженіе этихъ непріятельскихъ укрѣпленій входили въ систематическій планъ правильной осады Дагестанской твердыни, слѣдовательно не были безцѣльными, какъ я ихъ назвалъ. Но если такъ, то къ чему же повели двухлѣтнія кровавыя усилія взять Гергебиль? Не успѣли наши отряды уйти оттуда, какъ Шамиль тутъ же построилъ новое, болѣе сильное укрѣпленіе Улу-Кала (Кикулы), которое мы уже не пошли брать. Мы взяли въ 1847 году, съ большими жертвами, Салты; но это не подвинуло насъ ни на шагъ къ покоренію Дагестана, а укрѣпленія Ходжалъ-Махи и Цудахаръ, основанныя для защиты покорной намъ части средняго Дагестана, мы могли построить и безъ взятія Салты. Въ слѣдующемъ же году послѣ Гергебиля, мы пошли брать сосѣднее непріятельское укрѣпленіе Чохъ, но, не взирая на большія средства, взять его не могли, а затѣмъ совсѣмъ отказались не только отъ Чоха, но и вообще отъ этихъ овладѣній Шамилевскими крѣпостями, убѣдившись въ совершенной безплодности жертвъ на это дѣло. Камня, рабочихъ рукъ и крѣпкихъ позицій въ Дагестанѣ было очень достаточно; Шамиль могъ каждый годъ возводить новыя укрѣпленія, съ удовольствіемъ привлекая къ нимъ наши силы и отвлекая ихъ отъ того слабаго пункта Чечни, откуда только и можно было обойти въ тылъ Дагестанскую твердыню, заставивъ ее

пасть почти безъ сопротивленія *). Это и доказали послѣдующія событія: когда князь Барятинскій, оставивъ Дагестанъ въ покоѣ, обратилъ всѣ силы на Чечню, прорвался за ея лѣсныя трущобы къ Веденю и въ Андію, тогда и Улу-Кала, и Чохъ, и Ирибъ сами собою пали, безъ всякихъ осадъ и штурмовъ. Еслибы онъ раздѣлялъ тотъ взглядъ, что Восточный Кавказъ—крѣпость, для овладѣнія которою нужно брать передовые форты, какъ Французы брали Малаховъ курганъ, то пошелъ бы тоже къ означеннымъ укрѣпленіямъ Шамиля; однако онъ этого не сдѣлалъ, очень хорошо помня безплодность экспедицій 1847—1848 годовъ, въ чемъ, какъ сказано, убѣдился и самъ князь Воронцовъ, да понялъ и императоръ Николай, написавъ собственноручно на донесеніи о результатахъ экспедиціи къ Чоху: «или неудача, или *безплодная трата людей на безплодную экспедицію*». (Слова эти изъ деликатности не были оффиціально сообщены князю Воронцову; я ихъ читалъ въ дѣлахъ Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба.) И потому, съ 1849 года князь Воронцовъ уже измѣнилъ систему дѣйствій, перейдя исключительно въ наступленіе изъ Чечни, а въ Дагестанѣ лишь къ оборонѣ.

Полагаю, что послѣ этого баронъ Николаи измѣнитъ свое убѣжденіе, будто бы «въ первый періодъ систематическаго плана уничтоженіе этихъ ауловъ было столько же необходимо, какъ въ послѣдній періодъ было взятіе Веденя и что еслибы въ 1856 году Гергебиль и Салты были еще укрѣпленными непріятельскими аванпостами, то князь Барятинскій въ три года не покорилъ бы Восточнаго Кавказа». И Улу-Кала (на мѣстѣ бывшаго Гергебиля), и Чохъ, и Ирибъ преспокойно существовали, а князь Барятинскій все-таки въ теченіе трехъ лѣтъ покорилъ Восточный Кавказъ.

Въ чемъ же нарушеніе мною исторической правды? Нѣтъ, въ этомъ отношеніи я не считаю себя заслуживающимъ упрека. Готовъ согласиться, что біографія не полна, неумѣло написана, не интересна и т. д. (я въ предисловіи къ І-му тому заранѣе предупредилъ, что буду очень радъ, если мой трудъ послужитъ матеріаломъ для болѣе талантливой біографіи, какую князь Барятинскій вполнѣ заслуживаетъ); но неправды, подтасовки фактовъ для сочиненія панегирика у меня нѣтъ.

Самъ авторъ замѣтки, во вступленіи къ ней, говоритъ, что покойный фельдмаршалъ князь Барятинскій былъ одаренъ замѣчательными боевыми (правильнѣе военными) способностями, хотя многіе ему упорно

---

*) Въ моей Исторіи Кабардинскаго полка, томъ III, стр. 31, 44, 45, 53, 54, 57, 58, можно найти объ этомъ бо́льшія подробности.

въ томъ отказывали *). Я прибавлю, что не только отказывали, но отказываютъ и до сихъ поръ. Поэтому, я и имѣю цѣлью въ его біографіи дать основанія для измѣненія такого упорнаго непризнаванія его замѣчательныхъ талантовъ и, мало того, показать, что, кромѣ выдающихся военныхъ способностей, онъ обладалъ и другими, чрезвычайно важными для всякаго главнокомандующаго качествами: прозорливостью, умѣньемъ привлекать къ себѣ войска, внушать имъ полное къ себѣ довѣріе, находчивостью и умѣньемъ выбирать людей. Д. А. Милютинъ и Н. И. Евдокимовъ показали, что̀ значитъ, когда настоящій человѣкъ поставленъ на соотвѣтственное мѣсто. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ князю Воронцову, посадившему въ Дагестанъ князя Аргутинскаго и на лѣвый флангъ того же князя Барятинскаго.

Кто покорилъ Кавказъ и прекратилъ почти вѣковую войну, стоившую Россіи страшныхъ жертвъ и связывавшихъ ей руки въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ? Князь Барятинскій. Кажется, одного этого достаточно, чтобы не было надобности умалять заслуги другихъ или придумывать небывальщину для сочиненія панегириковъ.

Повѣрьте, настанетъ время, когда Россія, пересчитывая своихъ сыновъ, наиболѣе послужившихъ ея возвеличенію, ея славѣ, не пропуститъ князя Александра Ивановича Барятинскаго и воздастъ должное его памяти, какъ никогда не будетъ забытъ ею и князь М. С. Воронцовъ.

А. Зиссерманъ.

Октябрь 1889.
С. Лутовиново, близъ Тулы.

---

*) Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на дневникъ покойнаго П. X. Граббе: „Строгій судъ общественнаго мнѣнія постигнетъ расточительность средствъ всякаго рода, военныхъ, финансовыхъ, незаслуженной власти и произвола допущенныхъ нынѣшнему *никакими заслугами* (?!), *ни свѣдѣніями* (?!!), ни опытностью не приготовленному правителю Кавказа“. Вотъ и умный человѣкъ, а каково сужденіе! (Р. Архивъ, книга, 10-я 1889 г., стр. 739).

ИЗЪ БУМАГИ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА *).

IV.

Письмо И. С. Аксакова.

3 Февраля 1874 г. С. Туроко.

Ваше письмо сильно заинтересовало меня, любезнѣйшій Никита Петровичъ. Очень жалѣю, что, въ бытность мою въ Москвѣ, я не затащилъ васъ и вашего сына, 20 Января, на чтеніе въ Обществѣ Любителей Р. Слов., именно на мое чтеніе о поэзіи Тютчева. Я излагалъ тутъ цѣлый трактатъ о судьбѣ Русской поэзіи, или Русскаго стихотворчества, и гадалъ о его будущемъ; но всѣ эти трактаты, конечно, могутъ быть разомъ опровергнуты появленіемъ новаго, могучаго и *оригинальнаго* таланта. Объ этомъ распространяться было бы слишкомъ долго. Я думаю, что поэзія въ стихотворной формѣ (замѣтьте притомъ: чужой и заемной) у насъ моментъ отжитой. Поэзія Пушкинскаго періода носитъ на себѣ *историческій признакъ*, именно признакъ исторической *необходимости*, искренности, не только личной, авторской, но и исторической. Она запечатлѣна *свѣжестью* формы; на самой формѣ слышна *побѣда* надъ матеріаломъ искусства (словомъ), чувствуется радость художническаго обладанія. Она была «священнодѣйствіемъ»; отношеніе къ искусству походило на *вѣру* въ искусство. Во всѣхъ искусствахъ были такіе моменты, и они не повторяются. Въ техническомъ отношеніи живопись, напримѣръ, ушла безмѣрно далеко послѣ Рафаэля; но триста лѣтъ послѣ Рафаэля представляютъ только рядъ безплодныхъ усилій усвоить себѣ его манеру, приблизиться къ нему. Тоже и въ Русской поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ искусства въ словѣ, выражающагося въ данной стихотворной формѣ. Никакимъ анализомъ не опредѣлите и не уловите вы прелесть стиховъ Пушкина, Тютчева и проч., независимо отъ содержанія. Можно указать сотни тысячъ стиховъ несравненно блестящѣе, искуснѣе въ техническомъ отношеніи, но

---

*) См. выше, стр. 263.

преимущество прелести, свѣжести, искренности всегда остается за ними. Эта историческая печать свѣжести не сотрется.

Въ поэзіи нашего времени недостаетъ искренности, а главное нѣтъ raison d'être: стихи новѣйшіе какъ-то ненужны.

Конечно Русская поэзія нѣсколько въ иныхъ условіяхъ: не всѣ струны народной души прозвучали; самое просвѣщеніе, давшее бытіе нашей литературной поэзіи, не есть продуктъ народнаго духа; наконецъ, форма стихотворная, съ ея рифмами и проч., чужая. Очень можетъ быть, для нашей поэзія настанетъ періодъ возрожденія, новый періодъ искренности, въ *новой*, болѣе *оригинальной*, болѣе *народной* формѣ. Циклъ поэтовъ Германіи замкнулся Гейне, поэтомъ уже отрицательнаго направленія. У насъ тоже на рубежѣ историческаго періода поэзіи стоитъ Лермонтовъ. Отъ отрицательнаго до тенденціознаго направленія (гдѣ поэзія обращается въ средство, отодвигается на задній планъ) одинъ только шагъ. У насъ онъ былъ пройденъ. Конечно, Майковъ, Фетъ, Полонскій люди съ талантомъ, но они лишены внутренней силы: имъ уже не дано властительства надъ умами. Я знаю мальчиковъ лѣтъ 12-ти, отлично владѣющихъ стихомъ; но въ этомъ стихѣ нѣтъ оригинальности, это все только отзвуки.

Но, какъ я вамъ говорю, всѣ мои разсужденія легко могутъ быть опрокинуты разомъ—появленіемъ какого-нибудь А. Г. или кого другаго.

Нужна особенная осторожность, какъ и вы пишите, въ обращеніи съ его дарованіемъ. Его дарованіе несомнѣнно; но надобно, чтобъ изъ этого дарованія не вышло пустоцвѣта. Стихами и языкомъ онъ владѣетъ мастерски, хозяиномъ; но это только внѣшняя сторона дарованія, на которой остановиться нельзя. Выйдетъ ли изъ него замѣчательный поэтъ-художникъ, я еще не берусь сказать. Все будетъ зависѣть отъ того содержанія, которое онъ привнесетъ въ послушную ему вещественную форму, отъ тѣхъ запросовъ, которые въ немъ самомъ выработаются.

Прежде всего, мнѣ кажется, вовсе не нужно *поощрять* его къ писанію *оригинальныхъ* стиховъ, т. е. къ сочиненію стиховъ. *Коли сами напишутся*— другое дѣло, *по внутренней потребности*; а въ эти годы сформировать изъ себя виртуоза съ дешевою властью надъ вдохновеніемъ было бы гибельно для таланта. Образуется преждевременная зрѣлость: отцвѣтетъ, не дозрѣвъ. Печатать оригинальныхъ стихотвореній вовсе не нужно. Это значило бы придавать имъ особенную важ-

ность; а въ томъ все дѣло, чтобъ онъ не относился съ важностью къ своему 17 лѣтнему поэтическому авторству. Вы прислали мнѣ только одно оригинальное стихотвореніе. Оно очень мило и граціозно; но одно мнѣ не нравится: *оно не молодо*, въ немъ не слыхать 17-ти лѣтняго юноши. Ахъ, еслибъ можно было подержать его немножко, чтобъ онъ не *исписался* преждевременно; еслибъ можно было ему годика на два заговѣться!...

Другая статья—переводы. Вы хорошо сдѣлали, что налегли на нихъ. Конечно, жаль, что Гейне онъ предпочитаетъ прочимъ Германскимъ поэтамъ; авось этотъ дурной вкусъ пройдетъ съ годами. Переводить Гейне также вредно: слишкомъ легко. Изо всѣхъ присланныхъ вами переводовъ мнѣ больше всего нравится переводъ изъ Катулла. Это прелесть, отъ него вѣетъ оригинальностью подлинника, да и самый размѣръ—античный. Анакреона я въ подлинникѣ не читалъ; но неужели *размѣръ* перевода, ужъ вовсе не античный, схожъ съ размѣромъ подлинника? Настойте на переводѣ Гомерова Ахиллесова щита непремѣнно. Во всякомъ случаѣ предъявляйте ему *строгія* художническія требованія, чего вы, мой дорогой, кажется мнѣ, не дѣлаете. Вотъ вамъ обращикъ подобныхъ требованій. Напримѣръ вы привели мнѣ переводъ изъ Гёте. Я бы сказалъ на вашемъ мѣстѣ молодому человѣку, даже нѣсколько утрируя, слѣдующее: «Переводъ не хорошъ, не вѣренъ. Эти восемь стиховъ у Гёте образцовое художественное произведеніе по простотѣ и точности выраженій. Во первыхъ: «тишина *паритъ надъ* моремъ» не хорошо. У Гёте тишина царитъ *въ* водахъ: образъ реальнѣе и проще.

Далѣе: *Вѣтры* стихнули *опять*. Вы сейчасъ чувствуете, что это *опять* прибавка переводчика, и дурная прибавка. Развѣ вѣтры уже стихали прежде? Развѣ о томъ говорилось? Развѣ это переводъ стиха: Ohne Regung ruht das Meer? «Вѣтры стихнули», а черезъ два стиха:

Нѣтъ ни вѣтра, ни дыханья.

Два раза повторяется слово *вѣтеръ*, два раза одинъ и тотъ же штрихъ картины. Въ подлинникѣ конечно этого нѣтъ. Далѣе:

И *морякъ* глядитъ печально
На синѣющую гладь.

Морякъ—не то что̀ Schiffer, и вы чувствуете, что здѣсь *озабоченно* глядитъ (bekümmert) именно корабельщикъ, котораго интересъ въ томъ, чтобъ корабль не останавливался. *Синѣющая* гладь: эпитетъ, котораго

нѣтъ въ подлинникѣ и который здѣсь вовсе не нуженъ. Дѣло могло быть и ночью, и при туманѣ. Это лишнее.

Todesstille fürchterlich!

Слабо переведено стихомъ: «гробовая тишина»; надо было бы передать самое fürchterlich.

Море спитъ. *Въ прозрачной дали*
Не колышется волна.

Въ прозрачной дали — никуда не годится. Не говоря о томъ, что это выраженіе само по себѣ обратилось уже въ общее мѣсто, оно вовсе не передаетъ мысли подлинника. Не въ томъ дѣло, что даль *прозрачна*, совсѣмъ не въ томъ, а въ томъ, что это *ungeheure Weite*, необъятный просторъ, на которомъ не колышется волна. Требуйте, ради Бога, отъ вашего юноши именно *точности* всѣхъ качественныхъ опредѣленій, строгой мѣткости эпитетовъ, чѣмъ отличаются Пушкинъ и Тютчевъ. Есть переводъ этого же стихотворенія, если не ошибаюсь, у Лермонтова; но и его нельзя назвать хорошимъ. Всего лучше переводъ моего брата, Конст. Серг., напечатанный въ Московскомъ Наблюдателѣ 1839 года, кажется.

Вотъ онъ, почти буквально вѣренъ:

Тишина легла на воды,	Tiefe Stille herrscht in Wasser,
Безъ движенья море спитъ,	Ohne Regung ruht das Meer,
И съ досадой корабельщикъ	Und bekümmert sieht der Schiffer
На поверхность водъ глядитъ.	Glatte Fläche rings umher.
Вѣтръ не вѣетъ благодатный,	Keine Luft von keiner Seite,
Тишина какъ смерть страшна,	Todessille fürchterlich!
На пространствѣ необъятномъ	In der ungeheuern Weite
Не подымется волна.	Reget keine Welle sich.

Сличите-ка этотъ переводъ съ подлинникомъ.

Вы хотѣли было издать книгу подъ названіемъ *Учебный Досугъ*. Издать можно; но во первыхъ не съ этимъ заглавіемъ. Это заглавіе какъ бы говоритъ: я еще учусь; подивитесь-ка, какъ я молодъ, а уже какъ много знаю, и проч. и проч., будьте ко мнѣ снисходительны и т. д. Если учишься, такъ погоди пускаться въ *авторство*. Нѣтъ вреднѣе *авторства* для юноши. Вы это понимаете очень хорошо. Во вторыхъ: печатать можно только *переводы*, но не оригинальныя стихотворенія: пусть погодитъ, позрѣетъ немножко.

Я пишу для васъ, надѣясь, что моего письма не покажете юношѣ. Повторяю: талантъ изъ ряду вонъ; но нужно его беречь, нужно сохранить въ немъ свѣжесть и оригинальность, нужно развить въ юношѣ требованія художнической строгости. Желательно было бы выкурить изъ него вкусъ къ Гейне и къ эротической поэзіи.

V.

Н. П. Гиляровъ къ ***.

(О разсказѣ: „Чѣмъ люди живы").

Милостивый государь. Мнѣ передали желаніе (вамъ ли оно принадлежитъ или тому только, кто передавалъ его, не знаю), чтобы въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» была перепечатана рецензія ваша на разсказъ Толстаго «Чѣмъ люди живы». Еще ранѣе того я обратилъ вниманіе на эту рецензію и хотѣлъ—не перепечатать ее, а напротивъ отвѣчать на нее. А еще ранѣе того хотѣлъ самостоятельно писать о сказанной повѣсти и даже всю ее перепечатать. Но то и другое я раздумалъ: вмѣсто пользы можешь сдѣлать вредъ. Теперь, послѣ вашей рецензіи, можетъ быть я и возвращусь къ прежнему своему намѣренію иллюстрировать повѣсть Толстаго, съ тѣмъ чтобы ослабить то охлаждающее, разлагающее дѣйствіе, которое могла произвести ваша рецензія на тѣхъ, кто ее прочиталъ.

Знаете, кого мнѣ напомнила ваша рецензія? Можете гордиться, если хотите, но я не сталъ бы гордиться. М. Филарета! Филарета съ его придирчивостью. Отъ поэтическаго разсказа вы требуете *обстоятельности*, хотите, чтобы онъ былъ докладной запискою, и если какая-нибудь сторона дѣла упущена, говорите: это не годится, это не свято, это не христіански: черта, которою покойный Филаретъ засушилъ многихъ, загубилъ дарованія, затопталъ труды, дѣйствіе которыхъ на общество было бы самое спасительное; черта, въ силу которой покойный, великій умъ, съ *искреннимъ, добросовѣстнымъ* презрѣніемъ и негодованіемъ отзывался напримѣръ объ Иннокентіи. А что̀ христіански воспитательнѣе дѣйствовало и дѣйствуетъ, проповѣди ли Иннокентія, безупречныя со стороны точности и обстоятельности, или Филарета? Филаретовское слово—пища для мыслителя; а воспитывать и сердце, и жизнь въ христіанствѣ способнѣе безспорно слово Иннокентія. Я покойному Филарету лично говаривалъ о неумѣстности его придирчивыхъ замѣчаній и указывалъ на притчу о приставникѣ, которая, если ее судить съ точки зрѣнія обстоятельности, учитъ мошенничеству. Филаретъ къ старости сдѣлался менѣе взыскательнымъ, даже перешелъ предѣлы, одобряя такія напримѣръ изданія, какъ *Православное Обозрѣніе.*

Человѣкъ безспорно умный, вы поймете, что̀ я хочу сказать. Ваши замѣчанія на повѣсть Толстаго вѣрны, если судить о повѣсти, какъ о попыткѣ преподать сокращенное ученіе о христіанскихъ обязанностяхъ или объ обязанностяхъ человѣка вообще; ваше сужденіе вѣрно, поколику вы анализируете и духовный возрастъ автора. Но вы отправляетесь отъ ложной точки. Скажу болѣе: все сказанное вами пришло вамъ въ голову именно потому только, что вы уже знаете воззрѣніе Толстаго, знаете катихизисъ, которымъ онъ ограничивается, и вы ему читаете лекціи. Напрасно! Подумайте о читателяхъ, станьте на ихъ точку, взявъ притомъ сердца непосредственныя, неразвращенныя умомъ, каковы—дѣтей и народа. Какое дѣйствіе долженъ произвести на нихъ разсказъ? По моему мнѣнію, въ высшей степени благое, воспитательное. Я видѣлъ опыты. А вы подходите съ разлагающимъ ножемъ и говорите: это не свято, это не такъ, здѣсь не достаетъ уясненія необходимости страха, я не вижу вліянія отцовъ. Вы чуть не говорите, что это вредно. Да нѣтъ, вы и говорите: это *Жоржъ Зандъ*. Это *Сенсимонисты*. Остановитесь! Во первыхъ, это исторически невѣрно: не Жоржъ Зандъ, не Сенъ-Симонъ обучилъ Толстаго: онъ «своимъ умомъ дошелъ». Въ этомъ, если хотите, и главный недостатокъ Толстаго, о которомъ я ему лично докладывалъ,—избытокъ творчества, нежеланіе принять чей нибудь авторитетъ безъ провѣрки личной, разумѣется, а потому, хотя бы у геніальнаго ума, ограниченной и подверженной ошибкамъ. А во вторыхъ, если на то пошло, кого вы предпочтете, Сенъ-Симона или Юханцова? Пусть лучше не будетъ никакого воспитателя нравственности, если нравственныя книжки будутъ выходить безъ цитатъ изъ отеческихъ твореній, безъ ссылокъ на церковныя формулы; нужды нѣтъ, что въ сознаніи общества формулы эти обратились въ стертый пятіалтынный, утратившій «образъ и написаніе». И мы пережили этотъ періодъ, когда запрещался Русскій перево́дъ Священнаго Писанія, когда запрещенію подвергнуты были духовно-нравственныя книжки за то, что они были лютеранскаго происхожденія, хотя учили христіанской нравственности вообще, не касаясь различій догматическихъ, лютеранства и православія. Слава Богу, книжки эти, хотя чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, снова появились, и именно тѣже самыя, которыя я читывалъ въ дѣтствѣ и которыя—говорю про свой личный опытъ—дѣйствовали самымъ благимъ образомъ на нравственное воспитаніе. Но вѣдь мы видимъ, къ чему и привела эта неумѣренная ревность о формѣ, о буквѣ православія. Духъ отлетѣлъ, и мы получили поколѣніе, котораго правую сторону представляютъ Юханцовы разныхъ наименованій, другую—нигилисты разныхъ степеней.

Хотите, я вамъ скажу, какъ вкратцѣ назвать основаніе вашего нравственнаго міровоззрѣнія. Не обидьтесь: фарисейство, фарисейство не въ смыслѣ лицемѣрія, котораго, разумѣется, я не заподозрѣваю, а въ смыслѣ преувеличеннаго служенія буквѣ и формѣ. Это общественное начало, которому противостоитъ другое, столь же одностороннее, раціонализмъ саддукейства. Истинной духовной жизни не даетъ ни то, ни другое.

Эту самую мысль я и хотѣлъ развить въ рецензіи на вашу рецензію, но, какъ сказано, остановился. Слово есть серебро, но молчаніе часто есть не только золото, но брилліантъ. Въ краткое поясненіе я вамъ скажу только, что фарисейство (въ томъ общеміровомъ смыслѣ, въ которомъ я его беру) приводитъ къ ниспроверженію самыхъ святѣйшихъ началъ и личной и общественной нравственности, къ Лойолѣ и Торквемадѣ. «Повинуйся церкви», «ея ученіе есть истина»—вѣрно; но отсюда выводится, что Галилея сажаютъ въ тюрьму, другихъ влекутъ на костеръ, третьимъ ломаютъ члены за неосторожное слово, за добросовѣстное сомнѣніе; а четвертаго учатъ и воровству и прелюбодѣянію, ad majorem Dei gloriam и на пользу церкви. Перспектива совсѣмъ перестанавливается: внѣшнее, зависимое, временное заслоняетъ собою высшія и вѣчныя начала; догматъ объ іерархическомъ устройствѣ становится поверхъ началъ правды и любви.

Разсказъ Толстаго я признаю высокимъ во всѣхъ отношеніяхъ; признаю за нимъ и самую спасительную, воспитательную силу. Я видѣлъ и опыты. Я читалъ и заставлялъ читать его въ кругу простыхъ слушателей и видѣлъ, что̀ производило и какое производило впечатлѣніе. Я имѣю только одно возраженіе—противъ текстовъ, не то которое вы высказываете, что приведены они односторонне, но что они приведены вообще: это даетъ ложную окраску разсказу, правда, внѣшнюю. Это есть стороннее дополненіе, умствованіе самого Толстого, его такъ сказать комментарій на свой разсказъ, намёкъ, что это-де есть христіанское ученіе. Но отбросимъ тексты, отпоремъ эту пришивку, возмемъ одинъ разсказъ. Ложное внѣшнее освѣщеніе отпадаетъ, и вы возноситесь истинно на высоту небесъ; предъ вами раскрывается совершенно противоположное мнѣнію вашему—истинно святыня. Разсказъ есть легенда. Когда я задумывалъ писать самостоятельную рецензію, я и хотѣлъ начать ее вопросомъ: нашелъ ли эту легенду Толстой готовою въ народѣ или создалъ ее? Въ томъ и другомъ случаѣ это есть высочайшее произведеніе: до такой степени воспроизвести нравственное міровоззрѣніе народа, начиная съ сущности

и кончая выраженіемъ, выраженіемъ въ обширномъ смыслѣ и самыхъ образовъ и языка!

Съ послѣдней точки зрѣнія я нахожу возразить только противъ *одного* слова: «одиночество». Это дѣланое, не Русское слово. Но все остальное, до послѣдней буквы, каждое слово, каждый оборотъ, отсутствіе синтаксиса (искусственнаго), потомъ образы (типы и событія), въ которыхъ олицетворилась притча, все это совершенство. Совершенство, помимо внѣшней художественности, потому еще, что—хотите знать мое мнѣніе?—нашъ народъ если еще остается въ христіанствѣ или, точнѣе, если и насколько вкусилъ христіанства, тѣмъ обязанъ именно подобнымъ легендамъ и ничему болѣе. Остальное есть идолопоклонство, хотя во внѣшней христіанской формѣ. Народъ вѣруетъ чрезъ образы и воспитываетъ себя въ нравственныхъ правилахъ чрезъ образы же и воплощенные притомъ въ легендахъ, подобныхъ переданной Толстымъ. Кодексъ этихъ легендъ пытался издать Аѳанасьевъ, но книгу запретили. Да и какъ-де не запретить?...

Я сказалъ, что легенды суть пока единственное христіанское училище для народа. И когда думаешь, какъ еще мы живемъ и откуда выплываютъ высокія доблести (доблести христіанскія) народа, предъ которыми преклоняешься. Кто его воспитываетъ? Попъ? Но онъ только отправляетъ требы... Мать, бабушка? Но она учитъ только, какъ сложить персты въ крестное знаменіе, приложиться къ образу, снять шапку въ церкви или крестномъ ходу. Бытъ, примѣръ? Но это есть поученіе внѣшнее и учитъ внѣшнему, не потрясая сердца внутри. Вѣрьте, воспитываетъ и сохраняетъ христіанина въ народѣ легенда, одна легенда, и возблагодаримъ за это Бога. Отъ легенды вторая ступень—святоотеческія аскетическія размышленія; но это уже для грамотныхъ. Я говорю о первоначальномъ воспитаніи, и только съ ужасомъ можно помышлять о томъ моментѣ, къ несчастію неизбѣжномъ, когда къ легендѣ подступитъ анализъ, фарисейскій ли, какъ сдѣлалъ это К. Н. Л., или саддукейскій, что̀ исполнитъ народный учитель и разложитъ ее, обратитъ въ ничто и даже скажетъ, что она вредна, и даже попрекнетъ косвенно общество распространенія *полезныхъ* книгъ, что оно издаетъ подобныя книги.

VI.

Н. П. Гиляровъ къ ***

(Объ „Исповѣди“ графа Л. Н. Толстаго).

Тяжелую повинность возложили вы на меня, и тяжелѣе всего было для меня *дочитать* эту странную Исповѣдь. Въ самомъ дѣлѣ, для чего

авторъ выступаетъ съ нею на свѣтъ, что̀ имъ руководитъ? Выступаетъ ли онъ учителемъ или ученикомъ, желаетъ просвѣтить ближнихъ или ищетъ отъ нихъ духовной помощи? Ни то, ни другое. Самъ онъ объявляетъ, что только приступилъ къ изученію жизни, въ которой, по его мнѣнію, кроется истина вѣры; а затѣмъ во всѣхъ отзывахъ такъ категориченъ: это безсмысленно, то возмутительно и проч.

Состояніе души, свидѣтельствуемое «Исповѣдью», называется у отцевъ *духовною гордостью.* Духовная гордость сквозитъ въ каждой строкѣ, не говоря о томъ, что ею только можетъ быть объяснено появленіе «Исповѣди» въ цѣломъ. «Посмотрите, вотъ я каковъ, и вотъ что́ со мною было», при чемъ подразумѣвается, что я-то и умнѣе всѣхъ, и лучше всѣхъ. Нужды нѣтъ, что исповѣдующійся говоритъ о своихъ грѣхахъ и своихъ ошибкахъ: вслушайтесь въ тонъ, какимъ то и другое говорится.

Послѣ того какая же возможность и какой смыслъ входить въ логическую оцѣнку положительнаго содержанія умствованій, разсыпанныхъ по «Исповѣди»? Ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ логическаго прикосновенія, не то что разбора. Вся эта цѣпь размышленій есть фактъ только психическій, и не будь подписано подъ ней *Л. Толстой*, ничего кромѣ глумленія, ничего кромѣ наименованія бредомъ не вызвала бы она у человѣка, привыкшаго къ строгому мышленію. Между тѣмъ въ томъ-то самомъ и чувствуете вы, что имѣете дѣло съ длящеюся горячкою духовной гордости. Не будь гордыни, одушевляющей «Исповѣдь», авторъ самъ предварительно углубился бы въ себя и спросилъ: да что же, въ самомъ дѣлѣ что-ли я такое необыкновенное, выросшее надо всѣми головою существо, что лишь одинъ испытываю муки мысленнаго раздвоенія, и на столько мозговой аппаратъ мой совершенъ, что я свысока могу тремя словами побивать и Экклезіаста, и Канта, и Шопенгауера, и буддизмъ, и христіанскихъ богослововъ? А этотъ аппаратъ оказывается флюгеромъ, сидящимъ на вертящейся оси. Нѣсколько періодовъ пережила душа, и въ каждомъ повторяется необыкновенная самоувѣренность, именно къ нему относящаяся: и въ періодъ изданія *Ясной Поляны*, и въ періодъ исполненія механическихъ обрядовъ православія дѣйствовалъ человѣкъ воображавшій и тамъ и тутъ, что онъ обрѣлъ истину, и двѣ истины оказываются противоположными одна другой. Добросовѣстное самоиспытаніе должно бы привести человѣка къ выводу о собственномъ безсиліи. Я ошибался вчера, ошибался третьяго дня, ошибался третьимъ годомъ, каждый разъ однако страстно увѣренный, что обладаю истиною и служу ей. Очень возмож-

но и даже девять десятыхъ вѣроятностей за то, что и теперь я ошибаюсь также и въ положительномъ содержаніи своего умствованія, и въ отрицательной критикѣ воззрѣній, мною не признаваемыхъ, и существенный порокъ мой есть страстность и самомнѣніе. Вотъ добросовѣстный выводъ, къ которому должно бы привести автора искреннее самоиспытаніе. Но тогда конечно не появилось бы «Исповѣди»; онъ бы ее запряталъ и не сталъ бы показывать своего бѣлья передъ свѣтомъ.

Зачѣмъ жить? Вопросъ неновый.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Какой смыслъ жизни? перефразируетъ свой вопросъ авторъ, воображая, что обоими вопросами спрашиваетъ о томъ же. Но сперва бы нужно еще додуматься, что это два вопроса разные. Смыслъ жизни— ея существо, законы, которыми она управляется; а *зачѣмъ*? это есть *цѣль* жизни. Да еще существуетъ ли цѣль? Спросилъ ли себя объ этомъ исповѣдникъ?

«Есть человѣчество цѣлое, которое жило и живетъ, очевидно понимая смыслъ своей жизни, ибо не понимая его оно не могло бы жить; а я говорю, что вся эта жизнь есть безсмыслица».

Утверждать и отрицать можно что угодно, и въ томъ числѣ—что жизнь есть безсмыслица; пускай это мнѣніе и остается при авторѣ. Но гораздо бо̀льшая безсмыслица обнаружена антитезомъ, который предшествуетъ этому положенію: «ибо не понимая смысла не могло бы жить». Да развѣ это не безсмыслица? Собака понимаетъ смыслъ своей жизни? Должно быть понимаетъ, такъ выходитъ по Толстому; иначе она не могла бы жить.

Привожу только образчикъ; но каждая строка, гдѣ только встрѣчается какое-нибудь умствованіе, совершенно такого же достоинства. А рядомъ идетъ постоянное озлобленіе, направленное впрочемъ въ единственную сторону—противъ церковныхъ формулъ и церкви. «Возмутительное преподаваніе безсмысленныхъ изреченій катихизиса». За что же однако, графъ, сердиться? За чѣмъ эти эпитеты «возмутительные», «безсмысленные», показывающіе неспокойное состояніе сердца? Можно не находить смысла, но не злиться. Вспомните спокойный отзывъ: «не вѣдятъ что̀ творятъ». Та безсмысленность и возмутительность, которая

васъ раздражаетъ, есть развѣ злонамѣренный обманъ? Вамъ такъ кажется? Не думаю. А стало быть нечего и браниться на заблужденіе, если оно только заблужденіе.

Эпитетами «возмутительный и «безсмысленный» и другими подобными авторъ выдаетъ коренной грѣхъ своихъ умствованій, и пока этотъ грѣхъ сидитъ, тщетны будутъ всѣ исканія «смысла жизни».

Не безсмысленно для автора только то, что̀ подтверждается эмпирически и доказывается математически. Подъ этимъ, повидимому, однимъ условіемъ онъ согласенъ признавать за чѣмъ-нибудь такъ называемую имъ разумность. Воззрѣнію на этой почвѣ утвердившемуся жизнь должна представляться химическимъ процессомъ, за которымъ ничего не слѣдуетъ, кромѣ червей и смрада, по выраженію автора. И прекрасно, такъ и слѣдуетъ быть. Но чудакъ, что̀ же онъ спрашиваетъ о *цѣли* жизни? Стоя на своей почвѣ, онъ имѣетъ спрашивать только: *откуда* жизнь, *какъ* она идетъ, *что́ такое* въ ней? А онъ спрашиваетъ: *зачѣмъ?* Вопросомъ *зачѣмъ* предполагается *преднамѣренность*, *сознаніе*. Обращаясь къ отдѣльному человѣку, спрашиваете: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Своимъ вопросомъ выражаете вы увѣренность, что ранѣе чѣмъ поступокъ совершенъ, ему предшествовалъ въ головѣ образъ его и затѣмъ ожидаемое послѣдствіе совершенія. Къ кому же вы обращаетесь съ вопросомъ: *зачѣмъ жизнь?* Вы предполагаете, стало быть, заранѣе, помимо производящей и производящихъ причинъ, химическихъ и механическихъ законовъ (въ силу которыхъ появляется живое существо человѣка) какую-то, кѣмъ-то предуставленную цѣль, стало быть чье-то сознаніе. Ибо безсознательная предустановленность «есть чепуха, горькая сладость». Какое же однако имѣете вы право на это предположеніе, къ которому не уполномочиваютъ васъ ни эмпирія, ни математика? Спрячьте вашъ вопросъ въ карманъ: онъ самъ есть безсмыслица, а не жизнь, которую вы обвиняете. Нѣтъ, жизнь есть не безсмыслица; она полна смысла и порядка, если остановиться на матеріалистическомъ (виноватъ, на реалистическомъ) основаніи. Все идетъ исправно: происходитъ борьба за существованіе, эволюціи, одни вымираютъ, другіе нарождаются. Вамъ хочется знать: *какъ* вамъ жить? Не праздный ли это вопросъ? Живите какъ хотите, или точнѣе и строже сказать: вы будете жить такъ, какъ сложатся ваши клѣточки вслѣдствіе такихъ и такихъ-то климатическихъ и соціальныхъ условій, такого-то питанія, такихъ-то впечатлѣній и такихъ-то рефлексовъ. «Хотите» —предполагаетъ волю и свободу; но то и другое только самообольщеніе. А потому и вопросъ праздный.

Но вы хотите еще знать, *зачѣмъ* вы живете? Вы обращаетесь къ свѣту, теплу, электричеству, магнетизму, словомъ къ эѳиру, обращаетесь къ матеріи, если кромѣ эѳира существуетъ еще самостоятельная матерія, обращаетесь къ тяжести, упругости, химическому сродству, ко всѣмъ физическимъ дѣятелямъ, зачѣмъ-де вы дали мнѣ жизнь, зачѣмъ вы даете ее безчисленному множеству, зачѣмъ вообще вы ее произвели? Къ эѳиру и матеріи вы обращаетесь ровно къ сознательнымъ существамъ, допрашиваете ихъ какъ прокуроръ, предполагая въ нихъ и волю и совѣсть? Что̀ вы дѣлаете, не многаго ли требуете?

Однако этотъ вопросъ васъ мучитъ. Очень жалко. Однакоже вы можете спросить: откуда же этотъ самый вопросъ? Какъ онъ взялся въ этомъ столь стройномъ мірѣ, предъявляя требованіе, о которомъ бы не должно было возникать и представленія? Это вопросъ не шуточный: съ него бы по настоящему и слѣдовало начать. Но тогда прежде всего надо сойти съ почвы, на которой этотъ вопросъ, самъ въ себѣ, представляется нелѣпостью. А тогда слетитъ и вся самоувѣренность, и всѣ категорически презрительные отзывы о явленіяхъ, на которыя такъ гнѣвается авторъ «Исповѣди».

ПОПРАВКА

(стр. 133-я «Р. Архива» 1889, кн. 9-я).

Помѣстье покойнаго графа А. К. Толстаго «Красный Рогъ» находится не въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, а въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, въ 10-ти верстахъ отъ границы Орловской губерніи (именно Трубчевскаго уѣзда).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ этомъ помѣстьи и посѣщалъ могилу нашего поэта. Я былъ немало удивленъ тѣмъ, что кромѣ полыни покрывающей склепъ, въ которомъ погребены останки автора столькихъ прекрасныхъ произведеній, на могилѣ его нѣтъ никакого памятника. Если могила эта остается еще въ прежнемъ видѣ, то было бы желательно, чтобы поклонники поэта (а ихъ немало у насъ въ Россіи) позаботились поставить достойный ему памятникъ. *N. N.*

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1865—1869.

1865 Генв. 5-го. Общія положенія въ слѣдствіе всего, что самъ наблюдалъ, вычиталъ, выслушалъ и заключилъ. Наше преобладаніе рѣшительное, военное, гражданское, промышленное и торговое—на Югѣ и Востокѣ. Западу во всемъ этомъ мы уступаемъ. Только оборонительно мы неодолимы для него. Воспользуемся же всѣми выгодами пріобрѣтаемыми отъ Востока и Юга, для постепеннаго уравненія съ Западомъ промышленностію и торговлей. Не тронемъ на Западѣ никого: насъ никто не посмѣетъ тронуть. Польша, затруднявшая насъ, сама произнесла и совершила надъ собой окончательный приговоръ. Роль Европы въ этой, надѣюсь, послѣдней борьбѣ, ясно доказала, съ какою осторожностію она избѣгаетъ открытаго столкновенія съ Россіей. Но въ близкой будущности предстоитъ вопросъ Турецкой. Полагаю, что, при разнообразіи интересовъ и взглядовъ великихъ державъ на этотъ предметъ и относительномъ могуществѣ каждой изъ нихъ, Турція, какъ Европейская, такъ и Азіатская, разложится на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ.

*

Военному министру. Іюль 1865. Новочеркаскъ.

Я счелъ необходимостію обратиться къ вамъ письмомъ по двумъ различно-важнымъ предметамъ.

Получивъ полное удостовѣреніе, что главнымъ препятствіемъ къ успѣшному окончанію Новочеркаскаго водопровода оказалось совершенное незнаніе этого дѣла и строптивость характера вновь назначеннаго строителя поручика Зальмана, убѣди-

тельнѣйше прошу объ отозваніи этого вреднаго въ настоящемъ случаѣ офицера, быть можетъ способнаго на что либо другое.

По поводу прерваннаго послѣдняго съ вами разговора о ген.-майорѣ Потаповѣ, сообразивъ по бывшему примѣру всѣ обстоятельства, назначеніе его въ распоряженіе наказнаго атамана я почитаю полезнымъ средствомъ этому отличному генералу доставить новое поле для пріобрѣтенія опытности въ краѣ, которому готовятся преобразованія; а я съ своей стороны съ удовольствіемъ приму такого достойнаго сотрудника.

*

23 Іюля. Охъ, пора тебѣ на волю пѣсня Русская,
Непогодою, невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая.
Не сама собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Нанесло тебя съ сырыхъ могилъ метелицей....

Прекрасно! Тутъ выразилась вся бѣдовая Русская народная жизнь. Хотѣлось бы прибавить *прошлая!*

*

Аксаковымъ.

Любезнымъ попутчикамъ на пароходѣ по Дону, Ивану Сергѣевичу и Софьѣ Сергѣевнѣ, мой душевной привѣтъ.

Желалъ-бы выразить вамъ мою сердечную благодарность за дружеское, милое ваше письмо. Пріятнѣе для меня могло быть только ваше обѣщанное личное посѣщеніе, не только мною и моимъ семействомъ, но и всѣми лучшими людьми здѣшняго общества ожидаемое. Чрезвычайно жалѣемъ, что оно не удалось. За то первые номера газеты *День* я присвоилъ себѣ, какъ будто письмо ко мнѣ и продолженіе нашей бесѣды о многихъ предметахъ, которыхъ мы коснулись на пароходѣ. Благородно-гордъ отвѣтъ вашъ порицателямъ временно прекращеннаго изданія вашей газеты. Смыслъ миѳологическаго символа борьбы Антея съ Геркулесомъ совершенно вѣренъ. Надо путешествовать, лично прикасаться къ Русской землѣ на ея огромныхъ пространствахъ, вникать въ ея закоренѣлыя историческія особенности, чтобы обуздать пустую, на одной теоріи основанную фразеологію и необдуманную торопливую ломку Русскаго быта, чтобы, наконецъ, придать мысли силу правды. Москва получила для меня

новую приманку знакомствомъ съ вами Подобныя встрѣчи плодотворны и незабвенны.

Позвольте обнять васъ обоихъ съ горячимъ чувствомъ искренней пріязни.

Кстати. Вчера минуло мнѣ 60-ть лѣтъ съ перваго оберъ-офицерскаго чина. Вовсе неожиданно съ утра началась для меня овація отъ разныхъ сословій Дона. На огромномъ обѣдѣ депутатъ отъ дворянства произнесъ рѣчь, съ которой списокъ вамъ посылаю, также съ моего приказа войску. Мнѣ показалось, что все это не имѣло характера сухой, обычной въ подобныхъ случаяхъ офиціальности. Я чувствовалъ себя среди добраго и молодецкаго семейства. Этими словами я даже началъ мой отвѣтъ. Далѣе не припомню. Въ заключеніе предложили мнѣ Донское гражданство, которое разумѣется принято, если будетъ дозволено.

*

Его пр-ву Степану Алексѣевичу Маслову въ Москву.

Благодарю васъ за письмо отъ 28-го Сент. и приложенную брошюру. Всякое воспоминаніе о незабвенномъ А. П. (*) для меня дорого, равно какъ и о Бородинской битвѣ. Все въ разсказѣ А. П. совершенно вѣрно съ моими собственными замѣтками. Помню минуту, когда генер. л. Бороздинъ лично подъѣхалъ съ донесеніемъ къ Кутузову, что князь Багратіонъ и почти всѣ главные начальники 2-й арміи убиты и ранены, и тѣ самыя слова Кутузова, съ которыми онъ отправилъ А. П. для возстановленія дѣла на лѣвомъ флангѣ. Гр. Кутайсовъ безъ дозволенія Кутузова поѣхалъ съ нами. Когда мы поровнялись съ центромъ, за батареею Раевскаго, то вдругъ на насъ наскакали передки орудій со взятой въ тѣ минуты непріятелемъ батареи, а потомъ въ безпорядкѣ толпы выбитой оттуда нашей пѣхоты. А. П. тотчасъ повернулъ лошадь прямо на бѣгущихъ, обратилъ двумя словами всѣхъ назадъ къ батареѣ, даже множество раненыхъ, и повелъ ихъ за собой въ атаку. Въ моей памяти врѣзалось, что все это произошло въ 11-мъ часу. Тогда же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи убитъ, подававшій великія надежды молодой и молодецъ гр. Кутайсовъ. Потомъ на батареѣ же раненъ и А. П.

*

(*) Ермоловъ. П. Б.

Ивану Сергѣевичу Аксакову.

15 Января 1866. Третьяго дня, то-есть на другой день послѣ вашей свадьбы, какъ вы предполагали, я получилъ, душевно уважаемый Иванъ Сергѣевичъ, ваше дружеское письмо. Спѣшу поздравить васъ и отъ души благодарю, что въ это важное для васъ время вы вспомнили обо мнѣ не холодными словами простаго увѣдомленія, но съ подробнымъ сердечнымъ описаніемъ вашего положенія, какъ душевнаго, такъ и вещественнаго. Слухъ о женитьбѣ вашей прежде уже дошелъ сюда. Мы съ Анной Ѳедоровной давно знакомы. Съ ея бабушкой и матушкой съ 1810 года, когда мужъ первой графъ Бодмеръ былъ Виртембергскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ, а я молодымъ кавалеромъ нашего посольства въ Мюнхенѣ. Сколько воспоминаній пробуждается не въ одной головѣ при этихъ строкахъ! Съ Анной Ѳедоровной мы не рѣдко встрѣчались въ Петербургѣ всегда симпатически, но какъ тамъ встрѣчаются, мимолетно, пожатіемъ руки, и не выговоривъ ни одного живаго, готоваго въ сердцѣ слова. Кто, какъ и она, перешелъ чрезъ горнило двора, не утративъ своей самостоятельности и личнаго достоинства и не охладѣвъ душой, тотъ выдержалъ одно изъ самыхъ трудныхъ испытаній въ человѣческой жизни.—Поздравляю васъ, милая Анна Ѳедоровна. Съ какою радостью, если въ мои лѣта позволено еще составлять планы, я явился бы, въ случаѣ проѣзда чрезъ Москву, въ вашъ тѣсной, умной, благородной семейной кружокъ. Покуда заочно обнимаю васъ, цалую ручки вашихъ дамъ.

*

Матвѣю Матвѣевичу Муромцеву, въ г. Данковъ, Рязанской губ.

Merci, cher ami et camarade des plus belles années, les nôtres, ainsi que celles de la Russie. La Providence vous a accordé la plus douce récompense, celle de bons fils et petits-fils dont vous faites un si charmant éloge. Je puis, grâce à Dieu, vous en dire autant. Vous avez touchez (non rappelé, car cela ne s'oublie jamais) le sort de mon fils Alexandre. On ne rencontre pas aisément de parels jeunes gens. Il primait partout où il paraissait, malgré sa touchante modestie. Il était de ceux qu'on appelait chez les anciens Romains un des princes de la jeunesse.

Vous avez l'intention d'aller le printems aus eaux; combien je serais charmé si c'etait à celles du Caucase! Je vous aurais fait les honneurs de notre jeune ville.

Je porte passablement bien mes 76 ans. Je monte à cheval, je marche volontiers et beaucoup. Voilà quant au physique. Pour le reste, je me rappele quelque fois l'archêveque de Grénade. Vous n'aurez pas oublié Gilblas. Cependant la pensée de mettre quelque temps de repos avant de franchir le grand pas me vient quelque fois.

Encore une fois merci de m'avoir gardé souvenir que je vous rends bien et de tout coeur.

*

Николаю Викторовичу Шимановскому.

На дняхъ Григорій Петровичъ Ермоловъ принесъ мнѣ бюстъ А. П. Ермолова, какъ подарокъ отъ васъ. Отъ души благодарю, что вы умѣли угадать, какія дорогія воспоминанія и чувства должно возбудить во мнѣ все что̀ относится до этого необыкновеннаго человѣка. Въ лучшіе мои годы, какъ его адъютантъ, онъ былъ для меня нѣжнымъ отцомъ и образователемъ, въ поздніе тѣснѣйшая дружба, ничѣмъ никогда невозмутимая, до конца связывала насъ.

Примите же, милост. госуд., повтореніе моей глубокой признательности и преданности.

*

24-го Мая 1867. 19-го Мая пріѣхалъ я съ дочерью Ольгой и племянницей Любой въ свою Тимчиху, послѣ шестилѣтняго отсутствія. То что̀ я теперь чувствую, похоже на то, что̀ долженъ чувствовать человѣкъ, проведшій все это время въ трудныхъ положеніяхъ на сушѣ и на моряхъ, и наконецъ вошедшій усталый въ тихую, родную свою пристань. Мысли и впечатлѣнія такъ быстро и несвязно толпятся еще въ душѣ и головѣ, что надо дать имъ улечься, прежде чѣмъ давать себѣ отчетъ въ нихъ.

1-го Іюня. Des vicissitudes potitiques de la France, études historiques par Larcy. Чрезвычайно интересно, особенно въ настоящій періодъ рѣшительнаго политическаго и гражданскаго преобразованія Россіи.

Il n' y a rien dans le monde qui n'ait son moment décisif, et le chef-d'oeuvre de la bonne conduite est de connaître et de prendre ce moment. Si on le manque dans la révolution des états, on court

fortune de ne le pas retrouver ou de ne le plus apercevoir. (Card. de Retz).

4-го. Троицынъ день. Страшная вѣсть, официально повѣщенная, о новомъ покушеніи на жизнь Государя въ Парижѣ, Божіимъ Промысломъ огражденнаго, безъ подробностей. Слухи объ этомъ ходили, но я имъ не вѣрилъ. Этого мы, преданные ему, страшились и не одобряли его поѣздки въ Парижъ, главное гнѣздо Польской сволочи. Но Богу угодно было еще разъ показать всю тщету злодѣйскихъ замысловъ противъ одного изъ лучшихъ вождей народовъ, дарованныхъ имъ человѣчеству и на этотъ разъ Россіи.

*

Графу Александру Владимировичу Адлербергу.

18-го Сентября 1867 года. Преклонныя мои лѣта, шестьдесятъ два года службы и девятнацать кампаній, наконецъ, отозвались на моемъ здоровьѣ въ такой степени, что мнѣ невозможно, по близкому уже сроку окончанія даннаго мнѣ шестимѣсячнаго отпуска, явиться въ Петербургъ. По всегда пріязненному в. с. ко мнѣ расположенію обращаюсь къ вамъ съ просьбою быть ходатаемъ моимъ у Г. И. о продолженіи мнѣ отпуска до поправленія здоровья. Быть подъ милостивымъ взглядомъ моего Государя и благодѣтеля и жить съ двумя моими сыновьями въ одномъ городѣ будетъ достаточнымъ и постояннымъ побужденіемъ при первой возможности и средствахъ возвратиться въ Петербургъ.

*

30-го Іюля. Тимчиха. La polémique et la critique religieuses, au lieu d'asseoir les principes et d'éclaircir les doutes, ne sont bonnes qu'à ébranler les uns et à multiplier les autres. Vivre suivant l'honnêteté, agir suivant l'équité, craindre et aimer Dieu, aimer son prochain comme soi-même, voilà la vraie religion. Je m'attacherai donc aux grandes vérités morales enseignées par le christianisme, me contentant pour le reste d'attendre les enséignements de la mort et d'adorer Dieu.

Un seul être vous manque, et tout est dépeuplé!

1869.

Начальнику штаба Войска Донскаго Павлу Степановичу Ѳомину.

25-е Января. Письмо в. п. съ препровожденіемъ списка генераламъ шт. и оберъ офицерамъ Войска Донскаго мною на дняхъ получено. Это новое доказательство о доброй памяти, которою почтили меня мои сослуживцы и сограждане, въ такихъ лестныхъ и благородныхъ выраженіяхъ вами переданное, глубоко меня трогаетъ. Какъ ближайшій помощникъ мой во время начальствованія моего краемъ, вы хорошо знаете, какое живое участіе я принималъ въ судьбахъ этого замѣчательнаго войска, и потому какъ дорого цѣню всякой доброй отголосокъ оттуда до меня доходящій. Въ преклонные уже мои лѣта тихой закатъ послѣднихъ дней моихъ согрѣтъ этимъ теплымъ сочувствіемъ до конца любезнаго мнѣ Дона.

*

1869. 13-го Окт. Иной блеститъ на второмъ планѣ и меркнетъ, ставъ на первой планъ.

*

Военному Министру Дмитрію Алексѣевичу Милютину.

4-го Ноября 1869 года. Почтеннѣйшее письмо в. в., коимъ вы извѣщаете меня о предстоящемъ 26-го Ноября торжественномъ праздновании по случаю исполняющагося въ сей день столѣтія со времени учрежденія Императорскаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, о которомъ Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ поставить въ извѣстность всѣхъ находящихся въ Россіи Георгіевскихъ кавалеровъ на случай и если бы кто пожелалъ прибыть въ Петербургѣ на означенный праздникъ, я имѣлъ честь получить.

Съ какимъ восторгомъ воспользовался бы я такимъ торжественнымъ случаемъ быть въ средѣ доблестныхъ товарищей по ордену, окружающихъ своего Государя, высокаго цѣнителя военныхъ подвиговъ, совершившаго свой подвигъ превыше всѣхъ подвиговъ и рядомъ преобразованій упрочивающаго новую жизнь великаго народа; но въ концѣ Сентября постигла меня тяжелая болѣзнь, какъ полагали, смертельная; даже нужнымъ сочли телеграммами созвать моихъ сыновей, чтобы застать меня еще въ жи-

выхъ. Опасность однако миновала, но осталась чрезвычайная слабость, не позволяющая мнѣ даже выходить еще на открытый воздухъ. Съ глубокимъ сокрушеніемъ принужденный отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ, могу ли просить васъ, нѣкогда моего боеваго товарища, быть при семъ случаѣ органомъ моихъ вѣрноподданныхъ чувствъ, съ коими заочно цалую державную руку Отца народа.

*

Григорію Александровичу Милорадовичу. Кіевъ.

Прошу васъ, м. г., извинить меня въ промедленіи отвѣтомъ на ваше письмо отъ 11-го Марта. Главная тому причина была глазная болѣзнь въ такой степени, что въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ я лишѐнъ былъ возможности читать и писать, и если могу теперь, съ бѣдой пополамъ, то обязанъ этимъ знаменитому окулисту Иванову, пріѣзжавшему ко мнѣ изъ Кіева.

Не юбилея только, а памятника, въ ряду памятниковъ Кутузову, Барклаю, заслуживаетъ графъ М. А. Милорадовичъ, и не за военные только блистательные подвиги, но и за рѣдкой подвигъ гражданскаго самоотверженія, коего жертвою онъ палъ отъ руки злодѣя-убійцы. Статья ваша въ Инвалидѣ, казалось бы, должна достаточно напомнить объ немъ. Что̀ можетъ еще прибавить къ тому забытой голосъ ветерана, доживающаго въ глуши деревни послѣдніе дни свои? Но если бы представился къ тому случай, то конечно съ живѣйшимъ удовольствіемъ имъ воспользуюсь.

*

1873. 7-го Іюля. Полуслѣпой, полуглухой,
Зачѣмъ показываться въ свѣтѣ?
Я лишній былъ бы и въ Совѣтѣ.
Зачѣмъ туда? Пора домой!

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Изданіе **Предметной Росписи „Русскаго Архива" за XXV лѣтъ** пріостановлено, потому что число лицъ изъявившихъ желаніе получить эту справочную книгу не превышаетъ до сихъ поръ цифры 100. Подписчикамъ „Русскаго Архива" 1889 года будутъ высланы обратно доставленные имъ на „Роспись" **два** рубля, буде они не пожелаютъ зачислить эти деньги въ уплату **на** полученіе „Русскаго Архива" 1890 года.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

Русскій Архивъ будетъ издаваться въ 1890 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

12.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава II.

Реформа почтовой части.—Учрежденіе пароходства по Кубани.—Опредѣленіе личныхъ и сословныхъ правъ туземцевъ.—Освобожденіе крестьянъ и межеваніе.—Реформа судебной части.—Благоустройство Тифлиса и другихъ городовъ.

Изъ грандіозныхъ плановъ князя Барятинскаго нѣкоторые осуществились вполнѣ, нѣкоторые частью и гораздо позже, нѣкоторые остались проектами, многое оказалось плодотворнымъ, иное неудачнымъ.

Въ главѣ 4-й II-го тома уже упомянуто о постройкѣ шоссе между Владикавказомъ и Тифлисомъ. Дорога эта—незыблемый памятникъ управленія Кавказомъ князя Барятинскаго. Теперь близится рѣшеніе спорнаго вопроса о проведеніи на этомъ пространствѣ желѣзнаго пути. Если рѣшеніе будетъ утвердительное, то шоссе, само собою, потеряетъ свое значеніе; но оно уже сослужило и государству, и частнымъ лицамъ, и всему туземному населенію великую службу, и пока рельсовый путь будетъ готовъ (а это вѣроятно потребуетъ немалаго числа лѣтъ), шоссе еще послужитъ. Да, впрочемъ, какъ мѣстный путь сообщенія, Военногрузинская дорога никогда не потеряетъ своего значенія.

Въ связи съ этой дорогой находится дѣло объ устройствѣ на ней почтоваго сообщенія на совершенно особыхъ основаніяхъ. Почтовое сообщеніе на Кавказѣ, по многимъ мѣстнымъ условіямъ, искони находилось въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; особенно ощутительнымъ было это на самомъ важномъ пути, связывавшемъ край съ имперіею. Несмотря на огромныя издержки, самый путь этотъ находился постоянно въ плохомъ положеніи; но, какъ уже

сказано, предпринятыми капитальными работами постепенно улучшался и, наконецъ, превратился въ образцовое шоссе.

Однако этимъ устранялась лишь половина препятствій: кромѣ преградъ, поставленныхъ природою, почтовое сообщеніе на этомъ трактѣ затруднялось отсутствіемъ удобныхъ станціонныхъ помѣщеній, постояннымъ недостаткомъ лошадей, покойныхъ экипажей и вообще безпорядками, свойственными обыкновенной системѣ содержанія почтовыхъ станцій въ тѣ времена. Контрагентами были большею частью мелкіе подрядчики; ихъ частыя неисправности вынуждали брать станціи въ казенное управленіе, что̀ вводило казну въ большія издержки и обременяло начальство множествомъ дѣлъ.

Чтобы устранить все это неудобство, по проекту управлявшаго почтовою частью на Кавказѣ, полковника Каханова, рѣшено было между Тифлисомъ и Владикавказомъ построить 13 станцій, съ гостиницами, буфетами, отдѣльными комнатами и проч., учредить для нихъ особое казенное управленіе, завести кареты и омнибусы, экипажныя мастерскія, однимъ словомъ, создавалось въ значительныхъ размѣрахъ предпріятіе, вполнѣ коммерчески-хозяйственное; а вѣдать имъ должны были чиновники, подъ бюрократическимъ контролемъ канцелярій.

Конечно, мысль упорядочить почтовое сообщеніе на главномъ пути изъ Россіи въ Тифлисъ заслуживала полнаго вниманія; но въ дальнѣйшемъ развитіи и исполненіи ей даны были далеко не соотвѣтствующіе размѣры, были употреблены не совсѣмъ подходящія средства къ полученію нужныхъ на это предпріятіе денежныхъ суммъ; вообще, самое положеніе объ управленіи этимъ отдѣльнымъ почтовымъ учрежденіемъ было слишкомъ многосложно и въ глазахъ практическихъ людей съ первой минуты носило зародышъ неудачи. Я не буду вдаваться здѣсь въ подробности этого дѣла, перешедшаго нынѣ въ область „давно минувшихъ дней“, да едва ли читателю представили бы онѣ особый интересъ послѣ безчисленныхъ бюрократическихъ курьезовъ, уже разсказанныхъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ печати; упоминаю вообще объ этомъ дѣлѣ только потому, что оно можетъ служить къ характеристикѣ князя Александра Ивановича. Разъ задавшись

какимъ-нибудь планомъ, онъ настойчиво требовалъ его исполненія, и лица, желавшія пользоваться такимъ настроеніемъ, легко пріобрѣтали его довѣріе. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, улучшеніе могло ограничиться гораздо меньшими издержками, сообразными съ состояніемъ суммъ, находившихся въ распоряженіи главнаго гражданскаго управленія; тогда не было бы необходимости прибѣгать къ мѣрѣ сомнительной законности и справедливости, именно къ запаснымъ капиталамъ бывшаго Черноморскаго казачьяго войска, никакого отношенія къ почтовому сообщенію между Тифлисомъ и Владикавказомъ не имѣвшаго. Вовсе не было надобности въ такихъ большихъ станціонныхъ зданіяхъ, съ мебелью, биліардами, лампами, столовымъ бѣльемъ, звонками и проч., *привезенными изъ-за границы*, когда на томъ же важномъ пути сообщенія съ Россіей, до предѣловъ Земли Войска Донскаго, всѣ станціи оставались никуда негодными лачугами. Впрочемъ, не прошло десяти лѣтъ, какъ результаты оказались именно такими, какъ ихъ предвидѣли люди опытные: суммы были затрачены крупныя, чуть ли не до миліона рублей; казенное хозяйничаніе посредствомъ чиновниковъ приняло всегда почти присущій ему характеръ благополучнаго обстоянія лишь на бумагѣ; наконецъ, пожаръ истребилъ экипажныя мастерскія и кстати ужъ и всѣ книги съ документами; пришлось это курьезное вѣдомство упразднить и опять обратиться къ частнымъ подрядчикамъ; разсчеты по этому предпріятію и до настоящей минуты еще не урегулированы и вызываютъ немало претензій и переписокъ. Но при всемъ томъ почтовое сообщеніе на пространствѣ между Тифлисомъ и Владикавказомъ и теперь осталось памятникомъ заботъ князя Барятинскаго объ улучшеніяхъ по всѣмъ отраслямъ: проѣздъ совершается съ удобствами и скоростью, какихъ нигдѣ въ Россіи не существовало. Кромѣ того, и въ остальныхъ мѣстностяхъ Кавказа, при князѣ Александрѣ Ивановичѣ, многое было по почтовой части улучшено, открыты нѣкоторые новые тракты и почтовыя отдѣленія, усилено число лошадей на старыхъ дорогахъ, увеличено число отправляемыхъ почтъ и т. п.

Въ связи съ этимъ же дѣломъ была мысль устроить пароходо-пассажирское сообщеніе по Кубани, отъ впаденія ея

въ море до стан. Тифлисской и даже до Прочнаго-Окопа, съ тѣмъ, чтобы отсюда дилижансы ходили до Пятигорска. Этимъ путемъ казалось возможнымъ привлечь въ Пятигорскъ массы иностранцевъ, которые затѣмъ, въ почтовыхъ каретахъ съ трубящими кондукторами, безъ сомнѣнія, пожелали бы проѣхать въ Тифлисъ и оттуда уже, черезъ Кутаисъ и Поти, Чернымъ моремъ возвратиться въ Европу. Такія заманчивыя картины рисовались воображенію... Въ нѣсколько лѣтъ Пятигорскъ могъ превратиться въ новый Баденъ-Баденъ съ театрами, оперой и т. п., а Тифлисъ тоже обогащался бы приливомъ богатыхъ путешественниковъ.

Что́ и говорить, все это было весьма завлекательно; но ближайшее знакомство съ мѣстными обстоятельствами, съ свойствами Кубани, съ нашими предпринимателями, всегда разсчитывающими на казенныя деньги и т. д., прямо указывало на положительную невозможность осуществленія такого плана. Между тѣмъ, г. Новосельскому, бравшемуся выполнить это предпріятіе, было уже выдано полмиліона р. изъ тѣхъ же суммъ Кубанскаго казачьяго войска на весьма льготныхъ условіяхъ изъ 4% и разрѣшалось отвести, въ вѣчное потомственное владѣніе, безплатно, не только всѣ тѣ мѣста, которыя требовались подъ причалы, пристани, мастерскія и т. п., но еще 12,000 десятинъ на лѣвомъ берегу Кубани, кромѣ многихъ другихъ льготъ и подарковъ *)... Однако правильное пароходное сообщеніе не только до Тифлисской станицы или даже Прочнаго Окопа, но и до Екатеринодара осталось мечтою, а полмиліона денегъ, послѣ многихъ пререканій и затрудненій, кажется кое-какъ взысканы обратно. Устроенное прежде казенными средствами, при ген. Филипсонѣ, пароходное сообщеніе по Кубани тоже окончилось весьма неудачно. Купленный въ Англіи пароходъ, если не ошибаюсь, за 95,000 метал. рублей, оказался, по размѣрамъ, вовсе не соотвѣтствующимъ плаванію по такой рѣкѣ какъ Кубань, съ ея быстротою, извилинами, карчами, мелями, и пр. Раза два, при помощи казаковъ попутныхъ станицъ, пароходъ кое-

*) Ему передавался казенный пароходъ, разрѣшалось пріобрѣсти еще 10 т. десятинъ, отпускалось въ теченіи 6-ти лѣтъ по тысячѣ сосновыхъ бревенъ съ верховьевъ Кубани, съ разными льготами, и пр. и пр.

какъ дотащился до Тифлисской, затѣмъ многіе годы стоялъ безъ употребленія у Темрюка и, наконецъ, былъ проданъ какому-то провіантскому чиновнику въ Керчи за 6,000 рублей...

Я привелъ эти примѣры не для упрека князю Барятинскому. Онъ былъ поглощенъ мыслью развить благосостояніе Кавказа, сдѣлать изъ него образцовую окраину Россіи, вызвать къ жизни всѣ природныя богатства этого чуднаго края, дабы онъ могъ впослѣдствіи вознаградить Россію за потраченныя на него кровь и деньги: но самъ князь, увлекаясь своими мыслями, не могъ, конечно, вникнуть во всѣ pro и contra, во всѣ физическія и техническія препятствія, ни судить о степени законности нѣкоторыхъ распоряженій; а лица, прямою обязанностью которыхъ было бы уяснять намѣстнику все это, отсутствовали, потому ли, что сами не могли обнять дѣла, или потому что не рѣшались разочаровывать князя въ осуществленіи его плановъ, или, просто по канцелярской рутинѣ, умѣли исполнять лишь бумажную сторону всякаго дѣла. Я лично имѣлъ случай убѣдиться, какъ приближенныя лица, отъ которыхъ слѣдовало ожидать безукоризненной правдивости въ докладахъ князю (напримѣръ покойный В. А. И.) напротивъ, изъ раболѣпія, изъ опасенія вызвать минутное неудовольствіе, поддерживали то, что̀ слѣдовало категорически опровергать...

Однако нѣсколько такихъ неудачныхъ созиданій не могутъ имѣть особаго рода значенія въ виду многихъ исполненныхъ предположеній и мѣръ князя Барятинскаго, дальнѣйшее развитіе которыхъ могло бы осуществить его грандіозные планы. Разнообразіе дѣятельности его въ этомъ направленіи просто изумительно. Я приведу здѣсь лишь главнѣйшіе, затронутые въ его намѣстничество, вопросы, съ краткимъ изложеніемъ ихъ возникновенія и развитія *).

Опредѣленіе сословныхъ и имущественныхъ правъ.

Дѣло тянулось чуть ли не съ самаго присоединенія Грузіи къ Имперіи, но многія, существенныя подробности оставались нерѣшенными. Княжескіе *азнауры* (дворяне) въ Име-

*) Главнымъ матеріаломъ къ настоящему изложенію служилъ мнѣ отчетъ намѣстника съ 1857 по 1860 г., въ архивѣ Главнаго Управленія въ Тифлисѣ, и мои личныя свѣдѣнія, какъ принимавшаго участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ по гражданскому управленію.

ретіи не были еще утверждены въ этомъ достоинствѣ; поэтому были составлены предварительно правила раздѣла ихъ по имуществу съ князьями. Разрѣшено дѣло о *макалаки*, т.-е. о первостатейныхъ гражданахъ. Устройство *амкаровъ* (цеховъ), издревле существовавшихъ въ Тифлисѣ, князь Барятинскій оставилъ неприкосновеннымъ, не взирая на возникавшія въ послѣднее время жалобы на торговую монополію, которою пользовались эти амкары; но они составляли круговую поруку противъ нищеты, невѣжества и безнравственности своихъ членовъ, образуя превосходную внутреннюю полицію, незамѣнимую никакими внѣшними установленіями, и потому князь рѣшилъ вовсе не касаться до этого многовѣковаго учрежденія, тѣмъ болѣе, что ихъ торговая монополія должна сама собою пасть съ улучшеніемъ путей сообщенія и съ развитіемъ торговли и промышленности.

Чрезвычайно важно было рѣшить затянувшееся нѣсколько десятилѣтій дѣло о сословномъ и имущественномъ устройствѣ мусульманскаго населенія. Въ 1846 году, въ видѣ особой милости, уже были дарованы наслѣдственныя поземельныя права *бекамъ* мусульманскихъ провинцій (отвоеванныхъ у Персіи) и *агаларамъ* (господамъ) Татарскихъ дистанцій Грузіи, сохранившимъ безспорное владѣніе имѣніями со дня поступленія этихъ областей въ Русское подданство. Но число владѣльцевъ, могущихъ доказать такое безспорное владѣніе, было ограничено; значительная часть имѣній находилась въ рукахъ людей, пользовавшихся ими безъ опредѣленнаго права, въ ущербъ земледѣльческому населенію и въ подрывъ государственнымъ доходамъ. По этимъ причинамъ князь Барятинскій былъ вынужденъ принять мѣры, чтобы право владѣнія населенными имѣніями въ мусульманскихъ областяхъ было подвергнуто строгому, безпристрастному разбору. Роды, имѣвшіе дѣйствительно нѣкоторое значеніе въ краѣ, могли выдержать такой разборъ легко, притязанія же самозванцевъ пали бы сами собою. Такимъ образомъ, правительству открывалась возможность вознагражденія и обезпеченія лицъ, заслуживавшихъ нашей поддержки и вниманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось благосостояніе края. Окончательное же опредѣленіе правъ и обязанностей крестьянъ-мусульманъ,

жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, бывшее весьма неудовлетворительнымъ, имѣлось въ виду устроить при общей мѣрѣ объ улучшеніи быта крестьянъ за Кавказомъ. Права же другаго привилегированнаго класса въ мусульманскихъ провинціяхъ, *сеидовъ* (потомковъ Магомета), увеличивавшагося въ послѣднее время всевозможными подлогами, были окончательно опредѣлены: за сеидами признаны права духовныхъ лицъ въ такомъ лишь случаѣ, когда они исполняютъ обязанности, на мусульманскомъ духовенствѣ лежащія.

Освобожденіе крестьянъ и межеваніе.

По великому вопросу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ (которому князь Барятинскій горячо сочувствовалъ) только Ставропольская губернія, подходящая къ остальнымъ губерніямъ Россіи, своевременно возбудила дѣло, и заключеніе дворянскаго комитета, съ мнѣніемъ намѣстника, было представлено въ центральный комитетъ, гдѣ, впрочемъ, не вполнѣ согласились съ соображеніями князя. Въ Закавказскомъ же краѣ вопросъ этотъ находился въ исключительномъ положеніи. Крѣпостное право возникло здѣсь не по правительственнымъ постановленіямъ, оно сложилось изъ господствовавшихъ феодальныхъ отношеній. Въ Имеретіи повинности были опредѣлены обычаями, отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ пріобрѣли тамъ съ давняго времени значеніе отношеній обязанныхъ крестьянъ; въ Грузіи было столько же различныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, сколько и самихъ помѣстій. При чрезвычайномъ разнообразіи природы и способовъ земледѣльческаго труда, при мелкопомѣстности большей части владѣльцевъ, неопредѣленности границъ находящихся въ постоянныхъ спорахъ, представлялось невозможнымъ ускорить въ Закавказскомъ краѣ рѣшеніемъ дѣла, до приведенія въ дѣйствіе предпринятыхъ мѣръ общественнаго благоустройства, изъ которыхъ главнѣйшее, необходимое для правильнаго исхода крестьянскаго дѣла, было государственное межеваніе.

Между тѣмъ приступлено было къ приведенію въ полную извѣстность всѣхъ дѣйствовавшихъ видовъ крѣпостнаго права, безъ чего нельзя было приступить къ ихъ измѣненію.

Съ этою цѣлью князь Барятинскій приказалъ открыть въ уѣздахъ Тифлисской губерніи уѣздные комитеты изъ предводителей дворянства и членовъ-дворянъ, а въ Тифлисѣ центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія, съ участіемъ губернатора и губернскаго предводителя. Положеніе 19 Февраля 1861 г. было переведено на Грузинскій языкъ и распространено въ особой брошюрѣ по губерніи. Князь испросилъ для удовлетворенія дворянства особую сумму въ два миліона рублей.

Государственное межеваніе князь Барятинскій считалъ основною мѣрою, безъ которой нельзя было ни упростить управленія, ни оживить производительныхъ силъ страны. Оно должно было стать въ главѣ всѣхъ начинаній къ прочному устройству Кавказскаго края. Не говоря о неопредѣлительности границъ и безпрестанно возникавшихъ спорахъ, имѣнія, принадлежавшія цѣлымъ поколѣніямъ, оставались безъ раздѣла, по невозможности опредѣлить пространства и границы того, что̀ подлежало раздѣлу. Обширныя земли лежали невоздѣланныя и безъ опредѣленныхъ владѣльцевъ; но едва лишь самый незначительный участокъ становился необходимымъ для земледѣлія или промышленныхъ предпріятій, тотчасъ со всѣхъ сторонъ предъявлялись притязанія на него. Возникавшіе споры, по недостатку и неясности документовъ, требовали многосложныхъ изысканій, не могли разрѣшаться въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства и, потому дѣла, переходя изъ одной инстанціи въ другую, длились десятки лѣтъ. Не зная, что́ кому въ дѣйствительности принадлежитъ и будучи постоянно подъ страхомъ неизвѣстности, въ ожиданіи споровъ, столь легко возникавшихъ и почти не получавшихъ окончанія, владѣльцы земель не могли свободно располагать своимъ имѣніемъ и не рѣшались посвятить ему ни значительныхъ издержекъ, ни усиленныхъ трудовъ; капиталисты не рисковали довѣрять поземельной собственности своихъ денегъ; имѣнія оставались въ первобытномъ неустройствѣ, цѣнность поземельной собственности была незначительна, довѣрія къ ней и, слѣдовательно, поземельнаго кредита вовсе не существовало. При такомъ положеніи и правительство не могло приступить къ значительнымъ мѣрамъ по

устройству казенной и церковной поземельной собственности, а казенные крестьяне оставались безъ правильнаго, постояннаго надѣла; невозможно было упрочить лѣсное хозяйство, нельзя было учреждать новыя поселенія, или предоставить казенныя земли въ частныя руки для общеполезныхъ предпріятій.

Князь Барятинскій рѣшился приступить къ общему размежеванію края. По своеобразности загорныхъ областей и мѣстнымъ условіямъ, требовалось создать новый межевой уставъ. Этому дѣлу и дѣлу освобожденію крестьянъ данъ былъ энергическій ходъ; результаты вскорѣ оказались вполнѣ удовлетворительные, хотя самое завершеніе этихъ важныхъ дѣлъ состоялось уже по отбытіи князя съ Кавказа.

Реформы судебной части.

Для того, чтобы начинанія правительства въ Закавказскомъ краѣ могли въ полной мѣрѣ разрѣшиться на практикѣ ожидаемыми отъ нихъ результатами, необходимо было переобразовать судебную часть. Судоустройство за Кавказомъ было основано на общемъ законѣ, но съ разными сокращеніями, произведенными въ видахъ экономіи при открытіи новыхъ губерній. Съ перенесеніемъ Русскаго устройства суда на Азіатскую почву, недостатки его приняли поразительные размѣры; негласный, письменный процессъ, основанный исключительно на полицейскомъ слѣдствіи, оказался безсильнымъ какъ для огражденія общественной безопасности, такъ и для огражденія невинности. Въ странѣ Азіятской, пограничной, полукочевой, земская полиція обременена такими сложными обязанностями, что о серьезномъ юридическомъ изслѣдованіи дѣлъ нечего было думать, а между тѣмъ на такихъ данныхъ долженъ былъ основаться судъ. Несоотвѣтственное устройство слѣдственной части оставляло половину преступленій неоткрытыми; по неполнотѣ слѣдствій большая часть открытыхъ преступниковъ оставлялась въ подозрѣніи; дѣла длились многіе годы. Подобное состояніе правосудія равнялось почти полной безнаказанности, и въ тоже время каждый подсудимый, выпущенный на волю послѣ многолѣтняго тюремнаго заключенія, служилъ для толпы живымъ доказатель-

ствомъ Русской несправедливости. Князь Барятинскій нашелъ необходимымъ, для огражденія лицъ и собственности въ Закавказскомъ краѣ, преобразовать уголовное судопроизводство. основываясь на полномъ изученіи характера мѣстнаго населенія. Кромѣ формъ, вопросъ состоялъ и въ обширности организаціи уголовнаго и гражданскаго судопроизводства; слѣдовало опредѣлить черту, за которой, при данномъ характерѣ населенія, строгая формальность въ дѣлопроизводствѣ была бы уже не удовлетвореніемъ дѣйствительной потребности, а обременительнымъ излишествомъ. Азіатцы, избѣгающіе по возможности всякихъ столкновеній съ властью, кончающіе дѣла третейскимъ или обычнымъ судомъ, замкнутые въ своемъ домашнемъ быту, мало предпріимчивые, требуютъ вмѣшательства власти въ свои частныя дѣла гораздо меньше. чѣмъ Европейцы. Многія дѣйствія, считающіяся по Европейскимъ законамъ важными преступленіями, у туземцевъ ничто иное, какъ легкіе проступки, и передавать ихъ сужденію уголовнаго суда безполезно и обременительно. Азіатецъ, поставленный въ непріятное для него столкновеніе съ властью. предпочитаетъ всякой гарантіи немедленное окончаніе дѣла. Судебныя учрежденія въ такомъ краѣ могутъ, при одинаковой силѣ, удовлетворять нуждамъ гораздо многочисленнѣйшаго населенія чѣмъ на Европейской почвѣ. Сообразно этимъ началамъ князь Барятинскій приказалъ составить проектъ объ устройствѣ судебной части и надѣялся даже, при небольшихъ расходахъ, дать немногимъ судамъ такое устройство, чтобы они стали настоящими, зоркими, неподкупными судилищами. Предположеніямъ этимъ однако не пришлось осуществиться, потому что тогда уже готовилось введеніе въ Россіи новаго суда, по образцу коего вскорѣ введенъ судъ и на Кавказѣ. Но какъ самая важность дѣла могла потребовать обширныхъ трудовъ и значительнаго времени, между тѣмъ были предметы, устройство которыхъ не могло быть отложено до окончательнаго преобразованія судебной части, то князь поручилъ составить правила для упрощенія и облегченія отправленія правосудія въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Правила эти заключали въ себѣ слѣдующія главнѣйшія положенія:

1) Дозволить намѣстнику ввести въ производствѣ дѣлъ въ уѣздныхъ и губернскихъ судахъ *словесную расправу* на основаніяхъ, преподанныхъ въ уставѣ судопроизводства коммерческихъ судовъ съ примѣненіемъ всѣхъ тѣхъ правилъ устава, какія будутъ признаны удобоисполнимыми.

2) Въ видахъ облегченія участи подсудимыхъ отъ проволочки дѣлъ ихъ и освобожденія Сената отъ множества поступающихъ къ нему на ревизію дѣлъ, предоставить намѣстнику оканчивать своею властью тѣ дѣла, по которымъ приговоры палатъ, за разногласіемъ губернаторовъ, поступали къ нему на ревизію, когда мнѣніемъ намѣстника облегчалась участь подсудимыхъ противъ приговора палаты. А для обсужденія этихъ дѣлъ въ колегіальномъ порядкѣ установить при главномъ управленіи особое уголовное присутствіе.

3) Такъ какъ нѣкоторыя преступленія: плѣнопродавство, святотатство, кровомщеніе, пораненіе и убійство въ ссорѣ или дракѣ особенно развиты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказскаго края, то, по необходимости искорененія ихъ строгимъ и скорымъ преслѣдованіемъ, предоставить эти дѣла, хотя бы къ нимъ были прикосновенны лица привилегированныхъ сословій, окончательному рѣшенію палатъ съ согласія губернаторовъ, съ тѣмъ, что когда лица дворянскаго сословія этими приговорами присуждаются къ наказанію, то дѣла вносились бы также на утвержденіе намѣстника.

4) Конокрадство и воровство вообще скота, распространенныя тогда въ краѣ не меньше чѣмъ во всей Россіи, изъять изъ дѣйствія общаго порядка судопроизводства и подчинить правиламъ, по которымъ вѣдаются дѣла по грабежамъ и разбоямъ, съ производствомъ этихъ дѣлъ въ уѣздныхъ, а не въ военныхъ судахъ.

5) Ссылку на житье въ отдаленныя губерніи или въ Сибирь предоставить намѣстнику замѣнять для лицъ, изъятыхъ отъ телѣснаго наказанія, отдачею въ казачьи полки съ правомъ выслуги. Этимъ казна избавлялась отъ лишнихъ расходовъ. а провинившіеся становились болѣе полезными людьми.

6) Ближайшему соображенію намѣстника предоставить опредѣлить, какія изъ маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ и уголовныхъ проступковъ не должны подлежать дѣйствію пра-

вилъ для судебныхъ мѣстъ постановленныхъ, устроивъ словесный судъ и расправу по такимъ дѣламъ на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ народа.

Важное и обширное дѣло по пересмотру уложенія царя Вахтанга, сборника, считавшагося дѣйствующимъ мѣстнымъ законодательствомъ и вводившаго большую путаницу въ присутственныхъ мѣстахъ, послѣ продолжительныхъ работъ и переписки, длившейся болѣе 20-ти лѣтъ, было приведено къ окончанію въ 1859 году, и уложеніе Вахтанга отмѣнено, а въ замѣнъ его введены общіе гражданскіе законы. Всѣ эти мѣры по судебному вѣдомству были вполнѣ раціональны и, до введенія новыхъ судовъ, въ теченіе десяти лѣтъ улучшили производство дѣлъ.

Благоустройство городовъ.

По городскому хозяйству, не говоря о различныхъ улучшеніяхъ, постройкахъ и т. п. въ меньшихъ городахъ Кавказскаго края, слѣдуетъ признать за княземъ Барятинскимъ великія услуги, оказанныя имъ Тифлису—столицѣ края. Въ этомъ случаѣ онъ не отставалъ отъ дѣятельности своего предмѣстника, князя Воронцова. Прежде всего нужно сказать, что лишь благодаря иниціативѣ князя Барятинскаго въ Тифлисѣ поставленъ памятникъ князю Воронцову. Кавказскій край вообще, а Тифлисъ въ особенности, питая чувства глубокаго уваженія и признательности къ доблестнымъ дѣяніямъ перваго намѣстника, очень желали поставить ему памятникъ. Князь Барятинскій испросилъ высочайшее разрѣшеніе на открытіе по всему Кавказу подписки, назначивъ мѣсто для памятника у моста чрезъ Куру, воздвигнутаго княземъ Воронцовымъ и названнаго въ честь его Михайловскимъ. Покойный Государь, утверждая ходатайство князя, пожертвовалъ отъ себя 3 тыс. и отъ Великихъ Князей, сыновей своихъ, 2 тыс. рублей. Всей суммы собралось около 27 тыс. рублей. Князь Барятинскій въ Февралѣ 1860 года самъ заключилъ контрактъ съ академикомъ Пименовымъ на отливку бронзовой статуи и съ особымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ всего дѣла, настоялъ на отмѣнѣ перваго, не совсѣмъ удачнаго проекта, однимъ словомъ, посвящалъ очевидно искреннюю заботливость, чтобы мысль увѣковѣчить заслуги

князя Михаила Семеновича Воронцова на Кавказѣ не осталась неосуществленною. Надо сожалѣть, что до сихъ поръ не повторилось тоже въ отношеніи самого фельдмаршала князя Барятинскаго, заслуги котораго на Кавказѣ, по меньшей мѣрѣ, не уступаютъ заслугамъ другихъ...

Одно изъ важныхъ неудобствъ Тифлиса заключалось въ томъ, что въ немъ не было мѣста для публичныхъ гуляній. Для удовлетворенія этой общественной потребности, князь рѣшилъ устроить публичный садъ, который, способствуя очищенію воздуха, невыносимаго въ сильные лѣтніе жары, вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы украшеніемъ города. Для сада было избрано мѣсто между Головинскимъ проспектомъ и Александровскою (Мадатовскою) площадью, бывшею до того однимъ изъ безобразій въ центрѣ города: по обрывамъ сваливался навозъ, мусоръ, валялись дохлыя собаки, кошки, и никто какъ будто и не замѣчалъ этого, не взирая на то, что на площади почти каждое воскресенье происходили разводы и парады, въ присутствіи главнокомандующихъ. Подъ садъ пришлось занять нѣкоторые участки и незначительныя постройки частныхъ лицъ, которымъ по весьма снисходительной оцѣнкѣ вынуждены были заплатить изъ особыхъ суммъ намѣстника 120 тыс. рублей. Теперь этотъ садъ—одно изъ любимѣйшихъ гуляній горожанъ—пышно разросся, даетъ обильную тѣнь; освѣжаемый красивымъ фонтаномъ, онъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній города и, подобно Военно-Грузинской дорогѣ, служитъ памятникомъ управленія князя Барятинскаго.

Въ 1857 году князь возстановилъ въ Тифлисѣ Итальянскую оперу, съ приплатою частному предпринимателю около 30 тыс. рублей въ годъ. Опера эта, какъ извѣстно, дала поводъ упрекамъ въ расточительности и пышности; но князь, какъ онъ объяснилъ въ приведенномъ мною письмѣ его къ Великому Князю Константину Николаевичу, придавалъ оперѣ существенное значеніе: она съ одной стороны должна была соединять и знакомить разнородные и разноплеменные классы мѣстнаго общества, съ другой—удерживать толпы молодежи, постоянно наполняющей Тифлисъ, отъ другихъ развлеченій, менѣе нравственныхъ. Насколько эти цѣли до-

стигались, сказать трудно; одно только положительно можно сказать, что всѣ Тифлискіе гамэны, страстные любители пѣнія, прежде оглашавшіе улицы громкими національными напѣвами, стали безъ умолку драть уши оперными мотивами, въ родѣ la donna é mobile изъ Риголетто...

Расположеніе Тифлиса подъ обрывомъ горнаго кряжа дѣлаетъ его, не смотря на весьма наклонную мѣстность, подверженнымъ внезапнымъ, сильнымъ наводненіямъ отъ проливныхъ дождей. Сооруженія, устроенныя прежде для отвращенія этихъ наводненій, оказывались недѣйствительными. Кн. Барятинскій лично осмотрѣлъ окрестности города, откуда болѣе всего угрожали дождевые потоки, и приказалъ приступить къ новымъ работамъ для предотвращенія пагубныхъ наводненій, не обходившихся безъ человѣческихъ жертвъ и причинявшихъ бѣднѣйшей части населенія разореніе. Результаты заботъ князя, повидимому, оказались успѣшными, потому что въ послѣдніе годы уже не слышно о такихъ ужасныхъ наводненіяхъ.

—

Въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія княземъ Барятинскимъ было сдѣлано много полезнаго. Полицейскія мѣры для прекращенія нищенства въ Тифлисѣ, какъ и вездѣ въ Россіи, не имѣли никакого успѣха, потому что участь нищенствующихъ ничѣмъ не облегчалась. Князь Воронцовъ, обратившій на этотъ предметъ свое вниманіе, учредилъ при Тифлиской городовой больницѣ столовую для снабженія пищею людей, которые, по увѣчью, дряхлости и разнымъ другимъ причинамъ, не въ состояніи снискивать средства къ жизни собственными трудами. Этого благодѣтельнаго заведенія оказывалось однако недостаточно. Князь Барятинскій учредилъ въ 1857 году богадѣльню и дѣтскіе пріюты. Для богадѣльни былъ пріобрѣтенъ за 14 тыс. рублей частный домъ, и она открыта въ началѣ 1859 года. Этою мѣрою нищенство въ Тифлисѣ было прекращено; дѣйствительно, неимущіе получили пріютъ, а нежелавшіе идти въ богадѣльню лишились предлога шляться по улицамъ. Учрежденному княземъ попечительству о бѣдныхъ былъ порученъ ближайшій надзоръ за столовою князя Воронцова, которая и получила новое устрой-

ство: ее раздѣлили на два отдѣленія, помѣщавшіяся въ разныхъ пунктахъ города; въ нихъ ежедневно продовольствовалось сто человѣкъ, а тѣмъ, которыя не въ состояніи были являться въ столовую, выдавались кормовыя деньги. Кромѣ того, было обращено вниманіе на положеніе многихъ бѣдныхъ семействъ, нуждавшихся въ пропитаніи, но не могшихъ являться въ столовыя, и на обязанность коммиссіи попечительства о бѣдныхъ возложено: разсмотрѣніе поступающихъ просьбъ о пособіяхъ, ближайшее удостовѣреніе, посредствомъ членовъ ея, въ дѣйствительныхъ нуждахъ просителей, назначеніе имъ самаго необходимаго денежнаго вспомоществованіе изъ особой суммы, по разрѣшеніямъ намѣстника и т. п. Такимъ образомъ, дѣйствія благотворительности были подчинены правиламъ строгой разборчивости.

Не меньшее вниманіе обратилъ князь Александръ Ивановичъ на мостовыя, составлявшія одну изъ главныхъ потребностей Тифлиса, хотя уже и при князѣ Воронцовѣ было много сдѣлано въ этомъ отношеніи, а Тифлискія улицы, по рыхлости и свойству грунта, въ зимніе мѣсяцы оказывались почти непроходимыми. Для изученія способовъ мощенія, принятыхъ въ Европейскихъ городахъ, сходныхъ по мѣстности съ Тифлисомъ, посланы были за границу особые техники. Была еще учреждена особая коммиссія для мощенія улицъ въ предмѣстіи Куки, куда съ постройкою княземъ Воронцовымъ прекраснаго каменнаго моста было привлечено значительное населеніе.

Полиція была усилена, переформирована и проявила небывалую до того въ Тифлисѣ дѣятельность, тогда какъ прежде она вызывала справедливый ропотъ въ населеніи.

—

За время намѣстничества князя Барятинскаго многое было сдѣлано и для благоустройства другихъ Кавказскихъ городовъ. Въ Эривани, нуждавшейся въ хорошей водѣ, устроенъ фонтанъ, и вода проведена въ него трубами за 25 верстъ. Въ Ейскѣ, для облегченія положенія бѣдныхъ жителей, устроено особое предмѣстіе внѣ городской черты, съ отводомъ имъ мѣстъ для постройки жилищъ на особыхъ, легкихъ условіяхъ. Шемаха, подвергавшаяся частымъ землетрясеніямъ,

весною 1859 года необыкновеннымъ землетрясеніемъ, продолжавшимся почти двѣ недѣли, была почти разрушена. Князь Барятинскій исходатайствовалъ жителямъ въ пособіе 115 тыс. рублей, по всей Имперіи была открыта подписка для сбора пожертвованій; но во избѣжаніе еще бóльшихъ въ будущемъ жертвъ, князь распорядился перевести всѣ губернскія учрежденія въ городъ Баку, которому, съ проведеніемъ желѣзной дороги, предстояла великая будущность. Въ нѣсколькихъ городахъ перестроены и улучшены тюремныя помѣщенія, и вообще всей строительной части гражданскаго вѣдомства была дана новая организація. Во многихъ мѣстахъ устраивались новыя школы; обращено вниманіе на укоренившееся среди туземцевъ Кавказа кровомщеніе, и изыскивались средства искоренить это зло; были предположенія о возобновленіи разоренныхъ во время войны ауловъ горцевъ и проведеніи между ними лучшихъ дорогъ и проч.

При полковыхъ штабъ-квартирахъ издавна существовали слободки, населенныя отставными семейными офицерами, солдатами и частью разными поселенцами; но слободки не имѣли ни опредѣленныхъ правъ, ни правильнаго устройства и порядка. По приказанію князя Барятинскаго дѣло это было подробно изслѣдовано, и издано для слободокъ особое положеніе, опредѣлившее ихъ права и обязанности, ихъ подчиненность гражданскому вѣдомству.

Было бы слишкомъ много исчислять здѣсь всѣ стороны гражданской дѣятельности, всѣ затронутые вопросы за короткое время намѣстничества князя Барятинскаго. Достаточно приведенныхъ примѣровъ, чтобы читатель могъ судить, что и по гражданскому управленію энергіи было проявлено немало, хотя, конечно, результаты далеко не могутъ идти въ сравненіе съ блистательными военными успѣхами.

Въ слѣдующей главѣ разсмотримъ еще нѣкоторыя важныя дѣйствія намѣстника.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма князя Барятинскаго къ А. Ѳ. Крузенштерну.

1.

Малага, 2 (14) Февраля 1861 г.

Три мѣсяца прошло, какъ я не писалъ вамъ. Я надѣялся, что удаленіе отъ всякаго участія въ дѣлахъ доставитъ мнѣ столь необходимый для моего выздоровленія отдыхъ; для этого я, подъ видомъ поѣздки на Тенерифъ, отправился въ прекрасную и поэтичную Андалузію. Къ несчастью, я пролежалъ тамъ шесть недѣль въ кровати и хотя владѣніе лѣвою ногою возвратилось ко мнѣ, но за то послѣдовавшія за симъ страданія въ спинѣ и пахахъ лишаютъ меня сна и отдыха, а нервное мое возбужденіе доходитъ до крайности. Все это сводится къ тому, что, помимо моего желанія, мнѣ придется будущимъ лѣтомъ выдержать еще одинъ курсъ и отложить наше свиданіе до Августа. Пишу о томъ же военному министру. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашихъ извѣстій. Адресуйте ваши письма въ Женеву, гдѣ я буду въ первыхъ числахъ Апрѣля.

Касательно оперы, я нахожу, что составленный съ Торичелли контрактъ очень хорошъ и если вы не найдете нужнымъ сдѣлать другія распоряженія, то я желаю его продленія. Я также большой поклонникъ прелестей и игры г-жи Стольцъ, но я считалъ бы неудобнымъ изъ-за этого жертвовать интересами публики. Я передалъ Вас. Вас. (Зиновьеву) мои подробныя о томъ соображенія, дабы онъ сообщилъ ихъ, если еще не поздно, г. Кристману. Во всякомъ случаѣ дирекціи слѣдовало бы менѣе вмѣшиваться въ дѣла актеровъ. По моему мнѣнію, директоръ можетъ имѣть дѣло только съ импрессаріо. Что же касается до оркестра, то, безъ сомнѣнія, съ г-жею Стольцъ онъ былъ бы лучше, но все же сталъ бы заглушать пѣніе, такъ какъ назначеніе оркестра акомпанировать и выдѣлять красоты голоса, а не заглушать его; я нахожу, что немногочисленный оркестръ Торичелли вполнѣ удовлетворителенъ.

Съ грустью прощаюсь съ вами почти на неопредѣленный срокъ.

2.

Дрезденъ, 14 (26) Іюня 1861 года.

Давно уже я собирался вамъ написать, но плачевное состояніе моего здоровья и надежда пріѣхать въ Петербургъ, которую я питалъ постоянно, заставляли меня откладывать со дня на день это удовольствіе. Я получилъ здѣсь приказъ дожидаться возвращенія Государя изъ Москвы, а пока быть на попеченіи докторовъ. Долженъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ слѣдую предписаніямъ Вальтера, я чувствую себя хуже; но онъ мнѣ подаетъ хорошую надежду, и я разсчитываю, ранѣе чѣмъ возвратиться на Кавказъ, пріѣхать въ Петербургъ. Въ случаѣ, если мнѣ это будетъ невозможно, я по-

стараюсь встрѣтиться съ Государемъ въ Крыму, хотя, по говору Петербургскаго базара, можно надѣяться, что Государь и Государыня посѣтятъ насъ.

Посылаю вамъ секретно для вашего свѣдѣнія копію письма, только что посланнаго мною Буткову. Это, какъ вы увидите, нѣчто въ родѣ ультиматума. Я не хочу причинять ему вреда (подставлять ему ногу); послѣ его отвѣта я увижу, нужно ли будетъ начать войну, или же онъ вернется къ своимъ прежнимъ хорошимъ привычкамъ.

Послѣ всего, что́ я слышалъ, онъ очень къ этому расположенъ, и изъ его предложенія пріѣхать ко мнѣ въ Дрезденъ, я вижу уже этому доказательство. Онъ даже прислалъ ко мнѣ Новосельскаго съ предложеніями въ этомъ родѣ. Но вы знаете, насколько опасно положиться съ увѣренностью на этихъ сосѣдей полюса.

*

Дальше въ этомъ письмѣ подробности о болѣзни Тромповскаго*), о безнадежности его положенія, и въ заключеніе князь прибавилъ: „Изъ настоящаго письма можете видѣть, что я философски и съ терпѣніемъ отношусь къ моему недугу и готовлюсь идти по слѣдамъ бѣднаго Скаррона. Полагаю, это лучшій образчикъ для подражанія, когда приходится влачить свое существованіе и свое бѣдное тѣло, какъ это я дѣлаю уже въ теченіе пяти мѣсяцевъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, изъ Царскаго Села отъ 6 Августа 1861 г., князь выражалъ свою великую скорбь, что не могъ быть тогда на Кавказѣ, куда впервыя отправился Государь, дѣлалъ распоряженія о встрѣчѣ въ Кутаисѣ Государя, объ отправкѣ туда въ подарокъ лучшихъ лошадей, въ томъ числѣ его любимаго „Гуниба“ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь послалъ Крузенштерну копію съ своего письма къ Государю, вслѣдствіе котораго было ему разрѣшено пріостановить исполненіе высочайше утвержденнаго положенія по дѣламъ Мингреліи до Октября мѣсяца, когда имѣла послѣдовать формальная отмѣна его. Труды Петербургскихъ дѣльцовъ оказались напрасно потраченными....

3.

Берлинъ, 10 (22) Августа 1861 г.

Дополняю одно изъ моихъ писемъ изъ Петербурга; я забылъ приложить тогда копію съ моего письма къ Государю, которую и посылаю вамъ теперь. Вы видите изъ нея, какъ я представилъ дѣло Его Величеству. Я хотѣлъ бы, чтобы вы дали прочесть ее князю Григорію Орбельяну, Мухранскому и копію съ нея отправили бы къ Колюбакину для его руководства въ этомъ дѣлѣ. Потрудитесь отправить ему немедленно приложенное при семъ письмо, содержаніе котораго я хотѣлъ бы, чтобы онъ узналъ ранѣе пріѣзда Государя.

Кипіани не долженъ долѣе оставаться членомъ Совѣта; предложите ему отъ моего имени избрать себѣ должность внѣ Кавказа.

---

*) Приближенный адъютантъ князя.

Новосельскій будетъ къ вамъ вмѣстѣ съ Государемъ и затѣмъ пріѣдетъ ко мнѣ прямо въ Дрезденъ. Напишите мнѣ подробное и вполнѣ откровенное письмо, которое можете прислать съ нимъ. Скажите отъ меня кн. Григорію, что я прошу его говорить обо всѣхъ дѣлахъ съ Государемъ, а въ особенности о дворянствѣ, съ полнымъ чистосердечіемъ, и во всякомъ случаѣ пусть адресуется къ Адлербергу и передастъ ему все, что̀ найдетъ удобнымъ. Предлагаю и вамъ самимъ воспользоваться этимъ совѣтомъ.

Мое здоровье вновь было немного пошатнулось, благодаря поѣздкѣ въ Петербургъ; но я надѣюсь въ Дрезденѣ живо поправиться, такъ какъ воспользуюсь по крайней мѣрѣ шестимѣсячнымъ полнымъ отдыхомъ. Въ Октябрѣ я предприму путешествіе, которое поставитъ меня въ личную физическую невозможность заниматься дѣломъ.

Достаньте N (не разобрано [1]) отъ 17 Августа; я полагаю, что статья о Кавказѣ требуетъ опроверженія, и если это возможно въ Тифлисѣ, то составьте его.

4.

Дрезденъ, 14 (26) Августа 1861 г.

Прилагаю при семъ полученныя мною отъ князя Горчакова бумаги. Судя по вашему письму и по письму князя Орбельяна, я въ данномъ случаѣ вижу простое воровство или кражу со взломомъ. Баронъ Фино [2]) выводитъ отсюда цѣлый заговоръ противъ Французовъ. Съ точки зрѣнія національности, нѣтъ сомнѣнія, что муллы и мусульмане здѣсь не причемъ; но очень возможно, что жажда добычи довела ихъ до преступленія. Имѣйте въ виду, чтобы судъ былъ посвященъ въ это предположеніе. Бумаги Фино носятъ на себѣ характеръ легкомыслія, чванства и желанія придать дѣлу политическую важность; все это, впрочемъ, его собственный взглядъ. Потрудитесь обратить все вниманіе Тенгоборскаго на это дѣло.

Фино посѣщаетъ Французскія заведенія, хлопочетъ о томъ, чтобы дали войска и т. д., словомъ, заставляетъ думать, что безъ него они могли бы погибнуть.

Пришлите мнѣ маленькую откровенную записочку съ Новосельскимъ, относительно посѣщенія Государя.

Возьмите съ собою въ Поти г-на Габбъ, чтобы онъ могъ дать объясненія Государю и Чевкину на счетъ желѣзной дороги и порта въ Поти. Попросите также князя Орбеліана поговорить объ этомъ съ Его Величествомъ и окажите мнѣ въ этомъ дѣлѣ всю вашу помощь и участіе. Я полагаю, что Альбрантъ и инженеры, благодаря моей добротѣ и довѣрію къ Бэлли, страдаютъ завистью.

---

[1]) Полагаю, что рѣчь идетъ о „Колоколѣ“, въ которомъ была статья о злоупотребленіяхъ по поставкѣ сѣна войскамъ за Кубанью. А. З.

[2]) Французскій консулъ въ Тифлисѣ.

5.

Дрезденъ, 27 Октября (9 Ноября) 1861 года.

Ваши два послѣднія письма, которыя я получилъ, доставили мнѣ большое удовольствіе интересными подробностями о пребываніи Государя на Кавказѣ.

Изъ того письма, которое Его Величество изволилъ мнѣ написать, къ моему величайшему счастію я вижу, что Государь по своимъ впечатлѣніямъ остался всѣмъ, чтó видѣлъ, очень доволенъ. Милостивыя слова, которыя Его Величество изволилъ отнести на вашъ счетъ, тронули меня до глубины сердца, и я долженъ выразить вамъ свою признательность за всѣ ваши заботы, благодаря которымъ путешествіе совершилось вполнѣ удовлетворительно. Вы можете себѣ представить мое огорченіе, что я не могъ тамъ присутствовать лично; но мои сожалѣнія значительно уменьшаются благодаря увѣренности, что я такъ хорошо замѣщенъ, и что всѣ лица управленія постарались угадать мои мысли. Его Величество выразилъ мнѣ надежду пріѣхать навѣстить меня будущею осенью съ Императрицею и многочисленнымъ блестящимъ дворомъ. Мое здоровье значительно лучше: теперь, хотя и съ трудомъ, но я могу держаться на своей больной ногѣ. Вальтеръ полагаетъ, что морское путешествіе уничтожитъ мою безсонницу, которая теперь единственно меня мучаетъ и раздражаетъ. Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Египетъ. Я положительно обѣщалъ Государю быть въ Тифлисѣ въ первыхъ числахъ Апрѣля.

Я хочу вамъ отвѣтить по поводу тѣхъ назначеній, которыя вы мнѣ предлагаете сдѣлать. Поручаю Харитонову дать вамъ отчетъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя я здѣсь окончилъ. Нѣкоторыя изъ нихъ немного измѣнены противъ вашихъ представленій: дѣла агаларовъ, милиціи, Либа, Челокаева, желѣзной дороги и т. д.

Вы мнѣ ничего не пишете относительно комитета объ освобожденіи крестьянъ, зная къ тому же, какъ это дѣло меня интересуетъ. Главная трудность, кажется, удалена словеснымъ обѣщаніемъ Государя придти на помощь владѣльцамъ. Очень сожалѣю, что Военно-грузинская дорога еще не открыта для путешественниковъ, и если она еще не готова, то постарайтесь окончить ее какъ можно скорѣе. Заканчиваю свое письмо громкой жалобой нетерпѣнія относительно несчастныхъ *ватеръ-клозетовъ* Тифлисскаго дѣвичьяго института, которые мнѣ хотѣлось бы скорѣе видѣть оконченными *).

---

*) Это хоть и звучитъ не особенно красиво, но доказываетъ, какъ князь Александръ Ивановичъ заботился, даже издали и при тяжкой болѣзни, о Тифлисскихъ дѣлахъ и не особенно важныхъ. А. З.

6.

Сайнъ, 26 Апрѣля (8 Мая) 1862 года.

Ваше письмо отъ 9 Марта дошло до меня очень поздно. Прежде всего я долженъ вамъ выразить, насколько глубоко я тронутъ вашими добрыми словами и участіемъ къ моему здоровью, а также вашими сожалѣніями о невозможности меня увидать.

Докторъ Вальтеръ, который былъ у меня вчера, обѣщаетъ мнѣ полное выздоровленіе и подаетъ надежду, что послѣ двухъ курсовъ, которые я долженъ выдержать, я буду снова на конѣ. Признаюсь, я немного сомнѣваюсь въ столь внезапной перемѣнѣ. Вотъ уже годъ, какъ я почти помирился съ мыслью навсегда отказаться отъ того. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій о дворянскихъ собраніяхъ. Продолжайте адресовать ваши письма въ Дрезденъ до востребованія; время отъ времени я буду извѣщать васъ о перемѣнахъ моего мѣстопребыванія, такъ какъ это центръ всѣхъ водъ Германіи и постоянная резиденція великаго руководителя всѣхъ моихъ дѣйствій и движеній *).

Приступимъ теперь по порядку къ отвѣтамъ на различные вопросы, которые вы мнѣ задаете. Не могу скрыть отъ васъ моего маленькаго удивленія, что мои приказанія относительно Кипіани до сихъ поръ еще не исполнены. Прошу васъ сообщить объ этомъ князю Орбеліану, чтобы онъ сейчасъ же назначилъ вмѣсто него въ совѣтъ Старицкаго; Кипіани можетъ искать себѣ службы, гдѣ ему будетъ угодно, но пока я на Кавказѣ — тамъ ея онъ не найдетъ никогда.

Чтó касается до патріарха и Саркиза, Орбеліани хорошо бы сдѣлалъ написавъ письмо къ Буткову, или, если хотите, приготовьте мнѣ таковое для моей подписи; я могу также написать объ этомъ Государю, чтобы дѣло было устроено по высочайшему повелѣнію.

Въ настоящее время я не вижу возможности для Ник. Колюбакина покинуть Кутаисъ. Сообразуясь съ тѣми письмами, которыя я только что получилъ изъ Петербурга, я имѣю полное основаніе бояться, что самому Государю будетъ это непріятно, такъ какъ въ Петербургѣ не очень довольны, а я тѣмъ болѣе, вновь возникшимъ несогласіемъ между владѣтелемъ Абхазіи и генералъ-губернаторомъ. Разумѣется, во время отсутствія послѣдняго, сплетни и интриги накопятся, чтобы разразиться съ большею силою къ возвращенію Колюбакина; этимъ мнѣ предстояло бы усложнить дѣло и безъ того крайне запутанное.

---

*) Т. е. доктора Вальтера. Оказалось, что князь ошибся въ оцѣнкѣ этого якобы медицинскаго свѣтила. А. З.

7.

Царское Село, 14 Сентября 1862 года.

Рѣшительно дорога ведущая въ рай— наитруднѣйшая изъ всѣхъ. Этимъ я хочу сказать о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя мѣшаютъ мнѣ вернуться на Кавказъ, въ истинное отечество моего сердца. Дѣла Кавказа и другія, еще болѣе важныя, касающіяся общихъ интересовъ, повели къ тому, что Его Величество приказалъ мнѣ остаться еще на нѣсколько недѣль въ Петербургѣ. Не считая того огорченія, которое причиняетъ мнѣ эта задержка, я предвижу много и физическихъ затрудненій; однако надѣюсь всетаки прибыть къ вамъ на пароходѣ, отсюда до Нижняго по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ по Волгѣ до Петровска. Я предупрежу васъ вовремя телеграфомъ изъ Новочеркаска о днѣ моей вѣроятной высадки.

Такъ какъ отъ настоящаго времени до времени моего прибытія въ Тифлисъ пройдетъ значительный промежутокъ, я хотѣлъ-бы, чтобы вы опредѣлили съ княземъ Григоріемъ и съ начальникомъ главнаго штаба персоналъ управленія, который останется въ Тифлисѣ и другой, который долженъ будетъ пріѣхать ко мнѣ на встрѣчу. Разумѣется, все это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ важности тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть представлены на мое рѣшеніе. Иныя изъ нихъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ предварительнаго исполненія, я поручаю вашему знанію и вашему усмотрѣнію. Послѣ того, какъ мы были поставлены въ тупикъ относительно Армянскаго патріарха, я, обдумавъ зрѣло это обстоятельство, положилъ представить на усмотрѣніе Его Величества единственное возможное рѣшеніе по этому дѣлу. Вопросъ заключается въ томъ, чтобы убѣдить патріарха признать свою неспособность, или безсиліе, и оставить должность; тогда выбрать другаго и сдѣлать лучшій выборъ. Я долженъ вамъ предложить необходимую осторожность въ Армянскихъ дѣлахъ и въ особенности въ тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ политикѣ или затрогиваютъ національное чувство, которое щекотливо, какъ на Кавказѣ, такъ и повсюду и для всѣхъ.

Вчера Кавказскій Комитетъ рѣшилъ 64 дѣла, всѣ согласно представленіямъ сдѣланнымъ отъ насъ...

Я испросилъ у Государя сумму въ 2 миліона рублей, чтобы устранить затрудненія крестьянскаго вопроса въ Закавказьѣ; этотъ капиталъ мнѣ разрѣшенъ, но думаете-ли вы, что онъ будетъ достаточенъ? Во всякомъ случаѣ сохраните это въ секретѣ; разглашеніе породитъ въ дворянствѣ большую требовательность.

Я долженъ обратить ваше вниманіе на извѣстнаго Воронова, учителя гимназіи въ Тифлисѣ; онъ, какъ мнѣ его описали, изъ красныхъ. Велите хорошенько наблюдать за его дѣйствіями, а также за дѣйствіями всѣхъ Кавказскихъ воспитанниковъ, высланныхъ изъ Петербурга за университетскіе безпорядки. Примите наистрожайшія мѣры противъ ввоза на Кавказъ

всѣхъ запрещенныхъ произведеній, какъ Колоколъ и т. п., запретите Беренштаму и другимъ книгопродавцамъ страны, подъ страхомъ строгаго суда, продажу подозрительныхъ сочиненій и наблюдайте серьезнѣе, чѣмъ когда-либо, за цензурою, воспретивъ печатать статьи въ тѣхъ Русскихъ журналахъ, въ которыхъ вы найдете сомнительное направленіе *).

Если, ранѣе моего отъѣзда, я буду имѣть что-нибудь передать вамъ, то напишу; черезъ пять недѣль я надѣюсь быть въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, и не могу вамъ сказать, съ какимъ нетѣрпѣніемъ жду этой минуты. Княгиня Дадіанъ просила меня исходатайствовать ей у Государя позволеніе повидаться зимою съ своимъ братомъ Георгіемъ. Мнѣ предстоитъ побѣдить много препятствій; но я надѣюсь, что Государь дастъ свое согласіе, назначивъ ей путь черезъ Одессу и Тамань, чтобы избѣгнуть Мингреліи; ей опредѣлятъ срокъ пребыванія въ Грузіи до 1-го Мая.

8.

Вильна, 4 Февраля 1863 года.

Вы не можете себѣ представить, подъ какимъ грустнымъ впечатлѣніемъ я пишу вамъ эти строки. Вы уже знаете по всей вѣроятности плачевное состояніе моего здоровья; присоедините къ этому ту душевную тревогу, которая родилась во мнѣ при необходимости покинуть Кавказъ, и вы легко поймете мои печальныя мысли и съ какою тоской я пишу вамъ. Позвольте мнѣ, прежде всего, по-братски обнять васъ за всю ту дружбу и многотрудную помощь, которыя вы мнѣ оказали во все время моего управленія. Его Величество Государь и Великій Князь Михаилъ оба предупреждены о вашемъ намѣреніи покинуть службу, стало быть вы можете говорить объ этомъ съ Его Высочествомъ совершенно откровенно. Государь жалуетъ вамъ и князю Орбеліану двѣ земли въ Ставропольской губерніи. Зная ваше сердце, ваши привычки и взгляды, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ поздравить васъ и выразить вамъ мое искреннее желаніе видѣть васъ скорѣе внѣ службы, съ дорогой женою, въ своемъ добромъ краю, вдали отъ всѣхъ недоброжелательствъ и интригъ свѣта. Я надѣюсь, вы сохраните для меня свою дружбу и также искренно будете всегда разсчитывать на мою.

Скоро уже около трехъ мѣсяцевъ, какъ я нахожусь въ Вильнѣ, обремененный трудами, физическими и нравственными невзгодами. Подагра держитъ мои руки и ноги связанными, и я не могу еще предвидѣть ту минуту, когда покину Вильну. Если вы мнѣ будете писать, адресуйте письма въ Дрезденъ до востребованія: тамъ уже будутъ знать мое мѣстопребываніе. Великая княгиня прибудетъ къ вамъ лишь въ Апрѣлѣ. Я думаю, необходимо, чтобы сократить расходы бѣдныхъ Грузинъ, внушить еще въ Ставрополѣ Великому Князю Михаилу мысль—не принимать празднествъ въ Тифлисѣ ранѣе прибытія его супруги, безъ чего тѣ, по своей вѣтренности и доброй волѣ, готовы понести двойные расходы.

*) Писано подъ впечатлѣніемъ смутныхъ дней въ Петербургѣ: студенческихъ исторій, пожара Апраксинскаго рынка, пожара въ Симбирскѣ и т. д. А. З.

Глава III.

Реформы учебной части.—Взгляды кн. Барятинскаго на вредное направленіе въ учебныхъ заведеніяхъ.—Характерныя рѣчи воспитанниковъ Ставропольской гимназіи.—Столкновеніе мѣстнаго начальства съ учебнымъ вѣдомствомъ.—Управленіе сельскаго хозяйства.—Учрежденіе двухъ областей.—Строительная и дорожная части.—Ремесленники изъ туземцевъ.—Гражданская медицинская часть.—Гидрографія рѣкъ.—Пароходство по Тереку.

Князь Барятинскій весьма серьезно относился къ дѣлу народнаго образованія. Гдѣ можно было и хватало средствъ, онъ поощрялъ открытіе новыхъ школъ и улучшеніе существовавшихъ. Такъ, за время его намѣстничества, усилены средства всѣхъ учебныхъ заведеній Ставропольско-черноморской дирекціи; въ Ейскѣ и Ставрополѣ открыты женскія училища. Закавказскій дѣвичій институтъ въ Тифлисѣ находился въ плачевномъ состояніи, особенно вслѣдствіе плохаго, тѣснаго и неудобнаго помѣщенія. Настойчивостью князя это было устранено, и институтъ тотчасъ же могъ увеличить число воспитанницъ до 150 и прибавить 30 своекоштныхъ пансіонерокъ. Основанныя кн. Воронцовою пять благотворительныхъ женскихъ заведеній, послѣ смерти князя Михаила Семеновича, получили отъ княгини Елисаветы Ксаверьевны крупное пожертвованіе въ 200 т. рубл. для воспитанія изъ процентовъ извѣстнаго числа дѣвицъ, съ выдачею каждой при выпускѣ по 200 рубл. пособія. Князь Барятинскій посвящалъ этимъ заведеніямъ особое вниманіе, велъ объ нихъ съ княгинею Воронцовой дѣятельную переписку; по его мысли, послѣдовали многія измѣненія въ ихъ организаціи, въ методахъ воспитанія и т. п.; а Ставропольское женское училище Св. Александры получило новый уставъ. Всѣ эти заведенія процвѣтаютъ до сихъ поръ и выпустили уже изъ своихъ стѣнъ не одну сотню дѣвицъ, съ среднимъ образованіемъ. Вообще князь Барятинскій придавалъ весьма важное значеніе женскимъ училищамъ. Стремясь привязать туземное населеніе къ правительству, онъ находилъ, что слѣдуетъ управлять каждою народностью съ любовью и полнымъ почтеніемъ къ завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ; что администраторъ долженъ лишь подготовить почву и указывать на путь, ведущій къ

улучшеніямъ, предоставляя каждой отдѣльной народности свою долю участія, согласно своимъ особенностямъ. И въ этомъ-то отношеніи князь считалъ воспитаніе женщинъ самымъ важнымъ факторомъ: ибо женщина, по вліянію своему на семейство, какъ на хранилище народныхъ нравовъ и обычаевъ, дѣйствуетъ одинаково на привычки дитяти, возмужалаго и старца, и одна она можетъ измѣнять къ лучшему домашніе обычаи, въ которыхъ заключается первое условіе совершенствованія. Кавказъ нуждается въ перерожденіи нравовъ, и потому размноженіе женскихъ училищъ князь считалъ одною изъ главныхъ заботъ. Покойный Государь вполнѣ одобрялъ взглядъ своего намѣстника и изъявилъ согласіе, чтобы при первой возможности были основаны новые институты въ Кутаисѣ, Ставрополѣ, Владикавказѣ и Баку.

Самымъ важнымъ дѣяніемъ по учебной части было упраздненіе попечителя Кавказскаго учебнаго округа и подчиненіе дирекціи училищъ въ каждой губерніи мѣстному главному начальнику, къ которому директоръ становился въ роли помощника по дѣламъ училищнымъ.

Поводами къ такому преобразованію служили слѣдующія соображенія. Учебная часть, составляя особое вѣдомство, имѣла во главѣ особаго начальника—попечителя учебнаго округа. Такое устройство, общее по всей Имперіи, казалось на Кавказѣ непримѣнимымъ. По огромности пространства, на которомъ расположены училищныя дирекціи, по затруднительности сообщеній, учебная часть, въ самомъ существенномъ основаніи своемъ, именно въ отношеніи постояннаго, дѣйствительнаго за нею наблюденія и самаго ея направленія, не вполнѣ обезпечивалась. Кромѣ того встрѣчалось еще и другое неудобство: въ то время, когда, по особому состоянію Кавказскаго края, главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ мѣстностей ввѣрены были всѣ безъ исключенія части мѣстнаго управленія, отчужденность одного учебнаго вѣдомства отъ ихъ вліянія составляла какое-то уклоненіе и служила причиною несогласія между властями и многихъ другихъ неудобствъ. Это привело князя къ убѣжденію въ необходимости измѣнить существовавшій порядокъ управленія учебною частью на Кав-

казѣ, подчинивъ ее, подобно всѣмъ другимъ отраслямъ управленія, главнымъ начальникамъ мѣстныхъ отдѣловъ края.

Въ этомъ смыслѣ князь Барятинскій 26 Мая 1860 г. писалъ въ Петербургъ, между прочимъ: „La chose qui m'occupe le plus en ce moment et que je tâcherai d'exécuter encore avant mon départ, est la décentralisation, de notre учебный округъ. Sans parler des études, qui selon mon opinion ne feront qu'y gagner, les directeurs restant les mêmes, le respect de l'autorité y trouvera son compte, car c'est une chose, qui m'a toujours frappé, combien la partie savante en Russie imprime des tendances indépendantes et irrévérencieuses envers les chefs locaux par conséquent subversives et à l'autorité et à l'ordre. Avec ce nouveau systême je me fais fort de prouver dans trois ans combien cette mesure est essentielle pour le bon principe. Pendant ce temps il ne faut pas faire attention à tout ce que la partie détrônée pourrait susciter d'intrigues et de commérages pour dénaturer et discréditer les innovations que je viens de faire. Je fais en ce moment allusion à une correspondance, dont vous connaissez la source et l'adresse *).

По докладу объ этомъ предположеніи Государю, повелѣно было составить, сообразно предположеннымъ княземъ Барятинскимъ основаніямъ, новое положеніе объ управленіи учебною частью на Кавказѣ.

Новое положеніе заключало въ себѣ слѣдующія главныя черты: 1) учебный округъ упраздненъ, всѣ права и обязанности, лежавшія на попечителѣ, переданы начальникамъ отдѣльныхъ мѣстностей края. 2) Дѣлопроизводство по высшему наблюденію учебною частью сосредоточено въ главномъ

---

*) *Переводъ.* Предметъ, занимающій меня болѣе всего въ данную минуту и который я постараюсь окончить еще до моего отъѣзда, это децентрализація нашего учебнаго округа. Не говоря уже о самомъ ученіи, могущемъ, по моему мнѣнію, лишь выиграть при этомъ, директоры останутся на своихъ мѣстахъ и утвердится уваженіе передъ властью; меня всегда поражало, что ученое сословіе въ Россіи внушаетъ дерзкія понятія независимости къ мѣстнымъ начальникамъ, подрывая вообще авторитетъ власти и порядка. При вводимой мною организаціи я ручаюсь, что въ три года успѣютъ убѣдиться, насколько эта мѣра дѣйствительна для проведенія добрыхъ началъ. И такъ, въ теченіи этого времени не слѣдуетъ обращать вниманіе на всѣ интриги и сплетни, которыя могла бы возбудить свергнутая партія, чтобы извратить и разстроить нововведенія, мною теперь предпринятыя. Въ этомъ случаѣ я намекаю на переписку, о которой вы знаете отъ куда и по какому адресу она происходитъ.

управленіи намѣстника. 3) Для осмотра учебныхъ заведеній предположено командировать членовъ Совѣта намѣстника, или другихъ высшихъ служащихъ лицъ, по его усмотрѣнію. 4) Къ существовавшимъ дирекціямъ прибавлены еще три: Бакинская, Эриванская и Терская. 5) Директоры училищъ, находясь въ прямомъ подчиненіи мѣстныхъ начальниковъ, обязаны быть помощниками ихъ по учебной части. 6) Цензурный комитетъ въ Тифлисѣ, бывшій въ вѣдѣніи попечителя учебнаго округа, какъ установленіе общее для цѣлаго края, подчиненъ намѣстнику. Положеніе это, утвержденное и введенное въ видѣ опыта, въ Августѣ 1860 года, удостоилось высочайшаго одобренія.

На первый взглядъ, подобное измѣненіе порядка управленія учебною частью, порядка, издавна уже существовавшаго вездѣ въ Россіи, должно показаться мѣрою явно реакціоннаго характера; но, не говоря о мѣстныхъ условіяхъ, разноплеменности населенія и т. п., отличающихъ и теперь еще Кавказъ отъ другихъ областей государства, нужно принять во вниманіе всѣмъ извѣстныя вѣянія, охватившія насъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда мы, какъ бы вырвавшись изъ оковъ, думали вдругъ стать самыми передовыми ультралиберальными людьми въ Европѣ и чуть ли не превзойти весь Западъ своими прогрессивными ученіями, соціальными реформами, крайностями свободомыслія и проч. и проч. Для достиженія цѣлей въ этомъ направленіи, считалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ проникнуть въ школы и уловить молодое поколѣніе...

Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ періодѣ нашего развитія. Какой-то умственный туманъ, окутавшій тогда почти все общество, не исключая лицъ облеченныхъ властью, ослѣпилъ не только юношей-мечтателей, но и старцевъ въ высшихъ чинахъ, украшенныхъ звѣздами! Результаты извѣстны. Таковы неизбѣжныя послѣдствія всякихъ крайностей. Но при всемъ томъ, я вовсе не желаю доказывать, чтобы учебную часть слѣдовало подчинять вполнѣ мѣстнымъ администраторамъ: все зависитъ отъ исполнителей, а если они—„лихіе супостаты, то всуе и законы писать“...

Князь Барятинскій, несомнѣнный приверженецъ всякаго разумнаго прогресса, доказавшій это многими своими дѣйствіями по гражданскому управленію, не могъ однако сочувствовать новоявленному направленію, вовсе не соотвѣтствовавшему Россіи, ни по ея историческому прошлому, ни по ея вѣрованіямъ, ни по характеру и состоянію массы народонаселенія. Со свойственною ему прозорливостью, князь Барятинскій предвидѣлъ, до чего могутъ довести прокрадывавшіяся въ школьную жизнь такъ называемыя начала свободомыслія, отверганіе авторитетовъ и самомнѣніе юношей. Онъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя и настаивалъ на необходимости принять рѣшительныя мѣры для предупрежденія предвидѣнныхъ имъ горькихъ послѣдствій воспитанія въ духѣ и съ цѣлями, противными самой идеѣ государства. Воспользовавшись своими правами, онъ въ этомъ отношеніи провелъ вышеозначенную реформу на Кавказѣ, именно съ этою цѣлью, тѣмъ болѣе, что появились было уже и зародыши, дававшіе возможность предвкушать грядущее...

Кстати приведу здѣсь одинъ эпизодъ, подтверждающій мои слова.

Въ Ставропольской гимназіи былъ публичный актъ, по обыкновенію, въ присутствіи представителей мѣстныхъ властей, духовенства и общества. Директоръ гимназіи г-нъ ** между прочимъ сказалъ, что хотя къ акту были представлены воспитаниками спеціальныхъ классовъ рѣчи (эти классы приготовляли учителей для уѣздныхъ училищъ), но онѣ не удостоены публичнаго чтенія, потому что *въ нихъ приводятся такія мысли, которыя никоимъ образомъ не могли быть почерпнуты въ классахъ гимназіи;* педагогическій же совѣтъ удостоилъ чтенія три сочиненія воспитанниковъ 7-го неспеціальнаго класса: Демьяновича, Мамонтова и Попова. Первое было на тему: „Вѣчевой колоколъ въ Новгородѣ Великомъ“, остальныя два на одинаковую тему: „Сравнительное сопоставленіе царствованій Петра I и Екатерины II по отношенію къ народному образованію“. При этомъ директоръ добавилъ, что Демьяновичъ и Мамонтовъ уже удостоены къ отправленію на казенный счетъ въ университетъ, а Поповъ, хотя успѣшно кончилъ курсъ, но за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ между уче-

никами 7-го класса (безпорядки заключались въ томъ, что ученики жаловались попечителю на дурную пищу въ пансіонѣ, и справедливость жалобы секретными дознаніями была доказана, хотя директоръ опровергалъ это...) лишенъ права продолжать образованіе въ университетѣ.

Началось чтеніе. Сочиненіе Демьяновича прошло мало замѣченнымъ, исключая рѣзкой выходки, касавшейся грубости и необразованности православнаго духовенства. Вторымъ было чтеніе Мамонтова, поразившее слушателей безстыдной дерзостью. Онъ началъ съ того, что до сихъ поръ многіе брались за разработку этой темы, но ихъ труды не достигали цѣли: вопросъ остался неуясненнымъ, открытымъ, а нынѣ онъ представляетъ вполнѣ разработанный отвѣтъ на него. Отвѣтъ же заключался въ томъ, что: „Мы пришли къ убѣжденію, что Императоръ Петръ I и Императрица Екатерина II были болѣе или менѣе дикіе полуазіаты, которыхъ вся заслуга по народному образованію ограничилась тѣмъ, что они нѣчто объ немъ поговорили и ничего не сдѣлали". Третье чтеніе, Попова, было совершенно противуположнаго характера, безъ всякаго самохвальства, съ яснымъ, скромнымъ выраженіемъ мыслей, безъ дерзкихъ фразъ противъ давно почившихъ славныхъ монарховъ.

Рѣчи были напечатаны въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, съ разрѣшенія цензора—инспектора гимназіи. По этому поводу возникла переписка мѣстнаго губернскаго начальства съ учебнымъ вѣдомствомъ; послѣднее доказывало, что первое не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла гимназіи, которая стремится воспитывать юношей *„съ свободными мыслями и благородными стремленіями"*... Пререканія, не въ надлежащемъ впрочемъ свѣтѣ, безъ подробностей, доходили до намѣстника, но остались безъ послѣдствій. Однако князь соглашался съ мнѣніемъ губернскаго начальства и, по ходатайству губернатора и вопреки опредѣленію педагогическаго совѣта, воспитанникъ Поповъ тоже былъ отправленъ на казенный счетъ въ университетъ.

При упраздненіи княземъ Барятинскимъ попечительства, директоръ Ставропольской гимназіи *** уѣхалъ въ отпускъ

и, пока князь оставался на Кавказѣ, уже въ край не возвращался. Чрезъ нѣсколько лѣтъ реформа учебной части была измѣнена, *возстановленъ прежній режимъ попечителя, и въ этой должности очутился тотъ же бывшій директоръ Ставропольской гимназіи г-нъ* ***!..

Князь Александръ Ивановичъ, предъ самымъ оставленіемъ должности намѣстника, въ концѣ 1862 г., былъ въ Петербургѣ, гдѣ ему представлялся одинъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ. Вотъ чтó, между прочимъ, князь ему сказалъ: „Я только что отъ Государя; напомнилъ и прочиталъ ему мое письмо, писанное по поводу страшнаго направленія Ставропольской гимназіи, поставившей цѣлью „развитіе свободы мыслей“ *). Въ моемъ письмѣ, которое по важности содержанія, я сохранилъ въ точной копіи, я коснулся послѣдствій направленія этой гибельной цѣли воспитанія и какъ бы предсказалъ грустное проявленіе этихъ послѣдствій, нынѣ выразившееся въ дерзкомъ походѣ Петербургскихъ студентовъ въ Колокольную улицу, для предъявленія своихъ требованій попечителю Петербургскаго учебнаго округа. Тогда, если бы обратили вниманіе на мои слова, всѣ эти безпорядки могли бы быть предупреждены и предотвращены“.

Увы, князь Барятинскій, считая важнымъ безпорядкомъ шествіе студентовъ въ Колокольную улицу, далеко не предвидѣлъ болѣе важныхъ, печальныхъ послѣдствій, предъ которыми это шествіе было лишь мальчишеской шалостью! И нужно сказать, что изъ числа воспитанниковъ Ставропольской дирекціи училищъ контингентъ нигилистовъ получилъ въ свое время изрядный резервъ.

—

Въ 1858 году князь Барятинскій, въ видахъ развитія сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ другихъ отраслей народнаго благосостоянія, учредилъ особое „Управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ на Кавказѣ и за Кавказомъ“. Но уже въ 1860 году постоянное наблюденіе за дѣйствіями сего важнаго по своему назначе-

*) Копіи съ этого письма въ архивѣ князя Барятинскаго не сохранилось. А. З.

нію учрежденія привело къ убѣжденію, что основанія, на которыхъ установлено это управленіе, требуютъ большей разработки, а самый кругъ его дѣйствій расширенія. Независимо отъ пользы, проистекающей изъ развитія природныхъ богатствъ края, невозможно было не признать того значенія, которое должны имѣть усовершенствованіе земледѣлія и поощреніе промышленности въ ряду мѣръ, клонящихся къ упроченію спокойствія въ части края, бывшей недавно еще театромъ полувѣковой борьбы, и къ распространенію въ ней гражданственности. Князь нашелъ нужнымъ всѣ мѣры, принимаемыя въ этомъ отношеніи, сосредоточить непосредственно въ своихъ рукахъ, дабы придать имъ больше однообразія и энергіи, и такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, вознаградить край за долголѣтнія лишенія, изгладивъ въ памяти его населенія воспоминанія о прошедшихъ бѣдствіяхъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Управленіе было переименовано въ „Управленіе сельскаго хозяйства и промышленности на Кавказѣ и за Кавказомъ“, съ расширеніемъ круга дѣйствій его и съ новымъ штатомъ.

Стремленія князя были прекрасны, и дѣйствительно ничѣмъ лучше нельзя было возвысить благосостояніе края, какъ развитіемъ сельскаго хозяйства и промышленности; но достигалась ли цѣль посредствомъ канцеляріи, хотя бы съ новымъ названіемъ, во главѣ которой становились военные генералы, ничѣмъ къ такой спеціальной дѣятельности не подготовленные, это другой вопросъ. Князь Барятинскій вскорѣ уѣхалъ съ Кавказа, и по этому невозможно опредѣлить, какіе результаты были бы имъ достигнуты при посредствѣ созданнаго по его указаніямъ учрежденія.

Сѣверный Кавказъ, заселенный казаками и значительнымъ числомъ различныхъ выходцевъ изъ разныхъ губерній Россіи, за исключеніемъ мѣстностей, входившихъ въ составъ Ставропольской губерніи, подчинялся исключительно военнымъ властямъ, что́ вызывало крайнія неудобства, множество несправедливыхъ распоряженій, и постоянно носило характеръ неопредѣленности правъ и обязанностей той части населенія, которая не принадлежала къ казачьему сословію.

Князь Барятинскій счелъ нужнымъ, въ виду окончившейся на Восточномъ Кавказѣ войны и очевидно наступавшаго вскорѣ прекращенія ея и на Западномъ, образовать изъ Кавказской линіи двѣ области: Терскую и Кубанскую. 26 Января 1860 года предположеніе это было высочайше утверждено.

По разнообразію племенъ, населяющихъ пространство Сѣвернаго Кавказа, преобразованіе въ немъ администраціи само по себѣ представляло весьма важный трудъ, осложнявшійся необходимостью разграничить военное и гражданское вѣдомства. Работа была возложена на временное отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края, совмѣстно съ тогдашнимъ начальствомъ новыхъ областей. Дѣло потребовало много времени и закончено уже послѣ оставленія княземъ Кавказа.

—

Строительная и дорожная части тоже обратили на себя вниманіе кн. Барятинскаго. Существовавшія учрежденія далеко не удовлетворяли главнѣйшимъ мѣстнымъ потребностямъ.

Собственно для строительной части существовали въ краѣ три коммиссіи: Тифлисская, Ставропольская и Екатеринодарская. Первыя двѣ дѣйствовали на пространствѣ своихъ губерній, не касаясь однако тѣхъ капитальныхъ дорожныхъ сооруженій, коими непосредственно завѣдывало правленіе VIII округа путей сообщенія; а дѣйствія послѣдней ограничивались почти однимъ городомъ Екатеринодаромъ.

Сухопутные и водяные пути сообщенія находились въ распоряженіи двухъ вѣдомствъ: военнаго и гражданскаго. Управленію военному, сосредоточиваясь въ правленіи VIII округа путей сообщенія, были подвѣдомственны преимущественно военные пути: Грузинскій, Имеретинскій и Осетинскій, а также пути, лежащіе въ военныхъ отдѣлахъ края. Завѣдываніе остальными затѣмъ путями принадлежало губернскому начальству.

При такой организаціи, управленіе строительно-дорожною частью, вопервыхъ, не соотвѣтствовало другимъ административнымъ установленіямъ, получившимъ при князѣ Барятинскомъ новое устройство, а, главное, было лишено един-

ства, этого перваго условія каждаго благоустроеннаго спеціальнаго учрежденія. Такъ напримѣръ, въ однихъ мѣстахъ существовали строительныя коммиссіи, а въ другихъ, обладающихъ тѣми же условіями, ихъ вовсе не было. Въ однѣхъ губерніяхъ проекты на гражданскія зданія разсматривались въ гражданскихъ установленіяхъ, а въ другихъ въ правленіи VIII округа путей сообщенія, состоявшемъ въ вѣдомствѣ военномъ. Работы производились въ вѣдомствѣ гражданскихъ властей, а ревизія по выполненію работъ въ другомъ вѣдомствѣ. Одни пути сообщенія состояли въ вѣдомствѣ гражданскаго начальства, а другими вѣдало правленіе VIII округа. Отсюда проистекали неуравнительное и несообразное съ мѣстными потребностями распредѣленіе работъ, ослабленіе надзора, медленность, а иногда и безплодная трата времени и средствъ. Все это послужило поводомъ къ радикальному преобразованію управленія строительною и дорожною частями, съ измѣненіемъ всѣхъ дѣйствовавшихъ по управленію сему штатовъ.

Принявъ за основныя начала—сосредоточенность и единство административныхъ дѣйствій, на пространствѣ всего края, расширеніе правъ начальствующихъ лицъ, упраздненіе лишнихъ инстанцій и коллегіальнаго порядка и усиленіе, взамѣнъ того, средствъ техническихъ, управленіе строительною и дорожною частями было организовано въ слѣдующемъ видѣ:

1) Всѣми путями сообщенія, зданіями и другими техническими сооруженіями на Кавказѣ, за исключеніемъ строительныхъ работъ, въ вѣдѣніи военно-инженернаго управленія Кавказской арміи состоящихъ, завѣдываетъ гражданское управленіе.

2) Управленіе сіе, по пространству дѣйствій и степени власти, дѣлится на главное и мѣстное.

3) Высшій надзоръ по строительной и дорожной частямъ принадлежитъ намѣстнику Кавказскому и сосредоточивается во вновь учреждаемомъ, въ составѣ главнаго управленія, Строительно-дорожномъ департаментѣ *).

*) Итакъ создавался уже шестой департаментъ Кавказскаго главнаго управленія...

4) Мѣстное управленіе составляютъ генералъ-губернаторы, военные и гражданскіе губернаторы, командующіе войсками и начальники областей. Дѣла мѣстнаго управленія, сосредоточиваясь въ губернскихъ правленіяхъ или въ канцеляріяхъ и штабахъ, производятся подъ непосредственнымъ руководствомъ лицъ, мѣстное управленіе представляющихъ, за исключеніемъ предметовъ особенно-важныхъ, кои разсматриваются въ коллегіальномъ порядкѣ, на особо установленныхъ правилахъ.

5) Находящіяся въ вѣдомствѣ намѣстника Кавказскаго строительныя коммиссіи, правленіе VIII округа, съ четырьмя рабочими ротами, и отдѣльныя должности нѣкоторыхъ техническихъ чиновъ упраздняются.

Ощутительный въ краѣ недостатокъ по части ремесленной промышленности вызывалъ разновременно различныя по этой части предположенія; но они всѣ, болѣе или менѣе, не удавались. Соображенія причинъ такой неудачи привели къ убѣжденію, что самымъ ближайшимъ и вѣрнымъ путемъ развитія этой отрасли народнаго благостоянія должно послужить сближеніе мастероваго класса туземцевъ съ лучшими нашими ремесленниками въ столицахъ. Вслѣдствіе сдѣланнаго съ этою цѣлію приглашенія, нѣкоторые изъ Московскихъ мастеровыхъ и ремесленниковъ, съ хорошей рекомендаціей мѣстнаго начальства, изъявили готовность принять къ себѣ на нѣсколько лѣтъ воспитанниковъ изъ Кавказскихъ уроженцевъ, съ обязательствомъ безвозмезднаго содержанія и обученія ихъ ремесламъ.

О выборѣ воспитанниковъ и изысканіи средствъ къ отправкѣ ихъ въ Москву сдѣлано распоряженіе; но это дѣло осталось уже въ наслѣдство преемнику князя Барятинскаго.

—

Медицинскую часть гражданскаго управленія, какъ внутри Имперіи, такъ и на Кавказѣ, составляли два вѣдомства: собственно-медицинское, образуемое штатами врачебныхъ управъ, губернскихъ, уѣздныхъ и городовыхъ врачей, повивальныхъ бабокъ и прочихъ медицинскихъ чиновъ, и хозяйственное или аптекарское, состоящее изъ казенныхъ аптекъ и ихъ фармацевтическихъ чиновъ.

Оба эти вѣдомства, составлявшія отдѣльныя и независимыя одно отъ другаго части, въ 1847 году, по предложенію князя Воронцова, соединены въ одно, и завѣдываніе всѣми вообще дѣлами по частямъ медицинской и фармацевтической гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ и Ставропольской губерніи поручено особому медицинскому чиновнику, съ званіемъ управляющаго медицинскою частію гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ.

Хотя образованіемъ этого управленія предполагалось привести въ связь и сосредоточить раздробленныя и независимыя медицинское и аптекарское управленія и установить общій надзоръ за народнымъ здравіемъ, но предположеніе это на дѣлѣ не осуществилось. Отношенія управляющаго медицинскою частію и къ главному управленію въ краѣ, и къ учрежденіямъ губернскимъ, остались неопредѣленными. Общій надзоръ по прежнему оставался за главнымъ управленіемъ намѣстника. Рѣшеніе вопросовъ, какъ ученыхъ, такъ и судебно-медицинскихъ, въ кругъ власти управляющаго не входило. Сношенія по этимъ вопросамъ съ медицинскимъ совѣтомъ были весьма рѣдки и почти безполезны. Въ общихъ мѣрахъ противъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней управляющій не принималъ и не могъ совершенно принимать никакого участія, потому что узнавалъ о всемъ случившемся уже по принятіи мѣръ со стороны мѣстнаго начальства. Въ сущности управляющему принадлежало только завѣдываніе пятью казенными аптеками.

Такимъ образомъ управляющій медицинскою частью оказывался совершенно лишнимъ. Кромѣ того въ этомъ вѣдомствѣ существовало неестественное разнообразіе: при одномъ и томъ же кругѣ обязанностей во всѣхъ губерніяхъ и при одинаковомъ устройствѣ другихъ частей мѣстнаго управленія, изъ шести губерній на Кавказѣ, только въ двухъ, Тифлисской и Ставропольской, находились врачебныя управы; въ остальныхъ же медицинскою частью завѣдывали губернскіе врачи. Не говоря уже, что такое разнообразное устройство врачебныхъ учрежденій, при одинаковомъ кругѣ ихъ дѣйствій, не имѣло никакого основанія, самая врачебная часть, или завѣдываемая, есть не болѣе какъ часть общаго губерн-

скаго управленія. Слѣдовательно, самостоятельность врачебныхъ управъ въ отношеніи къ губернскому управленію была не что иное, какъ несообразность, которая тѣмъ не менѣе не могла не имѣть вреднаго вліянія на ходъ нѣкоторыхъ дѣлъ губернской администраціи. Независимо того, коллегіальный порядокъ дѣлопроизводства въ врачебныхъ управахъ и самый составъ ихъ весьма мало соотвѣтствовалъ ограниченному кругу ихъ дѣйствій, и опытомъ было дознано, что, во всѣхъ почти Закавказскихъ губерніяхъ, тѣ же дѣла и съ тѣмъ же успѣхомъ, но только при несравненно меньшихъ издержкахъ, производились губернскими врачами. По указаніямъ князя Барятинскаго, предполагалось организовать врачебное управленіе въ слѣдующемъ видѣ:

1) Главный надзоръ по управленію медицинскою частію принадлежитъ намѣстнику Кавказскому и сосредоточивается въ главномъ управленіи.

2) Врачебною частію въ губерніяхъ завѣдываютъ губернскіе врачи, подъ надзоромъ начальниковъ губерній.

3) Въ уѣздахъ, округахъ и городахъ врачебное управленіе составляютъ уѣздные, окружные и городовые врачи.

4) Дѣла врачебно-учебныя и врачебно-судебныя и вообще часть спеціально-медицинская вѣдаются въ Кавказскомъ медицинскомъ совѣтѣ, который составляетъ общее для всего края спеціальное учрежденіе.

—

Мысли князя Барятинскаго безпрерывно устремлялись къ возможному развитію всѣхъ природныхъ богатствъ Кавказа. По его порученію Англійскіе инженеры Бэлли и Габбъ подробно и весьма добросовѣстно изучили гидрографію всѣхъ рѣкъ Закавказья; опредѣлили, сколько каждая изъ нихъ въ состояніи дать воды для орошенія полей, безъ чего въ этой знойной странѣ ничто произрастать не можетъ. Они въ общихъ чертахъ назначили будущее направленіе оросительныхъ каналовъ. Такимъ образомъ князь положилъ основаніе будущему оживленію втунѣ лежащихъ степей, могущихъ со временемъ превратиться въ роскошные сады, дать возможность культурѣ самыхъ цѣнныхъ произведеній земли и стать источникомъ неисчерпаемыхъ богатствъ.

Важность выгодъ, коихъ можно ожидать въ экономическомъ отношеніи отъ соединенія богатой производительностью Терской долины и земель Ставропольской губерніи съ внутренними торговыми рынками, чрезъ устройство на р. Терекѣ пароходства, неоспорима. По предложенію намѣстника Кавказскаго, на приведеніе въ дѣйствіе этихъ предположеній изъявилъ было уже готовность дѣйствительный статскій совѣтникъ Новосельскій. Онъ вызвался учредить пароходство по старому рукаву Терека, начиная отъ его устья и до станицы Шелкозаводской. Съ этою цѣлью, по изслѣдованіи глубины водъ и ширины русла, г. Новосельскій уже заказалъ, для плаванія по водамъ этой рѣки, пароходы. Но желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить предпріятіе свое на будущее время, онъ находилъ необходимымъ изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ Терекъ и его истоки, чрезъ особую коммиссію, чтобы обсудить на мѣстѣ и рѣшить, что̀ именно нужно сдѣлать, не нарушая ничьихъ выгодъ: а) для предотвращенія обмеленія Терека; б) для охраненія прибрежныхъ жителей отъ подтоповъ и в) для огражденія интересовъ компаніи, которая содержитъ на откупѣ принадлежащіе казнѣ рыболовные промыслы. Вслѣдствіе сего, для разъясненія означенныхъ вопросовъ, была учреждена особая коммиссія изъ инженернаго офицера и представителей разныхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. За оставленіемъ княземъ Барятинскимъ края, дѣло на этомъ остановилось.

Не взирая на отвлеченіе главныхъ заботъ и вниманія военными дѣйствіями, не взирая на частые болѣзненные припадки, князь Барятинскій, какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше цѣлаго ряда предметовъ, затронутыхъ въ его кратковременное намѣстничество, посвящалъ немало труда и гражданской части управленія Кавказомъ. Я однако коснулся не всего, что̀ дѣлалось, что̀ предполагалось и разрабатывалось въ періодъ времени 1856—1862 годовъ. Это потребовало бы слишкомъ подробнаго, продолжительнаго труда на мѣстѣ.

Въ заключеніе перейду къ чрезвычайно-важному и сложному дѣлу, возникшему по мысли князя и осуществившемуся по его энергической настойчивости. Я говорю объ

учрежденіи „Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“. Это и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма А. Ѳ. Крузенштерна къ князю А. И. Барятинскому.

(Съ Французскаго).

1.

Тифлисъ, 12 Мая 1857 г.

Вслѣдъ за полученіемъ вашего письма отъ 6 сего мѣсяца, принялись за розыски г-на Львова. Оказывается, что въ настоящее время онъ въ отсутствіи и отправился въ Редутъ-Кале. Его возвращеніе сюда ожидается въ самомъ скоромъ времени, и затѣмъ извѣстно его намѣреніе отправиться на Пятигорскія воды. Здѣсь наблюдаютъ за его возвращеніемъ и какъ только онъ пріѣдетъ, его сейчасъ же направятъ согласно вашимъ приказаніямъ. Я совсѣмъ не желаю быть защитникомъ Львова, который долженъ быть порядочный негодяй; но смѣю прибавить, что, судя по письму графа Толя, священникъ, позорящій Львова своими доносами, кажется ничуть не лучше его самого.

Письмо Лазарева и бумага Прянишникова остаются у меня до вашего возвращенія. Пребываніе Лазаря Лазарева въ этой странѣ во время Персидской войны было весьма кратковременно. Фельдмаршалъ Паскевичъ нарочно вытребовалъ его по рекомендаціи покойнаго Нерсеса и приставилъ его къ дѣлу переселенія 80 тысячъ Армянскихъ семействъ изъ Персіи въ Россію. Подобное положеніе, кажется, вскружило голову Лазареву и, величая себя княземъ Арменіи, онъ приписывалъ желаніе Армянъ перейти на жительство въ Россію единственно вліянію своей фамиліи, вполнѣ неизвѣстной на Востокѣ, не смотря на все, что̀ онъ объ этомъ говорилъ. Слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ побудило его сдѣлать нѣсколько неловкостей, за которыя фельдмаршалъ его отставилъ, и тогда только Моисей Аргутинскій-Долгорукій довелъ переселеніе Армянъ изъ Персіи до благополучнаго конца. Что̀ касается до Армянскихъ дѣлъ, то Лазаревъ положительно убѣжденъ въ громадномъ вліяніи своей фамиліи и желалъ бы, чтобы имя Лазаревыхъ было произнесено при выборахъ новаго патріарха. Вотъ какое впечатлѣніе произвело на меня его письмо.

Касательно выборовъ будущаго патріарха, смѣю представить вамъ черновую составленной мною по этому поводу бумаги. Я не рѣшаюсь снять съ нея копію прежде чѣмъ узна̀ю ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ,

дабы такимъ образомъ оставить все въ секретѣ. Посылка отъ васъ агента въ Турцію мнѣ кажется необходимою: онъ самъ заявитъ намъ положительно, должны ли мы направить нашъ выборъ на епископа изъ Турціи или рѣшиться создать патріарха у насъ же, на тотъ случай, если мы не будемъ въ силахъ вести борьбу съ происками Запада; затѣмъ онъ выяснитъ намъ степень расположенія Турецкихъ Армянъ къ Россіи, расположенія, которое, какъ говорятъ, далеко неблагопріятно. По моему мнѣнію всѣхъ способнѣе исполнить съ честью подобное щекотливое порученіе, Давидъ Суреновъ, маленькій чиновникъ, который находился во время коронаціи въ Москвѣ въ качествѣ переводчика. Будучи самъ Армяниномъ, онъ пойметъ лучше, чѣмъ кто-либо, Турецкихъ Армянъ; вмѣстѣ съ этимъ онъ горячо преданъ нашему дѣлу, а потому, разумѣется, будетъ дѣйствовать честно въ нашихъ видахъ. Къ тому же, свѣдѣнія получаемыя отъ нашего посольства въ Константинополѣ, дадутъ намъ полную возможность его контролировать. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ будетъ уѣхать въ качествѣ комерсанта и безо всякаго оффиціальнаго вида *).

Когда вы одобрите бумагу, составленную по этому дѣлу, которая должна быть послана въ Петербургъ, то остальныя бумаги будутъ написаны немедленно. Я полагаю, что надо отправить Бутеневу копію съ этой бумаги, сообщивъ ему при этомъ нѣкоторыя другія подробности. Можно многое сказать еще по этому дѣлу; но я думаю, что самое лучшее будетъ покончить съ нимъ по вашемъ возвращеніи.

Г. Прянишниковъ, посылая вамъ свою бумагу, не имѣлъ въ виду вашего представленія относительно преемника г. Фогелю. На мѣсто Фогеля былъ представленъ г. Нитренко, въ настоящее время судья въ Шемахѣ, человѣкъ, соединившій въ себѣ, кажется, всѣ желаемыя условія для поста облеченнаго довѣріемъ. Первый разъ въ жизни я имѣлъ въ рукахъ письменное доказательство, что правительство наблюдаетъ за частной корреспонденціею. До сихъ поръ я зналъ о томъ лишь по наслышкѣ.

2.

Петербургъ, 25-го Января 1858 г.

Прибывъ 22-го сего мѣсяца въ Петербургъ, я 23-го же отправился къ Буткову. Я передавъ ему привѣты вашего сіятельства, которые были имъ почтительно приняты, и счелъ долгомъ переговорить съ нимъ о дѣлѣ Армянскаго патріарха, о чемъ вы приказали мнѣ составить докладъ Его Величеству. Бутковъ понялъ всю важность этого вопроса и тотчасъ же ска-

*) Князь Барятинскій предпочелъ командировать въ Константинополь генералъ-маіора Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова (въ послѣдствіи графа и проч.) о чемъ, впрочемъ, послѣ сожалѣлъ. А. З.

залъ мнѣ, что находитъ невозможнымъ, чтобы я говорилъ о томъ подробно съ Государемъ, во-первыхъ потому, что рѣшеніе этого политическаго вопроса затруднило бы Его Величество, и затѣмъ онъ не видитъ возможности долгой бесѣды по этому дѣлу во время короткой аудіенціи. Бутковъ полагаетъ, что было бы несравненно лучше изложить это дѣло оффиціальной перепиской. Онъ хочетъ переговорить обо всемъ этомъ съ княземъ Орловымъ, и по всей вѣроятности я долженъ буду явиться передъ Его Величествомъ согласно инструкціямъ этихъ господъ. Боюсь, что оборотъ, который приняло дѣло, положительно не будетъ согласоваться съ видами вашего сіятельства.

Еще дорóгою обдумывая, я предвидѣлъ совершенно ясно затрудненія достигнуть возможности долгаго объясненія съ Государемъ. И дѣйствительно, какимъ образомъ я, ничтожный самъ по себѣ, хотя и сильный вашимъ именемъ и вашимъ довѣріемъ, могу развивать передъ Его Величествомъ взгляды на политику, которой нужно слѣдовать по отношенію къ Армянской народности и къ будущему патріарху? Въ особенности, какъ вернуться къ высказанному уже вашимъ сіятельствомъ мнѣнію, что выборы патріарха должны вестись такимъ образомъ, чтобы епископъ изъ Турціи оказался получившимъ это высокое назначеніе? Какъ заставить понять въ немногихъ словахъ необходимость подкрѣпить или не подкрѣплять свѣтскій элементъ при составленіи избирательнаго собранія? Наконецъ, какъ сказать Государю: желаете вы или нѣтъ создать изъ Армянской народности въ Россіи просвѣщенную, единую и сильную націю, идущую по пути извѣстной независимости и способной имѣть значительный вѣсъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ, могущихъ родиться на Востокѣ, или желаете вы, напротивъ, затормозить нравственное развитіе Армянъ и держать ихъ подъ извѣстнымъ постояннымъ покровительствомъ и наблюденіемъ? Въ первомъ случаѣ необходимъ патріархъ честный, просвѣщенный, твердый и недоступный соблазнамъ тщеславія, однимъ словомъ, патріархъ хорошій, но не поддающійся безусловно во всемъ нашимъ властямъ, человѣкъ, который могъ бы стать въ оппозицію съ Кавказскимъ намѣстникомъ и въ случаѣ полнаго раздора могъ бы покинуть свой постъ Эчміадзинскій, объявивъ передъ лицемъ всей Европы о своемъ неудовольствіи противъ Россіи? Во второмъ случаѣ, найдите патріарха извращеннаго, доступнаго всѣмъ соблазнамъ и до глубины испорченнаго, но который былъ бы орудіемъ въ рукахъ Русскаго правительства и дѣйствовалъ бы согласно его видамъ и надобностямъ?

Согласитесь, дорогой князь, что для маленькаго чиновника, подавленнаго уже присутствіемъ своего Государя, подобный политическій разговоръ представляется затруднительнымъ. Если подобныя опасенія поднялись во мнѣ уже во время пути, то вы легко поймете, что слова Буткова могли ихъ только усилить. Теперь я нахожусь въ ожиданіи приказанія представиться и не премину сообщить вамъ о результатѣ моего свиданія; но я

предвижу, что онъ не будетъ отвѣчать вашему ожиданію, то есть не дастъ ничего положительнаго, чему мы могли бы слѣдовать въ нашихъ отношеніяхъ къ Армянамъ.

Считаю нужнымъ прибавить по этому вопросу, что ставить его въ настоящее время можетъ быть нѣсколько неумѣстно, такъ какъ это частью зависитъ отъ манифестаціи Армянской народности въ Тифлисѣ, которая хочетъ требовать, чтобы во время выборовъ патріарха свѣтскій элементъ былъ бы преобладающимъ. Если же этого требованія и не будетъ, то становится почти безполезнымъ зондировать правительство по отношенію къ его видамъ на Армянскую народность.

По моемъ прибытіи я узналъ о смерти моего отца, послѣдовавшей 29-го Декабря. Къ этому несчастію, давно предвидѣнному и ожидаемому, присоединилось и другое: умеръ мой племянникъ, мальчикъ 12 лѣтъ, единственный сынъ моей сестры. Все это повергло меня въ крайнее уныніе, и я боюсь, чтобы это письмо не носило бы на себѣ его отпечатокъ, за что заранѣе прошу извиненія. Какъ только буду имѣть возможность, я отправлюсь къ себѣ и, по правдѣ сказать, ожидаю съ нѣкотораго рода опасеніемъ минуты встрѣчи со своими.

23-го я имѣлъ счастіе посѣтить вашу матушку. Вотъ уже двѣ недѣли какъ ей не здоровится, и я засталъ ее въ креслѣ, полулежащею. Не смотря на это, она приняла меня и была очень рада получить извѣстія о васъ. Мысль о поѣздкѣ въ Тифлисъ кажется не покидаетъ ея, и она надѣется быть въ силахъ къ осени предпринять это путешествіе. Ваша сестра, графиня Орлова-Давыдова, находилась возлѣ вашей матушки и обращалась ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами. Она полагала, что я привезъ отъ васъ письмо, котораго повидимому ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Графиня Орлова познакомилась съ княгинею Дадіанъ, которая ей очень понравилась. Княгини Дадіанъ я еще не видалъ, но не замедлю поѣхать къ ней съ визитомъ.

3.

Петербургъ, 1 Февраля 1858 г.

Возвратясь только что отъ Его Величества, спѣшу отдать вамъ отчетъ объ этомъ свиданіи. Въ письмѣ отъ 25 Января я имѣлъ уже честь сообщить вамъ, что Армянскій вопросъ не можетъ разрѣшиться при моемъ посредствѣ. Свиданіе съ Государемъ доказало мнѣ, что дѣйствительно почти невозможно было обсудить этотъ вопросъ, требующій подробнаго развитія, во время короткой аудіенціи; благодаря инструкціямъ Буткова, онъ не былъ совершенно затронутъ. Государь принялъ меня крайне милостиво, вслѣдствіе вашей горячей рекомендаціи. Нашъ разговоръ велся по русски. Онъ протянулъ мнѣ руку (я глубоко сожалѣлъ, что моя была въ перчаткѣ) и благодарилъ меня за мои слабыя заслуги. Затѣмъ онъ усадилъ меня и спросилъ, привезъ ли я съ собою какія-нибудь дѣла. Я отвѣ-

чалъ, что нѣтъ, и что я взялъ отпускъ по причинѣ болѣзни моего отца, о смерти котораго я уже узналъ здѣсь. Затѣмъ онъ спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ, и я отвѣчалъ, что вы харкали кровью. Его Величество полагаетъ, что это происходитъ отъ полнокровія, а не отъ послѣдствій вашей раны. Потомъ Государь говорилъ о многихъ предметахъ, касающихся Кавказа, и только время отъ времени я вставлялъ свое слово. Онъ говорилъ о князѣ Бебутовѣ и я разсказалъ объ его болѣзни. Государь отозвался о немъ, какъ о личности умной и симпатичной . . . . . Я отвѣчалъ, что начальникъ гражданскаго управленія не имѣетъ никакого законнаго вліянія на дѣла, и что степень этого вліянія всецѣло зависитъ отъ высшаго начальника. Вслѣдъ за этимъ Государь спросилъ, естьли у васъ кто-нибудь въ виду для замѣщенія Бебутова, и я, согласно вашимъ приказаніямъ, сталъ говорить о Григоріѣ Орбельянѣ и добавилъ, что вы хотѣли бы имѣть на этомъ мѣстѣ человѣка, не могущаго никоимъ образомъ считать себя вашимъ конкурентомъ. Его Величество выразилъ свои сожалѣнія, что не знаетъ лично Орбельяна и затѣмъ спросилъ, кого вы разсчитываете назначить на его мѣсто. Я отвѣчалъ, что вы не остановили еще своего выбора, такъ какъ все дѣло зависитъ отъ случайности, но что вскользь упоминали о Врангелѣ. Его Величество изволилъ замѣтить, что Врангель знаетъ также эту часть Кавказа, и что Эристовъ можетъ быть назначенъ въ Кутаисъ. Затѣмъ Государь разсказалъ всю исторію Врангеля и Эристова и превозносилъ перваго въ своихъ похвалахъ. „Это славный, благородный человѣкъ, я его очень люблю. Онъ оставилъ здѣсь по себѣ прекрасную память“. Переходя къ Эристову, Государь, хваля его прошлую службу, сказалъ, что это былъ человѣкъ умный, хорошій военный, но что прежде вы не имѣли къ нему полнаго довѣрія. Я отвѣчалъ, что на сколько мнѣ извѣстно, вы, кажется, хорошаго мнѣнія объ Эристовѣ. „Это должно быть такъ, сказалъ Государь; ибо Барятинскій представилъ его на должность генералъ-губернатора, значитъ перемѣнилъ тамъ, на мѣстѣ, свое мнѣніе. Я прекрасно помню, что раньше онъ имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ Эристова“. Затѣмъ Его Величество изволилъ говорить о Мингреліи. Въ вопросительной формѣ онъ сказалъ: „возмущеніе Мингрельцевъ не было направлено противъ Русскихъ?“ и спросилъ затѣмъ, покойны ли они теперь? Я отвѣчалъ, что совершенно. „Я опасаюсь лишь одного, добавилъ Государь, чтобы наши чиновники не породили между Мингрельцами чувства нерасположенія и, быть можетъ, даже сожалѣнія о перемѣнѣ управленія, какъ это, къ несчастью, и наблюдалось уже, напримѣръ въ Чечнѣ“. Я отвѣчалъ, что въ настоящее время наличный составъ мѣстнаго управленія выбранъ прекрасно. Вслѣдъ за этимъ Государь распространился о утвержденныхъ имъ мѣрахъ по военной части, сказавъ, что онѣ вполнѣ совпали съ его собственнымъ взглядомъ; затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы и гражданская часть была также хорошо организована. Я замѣтилъ, что теперь разработывается много вопросовъ. „Не слишкомъ бы много разомъ“, возразилъ Государь. Затѣмъ онъ спро-

силъ, долго ли продлится мое отсутствіе и кто меня замѣщаетъ. Когда я назвалъ Инсарскаго, онъ спросилъ: „благонадеженъ ли этотъ человѣкъ?" Я съ жаромъ подтвердилъ это, прибавивъ, что вы его давно знаете. Затѣмъ Государь поднялся снова, протянулъ мнѣ руку, снова благодарилъ меня и сказалъ: „Надѣюсь, что и впредъ будешь усерднымъ помощникомъ Барятинскому".

Вотъ, дорогой князь, подробный отчетъ о моемъ свиданіи съ Государемъ. Доброта Его Величества меня глубоко тронула, и я весь полонъ признательности за этотъ пріемъ, которымъ я обязанъ вашему милостивому ходатайству. Въ тоже время я боюсь вашего неудовольствія, что я былъ вынужденъ отложить вопросъ о патріархѣ и объ Армянской народности, вопросъ, разрѣшеніе котораго вы такъ близко принимаете къ сердцу. Простите меня, если я навлекъ на себя ваше неудовольствіе, и прикажите написать мнѣ строчку въ Ревель, дабы я зналъ, чего мнѣ держаться. Такъ какъ Государь не касался другихъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили съ вами при моемъ отъѣздѣ, какъ напримѣръ о преобразованіи гражданскаго управленія, о желѣзныхъ дорогахъ, объ освобожденіи крестьянъ, Нѣмецкихъ колоніяхъ и о братствѣ для распространенія христіанства, то всѣ эти вопросы остались не затронутыми.

4.

Тифлисъ, 25 Іюня 1858.

Полковникъ Бартоломей читалъ мнѣ вчера объемистую записку по дѣлу о Шахсеванахъ и производимыхъ ими періодическихъ безпорядкахъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ на Муганской степи, а также о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты на будущее время для улаженія этого дѣла. Бартоломей очень хотѣлъ бы пріѣхать самъ лично въ Боржомъ, дабы повергнуть свои заключенія на одобреніе вашего сіятельства; при этомъ онъ полагаетъ, что присутствіе въ Боржомѣ князя Тарханова, Шемахинскаго губернатора, помогло бы уладить дѣло и много облегчитъ принятіе окончательныхъ мѣръ на этотъ счетъ. Смѣю просить ваше сіятельство не оставить меня своими приказаніями по сему предмету.

Я видѣлся съ генералами Милютинымъ и Дмитріемъ Орбеліаномъ; мы совѣщались относительно принятія мѣръ, дабы предупредить недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Имеретіи и Мингреліи, затѣмъ относительно устройства проектированной большой охоты *). Результатъ нашей бесѣды сообщаю Булатову въ подробномъ письмѣ.

*) Охота устраивалась для Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

5.

Тифлисъ, 27 Мая 1859.

Вашъ адъютантъ, князь Львовъ, привезъ намъ 25 числа сего мѣсяца извѣстіе о вашемъ отъѣздѣ въ Петербургъ. Я сейчасъ же отправился къ князю Орбеліану, и черезъ минуту туда же явился Милютинъ также за приказаніями. Вчера, 26-го въ полдень, въ большой залѣ вашего дома, Орбельянъ принималъ въ полной формѣ мѣстныя власти, прочелъ имъ коротенькую, совершенно приличную обстоятельству рѣчь и теперь будетъ принимать доклады въ тѣ же самые дни, въ которые имѣли обыкновеніе принимать вы; а для просителей назначены въ вашемъ домѣ два дня въ недѣлю. Согласно доставленному мнѣ Лимановскимъ приказанію, курьеръ, который будетъ посланъ къ вамъ завтра утромъ, доставитъ вамъ всеподданнѣйшій докладъ о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ относительно добыванія и продажи соли въ Ставропольской губерніи.

Армянскій патріархъ не прибылъ въ Поти къ назначенному числу, и до сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о его путешествіи. Въ городѣ носятся слухи, что его святѣйшество заболѣлъ въ Константинополѣ, вслѣдствіе чего его поѣздка отложена. Это обстоятельство въ высшей степени непріятно, такъ какъ мѣры для увеличенія числа лошадей на станціяхъ, гдѣ долженъ проѣзжать патріархъ, были немедленно приняты.

Имѣю честь повергнуть на ваше усмотрѣніе проектъ письма къ князю Орлову относительно капитала наслѣдственной пенсіи, получаемой Грузинскимъ и Имеретинскимъ царскими семействами. Къ сему я прилагаю полученное мною по этому предмету письмо Буткова съ приложеніями и письмо, также относящееся къ этому вопросу, адресованное вамъ князьями Ираклiемъ, Александромъ и Григоріемъ Грузинскими.

6.

Тифлисъ, 17 Іюня 1859 г.

Узнавъ сейчасъ, что сегодня вечеромъ отправляютъ къ вамъ на встрѣчу курьера, спѣшу воспользоваться случаемъ и переслать вамъ письма, полученныя со времени моей послѣдней посылки въ Курскъ.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ мы ожидаемъ курьера, который долженъ привезти намъ нѣкоторыя подробности относительно вашего пребыванія въ Петербургѣ, куда вы, судя по письму Лимановскаго къ генералу Милютину отъ 7-го сего мѣсяца, должны будете скоро пріѣхать.

Армянскій патріархъ, наконецъ, прибылъ къ намъ 14-го числа. Пріемъ ему былъ оказанъ блестящій; едва онъ вступилъ въ свои апартаменты, какъ мы, т.-е. князь Орбеліанъ, генералъ Милютинъ, Лелли и я,

сдѣлали ему коротенькій визитъ. Торжественная аудіенція 15-го числа была поистинѣ поразительна. Князь Орбеліанъ передалъ его святѣйшеству грамату объ утвержденіи Его Величествомъ Государемъ его избранія и знаки ордена Св. Александра Невскаго. Патріархъ поднесъ грамату Государя и брилліантовый орденъ къ своимъ губамъ и произнесъ по-армянски небольшую рѣчь, выражающую его признательность, рѣчь, которую генералъ Лорисъ-Меликовъ перевелъ по-русски. Сколько времени патріархъ пробудетъ еще здѣсь, никому неизвѣстно; но полагаютъ, что онъ спѣшитъ своимъ пріѣздомъ въ Эчміадзинъ для совершенія обряда посвященія надъ собою и надъ нѣсколькими епископами. Въ Субботу 20-го числа, князь Орбеліанъ дастъ ему въ вашемъ домѣ обѣдъ на счетъ экстраординарныхъ суммъ.

Пока я совершенно воздерживаюсь высказать свое мнѣніе о патріархѣ. Я знаю только, что его положеніе одно изъ наиболѣе тяжелыхъ: съ утра до вечера его осаждаетъ цѣлая толпа интригановъ, которые его тормошатъ со всѣхъ сторонъ, и онъ, почти совсѣмъ незнакомый ни съ людьми, ни съ обстоятельствами страны, положительно не знаетъ, чего держаться. Онъ объявилъ, что ранѣе своего посвященія и до дня своего представленія вашему сіятельству, не будетъ никому дѣлать визитовъ. Какъ кажется, визитъ экзарху не будетъ сдѣланъ теперь. Лорисъ-Меликовъ долго говорилъ со мною по поводу этого этикета и долго объяснялъ мнѣ, насколько его собственное положеніе было щекотливымъ и затруднительнымъ при этомъ обстоятельствѣ, благодаря единственно тому, что этотъ визитъ къ экзарху и данный Лорисъ-Меликову приказъ склонить и приготовить къ нему патріарха былъ настолько разглашенъ, что слухъ обо всемъ этомъ пронесся по всему городу. Сейчасъ же вслѣдъ за его прибытіемъ много личностей обращались къ Лорису съ вопросомъ: поѣдетъ патріархъ къ экзарху или нѣтъ? При этомъ разспросы сопровождались различными соображеніями. Лорисъ-Меликовъ былъ совершенно сбитъ этими обстоятельствами и сказалъ мнѣ, что визитъ самъ по себѣ, по его мнѣнію, не болѣе какъ простая формальность, исполненіе которой не представило бы ни малѣйшаго затрудненія, еслибы о немъ никому не говорили; но теперь этотъ вопросъ становится важнымъ дѣломъ, въ которое онъ не можетъ болѣе вмѣшиваться, такъ какъ рискуетъ навлечь на себя вѣчный упрекъ со стороны Армянъ, и они могутъ сдѣлать ему дальнѣйшее пребываніе въ Тифлисѣ положительно невыносимымъ. Я доложилъ объ этомъ дѣлѣ князю Орбеліану; мы пришли къ заключенію, что въ настоящее время самое лучшее оставить совсѣмъ этотъ вопросъ, дабы лишить его той раздутой важности, которая связана теперь съ нимъ, благодаря неизвѣстно откуда происшедшей болтливости, и подождать зимы, когда патріархъ пріѣдетъ вновь въ Тифлисъ для выраженія вамъ своихъ привѣтствій.

Ко всему этому надо прибавить, что,въ рѣчахъ о патріархѣ, мнѣнія всѣхъ сводятся къ тому, что онъ прекрасная личность. Вообще его избра-

ніе разсматриваютъ, какъ торжество нашей политики на Востокѣ, такъ какъ оно должно утвердить разъ навсегда первенство Эчміадзинской эпархіи надъ Армянами всего міра и обратить къ намъ симпатію народа, который по своему уму, дѣятельности и богатству пріобрѣлъ громадное вліяніе на судьбы Турціи. Есть лица, утверждающія, что настоящее избраніе составляетъ для Россіи мирную побѣду, стоящую по своему значенію, быть можетъ, выше всего, что она пріобрѣла оружіемъ. Размѣръ письма не позволяетъ мнѣ распространяться дальше объ этомъ предметѣ, который во всякомъ случаѣ вполнѣ заслуживаетъ вниманія правительства.

Г-нъ Абихъ отправился сегодня въ Шемаху съ намѣреніемъ произвести нѣкоторыя геологическія изысканія о причинахъ и пространствѣ колебаній почвы, жертвою коихъ былъ этотъ городъ. По своемъ возвращеніи онъ хочетъ отправиться въ Эрзерумъ и Эрзинганъ, которые также при этомъ значительно пострадали, и затѣмъ обозрѣть всю почву, пострадавшую при этомъ несчастіи.

Инженеръ Бэлли пріѣхалъ сегодня сюда, изслѣдовавъ добросовѣстно путь, по которому должны пролегать желѣзныя дороги отсюда до Поти. Я его еще не видалъ, но Рисъ передалъ мнѣ, что г. Бэлли не находитъ непреодолимыхъ препятствій для постройки желѣзнаго пути и съ нетерпѣніемъ ждетъ положительныхъ извѣстій относительно времени, которое вы назначите для вашей встрѣчи съ нимъ, такъ какъ онъ долженъ къ концу Іюля новаго стиля быть уже въ Бельгіи.

Вотъ уже два или три дня, какъ дождь пересталъ, и жара начинаетъ становиться нестерпимою. Городъ пустѣетъ. Институтъ дѣвицъ переѣхалъ сегодня въ Каджоры. Капгеръ, Медемъ уѣхали вчера, Трубецкой, Давыдовъ, Минквицъ наканунѣ отъѣзда. Всюду прощальные пикники, обѣды и ужины съ танцами. Вообще въ нашемъ Тифлисѣ все обстоитъ хорошо, исключая развѣ того, что начальникъ полиціи вотъ уже три недѣли не покидаетъ своей комнаты.

Къ четыремъ препровождаемымъ вамъ письмамъ я прилагаю при семъ три номера „Кавказа“, изъ которыхъ послѣдній не совсѣмъ полный, но за то содержитъ въ себѣ довольно сдержанную статью о пріемѣ патріарха Матеоса.

7.

Тифлисъ, 30 Іюня 1859.

25-го числа я получилъ ваше письмо отъ 16-го. Я былъ счастливъ узнать отъ васъ самихъ, что вы довольны результатами вашего пребыванія въ Петербургѣ. Всемилостивѣйше назначенные Его Величествомъ 15 тыс. рублей для первой помощи несчастнымъ жителямъ Шемахи были немедленно отправлены къ князю Тарханову по почтѣ.

Я не посылаю вамъ пока еще никакихъ бумагъ, такъ какъ приказъ, въ силу котораго князь Орбеліанъ исправляетъ вашу должность, не поте-

рялъ еще своего значенія. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, данныя вами князю Орбеліану права должны окончиться лишь только вы возвратитесь въ страну, то я счелъ долгомъ представить ему въ этомъ смыслѣ приказъ за вашею подписью.

Затѣмъ имѣю честь повергнуть на ваше усмотрѣніе двѣ бумаги, оставленныя здѣсь на ваше имя патріархомъ Матеосомъ, который уѣхалъ вчера въ Эчміадзинъ. Одна изъ этихъ бумагъ содержитъ въ себѣ выраженіе его признательности за все, что̀ было для него сдѣлано; вторая касается вопроса громадной важности, а именно назначенія консула или консульскихъ агентовъ въ нѣкоторыхъ городахъ Малой Азіи. Безъ всякаго сомнѣнія, наше вліяніе въ Турціи отъ этого можетъ лишь выиграть; но политическія и финансовыя причины могутъ представить значительныя къ этому препятствія. Я знаю, что Лорисъ-Меликовъ имѣлъ уже объ этомъ разговоръ съ Великимъ Княземъ Константиномъ и что Его Высочество съ жаромъ присоединился къ этой мысли. Можетъ быть, онъ уже говорилъ вамъ объ этомъ.

Что́ касается до меня, имѣю честь просить вашихъ приказаній относительно того направленія, которое вы пожелаете дать представленію патріарха.

До сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, прекратилось ли землетрясеніе въ Шемахѣ. Со времени полученія послѣднихъ писемъ, удары время отъ времени повторялись, но не достигали силы перваго, который и былъ причиною несчастья. Всѣ дѣла остановлены, и большая часть бумагъ засыпана мусоромъ. Коцебу не могъ обревизовать губернію, что́ должно было начаться съ губернскаго правленія и затѣмъ распространиться на уѣздныя управленія. Онъ уѣхалъ въ Дербентъ и вѣроятно окончитъ тамъ свои дѣла ранѣе, нежели положеніе дѣлъ въ Шемахѣ позволитъ ему начать дѣятельность въ этомъ городѣ.

8.

Тифлисъ, 11 Января 1860 г.

Съ сегодняшнею почтою посланъ вамъ Кавказскій Календарь на 1860 годъ, и въ этомъ же пакетѣ вы найдете брошюру, содержащую въ себѣ статью Берже о Чечнѣ; эта статья помѣщена также и въ календарѣ. Портретъ Шамиля не могъ быть помѣщенъ тамъ, потому что мысль воспроизвести эту литографію явилась слишкомъ поздно и, несмотря на торжественныя обѣщанія, мы до сихъ поръ портрета не получали.

Графъ Евдокимовъ представилъ вамъ во Владикавказѣ прошеніе дочери полковника Аглинцова, мать которой хотѣла бы ее помѣстить въ Харьковскій институтъ, и вамъ было угодно написать на прошеніи: „исполнить“. Вслѣдствіе этого имѣю честь представить при семъ письмо статсъ-

секретарю Гофману, которое содержитъ въ себѣ предложеніе отнести на вашъ счетъ ежегодную плату за м-ль Аглинцову, если нельзя этого сдѣлать на счетъ казны. Посылая вамъ эту бумагу во время вашего пребыванія въ Петербургѣ, я дѣйствовалъ согласно вашимъ приказаніямъ, дабы вы могли, если найдете это необходимымъ, подкрѣпить нѣсколькими словами вашу письменную просьбу.

Ставропольскій губернаторъ доноситъ, что г. Павловъ (соляной откупщикъ) выразилъ желаніе воспитывать на свой счетъ въ училищѣ Св. Александры пять пансіонерокъ въ память вашего производства въ фельдмаршалы. Имѣю честь представить вамъ эту бумагу, дабы вы при своемъ проѣздѣ черезъ Ставрополь могли бы сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ г-ну Павлову, если находите, что онъ ихъ достоинъ.

Княгиня Мухранская *), послѣ многихъ препятствій, наконецъ, пріѣхала въ Тифлисъ въ послѣдній часъ стараго года, когда все общество собралось въ вашемъ дворцѣ на балу, данномъ княземъ Орбеліаномъ на счетъ экстра-ординарныхъ суммъ. Я былъ очень радъ вновь увидать княгиню послѣ четырехъ лѣтъ и, признаюсь, я думалъ, что она значительно измѣнилась. Вмѣсто этого она мнѣ показалась все также хороша, если не лучше еще, чѣмъ была въ Маѣ 1855 года, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ.

Въ Тифлисѣ все благополучно, исключая того, что случаи пожаровъ начинаютъ довольно часто повторяться: 5-го числа огонь уничтожилъ пристройку дома, принадлежащаго г. Антонову и находящагося почти напротивъ коменданта, а третьяго дня въ 9 час. вечера показался огонь въ домѣ Ираклія Грузинскаго, въ помѣщеніи, занимаемомъ вашимъ совѣтомъ. Огонь потушили довольно скоро, но тѣмъ не менѣе онъ причинилъ коекакое повреждение, и совѣтъ на нѣкоторое время долженъ будетъ собираться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Теперь исповѣдь! Вамъ извѣстно, дорогой князь, что каждый годъ мы посылаемъ Персидскому шаху, черезъ Аничкова, Кавказскій Календарь. Обыкновенно при этомъ испрашивается для какого-нибудь чиновника орденъ Льва и Солнца. Во время вашего отсутствія, я позволилъ себѣ высшую смѣлость просить Аничкова исходатайствовать, если онъ находитъ это возможнымъ, вышеупомянутый орденъ для Крамалея. Не имѣя на это вашего разрѣшенія, я каюсь въ своемъ проступкѣ, умоляя простить меня, если я возбудилъ ваше неудовольствіе. Я думалъ, между прочимъ, что еслибы мой проступокъ и имѣлъ свои послѣдствія, то отъ вашей воли всегда зависитъ разрѣшеніе принять и позволить носить этотъ орденъ.

---

*) Княгиня Анна Мухранская, пользовавшаяся одно время особымъ расположеніемъ князя А. И. Барятинскаго, послѣ выѣзда его изъ Тифлиса въ 1855 г., уѣхала за границу, гдѣ и оставалась около 4-хъ лѣтъ.

9.

Каджоры, 14 (26) Іюня 1862 г.

Получивъ въ концѣ Мая ваше письмо, помѣченное 26-мъ Апрѣлемъ, я хотѣлъ сейчасъ же вамъ отвѣчать, но различныя обстоятельства заставили меня отложить отвѣтъ до сегодня. Главная причина этой задержки заключается во внезапно постигшей Тифлисъ, въ концѣ прошлаго мѣсяца, тропической жарѣ, заставившей насъ, какъ можно скорѣе, спастись бѣгствомъ въ Каджоры. Здѣсь лучше, но недостатокъ дождя даетъ себя живо чувствовать. Въ общемъ этотъ годъ не обѣщаетъ хорошей жатвы. Засуха стоитъ небывалая; послѣ зимы, наиболѣе сухой, весна не была многоводною и, хотя, благодаря оставшемуся прошлогоднему хлѣбу, и не боятся неурожая, тѣмъ не менѣе большая часть страны испытываетъ недостатокъ фуража. Бакинская губернія и Елизаветпольскій округъ подверглись нападенію саранчи; Тифлисъ со своими окрестностями выжженъ солнцемъ. Въ Эриванской губерніи надѣются на хорошую жатву; изъ Кутаиской жалобъ также не слышно.

Теперь я спѣшу отвѣчать вамъ на предложенные вами мнѣ вопросы. Я испытываю глубокую радость, благодаря добрымъ надеждамъ, которыя д-ръ Вальтеръ питаетъ относительно вашего здоровья. Дай Богъ, чтобы онѣ исполнились, и вы бы, наконецъ, возвратились къ намъ. Ваше присутствіе въ странѣ какъ нельзя болѣе необходимо.

Интересующее васъ собраніе дворянъ не имѣло рѣшительнаго результата. Оно было открыто 25 Апрѣля губернаторомъ Орловскимъ, который прочиталъ передъ нимъ изложеніе о совершенныхъ до сего времени трудахъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Собраніе, состоявшее приблизительно изъ 500 человѣкъ, имѣло шесть засѣданій. Было высказано множество разнорѣчивыхъ мнѣній, и въ концѣ концовъ собраніе разошлось, поручивъ Кипіани составить проектъ устава относительно улучшенія быта освобождаемыхъ крестьянъ, не забывая въ тоже время обезпечить существованіе дворянства. Основныя начала, установленныя дворянствомъ, заключаются въ томъ, что оно не можетъ уступить земель крестьянамъ и что оно требуетъ денежнаго вознагражденія за ихъ освобожденіе, говоря, что безъ этихъ условій разореніе неизбѣжно. Дворянство опредѣлило Кипіани для окончанія его работы шестимѣсячный срокъ. Можно многое сказать относительно того, съ какой точки зрѣнія разсматриваютъ здѣсь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и относительно существующей громадной разницы между здѣшнимъ дворянствомъ, его правами и отношеніями къ крестьянамъ и между дворянствомъ Россіи; но все это не можетъ служить предметомъ изложенія въ письмѣ. Мое постоянное мнѣніе остается въ томъ, чтобы окончательный уставъ былъ выработанъ самимъ прави-

тельствомъ; но оно со своей стороны можетъ быть въ затрудненіи, благодаря недостатку положительныхъ данныхъ, которыми дворянство либо не имѣетъ возможности, либо не желаетъ его снабдить. Съ другой стороны, изданіе устава угрожаетъ затянуться, такъ какъ Кипіани, получивъ приказъ оставить службу, хочетъ теперь отдѣлаться отъ возложеннаго на него дворянствомъ порученія. Дворянство хочетъ его удержать, и вотъ въ какомъ положеніи дѣло теперь находится. Если Кипіани вздумаетъ отказаться отъ работы, дворянство должно будетъ собраться еще разъ и выбрать другаго редактора. Сельское населеніе въ ожиданіи ведетъ себя спокойно, но его терпѣніе не слѣдуетъ подвергать слишкомъ сильному испытанію. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ вообще, необходимъ энергичный толчекъ со стороны главнаго начальника; но въ виду вашего отсутствія, на это нечего разсчитывать.

Ваши приказанія относительно Кипіани исполнены, и такъ какъ, по закону, для его отставки и для назначенія другаго на его мѣсто, необходимъ высочайшій приказъ, то представленія ad hoc были отправлены въ Петербургъ. Я со своей стороны не могу не высказать мнѣнія, что Кипіани платится въ Мингрельскомъ дѣлѣ за другаго, и, судя по доходящимъ до меня слухамъ, подобное предположеніе раздѣляютъ почти всѣ.

Что̀ касается до Армянскаго патріарха и Саркиса, я нахожу, что разрѣшеніемъ дѣла не для чего спѣшить. Саркисъ былъ назначенъ епископомъ ad interim, до прибытія патріарха, который имѣетъ законное право представить другихъ кандидатовъ на мѣсто Тифлисскаго епископа. До высочайшаго же утвержденія одного изъ этихъ кандидатовъ, патріархъ не могъ своею собственною властью назначить епископа; вотъ на это мы и не были согласны. Дѣло Армянской Семинаріи находится также въ нерѣшимости и можетъ остаться въ такомъ положеніи на неопредѣленное время. Патріархъ, котораго напрасно приглашали въ Тифлисъ, когда объясненіе съ нимъ было необходимо, пріѣхалъ только теперь, когда ничего не можетъ быть рѣшено. Онъ прибылъ 26-го Мая, и мы ничего не предприняли для его встрѣчи. Довольно большая толпа народа вышла къ нему на встрѣчу. 30-го онъ сдѣлалъ визитъ князю Орбеліану, а 31-го былъ у меня; я со своей стороны былъ также у него. Но всѣ эти свиданія остались совершенно безполезными по отношенію къ дѣламъ, о которыхъ не было и рѣчи. Мы ждемъ, когда онъ захочетъ объясниться; ждемъ, чтобы онъ изложилъ намъ свои жалобы, если таковыя у него есть; но онъ молчитъ и остается спокойнымъ образомъ въ Тифлисѣ, гдѣ, не смотря на жару, онъ кажется чувствуетъ себя прекрасно. Въ день его пріѣзда умеръ полковникъ Гургинбековъ, который два дня тому назадъ былъ пораженъ на улицѣ апоплексическимъ ударомъ. Гургинбековъ былъ одинъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ патріарха, послѣ того, какъ самъ же дѣятельно способствовалъ его выбору. Я думаю, что Армяне вообще далеки отъ того, чтобы быть довольными Матеосомъ; но такъ какъ они смотрятъ на него,

какъ на извѣстнаго рода символъ, то и не хотятъ сознавать его недостатки и очень довольны, что правительство обращается съ нимъ съ такимъ уваженіемъ. Начало національности — предметъ, который въ наше время постоитъ вездѣ за себя, среди Грузинъ, Армянъ и, я думаю, даже среди Евреевъ.

Что касается до Алагирскихъ сребросвинцовыхъ рудниковъ, то чѣмъ болѣе я вникаю въ этотъ предметъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что дѣло вовсе не требуетъ административнаго развитія; напротивъ, его слѣдуетъ упростить и заняться изысканіями и изученіемъ, которыя до сихъ поръ не принесли серьезныхъ результатовъ. Алагиръ—это язва для казны, и вмѣсто того, чтобы затрачивать еще деньги для подобной прихоти, необходимо было бы избавиться отъ нея какъ можно скорѣе. Существующія цифры краснорѣчиво и неопровержимо доказываютъ это. Начальникъ этого Алагирскаго завода, Иваницкій, противится всякому контролю; онъ жалуется, что ему мѣшаютъ приносить пользу, ставятъ препятствія и т. д. Но все это не болѣе, какъ манера говорить, служащая для оправданія себя въ своихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ.

Безъ сомнѣнія вы помните, что муштаидъ Шейкъ-Али надѣлалъ намъ много хлопотъ своимъ сквернымъ управленіемъ и жалобами шіитовъ на его злоупотребленія. Давно уже возникло предположеніе поступить съ нимъ круто, но князь Орбеліанъ не рѣшился во время вашего отсутствія предпринимать положительныя мѣры. Дѣло уладилось само собою: муштаидъ умеръ въ прошломъ мѣсяцѣ. Теперь мы стараемся привести дѣла шіитовъ въ прежнее состояніе, существовавшее до созданнаго Ханыковымъ муштаида, который, я надѣюсь, никогда не будетъ замѣщенъ.

Частныя новости, доходящія до насъ изъ Петербурга, пораждаютъ грустныя впечатлѣнія. Волненіе умовъ сильное; но, какъ кажется, никто не знаетъ, чѣмъ оно окончится. Ужасные пожары, опустошающіе столицу, приписываютъ злоумышленникамъ. Государь находится въ затруднительномъ положеніи. Назначеніе Великаго Князя Константина намѣстникомъ въ Польшу насъ всѣхъ поразило. Дай Богъ, чтобы оно принесло добрые результаты.

Князь Григорій Орбеліанъ уже нѣсколько времени чувствуетъ себя скверно; онъ приписываетъ свое болѣзненное состояніе жарѣ, что̀ и заставило его переѣхать сюда. Но и здѣсь онъ начинаетъ жаловаться на нездоровье, и это обстоятельство печалитъ всѣхъ, такъ какъ его всѣ любятъ и уважаютъ.

Не знаю, дорогой князь, долженъ ли я говорить вамъ о своемъ физическомъ и нравственномъ состояніи. Я думаю, что лучше будетъ отложить это до вашего пріѣзда. Вы сами увидите, насколько я ослабѣлъ и какъ мнѣ необходимо отдохнуть, если не покинуть совершенно свою дѣятельность.

9.

Каджоры, 14 Августа 1862.

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь отправить вамъ свое послѣднее письмо, я получилъ двѣ оффиціальныя бумаги отъ г Харитонова, содержащія въ себѣ ваши приказанія относительно: 1) Армянъ Шемахи, желающихъ перейти въ лютеранство и 2) требованій княгини Екатерины Дадіанъ.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ о жалобахъ Армянъ-протестантовъ на свое духовенство, оказалось, что протестантскій духъ распространенъ въ Шемахѣ уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Начало ему было положено въ составлявшихся собраніяхъ, гдѣ читали Евангеліе и другія книги духовнаго содержанія на не-Армянскомъ языкѣ. Собранія происходили на открытомъ воздухѣ и въ частныхъ домахъ. Между тѣмъ адепты, какъ и прежде, посѣщали Армянскую церковь, причащались, крестили своихъ дѣтей и хоронили своихъ мертвыхъ при участіи Армянскихъ священниковъ и, по крайней мѣрѣ, наружно принадлежали къ своей церкви, требуя оставить за собою право собираться для чтенія Евангелія. Долгое время священники не препятствовали, но въ прошломъ году Шемахинскій епископъ воспретилъ собранія Армяно-протестантовъ; а патріархъ усилилъ еще эту мѣру, отлучая отъ церкви всѣхъ Армянъ Шемахи, которые поступали противно обычаямъ и обрядамъ Армяно-Грегоріанской религіи. Отсюда явился расколъ. Прежде всего Армяно-протестанты требуютъ, чтобы за ними признали право собираться для чтенія Евангелія и чтобы ихъ избавили отъ отлученія отъ церкви, что̀ лишаетъ ихъ всякой духовной поддержки. Патріархъ, не отступая отъ своего направленія, потребовалъ, чтобы къ нему прислали трехъ лицъ, стоящихъ во главѣ движенія: Саркиса Амбарцумова, Исаака Антонова и Рустама Габріелова. Эти лица не отозвались на приглашеніе патріарха, но отправили на имя Его Величества просьбу, испрашивая, сообразно, съ существующими законами, разрѣшенія перейти въ лютеранство. Это прошеніе было прислано намъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; но князь Орбеліанъ, отложивъ дѣло до вашего возвращенія, ничего не отвѣчалъ, тѣмъ болѣе, что со стороны Армяно-протестантовъ, а также и со стороны Армянскаго духовенства, всякаго рода жалобы прекратились.

Саркисъ Амбарцумовъ, которому приписываютъ починъ всего этого дѣла, былъ, какъ говорятъ, воспитанникомъ находившихся въ то время въ Шушѣ миссіонеровъ. Я не отвѣчаю за то, чтобы это все было такъ; но мнѣ извѣстно, что позднѣе этотъ же самый Амбарцумовъ окончилъ свое образованіе въ Эстляндіи, въ имѣніи Грюнвальда (брата генерала), основавшаго у себя училище для облегченія воспитанія своихъ многочисленныхъ дѣтей. Возвратившись въ Шемаху въ 1840 г., Амбарцумовъ образовалъ тамъ съ разрѣшенія правительства школу, а позже одинъ священникъ пожаловался на его направленіе. Тогда было назначено слѣдствіе, и дѣло до сихъ поръ находится въ Шемахинскомъ судѣ. Князь Тархановъ выразилъ свое мнѣніе, что Амбарцумова, Антонова и Габріелова слѣдуетъ

выслать; но князь Орбеліанъ не далъ хода этому представленію до вашего возвращенія, предполагая, также какъ и я, что подобная мѣра можетъ произвести слѣдствіе діаметрально-противуположное тому, которое ожидается: основательно доказано, что, въ дѣлахъ совѣсти, притѣсненіе только умножаетъ число приверженцевъ.

Это дѣло въ высшей степени щекотливо, такъ какъ если, съ одной стороны, законъ признаётъ положительное право за всѣми непринадлежащими къ православной церкви мѣнять родъ вѣроисповѣданія, то съ другой, мы не можемъ же нанести прямо ударъ Армяно-григоріанской церкви, пользовавшейся всегда особеннымъ покровительствомъ нашего правительства не только въ самой Россіи, но даже въ Турціи и въ Персіи.

Не заходя уже такъ далеко, какъ это дѣлаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ оффиціальной бумагѣ за № 1006, гдѣ созданъ призракъ Англійскаго вліянія на Кавказѣ, мы все же должны щадить щепетильность Армяно-Григоріанцевъ; и къ тому же я не вижу до сихъ поръ, какимъ образомъ мы можемъ противиться постройкѣ Армяно-лютеранской церкви на Кавказѣ, когда Армяно-католическая была построена въ прошломъ еще столѣтіи. Сила здѣсь ничего не въ состояніи сдѣлать и, по моему мнѣнію, нетерпимость патріарха способствовала лишь къ ускоренію развязки. Видя всю важность дѣла, мы не считали себя въ правѣ касаться его до вашего личнаго рѣшенія. Отвѣтъ, данный вами министру, и сдѣланная декларація пастору Іозенгаузу не рѣшаютъ вопроса, а скорѣе оставляютъ его въ настоящее время въ одинаковомъ положеніи.

Не смотря на доброе желаніе, которымъ правительство одушевлено на пользу Армяно-Григоріанской церкви, нельзя не замѣтить съ глубокою грустью печальное состояніе высшаго и низшаго духовенства, а также и управленія настоящаго патріарха. Этотъ человѣкъ рѣшительно ничего не смыслитъ въ законахъ, которыми управляется Армянская церковь въ Россіи; онъ совѣтуется лишь со своею фантазіею, которая въ высшей степени прихотлива. Оставаясь до сихъ поръ въ Тифлисѣ, патріархъ служитъ предметомъ множества анекдотовъ, ходящихъ на счетъ его дѣяній. Я боюсь, чтобы не пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, дабы образумить его; но разумѣется эти мѣры не могутъ быть приняты во время вашего отсутствія. Саркисъ находится въ Эчміадзинѣ, исполняя свои обязанности, какъ членъ Синода, и Тифлиская эпархія остается безъ главы. Онъ написалъ вамъ письмо, которое я при семъ прилагаю. Другимъ письмомъ, адресованнымъ на имя князя Орбеліана, Саркисъ требуетъ произвести слѣдствіе о причинахъ, послужившихъ основаніемъ къ его отставкѣ. Подобное требованіе не имѣетъ за собою правъ. По закону, Синодъ приступаетъ къ слѣдствію лишь на основаніи жалобъ, могущихъ возникнуть на членовъ Синода или на епископовъ. Но въ настоящемъ случаѣ жалобъ противъ Саркиса не существуетъ, и патріархъ отозвалъ его къ нынѣшней должности, не жалуясь на него оффиціально. На какую же почву можно поставить слѣдствіе? Только на почву сплетень, что̀ разумѣется невозможно.

Что касается до письма княгини Дадіанъ, оно относится главнымъ образомъ до взысканія недоимокъ съ 5,500 дымовъ крестьянъ, платежъ которыхъ былъ остановленъ. Вы не пожелали, чтобы эти несчастные крестьяне, принадлежа различнымъ помѣщикамъ, были вынуждены платить налоги также и владѣтелямъ; но вмѣстѣ съ этимъ вы справедливо изволили полагать, что казна могла бы вознаградить владѣтелей за потери этихъ налоговъ новою оцѣнкою. Государь согласился на предложенную вами мѣру, и въ настоящее время новая оцѣнка совершается, а пока она не будетъ совершенно окончена, княгиня Дадіанъ и ея сынъ не могутъ пользоваться ни малѣйшимъ доходомъ съ вышесказанныхъ крестьянъ.

Я получилъ письмо отъ Георгія Мухранскаго, котораго я ожидаю съ минуты на минуту. Извѣстія, присланныя имъ о вашемъ здоровьѣ, въ общемъ удовлетворительны. Онъ подтверждаетъ извѣстіе, которое Тенгоборскій уже намъ сообщилъ, что вы вернетесь къ намъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣ вашего свиданія съ Императоромъ заграницею или въ Петербургѣ. Я полагаю, что вы увидите Его Величество ранѣе дня его тезоименитства и вашего. Можетъ быть, по этому случаю вы соблаговолите испросить нѣкоторыя награды для высшихъ чиновъ страны, которые давно уже не получали никакихъ знаковъ царской милости. Въ виду этого, я прилагаю при семъ списокъ этихъ чиновниковъ, дабы вы могли выбрать изъ нихъ тѣхъ, которые, по вашему справедливому усмотрѣнію наиболѣе достойны.

Письма князя А. И. Барятинскаго къ Великому Князю Михаилу Николаевичу *).

1.

Ваше Императорское Высочество.

Въ 1856 году по представленію моему Государь Императоръ соизволилъ назначить въ Кутаисъ генералъ-губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ назвать его командующимъ войсками. Въ этомъ послѣднемъ назначеніи имѣлись въ виду съ суши и съ моря будущія военныя дѣйствія отъ юго-западной стороны Кавказскаго хребта. Это званіе до сихъ поръ, какъ по недостаточности войскъ, сосредоточиваемыхъ въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ, такъ и по отдаленности отъ него театра военныхъ дѣйствій Кутаиской области, не могло еще имѣть полнаго своего значенія; но не менѣе того всѣ военныя дѣйствія, доселѣ отсюда предпринимаемыя, какъ и всѣ сухопутныя и морскія силы, находящіяся въ раіонѣ командованія генералъ-губернатора, по праву и званію командующаго войсками, подчинялись ему; а потому подчинить ихъ другому значило бы оказать ему недовѣріе и сдѣлать ему тѣмъ добровольно оскорбленіе и несправедливость. Нѣтъ сомнѣнія, что совокупное дѣйствіе командующихъ войсками Кутаискаго генералъ-губернаторства и Кубанской области дѣлается день ото

*) Печатаются съ милостиваго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества. П. Б.

дня необходимѣе, въ этомъ отношеніи планъ военныхъ дѣйствій, представленный вамъ генералъ-адъютантомъ княземъ Орбеліани и основанный на моихъ же предположеніяхъ, составленъ и изложенъ хорошо. Но до какой степени предполагаемая весенняя экспедиція своевременна, можетъ по моему совѣту и мнѣнію рѣшить одинъ только графъ Евдокимовъ. Вашему Императорскому Высочеству уже извѣстно, что въ предвидѣніи этой же экспедиціи я просилъ Государя Императора о назначеніи князя Мирскаго генералъ-губернаторомъ въ Кутаисъ, такъ какъ послѣ графа Евдокимова онъ самый опытный и лучшій военный генералъ на Кавказѣ и соединяетъ, кромѣ многихъ другихъ еще, и то важное достоинство, что умѣетъ вселять въ покорныхъ и непокорныхъ довѣріе къ нашему правительству, а что̀ важнѣе онъ сумѣетъ поставить себя въ хорошихъ отношеніяхъ къ владѣтелю Абхазіи, безъ вліянія котораго вѣрнаго успѣха ожидать невозможно.

2.

Ваше Императорское Высочество.

Племянники мои, возвратившіеся ко мнѣ въ Женеву въ началѣ прошлаго мѣсяца, обрадовали меня надеждою вскорѣ быть осчастливленнымъ письмомъ Вашего Высочества. Они увѣряютъ меня, что письмо это отправлено уже за нѣсколько дней до ихъ отъѣзда. Съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи, и только вчера имѣлъ я счастіе получить дорогія строки, которыми благоугодно вамъ было меня почтить. Непонятно, какъ письмо могло пробыть въ дорогѣ два съ половиною мѣсяца. Всѣ письма ко мнѣ обыкновенно сосредоточиваются poste-restante въ Дрезденѣ, гдѣ всегда извѣстно мѣсто постояннаго моего пребыванія; такимъ образомъ, отправляемыя ко мнѣ бумаги изъ Тифлиса никогда не доходили до меня позже трехъ недѣль. Вѣроятно письмо Вашего Высочества было адресовано въ Петербургъ и тамъ задержано.

Позвольте мнѣ, прежде всего, выразить Вашему Императорскому Высочеству чувство глубокой и почтительной благодарности за лестную Вашу память обо мнѣ и за честь, которую Вы изволили мнѣ оказать, предлагавъ неоднократно тостъ за мое здоровье; благосклонное это вниманіе трогаетъ меня до глубины души.

Я получаю газету „Кавказъ“ и такимъ образомъ довольно точно могу слѣдить за главными дѣйствіями Вашими. Не могу налюбоваться Вашей дѣятельностью и всѣмъ, что̀ Вы уже успѣли осмотрѣть въ такое короткое время. Меня восхищаютъ Вашъ приказъ по арміи и два дѣла, въ которыхъ Вы участвовали. Вы имѣли при томъ случай щедро воспользоваться самымъ великимъ правомъ, даннымъ начальнику арміи, et cela a été, j'en suis sûr, du meilleur effet pour les troupes *). Я очень обрадовался за графа Левашева; онъ, какъ мнѣ уже давно кажется, изъ тѣхъ именно людей, которые нуждаются только въ случаѣ, чтобы выказаться; онъ уже имѣетъ даже и завистниковъ, что̀ въ моихъ глазахъ очень реко-

*) Это, я увѣренъ, произвело наилучшее дѣйствіе въ войскахъ.

мендуетъ его. Дай Богъ ему дальнѣйшее счастіе, а Вамъ найти въ немъ хорошаго и усерднаго помощника.

Я счастливъ, что Вы на дѣлѣ сами увѣрились въ умѣніи и настойчивости генерала Евдокимова; эти слова Вашего Императорскаго Высочества превосходно опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимыя достоинства этого генерала и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ меня въ увѣренности, что военные успѣхи въ Кубанской области увѣнчаются скоро, прочно и достойно Вашего высокаго имени. Армія Кавказа только тѣмъ и отличается отъ прочихъ, что для нея трудовъ не существуетъ; но для сохраненія и поддержанія такого геройскаго настроенія нуженъ и генералъ, обладающій долготерпѣніемъ, дѣятельностью и неутомимостію духа графа Евдокимова. Въ прежнія времена такихъ генераловъ и даже офицеровъ было болѣе нежели теперь; край отчасти уже умиротворенъ, армія наполняется офицерами столичными, любящими комфортъ; общій духъ времени также способствуетъ къ перемѣнѣ, а потому графъ Евдокимовъ, олицетворяя своею необыкновенною настойчивостію все преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, лучше всякаго другаго можетъ довершить начатое; никто кромѣ его не сумѣетъ требовать отъ войскъ должнаго и возможнаго, того, что́ прежде дѣлалось такъ легко, а что̀ теперь всякому кажется такъ трудно. Еще и ту справедливость слѣдуетъ отдать графу, что онъ не ищетъ популярности и даже презираетъ ее, а Вашему Высочеству извѣстно, на сколько эта страсть общеразвита и сколько она уже натворила зла. Однимъ словомъ, я почитаю графа Евдокимова консерваторомъ отличительнаго характера старой нашей Кавказской арміи. Не думайте однакоже, чтобы я былъ слѣпъ на личные его недостатки; но польза, которую онъ приноситъ, въ десятеро вознаграждаетъ всѣ его слабости, изъ которыхъ, по моему, главная есть—пристрастіе къ родственникамъ и ближнимъ, въ особенности къ женѣ своей.

Меня неимовѣрно обрадовалъ Вашъ лестный отзывъ о томъ, какъ Васъ пріятно поразилъ удобный перевалъ черезъ горы. Сколько трудностей нравственныхъ надо было превозмочь для начатія этого полезнаго дѣла, которому только теперь стали отдавать справедливость!

Пріѣздъ Вашего Высочества, Государыни Великой Княгини и Августѣйшаго Вашего семейства меня глубоко тронулъ; я такъ живо могу представить себѣ всѣ подробности сопровождавшія это торжество, радость всего населенія, такъ сильно умѣющаго чувствовать всю цѣну высочайше ему дарованной чести. Жалѣю, что дурное помѣщеніе воспрепятствовало Вамъ провести нынѣшнее лѣто въ Боржомѣ. Выборъ Бѣлаго Ключа можетъ быть на первый разъ и удачнѣе, въ особенности относительно здоровья дѣтей; воздухъ тамъ умѣренный и можетъ постепенно лучше приготовить къ переходу изъ сѣвернаго къ южному климату.

Не знаю, кому Вамъ угодно было довѣрить дипломатическую канцелярію? Главное и рѣдкое достоинство покойнаго Тенгоборскаго, которое обратило на него мое вниманіе и руководило моимъ выборомъ, состояло въ томъ, что онъ отлично зналъ всѣ слабыя стороны Персіянъ, также зналъ

хорошо тонкости ихъ языка и всѣ подробности ихъ многосложнаго этикета, что́ весьма важно въ начальникѣ дипломатической канцеляріи представителя Государя въ такомъ краѣ, гдѣ Персидское вліяніе не совсѣмъ еще исчезло и гдѣ Персіяне иногда покушаются поддерживать его самыми для насъ неуловимыми признаками внѣшняго неуваженія.

Здоровье мое немного поправилось, я хожу довольно свободно; но докторъ Вальтеръ, опасаясь большой раздражительности, до совершеннаго успокоенія моего и возвращенія сна, запрещаетъ всякое употребленіе минеральныхъ водъ; онъ совѣтуетъ нравственный покой и сколько возможно физическую усталость. Я предполагаю пробыть еще недѣли двѣ въ Швейцаріи, а потомъ путешествовать до осени въ Англіи, Шотландіи и Бельгіи; зиму полагаю провести въ Швейцаріи или Южной Франціи.

Герцогенбушъ, 1 Іюля 1863 г.

3.

Я имѣлъ счастіе получить письмо Вашего Императорскаго Высочества въ отвѣтъ на мое послѣднее. Позвольте просить васъ представить отъ меня Государынѣ Великой Княгинѣ чувства глубочайшей моей благодарности за драгоцѣнную память Ея Высочества, и вмѣстѣ съ тѣмъ также выразить и Вашему Высочеству, сколько я тронутъ милостивою телеграмою Вашею изъ Гуниба; но я не имѣлъ счастія ее получить и только теперь изъ письма Вашего узналъ о высокомъ и милостивомъ вниманіи Вашемъ ко мнѣ.

Въ этомъ же письмѣ Ваше Высочество изволите говорить о новой сектѣ, образовавшейся у мусульманъ Кавказскаго и Закавказскаго края. Я смотрю на это какъ на неизбѣжный признакъ послѣднихъ судорожныхъ движеній смертельно пораженнаго тѣла. Еслибъ не было этихъ проявленій, то можно было бы еще сомнѣваться въ непогрѣшимости нанесеннаго удара. Конечно, все зависитъ отъ своевременныхъ и безошибочныхъ мѣръ противъ этихъ потрясающихъ конвульсій; но, смѣю увѣрить Ваше Высочество, эти признаки сами по себѣ неизбѣжны и являютъ только собою лучшее доказательство того, что мусульманская вѣра на Кавказѣ получила уничтожающее начало и силится удержать жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Шемахѣ скрывается, какъ и всегда скрывался, главный зародышъ всего зла. Шемаха свободно находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ горами, а также со всѣми главными фанатиками Востока. Покойный генералъ-маіоръ Куткашинскій былъ тамъ главный дѣятель во враждебныхъ противу насъ козняхъ. Не знаю, кто наслѣдовалъ ему теперь въ этомъ дѣлѣ. Хотя Ваше Высочество имѣете причины не благоволить къ князю Тарханову, но мнѣ кажется, что никто лучше его не можетъ указать Вамъ пути къ раскрытію и вѣрному противодѣйствію потаеннымъ проискамъ Шемахинскихъ фанатиковъ. Онъ болѣе 20-ти лѣтъ былъ въ этомъ краѣ, и при его умѣ и хитрости, прошедши всѣ ступени административной іерархіи Бакинской губерніи, князь Тархановъ легко можетъ

изобличить настоящее положеніе дѣла; по крайней мѣрѣ нѣтъ другаго человѣка во всемъ краѣ, который былъ бы на то свѣдущѣе и способнѣе.

Не могу при этомъ скрыть отъ Вашего Высочества глубокаго моего огорченія, узнавши, что Императорская фамилія не удостоиваетъ ношеніемъ знака, учрежденнаго для Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Этимъ самимъ онъ теряетъ всю свою цѣну, и главные доходы наши должны значительно уменьшиться. Конечно, на первое время нельзя ожидать большихъ доходовъ отъ трехъ первыхъ степеней; но высокіе примѣры, облагораживая значеніе этого украшенія, имѣли бы сильное вліяніе. Въ этихъ видахъ, я считалъ бы весьма полезнымъ, ежегодно въ день утвержденія статута Общества, чтобы Ея Величество Государыня Императрица въ С.-Петербургѣ, а Ваше Высочество въ Тифлисѣ удостоивали приглашеніемъ къ обѣденному столу членовъ первыхъ двухъ классовъ, не взирая ни на чинъ, ни на званіе и происхожденіе. Къ этому времени могъ бы быть изготовленъ и сообщенъ членамъ отчетъ Общества, а въ тоже время было бы удобно пригласить ихъ къ вызову новыхъ членовъ, пожертвованій и сборовъ. Что же касается до 4-й степени, то нельзя сомнѣваться что она принесетъ и теперь доходъ значительный.

Покорнѣйше прошу Ваше Высочество извинить меня, что я коснулся этихъ двухъ вопросовъ. Къ первому я вызванъ былъ вашимъ милостивымъ письмомъ, а ко второму—какъ одинъ изъ старшихъ членовъ Общества, въ которомъ вы изволите предсѣдательствовать. Я увѣренъ, что Вашему Высочеству будетъ понятно чувство восторга, которымъ исполнилось сердце и воскресилась душа столь стараго слуги Кавказа, при разсказахъ о томъ, какъ Вы сами привязались къ краю, какъ Вы дѣятельны и какъ Вы тамъ всѣми любимы.

27 Февраля 1864 г., Кумъ-Рояль (Англія).

4.

Ваше Императорское Высочество.

Вчера вечеромъ прибылъ ко мнѣ изъ Киссингена фельдъегерь съ извѣстіемъ о покореніи Западнаго Кавказа. Государю Императору, въ его неисчерпаемой милости ко мнѣ, благоугодно было подѣлиться со мною тою великою радостію, которою Ваше Императорское Высочество озарили его августѣйшее сердце, и въ своемъ благоволеніи ко мнѣ присоединить и мои слабыя заслуги къ этому славному дѣлу, совершенному Вами на славу отечества. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, смѣю думать, чтобы усумниться, что я принялъ награду, пожалованную мнѣ Государемъ, не какъ заслуженное воздаяніе за прошедшую мою службу, а какъ залогъ будущей, если Господь Богъ дастъ мнѣ вновь силу и здоровье.

Я радуюсь всѣмъ сердцемъ торжеству Вашему, радуюсь душевно наградѣ Вами полученной, и поздравляю Ваше Императорское Высочество съ побѣдою, увѣковѣчивающею Ваше имя.

1-го Іюля (19-го Іюня) 1864 г., Кумъ-Рояль (Англія).

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Императоръ Николай Павловичъ, осматривая Новогеоргіевскую крѣпость, спустился въ ровъ у Остроленскихъ воротъ и попалъ въ грязь. „Ну, тутъ бы можно было чѣмъ-нибудь подмостить“, замѣтилъ онъ. Такъ какъ этого по правиламъ фортификаціи не допускалось, то генералъ Денъ (строитель крѣпости) доложилъ, что это не полагается. Но Государю показалось будто Денъ желалъ объяснить, что на это неотпущено суммъ, и замѣтилъ: „Эхъ, гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ“.

—

На юбилеѣ Московской Троицкой Духовной Академіи между святителями, желавшими почтить въ этотъ день своимъ присутствіемъ Академію, были архіепископы Ярославскій Нилъ и Тверской Филоѳей (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). Въ Москвѣ шелъ говоръ, что митрополитъ Филаретъ одного изъ нихъ прочитъ себѣ въ преемники. Но на кого именно долженъ пасть выборъ митрополита, этотъ вопросъ занималъ многихъ, въ томъ числѣ княгиню Дадіанъ. По возвращеніи митрополита отъ Троицы въ Москву, княгиня, съ цѣлію провѣрить слухъ, отправилась къ нему и стала разспрашивать о его гостяхъ, и какъ нашелъ онъ преосвященнаго Нила? Преосвященнаго Филофея? „Да какъ вамъ сказать?“ отвѣчалъ митрополитъ. „Нилъ говорилъ много, но сложивши всѣ его рѣчи оказывается, что нечего было и слушать; а Филоѳея и радъ бы послушать, да онъ все молчитъ“.

Преосвященный Филоѳей разсказывалъ однажды одному своему собесѣднику о проигрышѣ одного дѣла Печерской Лавры. На замѣчаніе, почему онъ не перенесетъ дѣла въ Государственный Совѣтъ, митрополитъ отвѣчалъ: „Въ Государственномъ-то Совѣтѣ у насъ два лица только, которыя близко принимаютъ къ сердцу дѣла́ церкви, это П. и Д. и, къ укору нашему, послѣдній Армянинъ.

Аскетическая жизнь митрополита Филоѳея была всѣмъ хорошо извѣстна. Разъ, послѣ хиротоніи въ Александро-Невской Лаврѣ одного епископа, по недостаточности средствъ его, митрополитъ приказалъ намѣстнику обычный обѣдъ приготовить на его митрополичій счетъ. Но вотъ какое явилось затрудненіе: день тотъ не только былъ постный, но даже съ воспрещеніемъ рыбы. Когда же намѣстникъ доложилъ, что поваръ берется изготовить такой обѣдъ, митрополитъ замѣтилъ: „Только чтобъ безъ

грѣха; помните", добавилъ онъ улыбнувшись, „что будетъ Филоѳей". Съѣхались на обѣдъ, пригласили всѣхъ къ закускѣ. Крайне умѣренный въ пищѣ Филоѳей, вооружившись вилкой, произвелъ самую строгую ревизію всей закускѣ и, не найдя ничего запрещеннаго, сѣлъ за столъ.

При ослабленномъ постомъ и духовными подвигами организмѣ, Филоѳей не вынесъ страшнаго удара, поразившаго Россію въ первый день Марта 1881 года. Мозговой ударъ лишилъ его возможности служить. Но тѣмъ не менѣе у него сохранилась твердая память относительно привычныхъ подвиговъ поста и молитвы. Разъ въ Середу ему подали супъ на рыбьемъ бульонѣ, увѣривъ, что рыбы тутъ нѣтъ. Онъ взялъ немного супу на ложку, понюхалъ, посмаковалъ и, отодвинувъ тарелку, сказалъ своему послушнику: „не грѣши и меня въ грѣхъ не вводи". Обѣдъ его ограничился нѣсколькими ягодами отвареннаго чернослива.

Мнѣ случилось быть въ Кіевѣ при его кончинѣ. Пять дней его тѣло лежало въ комнатѣ, которая обычно отапливалась. Вереницею шелъ народъ отдать послѣдній долгъ усопшему. Духота была такая, что свѣчи тухли; но тѣло лежало нетлѣннымъ. На шестой день, по переносѣ гроба въ великую лаврскую церковь, одинъ священникъ, поцѣловавъ его руку, открылъ воздухъ, и мы видѣли лицо спокойно уснувшаго человѣка. Будучи знакомъ съ усопшимъ и глубоко чтя его, наканунѣ сороковаго дня поминовенія, послѣ вечерни, я отправился на его могилу (въ Крестовоздвиженской церкви, въ ближнихъ пещерахъ) отслужить панихиду. Я засталъ тамъ рабочихъ, открывавшихъ временно закрытый склепъ. Послѣ панихиды, спустившись въ склепъ для поклоненія передъ гробомъ святителя, мы кромѣ этого гроба не встрѣтили ничего, что̀ напоминало бы о тлѣніи.

—

Черниговскому архіепископу Филарету (Гумилевскому), при докладѣ о назначеніи одного богослова на священническое мѣсто, протоіерей о. Страдомскій доложилъ, что богословъ курильщикъ. „Ну, намъ съ тобою, старикъ, объ этомъ надо бы помалчивать: мы сами съ тобою нюхаемъ".

—

Въ Виѳаніи, близъ Троицко-Сергіевой Лавры, въ домѣ знаменитаго митрополита Платона, проводникъ-монахъ, показывая золотыхъ орловъ на потолкѣ въ гостинной комнатѣ, объясняетъ вамъ, что это подарокъ императора Павла своему наставнику Платону. Такое объясненіе вамъ покажется, конечно, крайне неудачнымъ. Что̀ за странность, подумаете вы, четыре гипсовые двухглавые орла—подарокъ Императора! Происхожденіе же этихъ орловъ имѣетъ между тѣмъ историческое значеніе.

Пользуясь подозрительностію Павла, придворная интрига злоупотребляла этою слабостію добраго по природѣ Государя. Завидуя митрополиту Платону, котораго Императоръ отличалъ знаками особаго благоволенія и довѣрія, завистники желали уронить его въ глазахъ Павла. Извѣстно, что Императоръ велъ переписку съ Платономъ. Вотъ ему и сказали:

„Ваше Величество, вы все пишете Платону, а онъ мало цѣнитъ ваши письма; вѣдь онъ ими оклеиваетъ окна“. Павелъ вспылилъ, и подозрѣніе запало въ его душу. Пріѣхавъ въ Москву, онъ, неожиданно для Платона, прибылъ въ Виѳанію. Платонъ встрѣтилъ его съ радостію; но мрачный видъ Императора далъ понять изучившему его Платону, что онъ переживаетъ мучительное состояніе. „Веди меня по твоимъ комнатамъ“, сказалъ Императоръ. Платонъ его водитъ, а Императоръ все присматривается къ окнамъ.

— Ты не всѣ показалъ мнѣ комнаты!

— Государь! ты видѣлъ всѣ, отвѣчалъ Платонъ.

— Нѣтъ не всѣ, раздраженно возразилъ Императоръ.

— А если ты сомнѣваешься, Государь, возьми мелокъ и отмѣчай всякую дверь. Увидишь безъ отмѣтки дверь, ну, значитъ, тамъ не былъ.

Убѣдившись, что митрополитъ сказалъ ему правду, Павелъ, войдя въ залъ, открылъ ему причину своего страннаго поступка. „Мнѣ сказали, что ты моими письмами оклеиваешь окна“.

Митрополитъ опускается на колѣни и говоритъ: „Государь! Умолялъ я тебя и теперь умоляю: не вѣрь ты клеветѣ. Она пагубна для тебя въ двойнѣ: пагубна какъ для человѣка, пагубна какъ для монарха“.

Тронутый искреннимъ словомъ своего духовнаго наставника, Павелъ бросился къ нему на шею, какъ стоялъ тотъ на колѣнахъ, и сталъ цѣловать его. Между тѣмъ Императрица, любовавшаяся до того изъ окна гостинной на Лавру, вдругъ оборотилась къ сторонѣ залы. Увидѣвъ, какъ императоръ Павелъ почти накрылъ собою стоявшаго на колѣнахъ митрополита, она бросилась туда.

„Что такое? Что такое?!“ отчаянно крикнула она.

Императоръ, понявъ ея ошибку, разсмѣялся. Онъ поднялъ митрополита и сказалъ ему: „Зови, владыка, своего повара, и заказывай ему обѣдъ; я буду у тебя обѣдать и останусь ночевать“. Императоръ былъ веселъ, осматривалъ мѣстность и весь день провелъ въ бесѣдѣ съ знаменитымъ святителемъ, а уѣзжая на другой день, приказалъ ему въ гостинной комнатѣ, въ память его пребыванія и ночлега, устроить императорскіе гербы.

Исполнивъ это, Платонъ, въ память того же посѣщенія, поставилъ у дверей своего дома обелискъ съ извѣстною затѣйливою надписью.

—

Тогда же императоръ Павелъ выразилъ желаніе, чтобы въ Виѳаніи была духовная семинарія. Митрополитъ Платонъ отговаривался и неимѣніемъ помѣщенія, и тѣмъ, что въ Московской епархіи существуетъ уже двѣ семинаріи. Павелъ не возражалъ, а Платонъ успокоился, что-де убѣдилъ Государя. Но не тутъ-то было. Черезъ нѣкоторое время, къ немалому удивленію митрополита, прибылъ, по высочайшему повелѣнію, архитекторъ осмотрѣть мѣстность и составить для семинаріи планъ. Возраженія, значитъ, не приняты, и возражать болѣе не приходилось. Такимъ образомъ возникла Виѳанская семинарія.

—

Однажды докладываютъ митрополиту Платону, что хомуты на его шестерикѣ украдены, что ему нельзя выѣхать изъ Виѳаніи, а потому испрашивалось его благословеніе на покупку хомутовъ. Дѣло было осенью, грязь непролазная отъ Виѳаніи до Троицкой Лавры, да и къ Москвѣ немногимъ лучше. Митрополитъ приказываетъ вездѣ осмотрѣть, разузнать, кто въ этотъ день былъ и т. п. Все, оказалось, было сдѣлано безъ всякаго успѣха. Митрополитъ рѣшается дать благословеніе на покупку, но вскорѣ передумываетъ. Онъ распорядился, чтобы въ три часа, по троекратному удару въ большой Виѳанскій колоколъ, не только вся братія, но и всѣ рабочіе, даже живущіе въ слободкахъ, собрались въ церковь и ожидали его.

Въ Преображенскомъ храмѣ, устроенномъ Платономъ по собственной его мысли, къ восточной сторонѣ примыкаетъ искусственно устроенная гора (Ѳаворъ). Въ нижнемъ ярусѣ ея поставлены иконы, устроены царскія и боковыя двери, а внутри престолъ. Придѣлъ этотъ сооруженъ во имя воскресенія Лазаря. По горѣ идутъ ступеньки, мѣстами разбросаны искусственные кусты и цвѣты, камни, а на верху золотая сѣнь: это придѣлъ Преображенія Господня. Къ нему примыкаютъ съ двухъ сторонъ хоры, опоясывающіе храмъ.

Въ четвертомъ часу доложили митрополиту, что всѣ собрались. Входитъ митрополитъ. Въ храмѣ уже полумракъ. Передъ царскими вратами въ придѣлѣ Лазаря стоитъ аналой, и передъ нимъ теплится единственная свѣча. Іеромонахъ, принявъ благословеніе владыки, начинаетъ мѣрное чтеніе псалтыря. Прочитавъ каѳисму, онъ останавливается, чтобы перевести духъ; а съ укрытаго мракомъ Ѳавора раздается звучный голосъ Платона: „Усердно ли вы молитесь?"

— „Усердно, владыка".

— „Всѣ ли вы молитесь?"

— „Всѣ молимся, владыко".

— „И воръ молится?"

— „И я молюсь, владыко".

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружающаго и отрѣшившись мысленно отъ житейскаго, воръ невольно проговорился. Воромъ оказался кучеръ митрополита. Запираться было нельзя, и онъ указалъ мѣсто въ оврагѣ, гдѣ спрятаны были хомуты.

—

А грязь долго еще затрудняла въ весеннее и осеннее время путниковъ, направлявшихся въ Виѳанію. Даже на площади передъ самою Лаврой вязли въ грязи. Въ 1856 году, передъ коронаціей въ Бозѣ почившаго императора, митрополитъ Филаретъ высказывалъ намѣстнику, архимандриту Антонію, свои опасенія: если пойдутъ дожди во время коронаціи, Государь долженъ будетъ по грязи подходить къ Лаврѣ.

— „А мы замостимъ", сказалъ Антоній.

— „Дорого будетъ стоить", замѣтилъ Филаретъ.

— „Да у меня на это есть деньги“.

— „Откуда?“

— „Недавно умеръ монахъ (такой-то) и умирая вручилъ мнѣ 30 т. р., сказавъ: брось ихъ въ грязь. Вотъ мы ихъ и бросимъ въ грязь и сдѣлаемъ сушу“.

Митрополитъ былъ очень доволенъ. На эти деньги вымостили Лаврскую площадь и устроили шоссе до Виѳаніи.

—

Митрополитъ Платонъ, живя въ Виѳаніи, одѣвался очень просто, ходилъ безъ клобука и безъ панагіи. Такъ приходилъ онъ и въ церковь Преображенія къ литургіи. Разъ стоялъ онъ на хорахъ придѣла Преображенія, а возлѣ него всталъ какой-то священникъ, не видавшій никогда митрополита, къ которому имѣлъ дѣло. Передъ выходомъ съ Евангеліемъ причетникъ поставилъ свѣчу въ сѣверныхъ дверяхъ, а самъ, полагая, что пока будутъ читать „блаженни“, успѣетъ сбѣгать внизъ, побѣжалъ по лѣсенкѣ. Между тѣмъ діаконъ подходитъ съ Евангеліемъ къ сѣвернымъ дверямъ, а свѣчу некому понести. Митрополитъ, замѣтивъ это, говоритъ священнику: „возьми свѣчу, понеси“.—„Не подобаетъ“, отвѣчалъ батюшка: „я іерей“. Тогда митрополитъ идетъ самъ, беретъ свѣчу, преподноситъ ее, а по входѣ діакона въ алтарь, становится противъ царскихъ вратъ, пока священникъ преподалъ благословеніе, затѣмъ относитъ свѣчу на южную сторону и, поставивъ ее на мѣстѣ, кланяется спѣсивому батюшкѣ: „а я митрополитъ!“

—

Извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ, бывшій законоучитель и профессоръ философіи Казанскаго университета архимандритъ Гавріилъ былъ переведенъ въ Сибирь настоятелемъ какого-то монастыря. Жалуясь, что ему холодно, что онъ мерзнетъ, просилъ онъ бывшаго своего слушателя, служившаго тогда за оберъ-прокурорскимъ столомъ, В. И. Овчинникова перевести его въ Россію. Когда желаніе его было исполнено, онъ съ мѣста его новаго назначенія излилъ передъ нимъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ свою признательность: „14 Августа пріѣхалъ въ Архангельскій. Благодарю, благодарю покорнѣйше. За что́—знаетъ сердце, молчитъ языкъ, течетъ слеза“...

—

Императоръ Александръ Благословенный, ѣхавъ въ саняхъ, замѣтилъ пьяненькаго солдата. „Становись назади“, сказалъ Государь, намѣреваясь довезти его до казармъ или гауптвахты. Солдатъ сталъ на запяткахъ и ворчитъ. „Какъ съ Французомъ бились, такъ бывало только и слышишь: дѣтушки впередъ! дѣтушки впередъ! а теперь—становись назади“...

Передъ набожнымъ и благодушнымъ Государемъ, конечно, сейчасъ же представилась живая страница его исторіи, его слава, созданная геройствомъ Русскаго солдата, который можетъ пошатнуться пьяненькимъ, но не дрогнетъ передъ непріятелемъ. Онъ велѣлъ остановиться и отпустилъ солдата.

Въ Сибири служилъ подполковникъ Деминъ. Съ нимъ былъ слѣдующій случай. Былъ онъ фельдфебелемъ въ Семеновскомъ, кажется, полку и потомъ выпущенъ офицеромъ въ Петергофскій батальонъ внутренней стражи. Какъ-то Государь Николай Павловичъ приказалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ этого батальона выдать по рублю. Офицеры показали у себя въ строю болѣе солдатъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ и, на излишне-полученныя деньги устроили пирушку съ выпивкою. Деминъ возвращается съ пирушки рано утромъ, на веселѣ, растегнутый и встрѣчается съ Императоромъ.

— „Деминъ! Что̀ это значитъ?“

— „Простите, Ваше Величество: покутили на вашъ счетъ“, простодушно отвѣчалъ Деминъ.

— „Какъ на мой счетъ?“

— „Да показали больше солдатъ и на лишнія деньги кутнули. Простите, Государь“.

— „Ну, ступай скорѣе и проспись, да чтобы Великій Князь (Михаилъ Павловичъ) не узналъ объ этомъ; а то достанется вамъ всѣмъ“, сказалъ Государь.

—

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, замѣтивъ на клиросѣ въ Екатерининскомъ институтѣ хорошій голосъ одной воспитанницы, спросилъ ея фамилію. Когда ему доложили, что это Долинская, принцъ припомнилъ, что въ Смольномъ есть тоже Долинская. „Это моя сестра“, сказала воспитанница. Пріѣхавъ послѣ того въ Смольный, онъ передалъ воспитанницѣ Долинской поклонъ отъ ея сестры, приказавъ написать ей письмецо, которое вызвался передать. Такъ это стало уже обычнымъ дѣломъ, и незабвенный принцъ принялъ на себя передачу кореспонденціи между разобщенными сестрами.

—

Нелишнимъ, полагаю, занести въ лѣтопись нѣкоторые эпизоды для характеристики покойнаго главнаго начальника Кіевскаго края, Александра Романовича Дрентельна.

Бывъ на чьихъ-то похоронахъ на Аскольдовой могилѣ, онъ пошелъ помолиться на могилахъ своей племянницы и служившаго у него 25 лѣтъ повара. Проходя мимо великолѣпнаго мраморнаго мавзолея, устроеннаго ген. П. надъ могилой жены и сто̀ившаго, какъ говорятъ, болѣе 10 т. р., онъ обратился къ товарищу своего дѣтства г-лу Л., сказавъ: „Не одобряю я подобнаго расхода. Сколько добра можно было сдѣлать на эти деньги!“

Разъ, прійдя къ нему, я засталъ его въ первой пріемной комнатѣ сильно кого-то распекающимъ. Пройдя въ кабинетъ, я слышалъ, какъ онъ крикнулъ: „такъ смотрѣть у меня въ оба!“—„Я, можетъ быть не во-время пришелъ къ вамъ, Александръ Романовичъ“, сказалъ я, когда онъ вошелъ въ кабинетъ. „Всегда во-время“, отвѣчалъ онъ совершенно покойнымъ голосомъ. Изъ этого можно заключить, что строгость его была, по крайней мѣрѣ иногда, напускная.

А распекать онъ умѣлъ! Во время Еврейскихъ безпорядковъ въ Глуховѣ онъ собралъ Евреевъ и, обвиняя ихъ самихъ въ безпорядкахъ, такъ пробиралъ, что стоявшій передъ нимъ Еврей отъ страха упалъ въ обморокъ.

Кто жилъ въ чертѣ Еврейской осѣдлости, знаетъ хорошо, что всякій Еврей старается обойти законъ, а зажиточные съ наглостію ихъ нарушаютъ и всегда съ неуваженіемъ относятся къ власти, по большей части снисходительной. Но не таковъ былъ Александръ Романовичъ, чтобы позволять такія уклоненія. Онъ смотрѣлъ бдительнымъ окомъ на это. Одинъ миліонеръ, Еврей Бродскій сдѣлалъ деревянную пристройку къ деревянному же дому на Институтской улицѣ, гдѣ воспрещено производить деревянныя постройки. На всѣ требованія полиціи объ исполненіи постановленія судебной власти, домовладѣлецъ отвѣчалъ полнымъ невниманіемъ. Узнавъ объ этомъ, Дрентельнъ приказалъ пожарной командѣ сломать пристройку. Когда явилась команда и приступила къ сломкѣ, явились и рабочіе, и въ одинъ день постройка была разобрана.

Княгиня Д. нанимала у одного разбогатѣвшаго Еврея самый большой и самый красивый домъ въ Кіевѣ. Проживъ годъ за границею и намѣреваясь вернуться въ Кіевъ, она просила князя Р. нанять ей прежде занимаемый ею домъ. Князь Р. самъ поѣхалъ къ Еврею. Еврей принялъ едва поклонившись и въ невѣжливой формѣ отказалъ, упомянувъ притомъ, что у него своя есть княгиня, которая занимаетъ домъ, разумѣя подъ княгинею свою дражайшую Еврейскую половину. Князь Р. передалъ, какъ было, Дрентельну. Тотъ отправилъ къ Еврею своего чиновника особыхъ порученій съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться. „Можетъ быть, вы и чиновникъ ген.-губернатора; а можетъ быть, и нѣтъ. Можетъ быть, онъ и прислалъ васъ ко мнѣ; а можетъ быть, и нѣтъ. Когда получу отъ него приглашеніе на бумагѣ, явлюсь“, отвѣчалъ Еврей. Александръ Романовичъ отправилъ къ нему жандармскаго офицера сказать, что если онъ сейчасъ не явится, то будетъ приведенъ къ нему полиціею. Шутить было уже невыгодно, и Еврей, надѣвъ фракъ и бѣлый галстукъ, отправился къ ген.-губернатору. Снявъ въ прихожей пальто, онъ было отправился въ пріемную; но ему преградили путь, предложивъ обождать здѣсь, т.-е. въ прихожей. Походилъ Еврей, постоялъ, усталъ и сѣлъ на нары, гдѣ сидѣли жандармы. Наконецъ, проситъ онъ напомнить о себѣ, доложить. Ему говорятъ, что доложено и что надо подождать. Сконфуженный Израильтянинъ думаетъ, не уѣхать ли ему домой; къ тому же рысаки его нетерпѣливо бьютъ копытами о мостовую у подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома. Но опасеніе за благополучный исходъ такой дерзости беретъ верхъ. Время томительно проходитъ для него до 9 часовъ вечера, когда вышелъ генералъ-губернаторъ. Объясненіе было таково, что Еврей

нашелъ невозможнымъ оставаться въ Кіевѣ, потому что было „совѣстно людямъ глаза показать“.

При всеобщемъ поклоненіи передъ Еврейской мошной, набитой кровными Русскими деньгами, строгое требованіе законности и уваженія, сбивающее спѣсь разбогатѣвшаго еврейства—явленіе утѣшительное.

Александръ Романовичъ говаривалъ, что смерть его будетъ внезапная и что близкіе не будутъ ее видѣть. Находясь въ знаменательный день 15-го Іюля 1888 года въ Кіевѣ, я почти былъ свидѣтелемъ его смерти. Александръ Романовичъ былъ служака въ полномъ смыслѣ, неуклонно-точный, исполнительный и требовательный, но справедливый; онъ, можно сказать, всегда былъ на службѣ. 15-го Іюля стояла тропическая жара. Онъ самъ объѣзжалъ войска. Когда онъ окончилъ уже объѣздъ, замѣтили, что лошадь его разомъ повернула на право. Это показалось страннымъ. Сейчасъ же тѣло его стало склоняться на правую сторону и, наконецъ, бездыханнымъ онъ упалъ на мостовую. Такъ умеръ онъ на конѣ, при отправленіи служебныхъ обязанностей! Въ минуту вѣсть о его кончинѣ облетѣла всю стотысячную толпу. И сто тысячъ головъ обнажилось, и сто тысячъ молитвъ вознеслось къ Творцу о упокоеніи его души. Какая славная смерть!

—

Во всѣхъ актахъ Сѣверо-Западнаго края, при господствѣ Польскаго дворянства, крестьяне назывались не душами, какъ въ Россіи, а головами. Такъ передъ нами старый планъ генеральнаго межеванія со слѣдующею надписью: „Могилевской губерніи, Рогачевской округи, деревень Бабичъ и Новиновки.... по послѣдней переписи мужскаго и женскаго полу, *головъ*“ и т. д. Эта форма составилась несомнѣнно вслѣдствіе отношенія и взгляда на крестьянское населеніе у Польской помѣстной шляхты, на языкѣ которой не было инаго опредѣленія крѣпостнаго крестьянства, какъ словомъ bydło (скотъ).

Такое отношеніе къ людямъ, при томъ въ потѣ лица трудившимся для благосостоянія своего пана, не составляетъ ли одну изъ причинъ потери Польшею ея самостоятельности?

И. С. Листовскій.

А. Ѳ. АКСАКОВА.

11-го Августа нынѣшняго года въ Сергіевомъ посадѣ скончалась Анна Ѳедоровна Аксакова. Прервалась поучительная, самоотверженная жизнь.

Дочь Тютчева, унаслѣдовавшая пламенную вѣру и трезвость мысли достопамятнаго отца своего, Анна Ѳедоровна на всемъ пройденномъ ею жизненномъ пути явила рѣдкій примѣръ твердаго, неуклоннаго исполненія долга и самозабвеннаго служенія ближнему. Съ раннихъ лѣтъ находясь при особѣ Цесаревны, будущей Императрицы, Маріи Александровны, призванная затѣмъ быть воспитательницею Великой Княжны Маріи Александровны и младшихъ ея братьевъ, она вся отдалась этому дѣлу и впослѣдствіи, до самой кончины въ Бозѣ почившей Императрицы, пользовалась ея дружескимъ расположеніемъ и состояла съ нею въ постоянной перепискѣ. Оставивъ дворъ и выйдя замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова, она съ тѣмъ же, свойственнымъ ей самоотреченіемъ дѣлила всѣ превратности его многотрудной жизни. Никогда не думала она, что ей, съ ея слабымъ здоровьемъ, суждено будетъ пережить Ивана Сергѣевича, одареннаго отъ природы богатырскими силами; и когда непрерывные, чрезмѣрные труды сломили его, когда всѣ близкіе ожидали, что она не вынесетъ удара, она нашла въ себѣ довольно бодрости духа, чтобы приняться за громадный трудъ изданія сочиненій своего мужа. Эти девять большихъ томовъ, обработанныхъ и изданныхъ ею въ два года, при сравнительно-незначительной посторонней помощи, свидѣтельствуютъ о такой энергіи, какая рѣдко встрѣчается и въ крѣпкомъ мужчинѣ; а въ этой изнуренной недугомъ шестидесятилѣтней женщинѣ такая энергія казалась чудомъ. Для тѣхъ, кто видалъ Анну Ѳедоровну въ это время, ясно было, что только этотъ принятый ею на себя подвигъ, эта память о любимомъ человѣкѣ, которою она жила, и поддерживали ея силы; и силъ этихъ достало ровно настолько, чтобы окончить важнѣйшую часть труда. Оставалось

еще дополнить многое; но Богъ не судилъ великой труженицѣ довести трудъ свой до полнаго конца. И за то, что̀ она сдѣлала, вѣчная ей память.

При изданіи писемъ Ивана Сергѣевича, предисловіе къ которымъ написано Анной Ѳедоровной, обнаружилось ея умѣнье владѣть на письмѣ Русскою рѣчью, умѣнье, удивившее многихъ, такъ какъ въ разговорѣ покойной (иностранки по матери и воспитанной за границей) часто слышались ошибки, и самый выговоръ ея былъ не вполнѣ Русскій. Но Русская душа, Русскій образъ мыслей и обширное, смѣемъ сказать, философское образованіе дали ей тотъ слогъ, въ достоинствахъ котораго убѣдится каждый, прочтя помянутое предисловіе.

Оцѣнка Анны Ѳедоровны, какъ неразлучной спутницы ея мужа, войдетъ конечно въ его біографію, которой сама Анна Ѳедоровна положила такое прекрасное начало. Теперь еще рано говорить многое. Надъ только что закрывшеюся могилою довольно помянуть добрымъ словомъ женщину, умѣвшую во всю свою перемѣнчивую жизнь сохранить непоколебимую вѣрность своимъ убѣжденіямъ, не знавшую лицемѣрія и ни разу не измѣнившую себѣ. Кто видалъ Анну Ѳедоровну въ ея личной, повседневной жизни, зналъ, что рядомъ съ этою твердостью духа, за ея часто-суровою внѣшностью скрывалась рѣдкая доброта. Господь не благословилъ ее дѣтьми; за то съ какою материнскою нѣжностью занималась она воспитаніемъ нѣсколькихъ сиротъ, оставшихся послѣ офицеровъ, убитыхъ въ послѣднюю Турецкую войну, изъ которыхъ она составила небольшой пріютъ. Слезы навертывались на глазахъ при видѣ того, какъ льнули къ ней ея маленькіе питомцы.

Не даромъ прожила эта женщина свою долгую жизнь. Подвигомъ добрымъ подвизалась она до послѣдняго своего издыханія и воистину заслужила мѣсто успокоенія рядомъ съ тѣмъ, чье имя носила съ такою честью, подъ кровомъ святой лавры великаго Подвижника земли Русской.

Возстави ихъ, Господи, на земли живыхъ!

Валерій Лясковскій.

С. Дмитровское-Истомино,
17-го Октября 1889 г.

*

Старшая дочь поэта, Анна Ѳедоровна имѣла съ нимъ много общаго. Ѳедоръ Ивановичъ говаривалъ, что составляетъ съ нею какъ бы неразрывное цѣлое, и что душевныя движенія взаимно отдавались въ нихъ. Въ Аннѣ Ѳедоровнѣ былъ тотъ же умъ и тоже чуткое исканіе высокаго и

прекраснаго въ природѣ внѣшней и человѣческой. Трезвость сознанія и Тютчевская игривость ума не покидали ея до конца. Умирая, переносила она великія страданія; ей вырѣзали карбункулъ на шеѣ, при чемъ врачи не могли надивиться ея выносливости. „Въ первый разъ слышу, что меня хвалятъ за терпѣніе", отозвалась она. Дѣйствительно всю жизнь она, можно сказать, славилась нетерпѣливостью нрава, и конечно нажила немало враговъ, оправдывая собою сказанное Пушкинымъ про „пылкихъ душъ неосторожность" и про „умъ любящій просторъ".

Въ этотъ-то умъ Анны Ѳедоровны положительно можно было влюбиться. Благодаря ему, въ важныхъ случаяхъ жизни она вполнѣ овладѣвала собою и обнаруживала необыкновенную твердость. Мы помнимъ ее во время ссылки И. С. Аксакова, въ 1878 году. Куда дѣвалась ея болѣзненная раздражительность! Она исполнилась бодростью и попечительною заботою. Этой послѣднею чертою характера походила она на сестру своего дѣда (по отцу), княгиню Евдокію Николаевну Мещерскую, которая, овдовѣвъ 20 лѣтъ отъ роду, всю жизнь посвятила добру и основала подъ Москвою Аносинскую пустынь.

Родная бабка ея (мать поэта) Екатерина Львовна (ур. Толстая) служила живымъ примѣромъ благочестія. Рожденная и воспитанная въ чужихъ краяхъ, Анна Ѳедоровна сдѣлалась сознательною дочерью православной церкви. Этимъ отчасти и объясняется ея сближеніе съ покойной Государыней Маріей Александровной.

А. Ѳ. Аксакова принадлежитъ исторіи прошедшаго царствованія, важнѣйшія событія котораго произошли не безъ ея косвеннаго участія, и въ преданіяхъ того времени часто будетъ поминаться ея имя. Послѣ нея остались превосходныя Записки на Французскомъ языкѣ. Историки Русскаго просвѣщенія не позабудутъ, что ни одна вдова писателя столько не потрудилась для увѣковѣченія памяти своего супруга, какъ пылкая, рѣзкая, но въ тоже время прямодушная и любящая А. Ѳ. Аксакова.

П. Б.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА БЕЗОБРАЗОВА.

За послѣднее время во многихъ подневныхъ и періодическихъ изданіяхъ появились статьи и біографическія замѣтки о литературныхъ и общественныхъ трудахъ покойнаго Владимира Павловича Безобразова. Кто не читалъ Безобразова, кто не встрѣчался съ нимъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то среди научныхъ его поѣздокъ по Россіи или за границей?

Пишущій эти строки былъ товарищемъ и другомъ покойнаго Безобразова и за послѣднія недѣли его жизни видѣлся съ нимъ часто.

Проведя съ Безобразовымъ на школьной скамьѣ Лицея бокъ о бокъ шесть лѣтъ, изъ которыхъ первые два года намъ жилось хорошо въ традиціонной средѣ Царскаго Села, мы на третьемъ году ученическихъ нашихъ треволненій перемѣщены были, вмѣстѣ съ прочими однокашниками нашими, въ С.-Петербургъ, гдѣ въ стѣнахъ Александровскаго Лицея намъ пришлось дочитывать наши записки и учебники вплоть до выпуска нашего. Это перемѣщеніе въ столичную среду состоялось въ то именно время, когда новыя политическія и политико-экономическія системы, новыя ученія и воззрѣнія во всѣхъ отросляхъ наукъ и искусствъ стали надвигаться и наплывать на насъ съ Запада и запускать живительные свои корни въ воспріимчивую почву отечественнаго юношества. Одаренный пытливымъ умомъ и глубокою впечатлительностью, Бозобразовъ началъ тогда же не только знакомиться, но и изучать теоріи новѣйшихъ въ то время экономистовъ, не имѣя притомъ подъ рукою тѣхъ руководительныхъ подспорій и указаній, которыми нынѣ изобилуютъ высшія учебныя заведенія въ составѣ своихъ наставниковъ и въ богатыхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, открытыхъ нынѣ для всѣхъ и каждаго, безъ всякаго стѣсненія.

Вскорѣ послѣ выпуска нашего наступилъ знаменательный 1848-й г., чреватый послѣдствіями и положившій, такъ сказать, основы къ лѣтосчисленію въ исторіи развитія политической и соціальной жизни всего Европейскаго человѣчества. Пылкій, увлекавшійся Безобразовъ отдался тогда же разработкѣ разныхъ экономическихъ вопросовъ, а познакомившись вслѣдъ за тѣмъ (какъ здѣсь, такъ и за границей) съ выдаю-

щимися экономистами, онъ усвоилъ себѣ съ тѣхъ поръ глубокое убѣжденіе, что поднятіе уровня нашей народной промышленности зависитъ всецѣло отъ примѣненія къ намъ на практикѣ ученія о свободной торговлѣ. Мысль эту, которой онъ остался вѣренъ до конца дней своихъ, онъ горячо проводилъ въ кружкѣ товарищей и пріятелей, собиравшихся у него еженедѣльно. Бывали жаркія словопренія и у Донона, гдѣ, не говоря уже о такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ, свойства или направленіе которыхъ мы здѣсь разбирать не станемъ, онъ предсѣдалъ однажды въ годъ на товарищескомъ обѣдѣ 19-го Октября. Но зачѣмъ же выставлять его завзятымъ пропагандистомъ фритредерства на трактирныхъ подмосткахъ, гдѣ «entre la poire et le fromage» вершались будто бы безповоротно жизненные вопросы отечества нашего, по его, Безобразова, почину и настоянію и при молчаніи или безтолковомъ содѣйствіи доктринёровъ въ образѣ вліятельныхъ чиновныхъ лицъ, которыя пассивное свое отношеніе къ интересамъ отечества проявляли съ большею еще очевидностію въ разныхъ финансовыхъ коммиссіяхъ, гдѣ опять же одинъ будто бы Безобразовъ проводилъ свои воззрѣнія во вредъ отечественной промышленности и торговлѣ? Согласитесь, принять на вѣру подобное истолкованіе литературной и общественной дѣятельности Безобразова—значило бы отрицать дѣятельность его, какъ замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ публициста и писателя, придавая притомъ Безобразову рѣшающее значеніе и вліяніе въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ между тѣмъ, какъ извѣстно, всякій мало-мальски вѣсъ или голосъ имѣющій ревниво оберегаетъ и отстаиваетъ свое личное «я».

Правда, Безобразову случалось вставлять въ разговоры лишнее словцо о дѣятельности своей и о вліяніи своемъ при разрѣшеніи того или другаго жизненнаго вопроса по финансовому управленію. Лица, близко знакомыя съ будничною и бюрократическою обстановками, знали, на сколько онъ преувеличивалъ на словахъ размѣръ своего вліянія на ходъ дѣлъ вообще и что, напротивъ, онъ даже часто выносилъ изъ засѣданій въ коммиссіяхъ самыя горькія для себя разочарованія; но впечатлительный, увлекавшійся, настойчивый, онъ тутъ же забывалъ неудачи свои и снова начиналъ ратовать за усвоенное имъ себѣ ученіе при несокрушимомъ убѣжденіи, что рано или поздно наступитъ и у насъ торжество фритредерства надъ покровительственною системою въ области торговли и промышленности. Пусть говорятъ, и не безъ основанія, можетъ быть, что онъ ошибался въ данномъ случаѣ, не будучи достаточно знакомъ ни съ производительными силами, ни съ потребностями народа; но если онъ ошибался, то ошибался добросовѣстно, то-есть не въ силу какихъ-либо личныхъ интересовъ, разсчетовъ и цѣлей, а въ силу усвоеннаго имъ себѣ принципа, которому онъ остался вѣренъ до конца.

Уроженецъ Московской губерніи, дворянинъ, горячо любившій своего царя и все Русское, онъ никогда не принадлежалъ къ Нѣмецкой партіи, но воздавалъ должное свѣтиламъ науки за предѣлами отечества нашего, причемъ онъ всѣми силами души радѣлъ по-своему о благѣ и преуспѣяніи богатствъ и производительныхъ силъ въ Россіи и, конечно нѣтъ сомнѣнія, что научныя его по симъ вопросамъ изслѣдованія и литературные труды составляютъ богатый вкладъ и матеріалъ для ознакомленія съ промышленнымъ бытомъ и финансовымъ уровнемъ въ отечествѣ нашемъ за послѣднія 35 лѣтъ. Въ этомъ-то именно и состоитъ недюжинная заслуга Безобразова, на котораго напрасно также возлагается отвѣтственность за несвоевременное принятіе мѣръ къ развитію у насъ горнаго и желѣзнодорожнаго дѣла. При разрѣшеніи этихъ жизненныхъ вопросовъ и онъ имѣлъ, правда, совѣщательный голосъ, а въ кабинетѣ своемъ трудился опять же надъ подборомъ и сводомъ собранныхъ имъ по симъ вопросамъ матеріаловъ; но развѣ онъ посильнымъ содѣйствіемъ и трудомъ своимъ тормозилъ ходъ дѣла или останавливалъ дѣятельность лицъ, отъ которыхъ зависѣло всецѣло призвать къ жизни новые два рычага торговли и промышленности? Такое предположеніе опять же выводитъ Безобразова на слишкомъ видный постъ, на которомъ онъ впрочемъ никогда не стоялъ, но куда, быть можетъ, стремились его желанія.

Безобразовъ былъ убѣжденный теоретикъ, горячо любившій все Русское, но недостаточно знакомый съ бытомъ народа Русскаго, а потому, случалось, и ошибавшійся въ выводахъ и въ выкладкахъ своихъ, производившихся не всегда на практической почвѣ, а большею частію въ тиши кабинета. Глубоко ученый и труженникъ незаурядный, онъ былъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ и горячъ въ словопреніяхъ. Всесторонне образованный, начитанный и обладавшій притомъ громадною памятью, онъ излагалъ мысли свои ясно, отчетливо и даже докторально, не любя и не слушая возраженій и не отказываясь притомъ отъ остраго словца или сарказма за счетъ своего оппонента. Всегдашній его юморъ былъ, правда, болѣе задоренъ, чѣмъ благодушенъ; но за этотъ юморъ друзья и почитатели его не сердились и не обижались, такъ какъ всякая капля горечи въ словахъ его искупалась имъ же самимъ добродушною улыбкою, теплымъ и ласкающимъ взглядомъ и крѣпкимъ пожатіемъ руки. Христіанина и православнаго не по одной обрядности, но и по глубокому сердечному убѣжденію, съ теплою душой и всегда готоваго на помощь ближнему, нельзя не назвать Безобразова свѣтлою во всѣхъ отношеніяхъ личностью и честнымъ, сознательнымъ дѣятелемъ на избранномъ имъ себѣ поприщѣ. Онъ былъ товарищъ и другъ неоцѣнимый. Родные, близкіе и друзья его находили въ домѣ его теп-

лый и радушный пріемъ; но не оскудѣвали также ни уста, ни рука его на помощь нуждающимся и страждующимъ.

Вотъ что̀ пишетъ намъ глубоко уважаемый архимандритъ Сергій, настоятель Дмитровскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, о послѣднихъ часахъ жизни Владимира Павловича Безобразова.

„Съ полною готовностію исполняю ваше желаніе знать послѣдніе дни и кончину вашего друга досточтимаго Владимира Павловича Безобразова, съ которымъ я познакомился только прошлаго года“.

„Въ Іюнѣ, въ бытность его въ Дмитровѣ на земскомъ собраніи, я навѣстилъ его, и онъ просилъ пріѣхать къ нему въ имѣніе и совершить служеніе 15-го Іюля, въ день его ангела. Но 10-го Іюля я получилъ отъ него изъ Череповца письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ, что не можетъ пріѣхать къ 15-му числу по причинѣ болѣзни ноги, а 14-го Августа я узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Дмитровъ лѣчиться: у него оказалась гангрена на ногѣ, хотя онъ не сознавалъ опаснаго своего положенія и надѣялся скоро выздоровѣть. Въ 2 часа ночи или утра 29-го Августа за мной прислалъ сынъ его Юрій Владимировичъ, чтобы пріобщить больнаго Св. Таинъ. Явившись тотчасъ къ Владимиру Павловичу, я узналъ, что у больнаго порча кровеносныхъ сосудовъ, что онъ едва ли переживетъ ночь, такъ какъ у него было уже два припадка. Когда доложили страждущему обо мнѣ, онъ возмутился, зачѣмъ ночью безпокоили меня, но тотчасъ принялъ меня въ постели, облокотившись на подушки. Я предложилъ ему обратиться къ духовному врачевству, но Владимиръ Павловичъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что нужно сперва приготовить себя къ великому таинству. Сколько я ни убѣждалъ его, онъ рѣшительно заявилъ, что не можетъ такъ внезапно приступить къ принятію Св. Даровъ, что ему необходимо сперва приготовиться, войти въ себя и почитать Евангеліе, а потому просилъ пріѣхать въ 4 часа дня; къ этому онъ прибавилъ, что вполнѣ сознаётъ всю опасность своего положенія и хорошо понимаетъ, что не слѣдуетъ откладывать до послѣдняго часа исполненіе христіанскаго долга, что онъ радъ будетъ очистить свою совѣсть и пріобщиться Св. Таинъ. Послѣ сихъ словъ дѣлать было нечего, и мнѣ пришлось уступить больному; къ тому же, по его здравому и рѣшительному сужденію, я надѣялся даже, что онъ поправится вскорѣ. Отслуживши литургію, я въ 1-мъ часу дня отправился къ Владимиру Павловичу и къ радости своей узналъ, что больной провелъ остальную часть ночи покойно, а на утро одѣлся во все чистое и все время читалъ Св. Евангеліе. Радостно встрѣтилъ онъ меня и сказалъ: пусть войдутъ дѣти, чтобъ проститься съ ними. Трогательно было это прощаніе. Затѣмъ приступая къ таинству исповѣди, онъ замѣтилъ: зачѣмъ затворяете дверь, я ничего не таю и хочу исповѣдать грѣхи предъ всѣмъ міромъ. По истинно-христіански, съ горячимъ чувствомъ и сокрушеніемъ сердечнымъ исповѣдывался онъ во грѣхахъ своихъ и въ присутствіи сына и двухъ дочерей пріобщился Св. Таинъ, повторяя съ полнымъ смиреніемъ за мной молитву: „Вѣрую Господи“...

Послѣ сего онъ просилъ меня напиться чаю, а самъ пилъ воду съ лимономъ, говоря, что чай ему опротивѣлъ и вообще нѣтъ позыва къ пищѣ, а потому нѣтъ и сна. Говорилъ онъ довольно много, просмотрѣлъ почту и потребовалъ бумаги, чтобы самому составить телеграммы. Черезъ часъ, простившись со мной, благодарилъ за участіе къ нему и обѣщалъ навѣстить меня при первой возможности и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ меня побывать и у него въ имѣніи. Но увы, Провидѣнію угодно было исполнить оба его желанія, но совершенно въ иномъ видѣ! Когда я съ нимъ прощался, слыша его живую, энергичную рѣчь, никакъ, казалось, нельзя было ожидать такой быстрой развязки. На ногу онъ не очень жаловался и хотя кашель иногда душилъ его, онъ скоро оправлялся отъ него и не переставалъ разговаривать со мной. Къ вечеру онъ замѣтно сталъ слабѣть, два раза съ помощію сестры милосердія вставалъ съ постели, а въ $11^1/_4$ часовъ ночи, 29-го числа, сидя на стулѣ, склонилъ тихо голову на плечо сестры и отошелъ ко Господу. Въ 12 часовъ ночи я былъ приглашенъ отслужить панихиду, которая и была мною совершена.

31-го числа тѣло почившаго было перенесено въ соборную церковь нашего Борисо-Глѣбскаго монастыря при депутаціи Городской Управы, Земскаго Собранія и до 100 учениковъ Дмитровскаго Городскаго Училища, а 1-го Сентября было въ монастырѣ отпѣваніе съ братіею и нѣкоторыми священниками въ присутствіи мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства и представителей города. Присланные наканунѣ отъ Великихъ Князей два прекрасныхъ вѣнка были возложены на гробъ усопшаго, вмѣстѣ съ вѣнкомъ отъ земства. По отпѣваніи, гробъ былъ вынесенъ изъ церкви почитателями покойнаго и несенъ до конца города, а затѣмъ переданъ бывшимъ его крестьянамъ, которые на рукахъ понесли его въ имѣніе покойнаго, за 16 верстъ. На пути, противъ женской прогимназіи выстроились воспитанницы, пропѣли литію и возложили вѣнокъ на гробъ. Далѣе тоже было сдѣлано учениками Городскаго Училища. 2-го Сентября я пріѣхалъ въ село Тимоново, гдѣ въ церкви находился гробъ почившаго. Тамъ я отслужилъ съ двумя священниками заупокойную литургію, панихиду, и затѣмъ мы опустили гробъ въ могилу съ правой стороны алтаря. Н. П. Поливановъ тутъ же сказалъ теплую рѣчь (мѣстный священникъ говорилъ проповѣдь во время причастнаго стиха). Стеченіе богомольцевъ было огромное, такъ какъ всѣ любили и уважали покойнаго".

„Считая долгомъ извѣстить васъ о всемъ, чтó знаю о послѣднихъ дняхъ усопшаго и чему былъ очевидцемъ, покорнѣйше прошу, если найдете возможнымъ, напечатать сіе мое письмо для всеобщаго свѣдѣнія".

Москва, 19 Октября 1889 г.

Р.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ И. И. МАРТЫНОВУ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на пріѣздъ Государя Императора: исполняю ваше повелѣнье. — Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему, начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичъ [1]) благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведенье неопытнаго Стихотворца!

Надѣясь на крайнее Ваше снизхожденье, честь имѣю пребыть

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Александръ Пушкинъ.

1815 года
28 Ноября.
Царское Село.

Изнанка листа, или 2-я стр., исчерчена парафами. *Я. Г.*

Это самое раннее изъ извѣстныхъ донынѣ писемъ А. С. Пушкина. Оно писано къ И. И. Мартынову, директору Департамента Народнаго Просвѣщенія. При этомъ письмѣ было отправлено въ Петербургъ стихотвореніе Пушкина „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“.

Подлинный автографъ написанъ на почтовомъ листѣ тщательнымъ почеркомъ, но, очевидно, онъ былъ потомъ вновь переписанъ начисто, такъ какъ въ немъ слова́ „Его Величеству“ зачеркнуты, и вмѣсто ихъ надъ строкою набросано сокращенно другой рукою: „Государю Императору“.

---

[1]) Тогдашній министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій. П. Б.

Письмо это, которымъ объясняется происхожденіе названнаго стихотворенія, сохранилось въ семейномъ архивѣ М. В. Вольховской, вдовы Владимира Дмитріевича Вольховскаго [2]) и сестры Ивана Васильевича Малиновскаго, товарищей и друзей Пушкина. За полученіе въ даръ этого драгоцѣннаго автографа приношу глубокую признательность почтенной Марьѣ Васильевнѣ, которая доставила мнѣ его чрезъ посредство своего племянника Антона Ивановича Малиновскаго, также лицейскаго воспитанника. Передаю его во всей точности, съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи.

Я. Гротъ.

*

Возвращеніе императора Александра Павловича изъ чужихъ краевъ (1 Декабря 1815) было событіемъ въ жизни Петербурга и особенно Царскаго Села, а слѣдовательно и Лицея, помѣщавшагося въ самомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Государь почти три года отсутствовалъ изъ Россіи, и теперь началъ снова по цѣлымъ недѣлямъ, даже зимою, жить рядомъ съ Лицеемъ. Какое поприще наблюдательности открылось вѣщему юношѣ, который могъ видать „Владыку Сѣвера“ и устроителя судебъ всей Европы чуть не ежедневно!

Пушкинъ уже тогда имѣлъ нѣкоторую извѣстность, и его „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, читанныя на Лицейскомъ актѣ того же 1815 года, обратили на него вниманіе многихъ лицъ. Стихи на возвращеніе Государя, конечно, слабы; но и въ нихъ мелькаетъ дарованіе.

А я .... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный...
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои,
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи.

Вѣроятно графъ Разумовскій не могъ исполнить желаніе „неопытнаго стихотворца“; но если Александръ Павловичъ читалъ эту оду, то вниманіе его могло остановиться на стихахъ:

И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ.

Съ раннихъ лѣтъ своихъ Пушкинъ слѣдилъ за ходомъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ. П. Б.

---

[2]) По разсказу одного изъ родственниковъ его оказывается, что фамиліи *Волховскихъ* и *Вольховскихъ* принадлежатъ одному и тому же роду, но Владимиръ Дмитріевичъ Вольховской съ самаго поступленія въ Лицей сталъ писать свою фамилію съ *еремъ*. Современникъ добавляетъ, что въ послѣднее время жизни Владимира Дмитріевича одинъ изъ недруговъ его обратилъ вниманіе императора Николая на такое измѣненіе, съ перемѣщеніемъ и акцента, какъ на ополяченье Русскаго имени, и что Государь выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе на Вольховскаго, который и безъ того былъ въ немилости по наговору своего начальника барона Розена на Кавказѣ. *Я. Г.*

„РУКА ВСЕВЫШНЯГО ОТЕЧЕСТВО СПАСЛА".

Драма Н. В. Кукольника.

Изъ воспоминаній Теобальда.

Когда-то.... Не спрашивайте, когда? Вы это сами лучше знаете—покойный Несторъ Васильевичъ Кукольникъ ставилъ на сценѣ С.-Петербургскаго Большаго Театра драму свою «Рука Всевышняго Отечество спасла». Несторъ Васильевичъ, хотя и пользовался уже извѣстностію въ литературѣ, какъ авторъ «Торквато Тасса» и «Джуліо Мости», много однакоже встрѣтилъ затрудненій при постановкѣ своей пьесы со стороны какъ театральной дирекціи, такъ и гг. артистовъ.

Пьесу эту, до постановки ея на сцену, знали уже почти всѣ Петербургскіе литераторы: Кукольникъ неоднократно читалъ ее на литературныхъ вечерахъ, въ собраніяхъ тогдашнихъ знаменитостей.

Обыкновенно, на такихъ вечерахъ дается автору столько совѣтовъ, что еслибы всѣ ихъ выполнить, то изъ пьесы не осталось бы ничего, и содержаніе ея сводилось бы къ нулю. Кукольникъ понималъ это и былъ себѣ на умѣ: изъ всѣхъ совѣтовъ онъ не послѣдовалъ ни одному. Впрочемъ, на него имѣли сильное вліяніе Сенковскій (баронъ Брамбеусъ) и извѣстный драматическій писатель Хмѣльницкій (Смоленскій губернаторъ). Ихъ совѣты отразились на многихъ Кукольниковскихъ драмахъ.

Наконецъ, Несторъ Васильевичъ одолѣлъ всѣ затрудненія и препятствія; пьеса принята, пошли репетиціи. Послѣ каждой репетиціи онъ забѣгалъ къ князю Одоевскому, измученный, разстроенный, и нерѣдко товарищи-литераторы не могли отъ него добиться ни одного слова. Что̀ именно такъ разстроивало его, онъ объяснить себѣ не могъ, но чувствовалъ, что или въ игрѣ актеровъ или въ самой пьесѣ какъ будто чего не достаетъ; чего же именно—ни онъ, не совѣтчики его не знали. Больше же всего Нестора Васильевича тревожило то, что на первомъ представленіи, какъ ему передавали за достовѣрное, изволитъ присутствовать самъ императоръ Николай Павловичъ, державный меценатъ литературы своего времени.

Но вотъ наступилъ день представленія драмы. Ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ Кукольникъ въ директорской ложѣ и не спускалъ глазъ съ Государя Императора. Пьеса шла хорошо, живо. Государь внимательно слушалъ. Начали раздаваться аплодисменты, сперва рѣдко, потомъ

чаще, и наконецъ дошло до единодушнаго взрыва ихъ. Артистовъ вызывали послѣ каждаго акта. Друзья поздравляли автора съ успѣхомъ, но успѣхъ этотъ его не радовалъ: онъ, какъ росы небесной, ждалъ хотя малѣйшаго признака одобренія со стороны Государя; но Его Величество былъ серьезенъ и молчаливъ.

Кончилась драма. Начались вызовы автора. При первомъ выходѣ на сцену Несторъ Васильевичъ робко взглянулъ на царскую ложу: Государь милостиво кивнулъ ему головою. Отвѣся Его Величеству глубокій поклонъ и раскланявшись съ публикою, Кукольникъ вернулся за кулисы въ состояніи близкомъ къ обмороку: слезы готовы были брызнуть изъ очей; онъ самъ себѣ удивлялся, почему тутъ же на сценѣ не преклонилъ колѣнъ предъ этимъ полубогомъ?

Въ слѣдующіе выходы его на сцену, царская ложа была уже пуста; но за кулисами подошелъ къ нему дежурный флигель-адъютантъ и спросилъ:

— Вы г. Кукольникъ?

— Я.

— Государь Императоръ изволитъ требовать васъ къ себѣ. Завтра въ 12 час. дня пожалуйте въ Зимній Дворецъ.

— Слушаю, г. полковникъ.

Кукольникъ прибѣжалъ къ князю Одоевскому, который пригласилъ его, вмѣстѣ съ другими литераторами, послѣ спектакля къ себѣ, бросился на софу и былъ какъ помѣшанный.

— Счастіе, господа, великое, небывалое, неземное счастіе! Государь требуетъ меня завтра къ себѣ!... Но что̀ мнѣ скажетъ, что̀ мнѣ скажетъ Его Величество?... Боже, я съ ума сойду!... И радость, и трепетъ обуреваютъ меня... Но вѣдь Государь такъ милостиво привѣтствовалъ меня... стало-быть, какъ вы думаете, господа: кажется трепетать нечего?... А все какъ-то страшно...

Писатели успокоивали его и поздравляли. Подъ конецъ условились, завтра къ часу пополудни, собраться сюда же, къ князю Одоевскому, съ тѣмъ, чтобы Несторъ Васильевичъ пришелъ къ нимъ прямо изъ Зимняго Дворца. Кукольникъ былъ недолго и убѣжалъ домой.

Цѣлую ночь онъ не сомкнулъ глазъ, въ назначенный часъ пошелъ во дворецъ и былъ введенъ въ кабинетъ Государя Императора.

— Здравствуйте, Кукольникъ! сказалъ Его Величество, привѣтливо улыбнувшись. Благодарю васъ за вашу прекрасную пьесу и поздравляю съ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, ей предстоитъ сдѣлаться народною, какъ и «Жизнь за Царя». Но для народной драмы, въ ней, по моему мнѣнію, необходимо сдѣлать кой-какія измѣненія. Предупреждаю, что для васъ мнѣніе это отнюдь необязательно: можете его принять или

нѣтъ. Я вѣдь не литераторъ и съ писательскими пріемами незнакомъ. Но полагаю, что сочиненіе выиграло бы еще больше, еслибы въ немъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія.

Тутъ Государь, начиная съ перваго акта, прослѣдилъ всю пьесу, указалъ на излишнія длинноты, на новыя сцены, которымъ слѣдовало бы дать мѣсто въ драмѣ, на неестественность нѣкоторыхъ положеній и т. п., наконецъ спросилъ:

— Какъ вы думаете?

Кукольникъ стоялъ какъ очарованный; глаза его были неподвижно уставлены на Монарха, ноги дрожали, полъ подъ нимъ кружился, онъ задыхался. При послѣднихъ словахъ Государя, онъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, съ великимъ трудомъ проговорилъ:

— Ваше Императорское Величество! Вы такъ безпредѣльно осчастливили меня! Я много разъ читалъ мою пьесу на литературныхъ вечерахъ, въ кругу старыхъ, опытныхъ писателей, и клянусь вамъ Богомъ, никто не сдѣлалъ мнѣ такихъ высоко-разумныхъ замѣчаній, какъ Ваше Величество! Все то, на что̀ изволите вы указывать, такъ естественно и такъ необходимо, что я удивляюсь, какъ это никому изъ насъ не приходило до сихъ поръ въ голову.

— Ну, очень радъ, если это такъ! прервалъ самодовольно Государь. Надѣюсь, что вы не льстите мнѣ? Повторяю, что я ничего не приказываю и что для васъ мои указанія въ этомъ случаѣ необязательны.

— Ваше Величество, клянусь всѣмъ, что̀ для меня свято, что я въ первый разъ въ жизни слышу такія справедливыя замѣчанія; послѣдую имъ непремѣнно и передѣлаю по нимъ пьесу.

— Тогда спасибо! кончилъ Николай Павловичъ и протянулъ Кукольнику руку, которую тотъ покрылъ поцѣлуями и слезами.

Отъ Государя Кукольникъ пріѣхалъ въ собраніе литераторовъ, какъ обѣщалъ, бросился цѣловать всѣхъ, плакалъ отъ восторга и говорилъ, что онъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Онъ разсказалъ весь разговоръ свой съ Государемъ и потомъ записалъ себѣ на память каждое слово Его Величества.

— Да, господа! Много разъ читалъ я на литературныхъ вечерахъ свою драму, и никто никогда не сдѣлалъ мнѣ такихъ дѣльныхъ замѣчаній, какія сдѣлалъ нашъ геніальный Государь! Какъ могло случиться, что такія простыя истины никому изъ насъ въ голову не приходили

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ передѣлалъ свою драму во всемъ согласно съ указаніями императора Николая Павловича, и она въ этомъ видѣ извѣстна въ Русской литературѣ.

(*Со словъ Н. В. Кукольника*).

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЯ КЪ ОДНОМУ ИЗЪ СТАРЦЕВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ [1])

Ради самаго Христа молитесь обо мнѣ, отецъ .... Просите вашего настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ кто у васъ усерднѣе молится и любитъ молиться, просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ; дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣтъ безъ освѣженья свыше. Говорю вамъ объ этомъ неложно. Ради Христа обо мнѣ молитесь. Покажите эту записочку мою отцу-игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать славу имени Его, не посмотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій. Онъ силенъ Милосердый сдѣлать все и меня чернаго какъ уголь убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради самаго Христа молитесь. Мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на всякомъ мѣстѣ своего странствія быть въ Оптинской пустынѣ. Богъ да воздастъ вамъ всѣмъ сторицею за ваше доброе дѣло.

Вашъ всею душею Николай Гоголь.

*

На письмѣ помѣчено рукою о. архимандрита Моисея: «Получено изъ села Долбина, помѣщика Ивана Васильевича Кирѣевскаго, 26 Іюня 1850 года» [2]).

Сообщилъ А. Леонидъ.

---

[1]) Найдено при разборѣ бумагъ настоятеля обители, покойнаго о. архимандрита Моисея († 1862 года).

[2]) Впечатлѣнія свои послѣ посѣщенія Оптиной пустыни въ этотъ разъ Н. В. Гоголь выразилъ въ письмѣ въ Москву къ графу А. П. Толстому изъ села Васильевки (близъ Полтавы) отъ 10 Іюля того же 1850 года. Письмо это напечатано въ „Собраніи сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя“, изданіи П. А. Кулиша, томъ VI, стр. 510.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА *).

V.

Заботы Екатерины II о физическомъ воспитаніи Александра Павловича и результаты этого воспитанія.—Заботы Маріи Ѳеодоровны о ея Монбельярской семьѣ.—Бракъ принца Петра Ольденбургскаго съ принцессой Фредерикой.—Разладъ въ Монбельярской семьѣ и примирительная роль Маріи Ѳеодоровны.—Рожденіе великаго князя Константина Павловича.—Созиданіе Павловска.—Принцъ Фридрихъ Виртембергскій.—Г-жа Бенкендорфъ и Клингеръ.—Поворотъ во внѣшней политикѣ Екатерины.—Пріѣздъ въ Петербургъ Іосифа II и его сношенія съ Маріей Ѳеодоровной.—Дѣйствія Фридриха II.—Мысль о поѣздкѣ великокняжеской четы за границу.

Послѣ рожденія великаго князя Александра Павловича духовная связь Маріи Ѳеодоровны съ новымъ ея отечествомъ окончательно окрѣпла. Молодая мать будущаго Русскаго императора съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія видѣла вокругъ себя всеобщій восторгъ, вызванный счастливымъ событіемъ въ ея семейной жизни, и не могла не сознавать всей важности этого событія для Россіи: имъ обезпечивался порядокъ престолонаслѣдія, будущность династіи. «Я очень счастлива», писала она 24 Янв. 1778 г. Московскому первосвятителю Платону, «что по волѣ Всевышняго исполнились чрезъ меня чаянія дражайшаго нашего отечества. Такое благодѣяніе Божіе признаю я съ благодарностію и чувствую не менѣе радости, въ которой вы столь искренно участвуете» [1]).

Полное выздоровленіе великой княгини, чрезъ сорокъ дней послѣ разрѣшенія отъ бремени [2]), вновь дало поводъ къ цѣлому ряду затѣйливыхъ и великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ державной бабушкой новорожденнаго и ея роскошными вельможами. «До поста осталось какихъ-нибудь двѣ недѣли», писала Екатерина Гримму 2 Февраля 1778 г., «а между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена» [3]) Участвуя во всѣхъ этихъ празднествахъ, счастливая

---

*) См. выше стр. 145.

[1]) Р. Архивъ 1887, II, 279.

[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1778 г.

[3]) Сборникъ Р. И. О., XXIII, 77. „Toutes nos têtes, писала Екатерина Гримму въ послѣдній день масляницы, 18 Февраля: „sont renversées par la multitude des fêtes, des bals,

супруга и мать еще не знала, безъ сомнѣнія, что ей не дано будетъ возможности окружить своими материнскими попеченіями колыбель своего первенца: Екатерина, принявъ на себя первоначальныя заботы о давно желанномъ внукѣ, выразила намѣреніе взять и дальнѣйшее его воспитаніе исключительно въ свои руки. Неодобрительно отзываясь о физическомъ и нравственномъ воспитаніи Павла Петровича, Екатерина желала сама руководить воспитаніемъ Александра Павловича, въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Вліяніе на Александра Павловича его родителей могло только мѣшать этой цѣли Екатерины, и поэтому она уже въ Мартѣ 1778 г. высказывала мысль, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна являются препятствіемъ въ исполненіи задуманнаго ею воспитательнаго плана [1]).

Еслибы не существовало этого намѣренія Императрицы совершенно лишить сына и невѣстку ихъ естественнаго права имѣть надзоръ за воспитаніемъ сына, то Марія Ѳеодоровна, равно какъ и супругъ ея, при сознаніи своей неподготовленности въ воспитательномъ отношеніи, могли бы только радоваться, разумѣется на первое время, заботамъ просвѣщенной государыни о ихъ первенцѣ: Екатерина приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи и научныхъ знаній, и опытности. Будучи горячей поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ современными теоріями воспитанія, Императрица, слѣдуя Локку и Руссо, желала прежде всего закалить здоровье своего внука и пріучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ. Болѣзненное сложеніе Павла Петровича, его нервную чуткость и раздражительность Екатерина не безъ основанія приписывала разслабляющему дѣйствію нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны. «Какъ только господинъ Александръ родился», писала Екатерина въ 1778 г. Густаву III-му, «я взяла его на руки и послѣ того, какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла. Когда это было сдѣлано, то

---

des mascarades, des comédies, opéras, sérieux et bouffons, en un mot, nos cervelles sont renversées, je le répète“. Тамъ же, 81. Подробности этихъ празднествъ можно найти въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1778 г., въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того же времени, а также въ письмахъ Екатерины къ Гримму, въ Р. Архивъ 1878, III, 43—46.

[1]) С. Р. И. О. XXIII, 83.—Р. Архивъ 1878, III, 46, примѣчаніе издателя.

господина Александра положили въ корзину (гдѣ кукла), чтобы женщины не имѣли никакого искушенія его укачивать; эту корзину я поставила за ширмами, на канапе. Устроенный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генеральшѣ Бенкендорфъ [5]); въ кормилицы ему была поставлена жена садовника изъ Царскаго Села. Послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину его матери, въ назначенную для него комнату. Это обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, и занавѣски, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы—за спинкой балдахина. Комната обширна для того, чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Балюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за-разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается, и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душенъ; маленькая кровать господина Александра (такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія) желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое Англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорятъ громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ, чтобы термоментъ въ его комнатѣ не подымался никогда свыше 14 и 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господина Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ».... [6]).

Изъ этихъ строкъ Екатерины видно, съ какой любовію съ самаго начала она входила во всѣ подробности физическаго воспитанія своего старшаго внука. Примѣняя основанія разумной философской педагогики XVIII в. къ мѣстнымъ условіямъ Петербургскаго климата, державная бабушка спѣшила освоить съ ними своего питомца. «Какъ только воздухъ весною сдѣлался сноснымъ», разсказываетъ она далѣе, «то сняли чепчикъ съ головы Александра и вынесли его на воздухъ. Мало

---

[5]) Софьѣ Ивановнѣ, урожденной Левенштернъ, вдовѣ Ревельскаго коменданта. бабкѣ графа А. Х. Бенкендорфа.—[6]) С. Р. И. О. XXVII, 148—149. Екатерина сообщила эти подробности Густаву послѣ того какъ у него родился сынъ (Густавъ IV-й). На образецъ она послала ему одежду своего внука на куклѣ въ корзинѣ. Позднѣе, когда у графини А. В. Браницкой родился первый ребенокъ, она и ей подарила дѣтское платье Александра Павловича, которое и до сихъ поръ хранится въ Одесскомъ маіоратномъ домѣ князя М. А. Воронцова-графа Шувалова. П. Б.

по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на землѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ тѣни въ хорошую погоду; тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, чтò могло бы малѣйше стѣснить его въ какой-нибудь части тѣла... Любимое платьице его, это—очень хорошенькая рубашечка и маленькій, вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды; онъ толстъ, великъ и веселъ» [7]).

Повидимому, воспитаніе Александра Павловича въ первые годы его младенчества не оставляло желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что выполненіе предначертаній Екатерины попало въ надежныя руки г-жи Бенкендорфъ. Въ особенности удаченъ былъ выборъ няни. Это была жена камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ Англичанка. Лагарпъ, которому впослѣдствіи поручено было принять Александра какъ бы изъ ея рукъ, отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ. «Прасковья Ивановна», писалъ онъ въ 1796 г., «женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе, дѣлающее честь имъ обоимъ» [8]). Безъ сомнѣнія, именно г-жѣ Гесслеръ Александръ обязанъ былъ въ значительной степени своими привычками къ порядку, простотѣ и опрятности.

При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, первоначальное воспитаніе Александра Павловича не вполнѣ было удачно: желаніе Екатерины пріучить ребенка къ пушечнымъ выстрѣламъ отозвалось на неокрѣпшемъ еще слуховомъ нервѣ Александра, который остался глухъ на правое ухо; дѣтскимъ языкомъ будущаго Русскаго государя, ввѣреннаго попеченіямъ няни - Англичанки, сдѣлался языкъ Англійскій, а не отечественный, на которомъ Александръ Павловичъ и впослѣдствіи затруднялся долго вести серьезную бесѣду. Эти недостатки великаго князя однако не обращали на себя вниманія современниковъ, и Екатерина впослѣдствіи хвалила воспитаніе, которое получилъ ея внукъ въ годы младенчества. «Если у него родится сынъ», говорила Екатерина, и тою же Англичанкою воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола Россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разница между воспита-

---

[7]) Тамъ же, 149—150.—[8]) *М. И. Сухомлиновъ*: „Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и просвѣщенію", т. II, Спб., 1889 г., стр. 64.

ніемъ его и отцовскимъ!» [9]) Въ этомъ отзывѣ Императрицы слышится также удовлетворенная гордость женщины, съ любовью и необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдившей изо дня въ день за физическимъ и нравственнымъ развитіемъ своего старшаго внука [10]).

Устраняемая отъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ заботъ по воспитанію своего первенца, Марія Ѳеодоровна всѣ досуги свои употребляла на пополненіе своего образованія. Занимаясь со страстью музыкой, рисованіемъ и рѣзьбой по кости и дереву, молодая великая княгиня сочла также необходимымъ расширить, подъ наблюденіемъ извѣстнаго Эпинуса, кругъ своихъ познаній по математикѣ и физикѣ и, кромѣ того, продолжала брать уроки Русскаго языка у Пастухова; къ этому присоединилось еще изученіе географіи Россіи, руководимое С. И. Плещеевымъ, составившимъ для нея напечатанное впослѣдствіи «Обозрѣніе Россійской Имперіи» [11]). Къ сожалѣнію, занятія Маріи Ѳеодоровны Русскимъ языкомъ, который такъ нелегко усваивается иностранцами, не могли быть особенно успѣшны при господствѣ въ то время въ нашемъ высшемъ обществѣ Французскаго языка и презрѣніи къ употребленію отечественнаго, при скудости Русской литературы того времени, не представлявшей интереса и въ образовательномъ отношеніи. Притомъ вообще, по духу своему и по связямъ съ Германіею, Марія Ѳеодоровна не могла обрусѣть въ такой степени какъ Екатерина II-я, привезенная въ Россію 14 лѣтъ отъ роду и вслѣдъ затѣмъ порвавшая всякія личныя отношенія свои къ Нѣмецкимъ родственникамъ и Нѣмецкому отечеству *). Панегиристъ Маріи Ѳеодоровны и землякъ ея, Массонъ, знавшій ее даже императрицею, писалъ о ней: «Марія Ѳеодоровна не льстила Русскимъ, такъ какъ Екатерина, усвоеніемъ ихъ нравовъ, ихъ языка и ихъ предразсудковъ. Она не хотѣла снискивать уваженія этого народа, показывая презрѣніе къ своему отечеству и краснѣя за свое происхожденіе; но она внушила къ себѣ любовь своею

---

[9]) Дневникъ Храповицкаго, 434.

[10]) Это подтверждается письмами Екатерины къ Гримму, гдѣ находится множество мелкихъ, но очень важныхъ для біографіи Александра свѣдѣній. С. Р. И. О., т. XXIII. Разумѣется, что и ребенокъ, находившійся болѣе въ обществѣ бабушки, чѣмъ отца и матери, привыкъ къ ней гораздо болѣе, чѣмъ къ родителямъ. „Я не видала Александра четыре дня“, писала Екатерина Гримму 5 Іюля 1779 г.: „и мнѣ было его испортили; но все исправлено къ полнѣйшему удовольствію папеньки и маменьки (ахъ, это немало!), которые не знали, какъ съ нимъ справиться“. Тамъ же, 148.

[11]) Кобеко, 165.

*) Мать Екатерины скончалась за два года до ея вступленія на престолъ; брата своего она пережила тремя годами, но ни разу не допустила его въ Россію. П. Б.

добротою и уваженіе своими добродѣтелями»[12]). Ложная точка зрѣнія, съ которой часто смотрѣлъ на вещи довольно правдивый въ изложеніи фактовъ Массонъ, конечно, не требуетъ опроверженія; важнѣе для насъ его свидѣтельство какъ современника, близко знавшаго Марію Өеодоровну, что ея отчужденіе отъ окружавшей ее Русской жизни поддерживалось постоянными сношеніями съ горячо-любимой Германской семьей. «У Маріи Өеодоровны, говоритъ Массонъ, всегда лежитъ на сердцѣ память объ ея многочисленныхъ родственникахъ. Переписка съ ними заставляетъ ее переживать самые счастливые часы въ ея жизни; раздѣлять свое счастье съ тѣми, кого она любитъ, значитъ для нея удваивать его» [13]). Этимъ замѣчаніемъ Массона объ особенности внутренней жизни Маріи Өеодоровны въ позднѣйшій періодъ ея жизни легко измѣрить значеніе для нея переписки съ Германскими своими родственниками въ первые годы пребыванія въ Россіи, когда молодая великая княгиня лишена была какой бы то ни было возможности проявить особую дѣятельность не только на поприщѣ общественномъ, но даже въ кругу своихъ дѣтей. Переселеніе въ Россію при той обстановкѣ, въ какой поставлена была первоначально жизнь Маріи Өеодоровны, ни могло дать ни новой пищи для ея умственной жизни, ни новаго направленія ея чувствамъ, создавъ новыя и ослабивъ старыя привязанности. Неудивительно, что при вынужденномъ бездѣйствіи въ новомъ своемъ отечествѣ молодая великая княгиня старается жить одною жизнью съ Монбельярскимъ семействомъ, какъ было это во время пребыванія ея въ Этюпѣ и Монбельярѣ, или же стремится воскресить для себя эти дорогія воспоминанія недалекаго прошлаго. Вотъ почему, говоря о дѣятельности Маріи Өеодоровны въ первые годы по пріѣздѣ ея въ Россію, мы почти исключительно будемъ имѣть дѣло съ событіями, имѣвшими прямое или косвенное отношеніе къ Германскому семейству Русской великой княгини. Между тѣмъ внутренняя жизнь Маріи Өеодоровны была закрыта для посторонняго наблюдателя, тайныя сношенія ея съ родиной производились съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, и державная свекровь, обманутая наружнымъ спокойствіемъ и бездѣятельностію великой княгини, повидимому имѣла полное основаніе слѣдующимъ образомъ характеризовать ее въ письмѣ къ Гримму отъ 8 Іюня 1778 г.: «Она держитъ себя прямо, заботится о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣстъ за четверыхъ, благоразумно выбираетъ книги для чтенія; изъ такихъ, какъ она, выходятъ въ концѣ концовъ отличныя гражданки для какой хочешь страны» [14]).

---

[12]) Masson, 1, 259.

[13]) Тамъ же.

[14]) С. Р. И. О., XXIII, 92.

Увѣренная въ чистотѣ намѣреній и покорности своей невѣстки, Екатерина измѣнила даже свой образъ дѣйствій по отношенію къ ней, дозволивъ, уже въ 1778 г., многимъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію по ея рекомендаціи. Этимъ правомъ пользовались тогда и впослѣдствіи родители и друзья Маріи Ѳеодоровны, поручая ея вниманію разнаго рода лицъ, искавшихъ счастія въ Россіи [15]). Изъ иностранцевъ, прибывшихъ ко двору Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ 1778 г., особенное вниманіе великой княгини обращалъ на себя, безъ сомнѣнія, нѣкто Шацъ. Онъ, по извѣстію современника, былъ побочнымъ сыномъ герцога Фридриха-Евгенія [16]) и, по его просьбѣ [17]), принятъ былъ Павломъ Петровичемъ въ кирасирскій полкъ цесаревича.

Первые годы по пріѣздѣ своемъ въ Россію Марія Ѳеодоровна въ особенности занята была положеніемъ многочисленной семьи своей, оставшейся на чужбинѣ. Изъ восьми братьевъ ея трое: Фридрихъ, Людвигъ и Евгеній находились на Прусской военной службѣ, пользуясь при этомъ протекціей своей Русской сестры; но оставалось еще позаботиться о меньшихъ 5 братьяхъ: Вильгельмѣ, Фердинандѣ, Карлѣ, Александрѣ и Генрихѣ. Всѣ они, приходя постепенно въ возрастъ, нуждались въ заботахъ для возможно-лучшаго помѣщенія ихъ на

---

[15]) Oberkirch, I, 88, 107—108. Госуд. Арх., IV, 205.

[16]) *Кн. И. М. Долгорукій*: Капище моего сердца. Чтенія М. О. И. и Др. Россійскихъ 1872, III, 4. Долгорукій называетъ его своднымъ братомъ Маріи Ѳеодоровны.

[17]) Письмо герцога Фридриха-Евгенія Павлу Петровичу. Госуд. Арх., IV, 205. Къ сожалѣнію объ этомъ родственникѣ Маріи Ѳеодоровны, случайно занесенномъ судьбою въ Россію, сохранилось весьма мало точныхъ свѣдѣній. Вступивъ нѣсколько лѣтъ спустя по прибытіи своемъ въ Россію въ бракъ съ фрейлиной своей сводной сестры Аксаковой (*Долгорукій*, см. выше), Шацъ, бывшій тогда уже ротмистромъ кирасирскаго полка его высочества, въ скоромъ времени, кажется, оставилъ дворъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Но при вступленіи своемъ на престолъ Павелъ I жалуетъ полковнику Ѳеодору (Фридриху?) Шацу свыше 500 душъ въ Петербургской губерніи (Сенатскій Архивъ I. Именные указы императора Павла, 11, 23), а 16 Марта 1799 г. жалуетъ капитана отъ замка коллежскаго совѣтника Шаца въ статскіе совѣтники (тамъ же, 507.). Въ 1806 г. г-жа Шацъ была главной надзирательницей Московскаго Воспитательнаго Дома, но по малоспособности къ своему дѣлу удалена изъ него почетнымъ образомъ Маріей Ѳеодоровной (Письма Маріи Ѳеодоровны къ С. И. Плещееву, 28 Февр. и 11 Мая 1800 г.). Однако Марія Ѳеодоровна въ 1817 г. оказала сама и исходатайствовала у императора Александра значительную денежную помощь дочери его, Софіи Шацъ, выходившей замужъ за полковника Древиля (Марінск. Арх., св. 167, 4.). Вотъ и всѣ имѣющіяся у насъ данныя о фамиліи Шацъ, а между тѣмъ желательно бы было болѣе точнымъ образомъ провѣрить показаніе князя Долгорукаго и получить о личности Шаца болѣе подробныя свѣдѣнія.

службу въ томъ или другомъ государствѣ. Но особеннаго вниманія Маріи Ѳеодоровны требовала будущая участь двухъ младшихъ сестеръ ея: Фредерики и Елисаветы, изъ которыхъ старшей въ 1778 г. исполнилось 13 лѣтъ, а младшей 11. Правда, бѣдность Монбельярскаго принца извѣстна была всѣмъ въ то время; но Монбельярская семья по связямъ своимъ съ Россіей уже пріобрѣла политическое значеніе, и брака съ сестрами Русской великой княгини стали домогаться представители важнѣйшихъ царствующихъ домовъ Европы. Однако служить предметомъ соискательствъ, быть жертвою многолѣтнихъ и разнообразныхъ политическихъ интригъ и комбинацій довелось лишь малолѣтней принцессѣ Елисаветѣ. Мы уже видѣли, что 13-лѣтнюю Фредерику Марія Ѳеодоровна еще въ 1777 году предназначила въ супруги принцу Петру Голштинскому и готовилась противодѣйствовать королю Шведскому Густаву III, которому молва не безъ основанія приписывала желаніе женить принца на своей сестрѣ. Этотъ выборъ Маріи Ѳеодоровны оправдывался какъ личными качествами принца Петра, такъ и его положеніемъ въ качествѣ коадъютора Любскаго: герцогъ Петръ долженъ былъ наслѣдовать дядѣ своему герцогу Фридриху Ольденбургскому [18]).

Сынъ двоюроднаго брата Екатерины, герцога Гольштинскаго († 1763 г.), воспитанный подъ ея руководствомъ и находившійся въ сущности въ полной отъ нея зависимости, принцъ Петръ (р. 1755 г.), принадлежа къ младшей линіи Голштинскаго дома, не могъ не сообразоваться съ желаніями и Павла Петровича, бывшаго главою Голштинскаго дома. Въ вопросѣ о бракѣ принцу Голштинскому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Къ счастію его, Императрица, будучи хорошаго мнѣнія о характерѣ и умѣ его [19]), и не думала стѣснять его выбора, хотя въ душѣ желала, чтобы супругой его сдѣлалась дочь принца Фердинанда Брауншвейгскаго, принцесса Августа, которую въ письмахъ своихъ къ Гримму она называетъ Зельмирой. Во время путешествія принца по Германіи въ 1778 г. Екатерина писала Гримму 25 Декабря: «Коадъюторъ имѣетъ теперь видъ самаго важнаго лица въ Германіи. Всѣ принцессы на возрастѣ, а также ихъ родители, смотрятъ на него, какъ на завиднаго жениха; при всей своей спѣси, они имѣютъ хорошее чутье. Король Шведскій ищетъ его для своей сестры, великая княгиня для своей, вы также говорите о немъ.

[18]) Свѣдѣнія о жизни принца Петра до вступленія въ бракъ собраны у *Кобеко*, 244—246.

[19]) С. Р. И. О., XXIII, 104, 113, и XIII, 21, 93.

(Гриммъ предлагалъ въ невѣсты принцу Зельмиру). Скажу вамъ откровенно, что ваши предложенія нравятся мнѣ болѣе всего, потому что я чрезвычайно уважаю наслѣднаго принца Брауншвейгскаго (отца Зельмиры). Но я никогда не стану стѣснять выбора принца-коадъютора, который, я думаю, уже сдѣлалъ, по наущенію глупыхъ старичковъ, нѣкоторый родъ предложенія принцессѣ Виртембергской» [20]).

Императрица не ошиблась. Свободный съ одной стороны, принцъ Петръ не могъ не пойти на встрѣчу желанію великой княгини и тѣмъ тѣснѣе закрѣпить выгодную для себя связь съ Россіей и ея будущимъ государемъ, главою Ольденбургскаго дома; роль «глупаго старичка» (le perruque), по отзыву Екатерины, игралъ въ этомъ дѣлѣ, конечно, графъ Н. И. Панинъ, которому Марія Θеодоровна довѣрила свое намѣреніе еще годъ тому назадъ. Сближеніе принца Петра съ Монбельярскимъ семействомъ началось лѣтомъ 1778 года. Обѣ стороны произвели другъ на друга наилучшее впечатлѣніе; при ближайшемъ знакомствѣ принцъ Петръ пріобрѣлъ уваженіе принцессы Доротеи, возбудилъ къ себѣ привязанность будущей своей невѣсты и, въ свою очередь, не остался равнодушенъ къ ея развивавшейся красотѣ. «Я скажу вамъ», писала принцесса-мать Маріи Θеодоровнѣ 25 Іюля 1778 году, все, что могу сказать по этому предмету. Я нашла этого молодого человѣка серьезнымъ, разсудительнымъ, просвѣщеннымъ и исполненнымъ желанія пріобрѣсти еще болѣе широкій кругъ знаній. Что мнѣ доставляетъ особое удовольствіе, это—его основательный образъ мыслей и деликатность, которую онъ проявляетъ въ своемъ поведеніи по отношенію къ своему дядѣ, котораго онъ горячо любитъ. Я не буду говорить о привязанности его къ великому князю, котораго онъ почитаетъ и любитъ необыкновенно... Мнѣ показалось, что онъ въ дѣтствѣ не пользовался удовольствіями общества. Онъ вовсе не любитъ танцевъ, не играетъ ни въ какую игру и предпочитаетъ всему сидячую жизнь. Я подшучивала надъ нимъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ съ умомъ и очень любезно»... «Я думаю, продолжаетъ принцесса, что онъ станетъ управлять будущей женой, а это выдетъ очень полезно для госпожи Фредерики, легкомысліе которой вынуждаетъ постоянно слѣдить за нею и наставлять ее. Я думаю, что принцъ хорошенько займется своей женой, что для нея будетъ очень выгодно и даже необходимо для ея благосостоянія, ибо она невыразимо-вѣтрена» [21]). Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ принцессы-матери, эта разница въ характерѣ и на-

---

[20]) С. Р. И. О., XXIII, 122.

[21]) Архивъ Павловскаго дворца.

правленіи молодыхъ людей не помѣшала имъ сблизиться другъ съ другомъ, и 11 Апрѣля 1779 г. Екатерина писала Гримму: «Я очень сердита, что выборъ Телемака не падетъ на Зельмиру. Вы увидите, кого подобрали ему въ пару старые болваны (les grandes perruques)... Это вина брата Густава, который всегда приходитъ слишкомъ поздно; если бы, когда онъ задумалъ это дѣло, онъ прошепталъ бы только о немъ (il eût soufflé), дѣло было бы сдѣлано [22]), въ настоящее же время это слишкомъ поздно. Я имѣла честь увѣдомить его объ этомъ отъ вашего имени, такъ какъ Телемакъ теперь въ рукахъ добродѣтельныхъ гражданъ, которые даютъ ему добродѣтельную гражданку, отъ которой у него будутъ добродѣтельные граждане, большіе, здоровые и толстые,— чѣмъ дѣло и кончится. Это жаль, потому что портретъ Зельмиры восхитителенъ» [23]).

Неудовольствіе Екатерины, вызванное предпочтеніемъ, которое принцъ Петръ отдалъ принцессѣ Фредерикѣ передъ Зельмирой, выразилось бы, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе, если бы ей стало извѣстно, что въ 1779 г. у принцессы Фредерики проявились симптомы болѣзни стана. Открытіе это какъ громомъ поразило принцессу Доротею, поспѣшившую сообщить о такомъ несчастіи своей старшей дочери. Еще свѣжо было впечатлѣніе страшной смерти великой княгини Наталіи Алексѣевны, и нѣжная мать заранѣе трепетала при одной мысли о возможности печальнаго конца и для принцессы Фредерики въ случаѣ брака ея съ принцемъ Петромъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе

---

[22]) Изъ этихъ словъ Екатерины можно заключить, что Марія Ѳеодоровна недаромъ опасалась въ 1777 г. намѣренія Густава женить принца Петра на своей сестрѣ, и что дѣло не состоялось вслѣдствіе нерѣшительности Густава. Но не надо забывать, что Густавъ былъ тогда стѣсненъ въ выраженіи своихъ желаній, встрѣтивъ холодный пріемъ со стороны цесаревича и его супруги и что Императрица, вообще сдержанная съ Густавомъ, не считала тогда нужнымъ поощрить его желанія, быть можетъ, вслѣдствіе просьбъ Маріи Ѳеодоровны и вслѣдствіе этихъ же просьбъ почти два года спустя дала свое согласіе на бракъ принца Петра съ принцессой Фредерикой. Намекъ на это, намъ кажется, находится въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 20 Марта 1779 г.: „Le futur époux de Zélie (принцесса Фредерика) est un des plus gros lourdauds que j'ai jamais vus, et son ci-devant précépteur (графъ Панинъ)... Souvenez vous de la *frayeur mortelle* que j'avais du comte de Gothland (Густавъ III); *me voilà dans la même situation*. Aber, mein Gott, das wäre am Besten, wenn sie sollten zu Hause sitzen und die Leute nicht so viel schwietzen machen". С. Р. И. О., XXIII, 128. Припомнимъ, что Екатерина писала это за мѣсяцъ до рожденія Константина Павловича и что ей извѣстна была чувствительность Маріи Ѳеодоровны и ея любовь къ роднымъ.

[23]) С. Р. И. О., XXIII, 132.

матери своей Марія Θеодоровна, сама потрясенная извѣстіемъ о болѣзни сестры, утѣшала мать, но совѣтовала тотчасъ же сообщить объ этомъ жениху, принцу Петру, и обратиться къ извѣстному тогда врачу Гонфенгартнеру для точнаго опредѣленія болѣзни принцессы Фредерики [24]). Врачъ этотъ не замедлилъ успокоить испуганныхъ членовъ Монбельярскаго семейства и далъ имъ самыя положительныя увѣренія на счетъ состоянія здоровья принцессы по выходѣ ея замужъ [25]). Дѣйствительно, вышедъ за принца Петра въ 1781 году, по достиженіи 16-лѣтняго возраста, принцесса Фредерика подарила его двумя сыновьями — Августомъ (1783 — 1853), впослѣдствіи великимъ герцогомъ Ольденбургскимъ, и Георгомъ (1784—1812), который былъ въ супружествѣ съ двоюродной сестрой своей, великой княжной Екатериной Павловной и сдѣлался родоначальникомъ Русской линіи принцевъ Ольденбургскихъ.

Одновременно съ заботами Маріи Θеодоровны объ устроеніи судьбы сестры своей Фредерики, ей пришлось употребить всѣ свои усилія, чтобы поддержать внутренній миръ среди Монбельярской семьи и устранить причины разлада, который обнаружился въ ней въ это время. Хотя причины этого разлада не вполнѣ уясняются сохранившейся перепиской великой княгини съ ея заграничными родственниками [26]); но тѣмъ не менѣе ею ярко характеризуется примирительная роль Маріи Θеодоровны, которая изъ далекой чужбины съ живымъ участіемъ вникала во всѣ подробности семейныхъ отношеній и даже руководила отца и мать своими совѣтами. Насколько можно понять изъ отрывочныхъ извѣстій, принцъ Фридрихъ - Евгеній возбудилъ противъ себя неудовольствіе своей семьи покупкою въ 1779 г. помѣстья Гохберга. Будучи страстнымъ любителемъ охоты, принцъ пріобрѣлъ себѣ это помѣстье, воспользовавшись улучшеніемъ своихъ финансовыхъ дѣлъ послѣ брака старшей дочери своей съ Русскимъ великимъ княземъ. Но по-

---

[24]) Письмо М. Θ. (черновое) 1780 г., безъ числа.

[25]) Принцесса Софія-Доротея—Маріи Θеодоровнѣ 25 Ноября 1780 года. Въ письмѣ этомъ принцесса увѣдомляетъ также о полномъ выздоровленіи дочери. Бракомъ не спѣшили и по другой причинѣ. Принцъ Петръ, писала мать Маріи Θеодоровнѣ 6 Апрѣля 1779 г pense trop bien pour regarder une femme comme un simple amusement. Il faut donc de toute nécessité que le caractère de Frédérique se forme premièrement avant que de la marier pour ne point tromper le prince et remplir les devoirs de bons parents envers notre enfant. Vous trouverez ce raisonnement juste, ma chère Dorthelle".

[26]) Документы эти хранятся при описи, составленной Маріей Θеодоровной, въ архивѣ Павловскаго дворца.

купка этого помѣстья не только поглотила наличный капиталъ принца, но и вовлекла его въ большіе долги, которые могли быть уплачены лишь съ чрезмѣрными усиліями и соблюденіемъ строжайшей и мелочной экономіи въ жизни Монбельярской семьи; притомъ оказалось, что самая покупка Гохберга совершена была на невыгодныхъ для принца условіяхъ. Между тѣмъ, не говоря уже о трехъ взрослыхъ сыновьяхъ, находившихся на Прусской службѣ, и прочія дѣти Монбельярской четы, приходя въ возрастъ, требовали со стороны родителей все бóльшихъ попеченій и издержекъ, такъ что о сбереженіяхъ, необходимыхъ для уплаты долговъ, не могло быть и рѣчи. Въ особенности недоволенъ былъ покупкою Гохберга старшій сынъ Фридриха-Евгенія принцъ Фридрихъ, съ дѣтства проявлявшій неукротимость нрава, одичавшій еще болѣе подъ вліяніемъ жизни въ Прусскихъ казармахъ и среди Прусскаго солдатства. Объясненія такого сына съ отцомъ не отличались, вѣроятно, мягкостію и едва не привели было къ полному разрыву между ними. Принцесса Доротея также подверглась гнѣву мужа, который не могъ не видѣть общаго несочувствія своему образу дѣйствій. Впрочемъ, Монбельярское семейство вину финансовой операціи, поставившей его въ затруднительное положеніе, возлагало не столько на самого принца Фридриха-Евгенія, сколько на его совѣтника, бывшаго генерала Прусской и Виртембергской службы Горси. Этотъ опытный, какъ видно, въ интригахъ другъ Фридриха-Евгенія возбудилъ противъ себя подозрѣнія всей семьи не только въ томъ, что побуждалъ герцога къ покупкѣ Гохберга изъ своекорыстныхъ денежныхъ разсчетовъ, но и въ систематическомъ возбужденіи его недовѣрія къ принцессѣ Доротеѣ и дѣтямъ. Бѣдная принцесса-мать, по собственнымъ ея словамъ, испытывала въ первый разъ послѣ 26-лѣтней супружеской жизни разладъ съ горячо-любимымъ мужемъ; она съ горечью распространялась о томъ въ письмахъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ и просила ея содѣйствія для возстановленія домашняго мира [27]). О томъ же писалъ ей и отецъ. Но въ этомъ случаѣ молодая великая княгиня не могла оправдать образъ дѣйствій увлекшагося отца; мало того, она находила, что покупкою Гохберга онъ можетъ повредить и ей самой въ глазахъ императрицы Екатерины и Русскаго общества. «Осмѣливаюсь, писала она отцу, отвѣчать по содержанію вашего письма, въ которомъ вы говорите по

---

[27]) Письма принцессы 6 Апрѣля, 16 Іюня и 16 Августа 1779 г. Что дѣло шло не только о покупкѣ Гохберга, видно изъ слѣдующихъ словъ принцессы Доротеи въ письмѣ отъ 16 Августа, въ которомъ она просила Марію Ѳедоровну ходатайствовать за нее предъ отцомъ: „Ajoutez à cela... que vous regardiez le général comme le motif de tout ceci et de bien d'autres choses, sur lesquelles le respect vous impose silence“.

поводу покупки Гохберга: «люди мало знакомые съ дѣломъ осмѣлились совершенно превратно истолковать это мое дѣйствіе и громогласно ставить мнѣ это въ вину»; осмѣливаюсь, дорогой папа, съ самымъ почтительнымъ довѣріемъ, которое питаю къ вамъ, отвѣчать вамъ, что покупка Гохберга мнѣ самой причинила самыя жестокія страданія, такъ какъ общественное мнѣніе (tout le public) обвиняетъ въ вывозѣ изъ страны огромныхъ суммъ. Я говорила, что вы деньги заняли; но этому не даютъ вѣры, и эта покупка чрезвычайно уронила меня въ мнѣніи публики, что̀ крайне меня огорчаетъ. Я увѣрена, что этотъ слухъ дойдетъ до Императрицы, и предоставляю вамъ, дорогой папа̀, самимъ судить, къ какимъ жестокимъ страданіямъ это меня приведетъ. Чувства, которыя возбуждаются этимъ пріобрѣтеніемъ, раздѣляютъ даже люди свѣдующіе, которымъ извѣстно, что вы, дорогой папа̀, были принуждены для этой цѣли занять огромную сумму; но они говорятъ, что долгъ этотъ такъ значителенъ, что вы сами никогда не сможете погасить его. Ихъ разсужденія сводятся къ тому, что пріобрѣтеніе Гохберга вынудитъ васъ къ чрезвычайной разсчетливости въ издержкахъ, неприличной для тестя великаго князя, въ особенности въ виду прибавки къ доходу 15,000 рублей [28]). Другіе взваливаютъ всю вину на меня, что я выслала вамъ соотвѣтствующее количество денегъ и что я такимъ образомъ способствую обѣднѣнію страны. Тѣ и другія разсужденія разрываютъ мнѣ, дорогой папа̀, сердце. Осмѣливаюсь откровенно сказать вамъ, что довѣріе, которымъ вы меня удостоиваете, вынуждаетъ меня на колѣняхъ и во имя дружбы, которою вы меня удостоиваете, умолять васъ отказаться отъ этого пріобрѣтенія, которое, обременяя васъ долгами, не можетъ быть для васъ полезно, и которое навлекаетъ на меня нареканія въ странѣ, гдѣ мнѣ суждено провести всю свою жизнь и гдѣ, слѣдовательно, я должна дорожить сочувствіемъ и добрымъ мнѣніемъ о себѣ общества» [29]). Изъ другаго черноваго письма Маріи Θеодоровны видно, что и она виновниками домашнихъ смутъ, нарушавшихъ покой ея семьи, также считала генерала Горси и двухъ его агентовъ: Клотша и Виртембергера. Чтобы удалить Горси изъ дома отца, Марія Θеодоровна прибѣгла, съ согласія великаго князя

---

[28]) Прибавка эта, вѣроятно, сдѣлана была Екатериной по поводу рожденія великаго князя Константина Павловича.

[29]) Въ Архивѣ Павловскаго дворца находятся два брульона этого письма. Приведенный нами составляетъ лишь часть втораго, болѣе разнообразнаго по содержанію, который, очевидно, послужилъ матеріаломъ для нѣсколькихъ писемъ Маріи Θеодоровны къ ея отцу; быть можетъ, щадя чувства своего отца, Марія Θеодоровна не сочла удобнымъ поднимать заразъ нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ.

Павла Петровича, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она написала отъ себя лично грозное и негодующее письмо генералу, предложивъ ему на выборъ: или удалиться навсегда изъ Монбельяра съ годовой пенсіей въ 2,000 рублей, назначаемой ему въ этомъ случаѣ Павломъ Петровичемъ, или въ случаѣ отказа подвергнуться гнѣву великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала отцу: «Благоволите, дорогой папà, возвратить свою нѣжность моей обожаемой матери; она такъ страдала и съ такой покорностію! Прибавьте къ этому, что она васъ любитъ и уважаетъ глубоко и что дружба ваша для нея дороже жизни. Судите сами о счастіи, которымъ она будетъ наслаждаться, когда увидитъ, что возвращается то благополучіе, которымъ она пользовалась въ теченіе 26 лѣтъ непрерывно. Умоляю васъ на колѣняхъ, возвратите, дорогой папà, свою нѣжность, потому что нѣжность ваша къ нашей матери неразрывно связана съ нѣжностію къ намъ. Удостойте убѣдиться въ томъ, что никакой супругъ, никакой отецъ не бывалъ такъ любимъ и такъ дорогъ, какъ вы для нашей доброй, дорогой матери и для насъ».

Эти письма Марія Ѳеодоровна сопроводила посылкою банковаго билета неизвѣстной для насъ цѣнности, который она нѣжно и убѣдительно просила свою мать принять на приведеніе въ порядокъ пришедшаго въ разстройство домашняго обихода; послано также нѣсколько богатыхъ платьевъ для матери и сестеръ. Все это отправлено за границу съ подполковникомъ Христофоромъ Бенкендорфомъ, сыномъ воспитательницы великаго князя Александра Павловича.

Вмѣшательство въ домашнія дѣла любимой и любящей старшей дочери, бывшей при томъ надеждой и опорой семьи, должно было произвести, по мнѣнію принцессы-матери, самыя благопріятныя послѣдствія. «Если кто либо въ цѣломъ мірѣ, писала она дочери, можетъ оказать могущественное дѣйствіе на умъ отца, то это вы, мое дорогое, милое дитя; ибо онъ питаетъ къ вамъ невыразимую нѣжность и относится со слѣпымъ довѣріемъ ко всему тому, что̀ вы ему скажете, благодаря высокому мнѣнію, которое онъ составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Я буду обязана вамъ, дорогое дитя, счастіемъ всей жизни, если вы изгладите въ умѣ дорогого папà тѣ неблагопріятныя обо мнѣ представленія, которыя внушены ему презрѣнными людьми и которыя заставляютъ его относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ» [30]).

Высокая, но трудная роль, возложенная матерью на Марію Ѳеодоровну, удалась ей, однако, вполнѣ. Принцъ Фридрихъ-Евгеній примирился

[30]) Письмо 16 Августа 1779 г.

и съ супругой, и съ сыномъ, хотя и впослѣдствіи грубый нравъ старшаго сына, Фрица, какъ называли его въ семьѣ, не разъ выводилъ отца изъ терпѣнія [31]). Продать немедленно Гохбергъ было невозможно, но принцъ принялъ для этого нужныя мѣры. Наконецъ, Горси, получивъ отъ великаго князя пенсію и будучи побуждаемъ къ отъѣзду Бенкендорфомъ, оставилъ Монбельярскую семью навсегда, тѣмъ болѣе, что этого же потребовалъ отъ него (вѣроятно по просьбѣ Маріи Ѳеодоровны) и Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій. Разумѣется, авторитетъ принца Фридриха - Евгенія былъ все-таки подорванъ въ его семьѣ этими событіями. Полное успокоеніе вмѣстѣ съ забвеніемъ прошлаго пришло не вдругъ; но и этого возвращенія къ старымъ основамъ жизни принцесса Доротея, глубоко скорбѣвшая о семейномъ разладѣ, могла достигнуть лишь благодаря любящему содѣйствію и чуткой, не останавливавшейся предъ пожертвованіями нѣжности своей возлюбленной Dorthelle, какъ называла она въ письмахъ Марію Ѳеодоровну.

Среди этихъ тяжелыхъ заботъ Маріи Ѳеодоровны у нея родился 27 Апрѣля 1779 г. второй сынъ Константинъ. Сравнительно съ первыми роды эти были гораздо легче. «Жена моя мучилась только 1 $^3/_4$ часа», извѣщалъ Павелъ Петровичъ Платона» [32]) «Этотъ чудакъ», писала съ своей стороны Екатерина Гримму, «заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... Но этотъ послабѣе брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки» [33]). Чтобы понять радость Императрицы по поводу рожденія втораго внука, стоитъ припомнить, что́ писала она тому же Гримму годомъ ранѣе: «Мнѣ все равно, будутъ ли у Александра сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣется, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря и способностями Александра. Если же это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго, и такъ далѣе» [34]). Въ это время уже

---

[31]) Принцесса Доротея также не одобряла поведенія сына. „Je sais, que Fritz m'aime tendrement, mais je vous avoue néanmoins, cher coeur, puisque je vous dis tout, que je ne puis étouffer en moi le déplaisir d'avoir tenu des mauvais propos contre son père; je crois qu'il a parlé dans un moment de vivacité, entraîné peut-être par un excés de tendresse pour moi, mais il n'en a pas moins tort pour cela“. Письмо отъ 20 Ноября 1780 г.

[32]) Р. Арх. 1887 г., 11, 16.

[33]) С. Р. И. О., XXIII, 136.

[34]) Тамъ же, 91.

былъ задуманъ Потемкинымъ знаменитый Греческій проектъ, и въ новомъ внукѣ своемъ Екатерина провидѣла будущаго Греческаго императора: при крещеніи дано ему имя Константинъ. «У меня спросили», писала Екатерина, кому быть воспріемникомъ. Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ - Гамиду, отвѣчала я; но такъ какъ Турку нельзя крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца Константиномъ. И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ!... И вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ» [35]). Ребенку дана была даже кормилица Гречанка по имени Елена, остававшаяся, впрочемъ недолго, кажется, по нездоровью.

Разумѣется, что и Константинъ поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки, и что къ нему примѣняли тотъ же методъ физическаго воспитанія, какъ и къ Александру; молодая мать по прежнему осталась на второмъ планѣ. «Я предвидѣла, мой ангелъ», утѣшала дочь свою принцесса Доротея, «что Императрица будетъ любить вашихъ дѣтей въ качествѣ бабушки. Но пусть это не безпокоитъ васъ: на вашу долю остается также немало. Удвоенныя и неослабныя заботы загладятъ часы той излишней снисходительности, съ какою Императрица относится къ вашему дорогому ребенку. Эта нѣжность въ сущности даже благопріятна, потому что рано или поздно отзовется на виновникахъ ихъ появленія на свѣтъ» [36]). Изъ этихъ словъ принцессы видно, что Екатерина не даромъ боялась противодѣйствія своей системѣ воспитанія Александра Павловича со стороны его родителей; ясно, что Марія Өеодоровна недовольна была той близостью, въ которую Екатерина поставила ребенка по отношенію къ себѣ, предполагая, конечно, что ребенокъ будетъ избалованъ. Но это, съ другой стороны, объясняетъ намъ то неудовольствіе, съ которымъ Екатерина на время отпускала своихъ внуковъ къ отцу ихъ и матери. Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна, по ея взгляду, выраженному въ указанномъ нами выше письмѣ къ Гримму, только «портили» дѣтей, стараясь въ это время излишнимъ, быть можетъ, пуризмомъ въ дѣлѣ воспитанія загладить для дѣтей часы баловливой снисходительности, которые они проводили въ обществѣ бабушки. Противорѣчивыя требованія, которыя встрѣчали со стороны родителей и бабушки великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, начиная съ раннихъ годовъ дѣтства, разумѣется, не могли потомъ, при развивающемся сознаніи, не отразиться кореннымъ образомъ на ихъ характерѣ и міровоззрѣніи, сообразно съ личными

---

[35]) Тамъ же, 136.

[36]) Письмо отъ 27 Февраля 1780 г.

особенностями каждаго. Этой порчи, происходившей отъ двойственности дѣйствовавшихъ на ея внуковъ вліяній, не могла не видѣть и не устранять по возможности зоркая и любящая Екатерина.

Натянутыя, неискреннія отношенія къ свекрови, въ связи съ отсутствіемъ удовлетворенія естественныхъ потребностей материнскаго чувства, и постоянныя думы и тревоги по поводу событій, совершавшихся въ кругу Монбельярскаго семейства, дѣйствуя на нервы Маріи Ѳеодоровны, развивали въ ней еще болѣе чѣмъ прежде воображеніе и чувствительность. Говоря о любви своей къ родителямъ, Марія Ѳеодоровна писала имъ однажды: «Въ отдаленіи человѣку легко представляются всякаго рода ужасы, и я иногда (думая о васъ) испытываю трепетъ; кромѣ того, я замѣтила, что чѣмъ болѣе кого любишь, тѣмъ болѣе работаетъ воображеніе, которое мельчайшимъ обстоятельствамъ придаетъ необычную важность. Я преклоняюсь предъ изумительными стоиками, которые ко всему оставались равнодушны; но за всѣ сокровища въ мірѣ я не пожелала бы уподобиться имъ, потому что чѣмъ болѣе прихожу я въ возрастъ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь въ сознаніи, что способность чувствовать питаетъ нашу душу: безъ нея люди дичаютъ и перестаютъ быть людьми» [37]).

Эта потребность Маріи Ѳеодоровны давать пищу своему чувству вмѣстѣ съ ея любовью къ природѣ и желаніемъ воскресить дорогія воспоминанія прошлой жизни, побудили ее заняться устройствомъ лѣтней резиденціи, на подобіе Этюпской, въ пожалованномъ ей по рожденіи великаго князя Александра Павловича селѣ Павловскомъ, по теченію рѣки Славянки. Мѣстность эта была въ то время въ дикомъ, первобытномъ видѣ; густые лѣса, перерѣзанные въ разныхъ направленіяхъ болотами, манили къ себѣ лишь охотниковъ; небольшая пятиверстная грунтовая дорога, соединявшая Павловскъ съ Царскимъ Селомъ, была въ очень плохомъ состояніи, а осенью и весною часто оставалась непроѣздна. Въ этомъ - то глухомъ, уединенномъ уголку, подъ угрюмымъ сѣвернымъ небомъ, на болотистой скудной почвѣ, задумала Марія Ѳеодоровна воскресить для себя впечатлѣнія красотъ южной, Этюпской природы. Подъ вліяніемъ сантиментальности, воспринятой ею отъ матери, Марія Ѳеодоровна желала, чтобы въ новомъ ея помѣстьѣ, вмѣстѣ съ наслажденіемъ красотою природы, неразрывно были связаны для нея воспоминанія о минувшихъ горестяхъ и радостяхъ, чтобы о каждомъ болѣе или менѣе важномъ

[37]) Письмо 30 Сентября (11 Октября) 1780 г. Госуд. Арх., IV, 205.

для нея событіи сохранилось бы въ Павловскихъ садахъ напоминаніе въ видѣ того или другаго художественнаго сооруженія. Оттого Павловскъ есть памятникъ сердца Маріи Өеодоровны, исторія ея личной жизни, начертанная на лонѣ природы. Если еще возможно узнать личность Маріи Өеодоровны, не прибѣгая къ тщательному изученію подробностей любимаго ея мѣстопребыванія: то самъ Павловскъ, въ особенности въ настоящее время, представляется для посторонняго наблюдателя загадкой, разрѣшить которую можетъ только ближайшее знакомство съ духовной жизнью его основательницы и хозяйки.

Сначала дѣло ограничилось постройкою въ 1778—1779 гг. двухъ небольшихъ дачъ, носившихъ имена августѣйшихъ владѣльцевъ: Паульлустъ (Павлова Утѣха) и Маріенталь (Маріина Долина). Послѣдняя изъ этихъ дачъ представляла собою небольшое двухэтажное зданіе, увѣнчанное небольшимъ куполомъ. Кругомъ него раскинутъ былъ небольшой цвѣтникъ, расположеніе клумбъ котораго, какъ видно изъ писемъ матери Маріи Өеодоровны, напоминало цвѣтники Этюпа. Что касается до Паульлуста, то это былъ небольшой деревянный домикъ, расположенный въ лѣсу близъ нынѣшняго Большаго дворца; единственнымъ наружнымъ украшеніемъ этого лѣтняго дворца цесаревича былъ куполъ, поддерживаемый колоннами, а на немъ открытый бельведеръ подъ желѣзнымъ зонтикомъ. Но за то съ самаго же начала устроены были садовыя сооруженія, съ которыми мы уже знакомы по Этюпскимъ садамъ. Противъ дворца, на берегу рѣки Славянки, возвышалась Китайская бесѣдка. На холму, возлѣ существующей теперь каменной лѣстницы, находилась Руина, представлявшая собою полукруглую, какъ бы разрушившуюся стѣну. Отъ нея по извилистой тропинкѣ можно было пройти къ Храму Дружбы и къ Швейцарскому домику (Шале); недалеко отъ него выростала изъ земли Хижина Пустынника (Эрмитажъ). Въ это же время положено было основаніе Молочному домику при деревнѣ Кузнецы; первоначально туда приведено было, по приказанію Екатерины, 22 головы крупнаго и мелкаго скота. Въ тоже время шли дѣятельныя работы по очищенію лѣса для устройства въ немъ парка; для этой цѣли употреблены были крестьяне деревни Линна и Кузнецы, освобожденные взамѣнъ того, по повелѣнію Императрицы, отъ уплаты оброка. Нужно замѣтить, что въ первое четырехлѣтіе со времени основанія Павловска всѣ издержки по устройству и содержанію Павловска производились изъ особо назначенной для этого Императрицей суммы и съ особаго каждый разъ ея разрѣшенія, такъ что Марія Өеодоровна не имѣла возможности устроивать Павловскъ съ самаго начала по собственному плану. Разумѣет-

ся, Екатерина придавала Павловску значеніе лишь временной лѣтней резиденціи великокняжеской четы, вовсе, конечно, не сочувствуя идиллически-сантиментальному значенію, съ какимъ Павловскъ являлся въ мечтахъ ея невѣстки. Позднѣе Екатерина сдала его окончательно въ вѣдѣніе его августѣйшей хозяйки, и тогда только Павловскъ, сдѣлавшись однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ лѣтнихъ дворцовъ въ Европѣ, сталъ постепенно принимать тотъ своеобразный отпечатокъ, который онъ сохраняетъ отчасти даже до сихъ поръ.

Въ Сентябрѣ 1779 г. Марія Ѳеодоровна обрадована была пріѣздомъ старшаго брата своего, принца Фридриха. Мы уже видѣли, какую роль игралъ онъ въ это время при несогласіяхъ, обнаружившихся въ Монбельярскомъ семействѣ, и надо думать, что самый пріѣздъ его въ Петербургъ былъ въ связи съ этими домашними смутами: Марія Ѳеодоровна, заботившаяся о поддержаніи мира въ семействѣ, желала лично переговорить съ единственнымъ членомъ семейства, возбуждавшимъ своимъ поведеніемъ дурныя чувства въ горячо-любимомъ отцѣ. Фридрихъ приглашенъ былъ Павломъ Петровичемъ еще въ Іюнѣ, съ соизволенія Императрицы [38]), пріѣхалъ же въ Петербургъ 16 Сентября въ сопровожденіи бывшаго воспитателя своего Голланда и пробылъ въ въ немъ почти полгода. Будущій король Виртембергскій «отличался необыкновенною грузностію и былъ до безобразія тученъ. Впослѣдствіи онъ не могъ кушать иначе, какъ за особымъ столомъ, въ которомъ сдѣланъ былъ выемъ для его живота. Толстяки нерѣдко одарены тонкимъ умомъ; таковъ былъ и этотъ принцъ. Но умъ его направлялся къ цѣлямъ своекорыстнымъ» [39]). При дворѣ Екатерины, какъ впослѣдствіи при дворѣ Наполеона, Фридрихъ умѣлъ сдерживать грубость своего нрава и не произвелъ невыгоднаго впечатлѣнія на Екатерину [40]), которая даже пожаловала ему Андреевскій орденъ. Принцъ Фридрихъ въ это время, по семейнымъ и служебнымъ разсчетамъ, подумывалъ о женитьбѣ. Безъ сомнѣнія именно въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ похвалъ Императрицы, у него созрѣла

---

[38]) Госуд. Арх., IV, 205.

[39]) Р. Архивъ 1888 г., I, 11.

[40]) С. Р. И. О., XXIII, 249. „Это масса, пишетъ Екатерина, и больше ничего“ Отзывъ относится къ 1782 г., но здѣсь же Екатерина свидѣтельствуетъ, что Фридрихъ два раза, на ея глазахъ, ссорился изъ-за пустяковъ съ Павломъ Петровичемъ и въ тоже время упрекалъ сестру за то, что она бранитъ своихъ женщинъ (!). Мы увидимъ впослѣдствіи, на что способенъ былъ этотъ сострадательный человѣкъ! Быть можетъ даже, что самыя размолвки свои съ зятемъ и сестрою онъ устраивалъ на глазахъ Императрицы не безъ дальняго разсчета.

мысль жениться на принцессѣ Августѣ Брауншвейгской, которую Екатерина прозывала Зельмирой. Этотъ брачный проектъ былъ окончательно рѣшенъ въ 1779 г., но при самыхъ грустныхъ для Зельмиры обстоятельствахъ. «Фрицъ, писала принцесса Доротея Маріи Ѳеодоровнѣ передъ отъѣздомъ сына въ Петербургъ, питаетъ къ сожалѣнію самую сильную страсть въ своемъ сердцѣ (къ одной женщинѣ, стоявшей ниже его по общественному положенію). Поэтому онъ думаетъ, что онъ никогда не въ состояніи будетъ полюбить свою жену, что онъ станетъ только уважать ее, если она будетъ заслуживать уваженія, что будетъ ей вѣренъ и оказывать ей полное вниманіе, но что невозможно требовать отъ него бо́льшаго, что остальное не зависитъ отъ него и что ничто въ мірѣ не погубило бы его болѣе, какъ еслибы жена любила его, тогда какъ онъ не въ состояніи платить ей взаимностію. Эти разсужденія прерываются цѣлымъ потокомъ слезъ. Я испытала всѣ способы, но все было безполезно... Богъ пусть направитъ его выборъ, къ которому онъ относится довольно равнодушно, и дастъ ему въ супруги женщину съ умомъ, способную своимъ характеромъ и нѣжностію сдѣлать его счастливымъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ, дорогое дитя, чтобы вы могли своими добрыми совѣтами привести его къ образу мыслей болѣе соотвѣтствующему тому состоянію, въ которое онъ готовится вступить, и вылѣчить его отъ несчастной страсти» [41]).

Но, разумѣется, просьба матери не могла быть исполнена Маріей Ѳеодоровной; ея попытки смягчить грубую натуру брата должны были остаться безуспѣшными. Личное знакомство съ братомъ, котораго Марія Ѳеодоровна знала еще дѣвочкой, по всей вѣроятности, возбудило въ ней горькое чувство: къ сестрѣ, которая была въ сущности виновницей его благополучія, онъ относился, кажется, такъ же грубо какъ и къ отцу. Это видно изъ письма къ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 27 Февраля 1780 г. ея матери, которая, очевидно, любила своего первенца и старалась смягчать его грубыя выходки. «Я признаюсь, мой ангелъ, что вѣрю тому, что Фрицъ васъ огорчилъ. Я это предвидѣла. Всѣ мои письма доказывали, что я боялась этого. Неумѣренныя выраженія, которыя онъ позволялъ себѣ въ моемъ присутствіи, равно какъ и тѣ, которыя онъ допускалъ по отношенію къ другимъ лицамъ, не позволяютъ мнѣ усумниться въ этомъ. Но я думаю, что слишкомъ хорошо знаю ваше сердце, чтобы не быть увѣренной, что мое дорогое дитя спокойно поразмыслитъ о томъ, что̀ скажетъ ей сердце нѣжной матери».

---

[41]) Принцесса Доротея—Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 19 Августа 1779 г.

При такомъ характерѣ и обстоятельствахъ личной жизни принца Фридриха, неудивительно, что бракъ его съ Зельмирой, заключенный 27 Октября 1780 года, не обѣщалъ въ будущемъ ничего хорошаго для молодой супруги.

Къ 1781 году относится прибытіе въ Россію подруги дѣтства Маріи Ѳеодоровны, дѣвицы Анны-Юліаны Шиллингъ фонъ-Канштатъ, вышедшей замужъ за подполковника Христофора Бенкендорфа, котораго Павелъ Петровичъ посылалъ въ 1779 г. за границу по извѣстному уже намъ дѣлу генерала Горси. Г-жа Бенкендорфъ, бывшая какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства, подъ именемъ Тилль, была женщина, какъ надобно думать, съ сильнымъ умомъ и, по пріѣздѣ своемъ съ мужемъ въ Россію, возъимѣла большое вліяніе на свою царственную подругу *). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности отношеній между ней и Маріей Ѳеодоровной. Извѣстно только, что великая княгиня выслала ей 2000 рублей на дорогу, отзываясь, что деньги эти поручено ей переслать для Бенкендорфа его матерью, воспитательницею Александра Павловича [42]). Пріѣздъ г-жи Бенкендорфъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ не могъ не оживить симпатій великой княгини къ своей родинѣ, тѣмъ болѣе, что, по старымъ связямъ своимъ съ великой княгинею, Тилль заняла первенствующее мѣсто въ ея домашнемъ обществѣ.

Съ этого времени, отчасти подъ вліяніемъ своей подруги, Марія Ѳеодоровна стала знакомиться съ новой Нѣмецкой поэзіей, пополняя этимъ пробѣлъ въ своемъ образованіи, хотя вообще не любила Нѣмецкихъ стиховъ. Знакомство это было тѣмъ успѣшнѣе, что въ домашнемъ кружкѣ Маріи Ѳеодоровны находился въ это время одинъ изъ извѣстныхъ Германскихъ поэтовъ того времени Клингеръ, котораго комедія: «Sturm und Drang» сообщила свое названіе цѣлому періоду Германской литературы. Находясь въ Германіи въ крайней бѣдности и не видя для себя исхода, онъ просилъ чрезъ Шлоссера рекомендаціи отца Маріи Ѳеодоровны для поступленія на службу въ Россіи. «Мы сдѣлаемъ все на свѣтѣ, отвѣчала отцу Марія Ѳеодоровна 27 Сентября 1780 г., чтобы устроить этого г. Клингера; но Богъ знаетъ, успѣемъ ли мы въ этомъ» [43]). До полученія болѣе выгоднаго мѣста Клингеръ состоялъ чтецомъ при Маріи Ѳеодоровнѣ Нѣмецкихъ сочиненій, тогда какъ Лафермьеръ занимался чтеніемъ Французскихъ.

*) Въ замкѣ Фаллѣ, подъ Ревелемъ, хранится до 70 писемъ Маріи Ѳеодоровны къ этой достопамятной женщинѣ. П. Б.

[42]) Oberkirch, I, 125.

[43]) Госуд. Арх., IV, 205.

Мечтательный Германскій поэтъ, подобно многимъ другимъ Нѣмецкимъ выходцамъ, успѣлъ однако хорошо устроить дѣла свои въ Россіи. Поступивъ въ военную службу и женившись на побочной дочери Г. Г. Орлова Елисаветѣ Алексѣевой, онъ достигъ чина генералъ-лейтенанта и занималъ послѣдовательно мѣста директора кадетскаго корпуса и попечителя Дерптскаго учебнаго округа († 1831 г.). Нельзя не замѣтить, однако, что живя въ Россіи и продолжая обогащать своими произведеніями Нѣмецкую литературу, Клингеръ мало сжился съ варварской Россіей и, гдѣ можно было, всячески дѣйствовалъ въ пользу Нѣмецкой народности [44]).

Разсказанныя нами событія частной жизни Маріи Ѳеодоровны происходили въ періодъ поворота во внѣшней политикѣ Россіи, который сдѣлался причиною окончательнаго разлада между великокняжеской четой и Императрицей. Мы уже имѣли случай обрисовать характеръ союза, существовавшаго между Россіей и Пруссіей въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, и стремленія Фридриха II сдѣлать Россію покорнымъ для себя орудіемъ въ цѣляхъ усиленія Пруссіи. Но Екатерина рано разгадала коварство стараго короля и, дѣйствуя въ духѣ Русскихъ интересовъ, поставила Россію въ чрезвычайно-выгодное положеніе. Открывшіяся тогда въ Германіи междоусобія облегчили ей эту задачу. Въ 1778 года Австрія, исконная противница Пруссіи въ Германіи, убѣдила бездѣтнаго курфирста Баварскаго Карла-Теодора уступить ей свои права на Баварію. Такое усиленіе Австріи возбудило протестъ со стороны дальняго родственника Карла-Теодора, герцога Цвейбрюкенскаго, поддержанный силою Прусскихъ штыковъ. Между Австріей и Пруссіей вспыхнула война за Баварское наслѣдство. Но противники хорошо понимали, что перевѣсъ получитъ лишь тотъ изъ нихъ, кто заручится помощью Петербургскаго кабинета. Опираясь на союзъ свой съ Россіей, Фридрихъ надѣялся, что Екатерина поддержитъ его сильной арміей, тогда какъ императоръ Іосифъ II, управлявшій Австріею въ старческіе годы

[44]) До какой степени даже выдающіеся Нѣмецкіе историки относятся съ недоброжелательствомъ къ Россіи, видно изъ слѣдующихъ словъ Шерра по поводу незаслуженнаго гостепріимства, оказаннаго нашимъ отечествомъ Нѣмецкому поэту: „Это была, говоритъ онъ, талантливая натура, съ тонкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, вслѣдствіе суровыхъ опытовъ окрѣпшая до стоицизма, никогда не теряя человѣческаго достоинства даже въ своей позднѣйшей обстановкѣ (!), въ которую бросила его судьба“. (*Шерръ*: Всеобщая исторія литературы, II, 230). Позднѣйшая его обстановка была такова, что Клингеръ, оставаясь по духу Нѣмцемъ и достигнувъ богатства и почестей, не счелъ нужнымъ возвращаться въ отечество, слѣдуя, вѣроятно, правилу: ubi bene, ibi patria.

матери своей Маріи-Терезіи, надѣялся на нейтралитетъ Россіи. Екатерина не сдѣлала ни того, ни другаго: желая прочно утвердить Русское вліяніе въ Германіи и доставить себѣ рѣшающій голосъ въ Европейскихъ дѣлахъ, Императрица дала время противникамъ ослабить другъ друга и затѣмъ въ лицѣ своего посла, князя Репнина, продиктовала имъ условія мира на Тешенскомъ конгрессѣ весною 1779 года. По этому миру Іосифъ отказывался отъ своихъ притязаній на Баварію, но зато и Фридрихъ не могъ усилить свое вліяніе въ Германіи; ибо для всѣхъ было ясно, что рѣшеніе дѣла зависѣло исключительно отъ Екатерины, которая и на будущее время открыла дорогу своему вмѣшательству въ Германскія дѣла, принявъ на себя, какъ ранѣе въ Польшѣ, гарантію Имперской конституціи. Этимъ образомъ дѣйствій доставивъ Россіи первенствующее положеніе въ Европѣ, Императрица достигала и ближайшихъ цѣлей своей политики. Восточный вопросъ всегда былъ главнымъ предметомъ думъ Екатерины. Въ это время, подъ вліяніемъ Потемкина, возникъ знаменитый Греческій проектъ; владѣніе Константинополемъ и установленіе на берегахъ Босфора Греческой Имперіи подъ протекторатомъ Россіи — было конечною цѣлью этого проекта, и мы уже видѣли, что самое имя втораго внука Екатерины, родившагося во время Тешенскихъ переговоровъ, было предзнаменованіемъ готовившейся для него будущности. Рѣшеніе восточнаго вопроса, съ которымъ связаны насущные интересы Русскаго народа, долженствовало быть, по вѣрному взгляду Екатерины, главною цѣлью Русской политики; дѣла же Запада Европы въ глазахъ ея имѣли до поры до времени второстепенное значеніе и служили ей лишь орудіемъ для достиженія главной ея цѣли. Послѣ Тешенскаго мира, заставившаго Іосифа II искать содѣйствія и союза Русской императрицы для проведенія Германскихъ своихъ плановъ, Екатерина могла уже разсчитывать на помощь въ рѣшеніи восточнаго вопроса даже со стороны Австріи, до сихъ поръ только мѣшавшей осуществленію ея намѣреній. Вотъ почему, Императрица, хорошо понимавшая все коварство Фридриха II и вѣроломство его политики по отношенію къ Россіи, не задумалась пойти на встрѣчу желаніямъ Іосифа II, изъявлявшаго готовность содѣйствовать видамъ Россіи подъ условіемъ заключенія союза съ нею. Чтобы вѣрнѣе и скорѣе обезпечить себѣ поддержку Россіи и разорвать связь ея съ Пруссіей, Іосифъ рѣшился даже на небывалый еще шагъ: весною 1780 года онъ прибылъ въ Россію, чтобы личнымъ знакомствомъ съ Императрицей и ея наслѣдникомъ положить прочное основаніе будущимъ своимъ надеждамъ.

Какъ же отнеслись къ этому измѣненію политики своей матери Павелъ Петровичъ и его супруга? Подобно многимъ изъ современниковъ

Екатерины, ближайшихъ свидѣтелей ея дѣйствій, они не могли обнять всей широты и величія ея государственныхъ предначертаній, выясняющихся лишь въ отдаленіи временъ, въ глазахъ потомства, горькимъ опытомъ извѣдавшаго впослѣдствіи весь вредъ уклоненія отъ пути, начертаннаго для Россіи «премудрой матерью отечества» [45]). Великій князь по прежнему смотрѣлъ на событія лишь съ точки зрѣнія непосредственнаго родственнаго чувства, которое питалъ онъ къ Фридриху, и во время войны за Баварское наслѣдство, съ рыцарскимъ воодушевленіемъ, собирался лично, во главѣ своего полка, идти на театръ военныхъ дѣйствій и тамъ, рядомъ съ своими шурьями, Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, сражаться за великаго короля, своего дядю [46]). Тешенскій миръ помѣшалъ этому намѣренію Павла Петровича; но онъ съ напряженнымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ переговоровъ, кончившихся повидимому благопріятно для Пруссіи, и велъ оживленную переписку съ уполномоченнымъ Екатерины кн. Репнинымъ, своимъ приверженцемъ [47]). Тѣмъ неожиданнѣе и поразительнѣе для него было зрѣлище начавшагося сближенія между Россіей и Австріей, тогда какъ, казалось, что въ Тешенѣ между ними вырыта была цѣлая пропасть и что Россія надолго пристегнута къ Прусской колесницѣ. Эту перемѣну Русской политики Павлу легко было истолковать также, какъ толковалъ ее Гаррисъ, утверждавшій, будто враждебность Екатерины ко Фридриху обусловливалась тѣмъ вниманіемъ, которое Фридрихъ оказывалъ Павлу Петровичу [48]). Нѣтъ сомнѣнія, что такое толкованіе перемѣны отношеній къ себѣ Екатерины давалъ Павлу Петровичу и Фридрихъ, находившійся съ нимъ и Маріей Ѳеодоровной въ постоянныхъ сношеніяхъ: ему слишкомъ выгодно было разыграть передъ рыцарскимъ цесаревичемъ роль жертвы своей къ нему привязанности. Поэтому Павелъ Петровичъ не только сочувствовалъ Фридриху, но даже считалъ нравственною своею обязанностью содѣйствовать ему въ его планахъ [49]).

---

45) См. напр., диссертацію г. Трачевскаго: „Союзъ князей и Нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790“. С.-Петербургъ, 1877 г. Дополненіемъ къ этой книгѣ для оцѣнки дальнѣйшей исторіи Русской дипломатіи являются прекрасные труды г. Татищева.

46) Письмо принцессы Доротеи, восхищавшейся этимъ намѣреніемъ зятя, 30 Декабря 1778 года.

47) Въ реестрѣ бумагъ Павла Петровича (Маріинск. Арх., св. 103, № 5) подъ № 31 упоминаются: „Письма отъ кн. Репнина во время его посольства въ Тешенъ 1779 года“. Въ 1778 г. Павелъ велъ переписку съ княземъ Долгорукимъ, нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Русскій Архивъ, 1882 г., I, 388.

48) Донесеніе 15 Февраля 1780 г.

49) Въ реестрѣ бумагъ Павла указанъ подъ № 24: „Проектъ покойнаго короля Фридриха II о Германскомъ союзѣ“, вѣроятно, своевременно сообщенный имъ цесаревичу.

Марія Өеодоровна, питавшая къ Пруссіи тѣже дружескія чувства, вынуждена была, однако, отнестись къ новому положенію дѣлъ горазо сдержаннѣе, чѣмъ пылкій ея супругъ: она постоянно связана была мыслію о вліяніи политическихъ дѣлъ на интересы ея семейства. Предназначивъ сестру свою Фредерику въ супруги принцу Голштейнъ-Ольденбургскому Петру, Марія Өеодоровна мечтала о выдачѣ замужъ младшей сестры своей Елисаветы (р. 1767) за будущаго наслѣдника Прусской короны, Фридриха-Вильгельма (р. 1770), сына принца Прусскаго [50]). Но молодость принцессы Елисаветы еще мѣшала ей приступить къ осуществленію этого плана, а между тѣмъ Фридрихъ II своими дѣйствіями возбудилъ въ ея родителяхъ нѣкоторое къ себѣ недовѣріе [51]). Поэтому Марія Өеодоровна боялась явнымъ пруссофильствомъ повредить благу своихъ родныхъ, которые добивались для себя съ помощью дочери различныхъ выгодъ и одно время, кажется, мечтали даже получить во владѣніе герцогство Курляндское [52]). Благополучіе ея семейства во многомъ могло зависѣть отъ Германскаго императора, даже болѣе, чѣмъ отъ Прусскаго короля. Вотъ почему она съ интересомъ ожидала появленія въ Петербургѣ Іосифа II, который, свидѣвшись съ Екатериной въ Могилевѣ, въ Маѣ 1780 г., изъявилъ желаніе посѣтить Петербургъ чтобы познакомиться съ великимъ княземъ и его супругой.

Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, ѣхалъ въ Петербургъ, исключительно съ цѣлью всевозможными средствами уничтожить самый корень пруссофильства въ Россіи и лишить Фридриха вѣрнѣйшихъ его приверженцевъ. Увидавшись съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Өеодоровною, Іосифъ замѣтилъ, что великая княгиня имѣетъ сильное вліяніе на мужа, превосходя его умомъ и талантами [53]); не

---

[50]) См. письма принцессы Доротеи.

[51]) Во время Тешенскаго конгресса Монбельярская семья разсчитывала получить нѣкоторыя земли въ Германіи себѣ во владѣніе. Неудачу въ этомъ принцесса Доротея объясняла въ письмѣ 6 Апр. 1779 г. недоброжелательствомъ Фридриха. „Je suis bien fâchée des inquiétudes que vous avez pour nous craignant que nous serons trop sensibles de manque de réussite qu'a eu l'affaire de fiefs. Vous verrez par la lettre, que le cher papa vous communiquera, la bonne volonté de la cour de Vienne à cet égard et que ce n'est quau Roi seul que nous devons le manque du succés. Ayez la bonte, прибавляла недовольная принцесса, de vous rappeller ce que je vous ai écrit à ce sujet; c'est une maxime de grands, qui ne s'occupent du bien - être des autres qu'autant qu'ils en ont besoin et que leur politique l'exige“. Тѣмъ не менѣе жалобу свою неисправимая принцесса заключила словами: mon attachement pour lui sera toujours le même, quoique je sais bien qui j'ai à faire à un ingrât.

[52]) Письмо 19 Августа 1779 г.

[53]) Arnet: Ioseph II und Leopold II, 1, 327.

могла укрыться отъ него и сильная привязанность ея къ роднымъ. Поэтому Іосифъ думалъ склонить Марію Ѳеодоровну на свою сторону, устроивъ бракъ своего племянника и будущаго наслѣдника Австрійской монархіи Франца (бывшаго сыномъ брата его Леопольда, великаго герцога Тосканскаго) съ младшей сестрой Маріи Ѳеодоровны, принцессой Елисаветой. Марія Ѳеодоровна произвела на Іосифа самое благопріятное впечатлѣніе: «еслибы, писалъ онъ матери, я десять лѣтъ тому назадъ могъ найти или вообразить себѣ подобную ей принцессу, я бы женился на ней безъ затрудненія; она вполнѣ отвѣчала бы моему положенію; мнѣ кажется, что сказать болѣе нельзя» [54]). Іосифъ постоянно проводилъ время у великокняжеской четы, былъ даже въ Павловскѣ у великой княгини и присутствовалъ тамъ при закладкѣ Храма Дружбы. «Онъ заискивалъ въ насъ всевозможными средствами», писала Марія Ѳеодоровна родителямъ $^{19}/_{30}$ Іюля 1780:... «онъ чрезвычайно ласкалъ нашего дорогаго графа Панина, такъ что Потемкинъ и его племянницы были даже обижены... Въ одну изъ бесѣдъ нашихъ онъ началъ говорить о счастіи, вытекающемъ изъ такого счастливаго союза, какъ нашъ. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу много любезностей и прибавилъ, что онъ желалъ бы когда-нибудь найти для своего племянника, сына великаго герцога Тосканскаго, супругу, которая походила бы на меня. Затѣмъ онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ моей младшей сестрѣ... Я ему отвѣчала, что ей въ Апрѣлѣ исполнилось 13 лѣтъ и что касается до ея личности, то истина заставляетъ меня сказать, что она лучшая изъ всѣхъ насъ трехъ сестеръ, что она обѣщаетъ быть очень красивой и что вмѣстѣ съ этимъ она соединяетъ въ себѣ лучшія качества ума и сердца. Тогда онъ сказалъ: «Очень жаль, что существуетъ такое большое различіе въ лѣтахъ (эрцгерцогъ былъ на годъ моложе принцессы Елисаветы), иначе можно было бы подумать о брачномъ союзѣ между ними; но сестра ваша не согласится ждать такъ долго». На это я не могла ничего сказать; но онъ продолжалъ говорить, что хотя къ несчастію и трудно ожидать осуществленія этого брачнаго союза, но онъ будетъ въ восхищеніи, если дѣло это устроится». При слѣдующемъ свиданіи онъ снова спрашивалъ великую княгиню, согласится ли ея сестра ждать совершеннолѣтія своего жениха, и тѣмъ вынудилъ ее сказать, что хотя она очень тронута вниманіемъ императора къ ея сестрѣ, но что рука сестры ея зависитъ отъ родителей, къ которымъ ему нужно обратиться. Сообщая объ этомъ разговорѣ родителямъ, Марія Ѳеодоровна хотя и восхищалась мыслію, что сестра ея можетъ быть впослѣдствіи Германской императ-

---

[54]) Arnet: Maria Theresia und Ioseph II, 280.

рицей, но совѣтовала имъ не обольщаться заранѣе мечтами, такъ какъ дѣло это зависитъ исключительно отъ политическихъ случайностей. Подавъ надежду Маріи Ѳеодоровнѣ на блестящій бракъ ея младшей сестры, Іосифъ не ограничился этимъ. За день до своего отъѣзда, на утренней прогулкѣ, онъ, обратившись къ Маріи Ѳеодоровнѣ, сказалъ: «Я имѣю большую просьбу къ вашему императорскому высочеству.—Какую просьбу? спросила великая княгиня.—Онъ отвѣчалъ: «Осмѣливаюсь просить васъ, если вы считаете меня способнымъ оказать какую-либо услугу принцу, вашему отцу или вашему семейству, располагайте мною. Вы найдете меня всегда готовымъ доказать вамъ, насколько я къ вамъ привязанъ».«Я ему отвѣчала на это слѣдующее, говоритъ Марія Ѳеодоровна: «Я навѣрное ничего бы не сказала вамъ, чтò относилось бы ко мнѣ; но когда вы дѣлаете мнѣ честь, сами заводя рѣчь объ этомъ, позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рекомендовать вашей добротѣ моихъ родителей и мое семейство. Вамъ извѣстно, какъ я люблю ихъ». Тогда Іосифъ прервалъ меня словами: «Испытайте меня, и вы увидите, честный ли я человѣкъ» [55]). Безъ сомнѣнія, эта тонкая и предупредительная готовность Іосифа исполнять желанія Маріи Ѳеодоровны содѣйствовала въ нѣкòторой степени ослабленію ея симпатій къ Пруссіи.

Чтобы загладить впечатлѣніе, произведенное пребываніемъ Іосифа въ Петербургѣ, Фридрихъ II послалъ туда своего племянника и наслѣдника престола, Фридриха-Вильгельма. Этотъ принцъ ничѣмъ не отличался отъ брата Маріи Ѳеодоровны Фридриха по грубости манеръ и тяжелому характеру. «Я въ отчаяніи, писала принцесса Доротея дочери, въ виду смѣшной поѣздки принца Прусскаго. Это достойный человѣкъ, который не долженъ быть шпіономъ». Екатерина приняла его сухо и сдержанно и, наконецъ, прямо сократила его пребываніе въ Петербургѣ. Хотя личныя отношенія его съ Павломъ Петровичемъ и его супругой продолжали быть дружественны и даже, при посредничествѣ Панина, повели къ новому обмѣну увѣреній въ вѣчной дружбѣ между наслѣдниками Русскаго и Прусскаго престоловъ, но онъ ничего не могъ предложить взамѣнъ лестныхъ для Маріи Ѳеодоровны обѣщаній Іосифа; мало того, на вопросъ ея, возможенъ ли бракъ между его сыномъ и принцессой Луизой Прусской, онъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не думаетъ о брачныхъ проектахъ для своего сына, которому только что минуло

[55]) Госуд. Арх., IV, 205.—Письмо это съ подлинника, находящагося въ Штутгартскомъ королевскомъ архивѣ, напечатано у Шлосбергера, Prinz Karl von Würtemberg, Stuttgart, 1889, стр. 99—104.

десять лѣтъ. Францу Тосканскому исполнилось тогда двѣнадцать лѣтъ; но Іосифъ не затруднялся этимъ, желая только, чтобы принцесса Елисавета согласилась ждать до совершеннолѣтія своего жениха. Разница эта въ поведеніи представителей Прусскаго и Австрійскаго домовъ бросалась въ глаза сама собою, а тутъ еще пришли вѣсти отъ матери, что Фридрихъ, раздраженный неудачами, началъ вымещать ихъ на братьяхъ Маріи Ѳеодоровны. Этимъ объясняется извѣстіе Гарриса, что принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ не нашелъ въ Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ того радушія, какого ожидалъ [56]. Только по возвращеніи Фридриха-Вильгельма изъ Петербурга, старый король узналъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ Іосифомъ; но исправить дѣло было трудно.

Родители Маріи Ѳеодоровны были очень обрадованы блестящею будущностью, открывавшеюся и предъ второю ихъ дочерью. Принцъ Фридрихъ-Евгеній рѣшительно высказывался въ пользу Австрійскихъ предложеній. Фридрихъ II напрасно предлагалъ имъ въ зятья сначала наслѣднаго принца Датскаго [57]), а затѣмъ сына принца Прусскаго, о которомъ думала ранѣе Марія Ѳеодоровна; напрасно напоминалъ онъ имъ о родственныхъ чувствахъ къ Прусскому королевскому дому [58]): старый король самъ портилъ дѣло, не отказавшись еще отъ привычки деспотически распоряжаться судьбами Монбельярской фамиліи и притѣсняя въ порывѣ гнѣва братьевъ Маріи Ѳеодоровны. Эти поступки благодѣтельнаго дяди побудили даже принцессу Доротею жаловаться на него Маріи Ѳеодоровнѣ и просить черезъ нее покровительства у Екатерины. «Поступки короля, писала она дочери въ началѣ 1781 года, становятся невыносимы.... Это ужасный человѣкъ. Но невозможно допустить, чтобы онъ обращался съ моими сыновьями, какъ съ негодяями (traiter en canaille)». Боясь, чтобы злоба Фридриха и его интриги не повредили дѣлу сватовства и ея семейству, принцесса Доротея прибавляла: «Ахъ, дорогая Дортель, я опасаюсь, что дѣла наши еще не скоро примутъ благопріятный оборотъ. Мы были бы несчастнѣйшими изъ людей безъ покровительства Императрицы. Ходатайствуйте за насъ предъ нею».

---

[56]) Донесеніе 11 Сентября 1780 г.

[57]) Это предложеніе поддерживалось Павломъ Петровичемъ и Панинымъ. Письмо Маріи Ѳеодоровны 20 Сентября 1780 г., Госуд. Арх., IV, 205.

[58]) Это дѣлалъ онъ чрезъ принца Фердинанда Прусскаго, письмо котораго хранится въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ, и чрезъ принца Фридриха, брата Маріи Ѳеодоровны. Штаркъ, 54.

И такъ, помимо воли Маріи Ѳеодоровны и противъ желанія ея и графа Панина, положено было начало родственныхъ отношеній съ Габсбургскимъ домомъ, что̀ равнялось отчужденію отъ Пруссіи.

Екатерина, въ свою очередь, воспользовалась благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ. 2-го Іюня 1781 г. она увѣдомила Іосифа о согласіи родителей принцессы Елисаветы на предположенный бракъ ея съ эрцгерцогомъ Францомъ, и 24-го Іюля, Іосифъ, находившійся тогда въ Брюсселѣ, обратился къ принцу Фридриху-Евгенію съ формальнымъ предложеніемъ. На возвратномъ пути въ Австрію, побывавъ въ Парижѣ у сестры своей королевы Маріи-Антуанеты, Іосифъ заѣхалъ 10 Августа и въ Монбельяръ, гдѣ онъ провелъ $1^1/_2$ дня. Очаровавъ Монбельярскую семью своею любезностью, Іосифъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ принца Фридриха-Евгенія и его супругу, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею Елисаветою въ Ноябрѣ посѣтить Вѣну, куда онъ, согласно извѣщенію Екатерины отъ 4 Іюля, ждалъ къ тому времени Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну [59]). Объ этомъ путешествіи великокняжеской четы шла рѣчь между Іосифомъ и Екатериной, во время пребыванія Іосифа въ Петербургѣ, и Марія Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія, могла только радоваться, желая увидаться съ родителями, которыхъ она отчаялась когда-либо видѣть [60]).

Такимъ образомъ Марія Ѳеодоровна Іосифу была обязана исполненіемъ самыхъ горячихъ своихъ желаній. Но, соглашаясь на поѣздку цесаревича и его супруговъ изъ политическихъ видовъ, желая доставить Іосифу возможность принять высокихъ супруговъ въ Вѣнѣ и заручиться тамъ ихъ симпатіями, Екатерина, къ удовольствію Іосифа, поставила непремѣннымъ условіемъ заграничнаго путешествія, чтобы великій князь и его супруга не посѣщали Пруссіи и Берлина.

За пятилѣтній промежутокъ времени, истекшій со времени поѣздки Павла въ Берлинъ, Екатерина имѣла полную возможность безошибочно оцѣнить что̀ такое для нея и для ея семьи Берлинъ.

Евгеній Шумигорскій.

---

[59]) Кобеко, Шлосбергеръ, Оберкирхъ

[60]) Донесеніе Гарриса 2 Октября 1781 г.,—Arnet, Ioseph II, 39, 96, Maria Theresia III, 96.—Письма матери Маріи Ѳеодоровны.

ПИСЬМА ИВАНА ИВАНОВИЧА ДАВЫДОВА КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ.

Печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" Е. М. Ѳеоктистовымъ. И. И. Давыдовъ, цѣлую четверть вѣка, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Московскаго Университета, род. 1794 года, скончался сенаторомъ въ Москвѣ. Въ то время, къ которому относятся нижеслѣдующія письма, онъ служилъ инспекторомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, котораго Прокоповичъ-Антонскій былъ директоромъ. Кромѣ того оба они занимали должности въ самомъ университетѣ, первый—профессора математики и философіи, а послѣдній—ректора. Почти всѣ письма писаны изъ Петербурга, куда на время уѣзжалъ Давыдовъ изъ Москвы. Они содержатъ въ себѣ любопытныя и важныя показанія для исторіи Русскаго просвѣщенія. Давыдовъ былъ классикъ, математикъ, философъ, и занималъ послѣдовательно нѣсколько каѳедръ. При обширности образованія, необыкновенной смышлености и тонкомъ умѣ, онъ долгое время преобладалъ въ нашемъ учебномъ мірѣ, а переселившись впослѣдствіи въ Петербургъ на должность директора Педагогическаго Института, имѣлъ большое значеніе, какъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, такъ и въ Академіи Наукъ, по Второму ея Отдѣленію. Многіе думали, судя по пріемамъ его дѣятельности, что онъ духовнаго происхожденія; но онъ принадлежалъ къ стариннымъ Тверскимъ дворянамъ, имѣя однако близкія и родственныя связи съ духовенствомъ. (У Прокоповича-же Антонскаго былъ братъ архимандритомъ Московскаго Донскаго монастыря). П. Б.

1.

4 Декабря 1818 г.

Получая отъ васъ согласіе на изданіе книги моей, осмѣливаюсь испросить позволеніе украсить ее именемъ вашимъ. Я убитъ былъ несчастіями: вы поддержали меня; я заблуждался: вы научили меня; я былъ въ гоненіи: вы возвысили меня— и вы наконецъ доставили тѣ сладкіе досуги, которые въ бесѣдѣ наукъ проливаютъ на насъ удовольствія высшія всѣхъ наслажденій. Вамъ, единственному благодѣтелю, приношу жертву страстной моей благодарности, сего ничѣмъ и никогда неизмѣнимаго чувства—плодъ новой жизни, вами дарованной. Въ полномъ увѣреніи, что вы не отвергнете просьбы моей, горжусь быть вамъ вѣчно преданнымъ [1]).

Рукою А. А. Прокоповича-Антонскаго: «Письмо ко мнѣ отъ Ив. Ив. Давыдова. Я сто разъ плакалъ, читавши его».

---

[1]) Подписи нѣтъ. П. Б.

2.

С.-Петербургъ, 5 Генваря 1819 г.

Наконецъ, никогда незабвенный въ сердцѣ моемъ, я въ бурномъ свѣтѣ, на странной, но къ несчастію уважаемой сценѣ привѣтствій, безъ сомнѣнія притворныхъ и измѣнническихъ. Такъ всегда: mundus vult decipi [2]).

На первое поклоненіе рѣшился я, скрѣпя сердце, идти къ директору нашего департамента [3]). Онъ, сверхъ ожиданія моего, принялъ меня, какъ прежде знакомаго. Это одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ чиновниковъ. Его никто, никогда и нигдѣ не видитъ: онъ или въ департаментѣ, или дòма. Въ нашемъ дѣлѣ, сколько могъ я узнать, онъ совсѣмъ не участвовалъ. Оно попалось прежде въ руки Стурдзы, а послѣ графа Лаваля.

Другой директоръ, А. И. Тургеневъ, очень обласкалъ меня и, какъ человѣкъ съ авторитетомъ, предлагалъ мнѣ свои услуги, думая, что я несчастливъ и что могу согласиться просить за себя и о себѣ. Онъ довольно долго разговаривалъ со мною de qui-pro-quo, между тѣмъ какъ жалкіе просители и искатели Фортуны, и духовные, и свѣтскіе, напрасно толкались въ кабинетъ къ нему. «И такъ-то, говорилъ онъ, мучаютъ меня каждый день». Въ немъ я уже не примѣтилъ и не слыхалъ отъ него, чтò слышалъ въ Москвѣ на счетъ Пансіона. Кажется, жаръ за Университетъ остылъ. Тогда говорилъ онъ, какъ отправлявшій должность директора по нашему департаменту.

Нынѣшній день имѣлъ я счастье быть у министра [4]). Я поднесъ ему книгу трудовъ Общества [5]), послѣ чего болѣе получаса удостоенъ былъ его разговоромъ. Онъ спрашивалъ о васъ кое-что о Пансіонѣ и рекомендовалъ мнѣ побывать въ Лицеѣ. Когда эта сухая матерія о лицеяхъ и пансіонахъ была вся истощена, пригласилъ онъ немногихъ изъ посѣтителей въ церковь свою: В. М. Попова, А. И. Тургенева, князя С. М. Голицына, Р. А. Кошелева, Гогеля, и въ этомъ числѣ избранныхъ и меня.

Вы вѣрно полюбопытствуете, чтó это за церковь? Небольшая, продолговатая, четвероугольная зала, сдѣланная подъ бѣлый мраморъ,

---

[2]) Міръ желаетъ обманывать. Давыдовъ не приводитъ окончанія этой фразы: ergo decipiatur (и такъ будемъ обманывать). П. Б.

[3]) И. И. Мартынову. П. Б.

[4]) Князя А. Н. Голицына. П. Б.

[5]) Общества Любителей Словесности, коего Антонскій былъ предсѣдателемъ. П. Б.

освѣщенная сверху. Свѣтъ проходитъ сквозь выпуклыя стекла янтарнаго цвѣта и проливается на алтарь и церковь. Сіяніе надъ царскими вратами и самые врата, представляющіе лучи отраженные отъ сіянія, производятъ вмѣстѣ съ золотымъ свѣтомъ стекла прекраснѣйшій видъ. Занавѣсъ голубой съ широкимъ малиновымъ крестомъ. Образовъ не болѣе десяти, но живопись высокая. Служитъ одинъ священникъ, поютъ только три ангельскіе голоса, тенора и басъ. Ихъ не видно, они за алтаремъ. Послѣ обѣдни имѣлъ честь еще съ четверть часа провесть съ княземъ въ залѣ; но, уставши отъ тѣснаго мундира и продолжительнаго этикета, принужденъ былъ откланяться и прекратить сладкую бесѣду.

Министръ къ дѣлу нашему, кажется, очень благосклоненъ, но теперь слишкомъ затрудняется. Ему не хочется оскорбить нашего князя и также обидѣть Комитетъ невниманіемъ. Не знаю, какъ онъ соединитъ эти двѣ крайности. Прилагаемыя при этомъ письмѣ антивозраженія служатъ доказательствомъ упорства и удивительнаго эгоизма. Не смотря на то, есть надежда, что присутствіе нашего князя [6]) поправитъ дѣло. Я слышалъ на сторонѣ, что Лаваль узнавалъ о пріѣздѣ князя, отчаяваясь въ успѣхѣ возраженій своихъ. Князь А. П. принимаетъ дѣло Пансіона близко къ сердцу. Послѣ Крещенія будетъ собраніе, которое нарочно отлагалось до пріѣзда попечителя нашего. Мнѣ разсказывали здѣшніе, что подобныя пренія рѣшались однимъ почеркомъ князя А. Н. Такой же навѣтъ былъ на Уварова[7]), за котораго вступился министръ, и Комитетъ безмолвствовалъ. Можно и намъ надѣяться на лучшее.

Князь познакомилъ меня съ домомъ Карамзина. Это благословенное семейство. Вчера мы съ княземъ застали его въ кругу любезнѣйшихъ дочерей его и супруги; она разливала чай, а Н. М. читалъ имъ книгу. Нельзя не полюбить его, однажды послушавши. Все что̀ ни говоритъ онъ, говоритъ съ доброю откровенностью.

Здѣсь для ученой братіи болѣе пищи, нежели въ Москвѣ, болѣе ученыхъ и книгъ. Я абонировался въ богатѣйшей библіотекѣ Графа и за 15-ть р. въ мѣсяцъ пользуюсь безцѣнными сокровищами ума. Въ этой библіотекѣ можно найти все превосходнѣйшее по всѣмъ частямъ наукъ. На слѣдующей недѣлѣ откроется Императорская библіотека.

---

[6]) Т-е. князя Андрея Петровича Оболенскаго, тогда назначеннаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа. П. Б.

[7]) С. С. Уваровъ тогда былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа. П. Б.

Новостей здѣсь слышно гораздо менѣе, нежели въ Москвѣ. Скоро ожидаютъ новаго раздѣленія губерній на области. Правителями областей Москва называетъ Великаго Князя Н. П., принца Виртембергскаго А., кромѣ графовъ и князей. О Фердинандѣ Гишпанскомъ вѣрно и въ Москвѣ слышно; но это несправедливо.

Завтра я отправляюсь въ Царское Село и думаю пробыть тамъ дня два. Съ нетерпѣніемъ желаю видѣть пресловутый Лицей.

Я было забылъ сказать вамъ, что здѣсь Общество наше Л. Р. С. въ большомъ уваженіи. Старые и молодые отдаютъ ему полную справедливость. Никакое, говорятъ, общество не занималось столько разнообразными и вмѣстѣ нужными для языка предметами.—Вѣрно я уже утомилъ васъ разсказами своими. Не видя васъ столько времени, можно ли довольно наговориться? Молю Бога о здоровьѣ вашемъ, мною обожаемый. Душею вамъ преданный Иванъ Давыдовъ.

P. S. Профес. Кошанскій съ сердечнымъ прискорбіемъ изъяснялся мнѣ о холодности и невниманіи вашемъ къ нему и просилъ походатайствовать у васъ книгъ Общества, потому что вы уже двѣ части изволили ему прислать. Не смѣю сказать ни pro, ни contra. Вы лучше меня знаете, чего онъ стоитъ.

3.

С.-Петербургъ, 9 Генваря 1819 г.

Дѣла наши, дражайшій душѣ моей, поправляются. Въ Главномъ Правленіи Училищъ на этихъ дняхъ было засѣданіе, въ которомъ присутствовалъ и нашъ князь. Тутъ слегка говорилъ онъ съ гр. Лавалемъ и архіер. Иннокентіемъ (человѣкомъ весьма умнымъ, можно сказать рѣдкимъ). Въ разсужденіи того, чтобы пансіонерамъ не ходить на лекціи, они почти согласны; а это главная и важнѣйшая статья. Чтò касается до уменьшенія числа предметовъ, князь рѣшается, въ угоду Ученому Комитету, исключить изъ Постановленія Политическую Экономію, Эстетику и Технологію. Первая у здѣшнихъ ученыхъ въ посмѣяніи, вторая въ изгнаніи, а третью почитаютъ ненужною при Натуральной Исторіи и Химіи. По моему мнѣнію, мѣсто отъ этого ничего не теряетъ: честь предложена, отъ убытка Богъ избавилъ. О дядькахъ, думаю, спора не будетъ. Въ этомъ смыслѣ теперь мы готовимъ рѣшительную бумагу для министра.

Нынѣшніе Понедѣльникъ, Вторникъ и Среду пробылъ я въ Лицеѣ. Славны бубны за горами! Тутъ думалъ я увидѣть, услышать, узнать невиданное, неслыханное, незнакомое; но сверхъ ожиданія отъ этого труда я былъ избавленъ.

Директоръ Лицея, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, принялъ меня чрезвычайно ласково. Ему было очень пріятно, что я любопытствовалъ осмотрѣть ихъ заведеніе съ намѣреніемъ подражать имъ. Онъ столько доволенъ былъ просьбою моею, что самъ водилъ меня по всему Лицею, и послѣ ѣздили съ нимъ въ Софію, версты полторы отъ Лицея, гдѣ помѣщенъ ихъ Пансіонъ. Энгельгардтъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, живой, умный, прелюбезный и, что̀ всего въ немъ лучше, совсѣмъ не похожъ на Нѣмца. Служащіе въ Лицеѣ, профессоры и другіе чиновники боятся его, какъ человѣка извѣстнаго Государю и съ большими связями; а воспитанники любятъ его за свободу, какою пользуются они подъ его начальствомъ.

Директоръ Пансіона, профессоръ Нѣмецкой литературы Фонъ-Гауеншильдъ, извѣстный переводчикъ Исторіи Карамзина. Это одинъ изъ ученѣйшихъ въ Лицеѣ, тихій, но sibi in mente [8]) Нѣмецъ. Въ дѣлѣ директора, сколько могъ я замѣтить бесѣдуя съ нимъ, онъ еще самъ не слишкомъ глубокъ, при всѣхъ достоинствахъ профессорства. Не смотря на ученую дикость, онъ обходителенъ.

Инспекторъ Нумерсъ живетъ въ Пансіонѣ, какъ человѣкъ нужный для самого Энгельгардта, а не для мѣста, а нужный по особымъ домашнимъ отношеніямъ. Въ немъ нѣтъ ничего такого, чего ожидаешь или что̀ думаешь найти въ инспекторѣ.

Въ Лицеѣ вы вѣрно предполагаете въ высшей степени чистоту, блескъ. Совсѣмъ напротивъ. Въ тѣ-же самые дни въ Царскомъ Селѣ изволилъ быть Государь; однако въ Лицеѣ какъ будто и не знали этого. Комнаты, занимаемыя залами и классами, были нѣкогда хорошо отдѣланы, но теперь замараны, заставлены изрѣзанными столами и переломанными стульями. Видѣлъ расположеніе спальни дѣтской, раздѣленной на каюты—и съ ужасомъ слышалъ, что̀ тутъ бываетъ. Мнѣ позволено было посидѣть въ классѣ. Въ это время въ высшемъ отдѣленіи былъ Латинской классъ пр. Кошанскаго. Вспоминая Лицейской уставъ, я думалъ услышать тутъ настоящихъ Римлянъ. Но—vanitas vanitatum, et omnia vanitas [9])! Изъ двадцати пяти воспитанниковъ семеро держали Корнелія Непота съ Французскимъ переводомъ; прочіе, казалось мнѣ, съ жалкимъ удивленіемъ смотрѣли на Кошанскаго, которой тщетно доказывалъ имъ пользу латыни. Я любопытствовалъ взглянуть на Рус-

[8]) Себѣ на умѣ.

[9]) Суета суетъ и всяческая суета.

скіе сочиненія и переводы Нашъ князь Одоевскій [10]) здѣсь былъ бы первый. Старшихъ и не смѣю сравнивать. Въ Лицеѣ процвѣтаютъ два класса: Французскій языкъ и Исторія; другіе болѣе или менѣе посредственны. Нѣмецкій языкъ, не смотря на то что начальство Нѣмецкое, какъ и вездѣ, идетъ слабо; пр. Гауеншильдъ объясняетъ урокъ свой на Французскомъ. Во всѣхъ здѣшнихъ заведеніяхъ первый и главный предметъ ученія—языки, только къ сожалѣнію иностранные; Русскій почти забытъ. Энгельгардтъ къ этому прибавляетъ у себя, какъ важнѣйшую науку, пѣніе, танцы и ловкость (dextérité). Онъ говоритъ primum corpus curandum, post corpus mens [11]).

Мнѣ нравится особый духъ Лицейскихъ воспитанниковъ — духъ открытаго, любезнаго и благороднаго характера. Это есть отличительное свойство заведеній, гдѣ молодые люди постоянно, безъ всякаго развлеченія и продолжительно вмѣстѣ занимаются науками. Такого мѣстнаго, можно сказать, характера нельзя видѣть тамъ, гдѣ дѣти живутъ двѣ трети года въ школѣ, а остальную треть ѣздятъ домой забывать выученное и клеветать на свое мѣсто.

Библіотека ихъ лучше нашей; а что̀ въ Лицеѣ, или лучше при Лицеѣ, превосходнѣйшаго—это сады и вода. Съ этой стороны Царскосельскій Лицей совершенно похожъ на древній.

О Пансіонѣ Лицейскомъ и сказать нечего. Энгельгардтъ водилъ меня на кухню, въ прачешную, баню. Это лучше всего. Столовая претѣсная и безобразная. Такихъ залъ, какъ наша столовая и танцовальная, я здѣсь не нахожу въ учебныхъ заведеніяхъ. Во время стола шумъ и крикъ. Я предлагалъ обоимъ директорамъ ввести наше обыкновеніе—заставлять читать за столомъ, и они хотятъ тоже сдѣлать. При этомъ случаѣ Энгельгардтъ сказалъ мнѣ: «у васъ-то и учиться намъ; ваше заведеніе для всѣхъ другихъ—дѣдушка». Надзирателей, какъ въ Лицеѣ, такъ и въ Пансіонѣ, больше, нежели у насъ, и они здѣсь исполняютъ должность свою со всею точностью, отъ того что Царское Село не Москва.

Вотъ что значитъ Лицей, которой желалъ я видѣть съ такимъ нетерпѣніемъ. На дняхъ буду въ Педагогическомъ Институтѣ. Дмитрій Александровичъ Кавелинъ осыпалъ меня привѣтствіями. Онъ держалъ меня въ кабинетѣ своемъ часа три, разсказывая, какъ глубоко вни-

---

[10]) Князь Владимиръ Ѳедоровичъ, извѣстный впослѣдствіи писатель. П. Б.

[11]) Прежде надо заботиться о тѣлѣ, послѣ тѣла объ умѣ.

каетъ онъ въ должность свою, какъ недавно выучился по-англійски и какъ теперь учится по-латыни. На богатомъ и пышномъ бюрѣ его, украшенномъ бюстами писателей и ученыхъ, видѣлъ я Латинскія спряженія: есть надежда, что скоро выучится. Впрочемъ онъ показался мнѣ добрымъ по откровенности и благородному признанію и достоинствъ своихъ, и недостатковъ. Надѣюсь бывать у него.

Наконецъ, познакомился я и съ Гречемъ, заставши его въ Ланкастерской школѣ, о которой послѣ сообщу вамъ замѣченное. Припомните Казанскаго магистра Самсонова, говорившаго все что̀ приходило въ голову—и вы легко представите издателя Сына Отечества. По простой его наружности совсѣмъ нельзя узнать въ немъ грознаго судію, или, какъ онъ самъ себя называетъ, земскаго исправника въ литературѣ. Первый разговоръ со мною началъ онъ съ министровъ, и безъ сомнѣнія вы угадываете, что онъ говорилъ, какъ журналистъ Французскій. Чего-бы не написалъ онъ, кажется, если бы хоть на 24 часа позволена была свобода тисненія. Впрочемъ онъ человѣкъ много знающій, острый и расположенный къ добру. По части литературы онъ, думаю, все читалъ—и все помнитъ. Память у него превѣрная. Мнѣ онъ былъ радъ; распрашивалъ объ Обществѣ и превозносилъ его, называя единственнымъ. Онъ просилъ увѣдомить васъ, что, получивши дипломъ на званіе члена, послалъ письмо, деньги за дипломъ и цѣльный экземпляръ Сына Отечества всего изданія съ однимъ знакомымъ, который долженъ былъ проѣзжать Москву въ Казань и послалъ все это на имя Михайла Трофимовича [12]). Но знакомый его, по встрѣтившимся нечаянно обстоятельствамъ, пролетѣлъ въ Казань, не останавливаясь въ Москвѣ, и былъ причиною того, что Общество сочло Греча спѣсивымъ. Теперь обѣщался онъ приготовить такой же транспортъ со мною.

Князь заботится о ректорствѣ. Вѣрно онъ увѣдомляетъ или увѣдомитъ васъ объ этомъ.

Новостей, кромѣ траура [13]), никакихъ нѣтъ. Въ сладкомъ ожиданіи отъ васъ хоть одной строчки (до сихъ поръ не вижу ни одной, между тѣмъ, какъ съ завистью читалъ письмо къ Попову), въ этой утѣшительной надеждѣ и отрадной желаетъ вамъ, мой ангелъ-хранитель, быть здоровыми

Иванъ Давыдовъ.

---

[12]) Каченовскаго. П. Б.

[13]) По Екатеринѣ Павловнѣ, королевѣ Виртембергской. П. Б.

Дѣло о пенсіи вашей кончено. Вы, думаю, получили копію съ доклада. Слава Богу! Почтеннаго моего товарища И. П. министръ утвердилъ; остается только привести его къ присягѣ. О Шнейдерѣ я справлялся. Оберъ-прокуроръ Столыпинъ самъ мнѣ сказалъ, по сдѣланной справкѣ, что безъ всякаго сомнѣнія дѣло его рѣшится; нужно только терпѣнье, потому что въ Сенатѣ спѣшить не заботятся.

Къ Тургеневу и Покровскому поѣду и самъ вручу имъ письма.

Князь нашъ отъѣзжаетъ 3-го Февраля; а я дерзаю проситься у его сіятельства еще на нѣсколько дней. Я увѣренъ, что вы не будете подозрѣвать меня въ какой-либо измѣнѣ. Меня удерживаетъ на нѣсколько дней здѣшнее братство. Кончивъ предположенное, я поспѣшу къ вамъ, мой ангелъ. По гробъ вамъ преданный Иванъ Давыдовъ.

4.

С.-Петербургъ, 16 Генваря 1819 г.

Спѣшу поздравить васъ, незабвенный мой покровитель, со днемъ вашего Ангела. Молю Бога о вашемъ здоровьѣ. Завидую тѣмъ, которые лично могутъ изъявить вамъ преданность свою, а по моимъ чувствамъ принести вамъ свое сердце. Впрочемъ искренности и вѣрности можетъ ли препятствовать разстояніе?

Дѣла наши въ разсужденіи Пансіона приходятъ къ окончанію. Князь нашъ подалъ мнѣніе, думаю, уже послѣднее, которое княземъ Александромъ Николаевичемъ принято и одобрено.

Вы вѣрно изволили получить прежнее мое письмо, изъ котораго увидите сущность этого мнѣнія. Сегодня князь съ удовольствіемъ говорилъ мнѣ объ успѣхѣ его и прибавилъ, что онъ успѣлъ и Университету сдѣлать услугу, получивъ отъ министра согласіе на утвержденіе васъ ректоромъ на остальные два года съ половиною. Завтра повезетъ съ собою объ этомъ представленіе, которое министръ обѣщалъ прочесть Государю. Я и радуюсь этому, предвидя для Университета много добраго; но вмѣстѣ и сѣтую, предвидя для васъ новыя заботы. Князь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ для всего счастливаго окончанія.

Сегодня мы съ княземъ были на экзаменѣ Педагогическаго Института. Тутъ ничего нѣтъ любопытнаго, кромѣ самого Ува-

рова. Это во всей формѣ ученый, и лучше могъ бы быть профессоромъ, нежели попечителемъ. Пансіонъ Педагогическаго Института въ ужасномъ состояніи: я не нашелъ въ немъ ни устройства, ни порядка, ни чистоты, ни даже опрятности. Были мы съ секретаремъ нашимъ и тамъ на экзаменѣ—и отъ души посмѣялись. Кавелинъ добрый человѣкъ, довольно знающій; но дѣло директорства совсѣмъ не по его способностямъ и силамъ. Теперь остается взглянуть на прославляемый Пансіонъ барона Шабо, о которомъ Conservateur Impartial говоритъ какъ serviteur partial [14]).

Петербургъ теперь въ глубокомъ траурѣ. Въ разсужденіи поѣздки двора въ Москву здѣсь и не говорятъ. Здѣсь намекаютъ еще о многихъ непріятностяхъ; но только, по закону молчанія, все скрытно.

По дѣлу Шнейдера постараюсь побывать у знакомаго вамъ оберъ-секретаря. Я и прежде узнавалъ о его дѣлѣ; мнѣ сказывали, что оно безъ сомнѣнія рѣшится въ его пользу—только нужно терпѣніе.

Вы изволите писать о прибавкѣ оклада пансіонеровъ. Теперь не лучше-ли оставить, какъ сказано въ Постановленіи; потому что дѣло на ходу, и всякое новое представленіе можетъ только помѣшать ему. Эта статья, смотря по обстоятельствамъ, можетъ перемѣняться; и послѣ легче сдѣлать такую перемѣну, нежели теперь.

Завтра я обѣдаю у Греча и вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ членомъ нашего Общества, будемъ пить за здоровье дорогаго президента. Я не часто хожу къ нему, боясь, чтобъ онъ не соблазнилъ меня ѣхать въ чужіе края, тогда какъ я съ нетерпѣніемъ ожидаю поры воротиться къ вамъ, мой ангелъ.

По гробъ вамъ вѣрный Иванъ Давыдовъ.

Р. С. Актъ нашъ, видно, должно отложить. Если и получимъ скоро Постановленіе, то все еще надобно будетъ ждать привилъ касательно экзаменовъ.

5.

Драгоцѣнное письмо ваше, мой ангелъ, перечитываю съ утѣшительною и сладкой отрадой. Вы принимаете участіе въ томъ человѣкѣ, которой до васъ только по одному имени зналъ священныя названія

---

[14]) Игра словъ: *Безпристрастный Оберегатель* (названіе Французской газеты, которую издавалъ въ Петербургѣ воспитатель Уварова, аббатъ Мангенъ) и *Пристрастный Слуга* (газета издавалась вѣроятно на деньги Уваровскія). П. Б.

покровителя, благодѣянія, бывши отданъ на волю судьбы. Жестокое, но вмѣстѣ и полезное испытаніе: оно дѣлаетъ насъ благодарными, а это чувство неизвѣстно счастливцу.

Князь далъ пріятнѣйшее для меня порученіе увѣдомить васъ, что его желанія исполняются. Докладъ министра о пенсіи вашей Императоръ изволилъ утвердить. Душою объ этомъ радуюсь. Пансіонскія заботы приходятъ къ окончанію. Изъ прежняго письма извѣстны вамъ мысли князя; по нимъ и будетъ. Представленіе о ректорствѣ сдѣлано; князь скоро ожидаетъ рѣшенія. Въ разсужденіи бюста онъ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Тринадцать или болѣе тысячъ, издержанныхъ Университетомъ сверхъ смѣты, по словамъ В. М. Попова, надобно сократить въ девять съ половиною; потому что десятью тысячами можетъ располагать самъ министръ; бо̀льшая сумма переносится въ Комитетъ Министровъ, и онъ только имѣетъ право ею располагать. Очень радъ, что замѣчаніе мое о семейственной жизни автора, всѣми любимаго, обратило вниманіе ваше. Мнѣ она особенно нравится, когда думаю о будущемъ. Вы изволили напоминать о страданіи, какое можетъ встрѣтить супругъ. Но въ блаженствѣ настоящаго можно ли помыслить о бѣдствіи въ будущемъ, и кто станетъ счастье и наслажденіе дружбы отравлять мыслію преждевременной смерти? Друзья не имѣютъ ея; они не думаютъ, чтобъ одинъ изъ нихъ опередилъ кончиною другаго: живучи вмѣстѣ, одною душою, надѣются вмѣстѣ и умереть.

Письмо къ Соколову [15]) лично доставлю; я благодаренъ этому случаю. Рѣчь, которую вы любопытствуете (прочесть), содержитъ много хорошихъ мыслей; но писана, какъ видно, на̀ скоро, и заставляетъ желать, чтобъ ее связать и пополнить.

Претензіи пр. Кошанскаго въ книгахъ. Вы изволили прислать ему двѣ первыя книжки О. Л. Р. С., и съ тѣхъ поръ онъ болѣе не получалъ. А желательно, чтобъ насъ читали въ Лицеѣ.

За милостивую готовность вашу въ разсужденіи финансовъ приношу мою благодарность: нужда и трудъ научили меня умѣренности и ограниченности во всемъ, если этого требуютъ обстоятельства; а умѣренный, вы согласитесь, богаче всѣхъ богачей. Если же вы позволяете просить васъ, то смѣю напомнить вамъ не о финансахъ, а о данномъ вами обѣщаніи. Наши заботы о Постановленіи идутъ благополучно; а за это вы хотѣли заняться постановленіемъ другаго рода.

---

[15]) Петръ Ивановичъ Соколовъ, секретарь Россійской Академіи. П. Б.

Приведите на память вечеръ наканунѣ отъѣзда моего... Эту смѣлость и тайну сердца сорвала съ языка у меня увѣренность въ вашей ко мнѣ добротѣ.

Теперь князь беретъ меня съ собою на торжественное собраніе въ Главный Педагогическій Институтъ, гдѣ будутъ министры и архіереи, всѣ здѣшнія звѣзды и кометы. Завтра побываю въ Институтѣ глухонѣмыхъ. Не смотря на такія новости, которыя доставляютъ много пищи уму, я съ жадностью ожидаю возврата къ мѣсту безцѣнныхъ для меня чувствъ, дабы скорѣе сказать вамъ, мой ангелъ, что я страстно люблю васъ и душею преданъ вамъ.

20 Генв. 1819 г. С.-Петербургъ.

Иванъ Давыдовъ.

P. S. Князь проситъ васъ, когда княгиня Варвара Петровна Щербатова [16]) пришлетъ письма на Высочайшее имя начерно, отдать переписать ихъ почище и послать къ ней для подписанія. Онъ, повторяя эту просьбу, проситъ у васъ извиненія за такую коммиссію.

6.

С.-Петербургъ, 27 Генваря 1819 г.

Драгоцѣнныя письма ваши, мой ангелъ, которыхъ ожидалъ я съ такимъ нетерпѣніемъ, получилъ всѣ къ несказанной радости; если напрасное ожиданіе тягостно для насъ, за то позднее исполненіе желанія несравненно пріятнѣе.

Дѣла Пансіона нашего, гонимаго, можно сказать, судьбою, кончены согласно съ мнѣніемъ князя нашего. Содержаніе же этого мнѣнія, надѣюсь, вы изволили уже получить. Прискорбно только перемѣнять однажды обдуманное; особливо сужу я такъ по своей рѣшительности; а впрочемъ они для насъ дѣлаютъ добро, заставляя убавить изъ списка наукъ нѣкоторыя названія. Non multa, sed multum [17]); довольно, если пансіонеръ, узнавши честнóе да грѣшнóе, узнаетъ хорошо языка два иностранные, безъ которыхъ нынѣ ни военный, ни статскій ни шагу не сдѣлаетъ по службѣ. Въ школѣ нельзя имѣть глубокихъ ученыхъ; нужно доставить средства, съ которыми всякій, смотря по обстоятельствамъ, пріобрѣтаетъ то или другое, болѣе или менѣе. Теперь остаются въ

---

[16]) Сестра попечителя князя А. П. Оболенскаго (мать Екатерины Александровны Свербеевой). П. Б.

[17]) Не многое, а много.

Постановленіи нашемъ однѣ переписки, а прѣнія утихли, бѣда миновалась, и толковъ больше не будетъ. Главная мысль, быть ученью въ Пансіонѣ, на нашей сторонѣ. Мыслящіе люди, которыхъ здѣсь, благодаря Провидѣнію, больше нежели въ боязливой Москвѣ, удивляются не только тому, что мы до сихъ поръ въ тяжбѣ, но и тому, что вмѣстѣ съ нами сравненъ Педагогической Пансіонъ. Смотря на порядокъ и ходъ дѣлъ человѣческихъ, совершенно убѣждаюсь, что всякому для успѣха во всемъ надобно быть смѣлымъ Цезаремъ и имѣть девизомъ счастья: veni, vidi, vici [18]).

Ученый Комитетъ, наконецъ, рѣшилъ и способъ экзаменовъ по балотированію, который намъ будетъ присланъ. Мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ блистательныхъ людей сказалъ, удивляясь мудрости и дальновидности этого способа: L'inspecteur à présent sera juste, comme une divinité [19]). Каково же было слышать инспектору! И для нашей братіи созванъ былъ соборъ изъ пяти толковниковъ.

Желательно было получить мѣсту новое имя (потому что нынѣ все новое любятъ; но, видно, останется при старомъ. Пріятно однако слышать, что и старое названіе стало какъ бы техническимъ, сдѣлавшись отчасти государственнымъ. Здѣсь обыкновенно, считая учебныя заведенія, послѣ Университета, Лицея, Педагогическаго Института, называютъ Пансіоны: Университетской, Лицейской, Институтской. За ними говорятъ о корпусахъ, гимназіяхъ; о Ярославскомъ же училищѣ изъ здѣшнихъ никто и не знаетъ.

Вы изволите упоминать о сужденіи воспитанниковъ на счетъ связей Пансіона съ Университетомъ. Кстати скажу, что и я отъ прежнихъ слышу здѣсь тоже самое. Софановичъ, какъ добрый резонёръ, сказалъ, что посѣщеніе лекцій есть совершенная пагуба и первый шагъ къ великому злу.

На дняхъ были мы съ княземъ въ Гимназіи. Въ этомъ должно отдать честь Петербургскому округу: она, какъ говорятъ, dans son assiette [20]). Правда, нѣтъ должной чистоты, опрятности, которая здѣсь только на улицахъ; но ученіе идетъ въ порядкѣ. Мы были во время Латинскихъ классовъ; съ позволенія ученаго Уварова, экзаменовалъ я одного изъ питомцевъ, который отвѣчалъ мнѣ на Латинскомъ сверхъ моего ожиданія. Въ нижнихъ классахъ введена метода не Лан-

---

[18]) Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

[19]) Инспекторъ теперь будетъ справедливъ какъ божество.

[20]) Въ своемъ положеніи.

кастерскаго (взаимнаго обученія), а Пестолоцціева, или метода обученія совокупнаго: учительской урокъ повторяетъ цѣлый классъ въ одинъ голосъ и однимъ тономъ. На первый разъ странно слышать; но это имѣетъ свою пользу, безъ сомнѣнія при доброй дисциплинѣ, которой, по моему замѣчанію, нѣтъ ни въ одномъ изъ здѣшнихъ заведеній, кромѣ военной Ланкастерской.

На счетъ духа мѣста воспитанія, я никакъ не думалъ потушать любовь къ родителямъ (она непогасима); но вливать любовь и къ воспитанію, къ людямъ о немъ пекущимся, къ симъ вторымъ родителямъ— это предметъ не недостойный. Что́ можетъ болѣе наградить воспитателя или профессора, какъ отзывъ умнаго и благороднаго гражданина, когда онъ съ гордостью скажетъ: я питомецъ такого-то! Одинъ этотъ bonus genius [21]) оживляетъ Езуитовъ, какъ мнѣ сказывалъ Экс-Езуитъ.

Прошло четыре года. Возобладалъ Магницкій, и благонамѣренный профессоръ очутился въ подозрѣніи, опасался утратить мѣсто и снова долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. П. Б.

7.

1823 г., 11 Января (С.-Петербургъ).

Съ 7-го Января я уже въ Петербургѣ, потому что въ Твери пробылъ одни только сутки, надѣясь болѣе погостить на возвратномъ пути. Съ 8-го уже мыкаюсь съ визитами. На первый разъ стелютъ мягко; каково-то спать будетъ? Директоръ Департамента принялъ очень ласково и самъ вызвался предувѣдомить обо мнѣ князя-министра. Дѣйствительно, на другой же день, въ назначенный часъ, когда явился я къ министру, немедленно былъ имъ принятъ чрезвычайно благосклонно. Сверхъ ожиданія моего онъ удостоилъ меня бесѣдою около цѣлаго часа. Разговоръ былъ о Пансіонѣ, разумѣется, и о странной молвѣ объ Университетѣ нашемъ и объ исторіи Университета Петербургскаго. Въ это время никто не былъ къ нему допущенъ; онъ всѣмъ отказывалъ.

Видя столь милостивый пріемъ его, рѣшился я говорить съ нимъ о главномъ предметѣ моемъ—о каѳедрѣ философіи. Между прочимъ, касательно меня собственно, онъ сказалъ: «Будьте увѣрены, что я не имѣю и не имѣлъ никакого подозрѣнія. Въ человѣкѣ искушенномъ мы не будемъ имѣть сомнѣнія». Отблагодаривъ его за всѣ и прежнія милости, раскланялся. Тутъ пригласилъ онъ меня въ свою церковь, сказавъ: «Мы еще и прежде увидимся въ Академіи; вѣрно будете въ торжественномъ ея собраніи».

---

[21]) Добрый геній.

Съ словами: «чрезвычайно бы желательно», мы разстались.

Письмо ваше Кавелину вручилъ лично; онъ познакомитъ меня съ Казанскимъ попечителемъ [22]). По приглашенію его былъ на испытаніяхъ университетскихъ. Въ этотъ разъ не было ни его, ни попечителя здѣшняго; присутствовалъ одинъ ректоръ Зябловскій; онъ же и испытывалъ изъ своего предмета. Не стало терпѣнія пробыть болѣе четверти часа... На слѣдующей недѣлѣ сбираюсь въ Лицей и его Пансіонъ.

Жуковскаго до сихъ поръ еще не видалъ, потому что придворныхъ заставать дома трудно.

8.

1823 г. 29 Января (С.-Петербургъ).

До сей поры не писалъ я къ вамъ по той причинѣ, что ожидалъ рѣшительнаго отвѣта министра. Касательно же Академіи Павелъ Петровичъ Свининъ, съ которымъ мы вмѣстѣ были, взялъ съ меня слово, чтобы не писать къ вамъ, а предоставить ему это удовольствіе.

Прежде всего спѣшу извѣстить васъ, что пансіонеры наши, назначенные къ выпуску, всѣ утверждены. Вотъ первый знакъ вниманія и любви къ намъ!

О перемѣщеніи меня на другую каѳедру тогда же попечитель докладывалъ министру; но я не столько счастливъ, какъ пансіонеры. Мнѣ назначено написать начертаніе философскихъ лекцій, которое князь нашъ представитъ министру; потомъ это начертаніе перейдетъ въ Ученый Комитетъ, и тамъ рѣшено будетъ. Надобно быть дѣйствительно фанатикомъ, чтобы все это перенести и выдержать всѣ мытарства. Но такъ и быть! Для сего необходимо представленіе Совѣта обо мнѣ попечителю, сдѣланное по избраніи меня на каѳедру философіи въ 1821 году; по крайней мѣрѣ, нужны число, мѣсяцъ и годъ съ нумеромъ этой бумаги, чтобы сослаться на нее при представленіи министру конспекта, который я изготовлю на нынѣшней недѣлѣ. Сверхъ этого, князь нашъ проситъ васъ поспѣшить прислать ему нужныя бумаги по типографіи и о минеральномъ кабинетѣ, которой предполагается купить для Университета и Пансіона.

Что касается до просрочки моей, то князь позволилъ оставаться мнѣ здѣсь съ собою, говорилъ, что не будетъ писать объ этомъ; но если законы Правленія нынче такъ строги, что не смотрятъ на воль-

---

[22]) Т.-е. съ Магницкимъ. П. Б.

ное и невольное отсутствіе, то я доложу князю и попрошу о бумагѣ. Классъ мой въ Пансіонѣ надобно будетъ поручить или попросить Шлецера, чтобы онъ взялъ его на себя, а въ Университетѣ, по законамъ, одинъ или два дня можетъ занимать всѣхъ студентовъ адъюнктъ. Если же Шлецеръ все нездоровъ, то адъюнктъ мой согласенъ и въ Пансіонѣ занять классъ.

Изъ здѣшнихъ заведеній видѣлъ я пансіонъ при Университетѣ: онъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Былъ съ Воейковымъ въ Артилерійскомъ училищѣ, и Шнейдеръ показывалъ мнѣ вновь переучрежденную гимназію. Тутъ нашелъ я вещи, которыя можно перенять.

9.

1823 г. 6 Февраля (С.-Петербургъ).

Я уже окончилъ извѣстный, заданный мнѣ урокъ — конспектъ. Въ немъ помѣщено подробнѣйшее обозрѣніе всѣхъ предметовъ философіи въ томъ порядкѣ, въ какомъ должно слѣдовать за наукою въ продолженіе цѣлаго курса. Очень благодаренъ за мысль о назначеніи мнѣ этого труда, потому что имѣю случай показать свой образъ мыслей и убѣдить, что мы далеки и чужды карбонарства и всѣхъ ужасовъ, какіе растроенное воображеніе изобрѣсти можетъ. Въ нынѣшній Четвергъ князь представитъ его въ Главное Правленіе Училищъ. Надѣюсь, что останутся, или по крайней мѣрѣ должны остаться, довольными. Объ отсрочкѣ моей вы вѣрно уже получили отъ князя бумагу. Позволенія этого я не употреблю во зло; нѣсколько сбросивъ съ себя бремя неизвѣстности, сомнѣній и проч., немедленно отправлюсь изъ Питера. О Перотти, къ сожалѣнью, представленіе министра внесено въ Сенатъ 27 Сентября 1822 года, подъ № 2863. Бываю здѣсь у Василія Михайловича Попова. Онъ принимаетъ меня ласково и честитъ долгою бесѣдою. Сегодня буду у графа Лаваля говорить о любомудріи. Руничъ приглашалъ меня въ нынѣшнюю Пятницу, намѣренъ показать гимназію свою, которую я уже видѣлъ. Къ Магницкому едва ли соберусь.

Новостей нѣтъ никакихъ. Всѣ удивляются тому, что все тихо и безмолвно. Нѣтъ никакихъ ни перемѣнъ по службѣ, ни вознагражденій, кромѣ служащихъ у графа Аракчеева. Между нашими знакомыми новость случилась только съ Остолоповымъ. Онъ болѣе не будетъ редакторомъ журнала, и самаго журнала не будетъ. Оффиціальныя статьи его пріобщаются къ Сѣверному Архиву, котораго издатель будетъ въ качествѣ издателя департаментскаго журнала, продолжая свой на преж-

немъ основаніи. Князь нашъ вѣрно извѣщалъ васъ о самомъ лестномъ отзывѣ Великаго Князя Николая Павловича о нашемъ Университетѣ и Пансіонѣ. Глаголево разсужденіе, за которое я выдерживалъ оппозицію и противъ профессоровъ и посторонних, чрезвычайно нравится Ученому Комитету. Письмо отъ Свиньина безъ сомнѣнія вы уже изволили получить касательно Академіи. Увѣренъ, что вы въ томъ же мѣстѣ остались недовольны, о которомъ я сначала ему говорилъ— именно, онъ не сказалъ, что почтеннѣйшій Василій Андреевичъ [23]) воспитывался въ Пансіонѣ.

Михайла Леонтіевичъ наконецъ меня принялъ, удостоилъ продолжительною бесѣдою, и послѣ того еще я былъ у него.. Показывалъ мнѣ по особенному расположенію своему исчерченную всю Логику мою въ нѣсколькихъ экземплярахъ; я просилъ замѣчаній, для разсмотрѣнія на домъ; получивъ это позволеніе, нѣсколько разъ перечитывалъ жалкую и несчастную книжку свою. При возвращеніи ему замѣчаній, я благодарилъ и сказалъ, что воспользуюсь ими и тѣмъ болѣе, что я самъ недоволенъ теперь этой книгой. Въ этотъ разъ онъ былъ занятъ и не имѣлъ времени для меня; а приглашалъ придти въ другой день. Кажется, что Логика моя подойдетъ подъ общее всепрощеніе и забвеніе.

Дмитрій ПавловичъРуничъ [24]) принимаетъ меня очень благосклонно. Третьяго дня ѣздилъ съ нимъ въ Университетъ, гдѣ выпускаемые студенты читали разсужденія свои. Въ этотъ разъ читаны были разсужденія изъ класса философіи и математики. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я сдѣлалъ какія-либо возраженія. Въ угоду ему возражалъ я; но здѣшніе профессоры при немъ никто ни слова. Такимъ образомъ осмотрѣлъ своими глазами все, что̀ нужно и всѣхъ, кого надобно. Пора поворачивать домой. Въ Воскресенье откланяюсь министру; потомъ дня два на прощальные визиты, день на приготовленія къ дорогѣ и въ Четвергъ (22 Февр.) съ помощью Божіей выѣду. Въ Твери необходимо пробыть дня три, такъ что на масляницѣ въ Субботу хочется быть на мѣстѣ.

P. S. Николай Михайловичъ Карамзинъ проситъ всегда свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Бесѣда съ этимъ человѣкомъ утѣшительна, и весь сонмъ здѣшнихъ литераторовъ предъ нимъ долженъ безмолвствовать. Первокласные какъ-то: Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ его уважаютъ, не говоря уже о Воейковѣ и Свиньинѣ. Противная партія незначущая, со включеніемъ и Полярной Звѣзды. Сбираюсь еще побывать у Шишкова и Сперанскаго.

---

[23]) Жуковскій. П. Б.

[24]) Преемникъ С. С. Уварова. П. Б.

Черезъ два года послѣ предъидущихъ писемъ, уже въ министерство А. С. Шишкова. П. Б.

10.

Спѣшу увѣдомить васъ о приключеніяхъ со мною въ первые дни по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Прежде всего мнѣ нужно было узнать сущность моего дѣла, ходъ его, а потомъ уже и направленіе. Хозяинъ мой, у котораго я остановился, знакомъ съ письмоводителемъ Главнаго Правленія Училищъ; пригласилъ его къ себѣ на вечеръ вмѣстѣ со всѣми бумагами процесса моего, съ тѣмъ чтобы, прочитавъ, сообщить мнѣ въ Москву о важнѣйшемъ. Такимъ образомъ я, сидя въ другой комнатѣ, слышалъ читанный цѣлый актъ о себѣ съ нѣкоторыми дополненіями и объясненіями письмоводителя, который, не подозрѣвая даже того, что виновный находился за дверью, распространялся объ этомъ предметѣ съ любопытною для меня подробностью. Вотъ главное содержаніе этихъ бумагъ. Конспектъ мой, разсмотрѣнный графомъ Лавалемъ, былъ одобренъ въ Ученомъ Комитетѣ, гдѣ и сдѣлано опредѣленіе: предоставить мнѣ каѳедру философіи, согласно съ представленіемъ Университета и попечителя. Но въ Главномъ Правленіи Училищъ Казанскій попечитель объявилъ, что онъ имѣетъ письменно сообщить мнѣніе свое о сочинителѣ конспекта, и потому дѣло было отложено. По поводу новаго представленія, сдѣланнаго попечителемъ нашимъ, въ особенности же по поводу рѣчи министра, внесъ Казанскій попечитель обѣщанное мнѣніе свое, состоящее въ *замѣчаніяхъ* на мою Логику. Отъ этого вопросъ о конспектѣ и перемѣщеніи на каѳедру обратился въ вопросъ о Логикѣ. Что̀ касается до замѣчаній, они состоятъ изъ обвиненія двоякаго: вопервыхъ, обличается авторъ, какъ клевретъ Шеллинга, въ атеизмѣ и иллюминатизмѣ; вовторыхъ, доказывается нелѣпость самаго ученія, будто бы совершенно новаго, тогда какъ вся книга, кромѣ введенія и предисловія, есть перечень Локка и Кондильяка. По прочтеніи замѣчаній, опредѣлено въ Главномъ Правленіи Училищъ сдѣлать изъ нихъ выписку и доставить каждому члену на разсмотрѣніе. Вотъ сущность и ходъ дѣла моего; остается узнать направленіе.

Чтобы познакомиться со всѣмъ современнымъ въ городѣ и получить свѣдѣнія о нужныхъ мнѣ лицахъ, на другой день, побывавъ въ Казанскомъ соборѣ, отправился я къ источнику Отечественныхъ Записокъ, Свиньину. Отсюда поѣхалъ къ Родіону Александровичу съ посылкою отъ нашего князя. Сверхъ ожиданія моего, онъ меня принялъ съ чрезвычайною благосклонностью, говорилъ много лестнаго для меня въ мою пользу, самъ предложилъ предупредить обо мнѣ князя Александра Николаевича, даже просить его въ случаѣ нужды и велѣлъ бывать у себя. Потомъ явился я къ графу Лавалю, чтобы поблагодарить

его за отзывъ о конспектѣ. Онъ уже не участвуетъ въ Ученомъ Комитетѣ и сказалъ, чтобы отнестись къ Руничу, Фусу и Крузенштерну. Дѣйствительно, я немедленно пустился къ Руничу; онъ назначилъ мнѣ вечеръ. Вечеромъ онъ принялъ меня очень ласково, даже рекомендовалъ меня женѣ своей, долго бесѣдовалъ со мною, увѣряя, что онъ не будетъ противъ меня.

На другой день поспѣшилъ я представиться къ князю Александру Николаевичу. Онъ осыпалъ меня милостивыми привѣтствіями и благосклоннымъ участіемъ въ моемъ дѣлѣ, утѣшалъ, совѣтовалъ великодушно переносить все гоненіе, и потомъ сказалъ, что, въ случаѣ крайности, поищетъ пріюта. Всѣмъ этимъ я почитаю себя обязаннымъ незабвенному начальнику нашему, князю Андрею Петровичу.

Наконецъ, должно было явиться къ А. С. Ш. Послѣ милостивыхъ привѣтствій прежняго начальника, пріемъ А. С. показался мнѣ ужаснымъ: такъ сильно онъ вооруженъ противъ меня. Разскажу вамъ то, что̀ припомню изъ нашего разговора. Вручивши ему письмо отъ князя, я поднесъ книгу свою. «Это вашихъ трудовъ? спросилъ онъ.—Моихъ, отвѣчалъ я. Долго молча, перелистывалъ онъ книгу; потомъ началъ разговоръ.

Онъ. Чему вы теперь учите?

Я. Въ Университетѣ Латинской словесности, а въ Пансіонѣ Чистой математикѣ.

Онъ. А Философіи *вашей* не учите?

Я. Не учу, а именно ищу того, чтобъ учить философіи.

Онъ. Я люблю правду и скажу откровенно, что въ послѣдніе годы книги философскія наполнились развратительными и пагубными мыслями. Вольно было равнодушно смотрѣть на это прежнему начальнику; но я не снесу и не попущу этого. Отечеству нужны люди съ чистою нравственностію, вѣрою въ Бога и вѣрностью къ Государю.

Я. Ужели изъ мнѣній, съ которыми мы несогласны, можно дѣлать ужасныя заключенія о безвѣріи и вольнодумствѣ автора? Мы непримѣтно увлекаемся духомъ времени.

Онъ. Какое мнѣ дѣло до духа времени? Я слѣдую своему разсудку. Въ разсужденіи профессоровъ, въ книгахъ которыхъ отыскиваются вредныя мысли, я такого мнѣнія, то ежели они излагали ихъ по тетрадямъ, то достойны Сибири и каторжной работы; ежели печатали, и

правительство одобряло ихъ, то конечно они заслуживаютъ снисхожденія.

Тутъ вошелъ новый проситель и перебилъ разговоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я послѣ явился.

Теперь ясно видны злоумышленія, и вмѣстѣ необходимость пріѣзда моего сюда. Предвидѣть хорошаго нельзя, и надобно помышлять о перемѣнѣ оливы Минервиной на вѣсы Ѳемиды, если не на мечъ Марсовъ.

Поручаю себя вашей любви, мой другъ и благодѣтель.

1825, Февраля 19.
С.-Петербургъ.

11.

1825 г. 25 Февраля (С.-Петербургъ).

Поздравляю васъ съ прежнимъ начальникомъ: Государь Императоръ вторично изъявилъ министру волю свою, чтобы у насъ оставался князь нашъ и утвердилъ представленіе его о пенсіяхъ Третьякову и Персону. Здѣсь этому радуются всѣ тѣ, которые знаютъ бореніе двухъ извѣстныхъ сторонъ. Теперь безъ всякаго сомнѣнія и всѣ желанія нашего князя исполнятся. Чтó касается до меня, то послѣ суроваго пріема, о которомъ я писалъ къ вамъ, я уже думалъ на кораблѣ моемъ поднять паруса и пуститься въ новое море; но вчерашнее извѣстіе о князѣ остановило исканія мои по другимъ службамъ на нѣсколько времени. Нужно было еще узнать мнѣніе министра. Являюсь къ нему вчера; докладываютъ обо мнѣ; немедленно зоветъ меня къ себѣ и, сверхъ ожиданія моего, совершенно противно прежнему, благосклонно и ласково встрѣчая, спрашиваетъ: «чтò вы подѣлываете?»

— «Ожидалъ, отвѣчаю я, нынѣшняго дня, чтобы вамъ представиться». Вотъ продолженіе нашей бесѣды.

Я. Я пришелъ просить васъ о двухъ милостяхъ: если могу надѣяться на полученіе каѳедры, для которой я оставался до сихъ поръ въ Университетѣ, то позвольте мнѣ оправдать себя предъ вами. Я представлю вамъ книгу исправнѣйшую той, которая сдѣлалась виною моего обвиненія. Если же клевета и злоба представляютъ меня опаснымъ на томъ поприщѣ, на которомъ уже половину жизни нахожусь, то прошу у васъ увольненія; я послѣдую за судьбой.

Онъ. Мнѣ кажется, что это можно соединить въ одно. Книгу вы представьте, а на мѣстѣ своемъ оставайтесь и съ поприща своего не сходите. Будьте увѣрены, что я молвы не слушаюсь; вопреки клеветѣ, я слышу объ васъ отзывы самые лучшіе.

Я. Я нарочно пріѣхалъ, чтобъ представиться вамъ и свидѣтельствовать лично ваше о себѣ мнѣніе, которое я цѣню слишкомъ высоко. Теперь слова ваши и такое привѣтствіе меня успокаиваютъ.

Отъ этого онъ дѣлаетъ переходъ къ своей рѣчи, произнесенной въ Главномъ Правленіи Училища, показываетъ отзывъ о ней одного Нѣмецкаго профессора и это мѣсто изъ Нѣмецкаго письма заставляетъ читать вслухъ.

Потомъ говорилъ я о Разсужденіи его о старомъ и новомъ слогѣ и Академическихъ Извѣстіяхъ. Послѣднее изъ нихъ онъ показываетъ мнѣ, перечитываетъ со мною; я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія, онъ выслушиваетъ и опять продолжаетъ. Такимъ образомъ я пробылъ у него въ кабинетѣ ровно два часа съ половиною. Въ продолженіе сего времени входилъ директоръ, докладывая, что многіе просители дожидаютъ. «Пусть подождутъ», отвѣчалъ онъ дважды и снова занимался со мною. Отпуская, велѣлъ передъ отъѣздомъ въ Москву побывать у себя.

Не входя въ человѣческія причины этой перемѣны, приписываю все Провидѣнію, защищающему сторону правую.

Теперь остается пробудить дѣло мое о конспектѣ такъ, чтобъ оно не мѣшалось съ изслѣдованіемъ Логики. Объ этомъ просилъ я управляющаго Департаментомъ. Онъ обѣщалъ на этой недѣлѣ вникнуть въ это дѣло. Посмотрю что̀ будетъ.

Еще разскажу вамъ забавное приключеніе съ собою. Въ нынѣшнее Воскресенье обѣдалъ я у Егора Васильевича. Онъ пригласилъ меня съ собою въ Общество Минералогическое, праздновавшее день своего учрежденія. Тутъ занялъ я мѣсто возлѣ издателя Сибирскаго Вѣстника [25]), чтобъ отъ него узнать о всѣхъ лицахъ (потому что онъ дѣйствительно рѣдкаго не знаетъ). Зала, очень маленькая, скоро вся наполнилась, и скоро всѣ мѣста были заняты. Является Казанскій попечитель и, не желая стоять, подходитъ къ моему сосѣду, съ которымъ знако̀мъ, проситъ у него мѣста, и я вдругъ очутился возлѣ своего Туберона [26])! Легко представить, каково мнѣ сидѣть было и какъ я раскаивался, что поѣхалъ въ собраніе. Отъ этого почти ничего не слыхалъ, что̀ было читано. Впрочемъ, славны бубны за горами.

До сихъ поръ занятъ былъ я судебнымъ дѣломъ и потому ни одного вечера еще не проводилъ въ ученомъ кругу. Въ Четвергъ начну съ Горнаго Корпуса. Егоръ Васильевичъ позволилъ осмотрѣть мнѣ все въ немъ.

---

[25]) Издателемъ Сибирскаго Вѣстника былъ Григорій Ивановичъ Спасскій, съ 1818 по 1825 годъ, 28 частей. П. Б.

[26]) Туберонъ—Римскій юрисконсультъ, противникъ Цицерона. П. Б.

На дняхъ увижусь съ Жуковскимъ, а Воейкова уже видѣлъ. Вы говорите, что послѣдній любитъ кричать за правду: это только у себя дома. Всего лучше надѣяться на чистоту собственную. Въ Воскресенье у обѣдни я былъ въ церкви князя Александра Николаевича, а отъ него посѣщалъ Родіона Александровича Кошелева.

*

Слѣдующее писано уже въ новое царствованіе. П. Б.

12.

(С.-Петербургъ) 1826 года, 9 Февраля.

Наконецъ, послѣ долгаго и тягостнаго молчанія, еще въ первый разъ имѣю удовольствіе писать къ вамъ. Новости здѣшнія и безъ меня вамъ извѣстны; а мои дѣла до сихъ поръ не двигались съ мѣста. Теперь, кажется, изъ состраданія къ трехлѣтнему мытарству, утверждаютъ меня на каѳедрѣ, согласно съ представленіемъ попечителя, съ предписаніемъ, чтобъ философскія чтенія были подъ особеннымъ его наблюденіемъ. Курсъ ограничивается Исторіей Философіи и Логикою. Отъ меня велѣно отобрать свѣдѣніе, по какимъ книгамъ буду я преподавать сіи предметы. Предувѣдомляю объ этомъ Александра Александровича [27]), дабы послѣ чтенія не были остановлены отбираніемъ свѣдѣній о книгахъ. Я прошу его п—во отнестись къ министру съ тѣмъ, что онъ самъ назначаетъ мнѣ писателей. А съ своей стороны предлагаю ему для логики Карпе, котораго курсъ принятъ въ духовныхъ академіяхъ, а для исторіи философіи Дежерандо, одобреннаго правительствомъ Французскимъ. Впрочемъ все отдаю на его волю. Такимъ образомъ, достигая цѣли своей, хотя съ излишнимъ ограниченіемъ, рѣшился я принять и это предложеніе. Въ случаѣ необходимости, думалъ я перемѣнить мѣсто лучше по собственной волѣ, нежели по принужденію, какого бы оно ни было рода. (Здѣсь принужденіе раздѣляется на различные классы). Притомъ обвинитель мой положилъ порядочное пятно: осуждая книгу на истребленіе, сочинителя предлагалъ онъ удалить отъ службы. Покойный академикъ Фуссъ и большая часть членовъ училищнаго правленія подали голосъ о книгѣ такой точно, какой бы подалъ и самъ сочинитель. О личностѣ же моей никто не былъ на сторонѣ доносителя. Не смотря на это, сей необыкновенный процессъ сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на многихъ въ разсужденіи несчастнаго обвиненнаго. Утвержденіе нынѣшнее поправитъ мнѣніе, а время обнаружитъ несправедливость совершенно. Кромѣ необходимости возстановленія мнѣнія, не колебался я согласиться на возвращеніе въ Москву и потому, что тяжело вдругъ разстаться съ привычными занятіями. А люди? Важность этого чувству-

[27]) Писарева, новаго попечителя Московскаго учебнаго округа. П. Б.

ешь въ чужомъ мѣстѣ. При всемъ этомъ, когда дѣло совсѣмъ уладится и пошлется къ попечителю, я намѣренъ побывать у Николая Назарьевича [28]), какъ я и говорилъ вамъ передъ отъѣздомъ.

Касательно путешествія моего въ чужіе края докладывано было отъ Комитета Министровъ Государю Императору Его Величество изволилъ повелѣть, чтобы о семъ дѣлѣ доложилъ министръ самъ. Узнавъ объ этомъ, я просилъ министра чрезъ письмо къ директору дѣло мое въ разсужденіи чужихъ краевъ остановить, объясняя, что я, въ случаѣ утвержденія меня на каѳедрѣ, отлагаю мое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что при новомъ Монархѣ не дерзаю начать служеніе мое позже другихъ соотечественниковъ. Изъ этого очевидно, какъ полезенъ пріѣздъ мой сюда.

Что касается до вашего дѣла, то, послѣ многихъ изысканій чрезъ посредство Поспѣлова, служащаго въ Комитетѣ Министровъ, и Свиньина, со всѣми въ городѣ знакомаго, узнали мы, что необходимо его возобновить изъ Москвы. «О люди, я не узнаю васъ!».... скажетъ всякой добросовѣстный и просвѣщенный, вышедшій изъ кабинета на сцену профановъ. Мнѣ позвольте еще нѣсколько здѣсь остаться, о чемъ я прошу и Александра Александровича. Этого требуютъ окончательное наблюденіе и *хожденіе* за своимъ дѣломъ. Нужно еще кой съ кѣмъ повидаться; потому что до сихъ поръ благоразуміе требовало большею частію сидѣть дома за интегральнымъ исчисленіемъ, а по вечерамъ иногда являться въ Англійскомъ клубѣ. Желательно также встрѣтить священную гробницу Августѣйшаго Покойника. У Егора Васильевича я дважды обѣдалъ: онъ по прежнему добръ и ласковъ къ прежнимъ знакомымъ.

13.

1826 г. 19 Февраля.

Благополучное окончаніе моего дѣла и дѣла пансіонеровъ уже вамъ извѣстно. О послѣднемъ мнѣ нельзя было писать прежде оффиціальнаго увѣдомленія. Признаюсь, что утвержденіе воспитанниковъ, согласно съ моимъ голосомъ (почти совершенно), радуетъ меня болѣе каѳедры. Особенно неожиданное рѣшеніе участи непіестилѣтнихъ. Такъто кончатся навѣты всякой несправедливости! Прежде всего спѣшу сообщить вамъ свѣдѣніе, до васъ касающееся. Василій Андреевичъ [29]), принимающій во всемъ вашемъ искреннее участіе, еще освѣдомлялся въ Комитетѣ Министровъ и снова говорилъ съ министромъ просвѣщенія. Вотъ что ему было написано по справкѣ: «Прокоповичъ-Антонскій

[28]) Муравьева, который правилъ канцеляріею графа Аракчеева, еще не уволеннаго. П. Б.

[29]) Жуковскій, который, воспитываясь въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, пользовался особеннымъ покровительствомъ Прокоповича-Антонскаго. П. Б.

«представленъ былъ къ наградѣ, въ числѣ немногихъ отличнѣйшихъ «чиновниковъ, еще бывшимъ министромъ; но представленіе сіе не-«извѣстно куда дѣлось изъ Комитета. По докладу Александра Семено-«вича о семъ дѣлѣ, Государь Императоръ повелѣлъ нынѣ внести о «нихъ новое представленіе въ Комитетъ Министровъ».

Теперь, слава Богу, можно надѣяться, что дѣло наконецъ совершится, и безъ всякаго сомнѣнія скоро; потому что нынѣ представленія не замедляются.

Касательно себя писалъ я къ Александру Александровичу, благодаря его и прося объ улучшеніи общественнаго мнѣнія, клеветою и доносами поврежденнаго. Терновые вѣнки, свидѣтельствующіе невинныя страданія, также славны, какъ и лавровые. Если правосудіе говоритъ, что лучше простить одного виновнаго, чѣмъ наказать десятерыхъ невинныхъ: то, по его же внушенію, награждая десятерыхъ трудившихся, не должно забывать одного и трудившагося, и искушеннаго. Притомъ, ужели не обратится вниманіе на то, что иной едва исполняетъ свое дѣло, а другому Богъ помогаетъ замѣнять многихъ? Думаю, что утвержденіе меня на каѳедру уже поступило въ Совѣтъ и что по сему случаю сдѣланы нужныя распоряженія касательно назначенія мнѣ преемника и въ разсужденіи настоящей моей лекціи. Предполагая открыть ее, предположено ли устроить аудиторію, гдѣ помѣщались бы три отдѣленія? Придется просить залу у Пансіона, пока Университетъ не имѣетъ своей. Взаимность сихъ заведеній и благоприличіе это допускаютъ.

Съ величайшимъ сожалѣніемъ узналъ я, что почтеннѣйшій Димитрій Матвѣевичъ [30]) оставилъ Пансіонъ. Жаль этого и въ отношеніи къ нему, и въ отношеніи къ Пансіону. Впрочемъ изъ этого ясно видно, что Математика сама по себѣ прекрасна; въ человѣкѣ же она имѣетъ нужду въ Философіи, чтобы не только хорошо мыслить, но и правильно дѣйствовать. Можно ли требовать, чтобъ всѣ желанія наши исполнялись и чтобъ другіе судили о насъ такъ, какъ мы о себѣ судимъ?

*

Слѣдующее письмо относится уже къ тому времени, когда Прокоповичъ-Антонскій доживалъ долгій вѣкъ свой въ деревнѣ подъ Троицкой Лаврой, а бывшій ученикъ его былъ наканунѣ назначенія директоромъ Педагогическаго Института. П. Б.

---

[30]) Перевощиковъ, извѣстный впослѣдствіи астрономъ. П. Б.

14.

Москва, 18 Іюля 1845 г.

Наконецъ, дражайшій мой благодѣтель, я возвратился изъ С.-Петербурга къ своимъ палатамъ благополучно и нашелъ всѣхъ своихъ, слава Богу, здоровыми и въ ожиданіи меня радостными. Чтожъ я дѣлалъ въ Сѣверной Пальмирѣ и съ какими впечатлѣніями возвратился домой, спросите вы?

Ни одна поѣздка не была столь пріятна и счастлива для меня, какъ нынѣшняя. Здѣсь я съ перваго дня пріѣзда моего и во все время у Сергѣя Семеновича [31]), какъ въ раю. Гостепріимство и радушіе добраго и просвѣщеннаго хозяина безпримѣрны и невыразимы. Не смотря на горестное стеченіе обстоятельствъ, по случаю кончины брата его, онъ обдумывалъ каждый день, какъ бы намъ провести его съ наибольшимъ удовольствіемъ. Удивительное благодушіе, удивительная доброта сердца!

Главною цѣлью поѣздки моей съ професс. Армфельдомъ и Брашманомъ была учебная часть Института. Къ счастью нашему, за отсутствіемъ принца Ольденбургскаго, въ главномъ Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы предсѣдательствовалъ Сергѣй Семеновичъ; поэтому всѣ недоразумѣнія наши разрѣшены, предположенія одобрены и скоро, и успѣшно. Послѣ этого и въ учебномъ комитетѣ не встрѣтили мы никакихъ затрудненій, напротивъ, всѣми обласканы, всѣмъ обязаны признательностью.

Статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ показалъ мнѣ особенное свое вниманіе и въ письмѣ своемъ къ князю Сергію Михайловичу [32]) отозвался съ величайшей обо мнѣ похвалою. Въ бытность мою въ Петербургѣ получено министромъ представленіе попечителя [33]) объ извѣстномъ вамъ моемъ дѣлѣ. Министръ немедленно утвердилъ меня въ званіи заслуженнаго профессора, съ пенсіею шести тысячъ рублей сверхъ жалованья, и, вообразите, вмѣсто полуторогодичнаго срока, до окончанія втораго пятилѣтія въ будущемъ году, разрѣшилъ оставаться еще на пять лѣтъ. Я спрашивалъ директора департамента о причинѣ такого долговременнаго застрахованія меня, вопреки моему желанію, и мнѣ сказано было, что обыкновенно министръ утверждаетъ, на осно-

[31]) Уварова, министра народнаго просвѣщенія. П. Б.
[32]) Голицыну, въ Москву. П. Б.
[33]) Графа С. Г. Строганова. П. Б.

ваніи Устава, на пятилѣтія; а отъ васъ-де зависитъ воспользоваться этимъ вполнѣ или сколько заблагоразсудится. Но изъ этого утвержденія, въ которомъ я не принималъ никакого участія, вышло было самое непріятное послѣдствіе. Попечитель протестовалъ противъ этого рѣшенія, несогласнаго съ его представленіемъ, и полагалъ меня участникомъ въ этомъ дѣлѣ. Министръ, желая оправдать меня, съ благороднѣйшею кротостью отвѣчалъ, что я и не думалъ оставаться долѣе окончанія втораго полугодія, а пятилѣтія составляютъ только обычную мѣру учебнаго служенія, и предоставилъ попечителю, по окончаніи втораго пятилѣтія, войти съ особымъ представленіемъ. Между тѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ стараться дать мнѣ другое назначеніе. Уже вслѣдствіе этой переписки, попечитель принялъ меня очень благосклонно. Всѣ старинные мои товарищи, воспитанники, ученики радовали меня дружескимъ своимъ вниманіемъ и пріязнью: ежедневно бывали у меня, приглашали на обѣды; но я не могъ воспользоваться радушнымъ ихъ гостепріимствомъ, находясь всегда при своемъ хозяинѣ-начальникѣ. Андрей Аѳанасьевичъ Никитинъ принялъ меня, какъ брата; Дмитрій Михайловичъ, Гавріилъ Степановичъ, Ап. Павл. Величко, Ал. Ив. Войцеховичъ, Алекс. Гавр. Политковскій обошлись со мною, какъ съ ближайшимъ роднымъ. Дмитрій Михайловичъ и Гавріилъ Степановичъ провожали меня.

И такъ я посмотрѣлъ на людей и себя показалъ; увидѣлъ, что горшки не боги же обжигаютъ. Возвратился подъ мирный кровъ свой до конца будущаго года; а тамъ, что̀ Богу будетъ угодно, то и будетъ. Да будетъ Его святая воля, какъ и было доселѣ!

ВУРДАЛАКЪ.

Вы конечно прочли прекрасный разсказъ графа А. К. Толстаго «Вурдалакъ, Славянскій вампиръ». Ни одно изъ множества описаній, сказокъ, романовъ и т. п. о вампирахъ у всѣхъ народовъ, сколько приходилось мнѣ читать, не производило на меня такого яркаго и цѣльнаго впечатлѣнія по мысли. Можетъ быть, и самъ авторъ не думалъ, что мастерской разсказъ его сдѣлается такой рельефной, картинной легендою, истинный смыслъ когорой теперь лишь доступенъ объясненію и притомъ однимъ словомъ — *чахотка.*

Я сказалъ лишь теперь, потому что очень недавно доказана возможность зараженія чахоткою.

Конечно, для каждой, болѣе общей и сильно удручающей народъ болѣзни найдутся свои легендарныя картинки. У всѣхъ народовъ они будутъ схожи или даже прямо заимствованы, что̀ даетъ право врачу прослѣдить топографію и отчасти исторію той или другой болѣзни. Не знаю, существуютъ ли у другихъ народовъ собранія и объясненія этихъ легендъ; у насъ же, кажется, кромѣ попытокъ Даля, нѣтъ ничего подобнаго.

Вглядитесь въ типъ Вурдалака, мѣтко обрисованный въ Толстовской элегіи чахотки. Появясь въ семьѣ, онъ какъ бы выбираетъ своею жертвою именно того, кто наиболѣе изъ семьи къ нему расположенъ, и при томъ всегда младшаго себя, слабѣйшаго силами и наичаще другаго пола (обратно лишь дѣти къ матери и супруги). При первыхъ, такъ сказать, сеансахъ вампиризма жертва ничего кромѣ слабости и потери силъ не чувствуетъ и вообще какъ будто неособенно страдаетъ и въ послѣдствіи, но потомъ разомъ умираетъ и обязательно становится такимъ же вампиромъ для другаго члена своей семьи и непремѣнно съ той же подкладкой излюбленности болѣе ему симпатичнаго

родственника. И если не принято радикальныхъ мѣръ (осиновый колъ въ повѣсти Толстаго, какъ и у всѣхъ Славянъ), то семья неминуемо изгибнетъ до послѣдняго. И замѣтьте, лишь старѣйшіе, т.-е. разумнѣйшіе подозрѣваютъ опасность; жертвы же никогда не считаютъ себя въ опасности, довѣрчиво относясь къ вампиру (оборотню по-русски).

Если вамъ случалось знать нѣсколько чахоточныхъ семей въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ, припомните ихъ, и вы получите всѣ эти признаки отъ A до Z, съ самой незначительной перестановкой разсказаннаго въ легендѣ.

Давно уже признана въ народѣ наслѣдственность чахотки. Такимъ образомъ членъ старшаго поколѣнія не по смерти, какъ въ легендѣ, а при жизнѣ и часто не нося еще ясно-видимыхъ признаковъ болѣзни, и потому съ полнымъ сознаніемъ безопасности, намѣчаетъ излюбленнаго члена младшаго поколѣнія, почти всегда другаго пола, и чаще приходя съ нимъ въ соприкосновеніе на основаніи взаимной симпатіи а во время болѣзни пользуясь услугами этого избранника преимущественно предъ прочими, становится такимъ образомъ вампиромъ, словно высасывая, какъ вурдалакъ, непримѣтно, силы намѣченной жертвы, безпрекословно переносящей всѣ утомительные капризы больнаго, на основаніи исключительной любви и жалости къ нему. Наконецъ, постепенное озлобленіе выразится рѣзко кашлемъ, кровохарканіемъ, и въ два - три мѣсяца человѣка не станетъ. Но и въ такой промежутокъ эта жертва старшаго поколѣнія успѣваетъ излюбить и, такъ сказать, обречь себѣ новую жертву изъ остальной семьи, становясь такимъ образомъ сама вурдалакомъ легенды. И такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока семья не выродится.

Мы знаемъ, что чахотка болѣзнь по преимуществу городская, гдѣ слѣдовательно обособленія родовъ менѣе, и скрещиванія необходимо бываютъ чаще. Вотъ главный факторъ вырожденія.

И для чахотки, какъ для оборотней, существуетъ свой осиновый колъ—немедленное удаленіе больнаго изъ семьи, не щадящее больнаго, чтобы сохранить остальныхъ членовъ, такъ какъ больной никогда, а часто и излюбленная имъ жертва, не подозрѣваютъ, не сознаютъ и не вѣрятъ даже ни въ опасность, ни въ скорую смерть. Наоборотъ, какъ всѣми замѣчено, чахоточные, близкіе къ смерти, полные надеждъ, усиливаютъ свои сборы куда-то ѣхать, что-то довершить. И это средство—немедленное удаленіе въ теплые края—есть единственное вѣрное средство исцѣленія.

Не разъ мнѣ приходилось все это провѣрять, какъ въ семьяхъ чахоточныхъ, такъ и на отдѣльныхъ больныхъ, еще въ послѣднюю мою поѣздку въ Меранъ, гдѣ случилось видѣть почти одновременную смерть трехъ чахоточныхъ: Русскаго, Нѣмца и Француза (о чемъ когда-нибудь разскажу).

Теперь припомню семью извѣстнаго у насъ въ Воронежѣ врача сороковыхъ годовъ, Ивана Андрѣевича Малышева. Не знаю точно, умерла ли мать этого семейства, жена Малышева, отъ чахотки; но въ роду ея были несомнѣнно такія смерти. Затѣмъ почти на моей памяти четверо изъ дѣтей ихъ, послѣдовательно братъ за сестрой и обратно, какъ бы намѣчали одинъ другаго и умирали отъ чахотки. Послѣднихъ двухъ я видѣлъ даже, какъ врачъ, еще смутно вѣровавшій въ заразительность чахотки (чему учили тогда еще немногіе корифеи науки). Особенно поражало тогда это грустное убѣжденіе семьи, что намѣченный больнымъ не избѣжитъ своей участи.

И тутъ былъ свой осиновый колъ: другія дѣти этой семьи остались живы, благодаря тому, что воспитывались въ чужихъ людяхъ, а не въ Воронежѣ.

Левъ Ѳ. Змѣевъ.

ДВУХСОТЛѢТІЕ РУССКАГО СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА И КОМЕДІЙНОЙ МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ.

Немногимъ изъ Москвичей извѣстно, что 16 Іюня 1873 года исполнилось ровно 200 лѣтъ съ того дня, когда для обученія «комедійныхъ дѣйствъ» (устроенныхъ любимцемъ царя Алексѣя Михайловича окольничимъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ и исправляемыхъ первоначально въ его домѣ, его дворовыми людьми, подъ руководствомъ выписанныхъ имъ же Нѣмцевъ) образовалась, по волѣ царя, въ Ново-Нѣмецкой слободѣ постоянная школа «ко исправленію комедій», подъ руководствомъ магистра *Ягана Годфрида* съ товарищи, изъ которыхъ по именамъ извѣстны лишь игрецъ (актеръ) Тимоѳей Гасенкрухъ, перспективнаго письма мастеръ Петръ Инглесъ, да органистъ Симонъ.

Въ науку, къ магистру Ягану, по царскому указу и по выбору А. С. Матвѣева, 16 Іюня 1673 г., поступило изъ Мѣщанской слободы 26 человѣкъ, которымъ велѣно давать «съ того числа, какъ почали они быть въ ученьи у магистра Ягана и впредь покамѣстъ въ ученьи будутъ, по 4 деньги на день». «И по тому великаго государя указу *) его великаго государя жалованья поденнаго корму комедіантомъ 26 человѣкомъ дано Іюня съ 16 числа 181 г. Сентября по 1 число 182 г. по 4 деньги человѣку на день, итого 34 рубля, 10 алтынъ, 4 деньги».

Затѣмъ поставленъ вопросъ: «Сентября съ 1 числа нынѣшняго 182 (Генварскаго 1673 г.), тѣмъ комедіантомъ поденной кормъ давать ли, и о томъ великій государь какъ укажетъ?» На это послѣдовалъ отвѣтъ благопріятный для новоустроенной школы, то-есть обезпечивающій ея существованіе и на 1674 годъ, какъ видно изъ нижеслѣдующей отмѣтки: «182 году Октября въ 10 день (Генварскаго 1673 года), по указу ве-

---

*) См. записной расходный столбецъ Галицкой чети на 182 годъ, во Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. 24.

ликаго государя, давать имъ его великаго государя жалованья поденнаго корму съ сего числа на день по 4 деньги съ свидѣтельствомъ». На оборотѣ росписка магистра Ягана Годфрида.

Какимъ же «комедійнымъ дѣйствамъ» обучались въ этой новозаведенной въ 1673 году театральной Московской школѣ? Содержаніе піесъ бралось изъ Св. Писанія, сочинялъ же ихъ обыкновенно извѣстный ученый инокъ того времени Симеонъ Полоцкій. Одна изъ статей вышеупомянутаго Галицкой чети записнаго столбца сообщаетъ намъ, что въ Октябрѣ того же 1673 года въ дворцовой «комедійной палатѣ» готовилось представленіе въ лицахъ «Исторіи праведнаго Товіи», для чего, по указу царя Алексѣя Михайловича, окольничій Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ дать магистру Ягану Годфриду «ко исправленію комедіи на платье Ангеловъ и на молодаго Товію и на одѣяніе его съ путешественникомъ» изъ приказу Галицкой чети 30 рублевъ съ роспиской, а въ приложенной роспискѣ значится: «182 г. Октября въ 7 день магистръ Яганъ Годфридъ на строенье комедіи изъ приказу Галицкой чети 30 рублевъ взялъ». Тотъ же записной столбецъ свидѣтельствуетъ, что комедійныя дѣйства усердно продолжались и въ 1674 году. Такъ изъ одной записи сего года узнаёмъ и самое мѣсто, гдѣ именно находилась придворная комедійная палата, въ которой устраивались сценическія представленія, а равно и то, что такія палаты были и въ загородномъ государевомъ селѣ Преображенскомъ.

«24 Февраля 1674 г., по указу великаго государя, окольничій Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ: *изъ палатъ, что̀ построены надъ аптекою для комедійнаго дѣйствія*, рамы и ковры и сукна и столы и всякой нарядъ и органы перевезти для комедійнаго жъ дѣйства *въ село Преображенское въ комедійныя хоромы*, на скоро наемныхъ подводахъ. Подъ *весь нарядъ, для комедійнаго дѣла* потребовалось 18 подводъ, и за каждую плачено по 2 алтына, по 4 деньги, всего одинъ рубль 14 алтынъ, 4 деньги. Того же числа посылали изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по Симона органиста и по его учениковъ, да въ Ново-нѣмецкую Слободу по игрецовъ по Тимоѳея Гасенкруха съ товарищи, да по музыкантовъ; дано извощикамъ же, на 8 подводъ, 13 алтынъ, 2 деньги. Да въ село же Преображенское въ комедійныя хоромы комедійному мастеру купленъ на Москвѣ рѣкѣ на льду столъ дубовый, дано 6 алтынъ, 4 деньги. Изъ другихъ источниковъ *) узнаёмъ, что въ тотъ разъ была въ селѣ Преображенскомъ комедія, тѣ-

*) Приказныя дѣла Москов. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, годъ 1674.

шили иноземцы, какъ Іудиѳь отсѣкла голову царю Олоферну, и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые А. С. Матвѣева. Другая комедія была дана въ присутствіи царицы, царевичей и царевенъ: тѣшили Нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ наказалъ гордаго Амана. На заговѣнье тоже была потѣха: Нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіоляхъ и страментахъ и танцовали.

Комедійныя дѣйства въ Преображенскомъ въ 1674 году покончились съ началомъ великаго поста: «27 Февраля (читаемъ въ запасномъ расходномъ столбцѣ сего года) изъ села Преображенскаго изъ комедійныхъ хоромъ рамы, ковры и сукна, и всякіе наряды и органы перевезены къ Москвѣ въ палаты, что̀ надъ аптекою для комедійнаго же дѣйства, дано провозу извощикомъ на 16 подводъ по 2 алтына, по 4 деньги на подводу, а всего рубль, 10 алтынъ».

Дальнѣйшая судьба Московской придворной комедійной школы намъ неизвѣстна; но весьма вѣроятно, что со смертію Матвѣева эта затѣя его покончилась, не найдя поддержки ни въ комъ изъ окружавшихъ преемника Алексѣя Михаиловича, царя Ѳеодора Алексѣевича, который чуждался всякихъ потѣхъ и увеселеній, по свойству своего глубоко-набожнаго, но необщительнаго характера.

Звенигородецъ.

ПО ПОВОДУ БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О ЛЕРМОНТОВѢ.

На дняхъ случайно попался мнѣ № 8 Іюня 1885 «Всемірной Иллюстраціи», гдѣ я невольно обратила вниманіе на рисунокъ моего дома и крайне удивилась подписи: «домъ гдѣ жилъ Лермонтовъ», картина Г. П. Кондратенка. Разумѣется, я съ большимъ любопытствомъ прочла и свѣдѣнія о Лермонтовѣ, собранныя имъ же въ г. Пятигорскѣ; но считаю долгомъ возстановить вѣрность фактовъ.

Г. Кондратенко заходилъ къ намъ разъ и распрашивалъ о Лермонтовѣ. У меня были тогда гости, и дочь моя передала ему вкратцѣ все, что она въ разное время слышала отъ меня.

Лермонтовъ жилъ въ домѣ Челяева, гдѣ и прибита мраморная доска, присланная изъ Кіева его почитателями. Что же касается до семейства нашего, то не могу не удивляться, почему, желая написать что-либо о Лермонтовѣ, распространяются гораздо болѣе о нашей семьѣ, да еще такъ невѣрно и съ такими подробностями, которыя нисколько не могутъ быть занимательны для читателей, какъ напримѣръ: на чьи деньги купленъ домъ, сколько кому лѣтъ. Чтобы вѣрнѣе это знать, слѣдовало г-ну Кондратенкѣ справиться въ метрическихъ книгахъ.

Во время пребыванія Лермонтова въ Пятигорскѣ въ 1841 году сестра моя Аграѳена Петровна была невѣстой В. Н. Дикова, за котораго и вышла замужъ, а потому ни малѣйшаго вниманія не обращала ни на кого. Ни Лермонтовъ, ни Мартыновъ не выказывали къ ней *никакого влеченія*. Я нахожу, что со стороны г. Кондратенка печатать подобныя вещи слишкомъ смѣло. Безъ сомнѣнія, очень интересна картинка, изображающая Лермонтова, лежащаго на диванѣ и дѣвушку, плачущую

надъ тѣломъ убитаго поэта! Но Лермонтовъ лежалъ просто на кровати, и никакой женщины тутъ не было *).

Почти полвѣка прошло со дня кончины Лермонтова, а ярые поклонники и поклонницы его поэтическаго генія, чтобы заинтересовать читающую публику, но большею частію изъ желанія видѣть свое имя въ печати, собираютъ и публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе самомалѣйшія, вовсе даже неинтересныя мелочи его частной жизни. Выкапывая, гдѣ только возможно, всякія вздорныя, а иногда и небывалыя подробности, касающіяся до него, прибавляя часто къ этому свои предположенія и догадки, они только затемняютъ личность человѣка, который, помимо своего поэтическаго необыкновеннаго дара, обладалъ также и достоинствами и недостатками всякаго молодаго смертнаго.

За что же терзать память его, то придавая ему что-то сатанинское, то низвергая до уровня самого дурнаго изъ людей?

Если всѣ біографіи пишутся такъ справедливо, то пожалѣешь искренно собирателей историческихъ данныхъ, которые впадаютъ въ грубыя ошибки, выслушивая разскащиковъ, Богъ знаетъ для чего городящихъ чепуху.

Эмилія Шанъ-Гирей.

*) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года (II, 315) Воспоминанія Эмиліи Александровны Шанъ-Гирей о Лермонтовѣ и о предсмертномъ его поединкѣ. П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

«Чѣмъ люди живы» я давно читала и, помню, эта книжечка, которой такъ восхищаются, мнѣ не понравилась, можетъ быть потому, что Глафира *), пріѣхавши изъ Кіева, разсказала мнѣ эту легенду совсѣмъ иначе. Она ее своимъ изящнымъ карандашемъ прелестно иллюстрировала. Вотъ суть этой легенды.

Молодая женщина проходила лѣсомъ, и настало время ей родить. Она родила двухъ близнятокъ, и Ангелу было велѣно взять душу у матери. Этотъ приговоръ на нѣсколько минутъ показался ему такимъ жестокимъ, что онъ не мгновенно исполнилъ волю Всевышняго; за это онъ былъ лишенъ крыльевъ и долженъ былъ остаться на землѣ. Онъ пошелъ въ монастырь и былъ примѣрнымъ послушникомъ. Никто не видалъ на его устахъ даже улыбки. Онъ трудолюбиво и примѣрно исполнялъ свои обязанности. Легенда не говоритъ ничего о матери и младенцахъ.

Прошло много лѣтъ; наконецъ, подъѣзжаетъ къ церкви монастыря, гдѣ жилъ изгнанный на время Ангелъ, свадебный поѣздъ, и въ церкву входятъ молодыя пары, чтобы вѣнчаться. Ангелъ радостно улыбнулся, узнавъ по небесному внушенію въ двухъ юныхъ невѣстахъ тѣхъ самыхъ младенцевъ, которые остались при рожденіи въ лѣсу. Кто ихъ призрѣлъ, не сказано.

Вся братья такъ была изумлена улыбкою послушника, что настоятель монастыря потребовалъ его къ себѣ и сталъ его допрашивать. Тогда небесный изгнанникъ разсказалъ, кто онъ и почему онъ

---

*) Родственница Гоголя, Глафира Ивановна Дунина-Борковская, ур. Псіолъ (род. 24 Октября 1823 † 26 Апрѣля 1886), съ ранняго своего дѣтства и до кончины прожила у княжны Варвары Николаевны Репниной, бывъ сначала ея потомицей, а потомъ неизмѣнною подругою и украшеніемъ ея прекраснаго жизненнаго пути. Люди знавшіе Глафиру Ивановну не могутъ позабыть ея умнаго и свѣтлаго изящества, соединеннаго съ необыкновенною даровитостью. П. Б.

находится на земле. Когда братія узнала это, она просила его спѣть какъ поютъ на небесахъ. Онъ сказалъ: Не знаю, вынесите ли вы небеснаго пѣнія, но однако согласился и звучно запѣлъ: святъ, святъ, святъ! И по мѣрѣ, какъ онъ пѣлъ, онъ подымался съ земли, куполъ церкви раскрылся, и небожитель возвратился на небо.

Согласитесь, что эта легенда гораздо симпатичнѣе чѣмъ та, которую написалъ Толстой. Это тривіальное занятіе, точать сапоги очень не къ лицу Ангелу.

Княжна Варвара Репнина.

Добавка къ стр. 501-й.

Анна Өедоровна Аксакова родилась 21 Апрѣля 1829 г. въ городѣ Мюнхенѣ, въ улицѣ Отто, въ д. подъ № 248. Такъ значится въ метрическомъ свидѣтельствѣ о ея рожденіи. Воспріемниками новорожденной отъ купели были: гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Ивановичъ Тютчевъ (дядя по отцу) и жена надворнаго совѣтника Екатерина Львовна Тютчева (бабушка). Воспитывалась А. Ө. Аксакова въ Мюнхенѣ, въ Institut Royal и, будучи къ 3-мъ классѣ, 23 Августа (н. ст.) 1845 г. получила въ награду за успѣхи въ изученіи исторіи Германіи книгу: Der Geist des Christenthums (въ 2-хъ частяхъ). И. Т.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ

1889 года*).

*) Русскій Архивъ 1889 года составляетъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Римская цифра Указателя означаетъ книгу, Арабская—страницу. Курсивныя цифры относятся къ Дневнику графа Граббе, который печатался съ отдѣльною пагинаціей. П. Б.

*

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.
(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей.** Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный 90 к.; иногороднаго на городской 50 к. (по цѣнамъ Почтамта).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**